

СООТНОШЕНИЕ РЕЦЕПЦИИ ПРАВА И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ THE CORRELATION OF RECEPTION OF LAW AND CONTINUITY IN LAW

ГУБАЙДУЛЛИН Айдар Рушанович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: aydar8118@gmail.com;

GUBAIDULLIN Aidar Rushanovich,

candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of the Department of theory and history of state and law, Faculty of law,
Kazan (Volga region) Federal University.
420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya St., 18.
E-mail: aydar8118@gmail.com

Краткая аннотация: Автор рассматривает понятие и признаки рецепции права и преемственности в праве. Обе категории также сопоставляются со смежными понятиями. Среди них выделяются правовая аккультурация, правовая экспансия, правовая реставрация. Рецепция права и преемственность в праве рассматриваются с точки зрения их соотношения во времени и в пространстве. Автор приходит к выводу том, что рецепция права представляет собой особую разновидность преемственности в праве.

Abstract: The author examines the concept and characteristics of reception of law and continuity in law. Both categories are also compared with related concepts. Legal acculturation, legal expansion, and legal restoration stand out among them. Reception of law and continuity in law are considered from the point of view of their relationship in time and space. The author concludes that the reception of law represents a special type of continuity in law.

Ключевые слова: рецепция права, преемственность в праве, правовое развитие, правовая традиция, правовая аккультурация.

Keywords: reception of law, continuity in law, legal development, legal tradition, legal acculturation.

Для цитирования: Губайдуллин А.Р. Соотношение рецепции права и преемственности в праве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 9-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_9.

For citation: Gubaidullin A.R. The correlation of reception of law and continuity in law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 9-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_9.

Статья поступила в редакцию: 26.10.2025

Пожалуй, если спросить любого человека, изучавшего юриспруденцию о термине «рецепция», то в большинстве случаев он прозвучит применительно к восприятию римского права. И это вполне объяснимо, поскольку данное понятие рассматривается в правоведении преимущественно в таком контексте.

Однако несомненно, что у этой категории более широкий потенциал для ее применения.

Во-первых, она также используется за пределами юриспруденции, в частности, в философских, филологических, исторических науках. Здесь стоит согласиться с мнением Е.А. Чиглинцева о том, что «в теории культуры понятие рецепции присутствует во всем полидисциплинарном пространстве гуманитарного знания последних десятилетий» [1, с.15].

Во-вторых, даже в историческом смысле нельзя все сводить к римскому праву, поскольку существуют примеры использования рассматриваемого термина применительно к развитию более поздних систем права. Например, рецепция права проявилась в рамках эволюции общего права при восприятии английского права британскими колониями в Северной Америке [2, с.151].

Преемственность в праве получила не меньшее распространение и является устоявшимся понятием юридической науки. Вместе с тем она обладает отдельными параметрами, характерными и для рецепции права. В частности, в обоих случаях мы говорим о восприятии и переработке правовой материи. Как следствие в науке предпринимаются попытки разграничить данные категории, и в итоге некоторые авторы сужают понятие преемственности в праве, сводя его к внутреннему правовому опыту страны [3, с.16].

Помимо этого, существуют и иные смежные термины. Среди них стоит выделить правовую аккультурацию, правовую экспансию, правовую трансплантацию, правовую реставрацию и т.д. Необходимо разграничивать их использование, в противном случае неизбежны ошибки и неточности.

Таким образом, активное употребление категорий «рецепция права» и «преемственность в праве» в различных научных дискурсах порождает определенные сложности и противоречия. Это обусловлено различными подходами к их пониманию, а также наличием смежных понятий, активно развивающихся в современных юридических науках.

В данном исследовании предпринята попытка определения соотношения рецепции права и преемственности в праве. Помимо того, что категориальный аппарат современных юридических наук содержит различные подходы к трактовке данных понятий, накоплен обширный материал, позволяющий увидеть особенности проявления процессов рецепции права и преемственности в праве. Вследствие этого необходимо учитывать гносеологический и онтологический уровни их существования.

Поэтому для реализации данной цели мы ставим следующие задачи: определение понятий «рецепция права» и «преемственность в праве», сопоставление их признаков; сравнение рассматриваемых категорий со смежными дефинициями; раскрытие отдельных особенностей соотношения данных явлений во времени и в пространстве.

Далее необходимо обратиться к общему пониманию термина «рецепция права».

Своеобразный парадокс здесь заключается в том, что рецепция права давно известна юридической науке, однако сложность правовой материи, разнообразие теоретико-методологических подходов привели к отсутствию требуемой четкости в ее понимании.

Например, В.А. Рыбаков отмечает, что «разночтения появляются уже в самом определении рецепции права», понимаемой как восстановление старого правового материала, восприятие элементов правовой культуры другой страны, ассимиляция чужих культурных моделей, заимствование содержания и некоторых форм из правовых систем других стран или из их прошлого опыта [4, с.6].

По существу здесь перечислены ключевые точки зрения по данному вопросу и столь широкий спектр свидетельствует о неоднозначности понимания рассматриваемого явления, позволяя в ряде случаев отождествить его не только с преемственностью в праве, но и с правовой аккультурацией, правовой ассимиляцией, а также иными аналогичными процессами.

Вновь обращаясь к мнению В.А. Рыбакова, стоит отметить его позицию, согласно которой «рецепция права – это использование правового материала зарубежных стран в регулировании внутригосударственных отношений» [3, с.17].

Стоит согласиться с тем, что рецепция права связана с зарубежными правовыми порядками, однако сразу же возникает вопрос о том, что понимать под правовым материалом. Необходимо ли вести речь только о нормах права или же это и иные правовые явления (например, судебная практика)? Думается, что рецепция права обуславливается восприятием именно правовых норм, присутствующих в различных источниках права.

Можно и дальше приводить различные дефиниции рассматриваемого понятия, но очевидно, что его конкретизация возможна за счет обращения к признакам рецепции права.

Во-первых, данные процессы носят внешний характер с точки зрения пространственного расположения донора по отношению к реципиенту. Это очевидная характерная черта, отмечаемая во многих как общих, так и сугубо юридических определениях требует дополнительные пояснения.

Один из главных вопросов заключается в том, что считать в данном случае внешним характером. Казалось бы, ответ очевиден – восприятие правового опыта из другой правовой системы. Но дело в том, что существуют государства, обладающие сложной формой государственного устройства. Среди них можно отметить Великобританию, в рамках которой существует определенная автономия Шотландии, США, являющиеся децентрализованной федерацией и т.д. Стоит ли говорить о рецепции права в данном случае? Думается, что ответ зависит от конкретных исторических особенностей эволюции отдельно взятого государства. Например, Шотландия была независимым государством в эпоху Средневековья и даже сейчас можно говорить об определенной самостоятельности данной правовой системы [5, с.130]. А США представляют собой децентрализованную федерацию. Таким образом, в обоих случаях налицо ситуация, когда в рамках одного государства существуют различные правовые системы, что в свою очередь позволяет рассуждать о внешнем характере восприятия правового опыта в пределах отдельно взятой страны.

В данном случае стоит сделать еще один вывод. Рецепция права задействована в правовой эволюции, она формирует основу для последующей преемственности в праве. Шотландское право в рамках Великобритании, восприняв до этого элементы общего права, развивалось хоть и под влиянием английской правовой системы, но все же достаточно автономно. Поэтому рецепция права в отличие от преемственности в праве носит более темпоральный характер и рано или поздно первый из указанных процессов сменяется вторым.

Во-вторых, стоит учитывать характеристики объектов процессов рецепции права, под которыми понимается воспринимаемая реципиентом часть правовой материи донора. Здесь также существует некоторые особенности.

Например, говоря о рецепции права в контексте системы права, не стоит сводить ее лишь к пределам развития частного права, очевидно, что данные связи существуют и в эволюции публично-правовой материи.

Стоит согласиться и с тем, что спорно говорить о рецепции «духа права», подразумевающей восприятие элементов правовой культуры [6, с.56]. На наш взгляд, правовые ценности могут быть реципированы опосредованно в составе воспринимаемых правовых норм.

Преемственность в праве также связана с восприятием системы права и ее источников, но в отличие от рецепции права она может выходить на уровень правовой системы в целом, приобретая при этом качество правопреемственности.

В-третьих, необходимо обратить внимание на характер процессов рецепции права. Как отмечает Л.В. Сокольская, рецепция права «имеет добровольный, односторонний характер; инициатором выступает социум-реципиент в лице политической (правлящей) элиты, она обеспечивается государственной волей» [7, с.1583]. В этом плане она отличается от преемственности в праве, прежде всего от одной из ее разновидностей – правовой ассимиляции. Для последней характерна принудительность.

Далее следует обратиться к определению преемственности в праве и выделению ее признаков. Ее стоит рассматривать как «связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления», при этом «суть этой связи состоит в сохранении определенных элементов или сторон права» [8, с.10]. Это классическая дефиниция, на основе которой можно выделить признаки преемственности в праве.

Во-первых, для преемственности в праве характерна непрерывность [9, с.3]. Благодаря этому признаку она отличается от повторяемости, носит постоянный характер и позволяет говорить о связи разных этапов развития. Если учесть временный характер рецепции права, то в контексте рассматриваемой темы непрерывность подразумевает ее встраивание в постоянные процессы преемственности в праве.

Во-вторых, речь стоит вести о таком свойстве как универсальность [10, с.100]. Оно показывает нам, что преемственность присутствует в развитии позитивного права в целом. Более того, стоит выделять ее наличие в эволюции иных правовых явлений. Благодаря этому можно гово-

речь о преемственности в развитии правосознания, правовой доктрины, юридической практики и т.д. На уровне правовой системы в целом существует правопреемственность.

Универсальность преемственности позволяет говорить о ее наличии в разных плоскостях эволюции позитивного права. Преемственные связи проявляются в развитии принципов, внутренней и внешней формы, содержания права. Помимо этого, они могут присутствовать в использовании своего прошлого или современного зарубежного правового опыта. Поэтому выделение вертикальности как признака преемственности [9, с.3] вызывает определенные возражения поскольку предполагает противоречие с ее универсальностью. Преемственность порой носит горизонтальный характер.

Это свойство позволяет говорить о соотношении преемственности в праве и рецепции права как целого и его части.

Во-третьих, преемственные связи носят объективный характер [10, с.99-100]. Это классическое свойство, базирующееся на диалектике, и оно означает, что эти связи в целом не зависят от воли людей, но они подчиняются соотношению объективного и субъективного. Аналогичная картина возникает и применительно к рецепции права. Она имеет место в силу объективной необходимости, но при этом подчиняется воле государства или лиц, которые им управляют.

Помимо этих признаков можно отметить связь преемственности в праве с правовым прогрессом и правовым регрессом, сущностью права [10, с.100-102].

Далее необходимо сопоставить рецепцию права и преемственность в праве со смежными правовыми категориями. Мы рассмотрим правовую аккультурацию, правовую экспансию, правовую реставрацию.

Во-первых, обратимся к соотношению заявленных категорий с правовой аккультурацией.

Достаточно широко к пониманию правовой аккультурации подходит Л.В. Сокольская. По ее мнению, рассматриваемое явление – «это продолжительный контакт правовых культур», который приводит к «изменению первоначальных структур культуры контактируемых социумов, формированию единого правового пространства и общей правовой культуры», при этом его формами являются «рецепция, экспансия, ассимиляция, интеграция и конвергенция» [11, с.1333].

В этом определении описывается взаимное правовое воздействие, что на первый взгляд противоречит сущности рецепции права, поскольку этот процесс, в котором присутствуют донор и реципиент, явно носит односторонний характер. Думается, что здесь отметить следующее.

Во-первых, правовую аккультурацию можно представить как совокупность отдельных правовых процессов, некоторые из которых вполне допустимо рассматривать в качестве проявления рецепции права.

Во-вторых, правовая аккультурация может создавать предпосылки для будущей рецепции права. Это суждение справедливо и в отношении преемственности в праве. При этом последняя, обладая универсальностью, присутствует в процессах аккультурации.

Далее необходимо сопоставить рецепцию права и преемственность в праве с правовой экспансией, которую можно понимать как процесс и результат навязывания своей правовой материи [12, с.8]. Если для рецепции права характерна добровольность, то правовой экспансии присуща принудительность.

Так можно ли тогда вообще их сопоставлять? Думается, что да.

С одной стороны, оба процесса роднит то, что они являются проявлениями преемственности в праве. С другой стороны, правовая экспансия выступает в роли результата общих насильственных процессов, проходящих в обществе. Это может быть завоевание, колонизация и т.д. И в ходе этих событий вполне могут сформироваться условия, являющиеся основой для последующего сближения правовых систем. Таким образом, создаются предпосылки для будущей рецепции права. Не секрет, что бывшие колонии часто воспринимали право бывших метрополий [13, с.279].

Таким образом, правовая экспансия может в ряде случаев переходить в правовую рецепцию, при этом оба процесса являются проявлениями преемственности в праве.

Продолжим сопоставление рецепции права и смежных понятий. В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой рецепции противостоит реставрация, суть которой состоит в последующем отказе от тех ценностей и норм, которые до этого были установлены законодателем [6]. Получается, что реставрация представляет собой своеобразное возвращение к истокам.

Не вдаваясь в подробную дискуссию, выскажем свою точку зрения. Если отвлечься от ключевых политических, экономических и иных причин, то применительно к правовому пространству стоит отметить следующее. С одной стороны, реставрация права является проявлением преемственности в праве, выступая при этом антиподом рецепции права. При этом реставрация права имеет место после рецепции права.

С другой стороны, наступление реставрации права носит вероятностный характер, она может и не проявиться, поскольку интенсивность процессов реставрации обратно пропорциональна качеству рецепции. Чем более последняя соответствует требованиям реципирующего общества, тем меньше будет проявляться реставрация.

Далее необходимо раскрыть характерные черты соотношения рецепции права и преемственности в праве во времени и в пространстве. Теоретико-методологическая ценность первой категории заключается в том, что она позволяет увидеть наиболее значимые проявления второй, не подменяя ее в перечне научных терминов. Помимо этого, рецепция права сопоставляется с теми случаями преемственности в праве, которые ею не являются.

Стоит подчеркнуть некоторую условность предложенного деления на проявления рецепции права и преемственности в праве во времени и пространстве. Например, римское частное право спустя много столетий порой реципировалось далеко за пределами античного Рима. При

этом данные процессы стоит рассматривать именно в вертикальном или временном измерении. Что касается сопоставления в пространстве, то и оно отнюдь не предполагает одновременного сосуществования донора и реципиента. Отталкиваясь от этих положений, продолжим наше исследование.

Если говорить о соотношении данных явлений во времени то, то на ум сразу приходит рецепция римского частного права. При этом она обладает рядом особенностей.

Во-первых, если мы говорим о Западной Европе, это существенный временной промежуток с постклассического периода развития римского права (примерно IV–VI вв. н.э.) до эпохи глоссаторов в Западной Европе (XI–XIII вв.). Безусловно, также имела место византийская правовая традиция, но она была прежде всего в самой Восточной Римской империи. К тому же последняя существовала почти тысячу лет, на протяжении которых право претерпело значительные изменения.

Во-вторых, рецепция античной культуры явно выходила за пределы восприятия правовой материи и затрагивала самые разные сферы общественной жизни. Философия, искусство, элементы политической традиции и многое другое – все это становилось объектом внимания мыслителей в средневековой Западной Европе. Собственно данное обстоятельство также выступало катализатором процессов усвоения античной правовой материи. На фоне общего интереса к культуре Древней Греции и Древнего Рима право явно не могло остаться в стороне даже спустя не одну сотню лет после своего существования в античном мире.

Получается, что интерес к античной культуре в целом также в некоторой степени обуславливал рецепцию римского частного права, поскольку создавал определенное направление исследования той материи, которая была отделена от глоссаторов большим временным промежутком.

Отсюда следует достаточно интересное соотношение рецепции права и преемственности в праве. Обладая универсальностью, последняя существовала и до, и после рецепции права. И в этом смысле рецепция служила своеобразным мостиком, связывающим различные преемственные связи.

Далее необходимо соотнести рецепцию права и преемственность в праве в пространстве. Что же оно собой представляет? На наш взгляд, здесь возможны различные варианты.

Во-первых, рецепция права и преемственность в праве возможны рамках одной или нескольких очень близких друг другу правовых семей современности. Здесь можно вспомнить практически текстуальное воспроизведение гражданского кодекса Франции 1804 г. в гражданском кодексе Доминиканской Республики 1884г. [14, с.284]. Поскольку это относительно однородные правопорядки, восприятие правовых ценностей не вызывает конфликт с последующими процессами преемственности в праве. Рецепция права становится для них основой.

Во-вторых, рецепция права и преемственность в праве могут проявляться в правовых системах, относящихся к разным правовым семьям. Как правило, это хорошо заметно в развитии гибридных правовых систем, которые в силу разных причин (например, освобождение от колониальной зависимости или стремление ее избежать) хотя бы внешне подвергаются широкой вестернизации – восприятию правовых ценностей романо-германской и (или) англо-американской правовых семей. В качестве примера можно привести правовое развитие Японии после Реставрации Мэйдзи, реципировавшей западное частное право.

Рецепция права в этом случае может входить в противоречие с изначальными процессами преемственности в праве, поскольку происходит столкновение правовых ценностей. Оно обусловлено различиями культур донора и реципиента.

Таким образом, рецепция права проявляется в пространстве в силу нехватки исходного потенциала правовой системы для ответа на вновь появившиеся вызовы. Необходимы правовые ценности, которые уже сформировались в других правовых системах. Соотношение рецепции права и преемственности в праве зависит от того, насколько масштабный характер носят процессы восприятия чужеродной правовой материи.

Завершая исследование, подведем некоторые итоговые выводы.

Рецепция права носит добровольный, односторонний и внешний характер, а ее объектом является не только публично-правовая, но и частноправовая материя.

Преемственность в праве является более широкой категорией и характеризуется непрерывностью, универсальностью и объективностью. Она охватывает рецепцию права в качестве одного из своих проявлений.

Правовая аккультурация включает в себя процессы преемственности в праве и рецепции права, она также может выступать в качестве их предпосылки.

Правовая экспансия может порой преобразовываться в рецепцию права, при этом оба процесса являются проявлениями преемственности в праве.

Антиподом рецепции права в рамках преемственности в праве является правовая реставрация, которая может и не наступить в случае наличия качественных процессов восприятия права.

Рецепция права и преемственность в праве могут быть соотнесены во времени и в пространстве. В первом случае они образуют единую непрерывную связь. Во втором случае можно говорить об их взаимодействии в однородных и разнородных правовых пространствах.

Список литературы:

1. Чиглинец Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI вв. / изд. 2-е, перераб. и доп. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2015. 164 с.
2. Кокотов С.А. Проблема рецепции источников английского права в колониях Северной Америки в XVII–XVIII веках // Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2. С.151–156.
3. Рыбаков В.А. Рецепция и правотворчество // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С.16–23.

4. Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С.5–12.
5. Кожевников В.В. О правовой системе Шотландии // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 127–141.
6. Мутай И.М. Рецепция и реставрация в праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 5 (30). С. 53–64.
7. Сокольская Л.В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1581–1589.
8. Неновски Н. Преемственность в праве. М.: Юридическая литература, 1977. 168 с.
9. Щербик Д.В. Механизм преемственности в национальном праве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2008. 23 с.
10. Проблемы теории права и правореализации: учебник / Р. Г. Валиев, М. В. Воронин, Д. Н. Горшунов и др.; отв. ред. Л. Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.
11. Сокольская Л.В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7 (44). С.1333–1339
12. Тверякова Е.А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 190 с.
13. Кабриак Р. Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. 476 с.
14. Жидков О.А. Избранные труды / отв. ред. Г.И. Муромцев, Е.Н. Трикоз. М.: Норма, 2006. 608 с.

References:

1. Chiglintsev E.A. Reception of antiquity in the culture of the late XIX - early XXI cent. / 2nd ed. rev. and suppl. Kazan: Kazan publishing house. Univ., 2015. 164 p.
2. Kokotov S.A. The Problem of Reception of English Law Sources in the North American Colonies in the 17th–18th Cent. // Bulletin of Bryansk State University. 2013. No. 2. P. 151–156.
3. Rybakov V.A. Reception and law-making // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2012. No. 2 (31). P. 16–23.
4. Rybakov V.A. Reception of law: general theoretical aspect // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2007. No. 4 (13). P. 5–12.
5. Kozhevnikov V.V. About the legal system of Scotland. // Bulletin of Tomsk State University. Law. № 44. P. 127–141.
6. Mutai I.M. Reception and restoration in law // Journal of foreign legislation and comparative law. 2011. No. 5 (30). P. 53–64.
7. Sokolskaya L.V. Reception as a historical form of legal acculturation // Actual problems of Russian law. 2014. No. 8 (45). P. 1581–1589.
8. Nenovski N. Continuity in Law. M.: Legal Literature, 1977. 168 p.
9. Shcherbik D.V. The mechanism of continuity in national law: abstract of dis. ... Cand. of Leg. Sciences Minsk, 2008. 23 p.
10. Problems of the Theory of Law and Law Enforcement: textbook / R. G. Valiev, M. V. Voronin, D. N. Gorshunov, et al.; ed. L. T. Bakulina. M.: Statut, 2017. 384 p.
11. Sokolskaya L.V. Legal expansion as a historical form of legal acculturation // Actual problems of Russian law. 2014. No. 7 (44). P. 1333–1339
12. Tveryakova E.A. Legal expansion: theoretical and historical research: dis. ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 190 p.
13. Kabriyak R. Codifications / Translated from French by L.V. Golovko. M.: Statut, 2007. 476 p.
14. Zhidkov O.A. Selected Works / eds. G.I. Muromtsev, E.N. Trikoz. M.: Norma, 2006. 608 p.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО ЗАКОНА В ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ THE PROBLEM OF LEGAL LAWS IN THE THEORY OF MODERN LEGAL UNDERSTANDING

ФИНОГЕНТОВА Ольга Евгеньевна

доктор юридических наук, профессор ОНК «Институт управления и территориального развития»
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград
236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.
E-mail: finogentovaoe@mail.ru

FINOGENTOVA Olga Evgenievna,

Doctor of Law, Professor, Public Scientific Committee "Institute of Management and Territorial Development"
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
14 A. Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236041.
E-mail: finogentovaoe@mail.ru

Краткая аннотация: в статье проводится анализ проблемы содержания понятия «правовой» закон. Выявляются основные этапы развития и влияние различных правовых школ на его формирование. Объясняются причины необходимости современных исследований этой проблемы. Проводится критический анализ концепций противников разграничения права и закона. Выявляются существующие в современной теории права критерии понятия правового закона. Автором делается вывод о том, что правовой закон есть воплощение принципа формального равенства, и только он закрепляет в объективированном виде масштаб свободы индивида.

Abstract: This article analyzes the content of the concept of "legal" law. The main stages of development and the influence of various legal schools on its formation are identified. The reasons for the need for modern research on this issue are explained. A critical analysis of the concepts of opponents of the distinction between law and statute is provided. The criteria for the concept of legal law existing in modern legal theory are identified. The author concludes that legal law is the embodiment of the principle of formal equality, and only it enshrines in an objective form the scope of individual freedom.

Ключевые слова: закон, право, типы правопонимания, школа естественного права, правовой закон, позитивизм.

Keywords: law, right, types of legal understanding, natural law school, legal law, positivism.

Для цитирования: Финогентова О.Е. Проблема правового закона в теории современного правопонимания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 14-16. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_14.

For citation: Finogentova O.E. The problem of legal laws in the theory of modern legal understanding // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 14-16. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_14.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

Не подлежит обсуждению вопрос о том, что государство в своем произволе должно быть ограничено правом, поскольку только в этом случае мы можем говорить о возможности формирования правового государства.

Поскольку право на жизнь имманентно присуще индивиду, он имеет его всилу своего рождения, а значит государственная воля здесь не причем, но важнейшей задачей государства в данном случае является именно задача обеспечения реализации этого права, закрепление его в законе. А, это значит, что на повестке дня, очень остро встает вопрос его содержания, и именно поэтому понятие правового закона, не «пустое теоретизирование», а практический, остродискуссионный, вопрос современной теории права. Прежде всего, это связано с различным пониманием соотношения права и государства, но, что особенно важно, правопониманием вообще. Современные концепции правопонимания по-разному ставят вопрос о понятии правового закона: от признания необходимости его углубленной разработки до полного отрицания этой проблемы, не-признания правомерности постановки вопроса о различении права и закона. Понять же суть правового закона можно, лишь решив проблему соотношения права и закона. А именно: признать тождество этих категорий, и тогда постановка вопроса о правовом законе становится бессмысленной, либо, различая их, что и делает эту проблему обоснованной.

Античные философы, исследуя природу и проблемы власти в полисе, положили начало разработке идеи о соответствии организации власти и её действий принципам и требованиям справедливости. Критерием этой справедливости стало считаться естественное право. Включая естественное право в общий объем понятия «право» античные юристы подчеркивали свои представления о справедливом характере права, для них ценностные (аксиологические) черты права и качества необходимости и долженствования являлись тесно связанными аспектами в единстве естественного права.

Еще древнеримский юрист Ульпиан указывал на то, что право народов отличается от естественного права тем, что применяется в отношении людей в их взаимоотношениях, а естественное право – является общим для всех живых существ.

Эти идеи оказали глубокое влияние на европейскую школу естественного права. И именно школа естественного права исторически первой поставила проблему различения права и закона. Имена ее представителей составляют золотой фонд философии, юриспруденции, социологии. Она сыграла революционную преобразующую роль в мировой истории. Однако недостатком этой школы явилось, во-первых, признание «данных природой» естественных прав и свобод человека, в то время как сама природа никаких прав и свобод не дает. Человек не рождается свободным, а становится таковым в ходе эволюции и революционных преобразований своего бытия. Во-вторых, естественно-правовая теория противопоставляет право, как нечто естественное, закону (позитивному праву) как искусственному, противоречащему природе человека.

Негативной реакцией на школу естественного права явилась историческая школа права в Германии. Гуго, Савиньи, Пухта доказывали

естественное развитие позитивного права. Несомненная ценность позитивного права, закона («догма права») для профессиональной деятельности юристов, правотворчества вообще – является заслугой этой школы. Позитивизм занял господствующее место в теории права. Развитый в дальнейшем О. Контом, Л. Дюги, а затем классовой теорией права в трудах К. Маркса, В.И. Ленина, позитивизм стал господствующей концепцией в советской теории права. Для позитивистов право не что иное, как приказ государственной власти, приказное право, а потому неизбежно связанное с принуждением, насилием со стороны государства, своего рода «евангелие от государства». С.С. Алексеев называл такой подход этатизмом, утверждающим право власти, препятствующим постижению смысла права [1, с. 75-76].

Современная российская теория права представлена несколькими концепциями правопонимания. В российской юридической науке сложилось понятие «тип правопонимания». Для формирования данного понятия и классификации типов правопонимания многое сделал В.С. Нерсисянц, справедливо отмечавший, что: «для любого учения о праве и государстве определяющее значение имеет лежащий в его основе тип понимания (и понятия) права» [6, с. 3]. Понятие права включает в себя, по его мнению, единство сущности и явления. Создавая свою, уже ставшую классической классификацию типов правопонимания, ученый положил в ее основание именно различный подход к соотношению права и закона. Концепция построена именно на различении права и закона, и, следовательно, ведет к понятию правового закона.

Противники различения права и закона упрекают сторонников этой теории в несостоятельности такого разграничения, и в отсутствии понятия правового закона. По мнению А.Я. Берченко, различение права и закона означает отрыв права от государства, рождает неспособность права регулировать общественные отношения, подрывает основы законности, ее авторитет и стабилизирующую роль [2, с. 75].

В.М. Сырых сравнивает историю поисков правопонимания с историей изобретения вечного двигателя, забывая при этом, что вечный двигатель – это фантазия изобретателей, а правопонимание – посев, дающий ощутимые плоды в науке и практике. Продолжая свою мысль о бесплодности поисков правопонимания, ученый подчеркивает, что ни одна из теорий права «не способна назвать критерии, позволяющие сколько-нибудь удовлетворительно отличить правовой закон от неправового» [7, с. 409].

Не могу согласиться с подобной точкой зрения, поскольку сторонники концепции различения права и закона считают, что бытие права заключено в бытии правового закона, следовательно, такой подход утверждает самобытие, самоценность права, служащего критерием оценки жизни закона. И с этой позиции концепция различения права и закона представляет собой собственно онтологию права.

В истории учений о праве, в современной теории права существуют достаточно определенные подходы к понятию правового закона. В частности, И. Кант, в основе учения которого о праве лежат этические начала, ориентировал право на мораль = категорический императив, законам которого и должно следовать право. По его мнению, «всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, согласно со всеобщим законом» [3, с. 140]. Такой же точки зрения придерживались российские юристы к. XIX - н. XX вв., в частности, П.И. Новгородцев, некоторые советские ученые-юристы, например, Р.З. Лившиц, современные российские юристы. Однако мораль, моральное поведение – слабая опора для юридического анализа. В.С. Соловьев считал, что право есть минимум морали. Вряд ли такой минимум может служить критерием для правого и неправого, правового и неправового. Даже критики правового закона признают, что «у морали, по сравнению с правом, «есть один очень существенный изъян. Ей не хватает обеспеченности, обязательности» [5, с. 11].

Либертарная концепция права, разработанная В.С. Нерсисянцем, позволяет решить эту проблему. Следует отметить, что ученый не был первопроходцем в этом вопросе, до появления его концепции ряд советских юристов так же стояли на позиции различения права и закона [4, с.15-23].

Либертарная концепция права, не разрывая связь права и закона, наоборот всячески подчеркивает неразрывность этой связи, что позволяет выявить вполне определенные параметры понятия правового закона. Право, по В.С. Нерсисянцу, определяется как исторически сложившаяся формально-определенная мера и масштаб свободы, равенства и справедливости. Полагаю, этим определяется самобытие права (Н.А. Бердяев сказал бы «автономность»). В этом случае ценность (аксиологию) права не приходится искать за его пределами (скажем, в морали, либо в базисе общества, солидарности, долженствовании и т.п.). Нельзя отрицать тот факт, что все явления в обществе подлежат моральной оценке. Но именно мера и масштаб свободы, равенства, справедливости служат такими критериями.

Обвинение в адрес сторонников понятия правового закона, якобы не нашедших критерии его понятия – необоснованно. С позиции В.С. Нерсисянца «правовой закон – это искомое соответствие закона (явления) требованиям принципа формального равенства, свободы и, (добавим – следовательно, справедливости – О.Е.) (сущности права)... это адекватное и полное выражение права в его официальной признанности, общеправовости, определенности и нормативной конкретности, необходимых для действующего позитивного права» [6, с. 8]. В чем критики такого подхода усматривают подрыв законности, правопорядка, роли государства и отсутствие оснований для понятия правового (в отличие от неправового) закона – остается за пределами моего понимания.

Другое дело, что понятие правового закона нуждается в более углубленной разработке, поисках более определенных критериев его разграничения с законом неправовым, практическом смысле этого понятия. На данном этапе развития концепции правового закона можно лишь наметить наиболее общие параметры (подходы) к раскрытию данной категории. Забегая вперед, можно с уверенностью сказать, дальнейшее развитие теории правового государства невозможно без определения правового закона. Иначе мы, вслед за Г. Кельзеном, будем утверждать, что любое государство является правовым, потому, что принимает законы. А студенты вслед за авторами некоторых учебников будут утверждать, что ведущим принципом правового государства является верховенство закона (любого закона!).

Поиски смысла права издавна связаны в истории правовых учений (и развитием цивилизации вообще) с утверждением, становлением

свободы, равенства и справедливости. Еще И. Кант заметил: «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону...» [3, с. 78]. Его идею продолжает Е.Н. Трубецкой, считавший - там, «где нет свободы, там вообще не может быть права» [8, с.17]. Г.В.Ф. Гегель рассматривал право как наличное бытие свободы.

Современная российская теория правового закона, продолжая традиции правовой мысли прошлого, дает определенные ориентиры законотворческому процессу, решая проблему сущего и должного в праве. Являясь воплощением принципа формального равенства, правовой закон закрепляет в объективированном виде масштаб свободы индивида. В этой формально определенной мере только и может быть утверждено равенство, ибо фактическое равенство, о котором громко заявлял марксизм, невозможно. Правовой закон учитывает и охраняет интересы тех, кто сам не способен защитить свое право. Правовой закон, ориентированный на эти принципы, перестает быть «чистой» волей законодателя, становясь антиподом произволу.

Таким образом, правовой закон становится всеобщей и необходимой (общеобязательной благодаря государственной власти) формой равенства, свободы, справедливости, правопорядка, наконец, заменяя произвол власти властью права. Правовой закон, содержащий эти основополагающие начала, становится правом, и является своего рода юридической идеологией правового государства, во всяком случае, существенной ее частью.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Основы философии права. [Текст] / Н. Н. Алексеев ; [вступ. ст. А. П. Альбова и др.]. - Санкт-Петербург : Юридический ин-т, 1998. - 215 с.
2. Берченко А.Я. Еще раз о проблеме права и закона // Журнал российского права. М. 1999, № 3/4. С. 75-82.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т.: [пер. с нем.] / Иммануил Кант; [под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А.Б. Гулыги, Т.И. Ойзермана]. Т. 4, ч. 2 / [ред. В. Ф. Асмус]. - Москва: Мысль, 1965. 477 С.
4. Лившиц Р.З. Право и закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право. - М.: Наука, 1989, № 3. С. 15-23
5. Мартышин О.В. О либертарно-юридической теории права и государства // Государство и право. М. 2002. № 10. С. 5 -16.
6. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. М. 2002. № 3. С. 3-15.
7. Сырых В.М. Теория государства и права [Текст] : учебник / В. М. Сырых; отв. ред.- д-р юрид. наук, проф., С. А. Чибиряев. - Москва : Былина, 1998. - 512 с.
8. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [Текст] : Для использования в учебном процессе со студентами вузов, обучающимися по юридическим специальностям / Е. Н. Трубецкой; [Вступ. ст. Г. Г. Бернадского]; МВД России. С.-Петерб. ун-т. - Санкт-Петербург : Лань : Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1998. - 217 с.

References:

1. Alekseev S.S. Fundamentals of the philosophy of law. [Text] / N. N. Alekseev ; [introduction by A. P. Albova and others]. - St. Petersburg : Law Institute, 1998. - 215 p.
2. Berchenko A.Ya. Once again about the problem of law and the law // Journal of Russian Law. M. 1999, No. 3/4. pp. 75-82.
3. Kant I. Essays: in 6 volumes: [trans. with him.] / Immanuel Kant; [under the general editorship of V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman]. Vol. 4, part 2 / [edited by V. F. Asmus]. Moscow: Mysl Publ., 1965. 477 p.
4. Livshits R.Z. Law and the law in a socialist rule-of-law state // Soviet state and law. - M.: Nauka, 1989, No. 3. pp. 15-23
5. Martyshin O.V. On the libertarian-legal theory of law and the state // State and law. M. 2002. № 10. pp. 5-16.
6. Nersesyan V.S. Philosophy of law: libertarian-legal concept // Voprosy filosofii, Moscow, 2002, No. 3, pp. 3-15.
7. Syrykh V.M. Theory of the State and law [Text] : textbook / V. M. Syrykh; ed. by Dr. Yurid. Sciences, professor, S. A. Chibiryayev. Moscow : Bylina Publ., 1998. 512 p.
8. Trubetskoy E.N. Encyclopedia of Law [Text] : For use in the educational process with university students studying in law / E. N. Trubetskoy; [Introduction by G. G. Bernadsky]; Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University. - St. Petersburg : Lan : Sev.-Zap. Academy of State Services, 1998. - 217 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ В.Д. КАТКОВА THE SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE VIEWS OF V.D. KATKOV

БОЖКО Евгений Алексеевич,

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Российская Федерация, г. Белгород, улица Горького, 71.
E-mail: Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru;

BOZHKO Evgeny A.,

Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines,
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правовая природа и значение социально-культурных факторов в становлении и развитии отечественной государственности сквозь призму взглядов неповторимого теоретика русского самодержавия В.Д. Каткова. Определяются и раскрываются ключевые элементы социально-правовой концепции ученого, являющиеся фундаментальной основой государственно-правового управления в условиях существования и функционирования отдельных общественных институтов. Анализируются взгляды В.Д. Каткова о школе, религии, патриотизме, обществе в условиях современных вызовов и угроз, требующих укрепления исконно русских духовных и общественных ценностей русского народа.

Abstract: The article examines the legal nature and influence of socio-cultural factors on the formation and development of Russian statehood through the lens of the views of V.D. Katkov, a unique theorist of Russian autocracy. The article identifies and reveals the key elements of Katkov's socio-legal concept, which serve as the fundamental basis for state and legal management in the context of the existence and functioning of individual social institutions. The article analyzes Katkov's views on education, religion, patriotism, and society in the face of contemporary challenges and threats that require the strengthening of the Russian people's traditional spiritual and social values.

Ключевые слова: власть, государство, государственность, консерватизм, общество, патриотизм, религия, самодержавие, феномен, школа.

Keywords: power, state, statehood, conservatism, society, patriotism, religion, autocracy, phenomenon, school.

Для цитирования: Божко Е.А. Социокультурный феномен русской государственности в воззрениях В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 17-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_17.

For citation: Bozhko E.A. The socio-cultural phenomenon of Russian statehood in the views of V.D. Katkov // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 17-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_17.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

В условиях бурно развивающихся общественных отношений, современных негативных вызовов и угроз национальной целостности и суверенитету российского государства возвращение и поддержание исконно русских ценностей, составляющих основу русской государственности, является приоритетной национальной задачей политики нашего государства. Фундаментальные основы понимания отечественной государственности формируются сквозь призму взглядов отдельных представителей юридико-правовой науки. В этой связи изучение русской государственности, осуществляется посредством рассмотрения сформулированных современными учеными концепций или подходов к пониманию сущности отечественной государственности сквозь призму взглядов отдельных дореволюционных представителей отечественной государственно-правовой мысли [22; 23; 27; 28].

Полноценное осмысление, понимание и определение основ отечественной государственности невозможно без доктринального осмысления данного исторически сложившегося нравственно-правового и социально-правового явления, нашедшего свое отражение в отдельных работах современных ученых [4; 16; 22] и во взглядах отечественных представителей дореволюционной государственно-правовой науки [1; 17; 19; 26].

Представляются интересными воззрения выдающегося ученого Василия Даниловича Каткова (1867-1919) [2, с. 28], обладающего неординарным пониманием социально-правовых основ русской государственности. Научно-публицистический пласт, составляющий систему взглядов В.Д. Каткова касательно изучения государства в целом, красной нитью пронизывают идеи отечественной государственности, базирующиеся на неотъемлемой и неотделимой самодержавной власти всероссийского императора с опорой на такие исконно русские ценности такие как семья, патриотизм, школа и религия. Являясь всесторонне развитым и трудолюбивым человеком и ученым, профессор В.Д. Катков не оставляя без внимания идеи организации верховной государственной власти и ее централизацию [5; 6], цивилистические науки [3; 7; 8; 9] и осмысление науки и философии права [10], все больше своих творческих усилий тратил на изучение отечественной государственности [11; 12] сформировав не одну достойную концепцию осмысления и изучения государственности как неотъемлемой базовой составляющей российской истории и формирования отечественного государства как суверенного, характеризующегося особой историко-правовой индивидуальностью.

В своих научных и публицистических трудах Василий Данилович Катков повышенное внимание уделял таким социальным институтам и элементам общества и государства как патриотизм, семья, народ, школа и религия [13; 14; 20]. Школа и религия, как основополагающие социальные институты, сопровождали в своем развитии практически каждый исторический этап эволюции нашего государства и выступали в качестве неотъемлемых элементов русской государственности. Ученый считал религию, как и подобает истинному консерватору, неотъемлемой составляющей, без которой невозможно прогрессивное развитие отечественной государственности и основных сфер общественно-культурной жизни, преимущественно школы, отмечая при этом, что «жизнь без религии не может быть ни счастливой, ни осмысленной, и школа, игнорирующая ее, не подготовит своих

питомцев к жизни, не выполнит свои основные задачи» [21, с. 198]. В.Д. Катков полагал, что повышению православной дисциплины в народной жизни, должно предшествовать ее повышение, прежде всего в школе. Сложившаяся позиция ученого не лишена смысла и в настоящее время приобретает все большую актуальность, поскольку в условиях глобальных мировых и национальных изменений на подрастающее поколение оказывается недружественное влияние и именно православие, в совокупности с другими социально-правовыми институтами должно сыграть фундаментальную роль в сохранении национальной идентичности и самобытности русского народа, начиная со школьной скамьи. Сегодня особенно ярко подтверждаются мысли профессора В.Д. Каткова, из которых следует, что задачей любой хорошей школы является не только наполнение человека наибольшим количеством знаний, забываемых вскоре в процессе его жизнедеятельности, но и развитие духовных сил человека, таких как ум, сердце и воля.

Являясь искренним патриотом своего Отечества профессор В.Д. Катков считал, что только истинный патриот, с чистой и неподдельной преданностью своей Родине, обладающий высокими нравственными установками способен единолично и достойно управлять российским государством и служить народу, тем самым, рассматривая патриотизм как базовый элемент неограниченной самодержавной власти монарха, составляющей основу русской государственности. «Кто хочет служить народу, – отмечает ученый, – кто любит свою Родину, кому дороги ее благополучие, честь, слава, будущее, тот должен служить русскому Самодержавию» [21, с. 31].

В представлениях В.Д. Каткова прослеживается неразрывная связь социально-правовых элементов с неограниченной самодержавной властью монарха. Ученый фактически отождествлял государственную власть и неограниченную самодержавную власть монарха, подкрепленную самобытными традициями отечества и религиозно-нравственными ценностями русского народа, отмечая при этом, что «только Монархическая Самодержавная Власть и есть власть в полном смысле слова. Только она в действительности никому не повинует в политическом смысле. Только она может иметь надлежащую силу, чтобы делать добро народу в этом мире, который «во зле лежит» [21, с. 60]. «Только самодержавная власть не имеет нужды преклоняться перед неверием тех сильных, богатых и ученых людей, услугами которых ей приходится пользоваться в управлении. Только через самодержавную власть получает себе крепкую охрану то, что всего выше и дороже для народа: вера предков, святые предания...» [5, с. 66]. Подобное понимание ученого касательно взглядов на право и государство связанное, прежде всего с особенностями исторической самобытности и силы традиций русского народа, являющихся неотъемлемой составляющей отечественной государственности.

Отдельные представители либерального и евразийского научного сообщества [15; 18], критикуя монархизм и пытаясь опровергнуть доводы профессора В.Д. Каткова относительно божественного следа в служении монархом своему Отечеству отмечают «что в Евангелии нет предпочтения какой-либо форме власти, и что Христос не формулировал идеальной власти» [25, с. 53]. В свою очередь В.Д. Катков пишет: «Христос, родился и жил под властью римских цезарей-самодержцев. В известном случае он прямо указал «Воздавайте кесарево Кесарю» и этим не только молчаливо освятил власть самодержцев, но и воспретил все то, что несогласно с нею, то есть не только прямой бунт или восстание, но и те политические происки, конечная цель которых – вырвать если не целиком, то отчасти эту власть у государя. Первые христиане вышли из среды, жившей тем идеалом государственной организации, который дан был в Библии. Древние самодержцы – царь Давид, Соломон и другие мудрые и благочестивые библейские цари - чтислись христианами так же, как и евреями. Не было нужды давать людям какой-либо иной идеал государственной организации» [21, с. 53].

В своих научных и публицистических трудах профессор В.Д. Катков большое внимание уделяет истокам и особенностям становления русской государственности, рассматривая в качестве ее фундаментальной основы неограниченную самодержавную власть монарха, отмечая, что «...основу русской государственности составляет, как известно, Верховная Самодержавная власть Всероссийских Императоров. Как ни важна для жизни русского государства идея Самодержавия, приходится, однако, к сожалению, констатировать, что среди считающего себя образованным русского общества только немногие, по исключению, понимают смысл и значение этой центральной идеи русского государственного строя...» [21, с. 9]. Ученый изучал русское Самодержавие не только как основу отечественной государственности, но и как основу самобытности и стойкости русского народа, предопределяющих нравственную и религиозную санкцию русского Самодержавия. Подтверждая тесную и глубинную связи Самодержавия с другими составляющими отечественной государственности, ученый говорит, что Самодержавие порождается самим государством и приобретает нравственный характер, опираясь при этом на великий русский народ. Ученый уверен, что народ, не способен отстоять свою суверенную государственную власть, если он не может быть свободным и не способен реализовывать свои права в полном объеме. Справедливо, что свободный народ стремится к тому, чтобы воссоздать для себя сильную Верховную государственную власть, в конечном итоге определяя основу русской государственности.

В целом, определяя в своей научной и творческой деятельности фундаментальные основы становления и развития отечественной государственности профессор В.Д. Катков особое внимание уделял изучению таких социально-культурных феноменов как самодержавие, школа, религия, русский народ, патриотизм, семья. В совокупности с неотделимой самодержавной властью всероссийского императора рассматриваемые социально-правовые явления предопределяют особое понимание и роль базовых социальных институтов в воззрениях В.Д. Каткова и составляют присущую только ему социально-культурную основу русского самодержавия, поддержание которой видится необходимым на современном этапе.

Список литературы:

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия / Бакунин Михаил Александрович. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 320 с.
2. Божко Е. А. Основные подходы к изучению государственно-правовых воззрений в научных трудах В.Д. Каткова // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов, Белгород, 02-03 апреля 2015 года. – Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2015. С. 27-34.
3. Божко Е. А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.Л. Никонович. - Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 467-471.
4. Божко Е. А. Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова // История государства и права. 2016. № 12. С. 30-36.

5. Божко Е. А. Верховная власть в консервативной доктрине русского самодержавия В.Д. Каткова // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 28 ноября 2024 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2025. С. 16-21.
6. Божко Е. А. Русская государственная власть в консервативной доктрине В.Д. Каткова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2019. № 2. С. 64-67.
7. Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Выпуск 12. Белгород: Бел ЮИ МВД России им. И.Д. Путилина. 2015. С. 67-72.
8. Божко Е.А. Генезис взглядов В.Д. Каткова о передаче векселя по надписи (индоссаменту) // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 12.
9. Божко Е.А. Юридическая природа индоссамента в учении В.Д. Каткова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 2. Материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Часть 2 / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. А. Федоринова. – Электронные дан. (15,1 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD – ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. С. 124-131.
10. Божко Е. А. Юридикологическая гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 1. С. 31-35.
11. Божко Е. А. Идея русской государственности в трудах В.Д. Каткова // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 30 ноября 2023 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2024. С. 223-226.
12. Божко Е. А. Формирование конституционной модели построения государственности в воззрениях В.Д. Каткова // Российский конституционализм: история, теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Белгород, 16 декабря 2023 года. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. С. 13-19.
13. Божко Е.А., Буняева, К. В. Патриотизм в государственно-правовой мысли В.Д. Каткова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3(53). С. 104-107.
14. Божко Е. А. Школа и религия в трудах В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 26-29.
15. Евсеева Е.Н. Бердяев Николай Александрович (1874-1948) // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 87-90.
16. Еньшина Е.Н., Сафонов Н.А. Учение Л.А. Тихомирова о верховной власти // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 18-22.
17. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. – 400 с.
18. Изергина Н.И., Изергина В.П. Н.Н. Алексеев о государственном строе России // Контентус. 2021. № 10. С. 34-42.
19. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: Издательство ФИВ, 2007. – 600 с.
20. Катков В.Д. К вопросу о школе / [прив.-доц. В. Д. Катков]. - Москва: Верность, 1909. - 25 с.
21. Катков В. Д. Христианство и государство. М.: Издательство ФИВ, 2013. – 296 с.
22. Карсканова С.В. Основы отечественной государственности в консервативных политико-правовых учениях XIX - начала XX века: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Карсканова Светлана Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Белгород, 2014. – 144 с.
23. Квасова О.А. Теория единства государственной власти в российской правовой доктрине второй половины XIX - начала XX вв.: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.1 / Квасова Ольга Андреевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»]. - Курск, 2024. – 27 с.
24. Сафорова Е.В., Карсканова С.В. «Государственность» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения // История государства и права. 2014. № 22. С. 42-48.
25. Смолин М.Б. Монархический консерватизм В.Д. Каткова // Социология. 2023. № 5. С. 51-55.
26. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Облздат: Абир, 1998. – 671 с.
27. Шипилов А.Н. Правовое учение П.Е. Казанского о государственной власти: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Шипилов Алексей Николаевич; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. - Белгород, 2017. – 148 с.
28. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6. № Extra-A. P. 239-247.

References:

1. Bakunin, M.A. Statehood and Anarchy / Bakunin Mikhail Aleksandrovich. – Moscow : AST Publishing House, 2019. – 320 p.
2. Bozhko, E.A. The Main Approaches to the Study of State and Legal Views in the Scientific Works of V.D. Katkov // Actual Problems of Legal Science and Law Enforcement Practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference of Faculty Members and Postgraduate Students, Belgorod, April 02-03, 2015. – Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2015. Pp. 27-34.
3. Bozhko E. A. Views of V.D. Katkov on the legal nature of the promissory note // Actual Problems of Modern Science. Section «Law and Law Enforcement»: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, May 8, 2015 / Scientific Editor S.L. Nikonovich. - Tambov: R.V. Pershin Publishing House, 2015. Pp. 467-471.
4. Bozhko E. A. Moral and Legal Concept of Russian Statehood in the Views of V.D. Katkov // History of State and Law. 2016. № 12. Pp. 30-36.
5. Bozhko E. A. Supreme Power in the Conservative Doctrine of Russian Autocracy by V. D. Katkov // Problems of Jurisprudence and Higher School Pedagogy in the Works of Young Scientists: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 28, 2024. – Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. Pp. 16-21.
6. Bozhko E. A. Russian State Power in the Conservative Doctrine of V. D. Katkov // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2019. № 2. Pp. 64-67.
7. Bozhko E.A., Bunyaeva K.V. Transfer of a Bill of Exchange by Inscription in the Understanding of V.D. Katkov // Problems of Law Enforcement and Education: Collection of Scientific Papers of Doctoral Students, Adjuncts, and Postgraduate Students. Issue 12. Belgorod: Bel Yul MVD of Russia named after I.D. Putilin, 2015. Pp. 67-72.
8. Bozhko E.A. Genesis of V.D. Katkov's Views on the Transfer of a Bill of Exchange by Inscription (Endorsement) // Stolypinsky Vestnik. 2023. Vol. 5. № 12.
9. Bozhko E.A. The Legal Nature of Endorsement in the Teaching of V.D. Katkov // State and Law: Evolution, Current State, and Development Prospects (on the 25th Anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) [Electronic Resource]: in 2 parts. Part 2. Materials of the XX International Scientific and Theoretical Conference. St. Petersburg, April 27–28, 2023. Part 2 / edited by N. S. Nizhnik; compiled by N. S. Nizhnik and E. A. Fedorinova. – Electronic data. (15.1 MB). – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 1 electronic optical disk. – System. requirements: PC with Intel Core i3 processor and more; 512 Mb and more; CD/DVD – ROM drive; Microsoft Windows XP and above; SVGA 800×600.16 bit and more; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 and above. P. 124-131.
10. Bozhko E. A. Legal-Positivist Epistemology of V.D. Katkov // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. 2015. № 12 (62). Part 1. Pp. 31-35.
11. Bozhko, E. A. The Idea of Russian Statehood in the Works of V. D. Katkov // Problems of Jurisprudence and Higher Education Pedagogy in the Works of Young Scientists: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 30, 2023. – Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin, 2024. Pp. 223-226.
12. Bozhko, E. A. Formation of a Constitutional Model of Statehood in the Views of V.D. Katkov // Russian Constitutionalism: History, Theory, and Practice: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation, Belgorod, December 16, 2023. – Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2024. Pp. 13-19.
13. Bozhko E.A., Bunyaeva, K.V. Patriotism in the State and Legal Thought of V.D. Katkov // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(53). Pp. 104-107.
14. Bozhko E. A. School and Religion in the Works of V. D. Katkov // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 9(237). Pp. 26-29.
15. Evseeva E. N. Nikolai Aleksandrovich Berdyayev (1874-1948) // New Historical Bulletin. 2002. № 1. Pp. 87-90.
16. Enshina E.N., Saifonov N.A. The Doctrine of L.A. Tikhomirov on Supreme Power // Izvestiya AltGU. Legal Sciences. 2018. № 3 (101). Pp. 18-22.
17. Zakharov N.A. The System of Russian State Power. Moscow: Moscow, 2002. – 400 p.
18. Izergina N.I., Izergina V.P. N.N. Alekseev on the State System of Russia // Contentus. 2021. № 10. Pp. 34-42.
19. Kazansky, P.E. The Power of the All-Russian Emperor. Moscow: Publishing House FIV, 2007. – 600 p.
20. Katkov, V.D. On the Question of School / [by V. D. Katkov]. - Moscow: Vernost, 1909. – 25 p.
21. Katkov V. D. Christianity and statehood. Moscow: Publishing House of thebes, 2013. – 296 p.
22. Karaskanova S.V. Fundamentals of national statehood in conservative political and legal doctrines of the XIX - early XX century: dissertation ... Candidate of Law : 12.00.01 / Karaskanova Svetlana Viktorovna; [Place of defense: Moscow State Law. O.E. Kutafin Academy of Sciences]. - Belgorod, 2014. – 144 p.
23. Kvasova O.A. The Theory of the Unity of State Power in the Russian Legal Doctrine of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.1 / Kvasova Olga Andreevna; [Place of Defense: Southwestern State University]. - Kursk, 2024. – 27 p.
24. Saifonova E.V., Karaskanova S.V. «State» and «Statehood»: The Problem of Terminological Correlation and Definition // History of State and Law. 2014. № 22. Pp. 42-48.
25. Smolin M.B. Monarchical Conservatism of V.D. Katkov // Sociology. 2023. № 5. Pp. 51-55.
26. Tikhomirov L.A. Monarchical Statehood. Moscow: Oblzdat: Alir, 1998. – 671 p.
27. Shipilov A.N. P.E. Kazansky's legal doctrine of state power: dissertation ... Candidate of Law : 12.00.01 / Shipilov Alexey Nikolaevich; [Place of defense: Belgorod State National University. research. university]. - Belgorod, 2017. – 148 p.
28. The idea of the violent origin of the state and law in the Russian political and legal doctrine / A.Yu. Kuzubova, A.A. Bayramov, E.A. Bozhko [et al.] // Laplage em Revista. 2020. Vol. 6. № Extra-A. P. 239-247.

ВЛИЯНИЕ ДАОСИЗМА НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ КИТАЯ THE INFLUENCE OF TAOISM ON THE LEGAL CULTURE OF CHINA

КАЗАНЦЕВА Олеся Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права

Алтайский государственный университет.

пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Россия.

E-mail: verwaltung@mail.ru;

ЕРЕМЕЙКИНА Лада Львовна,

Студентка Алтайский государственный университет.

пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Россия.

E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru;

KAZANTSEVA Olesya Leonidovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate

Professor of the Department of Constitutional and International Law Altai State University.

61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia.

E-mail: verwaltung@mail.ru;

EREMEIKINA Lada Lvovna,

Student Altai State University.

61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Territory, 656049, Russia.

E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу влияния даосизма на правовую культуру Китая. В работе исследуются особенности и основные концепты даосского учения, его соотношение с иными течениями китайской философии, делается вывод о возможности применения принципов даосизма в современном государственном управлении.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of Taoism on the legal culture of China. The paper examines the features and basic concepts of Taoist teaching, its correlation with other trends in Chinese philosophy, and concludes that the principles of Taoism can be applied in modern public administration.

Ключевые слова: даосизм, учение, правовая культура, правосознание, Кунтай, принцип «недеяния».

Keywords: Taoism, doctrine, legal culture, legal awareness, China, the principle of "non-action".

Для цитирования: Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л. Влияние даосизма на правовую культуру Китая // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_20.

For citation: Kazantseva O.L., Ereimeikina L.L. The influence of Taoism on the legal culture of China // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_20.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2025

Противопоставление двух подходов к правопониманию – легистского и конфуцианского – по-прежнему оказывает существенное влияние на формирование исторического единства китайской нации. Это влияние сохраняется, несмотря на временный отход от конфуцианских ценностей в период становления коммунистической идеологии. Изучающие уникальную китайскую культуру и ее влияние на право КНР часто упускают из виду, что наряду с имманентным для китайской нации принципом активного действия, восходящим к конфуцианству, всегда присутствовал концепция непротivления, естественности и простоты, которая является основой даосской философии.

Даосизм, оказавший значительное влияние на жизнь и духовную культуру китайского народа, также сыграл роль в формировании правовой системы Китая. Историки права часто рассматривают его как один из типов правопонимания, хотя не так широко распространенный, как легизм или конфуцианство. Тем не менее, нельзя игнорировать влияние даосизма как философской и политико-правовой доктрины на правовую культуру Китая и формирование правового сознания его жителей. Оценка значимости даосских представлений в механизме современного правового регулирования требует изучения соотношения основных понятий даосизма с идеологемами легизма и конфуцианства [12, с. 25], а также моизма, предлагающего свое представление об идеальном государстве и его правителе.

В трудах Ю.В. Ставропольского, А.В. Кудеева и Л.Г. Ганпанцурова подчеркивается положительное влияние даосизма на юридическую практику Китая. В то же время некоторые исследователи трактуют даосизм лишь как вспомогательную идею, несущественно повлиявшую на процесс разработки и применения нормативных актов (см., напр., [3, с. 172]).

Особенности формирования правовых ценностей отображают ключевые элементы правовой культуры каждого государства. Термин «правовая культура» появился в теории китайского права в конце 1980-х и стал активно применяться в юридической доктрине.

Подход к определению понятия правовой культуры у китайских учёных – правоведов близок ко взглядам российских теоретиков права. Главным преимуществом данного подхода является то, что под правовой культурой понимается не только идеология государства и распространенные правовые теории, но и уровень общественного правового сознания, моральные ценности, выраженные в праве, и основополагающие концепции, и идеи, правовые принципы. Таким образом, обеим правовым системам присущ так называемый широкий подход к толкованию определения понятия правовой культуры. Правовая культура представляет собой часть всеобщей культуры и отражает накопленный правовой опыт, а также позволяет оценить уровень развития субъектов правоотношений. Она включает правовые и нравственные ценности, духовные ориентиры, облеченные в нормы права и законы, а также определенный тип правопонимания.

В исследованиях китайских правоведов утверждается, что китайская правовая культура включает в себя правовую систему и правосознание [1, с. 26]. Среди ее особенностей зачастую перечисляют развитие публичное право, институт уголовных наказаний, отсутствие равенства перед законом и судом [1, с. 27], препятствование злоупотреблению властью [9, с. 21].

Что касается традиционного подхода к правопониманию в КНР, право рассматривается учеными не как система норм и законодательства, а как определенная метафизическая константа, проявляющаяся в правовой реальности. Это основано на самом происхождении иероглифа, обозначающего «право». После реформы китайской письменности используется упрощенный вариант его написания, состоящий из двух элементов: ключа, означающего воду, и глагола «идти», то есть двигаться по направлению от говорящего.

В даосизме вода выражает непротivление, податливость, послушание, в данном контексте символизируя отсутствие противоборства, противостояния, а также справедливость. Глагол «идти» представляет волю правителя, должностного лица, которая выражена в законодательных актах, постановлениях, указах. Таким образом, иероглиф «фа» (право) основывается на отсутствии противодействия решениям лиц, имеющих определенные властные полномочия. Однако этот иероглиф обладает и другим скрытым значением. В частности, он изображает гибкость самого права, приспособление под принципы китайской морали и его изменчивость согласно политическим и историческим условиям его появления. Этот призыв следовать императивной воле главы государства не мог не отразиться на восприятии китайцами моральных запретов и правовых предписаний, что в итоге сформировало законопослушное поведение у китайского населения. В это же время некоторые авторы полагают, что китайцы пользуются законами не так, как российские граждане. Например, Г.А. Прокопович считает, что с помощью своего поведения и закона они выступают против него же: если в законе имеются пробелы, с помощью которых можно ликвидировать проблему, то это рассматривается как возможность его обойти [11, с. 110].

Содержание того же иероглифа раскрывается совсем по-другому в традиционном его написании, поскольку дополняется новыми характеристиками. Справа находится ключ «гуан» - символ зала суда, а под ним – не встречающийся отдельно в современном китайском языке ключ - символ мифического животного «сечжи». В традиционной правовой культуре этот волшебный единорог имеет близкое сходство с древнегреческой богиней Фемидой и помогает судье вершить правосудие, выявлять истину по делу. Этот древний символ до сих пор используется на эмблемах известных в Китае Сямэньского юридического института и Юридического института транспортного университета Шанхая.

По мнению П.В. Трощинского, иероглиф «фа» тесно связан с буддистским понятием «дхарма», «универсальным законом бытия», подерживающим естественный порядок во Вселенной и упреждающий распространение хаоса. Таким образом, можно выявить связь «закона» с божественной волей: «естественность морали и права» [13, с. 66].

Понятие «син» (наказание) тоже свойственно китайскому правовому сознанию. До периода Чуньцю (VIII-V вв. до н. э.) между иероглифами «фа» и «син» не проводили различий, в чем проявлялась карательная особенность системы публичного права древнего Китая. В период кризиса Чжоуской государственности иероглиф «фа» начинает рассматриваться в широком и узком смысле: как «наказание» и собственно «право» [8, с. 24].

Даосизм, представленный великими философами Лао-цзы (VI в. до н. э.) и Чжуан-цзы (IV в. до н. э.), основан не на четком соблюдении ритуалов морали «ли», а на диаметрально противоположных субстанциях: мужском и женском началах – ян и инь, которые представляют собой светлую и мрачную стороны Жизни соответственно.

Моизм, основателем которого был Мо-цзы, предлагает концепцию правления права, а не человека [16, с. 61]. Вместе с тем Мо-цзы отстаивает идею единой справедливости и вредности законов и излишних установлений, чем похож на идеи даосизма [7, с. 28-29].

Основные догмы даосизма можно сформулировать следующим образом:

1. Все меняется. В жизни нет ничего неизменного и стабильного.
2. Главное – простота и естественность. С помощью искусственно созданных институтов власти, управления, образования приблизиться к идеалу не представляется возможным.
3. Все имеет противоположности, нет чисто незаконного и законного, во всем нужно соблюдать баланс.
4. Особенностью даосской доктрины также стало утверждение о необходимости использования общественной силы для достижения успеха в любой деятельности [15, с. 156].

Концептуальные постулаты даосизма не получили нормативного закрепления в актах органов государственной власти в Китае, в отличие от просветительских идей Конфуция и легизма Шан Яна. Несмотря на это, они являлись довольно актуальными и предлагали эффективное управление с учетом интересов народа. Мораль дэ составляла основу этого учения и помогала прикоснуться к метафизичному пути Дао, в то время как легизм видел своей опорой лишь законодательные тексты [6, с. 83].

Даосизм не воспринимал писаное право, как навязанное извне. Во взглядах даосов прослеживалась идея о равенстве всех по отношению к Дао. Тем не менее даосизм предлагает не только естественно-правовые концепции, но и опору на обычное право. В связи с этим большинство авторов полагают, что даосизм оказал неочевидное влияние на правовую систему Китая ввиду отсутствия официального и нормативного закрепления его идей, направленных против позитивного права [3, с. 172]. Даосы утверждали: «Когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным» [14, с. 104].

Действительно, даосизм в меньшей степени повлиял на правоприменительную практику, но оказал существенное воздействие на восприятие права и его роль в жизни китайского общества [5, с. 72], что показывает его важное значение как источника правосознания китайских граждан.

Государственное управление также регулировалось системой взглядов даосизма, а именно принципом «недеяния» («у вэй»). Идеальный правитель, в соответствии со взглядами Лао-цзы, не должен был вмешиваться в дела народа, приказывать должностным лицам, находящимся у него в подчинении. Принцип воздаяния добром за зло особо проявился во внешней политике: «Совершенно мудрый правитель учтив к соседям, не начинает войну первым» [4, с. 154]. Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует [7, с. 28]. Когда правительство чересчур деятельно, народ становится несчастным.

Даосизм подверг критике конфуцианство, чрезмерное следование ритуалам в обыденной жизни. Лао-цзы считал, что искусственно со-

зданная система образования не позволяет постичь подлинную глубину Жизни и увидеть Дао в его полноте: как абсолютное начало и конец, как истинный порядок вещей, высшую добродетель и непроявленную реальность. Конфуцианство подчеркивало значение воспитания и образования граждан, а также введение общеобязательных экзаменов для получения государственных должностей. Такая система служила противовесом nepотизму и другим формам коррупции. Исторические данные свидетельствуют, что периоды, когда правитель не вмешивался в дела народа, были отмечены более длительным отсутствием социальных напряжений и устойчивым процветанием страны. Даосизм способствовал сохранению стабильности как государственной идеологии, так и внешнеполитических связей.

Высокая адаптивность положений даосизма к современным реалиям открывает перспективы для их прямого практического применения в юридической сфере.

Во-первых, отслеживание ситуативных изменений и непрерывное совершенствование законодательства отражают принцип изменчивости Дао.

Во-вторых, приоритетным направлением государственной политики в любых политических условиях должно стать возвращение духовного начала в правосознании граждан и ненасильственное привитие правовых ценностей, то есть воспитание народа в соответствии с даосскими идеологиями, что демонстрирует воплощение принципов традиционности и закономерного, постепенного развития.

В-третьих, дуализм противоположностей морального и девиантного действительно существует и в современной практике. Именно поэтому преступление по закону может стать моральным с точки зрения чувства долга или сострадания, что, конечно же, не оправдывает его совершения. В целях адекватного выяснения условий совершения правонарушения, учета особенностей личности виновного или потерпевшего и существует институт административного и судебного усмотрения.

В-четвертых, предоставление естественных прав и свобод человеку выражает положение о простоте и закономерном течении Дао, а также о справедливости и равноправии.

Таким образом, можно констатировать, что принципы даосизма возможно проследить и в системе взглядов современного демократического государства. Именно с целью создания истинно правового государства важно осознание ответственности ученых за кризисные явления современного общества [10, с. 81]. Этому служит претворение в правовую жизнь постулатов даосизма.

В заключении следует отметить, что современному Китаю особенно важно отстаивать собственные внутренние ориентиры и систему традиционных ценностей, присущих китайскому праву. Даосизм призван помочь сохранить духовное и культурное наследие, а также укрепить национальную идею китайской нации и повысить уровень правовой культуры граждан КНР.

Представляется целесообразным в деятельности органов власти ориентироваться на принципы данного учения с учетом актуальной обстановки и сложившихся политических условий. Главным преимуществом даосизма является не медлительность и нежелательность проявления любого действия, а отсутствие бесполезной и ненужной деятельности и излишней ритуализированности.

Список литературы:

1. Ван Ч. Традиции и правовая культура Древнего Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2019. №4. С. 24-31.
2. Ганпанцуров Л. Г. Даосизм как этическое учение // СМАЛТА. 2020. № 3. С. 55-61.
3. Егоров А. В. Китайская правовая система: новые подходы в оценке традиционного китайского права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2006. № 2. С. 171-177.
4. Книга правителя области Шан. Москва, 1993. 390с.
5. Кудеев А. В. Влияние конфуцианства и легизма на право Китая // Наука и мир. 2019. № 5-1 (69). С. 70-74.
6. Левин Д. Д. Очерк о политико-правовых учениях Древнего Китая // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 81-84.
7. Лян М.Я. Теории государственного управления в правовых учениях Китая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. № 1(30). С. 26-30.
8. Моисеева О., Русанов В. Древнекитайские концепции правовопонимания // Юрислингвистика. 2023. № 28(39). С. 22-26.
9. Пивоваров Н. Д. Источники древнекитайского права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3(52). С. 15-23.
10. Пономарева Е. В. Идея правового государства: кризисное состояние и перспективы в современном обществе // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 72-82.
11. Прокопович Г. А. Особенности заключения договоров с китайскими партнерами в ракурсе правовой культуры Китая // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 107-111.
12. Ставропольский Ю. В. Влияние философии культуры на современное китайское право // Правовая культура. 2017. № 4(31). С.21-27.
13. Трошинский П. В. Правовая система Китая / П. В. Трошинский. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2016. 472 с.
14. Федотова Л. Ф. Философия Древнего Востока / Л. Ф. Федотова. – Москва : ООО "Издательство "Спутник+", 2015. 142 с.
15. Че Т., Цзоу Х. Влияние постулатов даосизма на развитие китайского общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 154-159.
16. Xin H., Xiao Ch. The Modern Value of Mohist Theory in Ancient China // History and modern perspectives. 2022. Vol. 4, No. 3. P. 59-63.

References:

1. Wang Ch. Traditions and legal culture of Ancient China // Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence. 2019. No. 4. pp. 24-31.
2. Ganpansurov L. G. Taoism as an ethical teaching // SMALTA. 2020. No. 3. pp. 55-61.
3. Egorov A.V. Chinese legal system: new approaches in the assessment of traditional Chinese law // Bulletin of Polotsk State University. Sergey D. Astronomical sciences. 2006. No. 2. pp. 171-177.
4. The book of the ruler of the Shan region. Moscow, 1993. 390s.
5. Kudeev A.V. The influence of Confucianism and Legalism on Chinese law // Nauka i mir. 2019. No 5-1 (69). pp. 70-74.
6. Levin D. D. An essay on the political and legal teachings of Ancient China // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 6 (234). pp. 81-84.
7. Liang M. Ya. Theories of public administration in the legal teachings of China // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2012. No 1 (30). Pp. 26-30.
8. Moiseeva O., Rusanov V. Ancient Chinese concepts of legal understanding // Legal linguistics. 2023. No. 28(39). pp. 22-26.
9. Pivovarov N. D. Sources of Ancient Chinese law // Actual problems of Russian law. 2015. No. 3(52). pp. 15-23.
10. Ponomareva E.V. The idea of a rule-of-law state: crisis state and prospects in modern society // Bulletin of the University of Humanities. 2024. Vol. 12, No. 1. pp. 72-82.
11. Prokopovich G. A. Peculiarities of concluding contracts with Chinese partners from the perspective of China's legal culture // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 3. p. 107-111.
12. Stavropol Yu.V. The influence of cultural philosophy on modern Chinese law // Legal culture. 2017. No. 4(31). pp.21-27.
13. Troshchinsky P. V. The legal system of China / P. V. Troshchinsky. Moscow : Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2016. 472 p.
14. Fedotova L. F. Philosophy of the Ancient East / L. F. Fedotova. Moscow : Sputnik+ Publishing House, 2015. 142 p.
15. Che T., Zou H. The influence of Taoist postulates on the development of Chinese society // Scientific Notes of the Trans-Baikal State University. 2017. Vol. 12, No. 3. pp. 154-159.
16. Xin H., Xiao H. The modern significance of Buddhist theory in Ancient China // History and modern perspectives. 2022. Volume 4, No. 3. pp. 59-63.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАНЦЕВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ – РОССИИ LEGAL STATUS OF FOREIGNERS IN MEDIEVAL RUS

СИМОРОТ Светлана Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск.
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

E-mail: ssimorot@mail.ru;

SIMOROT Svetlana Yuryevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Higher School
of Theory of Law and Private Law, Pacific State University, Khabarovsk.
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.

E-mail: ssimorot@mail.ru

Краткая аннотация: в статье с использованием историко-правового метода анализируются правовые и социальные особенности статуса иностранцев в средневековой Руси – России.

Abstract: The article analyzes the legal and social characteristics of the status of foreigners in medieval Rus' using the historical and legal method.

Ключевые слова: иностранцы, правовой статус, феодальное право, средневековая Русь.

Keywords: foreigners, legal status, feudal law, medieval Rus'.

Для цитирования: Симорот С.Ю. Правовой статус иностранцев в средневековой Руси – России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 23-26. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_23.

For citation: Simorot S.Yu. Legal status of foreigners in medieval Rus // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 23-26. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_23.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2025

Современные государства по составу своего населения, как правило, многонациональны. Мозаика народонаселения формировалась и стихийно, в силу естественно-исторических факторов: соседского проживания, производственных и торговых отношений или моды; и сознательно – волей правителя, посредством приглашения тех или иных специалистов, организованного переселения, ассимиляции пленных, межнациональных браков и т. д. Этим процессам могли препятствовать национальные и сословные предрассудки, религиозные установки и русофобия. Правовой и социальный статус иностранцев, проживавших на русской земле, мог быть самым разнообразным. Первыми иностранцами, приглашенными в 862 г. на княжение и «ПМЖ», согласно летописи, были варяги Рюрик с братьями и дружиной. Вокняжение Рюрика заложило традицию значимой роли иностранцев в различных сферах российского бытия.

Логично предположить, что многие нормы первых письменных сводов законов Руси распространялись и на иностранцев (охрана жизни и здоровья, возмещение материального ущерба и др.). Но в «Русской Правде» (Краткая редакция) содержалась статья, защищающая интересы чужеземцев. Так, совершивший рукоприкладство, платил 3 гривны жертве, если последний приводил двух свидетелей. При этом иностранцы – «варяг или колбяз не приводит свидетелей, но сам идет к присяге» (ст. 10). В Пространной редакции этого свода ст. 18 также сформулирована в интересах иностранцев: если кто-то обвиняется в убийстве, но прямых улик нет, то обвиняемый, чтобы отвести от себя обвинение в убийстве должен представить 7 свидетелей; «если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей» [1]. Как видно, правоприменение на Руси изначально предоставляло иностранцам ряд преимуществ, что, впрочем, просматривается вплоть до 1917 г. В менталитете того времени голос иностранца, тем более той же национальности, что и правитель, был весомей голоса русича.

Судебник 1497 г. специальной статьей 58 регламентирует процессуальные моменты исковых претензий между иностранцами: «А которой чужоземец на чужоземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет» [2]. Включение данной нормы в Судебник говорит о распространенности споров и конфликтов в сфере иноземцев. Такой упрощенный порядок рассмотрения дел иностранцев, а их приток со временем только увеличивался, весьма облегчал боярское судопроизводство, поскольку часть дел оказывалась вне его юрисдикции, т. е. не было необходимости изучать законы и учитывать документацию, созданную в других странах, подбирать переводчиков и т. д.

С крещением Руси ее иноземное население, представленное в основном варягами, стало пополняться выходцами из Византии, греками. Они прибывали в качестве служителей православного культа. По многим правонарушениям члены клира подпадали под юрисдикцию патриархата [3].

Контакты с народами, проживавшими по соседству, приводили к полиэтническим бракам. Но это касалось в основном носителей высшей власти. Так, Ярослав Мудрый был женат на шведской принцессе Ингигерде (в крещении Ирине). Юрий Долгорукий второй раз был женат на половецкой княжне, Иван III – на византийской принцессе Софье Палеолог. Браки князей с иностранками заключались не ради марьяжной экзотики. За ними стояли государственные интересы, международный авторитет, гарантии добрососедства и пр. Заморские невесты русских князей приезжали со своими служанками, своими обычаями и культурой, а Софья Палеолог – еще и с огромной библиотекой. Это, безусловно, способствовало развитию дружеских отношений, взаимообогащению культур. А правовое положение княгинь даже «басурманского» происхождения ничем не отличалось от статуса княгинь со славянскими корнями.

Иностранцы на русской земле представляли разные страны, различные профессии и религии. Для выходцев из Европы бытовало общее именование – немцы. Так могли называть и шведов, и французов, и др. Некоторые иностранцы получали прозвание-фамилию от национальной принадлежности: Грек, Фрязин (итальянец), Жидовин (еврей), Угрин (венгр) и др. Прибывших с Востока именовали также басурманами, бесерменами, нередко и татарами. Существовало деление и по религиозному признаку: православные, некрещенные, мусульмане, инородцы.

Чужеземцы прибывали в Россию не только как купцы, врачи и деятели культуры. Контакты с «иноземщиной» происходили и на полях военных сражений. Более тысячи лет русские люди отражали попытки установить иноземное господство, захватить те или иные земли Руси–России. В числе агрессоров были половцы, поляки, татаро-монголы, шведы и пр. Позднее – ливонцы, генуэзцы у Мамаю, турки, «сборные Европы» (1812, 1853–56, 1941–1945). В войнах с захватчиками Россия теряла миллионы жизней, но обретала политический, дипломатический и военный опыт. Напомним, что Петр I после Полтавы поднимал «заздравный кубок» за «учителей своих», т. е. за шведов.

Приток иноземцев на русские земли увеличивался в связи с изменениями религиозной ситуации в сопредельных странах. Так, хан Узбек (1313–1342) провозгласил ислам государственной религией Золотой Орды. Начались преследования всех инаковерующих. Многие ордынцы, в том числе и знатные, приобившиеся к тому времени к православию (или оставшиеся язычниками), выезжали в Московию, под защиту Русской православной церкви, поступали на русскую службу. Это их потомки потом носили фамилии Ахматовы, Карамзины, Куракины и др. Царь Борис Годунов свою родословную вел от татарского мурзы, выехавшего из Орды в 1329 г. Перешедшие на службу царю ордынцы, особенно знатные, получали в России чины и звания, адекватные прежним, т. е. мурзы после крещения становились князьями с соответствующими правами и привилегиями, назначались на высокие посты. Так, князь Андрей Иванович Куракин более 40 лет служил Ивану III и его сыну Василию III. Его потомки – воеводы, стольники и дипломаты. Александр Борисович Куракин за обилие на мундире драгоценностей получил прозвище «бриллиантовый князь». Его брат Алексей дослужился до министра внутренних дел [4]. Потомки выходца из Ногайской Орды Юсуповы представляли богатейший клан России. Князь Феликс Юсупов (кстати, один из убийц Г. Распутина) был женат на племяннице Николая II.

Заметную роль иностранцы играли в лечебном деле. У московских правителей медики были, как правило, чужеземцы. Их положение при дворе было, разумеется, привилегированным. От них ждали исцеления от всех болезней, в том числе и неизлечимых, поэтому их служба не всегда была приятной и безопасной. Лекари находились в «группе риска» – при неудачном лечении могли лишиться и жизни. Так, немец Антон Эренштейн якобы лекарствами уморил в 1485 г. татарского князя. Иван III выдал медика родственникам князя, которые и «зарезали ножом как овцу» Антона (этот исторический эпизод отражен в романе И. И. Лажечникова «Басурман»). Трагически закончилась и жизнь другого врача «жидовина» Мистра Леона, не сумевшего вылечить царевича. Лекарь по распоряжению Ивана III казнен «всенародно» [5].

По «делу врачей» прошел и личный врач и астролог Ивана IV Бомелей. Погрязший в дворцовых интригах, он готовил яды для опальных придворных, некоторых отравил собственноручно. Был схвачен, под пытками многих оклеветал, казнен. Подобные случаи требовали усиления контроля за лечебным делом. В конце XVI в. в Москве организована придворная аптека, затем учрежден Аптекарский приказ – высший орган медицинского управления. Намечается специализация аптек: Кремлевская обслуживала исключительно царскую семью, а аптека Гостиного двора – царедворцев и знатных иностранцев. В ведении приказа находились «медики иностранные 30 человек и русские ученики их – человек с 20».

Возглавлял Аптекарский приказ особо приближенный к царю боярин, так как лечение царской особы и его семьи – дело чрезвычайной важности. Этим и объясняется тогдашний «стандарт» врачевания, обязывавший врача и главу этого органа принимать прописанные государю лекарства. Перечень функций Аптекарского приказа обширен: от проверки документов и знаний приглашенных иноземных врачей при приеме их на службу до организации противоэпидемических мероприятий. Штат Приказа в 1681 г. превышал 100 человек. Кроме лекарей в него входили и толмачи, переводившие иностранную медицинскую литературу. Иностранцы составляли львиную долю штата этого учреждения, но они работали под наблюдением и контролем русских людей.

Для совершенствования аптечного дела много сделал Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682) – известный дипломат, управлял Посольским приказом, а в 1676 г. возглавил Аптекарский приказ. Он отслеживал развитие медицины за границей, выписывал труды иностранных врачей, подбирал персонал. Это в его семье воспитывалась мать Петра I, не склонная игнорировать западную культуру. Кстати, Матвеев завел у себя «комедийную группу» – нечто вроде домашнего театра, в котором выступали и иностранцы. Часть артистов была доставлена из Швеции. С его участием в Немецкой слободе открыли театральную школу для русских и иностранцев [6].

Иностранцы были представлены, хотя и в меньшей степени, в штате Посольского приказа. С их участием решались вопросы, связанные с проживанием иностранных подданных в России, с деятельностью «заморских» купцов. В штате этого приказа в конце XVII в. насчитывалось до полусотни толмачей, занимавшихся в основном устными переводами, и около 15 переводчиков, задействованных в письменном делопроизводстве. Рабочими языками в Приказе были латинский, шведский, греческий, арабский и др. Всего в работе было до полутора десятков языков. В переводчики поступали находившиеся на русской службе иностранцы, побывавшие в плену русские, а также прошедшие специальное обучение за границей лица. Кстати, жалование в Посольском приказе было в 3–5 раз выше, чем в большинстве других приказов [7].

Московские государи, начиная с Ивана III, активно приглашали зарубежных специалистов высокого класса и различного профиля (зодчих, ювелиров, рудознатцев и др.). Активно вербовал иноземцев Борис Годунов. В 1610 г. он направил в Италию Миссию во главе с немцем Бекманом для привлечения в Россию рудознатцев. В 1601 г. Годунов, принимая большую группу ливонцев, обещал им дать «много денег, земли и людей», и обещания выполнил. Ливонцам назначили жалование в зависимости от категории – от 20 до 50 рублей в год. Суммы по тем временам очень большие. Кроме того, каждый наемник получал поместье с крестьянами от 30 до 100 человек. Даже слуги этих иноземцев получали по 15

рублей и по 20 крестьянских душ. Кстати, привилегии слугам вызвали недовольство москвичей.

Годунов покровительствовал и иноземным купцам. Им выдавались беспроцентные и бессрочные крупные займы – до 400 рублей. Они освобождались от пошлин; на их дворы (в отличие от русских) распространялся налоговый иммунитет. Такие льготы обусловили успешную конкуренцию с русскими купцами, что вызывало недовольство последних [8].

Жизнь иностранцев в России в целом была вполне благополучной. Их как мастеров и специалистов в своем деле уважали власти, платя им повышенное жалование, предоставляя различные льготы и даже (!) свободу отправления религиозного культа. Им разрешалось создавать для проживания особые кварталы (слободы). В Москве первая иноземная слобода (Немецкая) появилась в первой трети XVI в. К концу века в Москве было уже 8 иноземных слобод. Такое поселение оформилось и в Архангельске. В торговых городах – Новгороде, Вологде и Ярославле – были иноземные дворы. Жители их подчинялись общерусским законам, но пользовались некоторым самоуправлением и свободой вероисповедания. В конце XVII в. в Москве уже действовало 5 кирх – 3 лютеранские и 2 кальвинистские [9].

Иностранцы нередко доставляли и хлопоты властям: в слободах практиковалась торговля вином и табаком, занимались своим промыслом «гулящие девки», вояки из иноземцев устраивали дебоши и дуэли. Купечество роптало на льготы иноземным торговцам, не всегда оправданные. Служители РПЦ возмущались попыткам иноземцев строить кирхи вблизи православных храмов. Царская власть разрешала эти непростые вопросы в основном правовыми средствами. Разумеется, во время каких-либо «нестроений» и бунтов иностранцы могли подвергаться и притеснениям, и репрессиям. Так, некоторые источники свидетельствуют о страшном погроме Немецкой слободы в конце 1570-х гг. Основаниями погрома стали спесивое поведение немцев, обогащение за счет продажи крепких напитков, фривольные нравы и т. п. Немецкая слобода представлялась «гнездом разврата». Один из очевидцев событий утверждал, что «погром вызвал митрополит, указав царю на то, что иностранцы развращают его воинов в своих кабаках». Погром, а в нем участвовал и сам Иван IV, сопровождался казнями и грабежами [10]. Общая картина погрома соответствует атмосфере опричнины. Однако иностранные источники не указывают точную дату этой «бессмысленной и беспощадной» акции, что вызывает сомнения в ее причинах и масштабе. В Смутное время Немецкая слобода была полностью сожжена.

Кстати, среди опричников было немало иностранцев, которым было все равно кого пытаться и убивать. Одним из них был Генрих Штаден – проходимец и русофоб, описавший свое участие в грабежах и злодействах [11].

Весьма активным законотворчеством окрашены годы правления первых Романовых. После Судебника 1550 г. до Соборного уложения 1649 г. издано 445 указов, из них 365 в первую половину XVII в. Соборное уложение стало итогом развития средневекового права. В этот документ вошли нормы указов, касавшихся правового статуса иностранцев: Указ о крестоцеловании 1625 г., Уложение о вотчинах и поместьях 1636 г., Указ о прожитках 1644 г и др.

Соборное уложение устанавливало некоторые привилегии иностранцам – купцам и лицам, находящимся на русской службе. К примеру, если должник задолжал и русскому и иностранцу, то «долговые деньги наперед править чужеземцу». Регламентировалась также процедура крестоцелования. Русские люди по искам иноземцев присягали в тех приказах, которым были подсудны находившиеся в России иностранцы. При исках русских к чужестранцам последние присягали в тех же приказах и по своей вере. Купцы из Англии и Голландии (это страны не католические) освобождались от «печатных» пошлин, что обеспечивало ряд преимуществ в торговле. Английские купцы длительное время торговали вообще без пошлин. Но когда в ходе Английской революции 1649 г. был казнен король Карл I, что означало для Алексея Михайловича вопиющее попрание монархических принципов, царь приказал находящимся в Москве англичанам немедленно выехать, а имущество их конфисковать. Из Архангельска англичан также выселили [12].

Соборное уложение содержит множество статей, в которых при перечислении основных групп населения иноземцы находятся в одном ряду с боярами, дворянами, посадскими и т. д. С них, как и со всех служилых людей, предписывалось «мыта и перевозу и мостовщины нигде не имати» (гл. IX, ст. 1). В главе X «О суде» подчеркивалось, что всех людей Московского государства, также и приезжих иноземцев судить «вправду» «ничего не прибавляти, ни убавляти» (ст. 1). Иностранцы по судебным делам платили такие же пошлины, как и все основные слои населения – от бояр до ямщиков.

За ряд преступлений иностранцы наказывались, как и русские. Уже в главе I в первой строке статьи 1 иноверцы (а это, как правило, иностранцы) предостерегаются, что за богохульство, если «сыщется про то допряма», будут казнены так же, как и русские («зжечь»). За продажу, хранение и курение табака полагалась, несмотря на национальность, смертная казнь с конфискацией имущества («и дворы их и животы имати»). Одинаковая санкция грозила и дворянину, и стряпчему, и иноземцу за бесчестье (оскорбление) патриарха – «бити батоги» [13].

Многие иноземцы и полуиноземцы довольно быстро ассимилировались. «Обрусевши», они занимали значимые должности. К примеру, сын голландца Андрея Винуса – основателя первой в России мануфактуры (1632 г.), побывав в 1672 г. за границей с дипмиссией, по возвращении получил дворянство и возглавил Почтовое ведомство, затем возглавлял ряд приказов, находился в переписке с Петром I.

Иностранцев на русской службе, будь то «немцы» или «басурманы», задействовали в строительстве, здравоохранении, дипломатии, военном и горном деле. Они практически не были представлены в органах власти, не участвовали в работе Боярской думы и Земских соборах. Они и не претендовали на участие в политической жизни, поэтому каких-либо ущемлений своих прав не испытывали. В остальном же иноземцы находились в одном правовом поле с русскими, а в ряде случаев пользовались привилегиями, дарованными иногда без учета интересов русского населения.

Список литературы:

1. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М., 2013. С. 5, 11.
2. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М., 2013. С. 39.
3. Симорот С. Ю. Власть и религия : история отношений (X век – 1917 год). Хабаровск, 2017. С. 35–47.
4. Покровский О. Потомки Гедимины // Русская история. 2022. № 7. С. 26–28.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М, 2003. С. 502.
6. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 150–151.
7. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 27.
8. Кудряшов К., Яновский А. Москва в далеком прошлом. М, 1962. С. 256–258.
9. Кудряшов К., Яновский А. Москва в далеком прошлом. М, 1962. С. 262.
10. Валишевский К. Иван Грозный. М., 1993. С. 241–242.
11. Мединский В. Р. Скелеты из шкафа русской истории. М, 2014. С. 118–119, 200.
12. Соборное уложение // Российское законодательство X–XX веков. М, 1985. Т. 3. С. 147, 165, 338.
13. Соборное уложение // Российское законодательство X–XX веков. М, 1985. Т. 3. С. 98, 102, 118, 254.

References:

1. Textbook on the history of the state and law of Russia : textbook. manual / comp. Y. P. Titov, M., 2013. pp. 5, 11.
2. Textbook on the history of the state and law of Russia : textbook. manual / comp. Y. P. Titov, M., 2013. p. 39.
3. Simorot S. Y. Power and religion : the history of relations (10th century – 1917). Khabarovsk, 2017. pp. 35-47.
4. Pokrovsky O. Descendants of Gediminas // Russian History. 2022. No. 7. pp. 26-28.
5. Karamzin N. M. History of the Russian State. Moscow, 2003. p. 502.
6. "The Eye of the whole great Russia". On the history of the Russian diplomatic service of the XVI–XVII centuries. Moscow, 1989. pp. 150-151.
7. "The Eye of the whole great Russia". On the history of the Russian diplomatic service of the XVI–XVII centuries. Moscow, 1989. pp. 27.
8. Kudryashov K., Yanovsky A. Moscow in the distant past. Moscow, 1962. pp. 256-258.
9. Kudryashov K., Yanovsky A. Moscow in the distant past. Moscow, 1962. p. 262.
10. Valishevsky K. Ivan the Terrible. Moscow, 1993. pp. 241-242.
11. Medinsky V. R. Skeletons from the closet of Russian history. Moscow, 2014. pp. 118-119, 200.
12. The Cathedral Code // Russian legislation of the X–XX centuries. Moscow, 1985. Vol. 3. pp. 147, 165, 338.
13. The Cathedral Code // Russian legislation of the X–XX centuries. Moscow, 1985. Vol. 3. pp. 98, 102, 118, 254.

ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ В ПРАВЕ И ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ РЕЕСТРОВ В XXI В. LIMITS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF TRUST IN LAW AND TECHNOLOGY OF DISTRIBUTED REGISTRIES IN THE 21ST CENTURY

ФРОЛОВ Владимир Борисович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

E-mail: frolov190@bk.ru;

FROLOV Vladimir Borisovich,

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
of St. Petersburg State University.

199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9.

E-mail: frolov190@bk.ru

Краткая аннотация: в статье проводится критический анализ трансформации классического принципа доверия в праве в условиях применения технологии распределенных реестров. Цифровая парадигма, сменившая доверие к различным общественным институтам на доверие к алгоритмическому протоколу, порождает ряд пределов. Однако делается вывод о том, что технология распределенных реестров не отменяет, а модифицирует принцип доверия, создавая гибридную модель «технологического доверия», эффективность которой зависит от ее гармоничной интеграции в традиционную правовую систему.

Abstract: the article provides a critical analysis of the transformation of the classical principle of trust in law in the context of the use of distributed ledger technology. The digital paradigm, which has replaced trust in various public institutions with trust in an algorithmic protocol, creates a number of limits. However, it is concluded that distributed ledger technology does not abolish, but modifies the principle of trust, creating a hybrid model of «technological trust», the effectiveness of which depends on its harmonious integration into the traditional legal system.

Ключевые слова: принцип доверия в праве, технология распределенных реестров, технологическое доверие, неизменность, консенсус-алгоритмы, правопорядок.

Keywords: principle of trust in law, distributed registry technology, technological trust, immutability, consensus algorithms, legal order.

Для цитирования: Фролов В.Б. Пределы реализации принципа доверия в праве и технологии распределенных реестров в XXI в. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 27-30. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_27.

For citation: Frolov V.B. Limits of implementing the principle of trust in law and technology of distributed registries in the 21st century // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 27-30. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_27.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Введение

Принцип доверия в праве является одной из фундаментальных основ современного права, пронизывая как частноправовые (добросовестность в сделках, приобретательная давность), так и публично-правовые (защита доверия граждан к закону и действиям государства) отношения. Традиционно доверие обеспечивается и гарантируется сложной системой институтов-посредников: ветвями власти, гражданского общества, финансовыми институтами и т.д.

В последние годы исследования по теме доверия стали популярным научным трендом. «Интерес к нему обусловлен, по крайней мере, несколькими обстоятельствами. Во-первых, в условиях тотальной социальной неопределенности и возрастания социальных рисков доверие отражает социально значимые ориентиры – стабильность, предсказуемость, ситуационный контроль <...> Во-вторых, концепт доверия коррелируется как с парадигмальными изменениями социальной теории, связанными с переходом от изучения обществ, опирающихся на судьбу, к обществам, опирающимся на человеческую субъективность, так и с повседневными социальными ожиданиями» [3, с. 53].

Появление технологии распределенных реестров ознаменовало революционный сдвиг парадигмы – переход от «доверия к посредникам» к «доверию к протоколу». Децентрализация, криптографическая защита, прозрачность и неизменность данных представляются как панацея от человеческих ошибок и злоупотреблений. Однако именно эти имманентные свойства технологии распределенных реестров создают новые, ранее не известные праву риски и обозначают объективные пределы реализации в ней классического принципа доверия в праве. И все же, распределенные реестры стали данностью наших дней. «В настоящее время по всему миру запущено более 200 проектов, основанных на технологии распределенного реестра, нацеленных на трансформацию системы государственного управления. Технологии распределенного реестра, в частности блокчейн, сравнивают по степени революционности с появлением сети Интернет и представляют в качестве новой «машины доверия», позволяющей совершенно незнакомым людям взаимодействовать и совершать транзакции друг с другом без посредника в лице банка или государства, обеспечивающего законность транзакции» [4, с. 9].

Именно поэтому одной из ключевых проблем данной статьи является выяснение пределов реализации принципа доверия в праве и технологии распределенных реестров, которые могут как помочь поддержанию общественного правопорядка, так и усложнить правоотношения. Говоря об объекте исследования следует выделить междисциплинарные отношения, складывающиеся в сфере права и высоких технологий в последние годы. Новизна данного исследования продиктована необходимостью поиска точек соприкосновения между теорией права и высокими технологиями. Данная статья предназначена для студентов и аспирантов юридических и технических ВУЗов, чья область исследований находит-

ся на стыке правовых и технических наук.

Первый предел. Неизменность информации и непрерывное развитие права

Ключевое свойство технологии распределенных реестров – неизменность внесенных данных, «что гарантирует их надежность и сохранность на протяжении всего срока хранения» [6, с. 68-69] – выступает одновременно как ее главная сила и, как бы парадоксально на первый взгляд это не звучало, главная слабость с точки зрения принципа доверия права. Важно признать, что участник системы доверяет тому, что однажды записанная информация (например, о праве собственности на токенизированный актив или условиях смарт-контракта) не может быть изменена в одностороннем порядке. Это потенциально создает беспрецедентный уровень стабильности и предсказуемости.

Что касается права, то оно является живым и развивающимся социальным институтом, в котором заложены механизмы непрерывной коррекции правоотношений. Классические доктрины и институты, такие как оспоримость сделок (ст. 166-181 ГК РФ), признание сделки недействительной (ст. 167 ГК РФ), применение последствий неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ), исправление ошибок в реестрах вступает в прямое противоречие с принципом неизменности. Что делать, если смарт-контракт был исполнен вследствие заблуждения, обмана или под принуждением? Как вернуть актив, переданный в результате технической ошибки или мошеннических действий, если транзакция уже подтверждена сетью и не может быть отменена?

Говоря о решении данных проблем возможно предложить сформировать институт «оракулов» (доверенных источников внешних данных) или создать механизм «криптосуда» (децентрализованных арбитражных сервисов), однако данные меры лишь частично решат проблему и, по сути, возвратят в систему элемент традиционного институционального доверия, нивелируя изначальную идею чистой децентрализации. Таким образом, первым пределом является конфликт между абсолютной технической неизменностью и необходимостью гибкости правового регулирования.

Второй предел. Доверие к алгоритмам и человеческий фактор

Доверие к технологии распределенных реестров является расчетливым, а потом оно основано на понимании и вере в безошибочность математического алгоритма. Так участник системы верит, что консенсус-алгоритм (Proof-of-Work, Proof-of-Stake) гарантирует правильность верификации транзакций, а код смарт-контракта не содержит уязвимостей. К тому же следует отметить, что «не подтвержденная большинством участников системы транзакция будет отвергнута и не станет частью блокчейна, в связи с чем данную систему иногда именуют системой, основанной на консенсусе (consensus-based system). Указанные качества придают блокчейну свойство доверенной среды для не доверяющих друг другу лиц (trustless trust)» [5, с. 96].

Действительно, технология распределенных реестров несет несомненное благо для общества и формирует доверительную среду без которой вряд ли возможно формирование устойчивых правоотношений современности. Но в чем же состоит основное преимущество технологии распределенных реестров? «Системы распределенного реестра могут быть разработаны для обеспечения совместного использования данных без необходимости в централизованном доверенном посреднике, они обеспечивают прозрачность в отношении того, кто получил доступ к данным» [4, с. 38].

В недавнем прошлом история со взломом DAO в 2016 году, когда из-за ошибки в коде было похищено криптовалюты эфира на сумму около 50 млн долларов, наглядно показала, что доверие к протоколу может быть подорвано человеческими ошибками на стадии его создания. В традиционном праве последствия такой ошибки могли бы быть возложены на разработчика по аналогии с деликтной ответственностью. В децентрализованной системе ответственность часто оказывается «размытой» и лежит на самом пользователе, который «доверился» неидеальному коду.

Возвращаясь к принципу доверия в праве следует признать, что субъект права обладает определенным уровнем знаний и возможностей для защиты своих интересов. Технология распределенных реестров создает высокий порог входа. Доверие к системе не может считаться полноценным, если пользователь в силу технической неграмотности или «цифрового разрыва» не способен понять базовые принципы ее работы и риски. Это создает новый вид уязвимости и ставит под сомнение добровольность и осознанность такого доверия.

Следовательно, вторым пределом является зависимость алгоритмического доверия от его человеческой реализации и доступности для понимания рядовым пользователем, что порождает риски, связанные с ошибками разработчиков. Именно поэтому они должны нести ответственность за недостатки своей работы, если будет доказана их вина (ст. 1064 ГК РФ). Сложность заключается в доказывании: необходимо установить личность разработчика, причинно-следственную связь между ошибкой в коде и ущербом, а также нарушение им стандартов разумной осмотрительности. Формирование таких отраслевых стандартов – насущная задача для профессионального сообщества.

Третий предел. Децентрализация и концентрация

Идеальная модель технологии распределенных реестров предполагает равное распределение влияния среди всех участников сети. В этой связи участник доверяет не конкретному лицу, а распределенной сети в целом, полагая, что она будет действовать в соответствии с протоколом.

Для большинства публичных блокчейнов существует теоретическая, а для некоторых меньших – практическая возможность, когда группа майнеров или валидаторов, сосредоточив в своих руках более 50% вычислительной мощности или стейкингových средств, получает возможность вносить в реестр противоречивые транзакции, двойную трату средств и т.д. Это «ахиллесова пята» Proof-of-Work и Proof-of-Stake алгоритмов, которая превращает доверие из распределенного в зависимое от доминирующей группы. На практике майнинг и стейкинг часто концентрируются в руках крупных пулов и корпораций. Это создает новую форму олигополии, которая может влиять на развитие протокола и принятие

решений, подрывая изначальный демократический идеал.

Таким образом, третий предел заключается в том, что технологическое доверие к децентрализованной сети может быть подорвано процессами экономической и вычислительной рецентрализации, что воспроизводит модели доверия/недоверия к крупным игрокам, известные в традиционной экономике. Однако важно помнить, что доверие – это уверенность в надежности, правдивости или честности человека, или ситуации. Оно основано на опыте, знаниях и убеждениях. Доверие означает, что человек верит в человека или ситуацию, и готов полагаться на них. Оно также включает в себя определенный риск, так как мы полагаемся на кого-то, несмотря на то, что не можем полностью контролировать исход. В своей работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» (*Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*) видный американский философ Ф. Фукуяма приходит к выводу, что доверие возникает «в рамках определенного сообщества в ожидании того, что его члены будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями» [1, с. 35].

Четвертый предел. Псевдоанонимность и публичный правопорядок

Технология распределенных реестров предлагает определенный уровень анонимности или псевдоанонимности. Так пользователь доверяет системе сохранение своей приватности, что для многих является ключевым стимулом к использованию технологии. Классический принцип доверия в праве балансируется интересами общества и государства. Анонимность транзакций создает благоприятную среду для их использования в противоправных целях: отмывание денег, финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов. В этой связи «анонимность пользователей и распределенное хранение могут создавать непредвиденные угрозы для конфиденциальности, хранения персональных данных» [2, с. 54].

Данные обстоятельства ставят под вопрос легитимность такого «доверия» с точки зрения публичного правопорядка. Регуляторный ответ в виде внедрения норм KYC (Know Your Customer) и AML (Anti-Money Laundering) для криптобирж и других провайдеров услуг фактически означает создание «шлюзов», через которые анонимная система вынуждена взаимодействовать с идентифицированным традиционным миром, что вновь демонстрирует предел ее автономии.

Таким образом, критический анализ демонстрирует, что технология распределенных реестров создает для принципа доверия в праве не только новые возможности, но и принципиально новые вызовы. Конфликт между децентрализацией и необходимостью правоприменения, между доверием к коду и человеческими ошибками – все это образует «правовой вакуум», способный заблокировать широкое внедрение технологии распределенных реестров. Именно поэтому государство не может оставаться в стороне от процессов, затрагивающих публичные интересы. Его роль трансформируется из прямого контролера в создателя правил игры для новой цифровой среды.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что переход к модели «доверия к протоколу» в технологии распределенных реестров является не полной заменой, а сложной трансформацией классического принципа доверия в праве. Абсолютизация свойств технологии распределенных реестров – ее неизменности, алгоритмичности, децентрализации и анонимности выявляет системные риски и объективные пределы ее совместимости с гибкой и социально ориентированной правовой системой. «Благодаря технологии распределенных реестров возник уникальный способ обеспечения доверия в отношениях между субъектами, которые не знают друг друга и не обращаются при этом к третьему лицу — посреднику, обладающему необходимой репутацией для обеспечения такого доверия» [5, с. 99].

Реализация принципа доверия в праве при использовании технологии распределенных реестров наталкивается на следующие фундаментальные барьеры:

- I. Нормативный барьер: конфликт между технической неизменностью и непрерывным развитием права.
- II. Техно-антропологический барьер: зависимость от безошибочности кода и цифровой компетентности пользователя.
- III. Экономико-управленческий барьер: риск чрезвычайной централизации и концентрации влияния, подрывающий доверие к сети.
- IV. Социально-правовой барьер: противоречие между приватностью и необходимостью обеспечения правопорядка.

Перспективой развития видится формирование гибридной модели «технологического доверия», в которой алгоритмические гарантии технологии распределенных реестров будут не заменять, а дополняться адаптированными правовыми институтами, судебным контролем и этическими стандартами. «Таким образом, исследование свойств и рисков внедрения распределенных реестров и анализ вопросов применения существующих правовых средств в отношении инновационных продуктов являются оптимальной стратегией для регуляторов и участников рынка» [2, с. 58]. Только такой симбиоз позволит преодолеть выявленные пределы и минимизировать риски, обеспечив не слепое доверие к технологии, а разумное доверие в праве, усиленное технологией.

Таким образом, принцип доверия в праве не отменяется технологией распределенных реестров, а проходит проверку на прочность и трансформируется. Проведенный анализ позволяет утверждать, что правовая система обладает значительным потенциалом для адаптации к вызовам, порождаемым технологией распределенных реестров. Будущее не за конфронтацией «кода» и «закона», а за их симбиозом, где технология обеспечивает неотвратимость и прозрачность исполнения, а право – справедливость, защиту слабой стороны и восстановление нарушенного баланса. Формирование этой гибридной модели «технологического доверия» и является центральной задачей современной юридической науки и практики.

Список литературы:

1. F. Fukuyama Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity, Free Press, 1995. 457 p.
2. Блокчейн на пике хайпа : правовые риски и возможности / Иванов Алексей Юрьевич (руководитель), Башкатов Максим Леонидович, Галкова Екатерина Викторовна и др. ; Высшая школа экономики Национальный исследовательский университет, Институт права и развития ВШЭ - Сколково. - Москва : Изд. дом Высшей шк. экономики, 2018. — 237 с.
3. Пантыкина, М.И. Доверие в праве как когнитивная установка индивидуального правосознания / М. И. Пантыкина // Философия права. — 2016. — № 2. — С. 53-58.
4. Применение технологий распределенного реестра в государственном управлении: возможности и правовые риски / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 314 с.
5. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. 2017. № 5. — С. 94-117.
6. Саяков, Д.А. Роль криптографии в развитии национальной цифровой валюты: защита данных и преимущества использования технологии блокчейн / Д.А. Саяков // Проблемы автоматизации и управления. — 2024. — № 1. — С. 61-69.

References:

1. F. Fukuyama Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity, Free Press, 1995. 457 p.
2. Blockchain at the peak of hype: legal risks and Opportunities / Alexey Yuryevich Ivanov (head), Maxim Leonidovich Bashkatov, Ekaterina Viktorovna Galkova, etc. ; Higher School of Economics, National Research University, HSE Institute of Law and Development - Skolkovo. - Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics. Economics, 2018. — 237 p.
3. Pantykina, M.I. Trust in law as a cognitive attitude of individual legal consciousness / M. I. Pantykina // Philosophy of law. - 2016. — No. 2. — Pp. 53-58.
4. Application of distributed registry technologies in public administration: opportunities and legal risks / E. V. Talapina, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, I. A. Chereshneva. — Moscow : Publishing house "Delo" RANHiGS, 2021. — 314 p.
5. Savelyev, A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law / A. I. Savelyev // Law. 2017. No. 5. Pp. 94-117.
6. Sayakov, D.A. The role of cryptography in the development of national digital currency: data protection and advantages of using blockchain technology / D.A. Sayakov // Problems of automation and control. - 2024. — No. 1. — Pp. 61-69.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД СССР (К 160-ЛЕТИЮ ФССП РОССИИ) HISTORICAL AND LEGAL REVIEW OF THE INSTITUTE OF COMPULSORY EXECUTION IN THE KAMCHATKA TERRITORY DURING THE USSR PERIOD (ON THE 160TH ANNIVERSARY OF THE FSSP OF RUSSIA)

ГАЛИЕВ Михаил Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры права Камчатского филиала
АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», доцент кафедры юриспруденции
Дальневосточного филиала ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации».
683003, Россия, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, Вилуйская ул., 25.
E-mail: galiev87@inbox.ru;

GALIEV Mikhail Sergeevich,

candidate of law, associate professor of the Law Department of the Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation,
associate professor of the Jurisprudence Department of the Russian Foreign Trade Academy Far East Branch.
25 Vilyuiskaya str., Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatka Territory, 683003, Russia.
E-mail: galiev87@inbox.ru

Краткая аннотация: 2025 год для российской государственности ознаменован значимым и великим событием связанным с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне. Кроме этого, уходящий год юбилейный для Федеральной службы судебных приставов России, поскольку данному органу государства исполняется 160 лет. В статье автор анализирует историко-правовой аспект института принудительного исполнения в Камчатском крае в период СССР. Актуальность исследуемого вопроса проявляется в том, что из истории отдельных государственно-правовых явлений складывается история страны, которая направлена на сохранение и укрепление государственности и национальной идентичности. Институт судебных приставов играет ключевую роль в функционировании государства, поскольку затрагивает социальные, экономические, государственные и правовые аспекты общества и человека. В статье сделан акцент на организационно-правовом взгляде института принудительного исполнения в Камчатском крае в лицах, определены особенности функционирования института принудительного исполнения в Камчатском крае в период СССР и выделены тенденции развития института принудительного исполнения в Камчатском крае.

Abstract: The year 2025 will mark a significant and significant event for Russian statehood, marking the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, as well as the 160th anniversary of the Federal Bailiff Service of Russia. In this article, the author analyzes the historical and legal aspects of the institution of compulsory execution in Kamchatka Krai during the Soviet era. The relevance of this research is evident in the fact that the history of individual state and legal phenomena shapes the country's history, which aims to preserve and strengthen statehood and national identity. The institution of bailiffs plays a key role in the functioning of the state, as it affects the social, economic, state and legal aspects of society and individuals. In the article the article focuses on the organizational and legal view of the institution of compulsory execution in Kamchatka Krai in persons, defines the features of the functioning of the institution of compulsory execution in Kamchatka Krai during the USSR period and highlights the trends in the development of the institution of compulsory execution in Kamchatka Krai.

Ключевые слова: историко-правовое просвещение, государство, институт принудительного исполнения, Камчатский край, судебный пристав, правосудие, суд, СССР, государственность.

Keywords: historical and legal education, state, institution of compulsory execution, Kamchatka Krai, bailiff, justice, court, USSR, statehood.

Для цитирования: Галиев М.С. Историко-правовой обзор института принудительного исполнения в Камчатском крае в период СССР (к 160-летию ФССП России) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 31-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_31.

For citation: Galiev M.S. Historical and legal review of the institute of compulsory execution in the Kamchatka Territory during the USSR period (on the 160th anniversary of the FSSP of Russia) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 31-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_31.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025

Из истории отдельных институтов складывается история страны. Не стал исключением и институт судебных приставов, возникновение и развитие которого уходит своими корнями глубоко в прошлое. Процесс становления института судебных приставов имеет особую важность и существенное значение, поскольку носит глобальный характер.

Институт судебных приставов играет ключевую роль в функционировании нынешней судебной системы. Владимир Владимирович Путин, Президент Российской Федерации, по этому поводу отметил, что «федеральная служба судебных приставов вносит значимый вклад в укрепление законности, обеспечение конституционных прав граждан, интересов государства и участников экономической жизни, в неукоснительную реализацию судебных решений» [5].

Действительно, деятельность судебных приставов поистине важна, ведь именно они обеспечивают законность судебной деятельности, являясь ключевым звеном в системе правосудия. Таким образом, можно смело заявить о том, что федеральная служба судебных приставов (далее ФССП) представляет собой основу государственной системы принудительного исполнения.

Примечательно, что и историко-правовые знания являются значимым элементом российской государственности, поэтому история становления и развития института принудительного исполнения в СССР на примере Камчатского края вносит свой определённый вклад в историю развития института судебных приставов России в целом.

Камчатский край является самым отдалённым регионом от Московской области, именно по этой причине институт принудительного исполнения на Камчатке сложился намного позже. Первые упоминания о судебных исполнителях как о лицах, осуществляющих принудительное произ-

водство, были на рубеже 30-х годов XX века, поскольку устоявшаяся судебная система советского периода сложилась именно к этому времени.

Так, с 1 июля 1937 года камчатские суды пополнились должностью судебного исполнителя. Функции принудительного исполнения постепенно перешли от милиции непосредственно в суды, в штате которых появились первые судебные исполнители. Таким образом, начался новый этап развития судебной системы Камчатского края, а вместе с ней и института принудительного исполнения в лице судебных исполнителей Камчатки.

Согласно архивным данным [2,3,4], в период с 12 по 20 августа 1961 года была произведена ревизия Усть-Большерецкого районного суда, в рамках которой была дана характеристика кадрового состава. В результате ревизии было установлено, что «судебным исполнителем данного районного суда работает тов. Шагойко Захар Степанович, 1933 года рождения, член КПСС. Тов. Шагойко работает в народном суде с 1956 года, исполнял обязанности делопроизводителя, секретаря судебного заседания, секретаря суда и с 1957 года работает судебным исполнителем. Тов. Шагойко является опытным и грамотным работником, в 1961 году окончил вечернюю школу, получил аттестат зрелости и намерен поступить учиться в заочный юридический институт» [4. Л. 9-10].

За весь период времени работы судебному исполнителю поступило всего 499 исполнительных производств, в числе которых было 244 алиментных и 255 общеисковых по возмещению ущерба от растрат и хищений. Из них 317 производств были переданы для дальнейшего исполнения в другие предприятия и учреждения. Однако, примечательно то, что 4 документа, а именно по возмещению ущерба от растрат и хищений, было исполнено самим судебным исполнителем на сумму 1288 рублей [4. Л. 19].

Следует обратить внимание на особый организационно-правовой порядок работы с исполнительными документами в обозначенный период времени, которые поступали к судебному исполнителю:

- во-первых, каждый исполнительный документ был заведён в исполнительное производство, составлялась регистрация карточек и передавалась для подписи судебному исполнителю. Кроме того, судебный исполнитель все вверенные ему исполнительные документы вносил в алфавитную книжку;
- во-вторых, все документы, поступившие к судебному исполнителю в связи с исполнением решений, хранились в исполнительных производствах. Между тем, денежные документы хранились отдельно в особом наряде. В связи с данной особенностью у судебного исполнителя все наряды велись по предусмотренной инструкции по делопроизводству, а статистические отчёты составлялись не позднее 3-его числа каждого месяца;
- в-третьих, все исполнительные документы, которые были переданы в иные учреждения и организации для исполнения, были взяты на особый учёт судебным исполнителем. Он периодически проводил проверки на правильность проведения удержаний и устранял все выявленные им недостатки. Хочется отметить, что в случае злоупотреблений судебный исполнитель ставил вопрос о привлечении виновных к ответственности в порядке, предусмотренном статьёй 291 ГПК РСФСР [4. Л. 19-20].

В 30-е годы на Камчатке начался кадровый голод. Пробелы в численности работников пытались восполнить путём призыва на пустующее рабочее место специалистов с материка. На открывшуюся должность судебных исполнителей избирали судьи камчатских судов. Таким образом, к концу 40-х годов на Камчатке набралось порядка 19 судебных исполнителей, но тем не менее было открыто ещё 6 вакансий на данную должность.

На 1 января 1953 года в народных судах Камчатки работали 19 судебных исполнителей: 17 мужчин и 2 женщины, 11 человек из которых имели среднее образование, а остальные 8 – низшее, то есть 6 классов и менее. К сожалению, никто из них не учился в заочной юридической школе. Ближе к началу 1954 года весь штат судебных исполнителей состоял уже из 20 человек, а в 60-70-х годах народные суды Камчатского края обладали уже полностью укомплектованными кадрами [1. С. 84].

Можно предположить о том, что вышеуказанная причина, а также отдалённость Камчатки от федерального центра и её статус «закрытой области» в какой-то степени оказали воздействие на исполнительное производство в Камчатском крае, что повлияло на формирование правовых особенностей института принудительного исполнения региона. Имеют место факты, что процессуальное законодательство народными судьями в основном применялось правильно, а исполнение судебных решений производилось в основном в соответствии с требованиями законодательства и Инструкции о порядке исполнения судебных решений, однако, согласно выписке из протокола оперативного совещания от 23.04.74 выяснилось, что в организации работы и соблюдении процессуального законодательства допускались, порой, грубые нарушения советского законодательства [3. Л. 12]. Такие нарушения влекли собой ненадлежащую подготовку к судебному разбирательству гражданского дела, в результате которой судебные заседания по несколько раз откладывались и поданные в суд заявления длительное время не находили своего решения. Как следствие, судебные исполнители неоправданно тратили своё рабочее время, поскольку именно они занимались обеспечением исполнения судебного решения, но из-за несоблюдения судом своей компетенции они не могли обеспечить осуществление ни одного судебного решения, поскольку те даже не выносились.

Также оперативным совещанием было отмечено, что «по ряду дел подписи народных заседателей подделаны, то есть расписались за них другие заседатели, либо другие лица, но не своей фамилией» [3. Л. 14]. Такое грубое нарушение процессуального законодательства, соответственно, являлось помехой для оформления дел, в следствие чего судебные исполнители не могли продолжить исполнение вынесенного судебного решения по данным делам, поскольку это фактически считалось незаконным.

Таким образом, для предотвращения подобных казусов гражданские, административные и уголовные дела представлялись председателю соответствующего народного суда для дальнейшего решения вопроса об отмене вынесенных судебных решений в порядке надзора.

В некоторых народных судах прослеживались следующие проблемы: отсутствие штампа, даты поступления и входящего номера на исковых заявлениях. В представлении о нарушении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел содержалось положение о том, что «как правило, все дела с нарушенными сроками рассматривались по существу, без отложения, в первом же судебном заседании. Представляется, что сложившееся положение стало возможным в результате недостаточной требовательности и отсутствия должного кон-

троля в Октябрьском районном народном суде за сроками рассмотрения гражданских дел» [2. Л. 5]. Исходя из данного положения, можно сделать вывод о том, что подобные нарушения также мешали судебным исполнителям должным образом выполнять свою работу.

Также имелись некоторые нарушения канцелярией суда и народными судьями установленного порядка приёма и регистрации исковых заявлений. Такая оплошность влекла за собой нарушение статьи 99 ГПК РСФСР 1960 года, которая устанавливала определённые сроки для рассмотрения конкретных категорий гражданских дел. Так, при проведении проверки работы Октябрьского народного суда было выявлено, что «ввиду того, что на 15 исковых заявлений отсутствуют отметки о времени поступления в суд, при проверке не представилось возможным установить срок нахождения их в суде до рассмотрения дела» [2. Л. 5].

Подобные нарушения создавали проблемы не только для определения времени вынесения определений о подготовке дела к слушанию и времени рассмотрения дела в суде, но и для осуществления принудительного исполнения в целом, поскольку не проведение подготовки дел к судебному разбирательству в силу отсутствия отметки о времени поступления дела в суд, как правило, приводило к отложению судебного разбирательства, волоките, а в ряде случаев и к принятию необоснованных и несправедливых решений.

Тем не менее, помимо отрицательных правовых особенностей института принудительного исполнения имеются также и положительные. К примеру, во время проведения ревизии в Усть-Большерецком районном народном суде в 1961 году выяснилось, что «при рассмотрении судебных дел народные судьи вскрывают причины, способствующие совершению преступлений, других нарушений законности и аморальных явлений и по всем этим фактам выносят частные определения, которые направляются должностным лицам, партийным и Советским органам для принятия соответствующих мер» [4. Л. 4]. Такое обстоятельство позволяет более корректно решить дело, направляемое должностным лицам, для дальнейшего принятия мер, что соответственно способствует эффективному осуществлению принудительного исполнения.

Интересно то, что в некоторых судах народные судьи практиковали привлечение общественности к рассмотрению уголовных и гражданских дел. Так, путём организации общественно-массовой работы некоторые дела были рассмотрены с участием общественных обвинителей и защитников, а также с участием представителей местных и заводских рабочих комитетов [4. Л. 3].

Подобная практика оказывает положительное влияние на развитие института принудительного исполнения, поскольку непосредственное участие граждан в исполнительном производстве позволяет им увидеть, как изнутри работают различные органы, будь то судебные либо судебно-исполнительные. Это также способствует повышению гражданской заинтересованности в правовой деятельности своего государства.

Примечательно также то, что не на всех должников народными судами были заведены сводные исполнительные производства, или же наоборот, на должников по исполнительным листам других судов заведены сводные исполнительные производства, что не предусмотрено Инструкцией о порядке исполнения судебных решений. Вместе с тем, судебными исполнителями всегда сообщались данные судам, на контроле у которых находились сводные исполнительные производства по возмещению должниками ущерба, вне зависимости от того, каким именно судом был выдан исполнительный лист и принадлежал ли судебный исполнитель штату данного суда [2. Л. 44].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что причинами отмеченных в работе суда недостатков в основном являются небрежность отдельных народных судей и недостаточный контроль за их работой по рассмотрению поступивших в суд дел, однако это не повлияло на наличие положительных особенностей в развитии института принудительного исполнения.

Тем не менее, хочется отметить то, что и положительные, и отрицательные особенности оказали одинаково важное воздействие на формирование института принудительного исполнения. Путём постепенного совершенствования исполнительного производства устранялись имеющиеся недостатки, а достоинства значительно возрастали.

Таким образом определялись тенденции развития института принудительного исполнения, в которых более подробно раскрываются правовые особенности данного института.

Ежегодно в народных судах Камчатки проводились ревизии для оценки качества проводимого судопроизводства и его законности, а также для выявления различного рода ошибок в осуществляемом судебном производстве. Так, в ходе проводимых ревизий уполномоченные на это лица составляли акты, докладные записки, протоколы и другие материалы проверок работы народного суда, канцелярии суда, а также судебных исполнителей.

По результату ревизионных проверок судебные органы должны были учесть все имеющиеся недостатки в своей работе, а после чего определить дальнейшие действия по улучшению качества проводимого судопроизводства и осуществляемого принудительного исполнения.

Поверхностный подход к разрешению жалоб и заявлений, допускаемая при этом волокита, отсутствие чёткой организации в работе канцелярии и судебных исполнителей – эти, а также другие недостатки и упущения отрицательно сказывались на своевременном и правильном решении жалоб и заявлений по алиментным и иным делам, тем самым порождали неоднократные обращения граждан в различные судебные инстанции [2. Л. 10]. Таким образом, не только судебное производство, но и принудительное исполнение не осуществлялось должным образом.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие тенденции развития института принудительного исполнения в Камчатском крае в период СССР (Таблица 1), которые способствовали решению возникших проблем и искоренению недочётов в исполнительном производстве.

Таблица 1. Тенденции развития института принудительного исполнения в Камчатском крае

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД СССР	
Тенденция	Краткая характеристика
Полный контроль су-	Осуществление полного контроля над деятельностью судебных исполнителей судьями того же суда,

<i>судебных исполнителей</i>	штату которого они принадлежат, позволяет обеспечить защиту прав и законных интересов тех физических либо юридических лиц, в отношении которых было направлено исполнение решения суда. Также данная тенденция позволяет обеспечить полную уверенность в правильности выполнения судебными исполнителями своих обязательств, в особенности в работе с исполнительными документами, на основании которых осуществляется исполнение судебных решений.
<i>Правовая заинтересованность</i>	Правовая заинтересованность судебных органов и судебных исполнителей, а также руководство актуальным советским законодательством является ключевым моментом в осуществлении правосудия и совершенствования института принудительного исполнения. Именно соответствие судебных решений советским нормативным правовым актам способствует эффективному функционированию аппарата суда, а также обеспечивает законность деятельности судебных исполнителей в рамках социальной, правовой, политической и иных сфер жизни общества.
<i>Проверка качества исполнения судебных решений</i>	Осуществление проверок качества исполнения судебных решений третьими лицами (прокурорами, ревизорами, др. уполномоченными на это лицами) во всех организациях и предприятиях судебных органов соответствующего района позволяет составить обзор по исполнению судебных решений, позволяющий выявить где наиболее часто допускаются нарушения закона, в следствии чего применяются необходимые меры и выносятся соответствующие рекомендации об устранении таковых.
<i>Надлежащая организация работы суда</i>	Поскольку суд является прямым источником координации принудительного исполнения, необходимо: народный суд обеспечить помещением для его работы, а также необходимым инвентарём и оборудованием для этого; иметь необходимую юридическую литературу, справочники, а также кодексы; вести кодификационно-справочную работу; планировать работу народного суда поквартально, выполняя все запланированные мероприятия в установленные сроки; равномерно распределять работу между судьями и судебными исполнителями; из кадрового состава суда избрать старшего судебного исполнителя, на которого возлагается осуществление общего руководства и организация работы всех судебных исполнителей - все эти пункты позволят обеспечить не только надлежащую работу суда, но и соответствующее нормам советского законодательства осуществление принудительного исполнения.
<i>Обобщение судебной практики</i>	Обобщение судебной практики является не только положительным моментом в работе суда, но и необходимой мерой по совершенствованию законодательства об исполнительном производстве, поскольку народные суды, обобщая судебную практику по конкретным категориям уголовных и гражданских дел, а также административных правонарушений, таким образом позволяют улучшить и облегчить практику применения отдельных норм законов, тем самым способствуя развитию института принудительного исполнения, усиливая эффективность применения права в рамках исполнительных правоотношений.
<i>Организация постоянной сессии суда</i>	В целях своевременного рассмотрения дел и исполнения судебных решений, народными судами была организована постоянная сессия, укомплектованная кадрами: народный судья, судебный исполнитель, секретарь судебного заседания, курьер-уборщица.

Таким образом, указанные выше тенденции развития института принудительного исполнения значительно улучшили качество осуществления принудительного исполнения на территории всего региона.

Также хочется отметить то, что следование данным тенденциям обеспечило возможность формирования и развития единой системы судебно-исполнительных органов. Полностью сформировавшиеся правила и принципы исполнения судебных решений стали так называемым фундаментом (основой) принудительного исполнения в Камчатском крае.

Примечательно, что вышеуказанные тенденции послужили своеобразными предпосылками в успешной деятельности советской судебной системы региона, а также становления института принудительного исполнения в целом, поскольку путём синтеза достижений прошлых лет в рамках исполнительного производства удалось исключить пробелы в законодательстве, тем самым способствуя осуществлению должного функционирования механизма принудительного исполнения.

Список литературы:

1. Дегтярёва В. И. Времени связующая нить. К 145-летию образования института судебных приставов России. - Петропавловск-Камчатский: Издательство «Камчат-пресс», 2010. – 100 с.
2. КГКУ Государственный архив Камчатского края. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 9. – 48 л.
3. КГКУ Государственный архив Камчатского края. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 18. – 38 л.
4. КГКУ Государственный архив Камчатского края. Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 7. – 23 л.
5. Информационный портал РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20231101/putin-1906611280.html> (дата обращения: 10.10.2025).

References:

1. Degtyareva V. I. Time binding thread. To mark the 145th anniversary of the establishment of the Institute of Bailiffs of Russia. Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing house "Kamchatka Press", 2010. – 100 p.
2. KGKU State Archive of the Kamchatka Territory. F. R-739. Op. 1. D. 9. – 48 l.
3. KGKU State Archive of the Kamchatka Territory. F. R-739. Op. 1. D. 18. – 38 l.
4. KGKU State Archive of the Kamchatka Territory. F. R-771. Op. 1. D. 7. – 23 l.
5. RIA NOVOSTI information portal. – URL: <https://ria.ru/20231101/putin-1906611280.html> (date of request: 10.10.2025).

ТАКТИКА ДОПРОСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЖАНДАРМСКОГО ДОЗНАНИЯ XIX-XX ВВ.: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ INTERROGATION TACTICS DURING THE GENDARME INQUIRY OF THE 19TH-20TH CENTURIES: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

САБУРОВА Анна Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела обучения Спецсвязи России.
129626, Россия, г. Москва, 1-я Мытищинская д.17.
E-mail: asia833p@yandex.ru;

ТАРАСЕНКО Илья Вадимович,

военный пенсионер, кандидат исторических наук, доцент.
Россия, г. Москва.
E-mail: tarasenko.55@mail.ru;

SABUROVA Anna Borisovna,

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Russian Special Communications Training Department.
17 1st Mytischinskaya Street, Moscow, 129626, Russia.
E-mail: asia833p@yandex.ru;

TARASENKO Ilya Vadimovich,

military pensioner, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Russia, Moscow.
E-mail: tarasenko.55@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов тактики ведения допроса при производстве формального и охранного жандармских дознаний на рубеже XIX-XX вв. С учетом изучения документальных источников и работ отечественных историков права, анализируются тактические особенности допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о государственных преступлениях чинами Отдельного корпуса жандармов. На основе методологического подхода очерчено научное поле проблематики эволюции криминалистической тактики. В ходе исследования применялись методы: историко-сравнительный, диахронный, историко-генетический.

Abstract. The article is devoted to the study of certain aspects of interrogation tactics in the production of formal and security gendarme inquiries at the turn of the XIX-XX centuries. Taking into account the study of documentary sources and the works of Russian legal historians, the tactical features of the interrogation of suspects and defendants in cases of state crimes by the ranks of a separate corps of gendarmes are analyzed. Based on the methodological approach, the scientific field of the problems of the evolution of criminalistic tactics is outlined. The following methods were used in the course of the study: historical-comparative, diachronic, historical-genetic.

Ключевые слова: тактика допроса, жандармское дознание, тактический прием, Отдельный корпус жандармов, Устав уголовного судопроизводства.

Keywords: interrogation tactics, gendarmerie inquiry, tactical technique, Separate corps of gendarmes, the Statute of criminal proceedings.

Для цитирования: Сабурова А.Б., Тарасенко И.В. Тактика допроса при производстве жандармского дознания XIX-XX вв.: ретроспективный анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 35-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_35.

For citation: Saburova A.B., Tarasenko I.V. Interrogation tactics during the gendarme inquiry of the 19th-20th centuries: a retrospective analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 35-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_35.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Введение

В современной криминалистической науке под тактикой допроса понимается совокупность легитимных психологических приёмов воздействия на допрашиваемого, применяемых с учетом его социальных, статусных характеристик, возрастных особенностей, половой принадлежности, состояния здоровья, с целью установления истины по уголовному делу¹.

Выбор тактического приема осуществляется с учетом психологических, социальных и биологических особенностей личности допрашиваемого лица.

В зависимости от круга лиц, тактические приемы допроса условно подразделяются на общие, применяемые ко всем категориям допрашиваемых, вне зависимости от их процессуального положения и квалифицированные – адаптированные под определенных участников уголовного судопроизводства (тактические приемы допроса подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и других участников уголовного процесса)².

В настоящей статье хотелось бы обратиться к проблеме тактики ведения допроса подозреваемых и обвиняемых по делам о государственных преступлениях чинами Отдельного корпуса жандармов.

Основная часть

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС – *И.Т.*) по делам, подсудным общим судебным установлениям, то есть окружным судам и судебным платам, а именно к ним относились дела о государственных преступлениях, предварительное следствие, проводимое судебным следователем, было обязательным.

¹ См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 48.

² См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 48.

Обратим внимание на следующие обстоятельства.

Первое, действующий УПК РФ четко определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого в совершении преступления (п. 55. ст. 5)¹. Вместе с этим Устав 1864 г. использовал термины: уголовное преследование, прокурорское преследование и судебное преследование как синонимы (см., например ст. 1, 4, 5, 479, 529 и др.)². Ст. 4 Устава устанавливала: «По уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом возлагается на прокуроров и их товарищей»³.

Второе, в Уставе не был определен процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого. По делам, подсудным общим судебным установлениям, объектом действий полиции являлся подозреваемый, однако следственные действия проводились судебным следователем в отношении обвиняемого. Подобное разделение было достаточно условным и не определяло исчерпывающе процессуальное положение данных участников. Подтверждением этому может служить ст. 407 Устава: «Каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой»⁴.

И наконец, третье обстоятельство состояло в принципиальных различиях между полицейским дознанием по делам об общеуголовных преступлениях и жандармским дознанием в рамках расследования дел о государственных преступлениях.

В соответствии со ст. 250 – 261 УУС материалы полицейского дознания не могли быть положены в основу приговора общего судебного места, а передавались судебному следователю по прибытии его на место совершения преступления для производства предварительного следствия и в последующем использовались по усмотрению следователя. Формальный допрос чинами полиции мог проводиться только в исключительных случаях, когда обвиняемый или свидетель могли умереть до прибытия судебного следователя; при этом они должны были строго соблюдать требования УУС, установленные для этого следственного действия. Ст. 280 давала право прокурору присутствовать при проведении любого следственного действия.

19 мая 1871 г. император утвердил «Правила о порядке действий чинов Корпуса Жандармов по исследованию преступлений» (далее – Отдельный корпус жандармов/ОКЖ)⁵. Согласно правилам, формальное дознание по государственным преступлениям, производили исключительно чины губернских жандармских управлений (далее ГЖУ – И.Т.) по предложению прокурора судебной палаты или по собственной инициативе с уведомлением прокурора. Общее руководство дознаниями осуществлял прокурор судебной палаты. А непосредственное наблюдение (надзор – И.Т.) было возложено на прокуроров окружных судов. Жандармским чинам было предоставлено право проводить следственные действия в полном объеме, руководствуясь требованиями УУС.

Завершенное формальное дознание поступало прокурору судебной палаты, который в соответствии со ст. 545 УУС имел право направить материалы для производства предварительного следствия, или на основании того, что дела о государственных преступлениях рассматривались без участия присяжных заседателей, самостоятельно составить обвинительный акт и направить дело в суд.

Закон от 1904 г.⁶ ввел норму, в соответствии с которой завершенное дознание могло быть передано прокурору судебной палаты с составленным лицом, производящим дознание, обвинительным актом. Таким образом, жандармское дознание, начиная с 1871 г. стало юридическим актом.

Заключение о том, что жандармское дознание «... есть ничто иное, как предварительное следствие, но только произведенное офицерами корпуса жандармов, под наблюдением прокурорского надзора»⁷ было сформулировано также в руководстве для чинов ОКЖ, изданном в 1885 г.

Вывод о практическом тождестве жандармского дознания и предварительного следствия сделал и уголовно-кассационный департамент Сената в своем решении № 2 от 1908 г.⁸

При этом циркуляр Шефа жандармов 1871 г. № 18⁹ устанавливал, что формальные допросы могут сниматься не только в исключительных случаях, но и в процессе всего дознания. Цирюляры ОКЖ рекомендовал допросы любых участников формального дознания проводить в присутствии чинов прокурорского надзора, во избежание возникновения проблем при передаче дела прокурору палаты¹.

¹ См. : Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. : Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 19.04.2025).

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 19.04.2025).

⁴ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 19.04.2025).

⁵ См. : 19 мая 1871 г. Высочайше утвержденные Правила о порядке действий чинов Корпуса Жандармов по исследованию преступлений // Полное собрание законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание 2-е. – СПб. : Тип. II отд.-ния с. е. и. в. Канцелярии, 1885 – 1916. – Т. 1 – 33. – Т. 24, 1907. – С. 658 – 666.

⁶ См. : 7 июня. 1904 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание 3-е. - СПб. : Тип. II отд.-ния с. е. и. в. Канцелярии, 1885 – 1916. – Т. 1 – 33. – Т. 24, 1907. – С. 658 – 666.

⁷ Руководство для чинов Корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний / полковник Попов А. А. – С. –Петербург : Типография Месника и Римана, 1885. – 227 с. – С. 123 – 124.

⁸ См. : Краковский К. Полицейское дознание во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Российская научная электронная библиотека «Киберленика» : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/policheskoe-doznanie-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-hh-veka/viewer> (дата посещения 21.04.2025).

⁹ См. : Добряков В. И. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. СПб. : Типография Штаба Отд. Корп. Жанд., Спасская, № 17, 1903. – 688 с. – С. 232.

Помимо формального дознания чины ОКЖ осуществляли также охранное дознание. Закон от 14 августа 1881 г. ввел в действие Положение к охранению государственного порядка и общественного спокойствия². На его основании в России началось развертывание сети Отделений по охранению общественной безопасности и порядка или (с 1907 г.) Охранных отделений, подчиненных Особому отделу Департамента полиции МВД (далее ДП – *И.Т.*). Именно эти структуры, чья деятельность не была подвержена прокурорскому надзору, занимались непосредственной оперативно-разыскной работой в отношении противоправительственных организаций и отдельных лиц с целью их «ликвидации», сутью которой было «заарестование» в терминологии того времени.

Охранные отделения могли проводить дознание даже в том случае, если не было достаточных законных оснований для начала формального дознания. Это, условно говоря «охранное дознание» начиналось на основе результатов оперативно-разыскных мероприятий, в том числе и в целях проверки политической благонадежности какого-либо лица. Данное дознание проводилось вне прокурорского надзора и при этом разрешалось проведение всех следственных действий, предусмотренных правилами проведения формального дознания. Начальник Охранного отделения мог использовать результаты дознания в интересах дальнейшего политического розыска, а мог направить материалы дознания начальнику ГЖУ, который определял дальнейшее направление дела – начать формальное дознание при наличии необходимой доказательной базы или направить дело для разрешения в административном порядке в Особое совещание при МВД.

При этом Департамент полиции категорически требовал от начальников Охранных отделений не приобщать к формальному дознанию ряд сведений, полученных агентурным путем в ходе охранного дознания³.

Изучение и сопоставительный анализ документов ОКЖ, Департамента полиции и свидетельств современников позволяет сделать вывод, что о какой-либо системности в работе по выработке тактических приемов ведения допроса по делам о государственных преступлениях при производстве формальных и охранных дознаний в структурах политического розыска говорить не приходится.

Достаточно сказать, что вышедший в России в 1895 – 1896 гг. труд Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» и ставший настольной книгой большинства судебных следователей ни в документах руководящих органов политического розыска, ни на страницах мемуаров его деятелей даже не упоминается.

Руководящие документы Департамента полиции, ОКЖ лишь разъясняли, комментировали или дополняли установленные УУС процессуальные нормы ведения допроса, ничего не говоря о его содержании.

Изучение источников по заявленной проблеме, позволяет дать краткую характеристику некоторым тактическим приемам ведения допроса чинами ОКЖ в ходе как формальных, так и охранных дознаний, соотносясь с их современной классификацией.

Если вести речь об общих тактических приемах допроса, способствующих установлению психологического контакта с допрашиваемым, то необходимо в первую очередь сказать о приеме индивидуального подхода к каждому допрашиваемому позволяющем снять излишнее эмоциональное напряжение допрашиваемого⁴.

Самым великим мастером создания теплой неформальной обстановки на допросах был безусловно, начальник Московского охранного отделения, а затем Особого отдела Департамента полиции МВД С.В. Зубатов. Служащий Особого отдела Департамента полиции, позже ставший разоблачителем тайн охраны, Л.П. Меньщиков, генерал ОКЖ А.И. Спиридович, служивший сначала в Московском Охранном отделении, затем возглавлявший Киевское Охранное отделение и тайную агентуру дворцового коменданта писали, что зубатовские допросы зачастую представляли собой беседы с допрашиваемыми за чашкой чая, или обедом, принесенным из ближайшего трактира о неправомерности путей, которыми идут революционеры, о вреде, который они наносят государству⁵.

Тот же А.И. Спиридович прекрасно использовал зубатовский прием при проведении в 1901 г. дознания по делу об эсеровской типографии в Томске, о чем свидетельствуют его воспоминания: «... была среди них одна пренесимпатичная барыня. Привезут ее, бывало, в сорокаградусный мороз на допрос, бранится, посиневшая, во всю... Предложишь ей погреться около распаленной печки, предложишь чаю – начинает успокаиваться. Снимет ботинки, греет ноги и становится поспокойнее, но показания дает скупое; нет, нет, да и фыркнет: – вы, мол, жандармы...»⁶.

И.Ф. Окладский, приговоренный в 1925 г. Верховным судом РСФСР к расстрелу за более чем 37-летнюю службу секретным агентом тайной полиции, в своей автобиографии, написанной при следствии в ГПУ, сообщал, что еще в 1880 г. сотрудник охранного отделения Никольский проводил его допрос в отсутствие наблюдающего прокурора А.Ф. Добржинского за столом с водкой и закусками⁷.

Оперативный состав также использовал прием позитивной оценки той или иной части информации, сообщаемой допрашиваемым, поощрения его каких-либо действий или качеств в целях раскрепощения допрашиваемого, нейтрализации его внутреннего напряжения⁸. В частно-

¹ См.: например: Систематический сборник циркуляров Департамента Полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. Совершенно секретно. (Не подлежит оглашению) / Составил Коллежский Советник Савицкий. Чиновник Особых поручений V класса при Департаменте Полиции. – С.-Петербург: Типография Штаба Отд. Корп. Жанд. Сласская, 17, 1908. – 308 с. – С. 34 – 35.

² См.: 14 августа 1881 г. Высочайше утвержденное Положение к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание 3-е. – СПб.: Тип. II отд.-ния с. е. и. в. Канцелярии, 1885 - 1916. – Т. 1 - 33. – Т. 1, 1885. – С. 261 – 266.

³ См.: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880-1917. Сост. Е.И. Щербакова. Серия «АИРО — Первая публикация» / Под ред. Г. А. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 384 с. — С. 107 – 108.

⁴ См.: Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е. С. Черкасова. – М.: Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 49.

⁵ См.: Меньщиков Л. П. Охрана и революция: в 3 частях. – Ч. 1 Годы реакции 1885 – 1898. – М.: «Мосполиграф», 1925. – 431 с. – С. 304 – 305; Спиридович А. И. Записки жандарма / С предисловием и комментариями Пионтковского С. А. – Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1928. [Электронный ресурс] // бесплатная электронная библиотека «Royallib.com»: [сайт]. URL: https://royallib.com/book/i_spiridovich/zapiski_gandarma.html (дата обращения: 27. 04. 2025).

⁶ Спиридович А. И. Указ. соч.

⁷ См.: Дело провокатора Окладского. Тридцать семь лет в охране. – Петроград: «Рабочий Суд», 1925. – 184 с. – С. 143 – 144.

сти, вице-директор ДП по политической части А.Т. Васильев в 1911 г. проводил допросы арестованных при пересечении границы выпускников ленинской школы на Капри². Один из допрашиваемых, молодой человек с чистой и открытой душой, рассказывал о сильном впечатлении, которое производила на юных революционеров необходимость в дальнейшем соблюдать суровый коммунистический образ жизни, полный самоотречения. Он говорил, что очень болезненно ощущает контраст между этими наставлениями и комфортом, если не сказать роскошью, которой окружают себя «профессора» на Капри. А.Т. Васильев поддержал его в подобной нравственной оценке «профессуры» и в дальнейшем получил детальную информацию о содержании и методах обучения, принятых в ленинской Каприйской школе.

В интересах установления психологического контакта с допрашиваемым использовался прием выбора аргументации, реализуемый с учетом личностных особенностей допрашиваемого. При этом приеме каждый последующий аргумент ведущего допрос был весомее, чем предыдущий, согласовывался с предыдущей аргументацией; нейтрализация аргументации обвиняемого осуществлялась логикой опровержения. А.И. Спиридович во время службы в Московском Охранном отделении проводил допросы, привлеченных по делу «Толстовцев» о распространении запрещенных произведений Л.Н. Толстого. Первоначально допрашиваемые, люди зрелые и образованные, отказывались от дачи показаний. А.И. Спиридович сначала интересовался у допрашиваемых сущностью толстовского «непротивления злу насилием», их пониманием категории «идейность», а потом поинтересовался – почему при первом же столкновении с ненавистной для них властью, они прячутся и боятся исповедовать свою веру. А.И. Спиридович, подытоживая свои воспоминания об этом дознании, заключает: «Спорили мы немного. Все толстовцы дали полное и откровенное показание, и картина получилась»³.

В числе общих тактических приемов допроса, применяемых в бесконфликтных ситуациях, офицеры, проводящие дознания применяли прием использования ассоциативных связей по смежности и по сходству⁴. В январе 1906 г. проводилось дознание по делу о покушении на минского губернатора П.Г. Курлова⁵. В ходе дознания с целью опознания личности женщины Александры Адольфовны Измаиловы, стрелявшей в чинов полиции, удививших с места преступления молодого человека, метнувшего взрывное устройство в губернатора, была допрошена горничная указанной дамы Татьяна Курилло, опознавшая в представленной женщине А.А. Измаилову. При проведении опознания свидетельнице как бы случайно была предъявлена фотокарточка Ивана Пулихова, метнувшего взрывное устройство. Свидетельница показала, что узнает человека на фотографии, и что он несколько раз приходил к ее хозяйке, то есть А.А. Измаилову.

Достаточно часто чины корпуса, ставя перед собой задачу мотивировать допрашиваемого к даче показаний, практиковали тактический прием «Качели», реализуемый путем контролируемого перевода общения на неожиданные для допрашиваемого темы, не затрагивающие преступного события, при полном погружении в них с последующим резким переходом к вопросам о расследуемом преступлении⁶.

Уже упоминавшийся Л.П. Меньщиков в своем труде «Охрана и революция» писал, что обвиняемые по тем или иным соображениям, иногда, с весьма благими намерениями (выгородить других, ускорить окончание расследования и пр.), находили нужным вступать в разговоры с жандармами, писать для них объяснения и разъяснения и, таким образом, давали им уличительный формальный материал⁷.

С.В. Зубатов беседовал с допрашиваемым, казалось бы, на отвлеченные темы, в общем направлении – язвы современного российского общества. Спорил, высказывал согласие или не понимание, причем все это не протоколировалось. Но как только его визави в запале дискуссии начинал приводить факты из своей противоправной деятельности, то С.В. Зубатов выливал на него ушат холодной воды, предлагая дать письменные показания⁸.

Директор Департамента полиции А.Ф. Добржинский⁹, имевший большой опыт прокурорской деятельности, в 1896 г. лично проводил допросы привлеченных в качестве обвиняемых по делу террористического народовольческого кружка «Распутинцев» в Москве Распутина, Акимова, Бахарева и З.Ф. Гернгрос-Жученко. Допрос он начинал с эмоционального одобрения реакционной политики правительства, а когда допрашиваемый, споря с ним, входил в раж, А.Ф. Добржинский начинал ставить конкретные вопросы относительно противоправительственной деятельности допрашиваемого. Эффективность такого приема доказывается хотя бы тем, что в ходе дознания была проведена вербовка З.Ф. Гернгрос-Жученко и она была важным агентом Охранного отделения в партии социалистов-революционеров до своего разоблачения в 1909 г.

К общим тактическим приемам допроса обвиняемого, применяемым относился, например прием пресечения лжи¹⁰. Он заключался в немедленном отклонении лживых показаний, пресечении лжи путём предъявления имеющихся у ведущего допрос достоверных данных по поводу обстоятельств дела, задокументированных в материалах дела.

В марте 1880 г. прокурор Петербургской судебной палаты, наблюдавший за проведением жандармскими офицерами дознания по делу

¹ См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 49.

² См. : Васильев А. Т. Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой : в 2 тт. – Т. 2. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. [Электронный ресурс] // бесплатная электронная библиотека «Royallib.com» : [сайт]. URL: https://royallib.com/book/gerasimov_aleksandr/ohranka_vospominaniya_rukovoditeley_politicheskogo_siska_tom_2.html (дата обращения: 07. 04. 2025).

³ См. : Спиридович А. И. Указ. соч.

⁴ См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 50.

⁵ См. : Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX вв.) : сборник документов / Ред. Бордюгов Г.А. – М. : АИРО-XX, 2001. – 520 с. [Электронный ресурс] // электронная библиотека «Литературный гуру» : [сайт]. URL: <https://litgu.ru/knigi/history/380890-politicheskaja-policija-i-politicheskij-terrorizm-v-rossii-vtoraja-polovina-xix-nachalo-xx-veka.html> (дата обращения: 27.04.2025).

⁶ См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 51.

⁷ См. : Меньщиков Л. П. Указ. соч. – С. 427.

⁸ См. : Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с. – С. 31.

⁹ См. : Меньщиков Л. П. Указ. соч. – С. 269.

¹⁰ См. : Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е.С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 57.

о взрыве в Зимнем дворце 5 апреля этого же года, докладывал директору ДП В.К. Плеве о ходе дознания¹. В записке указывалось, что в ходе дознания были допрошены обвиняемые В.И. Фигнер по вопросу о ее контактах с лицами, жившими в помещении тайной типографии и А.А. Квятковский о его противоправительственной деятельности. Последний показал, что найденный у него при аресте план Зимнего дворца принадлежал лицу, застрелившемуся при аресте, и был оставлен им в типографии. В.И. Фигнер в свою очередь категорически отрицала факт посещения этим указанным лицом помещения тайной типографии. Противоречия в показаниях допрашиваемых позволили конкретизировать обвинение против А.А. Квятковского и после сведений данных предателем И.Ф. Окладским, завершить дознание, передав его материалы прокурору. На «Процессе 16» в октябре 1880 г. А.А. Квятковский был приговорен к смертной казни и повешен в Петропавловской крепости.

На ограничение умышленно ложных показаний был направлен прием использования вероятностной информации без ее детализации, смоделированной на основе установленных фактов. Данный прием побуждал допрашиваемого к так называемым «оговоркам», позволяющим установить умысел на введение следствия в заблуждение².

В своих мемуарах³ полковник А.П. Мартынов пишет, что летом 1907 г. в бытность его начальником Саратовского охранного отделения от бывшего у него на связи агента стало известно, что группа эсеров-максималистов готовит убийство Мартынова А.П. Для реализации своего плана заговорщики установили связь со сторожем охранного отделения Иваном Афонинным, который обещал им ночью открыть дверь в Охранное отделение, на территории которого проживал его начальник. А.П. Мартынов немедленно провел допрос И. Афонова, который обескураженный потоком обрушенной на него информации, немедленно дал признательные показания, после чего был арестован и передан в ГЖУ для производства формального дознания.

Активный участник политических процессов 1905 г. защитник Л.М. Мандельштам, анализируя процесс по делу Боевой организации партии эсеров, вспоминал, что ее руководитель Г. Гершуни, общаясь со своим адвокатом в ходе суда, поражаюсь осведомленности жандармов⁴. Это было отнюдь не случайным, поскольку для добывания необходимых доказательств оперативный состав, совместно с прокурорской властью, наряду с другими тактическими приемами зачастую применял прием создания у допрашиваемых искаженного представления об осведомленности лиц ведущих дознание посредством продуманной демонстрации доказательств.

Мартынов, бывший в 1903 г. помощником Петербургского ГЖУ был свидетелем, как подобный прием был использован, наблюдавшим за дознанием по делу боевой организации партии социалистов-революционеров, товарищем прокурора Петербургской судебной палаты М.И. Трусевичем, ставшим через некоторое время директором ДП⁵.

Мартынов А.П., не участвующий непосредственно в дознании, вспоминал, что М.И. Трусевич в ходе проведения допросов привлеченных по делу в качестве обвиняемых офицеров Михайловской артиллерийской академии поручиков Е.К. Григорьева и Б.И. Надарова достал целую пачку фотографий различных революционных лидеров, в своё время арестованных и сфотографированных, и предъявил их для опознания арестованным офицерам. Мартынов А.П. был удивлен тем, что карточка Г. Гершуни (руководитель боевой организации – И.Т.), о роли которого в организации жандармам было достаточно известно, была втиснута в самую середину пачки. Однако через несколько минут действия М.И. Трусевича ему стали абсолютно понятными: Е.К. Григорьев, дойдя до карточки Г.А. Гершуни, решил, что жандармам все известно, испугался отягощения своей вины и начал давать признательные показания.

В ряду тактических приемов допроса обвиняемого для противодействия в конфликтной ситуации жандармские чины весьма часто практиковали прием моделирования для допрашиваемого вариантов поведения сообщников, чтобы с учетом личностных качеств и степени тяжести содеянного убедить его первым занять позитивную позицию и дать правдивые показания⁶. Агент охраны Б.М. Долин в своей «Исповеди шпиона»⁷ писал, что в 1903 г. его вызвали в Екатеринославское ГЖУ, где ему было заявлено, что его арестованный товарищ показал, что приносил запрещенную литературу на квартиру Долина Б.М., после чего последний сообщил установочные данные на своего приятеля. Позже выяснилось, что товарищ этот был задержан с поличным, благодаря именно показаниям Долина Б.М.

Завершая рассмотрение заявленной проблемы, необходимо отметить, что чинам ОЖК при проведении допросов в присутствии прокурорских работников в ходе формального дознания нередко приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы в показаниях допрашиваемых не прозвучали фамилии секретных сотрудников, прекрасно известные по охранному дознанию. В противном случае, прокурор мог дать предложение по проведению следственных действий в отношении вновь установленного лица, в результате которых агент мог стать участником судебного процесса, любого процессуального статуса.

Таким образом, анализ используемых тактических приемов ведения допросов чинами ОЖК, обобщение его результатов, выработка практических рекомендаций по их применению не являлись предметом приложения усилий ни Департамента полиции МВД, как руководящего органа политического розыска, ни руководства жандармских управлений и охранных отделений, что являлось одной из составляющих недоста-

¹ См.: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX вв.): сборник документов / Ред. Бордюгов Г.А. – М.: АИРО-XX, 2001. – 520 с. [Электронный ресурс] // электронная библиотека «Литературный гур» : [сайт]. URL: <https://litgu.ru/knigi/history/380890-politicheskaja-policija-i-politicheskij-terrorizm-v-rossii-vtoraja-polovina-xix-nachalo-xx-veka.html> (дата обращения: 27.04.2025).

² См.: Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е. С. Черкасова. – М.: Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 52.

³ См.: Мартынов А. П. Указ. соч.

⁴ См.: Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. – М.: Изд-во Политгортран, 1931. – 392 с. – С. 231.

⁵ См.: Мартынов А. П. Указ. соч.

⁶ См.: Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е. С. Черкасова. – М.: Московская академия СК России, 2022. – 60 с. – С. 56.

⁷ См.: Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. – М.: Изд-во политгортран, 1930. – 160 с.; Секретные сотрудники и провокаторы: Сб. / Под ред. и с предисл. П. Е. Щеголева. – М.: Л.: Гос. изд-во, 1927. – 256 с. [Электронный ресурс] // электронная библиотека «Флибуста» : [сайт]. URL: <https://flibusta.club/b/264481/read?ysclid=lcg1dcb1u4387871166> (дата обращения: 09.04.2025).

точной эффективности их деятельности по обеспечению стабильности существующего в стране политического режима, что повлекло предпосылки развития противоречий с интересами исторического прогресса российского социума на рубеже XIX – XX столетий.

Список литературы:

1. Анисимов Н. Н. Борьба большевиков против тайной политической полиции самодержавия (1903-1917). – Свердловск : Свердловское издательство Уральского университета, 1989. – 98 с.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
3. Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М. : «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с.
4. Изучение личности допрашиваемого лица для выработки тактики допроса: учеб-методическое пособие / Ю. В. Воронова, А. А. Лебедева, А. Б. Сабурова, Ф. К. Свободный, Е. С. Черкасова. – М. : Московская академия СК России, 2022. – 60 с.
5. Краковский К. Полицейское дознание во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Российская научная электронная библиотека «Киберленинка» : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doznanie-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-hh-veka/viewer> (дата посещения 21.04.2025).
6. Манделштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. – М. : Изд-во Политкаторжан, 1931. – 392 с.
7. Меньшиков Л. П. Охрана и революция : в 3 частях. – Ч. 1 Годы реакции 1885 – 1898. – М. : «Мосполиграф», 1925. – 431 с.
8. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX вв.) : сборник документов / Ред. Бордюгов Г. А. – М. : АИРО-XX, 2001. – 520 с. [Электронный ресурс] // электронная библиотека «Литературный гур» : [сайт]. URL: <https://litgu.ru/knigi/history/380890-politicheskaja-policija-i-politicheskij-terrorizm-v-rossii-vtoraja-pолоvine-xix-nachalo-xx-veka.html> (дата обращения: 27.04.2025).
9. Руководство для чинов Корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний / полковник Попов А. А. – С. –Петербург : Типография Месника и Римана, 1885. – 227 с.
10. Спиридович А. И. Записки жандарма / С предисловием и комментариями Пионтковского С. А. – Харьков : Изд-во «Пролетарий», 1928. [Электронный ресурс] // бесплатная электронная библиотека «Royallib.com» : [сайт]. URL: https://royallib.com/book/i_spiridovich/zapiski_gandarma.html (дата обращения: 27. 04. 2025).
11. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. – М.: Изд-во политкаторжан, 1930. – 160 с.; Секретные сотрудники и провокаторы: Сб. / Под ред. и с предисл. П. Е. Щеголева. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 256 с. [Электронный ресурс] // электронная библиотека «Флибуста» : [сайт]. URL:<https://flibusta.club/b/264481/read?ysclid=lcg1dcb1u4387871166> (дата обращения: 09.04.2025).

References:

1. Anisimov N. N. Bor'ba bol'shevikov protiv taynoy politicheskoy politzii samoderzhaviya (1903-1917). – Sverdlovsk : Sverdlovskoye izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1989. – 98 s.
2. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki. – Novoye izd., perepetch. s izd. 1908 g. – M. : LeksEst, 2002. – 1088 s.
3. Zhandarmy Rossii / Sost. V. S. Izmozik. – SPb.: Izdatel'skiy Dom «Neva»; M. : «OLMA-PRESS», 2002. – 640 s.
4. Izucheniye lichnosti doprashivayemogo litsa dlya vyrabotki takтики doprosa: ucheb-metodicheskoye posobiye / YU. V. Voronova, A. A. Lebedeva, A. B. Saburova, F. K. Svobodnyy, Ye. S. Cherkasova. – M. : Moskovskaya akademiya SK Rossii, 2022. – 60 s.
5. Krakovskiy K. Politseyskoye doznaniye vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Elektronnyy resurs] // Rossiyskaya nauchnaya elektron-naya biblioteka «Kiberleninka» : [sayt]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doznanie-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-hh-veka/viewer> (data poseshcheniya 21.04.2025).
6. Mandel'shtam M. L. 1905 god v politicheskikh protsessakh. Zapiski zashchitnika. – M. : Izd-vo Politkatorzhan, 1931. – 392 s.
7. Men'shchikov L. P. Okhrana i revolyutsiya : v 3 chastyakh. – CH. 1 Gody reaktsii 1885 – 1898. – M. : «Mospoligraf», 1925. – 431 s.
8. Politicheskaya politziya i politicheskij terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) : sbornik dokumentov / Red. Borduygov G. A. – M. : AIRO-XX, 2001. – 520 s. [Elektronnyy resurs] // elektron-naya biblioteka «Literaturnyy guru» : [sayt]. URL: <https://litgu.ru/knigi/history/380890-politicheskaja-policija-i-politicheskij-terrorizm-v-rossii-vtoraja-pолоvine-xix-nachalo-xx-veka.html> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
9. Rukovodstvo dlya chinov Korpusa zhandarmov pri proizvodstve sledstviy i doznaniy / polkovnik Popov A. A. – S. –Peterburg : Tipografiya Mesnika i Rimana, 1885. – 227 s.
10. Spiridovich A. I. Zapiski zhandarma / S predisloviyem i kommentariyami Piontkovskogo S. A. – Khar'kov : Izd-vo «Proletariy», 1928. [Elektronnyy resurs] // besplatnaya elektron-naya biblioteka «Royallib.com» : [sayt]. URL: https://royallib.com/book/i_spiridovich/zapiski_gandarma.html (data obrashcheniya: 27. 04. 2025).
11. Shchegolev P. Ye. Okhranniki i avanyuristy. – M.: Izd-vo politkatorzhan, 1930. – 160 s.; Sekretnyye sotrudniki i provokatory: Sb. / Pod red. i s predisl. P. Ye. Shchegoleva. – M.; L.: Gos. izd-vo, 1927. – 256 s. [Elektronnyy resurs] // elektron-naya biblioteka «Flibusta» : [sayt]. URL:<https://flibusta.club/b/264481/read?ysclid=lcg1dcb1u4387871166> (data obrashcheniya: 09.04.2025).

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL EXCLUSION IN THE TAX SPHERE OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN STATE: THE THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

НИЗОВЦЕВ Валерий Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции
Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова.
346420, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения д. 98 а.
E-mail: nizovtsev.vv@yandex.ru;

NIZOVTSEV Valery Vladimirovich,

candidate of legal sciences, associate professor, Head of the Department of Jurisprudence
South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov.
346420, Russia, Rostov Region, Novocherkassk, Prosvetleniya str. 98 a.
E-mail: nizovtsev.vv@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье с теоретико-правовых позиций рассматривается правовое отчуждение, в части доверия к праву и состоянию правового сознания в наиболее отчужденной налоговой сфере правовой действительности. Обосновывается противоречивое состояние, амбивалентность правового сознания в налоговой сфере и его связь с отчуждением в праве. Постулируется в современном состоянии правосознания инструментальное отношение к закону, в частности, зависимость уважения к закону в большей степени не от правовой грамотности населения, а от справедливости самих законов. Автором отмечено, что минимизация правового отчуждения и повышение доверия к налоговой сфере является перспективным направлением формирования преимущественно положительного состояния правосознания в налоговой сфере современного российского государства.

Abstract: The article examines legal alienation from a theoretical and legal perspective, focusing on trust in law and the state of legal consciousness in the most alienated tax sphere of legal reality. It substantiates the contradictory state and ambivalence of legal consciousness in the tax sphere and its connection with legal alienation. The article postulates that in the current state of legal consciousness, there is an instrumental attitude towards the law, and respect for the law is largely dependent not on the legal literacy of the population, but on the fairness of the laws themselves. The author notes that minimizing legal alienation and increasing trust in the tax sphere is a promising way to create a predominantly positive state of legal consciousness in the tax sphere of the modern Russian state.

Ключевые слова: право, закон, правосознание, состояние правосознания, правовое отчуждение.

Key words: right, law, legal consciousness, state of legal consciousness, legal alienation.

Для цитирования: Низовцев В.В. Правовое сознание и правовое отчуждение в налоговой сфере современного российского государства: теоретико-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 41-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_41.

For citation: Nizovtsev V.V. Legal consciousness and legal exclusion in the tax sphere of the contemporary Russian State: theoretical and legal aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 41-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_41.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Исследование проблематики правового сознания и правового отчуждения в современном российском праве сказывается на потенциальном формировании гражданского общества с основным целеполаганием защиты публичных интересов в различных сферах. В условиях воплощения в жизнь национальных целей и стратегических задач, формирующихся, в том числе и на налоговом потенциале государства, переосмысление теоретического инструментария обуславливает новые пути совершенствования механизма правовой адаптации.

Как известно правосознание характеризуется оценочным отношением к праву и его реализации, наличием в нем как позитивных, так и негативных ориентаций, влияющих на поведение граждан в правовой сфере. Правомерное и противоправное поведение в современном российском государстве в определенной степени детерминируются правосознанием. Всякое государство, объективно заинтересовано в преобладании положительного правосознания, что невозможно без внимания к факторам, влияющим на состояние правосознания граждан, одним из которых выступает налоговая сфера.

Традиционно проблема правосознания анализируется в контексте преодоления правового нигилизма и обеспечения уважения к закону за счет улучшения правовой грамотности и воспитания, а также совершенствования законодательства и правоприменительной практики. При этом отмечается присущее правосознанию состояние относительной статичности, устойчивости, сопротивляемости новым идеям [16, с. 60]. Учитывая наличие таких подходов, следует подчеркнуть, что методологически перспективным является исследование динамичного правового сознания, на что обращает внимание Ю.А. Тихомиров [17, с. 37-47]. Изменяющаяся правовая действительность отражается сознанием перманентно и отношение к праву может быть изменчивым и для этого, как представляется, наиболее релевантной является категория «состояния правосознания», под которым можно понимать отражение в сознании граждан, их групп и общества, длящихся и появляющихся фактических обстоятельств, относящихся к правовой действительности. При этом в текущем правовом сознании отражение правовой действительности с учетом конкретных обстоятельств может перестать соответствовать позитивному типу. Уважение к праву в определенное время или моменты может смениться неприятием и девальвацией его ценности.

В теоретико-правовых исследованиях правового сознания получило определенное распространение понятие «правовое отчуждение» [10, с. 5-16; 21, с. 276-282], которое, по крайней мере, в части его субъективной стороны, действительно применимо для изучения состояния современного правового сознания. Правовое отчуждение представляет собой процесс и результат перехода части прав и свобод граждан для установления внешнего и независимого от них правового регулирования. Правовое отчуждение указывает на существующее отстранение позитивного права и правоприменения от граждан, а также - отстранение граждан от позитивного права и его применения. Вместе с тем, если правовое сознание в негативном состоянии демонстрирует неверие в необходимость права или неуважение к нему, правовое отчуждение является показателем недоверия праву, критического к нему отношения.

Правовое отчуждение является естественным спутником позитивного права. Э. Фромм по поводу правового отчуждения писал: «Нами управляют законы, которые мы не контролируем и даже не хотим контролировать, и этот факт является одним из ярких проявлений отчуждения» [19, с. 68]. Другими проявлениями правового отчуждения, по мнению Гулиева В.Е. и Колесникова А.В., являются «невозможность осуществления законных прав, в строгом смысле слова – невозможность адекватного исполнения законов в силу несовершенства и самих законов, и механизма их применения и исполнения» [8, с. 138].

Крайние проявления правового отчуждения являются опасными и не согласуются с регулирующей функцией права в современном российском государстве, поэтому правовое отчуждение должно быть ослаблено за счет не допущения его обострения. Полностью преодолеть правовое отчуждение невозможно и с этим мнением названных авторов можно согласиться, как и с тем, что правовое отчуждение можно минимизировать, процесс и результат которой называется «деалиенацией». Таким образом, правовое отчуждение может иметь как нормальное, природно-конвенциональное, так и излишнее или даже чрезмерное значение, влияющее на динамическое состояние правового сознания.

Вряд ли оспаривается, что теория права формирует свои выводы и получает импульсы к развитию в непосредственной связи с другими юридическими науками, отталкивается от фактического материала отраслевых наук для теоретических обобщений. Как видится, наиболее отчужденной, с точки зрения права, является налоговая сфера, под которой понимается система общественных отношений по поводу взимания обязательных индивидуально – безвозмездных платежей, урегулированных нормами налогового права [15, с. 43]. В налоговой сфере правовое отчуждение существует ввиду противоречия между частными интересами налогоплательщика в распоряжении собственностью в своем интересе и необходимостью ее отчуждения государству на обеспечение общих нужд.

Предполагаемый или условный баланс интересов состоит в том, что в соответствии со статьей 3 Налогового кодекса Российской Федерации [2] при установлении налогов учитывается способность налогоплательщиков к уплате налогов, налоги и сборы должны быть экономически обоснованными и не могут быть произвольными. Однако, правовой консенсус в действующей системе налогообложения в России подвергается жесткой критике со стороны налогоплательщиков, у них «отсутствует доверие к государству в лице Федеральной налоговой службы Российской Федерации, нет уверенности в том, что средства, уплаченные ими в виде налогов, идут на общественные нужды» [15, с. 43]. Все это в полной мере относится и другим субъектам, т.е. бизнесменам, руководителям и политикам.

Налоговые правоотношения достаточно часто связаны с конфликтными ситуациями, которые вызваны потерей доверия в социальной справедливости норм налогового права и негативным правосознанием, как служащих налоговых органов, так и судей. По мнению В.Д. Зорькина, «отчуждение, т.е. взаимное недоверие между властью и обществом, это исконная российская проблема, которую невозможно решить за пару десятилетий» [9, с. 4]. После дополнения 2020 году Конституции Российской Федерации [1] статьей 75.1 вопрос развития взаимного доверия государства и общества приобрел еще большую важность. С точки зрения М.В. Селюкова, формирование доверия у граждан к государственным институтам невозможно без развития самих налогоплательщиков, их культуры в области налогообложения, повышения мотивации налогоплательщиков и т.д. [15, с. 48-49]. М.В. Чернова и Е.С. Баранова предлагают анализировать недоверчивое отношение к праву и его институтам «через призму правовой ментальности – сложного и многогранного явления, характерного для российской культуры» [16, с. 52-53].

Представляется, вопрос доверия к налоговому праву и налоговым органам как проблемы правового отчуждения, не может быть отнесен исключительно к самим налогоплательщикам, т.е. субъективной стороне правового отчуждения. Нарушение правового консенсуса в налоговой сфере создает условия для обострения правового отчуждения и его критичного восприятия налогоплательщиком. По мнению Лейста О.Э., «возможность издания верховной властью «незаконных законов» - одна из острых политико-правовых проблем истории и современности» [11, с. 138].

При выполнении законотворческой функции могут иметь место не только ошибки и недосмотры, но и, по выражению В.В. Лазарева, «квалифицированное молчание законодателя, когда он намеренно оставляет вопрос открытым, воздерживается от принятия нормы, показывая тем самым нежелание ее принимать, относя решение дела за пределы законодательной сферы» [12, с. 301]. С. Филиппова обращает внимание на умышленный пробел законодательства [18, с.10]. Если законодатель сознательно молчит, функция законодателя переходит к правоприменителю, свобода усмотрения которого ограничена лишь его правосознанием. Но принимаемые налоговыми органами решения зачастую не способствуют «деалиенации», поскольку публичные интересы подменяются ведомственными или даже собственными (должностных лиц) интересами [4, с. 32].

Правовое отчуждение в налоговой сфере взаимодействует с правовым сознанием, под которым, по мнению Е.К. Борисовой, понимается «совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов, настроений, установок и ценностей, в которых выражается отношение людей к праву и правовым явлениям» [6, с. 96]. Нормы позитивного права проходят через «фильтр» правового сознания, прежде чем наступает момент их реализации и воплощения в правовом порядке. Существующий правовой порядок далек от приемлемого для общества состояния. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (пункт 10) отмечается, что правовой нигилизм и недостаточный уровень правосознания и правовой культуры, являются значительными препятствиями для реализации верховенства права [3]. Таким образом, формирование позитивного типа правосознания и поведения является важной государственной задачей в то время как правовой нигилизм служит благоприятной средой для деструктивных социальных явлений.

В налоговой сфере, правовой нигилизм может приводить к уклонению от уплаты налогов (сборов и взносов) и другим нежелательным последствиям. Вместе с тем отрицание законов, их игнорирование, хотя и имеет место в российской правовой действительности, но все же в ярко выраженном виде уступает проблеме добросовестности и уважения в налоговой сфере. В России граждане признают законы, в основном их соблюдают, но при этом не испытывают уважение к ним и к налоговым органам. Социологи отмечают противоречивость правового сознания российского населения. С одной стороны, граждане относятся к закону как к важной ценности, считая, что его соблюдать нужно (независимо от

того, «хорош он или плох») [13, с. 98]. С другой стороны, они допускают и оправдывают нарушение закона, 40% - 50% студентов и населения оправдывают нарушение закона при определенных условиях, в частности, если его считают несправедливым. [7, С. 140].

Помимо противоречивости правосознания в его современном состоянии наблюдается инструментализация, т.е. восприятие закона как средства для достижения целей, защиты своих прав, что в большей степени характерно для молодежи, военнослужащих, работников правоохранительных органов, таможи и налоговой инспекции [13, с. 92-93]. При этом инструментализация правового сознания не свидетельствует об уважении к закону как социальной ценности, но это не должно распознаваться в качестве дефекта в состоянии правосознания, поскольку не вполне уместным является ожидание от граждан большего, чем заслуживают сами законы.

По мнению авторов коллективной монографии – в правосознании выделяется в качестве идеала положительное состояние, которое можно охарактеризовать как определенную социальную ценность, имеющую свои пределы [14, с. 148]. Изучение правосознания в контексте правоприменения показывает, что «юридическое сознание субъекта правоприменения всегда двойное, так как оно состоит из сформированного индивидуального правового сознания, а также установок коллективного правового сознания» [5, с. 221]. Правосознание должностных лиц налоговых органов также основывается на такой амбивалентности, отдаленной от приоритета общественных интересов. Вместе с тем в достаточно субординационной налоговой сфере дисфункция в правосознании, во многом детерминируется несовершенством и поспешным изменением налогового законодательства, что наблюдается в практике налоговых споров.

Итак, в заключение отметим, что законодатель, формулируя новые нормы права, должен ориентироваться не только на лоялистское или конформистское правосознание населения, но и на условно положительное состояние правосознания должностных лиц налоговых органов, ограничивая их произвольные усмотрения ориентацией на общественный интерес и учет интересов налогоплательщика. Минимизация правового отчуждения за счет устранения неадекватного современным общественным отношениям правового регулирования и повышения доверия к налоговой сфере при клиентоориентированном внимании к индивидуальным и групповым интересам, является перспективным направлением формирования преимущественно положительного состояния правосознания в наиболее отчужденной и критикуемой налоговой сфере правовой действительности современного российского государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 года № 146-ФЗ (в ред. от 15.10.2025) // СПС «Консультант Плюс».
3. Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № PR-1168 // Российская газета. 2011. № 151
4. Агафонова К.А., Уманская В.П. Ведомственный интерес: правовая модель и реальность // Интерес в публичном и частном праве / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2002. С. 32.
5. Баранова Н.А. Взаимосвязь правосознания и правоприменения / Н.А. Баранова.-Текст: непосредственный // Молодой ученый.2022.№ 23 (418). С 221-222
6. Борисова Е.К. Понятие правосознания / Е.К. Борисова // Проблемы науки. 2019. № 12 (48). С. 96.
7. Вассалатий Ж.В., Верхотурова С.В., Лосев С.Г. Правосознание студенческой молодежи (на примере Тюмени) // Социологические исследования. 2023. Т. 49, № 7. С. 140.
8. Гулиев В.Е., Колесников А.В. Отчужденное государство: проблемы политического и правового отчуждения в современной России. М.: Манускрипт. 1998. С. 138.
9. Зоркин В.Д. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апреля.-С. 4.
10. Козhevnikov V.V., Cherednichenko A.E. О правосознании общества в переходный период развития России: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 3. С. 5-16.
11. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало. 2008. С. 138.
12. Общая теория права и государства: Учебник.3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. С. 301.
13. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. Т. 46, № 1. С. 89.
14. Правосознание и правовое регулирование в России: коллективная монография / Отв. Ред. М.А. Гусарова, В.В. Ковалева; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». - Краснодар: Издательский Дом – Юг. 2024. С. 148.
15. Селюков М.В. К вопросу доверия налогоплательщиков к государству / М.В. Селюков.-Текст: непосредственный // Инновационная экономика и общество.2025.№2(48). С. 43.
16. Синюкова Т.В. О российской правовой доктрине // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 60.
17. Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Государство и право. 2020. № 3. С. 37-47.
18. Филиппова С. Новое в юридической технике // ЭЖ-Юрист. 2016. № 42. С. 10.
19. Fromm E. Alienation under Capitalism/Man alone: Alienation in Modern Societi. P. 68
20. Чернова Э.Р., Баранова Е.С. Историко-правовые вопросы становления и развития российского правосознания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 51-53.
21. Черныяева Е.Е. Проблема формирования феномена правового отчуждения в процессе становления социальных институтов права // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 276-282.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 1.07.2020) // SPS Consultant Plus.
2. Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended. dated 10/15/2025) // SPS "Consultant Plus".
3. Fundamentals of Russian state policy in the development of legal literacy and legal awareness of citizens, approved by By the President of the Russian Federation on April 28, 2011, No. PR-1168 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 151
4. Agafonova K.A., Umanskaya V.P. Departmental interest: legal model and reality // Interest in Public and Private Law / ed. by Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2002. P. 32.
5. Baranova N.A. The Relationship between Legal Consciousness and Law Enforcement / N.A. Baranova.-Text: direct // Young Scientist.2022.№ 23 (418). P 221-222
6. Borisova E.K. The Concept of Legal Consciousness / E.K. Borisova // Problems of Science. 2019. No. 12 (48). P. 96.
7. Vassalatiy Zh.V., Verkhoturva S.V., Losev S.G. Legal Consciousness of Student Youth (on the Example of Tyumen) // Sociological Research. 2023. Vol. 49, No. 7. P. 140.
8. Guliev V.E., Kolesnikov A.V. The Alienated State: Problems of Political and Legal Alienation in Contemporary Russia. Moscow: Manuscript. 1998. P. 138.
9. Zorkin V.D. Trust and Law // Rossiyskaya Gazeta. 2013. April 29.-P. 4.
10. Kozhevnikov V.V., Cherednichenko A.E. On the Legal Consciousness of Society in the Transitional Period of Russia's Development: A General Theoretical Aspect // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 5-16.
11. Leist O.E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow: Zertsalo. 2008. P. 138.
12. General Theory of Law and the State: Textbook. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Yurist, 2000. P. 301.
13. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Legal Values of Modern Russians: Priorities and Contradictions // Sociological Research. 2020. Vol. 46, No. 1. P. 89.
14. Legal Consciousness and Legal Regulation in Russia: A Collective Monograph / Ed. by M.A. Gusarova, V.V. Kovaleva; North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice. Krasnodar: Publishing House - Yug. 2024. P. 148.
15. Selyukov M.V. On the Issue of Taxpayers' Trust in the State / M.V. Selyukov.-Text: direct // Innovative Economy and Society. 2025. No. 2(48). P. 43.
16. Sinyukova T.V. On the Russian Legal Doctrine // Journal of Russian Law. 2002. No. 10. P. 60.
17. Tikhomirov Yu.A. Legal Consciousness in the Context of Social Dynamics // State and Law. 2020. No. 3. Pp. 37-47.
18. Filippova S. New in Legal Technique // EZh-Yurist. 2016. No. 42. P. 10.
19. Fromm E. Alienation under Capitalism/Man alone: Alienation in Modern Societi. P. 68
20. Chernova E.R., Baranova E.S. Historical and Legal Issues of the Formation and Development of Russian Legal Consciousness // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. Pp. 51-53.
21. Chernyaeva E.E. The Problem of the Phenomenon of Legal Alienation Formation in the Process of the Social Institutions of Law Formation // Izvestiya of Tomsk Polytechnic University. 2013. Vol. 323. No. 6. Pp. 276-282.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_44

УДК 340.13

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧНОМ ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ТОЖДЕСТВЕННЫХ ПО КЛАССИФИКАЦИОННОМУ ПРИЗНАКУ ПРАВОВЫХ НОРМ В ЗАКОНЕ И ПОДЗАКОНОМ АКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ В СФЕРЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ON THE ISSUE OF DIFFERENT FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF LEGAL NORMS THAT ARE IDENTICAL ACCORDING TO THE CLASSIFICATION FEATURE IN A LAW AND A BYLAW OF REGIONAL LEVEL IN THE SPHERE OF FORECASTING

ВОЛКОВ Илья Анатольевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

E-mail: ilyavolkov3@yandex.ru;

VOLKOV Ilya Anatolyevich,

Postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University.

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia.

E-mail: ilyavolkov3@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье на примере законодательства Тамбовской области исследуется функциональное значение тождественных по классификационному признаку правовых норм (нормы-цели и нормы „в соответствии с порядком“) в законе и подзаконном акте регионального уровня в сфере прогнозирования. С помощью метода не количественного контент-анализа раскрывается функциональное содержание правовых норм (через грамматическое и системно-логическое толкование). Обосновано, что в подзаконном акте (в тождественных по классификационному признаку правовых нормах) лексика переориентируется на процедурное и ресурсное наполнение, тем самым замыкая нормативное правовое регулирование и обеспечивая его исполнимость. Констатируется, что функциональная направленность рассматриваемых нормативных правовых актов выступает индикатором места закона и подзаконного акта в правовой системе субъекта федерации.

Abstract: This article examines, using the legislation of the Tambov Region as a case study, the functional significance of formally identical legal norms -specifically, goal-setting norms and „in accordance with the procedure“ norms-within a regional-level law and a subordinate act in the field of forecasting. Through the method of non-quantitative content analysis, the functional content of these norms is revealed via grammatical and systemic-logical interpretation. The study demonstrates that in the subordinate act, the language of these formally identical norms is reoriented toward procedural and resource-related content, thereby completing the regulatory framework and ensuring its enforceability. It is concluded that the functional orientation of these normative acts serves as an indicator of the respective roles of the law and the subordinate act within the legal system of a constituent entity of the Russian Federation.

Ключевые слова: закон; подзаконный акт; соотношение закона и подзаконного акта; региональное правотворчество; нормативное регулирование прогнозирования; метод контент-анализа; толкование права; язык права.

Keywords: law; subordinate normative act; relationship between law and subordinate act; regional lawmaking; legal regulation of forecasting; content analysis method; legal interpretation; legal language.

Для цитирования: Волков И.А. К вопросу о различном функциональном значении тождественных по классификационному признаку правовых норм в законе и подзаконном акте регионального уровня в сфере прогнозирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_44.

For citation: Volkov I.A. On the issue of different functional significance of legal norms that are identical according to the classification feature in a law and a bylaw of regional level in the sphere of forecasting // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 44-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_44.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Познание правотворческого процесса закономерно следует начинать с анализа его материального воплощения – текста нормативного правового акта. Языковые особенности этого текста, специфика используемых конструкций содержат информацию о логике законодателя, назначении правовых норм.

В этом ключе особый познавательный и практический интерес представляет обращение к одному из существующих методов познания правовых явлений – методу контент-анализа. В.М. Сырых определяет его следующим образом: «это совокупность правил, требований, ориентирующих исследователя на проведение таких процедур, как

1) выбор объекта и гипотез исследования;

2) определение системы признаков, свойств объекта исследования, способных верно и полно отразить качественную характеристику наблюдаемой совокупности и ее основные виды, типы;

3) выявление индикаторов (терминов, фраз), которые позволяли бы в процессе анализа документов верно и полно отразить качественное и (или) количественное своеобразие каждого из выделенных признаков, свойств объекта исследования» [1, с. 385].

Отправной точкой в попытке осмысления метода послужило исследование В.В. Трофимова, Ю.В. Горюшиной [2], где в качестве индикаторов контент-анализа были выделены глагольные формы Регламента Тамбовской областной Думы, что позволило авторам выявить и систематизировать конкретные функциональные направления правотворческой деятельности, выраженные в языке документа.

Эмпирическая проверка гипотезы о наличии прямых лексических и синтаксических различий между текстами закона и подзаконного

акта регионального уровня в сфере прогнозирования, позволяет сделать вывод о том, что в рамках данного исследования такие индикаторы как отдельные слова, словосочетания оказались недостаточными для однозначной дифференциации указанных нормативных правовых актов по критерию их юридической силы. А.Н. Шепелев указывает на следующее: «Необходимы оптимальные способы выработки, представления, передачи и хранения сообщений, использование которых предопределяет решение той или иной правовой задачи или способствует ее решению» [3, с. 169]. В контексте нашего исследования оптимальным способом работы с правовым сообщением является не поиск вышеуказанных индикаторов, а неколичественный контент-анализ того, как тождественные по классификационному признаку правовые нормы в законе и подзаконном акте регионального уровня служат достижению различных по существу функциональных целей. Как подчеркивает И.А. Пашина: «неколичественный контент-анализ основан на нечастотной модели содержания текста (при этом фиксируется лишь наличие элемента содержания текста-индикатора, соответствующей категории содержания, а количественные меры не используются)» [4, с. 14].

Задачей, таким образом, является не количественный подсчет частотности лексических единиц, а проведение неколичественного контент-анализа, фокусирующегося на выяснении смысла правовых норм. Данный метод позволяет осуществить сравнительный анализ функционального значения, которое приобретают сходные (по классификационному признаку) конструкции (рассматриваемые как индикаторы определенного типа норм) в региональных нормативных правовых актах в сфере прогнозирования – документах стратегического планирования различной юридической силы. Нормативную основу для исследования составляют Закон Тамбовской области от 28 декабря 2015 г. № 612-З «О стратегическом планировании в Тамбовской области» (закон)¹, постановление администрации Тамбовской области от 10 августа 2015 г. № 881 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения бюджетного прогноза Тамбовской области на долгосрочный период»² (подзаконный акт). Подзаконный акт детализирует положения Закона Тамбовской области от 28 октября 2005 г. № 369-З «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тамбовской области»³ и Закона Тамбовской области от 28 декабря 2015 г. № 612-З «О стратегическом планировании в Тамбовской области».

Принадлежность упоминаемого закона Тамбовской области от 28 декабря 2015 г. № 612-З к сфере прогнозирования подтверждается следующими обстоятельствами. Во-первых, процесс прогнозирования среди иных процессов сформулирован в предмете правового регулирования (статья 1 Закона). Во-вторых, в соответствии со статьей 8 Закона бюджетный прогноз Тамбовской области на долгосрочный период, а также иные виды прогнозов относятся к документам стратегического планирования Тамбовской области, разрабатываемым в рамках прогнозирования социально-экономического развития Тамбовской области. Название подзаконного акта говорит само за себя, поскольку содержит указание на бюджетный прогноз, что соответствует анализируемой сфере прогнозирования в правотворчестве субъектов федерации.

Кроме того, в процессе контент-анализа представляется целесообразным провести не просто сравнительный анализ функционального значения в тождественных по классификационному признаку правовых нормах в законе и подзаконном акте регионального уровня в сфере прогнозирования, а проследить процесс того, как меняется это значение от закона к подзаконному акту. Попытку сопоставления одних и тех же по виду нормативных конструкций мы осуществляем через призму нормы-цели и нормы «в соответствии с порядком» [5, с. 63] (включенных в классификацию Ю.А. Тихомирова правовых норм как регуляторов поведения («поведенческих формул») (см. таблицу).

Таблица. Содержание тождественных по классификационному признаку правовых норм в законе и подзаконном акте регионального уровня в сфере прогнозирования

№	Правовая норма в соответствии с классификацией регуляторов поведения	Выражение в текстах нормативных правовых актов (законе и подзаконном акте)	Содержание правовых норм через грамматическое и системно-логическое толкование
1	Норма – цель	Закон: Часть 1 статьи 18 Закона: Целью мониторинга реализации документов стратегического планирования Тамбовской области является повышение эффективности функционирования системы стратегического планирования, осуществляемого на основе комплексной оценки основных социально-экономических и финансовых показателей, содержащихся в документах стратегического планирования Тамбовской области, а также повышение эффективности деятельности участников стратегического планирования Там-	Глагол-связка в законе «является» обозначает «быть, служить чем-нибудь» [6, с. 1458], бытие. Семантика предложения определяет тождество между целью мониторинга и повышением эффективности функционирования системы стратегического планирования. Правовая норма в законе обеспечивает системообразующую функцию, задает основу для последующей правовой регуляции и основана на двух уровнях: инструментальном и результативном. Если инструмен-

¹ Закон Тамбовской области от 28.12.2015 № 612-З «О стратегическом планировании в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь (специальный выпуск). № 103(1650). 2015.

² Постановление администрации Тамбовской области от 10.08.2015 № 881 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения бюджетного прогноза Тамбовской области на долгосрочный период» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 11.08.2015.

³ Закон Тамбовской области от 28 октября 2005 г. № 369-З «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. № 229-230 (23431-23432). 2005.

		<p>бовской области по достижению в установленные сроки запланированных показателей социально-экономического развития Тамбовской области.</p> <p>Подзаконный акт:</p> <p>Пункт 1.1 Порядка, утвержденного подзаконным актом: Бюджетный прогноз разрабатывается в целях определения финансовых ресурсов, которые необходимы и могут быть направлены на достижение целей государственной политики, сформулированных в документах стратегического планирования Тамбовской области, при условии обеспечения долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы Тамбовской области и повышении эффективности бюджетных расходов.</p>	<p>тальный уровень направлен на повышение эффективности функционирования системы стратегического планирования, то результативный – на достижение конкретных показателей.</p> <p>В подзаконном акте цель конкретна и предметна, задает направленность на решение практической задачи. Если в законе цель сфокусирована в повышении эффективности системы и действий, то в подзаконном акте – в определении ресурсов.</p> <p>Формулировки „необходимы” и „могут быть” в подзаконном акте устанавливают рамки действий, отражают не столько противоречие, сколько последовательную логику правового регулирования.</p>
2	<p>Норма „в соответствии с порядком”</p>	<p>Закон:</p> <p>Статья 13 Закона: Бюджетный прогноз Тамбовской области на долгосрочный период разрабатывается и утверждается в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации и Законом Тамбовской области от 28 октября 2005 г. № 369-З «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тамбовской области» в порядке, установленном Правительством Тамбовской области.</p> <p>Подзаконный акт:</p> <p>Пунктом 1 утверждается Порядок разработки и утверждения бюджетного прогноза Тамбовской области на долгосрочный период (это не норма „в соответствии с порядком”, а непосредственно сам Порядок).</p> <p>Пункт 3.7 Порядка, утвержденного подзаконным актом: после принятия закона области о бюджете Тамбовской области на очередной финансовый год и плановый период министерство финансов Тамбовской области готовит и вносит в установленном порядке проект распоряжения Правительства Тамбовской области об утверждении Бюджетного прогноза (изменений Бюджетного прогноза) <...>.</p>	<p>В законе использована отсылочная конструкция «разрабатывается и утверждается в соответствии с <...> в порядке, установленном <...>». Понятие „порядок” выступает как категория, требующая конкретизации в ином нормативном правовом акте. Глаголы «разрабатывается и утверждается» носят предписывающий характер.</p> <p>Подзаконный акт наполняет абстрактное указание нормы закона конкретным процедурным содержанием.</p> <p>Изложенная отсылочным способом в законе конструкция правовой нормы фиксирует передачу полномочий по принятию решения по утверждению Порядка разработки и утверждения бюджетного прогноза Тамбовской области Правительству Тамбовской области и выполняет делегирующую функцию.</p> <p>Смысл конструкции „в установленном порядке”, сформулированной в пункте 3.7 Порядка, утвержденного подзаконным актом, заключается в поддержании его внутренней согласованности, соответствии нормативным правовым актам, указанным в преамбуле, а также порядку подготовки правовых актов, сформулированному в Законе Тамбовской области от 23 июня 2006 года № 51-З «О правовых актах Тамбовской области».</p> <p>Формула „в соответствии с порядком”/„в установленном порядке” с языковой точки зрения презюмирует понимание нормы как легитимной в силу наличия определенного порядка.</p> <p>Глаголы „готовит и вносит” обозначают активные процессуальные действия конкретного субъекта - министерства финансов Тамбовской области.</p>

Таким образом, на примере анализа выбранных актов в сфере стратегического планирования (и шире – прогнозирования) с лингво-юридической точки зрения ключевым представляется вывод о функциональной переориентации лексики при переходе от закона к подзаконному акту регионального уровня. В подзаконном акте (в тождественных по классификационному признаку правовых нормах) лексика переориентируется на процедурное и ресурсное наполнение, тем самым замыкая нормативное правовое регулирование и обеспечивая его исполнимость.

Представляется, что при этом функциональная направленность рассматриваемых нормативных правовых актов выступает индикатором места закона и подзаконного акта в правовой системе субъекта федерации. Инструментальный характер действия подзаконного акта в нашем исследовании соотнобразуется с его пониманием в теории права. В учебном пособии В.М. Сырых подзаконный нормативный правовой акт понимается как «акт, принятый на основе Конституции в соответствии с законом с целью конкретизации и дополнения его нормативных положений» [7, с. 207].

Наряду с этим, сделаем уточнение, что указанная целевая направленность не должна наталкивать нас на упрощение роли подзаконного акта, поскольку от качества (в том числе в части изложения текста), обозначения необходимых пределов регулирования (в разумных пределах) зависит эффективность реализации правовых норм в подзаконном акте. В.Н. Яценко справедливо замечает, что «если <...> верховенство закона чем-то вроде „арифметического превосходства“, то в итоге можно получить такую картину, когда законодательство (в узком его смысле) превратится в универсальный центр правового регулирования, что не может не привести к бюрократизации государственного и правоохранительного аппаратов, механизму в юрисдикционной деятельности, примитивизму в юридической культуре общества» [8].

Резюмируя, отметим, что эффективность правового регулирования в сфере прогнозирования (на уровне субъекта федерации) напрямую зависит от ясного распределения функций правового текста между законом и подзаконным актом, что, в свою очередь, обеспечивает принцип системности правового регулирования.

Список литературы:

1. Сырых В.М. Социология права: учебник / В. М. Сырых. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ. 2012. 470, [1] с.
2. Трофимов В.В., Горюшина Ю.В. Регламенты законодательных собраний как документально-фиксированное выражение функциональных направлений современной законотворческой деятельности: начальный исследовательский опыт контент-анализа (на примере Регламента Тамбовской областной Думы) // Правовая культура. 2021. № 1 (44). С. 37-45.
3. Шепелев А.Н. Юридический язык и власть // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 9 (149). 2015. С. 166-171.
4. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. № 3. 2012. С. 13-18.
5. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2015. 240 с.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т.4. Ленинград. 1935-1940. 1552 с.
7. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. 704 с.
8. Яценко В.Н. Закон и подзаконный нормативный правовой акт: соотношение понятий // Журнал российского права. 2003. № 2. URL: <https://base.garant.ru/4070661> (дата обращения: 07.12.2025).

References:

1. Syrykh V.M. Sociology of law: textbook / V. M. Syrykh. 4th ed., supplement and revision. Moscow: Justicinform. 2012. 470, [1] p.
2. Trofimov V.V., Goryushina Yu.V. Regulations of legislative assemblies as a documented expression of the functional directions of modern legislative activity: the initial research experience of content analysis (on the example of the Regulations of the Tambov Regional Duma) // Legal culture. 2021. No. 1 (44). pp. 37-45.
3. Shepelev A.N. Legal language and power // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. No. 9 (149). 2015. pp. 166-171.
4. Pashinyan I.A. Content analysis as a research method: advantages and limitations // Scientific periodicals: problems and solutions. No. 3. 2012. pp. 13-18.
5. Tikhomirov Yu.A. Law: forecasts and risks: monograph. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. 2015. 240 p.
6. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4. Leningrad. 1935-1940. 1552 p.
7. Syrykh V.M. Theory of the state and law: Textbook for universities. 6th ed., revised and additional M.: CJSC Justicinform, 2012. 704 p.
8. Yatsenko V.N. The law and the subordinate normative legal act: the correlation of concepts // Journal of Russian Law. 2003. No. 2. URL: <https://base.garant.ru/4070661> (date of request: 07.12.2025).

СУЩНОСТЬ И ПРИРОДА АДАТА THE ESSENCE AND NATURE OF ADAT

АШУРБЕКОВА Альбина Ашурбековна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Северо-Кавказского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
367009, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Агасиева, 7.
E-mail: kafedra_tgp@rpa-mjust.ru;

ASHURBEKOVA Albina Ashurbekovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History
of North-Caucasus Branch of The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation.
367008, Mahachkala, str. Agasiev, house 87.
E-mail: aa.ashurbekova@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается историческая и правовая природа адата – традиционных норм, сформировавшихся у народов Северного Кавказа. Анализируются древние сборники адатов, их содержание, осуществлена попытка определить их функции и роль в регулировании общественных отношений. Адат рассматривается с позиции нормативно-регулятивной системы, который воспринимался как справедливое и имманентное право. Рассматривается соотношение и взаимодействие адата с шариатом, а также особенности его развития и трансформации в историческом контексте. Определено, что адат выступает важнейшим элементом правовой культуры региона, сохраняющим свою значимость и функции и в современности.

Abstract. This article examines the historical and legal nature of adat – traditional norms developed among the peoples of the North Caucasus. It analyzes ancient collections of adat, their functions, and their role in regulating social relations. It emphasizes that adat is a normative and regulatory system that performs regulatory and social functions and was perceived as a fair and inherent law. The article examines the interaction of adat with Sharia, as well as the specifics of its development and transformation in the historical context. Overall, adat is a crucial element of the region's legal culture, retaining its significance even today.

Ключевые слова: Российская Империя, правовой обычай, адат, шариат, адатное правосудие.

Keywords: Russian Empire, legal custom, adat, sharia, adat justice.

Для цитирования: Ашурбекова А.А. Сущность и природа адата // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 48-50.
http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_48.

For citation: Ashurbekova A.A. The essence and nature of adat // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 48-50.
http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_48.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Обычное право, как основа нравственно-культурного кода народа и база его менталитета, представляет сегодня особый интерес. Проследить эволюцию правового обычая, выяснить какое влияние на правила поведения оказали религиозные нормы и иные внешние и внутренние факторы в истории развития народа можно на примере адата. Сохранившихся действующих норм обычного права осталось немного, в данной связи адаты народов Северного Кавказа на современном этапе становятся объектом всестороннего изучения.

Стоит отметить, что в доктрине обычное право не имеет единой трактовки. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривал обычай как источник права равный по значению закону [1, с. 87-88]. Представители исторической школы Ф.К. фон Савиньи и Г.Ф. Пухта утверждали, что обычаи в сущности есть выражение воли народа как единого целого, соответственно, эта самостоятельная форма права не нуждается в признании законодателя [2, с. 234]. М.Н. Капустин понимал под обычаем внешнюю форму выражения нравов [3, с. 124], которые к тому же не всегда отвечают критериям нравственности, в частности, самосожжение вдов, умышляемая невесты и т.д. Ф. Морозкин полагал, что право исходит исключительно от народа, поэтому искать его надо только в народном обычае, который он именовал «неиссякаемым источником» [4, с. 17]. Сторонником преобладающего значения обычая являлся и Н.П. Загоскин, рассматривающий обычное право как «основной источник права» [5, с. 26]. С.С. Алексеев раскрывал правовой обычай с точки зрения «исторически первой формы позитивного права, свод юридически дозволенного и недозволенного поведения» [6, с. 35]. В свою очередь, Г.В. Мальцев предлагает подходить к изучению «традиционной обычно-правовой системы с позиции исторического типа права» [7, с. 21]. Стоит согласиться с мнением А.С. Коноваловой, что обычное право представляет собой форму правовой жизни общества, опирающуюся на нормативно-ценностную систему регуляции поведения людей, убежденность в справедливости и оптимальности предписываемого поведения [8, с. 5].

Рассматривая специфику становления и развития адата, можно отметить, что периодом его расцвета являлся переход от позднеархаического к раннеклассовому обществу в XVI-XVII вв. на Северном Кавказе. Как отмечал Ф.И. Леонтович, наиболее известными стали четыре сборника адатов: 1) XI в. Омархана аварского, 2) XII в. Рустам-хана, 3) XVI в. правителя Ахмата и 4) «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев», принятое народным вечем кабардинцев «Адыге Хасэ» [9, с. 12; 10; 11].

Спецификой сборников являлось то, что они содержали не только различные правила поведения как материальной, так и процессуальной природы, но и порядок их редактирования, а также принятия новых норм. Особенностью самих адатов стало смешение юридических и социальных правил поведения, и их достаточно абстрактный характер, так называемое «нормативное обобщение» [6, с. 205]. Перечисленные памятники обычного права в основном не противоречили друг другу, более поздние включали фрагменты предыдущих. Решения адатного суда часто содержали широкое толкование того или иного адата, нередко он выполнял функцию принципа (руководящего начала). А в случае пробела в регулировании дело разбирал не суд, а представители (старейшины) общины – «саахвалы», стараясь прийти к мирному урегулированию спора, что впоследствии становилось новым адатом [12, с. 32]. Принятие адатов народными собраниями с использованием особых ритуалов – «народной присягой», актов-деферов и др. [9, с. 12-20] практиковалось у кабардинцев, черкесов, чеченцев, осетин и других народов. Нужно отметить, что древний ритуал присяги, принятый для закрепления множества юридически значимых действий, также был зависим от господствующей религиозной доктрины, поэтому имел следы языческой и христианской культуры, а в исламский период был заменен клятвой на Священном Коране [10, с. 30]. Помимо родовых адатов существо-

вали адаты международного характера, регламентировавшие отношения между родами и обществами, что позволило Ф.И. Леонтовичу прийти к выводу, что «адат ближе подходит к ряду международных прав, чем гражданских законов» [9, с. 24-25]. В качестве особого социального образования, необходимого для разрешений жизненных ситуаций, обеспеченного общественным давлением и признанием принятого возмездия, рассматривал адат А.М. Ладыженский [13, с. 23]. В.К. Гарданов придавал адату более важное значение, считая, что положения адата могут составить основу закона или использоваться самостоятельно как равнозначный закону источник права [14, с. 4]. Интересна точка зрения А.И. Першица, который, проводя исследование в сфере юридической этнологии, в качестве основополагающих начал обычного права выделил публичность, этичность и связанность с религиозными представлениями и ритуалами [15]. В адате все эти элементы, безусловно, присутствуют.

Соответственно, адат никогда не был застывшей традицией, всегда соответствовал времени и менялся под потребности общества. В дошедших до нас сборниках адат именовался либо обычаем, либо законом, «передаваемым через предания» [9, с. 5].

Д.Ю. Шапсугов настаивает, что адат представляет собой феномен права, систему, объединяющую объективное и субъективное, материальное и процессуальное право, обладающую механизмом внутреннего и внешнего обеспечения [16, с. 251]. Можно отметить, что на конец XIX в. свод адатов (адатное право) составлял целостную нормативно-регулятивную систему. Адаты обладали всеми характеристиками права: повторяемостью, обязательностью, были обеспечены силой общественного принуждения. Известно, что применение адата сопровождалось его толкованием, где в качестве экспертов выступали уважаемые члены общества и старейшины, хранители основ фундаментальных правил. Для формирования адатного права был характерен принцип накопления, согласно которого новый адат становился дополнением свода, не изменяя содержание уже существующих правил.

Таким образом, адаты можно считать самостоятельной нормативно-регулятивной системой, включающей писанные и неписанные нормы, регулирующие отношения между личностью и обществом, поддерживающие порядок и справедливость, являющиеся частью правовой культуры народа. Более того, полагаем, что адат занимал промежуточное положение между обычаем и законом, можно даже сказать представлял собой протозакон.

Заблуждением является смешение понятий адата и обычного права на основе традиций мусульманского права, о чем пишет Л.Х. Сатушиева [17, с. 133-137]. Т.Б. Светличная также предлагает различать адат (обычай) и шариат, воспринимая их как самостоятельные правовые системы [18, с. 8]. З.Х. Мисроков тоже разделяет адат и шариат, но полагает, что последний в силу долгого разрыва преемственности поколений и ухода от правовой мусульманской традиции сложен к осмыслению и не позволяет в полной мере проследить их взаимодействие [12, с. 6-8]. В.О. Бобровников указывает на существующую проблему восприятия адата и шариата как «неизменных застывших правовых систем» и «смешивание в них норм шариата с адатом» [19, с. 67]. Данная проблема связана с тем, что религиозные нормы оказывали существенное влияние на формирование правовых ценностей. Обращаясь к истории исламизации региона, Г.В. Салаходина приводит заметки иностранных путешественников, которые отмечали у многих народов Северного Кавказа на протяжении всего XIX в. присутствие в обычаях фрагментов христианской, языческой и мусульманской культур. При этом наиболее серьезной причиной исламизации населения была названа развитая система образования, включающая изучение норм мусульманского права с формированием соответствующих мировоззрения и системы ценностей, что не закрепилось в христианский период [20, с. 264-266]. Соответственно, данный процесс не мог не отразиться на содержании адатов, существовавших на момент конца XIX в., и результатах их толкования.

Между тем, изначальное отсутствие фундаментальной религиозной составляющей способствовало тому, что адат во второй ½ XIX в. был признан частью правовой системы Российской империи. Адат для народов Северного Кавказа в первую очередь представлял собой нравственную основу, высшую справедливость, народную мудрость, которая не воспринималась как повинность. Исполнение адата принималось как долг каждого члена общества. Отсюда связь адата с особой системой правосудия и интерпретации данных норм, определяющих пределы поведения [7, с. 13].

Шариат и адат сосуществовали до 20-х годов XIX в., после чего ситуация в отдельных регионах изменилась в сторону поглощения обычных норм религиозными. В частности, в Дагестане брачно-семейные, договорные и наследственные дела стали регулироваться шариатом [21, с. 17]. Между тем, прямого совпадения норм адата и шариата в общей практике не произошло.

На наш взгляд, множество мнений о сущности и природе адатного права должны быть дополнены его уникальной способностью к адаптации и совершенствованию под влиянием экзогенных правовых ценностей, активным взаимодействием с иными системами права, при этом сохраняя традиционные черты. Независимо от трансформации адата в процессе влияния на него и христианских норм, и норм мусульманского права, и норм права России, он остался для северокавказских народов базовым корпусом права, имеющим значение и в современный период. Изначальная функция адата быть сводом нравственных идеалов сохранялась на протяжении всей истории развития северокавказских народов. К концу XIX века адат начал интегрироваться в российскую правовую систему, приобретая институциональное значение, особенно в вопросах регулирования брачно-семейных и наследственных отношений. Можно утверждать, что адат – представляет собой исторический феномен социального характера, имеющий особое значение для правовой жизни народов Северного Кавказа, признающих его как конституирующую основу, нравственный ориентир регламентации поведения. Уникальность адатного права прослеживается и в особой логике систематизации адатов, где композиционной единицей выступает не статья или норма, а раздел определенного содержания [22].

Характеризуя сущность и природу адата, можно выделить следующие его свойства и специфику: 1) адат – правовая (социальная, культурная) традиция, отражающая историческую преемственность; 2) будучи совокупностью правил поведения, поддержанных силой общественного мнения, является нормативно-регулятивной системой; 3) формируя модели общественного поведения, обладает критериями повторяемости и общеобязательности; 4) обладает собственной спецификой формального закрепления; 5) ему присущи качества гибкости и адаптивности, что позволяет сохранять форму и содержание, корректируя смысл в соответствии с меняющимися нравами и условиями времени, давая возможность оставаться актуальным; 6) соответствует критериям универсальности и общепредметности, регулируя широкий круг общественных

отношений; 7) имеет собственный механизм толкования, обеспеченный наличием специально подготовленных членов общества, обладающих авторитетом, что гарантирует неукоснительное соблюдение норм; 8) интеграция в правовую систему России в XIX веке позволила адату приобрести институциональное значение и получить статус регулятора, санкционированного государством и обеспеченного силой его принуждения; 9) выполняет роль идеала, служит ориентиром (эталоном) для поведения, формирует социальные императивы; 10) базируется на многообразии источников: прецеденты, народные обычаи и решения старейшин, народного собрания, что делает его сложной и многослойной системой [23].

Перечисленные особенности позволяют установить уникальность и значимость адата как традиционной и при этом адаптивной основы правовой культуры народов Северного Кавказа. Дуализм правовой системы, возникшей в регионе, в силу одновременного действия норм адата и шариата – двух разных правовых систем, отличающихся историей формирования и функциями, позволил выработать практику сосуществования с другими вариантами регламентации общественной жизни, что способствовало выстраиванию системы взаимодействия с российским правом к концу XIX века, когда адат действовал уже в статусе традиционных, неписанных норм (правил), выполняющих регулятивные функции и обеспечивающих социальный порядок. Не стоит забывать, что российское право в тот период воспринималось как навязанный извне нормативный порядок, однако для народов Северного Кавказа адат оставался важным элементом правосознания и нравственного долга. Современное понимание адата требует учета его исторической эволюции, культурных особенностей и способности к адаптации.

Адат – это сложный и многогранный социально-правовой феномен, который формировался веками и продолжает играть важную роль в правовой культуре народов Северного Кавказа, несмотря на внешние правовые влияния и изменения в историческом контексте, он по-прежнему служит нравственным ориентиром, идеалом правомерного поведения.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Изд. 5-е. – С.-Петербург, Киев, 1907. – 694 с.
2. Немецкая историческая школа права. – 2-е изд.-е. – Москва; Челябинск, 2020. – 529 с.
3. Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Т. I. – Москва, 1868. – 389 с.
4. Морозкин Ф. Об уложении и последующем его развитии. – М., 1839. – 63 с.
5. Загоскин Н.П. История права русского народа. Вып.1. – Казань, 1899. – 512 с.
6. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – 712 с.
7. Мальцев Г.В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 7-94.
8. Коновалова А. С. Обычное право в российской правовой жизни: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Коновалова А.С. – М., 2005. – 173 с. – EDN NNMWGX.
9. Леонтович Ф.И. Адады кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 38. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого. – 1883. – 403 с.
10. Озова Ф. А. Ш.Б. Ногмов о судебной системе традиционного черкесского общества // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 26-36. – DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-26-36. – EDN ORBGTB.
11. Крымшохалова Ф. Х. Источники обычного права кабардинцев в XVIII - второй половине XIX веков: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Крымшохалова Ф. Х. – Нальчик, 2007. – 170 с. – EDN NOXXKL.
12. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах: XIX-XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 328 с.
13. Ладыженский А.М. Адады горцев Северного Кавказа / А. М. Ладыженский ; Подгот. текста и коммент. И. Л. Бабич ; Под общ. ред. А. С. Зайналабидова, В. В. Черноуса. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 219 с.
14. Гарданов В.К. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик, 1956. – 427 с.
15. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. – М., 1979. – С. 210-240.
16. Шапсугов Д.Ю. Обычное право и его роль в правовом развитии общества // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. – 376 с.
17. Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ: XV – начало XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 179 с.
18. Светличная Т.Б. Преступление и наказание, судоустройство и судопроизводство в обычном праве народов Северного Кавказа в XVIII-XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 176 с.
19. Бобровников В.О. Мусульманские традиции, право и общество на российском Кавказе // Вестник Российской нации. – 2014. – № 4. – С. 66-79.
20. Салаходина Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2008. – 283 с.
21. Омаров А.С. Из истории права народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоизд., 1968. – 238 с.
22. Сотников А.А. Роль адата и шариата в системе судебных органов Северного Кавказа // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 8(35). С. 115-121. – EDN PCRHAX.
23. Ашурбекова А.А. Правовые традиции в сфере брачно-семейных отношений мусульманских народов Российской империи: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2022. – 197 с.

References:

1. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. – Izd. 5-e. – S.-Peterburg, Kiev, 1907. – 694 s.
2. Nemeckaya istoricheskaya shkola prava. – 2-e izd.-e. – Moskva; Chelyabinsk, 2020. – 529 s.
3. Kapustin M.N. Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika). T. I. – Moskva, 1868. – 389 s.
4. Moroshkin F. Ob ulozhenii i posleduyushhem ego razvitii. – M., 1839. – 63 s.
5. Zagoskin N.P. Istoriya prava russkogo naroda. Vy p.1. – Kazan', 1899. – 512 s.
6. Alekseev S.S. Pravo. Opy t kompleksnogo issledovaniya. – M., 1999. – 712 s.
7. Mal'cev G.V. Ocherki teorii oby' chaya i oby' chnogo prava // Oby' chnoe pravo v Rossii: problemy' teorii, istorii i praktiki. – Rostov-na-Donu, 1999. – S. 7-94.
8. Konovalova A. S. Oby' chnoe pravo v rossijskoj pravovoj zhizni: diss. na soisk. Kand. Yurid. nauk / Konovalova A.S. Moskva, 2005. – 173 s. – EDN NNMWGX.
9. Leontovich F.I. Adaty' kavkazskix gorcev: materialy' po oby' chnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vy' p. 2. // Zapiski Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. T. 38. – Odessa: Tip. P.A. Zelenogo. – 1883. – 403 s.
10. Ozova F. A. Sh.B. Nogmov o sudebnoj sisteme tradicionnogo cherkesskogo obshhestva // E' lektronny' j zhurnal «Kavkazologiya». – 2019. – № 4. – S. 26-36. – DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-26-36. – EDN ORBGTB.
11. Kry' mshokalova F. X. Istochniki oby' chnogo prava kabardincev v XVIII - vtoroj polovine XIX vekov: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Kry' mshokalova F.X.. – Nal' chik, 2007. – 170 s. – EDN NOXXKL.
12. Misrokov Z.X. Adatskoe i musul' manskoe pravo narodov Severnogo Kavkaza v rossijskix pravovy' x sistemax: XIX-XX vv.: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. 328 s.
13. Lady' zhenskij A.M. Adaty' gorcev Severnogo Kavkaza / A. M. Lady' zhenskij ; Podgot. teksta i komment. I. L. Babich ; Pod obshh. red. A. S. Zajnalabidova, V. V. Chernousa. – Rostov n/D : Izd-vo SKNCz VSh, 2003. – 219 s.
14. Gardanov V.K. Materialy' po oby' chnomu pravu kabardincev. Pervaya polovina XIX v. – Nal' chik, 1956. – 427 s.
15. Pershicz A.I. Problemy' normativnoj e' tnoigrafii // Issledovaniya po obshhej e' tnoigrafii. – M., 1979. – S. 210-240.
16. Shapsugov D.Yu. Oby' chnoe pravo i ego rol' v pravovom razvitii obshhestva // Oby' chnoe pravo v Rossii: problemy' teorii, istorii i praktiki. Rostov-na-Donu, 1999. – 376 s.
17. Satushieva L.X. Mexanizm realizacii adata na Severo-Zapadnom i Central' nom Kavkaze: istoriko-pravovoj analiz: XV – nachalo XX v.: dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2003. – 179 s.
18. Svetlichnaya T.B. Prestuplenie i nakazanie, sudoustrojstvo i sudoproizvodstvo v oby' chnom prave narodov Severnogo Kavkaza v XVIII-XIX vv.: dis. ... kand. yurid. nauk. – Tambov, 2009. – 176 s.
19. Bobrovnikov V.O. Musul' manskie tradicii, pravo i obshhestvo na rossijskom Kavkaze // Vestnik Rossijskoj nacii. – 2014. – № 4. – S. 66-79.
20. Salaxodinova G.V. Rasprostranenie islama i ego vliyanie na zhizn' gorskogo naseleniya Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv. : dis. ... kand. ist. nauk. – Stavropol', 2008. – 283 s.
21. Omarov A.S. Iz istorii prava narodov Dagestana. – Maxachkala: Dagkniгоizd., 1968. – 238 s.
22. Sotnikov A.A. Rol' adata i shariata v sisteme sudebny' x organov Severnogo Kavkaza // Servis v Rossii i za rubezhom. 2012. № 8(35). S. 115-121. – EDN PCRHAX.
23. Ashurbekova A.A. Pravovy' e tradicii v sfere brachno-semejny' x otnoshenij musul' manskix narodov Rossijskoj imperii: Diss. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2022. 197 s.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ
УКАЗОВ, ПРЕДПИСАНИЯ И ЗАКОННЫХ ПО СЛУЖБЕ ТРЕБОВАНИЙ,
А ТАКЖЕ ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ И ПРОТИВОЗАКОННОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 ВЕКА
CRIMINAL LIABILITY OF OFFICIALS FOR FAILURE TO FULFILL DECREE,
INSTRUCTIONS AND LEGAL SERVICE REQUIREMENTS, AS WELL AS EXCESS
OF POWER AND UNLAWFUL INACTION IN THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY**

КАЛИНОВИЧ Александр Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет».

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2, стр. 2.

E-mail: kae.spb@yandex.ru;

KALINOVICH Alexander Eduardovich,

Candidate of Law, Associate Professor Saint Petersburg State Agrarian University.

196601, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe shosse, 2, p. 2.

E-mail: kae.spb@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье приведен анализ уголовно-правовых норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Автором рассмотрены положения Раздела 5 «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» устанавливающие ответственность должностных лиц за неисполнение законов и превышение должностных полномочий.

Abstract: This article analyzes the criminal law provisions of the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments. The author examines the provisions of Section 5, "On Crimes and Offenses in State and Public Service," which establishes the liability of officials for failure to comply with laws and abuse of office.

Ключевые слова: уложение о наказаниях уголовных и исправительных, неисполнение указов, предписаний и законных по службе требований, превышение власти, противозаконное бездействие.

Keywords: Code of Criminal and Correctional Punishments, failure to comply with decrees, orders, and legal requirements of service, abuse of power, unlawful inaction.

Для цитирования: Калинович А.Э. Уголовная ответственность должностных лиц за неисполнение указов, предписания и законных по службе требований, а также превышение власти и противозаконное бездействие в законодательстве Российской Империи второй половины 19 века // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_51.

For citation: Kalinovich A.E. Criminal liability of officials for failure to fulfill decree, instructions and legal service requirements, as well as excess of power and unlawful inaction in the legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th century// Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_51.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Основным законодательным актом, регулирующим деятельность государственных служащих в Российской империи являлся Закон о порядке государственной службы утвержденный Петром 1 24 января 1722 года.

Как указывает И.Т. Шатохин «Гражданская служба в 19 веке осуществлялась в следующих сферах управления применительно для исследуемой территории: экономика и управление государственными имуществами (финансовая, акцизная, счетная, контрольная, сельскохозяйственная, межевая, лесная, промышленная, торговая); юстиция (судебная, административная юстиция, нотариальная); полиция (собственно полицейская, санитарная, почтовая, телеграфная, строительная, статистическая, в заведениях общественного призрения); администрация (канцелярская, архивная)» [1].

В Российской империи в 19 веке ответственность за должностные проступки и преступления предусматривалась в Разделе V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, утвержденного 15 августа 1845 года Указом Николая 1 и введенного в действие 1 мая 1845 года (далее-Уложение).

Дела в отношении должностных лиц, состоящих на государственной или общественной службе, рассматривались судом в особом порядке.

Н.Н. Таганцев писал, что преступления и проступки совершенные по службе, преследуются в особом порядке судопроизводства, так как в действиях виновного, кроме нарушения прав частных лиц, присутствуют нарушения служебных обязанностей или злоупотребления оказанным ему особым доверием [2].

Признание обвиняемого ответственным за совершение должностного преступления зависело от того, какую должность он занимает и какие возложенные на лицо обязанности были нарушены при совершении преступления, а также наличие причинно-следственной связи между указанными условиями.

В зависимости от видовых объектов, правонарушения должностных лиц, описанных в Уложении, условно можно подразделить на:

1. Общие преступления и проступки:

- устанавливающие ответственность за неисполнение указов, предписаний и законных по службе требований (статьи 358-366 Уложения);
- устанавливающие ответственность за превышение власти и противозаконном бездействии (статьи 367-379 Уложения);
- устанавливающие ответственность за противозаконные проступки при хранении и управлении вверенного должностным лицам по службе имущества (статьи 380-389 Уложения);
- устанавливающие ответственность за совершение подлогов по службе (статьи 390-393 Уложения);
- устанавливающие ответственность за «неправосудие» (статьи 394-400 Уложения);
- устанавливающие ответственность за «мздоимство» и «лихоимство» (статьи 401-413 Уложения);
- устанавливающие ответственность за нарушение правил, установленных при вступлении в должность и «оставлении оной» (статьи 414-418 Уложения);
- устанавливающие ответственность за нарушение порядка при определении на службу и «к должностям» и при увольнении «от оных» (статьи 419-422 Уложения);
- устанавливающие ответственность за преступления и проступки, возникающие между начальниками и подчиненными. Данная глава включала в себя отделение первое «О нарушении долга подчиненности» (статьи 423-428 Уложения), отделение второе «О нарушении порядка в отношении к подчиненным» (статьи 429-434 Уложения), отделение третье «О слабом за подчиненными надзоре» (статьи 435-440 Уложения);
- устанавливающие ответственность за медлительность, нерадивость и несоблюдение установленного порядка в отправлении должности (статьи 441-455 Уложения).

2. Специальные правонарушения, устанавливающие ответственность за преступления и проступки чиновников по некоторым особым родам службы, подразделялись на:

- устанавливающие ответственность должностных лиц при производстве следствия и судопроизводстве (статьи 456-464 Уложения);
- устанавливающие ответственность должностных лиц при межевании (статьи 465-474 Уложения);
- устанавливающие ответственность должностных лиц полиции (статьи 475-488 Уложения);
- устанавливающие ответственность должностных лиц крепостных дел и нотариусов (статьи 489-498 Уложения);
- устанавливающие ответственность казначеев и должностных лиц, которым вверены денежные средства (статьи 499-513 Уложения);
- устанавливающие ответственность должностных лиц за проступки при заключении подрядов и поставок, прием поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи (статьи 514-533 Уложения).

Наиболее тяжкими в иерархии правонарушений, совершенных чиновниками, считались деяния, связанные с неисполнением указов, предписаний и законных по службе требований.

По форме вины указанные деяния подразделялись на умышленные и неосторожные.

К умышленным преступлениям относились деяния, совершенные по корыстным мотивам. К ним относились неисполнение именных или объявленных в установленном порядке Высочайших указов и повелений предусмотренное частью 2 статьи 358 Уложения, неисполнение указов Правительствующего Сената или других «присутственных» мест, предписаний или предложений начальства (статьи 360 и 361 Уложения) [3].

В соответствии с тяжестью преступного деяния санкция предусматривала от лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы на срок от десяти до двенадцати лет по части 2 статьи 358 Уложения до ссылки в Томскую или Тобольскую губернии с заключением на срок от двух до трех лет и с потерей всех особых как личных, так и по состоянию присвоенных прав и прочего имущества, а в особо важных случаях к лишению всех прав состояния и ссылки в Сибирь на поселение [4].

Если же указанные деяния совершались по легкомыслию или «недостатку внимания», наказание для должностных лиц влекло отрешение от должности или исключение со службы.

Более мягким наказаниям в виде замечания или выговора подвергались чиновники за проступки, связанные с не предоставлением в установленном законом порядке справок, сведений, ответов и объяснений.

Н.С. Таганцев указывал, что существенными признаками преступления, связанного с невыполнением должностным лицом обязательных для исполнения предписаний по легкомыслию или небрежности являются: объективный, выраженный в «обязательности к предъявляемому должностному лицу требованию» и субъективный, выраженный в «сознании должностным лицом такой обязательности» [5].

В отдельную главу были выделены проступки и преступления, связанные с превышением власти и противозаконным бездействием. Под превышением власти понимались такие не соответствующие званию, занимаемой должности, полномочиям действия чиновника, которые вопреки принятых законов, уставов или данных должностному лицу наставлений, повлекли за собой незаконную отмену либо принятие каких-либо решений, либо присвоение себе права совершать действия или издавать распоряжения, на которое необходимо получить разрешение высшего начальства.

Уложение предусматривало два исключения, при которых действия должностных лиц не считалось превышением власти. Первое исключение разрешало министру или другому государственному сановнику совершать действия, превышающие их полномочия, на основании полученного разрешения «Верховной власти». Второе исключение касалось действий чиновников или иных должностных лиц при принятии решительных мер при чрезвычайных ситуациях.

К ответственности за проступки и преступления связанные с превышением власти привлекались не только лица, состоящие на государственной службе, но и следующие категории служащих:

- лица, принятые по вольному найму. Для привлечения такого лица к ответственности необходимо было соблюдение двух условий:

исполнение лицом обязанностей, отнесенных законом к полномочиям учреждения и совершение преступления при исполнении вверенных ему обязанностей. Так, например, к такой категории относились не состоящие на государственной службе, работающие по найму надсмотрщики винокурных заводов, на которых возлагалась охрана казенных интересов, письмоводители станowego пристава, являющиеся должностными лицами, лица, приглашенные земскими управами для постоянной работы или для исполнения временных поручений;

- лица, служащие по выборам, в число которых входили волостные писари и их помощники, выборные должностные лица калмыцких кочевий;

- служащие в частных банках, совершившие подлоги, принявшие подарки, взятки, совершившие вымогательства, нарушившие правила выдачи вкладов и ссуд;

- работники лесной стражи, в состав которых входили сторожа казенных лесов, лесные сторожа назначенные по найму или выбору сельских обществ, лесные сторожа крестьянских общественных лесов, лесные объездчики, пожарные старосты;

- судьи и присяжные заседатели, обвиняемые в принятии денег или угощений, нотариусы и другие лица, к которым относились председатели конкурсов в конкурсном управлении, подведомственные земским управам должностные лица, вольнопрактикующие врачи, назначенные в установленном порядке членами временных санитарных отрядов.

С развитием железных дорог, к указанным категориям прибавились служащие железных дорог, в том числе находящиеся на службе в частных обществах железных дорог и состоящие на государственной службе, а также в казенных железных дорогах и не состоящие на государственной службе в случае нарушения ими обязанностей железнодорожной службы.

Под противозаконным бездействием власти понимались не применение чиновником или иным должностным лицом всех предоставленных ему средств при злоупотреблениях или беспорядках с целью предохранить государство и общество от ущерба и вреда [6].

В данном случае к ответственности привлекались только лица, состоящие на государственной или общественной службе.

Отдельно квалифицировались преступления должностных лиц связанные с применением насилия, истязаний и жестокости, оружия, нанесения ран и увечий (части 2 и 3 статьи 373, статьи 374, 375 Уложения) в ходе исполнения чиновниками своих должностных обязанностей.

На основании статьи 370 Уложения виновные в совершении преступлений против службы могли быть подвергнуты следующим видам наказаний: отстранение от должности, исключению из службы, заключению в крепость на время от одного года до двух лет, или в случаях особенно важных, к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке «на житье» в Томскую или Тобольскую губернии с заключением на время от одного года до двух лет [7].

В 1885 году в связи с либеральными изменениями в обществе, уголовное законодательство было смягчено. Так, в новой редакции Уложения, наказания за должностные преступления претерпели изменения, в частности санкции предусматривали заключение в крепость на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, либо лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и передачу в исправительные арестантские отделения [8].

Если же последствия превышения полномочий или бездействия чиновниками были не существенны, то по решению суда наказание виновным лицам могло ограничиваться замечанием, выговором или вычетом от одного до шести месяцев из времени службы. К таким проступкам относились следующие действия: самовольное препятствование действиям другого должностного лица (часть 1 статьи 373 Уложения), оскорбление при исполнении обязанностей (статья 376 Уложения), взятие под стражу без соблюдения установленных правил (часть 1 статьи 377 Уложения), производство выемки или обыска без соблюдения установленных правил (статья 378 Уложения).

Таким образом, 1 и 2 главы Раздела V Уложения защищали общественные отношения не только в области государственной, но общественной службы, содержали нормы, предусматривающие уголовную ответственность за проступки и преступления чиновников и лиц, не являющихся государственными служащими, но выполняющих функции государственной или общественной службы.

Список литературы:

1. Шатохин И.Т. «Особенности и структура государственной службы Российской империи во второй половине XIX века // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 1. С. 56-59;
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перепечатка и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 327.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 153.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 154.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перепечатка и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 326.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 157.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. с. 157.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 13-е изд., перепечатка и доп. - С.-Пб.: Изд. Н. С. Таганцева, 1908, с. 343.

References:

1. Shatkhin I.T. "Characteristics and Structure of the Civil Service of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century" // Modern Science-Intensive Technologies. 2006. No. 1. pp. 56-59;
2. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th ed., revised and enlarged. St. Petersburg: N. S. Tagantsev Publishing House, 1908, p. 327.
3. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1845. p. 153.
4. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1845. p. 154.
5. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th edition, revised and enlarged. - St. Petersburg: N. S. Tagantsev Publishing House, 1908, p. 326.
6. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 157.
7. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. p. 157.
8. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 13th edition, revised and enlarged. - St. Petersburg: N. S. Tagantseva, 1908, p. 343.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_54

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО АНАЛИЗА ОБМЕНА ГЕНОМНЫМИ ДАННЫМИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКАХ¹ METHODOLOGY OF LEGAL ANALYSIS OF GENOMIC DATA EXCHANGE IN RESEARCH AND CLINICAL PRACTICE

БЕРГ Людмила Николаевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева, руководитель проектного офиса УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева «Правовая геномика: междисциплинарный проект в области правового обеспечения использования генетических технологий и геномной информации», ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-правовых исследований Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента Б.Н. Ельцина.
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: mila-berg@mail.ru;

BERG Lyudmila Nikolaevna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the S.S. Alekseev Department of Theory of State and Law, Head of the project office of the USUUV Yakovlev "Legal Genomics: an interdisciplinary project in the field of legal support for the use of genetic technologies and genomic information", leading researcher at the Laboratory of Social and Legal Research Schools of Public Administration and Entrepreneurship of the Institute of Economics and Management Ural Federal University named after the first President B.N. Yeltsin.
19 Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russia.
E-mail: mila-berg@mail.ru

Краткая аннотация: Предметом исследования выступает правовой режим обмена геномными данными в контексте современной биомедицины, включающий нормы и механизмы, регулирующие сбор, хранение, обработку и передачу генетической информации в исследовательской и клинической практиках. Особое внимание уделяется двойственной природе геномных данных, сочетающих индивидуальные характеристики субъекта и коллективную ценность для общества, а также дифференциацию правовых интересов и рисков в научной и медицинской среде. Методологическую основу работы составляют системный подход, позволяющий рассматривать геномные данные как элемент комплексной правовой системы, аксиологический подход, используемый для выявления ценностных ориентиров правового регулирования в условиях цифровизации медицины, функциональный подход, направленный на анализ роли права в балансировке публичных и частных интересов, сравнительно-правовой метод, применяемый для сопоставления российских и зарубежных моделей обращения геномной информации. Формально-юридический метод используется для анализа и установления соответствия между правовыми нормами и реальными практиками обмена генетическими данными. Научная новизна заключается в разработке интегративной методологии правового анализа обмена геномными данными, основанной на разграничении исследовательского и клинического уровней правового воздействия и позволяющей выявить специфические правовые риски, закономерности правового регулирования и пределы допустимости обращения генетической информации. В результате сделан вывод о необходимости совершенствования российского законодательства с учётом международных стандартов открытой науки, управляемого доступа и этических протоколов, обеспечивающих баланс между частной защитой личности и интересами научного прогресса.

Abstract: The subject of the study is the legal regime for the exchange of genomic data in the context of modern biomedicine, which includes norms and mechanisms governing the collection, storage, processing and transmission of genetic information in research and clinical practice. Special attention is paid to the dual nature of genomic data, combining the individual characteristics of the subject and the collective value to society, as well as the differentiation of legal interests and risks in the scientific and medical environment. The methodological basis of the work consists of a systematic approach that allows us to consider genomic data as an element of a comprehensive legal system, an axiological approach used to identify the value orientations of legal regulation in the context of digitalization of medicine, a functional approach aimed at analyzing the role of law in balancing public and private interests, a comparative legal method used to compare Russian and foreign models of genomic information circulation. The formal legal method is used to analyze and establish the correspondence between legal norms and actual practices of exchanging genetic data. The scientific novelty lies in the development of an integrative methodology for the legal analysis of genomic data exchange, based on the differentiation of research and clinical levels of legal impact and allowing to identify specific legal risks, patterns of legal regulation and the limits of the permissibility of the circulation of genetic information. As a result, it is concluded that it is necessary to improve Russian legislation, taking into account international standards of open science, managed access, and ethical and legal protocols that ensure a balance between private protection of the individual and the interests of scientific progress.

Ключевые слова: геномные данные, геномная информация, генетическая информация, правовой анализ клинической практики, исследовательская практика, правовое воздействие, правовая охрана, трансграничный обмен геномными данными, правовой режим геномных данных, правовая защита, правовые модели оборота геномной информации.

Keywords: genomic data, genomic information, genetic information, legal analysis of clinical practice, research practice, legal impact, legal protection, cross-border exchange of genomic data, legal regime of genomic data, legal protection, legal models of genomic information turnover.

Для цитирования: Берг Л.Н. Методология правового анализа обмена геномными данными в исследовательской и клинической практиках // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 54-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_54.

For citation: Berg L.N. Methodology of legal analysis of genomic data exchange in research and clinical practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 54-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_54.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2025

Введение. Интенсивное развитие геномных технологий радикально изменило структуру современного биомедицинского знания и практики. Создание международных биобанков, цифровых платформ секвенирования и исследовательских консорциумов [1], [2], [3] формирует глобальную систему обмена геномными данными, в которой обращение генетической информации становится неотъемлемой частью научного и клинического процесса. Однако эти новые формы взаимодействия сопровождаются возникновением сложных правовых вопросов, связанных с защитой частной жизни, обеспечением автономии личности, трансграничным перемещением данных и соотношением публичного и частного интереса [4, с. 12, 85, 89].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы №ВНШ/25-ЛБ»

Геномные данные обладают двойственной природой, поскольку они одновременно отражают индивидуальные характеристики конкретного субъекта и представляют ценность для коллективного субъекта, например, народа. [5, 326-344], [6, 95-96]. Именно данные особенности геномных данных влияют на правовой режим их обращения. Традиционные институты права персональных данных и медицинской тайны оказываются недостаточными для охвата всего спектра отношений, возникающих при обмене генетической и геномной информацией. В результате возникает необходимость методологического анализа правовых проблем, способного выявить пределы правового воздействия в сфере обращения геномных данных и определить инструменты их нормативной защиты.

Обмен геномной информацией осуществляется в двух взаимосвязанных, но функционально различающихся контекстах исследовательской и клинической практик. На исследовательском уровне обмен направлен на производство нового знания, верификацию научных результатов, развитие биобанков и репозиториях. Здесь доминирует публичный интерес, а центральной задачей становится обеспечение открытости и воспроизводимости научных данных при сохранении их правовой охраны. На клиническом уровне обмен геномными данными служит достижению индивидуальных целей пациента, прежде всего диагностике, лечению, профилактике заболеваний. В этом контексте приоритет принадлежит защите персональной автономии, соблюдению медицинской тайны и гарантиям конфиденциальности. Различие целей и субъектов этих практик предопределяет различие правовых механизмов, а, следовательно, требует дифференцированной методологии анализа.

Актуальность проблемы обусловлена быстрым ростом масштабов обмена геномными данными и отсутствием единых правовых подходов к регулированию их использования. В международной практике сложились разные модели обращения с генетической информацией, начиная от императивных правовых режимов защиты персональных данных (как в Европейском союзе) [7, 68-69] до гибких исследовательских стандартов (как в США и Канаде) [8, 78-79]. Российская правовая система, в свою очередь, находится на этапе формирования нормативных основ обмена геномными данными и сопряжена с необходимостью балансировать между правовой защитой личности и научным прогрессом. В этих условиях возрастает значение методологического осмысления правовых проблем обмена геномной информацией, позволяющего объединить теоретико-правовые и прикладные аспекты правового воздействия [9, 638-649]. Обмен геномными данными осуществляется в двух взаимосвязанных, но функционально различающихся контекстах: исследовательской и клинической практике.

На исследовательском уровне обмен направлен на производство и верификацию научного знания, развитие коллективных баз данных и воспроизводимость результатов научных исследований. Здесь преобладает публичный интерес и действует принцип научной солидарности. На клиническом уровне обмен генетической информацией служит обеспечению индивидуальных медицинских решений, реализации права пациента на информированное согласие и защиту персональных данных.

В этом контексте правовое воздействие направлено прежде всего на специфику медицинской тайны, врачебной ответственности и биоэтических стандартов. Различие целей и субъектов исследовательской и клинической практики порождает отличающиеся правовые риски, что требует дифференцированного подхода к анализу и правовому воздействию.

Цель настоящего исследования видится в разработке методологии правового анализа обмена геномными данными в исследовательской и клинической практике, способной выявить закономерности правового воздействия, границы допустимости и механизмы правовой защиты участников данных отношений. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе сбора, хранения, обработки и передачи геномных данных в научных и медицинских целях. В качестве предмета исследования выделим правовой режим обращения геномных данных в контексте современной биомедицины.

Методологическую основу исследования составляет совокупность взаимодополняющих подходов: системный подход для анализа геномных данных как элемента комплексной правовой системы, аксиологический для выявления ценностных ориентиров права в условиях цифровизации медицины, функциональный подход направлен на определение роли права в балансировке публичных и частных интересов, сравнительно-правовой метод для сопоставления зарубежных и отечественных моделей правового воздействия. Применение формально-юридического метода позволяет соотнести нормативные предписания с реальными практиками обращения геномной информации в исследовательской и клинической деятельности.

Научная новизна исследования состоит в разработке интегративной методологии правового анализа обмена геномными данными, основанной на разграничении исследовательского и клинического уровней правового воздействия. Предлагаемый подход позволяет выявить взаимосвязь между правовыми принципами защиты личности и требованиями научного прогресса, определить специфику правового режима генетической информации, а также предложить направления совершенствования национального законодательства и этико-правовых протоколов в сфере геномных исследований и медицины.

Российская и международная инфраструктура обмена геномными данными: сравнительный правовой анализ. Современная биомедицина развивается в направлении формирования распределённых сетей обмена геномными и фенотипическими данными. Эти сети выполняют двойную функцию: с одной стороны, они являются технологической основой научного прогресса, обеспечивая накопление больших объёмов данных, необходимых для молекулярной и персонализированной медицины, с другой представляют собой сложные правовые конструкции, где сталкиваются интересы субъекта, общества и государства. В связи с этим анализ инфраструктуры обмена геномными данными должен включать не только научно-технический, но и правовой уровень, что особенно важно в аспекте определения пределов допустимого правового воздействия на процессы обработки и передачи геномных данных.

Российская исследовательская и клиническая инфраструктура. В России в последние годы формируется система национальных инфраструктур, связанных с обращением геномных данных. Центральным направлением является создание единого национального геномного

пространства, объединяющего исследовательские и клинические ресурсы. Научные инициативы включают проект «Российские геномы» (Genome Russia Project) [10, 53], направленный на секвенирование репрезентативной выборки населения Российской Федерации, деятельность национальных центров геномных исследований, создаваемых в рамках федеральных программ развития генетических технологий, и формирование Национальной базы данных генетической информации, ориентированной на деперсонализированное хранение и обмен геномными данными между научными организациями [11]. Параллельно развивается биоинформационная инфраструктура базы данных, а также отдельные платформы при медицинских исследовательских учреждениях.

Клинический сектор в России находится на стадии интеграции с исследовательским: геномные технологии постепенно становятся частью практической медицины, прежде всего в онкологии, неонатальном скрининге, кардиологии и при лечении орфанных заболеваниях [12, 17-19]. Формируется сеть лабораторий геномного профилирования и центров генетического тестирования, обеспечивающих анализ и передачу данных между учреждениями. Однако правовая база, регулирующая эти процессы, остаётся фрагментарной. Федеральное законодательство содержит преимущественно нормы о персональных данных, медицинской тайне и биомедицинских исследованиях, этого недостаточно, чтобы отразить всю специфику геномных данных как особой категории. Отсутствуют унифицированные стандарты анонимизации, процедуры вторичного использования данных, правовые механизмы межведомственного и международного обмена.

Следовательно, российская инфраструктура характеризуется институциональной фрагментарностью и нормативной неопределённостью, поскольку создаются исследовательские и медицинские базы данных, но механизм их правового взаимодействия и доступности остаётся неурегулированным. Это обуславливает необходимость разработки методологии анализа, в рамках которого получится учесть, как особенности национального законодательства, так и требования международных стандартов этической и правовой защиты геномных данных [13, 41-42], [14, 95].

Международные образцы. В международной практике уже сложились устойчивые модели организации обмена геномными данными, опирающиеся на принципы транспарентности, управляемого доступа и правовой ответственности. Одним из ведущих примеров является **Global Alliance for Genomics and Health** [15] международный консорциум, разрабатывающий стандарты для «ответственного обмена геномными и связанными с ними данными». Документ GA4GH Framework for Responsible Sharing of Genomic and Health-related Data [16] задаёт эτικο-правовые ориентиры, включая принципы пропорциональности, уважения автономии и надлежащего управления. На национальном уровне показательными примерами являются программа Genomics England [17], в рамках которой создана инфраструктура *UK Biobank* [18], и Германский Human Genome-Phenome Archive (GHGA) [19], работающий по модели управляемого доступа (controlled access) и подчинённый строгим требованиям национального законодательства о защите данных (GDPR и Федеральный закон о защите данных Германии). Эти модели демонстрируют высокую степень институциональной согласованности: нормативное регулирование, технические стандарты и процедуры доступа интегрированы в единую систему управления данными.

Общей чертой международных инфраструктур является ориентация на баланс между открытостью и правовой охраной и защитой [20, 148-149]. В отличие от российской модели, где акцент пока смещён в сторону ограничительного регулирования, международная практика вырабатывает механизмы правового доверия: применение кодексов поведения, систем независимого этического надзора, формализованных процедур согласия и пересмотра рисков. В результате обмен геномными данными становится не только юридически допустимым, но и институционально управляемым процессом.

Сравнительный вывод. Сравнение российских и международных подходов показывает, что различия носят не технологический, а правовой и институциональный характер. Российская система сосредоточена на создании технических платформ, в то время как ведущие международные структуры уже обеспечили нормативную интеграцию путем соединения правовых, этических и управленческих механизмов обращения геномных данных. Это различие свидетельствует о необходимости развития национального правового режима обращения геномных данных на основе принципов открытой науки, правовой определённости и транспарентного управления.

Методологически такой анализ подтверждает, что правовое воздействие в сфере обмена геномными данными должно рассматриваться не как ограничение научной деятельности, а как инструмент согласования её с этическими стандартами и нормативными установлениями. Опыт международных консорциумов демонстрирует, что формирование доверительной правовой среды является условием устойчивого функционирования исследовательских и клинических инфраструктур как в национальном, так и в трансграничном масштабе.

Методологические ориентиры.

Развитие такой системы требует выработки соответствующей методологии правового анализа, ориентированной не только на выявление пробелов законодательства, но и на определение пределов и направлений правового воздействия в сфере обращения генетической информации.

1. **Интегративный методологический подход** должен рассматривать правовой режим обращения геномных данных как комплексную систему, включающую нормы публичного и частного права, биоэтические стандарты и процедурные механизмы. Целью такого подхода является выявление правовых средств обеспечения баланса между защитой прав личности и развитием науки.

2. **Аксиологический метод** должен использоваться для раскрытия ценностных основ правового регулирования обращения геномных данных: уважения автономии личности, пропорциональности ограничения прав, правовой определённости, добросовестности субъектов научного обмена.

3. **Функциональный анализ правового воздействия** позволяет определить границы компетенции государства и субъектов обмена генетической информацией. В исследовательской практике право должно выполнять обеспечительно-координирующую функцию, создавая правовые условия для допустимого обмена данными, тогда как в клинической практике оно призвано выполнять преимущественно гарантирующую и защитную функции.

4. **Сравнительно-правовой метод** выступает необходимым инструментом адаптации международных стандартов в национальный правовой порядок. При этом методологически важно не механическое заимствование зарубежных норм, а выявление их телеологического содержания и соотнесение с принципами российского права.

5. **Формально-юридический метод** предполагает соотнесение правовых норм с фактическими моделями обмена геномными данными, формирующимися в исследовательских институтах и медицинских организациях, а также обеспечивает обратную связь между правовой доктриной и практикой правоприменения.

Теоретико-правовой вывод

Правовой анализ обмена геномными данными подтверждает, что в условиях развития биомедицины право не может ограничиваться функцией запрета или охраны, право должно выполнять организующую, обеспечительную и превентивную роль. Предел правового воздействия в данной сфере заключается в обеспечении такой степени нормативного вмешательства, которая гарантирует правовую защиту личности, не препятствуя при этом научному прогрессу и развитию медицинских технологий.

Формирование специального правового режима обращения генетической информации является не частной задачей отраслевого законодательства, а элементом эволюции современного правового порядка в сторону биотехнологического типа правового регулирования. Развитие доктрины правового воздействия в этой области должно исходить из принципа правовой соразмерности и учитывать взаимозависимость этических, правовых и научных критериев допустимости обращения геномных данных.

Список литературы:

1. All of Us Research Program [электронный ресурс] URL: <https://allofus.nih.gov/> (дата обращения: 05.11.2025 года).
2. 1+ Million Genomes [электронный ресурс] URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/1-million-genomes> (дата обращения: 05.11.2025 года).
3. Human Cell Atlas [электронный ресурс] URL: <https://www.humancellatlas.org/> (дата обращения: 05.11.2025 года).
4. Берг, Л. Н. Правовое осмысление генома: новая реальность и вызовы будущего: монография / Д. С. Владимирова, А. В. Лисаченко, Д. В. Мурзин [и др.]; под общ. ред. Л. Н. Берг. Москва: Русайнс, 2025. 378 с.
5. Otowski M. Sharing of Genomic Data: Exploring the Privacy Implications of the Changing Status of Genomic Data // Journal of Law and Medicine. 2023. Vol. 30. No. 2. P. 326–344.
6. Берг, Л. Н. Конфиденциальность геномной информации и право на доступ к научным знаниям: вопросы соотношения / Л. Н. Берг // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 10(215). С. 93–101.
7. Калинин П. А., Некотенева М. В. Особенности правового регулирования геномных исследований на международном и европейском уровне / П. А. Калинин, М. В. Некотенева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. №4 (68). 2020. С. 68–78.
8. Трикоз Е. Н., Мустафина-Бредихина Д. М., Гуляева Е. Е. Правовое регулирование процедуры геномного редактирования: опыт США и стран ЕС // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. №1. С. 67–86.
9. Берг, Л. Н. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт / Л. Н. Берг, В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 638–649.
10. Oleksyk T. K., Brukhin V., O'Brien S. J. The Genome Russia project: closing the largest remaining omission on the world Genome map. Gigascience. 2015 Nov. 13. P. 53.
11. Дан старт предварительным испытаниям «Национальной базы генетической информации» [электронный ресурс] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/98905/> (дата обращения: 14.11.2025 года).
12. Тузанкина И. А. Аспекты технологий геномных исследований при врожденных ошибках иммунитета / А. В. Нечкин, М. А. Болков, Л. И. Воронина [и др.]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022. 186 с.
13. Берг, Л. Н. Правовая охрана: теоретико-инструментальный аспект / Л. Н. Берг // История государства и права. 2017. № 8. С. 41–44.
14. Семеновых А. Е. Правовая защита генетической и геномной информации в геномном правоотношении: гражданско-правовой аспект / А. Е. Семеновых // Lex Genetica. 2024. Т. 3, № 3. С. 93–106.
15. Global Alliance for Genomics and Health [электронный ресурс] URL: <https://www.ga4gh.org/> (дата обращения: 12.11.2025 года).
16. Framework for responsible sharing of genomic and health-related data [электронный ресурс] URL: <https://www.ga4gh.org/framework/> (дата обращения: 12.11.2025 года).
17. Genomics England [электронный ресурс] URL: <https://www.genomicsengland.co.uk/> (дата обращения: 12.11.2025 года).
18. UK Biobank [электронный ресурс] URL: <https://www.ukbiobank.ac.uk/> (дата обращения: 12.11.2025 года).
19. Human Genome–Phenome Archive (GHGA) [электронный ресурс] URL: <https://www.ghga.de/> (дата обращения: 12.11.2025 года).
20. Лисаченко, А. В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения / А. В. Лисаченко // Российский юридический журнал. 2022. № 2(143). С. 140–151.

References:

1. All of Us Research Program [elektronnyj resurs] URL: <https://allofus.nih.gov/> (data obrashcheniya: 05.11.2025 goda).
2. 1+ Million Genomes [elektronnyj resurs] URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/1-million-genomes> (data obrashcheniya: 05.11.2025 goda).
3. Human Cell Atlas [elektronnyj resurs] URL: <https://www.humancellatlas.org/> (data obrashcheniya: 05.11.2025 goda).
4. Berg, L. N. Pravovoe osmysleniye genoma: novaya real'nost' i vyzovy budushchego: monografiya / D. S. Vladimirova, A. V. Lisachenko, D. V. Murzin [i dr.]; pod obshch. red. L. N. Berg. Moskva: Rusajns, 2025. 378 s.
5. Otowski M. Sharing of Genomic Data: Exploring the Privacy Implications of the Changing Status of Genomic Data // Journal of Law and Medicine. 2023. Vol. 30. No. 2. P. 326–344.
6. Berg, L. N. Konfidentzial'nost' genomnoj informacii i pravo na dostup k nauchnym znaniyam: voprosy sootnosheniya / L. N. Berg // Lex Russica (Russkij zakon). 2024. T. 77, № 10(215). S. 93–101.
7. Kalinichenko P. A., Nekoteneva M. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya genomnyh issledovanij na mezhdunarodnom i evropejskom urovne / P. A. Kalinichenko, M. V. Nekoteneva // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. №4 (68). 2020. S. 68–78.
8. Trikoz E. N., Mustafina-Bredihina D. M., Gulyaeva E. E. Pravovoe regulirovanie procedury gennogo redakirovaniya: opyt SSHA i stran ES // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2021. №1. S. 67–86.
9. Berg, L. N. Napravleniya pravovogo vozdejstviya v sfere genomnyh issledovanij: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt / L. N. Berg, V. G. Golubcov // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2020. № 50. S. 638–649.
10. Oleksyk T. K., Brukhin V., O'Brien S. J. The Genome Russia project: closing the largest remaining omission on the world Genome map. Gigascience. 2015 Nov. 13. P. 53.
11. Dan start predvaritel'nyh ispytaniyam «Nacional'noj bazy geneticheskoy informacii» [elektronnyj resurs] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/98905/> (data obrashcheniya: 14.11.2025 goda).
12. Tuzankina I. A. Aspekty tekhnologij genomnyh issledovanij pri vrozhdennyh oshibkah immuniteta / A. V. Nechkin, M. A. Bolkov, L. I. Voronina [i dr.]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2022. 186 s.
13. Berg, L. N. Pravovaya ohrana: teoretiko-instrumental'nyj aspekt / L. N. Berg // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 8. S. 41–44.
14. Semenovych A. E. Pravovaya zashchita geneticheskoy i genomnoj informacii v genomnom pravootnoshenii: grazhdansko-pravovoj aspekt / A. E. Semenovych // Lex Genetica. 2024. T. 3, № 3. S. 93–106.
15. Global Alliance for Genomics and Health [elektronnyj resurs] URL: <https://www.ga4gh.org/> (data obrashcheniya: 12.11.2025 goda).
16. Framework for responsible sharing of genomic and health-related data [elektronnyj resurs] URL: <https://www.ga4gh.org/framework/> (data obrashcheniya: 12.11.2025 goda).
17. Genomics England [elektronnyj resurs] URL: <https://www.genomicsengland.co.uk/> (data obrashcheniya: 12.11.2025 goda).
18. UK Biobank [elektronnyj resurs] URL: <https://www.ukbiobank.ac.uk/> (data obrashcheniya: 12.11.2025 goda).
19. Human Genome–Phenome Archive (GHGA) [elektronnyj resurs] URL: <https://www.ghga.de/> (data obrashcheniya: 12.11.2025 goda).
20. Lisachenko A. V. Pravovoj rezhim «bol'shijh genomnyh dannyh»: za i protiv svobodnogo obrashcheniya / A. V. Lisachenko // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 2(143). S. 140–151.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹ ENSURING FOOD SECURITY IN THE CONTEXT OF GENETIC TECHNOLOGIES AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

СЕМЕНОВЫХ Анастасия Евгеньевна,

кандидат юридических наук, ассистент-стажер проектного офиса УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева

«Правовая геномика: междисциплинарный проект в области правового обеспечения использования генетических технологий и геномной информации», преподаватель кафедры экономики и права

Уральского федерального университета имени первого Президента Б.Н. Ельцина.

620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: semenovykh.a.e.04.11@gmail.com;

SEMOVYKH Anastasia Evgenievna,

PhD in Law, assistant-intern of the project office of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

"Legal Genomics: An Interdisciplinary Project in the Field of Legal Support for the Use of Genetic Technologies and Genomic Information", lecturer of the Department of Economics and Law of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

19 Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russia.

E-mail: semenovykh.a.e.04.11@gmail.com

Краткая аннотация: Интенсивное развитие и внедрение генетических технологий в разных сферах производства и социальной активности общества и человека уже стало очевидным трендом технологического развития на национальном, региональном и глобальном уровнях. Как и любой продукт нового технологического уклада применение генетических технологий и использование геномной информации в здравоохранении, аграрном секторе, производстве включает в себе риски и возможности социального, этического и правового характера. В настоящей статье проанализирована концепция целей устойчивого развития и ее применение к активно развивающимся и внедряемым технологиям генетики и геномики в сфере безопасности продовольствия. Представляется, что синтез междисциплинарных подходов позволит эффективно адаптировать внедрение генетических и геномных технологий в разные сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе может обеспечить безопасность продуктов питания, превратить потенциальные риски и угрозы в перспективные возможности для дальнейшего развития.

Abstract: The intensive development and implementation of genetic technologies in various spheres of production and social activity of society and individuals has already become an obvious trend in technological development at the national, regional, and global levels. Like any product of the new technological paradigm, the application of genetic technologies and the use of genomic information in healthcare, agriculture, and production entails risks and opportunities of a social, ethical, and legal nature. This article analyzes the concept of sustainable development goals and its application to the actively developing and implemented genetic and genomic technologies in the field of food safety. It is believed that a synthesis of interdisciplinary approaches will enable the effective adaptation of genetic and genomic technologies to various spheres of human activity, including ensuring food safety and turning potential risks and threats into promising opportunities for further development.

Ключевые слова: генетические технологии, геномные технологии, цели устойчивого развития, правовое обеспечение, правовое воздействие, правовая охрана, продовольственная безопасность, правовые средства.

Keywords: genetic technologies; genomic technologies; sustainable development goals; legal framework; legal impact; legal protection; legal defense; food security; legal means; risk-based approach.

Для цитирования: Семеновых А.Е. Обеспечение продовольственной безопасности в контексте генетических технологий и целей устойчивого развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 58-62. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_58.

For citation: Semenovikh A.E. Ensuring food security in the context of genetic technologies and sustainable development goals // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 58-62. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_58.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2025

Введение

Идея о поступательном движении истории и социального прогресса занимает умы исследователей достаточно продолжительное время. В эпоху возрождения французский мыслитель и политический деятель М. де Кондорсе в своем фундаментальном труде «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» [1, с. 13] предлагает метафору «социальный прогресс – золотая лестница». Согласно Кондорсе, двигателем этого прогресса является в первую очередь человеческий разум, возможности которого беспредельны, а процесс совершенствования бесконечен. Будущее, согласно Кондорсе, должно быть лучше всех других времен, оно появится из знания, могущества, но перед этим, людям необходимо преодолеть физические и моральные преграды на пути к счастью [2, с. 41].

Современные теории ускорения истории и поступательного движения социального прогресса связаны с математическими расчетами относительно самой возможности указанного явления, о наличии пределов ускорения истории, о существовании некоторой точки сингулярности, ставящей предел возможности прогнозирования дальнейших событий и тенденций развития [3, с. 41], процессами замедления и стабилизации течения истории и социального прогресса.

Приведем две устоявшихся концепции ускорения истории и социального прогресса:

- 1) последовательное сокращение длительности значимых исторических эпох (ступеней антропогенеза, формаций и способов производства и накопления, стадий технологического роста, художественных стилей и т. д.) [4, с. 4], [5, с. 123], [6, с. 135];
- 2) рост числа существенных изменений в каждом примерно равном последующем отрезке времени в сравнении с предыдущими отрезками [7, с. 155].

На самом деле, указанные концепции не противоречат, а дополняют друг друга. Концепцию ускорения истории и социального прогресса следует применить и к генетическим технологиям. Бесспорно, что в последние годы мы наблюдаем чуть ли не «экспоненциальное ускорение»

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы №ВНШ/25-ЛБ».

развития генетики и внедрения генетических и геномных технологий в повседневную социальную практику.

Еще пару десятилетий назад технологии генетического тестирования воспринимались как «нечто на грани фантастики», сегодня генетическое тестирование в сфере медицины имеет несколько направлений (предимплантационное, пренатальное, неонатальное, педиатрическое, терапевтическое для взрослого населения [8, с. 16] и др.) и является финансово-доступным для широких социальных слоев. Популярность набирают генетические тесты, направленные на выявление происхождения, определение рисков заболеваний, установление эффективности лекарств, разработку рекомендаций по питанию, развитию способностей и других, напрямую не связанных с медицинскими показаниями, аспектов [9].

Другой вопрос, каковы будут последствия такого социально-технологического прогресса? Будут ли они позитивными и приведут к эпохе всеобщего благоденствия, как прогнозировал Кондорсе? Или, возможно, человечество уже находится в точке замедления прогресса при наилучшей модели общественного устройства (либерально-демократическое общество с капиталистической экономикой) и стоит совершенствовать, адаптировать и внедрять текущие технологии, как полагает Ф. Фукуяма. Либо, есть вероятность, технологического коллапса и деградации развития.

Безусловно, развитие любой технологии потенциально несет в себе угрозы и возможности, риски и перспективы. На наш взгляд, одним из путей минимизации угроз и рисков активного развития генетики является применение концепции Целей устойчивого развития к геномной повестке.

Концепция устойчивого развития стала своеобразным ответом на вопросы глобальных проблем человечества, и была впервые озвучена в рамках Всемирной стратегии охраны природы в 1980 году [10, с. 440]. В наиболее общем понимании, устойчивое развитие – процесс экономических и социальных изменений, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений [11, с. 311-313].

Следует отметить, что концепция устойчивого развития не только претерпела длительную эволюцию за последние десятилетия, но и продолжает видоизменяться в соответствии с новыми вызовами, появляющимися в рамках глобальной повестки дня [12, с. 14]. Обозначим несколько вариаций концепции, которые кажутся наиболее актуальными для исследования синтеза ЦУР и генетических технологий.

Триединая концепция ЦУР подразумевает взаимозависимость трех ключевых аспектов развития - экологического, экономического и социального, рассматривая их как единое целое. Подобное понимание устойчивого развития подразумевает оптимальное сочетание интересов общества и бизнеса, а также сохранение и поддержание благополучного состояния окружающей среды [13, с. 102]. Но здесь следует добавить четвертый неотъемлемый элемент – управленческий. Определение управленческого элемента указывает на весомое влияние политических институтов и принимаемых ими решений на реализацию целей устойчивого развития [14, с. 21]. Таким образом, *предметом настоящего исследования выступает* обеспечение правового режима продовольственной безопасности в контексте целей устойчивого развития с точки зрения социальных, экономических и экологических аспектов, а также реализация государственной политики в указанных сферах. *Научная новизна* заключается в разработке модели правового регулирования, которая интегрирует подходы устойчивого развития и риск-ориентированный подход стратегического планирования, применимой в области достижения технологического лидерства.

Нормативная основа правового регулирования ЦУР и развития генетических технологий

На современном этапе основным нормативным актом международного уровня, определяющим цели и задачи устойчивого развития, а также регулирующим пути и инструменты их достижения, является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [15]. Резолюцией определено 17 целей устойчивого развития и 169 сопутствующих им задач, среди которых ликвидация нищеты и голода, обеспечение здорового образа жизни и качественного образования, рациональное использование ресурсов, экономический рост и многое другое. С одной стороны, Резолюция носит общий рамочный характер относительно устойчивого развития, с другой стороны, по каждой цели в резолюции определен ряд конкретных задач, в том числе измеримых, ориентированных на конкретные показатели.

Одним из первых нормативных актов, регулирующих переход Российской Федерации к устойчивому развитию, является Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 года № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [16]. Указ принят еще до формулирования 17 основных целей и в основном развивает идеи, принятые на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 год). В основном в Указе затронуты вопросы, связанные в первую очередь с экологией, но также дано установление исполнительным органам учитывать концепцию устойчивого развития при работе с прогнозами и программами социально-экономического развития, при подготовке нормативных документов и принятии хозяйственных решений.

Дальнейшая ориентация на устойчивое развитие в Российской Федерации прослеживается сквозь призму нормативных актов экологического, энергетического, медицинского законодательства, в актах стратегического планирования. Например, в Распоряжении Правительства РФ от 14.07.2021 года № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» [17] определены основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития: обращение с отходами; энергетика; строительство; промышленность; транспорт и промышленная техника; водоснабжение и водоотведение; природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие; сельское хозяйство; устойчивая инфраструктура.

Логическим продолжением Распоряжения Правительства РФ № 1912-р является Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» [18], так как в нем уточняются критерии и показатели проектов устойчивого развития.

Важным документом, который, на наш взгляд, отражает направления устойчивого развития, а также фиксирует особую значимость развития генетических технологий является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [19]. Именно в контексте Стратегии возможно наиболее наглядно продемонстрировать связь генетических технологий и устойчивого развития, необходимость применения концепции ЦУР к геномной повестке.

Исходя из анализа указанных выше нормативных документов, выделим направления устойчивого развития, где связь с генетическими и геномными технологиями прослеживается наиболее явно. Обозначим два наиболее очевидных направления, сформулировав их следующим образом: «Обеспечение продовольственной безопасности» и «Обеспечение здоровья и благополучия».

Указанные направления возможно проследить как в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, так и в Стратегии научно-технологического развития РФ, и в других нормативных актах национального законодательства. При этом, документы содержат прямое или косвенное указание на необходимость развития генетических и геномных технологий. Для реализации задач исследования, проанализируем каждое направление и разберем связанные с ним угрозы и возможности, риски и перспективы.

В контексте методологии стратегического планирования и форсайт-прогнозирования под угрозами и возможностями следует понимать значимые изменения, оказывающие влияние на практику, последствия развития тренда, в нашем случае интенсивного развития и внедрения генетических и геномных технологий в повседневную практику. Анализ угроз и возможностей позволяет определить тенденции рисков и перспектив в исследуемой области, а следовательно, и организовать государственную политику с учетом риск-ориентированного подхода, преобладания превентивных мер охраны и минимизации случаев применения мер правовой защиты [20, с. 63-64].

Обеспечение продовольственной безопасности: угрозы и возможности, риски и перспективы

Направление «Обеспечение продовольственной безопасности» является составляющей ЦУР №2 – «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства».

Анализ задач, направленных на реализацию ЦУР №2 показывает, что 4 из 8 задач связаны с развитием генетических и геномных технологий. Среди них:

2.3. Двукратное увеличение продуктивности сельского хозяйства к 2030 году;

2.4. Создание устойчивых систем производства продуктов и внедрение методов, усиливающих жизнестойкость, адаптивные свойства, улучшающих качественные и количественные показатели производства продуктов питания к 2030 году;

2.5. Обеспечение сохранения генетического разнообразия растений и животных, в том числе путем создания и поддержки биобанков, расширение доступа к генетическим ресурсам к 2020 году;

2.а. Увеличение потока инвестиций в аграрную инфраструктуру, в том числе для создания биобанков растений и животных.

В Стратегии научно-технологического развития вопрос обеспечения продовольственной безопасности затронут в части обзора больших вызовов, то есть такой совокупности проблем, угроз и возможностей, которые требуют объективной реакции со стороны государства в связи с особой сложностью и масштаб, невозможностью их решения, устранения или реализации только за счет увеличения объема используемых ресурсов.

Данный большой вызов представлен как потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России, конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции на мировых рынках продовольствия, снижение технологических рисков в агропромышленном комплексе на фоне глобального продовольственного кризиса [21].

По логике Стратегии вызов трансформируется в Приоритет научно-технологического развития (приоритет НТР): переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, разработку и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективную переработку сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания [22].

Рассуждая о продовольственной безопасности в контексте генетики и геномики, можно выделить три основных аспекта [23, с. 39-40]: безопасность продуктов для населения по медицинскими и санитарным показателям, исключение внешнего вредоносного воздействия при производстве продуктов и продовольственная независимость. Определим основные угрозы и возможности в сфере продовольственной безопасности в контексте развития генетики и геномики исходя из указанных аспектов.

Связь генетических технологий и обеспечение безопасности продуктов питания проявляется, в первую очередь, в закрепившемся в общественном сознании стереотипе об опасности геномодифицированных продуктов. Но на самом деле, практически все современные продукты являются в той или иной степени геномодифицированными, путем естественной эволюции или путем направленной селекции. Именно методами классической селекции в период «Зеленой революции» были достигнуты значительные успехи в увеличении количества и повышении качества растительной продукции, молекулярная биология и генетика лишь ускорили данные процессы [24, с. 22]. Например, текущий вид бананов, какими мы их знаем и любим, является результатом направленной селекции, закрепления случайной мутации еще в XIX веке [25, с. 58-59].

Современные технологии геномной инженерии позволяют переносить гены и получать организмы, производство которых классическими методами селекции невозможно. Например, ядовитая для вредителей капуста с геномом скорпиона [26, с. 148], бананы, содержащие вакцину от гепатита В [27], быстрорастущий лосось [28] и др.

Угрозы от внедрения ГМО продуктов включают в себя развитие устойчивости к антибиотикам и вирусам, усиление аллергических реакций, потеря генетического разнообразия и вытеснение естественных видов [29, с. 820]. Но и возможности осмотнительного внедрения ГМО продуктов значительны: улучшение пищевых качеств, повышение урожайности, развитие устойчивости к климату и вредителям, сокращение ис-

пользования гербицидов и пестицидов [30, с. 23-24].

Продовольственная безопасность производства второй составной аспект продовольственной безопасности в контексте развития генетических технологий. В безопасность производства входит охрана агрохозяйства от прямых внешних угроз, таких как вредоносная модификация самих культур, их вредителей и заболеваний, а также прогнозирование последствий модификаций генома в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Необходимо отметить, что указанный аспект имеет даже большее значение, чем наличие ГМО в продуктах питания, ведь «не остаться в критический момент без продовольствия – гораздо важнее, а иметь под рукой средства для быстрого повышения урожайности, противостояния вредителям и болезням и никогда не помешает» [23, с. 41].

Основные риски и угрозы данного аспекта в контексте генетических технологий определены Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации [31]:

- разрыв в уровне технологического развития с лидерами агропроизводства;
- ветеринарные и фитосанитарные риски, связанные с новыми заболеваниями;
- незаконный ввоз на территорию РФ генно-инженерно-модифицированных организмов с целью их посева, выращивания и разведения;
- незаконный ввоз и применение на территории РФ синтетических биологических агентов.

Возможности и перспективы данного аспекта заключаются в выходе на новый высокопродуктивный уровень агрохозяйства, разработке и внедрении новых инструментов обеспечения биобезопасности, создании безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов для обеспечения национальных продовольственных интересов и выход на экспортные рынки.

Понятие продовольственной независимости также закреплено в Доктрине продовольственной безопасности, и определяется как самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. В контексте геномной повестки стоит говорить о технологической и юридической независимости.

Главные угрозы в области продовольственной независимости в контексте генетики и геномики связаны с рисками злоупотребления мировыми лидерами сельскохозяйственной торговли. Данные злоупотребления возможны в ограничении поставок семенного и племенного материала, отзыве лицензий на использование модифицированных сортов и пород, искусственных ограничениях в геноме продукции, ограничивающих возможность самостоятельного разведения и/или модификации (бесплодие последующих поколений племенного и семенного материала, лишение модифицированных свойств). Безусловно, без продовольственной независимости невозможна и продовольственная безопасность. Здесь фокус внимания должен быть сосредоточен на преодолении зависимости сельского хозяйства от продукции недружественных государств и недобросовестных поставщиков, импортозамещение и поиск новых партнеров. Исходя из анализа нормативного материала, можно выделить следующие перспективные направления и возможности:

- расширение стратегического взаимодействия в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, БРИКС и других межгосударственных объединений по вопросам продовольственной безопасности;
- диверсификация иностранных поставщиков в целях недопущения критической зависимости российской экономики от отдельного экспортера (экспортеров);
- достижение ЦУР на период до 2030 года, закрепленных Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 года;
- импортозамещение племенной и семенной продукции;
- создание и активная научная деятельность биоресурсных центров, и использование биологических (биоресурсных) коллекций [32] в целях обеспечения продовольственной независимости и безопасности.

Вопрос обеспечения продовольственной безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях является многоаспектным и многогранным, а в контексте генетической повестки усложняется еще различными манипуляциями с геномом в интересах действующих игроков. Но важно понимать, что концепция ЦУР в данном контексте может стать мягким фактором сдерживания игроков от злоупотреблений и обеспечения превентивного охранительного воздействия.

Заключение

Анализ продовольственной безопасности в контексте исследования генетических технологий и целей устойчивого развития демонстрирует, важность применения междисциплинарного подхода. Генетические технологии стоит рассматривать как инструмент достижения ЦУР, но в то же время использование генетических технологий в контексте ЦУР позволяет балансировать между инновациями и безопасностью.

Генетических технологий определенно должны рассматриваться как драйвер достижения целей устойчивого развития, но при этом необходим комплексный подход, этическое регулирование и международное сотрудничество для эффективной реализации потенциала генетики в интересах глобального развития.

Список литературы:

1. Де Кондорсе, М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / М. де Кондорсе. М.: Издательство Юрайт, 2025. 193 с.
2. Хуссейн Х. Прогресс человеческого разума в философии истории Ж.-А. Кондорсе // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 37-41.
3. Трубицын О. К. К вопросу о философской и научной обоснованности гипотезы ускорения истории // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2024. № 1. С. 40-68.
4. Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3-16.
5. Панов А. Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 122-137.
6. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-147.
7. Розов Н. С. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151-163.
8. Берг Л.Н. Персонализированная медицина: правовые и организационные основы медицины будущего / Л.Н. Берг // Lex Genetica. 2023. Т. 2, № 1. С. 7-23.

9. ДНК-тесты и генетические анализы здоровья [Электронный ресурс] URL: <https://www.genotek.ru/genetics/>.
10. Султанов Г. С. Становление и развитие концепции устойчивого развития // Сб. материалов XIX всероссийской науч.-практ. конф., 23–24 нояб. 2023 г., г. Донецк. 2023. С. 439-445.
11. Пределы роста: 30 лет спустя [Электронный ресурс] / Д. Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Л. Медоуз; пер. с англ. Е. С. Оганесян; под ред. Н. П. Тарасовой. 361 с.
12. Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 7-17.
13. Barbier E. The Concept of Sustainable Economic Development // Environmental Conservation. July 1987. Vol. 14. Issue 2. Pp. 101-110.
14. Jeffrey D. Sachs. The Age of Sustainable Development / Columbia University Press. 2015. 544 p.
15. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
16. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>.
17. Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 года № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/sMdcuCaAX4O5j3Vy3b1GQwCKfa9lszW6.pdf>.
18. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109240043.pdf>.
19. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
20. Семеновых, А. Е. Понятия «правовая охрана» и «правовая защита» в юридической науке / А. Е. Семеновых // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8(195). С. 63-64.
21. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
22. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
23. Лисаченко А.В. Правовые аспекты геномного обеспечения продовольственной безопасности / А.В. Лисаченко // Lex Genetica. 2024. Т. 3, № 2. С. 38-53.
24. Aziz MA, Masmoudi K (2024) Molecular breakthroughs in modern plant breeding techniques. Horticultural Plant Journal. Volume 11. Issue 1. 2025. P. 15-41.
25. Chokheli, V., Rajput, V., Dmitriev, P., Varduny, T., Minkina, T., Singh, R.K., Singh, A. (2021). Status and policies of GM crops in Russia. In: Policy Issues in Genetically Modified Crops (pp. 57-74). Academic Press.
26. Ji, S., Liu, F., Li, E. et al. Recombinant scorpion insectotoxin AaIT kills specifically insect cells but not human cells. Cell Res 12, 143–150 (2002).
27. American Chemical Society. "Toward A Banana-based Vaccine For Hepatitis B." ScienceDaily. ScienceDaily, 1 May 2007 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2007/04/070430224426.htm>.
28. Environmental Assessment for AquAdvantage Salmon // [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20170215212206/https://www.fda.gov/downloads/AdvisoryCommittees/CommitteesMeetingMaterials/VeterinaryMedicineAdvisoryCommittee/UCM224760.pdf>.
29. Tsatsakis A.M., Nawaz M.A., Kouretas D., Balias G., Savolainen K., Tutelyan V.A., Golokhvast K.S., Lee J.D., Yang S.H., Chung G. Environmental impacts of genetically modified plants: A review. Environ Res. 2017. Jul. 156. pp. 818-833.
30. Ghimire, B.K.; Yu, C.Y.; Kim, W.-R.; Moon, H.-S.; Lee, J.; Kim, S.H.; Chung, I.M. Assessment of Benefits and Risk of Genetically Modified Plants and Products: Current Controversies and Perspective. Sustainability. 2023. 15. 1722. P. 1-25.
31. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106/page/2>.
32. Федеральный закон от 30.11.2024 N 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона "О животном мире" // Российская газета от 06.12.2024 г. №278 (9520).

References:

1. De Kondorse, M. Esquiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma / M. de Kondorse. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2025. 193 s.
2. Hussein H. Progress chelovecheskogo razuma v filosofii istorii ZH. -A. Kondorse // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. №2. S. 37-41.
3. Trubitsyn O. K. K voprosu o filosofskoy i nauchnoy obosnovannosti gipotezy uskokreniya istorii // Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve. 2024. № 1. S. 40-68.
4. Kapica S. P. Ob uskokrenii istoricheskogo vremeni // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 6. S. 3-16.
5. Panov A. D. Singulyarnaya tochka istorii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2005. № 1. S. 122-137.
6. Fukuyama F. Konec istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S. 134-147.
7. Rozov N. S. Uskokrenie istorii: prichinye mekhanizmy i predely // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2015. № 6. S. 151-163.
8. Berg, L. N. Personalizirovannaya medicina: pravovyye i organizatsionnyye osnovy mediciny budushchego / L. N. Berg // Lex Genetica. 2023. T. 2, № 1. S. 7-23.
9. ДНК-тесты и генетические анализы здоровья [Электронный ресурс] URL: <https://www.genotek.ru/genetics/>.
10. Султанов Г. С. Становление и развитие концепции устойчивого развития // Сб. материалов XIX всероссийской науч.-практ. конф., 23–24 нояб. 2023 г., г. Донецк. 2023. С. 439-445.
11. Predely rosta: 30 let spustya [Elektronnyy resurs] / D. H. Medouz, J. Randers, D. L. Medouz; per. s angl. E. S. Oganessian; pod red. N. P. Tarasovoy. 361 s.
12. Starikova E.A. Sovremennyye podhody k traktovke koncepcii ustojchivogo razvitiya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika. 2017. T. 25. № 1. S. 7-17.
13. Barbier E. The Concept of Sustainable Economic Development // Environmental Conservation. July 1987. Vol. 14. Issue 2. Pp. 101-110.
14. Jeffrey D. Sachs. The Age of Sustainable Development / Columbia University Press. 2015. 544 p.
15. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.
16. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>.
17. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.07.2021 goda № 1912-r «Ob utverzhdenii celej i osnovnyh napravlenij ustojchivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya Rossijskoj Federacii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://static.government.ru/media/files/sMdcuCaAX4O5j3Vy3b1GQwCKfa9lszW6.pdf>.
18. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 sentyabrya 2021 g. № 1587 «Ob utverzhdenii kriteriev projektov ustojchivogo (v tom chisle zelenogo) razvitiya v Rossijskoj Federacii i trebovanij k sisteme verifikacii instrumentov finansirovaniya ustojchivogo razvitiya v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202109240043.pdf>.
19. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.02.2024 g. № 145 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
20. Semenovyh, A. E. Ponyatiya «pravovaya ohrana» i «pravovaya zashchita» v yuridicheskoy nauke / A. E. Semenovyh // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 8(195). S. 63-64.
21. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.02.2024 g. № 145 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.02.2024 g. № 145 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>.
23. Lisachenko, A. V. Pravovyye aspekty genomnogo obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti / A. V. Lisachenko // Lex Genetica. 2024. T. 3, № 2. S. 38-53.
24. Aziz MA, Masmoudi K (2024) Molecular breakthroughs in modern plant breeding techniques. Horticultural Plant Journal. Volume 11. Issue 1. 2025. P. 15-41.
25. Chokheli, V., Rajput, V., Dmitriev, P., Varduny, T., Minkina, T., Singh, R.K., Singh, A. (2021). Status and policies of GM crops in Russia. In: Policy Issues in Genetically Modified Crops (pp. 57-74). Academic Press.
26. Ji, S., Liu, F., Li, E. et al. Recombinant scorpion insectotoxin AaIT kills specifically insect cells but not human cells. Cell Res 12, 143–150 (2002).
27. American Chemical Society. "Toward A Banana-based Vaccine For Hepatitis B." ScienceDaily. ScienceDaily, 1 May 2007 // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2007/04/070430224426.htm>.
28. Environmental Assessment for AquAdvantage Salmon // [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20170215212206/https://www.fda.gov/downloads/AdvisoryCommittees/CommitteesMeetingMaterials/VeterinaryMedicineAdvisoryCommittee/UCM224760.pdf>.
29. Tsatsakis A.M., Nawaz M.A., Kouretas D., Balias G., Savolainen K., Tutelyan V.A., Golokhvast K.S., Lee J.D., Yang S.H., Chung G. Environmental impacts of genetically modified plants: A review. Environ Res. 2017. Jul. 156. pp. 818-833.
30. Ghimire, B.K.; Yu, C.Y.; Kim, W.-R.; Moon, H.-S.; Lee, J.; Kim, S.H.; Chung, I.M. Assessment of Benefits and Risk of Genetically Modified Plants and Products: Current Controversies and Perspective. Sustainability. 2023. 15. 1722. P. 1-25.
31. Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106/page/2>.
32. Federal'nyy zakon ot 30.11.2024 N 428-FZ «O biorekursnyh centrakh i biologicheskikh (biorekursnyh) kollekciyah i o vnesenii izmenenij v stat'yu 29 Federal'nogo zakona "O zhivotnom mire" // Rossijskaya gazeta ot 06.12.2024 g. №278 (9520).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ЯПОНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ JAPAN'S INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY: HISTORICAL ASPECT AND IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES

БУДНИКОВ Павел Сергеевич,

независимый исследователь.

Россия.

E-mail: ellion@mail.ru;

КИМ Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса

Дальневосточного института (филиала)

ФГОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: ellion@mail.ru;

BUDNIKOV Pavel Sergeyevich,

nezavisimyy issledovatel'.

Russia.

E-mail: ellion@mail.ru;

KIM Elena Vitalievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Institute (branch)

FGOU VO "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)".

680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Gerasimova str., 31.

E-mail: ellion@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется международная правосубъектность, ее содержание и ограничения, что исторически обусловлено положениями послевоенной Пацифистской Конституции, в частности, 9-й статьи. Авторы анализируют эволюцию правового статуса Японии, уделяя особое внимание последним изменениям в ее оборонной и внешней политике, а также их отражению в национальном законодательстве. Делается вывод о трансформации международной правосубъектности Японии от «пацифистской модели» к более проактивной, что влечет за собой как новые возможности, так и правовые вызовы.

Abstract: This article examines international legal personality, its content, and limitations, historically shaped by the provisions of the post-war Pacifist Constitution, particularly Article 9. The authors analyze the evolution of Japan's legal status, focusing on recent changes in its defense and foreign policies, as well as their reflection in national legislation. They conclude that Japan's international legal personality has transformed from a "pacifist model" to a more proactive one, which entails both new opportunities and legal challenges.

Ключевые слова: правосубъектность государства, актор, право на самооборону, коллективная самооборона, международная безопасность.

Keywords: legal personality of the state, actor, right to self-defense, collective self-defense, international security.

Для цитирования: Будников П.С., Ким Е.В. Международная правосубъектность Японии: исторический аспект и реализация в условиях современных геополитических вызовов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 63-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_63.

For citation: Budnikov P.S., Kim E.V. Japan's international legal personality: historical aspect and implementation in the context of modern geopolitical challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 63-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_63.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуальность темы обусловлена динамичными изменениями в подходах Японии к вопросам национальной безопасности на фоне растущей нестабильности в регионе Северо-Восточной Азии (усиление КНДР, территориальные споры, стратегическая конкуренция между великими державами). За последнее десятилетие правительство Японии предприняло ряд шагов, направленных на пересмотр строгой пацифистской интерпретации своей Конституции, что существенно повлияло на объем и содержание ее международной правосубъектности.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ современной международной правосубъектности Японии через призму эволюции ее конституционно-правового режима и внешнеполитической практики.

Международная правосубъектность государства представляет собой сложный правовой феномен, охватывающий его способность быть субъектом международного права, обладать правами и нести обязанности, а также участвовать в создании норм международного права.

Правосубъектность Японии представляет собой особый случай, привлекающий внимание специалистов в области международного права и международных отношений. Будучи суверенным государством, Япония обладает всеми классическими элементами правосубъектности: постоянным населением, определенной территорией, правительством и способностью вступать в отношения с другими государствами. Однако, ее правовой статус на международной арене долгое время был ограничен вследствие уникальных внутригосударственных правовых установлений.

После Второй мировой войны краеугольным камнем, определившим специфику международной правосубъектности Японии, является статья 9 Конституции 1947 года[7]. В соответствии с ней японский народ «на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Для достижения этой цели ста-

тья провозглашает, что «сухопутные, морские и военно-воздушные силы, а также другие средства войны, никогда впредь не будут содержаться».

Данная норма, не имеющая аналогов в мире, de jure ограничивала один из ключевых атрибутов суверенитета государства — право на ведение войны и создание полноценных вооруженных сил. Это наложило отпечаток на все аспекты международной деятельности Японии. Фактически, ее правосубъектность в сфере безопасности была существенно урезана. В течение десятилетий официальная правительственная интерпретация допускала использование силы исключительно в целях индивидуальной самообороны в случае прямого нападения на территорию Японии, при этом созданные в 1954 году Силы Самообороны (Сил Самообороны Японии) рассматривались не как армия, а как уникальная организация для обороны [4,5,6].

Начиная с конца XX века, под влиянием изменений в международной обстановке, Япония начала постепенно расширять рамки допустимого использования силы. Знаковыми вехами стали:

- участие в миротворческих операциях ООН (с 1992 года), хотя и с жесткими ограничениями на применение оружия.

- принятие в 2015 году пакета законов о безопасности, которые, несмотря на острую общественную полемику, разрешили ограниченное применение права на коллективную самооборону. Это означает, что Силы Самообороны могут теперь использовать оружие для защиты союзников (в первую очередь США), даже если сама Япония не находится под прямой атакой, но ее безопасность находится под серьезной угрозой.

Эта политика, известная как концепция «проактивного вклада в мир» (proactive contribution to peace), инициированная правительством Синдзо Абэ и продолженная его преемниками, ознаменовала собой фундаментальный сдвиг. Япония de facto превратилась в активного участника систем коллективной безопасности, что является неотъемлемым элементом полной международной правосубъектности современного государства [3].

В настоящее время международная правосубъектность Японии проявляется в нескольких ключевых направлениях:

1. Участие в системах коллективной безопасности: Помимо расширенного толкования самообороны, Япония активно развивает стратегическое партнерство в рамках двусторонних договоров (с США) и многосторонних форматов (QUAD — «Четырехсторонний диалог по безопасности» с США, Австралией и Индией) [1]. Это свидетельствует о ее способности брать на себя серьезные международно-правовые обязательства в военно-политической сфере.

2. Правовой статус Сил Самообороны: Несмотря на сохраняющиеся конституционные дебаты, Силы Самообороны Японии являются одними из наиболее технологически оснащенных в мире. Их правовой статус эволюционирует в сторону признания их де-факто регулярной армией, что подтверждается увеличением оборонного бюджета и приобретением ударных вооружений [2].

3. Дипломатическая и договорная правоспособность: Япония сохраняет высокую активность на дипломатической арене, является участником многочисленных международных конвенций и договоров, вносит значительный вклад в развитие международного экономического, экологического и гуманитарного права. В этой сфере ее правосубъектность никогда не оспаривалась и является полной.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что международная правосубъектность Японии является динамичной и развивающейся категорией. От исходной «пацифистской модели», наложившей уникальные ограничения на ее суверенные права, Япония прошла путь к становлению в качестве проактивного и полноправного актора в сфере международной безопасности. Современная правосубъектность Японии характеризуется диалектическим единством формального сохранения конституционных ограничений и их постепенной эрозии через правительственные интерпретации и новое законодательство. Этот процесс не лишен противоречий и вызывает споры как внутри страны, так и на международной арене. Однако он объективно отражает реакцию государства на новые вызовы и его стремление занять место, соответствующее его экономическому и политическому потенциалу. Дальнейшая эволюция международной правосубъектности Японии будет зависеть от баланса внутренних политических сил, изменений в региональной безопасности и возможной будущей конституционной реформы.

Список литературы:

1. Катонова, Е. Л. Япония в системе международных отношений Индо-Тихоокеанского региона: вызовы и возможности. // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 132-146.
2. Оленич, О. В. Эволюция правового регулирования использования Сил самообороны Японии за рубежом. // Московский журнал международного права. – 2022. – № 4 (128). – С. 68-82.
3. Стрельцов, Д. В. Внешняя политика Японии в начале 2020-х годов: вызовы и ответы. // Японские исследования. – 2023. – № 1. – С. 4-19.
4. Japan's National Security Strategy (December 2023). [Официальный документ]. Правительство Японии. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/231216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 15.10.2025)
5. Liff, A. P. Japan's National Security Strategy: A New Era of Power Politics. // The Washington Quarterly, 2022. Vol. 45, No. 2. P. 143-167.
6. Tatsumi, Y. Japan's Arctic Policy: The Formulation of a National Strategy. // Asia Policy, 2021. Vol. 16, No. 1. P. 89-114.
7. The Constitution of Japan. (1947). [Официальный текст]. Парламент Японии. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3594> (дата обращения: 15.10.2025)

References:

1. Katasonova, E. L. Japan in the System of International Relations of the Indo-Pacific Region: Challenges and Opportunities. // Comparative Politics. - 2021. - Vol. 12, No. 4. - Pp. 132-146.
2. Olenich, O. V. Evolution of Legal Regulation of the Use of the Japan Self-Defense Forces Abroad. // Moscow Journal of International Law. - 2022. - No. 4 (128). - Pp. 68-82.
3. Streltsov, D. V. Japan's Foreign Policy in the Early 2020s: Challenges and Responses. // Japanese Studies. - 2023. - No. 1. - Pp. 4-19.
4. Japan's National Security Strategy (December 2023). [Официальный документ]. Правительство Японии. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/231216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 15.10.2025)
5. Liff, A. P. Japan's National Security Strategy: A New Era of Power Politics. // The Washington Quarterly, 2022. Vol. 45, No. 2. P. 143-167.
6. Tatsumi, Y. Japan's Arctic Policy: The Formulation of a National Strategy. // Asia Policy, 2021. Vol. 16, No. 1. P. 89-114.
7. The Constitution of Japan. (1947). [Официальный текст]. Парламент Японии. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3594> (дата обращения: 15.10.2025)

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ CRIMINAL IDENTITY: INTERDISCIPLINARY CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

ХАКИМОВА Алина Рафаэлевна,
аспирант Университета управления ТИСБИ, город Казань.
420 012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13.
E-mail: Alina_05@inbox.ru;
KHAKIMOVA Alina Rafaelevna,
postgraduate student of the TISBI University of Management, Kazan.
420 012, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str.
E-mail: Alina_05@inbox.ru

Краткая аннотация: В научной статье раскрывается феномен личности преступника как сложного междисциплинарного объекта исследования, находящегося на пересечении криминологии, социальной психологии, поведенческих наук и социологии девиаций. Особое внимание уделяется взаимодействию социальных, психологических и биоповеденческих параметров, формирующих склонность индивида к противоправным практикам. Путем сопоставления современных теоретико-методологических подходов анализируются механизмы криминализации личности, структурные компоненты преступной направленности и роль социальной среды в модификации жизненных стратегий правонарушителя. В статье обосновывается необходимость многоуровневого, интегрального подхода к изучению преступной личности как условие повышения эффективности профилактических и коррекционных программ.

Abstract: The scientific article reveals the phenomenon of the criminal's personality as a complex interdisciplinary research object at the intersection of criminology, social psychology, behavioral sciences, and sociology of deviance. Special attention is paid to the interaction of social, psychological, and biopsychological parameters that shape an individual's inclination towards illegal practices. By comparing modern theoretical and methodological approaches, the article analyzes the mechanisms of criminalization of the individual, the structural components of criminal orientation, and the role of the social environment in modifying the life strategies of an offender. The article substantiates the need for a multi-level, integral approach to studying the criminal personality as a condition for increasing the effectiveness of preventive and correctional programs.

Ключевые слова: криминогенная личность, девиантная направленность, социальная динамика, психология преступного поведения, криминальная мотивация.

Keywords: criminogenic personality, deviant orientation, social dynamics, psychology of criminal behavior, criminal motivation.

Для цитирования: Хакимова А.Р. Личность преступника: междисциплинарный криминологический и психолого-социологический анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_65.

For citation: Khakimova A.R. Criminal identity: interdisciplinary criminological and psychological-sociological analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 65-67. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_65.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Введение

Современные исследования преступности демонстрируют, что личность правонарушителя не может быть ограничена лишь к биографическим фактом совершения противоправного деяния. Она представляет собой сложный и постоянно изменяющийся конструкт, возникающий на пересечении индивидуальных психологических свойств, социального опыта и специфических ситуационных условий. Преступное поведение выступает результатом многослойного процесса, в котором переплетаются социальная детерминация, индивидуальная предрасположенность и структурные деформации нормативной регуляции.

Междисциплинарный характер данной темы делает необходимым синтез научных подходов: криминология предоставляет схему социально-правового анализа, психология — понимание внутренних механизмов принятия решений, социология — интерпретацию влияния среды и социальных структур. Поэтому изучение преступной личности требует рассмотрения человека не только как субъекта преступления, но и как носителя определенного жизненного опыта, системы установок и социальных стратегий.

1. Теоретическая концептуализация личности преступника

В криминологической традиции личность преступника рассматривается как совокупность социально значимых характеристик, которые оказывают влияние на вероятность девиантного поведения. Однако современные исследователи подчеркивают, что эта совокупность носит нелинейный, динамический характер и не может быть сведена к фиксированному набору свойств.

Личность преступника образуется на основе длительной взаимосвязи факторов — от особенностей социализации до устойчивых когнитивных схем. Она выражается в специфике нормособлюдения, структуре мотивации, степени интегрированности в социальное пространство. Таким образом, преступник описывается не только фактом нарушения закона, но и моделью жизнедеятельности, ориентированной на иное, альтернативное по отношению к нормативному, восприятие социальной реальности.

2. Социально-демографическая специфика преступного контингента

Социально-демографические параметры не только характеризуют преступников статистически, но и служат важным инструментом интерпретации их жизненного пути. Наиболее высокий уровень криминальной активности наблюдается в период интенсивного формирования личности — в позднем подростковом и молодом взрослом возрасте. На данном этапе наблюдается несовпадение уровня эмоциональной зрелости и

социальной ответственности, что создает условия для рискованного и импульсивного поведения.

Гендерные различия также существенно влияют на характеристики преступности. Мужчины чаще вовлекаются в насильственные и агрессивные формы преступного поведения, что соотносится с гендерными нормами, типами социализации и распределением социальных ролей. Женская преступность, как правило, менее агрессивна, а ее детерминанты чаще связаны с эмоционально-психологическими и социально-экономическими факторами.

Социально-экономический статус, образовательный уровень и профессиональная занятость формируют основу жизненных возможностей индивида. Отсутствие устойчивых социальных опор — занятости, образования, семейной поддержки — нередко становится маркером высокой вероятности криминализации.

3. Психологические детерминанты преступного поведения

Личность преступника формируется под воздействием множества психологических факторов, важнейшими из которых являются особенности темперамента, эмоционально-волевая регуляция и когнитивные установки.

Темпераментные черты, такие как повышенная раздражимость, низкий порог эмоциональной устойчивости и склонность к немедленным реакциям, способствуют возникновению ситуаций, в которых индивид действует импульсивно. Эмоционально-волевая сфера преступников часто характеризуется затрудненной саморегуляцией, дефицитом самоконтроля и неспособностью к отсроченному принятию решений.

Когнитивная структура правонарушителей нередко включает деформированные представления о социально допустимом поведении, упрощенное восприятие причинно-следственных связей, склонность к оправданию насилия или игнорированию долгосрочных последствий.

Мотивационная сфера отличается высокой вариативностью: от корыстно-прагматических мотивов до стремления к эмоциональной разрядке или самоподтверждению. При устойчивом закреплении антисоциальных установок формируется индивидуальная криминогенная направленность.

4. Социальные, семейные и ситуационные механизмы криминализации

Личность преступника формируется не только под влиянием индивидуальных характеристик, но и благодаря воздействию среды. Одним из наиболее значимых факторов является семья. Несформированность семейных ролей, эмоциональная дисфункция, насилие и отсутствие позитивных моделей поведения приводят к нарушению процесса социализации.

Существенную роль играют и социальные группы, включенность в которые зачастую определяет характер ценностных ориентиров. В подростковом возрасте влияние референтных групп может перевешивать влияние семьи, стимулируя усвоение девиантных норм.

Экономическая среда также выступает важным детерминантом преступного поведения. Высокий уровень социального неравенства, маргинализация, отсутствие доступа к социальным ресурсам создают условия, в которых преступность воспринимается как одна из возможных жизненных стратегий.

Ситуативные факторы способны запускать криминогенные механизмы даже у лиц, не обладающих выраженной антисоциальной направленностью. Конфликтные ситуации, состояние опьянения, стрессы и эмоциональные кризисы часто становятся непосредственным импульсом к совершению преступления.

5. Типологические подходы к изучению преступной личности

Многолетние криминологические исследования позволили разработать различные типологии преступников. Эти классификации основываются на психологических характеристиках, структуре мотивации, уровне социальной адаптации и устойчивости преступной деятельности.

Криминологические типологии различают преступников по степени устойчивости криминального поведения — от случайных правонарушителей до профессионалов, систематически воспроизводящих криминогенную активность. Психологические модели группируют их по преобладающим мотивам и эмоциональным реакциям, а социальные — по степени интегрированности в общество.

Типологический подход позволяет не только систематизировать разнообразие преступных личностей, но и адаптировать способы профилактики и реабилитации под индивидуальные особенности каждого типа.

Заключение

Личность преступника представляет собой сложный объект научного анализа, формирование которого определяется взаимодействием множества разнородных факторов. Преступное поведение нельзя рассматривать исключительно как следствие внешних обстоятельств или как результат врожденных качеств: оно возникает на пересечении внутренней динамики личности и условий социальной среды.

Комплексный междисциплинарный подход, объединяющий криминологические, психологические и социологические методы, является наиболее эффективным инструментом анализа криминогенной направленности. Эффективная профилактика должна учитывать как индивидуальные особенности правонарушителя, так и социальные условия, способствующие преступности.

Список литературы:

1. Алексеев А. И. Криминология : учебник. — М. : Юрайт, 2021. — 512 с.
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Психология преступника и преступного поведения. — М. : Норма, 2017. — 368 с.
3. Адлер Ф., Мюллер Г., Лауби Г. Криминология : учебник. — СПб. : Питер, 2017. — 624 с.
4. Бандура А. Теория социального научения. — М. : Эксмо, 2021. — 416 с.
5. Беккер Г. Аутсайдеры : исследования по социологии девиантности. — СПб. : Питер, 2019. — 320 с.
6. Гилинский Я. И. Девиантология : учебник. — СПб. : Питер, 2020. — 448 с.
7. Игошев К. Е. Социально-психологические аспекты преступности. — М. : Наука, 2018. — 304 с.
8. Иногамова-Хегай Л. В. (ред.). Криминология : учебник. — М. : Юрайт, 2022. — 540 с.

9. Кон И. С. Психология ранней юности. — М. : Просвещение, 2018. — 256 с.
10. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунева. — М. : Норма, 2020. — 496 с.
11. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. — М. : Наука, 2018. — 352 с.
12. Лунев В. В. Преступность XX–XXI веков. — М. : Норма, 2019. — 320 с.
13. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия. — М. : Аспект Пресс, 2020. — 224 с.
14. Ратинов А. Р. Психология допроса. — М. : Юридическая литература, 2017. — 256 с.
15. Ситковская О. Д. Судебная психология : учебное пособие. — М. : Юрайт, 2020. — 432 с.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ, 2019. — 656 с.
17. Холодная М. А. Психология интеллекта. — СПб. : Питер, 2022. — 368 с.
18. Шибутани Т. Социальная психология. — М. : Прогресс, 2020. — 448 с.
19. Sutherland E. H., Cressey D. R. Principles of Criminology. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2019. — 672 p.
20. United Nations Office on Drugs and Crime. World Crime Report, 2022 [Electronic resource]. — URL: <https://www.unodc.org/> (accessed: 14.02.2025).
21. World Health Organization. Violence Prevention Overview [Electronic resource]. — URL: <https://www.who.int/> (accessed: 14.02.2025).
22. European Crime Prevention Network. Crime Prevention Report, 2023 [Electronic resource]. — URL: <https://eucpn.org/> (accessed: 14.02.2025).

References:

1. Alekseev A. I. Criminology: Textbook. — Moscow: Yurayt, 2021. — 512 p.
2. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. Psychology of the Criminal and Criminal Behavior. — Moscow: Norma, 2017. — 368 p.
3. Adler F., Muller G., Laubi G. Criminology: Textbook. — St. Petersburg: Peter, 2017. — 624 p.
4. Bandura A. Social Learning Theory. — Moscow: Eksmo, 2021. — 416 p.
5. Becker G. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. — St. Petersburg: Peter, 2019. — 320 p.
6. Gilinsky Ya. I. Deviantology: A Textbook. — St. Petersburg: Peter, 2020. — 448 p.
7. Igoshev K. E. Socio-psychological Aspects of Crime. — Moscow: Nauka, 2018. — 304 p.
8. Inogamova-Khegay L. V. (ed.). Criminology: Textbook. — Moscow: Yurayt, 2022. — 540 p.
9. Kon, I. S. Psychology of Early Youth. Moscow: Prosveshchenie, 2018. — 256 p.
10. Kriminologiya: Uchebnik / Pod red. V. N. Kudryavtseva, V. V. Luneva. Moscow: Norma, 2020. — 496 p.
11. Kudryavtsev V. N. Prichiny pravonarusheniy. Moscow: Nauka, 2018. — 352 p.
12. Luneyev, V. V. Crime in the 20th and 21st Centuries. Moscow
13. Merton R. K. Social Structure and Anomie. — Moscow: Aspect Press, 2020. — 224 p.
14. Ratinov A. R. Psychology of Interrogation. — Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 2017. — 256 p.
15. Sitkovskaya O. D. Forensic Psychology: A Textbook. — Moscow: Yurayt, 2020. — 432 p.
16. Fromm E. Anatomy of Human Destructiveness. — M. : AST, 2019. — 656 p.
17. Kholodnaya M. A. Psychology of Intelligence. — St. Petersburg : Peter, 2022. — 368 p.
18. Shibutani T. Social Psychology. — M. : Progress, 2020. — 448 p.
19. Sutherland E. H., Cressey D. R. Principles of Criminology. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2019. — 672 p.
20. United Nations Office on Drugs and Crime. World Crime Report, 2022 [Electronic resource]. — URL: <https://www.unodc.org/> (accessed: 14.02.2025).
22. World Health Organization. Violence Prevention Overview [Electronic resource]. — URL: <https://www.who.int/> (accessed: 14.02.2025).
23. European Crime Prevention Network. Crime Prevention Report, 2023 [Electronic resource]. — URL: <https://eucpn.org/> (accessed: 14.02.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА ПО БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ДИВЕРСАНТАМИ В ПЕРИОД 1941-1944 ГГ. ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF THE MILITIA OF BESIEGED LENINGRAD IN THE FIGHT AGAINST NAZI SABOTEURS IN THE PERIOD 1941-1944

СОЛОВЕЙЧИК Максим Вячеславович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук.
Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилутова, дом 1.
E-mail: smvdrossii@yandex.ru;

SOLOVEICHNIK Maxim V.,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.
1 Pilyutova Pilot Street, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: smvdrossii@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье изучен исторический опыт организации деятельности в области борьбы с немецко-фашистскими диверсантами в период 1941-1944 гг. милицией блокадного Ленинграда. Современным сотрудникам полиции нашей страны он необходим для понимания истоков требований к организации службы на территории субъектов Российской Федерации, освобождённых в результате специальной военной операции. Ведь обеспечение безопасности на данных территориях происходит в аналогичных условиях служебной деятельности и является частью общей национальной безопасности современного российского общества.

Abstract: The article examines the historical experience of organizing activities in the field of combating Nazi saboteurs in the period 1941-1944 by the police of besieged Leningrad. It is necessary for modern police officers of our country to understand the origins of the requirements for the organization of service on the territory of the subjects of the Russian Federation liberated as a result of a special military operation. After all, ensuring security in these territories takes place in similar conditions of official activity and is part of the overall national security of modern Russian society.

Ключевые слова: диверсант, подрывная деятельность, контрольно-пропускной режим, оперативные мероприятия, облава, контингент, парашютист, пропуск, ракетчик, милиция.

Keywords: saboteur, subversive activity, checkpoint, operational measures, roundup, contingent, parachutist, pass, rocket man, militia.

Для цитирования: Соловейчик М.В. Организация деятельности милиции блокадного Ленинграда по борьбе с немецко-фашистскими диверсантами в период 1941-1944 гг. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 68-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_68.

For citation: Soloveichik M.V. Organization of the activities of the militia of besieged Leningrad in the fight against nazi saboteurs in the period 1941-1944 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 68-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_68.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2025

О героической обороне защитников блокадного Ленинграда во время Великой Отечественной войны написано значительное количество работ, в которых отражён и вклад в дело обороны города сотрудников Ленинградской милиции.

В данной статье будет рассмотрена организация деятельности Ленинградской милиции по борьбе с фашистскими диверсантами.

Предметом исследования данной статьи является опыт правоохранительной деятельности милиции блокадного Ленинграда в области борьбы с немецко-фашистскими диверсантами в период 1941-1944 гг.

Объект исследования - основные направления организации правоохранительной деятельности милиции блокадного Ленинграда в области борьбы с немецко-фашистскими диверсантами в период 1941-1944 гг.

Метод исследования: применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, описание, сравнение), основу составил диалектический метод познания.

Материал, изложенный в статье, построен на основе использования историко-правовых источников изучаемого периода, отражающих элементы борьбы с диверсантами в указанных условиях. При подготовке статьи использовалась информация органов внутренних дел и иных органов исполнительной власти периода блокады Ленинграда, а также работы научного сообщества по заявленной теме.

Важно было изучить исторический опыт наших предшественников-правоохранителей и использовать его в современности при аналогичных условиях осуществления данного вида служебной деятельности.

Толковый словарь Ожегова определяет диверсанта как человека, который занимается подрывной деятельностью, заключающейся в разрушении военных и промышленных объектов с целью ослабить политическую и военную мощь другой страны.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации определяет диверсию в статье 281 как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение сооружений или объектов в целях подрыва обороноспособности.

Актуальность изучения исторического опыта по противодействию диверсантам правоохранительными органами является очевидной. В настоящее время, когда наше государство проводит специальную военную операцию (далее - СВО), максимально активизировались диверсионные действия со стороны вражеских сил коллективного Запада в отношении мирного населения.

Вот лишь некоторые примеры совершения диверсионных действий.

Осенью 2023 года житель Севастополя по заданию спецслужб Украины изготовил зажигательную смесь и собирался поджечь два рейсовых шкафа на железной дороге, что привело бы к сбоям в работе железнодорожного транспорта.

4 января 2025 года в Екатеринбурге задержали подростков, которые организовали поджог автомобиля полиции, а также планировали произвести взрыв в людном месте города по заданию министерства обороны Украины.

14 января 2025 года в городе Ярославле был предотвращён химический теракт в отношении сотрудников оборонного завода. Лицо, завербованное спецслужбами коллективного Запада, планировало начинить автомобили потенциальных жертв ядами, залив их в воздухозаборники за вознаграждение.

Для успешного противодействия диверсионным атакам противников России необходимо, вместе с профилактическими и оперативно-разыскными мероприятиями, постоянно изучать исторический опыт сотрудников правоохранительных органов по борьбе с аналогичными преступлениями.

Опыт ленинградской милиции блокадного Ленинграда по борьбе с диверсантами с целью заимствования некоторых его элементов в современных условиях, по мнению автора, может быть полезен для изучения современными правоохранителями. Ведь город в период блокады 1941-1944 гг. подвергался не только военному, но и диверсионному воздействию. Находясь в кольце блокады город на Неве напоминал современную Россию, находящуюся в окружении вражеских сил коллективного Запада.

Научная новизна исследования заключается в том, что доказано, как в указанный исторический период бдительность и готовность при несении службы борьбы с немецко-фашистскими диверсантами в период 1941-1944 гг. органов внутренних дел и всего населения нашей страны делала её эффективной, уменьшая ущерб, который мог быть причинён городу Ленинграду в блокаде.

Теме обороны Ленинграда в период блокады посвящено значительное количество работ научного и публицистического характера, и они продолжают создаваться по настоящее время. В их числе следует отметить работы, посвящённые особенностям организации работы милиции в данный период, которые создали следующие авторы.

Панфилец А.В. в своих работах подробно описывает условия служебной деятельности ленинградской милиции в период блокады Ленинграда, в которых сотрудникам приходилось бороться с диверсантами.

Мессер Р.Д. в своей серии очерков рассказывает о направлениях деятельности милиции в период блокады Ленинграда, одним из которых являлась борьба с диверсантами.

Павлов Д.В. подробно описывает жизнедеятельность в блокадном городе, затрагивая в том числе, требования, которые должны были в нём соблюдаться, исполнение которых отслеживали сотрудники ленинградской милиции с целью профилактики диверсионных действий противника.

Сульдин А.В. создал подробную летопись и в своём труде описывает каждый день блокады и, в том числе, деятельность ленинградской милиции по борьбе с диверсантами.

Гаджиев В.Э., Дёмина М.Л., Слышалов И.В., Грищенко Л. Л. В своих работах показывают особенности борьбы современных сотрудников правоохранительных органов с диверсантами сил коллективного Запада современности и будут необходимы в данной статье для приведения сравнительного анализа указанных действий в различных исторических этапах развития нашего государства.

Филиппов Д.С. при подробном описании деятельности истребительных батальонов, создаваемых в годы блокады при территориальных органах правопорядка, отмечает, что указанные подразделения были созданы для борьбы со шпионами и диверсантами. Данные подразделения состояли из добровольцев - местных жителей: рабочих, студентов, школьников старших классов.

Все работы перечисленных выше представителей научного сообщества, посвящённых изучению особенностей борьбы с диверсантами в блокадном Ленинграде, единодушно указывают на то, что эта борьба была подчинена интересам обороны города, что делает эту тему крайне актуальной.

В работе по перестройке нашей страны на военный лад её руководство, в изучаемый автором период, придерживалось заветов известного руководителя периода раннего развития советского государства В. И. Ленина, который в своих работах утверждал, что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны и малейшее колебание на этот счёт недопустимо. [1]

В связи с этим, следуя заветам вождя советского государства, в Ленинграде и Ленинградской области в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года было введено военное положение. А 27 июня 1941 года начальник Ленинградского гарнизона издал приказ «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе», в котором говорилось о необходимости воспретить в город Ленинград въезд всем лицам, не прописанным на жительство, а работающим разрешить въезд по специальным пропускам. [2]

В соответствии с этим приказом, милиция должна была обеспечить контрольно-пропускной режим и общественный порядок во всё время суток. Для достижения этих целей сотрудниками был проведён ряд оперативных мероприятий для предупреждения преступности.

В вечернее и ночное время устанавливалось регулярное патрулирование по улицам, усиливалось наблюдение за охраной промышленных предприятий и жилых домов, периодически организовались массовые проверки и облавы.

24 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление №1738-746сс о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. В нём говорилось, что на органы правопорядка возлагалась организация ликвидации диверсантов противника, забрасываемых парашютным и иным способом территорию Ленинградской области. В этих целях при территориальных органах внутренних дел предписывалось создавать указанные истребительные батальоны из числа проверенного актива, способного владеть оружием.

Истребительные батальоны – военизированные, добровольческие формирования советских граждан, которые предназначались для борьбы с диверсантами и парашютно-десантными вражескими группами. [3]

Учитывая особую опасность распространения в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, Советское

правительство обязывало применять строжайшие меры, карающие болтунов и пораженцев. Вся полнота этой работы ложилась на работников милиции. Пресечение распространения ложных панических слухов в условиях военного времени приравнялось как разоблачение и выявление вражеских лазутчиков – шпионов и диверсантов.

Это подтверждает докладная записка начальника УНКВД Главного командующему Северо-Западным направлением Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову от 30 августа 1941 года отмечено, что за два месяца войны органами милиции Ленинграда выявлено и арестовано много агентов фашистской разведки, которые специально сеяли панику среди населения и распространяли гитлеровские листовки. [4] Например, в июле в одной из пивных на улице Скороходова работники уголовного розыска с помощью граждан задержали некоего гражданина, который был замечен в подбрасывании антисоветских листовок. При обыске у него обнаружили и изъяли огнестрельное оружие и большое количество листовок. [5]

Большое значение для поддержания порядка в городе имела борьба с распространением всякого рода провокационных «новостей», которые в современных условиях можно было бы охарактеризовать как «фейки». Фашисты часто сбрасывали на город листовки, причем в подавляющем большинстве случаев сбрасывали их во время артиллерийских обстрелов и бомбежек с воздуха. В листовках была напечатана информация, способная вызвать дезорганизацию в тылу фронтового города. Работники ленинградской милиции, рискуя жизнью, собирали и уничтожали листовки. Так, 10 июля 1942 года милиционер Николенко, даже будучи раненным, не ушел с поста, а продолжал собирать листовки под огнем противника. А, милиционер Кошкарёв только в октябре 1941 года задержал семнадцать преступников, среди которых были и агенты немецкой разведки.

Борьба с информацией, создающей разрушительное воздействие на психологическое состояние мирных граждан нашей страны, ведётся и сейчас, но конечно на новом, более высоко технологичном уровне. Вот один из многочисленных примеров информационной провокации со стороны современных фашистов, когда жительница Нижнего Тагила была подвергнута административному аресту за публичную демонстрацию экстремистской символики, а также создание клипа, надсмехающегося над погибшими участниками специальной военной операции. [6]

Война нарушила нормальную жизнь в нашей стране. В связи с оккупацией противником некоторой части территории Советского Союза миллионы людей оказались выбитыми из привычной колеи. Вместе с эвакуируемыми в Ленинград просочилось много преступников. Часть из них была освобождена из исправительно-трудовых учреждений прифронтовых районов.

Немецкие войска использовали данных лиц в своих целях и всячески старались активизировать их преступную деятельность. Из их числа фашистские разведывательные органы вербовали шпионов и диверсантов и под видом беженцев засылали в тыл Советской Армии. Ленинградская милиция принимала участие в разоблачении этого контингента.

Для тщательной проверки въезжающих в город и выезжающих из города горожан, для задержания фашистских диверсантов, засылаемых в наш город, с 30 июня 1941 года была организована заградительная линия из личного состава милиции, которая представляла собой цепь контрольно-пропускных пунктов, расположенных на главных стратегических магистралях, ведущих к городу. Всего было организовано 23 контрольно-пропускных пункта, на которых работали 232 сотрудника милиции. Существование заградительной линии в значительной степени помогло задержать немало немецких диверсантов. [7]

Кроме этого, для приема прибывающих в город горожан было организовано 42 эвакупункта, на которых милиция организовала работу по выявлению уголовно-преступного элемента. Этим делом занимались оперативные сотрудники уголовного розыска. В их задачу входила тщательная проверка документов у прибывающих. В процессе работы на эвакупунктах сотрудниками милиции было задержано немало вражеских диверсантов. Как правило все шпионы и диверсанты на начальном периоде блокады Ленинграда маскировались под отступающих солдат, потянувших свою часть или под беженцев из оккупированных районов. [8]

Аналогичные действия мы можем наблюдать и в современности, когда выставляются посты учетно-заградительной системы, на границе с зоной проведения специальной военной операции (далее – СВО) и, осуществляют служебную деятельность по проверке документов сводные отряды полиции. [9]

Как уже упоминалось выше, не обошлось без создания добровольческих подразделений правоохранительной направленности. В истории правоохранительной деятельности России, когда стране грозит опасность, элементы общественного сознания граждан всегда занимали весомое место.

При каждом районном отделе милиции прифронтовой полосы были созданы специальные истребительные батальоны численностью в 100-200 человек каждый, которые комплектовались из работников милиции. На истребительные батальоны возлагались задачи борьбы с парашютистами и диверсантами.

Тогда же, в июле 1941 года, из личного состава отделов милиции Ленинграда и области был сформирован сводный отряд в составе двадцати батальонов. На сводный отряд возлагались функции проведения как самостоятельных, так и совместных с частями Красной Армии боевых действий по ликвидации диверсионных групп противника.

К 29 сентября 1941 года линия фронта вокруг Ленинграда окончательно замкнулась. [10]

В приказе германского верховного главнокомандующего 7 октября 1941 года предписывалось полностью уничтожить Ленинград. Это было планомерное, продуманное уничтожение города и истребление его жителей. В секретной директиве от 22 сентября 1941 года за № 1-а 1601/41, изданной гитлеровским военно-морским штабом, говорилось: «Тесно блокировать город и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землёй». [11]

Для выполнения данного решения активизировалась деятельность немецкой разведки и её агентуры в городе. Ведь передний край фронта местами почти вплотную подходил к его окраинам.

Документы, отражающие содержания заседаний городского руководства по вопросам усиления бдительности, дают информацию о примерах организации деятельности вражеских агентов в блокадном городе.

На завод имени Сталина приняли рабочего, который, как оказалось в дальнейшем систематически переходил линию фронта и передавал сведения немецкой разведке, которой был завербован во время нахождения в плену. Указанный пример не был единичным. Активная деятельность фашистской разведки по вербовке советских граждан в тылу блокадного города носила регулярный характер. [12]

В справке начальника Управления народного комиссариата внутренних дел Ленинградской области руководству города отмечалось, что фашистская разведка с мая 1942 года начала усиленно забрасывать на территорию шпионов-парашютистов. На территории Ленинградской области зарегистрировано 26 разведчиков, сброшенных с самолётов. Шпионы выбрасываются группами по 2-3 человека, имея при себе: фальшивые документы, оружие, крупные суммы советских денег. [12]

Вечером и ночью во время налетов вражеской авиации в разных местах города вокруг вспыхивали ракеты, указывавшие на стратегические предприятия и объекты; с чердаков и крыш, из окон пустующих квартир подавались световые сигналы. Это диверсанты, пробравшиеся в Ленинград, указывали самолетам цели для бомбометания.

На поимку ракетчиков-диверсантов были брошены все силы Ленинградской милиции. В сентябре 1941 года работниками милиции было задержано с поличным при сигнализации ракетами и светом 15 фашистских пособников. Однако одних сил милиции для активной борьбы с вражескими вылазками в условиях фронтового города было недостаточно и было принято решение обратиться за помощью к горожанам, которые были значительно мотивированы для борьбы с диверсантами. Так, в дневниках одного из ленинградцев, переживших блокаду, можно встретить запись о том, что все ленинградцы от мала до велика с остервенением вылавливают «ракетчиков». [13]

26 августа 1941 года было принято решение о создании полка по охране порядка в Ленинграде. При отделениях милиции формировались роты численностью по 75-120 человек. Каждая рота разбивалась на три взвода по караульным сменам. На полк возлагались задачи оказания помощи органам милиции по контролю за соблюдением правил светомаскировки и несением охраны домов группами самозащиты, по обеспечению общественного порядка.

Была развернута массовая политическая агитация среди трудящихся, важное место в которой уделялось воспитанию бдительности. В газетах и по радио, в многочисленных плакатах и листовках, расклеивавшихся в общественных местах и на улицах, рассказывали о коварных приемах врага, о необходимости быть постоянно бдительным и разоблачать искусно маскировавшихся вражеских агентов. На борьбу с ракетчиками и сигнальщиками, а также нарушителями правил военного положения было поднято всё население Ленинграда. И это давало необходимые результаты. [13]

Так, в октябре 1941 года вечером фашистские бомбардировщики совершали крупный налет на город. Небольшая группа самолетов кружила в районе Московского вокзала в поисках военного объекта. Неожиданно из окон четвертого этажа жилого дома одна за другой выпетели три ракеты. Все это заметил участковый уполномоченный. Установив квартиру вражеского пособника, он пригласил дворника и поднялся на площадку четвертого этажа. На стук дверь не открыли и её пришлось ломать. В одной из комнат находилась женщина. На полу валялось несколько пустых ракетных гильз. После короткого обыска была найдена ракетница и целый ящик сигнальных гильз. Пойманная с поличным была арестована. [14]

В декабре 1941 года постовой милиционер 5-го отделения милиции на Владимирской площади заметил гражданина, который внешне никак не походил на ленинградцев, страдавших от голода. У неизвестного было свежее, здоровое, румяное лицо. Шел он бодро и уверенно. Сотрудник стал наблюдать за ним. На углу Стремянной улицы встретился участковый уполномоченный, которому было рассказано о подозрениях. Нужно было проверить гражданина, установить, кто он и где работает. Не успел участковый потребовать документы для проверки, как незнакомец выхватил пистолет и направил его в грудь работнику милиции. Участковый уполномоченный выбил оружие из рук преступника. Задержанный оказался опасным диверсантом, заброшенным в Ленинград фашистской разведкой. [14]

При выявлении диверсантов врага милиционерам блокадного Ленинграда необходимо было использовать всё имеющееся у них тактическое и оперативное мастерство. [15] Например, часто диверсанты использовали военную форму, так как это давало им возможность проникать на охраняемые объекты. Граждане той поры на первых порах с большим доверием относились к военным, видя в них защитников, чем пользовались диверсанты. Чтобы облегчить задачу поиска вражеских агентов, периодически издавались приказы, требующие сменить порядок ношения наград для выявления диверсантов. Сотрудники милиции, патрулируя Ленинград, при встрече фронтовиков должны были обращать внимание на расположение орденов и медалей. При нарушении данного расположения, но при наличии документов, находящихся в порядке, могли быть выявлены диверсанты врага. [16]

После освобождения города от вражеской блокады и изгнания фашистов с территории Ленинградской области перед органами милиции встал ряд новых неотложных задач.

На территорию Ленинграда и Ленинградской области начался приток населения из различных районов страны. Приезжали рабочие, специалисты, начали возвращаться эвакуированные. Используя эти обстоятельства, фашистская разведка неоднократно пыталась направить в наш город свою агентуру.

Вслед за передовыми частями Советской Армии в освобожденные города и районы области приходили сотрудники милиции. Они помогали партийным и советским организациям возрождать в освобожденных районах жизнь, вели борьбу с вражеской агентурой.

Например, 22 апреля 1944 года начальнику Тосненского районного отдела стало известно о том, что на территории Чудовского района были сброшены с немецкого самолета два парашютиста. Один был вскоре задержан, а второй сумел скрыться. Совместно с бойцами взвода 125-го истребительного батальона был немедленно организован розыск. На всех дорогах и лесных опушках были выставлены специальные наряды, и

23 апреля фашистский диверсант был задержан. [16]

12 мая секретарь Любанского отделения милиции заметила в городе двух незнакомых мужчин. Их поведение показалось работнице милиции подозрительным, и она с помощью граждан задержал неизвестных. Они оказались немцами, заброшенными в наш тыл для совершения диверсии. [16]

Анализируя вышеизложенные примеры борьбы ленинградской милиции с диверсантами, можно отметить следующие направления деятельности:

- борьба с распространителями ложных слухов, сеющих панику в городе с целью морального давления на защитников;
- борьба с лицами, помогающим врагу осуществлять налёты и обстрелы блокадного Ленинграда путём наведения их сигналами на цель;
- выявление лиц, тайно направленных немецко-фашистской разведкой, но не успевших совершить диверсию.

Поводя итог, следует отметить, что в ходе изложения материалов статьи автором приводились примеры фактов аналогичных событий деятельности диверсантов современности [17], что доказывает необходимость изучения опыта ленинградской милиции по борьбе с диверсантами в блокадном Ленинграде в период 1941-1944 гг. с целью его частичного использования при работе в регионах, освобождённых в результате проведения Россией специальной военной операции. Поэтому каждый современный сотрудник полиции, направляющийся в служебную командировку для осуществления данной служебной деятельности, должен помнить служебный опыт предшественников.

В этой связи важно проводить занятия и тренировки, основанные в том числе и на опыте предыдущих поколений, так как ухищрения лиц, являющихся диверсантами, могут со временем повторяться с учётом развития новых технологий.

Работа может быть использована в качестве справочно-исторического источника для сотрудников органов внутренних дел, направляющихся для участия в обеспечении охраны общественного порядка на территории субъектов Российской Федерации, освобождённых в результате специальной военной операции.

Учитывая частичную схожесть особенностей несения службы органами внутренних дел в области борьбы с вражескими диверсантами современности и в период блокады Ленинграда, автору видится целесообразным использовать опыт наших предшественников-правоохранителей в современности.

Список литературы:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 41 / М.: Издательство политической литературы, 1967.
2. Панфилец А.В. Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941-1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. №1 (61). С. 45-51.
3. Филиппов Д.С. Битва за Ленинград / М.: Молодая гвардия, 2020.
4. Панфилец А.В. 900 дней и ночей Ленинградской милиции (к 300-летию образования полиции России). СПб: Изд-во СПб университета МВД России, 2021.
5. Скиляник А.Т., Лесов В.М., Пименов Ю.Ф., Савченко И.К., Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / Л.: Лениздат, 1967.
6. Слышалов И.В. Особые условия в деятельности органов внутренних дел: подходы к пониманию // Право и политика. 2019. № 5. С. 79-88.
7. Панфилец А.В. Милиция Ленинграда в чрезвычайных условиях фашистской блокады / М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 79-88.
8. Гусев Б.Н. Фронтовые дневники — живая память о Великой Отечественной войне. / Кострома: Издательство Костромского государственного технологического университета, 2015.
9. Соломатина Е.А. Реализация новых задач МВД России и осуществления государственной службы сотрудниками органов внутренних дел за год проведения специальной военной операции. // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №5. С. 201-212.
10. Мессер Р.Д. Милиция осаждённого города. — Л.: Лениздат, 1945.
11. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. - Л.: Лениздат, 1985.
12. Сульдин А.В. Блокада Ленинграда. Полная хроника — 875 дней и ночей. / М.: Изд-во АСТ, 2016.
13. Соловейчик, М. В. Деятельность милиции Ленинграда по обеспечению безопасности граждан при артиллерийских обстрелах и налётах вражеской авиации в годы фашистской блокады // Подвиг сотрудников и военнослужащих органов и войск НКВД СССР в годы фашистской блокады Ленинграда: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 января 2024 года. // Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. 2024. С. 190-196.
14. Соловейчик, М. В. Необходимость использования опыта милиции Ленинграда в период фашистской блокады для обеспечения безопасности граждан в современных условиях // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. // Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. 2024. С. 281-284.
15. Грищенко Л. Л. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции. // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. №3. С. 15-20.
16. Чистиков А.Н. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят. / СПб.: Фонд «Креатив», 2014.
17. Коц А., 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора / М.: ИД «Комсомольская правда», 2023.

References:

1. Lenin V.I. Complete Works, vol. 41 / Moscow: Publishing House of Political Literature, 1967.
2. Panfilets A.V. Organization and activity of the city police to protect public order in besieged Leningrad (September 1941-1942) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (61). pp. 45-51.
3. Filippov D.S. The Battle for Leningrad / Moscow: Molodaya Gvardiya, 2020.
4. Panfilets A.V. 900 days and nights of the Leningrad militia (on the 300th anniversary of the formation of the Russian police) / St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
5. Skilyanik A.T., Lesov V.M., Pimenov Yu.F., Savchenko I.K., The affairs and people of the Leningrad militia: Essays on history / L.: Lenizdat, 1967.
6. Slyshalov I.V. Special conditions in the activities of internal affairs bodies: approaches to understanding // Law and politics. 2019. No. 5. From 79-88.
7. Panfilets A.V. The Leningrad militia in the emergency conditions of the fascist blockade. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 79-88.
8. Gusev B.N. Front-line diaries - a living memory of the Great Patriotic War. Kostroma: Publishing House of Kostroma State Technological University, 2015.
9. Solomatina E.A. The implementation of new tasks of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the implementation of public service for employees of internal affairs bodies during the year of the special military operation. // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 5. pp. 201-212.
10. Messer R.D. The militia of the besieged city. — L.: Lenizdat, 1945.
11. Pavlov D.V. Leningrad under siege. - L.: Lenizdat, 1985.
12. Suldin A.V. The siege of Leningrad. The complete chronicle — 875 days and nights. / Moscow: AST Publishing House, 2016.
13. Soloveitchik, M. V. The activities of the Leningrad militia to ensure the safety of citizens during artillery attacks and raids by enemy aircraft during the Nazi blockade // Feat of employees and military personnel of the organs and troops of the NKVD of the USSR during the Fascist blockade of Leningrad: Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, January 25, 2024. // Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. pp. 190-196.
14. Soloveitchik, M. V. The need to use the experience of the Leningrad police during the Nazi blockade to ensure the safety of citizens in modern conditions // State and law: evolution, current state, development prospects: Proceedings of the XXI International Scientific and practical conference. In 2 parts, St. Petersburg, April 18-19, 2024. // Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. pp. 281-284.
15. Grishchenko L. L. The specifics of the activities of internal affairs bodies in the context of a special military operation. // Pedagogy and psychology: academic journal. 2024. No. 3. pp. 15-20.
16. Chistikov A.N. Leningrad in the ring of blockade. The security code has been lifted. / St. Petersburg: Creative Foundation, 2014.
17. Kotz A., 500 days of defeats and victories. The chronicle of the SVO through the eyes of a military commander / M.: Publishing house Komsomolskaya Pravda, 2023.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ FORMATION OF PATRIOTISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT

ДЕМЕНТЬЕВА Ирина Васильевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Частного образовательного учреждения высшего образования «Таганрогский институт управления и экономики».
347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, Петровская ул., 45.

E-mail: i.dementeva@tmei.ru;

DEMENTIEVA Irina Vasilyevna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Private educational institution of higher education "Taganrog Institute of Management and Economics."
347900, Russia, Rostov region, Taganrog, Petrovskaya St., 45.

E-mail: i.dementeva@tmei.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье рассматривается формирование патриотизма в молодежной среде как важный процесс, который требует комплексного подхода и использования различных методов и стратегий.

Abstract: This article discusses the formation of patriotism in the youth environment as an important process that requires a comprehensive approach and the use of various methods and strategies.

Ключевые слова: патриотизм, политическая и правовая идентичность, позитивный образ, Родина, молодежь.

Keywords: patriotism, political and legal identity, positive image, homeland, youth.

Для цитирования: Дементьева И.В. Формирование патриотизма в молодежной среде // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 73-75. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_73.

For citation: Dementieva I.V. Formation of patriotism in the youth environment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 73-75. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_73.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Патриотизм, как чувство любви и преданности к своей стране, может быть основой для формирования активной гражданской позиции молодежи.

Формирование политической и правовой идентичности у молодежи в условиях информатизации общественных отношений ставит задачу выявления объективных причин потери традиционных ориентиров в политических и правовых процессах, влияющих на восприятие патриотизма в молодежной среде. Формирование позитивного образа российского государства в индивидуальном и общественном сознании, может быть основано на принципах толерантности, приоритете общепризнанных духовных ценностей, разделяемых большинством населения с учетом исторической и социокультурной преемственности. Сохранение принципа исторической преемственности наиболее эффективен тогда, когда возникают сложные и неординарные проблемы, например, в процессе радикального реформирования политики государства или общественно-политической и экономической жизни.

Процесс исторического развития неизбежно связан с разрывами между прошлыми и формирующимися общественными отношениями в будущем, включая понимание патриотизма, его сущности. В такие моменты преемственность становится буферной зоной, обеспечивающей сохранение прошлого позитивного опыта и на его основе формирование нового, соответствующего изменившимся общественным отношениям. В результате это укрепляет у молодежи чувство гордости за свою прошлую историю, ее значение для будущих поколений. Следовательно, одним из ключевых аспектов является образование. Школьные и вузовские программы должны включать изучение истории, культуры и языка страны, а также искусство и литературу. Это помогает молодежи понять корни своей нации и основные ценности.

Важность патриотизма подчеркивается в выступлениях высших руководителей нашей страны, находит отражение в концептуальных документах российского государства. Общероссийская патриотическая концепция способна заполнить образовавшийся после распада СССР идеологический вакуум, объединив тем самым современное российское общество вокруг общезначимых ценностей. Патриотизм не продуцируется автоматически, а требует постоянной системной работы всех общественных институтов [1].

Об этом говорится, например, в Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 2023г, в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022г № 809, утвердившем Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[2]. К традиционным ценностям Указ относит не только жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, защиту семьи, но и патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Подчеркивается, что «Гражданственность как ценность определяется ценностно-смысловой сферой человека и внутренней позицией личности. Сознательно-ответственная позиция в отношении Отечества как ценности выражается в служении Отечеству, ответственности за его судьбу, чувстве патриотизма, сохранении исторической памяти и передачи ее через поколения»[1].

Анализ политических и правовых деформаций восприятия Родины в условиях потери традиционных ориентиров и ценностей приводит к необходимости анализа причин негативного отношения к опыту старших поколений. В первую очередь родители играют ключевую роль в формировании патриотических настроений у детей. Семейные традиции, обсуждения о значении родины, участие в праздниках и значимых событиях могут укрепить чувство принадлежности и любви к стране. Важно, чтобы молодежь видела примеры патриотизма в своей семье и общине.

Исследованию противодействий деформаций восприятия Родины и базовым направлениям воспитательной работы с молодежью посвящена статья «Рефлексия основных принципов и направлений правовоспитательной работы с молодежью как средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»[3], в ней обозначена необходимость формирования нравственных основ политической и правовой культуры, правового сознания и социально-правовой активности современной молодежи.

В процессе формирования политической и правовой идентичности большое значение имеет формирование политических и правовых ценностей, институтов власти и отношения к ним молодежи, чему посвящено исследование Карнаушенко Л.В. «Институт государства как ценность в системе представлений граждан: теоретико-прикладные аспекты» [4]. В его исследовании рассматриваются политические и правовые институты государства в нестабильных условиях изменяющейся социальной системы, с целью исключить многие дезорганизационные проявления. Законодательному закреплению понятия «патриотизм» посвящена статья О.А. Пузанова и С.Е. Шокина «Патриотизм как консолидирующий фактор общественной жизни и конституционного строя»[5], в ней авторы поднимают ряд дискуссионных проблем, связанных с интерпретации этого понятия. В результате анализа проведенных научных исследований процесса формирования патриотизма в молодежной среде в условиях политических и правовых деформаций ставит следующие задачи:

- выявить концептуальное основание понятия «патриотизм» в контексте современного научного знания;
- изучить специфику деформаций патриотизма в политическом и правовом пространстве современной России;
- определить факторы, влияющие на формирование политической и правовой идентичности человека в информационном обществе;
- раскрыть причины утраты традиционных правовых ориентиров, приводящих к правовому нигилизму, инфантилизму и цинизму.

Их решение основывается на методах научного познания, включающих анализ и синтез, сравнение и аналогию, индукцию и дедукцию. Использование принципов нелинейности общественного развития в синергетической интерпретации, позволяет выявить объективные причины политических и правовых деформаций в молодежной среде восприятия образа Родины в настоящее время.

Сохранение исторической преемственности на уровне политики государства, способно оказывать позитивное влияние на формирование у молодежи исторического сознания и его приспособления к современным политическим, социально-экономическим и другим реалиям. В процессе поиска национальных корней происходит идентификация и самоидентификация многонационального российского народа, на основе которой формируется позитивный образ общей Родины. Как бы ни менялась история российского государства и права от эпохи к эпохе, ее общие начала лежат в основе патриотического воспитания. Поэтому актуальным становится противодействие криминальным методам преступной обработки общественного мнения, применяемым в средствах массовой информации, негативному, необъективному изложению российской истории, игнорированию историографических традиций, бездоказательным заявлениям и замалчиванию ее фактов и так далее, что разрушает духовные ценности, способные консолидировать россиян.

Междисциплинарное исследование различных влияний на формирования политической и нравственной идентичности как основы патриотического воспитания молодежи, не часто оказывается предметом научной рефлексии, представления о нем чаще формируются средствами массовой информации, которые не всегда объективны. Человек первоначально воспринимает мир на уровне чувств и эмоций, когда ещё не четко происходит осознание им сущности происходящих процессов. Не воспринимая их в совокупности всех сторон и проявлений, ему трудно отделить сущность от явления. Поэтому молодые люди воплощают их в своих чувствах и оценках, а не в понятиях или образах, которые хотя и емкие, но не полностью отражают сущность предмета или явления. В полной мере это относится и к патриотизму, как необходимому условию сохранения развития своего государства и права. Но патриотизм основывается не только на чувствах и эмоциях, он способствует процессу идентификации личности, ее ассоциации с историей и культурой своего народа и государства. Патриотизм может проявляться в различных формах, включая критическое мышление и активную позицию по вопросам, касающимся социальной справедливости и прав человека. Важно формировать у молодежи понимание, что патриотизм - это не слепая преданность, а осознанная гражданская позиция.

Содержание патриотизма определяется задачами, решению которых он должен способствовать особенно в условиях утраты правоохранительными органами контроля лиц, «обладающих циничным сознанием», то есть полным отсутствием идеалов и высоких целей своего существования, руководствуясь сугубо материальными принципами. Чем больше количество таких людей будет в обществе, тем более управляемым в политическом смысле и более преступным по своему характеру будет наше общее будущее в условиях существующих политико-правовых деформаций.

Существуют и определенные риски в формировании патриотизма. Например, он может быть использован для манипуляции, когда акцент делается на негативных аспектах, таких как исключительность или агрессия по отношению к другим странам. Поэтому важно развивать у молодежи критическое мышление и способность анализировать информацию. Патриотизм не означает слепую веру в идеалы своей страны, а осознание ее сильных и слабых сторон. На уровне государства необходимо создавать программы и инициативы, направленные на поддержку патриотического воспитания. Это могут быть гранты и финансирование для проектов, обсуждений и исследований, касающихся патриотизма в молодежной среде.

В скрытой или открытой форме патриотизм присутствует в жизни молодежи, поэтому главная задача помочь им в поиске смысла бытия народа в мировой истории. Этот смысл не может быть создан искусственно или внедрен насильственно. В процессе обучения и воспитания необходим учет двух социально-значимых источников идентификации личности:

- во-первых, это сфера человеческих интересов;
- во- второй, - сфера человеческих ценностей.

Следовательно, идентификация, как способ социализации личности, акт признания связей с ценностями истории и культуры своего народа, может оказывать влияние на формирование правового менталитета и в соответствии с ним патриотизма.

В таком контексте формирование позитивного образа Родины будет всегда находиться в состоянии изменений и развития, поскольку он выполняет двудединую задачу, отражая реальные процессы трансформации государственности и общественного развития. Поэтому он становится ориентиром, к которому следует стремиться, как к цели, объединяющей народ и государство. Указанные цели и идеалы формируются общественным сознанием, средствами их достижения являются политика, право, мораль, философия и так далее, которые в единстве приводят к синергетическому эффекту ускорения общественного прогресса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что формирование патриотизма в молодежной среде, в условиях утраты традиционных политических и правовых ценностей и ориентиров, связано с решением наиболее значимых проблем, стоящих перед государством. От их решения зависит не только материальное благосостояние граждан, но и духовно-нравственный климат, способствующий становлению личности молодого человека и формированию новых методов патриотического воспитания. Необходимо также, создать условия, которые бы способствовали росту национального самосознания и приверженности своим ценностям.

Список литературы:

1. Скворцов И. П., Глотов С. А. Формирование патриотизма у молодежи в современных социокультурных условиях: теоретические и практические аспекты // Московский педагогический журнал. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-u-molodyozhi-v-sovremennyh-sotsiokulturnyh-usloviyah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 13.11.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202211090019> (дата обращения: 13.11.2025)
3. Загутин Д.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Рефлексия основных принципов и направлений право-воспитательной работы с молодежью как средство обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // ЮП. 2017. №3 (82). С. 214
4. Карнаушенко Л. В. Институт государства как ценность в системе представлений граждан: теоретико-прикладные аспекты //Общество и право. 2019. №2 (68). С.124.
5. Пузанова О.А., Шокин С.Е. Патриотизм как консолидирующий фактор общественной жизни и конституционного строя страны //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №10.

References:

1. Skvortsov I. P., Glotov S. A. The formation of patriotism among young people in modern socio-cultural conditions: theoretical and practical aspects // Moscow Pedagogical Journal. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-u-molodyozhi-v-sovremennyh-sotsiokulturnyh-usloviyah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (date of request: 11/13/2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/09/2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values" [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202211090019> (accessed: 11/13/2025)
3. Zagutin D.S., Samygin P.S., Samygin S.I. Reflection on the basic principles and directions of legal and educational work with youth as a means of ensuring the national security of the Russian Federation // YUP. 2017. №3 (82). p. 214
4. Karnaushenko L. V. The institution of the state as a value in the system of representations of citizens: theoretical and applied aspects //Society and law. 2019. No. 2 (68). P.124.
5. Puzanova O.A., Shokin S.E. Patriotism as a consolidating factor of public life and the constitutional system of the country //Humanities, socio-economics and social sciences. 2020. №10.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_76

УДК 1 : 316 (045)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ¹ THE PROBLEM OF FORMATION CULTURAL VALUES OF THE STUDYING YOUTH

ВИНОГРАДОВА Ирина Борисовна,кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.

E-mail: virene82@mail.ru;

VINOGRADOVA Irina Borisovna,candidate of Philosophical Sciences, associate Professor of the Department of Law and Philosophy
of the M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University.

11A Studenetskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430034, Russia.

E-mail: virene82@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты освоения обучающейся молодежью культурных ценностей. Раскрывая смысл понятий «мировоззрение молодежи», «культурные ценности», автор вводит их в контекст педагогики и образования. Анализируется ряд проблем, препятствующих формированию ценностного аспекта мировоззрения современной молодежи. Формулируется комплекс принципов образовательного процесса, способствующих освоению культурных ценностей обучающейся молодежью.

Abstract. This article examines problematic aspects of young people's acquisition of cultural values. By expounding on the concepts of "youth worldview" and "cultural values," the author introduces them into the context of pedagogy and education. A number of issues hindering the development of the value-based worldview of today's youth are analyzed. A set of educational principles that facilitate the acquisition of cultural values by young people is formulated.

Ключевые слова: мировоззрение, молодежь, культура, ценности, культурные ценности.

Keywords: worldview, youth, culture, values, cultural values.

Для цитирования: Виноградова И.Б. Проблема формирования культурных ценностей обучающейся молодежи // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 76-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_76.

For citation: Vinogradova I.B. The problem of formation cultural values of the studying youth // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 76-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_76.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025

Сегодня приоритеты государственной политики лежат в области сохранения и развития уникальной российской цивилизации, консолидации общества на основе отечественных духовных традиций и российского менталитета, совершенствования духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи. Первые десятилетия XXI века ознаменованы сменой мировоззренческих ориентаций молодежи и всего российского общества в целом. Это представляется особенно важным на фоне констатированной философами, социологами, политиками угрозы утраты традиционных ценностей, свойственных русскому этносу, что обусловлено, в том числе, процессами глобализации и цифровизации мирового культурного пространства. Молодежь и российское общество в целом нуждаются в устойчивых ценностно-смысловых ориентирах, духовно-нравственных идеалах и культурных образцах – важнейших регуляторах социально значимого поведения, обеспечивающих сохранение его культурной самоидентичности, стабильность, социальное развитие, дальнейшее реформирование страны и становление в России гражданского общества.

Концептуальные подходы к решению данных проблем содержатся в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», Федеральном проекте «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» и других официальных документах. В них определены характер современного национального воспитательного идеала (актуализирующий такие качества личности, как патриотизм, гражданственность, укорененность в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации), система базовых национальных ценностей. Однако, несмотря на позитивные тенденции усиления духовно-нравственного аспекта содержания образования, поиск концептуально-теоретических подходов в этой области по-прежнему актуален. Одно из направлений данного поиска заключается в выявлении ключевых аспектов формирования культурных ценностей в структуре мировоззрения обучающейся молодежи, что и определило предмет настоящего исследования.

Говоря о мировоззрении современной молодежи, мы имеем в виду преобладающие на данном этапе истории становления и развития субъекта (носителя мировоззрения – молодежной социальной группы) его предельно общие убеждения, ценности, принципы познания, идеалы и нормы жизнедеятельности. При этом под мировоззрением понимаем общие черты интеллектуального, эмоционального, духовного настроя субъекта в пространственно-временном срезе эпохи. В узком смысле, мировоззрение – совокупность воззрений конкретных людей, используемых ими для определения границ и принципов совместной жизни и выделения своего места и роли в ней. Мировоззрение нельзя считать простым набором нейтральных знаний, бесстрастных оценок, осмысленных действий, – в нем заложено много и эмоционально-личностного. «Любознатель-

¹ Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов – партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я.Яковлева» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме «Культурный потенциал исторической памяти в формировании идеологии будущего».

ность, удивление, чувства единства с родной природой, сопричастность единой человеческой истории, благоговение перед добротой, восхищение красотой, тревога, забота и многое другое составляют аксиологический аспект мировоззрения» [3, с. 32].

Современная молодежь на уровне обыденного сознания формирует собственные ценностные парадигмы, которые воплощаются в повседневной жизни. На наш взгляд, среди таковых ориентиров важнейшими являются культурные ценности, которые непосредственно оказывают влияние на деятельность молодежи и определяют во многом ее взгляд на мир и образ будущего.

Возросший интерес со стороны современного социально-гуманитарного знания к формированию культурных ценностей обучающейся молодежи во многом определяется системным кризисом и неопределенностью перспектив социокультурных процессов, отсутствием четко разработанных концепций общественного развития и контуров будущего.

Можно выделить целый ряд мировоззренческих проблем, препятствующих формированию ценностного аспекта мировоззрения современной молодежи. Социально-психологические проблемы нашли свое отражение в самоидентификации личности обучающихся. Ярким их проявлением является поиск подростком своего места в мире, образа своего Я. Для старшего школьного возраста данные проблемы являются наиболее актуальными, так как этот период характеризуется наиболее активными межличностными отношениями. При этом некоторые проявления таких проблем носят позитивный характер, а некоторые негативный. Наиболее ярко данная группа вопросов проявляется в переосмыслении социального опыта, сообщаемого подросткам родителями и учителями. Не секрет, что большинство старшеклассников психологически отвергает транслируемые старшим поколением социальные нормы, правила и традиции. Они воспринимаются ими как «немодные» и устаревшие. Зачастую, поведенческими эталонами для подростков становятся герои популярных сериалов, звезды массовой культуры, блогеры. К сожалению, творчество названных категорий лиц часто противоречит национальным, исторически сложившимся и социально признанным ценностям нравственности. В духовном отношении это способствует развитию и закреплению у современной молодежи таких характерных черт, отсутствие стремления к осмысленному существованию, клиповое мышление и индивидуализм. Отсюда же вытекает порой роковое противоречие в сознании подростка между дозволенным и запрещенным. Это приводит к популяризации девиантного поведения, употреблению наркотических и психоактивных веществ, так как представляется им престижным и статусным.

Помимо выбора кумиров из масс-медиа, огромное влияние на подростков оказывают так называемые «значимые другие» – окружение школьника и возникающие в нём неформальные лидеры. Порой нормы, которые сообщает семья, вступают в острые противоречия с теми, которые приняты в социальной группе, и частью которых выступает старшеклассник. Данная проблема имеет две тенденции. Первая связана с тем, что подросток пытается занять лидерские позиции, а в случае, если это не получается, начинает проявлять агрессию по отношению к сверстникам. Вторым вариантом поведения является отстранение от одноклассников, приобщение к той или иной контркультуре. Данная проблемная ситуация чаще всего сопровождается снижением успеваемости, игнорированием родителей и учителей, нарушением дисциплины, которая закреплена в уставе образовательной организации.

Также социально-психологические проблемы нередко перерастают в затворничество подростков, которое связано с уходом из мира реального в мир виртуальный. Это обусловлено тем, что обучающимся со смещённым ценностным набором крайне сложно выстроить оптимальную коммуникацию со сверстниками, а в сети интернет они могут быть, кем угодно, примеряя на себя различные роли. Не все старшеклассники легко переживают разрыв с реальным миром, зачастую это приводит к нарастающей агрессии, нежеланию быть теми, кем они являются. Обучающиеся с проблемами идентичности требуют к себе больше внимания, чем другие члены учебной группы, так как в их сознании формируется стереотип отстраненности и ненужности. Они воспринимают окружающую действительность как враждебную среду.

Еще одна группа проблем – естественно-культурные, которые проявляются в оценке достижения человеком определённого уровня физического развития. Главным противоречием здесь выступает сформированный в молодёжной среде эталон мужественности или женственности. Подростки стремятся подражать ему подчас в ущерб своему здоровью. У девушек забота об эталонной фигуре чаще всего выражается в расстройстве пищевого поведения, которое влечет за собой такие заболевания как анорексия и булимия. У юношей также данные проблемы порождают повышенную нервозность, стресс, резкое понижение самооценки, непринятие себя и своего тела.

Третья группа проблем связана с социально-культурным спектром. Она находит своё отражение в качественной и количественной оценке такого показателя как престиж. Престижность проявляется в ранжировании уровня образования, финансового положения семьи, хобби и самореализации. Данный комплекс проблем обусловлен существованием в современном обществе социальной дифференциации и достаточно высокого расслоения в уровне жизни семей. Не секрет, что принадлежность к той или иной социальной страте на основе критерия материальной обеспеченности всецело определяет жизненные и профессиональные перспективы подростка. Последствиями данного фактора выступает формирование в сознании подростков чувства духовной опустошенности и бесперспективности жизни. Это находит свое отражение в низком уровне правовой культуры, падении нравственности и является прямым следствием деликвентного поведения, которое может проявляться в подростковой преступности, употреблении алкоголя и наркотических веществ, занятии проституцией.

Российская Федерация все более включается в глобальное информационное пространство, и зачастую средства массовой информации оказывают первостепенное влияние на формирование ценностных ориентиров молодежи. Подчас эти ориентиры смещены в сторону всеобщего удовлетворения постоянно растущих потребностей. Все более происходит перевес в сторону индивидуализма и потребительской нацеленности, что выражается в упадке духовности, гражданственности. В обилии разнообразной информации молодым людям сложно сориентироваться, в том, что «хорошо», а что «плохо». Это ведет к возникновению ложных ценностей, основной из которых является потребительское отношение ко всем сторонам жизни.

Особое значение рассмотренные проблемы приобретают в пространстве педагогики. Задачей современной образовательной системы является интеграция культуры в содержание образования. Здесь считаем важным привести позицию профессора Анатолия Соломоновича Кармина, который выделил в культуре два аспекта: ценностный и социальный [Цит. по: 2, с. 74]. Первый, ценностный, аспект есть не что иное, как ядро обучения и воспитания разносторонней личности. Социальный же отражает многосторонний процесс социализации, то есть вхождение в мир общественных ценностей. Таким образом, неразрывная связь культуры и образования становится очевидной. Культура выступает основным содержательным компонентом образования и включает в свою систему воспитательный аспект, главной целью которого является социально-культурное развитие личности. Самоцелью образования в данном случае является освоение культурных ценностей.

Под ценностью в широком смысле понимается то, что достойно существования, значимо и важно для отдельно взятого человека и общества в целом. Ценности выступают как заветный объект стремлений и желаний человека и определяют мотивы его поступков.

А. И. Ракитов относит к ценностям нормы, стандарты, эталоны поведения конкретной социальной и этнической общности [7, с. 15]. Следовательно, сохранение и передача идентичности социума посредством культурных ценностей молодежи выступает важной целью общества в целом и ведущей задачей образовательной организации, семьи. Необходимо предоставить подрастающему поколению россиян ценностную основу развития и образования в пространстве культуры, что и является задачей педагогического сообщества.

В трактовке понятия «культурные ценности» как отдельного рода ценностей мы сталкиваемся с плюрализмом подходов. Это обусловлено тем, что генезис общества, человеческой цивилизации формировал различные подходы к осмыслению культуры как основополагающего явления. Рассматривать культурные ценности можно в широком и узком значении, с опорой на данные философских и культурологических учений, а также нормативно-правовые акты.

В широком смысле культурные ценности – это комплекс жизненно важных для личности и социума объектов, явлений, состояний, потребностей, целей, на основе которых осуществляется оптимальная регуляция человеческой жизнедеятельности. Если говорить с позиции философии, то культурные ценности в аксиологическом аспекте представляют собой определённую объективную данность, находящуюся в обладании конкретного субъекта или группы людей (государства как субъекта права). При этом культурная ценность имеет конкретное выражение посредством материального предмета, транслируя определённый духовно-ценностный набор, значимый для широкого круга субъектов. Или, как справедливо замечает В. А. Шестаков, «духовные ценности представляются человеком, как ценности надмирного порядка (идеального мира), но всегда персонифицируются человеком, как предметно-оформленные, т. е. сопутствующие какому либо материальному носителю» [10, с. 83].

По мнению М. А. Александровой, «культурные ценности — это охраняемые правом вещественные результаты человеческой деятельности, носящие уникальный и всеобщий характер, обладающие исторической, художественной, научной или иной культурной значимостью для общества и в силу этого влияющие на формирование личности в обществе и связь между поколениями людей и народами» [1, с. 180].

В. А. Шестаков связывает историю данного понятия с развитием системы международного права в период после окончания Второй мировой войны. Впервые «культурные ценности» как понятие было сформулировано еще в 1954 году в Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта. С обозначенного года данное понятие было утверждено в международно-правовых актах [10, с. 85]. На сегодняшний день в каждом государстве существует их собственное определение, при этом на национальной почве они могут иметь существенные различия.

С правовой точки зрения, закреплённой в документе «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992), культурные ценности – это «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремёсла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [5].

В современной науке утвердилось множество подходов к рассмотрению понятия «культурные ценности», но все они обладают рядом сходных признаков. Согласно Г. А. Русанову, критериями культурных ценностей являются:

- 1) историческое, художественное или научное значение предмета в мировой истории;
- 2) культурная ценность творческой деятельности человека;
- 3) вневременное ценностное значение [8, с. 32].

Таким образом, в современной науке существует проблема дифференциации культурных ценностей с точки зрения различных научных подходов. Однако сама по себе культурная ценность есть не что иное, как категория предметов, вещей и нематериальных объектов, которым общество придает особое значение.

К вопросу о сохранности и передачи культурных ценностей обращались ученые на протяжении нескольких столетий. Впервые этот вопрос был поднят философами на рубеже XIX-XX веков, а позднее и в работах отечественных авторов. Современники отмечают, что существует прямая зависимость между формированием мировоззрения человека и его отношением к достижениям культуры [6, с. 1067]. Также ими было введено понятие «культурное наследие», под которым понимаются памятники истории и культуры народов России, «являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [Фирсова, с. 48].

В процессе многовековой истории нашей страны, даже в периоды войн и политических катаклизмов, происходило формирование уникального и богатейшего культурного наследия. Культурное наследие поколения ВОВ включает множество стихов, поэм, романов, написанных в то время. Школа доносит до молодого поколения имена Ольги Берггольц, Александра Твардовского, Константина Симонова, Бориса Васильева и

десятки других имен. К наследию относится и написанный обычной девочкой-блокадницей дневник. Таня Савичева всего на 9 страницах отразила весь ужас войны: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня»... Процесс освоения культурного наследия обучающимися сопровождается духовной и морально-нравственной рефлексией, которая и выступает основой воспитания.

Объектами культурного наследия являются « типовые » памятники ВОВ – танки, поставленные на постаменты. Но один из них совершенно уникален – это танк Т-70 в Волгоградской области, г. Калач-на-Дону. Он считается самым первым памятником, посвящённым Великой Отечественной войне. Его поставили в честь Сталинградской битвы в ноябре 1942 года, в дни, когда битва еще продолжалась, и исход её еще не был предreshен! При этом ствол танкового орудия нацелен строго на Запад. Уже после войны прилегающая территория была облагоорожена, одно время рядом даже стоял небольшой гипсовый памятник погибшим при освобождении Калача танкистам, однако этот памятник не сохранился. А Т-70 продолжает стоять на своём месте и в наше время как символ веры в грядущую победу.

Символизмом поражает и главный храм Вооруженных Сил России, который возвели в подмосковном парке «Патриот» в 2020 году к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Зашифрованные в размерах элементов здания цифры – это памятные даты войны. Кодирование информации в символизированном виде выполняет коммуникативную функцию в диалоге поколений, сохраняя и передавая то, о чем люди не должны забывать никогда...

Ни для кого не секрет, что ведущими проблемами современной образовательной системы выступают явления культурного кризиса и низкого уровня развития ценностных ориентиров молодежи. Для решения столь значительных проблем была сформирована педагогическая аксиология, представленная именами Б. С. Брушлинского, В. А. Сластёнина, В. М. Розина и других. Они выделяют ведущую роль педагога в ценностной ориентации сознания и поведения личности.

На наш взгляд, в ходе формирования культурных ценностей в мировоззрении молодежи необходимо придерживаться определенных определенных базовых принципов в образовательном процессе.

Прежде всего, это плюрализм и равноправие всех философских теорий и мировоззренческих установок, которые органично переплетены в единой гуманистической системе ценностей нашего общества. Данный аспект закреплён в Федеральном законе «Об образовании» в разделе, посвященном правам обучающихся. Так, п. 10 ст. 34 данного Закона гласит: «Обучающимся предоставляются академические права на свободу совести, информации, свободное выражение собственных взглядов и убеждений» [4].

Во-вторых, принцип равноправия традиций и необходимости творческой новаторской деятельности, ведь без прошлого нет будущего. На основе уважения к традициям, освоения достижений прошлого только и возможен творческий поиск во всех сферах жизни. Такой подход обеспечивает сохранение выработанных прошлыми поколениями границ человечности в закономерном стремлении молодежи к обновлению, к творческому прорыву в науке, технике, искусстве.

В-третьих, это принцип неоспоримого равенства между людьми, которые выступают в качестве представителей различных этнических, расовых и конфессиональных групп. Равенство в своей основе имеет прагматизм и толерантность, которые исключают споры об основаниях для выдвижения тех или иных ценностей.

В-четвёртых, диалог и конструктивное взаимодействие поколений «отцов и детей», вместо споров и развития конфликтных ситуаций. Общение между поколениями должно осуществляться бережно, когда ценности одной культуры соприкасаются с ценностями другой без подавления, доминирования. Мирный диалог поколений должен обогащать их культуры за счет осознания, принятия, осмысления ценностей друг друга. Так происходит культурная идентификация молодежи в результате исторической преемственности.

Следование этим принципам, на наш взгляд, способствует плодотворному освоению культурных ценностей обучающейся молодежью. Данный комплекс особенно важен в условиях современной геополитической ситуации, для которой характерны факты замалчивания исторических фактов, переписывания итогов важнейших событий XX века.

Государство, семья и образовательные учреждения должны действовать сообща в целях предупреждения распространения подростковой девиации и аномии в социальной среде. Результатом освоения культурных ценностей должно стать всестороннее развитие личности обучающихся, и наряду с этим – достижение высокого показателя межкультурной и межнациональной толерантности. Нельзя не отметить, что с укреплением культурных ценностей в мировоззрении молодежи происходит и повышение уровня подлинной образованности последней. Оба этих процесса носят прогрессивный характер и должны осуществляться параллельно, ибо обучение само по себе не гарантирует высокого уровня духовно-нравственной культуры.

Таким образом, первостепенной задачей учителя является не просто сообщение фактологического материала в рамках своего предмета, но и активизация познавательной деятельности обучающихся, воспитание в них стремления к изучению, освоению культурных ценностей своей Родины, семьи. Образовательный процесс направлен на передачу знаний о них, а результатом выступает включение этих ценностей в структуру мировоззрения личности и последующее их использование в различных жизненных и профессиональных ситуациях, что в свою очередь выступает залогом высокой нравственности, сознательности и ответственности нового поколения россиян.

Список литературы:

1. Александрова, М. А. Культурные ценности как правовая категория. / М.А. Александрова. – Текст: непосредственный. // Пакт Рериха: 70 лет: материалы международной научно-практической конференции. - СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2005. — С. 173-186.
2. Дуранов, И.И. Культура как образовательная ценность / И.И. Дуранов. – Текст: непосредственный. // Вестник ЮУрГУ, №12, 2008. С. 72-74.
3. Интымакова, Л.Г. Мировоззрение: структура и способы организации / Л. Г. Интымакова, Н. П. Чередникова. – Текст: непосредственный. // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. С. 32-38.

4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012: Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. — URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=000120201113002> (дата обращения: 19.10.2025)
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870 (дата обращения: 15.10.2025)
6. Pokatylo, V. V. О необходимости нравственного воспитания молодежи / В. В. Pokatylo, Л. Р. Глухова, А. В. Волкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 4 (630) — С. 1066-1068; URL: <https://moluch.ru/archive/63/9965>
7. Rakitov, A.I. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуре: пример России / А. И. Rakitov — Текст: непосредственный. // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
8. Rusanov, G. A. Понятие «культурных ценностей» и критерии отнесения предмета к культурным ценностям в науке уголовного права / Г. А. Русанов — Текст: непосредственный. // Российская юстиция. — 2008. — № 4. — С. 31–33.
9. Firsova, O. L. О термине «культурные ценности» в сфере сохранения культурного наследия / О. Л. Firsova, Л. В. Шестопалова. Текст : электронный // [Электронное сетевое издание] — М. : Институт Наследия, 2022. — 92 с. — DOI 10.34685/HI.2022.40.59.001 — URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2022/06/o-terminye-kulturnye-czennosti.pdf> (дата обращения: 15.10.2025)
10. Shestakov, V. A. Формирование понятия «культурные ценности» / В. А. Shestakov — Текст: непосредственный. // Studia culturae. — 2011. — № 11. — С. 83–92.

References:

1. Alexandrova, M. A. Cultural values as a legal category. / M.A. Alexandrova. — Text: direct. // The Roerich Pact: 70 years: proceedings of the international scientific and practical conference. St. Petersburg: Roerich Center of St. Petersburg State University, 2005. pp. 173-186.
2. Duranov, I.I. Culture as an educational value / I.I. Duranov. — Text: direct. // SUSU Bulletin, No. 12, 2008. pp. 72-74.
3. Intymakova, L.G. Worldview: structure and methods of organization / L. G. Intymakova, N. P. Cherednikova. — Text: direct. // Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute. Humanities. - 2008. — No. 2. pp. 32-38.
4. On education in the Russian Federation : Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ dated December 29, 2012: Text : electronic // Official Internet portal of legal information: official website. — URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=000120201113002> (date of request: 19.10.2025)
5. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 N 3612-1) (as amended on 24.06.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870 (date of request: 10/15/2025)
6. Pokatylo, V. V. On the need for moral education of youth / V. V. Pokatylo, L. R. Glukhova, A.V. Volkova. — Text : direct // Young scientist. — 2014. — № 4 (630) — Pp. 1066-1068. URL: <https://moluch.ru/archive/63/9965>
7. Rakitov, A.I. A new approach to the interrelation of history, information and culture: the example of Russia / A. I. Rakitov — Text: direct. // Questions of philosophy. 1994. No. 4. pp. 14-34.
8. Rusanov, G. A. The concept of "cultural values" and criteria for classifying an object as cultural values in the science of criminal law / G. A. Rusanov — Text: direct. // Russian justice. - 2008. — No. 4. — pp. 31-33.
9. Firsova, O. L. On the term "cultural values" in the field of cultural heritage preservation / O. L. Firsova, L. V. Shestopalova. Text : electronic // [Electronic online edition] — Moscow : Heritage Institute, 2022. — 92 p. — DOI 10.34685/HI.2022.40.59.001 — URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2022/06/o-terminye-kulturnye-czennosti.pdf> (date of reference: 10/15/2025)
10. Shestakov, V. A. Formation of the concept of "cultural values" / V. A. Shestakov — Text: direct. // Studia culturae. - 2011. — No. 11. — pp. 83-92.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹ FEATURES OF THE MANIFESTATION OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

ШУЛУГИНА Галина Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: shuluginagalina@mail.ru;

СЕКАЕВ Тимур Юнирович,

аспирант факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11А.
E-mail: sekaevt@gmail.com;

SHULUGINA Galina Anatolyevna,

associate professor of the department of law and philosophy Mordovian State Pedagogical University.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430034, Russia.
E-mail: shuluginagalina@mail.ru;

SEKAEV Timur Yunirovich,

postgraduate student of the Faculty of History and Law
Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseiev.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430034, Russia.
E-mail: sekaevt@gmail.com

Краткая аннотация: Глобализация активно влияет на все сферы общественной жизни, создавая условия «вызова» для классических социальных институтов, включая патриотизм. Под давлением глобализации он приобретает некоторые особенности, среди которых выделяются денационализация и дисперсность патриотизма. При этом общественная потребность в данном социальном институте сохраняется, социокультурный и общественно-политический потенциал патриотических ценностей представляется достаточно сильным и может стать основанием многополярного мира.

Abstract: Globalization is actively influencing all spheres of public life, creating a "challenge" for classical social institutions, including patriotism. Under the pressure of globalization, patriotism is acquiring certain characteristics, notably the denationalization and dispersion of patriotism. At the same time, the public demand for this social institution remains, and the sociocultural and sociopolitical potential of patriotic values appears quite strong and could become the foundation of a multipolar world.

Ключевые слова: глобализация, патриотизм, ценность, денационализация патриотизма, дисперсность патриотизма.

Key words: globalization, patriotism, value, denationalization of patriotism, dispersion of patriotism.

Для цитирования: Шулугина Г.А., Секаев Т.Ю. Особенности проявления патриотизма в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 81-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_81.

For citation: Shulugina G.A., Sekaev T.Yu. Features of the manifestation of patriotism in the context of globalization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 81-84. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_81.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Одной из тенденций развития современного общества и цивилизации является глобализация. Содержательно данная тенденция представлена разноплановыми процессами интеграции и взаимодействия государств и народов во всех сферах общественной жизни, что имеет как положительные последствия, так и отрицательные, поскольку создает условия «вызова» для функционирования классических социальных институтов, включая патриотизм. Данное обстоятельство обуславливает актуальность данного исследования.

Краткий обзор литературы по теме «Патриотизм и глобализация» позволил выделить несколько основных направлений исследования:

- а) теоретическое направление, в котором представлен философский анализ феномена патриотизма, анализируются его формы, функции и их трансформация под влиянием глобализации;
- б) направление, связанное с анализом трансформации патриотических чувств на постсоветском пространстве;
- в) аксиологическое направление, представленное работами, в которых анализируется роль культурных ценностей в формировании патриотизма у представителей разных поколений;
- г) практическое направление, связанное с изучением стратегий формирования патриотических ценностей в условиях глобализации, в том числе и в России.

Необходимость философского анализа патриотизма, несмотря на длительную историю его существования как социально-культурного феномена и как объекта теоретизации обусловлена не только новыми социально-политическими обстоятельствами, но также его многоплановостью, которая охватывает эмоционально-чувственный, этический, аксиологический, социально-политический и прагматический аспекты. Поэтому современный дискурс, предметом которого выступает патриотизм, достаточно многолик и не исключает приёмы фрейминга. Тем не менее,

¹ Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ЧГПУ имени И. Я. Яковлева) и МГПУ имени М. Е. Евсевьева по теме «Влияние глобализации на формирование патриотических ценностей обучающихся».

всех участников исторической дискуссии, посвященной патриотизму, условно можно разделить на две противоположные группы – тех, кто выражает негативное отношение к данному феномену, и тех, кто, является его сторонником [6].

На то, что концептуализация патриотизма как категории не завершена, указывает использование различных понятий в качестве парного понятия, которое помогает передать или заменить его смысловое наполнение в соответствии с авторской позицией и/или социально-политическим заказом, а также наличие различных теоретических моделей патриотизма [8].

Следует также отметить, что в качестве теоретико-методологической основы исследований патриотизма в условиях глобализации наиболее часто используются аксиологический и конструктивистский подходы [5]. На наш взгляд, при обсуждении данной темы присутствует даже некоторая взаимообусловленность данных подходов.

Аксиологический подход дает возможность рассмотреть патриотизм как ценностное отношение человека, гражданина к малой и большой Родине, Отечеству, сформировавшееся естественным путем и выражающееся, прежде всего, в чувстве привязанности к тому месту, где он родился и сформировался как личность. Следует отметить, что аксиологический подход как способ теоретизации феномена патриотизма в определенной степени, как правило, присутствует в работах, посвященных патриотизму, даже в тех случаях, когда доминирующим является другой подход.

Конструктивистский подход рассматривает патриотизм как результат целенаправленной деятельности, социального конструирования. Данный подход, кроме аксиологической основы, предполагает и некий механизм, который позволяет не только стабилизировать и усиливать чувство привязанности, ценностное отношение к своей родине, но и, наоборот, нивелировать его, заменяя объект патриотического отношения иным. Поэтому конструктивистский подход к патриотизму в условиях глобализации, на наш взгляд, более функционален.

Глобализация в своем проявлении многопланова, но при этом векторы данного процесса направлены к одной цели – созданию единого социокультурного пространства, в котором отсутствуют частные демаркационные линии социальной идентичности во всех ее видах. По этой причине патриотизм, акцентирующий внимание на сохранении принадлежности субъекта и гражданина к определенному национально-государственному образованию и защите его интересов, не просто противоречит глобализации в идейном плане, но и в некотором смысле выступает серьезным препятствием в достижении ее цели – «миру без границ».

Инициированное глобализацией формирование мирового государства требует культурно-идеологического обоснования возможности его существования и легитимности и это не может состояться без появления новых духовных институтов, культурных норм, социальных ролей, которые в совокупности, с одной стороны, являются маркерами государства нового типа, с другой стороны, мощными технологическими инструментами, влияющими на индивидуальное и общественное сознание.

За последние десятилетия мы имели возможность наблюдать за происходящей в современных обществах трансформацией ценностных ориентиров, ощущать непосредственно на себе воздействие различных технологий, цель которых – внедрение в национальные культуры, общественное и индивидуальное сознание новых мифов, ценностей, идей, выражающих сущность формирующегося нового (мирового) государства.

Понятие «ценность», являясь универсалией культуры, с помощью которой выражается социальное и культурное значение соразмерных человеку объектов, процессов и событий, выполняет важную смыслообразующую функцию, обнажая не только повседневность социальной жизни, но и выстраивая ее будущее. В условиях, когда «обстоятельства человеческого бытия стали космополитическими» [1, с. 2], ценностный ряд, коррелятивный эпохе национальных государств, под давлением глобализации трансформируется.

В наибольшей степени это коснулось концепта национальной идентичности, вне зависимости от того, связана ли она с государством, культурой, наконец, патриотизмом [2]. Ее альтернативой стали наднациональные образования [4, с. 96]. Кризисные процессы, связанные с национальной идентичностью, особенно ярко проявляются в тех странах, которые наиболее активно включились в процесс глобализации. Для стран, которых глобализация коснулась в меньшей степени, наоборот, национальные государства становятся способом выживания и сохранения этноса в условиях возросшей конкуренции, а актуальность национальной идентичности и национального патриотизма возрастает, они обретают большую ценность [3, с.119].

Важным элементом содержания патриотического сознания, имеющего выраженный ценностный характер, является долг, который выступает в роли мотива, обладающего моральным свойством. Как этическая категория, «долг» представляет собой обязательство, готовность совершать действия на основе идентификации с идеальным порядком, через осознание своей сопричастности общественной группе.

В странах, активно участвующих в процессах глобализации, а также в тех странах, социальная структура общества которых включает профессиональные группы, востребованные в других, формируется новый тип гражданина, для которого патриотические ценности приобретают двухуровневый характер. Такие профессиональные группы имеются и в России, например, программисты и математики.

Обретение двухуровневой структуры – это новое явление в практике патриотизма, которое обусловлено глобализацией. Объект ценностного патриотического отношения либо раздваивается (разделяется на два), либо суммарно увеличивается до двух. Обозначенную двухуровневую структуру условно можно представить как состоящую из естественно-исторического объекта ценностного патриотического отношения, связанного, территориально с местом рождения и становления индивида как личности, и объекта, который не обладает выраженным свойством локальности, а имеет транснациональный-культурный-территориальный-государственный характер. Объектом ценностного патриотического отношения с приставкой «транс» может быть общество в широком смысле слова, мир, планета.

Новый объект поглощает локальные патриотические устремления личности либо частично, либо полностью. Полное поглощение

естественно-исторического объекта ценностного патриотического отношения транснациональным в силу его предельной общности и качественной неопределенности приводит к преодолению или даже разрушению принудительной нормативности долга как элемента патриотического сознания. На наш взгляд, в этом случае человек утрачивает всякую причастность, у него остается лишь собственное «я». Поэтому единственное должествование, которому он может и желает подчиниться – это должествование перед собой, что определяется необходимостью поиска комфортных условий для жизни.

Иными словами, деонтическая модель ценностного патриотического сознания в условиях глобализации постепенно заменяется утилитарной моделью. Глобализация как тенденция развития цивилизации демонстрирует, что первичные потребности экзистенциального характера выходят на авансцену частной и общественной жизни.

Под влиянием глобализации существенно трансформируется и духовная основа патриотизма – история, прежде всего, локальная, выражающая процесс становления национального государства и нации, но также и всеобщая история. Трансформация истории является результатом относительного нового направления политики, которое условно называется «политика памяти». При этом можно констатировать, уже сегодня политика памяти имеет вполне зримые результаты, ярким примером является Украина.

Для формирования нового взгляда на национальную и всеобщую истории используются различные инструменты: административные, законодательные, информационные, а также мифотворчество. Отметим, что в условиях глобализации, когда пересматриваются устоявшиеся концепты, миф как интегрированная часть культуры, в которой выражены коллективные представления, приобрел особую актуальность.

Основываясь на дологическом мышлении, миф оказался способен к трансформации, медиации и бриколажу, что позволяет ему сосуществовать с логической мыслительной структурой в одном обществе и даже в одном сознании. Высокая адаптивность мифа позволяет активно использовать его для формирования новой парадигмы поведения, представления определенных моделей, связанных с фундаментальными (патриотическими) ценностями в условиях глобализации общества.

Наполняя новым содержанием классические мифологические образы «врага», «героя», «своего», «чужого» и активно внедряя их в общественное сознание и культуру, с помощью мифа подменяется содержание исторических понятий и образов и создается новый мифологический ряд. Миф направлен, прежде всего, к эмоциональной сфере личности, которая проявляется в состояниях и отношениях к различным предметам. Новые псевдоисторические образы мифа становятся мощным средством формирования нового национального самосознания и нового патриотизма [3, с. 121].

Не избежала давления глобализации история как наука, занимающаяся установлением последовательности событий и выявлением объективности исторических фактов. В условиях глобализации история как наука все больше приобретает нарративный характер, выражающийся в произвольно-целевой трактовке исторических событий. Последствия подмены рациональности научного исторического знания нарративом повествованием приводят к тому, что исторические факты получают новую интерпретацию и оценку, и в итоге влияют на восприятие некоторого глобального исторического процесса. Например, нарратив о США в контексте борьбы с Гитлером и фашизмом в некотором смысле создает основание для формирования образа США как страны, победившей фашизм.

Нарративный характер истории локального общества, цивилизации приводит к разрушению исторической памяти, утрате традиционных духовных ориентиров и патриотических ценностей и к разрыву связи со своим народом. Логика развития глобального мира не предполагает существование локально-национальных историй, так как они не способствуют формированию его внутреннего единства, поэтому они все чаще замещаются нарративами.

Принимая во внимание, что глобализация – это не только идеология, но и процесс, в который вовлечен и институт патриотизма, отметим, что под давлением глобализации он приобретает некоторые особенности. На наш взгляд, наиболее знаковыми являются денационализация и дисперсность патриотизма. Денационализация как особенность патриотизма обусловлена во многом активными миграционными процессами и культурными взаимодействиями [3, с. 121]. В самом общем виде данная особенность проявляется в изменении объекта ценностного патриотического отношения.

Под дисперсностью (от лат. *dispersus* – «рассеянный, рассыпанный») патриотизма мы понимаем дробность патриотических ценностей и неравномерность их проявления в различных социальных группах, прежде всего, выделяемых по уровню дохода, обладанию ресурсами власти, образованию, возрасту. На наш взгляд, данные социальные группы с учетом их внутренней структуры являются наиболее яркими маркерами влияния глобализации в данном контексте на ценностное отношение граждан в рамках института патриотизма.

Обозначенные особенности проявления патриотизма в условиях глобализации, безусловно, свидетельствуют о его трансформации. Однако, нам представляется, что общественная потребность в данном социальном институте сохраняется, поскольку социокультурный и общественно-политический потенциал патриотических ценностей представляется очевидным и достаточно сильным, чтобы стать не только «национальной идеей, объединяющей граждан многонациональной страны» [7], но и основанием для взаимодействия государств и народов «многополярного мира», концепцию которого предложила Россия.

Список литературы:

1. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с. – Текст: непосредственный.
2. Гранин, Ю. Д. Глобализация : эрозия национальной идентичности / Ю. Д. Гранин. Текст : электронный // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 142–153. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2015_1/pdf/142-153.pdf. – (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.
3. Мохов, В. П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации / В. П. Мохов. – Текст : непосредственный // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 115-128.

4. Мухаев, Р. Т. Глобализация и поиск национальной идентичности: в поиске новых форм репрезентации / Р. Т. Мухаев // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 1. – С. 199–215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-poiskah-novyh-form-reprezentatsii/viewer> (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.
5. Наливайченко, И. В. Специфика патриотизма в условиях культурной глобализации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Наливайченко Ирина Владимировна; Донской государственный технический университет. – Ростов-на-Дону, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный
6. Павлов, А. В. Патриотизм : социально-философский подход / А. В. Павлов // Философия и современность. – 2018. – 2. – С. 83–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-sotsialno-filosofskiy-podhod> (дата обращения : 08.11.2025). – Текст: электронный.
7. Сакун, С. А. Историко-философский аспект патриотизма / С. А. Сакун, А. Н. Игнотенко // Международный научный журнал «Символ науки». – 2022. – № 4–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-aspekt-patriotizma/viewer> (дата обращения 08.11.2025). – Текст: электронный.
8. Шулугина, Г. А. Патриотизм и ценности глобализации / Г. А. Шулугина. – Текст: непосредственный // Концептуальные основы российского патриотизма и стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 23–24 апреля 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. – С. 64–67.

References:

1. Beck, U. Cosmopolitan worldview / U. Beck. – M.: Center for Post-Industrial Society Research, 2008. – 336 p. – Text: direct.
2. Granin, Yu. D. Globalization: the erosion of national identity / Yu. D. Granin. Text : electronic // The age of globalization. – 2015. – No. 1. – pp. 142-153. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2015_1/pdf/142-153.pdf. – (date of access: 11/08/2025). – Text : electronic.
3. Mokhov, V. P. Patriotism and the politics of memory in the context of globalization / V. P. Mokhov. – Text : direct // Technologos. – 2019. – No. 3. – pp. 115-128.
4. Mukhaev, R. T. Globalization and the search for national identity: in search of new forms of representation / R. T. Mukhaev // Knowledge. Understanding. Ability. – 2021. – No. 1. – pp. 199-215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-krizis-natsionalnoy-identichnosti-v-poiskah-novyh-form-reprezentatsii/viewer> (date of request: 11/08/2025). – Text : electronic.
5. Nalivaichenko, I. V. The specifics of patriotism in the context of cultural globalization: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Nalivaichenko Irina Vladimirovna; Don State Technical University. – Rostov-on-Don, 2011. – 24 p. – Text: direct
6. Pavlov, A.V. Patriotism : a socio-philosophical approach / A.V. Pavlov // Philosophy and modernity. – 2018. – 2. – pp. 83-94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-sotsialno-filosofskiy-podhod> (date of request : 11/08/2025). – Text: electronic.
7. Sakun, S. A. The historical and philosophical aspect of patriotism. Sakun, A. N. Ignatenko // The international scientific journal "Symbol of Science". – 2022. – No. 4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-aspekt-patriotizma/viewer> (accessed 11/08/2025). – Text: electronic.
8. Shulugina, G. A. Patriotism and the values of globalization / G. A. Shulugina. – Text: direct // The conceptual foundations of Russian patriotism and the strategy of patriotic education of the younger generation : a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Novorossiysk, April 23-24, 2021. Penza: Penza State University, 2021. pp. 64-67.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ КАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ LEGAL REGULATION OF BIG DATA AS AN INFORMATION TECHNOLOGY

ЕРМОЛАЕВ Андрей Иванович,

аспирант кафедры теории, истории государства и права

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА МИНЮСТА РОССИИ).

Азовская ул., д.2, г. Москва, 117638, Россия.

E-mail: ermolaev333@bk.ru;

ERMOLAEV Andrey Ivanovich,

Postgraduate student of the Department of Theory, History of State and Law

All-russian state university of justice (RPA MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA).

Azovskaya str., 2, Moscow, 117638, Russia.

E-mail: ermolaev333@bk.ru

Краткая аннотация. В данной статье проведён анализ правового регулирования больших данных, который показывает, что основы регулирования отношений возникающих в сфере информационных технологий существуют, но их необходимо дополнить и провести систематизацию существующих норм информационного законодательства и законодательства о персональных данных, выбрать оптимальные точки соприкосновения которые могут позитивно отразиться на развитии правового регулирования действующих правоотношений, а при необходимости его точечно доработать.

Abstract. This article analyzes the legal regulation of big data, which shows that the fundamentals of regulating relations arising in the field of information technology exist, but they need to be supplemented and systematized by existing norms of information legislation and legislation on personal data, choosing optimal points of contact that can positively affect the development of legal regulation of existing legal relations, and if necessary, its implementation. fine-tune it.

Ключевые слова: правовое регулирование, большие данные, информационные технологии, персональные данные.

Keywords: legal regulation, big data, information technology, personal data.

Для цитирования: Ермолаев А.И. Правовое регулирование больших данных как информационной технологии // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 85-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_85.

For citation: Ermolaev A.I. Legal regulation of big data as an information technology // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 85-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_85.

Статья поступила в редакцию: 08.09.2025

Широкое применение информационных технологий в обществе и государственная политика, направленная на цифровизацию экономики, стимулируют появление новых методов обработки данных. В ответ на это активно развиваются цифровые технологии, предоставляющие инновационные подходы к сбору, хранению и анализу данных. Среди этих инноваций выделяются технологии больших данных. Развитие данной Стратегии информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. технологии обработки больших данных обозначены в числе «прорывных для мировой индустрии, в которых в перспективе на 10–15 лет с высокой вероятностью может быть обеспечена глобальная технологическая конкурентоспособность России»¹.

Большие пользовательские данные представляют собой различную информацию, которая чаще всего является разнородной, собирается как правило из различных возможно доступных информационных источников, не систематизированных между собой, что на сегодняшний день является эффективным и распространённым способом автоматизированной обработки большого объема информации, где применяются современные информационные технологии. Сбор и систематизация данной информации осуществляется посредством искусственного интеллекта, что обеспечивает ее универсальность и возможность эффективного применения. Говоря о "больших данных", стоит отметить, что у этого понятия нет четкого, общепринятого определения. Согласно ряду ученых, технологии больших данных не следует воспринимать как отдельную инновационную область. Они считают, что это скорее общее название для множества уже привычных и широко применяемых в повседневной жизни технологий из различных сфер, которые не несут в себе новизны.²

Суть больших данных заключается в использовании передовых методов и инструментов для работы с гигантскими массивами данных, поступающих из различных источников, будь то структурированные или неструктурированные. Это делается для того, чтобы принимать более обоснованные управленческие решения, укреплять позиции на рынке и создавать новые, востребованные продукты.³ При этом, можно смело утверждать, что большие данные находят широкое применение в экономике, особенно в таких сферах, как банковское дело, розничная торговля и реклама. Медицинские учреждения также проявляют значительный интерес к сбору и анализу обширных данных как об отдельных пациентах, так и о группах пользователей.⁴

Правовое регулирование больших данных зачастую сводится к их пересечению с персональными данными, упуская из виду их самостоятельную природу. Это приводит к тому, что не выделяются их собственные цели, задачи, допустимые рамки сбора и обработки, а также осо-

¹О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017 г.

² Walker M., Burton B. Hype cycle for emerging technologies. Gartner research, 2015. URL: <https://www.gartner.com/doc/3100227/hype-cycle-emerging-technologies> (дата обращения: 11.12.2019).

³ Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.

⁴ Алмырзаева А.К., Костюк В.И., Невредин А.Р. Роль bigdata в современном обществе // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–3 (86–3). С. 580–582.

бые правила и ограничения работы с этой информацией. Если углубиться в этот вопрос и рассмотреть большие данные через призму информационной технологии, то можно говорить о применении п.2, ст.2 ФЗ 149, где информационные технологии являются процессами, методами поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, что непосредственным образом отражает весь заложенный смысл и технологию работы с большими данными. Применение информационных технологий в обществе, согласно пункту 2 статьи 1 Закона "Об информации", является одним из ключевых признаков правового регулирования законодательства об информации, в том числе и больших данных. Таким образом, в рассматриваемой ситуации, большие данные, будучи информационной технологией, регулируются в рамках упомянутого Закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Следует признать правоту исследователей, занимающихся данной проблемой, в том, что правовое регулирование больших данных, должно осуществляться прежде всего в наличии баланса между использованием современных информационных технологий (обработка больших данных) и защитой прав всех субъектов правоотношений, в том числе и собственников персональных данных. А.Б. Венгеров определяет правовое регулирование как механизм трансформации, где участники социальных взаимодействий обретают юридические права, обязанности и ответственность (в виде разрешений, запретов и полномочий). Активное использование этих правовых инструментов превращает их в полноценных субъектов правовых отношений.¹

Из этого следует, что правовое регулирование больших данных должно быть формой государственного вмешательства в общественные отношения. Оно призвано направлять поведение всех участников в русло, определенное правовыми нормами, устанавливая как ограничения, так и дозволения. Не менее важно, чтобы сами субъекты этих отношений понимали и принимали свои права и обязанности, прописанные в законах. Регулирование больших данных в нашей стране в первую очередь ориентируется на законодательство о защите персональных данных. Если в составе больших данных присутствуют персональные данные, то их обработка подпадает под действие этого законодательства. При этом нельзя упускать из виду, что закон об информации также содержит положения, аналогичные законодательству о персональных данных, в части обеспечения конфиденциальности, защиты частной жизни и выполнения условий соглашений между сторонами правоотношений. На мой взгляд не обходимо говорить о расширении и дополнении закона об информации, который позволил бы самостоятельно регулировать информационные технологии сбора, обработки и хранения больших данных. В эпоху больших данных мы активно используем ценную информацию повторно. Данные о покупках клиентов дают нам возможность настраивать рекламу под конкретного человека, предсказывать его дальнейшее поведение и проводить исследования рынка.²

Двигаясь в парадигме самостоятельного регулирования больших данных, можно будет не только синхронизировать регулирование больших данных с персональными данными, но и значительно раздвинуть пределы работы с большими данными, как перспективным направлением в рамках законодательства об информации. Необходимым условием развития современного законодательства будет регулирование информационных технологий больших данных, уточнение и расширение закона об информации относительно целей, задач, границ допустимого сбора, порядка синхронизации, алгоритмов обработки, правила и ограничения работы с данной информацией. Ряд исследователей видит конфликт между возможностями информационного анализа, порождаемыми большими данными, и конвенционными принципами. Это, по их мнению, ставит под сомнение эффективность и адекватность действующего законодательства о персональных данных, поскольку большие данные и право на частную жизнь несовместимы.³

Развитие цифровых информационных технологий остановить невозможно, они будут только развиваться и совершенствоваться, перетекая из больших данных, в виртуальные реальности, квантовые вычисления и т.д. На мой взгляд, здесь нужно говорить о выработке принципов и механизмов функционирования различных информационных технологий, которые будут появляться в ближайшем будущем, так как первоначальные и основные понятия в законодательстве об информации даны.

Устанавливая и применяя принципы оборота больших данных, одним из вероятных условий обработки данных может быть отраслевой принцип (банковские услуги, рекламная сфера, здравоохранение и т.д.). Законодатель одним из принципов может установить цели и задачи сбора информации больших данных в той или иной отрасли, объемы и правила, которых позволят осуществлять непосредственное реагирование при пересечении с персональными данными, где будут применяться аналогичные принципы предусмотренные в Законе о Персональных данных и Законе Об информации: конфиденциальность, недопустимость сбора личной информации, применение согласия на использование или распространение персональных данных. Если технология больших данных предполагает использование сбора для целей, которые на момент сбора информации еще были неизвестны, то должен оставаться принцип не использования их в обработке персональных данных.

В законах, регулирующих сферу информации, закреплён принцип, позволяющий свободно и законно осуществлять поиск, получение, передачу, создание и распространение информации. Этот принцип играет ключевую роль в контексте использования технологий больших данных, поскольку он обосновывает необходимость сбора максимально возможного объема данных для их последующей обработки, анализа и обнаружения неочевидных закономерностей. Ограничением здесь выступает законодательный принцип минимизации личных данных, который определяет, какой объем информации подпадает под правовую защиту.

Двигаясь в рамках данной логики и уже существующих первоначальных основ регулирования информационных технологий, будет оп-

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. - М.: Новый юрист, 1998. - С. 466.

² Соколова А.С. Влияние технологий анализа «больших данных» (big data) на законодательство о персональных данных // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием. М., 2017. С. 282–285.

³ Шилина М.Г. Big data и цифровая датификация как техносциальный феномен. К вопросу формирования научнотеоретической рамки исследования // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 60–65.

тимально применить заложенный потенциал понятий и определений, имеющихся в законодательстве об информации. В качестве иллюстрации можно привести законодательное определение сетевого адреса в законе об информации. В сетях передачи данных он служит уникальным идентификатором, позволяющим точно идентифицировать абонентский терминал или другое оборудование, являющееся частью информационной системы, при предоставлении телематических услуг связи. По сути, это IP-адрес конкретного цифрового устройства. Закон об информации определяет его как идентификатор, а в законодательстве о персональных данных его нет как идентификатора, и на практике суды подчас принимают его как идентификатор личности, а иногда и нет, хотя в техническом плане определить устройство и привязанные к нему личную информацию не составляет труда. Поэтому существует достаточно большой объем работы для систематизации и синхронизации законодательства призванного регулировать отношения, возникающие при обороте цифровых технологий.

Проведенный анализ правового регулирования больших данных показывает, что основы регулирования отношений возникающих в сфере информационных технологий существует, но не обходимо провести систематизацию норм информационного законодательства и законодательства о персональных данных, выбрать оптимальные точки соприкосновения которые могут дополнить существующее законодательство, а при необходимости его точно доработать. Разработать механизм правового регулирования больших данных который позволит с одной стороны создать фундамент для определения правил работы с разрозненными данными, а с другой стороны позволит заложить систему правового регулирования к предстоящим внедрением в жизнь новых цифровых разработок.

Список литературы:

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ № 203 от 09.05.2017 г.
2. Алмырзаева А.К., Костюк В.И., Невредин А.Р. Роль bigdata в современном обществе // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–3 (86–3). С. 580–582.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. - М.: Новый юрист, 1998. - С. 466.
4. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
5. Соколова А.С. Влияние технологий анализа «больших данных» (big data) на законодательство о персональных данных // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: материалы межвузовской научно-практической конференции с международным участием. М., 2017. С. 282–285.
6. Шилина М.Г. Big data и цифровая датификация как техносциальный феномен. К вопросу формирования научнотеоретической рамки исследования // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 60–65.
7. Walker M., Burton B. Hype cycle for emerging technologies. Gartner research, 2015. URL: <https://www.gartner.com/doc/3100227/hype-cycle-emerging-technologies> (дата обращения: 11.12.2019).

References:

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 05/09/2017.
2. Almyrzayeva A.K., Kostyuk V.I., Nevredinov A.R. The role of bigdata in modern society // Economics and entrepreneurship. 2017. No. 9-3 (86-3). pp. 580-582.
3. Vengerov A.B. Theory of the state and law: Textbook for law schools. Moscow: Novy Yurist, 1998, p. 466.
4. Savelyev A.I. Problems of the application of legislation on personal data in the era of "big data" // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2015. No. 1. pp. 43-66.
5. Sokolova A.S. The impact of big data analysis technologies on personal data legislation // Jurisprudence 2.0: a new look at law: proceedings of the interuniversity scientific and practical conference with international participation. Moscow, 2017. pp. 282-285.
6. Shilina M.G. Big data and digital datification as a technosocial phenomenon. On the issue of forming a scientific and theoretical framework of research // Socio-political sciences. 2018. No. 4. pp. 60-65.
7. Walker M., Burton B. Hype cycle for emerging technologies. Gartner research, 2015. URL: <https://www.gartner.com/doc/3100227/hype-cycle-emerging-technologies> (дата обращения: 11.12.2019).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_88

УДК 347.65

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

LEGAL CUSTOM AND THE TRANSFORMATION OF INHERITANCE RELATIONS IN THE PRACTICE OF THE VOLOST COURTS OF THE MOSCOW PROVINCE OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

МЕЛЕНТЬЕВ Андрей Витальевич,

Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

Института технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78 стр. 1.

E-mail: andrey@gazeta75.ru;

MELENTEV Andrey Vitalievich,

Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines

of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University.

78 Vernadsky Avenue, building 1, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: andrey@gazeta75.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется роль правового обычая при регулировании наследственных отношений в практике волостных судов Московской губернии конца XIX – начала XX века. На основе материалов волостного судопроизводства рассматриваются механизмы фактического действия обычных норм в условиях сохранения в крестьянской среде традиционных представлений о порядке наследования. Особое внимание уделено тому, как обычай обеспечивал гибкое разрешение конфликтов, связанных с разделом семейного имущества, определением наследственных долей и реализацией прав членов крестьянского двора. В работе выявляются тенденции применения обычного права в условиях трансформации наследственных отношений в период социально-экономических перемен конца XIX на примере Московской губернии.

Abstract. The article is about the role of legal custom in the regulation of inheritance relations in the practice of the volost courts of the Moscow province of the late XIX – early XX century. Based on the materials of the volost judicial proceedings, the mechanisms of the actual operation of customary norms are considered in conditions of preservation of traditional ideas about the order of inheritance in the peasant environment. Special attention is paid to how custom provided flexible resolution of conflicts related to the division of family property, the determination of hereditary shares and the exercise of the rights of members of the peasant household. The paper identifies trends in the application of customary law in the context of the transformation of hereditary relations during the period of socio-economic changes at the end of the 19th century using the example of the Moscow province.

Ключевые слова: правовой обычай; волостные суды; Московская губерния; конец XIX – начало XX века; наследственные отношения.

Keywords: legal custom; volost courts; Moscow province; late 19th – early 20th century; inheritance relations.

Для цитирования: Мелентьев А.В. Правовой обычай и трансформация наследственных отношений в практике волостных судов Московской губернии конца XIX – начала XX века // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 88-90. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_88.

For citation: Melentev A.V. Legal custom and the transformation of inheritance relations in the practice of the volost Courts of the Moscow Province of the late 19th – early 20th century // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 88-90. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_88.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025

Конец XIX – начало XX века стали периодом существенных изменений в крестьянской правовой культуре и практике разрешения имущественных споров, среди которых не последнее место занимают наследственные. Волостные суды, созданные как низовое звено крестьянского самоуправления, выступали ключевым институтом, в котором происходило взаимодействие между традиционными нормами и официальным судопроизводством. Анализ их решений позволяет выявить, каким образом правовой обычай в наследственных спорах трансформировался под влиянием изменений в социально-экономическом укладе, а также правовой политики государства в этот период времени. Поэтому цель настоящей работы состоит в исследовании роли правового обычая в регулировании наследственных отношений и выявлении особенностей его эволюции в волостной судебной практике Московской губернии конца XIX – начала XX века. Для достижения этой цели анализируются конкретные судебные дела, отражающие региональную специфику обычного права в сфере наследования.

Правовой обычай на протяжении конца XIX – начала XX века оставался основным регулятором наследственных отношений в крестьянской среде, несмотря на действие имперского законодательства. Нормы раздела второго III книги X тома Свода законов Российской империи [18] содержали кодифицированные положения о наследовании (ст. ст. 1104-1373), которые не распространялись на крестьян – наиболее многочисленный и социально значимый слой населения. Положение 1861 г. [14] прямо допускало применение местных традиций в вопросах наследования (п. 38 «В порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями»), что было подтверждено и последующими административно-судебными реформами. Общим принципом вплоть до 1917 года было правило ст. 107, по которому судьи должны были решать дела «либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту».

Судебная реформа 1864 года, не обладая всеобщим характером, вступила в противоречие с традиционной крестьянской правовой культурой, основанной на коллективной семейной собственности и приоритете трудового участия при формировании наследственного имущества

[19]. Контрреформы 1889 г. [15] и аграрная реформа начала XX в., направленные на разрушение общинной формы землевладения и стимулирование индивидуального хозяйства, также не привели к коренному изменению крестьянских норм о наследовании [12]. Устоявшиеся семейные структуры и обычаи продолжали определять распределение имущества [20], поскольку достижение справедливости на основе формального права возможно лишь при широкой поддержке судебных реформ со стороны общества, а не при «насаждении правосудия» [3, с. 4]. В результате традиционные наследственные практики сохраняли устойчивость вплоть до преобразований 1917 года, а обычай выступал не вспомогательным, а основным источником правовых решений для крестьян.

Волостные суды выступали посредниками между традицией и законом, обеспечивая адаптацию формального правового регулирования к реальным условиям сельской жизни [1]. В своей деятельности они опирались прежде всего на жизненные обстоятельства, фактические отношения, свидетельские показания и общинные представления о справедливости. Формальные юридические требования играли второстепенную роль, тогда как решающим считалось соответствие решения крестьянским нормам и ожиданиям. В результате суды Московской губернии, в частности, обеспечивали адаптацию официальных правовых положений к реальным условиям повседневной жизни, сохраняя доверие населения к судебной системе, обеспечивая её гибкость и соответствие крестьянскому правосознанию.

Стоит также особо отметить, что наследственные дела отражали уникальную структуру крестьянских имущественных отношений, основанных на коллективной форме владения и приоритете трудового вклада. В бытовом сознании крестьян наследование означало не просто передачу имущественного комплекса, но и продолжение хозяйственного уклада, закрепление семейной ответственности и обеспечение социальной стабильности в общинной жизни [2, с. 43]. После смерти главы семьи наследство официально не открывалось - имущество продолжало использоваться всей семьей до момента принятия решения о передаче по наследству другому владельцу или о разделе [10, с. 69]. Женщине традиционно отводилась временная и неполноценная роль в хозяйстве, поскольку её связь с семьей считалась случайной, а труд - не создающим семейного имущества, вследствие чего при разделе она могла рассчитывать лишь на вознаграждение за работу [5, с. 90].

Решения волостных судов Московской губернии между тем фиксировали обычай равных прав при разделе наследственной массы. Например, спор между Василисой Колесовой и её дядей, рассмотренный Елмановским волостным судом Можайского уезда в 1902 году, отражает типичную для конца XIX – начала XX века ситуацию, в которой мужчина из рода фактически пользовался земельным наделом [7]. Но признание за вдовой статуса наследницы отражает наследственный правовой обычай приоритета прямым потомкам умершего хозяина, несмотря на длительное фактическое владение участком со стороны родственников боковой линии.

Н. К. Бржеский подчёркивал, что в крестьянском обычном праве наследственные права родителей, супругов и незаконнорожденных детей нередко обеспечивались лучше, чем в писаном законодательстве [4, с. 102], хотя раздел имущества после смерти главы хозяйства допускался лишь с разрешения сельского схода и с обязательным учётом принципа «оставаться на старом корню» [4, с. 62], то есть сохранения непрерывности семейного хозяйства. Так, в Царицынском волостном суде в 1917 году вдова Пелагея Корягина добивалась утверждения за собой и своими детьми наследственных прав на имущество умершего в 1911 году крестьянина Ивана Корягина. Представив свидетельство о смерти мужа и описание хозяйства, переданного ей на хранение и управление как опекуну малолетних детей, она добилась подтверждения своих прав: суд утвердил за ней и её детьми наследование домов, построек, лавки, кузницы и иного имущества [9]. То есть суд, руководствуясь наследственным правовым обычаем, закрепляет передачу крестьянского хозяйства вдове и детям без завещания, обеспечивая преемственность домовладения также с участием женщины.

В. Ф. Мухин подмечал, что фактическое участие в жизни семьи, равно как и трудовое участие, образуют единый комплекс условий, на которых зиждется крестьянское наследственное право [13, с. 10]. Так, в деле Елмановского волостного суда 1896 года при разрешении наследственных споров приоритет предоставлен семье умершего хозяина, фактически проживавшей в дворе и продолжавшей хозяйство [6]. Волостной суд подтвердил, что усадебная и полевые земли должны оставаться в пользовании этого двора, что отражает действие принципа передачи земли по линии фактического проживания и концепции «двора» как неделимой хозяйственной ячейки [17, с. 11-12]. Тем самым крестьянские обычаи действительно предусматривают рациональную систему распределения наследства исходя из общего правила его неделимости.

Во второй половине XIX века обычное право постепенно изменялось под воздействием аграрных реформ, административных преобразований и ростом индивидуализации хозяйствования. Несмотря на попытки государства разрушить общинные формы владения, традиционные нормы продолжали определять правопорядок и устойчиво воспроизводились в судебной практике. В ряде дел прослеживается тенденция перехода от коллективного к индивидуальному владению, однако этот процесс развивался постепенно и сопровождался адаптацией обычая, а не его вытеснением. Например, дело братьев Мазжориных [16] показывает постепенные изменения в структуре крестьянского хозяйства. Суть спора сводилась к стремлению двух братьев, Петра и Фёдора, разделить общее наследственное имущество и перейти к двум самостоятельным хозяйствам. При участии схода было определено, что Фёдору выделяется часть общественной усадебной земли, а также обязывается перенести на новую усадьбу верхний этаж дома, сохраняя при этом несущие конструкции на месте, тогда как Пётр остаётся на первоначальном дворе. При этом раздел затронул не только строения, но и сад, полосы земли и даже отдельные кусты, что обеспечивало эквивалентность долей и соблюдение имущественного баланса, тем самым легитимировав трансформацию единого семейного владения в индивидуализированные формы. Данный случай наглядно показывает гибкость применяемого обычая: сохраняя принципы коллективного владения и роль общины как высшего арбитра, одновременно допускается переход к индивидуальному хозяйствованию, адаптируясь к меняющимся социально-экономическим условиям.

Волостные суды признавали юридическую силу письменных договоров относительно имущества, имущества, включая соглашения о пожизненном уходе, заключённые наследодателем при жизни [11, с. 55]. Например, в Игнатьевском волостном суде рассматривался спор между

Петром Коновым и его зятем Сидором Микулиным о правах на имущество умершего главы семьи. Истец требовал признать за ним наследственные права, тогда как ответчик представил удостоверенный волостью договор, по которому наследодатель при жизни передал ему дом и земельный надел в обмен на пожизненный уход и похороны. Кроме того, выяснилось, что спустя семь лет после смерти отца Пётр сам подписал добровольный отказ от претензий на имущество в обмен на 25 рублей, ссылаясь на «милость», обещанную ему в случае болезни [8]. Таким образом, при вынесении решения волостной суд руководствовался обычным правом, поддерживая тот порядок, который соответствовал представлениям общины о справедливости и надлежащем исполнении долга перед наследодателем.

Таким образом, несмотря на формальное действие государственных законов, именно правовой обычай продолжал оставаться основным регулятором наследственных отношений в сельских общинах. Анализ волостных дел Московской губернии в целом демонстрирует, что изменения, вызванные развитием земского управления и судебно-административной системы в конце XIX, привели к адаптации обычного права. Крестьянское наследование остаётся традиционным и устойчивым: обычные нормы сохраняют свою нормативную силу, приспосабливаясь к новым условиям и процессам трансформации общинного уклада. Наследственные обычаи, как показывает практика волостных судов на примере Московской губернии, отражают реальные хозяйственные и социальные потребности сельского населения, обеспечивают интеграцию обычая в государственную правовую систему.

Список литературы:

1. Алборова, А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – 29 с.
2. Безгин, В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В. Б. Безгин. – Тамбов, 2012 – 124 с.
3. Блинов, И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк / Ив. Блинова. – Пг.: Сенат. тип., 1914. – 234 с.
4. Бржецкий, Н.К. Очерки юридического быта крестьян / Исслед. Н. Бржецкого. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1902. – 185 с.
5. Гольмстен, А.Х. Юридические исследования и статьи: Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс / А.Х. Гольмстен. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – 533 с.
6. Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда 14 марта 1896 // ЦГА г. Москвы. фонд 580, опись 1, ед.хр. 16.
7. Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда 31 января 1902 // ЦГА г. Москвы. фонд 580, опись 1, ед.хр. 18.
8. Гражданское дело Игнатьевского волостного суда Богородского уезда // ЦГА г. Москвы. фонд 1112, опись 1, дело 40.
9. Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 27 июля 1917 г. // ЦГА г. Москвы. фонд 74, опись 1, дело 81.
10. Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии / П. С. Ефименко. – М.: ОГИ, 2009. – 272 с.
11. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – 3-е изд., испр. сообразно определениям новейшего законодательства - Санкт-Петербург: Н. Тиблен, 1864. – 790 с.
12. Министерство юстиции за сто лет. 1802 -1902. Исторический очерк. –СПб.: 1902 - 340 с.
13. Мухин, В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. Уложению / В. Ф. Мухин. - Санкт-Петербург: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. – 333 с.
14. Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.
15. О земских участковых начальниках: Положение от 12 июля 1889 г. Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение: Правила от 12 июля 1889 г.; О волостном суде в тех же местностях: Временные правила от 12 июля 1889 г.; О порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках: Правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.
16. Протокол сельского схода деревни Ближняя Хохловка Царицынской волости Московской губернии от 19 августа 1896 // ЦГА г. Москвы. фонд 74, опись 1, дело 63.
17. Риттих, А. А. Зависимость крестьян от общины и мира / Соч. А.А. Риттиха. - Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. - 217 с.
18. Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (дата обращения: 22.11.2025).
19. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках - СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. - URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (дата обращения: 22.11.2025).
20. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавин. - М.: Памятники исторической мысли, 2001 - 304 с.

References:

1. Alborova, A. G. Obychnoe grazhdanskoe pravo rossijskikh krest'yan vo vtoroj polovine XIX: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Alborova Anastasiya Georgievna. – Nizhnij Novgorod, 2007. – 29 s.
2. Bezgin, V. B. Pravovye obychai i pravosudie russkikh krest'yan vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka / V. B. Bezgin. – Tambov, 2012 – 124 s.
3. Blinov, I.A. Sudebnaya reforma 20 noyabrya 1864 g.: istoriko-yuridicheskij ocherk / Iv. Blinova. - Pg.: Senat. tip., 1914. – 234 s.
4. Brzheskij, N.K. Ocherki yuridicheskogo byta krest'yan / Issled. N. Brzheskogo. - SPb.: tip. V. Kirshbauma, 1902. – 185 s.
5. Gol'msten, A.KH. Yuridicheskie issledovaniya i stat'i: Obshchaya teoriya prava. Obychnoe pravo. Grazhdanskoe pravo. Torgovoe pravo. Grazhdanskij process / A.KH. Gol'msten. – SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1894. – 533 s.
6. Grazhdanskoe delo Elmanovskogo volostnogo suda Mozhaitskogo uyezda 14 marta 1896 // CGA g. Moskvy. fond 580, opis' 1, ed.khr. 16.
7. Grazhdanskoe delo Elmanovskogo volostnogo suda Mozhaitskogo uyezda 31 yanvarya 1902 // CGA g. Moskvy. fond 580, opis' 1, ed.khr. 18.
8. Grazhdanskoe delo Ignat'evskogo volostnogo suda Bogorodskogo uyezda // CGA g. Moskvy. Fond 1112, opis' 1, delo 40.
9. Grazhdanskoe delo Caricynskogo Volostnogo Suda Moskovskogo uyezda ot 27 iyulya 1917 g.// CGA g. Moskvy. fond 74, opis' 1, delo 81.
10. Efimenko P. S. Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangelskoy gubernii / P. S. Efimenko. – M.: OGI, 2009. – 272 s.
11. Mejer, D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: Chteniya D.I. Mejera, izd. po zap. slushatelej pod red. A. Vicina. - 3-e izd., ispr. soobrazno opredeleniyam novejshego zakonodatel'stva - Sankt-Peterburg: N. Tiblen, 1864. – 790 s.
12. Ministerstvo yustitsii za sto let. 1802 -1902. Istoricheskij ocherk. -SPb.: 1902 - 340 s.
13. Mukhin, V. F. Obychnyj porjadok nasledovaniya u krest'yan: K voprosu ob otnoshenii nar. yurid. obychaev k budushchemu grazhd. Ulozheniyu / V. F. Mukhin. - Sankt-Peterburg: Red. komis. po sost. grazhd. ulozheniya, 1888. – 333 s.
14. Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoj zavisimosti, utverzhdenno 19 fevralya 1861 goda // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. - Sobr. 2 - T. 36. -Otd. IV. - № 36657.
15. O zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh: Polozhenie ot 12 iyulya 1889 g. Ob ustrojstve sudebnoj chasti v mestnostyakh, v kotorykh vvedeno oznachennoe Polozhenie: Pravila ot 12 iyulya 1889 g.; O volostnom sude v tekhn zhe mestnostyakh: Vremennye pravila ot 12 iyulya 1889 g.; O porjadke privedeniya v dejstvie Polozheniya o zemskikh uchastkovykh nachal'nikakh: Pravila ot 12 iyulya 1889 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. - Sobr. 3. - T. 9. - № 6196.
16. Protokol sel'skogo skhoda derevni Blizhnaya Khokhlovka Caricynskoj volosti Moskovskoj gubernii ot 19 avgusta 1896 // CGA g. Moskvy. fond 74, opis' 1, delo 63.
17. Rittikh, A. A. Zavisimost' krest'yan ot obshchiny i mira / Soch. A.A. Rittikha. - Sankt-Peterburg: tip. V.F. Kirshbauma, 1903. - 217 s.
18. Svod zakonov grazhdanskikh // Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Tom X. Chast' pervaya. Svod zakonov grazhdanskikh. Izdanie 1900. - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (data obrashcheniya: 22.11.2025).
19. Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenij, na koikh oni osnovany / V 5 vypuskakh - SPb.: Izd. Gos. kancelyarii, 1866. - URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (data obrashcheniya: 22.11.2025).
20. Tyukavkin, V. G. Velikoruskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma / V. G. Tyukavkin. - M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001 - 304 s.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ PROCEDURAL LEGAL RESPONSIBILITY: ON THE ISSUE OF SYSTEMIC CHARACTERISTICS IN THE MODERN LEGAL REALITY

ЛАНГ Петр Петрович

Профессор кафедры, доцент

ФГАОУ ВО Самарский государственный экономический университет.

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

E-mail: petr.lang@mail.ru

LANG Petr Petrovich

Professor of the Department, Associate Professor Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: petr.lang@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена комплексному теоретико-правовому анализу процессуальной юридической ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. В работе обосновывается необходимость преодоления сложившегося в правовой доктрине дисбаланса, при котором доминирующее внимание уделяется материально-правовым аспектам ответственности в ущерб исследованию ее процессуальной составляющей. Автором предлагается развернутое доктринальное определение процессуальной юридической ответственности, выявляются детерминирующие ее генезис и легитимацию объективные факторы. В рамках системного подхода раскрываются специфические черты, составляющие юридическую уникальность данного феномена: особый нормативный источник, специфический объект посягательства, специализированный субъектный состав, процедурный характер реализации и целевая направленность. Проводится отраслевая дифференциация процессуальной ответственности, а также критически разграничиваются меры процессуальной ответственности и меры процессуального принуждения, не являющиеся ответственностью. Подробно анализируются элементы состава процессуального правонарушения, особенности санкций и функциональное назначение процессуальной ответственности в современной правовой системе. Делается вывод о том, что процессуальная ответственность представляет собой полноценный, а не вспомогательный институт, эффективное функционирование которого является императивным требованием правового государства.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal analysis of procedural legal liability as an independent type of legal liability. The paper substantiates the need to overcome the imbalance that has developed in the legal doctrine, in which the dominant attention is paid to the substantive and legal aspects of responsibility to the detriment of the study of its procedural component. The author offers a detailed doctrinal definition of procedural legal responsibility, identifies objective factors determining its genesis and legitimization. Within the framework of a systematic approach, the specific features that make up the legal uniqueness of this phenomenon are revealed: a special regulatory source, a specific object of encroachment, a specialized subject composition, the procedural nature of the implementation and the target orientation. A sectoral differentiation of procedural responsibility is carried out, as well as measures of procedural responsibility and measures of procedural coercion that are not responsible are critically distinguished. The elements of the composition of a procedural offense, the specifics of sanctions and the functional purpose of procedural responsibility in the modern legal system are analyzed in detail. It is concluded that procedural responsibility is a full-fledged, rather than an auxiliary institution, the effective functioning of which is an imperative requirement of the rule of law.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, юридическая ответственность, процессуальное правонарушение, судебный штраф, меры процессуального принуждения, состав правонарушения, цели правосудия, процессуальные санкции, неуважение к суду, процессуальная дисциплина.

Keywords: procedural responsibility, legal responsibility, procedural offense, judicial fine, measures of procedural coercion, corpus delicti, aims of justice, procedural sanctions, contempt of court, procedural discipline.

Для цитирования: Ланг П.П. Процессуальная юридическая ответственность: к вопросу о системных характеристиках в современной правовой реальности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 91-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_91.

For citation: Lang P.P. Procedural legal responsibility: on the issue of systemic characteristics in the modern legal reality // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 91-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_91.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуализация проблематики юридической ответственности в рамках общетеоретического правового дискурса сохраняет свою неизменную значимость на протяжении многих десятилетий, что обусловлено как фундаментальным характером данной категории для всей юридической науки, так и ее непосредственным практико-прикладным значением для правоприменительной деятельности [1]. Вместе с тем, в контексте классической дихотомии материального и процессуального права, традиционно доминирующее внимание исследователей было сфокусировано на анализе материально-правовых аспектов ответственности, в то время как ее процессуальная составляющая долгое время оставалась на периферии научного осмысления, зачастую редуцируясь до уровня обеспечительного механизма или факультативного элемента процедуры реализации материально-правовых санкций. Подобный подход, представляется, не в полной мере отражает комплексный и системный характер современного правового регулирования, игнорируя самостоятельную онтологию и функциональное предназначение ответственности, возникающей и реализуемой непосредственно в рамках правоотношений, опосредующих динамику юридического процесса [2].

Настоящее исследование ставит своей целью преодоление указанного теоретического дисбаланса посредством комплексного анализа процессуальной юридической ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, обладающего уникальными родовыми и видовыми признаками, детерминированными спецификой процессуальной формы.

Первоначальным и методологически ключевым шагом в рамках заявленной проблематики является операционализация базового понятийного аппарата [3]. Под процессуальной юридической ответственностью в контексте настоящего исследования предлагается понимать уста-

новленную нормами процессуального права и обеспеченную государственным принуждением обязанность субъекта процессуального правоотношения претерпевать определенные негативные последствия в виде лишений личного, организационного или имущественного характера за совершенное им нарушение процессуальных обязанностей, заключающееся в виновном противоправном действии или бездействии, посягающем на нормальное функционирование юрисдикционного процесса, интересы его участников или публичный правопорядок в сфере отправления правосудия. Данное определение позволяет отграничить процессуальную ответственность от смежных правовых явлений, таких как меры процессуальной защиты или меры пресечения, которые, хотя и могут носить обеспечительный или ограничительный характер, не обладают признаком карательности и ретроспективности, имманентным именно ответственности как реакции на совершенное правонарушение.

Генезис и легитимация процессуальной ответственности как самостоятельного теоретического конструкта обусловлены рядом объективных факторов. Во-первых, процессуальные правоотношения, будучи самостоятельным видом общественных отношений, урегулированных правом, обладают собственным регулятивным массивом – нормами процессуального права, за нарушение которых неминуемо должна следовать адекватная правовая реакция. Отсутствие таковой девальвирует императивный характер процессуальных предписаний, ставя под сомнение саму возможность эффективного функционирования любой юрисдикционной процедуры. Во-вторых, субъекты процессуальных правоотношений (суд, стороны, третьи лица, эксперты, свидетели, переводчики и др.) наделяются строго определенным комплексом процессуальных прав и обязанностей, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых создает прямые препятствия для достижения целей правосудия – вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. Следовательно, санкционирование таких нарушений является не технической, а сущностной необходимостью. В-третьих, материально-правовая ответственность (гражданско-правовая, административная, уголовная) в подавляющем большинстве случаев не может быть адекватным ответом на чисто процессуальные деликты, такие как неявка в суд без уважительной причины, нарушение порядка в судебном заседании, неисполнение распоряжения председательствующего, дача заведомо ложных показаний экспертом или свидетелем, несоблюдение процессуальных сроков. Характер и тяжесть подобных нарушений требуют специализированной, соразмерной и оперативной реакции, которая обеспечивается именно институтом процессуальной ответственности.

Системный анализ позволяет выявить специфические черты, составляющие юридическую уникальность процессуальной ответственности. К таковым, в частности, относятся: 1) Особый нормативный источник: основанием возникновения является нарушение именно норм процессуального права (гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовно-процессуального, административного судопроизводства), в отличие от материально-правовых деликтов. 2) Специфический объект посягательства: процессуальная ответственность охраняет не материальные блага (жизнь, здоровье, собственность), а публичный интерес в надлежащем отпращивании правосудия, а также частные интересы участников процесса, связанные с соблюдением установленной процедуры, гарантиями их процессуальных прав и обеспечением процессуальных гарантий. 3) Специализированный субъектный состав: субъектами ответственности могут выступать исключительно участники соответствующего судопроизводства, наделенные процессуальной правосубъектностью. 4) Процедурный характер реализации: применение мер процессуальной ответственности, как правило, осуществляется непосредственно в ходе процесса, часто тем же юрисдикционным органом (судом), который ведет производство по делу, и в упрощенной процедуре, без возбуждения отдельного дела. 5) Целевая направленность: основной целью является не столько кара или исправление правонарушителя, сколько обеспечение нормального хода процесса, восстановление нарушенного процессуального правопорядка и предупреждение будущих процессуальных нарушений.

В контексте видовой дифференциации процессуальная ответственность проявляется в различных отраслевых модификациях, каждая из которых обладает собственной природой. В гражданском и арбитражном процессе наиболее яркими примерами являются судебные штрафы, налагаемые за неисполнение обязанностей, прямо предусмотренных процессуальным законом (непредставление истребуемого судом доказательства, неисполнение судебного поручения, неявка в суд и т.д.). В уголовном судопроизводстве спектр мер процессуальной ответственности шире и включает в себя такие санкции, как денежное взыскание за нарушение порядка в судебном заседании, привод для лиц, уклоняющихся от явки в суд или к следователю, а также специальные последствия для подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в виде избрания или изменения меры пресечения в связи с их ненадлежащим поведением. Административное судопроизводство также предусматривает институт судебных штрафов за неисполнение процессуальных обязанностей. Отдельного внимания заслуживает ответственность за неуважение к суду, являющаяся комплексным институтом, направленным на защиту авторитета судебной власти и пресечение любых действий, унижающих достоинство суда или создающих препятствия для осуществления правосудия.

Ключевым элементом состава процессуального правонарушения, как и любого иного деликта, является его объективная сторона, которая может выражаться как в действии (например, подача заведомо недопустимого ходатайства с целью затягивания процесса), так и в бездействии (не-сообщение о перемене адреса во время производства по делу, повлекшее неполучение судебной корреспонденции). Обязательным условием привлечения к процессуальной ответственности является установление вины нарушителя, которая, однако, в силу специфики процессуальных отношений, в ряде случаев может презюмироваться [4]. Например, лицо, не явившееся в суд, обязано доказать уважительность причин своей неявки, в противном случае его поведение квалифицируется как виновное. Субъективная сторона может характеризоваться как умыслом, так и неосторожностью [5].

Особую теоретическую и практическую проблему представляет собой разграничение процессуальной ответственности и мер процессуального принуждения [6], не являющихся ответственностью. К последним относятся, в частности, меры пресечения в уголовном процессе (подписка о невыезде, домашний арест, заключение под стражу), обеспечительные меры в гражданском и арбитражном процессе (наложение ареста на имущество, запрет совершать определенные действия). Их принципиальное отличие заключается в превентивной, а не карательной направленности. Они применяются не за совершенное правонарушение, а для предотвращения возможных будущих нарушений, обеспечения исполнения будущего су-

дебного акта или нормального хода производства по делу. Таким образом, основанием их применения является не состав процессуального правонарушения, а наличие достаточных данных полагать, что без применения таких мер будут созданы препятствия для правосудия.

Вопрос о санкциях в механизме процессуальной ответственности требует отдельного рассмотрения. Санкции процессуальных норм, предусматривающие ответственность, носят, как правило, относительно-определенный характер, предоставляя суду дискреционные полномочия по их применению с учетом конкретных обстоятельств дела, характера и тяжести нарушения, личности нарушителя. Это обусловлено необходимостью обеспечения принципа индивидуализации ответственности и соразмерности налагаемого взыскания совершенному проступку [7]. Наиболее распространенной санкцией является судебный штраф, размер которого может варьироваться в установленных законом пределах. Помимо имущественных лишений, к мерам процессуальной ответственности могут относиться и лишения организационного характера, такие как удаление из зала судебного заседания, ограничение в процессуальных правах (например, отложение выступления при нарушении порядка в зале судебного разбирательства), а в исключительных случаях – принудительный привод.

Процессуальная ответственность выполняет в правовой системе ряд значимых функций. Карательная (репрессивная) функция выражается в претерпевании правонарушителем установленных законом лишений. Правовосстановительная (компенсационная) функция направлена на устранение последствий нарушения, восстановление нормального хода процесса и нарушенных прав других участников. Воспитательная (превентивная) функция призвана формировать у участников процесса уважительное отношение к установленной процедуре, стимулируя их к добросовестному исполнению своих обязанностей; она подразделяется на частную превенцию (предотвращение повторных нарушений со стороны самого правонарушителя) и общую превенцию (предупреждение аналогичных нарушений со стороны иных участников процесса). Обеспечительная (регулятивная) функция заключается в создании правовых гарантий реального исполнения процессуальных предписаний и достижения целей судопроизводства.

В заключение необходимо констатировать, что процессуальная юридическая ответственность представляет собой не производный или вспомогательный институт, а полноценный, самостоятельный вид юридической ответственности, обладающий собственным основанием возникновения, специфическим составом правонарушения, автономной системой мер государственного принуждения и четко очерченными целями и функциями. Ее существование и эффективное функционирование являются императивным требованием современного правового государства, основанного на верховенстве права и обеспечивающего доступ к справедливому правосудию. Дальнейшее теоретическое осмысление и доктринальная разработка проблем процессуальной ответственности, включая унификацию ее оснований и мер в различных видах судопроизводства, совершенствование процедуры ее применения и защиты прав привлекаемых к ней лиц, являются перспективными направлениями для научных изысканий, способствующих оптимизации всего механизма правового регулирования и повышению уровня процессуальной культуры в целом. Так справедливо отмечается в литературе, при высоком уровне правовой культуры индивид с успехом осознаёт опасность и вред своего противоправного деяния, его негативный характер как для себя, так и для общества в целом [8]. Игнорирование же самостоятельной природы данного феномена ведет к формированию неполной и искаженной картины системы юридической ответственности, а на практике – к ослаблению процессуальной дисциплины и снижению эффективности отправления правосудия.

Список литературы:

1. Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности / Д. А. Липинский, Н. В. Макареико, А. А. Фомин [и др.]. – Москва : РИОР, 2021. – 387 с. – ISBN 978-5-369-02078-4. – DOI 10.29039/02078-4. – EDN SDCBXY.
2. Липинский, Д. А. Межотраслевой институт процессуальной ответственности / Д. А. Липинский // 2020 - Современная кодификация гражданского законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции : материалы VII Симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса», Казань, 25–26 сентября 2020 года. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С. 90–95. – EDN FOMYSW.
3. Исаев, Э. Е. Методологические основы современной правовой процессуальной политики России: общетеоретический аспект / Э. Е. Исаев // Актуальные вопросы права, экономики и управления : Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Ульяновск, 25 апреля 2025 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 27–29. – EDN MFLHSZ.
4. Макареико, Н. В. Проблемы установления пределов процессуальной ответственности / Н. В. Макареико, Д. А. Липинский // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 107–118. – DOI 10.24031/2226-0781-2021-11-1-107-118. – EDN SGEFFU.
5. Осипов, Д. Д. Атрибутивные и содержательные параметры криминалистической идентификации / Д. Д. Осипов // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 24 октября 2024 года. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2024. – С. 244–247. – EDN CXYPDX.
6. Исаев, Э. Е. Проблемы реализации превентивной функции современной правовой процессуальной политики / Э. Е. Исаев // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 июня 2025 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 320–322. – EDN YTOHXY.
7. Рыбаков О. Ю. Стратегия правовой политики России / О. Ю. Рыбаков // Юридическое образование и наука. – 2015. – № 1. – С. 30–33. – EDN TKWETF.
8. Малько, А. В. Реализация юридической ответственности в правосознании и правовой культуре / А. В. Малько, Д. А. Липинский, Р. С. Маркунин // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 5–18. – DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18. – EDN LQPJDE.

References:

1. Problems of interaction between legal responsibility and the mechanism of ensuring national security / D. A. Lipinsky, N. V. Makareiko, A. A. Fomin [et al.]. – Moscow : RIOR, 2021. – 387 p. – ISBN 978-5-369-02078-4. – DOI 10.29039/02078-4. – EDN SDCBXY.
2. Lipinsky, D. A. Interdisciplinary Institute of Procedural responsibility / D. A. Lipinsky // 2020 - Modern codification of civil procedural legislation: influence on the legal system, legal science and the formation of a comfortable jurisdiction : proceedings of the VII Symposium of the journal "Bulletin of Civil Procedure", Kazan, September 25-26, 2020. Kazan: Kazan University Press, 2020, pp. 90-95. – EDN FOMYSW.
3. Isaev, E. E. Methodological foundations of modern legal procedural policy in Russia: a general theoretical aspect / E. E. Isaev // Current issues of law, economics and management : Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, postgraduates and Young Scientists with international participation, Ulyanovsk, April 25, 2025. Cheboksary: Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2025. pp. 27-29. EDN MFLHSZ.
4. Makareiko, N. V. Problems of establishing the limits of procedural responsibility / N. V. Makareiko, D. A. Lipinsky // Bulletin of Civil Procedure. – 2021. – Vol. 11, No. 1. – pp. 107-118. – DOI 10.24031/2226-0781-2021-11-1-107-118. – EDN SGEFFU.
5. Osipov, D. D. Attributive and substantive parameters of criminalistic identification / D. D. Osipov // Russian science: actual research and development : Collection of scientific articles of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, October 24, 2024. Samara: Samara State University of Economics, 2024. pp. 244-247. EDN CXYPDX.
6. Isaev, E. E. Problems of implementing the preventive function of modern legal procedural policy / E. E. Isaev // Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects : Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Cheboksary, June 16, 2025. – Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2025. – pp. 320-322. – EDN YTOHXY.
7. Rybakov O. Y. Strategy of legal policy of Russia / O. Y. Rybakov // Legal education and science. – 2015. – No. 1. – pp. 30-33. – EDN TKWETF.
8. Malko, A. V. The realization of legal responsibility in legal awareness and legal culture / A. V. Malko, D. A. Lipinsky, R. S. Markunin // Law enforcement. – 2022. – Vol. 6, No. 3. – pp. 5-18. – DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18. – EDN LQPJDE.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_94

УДК 340.11:342.5:004

ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ПОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КВАНТОВОЙ ПАРАДИГМЫ: ПАРАДОКСАЛЬНОЕ УСИЛЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ INFLUENCE ON LEGAL THINKING AND LEGAL COGNITION OF MODERN TECHNOLOGIES AND THE QUANTUM PARADIGM: PARADOXICAL ENHANCEMENT MORALITY AND HUMANITY

МАКОВСКАЯ Полина Николаевна,

Стажёр адвоката, Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право».

344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96.

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru;

MAKOVSKAYA Polina Nikolaevna,

Advocate's intern Rostov regional Collegium of advocates "Business and Law".

344003, Russia, Rostov-on-Don, Lermontovskaya Street 94/96

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена описанию влияния на правовое мышление и правовое познание человека таких атрибутов сегодняшнего интеллектуально-рассудочного пласта реальности, как цифровые технологии и квантовая парадигма. При рассмотрении цифровых технологий особое внимание уделяется экспансии искусственного интеллекта как провокационного фактора, призывающего делегировать ему для решения индивидуальные морально-этические проблемы каждого индивида. Показано, что последовательное применение правового мышления и правового познания парадоксальным образом приводят к усилению роли нравственности и человечности, которые относятся не к цифровому, а классическому аналоговому миру.

Abstract: The article is devoted to describing the influence of such attributes of today's intellectual and rational layer of reality as digital technologies and the quantum paradigm on human legal thinking and legal cognition. When considering digital technologies, special attention is paid to the expansion of artificial intelligence as a provocative factor that encourages individuals to delegate their individual moral and ethical problems to it. It is shown that the consistent application of legal thinking and legal cognition paradoxically leads to an increase in the role of morality and humanity, which belong to the classical analog world rather than the digital world.

Ключевые слова: правовое мышление, правовое познание, цифровые технологии, искусственный интеллект, квантовая теория, Вселенная, нравственность.

Keywords: legal thinking, legal knowledge, digital technologies, artificial intelligence, quantum theory, the Universe, morality.

Для цитирования: Маковская П.Н. Влияние на правовое мышление и правовое познание современных технологий и квантовой парадигмы: парадоксальное усиление нравственности и человечности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 94-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_94.

For citation: Makovskaya P.N. Influence on legal thinking and legal cognition of modern technologies and the quantum paradigm: paradoxical enhancement morality and humanity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 94-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_94.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Правовое мышление является одним из важнейших среди понятий гносеологической направленности в юриспруденции и выступает как центр интеллектуальной составляющей юридического познания.

Правовое мышление представляет собой нравственно и когнитивно окрашенные навыки и приемы мыследеятельности человека, закрепленные в его сознании, позволяющие видеть жизненно-правовую проблему, осуществлять постановку задачи действовать (или бездействовать), проводить анализ ситуации и возможных действий (бездействий) в ней с общественно-ретроспективной и индивидуально-эсхатологической точек зрения, а также реализовывать юридически и морально значимые поступки. Различные аспекты правового мышления и правового познания рассмотрены в работах [1], [2], [3].

Правовое мышление, как и правовое познание, являются отражением не только базовых, веками формировавшихся представлений человечества о законности и справедливости в высоком смысле этих слов, в их мировоззренческом прочтении, в виде кальки с осознаваемого бездефектным мироустройства Вселенной: «и увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1:25).

Правовое мышление, как и правовое познание, также несут на себе отпечаток всего научного и интеллектуального массива информации, доступного современному человеку, они неизбежно подвержены влиянию современного искусства (в дополнение к его классическим основам), а также новых научных теорий, иногда существенно меняющих научную парадигму, представляющую собой цельную совокупность философских идей, методологических подходов и рассудочных понятий, которые позволяют более адекватно описывать мир по сравнению с предыдущей системой взглядов [4].

Безусловно, в настоящее время главное мироопределяющее место в новой научной парадигме занимает квантовая теория и формирующаяся наука искусственного интеллекта (ИИ) [5], [6]. В связи с этим, по вполне обоснованным причинам, многие ученые выражают тревогу в связи с риском дегуманизации права как общественного института и индивидуальных правового мышления и правового познания каждого индивида.

Гипотетическое наделение ИИ правосубъектностью, что является предметом обсуждения специалистов, привело бы не просто к появлению «электронного судьи», но и к девальвации таких понятий, как честь и порядочность, ибо «цифровая совесть» и «киберэмпатия» в про-

странстве «электронного правоприменения» будут не более чем напоминанием о том, что ранее за этими понятиями стоял человек, со всеми его проблемами и чаяниями, как центр всего сущего.

Тем не менее, автор настоящей статьи собирается показать, что последовательное, без передергиваний и спекуляций, применение положений квантовой теории и науки об ИИ некоторым парадоксальным образом не только не приводит к уменьшению роли индивида в цифровом мире, а наоборот, приводит к возвеличиванию человека и усилению роли его сознания и совести как основы Мироздания.

Квантовая теория, которая в начале XX века формировалась как экспериментальная наука об элементарных частицах (электроны, фотоны), в настоящее время является, по существу не столько физической теорией, сколько философской рефлексией об устройстве Мироздания.

Пожалуй, ни одно из положений квантовой теории не вызывает столько споров и не вызывает таких тектонических сдвигов в теориях других социогуманитарных наук, как положение о неустранимом и фундаментальном воздействии сознания наблюдателя на результат некоторого события (на языке квантовой теории – на результат измерения; на исход опыта и др.) [7], [8]. Следует обратить внимание, что речь идет о влиянии на результат события именно сознания человека, а не его суррогата в любом виде, в том числе в виде «псевдосознания» искусственного интеллекта.

Фундаментальную и поистине космическую важность для Вселенной именно человека с его творческим сознанием подчеркивает научная школа, созданная Д.А. Уилером, учеником великого Нильса Бора. Наиболее радикальным утверждением ученых научной школы Д.А. Уилера является следующее положение: человек и человеческое сознание не случайно возникли во Вселенной. Их существование носит принципиально важный смысл для Вселенной, поскольку именно сознание человека при наблюдении им всех явлений этого мира вызывает редукцию волновой функции Вселенной, что является вообще условием ее существования [9], [10], [11]. Данное утверждение Д.А. Уилера трудно переоценить, поскольку оно по своему мировоззренческому наполнению превосходит любые известные формулировки так называемого антропного принципа.

Другой концепцией квантовой теории, которая революционизировала сегодняшнюю парадигму, является положение о неустранимой взаимосвязи любых объектов во Вселенной, которые когда-либо взаимодействовали в прошлом. Такая взаимосвязь на языке квантовой теории описывается термином запутанность (entanglement) и детерминирована тем, что несмотря на время и (или) расстояние, разделяющее некогда связанные изделия, их поведение во времени и пространстве описывается единой волновой функцией.

Ученые подчеркивают безэнергетический и «не-силовой», информационный характер такого взаимодействия. Когда академик А.Д. Александров в журнале «Доклады Академии наук» пояснял существо такого информационного взаимодействия, он приводил следующий пример, имеющий юридическую «окраску»: если в другом городе погибает муж женщины, то она становится вдовой мгновенно, независимо от расстояния между городами. Наверное, в этом месте излишне указывать на антропоориентированность entanglement – феномена, который исследователями вполне обоснованно рассматривается как физическая основа существования души, морали и нравственности [13], [14]. Отметим примечательный факт, связанный с феноменом информационного «не-силового» взаимодействия: его мгновенное дальнее действие. Подчеркнем, что при этом не происходит нарушения фундаментального физического ограничения в виде невозможности достижения сверхсветовой скорости, ибо оно накладывается только на передачу энергии или массы. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что именно для сознания человека существует потенциальная возможность свехсветового информационного обмена.

Квантовая физика открыла для человечества еще один методологический принцип, который применим не только к физическим явлениям, а именно: принцип дополнительности Нильса Бора, который является общенаучным гносеологическим подходом. Бор считал, что принцип дополнительности может быть применим всегда, когда мы оперируем понятиями, где вынуждены разделять единое на субъект и объект [15, стр. 53].

Исследователи обобщают действие принципа дополнительности Н.Бора на такие сферы, которые весьма далеки от квантовой механики, но где возможны рациональная и иррациональная оценка событий и фактов [16].

Обобщенный принцип дополнительности Н.Бора можно сформулировать так: исчерпывающее и всестороннее описание какого-то сложного явления или процесса возможно только с двух дуальных (противоположных) методологических позиций.

Применительно к правовому мышлению и правоприменительной практике, принцип дополнительности можно изложить следующим образом: ситуацию, которая стала предметом судебного разбирательства, достаточно всесторонне и с учетом всех принципиальных аспектов можно описать только с двух позиций: с позиции формально-логического применения норм закона и с позиции использования морально-этических правил, которые принципиально не поддаются алгоритмизации и воплощению в программе.

Надо заметить, что использование принципа дополнительности Бора в правоприменительном приложении доступно только человеку и принципиально не доступно ИИ. Дело в том, что только человек-судья способен оценить конкретную ситуацию с двух дуальных позиций, взаимно дополняющих друг друга (в Боровском смысле): с точки зрения закона как формально-логической системы, и с нравственно-этической точки зрения, используя для этого судебское усмотрение.

Искусственный интеллект, наверное, первую из этих оценок (формально-логическую) способен выполнить быстрее человека, используя для обоснования своей позиции гораздо большее число документов (не только нормативные акты, но и массив судебной практики по аналогичным делам, аналитические материалы и т.д.). Но при этом ИИ принципиально не способен на выполнение второй оценки, ибо морально-этические категории и судебское усмотрение находятся вне его функционала.

Таким образом, ИИ может быть лишь помощником судьи при выполнении им первой оценки. ГОСТ 71476-2024 «Искусственный ин-

теллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» недвусмысленно определяет, что при этом происходит «объединение человека и машину в команду» [17, п. 5.13]. Важно подчеркнуть, что указанный нормативный документ рассматривает ИИ не как самостоятельного актора, а как компьютерную систему расширения когнитивных возможностей человека и усиления его интеллекта (intelligence augmentation) [17, п. 5.13]. Очевидно, что осознание и принятие этих положений весьма существенным образом должны «сместить» правовое мышление и правовое познание человека к антропоцентрическому полюсу.

Вообще, с использованием искусственного интеллекта в правоприменении связан, помимо неспособности ИИ к реализации судейского усмотрения, еще ряд проблем, которых стараются не замечать поборники неограниченного использования ИИ. Доходит до призыва обеспечить для ИИ бесперебойную поставку электроэнергии, а далее, якобы, «электронный судья» выполнит все функции по отправлению правосудия автономно и без сбоев, присущих человеку.

Но ИИ принципиально плохо обрабатывает не только человеческую речь или неформализованные документы с их подтекстом, идиоматикой и скрытым смыслом. Для ИИ представляют сложности также использование в правоприменении нестрогих оценочных понятий, которые массово присутствуют в нормативных юридических документах, такие как «грубое нарушение», «уважительные причины», «недобросовестные действия», «малозначительность» и др. [18].

Следует обратить также внимание на то, что принцип «tres faciunt collegium» применительно к «электронным судьям», в отличие от человека, не имеет никакого смысла, ибо расширение состава коллегии «электронных судей» не приведет к расширению взгляда на существо судебного разбирательства, так как заложенные в ИИ алгоритмы синхронно придут к одинаковым решениям. Этот же изъян относится и к использованию ИИ в судебной иерархии: использование одних и тех же программ в судах различных инстанций автоматически сделает бессмысленным рассмотрение дел с использованием ИИ в вышестоящей инстанции. Обнажение этой ущербности ИИ (хотя бы даже только в правоприменительном поле) для человека - объективного познавателя бытия, является фактором существенного усиления роли гуманистических начал в его правовом мышлении и правовом познании.

Особой проблемой является обучение ИИ. Известно, что принципиальным аспектом для функционирования ИИ является его предварительное обучение, которое в соответствии с ГОСТ 71476-2024 [17] может осуществляться различными способами: обучение без учителя (unsupervised machine learning, п. 3.3.17), с частичным привлечением учителя (semi-supervised machine learning, п. 3.3.11) и с учителем (supervised machine learning, п. 3.3.12).

Теоретически, обучение без учителя может применяться, например, для поиска противоречий в некотором массиве документов. Автор настоящей статьи полагает, что если представить гипотетическое привлечение ИИ к отправлению правосудия (в любом качестве), то его обучение должно происходить по методу с учителем, где в качестве эталонных данных для ИИ должны предъявляться, например, решения судов, которые «устояли» во всех инстанциях. Неизменность решения суда (после прохождения его через все инстанции) будет свидетельствовать о качестве решения, принятого судом первой инстанции.

Следует отметить, что такой подход содержит скрытый методологический изъян, который автор настоящего исследования назвал парадоксом «массива эталонных дел». Парадокс заключается в том, что при таком подходе ИИ будет учиться выносить не только «правильные» и неотменяемые решения, что, в общем-то, не вызывает особых возражений.

Вместе с тем, эти решения будут обладать тем свойством, что они, как правило, будут оспариваться в судах вышестоящих инстанций. В силу нашего восприятия ИИ как «черного ящика», мы не будем знать, какие именно аспекты в эталонных решениях, являющихся для ИИ обучающими данными (отдельные формулировки, либо их комбинации) заставят ИИ после обучения выносить такие решения, которые непременно будут оспариваться, но остается непреложным факт: метод обучения на таком «массиве эталонных дел» породит судью-робота, который будет «головной болью» вышестоящих инстанций, ибо его решения всегда будут оспариваться в вышестоящих судах.

Следует также учесть, что создание такого массива «эталонных дел» по каждой из отраслей права (которая для реализации надежного обучения в смысле п. 3.5.9 ГОСТ 71476-2024 [9] должна составлять сотни тысяч томов), неизбежно осложнится известным неодинаковым подходом различных судов даже к типовым делам.

Известна также проблема алгоритмической предвзятости ИИ (смещенности решений), причем проблема имеет настолько фундаментальный характер, что ее наличие даже нашло отражение в нормативном документе ПНСТ 839-2023. «Искусственный интеллект. Смещенность в системах искусственного интеллекта и при принятии решений с помощью искусственного интеллекта» [19].

Следует отметить, что при наличии смещенности в решениях, выносимых судьей-роботом, включение в массив «эталонных дел» таких решений приведет к своеобразному «закольцовыванию» проблемы и ее усилению и неразрешимости: ИИ будет принимать в качестве обучающих данных свои же смещенные решения (или смещенные решения своих собратьев с другими заводскими номерами, но тем же дефектом).

Иногда развитие систем ИИ не совсем корректно связывают с квантовым компьютером. Действительно, квантовые компьютеры, которые в настоящее время не вышли из стадии экспериментов ни в одной стране мира и строятся на основе entanglement-битов (называемых кубитами), при их доведении до работающих образцов кардинально могут усилить и без того впечатляющие вычислительные возможности ИИ. Практической реализации квантовых компьютеров мешает их сверхвысокая чувствительность к шумам (эффект декогеренции кубитов), в связи с чем все современные ИИ реализуются на классических, «неквантовых» компьютерах.

Но обратим внимание на мысли одного из классиков квантового компьютеринга Д. Дойча. В своей книге «Структура реальности», размышляя о значении феномена жизни с позиций реализации принципа А.Тьюринга, он неожиданно приходит к выводу о фундаментальной важности

сти жизни для планеты, Галактики и всей Вселенной, поскольку именно жизнь обеспечивает физическую реализацию знаний, тогда как все компьютерные программы – это просто следствия действия жизни [20, с. 180 - 189]. Такой вывод из уст негуманитария выглядит более чем знакомым. Его введение в качестве «начальных условий» в систему общенаучных взглядов человека естественным образом на фоне сиюминутных «цифровых рекордов» ИИ повышает роль и значение общечеловеческих вечных ценностей, которые в свете концепции А.Тьюринга приобретают космическое, вселенское значение. Это теоретическое положение, при его принятии и обдумывании человеком, входит в сознании в когнитивный резонанс с библейскими текстами и общекультурным кодом, усиливая морально-этические смыслы в правовом мышлении и правовом познании индивида.

Говоря о квантовом компьютеринге, нельзя не заметить, что при неясной реализационной перспективе практического воплощения квантового компьютера (естественно, не в виде модели-прототипа, а в виде промышленного образца), существует хорошо обоснованная гипотеза о том, что человеческий мозг, по существу, уже представляет собой природный квантовый компьютер [21], [22]. Данная гипотеза основана на анализе функционирования особых структур внутри человеческого мозга, а для внешнего мира квантовоподобное свойство мозга проявляется в удивительной способности человека к решению неалгоритмизируемых задач путем озарения, инсайта и других иррационально-когнитивистских проявлений психики, недоступных для ИИ.

Рациональный метод правового мышления при этом является вторичным по отношению к иррациональному методу [23], поскольку как и любое рациональное, он «вплетен» в более широкую сеть иррационального сознания, которое воспринимает действительность, не требуя доказательств, считая логические объяснения избыточными и разрушающими онтологию явлений. Некоторое понимание большей эффективности иррационально-чувственного правового познания над рациональным правовым познанием придает взгляд на иррациональное как на систему, более открытую по отношению к внешнему миру, с выходом за дихотомию «разумное-неразумное» [24].

Исходя из изложенного выше, можно сделать общий вывод: смена типа научной рациональности, распространение квантовых подходов на все социогуманитарные науки, в том числе на сферу права, а также цифровизация всех сторон жизни общества и государства, сопровождающаяся ныне плохо управляемой экспансией ИИ, приводит в части правового мышления и правового познания незащоренного и объективного сознания к парадоксальным результатам, а именно: к безусловному усилению в этих гносеологических составляющих правового понимания и отражения роли человека (а не машины), библейского прочтения порядка и основательности, вселенского закона, а также принципов нравственности и гуманности.

И правовое мышление, и правовое познание, в конце концов, есть средства для познания высшего замысла, смысла Вселенной. Все достижения науки, включая ИИ – это лишь этапы в развитии Вселенной. Вселенная в этом контексте – не застывшая картина, а роман, смысл и значение эпизодов которого становится понятным по мере разворачивания сюжета [25].

Квантовым физикам хорошо известны слова упоминавшегося выше Д.А. Уилера по поводу познаваемости мира: «мы лишь тогда впервые поймем, как проста Вселенная, когда узнаем, какая она странная» [9, стр. 556]. Наверное, стоило бы изменить окончание фразы великого ученого и сказать: «мы лишь тогда впервые поймем, как проста Вселенная, когда узнаем, какая она человеческая».

Список литературы:

1. Овчинников А.И., Дюжиков С.А., Казачанская Е.А. Правосознание и духовно-нравственные вызовы современного общества: консервативный взгляд на возможности преодоления ценностного релятивизма // Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2025, № 1, стр. 25-31.
2. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 2017, № 2, стр. 6 – 41.
3. Азнагулова Г.М. Логическое и рациональное в познании правовой системы общества // Журнал российского права, 2025, № 7, стр. 32 – 44.
4. Разуваев Н.В. Правопонимание в условиях смены типов научной рациональности // Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024, № 1, стр. 4 – 6.
5. Пучков О.А. Проблемы влияния цифровой и квантовой среды на субъектов права // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право, 2025, № 4, стр. 714 – 723.
6. Майкова В.П., Молчан Э.М., Майков А.И. Природа виртуальной реальности: современные проблемы развития эпистемологии // Вестник российского философского общества, 2022, № 1-2, стр. 38 – 50.
7. Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук, 2005, № 4, стр. 413 – 435.
8. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и свобода воли. - в сб. Философия науки, вып.14: Онтология науки.- М.: Институт философии РАН, 2009, 276 с.
9. Астрофизика, кванты и теория относительности: Пер. с итал. / Под ред. Ф.И. Федорова. – М.: Мир, 1982, 560 с.
10. Wheeler J.A. Information, Physics, Quantum: The Search for Links. - in Complexity, Entropy and the Physics of Information. W.H. Zurek (ed.), Redwood City, CA: Addison-Wesley, Boston, 1990, pp. 354-368.
11. Дэвис П. Джон Арчибалд Уилер и конфликт идей. – в сб. Наука и предельная реальность: квантовая теория, космология и сложность/Ред. - сост.: Дж. Барроу, П. Дэвис, Ч. Харпер мл. – М. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2013, 664 с.
12. Александров А.Д. О парадоксе Эйнштейна в квантовой механике // Доклады АН СССР, 1952, № 2, стр. 253 – 256.
13. Янчиллин В.Н. Логика квантового мира и возникновение жизни на Земле. – М.: Новый Центр, 2004, 151 с.
14. Ваторопин А.С. Социология и квантовая физика: поиск новой социологической парадигмы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, 2015, № 4, стр. 72 – 80.
15. Бор Н. Избранные научные труды. Том 2. – М.: Наука, 1970.
16. Мушич-Громыко В.Г. Принцип дополнительности Н.Бора и философия ценностей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2009, № 1, стр. 168 – 172.
17. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).
18. Игнатенко В.В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой аспект // Философия права, 2025, № 2, стр. 29 – 37.
19. ПНСТ 839-2023. Искусственный интеллект. Смещенность в системах искусственного интеллекта и при принятии решений с помощью искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 ноября 2023 г. № 51-пнст.).
20. Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001, 400 с.
21. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the Universe: a review of the «Orch OR» theory // Physics of Life Reviews, 2014, 1, pp. 39 – 78.
22. Hameroff S. Consciousness, the brain, and spacetime geometry // Annals of the New York Academy of Sciences, 2001, April, pp. 74 – 104.
23. Савельева А.В. Фреймовая структура подсознательной психической деятельности // Журнал философских исследований, 2023, № 2, стр. 55 – 62.

24. Кущенко С.В. Соотношение рационального и иррационального в общественном сознании как оператор смещений и превращений (к постановке проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия, 2008, № 2, стр. 43 – 47.
25. Кирьянов Д. Человек в поисках предельного смысла Вселенной // Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви, 2023, № 2, стр. 287 – 301.

References:

1. Ovchinnikov A.I., Dyuzhikov S.A., Kazachanskaya E.A. Pravosoznanie i dukhovno-nravstvennye vyzovy sovremennogo obshchestva: konservativnyy vzglyad na vozmozhnosti preodoleniya cennostnogo relyativizma // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2025, № 1, str. 25-31.
2. Borulenkoy YU.P. Pravovoe myshlenie kak intellektual'naya sostavlyayushchaya yuridicheskogo poznaniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie, 2017, № 2, str. 6 – 41.
3. Aznagulova G.M. Logicheskoe i racional'noe v poznanii pravovoy sistemy obshchestva // Zhurnal rossiyskogo prava, 2025, № 7, str. 32 – 44.
4. Razuvaev N.V. Pravoponimanie v usloviyakh smeny tipov nauchnoy racional'nosti // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya, 2024, № 1, str. 4 – 6.
5. Puchkov O.A. Problemy vliyaniya cifrovoy i kvantovoy sredy nasub'ektoy prava // Vestnik udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo, 2025, № 4, str. 714 – 723.
6. Majkova V.P., Molchan E.H.M., Majkov A.I. Priroda virtual'noy real'nosti: sovremennyye problemy razvitiya ehpiistemologii // Vestnik rossiyskogo filosofskogo obshchestva, 2022, № 1-2, str. 38 – 50.
7. Menskiy M.B. Konceptiya soznaniya v kontekste kvantovoy mekhaniki // Uspekhi fizicheskikh nauk, 2005, № 4, str. 413 – 435.
8. Menskiy M.B. Kvantovaya mekhanika, soznanie i svoboda voli. - v sb. Filosofiya nauki, vyp.14: Ontologiya nauki.- M.: Institut filosofii RAN, 2009, 276 s.
9. Astrofizika, kvanty i teoriya otnositel'nosti: Per. s ital. / Pod red. F.I. Fedorova. - M.: Mir, 1982, 560 s.
10. Wheeler J.A. Information, Physics, Quantum: The Search for Links. - in Complexity, Entropy and the Physics of Information. W.H. Zurek (ed.), Redwood City, CA: Addison-Wesley, Boston, 1990, pp. 354-368.
11. Dehvis P. Dzhon Archibal'd Uiler i konflikt idey. - v sb. Nauka i predel'naya real'nost': kvantovaya teoriya, kosmologiya i slozhnost'/Red. - sost.: Dzh. Barrou, P. Dehvis, CH. Kharper ml. - M. - Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2013, 664 s.
12. Aleksandrov A.D. O paradokse Ehnshtejna v kvantovoy mekhanike // Doklady AN SSSR, 1952, № 2, str. 253 – 256.
13. Yanchilin V.N. Logika kvantovogo mira i vozniknovenie zhizni na Zemle. - M.: Novyy Centr, 2004, 151 s.
14. Vatoropin A.S. Sociologiya i kvantovaya fizika: poisk novoy sociologicheskoy paradigmy // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2015, № 4, str. 72 – 80.
15. Bor N. Izbrannyye nauchnyye trudy. Tom 2. - M.: Nauka, 1970.
16. Mushich-Gromyko V.G. Princip dopolnitel'nosti N.Bora i filosofiya cennostey // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova, 2009, № 1, str. 168 – 172.
17. GOST R 71476 – 2024. Iskusstvennyy intellekt. Konceptii i terminologiya iskusstvennogo intellekta (utverzhen i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 oktyabrya 2024 g. № 1550-st.).
18. Ignatenko V.V. Vnepravovyye osobennosti ocenochnykh ponyatij v prave: teoretiko-pravovoy aspekt // Filosofiya prava, 2025, № 2, str. 29 – 37.
19. PNST 839-2023. Iskusstvennyy intellekt. Smeshchennost' v sistemakh iskusstvennogo intellekta i pri prinyatii reshenij s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta (utverzhen i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 10 noyabrya 2023 g. № 51-pnst.).
20. Dojch D. Struktura real'nosti. - Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2001, 400 s.
21. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the Universe: a review of the «Orch OR» theory // Physics of Life Reviews, 2014, 1, pp. 39 – 78.
22. Hameroff S. Consciousness, the brain, and spacetime geometry // Annals of the New York Academy of Sciences, 2001, April, pp. 74 – 104.
23. Saveleva A.V. Frejmovaya struktura podsoznatel'noy psikhicheskoy deyatel'nosti // Zhurnal filosofskikh issledovaniy, 2023, № 2, str. 55 – 62.
24. Kushchenko S.V. Sootnoshenie racional'nogo i irracional'nogo v obshchestvennom soznanii kak operator smeshchenij i prevrashchenij (k postanovke problemy) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya, 2008, № 2, str. 43 – 47.
25. Kir'yanov D. Chelovek v poiskakh predel'nogo smysla Vselennoy // Nauchnyy zhurnal Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii Russkoj Pravoslavnoy Cerkvi, 2023, № 2, str. 287 – 301.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AS AN ELEMENT OF THE RULE OF LAW

ЛАЮК Инесса Рамазановна,

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., д. 149.
E-mail: roksi92@mail.ru

LAIUK Inessa Ramazanovna,

Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law Kuban State University.
350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149.
E-mail: roksi92@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются основополагающие принципы организации и функционирования прокуратуры как ключевого института обеспечения законности в правовом государстве. На основе анализа нормативно правовых актов раскрываются содержание, взаимосвязь и системное значение принципов законности, единства и централизации, независимости и гласности. Обосновывается роль прокурорского надзора в поддержании баланса между государственным контролем и защитой прав личности.

Abstract. The article examines the fundamental principles of the organization and functioning of the Prosecutor's Office as a key institution ensuring legality in the rule of law. Based on the analysis of normative legal acts, the content, interrelation, and systemic significance of the principles of legality, unity and centralization, independence, and transparency are revealed. The role of prosecutorial oversight in maintaining the balance between state control and the protection of individual rights is substantiated.

Ключевые слова: прокуратура, правовое государство, законность, единство, централизация, независимость, прокурорский надзор.

Keywords: prosecutor's office, rule of law, legality, unity, centralization, independence, prosecutorial oversight.

Для цитирования: Лаяук И.Р. Принципы организации и деятельности прокуратуры как элемент правового государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_99.

For citation: Laiuk I.R. Principles of organization and activities of the prosecutor's office as an element of the rule of law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_99.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Принципы организации и деятельности прокуратуры составляют фундаментальные основы функционирования правового государства, обеспечивая соблюдение верховенства закона, что является необходимым условием для формирования справедливого и устойчивого правового порядка, где каждый человек и каждое юридическое лицо следуют единым правовым нормам.

Выполняют важную роль в обеспечении защиты прав и свобод граждан, создавая механизмы, позволяющие своевременно обнаружить и предотвратить правонарушения. Кроме того, обеспечивают качественную юридическую поддержку и защиту интересов населения, играя ключевую роль в поддержании единства и согласованности правовой системы, что способствует укреплению правопорядка.

Прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом [1].

Статья 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет следующие принципы деятельности органов прокуратуры Российской Федерации: законности, единства, централизации, независимости, гласности [2].

Принцип законности предполагает, что все надзорные функции и иные виды деятельности органов прокуратуры должны осуществляться строго в соответствии с действующим законодательством, обеспечивая верховенство закона, соблюдение конституционных и правовых свобод граждан, обеспечивая единообразие и согласованность правовых норм и их применение.

Нарушение принципов законности со стороны прокуратуры подрывает её авторитет и эффективность, поэтому вопрос его соблюдения стоит в центре её деятельности.

Также принцип законности обязывает прокуратуру обеспечить соблюдение этого основополагающего начала внутри самих органов, создавая условия, при которых деятельность прокуратуры соответствует высшим правовым требованиям, действующим стандартам и этическим нормам. Такой подход способствует укреплению правового государства и повышает доверие граждан к институту прокуратуры как к гаранту законности и правопорядка.

Итак, можно подчеркнуть, что принцип законности определяет не только цели и основные направления деятельности прокуратуры в сфере надзора, но и устанавливает обязательство строго подчиняться закону в применении методов и средств осуществления прокурорской деятельности. Соблюдение этого принципа обеспечивает эффективность, законность и справедливость в работе прокуратуры и всей системы

правового регулирования в государстве.

Второй важнейший принцип деятельности органов прокуратуры Российской Федерации – принцип единства, который обеспечивает целостность и согласованность работы всех прокуратур, а также единую правовую политику в сфере надзора за соблюдением законов.

Каждый прокурор наделен в рамках своей компетенции едиными полномочиями и правовыми средствами для выполнения своих функций в пределах установленной юрисдикции, следуя при этом единым стандартам и требованиям, что способствует однородности и согласованности прокурорской деятельности по всей стране. Руководство системой прокуратуры осуществляется из единого центра, что позволяет координировать работу территориальных и специализированных органов, предотвращать разногласия и обеспечивать единое и последовательное применение законодательства. Такой подход способствует поддержанию стабильности и предсказуемости правовой системы, укрепляет доверие граждан к прокуратуре как институциональному гаранту соблюдения закона.

Так, принцип единства обеспечивает эффективность, слаженность и единообразие в реализации функций прокуратуры по всей территории страны, а также поддержку верховенства закона и правового порядка в масштабах всей Российской Федерации.

Принцип централизации в прокуратуре заключается в том, что все нижестоящие органы и должностные лица находятся под контролем прокуроров более высокого уровня и Генерального прокурора Российской Федерации. Приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, издаваемые Генеральным прокурором Российской Федерации по вопросам организации деятельности системы прокуратуры, являются обязательными для исполнения всеми работниками органов и учреждений прокуратуры.

Принцип централизации функционирует как механизм усиления единства и согласованности действий всей системы прокуратуры, гарантируя выполнение прокурорами своих функций на единых правовых основах.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет принцип независимости органов прокуратуры при осуществлении своей деятельности, согласно которому прокуратура действует независимо от влияния и указаний федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений. Принцип обеспечивает защиту прокурора от вмешательства со стороны, гарантирует осуществление прокурором своих функций беспристрастно и исключительно в интересах правового государства, обеспечивая верховенство закона и защиту прав граждан.

Прокуроры не могут быть членами выборных, назначаемых, создаваемых и иных органов, образуемых органами государственной власти и местного самоуправления, что является проявлением принципа независимости органов прокуратуры в отношениях с органами власти. Вовлечение прокурора в деятельность указанных органов может вызвать конфликт интересов или привести к разделению ответственности за принимаемые решения, что в свою очередь, усложнило бы выполнение прокурором своих задач по надзору за соблюдением законов и осуществлению контроля за деятельностью других органов. Возможное членство прокурора в подобных органах могло бы затруднить его независимую позицию, создать воздействие на его объективность и подорвать доверие к его беспристрастности.

Однако, допускается участие прокуроров в различных комиссиях и иных органах по согласованию в качестве консультанта или эксперта, без права принимать решения, нести ответственность за их действия или уравнивать своих функций с членами этих органов. Такое участие способствует более глубокому ознакомлению с информацией, необходимой для надзорной деятельности, и дает возможность предоставлять компетентные советы и предложения по рассматриваемым вопросам.

Недопустимость вмешательства в профессиональную деятельность прокуроров является ключевым элементом, обеспечивающим их независимость. Это условие служит важной защитой против внешних влияний, что, в свою очередь, способствует поддержанию правового порядка и справедливости. Обеспечение неприкосновенности прокурорской функции является критически важным для поддержания доверия общества к судебной системе и правоприменению в целом.

Так, ни государственные, ни иные органы или лица не могут воздействовать на прокурора с целью повлиять на его решение или выполнить определенные действия, связанные с исполнением служебных обязанностей. Любые обращения, направленные с целью давления, не должны иметь силы принуждения или влияния на прокурора. В случае попыток вмешательства к ответственности привлекаются заинтересованные лица, а их воздействие признается незаконным и неправомерным. Это создает правовую защиту прокурора, обеспечивая ему возможность исполнять свои функции беспристрастно, независимо от внешнего давления или вмешательства, что является существенным элементом обеспечения верховенства закона и справедливости.

Таким образом, данный принцип призван защищать прокурора от неправомерного влияния и сохранять его независимость, которая важна для выполнения его миссии по обеспечению законности и справедливости в обществе.

Прокурорские работники не могут быть членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности. Создание и деятельность общественных объединений, преследующих политические цели, и их организаций в органах и учреждениях прокуратуры не допускаются.

Прокурорским работникам не допускается совмещение своей деятельности с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью. Исключение составляет преподавательская, научная и иная творческая деятельность. Объем и характер совмещаемой деятельности не должны наносить ущерб качественному выполнению прокурором своих служебных обязанностей и подлежит выполнению во вне рабочее время.

Ограничения в совмещении направлены на укрепление независимости и профессиональной этики прокурорских работников и предотвращение ситуаций, когда внешние интересы или дополнительные занятия могут влиять на выполнение служебных обязанностей, что особо важно для поддержания доверия к системе прокуратуры.

Принцип гласности, регулирующий деятельность органов прокуратуры, подразумевает открытость и доступность информации о функциях и действиях как для граждан, так и для средств массовой информации. Это предполагает активное информирование общества о работе прокуратуры, повышая прозрачность и доверие. Благодаря гласности население лучше информировано о состоянии законности, о том, как органы прокуратуры защищают права и свободы граждан, а также о выявленных недостатках в их работе.

Обратная связь- важнейшая составляющая принципа гласности, так, граждане и средства массовой информации могут сообщать органам прокуратуры о фактах правонарушений, что способствует своевременному реагированию и укреплению правопорядка. Соблюдение принципа гласности влияет на повышение эффективности борьбы с правонарушениями и укрепление законности в целом.

Деятельность прокуратуры может быть открытой (гласной) лишь в той мере, в какой она не противоречит законодательству о защите прав и свобод граждан и законодательства о государственной или иной тайне.

Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента РФ от 30.11.1995 № 1203, определяет какая информация считается государственной тайной. Предметом защиты являются сведения, обладающие коммерческой или государственной ценностью, которые имеют действительную или потенциальную важность и скрыты по закону.

Согласно статье 131 Гражданского кодекса Российской Федерации информация составляет служебную или коммерческую тайну в случае, когда она имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на законном основании, и обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности [3].

Так, принцип гласности в деятельности прокуратуры реализуется в пределах, определенных законом, чтобы не нарушать права граждан на частную жизнь и конфиденциальность информации, а также в соответствии с интересами государственной безопасности.

Органы прокуратуры в рамках своих полномочий обязаны систематически и своевременно информировать различные уровни власти и общество о текущем состоянии законности в стране. Эта обязанность не только закреплена в нормативных правовых актах, но и является одним из важнейших проявлений роли прокуратуры как надзорного и координирующего ведомства в системе обеспечения правопорядка.

Обязанность информировать включает в себя роль органов прокуратуры как «хранителя» правового порядка, а также как института, который наблюдает за соблюдением законодательства на всех уровнях государственной власти, в регионах и на муниципальном уровне. Регулярное информирование необходимо для того, чтобы обеспечить своевременное реагирование на возможные нарушения закона и устранение их последствий.

Информация о состоянии законности, которую предоставляют прокуратура и ее подразделения, имеет разные формы: это могут быть короткие устные сообщения, доклады, аналитические справки, разъяснения или более подробные письменные отчеты. К примеру, в рамках ежегодных отчетов Генеральный прокурор Российской Федерации подает Доклад о состоянии законности и правопорядка в стране. Такой доклад является важнейшим документом, который представляет собой аналитический обзор текущей ситуации, включает статистические данные, оценки эффективности мер, предпринятых для борьбы с правонарушениями, и предлагает выводы и рекомендации.

Эта система обеспечивает прозрачность деятельности прокуратуры и способствует повышению уровня доверия граждан. В целом, цель этой функции- создать систему постоянного обмена информацией, которая помогает своевременно выявлять угрозы национальной безопасности, нарушения прав граждан и недочеты в работе правоохранительных и государственных органов.

Особое значение имеет ежегодное выступление Генерального прокурора РФ перед высшими государственными органами- палатами Федерального Собрания и Президентом. В этом выступлении подводятся итоги работы за прошедший год, оценивается состояние законности, правопорядка, предупреждаются возможные угрозы и вырабатываются меры по их устранению. Такой доклад обеспечивает прозрачность деятельности прокуратуры пред обществом и высшими органами власти, укрепляет легитимность и доверие к системе правового надзора.

Таким образом, принципы организации и деятельности прокуратуры выступают в качестве основополагающих элементов, формирующих целостную систему гарантий и механизмов обеспечения функционирования правового государства, способствуют поддержанию стабильности и устойчивости институциональной структуры прокуратуры, позволяя ей эффективно выполнять свои функции по надзору за соблюдением закона и правопорядка. Взаимодействие этих принципов обеспечивает баланс между различными интересами- публичными и частными, что является важным условием для достижения справедливости и законности в обществе. Только при строгом и последовательном соблюдении установленных принципов прокуратура может полноценно реализовать свою конституционную миссию- выступать в роли всестороннего «стража закона», гаранта верховенства права и защитника прав граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (последняя редакция)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide voting on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian referendum on July 1, 2020).
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" No. 2202-1 of January 17, 1992 (latest version).
3. Civil Code of the Russian Federation, No. 51-FZ, dated November 30, 1994.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_102

УДК 340.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ INTERACTION OF PUBLIC AND PRIVATE LEGAL REGIMES

МЕТЕЛЬКОВ Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России».

Московский пр-т, 149, Санкт-Петербург, 196105, Россия.

ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru;

METELKOV Alexander Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics and Information Technology Security, Associate Professor
St. Petersburg State Pedagogical University of the Ministry of Emergency Situations of Russia".

149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.

ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru

Краткая аннотация: Целью статьи является раскрытие малоизученной проблемы взаимодействия правовых режимов как системных элементов в системе права. С использованием формально-юридического и системно-структурного методов выявлена взаимосвязь частнопубличных и публично-частных правовых режимов регулирования социальных отношений. Применение правового ситуационного моделирования позволило продемонстрировать взаимосвязь правовых режимов. В результате предложено авторское понятие и определена модель правового режима как комбинаторного сочетания совокупности взаимосвязанных правовых средств, определяющих направленность правового регулирования определённого спектра общественных отношений.

Abstract. The purpose of this article is to explore the understudied problem of the interaction of legal regimes as systemic elements within the legal system. Using formal legal and systemic-structural methods, the relationship between private and public legal regimes regulating social relations is revealed. The use of legal situational modeling allowed us to demonstrate the interrelationships between legal regimes. As a result, the author proposes a unique concept and defines a model of a legal regime as a combinatorial combination of a set of interrelated legal instruments that determine the direction of legal regulation of a specific range of social relations.

Ключевые слова: правовой режим, взаимодействие, право, система, норма права.

Key words: legal regime, interaction, law, system, legal norm.

Для цитирования: Метельков А.Н. Взаимодействие правовых режимов сквозь призму символического интеракционизма // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 102-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_102.

For citation: Metelkov A.N. Interaction of public and private legal regimes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 102-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_102.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Взаимодействие публичных и частнопубличных правовых режимов, частных и публичных начал [1, с.104] в праве представляется весьма актуальной, но по-прежнему остающейся на сегодняшний день малоисследованной проблемой. Объективно на одной и той же территории может существовать и существует множество самых различных правовых режимов, между которыми объективно существуют определённые связи и, следовательно, взаимодействие [2, с.393-394].

Французский философ Э. Дюркгейм определяет взаимодействие как объединяющие связи, которые «притягивают людей друг к другу и обладают специфическими признаками» [3, с. 186]. Немецкий социолог Георг Зиммель под взаимодействием понимает взаимные воздействия людей друг на друга, обусловленные целями и интересами. В качестве регулятивного мирового принципа Зиммель принимает аксиому – «все находится со всем в каком-либо взаимодействии» [4, с.19]. Общество, по мнению ученого, не является полностью замкнутой системой или абсолютным единством. Оно появляется в итоге этих взаимодействий. Это видно и объективно, и с позиции наблюдателя. В обществе элементы постоянно взаимодействуют. Вся социальная жизнь, по мысли Зиммеля, является взаимодействием, в ней многое взаимосвязано и «судьба каждого элемента не оставляет нетронутым ни один другой элемент» [4, с.351]. Зиммель полагает, что учёным важно выяснить и понять: какие связи между элементами стоит изучать; достаточно ли они сильны, чтобы рассматривать их отдельно от остальных связей; часто ли встречается изучаемый набор связей для выявления устойчивых закономерностей. Решающим является вопрос о целесообразности с научной точки зрения такого соединения сущностей и силе взаимодействия между ними, чтобы изолированное их рассмотрение в противоположность взаимодействию каждой сущности со всеми остальными «могло обещать выдающееся по результатам объяснение» [4, с.19].

Во второй половине XX в. значительное влияние на интерпретацию гуманитарными науками сущности взаимодействия оказала теория коммуникации. Социологическая теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса интерпретирует идеи о взаимодействии в обществе с позиций коммуникативного подхода. Хабермас определяет общество как продукт коммуникации, структурируемый нормами и ценностями, а коммуникацию мыслит в качестве всеобщего и широчайшего взаимодействия «субъектов, заинтересованных в таком взаимодействии» [5, с. 82]. Исходя из представления И.И. Жбанковой, взаимодействие представляет собой обоюдосторонний, процессуальный и предметный «процесс, происходящий по меньшей мере между двумя системами» [6, с. 37] в период взаимообусловленного изменения состояний систем. Взаимообусловленность, по нашему мнению, проявляется в правой основе коммуникации. Важной идеей для рассмотрения взаимодействия правовых режимов является то, что эти режимы представлены как взаимодействие двух и более систем.

В числе трех основных сложных вопросов, которые должна решать любая правовая концепция, основоположник коммуникативной теории права профессор А.В. Поляков обоснованно выделяет «проблему правового взаимодействия (взаимообусловленного поведения) в форме взаимоотносимых прав и обязанностей» [7, с.12].

Нельзя не согласиться, что взаимозависимость и рефлексия психического, культурологического и праксиологического аспектов позволяет характеризовать не только право, но и правовой режим как один из его компонентов как психосоциокультурную целостность, создаваемую непрерывностью правовой коммуникации. Любой другой подход, как утверждает А.В. Поляков, и с этим утверждением, на наш взгляд, можно согласиться, игнорирует коммуникативную сущность права [7, с.12].

Представление о правовой жизни будет неполным, если из него исключить правовые взаимодействия [8, с.519], которые в самом общем виде правоведа определяют как разновидность социального взаимодействия, протекающего как обмен юридически значимой деятельностью субъектов права при помощи правовых (юридических) средств [8, с. 520-521].

Отраслевой режим, как писал С.С. Алексеев, отличается «известной замкнутостью» [9, с.172]. Несмотря на относительную замкнутость правовой режим не существует изолированно. Внешней средой для него могут являться другие правовые режимы, институты и отрасли права, система права. Идеи целостности, иерархичности и конвергентности можно рассматривать в качестве основных принципов взаимодействия правовых режимов. Иерархичность правовых режимов обусловлена их многоуровневостью (конституционно-правовые, комплексные, ординарные и т.п.) и сложной взаимосвязью как внутри отдельных отраслей права, так и в системе права. Содержание принципа конвергентности предполагает изменение правового режима как системы с эволюционным развитием регулируемых общественных отношений в условиях меняющейся окружающей среды или-согласно феноменологии Э. Гуссерля – «жизненного мира»[10]. Принцип иерархичности можно продемонстрировать на примере убывания юридической силы норм права, в которых отражаются конституционно-правовые режимы военного и чрезвычайного положений с одной стороны, режим контртеррористической операций с другой, режим чрезвычайной ситуации с третьей. Конституционно-правовой режим является фундаментом для отраслевых режимов. Барбин В.В. определяет конституционно-правовой режим как «особый порядок конституционно-правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние»[11, с.36] для удовлетворения интересов субъектов права. В правовом регулировании государственная власть опирается на сочетание в определенном порядке юридических средств, основанных на Конституции. В сфере конституционного права правовое регулирование происходит в рамках определенного режима, определяющего допустимый набор методов и инструментов. Состав инструментов в конституционно-правовом режиме шире, чем в других отраслях права. Он включает в себя не только нормы-принципы и учредительные акты, но и механизмы « конституционного контроля»[12, с.9], отсутствующие в иных отраслях.

Г.С. Беляева отмечает взаимопроникновение публично-правовых и частноправовых режимов и некоторое сближение «сфер публично-правового и частноправового характера» [13, с.1322]. При описании системы права с позиций отграничения публично- и частноправовых аспектов дискурс должен идти не только от отдельных отличных друг от друга «чистых» нормах и отраслях права, но публично-правовых и частноправовых составных элементах в нормах и отраслях права. Специфика сочетания этих элементов проявляется в определенной совокупности норм, в отраслевых правовых нормах и определяется особенностью регулируемых социальных отношений, целями и задачами правового регулирования, особенностями предмета и метода регулирования различных сфер социальной жизни, правоприменительным решением уполномоченного субъекта. Например, понятие юридических категорий публичных правовых режимов и частноправовых режимов воспринимается в доктрине неоднозначно. Общим является понятие «правовой режим». Правовой режим можно определить как адаптивную систему юридических средств (запретов, обязываний, долженствований, ограничений), ориентирующих правовое регулирование общественных отношений на достижение социально благоприятных целей и защиту охраняемых законодательством ценностей.

Если основы теории правовых режимов и публичных правовых режимов разработаны достаточно основательно и нашли отражение в трудах целого ряда известных российских ученых-юристов (С.С. Алексеева, Г. С. Беляевой, В. Б. Исакова, А. В. Малько, Н. И. Матузова, Э.Ф. Шамсумовой и др.), то частноправовые режимы еще находятся в начальной стадии их изучения. Сущность и роль частноправового режима в правовом регулировании социальных отношений на глубоком теоретико-методологическом уровне еще достаточно не исследована. Нарастающую актуальность указанная проблематика приобретает в связи с интенсивным становлением правоотношений в различных сферах деятельности, выделением современных правовых режимов и необходимостью совершенствования правовой системы.

В каждом правовом режиме можно четко определить базовые юридические средства, при этом одно или несколько из них выступают в качестве доминанты, определяющей характерную направленность правового регулирования. Следует также принять во внимание содержательные аспекты правового режима, так как он выражает степень юридического регулирования, существование ограничений, дозволенный уровень инициативности субъектов, пределы их самостоятельности. Законодателем уполномоченному лицу в рамках правовых режимов (например, чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции) предоставляется широкое поле возможностей осуществлять множество вариантов (комбинаций) использования запретов и ограничений в их различных сочетаниях.

Характерной чертой публично-правовой модели регулирования является установление общего запрета определенного поведения субъектов общественных отношений (возложение пассивных обязанностей), приоритетное применение «обязываний и запретов в строгом соответствии с моделью «правовая обязанность - юридическая ответственность»»[14, с. 34]. По способу воздействия публично-правовое регулирование ограничивает самостоятельность и инициативу субъектов. За неисполнение предусмотренных законом требований (запретов, ограничений) предусмотрены неблагоприятные последствия, дополнительные обременения или санкции.

Частноправовая модель правового регулирования основана на предоставлении частному лицу возможности самому определять и контролировать своё поведение. Э.Л. Сидоренко отмечает, что «в этом случае логическая схема средств правового регулирования укладывается в модель «субъективное право - юридическая гарантия». Субъективное право «формируется на основе дозволений, юридические гарантии - на основе обязываний и запретов» [14, с. 34]. В.А. Бубликом исследованы «модели сочетания частных и публичных начал» [15, с.15] в гражданско-правовом регулировании. Попытка выработки общего подхода к пониманию частноправового режима предпринималась Е.Г. Семеновой [16]. Исследователем установлено понятие и сущностные признаки частноправового режима и предложена модель такого режима как вариативного соединения комплекса правовых средств, которые определяют направленность регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Особый интерес для анализа представляет теоретическая проблема взаимодействия правовых режимов, существующих в одних и тех же пространственно-временных рамках. В условиях изменения окружающей обстановки могут меняться и структурно-динамические характеристики правовых средств. Избыточные степени вариативности выбора уполномоченным законодателем субъектом права свободы в установлении ограничительных и запретных мер в рамках правового режима предоставляют большие возможности адаптации к изменяющимся условиям внешней среды и дисциплинируют надлежащего субъекта посредством необходимости выделения альтернатив, предпочтений.

Социально-политический, информационно-технологические и иные изменения общественных отношений требует обеспечения надлежащего правового баланса в защите как публичного, так и частного интереса.

При решении задач правового регулирования социальных отношений эффективность использования правовых средств в значительной мере определяется выбором оптимального правового режима и установлением разумного соотношения таких средств. В исследованиях подчеркивается, что законодатель, устанавливая публично-правовой или частноправовой режимы, применяет правовые средства, отвечающие только «цели, задачам, характеру отношений, которые подвергаются правовой регламентации» [17, с.10].

Специфика закрепления частноправового режима проявляется в доминировании управомочивающих норм. На законодательном уровне этот режим разработан весьма схематично, а конкретизация правил частноправового режима делегируется сторонам. В случае, если законодателем не урегулировано содержание правового режима, оно наполняется соглашением его субъектов. В данных режимах при описании правил закрытый перечень не используется как приём юридической техники.

Частноправовой режим обладает присущими характерным признакам и определенным «содержанием, не сводимым к отраслевым правовым режимам» [13, с.1325] по объему и составу регулируемых отношений.

Продемонстрируем особенности взаимодействия правовых режимов на конкретных примерах коммуникации частноправовых и публично-правовых режимов. Примером частноправового режима может служить договорный режим имущества супругов, регламентированный гл. 8 Семейного Кодекса РФ. Сферой режима является сфера частноправового регулирования, включающая «имущественные и неимущественные общественные отношения с индивидуальным ... интересом» [13, с.1322]. В качестве публично-правового режима рассмотрим правовой режим контртеррористической ситуации, установленный в ст.11 Федерального закона «О противодействии терроризму». Гипотетически смоделируем следующую ситуацию. Один супруг является добропорядочным гражданином, другой – активным членом запрещенной террористической организации. В совместной собственности у них есть дом, автомобиль и другое имущество. Для задержания вооруженного супруга-террориста, готовящего совершение террористического акта проводится контртеррористическая операция и в соответствии с законом уполномоченные лица устанавливают правовой режим контртеррористической операции, на территории проведения которой оказывается совместная собственность супругов. В ходе боестолкновения дом супругов, автомобиль и другое имущество уничтожены. Можно предположить, что в доме возник пожар и все нажитое сгорело. Согласно статье 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» вред, причиненный при пресечении теракта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в теракте, возмещению не подлежит. Правомерность причинения вреда обосновывается правой оценкой действий террориста, оказавшего вооруженное сопротивление, принятием правового решения уполномоченным лицом о проведении контртеррористической операции и введении соответствующего правового режима. Вред, нанесенный части имущества супруги, если она окажется непричастной к деятельности мужа может быть возмещен государством посредством установленной процедуры. В вымышленной модели договорные нормы частноправового режима в результате взаимодействия с правовым режимом контртеррористической операции изменяются. Норма специального закона оказывается юридически сильнее кодифицированного акта.

Приведем другой пример, взаимодействия режима чрезвычайной ситуации и гражданско-правового режима земельных участков. Следует заметить, что в самом правовом режиме земельных участков удачно сочетаются нормы гражданского (частного) права, регламентирующие их экономический оборот, с нормами отраслей публичного права, упорядочивающих общественные отношения, связанные с землеустройством, мониторингом, охраной земель, возмещением убытков, земельным налогом, а также иными вопросами публично-правового характера [18, с.11-12]. Эффективность режимов в отраслях публичного и частного права, которые Г.Х. Афзалетдинова называет «исключительными» обладает определенной спецификой. В отраслях публичного права имеется отрицательный побочный эффект — ограничение прав и свобод граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Однако вводимые ограничения не сводят на нет тот положительный социальный эффект, который возникает при введении данного режима [19, с.28].

Смоделируем ситуацию. Владелец земельного участка выставил его на продажу. В период экспозиции объекта дети владельца участка где-то обнаружили бесхозную колбу с химически опасным либо радиоактивным веществом. Для ознакомления с содержимым они разбили колбу. Порывом ветра вредоносное вещество оказалось разнесенным по всему участку. После обнаружения этого факта был введен режим

чрезвычайной ситуации, в ходе ликвидации которой все насаждения и плодородный слой убраны и утилизированы в спецхранилище. Участок и строения оказались непригодными для использования по назначению на длительное время. Для усложнения модели правовой ситуации можно «наложить» дополнительные правовые режимы, например, режим закрытого административно-территориального образования, пограничный режим и другие разновидности режимов.

Частноправовой и публично-правовой режимы разграничиваются прежде всего потому, что они устанавливают разные модели регулирования отношений, отражающие особое (специфическое) сочетание правовых средств. Это можно увидеть на примере правового взаимодействия режима конфиденциальной информации, включающего оборот цифровых персональных данных, и экспериментального правового режима в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. В частности, нормы права, регулировавшие правовой режим обработки персональных данных, скоординированы законодателем с отдельными нормами экспериментального закона, в отношении обезличивания и уничтожения персональных данных.

В заключении хотелось бы акцентировать внимание на сложности механизма правового взаимодействия правовых режимов и малоизученности этой проблемы. Использование социально-правового подхода к рассмотрению взаимодействия правовых режимов позволяет изучить такое взаимодействие путем построения коммуникации между отдельными субъектами права на основе права.

Список литературы:

1. Ковязин В.В. О взаимодействии частных и публично-правовых начал в регулировании общественных отношений // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2005. №2. С. 104-109.
2. Метельков А.Н. Межсистемные связи в системе права // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 3. С. 389-396.
3. Дюркгейм, Э.О. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э.О. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. 352 с.
4. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. - М.: СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
5. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст] / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2008. 89 с.
6. Жбанкова И. И. Проблема взаимодействия: философский очерк. Минск, 1971. 142 с.
7. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии. А.В. Полякова. — СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. юрид. фак., Питер-Принт, 2003. 154 с.
8. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2016. 54 с.
9. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб.-2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 576 с.
10. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — Мн., М., 2000. 752 с.
11. Барбин В.В. Конституционно-правовой режим: понятие и содержание // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №3. С.35-38.
12. Беляева Г.С., Капустина И.Ю., Белоусова К.А. Конституционно-правовой режим как разновидность отраслевых правовых режимов: теоретико-правовой ракурс // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 7-10.
13. Беляева Г.С. К вопросу о сущности, содержании и особенностях нормативно-правового закрепления частноправового режима // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7. С.1321-1326.
14. Сидоренко Э. Л. Предмет и метод диспозитивного режима уголовно-правового регулирования: монография. - Москва: РПА Минюста России, 2011. 206 с.
15. Бублик В.А. Публично-и частноправовые начала в гражданско-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 35 с.
16. Семенова Е. Г. Понятие и содержание частноправового режима // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2023. - № 4. С. 74-79.
17. Шамсумова Э. Ф. Категория «правовой режим» в юриспруденции: монография. — Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2003. 163 с.
18. Чаплин Н.Ю. Гражданско-правовой режим земельных участков. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2020. 26 с.
19. Афзалетдинова Г.Х. Проблемы использования исключительных режимов в российском праве // Актуальные проблемы российского права. 2015. №3. С.24-30.

References:

1. Kovyazin V.V. On the interaction of private and public law principles in the regulation of public relations // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2005.No. 2. P.104-109.
2. Metelkov A.N. Intersystem relations in the legal system // Academic Law Journal. 2024. Vol. 25. No. 3. P. 389-396.
3. Durkheim, E.O. Sociology. Its subject, method, and purpose / E.O. Durkheim; translated from French, comp., afterword, and note by A.B. Hoffman. Moscow: Canon, 1995. 352 p.
4. Simmel G. Favorites. Problems of sociology / Comp. S.Ya. Levit. - M.; St. Petersburg: University Book, Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 416 p.
5. Habermas, Y. Involvement of the other. Essays on political theory [Text] / J. Habermas. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008. 89 p.
6. Zhbankova I. I. The problem of interaction: a philosophical essay. Minsk, 1971. 142 p.
7. The communicative concept of law: issues of theory. Discussion of the monograph by A.V. Polyakov. St. Petersburg: St. Petersburg State University. jurid. fac., Peter-Print, 2003. 154 p.
8. Panchenko V.Y. Legal interaction as a type of social communication: a theoretical and legal study: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences: 12.00.01. Moscow, 2016. 54 p.
9. Alekseev S.S. General theory of law: textbook. -2nd ed., revised and supplemented by M.: Prospect, 576 p.
10. Husserl, E. Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science. M., Moscow, 2000. 752 p.
11. Barbin V.V. Constitutional and legal regime: concept and content // Problems of economics and legal practice. 2015. No. 3. P.35-38
12. Belyaeva G.S., Kapustina I.Yu., Belousova K.A. Constitutional legal regime as a type of sectoral legal regimes: theoretical and legal perspective // Agrarian and Land law. 2025. No. 4. P.7-10.
13. Belyaeva G.S. On the issue of the essence, content and features of the regulatory and legal consolidation of the private law regime // Actual problems of Russian law. 2014. No. 7. P. 1321-1326.
14. Sidorenko E. L. The subject and method of the dispositive regime of criminal law regulation: monograph. Moscow: RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2011. 206 p.
15. Bublik V.A. Public and private law principles in the civil law regulation of foreign economic activity: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences. Yekaterinburg, 2000. 35 p.
16. Semenova E. G. The concept and content of private law regime // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 4. P.74-79.
17. Shamsumova E. F. The category "legal regime" in jurisprudence: monograph. Yekaterinburg: UrUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 163 p.
18. Chaplin N.Y. Civil law regime of land plots. Dis. ... kand. jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2020. 26 p.
19. Afzaletdinova G.H. Problems of using exclusive regimes in Russian law // Actual problems of Russian law. 2015. No. 3. P.24-30.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ CONCEPTUAL APPROACHES TO DETERMINING RATIONAL PRINCIPLES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT

МАКОВСКАЯ Полина Николаевна

Стажер адвоката, Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право».

344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96.

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

MAKOVSKAYA Polina Nikolaevna

Advocate's intern Rostov regional Collegium of advocates "Business and Law".

344003, Russia, Rostov-on-Don, Lermontovskaya Street 94/96

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена описанию концептуального подхода к определению рациональных принципов использования систем искусственного интеллекта в правоприменении. Вводится понятие функционально-достаточной гетерономной системы. Рассмотрены особенности использования таких систем на каждом из уровней обработки информации при правоприменении. Рассмотрены фундаментальные ограничения, связанные с теоремами Тарского и Гёделя. Сделан вывод о целесообразности уменьшения степени использования искусственного интеллекта по мере продвижения вверх по пирамиде обработки информации.

Abstract: The article describes a conceptual approach to defining rational principles for using artificial intelligence systems in law enforcement. The concept of a functionally sufficient heteronomous system is introduced. The article examines the features of using such systems at each level of information processing in law enforcement. The article also discusses the fundamental limitations associated with the Tarski and Gödel theorems. The article concludes that it is advisable to reduce the use of artificial intelligence as one moves up the pyramid of information processing.

Ключевые слова: правоприменение, искусственный интеллект, судебское усмотрение, ограничительные теоремы, информация.

Keywords: law enforcement, artificial intelligence, judicial discretion, restrictive theorems, information.

Для цитирования: Маковская П.Н. Концептуальные подходы к определению рациональных принципов использования искусственного интеллекта в правоприменении // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 106-110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_106.

For citation: Makovskaya P.N. Conceptual approaches to determining rational principles of using artificial intelligence in law enforcement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 106-110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_106.

Статья поступила в редакцию: 28.1.02025

Дата публикации: 30.12.2025

Сегодня трудно назвать сферу общественной жизни, в которой не происходило бы использование средств искусственного интеллекта (ИИ). При этом одной из наиболее критичных сфер, где использование ИИ вызывает неоднозначную реакцию исследователей, является сфера правоприменения.

Развитие технологий ИИ привело к тому, что некоторые ученые говорят не только о машиночитаемом праве, но даже о машинопроектируемых и машиноисполняемых правовых нормах [1]. Однако, если использование ИИ в процессах правотворчества или в официальном толковании права, считается вполне допустимым [2], то вхождение ИИ в область правоприменения обоснованно специалистами воспринимается с осторожностью [3].

Одним из главных аргументов, которые выдвигаются против использования ИИ в сфере правоприменения, является тезис о том, что ничем не ограниченное проникновение алгоритмов в сферу права грозит ее дегуманизацией [4]. Замена судебного усмотрения, как важнейшей компоненты гуманистического содержания права, на принятие решений «по таблице» приведет к превращению правосудия в набор алгоритмов, в которых нюансы и обстоятельства жизненной ситуации конкретного индивида не будут иметь никакого значения, ибо они принципиально не восприимчивы программой.

Для того, чтобы использовать во благо общества и прогресса неоспоримые вычислительные и алгоритмические способности ИИ при одновременном обеспечении минимального риска деформации тех морально-этических императивов, которые заложены в фундамент системы права, необходимо выработать концептуальные подходы к определению рациональных принципов использования искусственного интеллекта в правоприменении.

Под правоприменением будем понимать особую, носящую государственно - властный характер, форму практической реализации норм права [5].

Многие исследователи справедливо полагают, что «цифровое правоприменение» (термин из работы [6]) не должно приводить к механизму и редукционизму в понимании права, когда общество будет пониматься как искусственное создание, а личность, индивид, человек будет рассматриваться как цифровая, математическая единица вне культуры, языка, традиций и философии правового мышления [7].

Определимся с сущностью понятия ИИ. Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта [8] определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без за-

ранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Как правило, в различных источниках (в том числе, юридических статьях), авторы разделяют искусственный интеллект на сильный и слабый, в других применяют иные противопоставляемые друг другу категории: ограниченный ИИ и разумный ИИ; ИИ с инсталлируемым сознанием и ИИ с самосоздаваемым сознанием; ИИ без самообучения и ИИ с самообучением; ИИ с реакцией и ИИ с глубокой памятью и др.

При этом действующий национальный стандарт ГОСТ Р 71476 - 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» [9] прямо указывает, что категории «слабый ИИ» и «сильный ИИ» в основном важны для философов, но не актуальны для исследователей в сфере практического использования систем ИИ.

В указанном ГОСТ Р 71476 - 2024 [9] описаны следующие противопоставляемые друг другу категории: «узконаправленный ИИ» и «универсальный ИИ». Отметим, что в соответствии с ГОСТ Р 71476 – 2024 [9], универсальный искусственный интеллект является гипотетическим концептом с неясной перспективой практической реализации.

Из-за отсутствия общепринятых дефиниций, в исследованиях, посвященных использованию систем ИИ в сфере правоприменения, зачастую ученые не понимают друг друга только из-за терминологических нестыковок. Представляется, что с учетом бурно развивающейся отрасли систем ИИ, как минимум для сферы правоприменения следует использовать описание систем ИИ по их содержательному, функциональному значению безотносительно достигнутого уровня развития техники и использованных технологий.

Исходя из этого, для всех систем ИИ будем использовать обобщенный термин ФДГ-система (функционально-достаточная гетеронормная система), чтобы подчеркнуть, что речь идет об описании таких систем ИИ, функционал которых достаточен для выполнения некоторых процессов, которые этой системе делегирует человек.

Введением термина ФДГ-система мы уходим от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект и других указанных выше дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (сверточные нейросети, рекуррентные нейросети, нейросети прямого распространения, фреймворки технологий, семантические графы и т.д.), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат «компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта» [9, п. 5.1].

С учетом того, что мы будем определять рациональные принципы использования ИИ, являющегося, прежде всего, средством по переработке информации, условно представим всю область информационного обмена при правоприменении в виде «слоеной» пирамиды (см. рис. 1), которую разделим на три части: receiving-область приема информации (от англ. receiving – прием); processing-область обработки информации (от англ. processing – обработка) и decision-область принятия решения (от англ. decision – решение). Разумеется, при детальном анализе каждая из этих областей может быть разделена на подобласти (прежде всего, processing-область), но для принципиального понимания пока нам достаточно модели на рис. 1.

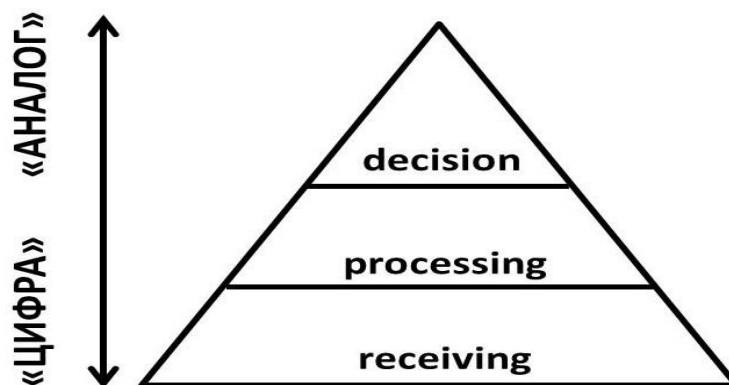

Рис. 1. Условная информационная пирамида из трех областей правоприменения ФДГ-систем: receiving-область, то есть область приема информации; processing-область, то есть область обработки информации; decision-область, то есть область принятия решения.

Размер каждой из областей на рис. 1 соответствует общему объему функций, которые на этом уровне делегируются искусственному интеллекту. Представление областей информационного обмена в виде сужающейся кверху пирамиды несет вполне определенный смысл: как будет показано далее, чем выше уровень обработки информации, тем на этом уровне меньшую долю функций следует поручать ИИ.

Предлагаемая концепция ФДГ-систем позволяет абстрагироваться от несущественных в данном контексте технических особенностей ИИ, посвятив внимание основному вопросу безотносительно реализационных нюансов, а именно: определению рациональных принципов использования в правоприменении искусственного интеллекта (как существующего, так и перспективного).

Представляется, что в receiving-области ФДГ-системы могут использоваться без каких-либо ограничений, автоматизируя процессы информационного обмена между судебной инстанцией и человеком. В этом контексте они выполняют роль обеспечения электронного докумен-

тооборота и цифровизации в буквальном смысле этого слова, то есть, осуществляя функцию оцифровки машиночитаемых документов.

В processing-области ФДГ-системы выполняют функции, которые сейчас являются вообще основным драйвером обсуждений повсеместного внедрения систем ИИ. Именно в processing-области проявляются те впечатляющие способности ФДГ-систем по сверхбыстрой обработке гигантских объемов информации (нормативных актов, судебной практики и др.), по мгновенному нахождению противоречий в массиве данных, по распознаванию скрытых закономерностей и т.д., которые, собственно, и вызывают сейчас определенный ажиотаж вокруг технологий ИИ. Вместе с этим, уже здесь, в средней области информационной пирамиды, начинает проявляться ограниченность возможностей ФДГ-систем, которая выражается в принципиально низкой эффективности ФДГ-систем по обработке плохоформализуемых данных, к числу которых относятся внешние проявления когнитивной и чувственно-эмоциональных сфер человека. Между тем, это именно тот аспект, который напрямую связывается с гуманистическим содержанием права и который, как будет показано ниже, принципиально не реализуют ФДГ-системы.

Decision-область использования ФДГ-систем является в настоящее время наиболее спорной. Именно здесь окончательно должна воплощаться в судебном решении гуманность права на основании высоких морально-этических принципов судьи, и поэтому именно в этой области использование ФДГ-систем представляется наиболее проблематичным.

Следует отметить, что сторонники наделяния «электронного судьи» правосубъектностью обосновывают свою позицию тем, что судья должен быть свободен в своих поступках и принимать решения, руководствуясь законом и внутренним пониманием справедливости. Однако, распространение такого понимания правосубъектности на ФДГ-системы (для которых участие человека должно, якобы, быть сведено лишь к бесперебойной поставке электропитания), приводит к неприемлемым выводам. Так, в соответствии с определением ГОСТ Р 71476 – 2024, автономной называется та система, которая «способна модифицировать свою целевую область применения или свои цели без внешнего вмешательства, управления или надзора» [9, п. 5.13].

Но «целевая область применения» и цель работы судьи – служение закону и государству, порядку во всех смыслах этого слова (включая как порядки писанные, которые заложены государством в законы, так и порядки неписанные, заложенные Мировоззрением в человеческую совесть). И было бы очень странно иметь такого «электронного судью», который ущербно пользуясь своей автономностью, «модифицировал» бы эту цель по своему разумению. Очевидно, что если и можно помыслить гипотетического «электронного судью», то только с так называемой гетерономной степенью автоматизации [9, п. 5.13], которая означает то или иное участие человека в работе ФДГ-системы.

Характерно, что ГОСТ Р 71476 – 2024 [9, п. 5.13] предусматривает, что вместо замены человека, машина будет его функционально дополнять. Это очень емко называется «объединением человека и машины в команду» или системами дополнения и расширения когнитивных возможностей человека (системы «усиления интеллекта», *intelligence augmentation*). Стоит обратить внимание, что речь идет об усилении именно естественного человеческого интеллекта, но вовсе не о превращении ИИ в автономного субъекта.

Рассмотрим детально факторы, в соответствии с которыми высокая алгоритмическая производительность ФДГ-систем одновременно детерминирует, как следствие, их низкую эффективность по обработке неформализуемых данных (эмоции и чувства; контексты и двусмысленности в речи или тексте и т.д.).

Нужно отметить, что благодаря экспансии ФДГ-систем, человечество с некоторой растерянностью «открывает» заново то, что было известно еще древнегреческим философам, а именно: отношения человека с себе подобными и вообще с миром характеризуются принципиальной нечеткостью в описании как отдельных явлений, так и самого универсума.

С проблемой нечеткого описания мира тесно связана другая проблема,

которую следует учитывать при обсуждении эффективности работы ФДГ-систем в processing-области и decision-области на рис. 1, а именно проблема естественного языка. ФДГ-система, обученная на некотором массиве юридических текстов с их выверенными формулировками, не будет воспринимать оттенки смыслов, игру слов, фразеологизмы и неюридические обороты в ходе «живого» судебного заседания.

Язык человеческого общения представляет собой скорее поток символов, нежели поток информации. Немецкий философ Э.Кассирер в своем фундаментальном труде «Философия символических форм» [10] отнес язык наряду с искусством, религией и наукой, к числу основных символических форм, которыми владеет человек. Человек, по Э. Кассиреру, обладает особым даром оперировать с символами, в связи с чем он назвал человека символизирующим животным (*animal symbolicum*). Мы, люди, символизируя свой опыт, тем самым наделяем мир значением и смыслом. Как показал Э.Кассирер, символ является результатом фиксации человеком своего опыта и воплощается в таких формах, как искусство, религия, наука и язык [10].

Именно поэтому представляется весьма сомнительной сама идея использования ФДГ-системы в судебных заседаниях в реальном времени, ибо алгоритмы ФДГ-системы приспособлены для обработки гигантских объемов формализованных текстовых документов, либо вербальных сообщений на сухом канцелярском языке с использованием специфических юридических терминов, которые вряд ли встречаются в живой речи взволнованных участников в зале суда.

В контексте данной проблемы следует отметить следующий теоретический аспект. Известны два основных концептуальных подхода к оценке информации: количественный и прагматический (семантический не станем учитывать как несущественный для задач нашего исследования). Количественный подход, описанный во всех учебниках по теории связи и информации [11], [12] основан на классических работах Р.Хартли, К.Шеннона, Л.Бриллюэна, А.Н.Колмогорова и др. ученых XX века и оперирует всем хорошо известными понятиями битов и байтов. Прагматический подход сводится к оцениванию значения информации для ее получателя и, в итоге, к оцениванию смысла этой информации.

Приведем пример, показывающий разницу в оценке одной и той же информации с точек зрения разных концептуальных подходов. С

точки зрения количественного подхода, слово «Победа», звучащее по радио 9 мая 1945 года, содержало всего лишь несколько бит информации. Но с точки зрения прагматического подхода, это слово имело огромное значение и содержало поистине великий смысл для всех жителей Советского Союза, которые слышали это слово из громкоговорителей в то историческое утро.

Нужно подчеркнуть, что разработка прагматического подхода к оцениванию информации, т.е., оценивание значения и смысла информации, на протяжении уже нескольких десятков лет является «крепким орешком» для ученых, которые лишь намечают методологические направления для исследования данной области [13], [14], [15].

Таким образом, неразработанность теоретических основ прагматического оценивания информации, в том числе передающейся через речь, и глубокий символизм человеческого языка по Э.Кассиреру, не позволяют запрограммировать ФДГ-системы на адекватное восприятие эмоциональных выступлений в зале суда всех участников процесса. Следует констатировать, что перед ФДГ-системами будет бесполезно и даже неуместно выступление современных последователей А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако.

Искусственный интеллект, в отличие от человеческого мозга, не предназначен для решения неалгоритмизируемых задач, и выносит решения по аналогии, на основе статистической обработки с выявлением скрытых закономерностей огромного массива обучающих данных. Беспомощность ФДГ-систем перед решением разовых задач, которые не были ему предъявлены в обучающих данных, имеет под собой строгое математическое обоснование в виде так называемых «ограничительных теорем» Курта Гёделя и Альфреда Тарского [16], [17] которые порознь были доказаны учеными в 1930-х годах и получили условные названия «теорема о неполноте» и «теорема о неопределимости истины».

Так называемая «теорема о неполноте» К.Гёделя утверждает, что если формализуется достаточно сложная теория, то в ней всегда содержится некоторый неформализуемый остаток, который принципиально не может быть представлен в формальном виде. Более сильная «теорема о неопределимости истины» А.Тарского имеет поистине фундаментальное значение для любых достаточно строгих формальных систем, которые претендуют на вычисление истины по логическим правилам. Теорема А.Тарского утверждает, что само понятие истинности является логически невыразимым, и, следовательно, оставаясь в рамках некоторой формальной системы невозможно строго доказать, что утверждение, которое преподносится этой системой как истинное, таковым и является. Для подтверждения истинности такого утверждения требуется привлечение другой, более логически сильной формальной системы.

Доказательство теоремы А.Тарского на языке формальной логики доступно лишь специалистам, но известен понятный комментарий самого А.Тарского: «В обычной речи не существует фразы, имеющей точно определенный смысл. Едва ли можно было бы найти двух человек, которые употребляли бы каждое слово в одинаковом значении. Сверх того, значение слов повседневного языка обычно очень сложно; оно зависит не только от внешней формы слова, но также и от обстоятельств, при которых оно высказано, а иногда и от субъективно-психологических факторов» [18].

Автор настоящей работы считает возможным выдвинуть следующую гипотезу: если и возможно помыслить использование ФДГ-системы в decision-области на рис. 1, то «ограничительные теоремы» К.Гёделя и А.Тарского позволяют допустить такое использование ФДГ-системы исключительно в сочетании с судьей-человеком. При этом ФДГ-система может оценивать формальную сторону дела на основании его фабулы, а роль неформализуемого остатка в судебном решении выполняет судебское усмотрение [19], которое реализует человек-судья.

Следует понимать принципиальное положение, что право – это не просто аксиоматическая система (что удобно для ФДГ-систем), а система с глубокими социальными последствиями (что непонятно для ФДГ-систем). Поскольку законодатель никогда не может и не должен предсказать, в каких конкретных обстоятельствах будет применяться тот или иной закон, законодательство формулируется в общих и абстрактных терминах, таких как «разумный срок», «должная осмотрительность», «неправомерное использование», «необоснованность», «исключительные обстоятельства», «мелкие бытовые сделки» и т.д. Такие оценочные понятия в праве характеризуются открытым характером их логической структуры, типизацией и наличием в них аксиологических оценок [20].

Эти понятия подлежат оценке в рамках конкретной правоприменительной ситуации путем усмотрения, реализация которой представляет существенные проблемы для работы ФДГ-системы на среднем и верхнем уровнях пирамиды на рис. 1. Таким образом, направленность права на описание обобщенных ситуаций, определенная разница между общими положениями закона и конкретными обстоятельствами дела, а также состязательный характер судебных процедур, приводят к тому, что правовая аргументация ФДГ-систем в processing- и decision-областях должна выходить за рамки буквального толкования правовых норм и обязана включать в себя апелляции к прецедентам, моральным принципам и гуманизму.

Применительно к оценочным понятиям вне права ситуация еще более усугубляется: семантический индетерминизм постулирует, что некоторые вещи по своей природе неясны. Семантический индетерминизм можно проиллюстрировать с помощью допущений нечеткости, согласно которым наше описание реальности допускает континуальное пространство состояний описываемой реальности. Например, переменная «возраст» может принимать значения «относительно молодой», «почти среднего возраста» или «почтенного возраста». Осмысление указания на возраст может усугубляться метафорическими определениями типа «женщина Бальзаковского возраста». Подобные нечеткости в описании событий являются дополнительным препятствием для ФДГ-систем [21].

Итак, с учетом фундаментальных ограничений ФДГ-систем по обработке информации, содержащейся в проявлениях психоэмоциональной сферы человека, и определению их аксиологического значения, рациональным представляется подход, условно отображенный на рис. 1 в виде двунаправленной стрелки: чем выше мы поднимаемся по областям обработки информации, тем меньше должна быть роль ИИ; тем более «аналоговой» должна быть процедура правоприменения в этой области. В decision-области по тем делам, где справедливость должна учи-

тывать эмоционально-чувственные нюансы, решение должен выносить человек (возможно, сообразуясь с подсказками ФДГ-системы). Почти полное «цифровое» правоприменение допустимо лишь в нижней receiving-области.

Список литературы:

1. Филипова И.А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law, 2023, № 1, стр. 359 – 381.
2. Терехов Е.М. Искусственный интеллект в официальном толковании права: за или против? // Legal Bulletin, 2025, № 2, стр. 9 – 17.
3. Степанов О.А. Судебное правоприменение с учетом возможностей систем искусственного интеллекта // Современное право, 2025, № 2, стр. 26 - 28.
4. Родикова В.А. Перспективы и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную практику // Российская юстиция, 2024, № 3, стр. 42 - 55.
5. Кожевников В.В. Правоприменение. Антология научных статей. - М.: Проспект, 2021, 512 с.
6. Самусевич А.Г. Цифровое правоприменение: теория и практика // Сибирский юридический вестник, 2022, № 4, стр. 22 – 28.
7. Альбов А.П. Цифровые технологии правоприменения: новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2020, № 2, стр. 25 – 30.
8. Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124).
9. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).
10. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х томах. - М.: СПб.: Университетская книга, 2002.
11. Попов И.Ю. Теория информации. - М.: Лань, 2022, 160 с.
12. Осокин А.Н. Теория информации: учебник для вузов. - М.: Юрайт, 2025, 208 с.
13. Коломийцев С.Ю., Лосев В.К., Мичурин С.В. Анализ основных концепций фундаментальности информации в современной философии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2024, № 2, стр. 21 – 33.
14. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. - М.: URSS, 2020, 304 с.
15. Урсул А.Д. Природа информации: Философский очерк. – М.: URSS, 2020, 288 с.
16. Целищев В.В. Семантическая революция: Гёдель vs Тарский // Сибирский философский журнал, 2017, № 3, стр. 5 – 19.
17. Ковешников Е.В. Теоремы Гёделя и идеи Тарского. Проблема неполноты и неопределенности математики и естественных наук // Альманах современной науки и образования, 2010, № 11, часть 2, стр. 31-34.
18. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. - М.: Гослитиздат, 1948, 327 с.
19. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Судейское усмотрение и его границы в условиях влияния информационных технологий на принятие судьей решения // Российский судья, 2024, № 11.
20. Игнатенко В.В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой аспект // Философия права, 2025, № 2, стр. 29 – 37.
21. Abdine H., et al. Word sense induction with agglomerative clustering and mutual information maximization // AI Open, 2023, № 4, pp. 193 – 201.

References:

1. Filipova I.A. Budushchee iskusstvennogo intellekta: ob'ekt ili sub'ekt prava? // Journal of Digital Technologies and Law, 2023, № 1, str. 359 – 381.
2. Terekhov E.M. Iskustvennyi intellekt v ofitsial'nom tolkovanii prava: za ili protiv? // LegalBulletin, 2025, № 2, str. 9 – 17.
3. Stepanov O.A. Sudebnoe pravoprimenenie s uchedom vozmozhnostei sistem iskusstvennogo intellekta // Sovremennoe pravo, 2025, № 2, str. 26 - 28.
4. Rodikova V.A. Perspektivy i riski vnedreniya iskusstvennogo intellekta v sudebnuyu praktiku // Rossiiskaya yustitsiya, 2024, № 3, str. 42 - 55.
5. Kozhevnikov V.V. Pravoprimenenie. Antologiya nauchnykh statei. - M.: Prospekt, 2021, 512 s.
6. Samusevich A.G. Tsifrovoye pravoprimenenie: teoriya i praktika // Sibirskii yuridicheskii vestnik, 2022, № 4, str. 22 – 28.
7. Al'bov A.P. Tsifrovyye tekhnologii pravoprimeneniya: novyye modeli i riski // Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata, 2020, № 2, str. 25 – 30.
8. Natsional'naya Strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda (v redaktsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 15.02.2024 № 124).
9. GOST R 71476 – 2024. Iskustvennyi intellekt. Kontseptsii i terminologiya iskusstvennogo intellekta (utverzhen i vveden v deistvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 oktyabrya 2024 g. № 1550-st.).
10. Kassirer E.H. Filosofiya simvolicheskikh form: v 3-kh tomakh. - M.: SPb.: Universitetskaya kniga, 2002.
11. Popov I.YU. Teoriya informatsii. - M.: Lan', 2022, 160 s.
12. Osokin A.N. Teoriya informatsii: uchebnik dlya vuzov. - M.: Yurait, 2025, 208 s.
13. Kolomiitsev S.YU., Losev V.K., Michurin S.V. Analiz osnovnykh kontseptsii fundamental'nosti informatsii v sovremennoi filosofii // Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve, 2024, № 2, str. 21 – 33.
14. Ursul A.D. Informatsiya. Metodologicheskie aspekty. - M.: URSS, 2020, 304 s.
15. Ursul A.D. Priroda informatsii: Filosofskii ocherk. – M.: URSS, 2020, 288 s.
16. Tselishchev V.V. Semanticheskaya revolyutsiya: Godel'vsTarskii // Sibirskii filosofskii zhurnal, 2017, № 3, str. 5 – 19.
17. Koveshnikov E.V. Teoremy Gedelya i idei Tarskogo. Problema nepolnoty i neopredelennosti matematiki i estestvennykh nauk // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya, 2010, № 11, chast' 2, str. 31-34.
18. Tarskii A. Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnykh nauk. - M.: Goslitizdat, 1948, 327 s.
19. Ivanchenko E.A., Vorotilina T.V. Sudeiskoe usmotrenie i ego granitsy v usloviyakh vliyaniya informatsionnykh tekhnologii na prinyatie sud'ei resheniya // Rossiiskii sud'ya, 2024, № 11.
20. Ignatenko V.V. Vnepravovye osobennosti otsenochnykh ponyatii v prave: teoretiko-pravovoi aspekt // Filosofiya prava, 2025, № 2, str. 29 – 37.
21. Abdine H., et al. Word sense induction with agglomerative clustering and mutual information maximization // AI Open, 2023, № 4, pp. 193 – 201.

**ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НИМИ
В СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ Г. СПЕНСЕРА:
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРАВА
MISTAKES OF THE LEGISLATOR AND WAYS TO DEAL WITH THEM
IN G. SPENCER'S SOCIAL AND LEGAL THEORY:
ON THE ISSUE OF THE SOCIAL CONDITIONALITY OF LAW**

АДЫГЕЗАЛОВА Гюльназ Эльдаровна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия.

E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>

Author ID: 57193223437

Researcher ID: O-8549-2015

ADYGEZALOVA Gyulnaz Eldarovna

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the FGBOU VO "Kuban State University".

149 Stavropol Street, 350040, Krasnodar, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>

Author ID: 57193223437

Researcher ID: O-8549-2015

Краткая аннотация: В статье рассматривается социально-правовая теория Г. Спенсера, методологическую основу которой составили идеи позитивизма. В своих трудах автор проанализировал вопросы взаимодействия личности и государства, сформулировал основные проблемы государственного контроля и законотворчества. Опираясь на законы жизни природы, идеологию прогресса и эволюции, Г. Спенсер считал необходимым учитывать закон борьбы за существование в социальной жизни, согласно которому нельзя принимать законы, ухудшающие положение сильных, добросовестных тружеников в угоду поддержания состояния слабых и ленивых. Среди недостатков работы законодателей учёный называл честолюбие и следование интересам господствующего класса. Автор выделил такую серьёзную причину некачественной работы законодателя, как небрежность, обусловленную отсутствием у законодателя достаточной подготовки, уровня знаний в области социальных процессов, причинно-следственной связи социальных явлений, а также отсутствие надлежащей ответственности за принимаемые законы.

Abstract: This article examines the socio-legal theory of Henry Spencer, whose methodological foundation is formed by the ideas of positivism. In his works, the author analyzed the interaction between the individual and the state and formulated the fundamental problems of state control and law-making. Drawing on the laws of nature and the ideology of progress and evolution, Spencer believed it was necessary to take into account the law of the struggle for existence in social life, according to which laws should not be passed that worsen the situation of the strong, conscientious workers in favor of supporting the weak and lazy. Among the shortcomings of legislators, the scholar cited ambition and adherence to the interests of the ruling class. The author identified such a serious cause of poor legislative performance as negligence, caused by the legislator's lack of sufficient training, knowledge of social processes, the cause-and-effect relationships of social phenomena, and the absence of proper accountability for the laws passed.

Ключевые слова: правотворчество, законотворчество, законы, функции государства, социал-дарвинизм, определённость права, социальная обусловленность права.

Key words: lawmaking, legislation, laws, functions of the state, social Darwinism, certainty of law, social determination of law.

Для цитирования: Адыгезалова Г.Э. Ошибки законодателя и способы борьбы с ними в социально-правовой теории Г. Спенсера: к вопросу о социальной обусловленности права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 111-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_111.

For citation: Adygezalova G.E. Mistakes of the legislator and ways to deal with them in G. Spencer's social and legal theory: on the issue of the social conditionality of law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 111-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_111.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Известный английский мыслитель Герберт Спенсер родился в 1820 г. в городе Дерби в Англии. Естественно, он строил свою философскую систему под влиянием европейской социально-философской мысли этого времени. В его трудах можно обнаружить, например, идеи позитивизма Огюста Конта, идеи феноменизма Джона Стюарта Милля, идеи утилитаризма Иеремии Бентама. Среди главных трудов можно отметить «Основные начала»¹ (*First Principles*) (1862), «Основания психологии» (1855), «Социология как предмет изучения» (1873), «Основания социологии»² (1877), «Система синтетической философии» (1862–1896), «Основания этики» (1892–1893) и другие.

Исследователи научной теории Г. Спенсера обозначают ее по-разному, делая акцент на той или иной его концепции. Так, авторы отмечают его вклад в развитие философии эволюционизма с идеей развития и прогресса как необходимости, а не случайности. Существующий закон жизни Г. Спенсер применяет не только ко всей органической природе, но и ко всему роду человеческому. Согласно этому закону, нарастающая индивидуализация частей (которые способны защитить свою индивидуальность и меньше зависимы от внешних условий) сопровождается

1 Спенсер Г. Основные начала: Основные начала Пер. с англ. — Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев, 1897. — [4], IV, 467 с.: 24.

2 Спенсер Г. Основания социологии Герберта Спенсера: перевод с английского. Т. 2. Индукция социологии. — Санкт-Петербург: Издание И. И. Билибина, 1876-1877. — [4], III, [5], 497-897, [2] с.

взаимной зависимостью частей, выполняющих свои независимые функции (специализация частей) и соединяющихся во имя общего блага. Таким образом, в трудах Г. Спенсера можно обнаружить взгляды, близкие к концепциям солидарности Э. Дюркгейма и солидаризма Л. Дюги (теория разделения труда, солидарности по сходству и из различия).

Увлёкшись не столько вопросами индивидуализации, образующей единство, сколько специализацией, влекущей к разнообразию, Г. Спенсер обратился не к изучению сущности прогресса, а к естественной эволюции видов фауны и флоры. Форма развития от однородного к разнородному стало применяться ученым не только по отношению к органическому миру, но и по отношению к явлениям социальным. Всякий прогресс – это перемена, для действия закона перемены от однородного к разнородному всегда должна быть причина. Действует закон перемены по причине необходимости, что доказывается опытом. «В событиях самых грандиозных, как и самых ничтожных, в звёздном мире, в солнечной системе, в истории нашей планеты, в растительном и животном царстве, в обществе, мы видим, что одна причина приводит более, чем к одному следствию. Постепенное осложнение вещей, переход от однородного к разнородному есть неизбежное следствие этого. Прогресс не есть случайность; прогресс есть благая необходимость»¹.

Особый интерес для понимания положений концепции Г. Спенсера именно о государстве и праве вызывает его работа «Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества»². Если О. Конта критиковал за его внимание только к социальной динамике, считая, что он так и не изложил системно статическую социологию, («ничего не говорил об общественных отношениях и отрицал значение политической экономии»³), то Г. Спенсер в своих трудах попытался более полно представить свою социальную философию. Так родилась теория социал-дарвинизма Г. Спенсера, в которой теория эволюции Ч. Дарвина применяется по отношению к человеческому обществу.

Английский философ не разделяет физическое и психическое. Ощущения, чувства, инстинкты, сознание берут своё начало в животном мире. Г. Спенсер, выступая сторонником опытной психологии, рассматривает весь процесс эволюции от простейших форм жизни к сложным формам, предлагает изучать не только сами факты, но и их происхождение, развитие, перерождение. Простой рефлекс (как одно сокращение на одно возбуждение) превращается в сложный, возникает инстинкт, который далее усложняется, автоматические реакции с усложнением становятся несогласованными и нарушаются, возникает разум. И рефлекс, и инстинкт, и разум – это приспособление к внешним условиям. На каждом из этапов соотношения и взаимосвязи все более усложняются, но суть остаётся прежней. Накопление опыта ведёт к прогрессу, подобно тому, как прогресс человеческого знания ведёт к высоким обобщениям.

Можно сказать, что Г. Спенсер, развивая идею позитивизма, заложил фундамент для формирования понятийной системы социологии, а также структурно-функционального метода. Этому способствовала проводимая им аналогия между человеческим обществом и биологическим организмом: 1) общество как биологический организм, в отличие от неорганической материи, на протяжении большей части своего существования растёт, увеличивается в объёме (маленькие государства превращаются в империи); 2) по мере роста общества его структура усложняется так же, как усложняется структура организма в процессе биологической эволюции; 3) как в биологических, так и в социальных организмах прогрессивная структура сопровождается аналогичной дифференциацией функций, что в свою очередь сопровождается усилением их взаимодействия и т. д.

Теория Г. Спенсера стала основой и для будущих конфликтологических исследований. Традиционно выделяют два направления, по-разному оценивающих природу и роль конфликтов в обществе. Одно направление представлено Э. Дюркгеймом и *теоретиками равновесия* XX века (Т. Парсонсом, Р. Мертоном), рассматривающими конфликт как дисфункцию в равновесной социальной системе, как патологию. Представляя общество целостным образованием, в котором гармонически взаимодействуют его части и элементы, сторонники этого подхода подчеркивали роль саморегулирующих механизмов общественной жизни, поддерживающих устойчивость системы. Хотя представители данного направления и отмечали беспорядок и конфликт как черты, перманентно присущие человеческому существованию, они полагали конфликт аномалией и сосредотачивались на проблемах достижения согласия, равновесия и стабильности общества, считая возможным в этом плане переход к новому социальному качеству.

В 1950–1960-е гг. оформилась общесоциологическая концепция, названная *теорией конфликта* (Р. Дарендорф, Л. Козер). Ее создатели исходят из представления о конфликтной природе социума. Но основа для развития теории позитивно-функционального конфликта Л. Козера, конфликтной модель общества Р. Дарендорфа, общей теории конфликта К. Боулдинга была заложена как раз в трудах Г. Спенсера, рассматривавшего конфликт не только как неизбежное явление в истории человеческого общества, но и как социальную форму борьбы за существование, стимул и важнейший механизм общественного развития, прогресса.

В своей работе «Социальная статика» Г. Спенсер попытался изложить свои взгляды на общество, государство и право не сухим, «монотонным» языком философии, а научно-популярным языком, с целью привлечь к своим идеям как можно больше читателей⁴. Новое издание он готовил для американской публики. В этом труде ученый озабочен прежде всего сложностью формулирования научно-точных правил нравственности, которые могли бы вносить полную определённости в отношения. Правило, принцип, аксиома, которые люди хотят получить от ученых, имеют значение только тогда, отмечает Г. Спенсер, когда содержат точную мысль, когда используемый язык точен и наделяется всеми одним

1 Цит. по: Чуйко В. В., Льюис; Шопенгауэр; Гартман; Дж. Ст. Милль; Герб. Спенсер [статьи] и два портрета Льюиса: = Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер статьи и два портрета Льюиса. Приложение к Истории философии Д. Г. Льюиса. — Санкт-Петербург: А. С. Семенов, 1892. — XVI, 755-794 с., 2 л. фронт (портр.): 23. С. 793.

2 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н. П. Полякова, 1872. — 471 с.

3 Чуйко В. В., Льюис; Шопенгауэр; Гартман; Дж. Ст. Милль; Герб. Спенсер [статьи] и два портрета Льюиса: = Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер статьи и два портрета Льюиса. Приложение к Истории философии Д. Г. Льюиса. — Санкт-Петербург: А. С. Семенов, 1892. — XVI, 755-794 с., 2 л. фронт (портр.): 23. С. 782.

4 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н. П. Полякова, 1872. — 471 с. С. 4.

смыслом. Поэтому утилитарная формула «наибольшего счастья наибольшего числа людей» понятна, только если все человечество единообразно понимает это наибольшее счастье¹. Г. Спенсер констатировал отсутствие общего и единого понимания счастья. Велико не только многообразие понимания счастья в разных социальных группах и разными людьми, но велика и изменчивость мнений, представлений одних и тех же людей. Поэтому для практических целей люди должны прийти к согласию, к общему знаменателю. Там, где не поможет зрение, необходима вера в качестве компаса, отмечал автор.

Но неопределённость присуща не только цели, к которой движется человек, но и пути, приемам движения к этой цели. Часто преследуя благую цель, люди устанавливают правила, которые приводят к непредвиденному отрицательному результату. Здесь Г. Спенсер обращается к роли правотворца и приводит многочисленные примеры таких ошибок, указывая, например, на многочисленные законы о бедных и иные законы, действием которых в результате все оказывались недовольны и которые не достигали предполагаемых целей. Так, законом 1773 г. был установлен минимум заработной платы для спитальфильдских ткачей, что привело к остановке четырёхсот тысяч станков к 1793 г.

В современной правовой жизни, в том числе и российского общества, тоже можно обнаружить аналогичные примеры. Так, принятие Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и дополнение его новыми требованиями к застройщику (в течение 20 лет с 2004 по 2024 г. было принято 45 законов, изменяющих и дополняющих этот федеральный закон). привело к монополизации в сфере долевого строительства, сокращению общих объёмов строительства и повышению стоимости строящихся объектов недвижимости. При этом «обманутые дольщики» продолжают появляться, а многие объекты не достраиваются.

Все попытки сформулировать правила, которые решат проблемы общества, приводят, по Г. Спенсеру, к запутыванию в сетях законодательства и постоянной отмене и смене старых законов на новые, будто человечество приступило к написанию законов совсем недавно, не накопило достаточного опыта и потому постоянно занимается устранением ошибок. Несмотря на весь этот бесконечный круговорот принятия и отмены законов, философия пользы (утилитаризм) продолжает предполагать, что можно распутать сеть социального существования и раскрыть его законы и что государственные служащие и правительства способны это сделать.

Попытки понять принципы общественной жизни путём только непосредственных наблюдений Г. Спенсер считал нерациональными по причине того, что не учитывается тот факт, что человек является не только объектом воздействия законодательства, но и тем, кто его реализует.

Ещё один недостаток философии пользы Г. Спенсер видел в утверждении вечного существования управления, государственной власти, из которого следует, что при столкновении интереса отдельного лица с интересом нации лицо должно уступить, а интерес нации определяет законодатель. Когда утверждается, что надо установить общее благо, а не благо отдельного человека, благо не только нынешних, но и будущих поколений, становится понятно, что власть должна решить, каким путем это сделать.

Сам автор допускал возможность существования общества без гражданского устройства и правительства, так как, на его взгляд, история развития человеческой цивилизации демонстрировала, что с прогрессом ослабляется принуждение, сила как основной двигатель постепенно вытесняется общественным мнением. Это заставляет предполагать, что «зависимость законодателя от мыслителя делается общепризнанным началом»².

Законодатель должен понимать, что прогресс направляется не принимаемыми законами, не политикой государства, а деятельностью общества, развитием науки и искусства, внешними природными и иными факторами. Только дурным людям требуется власть, если она ещё существует, значит общество находится в состоянии варварства. «Адвокаты, судьи, присяжные, все орудия закона, необходимы только по причине существования плутовства. Судебная власть есть последствие социальной порочности...»³. Прогресс, по мнению оптимистично настроенного Г. Спенсера, – это не случайность, а необходимость. При этом человек когда-нибудь обязательно придёт к совершенству, исчезнут зло и безнравственность.

Когда учение о нравственности состоит из правил, которые сами по себе порождают споры (в силу неопределённости понятий счастья, справедливости, пользы), существование власти становится естественной необходимостью, за которой остаётся принятие решения (через законотворчество). Получается, что правительство необходимо, чтобы ограждать человека от зла, так как по своей природе не все люди добросовестные и доброжелательные. Г. Спенсер делает вывод о том, что философия пользы не содержит аксиом, а лишь формулирует задачи в попытке создать совершенное, признавая несовершенство как существующее неизбежное основание.

Несмотря на признаваемую Г. Спенсером неопределённость нравственных ценностей, он отмечает присущее природе человека стремление к поиску справедливых отношений с другими людьми. Строить социальное здание без соблюдения справедливых принципов, правил нравственности равносильно попытке разжечь огонь льдом. Нарушение правила нравственности, не влекущее вредных последствий или даже имеющее какой-либо положительный эффект, все равно негативно влияет на социальную систему, так как становится примером пагубной практики.

Сложно следовать правилу, польза от которого человеку прямо не видна, и он должен быть просто убеждён в необходимости следовать ему. Но это требуется. И хотя нет правил без исключений, Г. Спенсер утверждал, что «ни одно нарушение закона не может быть сделано

1 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н.П.Полякова, 1872. — 471 с. С.7.

2 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н.П.Полякова, 1872. — 471 с. С.17.

3 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н.П.Полякова, 1872. — 471 с. С.18.

безнаказанно»¹. В качестве одного из примеров нарушения «вечных законов природы» законами правительства, примеров несостоятельности бесчестности автор называл действия эгоистичной и корыстной торговой олигархии в отношении американских колоний. Выстроенная искусственно торговля, запреты колониям приобретать у кого-либо, кроме Англии, и даже производить напрямую для себя привели к войне за независимость. Главную задачу ученых и государственных деятелей Г. Спенсер видел в том, чтобы найти ответ на вопрос о законах, которыми определяется народный успех и народные неудачи, равновесие и революции. Постоянством и всеобщностью, присущими законам природы, автор наделяет и нравственные законы. По этой причине придётся их соблюдать, отступая от них мы возвращаемся к философии утилитаризма, ошибочность которой, по мнению Г. Спенсера, доказана, и претендуем на «всеведение».

Рассуждая о естественном праве, Г. Спенсер в первую очередь выделял право на жизнь и личную свободу. При этом автор подчёркивал, что жизнь в сообществе предполагает наличие **равной свободы** для других людей, только тогда можно вести речь о личной свободе каждого. Право каждого, например, пользоваться землёй возможно только при действии закона равной свободы. Право пользования землей Г. Спенсер признавал естественным и отрицал право частной собственности на землю, которое не должен признавать законодатель (но он до этого еще не дошёл).

Особое внимание автор обращал на то, что закон равной свободы не означает равного разделения предметов, он состоит в равной свободе в деятельности по добыванию этих предметов, поэтому возможно появление излишков у того человека, который получает больше того, что ему требуется для удовлетворения своих потребностей. Если при получении излишка человек не нарушил прав других, никто не может отнять у него этот излишек. Отсюда логично вытекает и право собственности (только не на землю).

Далее автор рассуждал об ограниченном праве собственности на идею, о праве собственности на репутацию, праве мены, праве свободного слова (которое опасно только при ненормальном политическом состоянии общества), особое внимание уделял правам женщин и детей.

Если целью правительства является обеспечение действия закона, согласно которому все люди имеют одинаковое право на счастье, тогда права людей становятся выше правительства. Г. Спенсер верил, что когда-нибудь человечеству не понадобится законодательство и правительство для его создания и реализации. Господство нравственного чувства приведет общественные отношения к гармонии и сделает правительство ненужным. Но это произойдёт, по мнению Г. Спенсера, в очень далеком будущем, потому право игнорировать государство долго не будет признаваться в теории и еще дольше будет получать закрепление в законодательстве, но даже после этого будет долго не сможет реализоваться на практике. А пока такое время не наступило необходимо принимать такие законы, которые бы не нарушали естественный порядок, но «смягчали» бы несправедливости природы.

Г. Спенсер пытался разобраться в проблемах правотворчества и сформулировать правила, которые позволили бы усовершенствовать правотворческую деятельность. В работе «Личность и государство»² он проанализировал ошибки, часто допускаемые законодателем. Автор продолжил развивать свои идеи о том, что источником возникновения правительства стало насилие: правительство возникло из насилия и для насилия. Идеализируя догосударственный период, Г. Спенсер отмечал существование обществ, в которых царили общинный уклад, правдивость, честность, справедливость и гуманность. Принудительная организация отсутствовала, могло быть лишь «почетное преобладание», выраженное через обращение к старейшинам в случае конфликтов. При этом автор обходил вопрос о неизбежном разрушении обществ, которые не пришли к построению государства как политической формы организации, не перешли от периодов дикости и варварства к цивилизации, не достигли прогресса. Через насилие и завоевания, считал Г. Спенсер, правитель получил и укрепил свою власть. При этом, как утверждал Г. Спенсер, чем агрессивнее правительство вовне, тем жёстче управление и внутри, так как создание сильной армии требует подчинения. Такое общество является военным.

Если в период дикости, каждый человек защищал себя, как мог, то с усложнением общества, эту функцию стало брать на себя правительство. Армия стала мобилизованным обществом, а общество армией в состоянии покоя. Далее оно стало вершить суд, но не потому, что считало себя обязанным разрешать конфликты, а потому, что эти конфликты ослабляли армию, необходимую для защиты общества и правителя. Это наглядно иллюстрируется судебным поединком как механизмом правосудия, который сохранялся до начала XIX в., но трансформировался в новых условиях. Если раньше верх в споре одерживал сильный, то теперь тот, у кого больше средств и лучше адвокаты, заменившие борцов. Г. Спенсер констатировал, что **истинная задача судебной власти не восстановление справедливости, а контроль за соблюдением процедур**³.

Законодателей Г. Спенсер делил на **неответственных**, удовлетворяющих лишь собственное честолюбие, и **ответственных**, создающих законы в интересах господствующих классов. Но самой главной проблемой автор считал то, что законодатели небрежно относятся к изучению того, что они нравственно обязаны знать. Сравнивая **небрежность законодателя** с небрежностью лекаря, он подчёркивает общую высокую требовательность социума по отношению к лекарю, допустившему ошибку в диагнозе и лечении, и излишнее снисхождение к законодателю, который пренебрежёт **общепринятым мнением и опытом**. Безответственность законодателя состоит в том, что его не только не наказывают за вред, причинённый законом, но даже не осуждают.

Г. Спенсер подчёркивал, что не только лекарь должен иметь знания в медицине, но и законодатель может законодательствовать, только если имеет необходимые знания. Работа законодателя не состоит лишь в том, чтобы, приобретя большое состояние или окончив судебную карьеру, вступить в парламент и начать участвовать в дебатах. Это важно понимать, так как вред, причиняемый плохими законами гораздо масштабнее вреда, причинённого нерадивым медиком. Автор приводит многочисленные примеры законов, призванных регулировать деятель-

1 Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н.П.Полякова, 1872. — 471 с. С.46.

2 Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.

3 Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с. С.86.

ность ростовщиков (верхний предел процента), торговцев (контроль цен), фабрикантов (нижний предел заработной платы) и другие, которые на деле приводили к обратному эффекту и ухудшали положение тех, для поддержки которых их принимали, по причине того, что законодатель не имел знаний в области социальных наук и не прогнозировал действие законов. Подтверждая достоверность своих выводов, автор проанализировал статистику отмененных и измененных законов, подтверждающих введение тех или иных законодательных мер и их скорую отмену. И если часть законов действительно устарела, не соответствовала изменившимся условиям, в большинстве случаев, по мнению Г. Спенсера, законы менялись только по причине наступления катастрофически вредных последствий от их действия. Общество после отмены таких законов вздыхает с облегчением, забывая о масштабе вреда, причиненного их принятием. Но за каждым таким законом следует огромное число болезней, страданий, смертей, а не просто лишние хлопоты и неприятности.

Дурные законы, которые друг другу противоречат и создают «организованную путаницу», заставляют людей решать конфликты обращением в суды, где они вынуждены тратить состояние.

Опираясь на труды Г. Спенсера, можно выделить следующие ошибки, которые допускаются в управлении и правотворчестве:

– Недальновидное вмешательство в действие закона спроса и предложения (попытка оперативного решения проблем краткосрочными мерами без стратегического планирования).

– Несоответствие законодательных мер называемым целям.

– Смешение полномочий в рамках административно-территориального деления (дублирование, пересечение, противоречие).

– Отсылка к иным многочисленным законам, что усложняет правовое регулирование.

– Запутанность норм, их противоречивость, нелогичность и систематичное отправление в суд за решением правовой ситуации.

– Целенаправленное сопротивление бюрократии прогрессу.

– Недостатки административного регулирования и контроля (излишний формализм, где не надо, и излишние послабления, где не стоит; введение противоположных мер, например, установление пошлины на страхование от пожара и предписание способов постройки, увеличивающих пожароопасность).

– Самонадеянность законодателя, когда не учитываются образ мысли, привычки, особенности громадной массы людей (даже если обозначается благая цель), когда не осознается ответственность за последствия (по сути, законодатель ее не несет).

Принятие непродуманных законов и управленческих решений, принуждение к их выполнению и борьба с их последствиями стали закономерными для английского общества, которое описывает Г. Спенсер. При этом вера в правительство не ослабевала и народ шел к нему за решением проблем (например, сначала государство обязало города перестроить систему канализации и сделать водоотведение в реки, а после жалоб о загрязнении водоемов народ стал просить правительство передать канализационные системы из обществ водопроводов в ведение государства)¹.

Избежать несовершенства в работе законодателей, по Г. Спенсеру, возможно только путём их просвещения, изучения социальных наук.

Что же конкретно должен знать и понимать законодатель? Политический опыт и рассуждения, основанные на истории древних обществ и на сочинениях философов, не помогут законодателю предусмотреть результат действия законов в современном обществе, знания и навыки, полученные на биржах, фабриках и в залах суда также не дадут надлежащей подготовки. Важно систематическое изучение естественной связи между причиной и следствием, проявляющейся в общественных отношениях. Накопленный человечеством опыт и знания позволяют понять эту связь и то, что стремления человека, соединённые с разумом, имеют примерно одинаковое действие. Порождённые законодательством социальные причины, «влияя одинаково и с некоторой регулярностью, должны изменять не только действия людей, но даже и их натуру...»². При этом могут произойти не те изменения, которые ожидались.

Убеждения, которые влияют на законодателя автор делит на три группы: номинальные; слабо влияющие; сильно влияющие. К сожалению, считал Г. Спенсер, причинно-следственные связи в социальных вопросах продолжают относиться к первой группе.

Отмечая влияние внешней среды и способность человека приспосабливаться к ней, Г. Спенсер указывал, что от этого меняется и природа человека (есть немедленное воздействие и отдалённое). Законодателю необходимо понять элементы социальной деятельности, которая представляет собой коллективный результат желаний индивидов, удовлетворяющих их самым лёгким путём согласно приобретённым привычкам и образу мысли. Действие эмоций, идеи предков и идеи живущих в настоящем создают социальный строй и социальную деятельность. Поэтому социальному развитию более **способствуют индивидуальные усилия** по удовлетворению потребностей и **добровольная кооперация**, нежели принуждение со стороны правительства. Это и есть движущая сила прогресса, научно-технического развития. Правительство лишь выполняет некоторые из функций, создавая условия для реализации индивидуальных усилий и коллективного добровольного сотрудничества, и поддерживает общественный порядок. Даже язык создают не законодатели, а люди для социального взаимодействия для достижения личных целей.

Части социальной организации настолько связаны, что воздействие на одну из них автоматически отражается на всех частях. Закон также влияет непосредственно на один фактор, но это отражается на всей системе. В семейной жизни и в жизни правительственной действуют два противоположных принципа. В первом случае: чем меньше заслуги, тем больше вознаграждение (больше заботы еще слабым детёнышам, чем взрослым). Во втором: чем больше заслуги, тем больше вознаграждение (иначе общество не сможет конкурировать с другими, хотя помощь слабым не исключается, но она не должна быть в ущерб сильным и достойным). Этот **своеобразный принцип выживания сильнейшего** подлечит применению к жизни социума.

1 Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с. С.106.

2 Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с. С.111.

Таким образом, мораль семьи и мораль государства не совпадают и смешивать их для достижения общественного блага будет ошибкой. Человек будущего должен не только приспосабливаться к изменениям, но и уметь отказаться от немедленных простейших наслаждений ради большего наслаждения в будущем. Приспосабливаясь, человек должен преодолеть несоответствие своей природы внешним условиям, должен пережить страдания, которых не поможет избежать ни один закон. Симпатия людей друг друга способна обеспечить выживание лучших и более приспособляемых, если она не нарушает закон общей свободы, в частности, не искажает отношение между закономерным порядком и условиями жизни. Об этом Г. Спенсер рассуждал ещё в 1851 г. в своей «Социальной статике». В работе «Личность и государство» он продолжил развивать эту идею, утверждая, что в случае обеспечения выживания более способных к приобщению и изменчивости удаётся достигать развития, прогресса, социальной эволюции. Все попытки искусственного поддержания менее способных тормозят развитие и способны приводить к упадку (а в природе к вырождению).

При этом Г. Спенсер подчёркивал лицемерие тех, кто не хочет видеть реального действия в социуме борьбы за существование, но при этом спокойно относится к войнам: «...такое притворное великодушие по отношению к «меньшим братьям» внутри страны не заслуживает большого уважения, когда люди со спокойным сердцем жертвуют своими же «меньшими братьями» вне страны»¹. Суть в том, что проблемы несчастных и неосторожных часто пытаются решить за счёт честных тружеников, принимая законы, которые обременяют их непосильными налогами, сборами. В результате этих тружеников также доводят до тяжёлого положения, искусственно низводят до положения слабых. Так, непродуманно помогают одним за счёт других, недостойным за счёт достойных, искусственно усложняя им жизнь. Здесь **ошибка законодателя обусловлена самой природой правительства, зародившегося на почве стремления к захвату**.

Г. Спенсер призывал законодателя не стремиться решить проблемы одних за счёт других, считая это вмешательством в закон борьбы за существование, что влечет несправедливость по отношению к тем, кто оказался более добросовестным и достойным. Здесь неприменимы слова «покровительство», «протекционизм». Грех законодателя, обременяющего труженика, который сам еле сводит концы с концами (важен именно он, так как состоятельный не сильно пострадает, лишившись только части своего излишка), проистекает из представления, что на свою собственность человек получает права только по воле и с разрешения общины, а значит общество имеет абсолютное преимущество в отношении имущества каждого из своих членов.

Общество, по Г. Спенсеру – это продукт развития (а не творчества), это естественный строй, в котором все учреждения («правительственные, религиозные, промышленные, торговые и др.») находятся во взаимной зависимости друг от друга, то есть это строй органический в определённой степени. Неправильно представлять общество как тесто, из которого можно лепить любую форму. Законодатель ошибочно убеждён, что все будут действовать так, как он определил, при этом он не знает и не учитывает привычки и образ мыли громадного числа людей, недостаточное внимание уделяет вопросам социальной обусловленности права. Законодатель самонадеянно считает, что умению создавать законы для целой нации не надо учиться, не осознает весь объем своей ответственности за принятые решения и, по сути, эту ответственность не несёт.

Что же должен учитывать и понимать законодатель?

1) Все социальные явления вытекают из явлений индивидуальной жизни, а они, в свою очередь, из «жизненных явлений», поэтому законодатель должен создавать правила жизни для общества, только изучив последовательные явления социального порядка в их последовательной связи.

2) Сравнительная социология позволит проследить как возникают и развиваются общества, утверждается власть в войнах, формируется разделение труда, создаются и распадаются группы. В результате можно понять помимо особенностей общие, одинаковые начала, сходства в возникновении и развитии. Необходимо выявлять социальные законы, которые требуют глубокого изучения законодателем.

3) Законодателю требуется изучение длительной истории создания и действия многочисленных законов. Глубокое исследование прошлого законодательного опыта поможет избежать допущенных в прошлом ошибок.

Только если законодатель учел сказанное выше и получил необходимые знания, сделал все, что возможно, чтобы предотвратить ошибки, он может быть освобождён от порицания, от ответственности за допущенные ошибки. В ином случае, если законодатель инициирует закон, который приносит вред, он не заслуживает прощения и должен быть наказан. Но каково должно быть наказание и как его реализовать, Г. Спенсер не предлагает.

Список литературы:

1. Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.
2. Спенсер Г. Основания социологии Герберта Спенсера: перевод с английского. Т. 2. Индукция социологии. — Санкт-Петербург: Издание И. И. Библина, 1876-1877. — [4], III, [5], 497-897, [2] с.
3. Спенсер Г. Основные начала: Основные начала Пер. с англ. — Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев, 1897. — [4], IV, 467 с.: 24.
4. Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества = Social Statics (1851). — Санкт-Петербург: Издание Н.П.Полякова, 1872. — 471 с.
5. Чуйко В. В. Льюис; Шопенгауэр; Гартман; Дж.Ст. Милль; Герб. Спенсер [статьи] и два портрета Льюиса: = Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер статьи и два портрета Льюиса. Приложение к Истории философии Д.Г. Льюиса. — Санкт-Петербург: А.С. Семенов, 1892. — XVI, 755-794 с., 2 л. фронт (портр.): 23.

References:

1. Spencer, G. The Individual and the State / translated from English. Chelyabinsk: Socium, 2007. 207 p.
2. Spencer, G. Herbert Spencer's Foundations of Sociology: translated from English. Vol. 2. The Induction of Sociology. — St. Petersburg: I. I. Bilin Publishing House, 1876-1877. — [4], III, [5], 497-897, [2] p.
3. Spencer, G. Fundamental Principles: Fundamental Principles. Translated from English. — St. Petersburg: L. F. Panteleev, 1897. — [4], IV, 467 p.: 24.
4. Spencer, G. Social Statics: An Exposition of the Social Laws Which Determine the Happiness of Mankind = Social Statics (1851). — Saint Petersburg: Izdatelstvo N.P. Polyakova, 1872. — 471 p.
5. Chuyko V. V., Lewis; Schopenhauer; Hartmann; J.S. Mill; Herb. Spencer [articles] and two portraits of Lewis: = John Stuart Mill, Herbert Spencer articles and two portraits of Lewis. Appendix to the History of Philosophy by D.G. Lewis. — Saint Petersburg: A.S. Semenov, 1892. — XVI, 755-794 p., 2 leaves front (portr.): 23.

¹ Спенсер Г. Личность и государство / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2007. 207 с. С.129.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ САНКЦИОННЫХ МЕР И ИХ ВЛИЯНИЯ НА СУВЕРЕННУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН (2018–2026 ГГ.) THE LEGAL REGIME OF SANCTIONS MEASURES AND THEIR IMPACT ON SOVEREIGN STATEHOOD. ON THE EXAMPLE OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN (2018–2026)

ВИНОГРАДОВА София Алексеевна

Магистрант НИУ ИЗИСП при Правительстве РФ, юридический факультет, г. Москва.

Большая Черёмушkinsкая ул., 34, г. Москва, 117218, Россия.

E-mail: Sovin3012@mail.ru;

VINOGRADOVA S.A.,

Master's student at the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Federation,
Faculty of Law, Moscow.

34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russia.

E-mail: Sovin3012@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализированы правовые основы и политическая динамика санкционного режима против Ирана с 2018 по 2026 год, с особым акцентом на изменения после 2022 года. В основной части рассматриваются: эволюция санкций и их правовое регулирование; международная координация усилий и разногласия; устойчивость иранской модели к внешнему давлению и механизмы обхода санкций; динамика санкционного давления и ответные шаги Тегерана. Выводы суммируют результаты и формулируют правовые и политические итоги данного периода.

Abstract. The article analyzes the legal framework and political dynamics of the sanctions regime against Iran from 2018 to 2026, with a particular focus on the changes that occurred after 2022. The main part of the article examines the evolution of sanctions and their legal regulation, international coordination efforts and disagreements, the resilience of the Iranian model to external pressure, and the mechanisms for circumventing sanctions, as well as the dynamics of sanctions pressure and Tehran's responses. The conclusions summarize the findings and provide legal and political insights into this period.

Ключевые слова: Иран, суверенная государственность, международное право, санкционный режим, меры межгосударственного воздействия.

Keywords: Iran, sovereign statehood, international law, sanctions regime, measures of interstate influence.

Для цитирования: Виноградова С.А. Правовой режим санкционных мер и их влияния на суверенную государственность на примере Исламской республики Иран (2018–2026 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 117–119. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_117.

For citation: Vinogradova S.A. The legal regime of sanctions measures and their impact on sovereign statehood. On the example of the Islamic Republic of Iran (2018–2026) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 117–119. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_117.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Внешнеполитическое противостояние между Ираном и Западом сопровождается более сорока лет санкционного давления. Первые санкции США появились ещё в 1979 году после Исламской революции и захвата американских дипломатов в Тегеране. В последующие десятилетия санкции расширялись: к односторонним американским ограничениям добавились международные меры, особенно в 2006–2010 годах, когда Совбез ООН и Евросоюз присоединились к санкциям из-за иранской ядерной программы. Кульминацией этого этапа стало подписание Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, ядерной сделки) в 2015 году – соглашения, предполагавшего снятие основных санкций в обмен на ограничения ядерной программы Ирана. Однако выход США из СВПД в 2018 году положил конец периоду относительного санкционного перемирия. 8 мая 2018 года администрация Д. Трампа объявила о выходе из сделки и восстановила все приостановленные санкции. Таким образом, с 2018 года начинается новый этап санкционной политики в отношении Ирана, который стал предметом настоящего исследования.

Возвращение санкций в 2018 году осуществлялось на основании национального законодательства США и прекращения выполнения международных договоренностей¹. Президент Трамп в августе 2018 г. издал исполнительный указ №13846 о восстановлении санкций, снятых по СВПД. К ноябрю 2018 г. были вновь введены ограничения на экспорт иранской нефти, финансовые расчёты и другие ключевые отрасли, причём временные исключения (waivers) были предоставлены лишь нескольким крупнейшим импортёрам нефти². Иран был повторно отключён от системы SWIFT. Таким образом, юридически США вернулись к режиму «максимального давления», опираясь на ранее принятые законы (например, CAATSA 2017 г., законы о санкциях 1996 и 2012 гг.) и новые указы президента. Дополнительно в 2019–2020 гг. США расширили санкции: в санкционные списки попали Корпус стражей исламской революции (КСИР) как террористическая организация, ключевые сектора экономики (нефтехимия, металлургия) и высокопоставленные лица. После ликвидации генерала Касема Сулеймани в январе 2020 г. последовал новый пакет ограничений. Правовая основа американских санкций сочетала в себе как первичные запреты для американских лиц, так и вторичные санкции, угрожающие мерами против иностранных компаний за сотрудничество с Ираном – инструмент, вызывающий споры с точки зрения международного права из-за экстерриториального характера этих мер.

Международно-правовой режим санкций после 2018 года оказался фрагментированным. Формально санкции Совета Безопасности ООН, отменённые после заключения СВПД (резолюция 2231), не были повторно утверждены в многостороннем порядке. В 2020 году США пытались задействовать механизм обратного ввода санкций (snapback) через ООН, ссылаясь на нарушение Ираном ядерных обязательств. Однако большинство

1 Подробнее см. Виноградова Е.В. Конституционное право на свободу экономической деятельности сквозь призму экономических мер межгосударственного давления. // Право и государство: теория и практика. 2023. №9. С.116–119. Виноградова Е.В. Меры межгосударственного давления. Экономические санкции, реторсии, репрессалии. // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №2. С.164–172. Виноградова Е.В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления //Право и государство : теория и практика. №9.2022. С.66–69.

2 Seven years after reinstating Iran sanctions, US still clings to failed "max pressure" policy. // Press TV. 07.08.2025. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2025/08/07/752664/> (дата обращения: 23.10.2025).

более сложной: под санкционным нажимом Иран ускорил поворот на Восток, воспользовавшись расколом в международном сообществе.

Опыт 2018–2026 годов демонстрирует сложный, неоднозначный характер санкционной политики в отношении Ирана¹. Правовой режим санкций в этот период характеризовался отходом от многосторонности и опорой на национальные юрисдикции: Соединённые Штаты восставили и расширили собственные ограничения, не заручившись одобрением Совбеза ООН, что породило споры о легитимности таких мер.

Евросоюз, несмотря на начальные попытки защитить свою автономию, в итоге присоединился к санкционному давлению, разработав и свой санкционный механизм по правам человека и беспилотникам. Международное право оказалось не в полной мере способным разрешить эти споры: Иран добился частичной поддержки в суде ООН, но фактически санкции продолжились, опираясь на логику силы, а не права. Данный казус высветил проблему: механизм *spareback*, заложенный в резолюции 2231, не сработал в условиях утраты консенсуса, и это создаёт прецедент эрозии роли СБ ООН в санкционных вопросах.

В международном измерении санкции 2018–2026 гг. способствовали смене конфигурации союзов. Если раньше Иран пытался балансировать между Востоком и Западом, то теперь окончательно оформился его стратегический альянс с Россией и Китаем – во многом как реакция на изоляцию со стороны США и ЕС². Сама санкционная политика США в отношении Тегерана стала предметом критики даже среди союзников, особенно стран Глобального Юга, как избыточная и вызывающая гуманитарные последствия (дефицит лекарств, ограничение торговли продовольствием и т. д.). Это, в свою очередь, подорвало мягкую силу Вашингтона и усилило дискурс о том, что санкции – это инструмент несправедливого экономического давления на суверенные государства.

Подводя итог, можно заключить, что санкции против Ирана в 2018–2026 годах не достигли своих заявленных политических целей, но существенно повлияли на баланс сил и траекторию развития ИРИ. С правовой точки зрения, ситуация вокруг односторонних ограничений создала прецедент, ставящий под вопрос действенность международно-правовых механизмов контроля над санкциями. Санкционная война вошла в новую фазу «ни победы, ни поражения», когда ни одна из сторон не может навязать полностью свою волю. В этих условиях назревает потребность в пересмотре подходов: либо в поиске компромиссной «большой сделки», учитывающей озабоченности всех сторон, либо в продолжении изнуряющего противостояния, чреватого дальнейшей эскалацией (будь то гонка ядерных технологий или риск военных столкновений). Опыт 2018–2026 гг. служит уроком о пределах эффективности санкций: когда санкции из тактического инструмента превращаются в долговременную стратегию, они могут утратить давление, превратившись в «язык провала» международной политики.

Список литературы:

1. Виноградова Е.В. Конституционное право на свободу экономической деятельности сквозь призму экономических мер межгосударственного давления. // Право и государство: теория и практика. 2023. №9. С. 116–119.
2. Виноградова Е.В. Меры межгосударственного давления. Экономические санкции, реторсии, репрессалии // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №2. С. 164–172.
3. Виноградова Е.В. Реторсии, репрессалии и санкции. Контрфорс государственного суверенитета и мер межгосударственного давления // Право и государство: теория и практика. №9. 2022. С. 66–69.
4. Council of the EU. Timeline – EU sanctions against Iran // European Council – Council of the EU. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-iran/timeline-eu-sanctions-against-iran/> (дата обращения: 10.11.2025).
5. European Council. EU sanctions against Iran (policy page) // Consilium.europa.eu. 2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-iran/> (дата обращения: 10.11.2025).
6. Маргоев А., Артемьев П. Ни Восток, ни Запад: как иранская экономика справляется с санкциями // Доклад клуба «Валдай». 09.09.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ni-vostok-ni-zapad/> (дата обращения: 23.11.25).
7. Meshkin Ranjbar D. Iran's Adaptation Strategies Under Sanction Pressures // Valdai Club – Highlights. 13.03.2025. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/iran-s-adaptation-strategies-under-sanctions/> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Sanctions have limits; Iran is demonstrating that. // Tehran Times. 2025. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/519026/> (дата обращения: 23.10.2025).
9. Seven years after reinstating Iran sanctions, US still clings to failed "max pressure" policy. // Press TV. 07.08.2025. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2025/08/07/752664/> (дата обращения: 23.10.2025).
10. Elsea J., Rosen L., Thomas C. Iran's Petroleum Exports to China and U.S. Sanctions // CRS Insight, Library of Congress. Publication No. IN12267, 08.11.2024. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IN12267> (дата обращения: 23.10.2025).
11. Iran's drones and missiles: EU sanctions (press release). // Council of the EU. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/07/20/iran-eu-adopts-new-restrictive-measures-for-military-support-to-syria-and-russia-s-war-of-aggression-against-ukraine/> (дата обращения: 23.10.2025).
12. (ایران) خبرگزاری جمهوری اسلامی. Аналитические материалы о нефтяной и экономической политике ИРИ— Тегеран, 2022–2024.
13. «کلی» اقتصاد مقاومتی سی‌ساتوی. پیگاه اطلاع‌رسانی دفتر حفظ و نشر آثار حضرت آیت‌الله خامنه‌ای.

References:

1. Vinogradova E.V. The constitutional right to freedom of economic activity through the prism of economic measures of interstate pressure. // Law and the State theory and practice. 2023.No. 9. pp.116-119.
2. Vinogradova E.V. Measures of interstate pressure. Economic sanctions, retorsions, and reprisals. // Legal policy and legal life. 2023.No.2. pp.164-172.
3. Vinogradova E.V. Retorsions, reprisals and sanctions. The buttress of State sovereignty and measures of interstate pressure //Law and the State : theory and practice. No.9.2022. pp.66-69.
4. Council of the EU. Timeline – EU sanctions against Iran // European Council – Council of the EU. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-iran/timeline-eu-sanctions-against-iran/> (date of request: 10.11.2025).
5. European Council. EU sanctions against Iran (policy page) // Consilium.europa.eu . 2026. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-iran/> (date of request: 10.11.2025).
6. Margoev A., Artemyev P. Neither East nor West: how is the Iranian economy coping with the sanctions // Report of the Valdai Club. 09.09.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ni-vostok-ni-zapad/> (accessed: 11/23/25).
7. Meshkin Ranjbar D. Iran's Adaptation Strategies Under Sanction Pressures // Valdai Club – Highlights. 03/13/2025. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/iran-s-adaptation-strategies-under-sanctions/> (date of access: 10/23/2025).
8. Sanctions have limits; Iran is demonstrating that. // Tehran Times. 2025. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/519026/> (accessed: 10/23/2025).
9. Seven years after reinstating Iran sanctions, the US still clings to failed "max pressure" policy. // Press TV. 08/07/2025. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2025/08/07/752664/> (date of access: 10/23/2025).
10. Elsea J., Rosen L., Thomas C. Iran's Petroleum Exports to China and U.S. Sanctions // CRS Insight, Library of Congress. Publication No. IN12267, 11/08/2024. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IN12267> (accessed: 10/23/2025).
11. Iran's drones and missiles: EU sanctions (press release). // Council of the EU. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/07/20/iran-eu-adopts-new-restrictive-measures-for-military-support-to-syria-and-russia-s-war-of-aggression-against-ukraine/> (date of access: 10/23/2025).
12. (ایران) اسلامی جمهوری خبرگزاری. Analyses of oil and economic policy of the Islamic Republic of Iran— Tehran, 2022-2024.
13. خامنه‌ای آیت‌الله حضرت آثار نشر و حفظ دفتر اطلاع‌رسانی پیگاه. SiesatOI کلی "کلی": official materials.

1 Council of the EU. Timeline – EU sanctions against Iran // European Council – Council of the EU. 2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-iran/timeline-eu-sanctions-against-iran/> (дата обращения: 10.11.2025).

2 Маргоев А., Артемьев П. Ни Восток, ни Запад: как иранская экономика справляется с санкциями // Доклад клуба «Валдай». 09.09.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ni-vostok-ni-zapad/> (дата обращения: 23.11.25)

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: ИСТОЧНИКИ, ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ THE PHENOMENON OF RUSSIAN LEGAL AWARENESS: SOURCES, FEATURES, PROBLEMS

ГЕРБУТ Елена Анатольевна,

Кандидат философских наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23.
E-mail: Inden@mail.ru

ЛАБУТИНА Ирина Геннадьевна,

Кандидат философских наук, заведующий учебной частью
ГБПОУ города Москвы "Московский индустриальный колледж".
121351, Россия, г. Москва, ул. Бобруйская, д. 7.
E-mail: sociologiakabgau@mail.ru

ГЕЦ Анастасия Алексеевна,

Студент направления подготовки Экономика и управление на предприятии (организации)
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23.
E-mail: nastagerk774@gmail.com

ВОРОШИЛОВА Анна Максимовна

Студент направления подготовки Экономика и управление на предприятии (организации)
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал.
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23.
E-mail: anya.voroshilova.07@bk.ru

GERBUT E. A.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23.
E-mail: Inden@mail.ru

LABUTINA I. G.,

Candidate of Philosophical Sciences, Head of the academic department GBPOU of the city of Moscow "Moscow Industrial College".
121351, Russia, Moscow, Bobruiskaya str., 7.
E-mail: sociologiakabgau@mail.ru

GETS A. A.,

Student of the Department of Economics and Management at the Enterprise (Organization)
of the Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya Street, 23.
E-mail: nastagerk774@gmail.com

VOROSHILOVA A. M.,

Student of the Department of Economics and Management at the Enterprise (Organization)
of the Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya Street, 23.
E-mail: anya.voroshilova.07@bk.ru

Краткая аннотация. Правосознание представляет собой важнейший элемент общественного сознания, отражающий отношения народа к правовым нормам и законодательству. Оно не только определяет повседневное поведение граждан, но и оказывает влияние на эффективность функционирования правовых институтов, на процессы законотворчества и на степень соблюдения правопорядка. В каждой культуре правосознания складывается на основе специфических историко-культурных предпосылок, что придает ему уникальные черты восприятия права. Работа представляет анализ источников и особенностей правосознания в русской культурной традиции. В статье раскрывается уникальность российского правосознания, обусловленная особенностями мировоззрения и имеющая укоризненность в культурном коде, что имеет ключевое значение для объяснения специфики правовых явлений и для разработки целенаправленных мер правового образования и совершенствования правовой системы в Российской Федерации.

Abstract. Legal awareness is an essential element of public consciousness, reflecting people's attitudes towards legal norms and legislation. It not only determines the daily behavior of citizens, but also has an impact on the effective functioning of legal institutions, law-making processes and the degree of respect for law and order. In each culture, the legal consciousness is formed on the basis of specific historical and cultural prerequisites, which gives it unique features of the perception of law. The work presents an analysis of the sources and features of legal awareness in the Russian cultural tradition. The article reveals the uniqueness of the Russian legal consciousness, due to the peculiarities of the worldview and having a reproach in the cultural code, which is of key importance for explaining the specifics of legal phenomena and for developing targeted measures of legal education and improving the legal system in the Russian Federation.

Ключевые слова: правосознание, культура, мировоззрение, Культурный код, право, мораль, закон.

Keywords: legal awareness, culture, worldview, Cultural code, law, morality, law.

Для цитирования: Гербут Е.А., Лабутина И.Г., Гец А.А., Ворошилова А.М. Феномен российского правосознания: источники, особенности, проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 120-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_120.

For citation: Gerbut E.A., Labutina I.G., Getz A.A., Voroshilova A.M. The Phenomenon of Russian Legal Awareness: Sources, features, problems // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 120-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_120.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Правосознание — это совокупность устойчивых представлений, эмоций, убеждений и оценок, связанных с правовыми нормами, институтами и правилами поведения. Оно формируется в рамках правовой культуры общества под влияниями исторических традиций, уровня образования и социального опыта. Правосознание не существует отдельно от культуры. Культурные ценности и нормы задают систему правовых ориентиров и определяют характер восприятия права в каждом сообществе.

Современное российское правосознание во многом иллюстрирует уникальную диахроническую конвергенцию правовых и этических норм, обусловленную особенностями национальной культурно-концептуальной парадигмы. В структуре отечественного правосознания фиксируется intersubъективный синтез юридических предписаний и моральных аксиом, где последние выступают как эвристическая основа правового регулирования. Противоположность этому, западное юридическое мышление склонно к автономизации права, конституирующему самостоятельную онтологическую сущность, дифференцированную от нравственных установок[6].

В современном глобализованном мире доминирующее положение занимает правовая модель, укоренённая в западноевропейской традиции[3]. Её принципы — верховенство закона, формальное равенство, светский характер права — часто преподносятся как универсальный стандарт, к которому должны стремиться все общества. Однако такой подход является глубоко ошибочным, поскольку игнорирует фундаментальную культурно-историческую обусловленность феномена права. Право — не просто набор технических норм, а сложный социокультурный институт, вырастающий из ядра цивилизации, её религиозных, философских и социальных представлений.

В данной работе предпринята попытка сравнительного анализа базовых, для российского правосознания, правовых традиций: европейской континентальной и византийско-православной. Цель исследования — выявить характерные черты отношения к норме права, сформировавшиеся в русской культуре и причины их уникальности[4].

Европейская континентальная модель, часто воспринимаемая как эталон, сформировалась в результате уникального стечения исторических факторов: рецепции римского права, секуляризации общественной жизни в эпоху Ренессанса и Просвещения, становления централизованных наций-государств. Её культурный базис — это торжество человеческого разума над верой, индивидуализма над корпоративностью, идеи общественного договора над божественным промыслом[8]. Ключевая черта этой системы — автономия права. Право здесь сознательно конструируется как закрытая, логически непротиворечивая система, стремящаяся к максимальной независимости от морали, религии и политики. Высшая сила — закон, понимаемый как продукт рациональной воли законодателя. Его функция сугубо утилитарна и прагматична: интеграция общества в рамках государства, унификация правового пространства для эффективного управления и регулирование обезличенных отношений в условиях глобального рынка. «Универсальность» европейского права — это универсальность эффективного инструмента, удобного для администрирования и коммерции[5]. Его сила в предсказуемости и кодифицированности, однако его слабость — в потенциальном отрыве от представлений о содержательной справедливости, которые могут существенно различаться в разных культурах.

В противоположность западному рационализму, византийско-православная традиция, унаследованная Россией и рядом других православных стран, зиждется на ином фундаменте. Это византийская имперская идея симфонии властей, православная этика и ценность соборности. Основополагающий принцип здесь — приоритет справедливости («правды») над буквой закона. Закон воспринимается не как самодостаточная ценность, а как слуга высшей моральной и религиозной истины. Право не автономно, оно глубоко подчинено этике. Это порождает так называемое «ситуативное правосознание», где формальная законность может быть принесена в жертву для достижения праведного исхода по усмотрению носителя авторитета. Цель правового регулирования — не безупречная процедура, а восстановление нарушенной гармонии и утверждение «правды». Такая система обладает высокой ценностной нагруженностью, но низким формальным детерминизмом, что часто воспринимается извне как правовой нигилизм, хотя изнутри является последовательным следованием более высокому императиву.

Европейская модель права — лишь одна из возможных, исторически сложившихся в специфических условиях Западной Европы. Её глобальное распространение в Новое и Новейшее время было обусловлено в первую очередь политико-экономической гегемонией Запада, технической рациональностью и удобством для нужд глобальной торговли, а также претензией на нейтральную светскость. Однако российская традиция ментально поддерживает идею духовной аскезы, в ходе которой происходит циклический анализ иерархий идеала и эмпирической реальности. Отсюда формируется когнитивный постулат приоритета нравственного архетипа как метафизической гарантии истины, превосходящей любую формальную юрисдикционную норму.

Философско-правовой анализ истоков данной спецификации обычно апеллирует к православно-византийскому культурному феномену. В этой культурной ментальности право предстает как метафизическая надстройка духовной коммутации субъектов, основанная на христианской аскетике и идеологии благодати.

В противоположность этому, западноевропейская правовая сознательность, сложившаяся на руинах Западной Римской империи V века, была обусловлена мультикультурным арифметизмом варварских этносов, интегрированных греко-римской цивилизацией, которая являлась архетипическим культурным ядром для формирующейся западной ментальности[9].

Естественно, противоречия между нормативными предписаниями этического и юридического порядка не исключены и в западной социальной парадигме. Тем не менее, сознательный прагматизм юридической системы направлен на минимизацию таких коллизий посредством превентивных мер и институциональных барьеров. Однако в случае возникновения когнитивно-нормативного диссонанса разрешение конфликта осуществляется преимущественно с опорой на формально закреплённые правовые регламенты. Таким образом, нормативная гегемония права сохраняется даже в условиях социокультурного напряжения, что демонстрирует приоритет юридической онтологии над этической герменевтикой.

Правовое учение, формировавшееся в данных условиях, первоначально характеризовалось превалярованием античного рационали-

стического эпистемологизма, который немедленно породил проблему дихотомии между юриспруденцией и этикой, а также необходимость институционального и концептуального разграничения их сферы действия. Сопряжено с этим выступала и антиподальная внерациональная византийская эпистемология истины. В соответствии с данной парадигмой, категория истины, традиционно ассоциируемая с натурфилософией и математическими дисциплинами, широко интегрировалась в правовые дискурсы. Принимая, что истина по своей сущности моноспектральна, универсальна и не зависит от контекстуальных параметров, она закрепляется исключительно за правом, тогда как нравственные императивы теряют её неотъемлемость и апеллируют к авторитету лишь в эпистемологически слабой форме. Однако истина, эмпирически обоснованная авторитетом, даже божественным, в западной рационалистической ментальности не эквивалентна доказательству типа арифметического утверждения « $2 \times 2 = 4$ », а, следовательно, не признаётся полноценной истиной. Такая установка коренным образом трансформировала восприятие и доктрины христианской веры.

В этой модели субъект-божественное и субъект-гомо оказываются в quasi-contractual отношениях, обладающих элементами паритетности, где человеческий субъект, исполняя христианские обязательства, вправе рассчитывать на корреспонденцию сверхъестественного агента. В рамках этого инсайта Бог воспринимается как рациональный актант, подчинённый формальным логико-математическим истинам; « 2×2 » для Него не может давать иной результата. Данное рациональное обременение Божества, очевидное для верующего сознания, демонстрировало предельную редукцию атрибута всемогущества — аспект, который, естественно, не укрылся от внимания римской церковной иерархии. Тем не менее, рационалистическое оправдание гласило, что абсолютная власть Бога остаётся непоколебимой, поскольку проявляется в добровольном согласии подчиняться логическим законам, созданным им самим. Итогом становится тот факт, что западная культурно-эпистемологическая традиция допускает истиной лишь то, что совместимо с логико-рациональной истиной, которая по своей природе монополизирует статус единственно истинной и отвергает антиномию. «Сумма против язычников» Фомы Аквинского [1], главного идеолога Римской Католической церкви, построена именно на идее тождественности истины веры и истины разума.

Таким образом, в западной когнитивной матрице, в отличие от российской, фиксируется иная иерархия право-моральной взаимосвязи: право является авангардом, обладающим исключительной правдивостью.

В данном контексте неизменно функционирует аксиома, гласящая, что «исключительное право определять моменты, когда оно само подчиняется этическим нормам, принадлежит лишь самому праву». Очевидно, что феномены нравственного или аморального поведения индивида в социуме приобретают маргинальный статус в системе нормативного регулирования [10]. Юридическая нормативность становится преобладающим регулятором практически всех социальных взаимодействий в западной цивилизационной парадигме. Современные западные правоведы констатируют лишь некоторые исключения из правового сферы — такие как семейные отношения, публичное международное право и криминальные структуры, — тогда как «фактически все прочие области деятельности подлежат юридическому контролю»

Резко контрастирует с этим ситуация в мире российского правосознания, где концепт истины апробирован в свете религиозного авторитета и диахронически реперезентируется через призму нравственных канонов. Правовые предписания, хоть и институционализируемые человеком, здесь утрачивают свою абсолютную позитивную аксиологию, лишаясь присущей им догматы истинности. Это являет собой важнейший маркер национальной идентичности — феномена, столь же фундаментального и необходимого для коллективного сосуществования, как и индивидуальная идентичность личности. Противостоящие ныне утверждения о западных правовых ценностях как универсальных и обладающих приоритетом над локальными культурными системами становятся в свете российского правосознания проявлением выхода за пределы национальной парадигмы. Такая тенденция адекватно воспринимается как утрата или трансмутация национально-культурного самосознания.

Проблема эффективности правовой системы и ее восприятия обществом является одной из центральных для любой страны, переживающей трансформацию. В России эта проблема приобретает особую остроту и глубину, выходя за рамки сугубо юридического дискурса в область истории культуры, философии и коллективной психологии. Ключ к пониманию современных противоречий российского права лежит не в конституционных нормах последних десятилетий, а в многовековых пластах правовой культуры, уходящих корнями в византийскую традицию. Анализ этой традиции позволяет выявить фундаментальную антиномию между «справедливостью» и «законностью» и, как следствие, сформулировать главную дилемму современного развития: необходимо ли кардинально менять менталитет народа под нужды формального права или, наоборот, адаптировать правовую систему под устойчивые архетипы национального правосознания.

Истоки российского правосознания формировались под непосредственным влиянием византийской христианской традиции, воспринятой после Крещения Руси. В византийской политико-правовой модели, в отличие от позднеримской, где постепенно утверждался автономный статус права (лат. *lex*), не существовало четкого разделения между сферой права, религиозной нравственности и государственного управления. Право было не самодостаточной системой формальных норм, а одним из инструментов достижения высшей цели — спасения души и построения царства «правды» на земле.

Понятие «правды» (греч. *δίκαιοσύνη* — справедливость, праведность) стало центральным для древнерусского правосознания. Оно означало не просто юридическую корректность, а абсолютную, божественную справедливость, воплощение нравственного идеала [7]. «Правда» в «Русской Правде» — это скорее свод морально-религиозных установлений, призванных восстановить нарушенную гармонию, а не кодекс абстрактных правил. Закон (или «устав», «покон») воспринимался как конкретное, часто ситуативное выражение этой «правды», исходящее от власти имущих, но не тождественное ей. Таким образом, с самого начала в культуре был заложен фундамент содержательной справедливости («по совести», «по правде») над формальной законностью («по букве закона»). Этот синтез права и религиозной морали создал уникальный культурный код, в котором легитимность нормы определялась не столько процедурой ее принятия, сколько соответствием глубинным, сакрально-

зованным представлениям о должном и справедливом.

Из описанного фундамента проистекает устойчивая и воспроизводящаяся на протяжении столетий антиномия российского правового поля – конфликт между «справедливостью» как высшей ценностью и «законностью» как формальной процедурой. В народном сознании закон часто ассоциировался с волей начальства, которая может носить субъективный характер. Высшим же судьей всегда оставалась внутренняя, экзистенциальная «правда».

Эта антиномия ярко отражена в русской литературе и общественной мысли. От Радищева, писавшего о законе - обманщике, до героев Достоевского, которые мучительно решают, можно ли нарушить формальный закон («кровь по совести») ради высшей справедливости или всеобщего счастья. Суд присяжных в Российской империи, выносивший оправдательные вердикты вопреки прямым уликам, если поступок подсудимого находил нравственное оправдание в народных представлениях, – классическое проявление этого конфликта. Даже в советский период, при формальном господстве «социалистической законности», коллективное сознание часто апеллировало к «революционной», «классовой» или просто «человеческой» справедливости, стоящей над писаными кодексами.

Попытки масштабной правовой модернизации России по либеральным лекалам, активно предпринимавшиеся с 1990-х годов, столкнулись с фундаментальной проблемой. Имплантированная модель, основанная на идее верховенства формального закона как универсальной и самодостаточной регулятивной силы, автономии права от морали и религии, примате процедуры над результатом, вошла в глубокое противоречие с описанным культурным кодом.

Общество, привыкшее искать «правду» и «справедливость» в содержательном, а не процессуальном смысле, с трудом воспринимает ситуации, когда «закон есть закон», даже если его применение ведет к результату, кажущемуся несправедливым. Широко распространены феномены правового нигилизма (игнорирование «неудобного» закона) и правового идеализма (разочарование в праве, когда оно не решает все проблемы «по правде»).

Правовая система, построенная на абстрактных принципах, зачастую воспринимается как чужая, «не наша», порождающая известную формулу «строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения». Это не просто нежелание подчиняться правилам, а более глубокое отторжение самой философии, лежащей в основе этих правил. Западный юризм, предполагающий, что формально правильная процедура гарантирует справедливый результат, конфликтует с архетипической установкой на поиск справедливости помимо и поверх процедуры.

В этой точке возникает ключевая дилемма дальнейшего развития российской правовой государственности [], которая может быть сформулирована в виде двух альтернативных стратегических путей.

Путь первый: Изменение правосознания (менталитета). Этот путь предполагает целенаправленную и долгосрочную работу по трансформации коллективного правосознания в сторону принятия западной модели. Он включает в себя масштабную правовую социализацию через систему образования (с детского возраста), пропаганду ценности закона как такового, независимо от его содержания, формирование уважения к процедуре как к единственной гарантии против произвола. Это путь «сверху вниз», требующий последовательных действий государства, медиа, институтов гражданского общества. Его сторонники полагают, что только воспитание нового «юридического человека», для которого закон – внутренняя ценность, позволит построить современное эффективное правовое государство. Однако главный риск этого пути – его утопичность. Глубинные культурные коды, складывавшиеся столетиями, крайне устойчивы. Попытка «переформатировать» менталитет может привести лишь к усилению социального отторжения, лицемерию (внешнему соблюдению при внутреннем неприятии) и дальнейшей эрозии доверия к институтам.

Путь второй: Изменение системы права. Альтернативная стратегия состоит в признании устойчивости традиционного правосознания и адаптации правовой системы к его базовым параметрам. Речь не идет об отказе от писаного права, а о его серьезной корректировке. Это могло бы означать: больший акцент в законодательстве и судебной практике на принципы справедливости и добросовестности как на прямые источники права; развитие гибких процедур, ориентированных не только на формальную истину, но и на восстановительное правосудие и примирение сторон; учет в правотворчестве не только абстрактных доктрин, но и массовых представлений о «справедливом» решении. Данный путь предлагает искать органичные формы правовой модернизации, которые не ломают, а учитывают исторически сложившуюся ментальность. Его опасность – в возможности релятивизации права, его растворении в моральных и политических оценках, что чревато усилением произвола под видом учета «конкретных обстоятельств».

Исторический анализ однозначно показывает, что конфликт между византийско-православной концепцией «правды» и западноевропейской идеей верховенства формального «закона» является системообразующим для российской правовой культуры. Современный кризис правовой системы во многом является следствием игнорирования этой глубинной антиномии при конструировании новых институтов. Выбор между двумя обозначенными путями – модернизацией менталитета или модернизацией права – представляет собой не просто техническую юридическую задачу, а судьбоносный цивилизационный выбор. Возможно, наиболее реалистичным сценарием является не радикальный выбор в пользу одной из альтернатив, а поиск сложного, диалектического синтеза: последовательное укрепление формально-процедурных гарантий и институтов при одновременном наполнении их содержанием, которое не вступало бы в непримиримый конфликт с укорененными в культуре архетипами справедливости. Однако достижение такого баланса остается одной из самых трудных задач для России как государства, разрывающегося между традицией и модернизацией.

Список литературы:

1. Фома Аквинский Сумма против язычников. В двух книгах / Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004 – 583 с.
2. Гербут Е.А. Проблемы и перспективы гуманитарных исследований в России // В сборнике: Новые вызовы для экономики России: актуальные подходы и перспективные решения. сборник научных трудов студентов IX Международной межвузовской научно-практической конференции преподавателей и студентов. Краснодар, 2025. С. 66-72.
3. Актуальные проблемы национальной безопасности России: монография / Дудченко А.В., Колкарева И.Н., Сигида Д.А. КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова. - Краснодар: Экоинвест, 2023. - 124с.
4. Павловская В.Ю., Дудченко А.В. Тенденции развития правосознания и правовой культуры в современном российском обществе//В сборнике: Цифровая трансформация социальных и экономических систем. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редактор И.А. Королькова. Москва, 2023. С. 851-856.
5. Недилько Ю.В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя//Юридическая наука. 2016. № 1. С. 23-28.
6. История государства и права зарубежных стран: Учебник для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция / В. Л. Рассказов, Л. П. Рассказов, А. В. Дашин [и др.]. - Краснодар: КубГАУ, 2023. - 214 с.
7. Сармабекьян, Б.С., Алексеенко О.И., Колкарева И.Н., Мартиросов Р.Г., Кирий Е.В., Батуркина Е.И., Даниленко Т.В. Терминологический словарь по гуманитарным дисциплинам: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед., изуч. гуманит. дисциплины. - Краснодар: КФ РГТЭУ, 2004. - 225 с.
8. Художественный дискурс: проблемы и ресурсы понимания / Еремеева А.А., Мартиросьян Е.Г., Редько Г.В., Самарская Т.Б. – Краснодар: ООО "Просвещение-Юг", 2020.-97 с.
9. Bondarenko N.G., Strizhova E.V., Allalyev R.M., Smirnov M.G., Dudchenko A.V. History and main trends in the development of copyright//Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 1. С. 41-47.
10. Сигида Д.А., Напалкова М.Г. Искусство в постмодернистском мире субкультур//В сборнике: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Мягковой Т.Л., 2019. С. 130-133.

References:

1. Thomas Aquinas The Sum against the Pagans. In two books / Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 2004 – 583 p.
2. Gerbut E.A. Problems and prospects of humanitarian research in Russia // In the collection: New Challenges for the Russian economy: relevant approaches and promising solutions. collection of scientific papers of students of the IX International Interuniversity scientific and practical Conference of teachers and students. Krasnodar, 2025. pp. 66-72.
3. Actual problems of national security of Russia: a monograph / Dudchenko A.V., Kolkareva I.N., Sigida D.A. Faculty of Economics named after G.V. Plekhanov. Krasnodar: Ecoinvest, 2023. 124c.
4. Pavlovskaya V.Yu., Dudchenko A.V. Trends in the development of legal awareness and legal culture in modern Russian society//In the collection: Digital transformation of social and economic systems. Materials of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief I.A. Korolkova. Moscow, 2023. pp. 851-856.
5. Nedilko Yu.V. Teleological and semantic aspects of interpretation of legislator's intentions//Legal science. 2016. No. 1. pp. 23-28.
6. History of the state and law of foreign countries: A textbook for students in the field of training 40.03.01 Jurisprudence / V. L. Rasskazov, L. P. Rasskazov, A.V. Dashin [et al.]. - Krasnodar: KubGAU, 2023. - 214 p.
7. Sarmabekhyan, B.S., Alekseenko O.I., Kolkareva I.N., Martirosov R.G., Kiriy E.V., Baturkina E.I., Danilenko T.V. Terminological dictionary of the humanities: text-book. student's handbook. higher. studies. institution., studied. humanities. disciplines. Krasnodar: KF RGTEU, 2004. 225 p.
8. Artistic discourse: problems and resources of understanding / Eremeeva A.A., Martirosyan E.G., Redko G.V., Samarskaya T.B. – Krasnodar: LLC "Prosveshchenie-Yug", 2020.-97 p.
9. Bondarenko N.G., Strizhova E.V., Allalyev R.M., Smirnov M.G., Dudchenko A.V. History and main trends in the development of copyright//Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9. No. 1. pp. 41-47.
10. Sigida D.A., Napalkova M.G. Art in the postmodern world of subcultures//In the collection: SOCIO-ECONOMIC TECHNOLOGIES OF SOCIETY DEVELOPMENT. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Edited by T.L. Myagkova, 2019. pp. 130-133.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN THE SYSTEM OF LEGAL SPECIALIZATION

ГАРЕЕВА Эльвира Рифовна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процессуальных дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: e.r.gareeva@struust.ru

КАСИМОВА Зульфира Шафиковна

доцент кафедры психолого-педагогического образования Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: z.s.kasimova@struust

ШАГИЕВА Зухра Хайдаровна

судья Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан, кандидат юридических наук
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: kaf_kmp@struust.ru

GAREEVA Elvira Rifovna,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: e.r.gareeva@struust.ru

KASIMOVA Zulfira Shafikovna

Associate Professor of the Department of Psychological and Pedagogical Education
of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 49 Lenina Ave.
E-mail: z.s.kasimova@struust

SHAGIEVA Zukhra Khaidarovna

Judge of the Sterlitamak City Court of the Republic of Bashkortostan, Candidate of Law.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: kaf_kmp@struust.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности комплексного подхода к терапии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с учётом индивидуальных особенностей пациентов и специфики травматических событий. Раскрываются механизмы и этиология ПТСР, анализируются методы саморегуляции, включая аутотренинг и когнитивно-поведенческие практики, а также личностно-ориентированные подходы, направленные на трансформацию внутреннего отношения к травме и принятие ответственности за эмоциональное состояние. Особое внимание уделяется анализу стрессовых реакций и другим актуальным направлениям психологической работы.

Abstract: The article examines the features of an integrated approach to the treatment of post-traumatic stress disorder (PTSD), taking into account both the individual characteristics of the patient and the specifics of traumatic events. The mechanisms and root causes of PTSD development are revealed; self-regulation techniques, such as auto-training and CBT practices, are considered; methods of personality-oriented work that help transform the internal attitude to traumatic events, contributing to the acceptance of responsibility for one's emotional state and behavior are analyzed. Attention is also paid to the analysis of stress reactions and other relevant areas.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство; прогнозирование возможных симптомов ПТСР и их проработка; создание стратегий решения с будущими трудностями; применение метода глазодвигательных техник (EMDR).

Keywords: post-traumatic stress disorder; prediction of possible symptoms of PTSD and their elaboration; creation of strategies for dealing with future difficulties; application of oculomotor techniques (EMDR).

Для цитирования: Гареева Э.Р., Касимова З.Ш., Шагиева З.Х. Психологическое сопровождение в системе правовой специализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_125.

For citation: Gareeva E.R., Kasimova Z.Sh., Shagieva Z.Kh. Psychological support in the system of legal specialization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_125.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В современной психологической практике психотерапия занимает ведущее место в качестве эффективного инструмента преодоления посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР). Её цель заключается в формировании новой системы восприятия реальности, восстановлении самоуважения и адаптации к изменяющимся условиям жизни. Исследования в данной области активно ведутся такими специалистами, как П.А. Корчемный, А.Л. Акулич, В.А. Агарков, В.В. Дударев, В.В. Кузовкин, В.А. Раздубов, А.Ю. Федотов, И.Г. Малкина-Пых, А.В. Макаручук, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Быховцев, Э.С. Калмыкова, М.А. Падун, Э.Г. Удачина и другими.

Значительный вклад в изучение ПТСР внёс О.А. Блинов, который выделяет следующие психотерапевтические подходы:

- 1) рационально-ориентированную психотерапию, раскрывающую механизмы и причины развития расстройства (например, объяснение пациенту нейрофизиологических основ гиперактивности при ПТСР и обучение распознаванию триггеров);
- 2) методы психической саморегуляции, включая аутотренинги и релаксационные практики (применение прогрессивной мышечной ре-

лаксации по Джекобсону для снижения мышечного напряжения у ветеранов боевых действий);

3) когнитивно-поведенческую терапию, направленную на коррекцию искажённых представлений (работа с катастрофизацией воспоминаний у жертв насилия через технику когнитивного реструктурирования);

4) личностно-ориентированную работу, способствующую трансформации отношения к травме (ведение дневника эмоций для переосмысления травматического опыта);

5) логотерапию, ориентированную на поиск смысла пережитого (помощь онкологическим пациентам в нахождении личностного смысла в перенесённом заболевании);

6) групповую терапию, обеспечивающую коллективное осмысление проблем (проведение сессий для ветеранов с обсуждением схожих переживаний и копинг-стратегий);

7) анализ стрессовых реакций в контексте совместной деятельности (моделирование стрессовых сценариев в учебных группах спасателей с последующим анализом коллективных реакций) [1, с. 105].

Б.В. Ананьев акцентирует внимание на комплексном подходе, предполагающем последовательное решение ключевых задач:

1) обсуждение впечатлений и реакций (например, структурированные групповые дискуссии, где военнослужащие делятся первыми воспоминаниями о травмирующем событии);

2) формирование осознания сути произошедших событий (реконструкция последовательности событий чрезвычайной ситуации с помощью техники временной линии);

3) снижение чувства изоляции через обмен опытом (проведение групп взаимопомощи для жертв насилия с обсуждением схожих переживаний);

4) мобилизацию внутренних ресурсов и групповой поддержки (использование метафоры «копилки достижений» для активизации личностных сильных сторон);

5) снижение тревожности (дыхательные упражнения по методу 4-7-8 для купирования панических атак);

6) подготовку к возможным симптомам ПТСР (составление индивидуальных планов действий при возникновении флешбэков);

7) применение глазодвигательных техник (EMDR) (десенсибилизация травматических воспоминаний у жертв ДТП с помощью билатеральной стимуляции);

8) гештальт-терапию (техника «пустой стул» для завершения незавершённых диалогов с участниками травматического события);

9) когнитивно-поведенческие методы (ведение дневника автоматических мыслей для выявления когнитивных искажений);

10) семейную психотерапию (организация совместных сессий для восстановления коммуникации между ветераном и членами его семьи);

11) технику вскрывающих интервенций (направленное воспроизведение обстоятельств травмы в контролируемых условиях кабинета психотерапевта) [2, с. 38].

Б.В. Ананьев подчеркивает методологическую важность дифференцированной оценки интенсивности травматического воздействия (например, продолжительности пребывания в зоне боевых действий), объективного измерения уровня тревожности с использованием стандартизированных шкал (таких как шкала тревоги Спилберга), а также учета сопутствующих факторов, включая преморбидные личностные особенности, наличие социальной поддержки и коморбидные соматические заболевания, поскольку их комплексное взаимодействие определяет клиническую картину ПТСР и влияет на выбор терапевтической стратегии и прогноз эффективности психологической реабилитации [2, с. 39].

А.Н. Глушко, Б.В. Овчинников и Л.А. Янышев предлагают четырёхэтапную модель психологической реабилитации, которая реализуется следующим образом:

1. Сбор информации о травме и состоянии.

На данном этапе проводится комплексная психодиагностика с использованием структурированного интервью (например, клинической шкалы CAPS-5) и психометрических методик (шкалы PCL-5, HADS). Пример: при работе с ветераном боевых действий психолог документирует частоту и интенсивность флешбэков, фиксирует триггеры (например, реакцию на громкие звуки), оценивает уровень социальной дезадаптации через анализ изменения профессионального статуса и семейных отношений.

2. Работа с эмоциональными реакциями.

Применяются техники эмоциональной саморегуляции: диафрагмальное дыхание для купирования панических атак, метод «контейнирования аффекта» через визуализацию для снижения интенсивности переживаний. Пример: пациенту с эмоциональным онемением предлагают ведение «дневника эмоций» с постепенным освоением техники именования и дифференциации чувств, начиная с базовых телесных ощущений.

3. Коррекция когнитивных и поведенческих нарушений.

Используются протоколы длительного воздействия с поэтапным погружением в травматические воспоминания, когнитивное реструктурирование дисфункциональных убеждений («я виноват в случившемся»). Пример: для ветерана с избегающим поведением создается иерархия тревожных ситуаций – от просмотра фотографий места службы до посещения людных торговых центров, с последовательным освоением каждого уровня.

4. Социальная адаптация.

Проводятся сессии семейной психотерапии для коррекции ролевых нарушений (например, восстановления родительской функции),

организуется сопровождение при трудоустройстве. Пример: разработка индивидуального плана социальной интеграции, включающего волонтерскую деятельность в качестве наставника для молодежи, что способствует восстановлению чувства социальной значимости [1, с. 62].

Такой многоуровневый подход обеспечивает комплексное воздействие на все аспекты ПТСР, последовательно трансформируя как внутренние психологические механизмы, так и внешние проявления расстройства.

В.Ф. Фомин обосновывает методологическую значимость последовательного решения комплекса взаимосвязанных задач в терапии ПТСР, выделяя следующие ключевые направления:

1. Систематическое обсуждение переживаний осуществляется через структурированные нарративные практики, где пациент последовательно реконструирует травматическое событие. Например, использование техники «хронологического картирования» позволяет ветерану боевых действий поэтапно восстановить и вербализовать воспоминания о боевом эпизоде в безопасной терапевтической обстановке.

2. Формирование целостного понимания травматического опыта достигается с помощью когнитивного рефрейминга. Клинический пример: пациентка, пережившая сексуальное насилие, в процессе терапии переосмысливает событие не как «утрату невинности», а как «опыт выживания», что кардинально меняет смысловую нагрузку травмы.

3. Деконструкция ощущения уникальности патологических реакций реализуется через групповые форматы работы. На сессиях взаимопомощи участники с удивлением обнаруживают, что их ночные кошмары, гипервигильность и эмоциональное онемение являются типичными проявлениями ПТСР, а не признаками «сумасшествия».

4. Целенаправленная мобилизация личностных ресурсов включает идентификацию и активацию копинг-стратегий. Практическим примером служит техника «копинг-профилирования», где у спасателя, пережившего крушение, выявляются и систематизируются ранее успешные стратегии преодоления стресса для их сознательного применения в настоящем.

5. Снижение тревожности достигается через овладение навыками соматической саморегуляции. Так, пациент с паническими атаками осваивает технику «заземления» (5-4-3-2-1), используя сенсорное восприятие для возвращения в «здесь и сейчас» при первых признаках дереализации.

6. Проактивная подготовка к будущим трудностям предполагает разработку индивидуальных превентивных стратегий. Например, для военных медиков создается «план экстренной самопомощи» с алгоритмами действий при внезапных флешбэках, включающий дыхательные упражнения и когнитивные якоря [3, с. 87].

Такой поэтапный подход обеспечивает не только симптоматическое улучшение, но и формирование устойчивых механизмов психологической адаптации, что подтверждается долгосрочными катамнестическими исследованиями.

Г.Ю. Авдиенко подчёркивает, что психологическое сопровождение является наиболее действенным способом помощи военнослужащим с ПТСР. Реабилитационный процесс включает мониторинг состояния, консультативную и терапевтическую работу, а также активацию внутреннего потенциала личности. Психологическое сопровождение разделено на три фазы и направлено на восстановление гармоничного взаимодействия человека с окружающей средой [5].

В современной военной психологии применяется комплексный арсенал методов психологической поддержки, адаптированных к специфике служебной деятельности военнослужащих. Организационные методы включают структурирование режима службы и отдыха, ротацию личного состава в зонах повышенной напряженности, а также создание системы супервизии для младших командиров. Например, введенная в некоторых подразделениях практика обязательного ежеквартального психологического скрининга позволяет своевременно выявлять признаки профессионального выгорания.

Медикаментозная поддержка осуществляется строго под контролем военных психиатров и включает как купирование острых состояний (например, назначение седативных препаратов при панических атаках), так и длительную фармакотерапию антидепрессантами группы СИОЗС для коррекции хронических форм ПТСР. При этом особое внимание уделяется соблюдению принципа «минимальной достаточности» для сохранения боеспособности военнослужащих.

Аутогенные техники адаптированы к полевым условиям и включают модифицированные варианты нервно-мышечной релаксации по Джекобсону, дыхательные практики для быстрого снижения психофизиологического возбуждения, а также методы контролируемой визуализации. Практическим примером может служить обучение военнослужащих технике «тактического дыхания» (4-4-4-4), применяемой для стабилизации состояния непосредственно после выполнения боевой задачи.

Коммуникативные техники реализуются через систему психологического сопровождения боевых операций и включают: вербальные методы (например, структурированное информирование о целях предстоящей операции), невербальную коммуникацию (использование специальных жестов для быстрой передачи эмоционального состояния в условиях радиомолчания), а также технологию «срочного дебрифинга» – краткосрочной групповой интервенции непосредственно после завершения боевой миссии.

Особое значение имеют вербальные и невербальные формы взаимодействия, способствующие укреплению доверия и снижению напряжения. Процесс сопровождения строится на диагностике, подборе методов и анализе результатов, что позволяет корректировать в соответствии с динамикой состояния.

Эффективность данного комплексного подхода подтверждается данными динамического мониторинга психологического состояния военнослужащих, демонстрирующими снижение частоты острых стрессовых реакций на 25-30% при систематическом применении указанных методов.

Важную роль играет развитие навыков самостоятельной психологической регуляции – от базовых приёмов самоконтроля до углублённых практик, таких как медитация, самогипноз и аутотренинг. Завершающим этапом реабилитации становится формирование способности самостоятельно справляться с трудностями.

Современная система психологического сопровождения военнослужащих представляет собой динамический многоуровневый процесс, основанный на принципах непрерывности и преемственности. Его ядро составляет системный мониторинг психофизиологического состояния личного состава с использованием как стандартизированного инструментария (например, адаптированной версии опросника МНН-38 для военной среды), так и методов неинвазивного контроля вегетативных показателей (вариабельность сердечного ритма, кожно-гальваническая реакция). Параллельно осуществляется углублённое изучение специфики условий выполнения боевых задач, включая психографический анализ операционной среды, картографирование стресс-факторов и прогнозирование психологических рисков для различных воинских специальностей.

Особое развитие получает система оказания помощи лицам, столкнувшимся с последствиями участия в боевых действиях, где наряду с традиционными формами работы внедряются инновационные протоколы, включая виртуальную реальность для экспозиционной терапии и биологическую обратную связь для коррекции тревожных состояний.

Принципиально важным компонентом становится психологическое сопровождение семей военнослужащих, реализуемое через многоуровневую систему поддержки. Как обоснованно отмечает А.Н. Харитонов, именно семейные отношения выполняют ключевую функцию в процессе успешной социально-психологической реинтеграции лиц, перенёсших военные травмы [6].

Практическая реализация этого подхода включает: организацию семейных реабилитационных лагерей с интенсивной групповой работой, внедрение программ психообразования для супругов по вопросам распознавания симптомов ПТСР, создание служб экстренной психологической помощи для семей в кризисных ситуациях, а также проведение структурированных сессий по восстановлению коммуникативных паттернов, нарушенных в результате длительных разлук и травматического опыта одного из членов семьи.

В контексте настоящего исследования принципиальная новизна заключается в разработке интегративной модели психологического сопровождения, синтезирующей дооперационный, операционный и постооперационный мониторинг в единый технологический цикл. В качестве перспективных направлений совершенствования практики предлагается: внедрение предиктивных алгоритмов для раннего выявления рисков дезадаптации на основе анализа цифрового следа; создание мобильных бригад экстренного реагирования для работы с семьями в местах их постоянного проживания; разработка специализированных протоколов работы с травмой с учетом типа боевого опыта и специфики воинской специализации.

Особую практическую ценность представляет предложение по созданию сети реабилитационных центров, осуществляющих комплексное сопровождение всей семейной системы на основе принципов доказательной медицины и с учетом современных вызовов гибридных военных конфликтов.

Таким образом, существует широкий спектр психотерапевтических методик, направленных на коррекцию ПТСР. Психологическое сопровождение, учитывающее специфику армейской среды и включающее своевременное выявление признаков истощения и терапию травматического опыта, является необходимым условием эффективной реабилитации военнослужащих.

Список литературы:

1. Блинов О.А. Психотерапия посттравматических стрессовых расстройств // Проблемы современной науки: сборник научных трудов: выпуск 13. Ставрополь: Логос, 2023.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2023. 280 с.
3. Фомин В., Линдер И. Диалог о боевых искусствах Востока. [2-е изд.]. М.: Мол. гвардия, 2021. 367 с.
4. Глушко А.Н. О проблеме психофизиологической реабилитации // Воен.- мед. журнал, 2023. № 3.
5. Авдиенко Г.Ю. Психологическая коррекция и реабилитация участников боевых действий: учебник и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 299 с. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/540658> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Харитонов А.Н. Психологическая помощь семьям профессиональных военнослужащих: учеб. Пособие. М.: Воен. ун-т, 2002. 302 с.

References:

1. Blinov O.A. Psychotherapy of post-traumatic stress disorders // Problems of modern science: collection of scientific papers: issue 13. Stavropol: Logos, 2023.
2. Ananyev B.G. Man as an object of knowledge. St. Petersburg, 2023. 280 p.
3. Fomin V., Linder I. Dialogue about the martial arts of the East. [2nd ed.] Moscow: Mol. gvardiya, 2021. 367 p.
4. Glushko A.N. On the problem of psychophysiological rehabilitation // Military.- Medical Journal, 2023, No. 3.
5. Avdienko G.Y. Psychological correction and rehabilitation of combat participants: textbook and workshop for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 299 p. Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/540658> (date of application: 12/07/2024).
6. Kharitonov A.N. Psychological assistance to families of professional military personnel: textbook. The manual. M.: Military. Univ., 2002. 302 p.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ: ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД ARTIFICIAL INTELLIGENCE: USE IN LAW ENFORCEMENT: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL VIEW

МАКОВСКАЯ Полина Николаевна

Стажер адвоката, Ростовская областная Коллегия адвокатов «Бизнес и право».

344003, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская 94/96.

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

MAKOVSKAYA Polina Nikolaevna

Advocate's intern Rostov regional Collegium of advocates "Business and Law".

344003, Russia, Rostov-on-Don, Lermontovskaya Street 94/96.

E-mail: rostov.niks7@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена проблемным вопросам использования в правоприменении систем искусственного интеллекта. Рассматривается модель использования искусственного интеллекта в правоприменении, основанная на концепте FLAI-систем. Обсуждаются вопросы делегирования функций от человека к системам искусственного интеллекта на каждом из уровней правоприменения. Рассматривается проблема формирования квалиа в небиологической вычислительной системе и способность искусственного интеллекта к контекстной обработке информации. Делается вывод о невозможности автономной работы FLAI-систем на верхних уровнях правоприменения.

Abstract: The article is devoted to the problematic issues of using artificial intelligence systems in law enforcement. It considers a model of using artificial intelligence in law enforcement based on the concept of FLAI-systems. The issues of delegating functions from humans to artificial intelligence systems at each level of law enforcement are discussed. The problem of forming qualia in a non-biological computational system and the ability of artificial intelligence to process information in context is considered. It is concluded that FLAI-systems cannot operate autonomously at the upper levels of law enforcement.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоприменение, правовое мышление, контекст, аксиологический характер.

Keywords: artificial intelligence, law enforcement, legal thinking, context, axiological nature.

Для цитирования: Маковская П.Н. Искусственный интеллект: использование в правоприменении.: теоретико-философский взгляд // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 129-136. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_129.

For citation: Makovskaya P.N. Artificial intelligence: use in law enforcement: theoretical and philosophical view // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 129-136. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_129.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В данном номере журнала опубликованы две статьи этого автора, посвященные рассмотрению с системных позиций феномена искусственного интеллекта (ИИ) и его использования в правоприменении. Настоящую статью можно понимать как обобщение указанных работ с теоретико-философских позиций.

Для того, чтобы абстрагироваться от реализационных особенностей ИИ, ранее нами было введено для обозначения ИИ понятие ФДГ-системы (функционально-достаточной гетерономной системы), чтобы подчеркнуть, что речь идет об описании любых систем ИИ, функционал которых достаточен для правоприменения на соответствующем уровне правового сознания и мышления некоторого индивида. Такая универсализация в описании ИИ позволяет не только отвлечься от незначительных нюансов аппаратно-программного воплощения ИИ, но и подняться на уровень философских обобщений.

При этом, термином «гетерономная» мы указываем, что при задействовании ИИ происходит «объединение человека и машины в команду» с целью дополнения и расширения когнитивных возможностей человека, ибо именно так рассматривает использование ИИ нормативный документ ГОСТ Р 71476 – 2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» [1, п. 5.13].

Например, при использовании ИИ в задачах судебного правоприменения, все ФДГ-системы можно разделить на четыре больших типа: B-FLAI (от английского bailiff - пристав); S-FLAI (от английского secretary - секретарь); R-FLAI (от английского researcher - исследователь); J-FLAI (от английского judge – судья). Родовой объединяющий термин FLAI является аббревиатурой от future law artificial intelligence. Функции и роль в судебном правоприменении каждого из указанных выше типов FLAI-систем подробно описаны в работе [2].

Распространим указанное выше деление систем ИИ даже на те случаи, когда речь не идет о судебном правоприменении, но человек в своем правовом мышлении «проживает» и представляет общение с воображаемой системой ИИ. Тем самым мы как бы разделяем все жизненные ситуации индивида на четыре большие группы, где он может общаться (или отказаться от общения) с соответствующим типом FLAI-системы, и при общении может доверить ей принятие решения.

При этом нас будут интересовать не особенности ФДГ-систем на каждом уровне, а именно особенности правового мышления и правового сознания индивида, который взаимодействует с ФДГ-системами на каждом из уровней.

С учетом принципиально низкой эффективности всех ФДГ-систем по обработке плохоформализуемой информации, к которой относятся любые проявления когнитивно-чувственной сферы человека (эмоции, вербальные и текстовые смысловые aberrации и др.), целесообразную модель использования ИИ в правоприменении можно представить в виде в диаграмме на рис. 1.

Диаграмма на рисунке 1 может восприниматься как модель использования ИИ в судебном правоприменении, при этом перевернутая пирамида отражает степень использования неалгоритмических, «человеческих» ресурсов на каждом из уровней правоприменения в суде.

Эту же диаграмму на рис. 1 мы можем воспринимать в более широком плане: как философское отражение степени делегирования искусственному интеллекту индивидуальным правовым сознанием права на юридически значимые действия «в жизни вообще» (необязательно в судебном контексте).

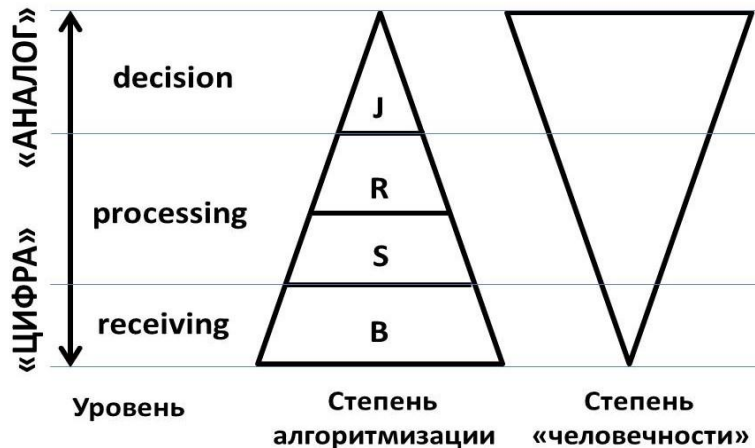

Рис. 1. Модель использования ИИ в правоприменении. Пирамида слева отражает степень алгоритмизации правоприменения, то есть степень делегирования полномочий искусственному интеллекту. Перевернутая пирамида справа отражает степень «человечности» правоприменения, то есть выполнение юридически значимых действий человеком, без их делегирования ИИ

В любом случае, пирамида с широким основанием символически показывает степень делегирования человеком (насколько это позволяет ему правовое сознание) значимых решений искусственному интеллекту на каждом из уровней: в receiving-области, то есть в области приема информации; в processing-области, то есть в области обработки информации; в decision-области, то есть в области принятия решения.

«Перевернутая» пирамида условно показывает степень «человечности» на каждом из уровней, то есть показывает ту часть юридически значимых решений, которые человек в силу своего правового сознания считает невозможным или нецелесообразным «отдать» искусственному интеллекту.

Соотношение между объемом «цифровых» и объемом «аналоговых» решений на каждом из уровней зависит как от степени общей цифровизации государственно-правовой сферы на данный момент, так и от понимания человеком вообще потенциальной возможности делегирования нравственного выбора ИИ с его формально-алгоритмическим «мышлением».

Это заставляет нас вновь вернуться к вопросу о допустимости и целесообразной степени использования ИИ в сфере правоприменения с философских позиций.

Легальное определение ИИ можно найти в Российской Национальной Стратегии (далее - Стратегия) развития ИИ на период до 2030 года [3], где под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Обычно, когда говорят о превосходстве ИИ над человеческими способностями, приводят в качестве примеров действительно впечатляющие достижения ИИ по статистической обработке гигантских массивов информации, по поиску противоречий в большом объеме нормативных актов, по быстрому выявлению скрытых (неочевидных) закономерностей в неструктурированных данных и по другим задачам, в которых эффективность вычислительных средств несопоставимо и многократно превосходит возможности человека.

Но можно ли только на этом основании ставить вопрос о замене человека ИИ? Никто ведь не поднимает вопрос о замене человека, например, утюгом, только на том основании, что утюг гладит белье с большим эффектом, чем руки человека?

В работе [4] вводится понятие «интеллектуальной задачи» как такой проблемы, в которой необходимо построение алгоритма решения задач некоторого класса, то есть описания последовательности действий для решения любой задачи из этого класса. Автор статьи [4] делает важный вывод: как только некоторая задача решена на компьютере, это означает, что для нее создан алгоритм решения, а это, в свою очередь, означает, что она перестает быть интеллектуальной, превращаясь просто в вычислительную (иногда – в задачу табличного перебора).

Следовательно, большинство из того, что сегодня называют ИИ, является просто различными компьютерными программами с заданным алгоритмом, и никакого отношения к ИИ не имеют [4]. Это такие же инструменты для человека, как дрель или калькулятор. Именно поэтому в настоящей статье используется термин ФДГ-система: во-первых, чтобы подчеркнуть, что речь идет о компьютерных системах с уже отработанным

ным (известным) алгоритмом, а во-вторых, чтобы ограничить наше проблемное поле только правоприменением, для которого мы разработали классификацию из четырех типов систем.

Поскольку проблема является более глубокой, чем простое несоответствие применяемых терминов, продолжим рассмотрение вопроса о допустимости замены человека на автономную компьютерную ФДГ-систему. Очевидно, что наиболее остро такой вопрос стоит в decision-области при судебном правоприменении, поскольку в этом случае автономная ФДГ-система должна являться полномасштабной заменой судье-человеку.

Для обсуждения гипотетической возможности такой замены необходимо определиться с тем, какими, собственно, качествами обладает человек-судья, и можем ли мы даже теоретически помыслить их воплощение в компьютерной программе. Разумеется, что тема «качества настоящего судьи» является столь глубокой и многогранной, что не хватит и десятка томов, чтобы описать их адекватно. Тем не менее, попытаемся хотя бы в общих чертах рассмотреть обозначенную тему.

Предельно кратко личность судьи может быть описана двумя емкими категориями: профессионализм и нравственность. При этом, как отмечают многие ученые, специально изучавшие труд судьи, их профессиональная пригодность к работе в большей степени зависит от высокого уровня общего развития личности, нежели от специальных способностей [5]. Базовыми для профессии судьи свойствами личности являются такие качества, как уважение к человеку; способность сострадания ко всему, что нуждается в правовой защите; устойчивое правовое сознание, выражающееся в непоколебимой вере в силу и социальную значимость закона; способность к адекватной критической самооценке и др. [6].

В работе [5] подчеркивается, что без развития такого качества, как эмпатийность, невозможно сформировать устойчивое правосознание, ибо право существует для человека, а не человек для права.

Разумеется, для судьи важны и навыки узкоспециального толка: способность быстро ориентироваться в массиве нормативных документов, адекватной оценки нюансов конкретного дела и т.д. Стоит согласиться, что с этими задачами ФДГ система может справиться с большей эффективностью (почти мгновенный анализ всего массива нормативных актов, значимых прецедентов, судебной статистики и др.), чем человек.

Но что касается описанных выше нравственных качеств, то ситуация с возможностью приобретения их ФДГ системой типа J-FLAI не столь очевидна. Как правило, противники «электронных судей» прибегают к силлогизмам типа «между мозгом человека и процессором машины невозможно провести параллели», «машина не может обладать совестью и эмпатией», на основании чего делают вывод о невозможности (или, как минимум, нецелесообразности) использования автономных систем ИИ в decision-области. Автор настоящей статьи также весьма сдержанно относится к идее автономизации ИИ (особенно в области, где происходит нравственный выбор), но вынужден признать как беспристрастный исследователь, что такая аргументация для поборников ИИ не является убедительным доказательством.

В общем, об этом писал в своей книге [7] известный теоретик в области ИИ и квантовых вычислений Скотт Ааронсон: «Что неизменно разочаровывает меня всякий раз, когда я читаю скептиков ИИ, так это их неспособность рассматривать эти параллели честно. «Квалиа», то есть первичные ощущения, и «близость» других людей принимаются как нечто само собой разумеющееся. Сомнению подвергаются только квалиа машин» [7, с. 77].

Не станем разочаровывать С. Ааронсона с другими сторонниками «электронных судей», и попытаемся привести более обоснованную аргументацию.

Рассмотрим отличия квалиа человека от «квалиа» машин (при всей неопределенности и недоказанности второго понятия).

Отметим, что для формирования квалиа необходимым условием является наличие сенсоров, то есть органов чувств, формирующих соответствующую первичную информацию. У человека выделяют пять органов чувств: глаз (зрительная информация), ухо (слуховая информация), кожа (тактильная информация), нос (обонятельная информация), язык (вкусовая информация). Традиционно к этому списку добавляют вестибулярный аппарат, который не является, строго говоря, органом чувств, но вызывает кинестетические ощущения (равновесие, наклоны и т.д.).

Нужно заметить, что у наиболее «продвинутых» систем ИИ имеются сенсоры, воспринимающие изображение и звук, что дает возможность сторонникам ИИ говорить (спекулировать) на тему о возможном формировании в системах ИИ зрительных и слуховых квалиа. Если препятствием для широкого внедрения систем ИИ будет только малое количество сенсоров иных модальностей, в принципе, можно себе представить достаточно простое оснащение ФДГ систем различных типов тактильными и кинестетическими сенсорами (которыми сейчас оснащены промышленные роботы).

Но оснащение ФДГ систем обонятельными (запаховыми) и вкусовыми сенсорами (так называемых систем «электронный язык» и «электронный нос») представляет собой задачу фундаментальной сложности в силу нерешенной проблемы создания таких универсальных сенсоров (безотносительно сферы их применения), которые были бы сравнимы по эффективности с возможностями аналогичных человеческих органов [8], [9].

В силу быстрого развития технологий, разумеется, можно представить создание через какое-то время универсальных «электронного языка» и «электронного носа» приемлемой эффективности (в конце концов, никто не станет требовать, чтобы эти электронные органы чувств ФДГ системы обладали эффективностью, сопоставимой с эффективностью языка и носа людей – профессиональных дегустаторов).

Однако, следующей по сложности для сторонников ИИ (чтобы они могли говорить о наличии в ИИ сознания), является такая проблема: недостаточно иметь сенсоры, воспринимающие мультимодальную информацию из окружающего мира. И даже недостаточно, чтобы эта информация внутри машины приводила не просто к фиксации в виде чисел – символов, а формировала квалиа (о чем мы не узнаем, но сторонники

сознания ИИ могут это допускать). Важным является то, чтобы эти квалиа формировались в правовом сознании в том же хронотемпе, что и вызывающие их события внешнего мира.

Значит, недостаточно просто обучить ИИ, что такое запах тайги и чем он отличается от запаха розы; что такое вкус речной воды и чем он отличается от вкуса слез. Нужно, чтобы эти квалиа сопровождались реальными событиями в темпе обычной человеческой жизни. По существу, если мы хотим, чтобы ИИ адекватно воспринимал правовую действительность (при смелом предположении, что у него есть сознание, а в этом сознании формируются квалиа), то мы должны поступать с ИИ так же, как поступают с детьми: брать его в прогулки по лугам, в походы по лесу, устраивать общение у костра и т.д.

В общем, формирование «правового сознания» у ИИ (еще раз оговоримся, если таковое сознание ИИ вообще существует), неизменно должно сопровождаться теми же процессами, которые по отношению к детям и подросткам называются воспитанием, по отношению к практикантам и стажерам - наставничеством и т.д.

Разумеется, что в этих процессах антропоморфность ИИ будет иметь важное значение, а сложность создания такого электронного голема, помимо этического вопроса («богоугодное» ли мы дело делаем?), неизбежно поставит и чисто прагматический вопрос: зачем мы преодолеваем такие сложности? Не проще ли вместо создания антропоморфного ИИ больше сил и времени отдавать воспитанию обычных детей, показывая им просторы Родины и обучая патриотическим песням в кругу достойных людей, рассказывая об истинных жизненных ценностях, подвигах, постулатах морали, доброты и верности, любви к ближнему и к Богу? Не нужно ли время, которое тратится на эмуляцию «сознания» у ИИ, посвятить формированию правильного правосознания и мышления (в том числе, и правового) у современной молодежи, у которой пресловутое «клиповое» мышление, в условиях внедрения ИИ-помощников, неизбежно смещается в сторону прагматичной формулы «быстрее - меньше творчества - меньше рефлексий»?

Говоря о необходимости темпоральной синхронизации в правовом сознании моментов возникновения квалиа с внешними событиями, следует отметить, что именно по этой причине обоснованно считается, что формирование специалиста с соответствующими качествами возможно не единомоментно (или в ускоренном темпе), а только с накоплением жизненного опыта и прочувствованием, проживанием разнообразных реальных ситуаций.

Так, в процессе бытия взрослый человек неизбежно рефлексировал, творчески интерпретирует реальность, духовно растет и развивается, эмпирически способен приобретать лучшие качества миропонимания и способен закладывать нравственные сочленения всего высокодуховного и морального аппарата в фундамент своих решений и действий вовне. В свою очередь, ИИ не способен на жертвенность, ответственность, сочувствие, ему недоступны такие категории, как свобода нравственного выбора, молитва и подобные личностные свойства и состояния [10].

Не случайно в статье [11] было предложено введение возрастного порога в 30-35 лет для назначения человека судьей, при этом в качестве обоснования называлось следующее. «30 – 35 – летний возраст определяет человека как зрелую личность, взвешенность, вдумчивость, принципиальность, смелость и прочие необходимые судье качества, которые обусловлены его жизненным опытом, накопленными знаниями, приобретенными навыками, умением работать с людьми, способностью сопереживать, сочувствовать и нести ответственность за свои поступки и решения» [11].

Практически непреодолимым препятствием для ИИ представляется такая проблема философского плана: для формирования зрелой человеческой личности непременным условием является наличие гармоничных отношений с родителями, детьми, представителями своего и противоположного пола и т.д. Понятно, что для ИИ в силу их «физиологических» особенностей как особой из металла и микросхем, подобные чувства могут быть только эмулированы, что ставит под сомнение их хоть какую-то адекватность человеческим аналогам.

В общем-то, об этом пишет философ Хьюберт Дрейфус в своей знаменитой книге «Чего не могут вычислительные машины» [12]. Он полагает, что основными предположениями, которые позволяют сторонникам ИИ говорить об их превосходстве, являются четыре допущения, ложность которых доказывается в книге [12]: психологическое (мышление якобы можно рассматривать как переработку информации в бинарном коде по формальным правилам); эпистемологическое (все знания могут быть выражены в двоичном коде); онтологическое (якобы разумное поведение допускает анализ в терминах, инвариантных к ситуации); биологическое допущение (переработка информации в мозге может быть описана на языке переключательных элементов).

Резко возражая против сведения самого сложного из известных нам феноменов мироздания, явления под названием Человек, к информационно – кибернетическому редукционизму, Х.Дрейфус не отрицает напрочь возможность создания некоторого подобия человека. Но он замечает: для этого ИИ должен разделять с нами наши нужды, желания и эмоции и иметь тело, подобное телу человека с соответствующими физическими движениями, способностями и уязвимостью [13].

Отдельной проблемой является вопрос обеспечения вербальной коммуникации «электронного» судьи с живыми людьми. Как отмечается в работе [14], «языковая» личность юриста (в том числе, судьи) в силу специфики работы может быть отнесена к категории профессиональных коммуникаторов. И в этом контексте представляется большой проблемой возможность организации адекватной коммуникации человека с машиной. Разумеется, синтез человекоподобного голоса сейчас вообще не является затруднением, но непреодолимым препятствием станет другое: человек в зале суда попросту не сумеет откровенно разговаривать с машиной, не станет искать у нее понимания и сочувствия. Соответственно, будет сломано выработанное за столетия понимание того, что именно в суде наши искренние слова и даже слезы могут быть восприняты адекватно и полно.

Зачастую из сравнения вычислительных возможностей человеческого мозга и ИИ на примере решения весьма специфических задач статистической обработки и запоминания гигантских объемов информации, делается вывод, что ИИ «умнее» человека. При этом упускается из виду, что природа создавала человека и его мозг вовсе не как специализированный вычислитель, а как эффективный орган, позволяющий и помогающий человеку добывать пищу, продолжать род, перемещаться в пространстве, воспринимать мир и производить квалиа, создавать произведения искусства и наслаждаться ими, находить оптимальные решения в ранее не встречавшихся ситуациях и т.д.

В статье [4] приводятся расчеты, которые показывают, что для моделирования работы человеческого мозга на самых современных технологиях потребуется суперкомпьютер, занимающий здание 300 x 300 метров в основании, высотой 50 метров и потребляющий около 15 ГВт электроэнергии, что сравнимо с тремя Саяно-Шушенскими ГЭС. «В то же время человеческий мозг занимает всего лишь 0,0015 м³ объема и потребляет около 20 Вт, то есть все наши попытки создать аналог человеческого мозга с помощью современных компьютерных технологий – это путь в никуда, поскольку мозг работает по совершенно другим, до сих пор не понятным нам принципам» [4].

Задумаемся и о другом: даже если бы ИИ мог обрабатывать неформализуемую информацию столь же эффективно, как человек, разве смогли бы мы в этом случае говорить об ИИ как о зрелой нравственной личности при том, что эта «электронная личность» никогда не писала в детстве писем Деду Морозу, не дарила цветы маме на 8 марта, не ходила на свидания, не плакала от обид и не радовалась коллективным победам.

Для «электронного» судьи практически нормой будет упрощенное видение любого дела, что в работе [15] названо гиперопределенностью: когда у судьи «отсутствует способность понять правовую норму, замысел законодателя и реализовать творческое начало».

С философской точки зрения, ИИ можно воспринимать как подростка-вундеркинда, которому по силам легкое решение таких задач, которые с трудом осиливают академические коллективы. Но многочисленные исследования показывают: для реализации подростка-вундеркинда во «взрослой» жизни обязательным условием является его традиционное социальное развитие при гуманистическом понимании личности [16]. По указанным выше причинам, это является невозможным для ИИ, в силу чего ИИ принципиально не может стать гармоничной и зрелой личностью, навсегда оставаясь аналогом ребенка-вундеркинда, правда, с потрясающими способностями к вычислениям. Но доверять проблемы нравственного выбора (а тем более людские судьбы) такому ребенку-вундеркинду, разумеется, было бы для правового сознания индивида неразумно и безосновательно.

Более того, почти никто из сторонников антропоморфизации систем ИИ не говорит о том, что они лишены технической возможности дать критическую оценку нарушения закона с точки зрения признания именно естественного права, которое должно лежать в основе положительного права, но не всегда с ним совпадает как калька. Однако, чтобы понимать степень возможного нарушения прав и свобод человека, необходимо не только заложить в ИИ лишь программные лозунги и критерии в человеко-ориентированной и гуманистической сфере, необходимо научить системы ИИ уметь оценивать сторону дискриминационную, попирающую закон или даже злостно преступную. ИИ должен четко понимать, вычислять и отграничивать момент, когда предел между должным и совершенным переходит в плоскость преступного умаления, дискриминации или злодейства в отношении категорий прав, свобод или норм и догм положительного права (закона).

Признание права происходит внутри сознания человека обязательно с опорой на внутренний дух и мораль, дарованные человеку по праву рождения. Меру должного человек прежде всего определяет сообразно внутреннему чувству естественного права, самообязывания достойно жить и взаимодействовать с окружающими людьми так, чтобы человек, его права и свободы оставались всегда наивысшей драгоценностью в обществе. Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя содержание естественного права и далее проникнуть в сознание и к воле людей в качестве авторитетного связующего веления [17].

С учетом того, что ФДГ системы при усмотрении события правонарушения могут анализировать лишь существующие своды правил и законов, можно сделать обоснованный вывод о том, что ИИ всегда будет использовать право лишь как гетерономный свод правил, не давая оценку преступному событию или правонарушению с точки зрения мутуальной зависимости степени зрелости духа и итогового поступка человека (а именно, без учета законов естественного правосознания, совестливого чувства права, имманентных законов человеческого духовного бытия).

В таком «однобоком» отношении ФДГ систем к применяемому праву обнаруживается принципиальная «инвалидизация» ИИ, выражающаяся в невозможности дать оценку событию не только через систему смыслов положительного права, которое не всегда является в государстве совершенным и полноценно проработанным (именно поэтому положительное право способно к изменениям), но и с точки зрения идей естественного права, которое человек «чувствует и переживает душой», духовно выстрадал и творчески заложил в свою справедливую и свободную волю.

Конечно, нам могут возразить, что любая предложенная ИИ к применению правовая норма уже и так содержит в себе проработанную законодателем взвешенность естественно должноствующего и содеянного, однако автор данной статьи видит в таком утверждении некий софизм. Законодательство и положительное право не во всех государствах вбирает в себя полный базис естественного права, иногда избирательно отражая интересы правящей группы людей. И в этом смысле естественное правосознание народа будет всегда стремиться отвоевать свои пределы и внедрить их в *legis ferendae*. Естественное право не терпит попирания и развоплощения, человеческий дух перманентно идет путем стремления материализоваться в нормах положительного права только в виде, который благостен для духа и положительного правосознания, а не для чьей-то заинтересованной законодательной воли.

Именно поэтому сегодня необходимо заложить в ИИ некую возможность очень корректно оценить «моральный срез» содеянного. Но последнее невозможно без учета осознания не только что такое «хорошо», но и понимания что такое «плохо».

Любая система ИИ - это созданная человеком программа бесконечного сравнения предложенного ей материала с доступной ей эталонной информацией. Простыми словами, чтобы ИИ мог определить, синяя клетка перед ним или красная, он должен быть знаком со всеми оттенками этих цветов, а также оттенками их смешения, включая аддитивные, субтрактивные и бинокулярные. В бинарном варианте системы ИИ не могут применять понятия «немного белый», «слегка серый», «сильно черно-белый» - зона приведения их к итоговому результату в виде решения должна быть понятной и точно очевидной (но при этом с учетом оценочного характера некоторых юридических норм).

И для этого в ФДГ системы должны быть заложены базисы не только положительно окрашенных понятий (справедливость, благочестие, милосердие и др.), но и понятия «черного спектра» (зло, ложь, жестокость, глупость и др.). Их дифференция внутри системы ФДГ не менее важна, так как мотивы человеческого поведения не всегда являются детерминированными только осознанным или бессознательным нарушением права (в этом смысле показателен феномен «не виновной воли» в уголовном праве), но и могут иметь в своем фундаменте основания абсолютного зла и человеческой низости, дерзко рушащего все мыслимые и немыслимые смыслы положительного и естественного права - и им должна быть дана правильная правовая оценка не только с точки зрения закона, но и с точки зрения здравого смысла и справедливости морального воздаяния.

Возможность анализа этого гетерогенного ряда мотивов нарушителя норм права, которая доступна судье-человеку априори, должна тогда быть заложена и в современные системы ИИ, тем более в условиях их гипотетических претензий на роль ИИ-агентов в критически важных сферах и «чувствительных» отраслях права (то есть, ФДГ систем). Вымышленный «Нулевой закон» Айзека Азимова о том, что «робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред», актуален и по сей день. И для этого мы должны ввести соответствующий инструментарий в работу систем ИИ.

Хотелось бы заранее возразить тем, кто будет не согласен с позицией о возможности имплементации в ФДГ системы умения оценивать как рассудительно разумные положительные явления, так и постыдные и безнравственные (категории зла), поскольку автор усматривает во включении в системы ИИ категорий «черного» спектра человеческих проявлений гарантию от одностороннего осмысления реальности системами ИИ.

Так, Платон словами Сократа в диалоге «Государство» говорил: «добрым судьей должен быть не юноша, а старец, приобретший позднее знание о том, какова бывает несправедливость, и ощутивший ее не как собственную - в своей душе, а как чужую, чрез долговременное обращение с душами других и чрез наблюдение, каково по природе зло, пользуясь, то есть, знанием, а не собственной опытностью» [18]. Однако, очевидно, что ИИ не имеет ни своего жизненного опыта, ни знаний о зле, если только последние мы не заложим в ФДГ системы сами. Таким образом, без инсталляции в ФДГ системы категорий «черного спектра», ИИ будет всегда представлять как «юный и неопытный», который еще не достиг такой степени мудрости и рассудительности, чтобы выносить всесторонне взвешенное решение наблюдателя добродетели или зла.

На взгляд автора данной статьи, нет опасности в том, чтобы ИИ был знаком с неблагоприятным, ничтожным, абсурдным, жестоким, грубым, порочным, так как цель такой имплементации не в том, чтобы ИИ перенял и вобрал в себя какие-то негативные явления, а в том, чтобы он умел их дифференцировать и безошибочно отделять от позитивного и правильного, для становления еще более четкой и выверенной своей итоговой позиции и решения.

Однако, освещая такую чувствительную тему, мы не можем не сказать о том, что особую роль разграничение спектров «белого» и «черного» в праве, исходя из дуальной природы противоположностей, заложенных в категории добра и зла, приобретает тогда, когда речь идет и об оценочных понятиях права, то есть о детально не разъясняемых законодателем и обобщающих в себе наиболее общие типичные признаки определенных правозначимых явлений понятиях права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения [19].

При этом почти всегда оценочные понятия в праве связаны с аксиологическим характером процесса познания правоприменителя (моральная оценка, за исключением стоимостных, количественных или технических оценок, например). Аксиологический характер большинства оценочных понятий в праве в настоящий момент развития техники не доступен для понимания ИИ, так как формирование ценностного человеческого сознания - это процесс не одномоментный, крайне субъективный и герменевтически сложный и многоуровневый, как «слоеный пирог в форме круга», герменевтического круга. Последнее означает для правоприменителя взаимную круговую связь между оцениваемым контекстом, психологическими аспектами, моральными аспектами, культурными, историческими, социальными факторами, а также многозначностью правовой интерпретации, связанной как с уникальностью каждой правовой ситуации в целом, так и индивидуальностью жизненного опыта и сознания человека, который будет оценивать и интерпретировать ту или иную юридическую задачу.

Неумение ИИ исходить из контекста при принятии решения приводит нас к выводу о невозможности полноценно воспроизвести в ФДГ системах процесс правового мышления человека, невозможность инсталлировать в ФДГ системы полноценное позитивное правосознание, логику и правовой дух. Правовое сознание входит в структуру правовой культуры, а правовая культура представляет собой своеобразный образ мышления, что связывает все эти три понятия между собой в единую динамическую структуру [20].

Аподиктически признавая важность достижения определенного уровня развития правовой культуры в обществе для цивилизационных глобальных процессов, отрицать необходимость внедрения грамотного типа правового профессионального мышления в электронный правоприменителя, не представляется возможным. Однако, такое внедрение на данном этапе развития техники, не выполнимо, замена человеческого мышления машинным - невозможна.

Для российской правовой действительности, в которой аксиологический компонент в отношении многих явлений приобретает особую роль, человеческое правовое мышление становится особенно чувствительным к предложениям на его замену ФДГ системами на всех уровнях

(см. рис. 1).

Русский человек - человек чувствительный, чувственный, духовно-ориентированный, творческий, эмоционально-подвижный, рефлексующий, и эти качества нельзя деформировать неполноценным и невзвешенным мышлением, дезориентирующим аморальным правовым инфантилизмом или зависимостью от вредоносного контента. Кроме того, российское право традиционно вбирало в свою правовую культуру и отражало основные философско - нравственные догмы духовности православия.

Неумение человека работать со своим сознанием и сопротивляться греху ставит перед ним проблему добра и зла, решение которой в определенной мере зависит от воздействия на него информационных и компьютерных технологий. При отсутствии духовного труда и помощи Божией человек не в состоянии эту проблему решить сам [21].

Нерешенность данного вопроса также в сознании разработчиков, приведет нас к нерешенности данных вопросов внутри внедряемых систем ФДГ, что неизбежно снова возвращает нас к мысли, озвученной автором данной статьи, о необходимости разработки некоего концепта «будущего юридического ИИ», учитывающего все особенности правового профессионального мышления, правового сознания, творческого мышления и интуиции и эмоционально-вовлеченного интеллектуального состояния грамотного правоприменителя - человека, но только с оговоркой о человеко-машинном паттерне общения. Однако, на сегодняшний день вопросов, как это сделать в верном направлении, остается намного больше, чем ответов, так как и по сей день очевидно, что ИИ не способен на многие личностные качества, определяющие ход мышления и сознания индивида.

Исходя из сказанного выше, диаграмму на рис. 1 следует понимать следующим образом: на нижнем уровне правоприменения допустимо практически полное использование ИИ, без участия человека. На среднем уровне человек действует наравне с машиной, с приоритетом при выборе решения. Наконец, на верхнем уровне правоприменения именно человек принимает окончательные юридически значимые решения (с возможностью использования ФДГ системы в качестве консультанта или «справочника» по судебной аналитике и массиву нормативных актов).

Итак, диаграмму на рис. 1 можно воспринимать как с точки зрения индивидуального правового мышления (когда индивид допускает возможность «делегирования» искусственному интеллекту некритичных информационных процедур на нижнем уровне правоприменения и, вместе с тем, сохраняет за собой право и необходимость морального выбора на верхнем уровне правоприменения), так и с точки зрения общественного правового мышления. В последнем случае диаграмма на рис. 1 отражает рациональную степень использования ИИ, например, в судебном правоприменении.

Отметим, что подобный принцип деления всех систем ИИ по степени их независимости в принятии решений на системы высокой автономности, системы средней автономности и системы низкой автономности, нашел свое отражение в статье 17.2 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [22] (кстати, первом на постсоветском пространстве законе об ИИ), что говорит об адекватности предлагаемой концепции.

Особую значимость рациональное правоприменение систем ИИ приобретает в свете того фактора, о котором говорил Президент РФ В.В. Путин в ноябре 2025 года, открывая X Международную конференцию Artificial Intelligence Journey в Москве: «нейросети, языковые модели ... способны влиять на ценности, мировоззрение людей, формировать смысловое пространство целых государств, да и человечества в целом» [23].

На сегодняшний день ИИ в большей степени применяется только в качестве эффективного помощника и ассистента в институтах «цифрового» общества и государства, а не как самостоятельный агент. Вместе с тем, процесс цифровизации представляет собой не законченный результат, который уже можно было бы осмыслить как нечто цельное, а непрекращающийся сложный многоуровневый процесс, неизбежно влияющий на правовое мышление и правовое сознание человека и общества. Одно остается неизменным одно: усиленная антропоморфизация систем ИИ является недопустимым явлением, грозящим своими возможными негативными для цивилизации последствиями.

И если в «доцифровые» времена правовое мышление человека было отражением библейских заповедей и неписанных нравственных законов, то с появлением «электронного змия-искусителя» правовое мышление человека будет основано на «вычисленном» прагматичном решении любой юридической задачи. На смену чести и порядочности придет повсеместная алгоритмизация, в которой статистика Big Data, а не совесть и душа, будет определять поступки человека в точке жизненной бифуркации. Последнее мы допустить не имеем морального права, поэтому дискуссия на эту тему будет неизбежно продолжаться в научных кругах.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 71476 – 2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.).
2. Маковская П.Н. Принципы использования искусственного интеллекта в решении экономических споров: от советчика до «электронного судьи» // Евразийское пространство: экономика, право, общество, 2025, № 10, стр. 85 – 90.
3. Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124).
4. Калаяев И.А. Искусственный интеллект: камо грядеши? // Экономические стратегии, 2019, № 5, стр. 6 – 15.
5. Филина Н.А. Формирование и развитие эмпатийности как профессионально значимого качества личности студента – юриста: дис. канд. ... пед. наук, Москва, 2006, 211 с.
6. Лаптинская С.В. Формирование личности специалиста – юриста: дис. ... докт. пед. наук, Москва, 2006, 331 с.
7. Ааронсон С. Квантовые вычисления со времен Демокрита. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018, 494 с.
8. Сидельников А.В. Новые вольтамперометрические системы типа «электронный язык» и их аналитические возможности: дис. ... докт. хим. наук, Уфа, 2016, 211 с.
9. Калач А.В. Разработка мультисенсорной системы «электронный нос» для имитации обоняния человека // Нейрокомпьютеры: разработка, применение, 2007, № 7, стр. 20 – 29.
10. Зинковский С.А. Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта // Христианское чтение, 2020, № 6, стр. 10 – 24.
11. Соловьева П.В. Соотношение профессионализма судьи и его нравственно – моральных качеств или профессионализм судьи как профессионально – нравственное качество // Судебная власть и уголовный процесс, 2017, № 4, стр. 219 – 224.

12. Дрейфус Х.Л. Чего не могут вычислительные машины. - М.: Либроком, 2010, 336 стр.
13. Dreyfus H.L., Dreyfus S.E. Making a Mind Versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // Artificial Intelligence, 1988, № 1.
14. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): дис. ... канд. филол. наук, Челябинск, 2005, 258 с.
15. Гусарова М.А. Проблема правопонимания в условиях глобализации и цифровизации: философско – правовой аспект // Философия права, 2021, № 1, стр. 131 – 135.
16. Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В., Чудакова П.А. Некоторые аспекты воспитания и педагогики вундеркиндов // Вектор научной мысли, 2024, № 2, стр. 58 – 62.
17. Ильин И.А. О сущности правосознания: сборник. - М: Издательство АСТ, 2024, 384 с.
18. Платон. Государство. – М.: АСТ, 2024, 448 с.
19. Игнатенко В.В. Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой аспект // Философия права. 2025. № 2, стр. 29-38.
20. Шаганян А.М., Овчинникова О.Д. Соотношение дефиниций «правовая культура», «правовое сознание» и «правовое мышление» (теоретико-правовой аспект) // Алтайский юридический вестник, 2024, № 2, стр. 24 - 28.
21. Попов Э.Г. Богословский анализ воздействия искусственного интеллекта на сознание человека // Вестник Барнаульской духовной семинарии, 2025, № 1, стр. 22 - 27.
22. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VII «Об искусственном интеллекте» // Информационная система «Параграф».
23. Выступление Президента РФ В.В. Путина на X Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2025 - «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78498>.

References:

1. GOST R 71476 – 2024. Iskusstvennyy intellekt. Konceptii i terminologiya iskusstvennogo intellekta (utverzhden i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 oktyabrya 2024 g. № 1550-st.).
2. Makovskaya P.N. Principy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v reshenii ehkonomicheskikh sporov: ot sovetchika do «ehlektronnoho sud'i» // Evrazijskoe prostranstvo: ehkonomika, pravo, obshchestvo, 2025, № 10, str. 85 – 90.
3. Nacional'naya Strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda (v redakcii Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15.02.2024 № 124).
4. Kalyaev I.A. Iskusstvennyy intellekt: kamo gryadeshi ? // Ehkonomicheskie strategii, 2019, № 5, str. 6 – 15.
5. Filina N.A. Formirovanie i razvitie ehmpatijnosti kak professional'no znachimogo kachestva lichnosti studenta – yurista: dis. kand. ped. nauk, Moskva, 2006, 211 s.
6. Laptinskaya S.V. Formirovanie lichnosti specialista – yurista: dis. ... dokt. ped. nauk, Moskva, 2006, 331 s.
7. Aaronson S. Kvantovye vychisleniya so vremen Demokrita. – М.: Al'pina non-fikshn, 2018, 494 s.
8. Sidel'nikov A.V. Novye vol'tamperometricheskie sistemy tipa «ehlektronnyy yazyk» i ikh analiticheskie vozmozhnosti: dis. ... dokt. khim. nauk, Ufa, 2016, 211 s.
9. Kalach A.V. Razrabotka mul'tisensornoj sistemy «ehlektronnyy nos» dlya imitacii obonyaniya cheloveka // Nejrokomp'yutery: razrabotka, primenenie, 2007, № 7, str. 20 – 29.
10. Zinkovskij S.A. Pravoslavnoe bogoslovie lichnosti i problematika iskusstvennogo intellekta // Khristianskoe chtenie, 2020, № 6, str. 10 – 24.
11. Solov'eva P.V. Sootnoshenie professionalizma sud'i i ego nravstvenno – moral'nykh kachestv ili professionalizm sud'i kak professional'no – nravstvennoe kachestvo // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process, 2017, № 4, str. 219 – 224.
12. Dreifus H.L. Chego ne mogut vychislitel'nye mashiny. - М.: Librokom, 2010, 336 str.
13. Dreyfus H.L., Dreyfus S.E. Making a Mind Versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // Artificial Intelligence, 1988, № 1.
14. Kubic G.V. Professionalizaciya yazykovoj lichnosti (na primere yuridicheskogo diskursa): dis. ... kand. filol. nauk, Chelyabinsk, 2005, 258 s.
15. Gusarova M.A. Problema pravoponimaniya v usloviyakh globalizacii i cifrovizacii: filosofsko – pravovoj aspekt // Filosofiya prava, 2021, № 1, str. 131 – 135.
16. Chudakov A.YU., Gajvoronskaya V.V., Chudakova P.A. Nekotorye aspekty vospitaniya i pedagogiki vunderkindov // Vektor nauchnoj mysli, 2024, № 2, str. 58 – 62.
17. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya: sbornik. - М: Izdatel'stvo AST, 2024, 384 s.
18. Platon. Gosudarstvo. – М.: AST, 2024, 448 s.
19. Ignatenko V.V. Vnepravovye osobennosti ochenochnykh ponyatij v prave: teoretiko-pravovoj aspekt // Filosofiya prava. 2025. № 2, str. 29-38.
20. Shaganyan A.M., Ovchinnikova O.D. Sootnoshenie definicij «pravovaya kul'tura», «pravovoe soznanie» i «pravovoe myshlenie» (teoretiko-pravovoj aspekt) // Altajskij yuridicheskij vestnik, 2024, № 2, str. 24 - 28.
21. Popov E.H.G. Bogoslovskij analiz vozdejstviya iskusstvennogo intellekta na soznanie cheloveka // Vestnik Barnaul'skoj dukhovnoj seminarii, 2025, № 1, str. 22 - 27.
22. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 17 noyabrya 2025 goda № 230-VII «Ob iskusstvennom intellekte» // Informacionnaya sistema «Paragraf».
23. Vystuplenie Prezidenta RF V.V. Putina na X Mezhdunarodnoj konferencii po iskusstvennomu intellektu i mashinnomu obucheniyu Artificial Intelligence Journey 2025 - «Puteshestvie v mir iskusstvennogo intellekta» // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78498>.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW-MAKING: THE FACETS OF INTERACTION

АУТЛЕВ Айдемиркан Азаматович

аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040 Российская Федерация г. Краснодар, ул. Ставропольская 149.
E-mail: autlev0101@mail.ru

КИЧ Ирина Станиславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

350040 Российская Федерация г. Краснодар, ул. Ставропольская 149.

E-mail: pravoved72@mail.ru

ORCID ID 0000-0003-2995-216

AUTLEV Aidemirkan Azamatovich

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law FSBEI HE Kuban State University.

350040 Russian Federation Krasnodar, Stavropolskaya str. 149.

E-mail: autlev0101@mail.ru

KICH Irina Stanislavovna,

Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor

of the Department of Theory and History of State and Law FSBEI HE Kuban State University.

350040 Russian Federation Krasnodar, Stavropolskaya str. 149.

E-mail: pravoved72@mail.ru

ORCID ID 0000-0003-2995-216

Краткая аннотация: В статье рассматривается правотворческая деятельность и внедрение в нее значимых технологических, цифровых решений для разного рода задач. Проанализированы возможности искусственного интеллекта в правотворчестве, предложены конкретные модели его использования. Подчеркивается значимость цифрового пространства в современном мире.

Abstract: The article examines law-making activities and the implementation of significant technological and digital solutions for various types of tasks. The possibilities of artificial intelligence in law-making are analyzed, and specific models of its use are proposed. The importance of the digital space in the modern world is emphasized.

Ключевые слова: правотворчество, нормотворчество, нормативные правовые акты, акты органов исполнительной власти, правотворческий процесс, нормотворческий процесс, цифровые технологии, искусственный интеллект, преимущества искусственного интеллекта, правовой мониторинг, правовой эксперимент, правовое прогнозирование, пробелы в праве, правовые коллизии.

Key words: law-making, rulemaking, regulatory legal acts, acts of executive authorities, law-making process, rule-making process, digital technologies, artificial intelligence, advantages of artificial intelligence, legal monitoring, legal experiment, legal forecasting, gaps in law, legal conflicts.

Для цитирования: Аутлев А.А., Кич И.С. Искусственный интеллект и правотворчество: грани взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 137-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_137.

For citation: Autlev A.A., Kich I.S. Artificial intelligence and law-making: the facets of interaction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 137-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_137.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Уже много лет понятия «цифровизация», «цифровая трансформация», «цифровое правительство», «цифровая экономика», «государственная цифровизация», «цифровой закон», «цифровое правовое пространство» и другие понятия, связанные с «цифрой», тесно вошли в нашу жизнь и обсуждаются не только в науке, но и находят отражение в Посланиях Президента Российской Федерации, в законах, подзаконных актах. Созданы национальные проекты, концепции развития применения искусственного интеллекта в разных социальных сферах. Цифровизация быстро вошла в нашу жизнь через искусственный интеллект.

Использование цифровых технологий положительно сказывается на качестве работы государственных органов, государственных служащих и негосударственных структур, ускоряет многие государственно-правовые процессы. Однако быстрое развитие цифрового пространства порождает и проблемы, на решение которых должна быть направлена регулятивная функция права.

Она четко проявляется в правотворческом процессе, при регулировании общественных отношений, нуждающихся в такой регламентации со стороны государства. Темпы правотворческих работ в настоящее время как никогда высоки. Многогранность общественной жизни, быстрое появление новых отношений и их стремительное развитие, требует от правотворческих органов скорейшего реагирования, оформления их в различные правовые формы, принятие и опубликование – и это охватывается правотворчеством.

В последнее время все чаще используют понятие правотворчество в цифровом мире, рассуждают на предмет его соотношения с нормотворчеством. Более того, создана ГИС «Нормотворчество» - единое электронное пространство для участников нормотворческого процесса [4]. Но давайте разберемся, чем отличается правотворчество от нормотворчества.

По нашему мнению, нормотворчество можно понимать в широком и узком смыслах слова. Если рассуждать о «норме» как об образце, правиле поведения, то можно логично прийти к выводу о существовании помимо правовых норм как разновидности социальных и иных (к приме-

ру, технических, социальных, технико-правовых и др.), а также правовых обычаев, судебных прецедентов. Следовательно, нормотворчество представляет собой сложный феномен, имеющий разногранность. Но, к примеру, нормотворчество авторы нормографии [3] понимают в более узком смысле слова – лишь как создание нормативных правовых актов, поэтому рассмотренное широкое понимание нормотворчества представляется неприменимым в данном контексте.

Нормотворчество можно понимать и в более узком значении, только лишь как создание (творение) норм права (нормативных правовых актов). Из этого понимания исходят авторы некоторых учебных пособий [6]. В этом случае понятие «правотворчество» (в узком смысле) как деятельность по созданию нормативных правовых актов будет совпадать с понятием нормотворчество (нормографией). Возникает закономерный вопрос: если есть уже устоявшийся термин «правотворчество», насколько целесообразно вводить новый – «нормотворчество (нормография)»? Можно предположить, чтобы не понимать правотворчество в узком его значении, не загромождать понятийный аппарат непонятностью и сложностью употребления одинаковых терминов и не уточнять смысл использования этого понятия, предлагается заменить правотворчество в узком его понимании понятием «нормотворчество». В подтверждение этого предположения можно привести высказывание Н.П. Алешковой, которая определяет, что «Законотворчество – деятельность по принятию правовых актов в виде законов, нормотворчество – по изданию нормативных правовых актов, а правотворчество – по изданию правовых актов вообще» [1].

Однако, если проанализировать Постановление Правительства Российской Федерации об утверждении Положения о создании ГИС «Нормотворчество», можно прийти к выводу, что речь идет не о всех нормативных правовых актах, а лишь о подзаконных и основными участниками нормотворческого процесса являются органы исполнительной власти. Следовательно, нормотворчество является разновидностью правотворчества и соотносятся они между собой как часть и целое.

Использование искусственного интеллекта в правотворчестве значимо, поскольку может способствовать уменьшению трудозатрат, временных ресурсов, ускорению процессов анализа проблемных ситуаций, выявлению потребностей к урегулированию с помощью права и т.д.

На наш взгляд, с помощью искусственного интеллекта в правотворчестве возможно:

1. Проводить правовой анализ существующих нормативных правовых актов, объектом регулирования которых являются такие же или смежные общественные отношения.
2. Выявление возможных юридических коллизий еще не принятых нормативных правовых актов с действующими правовыми регуляторами.
3. При создании нормативного правового акта с привлечением экспертов научной деятельности и экспертов-практиков проводить онлайн-трансляции при обсуждении важных нормативных актов, требующих особых, профессиональных знаний. Это ускорило бы работу за счет сбережения временных ресурсов по личному присутствию консультантов.
4. Правовое прогнозирование для выявления возможных сложностей в реализации устанавливаемых правовых решений. Однако здесь могут быть и сложности, обусловленные достаточно вероятностным прогнозным подходом и, как следствие, принятие сложнореализуемых актов или «мертвых» актов, что скажется на загромождении законодательства и его неэффективности.
5. Правовой мониторинг, конечной целью которого является создание эффективного механизма не только правотворчества, но и реализации его результатов – нормативных правовых актов, отражающего общественные потребности на следующих стадиях: правотворческой деятельности по законодательному обеспечению государственной политики; подзаконного правотворчества; правоприменительной деятельности; осуществления правосудия [2].
6. Правовой эксперимент, когда еще не принятый нормативный правовой акт можно смоделировать с помощью искусственного интеллекта и апробировать законодательные нововведения с целью выявления возможных последствий правового регулирования после его принятия.

Вместе с тем, не все задачи в сфере правотворчества можно смоделировать с помощью искусственного интеллекта, некоторыми авторами отмечаются и его негативные стороны. В частности, это возможные риски, поскольку эксперимент является частью правовой практики и как любая юридическая деятельность, может иметь определенную непредсказуемость. Более того, возможны еще и технологические риски, обусловленные субъективными факторами (к примеру, ошибка человека при составлении программы), так и объективными, связанными с несовершенством и непредсказуемостью цифровых технологий и быстрым, скачкообразным развитием цифрового пространства. Поэтому без научной составляющей, когда ученые-юристы в предварительной работе по обозначению главных опций предстоящего правового эксперимента (определение гипотезы для ее проверки; объекта акта, его цели, субъектов, возникающих вследствие взаимодействия отношений и др.), успешность правового эксперимента сводится к значительным рискам[5].

7. Выявление пробелов в действующем законодательстве с целью определения потребностей в правовом регулировании появившихся отношений, а также выявление в правовом вакууме норм права, необходимость принятия которых продиктовано объективными обстоятельствами.

8. Активное участие народа в правотворческой деятельности государства посредством использования цифровых технологий, что гарантирует реализацию принципов демократизма и гласности правотворческих работ и правотворческих решений. Цифровое пространство в этом случае выступило бы как коммуникативный мост между властью и народом. К примеру, создание цифровой платформы для обсуждения с населением страны только тех законопроектов, которые затрагивают права и обязанности, способствовало бы не только обсуждению, внесению предложений, корректировок со стороны народа, но и повышению уровня правовой грамотности и правовой культуры общества, а для государ-

ственных структур прогнозированием эффективности еще не принятого акта.

Таким образом, внедрение цифровых технологий, искусственного интеллекта в правотворческий процесс является важным, но сложным процессом, с разного рода рисками. Вместе с тем, переход к новому технологическому укладу, цифровой трансформации правотворчества является неизбежным, поскольку продиктован меняющейся правовой реальностью.

Список литературы:

1. Алешкова Н.П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 8.
2. Горохов Д.И. Институт правового мониторинга // Концепции развития российского законодательства. М., 2010. С. 101.
3. Нормография: теория и методология правотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 11,36.
4. Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса»: Постановление Правительства РФ от 11.09.2024 № 1230 // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409130034>
5. Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В. Эксперимент в условиях цифровизации // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 211.
6. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2010; Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. М., 2011.

References:

1. Aleshkova N.P. Constitutional legal work in the Russian Federation: autoref. dis. ... Kand. legal. science. Ekaterinburg, 2010. S. 8.
2. Gorokhov D.And. Institute of law monitoring // concepts developments of Russian legislation. M., 2010. S. 101.
3. Normography: theory and methodology jurisprudence: educational and methodological manual / in order. Yu.G. Arzamasova. M., 2007. S. 11,36.
4. Approval of the Regulation on the State Information System "National Unified Environment for Interaction of Participants in the Rule-making process": Decree of the Government of the Russian Federation dated 11.09.2024 No. 1230 // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409130034>
5. Pashentsev D.A., Pashentseva S.V. Experiment in the conditions of digitalization // Legal technology. 2025. No. 19. p. 211.
6. Legal technology: a textbook on the preparation of draft laws and other regulatory legal acts by executive authorities / edited by T.Ya. Khabrieva, N.A. Vlasenko. M., 2010; Moskalkova T.N., Chernikov V.V. Rulemaking: a scientific and practical guide. Moscow, 2011.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_140

УДК 355.58

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SCIENTIFIC SUPPORT FOR THE IMPROVEMENT OF CIVIL DEFENSE IN THE RUSSIAN FEDERATION

ГАЛДА Михаил Владимирович

Доцент кафедры физической подготовки Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

e-mail: mikhail.galda@mail.ru

GALDA Mikhail Vladimirovich

Associate Professor of the Department of Physical Training

at the Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

e-mail: mikhail.galda@mail.ru

Краткая аннотация: В рамках анализа научного обеспечения совершенствования гражданской обороны в Российской Федерации рассмотрены принципы развития гражданской обороны, методологические основы, практические исследования отдельных вопросов.

Abstract: As part of the analysis of scientific support for the improvement of civil defense in the Russian Federation, the principles of civil defense development, methodological foundations, and practical research on individual issues are considered.

Ключевые слова: гражданская оборона, правовое регулирование, чрезвычайные ситуации.

Keywords: civil defense, legal regulation, emergency situations.

Для цитирования: Галда М.В. Научное обеспечение совершенствования гражданской обороны в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 140-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_140.

For citation: Galda M.V. Scientific support for the improvement of civil defense in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 140-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_140.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

По мнению ряда экспертов в области гражданской обороны, в частности, Сосунова И.В., Киреева Р.В., Посохова Н.Н., Брыка Д.И., необходимость совершенствования гражданской обороны в РФ определяется рядом особо значимых и решающих факторов нашего времени, в частности, высоким риском использования против России высокоточного оружия в обычном снаряжении, высокие шансы воздушно-космического нападения на Россию, непосредственно региональные, локальные войны, огневое поражение жизненно важных объектов, высокая угроза террористических актов и пр., что обусловлено резко изменившейся геополитической ситуацией. М. Ходаренок указывает на «гибридную войну» (взаимосвязанное проведение электронных, информационных, кибернетических операций в их совокупности с действиями вооруженных сил, когда задачи гражданской обороны¹ должны ставиться исходя из форм ведения войны (при санкциях – предупредительные меры, при информационных атаках массового характера – информационно-психологическая защита населения, и пр.).

В рамках организации, реформирования, ведения гражданской обороны в Российской Федерации необходимо ее дальнейшее совершенствование, что важно осуществлять во взаимодействии со всеми уровнями исполнительной власти, с привлечением, в том числе, представителей научных, образовательных организаций². В действительности, вопрос научного обеспечения деятельности и совершенствования гражданской обороны в Российской Федерации особо актуален³.

Развитие, совершенствование гражданской обороны в России должно строиться исходя из нужды дифференцированной защиты населения, территорий, различных гражданских и промышленных объектов, исходя из ситуаций – военного или мирного времени; при этом важно рациональное расходование материальных ресурсов на обеспечение мероприятий по защите от разного рода потенциального воздействия.

В настоящее время, в условиях напряженной геополитической обстановки в России, в мире в целом, происходит расширение спектра современных вооружений, идет активное наращивание ядерного потенциала стран, что создает очень напряженную обстановку и ставит новые задачи перед гражданской обороной. Сейчас в мире используется поражающее оружие массового действия и ввиду этого особо важным представляется совершенствование обеспечения высокого уровня защиты населения объектов территории Российской Федерации в условиях воен-

1 Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX; Зокоев, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YNHXLW.

2 Одинокова, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одинокова, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN VMEETD; Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.

3 Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б. Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF; Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUWWV; Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF.

ных конфликтов (это оружие направленной энергии, электромагнитное оружие, радиологическое, геофизическое, оружие несмертельного действия, генетическое, информационное).

В.А. Акимовым отмечается, что основными принципами развития гражданской обороны должны выступать следующие (рис.):

Рис. Принципы развития гражданской обороны

Современной теорией и практикой гражданской обороны в РФ определяется, что важнейшими направлениями в вопросе совершенствования гражданской обороны должны выступить следующие (рис.).

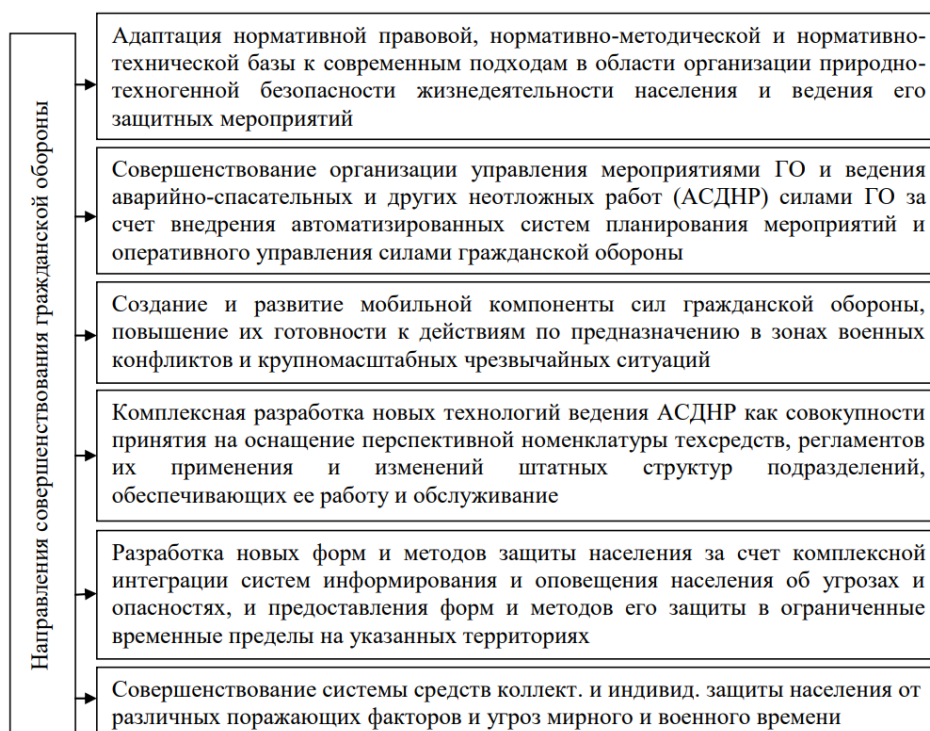

Рис. Направления совершенствования гражданской обороны

В настоящее время методологической основой реализации гражданской обороны в РФ выступает, как было определено выше в работе, Указ Президента РФ от 20.12.2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года», из которого следует, что в настоящее время в качестве единых направления развития гражданской обороны на уровне государства выступают:

принятие мер в части совершенствования нормативно-правовой базы в области гражданской обороны, организации и сил гражданской обороны, методов и способов защиты населения, объектов материального, культурного и гуманитарного назначения, а также обеспечения защи-

ты наиболее важных объектов;

формирование, совершенствование системы по подготовке граждан в вопросах гражданской обороны.

Важным вопросом выступает деятельность по развитию международного гуманитарного права¹, оказанию гуманитарной помощи, совершенствованию международных механизмов по борьбе с природными и техногенными катастрофами, а также совершенствованию международной правовой базы, включая адаптацию к реалиям современного мира «Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны» от 12.08.1949 г. и «Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны» от 22.05.2000 года.

Необходимо отметить, что ФГБУ Всероссийским научно-исследовательским институтом по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, федеральным центром науки и высоких технологий (ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ)) акцентируется внимание на необходимости более глубокой проработки в научно-методическом аспекте российского законодательства в части «обустройства» гражданской обороны, в частности:

по совершенствованию методологии гражданской обороны в качестве резервной системы государства;

по внедрению в практику принципа по переходу от оперативного реагирования к управлению рисками, к прогнозированию и предупреждению чрезвычайных ситуаций крупного масштаба;

по совершенствованию методов, форм и способов осуществления защиты населения в условиях военного времени, при возникновении различных ЧС включая также вопросы инженерной защиты и оптимизации мероприятий по совершенствованию эвакуации населения;

по формированию действенной, эффективной группировки сил гражданской обороны, которая будет способна максимально быстро и результативно выполнять задачи в части гражданской обороны, как в мирное, так и в военное время².

Надо также отметить, что важнейшим направлением научно-технического обеспечения гражданской обороны на протяжении последних лет остается разработка новых эффективных принципов, методов и технологий защиты населения от опасностей, возникающих в мирное и военное время.

В настоящее время со стороны технического комитета по стандартизации «Гражданская оборона, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций» разработано и утверждено Росстандартом 15 национальных стандартов, устанавливающих технические требования к средствам РХБ защиты, аварийно-спасательным средствам, средствам управления гражданской обороной, защитным сооружениям гражданской обороны, к их классификации и методам оценки соответствия установленным требованиям. Благодаря этим обеспечивается соблюдение требований технических регламентов ЕАЭС в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Одним из немаловажных направлений научного исследования в вопросе гражданской обороны является совершенствование системы управления гражданской обороной, в частности, актуальным остается вопрос совершенствования автоматизированной системы управления гражданской обороной, обеспечивающей оперативность и скрытность приведения и ведения мероприятий гражданской обороны. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) на данный момент разработаны автоматизированные программно-технические комплексы по планированию и проведению мероприятий гражданской обороны федерального, межрегионального и регионального уровней, проведены проектные работы по созданию прототипов указанных комплексов муниципального уровня и для уровня ведения в организациях, выполнены работы по проектированию защищенной сети связи для автоматизированной системы, но требуется дальнейшее совершенствование данного направления.

В целом, важным представляется продолжение, совершенствование научно-методического обеспечения мероприятий гражданской обороны. На основе результатов научных изысканий в настоящее время проводится работа по переработке действующих и разработке новых методик прогнозирования обстановки, которая может сложиться в результате воздействия современных средств поражения по объектам тыла, а также при ЧС.

ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) в рамках развития научного направления деятельности, проводит научные исследования по разработке методического аппарата, опирающегося на базовые индикаторы оценки состояния гражданской обороны, использующие в качестве исходных данных сведения, ежегодно представляемые органами управления, согласно действующему Регламенту по сбору и обмену информацией в области гражданской обороны.

Надо также отметить, что закрепленная в своде правил «ИТМ ГО» методология зонирования территории Российской Федерации обеспечивает дифференцированный подход к организации и проведению мероприятий по гражданской обороне, учитывает риски различной природы, а также экономические, стратегические, географические и др. факторы. Научно обоснованы и кардинально пересмотрены принципы такого способа защиты населения, как эвакуация населения в безопасные районы.

Проведенный анализ планов эвакуации крупных городов России показывает, что в настоящее время имеется ряд объективных проблем, снижающих эффективность проведения эвакуационных мероприятий. Среди такого рода проблем можно выделить низкую пропускную способность маршрутов эвакуации и удаленное расположение безопасных районов. Этот вопрос требует дальнейшей проработки в кратчайшие сроки, что объясняется нынешней ситуацией.

Значительное внимание в современных условиях уделяется совершенствованию системы подготовки населения в области граждан-

1 Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.

2 Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

ской обороны, в том числе по вопросам нормативно-методического обеспечения функционирования единой системы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Разработаны и утверждены в установленном порядке Примерные программы обучения различных категорий населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций, а также Рекомендации по организации и проведению курсового обучения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций.

Одним из приоритетных направлений строительства и развития сил и средств гражданской обороны в современных условиях является оснащение спасательных воинских и аварийно-спасательных формирований, пожарно-спасательных центров современными образцами техники и оборудования, а также совершенствование технологий проведения аварийно-спасательных работ.

Системы жизнеобеспечения населения, объекты здравоохранения и образования, а также стратегически важные заводы по производству вооружений должны функционировать в любых условиях. Это единственный способ обеспечить защиту и безопасность населения и страны в целом. С этой целью в России разработана нормативно-правовая база и методические рекомендации по организации и осуществлению мероприятий гражданской обороны в российских организациях, муниципальных образованиях и городах. На основании этих документов каждый человек, считающий себя гражданином России, обязан участвовать или принимать участие в реализации государственной политики в области организации гражданской обороны в зоне своей ответственности.

Представляется, что необходим поиск новых подходов к вопросам, связанным с совершенствованием защиты населения, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов на территории Российской Федерации с учетом современных угроз. В частности, к числу актуальных вопросов, которые требуют дальнейшей разработки, следует отнести следующие (рис.):

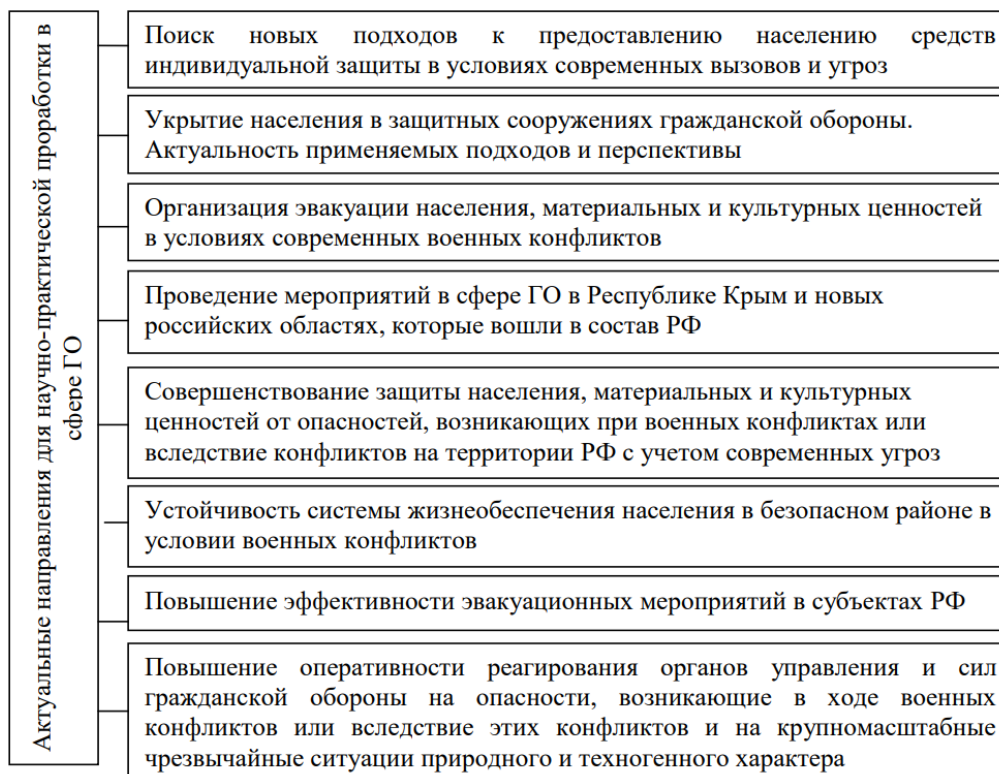

Рис. Актуальные направления для научно-практической проработки в сфере ГО

Системы жизнеобеспечения населения, объекты здравоохранения и образования, а также стратегически важные заводы по производству вооружений должны функционировать в любых условиях. Это единственный способ обеспечить защиту и безопасность населения и страны в целом. С этой целью в России разработана нормативно-правовая база и методические рекомендации по организации и осуществлению мероприятий гражданской обороны в российских организациях, муниципальных образованиях и городах. На основании этих документов каждый человек, считающий себя гражданином России, обязан участвовать или принимать участие в реализации государственной политики в области организации гражданской обороны в зоне своей ответственности.

Таким образом, задача науки заключается в том, чтобы сделать гражданскую оборону XXI века высокоэффективным государственным «инструментом» обеспечения защиты жизни и благополучия каждого гражданина Российской Федерации и общества в целом в условиях мирного

и военного времени.

В рамках исследования теоретических основ гражданской обороны в России, было определено, что ее основное назначение состоит в том, чтобы обеспечить высокий уровень защищенности граждан, культурных и материальных ценностей на территории государства от разного вида опасностей, которые могут возникать ввиду ситуаций, связанных с военными конфликтами, а наступлением чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера. Роль гражданской обороны в системе обеспечения безопасности государства на общенациональном уровне чрезвычайно высока, она выступает важной составляющей в общей системе обороноспособности Российской Федерации.

На сегодняшний день гражданская оборона представляет собой часть системы обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны и ее предназначение состоит в защите населения от поражающих факторов и опасных факторов, как в мирное, так и в военное время. Помимо прочего, в задачи гражданской обороны входит защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также от террористических актов.

В рамках анализа научного обеспечения совершенствования гражданской обороны в Российской Федерации рассмотрены принципы развития гражданской обороны, методологические основы, практические исследования отдельных вопросов ее развития на базе ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), направления глубокой проработки в научно-методическом аспекте российского законодательства в части «обустройства» гражданской обороны, вопрос ее совершенствования.

Список литературы

1. Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.
2. Зокоев, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YHXLWL.
3. Одиноква, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одиноква, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN WMEETD.
4. Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
5. Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б. Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF.
6. Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUPWW.
7. Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF.
8. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
9. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

References

1. Nemchenko, S. B. Problems of legal regulation of the maintenance and operation of civil defense protective structures (review of law enforcement practice) / S. B. Nemchenko, V. S. Makhanov, Yu. V. Knysh // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 37-43. – EDN IORORX.
2. Zokoev, V. A. Legislative provision of civil defense / V. A. Zokoev // Law. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 4(21). – Pp. 36-41. – EDN YHXLWL.
3. Odinkova, E. Y. The legal status of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters in modern Russia / E. Y. Odinkova, N. I. Glinskaya // Right. Safety. Emergency situations. – 2016. – № 2(31). – Pp. 47-52. – EDN WMEETD.
4. Shenshin, V. M. On the new powers of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of restrictions on human and civil rights and freedoms during the introduction of martial law / V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
5. Nemchenko, S. B. Review of legal incentives and restrictions in Russian legislation on civil defense / S. B. Nemchenko, T. I. Stepanenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2014. – № 1(22). – Pp. 27-33. – EDN YGXZVF.
6. Girkko, S. I. The state of emergency situations and fire safety: a look through the prism of the National Security Strategy of the Russian Federation / S. I. Girkko // Right. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 4(61). – Pp. 6-13. – EDN QBUPWW.
7. Ivanov, K. M. Features of state policy in the field of civil defense at the present stage / K. M. Ivanov, T. A. Voronko // Right. Safety. Emergency situations. – 2015. – № 2(27). – Pp. 50-55. – EDN WMDUHF.
8. Kapustin, A. Ya. Prevention and liquidation of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
9. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ) LEGAL REGULATION AND ORGANIZATION OF SOCIAL SECURITY FOR DISABLED PERSONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF KHAKASSIA)

ТРОЯКОВА Юлия Константиновна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, 90,
e-mail: troyackova.julia@yandex.ru

TROYAKOVA Yulia Konstantinovna,

Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of State and Legal Disciplines
Institute of History and Law Khakass State University them. N.F. Katanova,
Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin Ave., 90,
e-mail: troyackova.julia@yandex.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования и организации социального обеспечения инвалидов в годы Великой Отечественной войны в СССР (на примере Хакасской автономной области) в период 1941-1945 гг. На основе правовых актов, принципов, норм и архивных материалов рассматриваются основные направления и реализация государственной политики в сфере трудоустройства инвалидов войны в указанный период. Изучены меры социальной поддержки государства, местных органов власти по отношению к данной категории граждан. Раскрыта организационная работа областного отдела социального обеспечения.

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal regulation and organization of social security for disabled people during the Great Patriotic War in the USSR (using the example of the Khakass Autonomous Region) in the period 1941-1945. Based on legal acts, principles, norms and archival materials, the main directions and implementation of state policy in the field of employment of war invalids during the specified period are examined. The social support measures provided by the state and local authorities for this category of citizens were examined. The organizational work of the regional social security department was revealed.

Ключевые слова. Правовое регулирование, областной отдел социального обеспечения, инвалиды войны, инвалиды Великой Отечественной войны, социальное обеспечение, социальная помощь, трудоустройство, Хакасская автономная область.

Keyword. Legal regulation, regional department of social security, war invalids, disabled veterans of the Great Patriotic War, social security, social assistance, employment, Khakass Autonomous Region.

Для цитирования: Троякова Ю.К. Правовое регулирование и организация социального обеспечения инвалидов в годы Великой Отечественной войны (на примере Хакасии) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 145-147. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_145.

For citation: Troyakova Yu.K. Legal regulation and organization of social security for disabled persons during the Great Patriotic war (on the example of Khakassia) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 145-147. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_145.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В честь 80-летней годовщины Победы над фашизмом изучаемая проблема в научной литературе становится все более актуальной и значимой. Если темы вклада национальных районов Сибири, в том числе, Хакасии в дело победы над противником, ратного подвига людей, достаточно исследованы в историографии, то восстановление объективной картины осуществления государственной политики по правовому обеспечению и организации социального обеспечения инвалидов войны в глубоком тылу находится только на этапе своего становления. Вопросами правового регулирования и организации социального обеспечения населения в Хакасии, в том числе, инвалидов и членов их семей, в указанные годы исследовались многими учеными, такими как, О. В. Володиной, А. Н. Пеньковой [1], Г. М. Ивановой [3], Т. А. Кискидосовой [5], А. С. Польшинским [9], Н. А. Сорокиным [10], Хаблиевой Л. Ч., Сосрановой З. В. [13] и др.

Государственное управление в социальной сфере претерпело значительные изменения в годы Великой Отечественной войны. Колоссальные людские потери, неудачи на фронте особенно в начале войны, тяготы и тяжелые условия в тылу, вызвали потребность в пересмотре существующей тогда системы социальной поддержки инвалидов и членов их семей. Это стало одной из главных, приоритетных задач внутренней политики государства, что отразилось в разработке и принятии серии нормативно-правовых актов. Предоставлялись различные льготы, например, по оплате за жилье, налогам, обеспечению топливом, дровами, выплачивались различные пособия и т.д.

Одним из первых актов, опубликованных в газете «Правда» стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [8]. По мнению авторов О. В. Володиной, А. Н. Пеньковой положения данного Указа распространялись только на «семей военнослужащих из числа рядовых и из числа младшего начальствующего состава, которые были призваны в армию и на флот по мобилизации», т. е. по данному Указу «пособия от государства не распространялись на семьи так называемых сверхсрочных служащих» [1]. В условиях недостаточного финансирования социальной сферы, право получения пособия семьям военнослужащих, согласно данному Указу от 26 июня 1941 г. имели те, в составе которых были нетрудоспособные.

В зоне социального риска оказались демобилизованные инвалиды войны, численность которых с каждым разом только стало расти. Имеющиеся виды социальной помощи, выплачиваемые пенсии и пособия государством оказались недостаточными. Общий уровень жизни изучаемой категории лиц был крайне минимальным. Кроме того, участились случаи собирания милостыни, попрошайничества, нищенства инвалидов войны.

Выходом из сложившейся ситуации стало трудоустройство инвалидов войны, обучение новым профессиям. Подобная работа была организована в соответствии с изданным Постановлением Совнаркома СССР № 640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 8 мая 1942 года [11, с. 46]. Проводилось обучение по различным специальностям – сапожник, связист, повар, счетовод, портной во всех госпиталях, предприятиях, школах, в городах и районах области. Во время лечения в госпиталях в период эвакуации, те инвалиды войны, которые уже имели хоть какую-то профессию или специальность могли тоже работать. Вся ответственность за организацию трудоустройства инвалидов возлагалась на органы социального обеспечения, а также на руководителей всех организаций и предприятий. Последние обязаны были содействовать улучшению материально-бытовых проблем, например, обеспечить дровами, углем, топливом, отремонтировать жилье, где находились инвалиды войны и их родственники.

Повышение уровня жизни инвалидов войны через вовлечение их в трудовую деятельность, рациональное использование труда – стало одной из главных целей советского государства. СНК СССР и союзные республики, Народные комиссариаты социального обеспечения (НКССО), областные, районные и городские отделы социального обеспечения были главными субъектами социальной ответственности по реализации поставленных государством задач. На инспекторов, а также на представителей общественности возлагались обязанности по исполнению выше указанных задач, связанных с социальным обеспечением и материально-бытовым обслуживанием инвалидов войны и членов их семей.

По заявкам организаций и предприятий осуществлялось трудоустройство инвалидов. Военнослужащие получали путевку от собеса на имеющуюся вакансию. При этом, трудовая функция должна была соответствовать физическим возможностям инвалида и подготовке. Кроме того, руководители организаций и предприятий должны были обеспечить инвалидам войны все необходимые материально-бытовые и производственные условия.

Деятельность исполкома хакасского областного совета народных депутатов послужила примером реализации социального обеспечения инвалидов войны. Судя по архивным материалам протоколов заседаний Исполкома, отчетам работы районных отделов социального обеспечения области, можно отметить, что выполнение Постановлений ЦК КПСС и Советского правительства по улучшению социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны и членов их семей, а также семей погибших военнослужащих находилось под их пристальным контролем.

Так, например, на основании материалов протоколов заседаний Исполкома хакасского областного совета народных депутатов за 1942 год, было отмечено, что «трудоустроено семей военнослужащих 6442 человека, устроено детей военнослужащих в ясли и детские сады 4703; завезено всего дров 2118 кубометров; отремонтировано свыше 200 квартир» [7, л. 19]. И далее, по тексту: «38 человек находилось без работы и до сих пор не трудоустроены» [6, л. 49].

Данное положение дел объяснялось следующими причинами: отсутствие вовремя созданной комиссии по трудоустройству инвалидов, недостаточное финансирование, нехватка ресурсов, жилья, товаров первой необходимости, слабая организация обучения при госпиталях. Выплата пенсий задерживалась до года, отсутствовали мастерские по ремонту одежды, обуви, столовые и др. Было принято решение устранить выявленные недостатки в работе отдела социального обеспечения по области.

Незамедлительному исполнению данного решения послужила вышедшая статья под названием «Улучшить культурно-бытовое обслуживание трудящихся» в декабре 1942 года в газете «Советская Хакасия», в которой были отмечены все недостатки в работе отдела социального обеспечения. Заметка вызвала небывалый общественный резонанс, который повлиял на принятие дополнительных социальных мер в отношении инвалидов войны и членов их семей. В частности, был выделен специальный магазин для снабжения промышленными товарами; построена столовая, рассчитанная на 200 чел., организована работа местными артелями по массовому выпуску детских новогодних игрушек и подарков [5, л. 109].

Система социального обеспечения инвалидов и их семей был предусмотрен рядом правовых документов. Анализ правовых актов, архивных материалов и научной литературы по теме исследования показал, что социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны и их семей стала важной составляющей государственной политики в социальной сфере, несмотря на недостаточное финансирование и имеющиеся недостатки в организации. Она осуществлялась в нескольких направлениях. Одним из таких было обучение новым профессиям, трудоустройство, содействие занятости инвалидов. Такая социальная политика свидетельствовала о стремлении государства оказать максимальную поддержку военнослужащим Отечества и членам их семей.

Список литературы

1. Володина О.В. Социальное обеспечение семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны: историко-правовые аспекты / О. В. Володина, А. Н. Пенькова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 21-30.
2. Иванова Г.М. Правовые основы социального обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР и членов их семей в годы Великой Отечественной войны // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, №3(71). С. 232 – 239.
3. Кабирова А. Ш. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2(19). С. 173-177.
4. Кискидосова Т.А. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в городах Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №11-2 (37). С. 68 – 70.
5. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р. 39. Оп. 1. Д. 416. Л. 109.

6. НАРХ. Ф. Р. 39. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.
7. НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1-2. Д. 933. Л. 19.
8. О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30.
9. Польшинский А. С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2(42). С. 190-199.
10. Сорокин Н. А. Правовое регулирование и организация социального обеспечения инвалидов в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Сорокин // Многонациональный советский народ как фактор Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2025 года. Москва: Московский международный университет, 2025. С. 97-103.
11. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г.). М.: [Б. и.], 1944. 382 с.
12. Троякова Ю. К. Государственная политика в сфере трудоустройства инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Хакасии) // Российская государственность: вопросы истории и права: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 25 октября 2024 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2024. С. 126-127.
13. Хабльева Л. Ч., Сосранова З. В. Государственная политика в области социального обеспечения инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Владикавказа) // Научный диалог. 2018. № 3. С. 221-232.

References

1. Volodina O.V. Social security of military families in the early years of the Great Patriotic War: historical and legal aspects / O. V. Volodina, A. N. Penkova // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2021. Vol. 11, No. 2. pp. 21-30.
2. Ivanova G.M. Legal foundations of social security for military personnel of the NKVD of the USSR and their family members during the Great Patriotic War // Penal science. 2025. Vol. 19. No. 3(71). pp. 232-239.
3. Kabirowa A. S. Social adaptation and employment of disabled people during the Great Patriotic War (based on the materials of the Tatar ASSR) // Samara Scientific Bulletin. 2017. Vol. 6. No. 2(19). pp. 173-177.
4. Kiskidosova T.A. Material and household assistance to military families in the cities of Khakassia during the Great Patriotic War // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2013. No. 11-2 (37). pp. 68-70.
5. National Archive of the Republic of Khakassia (NARH). F. R. 39. Op. 1. D. 416. L. 109.
6. NARH. F. R. 39. Op. 1. D. 416. L. 49.
7. NARKH. F. P-2. Op. 1-2. D. 933. L. 19.
8. On the procedure for the appointment and payment of benefits to families of military personnel of ordinary and junior commanders in wartime: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated June 26, 1941 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1941. No. 30.
9. Polynskiy A. S. State policy in the field of social security and employment of war invalids in the pre-war period and the years of the Great Patriotic War // Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2015. No. 2(42). pp. 190-199.
10. Sorokin N. A. Legal regulation and organization of social security for the disabled during the Great Patriotic War / N. A. Sorokin // Multinational Soviet people as a factor of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945 (on the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2025. Moscow: Moscow International University, 2025. pp. 97-103.
11. Collection of documents and materials on labor issues during the Great Patriotic War (June 22, 1941 – January 5, 1944). Moscow: [Б. и.], 1944. 382 p.
12. Troyakova Yu.K. State policy in the field of employment of war invalids during the Great Patriotic War (on the example of Khakassia) // Russian statehood: issues of history and law: Collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 25, 2024. Abakan: N.F. Katanov Khakass State University, 2024. pp. 126-127.
13. Khablieva L. Ch., Sosranova Z. V. State policy in the field of social security for war invalids during the Great Patriotic War (on the example of Vladikavkaz) // Scientific dialogue. 2018. № 3. pp. 221-232.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_148

УДК 1:316 (045)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

ШУЛУГИНА Галина Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А.
E-mail: shuluginagalina@mail.ru

СЕКАЕВ Тимур Юнирович

аспирант факультета истории и права ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева».
430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А.
E-mail: sekaevt@gmail.com

SHULUGINA Galina Anatolyevna

associate professor of the department of law and philosophy Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: shuluginagalina@mail.ru

SEKAEV Timur Yunirovich

postgraduate student of the Faculty of History and Law Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev.
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: sekaevt@gmail.com

Краткая аннотация: Глобализация активно влияет на все сферы общественной жизни, создавая условия «вызова» для классических социальных институтов, включая патриотизм. Под давлением глобализации он приобретает некоторые особенности, среди которых выделяются денационализация и дисперсность патриотизма. При этом общественная потребность в данном социальном институте сохраняется, социокультурный и общественно-политический потенциал патриотических ценностей представляется достаточно сильным и может стать основанием многополярного мира.

Abstract: Globalization is actively influencing all spheres of public life, creating a "challenge" for classical social institutions, including patriotism. Under the pressure of globalization, patriotism is acquiring certain characteristics, notably the denationalization and dispersion of patriotism. At the same time, the public demand for this social institution remains, and the sociocultural and sociopolitical potential of patriotic values appears quite strong and could become the foundation of a multipolar world.

Ключевые слова: глобализация, патриотизм, ценность, денационализация патриотизма, дисперсность патриотизма.

Key words: globalization, patriotism, value, denationalization of patriotism, dispersion of patriotism.

Для цитирования: Шулугина Г.А., Секаев Т.Ю. Особенности проявления патриотизма в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_148.

For citation: Shulugina G.F., Sekaev T.Yu. Features of the manifestation of patriotism in the context of globalization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_148.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Одной из тенденций развития современного общества и цивилизации является глобализация. Содержательно данная тенденция представлена разноплановыми процессами интеграции и взаимодействия государств и народов во всех сферах общественной жизни, что имеет как положительные последствия, так и отрицательные, поскольку создает условия «вызова» для функционирования классических социальных институтов, включая патриотизм. Данное обстоятельство обуславливает актуальность данного исследования.

Краткий обзор литературы по теме «Патриотизм и глобализация» позволил выделить несколько основных направлений исследования:

- а) теоретическое направление, в котором представлен философский анализ феномена патриотизма, анализируются его формы, функции и их трансформация под влиянием глобализации;
- б) направление, связанное с анализом трансформации патриотических чувств на постсоветском пространстве;
- в) аксиологическое направление, представленное работами, в которых анализируется роль культурных ценностей в формировании патриотизма у представителей разных поколений;
- г) практическое направление, связанное с изучением стратегий формирования патриотических ценностей в условиях глобализации, в том числе и в России.

Необходимость философского анализа патриотизма, несмотря на длительную историю его существования как социально-культурного феномена и как объекта теоретизации обусловлена не только новыми социально-политическими обстоятельствами, но также его многоплановостью, которая охватывает эмоционально-чувственный, этический, аксиологический, социально-политический и прагматический аспекты. Поэтому современный дискурс, предметом которого выступает патриотизм, достаточно многолик и не исключает приёмы фрейминга. Тем не менее,

¹ Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ЧГПУ имени И.Я. Яковлева) и МГПУ имени М. Е. Евсевьева» по теме «Влияние глобализации на формирование патриотических ценностей обучающихся».

всех участников исторической дискуссии, посвященной патриотизму, условно можно разделить на две противоположные группы – тех, кто выражает негативное отношение к данному феномену, и тех, кто, является его сторонником [6].

На то, что концептуализация патриотизма как категории не завершена, указывает использование различных понятий в качестве парного понятия, которое помогает передать или заменить его смысловое наполнение в соответствие с авторской позицией и/или социально-политическим заказом, а также наличие различных теоретических моделей патриотизма [8].

Следует также отметить, что в качестве теоретико-методологической основы исследований патриотизма в условиях глобализации наиболее часто используются аксиологический и конструктивистский подходы [5]. На наш взгляд, при обсуждении данной темы присутствует даже некоторая взаимообусловленность данных подходов.

Аксиологический подход дает возможность рассмотреть патриотизм как ценностное отношение человека, гражданина к малой и большой Родине, Отечеству, сформировавшееся естественным путем и выражающееся, прежде всего, в чувстве привязанности к тому месту, где он родился и сформировался как личность. Следует отметить, что аксиологический подход как способ теоретизации феномена патриотизма в определенной степени, как правило, присутствует в работах, посвященных патриотизму, даже в тех случаях, когда доминирующим является другой подход.

Конструктивистский подход рассматривает патриотизм как результат целенаправленной деятельности, социального конструирования. Данный подход, кроме аксиологической основы, предполагает и некий механизм, который позволяет не только стабилизировать и усиливать чувство привязанности, ценностное отношение к своей родине, но и, наоборот, нивелировать его, заменяя объект патриотического отношения иным. Поэтому конструктивистский подход к патриотизму в условиях глобализации, на наш взгляд, более функционален.

Глобализация в своем проявлении многопланова, но при этом векторы данного процесса направлены к одной цели – созданию единого социокультурного пространства, в котором отсутствуют частные демаркационные линии социальной идентичности во всех ее видах. По этой причине патриотизм, акцентирующий внимание на сохранении принадлежности субъекта и гражданина к определенному национально-государственному образованию и защите его интересов, не просто противоречит глобализации в идейном плане, но и в некотором смысле выступает серьезным препятствием в достижении ее цели – «миру без границ».

Инициированное глобализацией формирование мирового государства требует культурно-идеологического обоснования возможности его существования и легитимности и это не может состояться без появления новых духовных институтов, культурных норм, социальных ролей, которые в совокупности, с одной стороны, являются маркерами государства нового типа, с другой стороны, мощными технологическими инструментами, влияющими на индивидуальное и общественное сознание.

За последние десятилетия мы имели возможность наблюдать за происходящей в современных обществах трансформацией ценностных ориентиров, ощущать непосредственно на себе воздействие различных технологий, цель которых – внедрение в национальные культуры, общественное и индивидуальное сознание новых мифов, ценностей, идей, выражающих сущность формирующегося нового (мирового) государства.

Понятие «ценность», являясь универсалией культуры, с помощью которой выражается социальное и культурное значение соразмерных человеку объектов, процессов и событий, выполняет важную смыслообразующую функцию, обнажая не только повседневность социальной жизни, но и выстраивая ее будущее. В условиях, когда «обстоятельства человеческого бытия стали космополитическими» [1, с. 2], ценностный ряд, коррелятивный эпохе национальных государств, под давлением глобализации трансформируется.

В наибольшей степени это коснулось концепта национальной идентичности, вне зависимости от того, связана ли она с государством, культурой, наконец, патриотизмом [2]. Ее альтернативой стали наднациональные образования [4, с. 96]. Кризисные процессы, связанные с национальной идентичностью, особенно ярко проявляются в тех странах, которые наиболее активно включились в процесс глобализации. Для стран, которых глобализация коснулась в меньшей степени, наоборот, национальные государства становятся способом выживания и сохранения этноса в условиях возросшей конкуренции, а актуальность национальной идентичности и национального патриотизма возрастает, они обретают большую ценность [3, с.119].

Важным элементом содержания патриотического сознания, имеющего выраженный ценностный характер, является долг, который выступает в роли мотива, обладающего моральным свойством. Как этическая категория, «долг» представляет собой обязательство, готовность совершать действия на основе идентификации с идеальным порядком, через осознание своей сопричастности общественной группе.

В странах, активно участвующих в процессах глобализации, а также в тех странах, социальная структура общества которых включает профессиональные группы, востребованные в других, формируется новый тип гражданина, для которого патриотические ценности приобретают двухуровневый характер. Такие профессиональные группы имеются и в России, например, программисты и математики.

Обретение двухуровневой структуры – это новое явление в практике патриотизма, которое обусловлено глобализацией. Объект ценностного патриотического отношения либо раздваивается (разделяется на два), либо суммарно увеличивается до двух. Обозначенную двухуровневую структуру условно можно представить как состоящую из естественно-исторического объекта ценностного патриотического отношения, связанного, территориально с местом рождения и становления индивида как личности, и объекта, который не обладает выраженным свойством локальности, а имеет транснациональный-культурный-территориальный-государственный характер. Объектом ценностного патриотического отношения с приставкой «транс» может быть общество в широком смысле слова, мир, планета.

Новый объект поглощает локальные патриотические устремления личности либо частично, либо полностью. Полное поглощение есте-

ственно-исторического объекта ценностного патриотического отношения транснациональным в силу его предельной общности и качественной неопределенности приводит к преодолению или даже разрушению принудительной нормативности долга как элемента патриотического сознания. На наш взгляд, в этом случае человек утрачивает всякую причастность, у него остается лишь собственное «я». Поэтому единственное должествование, которому он может и желает подчиниться – это должествование перед собой, что определяется необходимостью поиска комфортных условий для жизни. Иными словами, деонтическая модель ценностного патриотического сознания в условиях глобализации постепенно заменяется утилитарной моделью. Глобализация как тенденция развития цивилизации демонстрирует, что первичные потребности экзистенциального характера выходят на авансцену частной и общественной жизни.

Под влиянием глобализации существенно трансформируется и духовная основа патриотизма – история, прежде всего, локальная, выражающая процесс становления национального государства и нации, но также и всеобщая история. Трансформация истории является результатом относительного нового направления политики, которое условно называется «политика памяти». При этом можно констатировать, уже сегодня политика памяти имеет вполне зримые результаты, ярким примером является Украина.

Для формирования нового взгляда на национальную и всеобщую истории используются различные инструменты: административные, законодательные, информационные, а также мифотворчество. Отметим, что в условиях глобализации, когда пересматриваются устоявшиеся концепты, миф как интегрированная часть культуры, в которой выражены коллективные представления, приобрел особую актуальность.

Основываясь на дологическом мышлении, миф оказался способен к трансформации, медиации и бриколажу, что позволяет ему сосуществовать с логической мыслительной структурой в одном обществе и даже в одном сознании. Высокая адаптивность мифа позволяет активно использовать его для формирования новой парадигмы поведения, представления определенных моделей, связанных с фундаментальными (патриотическими) ценностями в условиях глобализации общества.

Наполняя новым содержанием классические мифологические образы «врага», «героя», «своего», «чужого» и активно внедряя их в общественное сознание и культуру, с помощью мифа подменяется содержание исторических понятий и образов и создается новый мифологический ряд. Миф направлен, прежде всего, к эмоциональной сфере личности, которая проявляется в состояниях и отношениях к различным предметам. Новые псевдоисторические образы мифа становятся мощным средством формирования нового национального самосознания и нового патриотизма [3, с. 121].

Не избежала давления глобализации история как наука, занимающаяся установлением последовательности событий и выявлением объективности исторических фактов. В условиях глобализации история как наука все больше приобретает нарративный характер, выражающийся в произвольно-целевой трактовке исторических событий. Последствия подмены рациональности научного исторического знания нарративом-повествованием приводят к тому, что исторические факты получают новую интерпретацию и оценку, и в итоге влияют на восприятие некоторого глобального исторического процесса. Например, нарратив о США в контексте борьбы с Гитлером и фашизмом в некотором смысле создает основание для формирования образа США как страны, победившей фашизм.

Нарративный характер истории локального общества, цивилизации приводит к разрушению исторической памяти, утрате традиционных духовных ориентиров и патриотических ценностей и к разрыву связи со своим народом. Логика развития глобального мира не предполагает существование локально-национальных историй, так как они не способствуют формированию его внутреннего единства, поэтому они все чаще замещаются нарративами.

Принимая во внимание, что глобализация – это не только идеология, но и процесс, в который вовлечен и институт патриотизма, отметим, что под давлением глобализации он приобретает некоторые особенности. На наш взгляд, наиболее знаковыми являются денационализация и дисперсность патриотизма. Денационализация как особенность патриотизма обусловлена во многом активными миграционными процессами и культурными взаимодействиями [3, с. 121]. В самом общем виде данная особенность проявляется в изменении объекта ценностного патриотического отношения.

Под дисперсностью (от лат. *dispersus* – «рассеянный, рассыпанный») патриотизма мы понимаем дробность патриотических ценностей и неравномерность их проявления в различных социальных группах, прежде всего, выделяемых по уровню дохода, обладанию ресурсами власти, образованию, возрасту. На наш взгляд, данные социальные группы с учетом их внутренней структуры являются наиболее яркими маркерами влияния глобализации в данном контексте на ценностное отношение граждан в рамках института патриотизма.

Обозначенные особенности проявления патриотизма в условиях глобализации, безусловно, свидетельствуют о его трансформации. Однако, нам представляется, что общественная потребность в данном социальном институте сохраняется, поскольку социокультурный и общественно-политический потенциал патриотических ценностей представляется очевидным и достаточно сильным, чтобы стать не только «национальной идеей, объединяющей граждан многонациональной страны» [7], но и основанием для взаимодействия государств и народов «многополярного мира», концепцию которого предложила Россия.

Список литературы

1. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с. – Текст: непосредственный.
2. Гранин, Ю. Д. Глобализация : эрозия национальной идентичности / Ю. Д. Гранин. Текст : электронный // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 142–153. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2015_1/pdf/142-153.pdf. – (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.
3. Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации / В.П. Мохов. - Текст : непосредственный // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 115–128.
4. Мухаев, Р. Т. Глобализация и поиск национальной идентичности: в поиске новых форм репрезентации / Р. Т. Мухаев // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 1. – С. 199–215.

5. Наливайченко, И. В. Специфика патриотизма в условиях культурной глобализации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Наливайченко Ирина Владимировна; Донской государственный технический университет. Ростов-на-Дону, 2011. 24 с. – Текст: непосредственный
6. Павлов, А. В. Патриотизм : социально-философский подход / А. В. Павлов // Философия и современность. – 2018. – 2. – С. 83–94.
7. Сакун, С. А. Историко-философский аспект патриотизма / С. А. Сакун, А. Н. Игнотенко // Международный научный журнал «Символ науки». – 2022. – № 4–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-aspekt-patriotizma/viewer> (дата обращения 08.11.2025). – Текст: электронный.
8. Шулугина, Г. А. Патриотизм и ценности глобализации / Г. А. Шулугина. – Текст: непосредственный // Концептуальные основы российского патриотизма и стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Новороссийск, 23–24 апреля 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. – С. 64–67.

References

1. Beck, U. Cosmopolitan worldview / U. Beck. – M.: Center for Postindustrial Society Research, 2008. – 336 p. – Text: direct.
2. Granin, Yu. D. Globalization: the erosion of national identity / Yu. D. Granin. Text : electronic // The age of globalization. – 2015. – No. 1. – pp. 142-153. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2015_1/pdf/142-153.pdf. – (date of access: 11/08/2025). – Text : electronic.
3. Mokhov, V. P. Patriotism and the politics of memory in the context of globalization / V. P. Mokhov. – Text : direct // Technologos. – 2019. – No. 3. – pp. 115-128.
4. Mukhaev, R. T. Globalization and the search for national identity: in search of new forms of representation / R. T. Mukhaev // Knowledge. Understanding. Ability. – 2021. – No. 1. – pp. 199-215.
5. Nalivaichenko, I. V. The specifics of patriotism in the context of cultural globalization: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences / Nalivaichenko Irina Vladimirovna; Don State Technical University. – Rostov-on-Don, 2011. – 24 p. – Text: direct
6. Pavlov, A.V. Patriotism : a socio-philosophical approach / A.V. Pavlov // Philosophy and modernity. – 2018. – 2. – pp. 83-94.
7. Sakun, S. A. The historical and philosophical aspect of patriotism. Sakun, A. N. Ignatenko // The international scientific journal "Symbol of Science". – 2022. – No. 4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-filosofskiy-aspekt-patriotizma/viewer> (accessed 11/08/2025). – Text: electronic.
8. Shulugina, G. A. Patriotism and the values of globalization / G. A. Shulugina. – Text: direct // The conceptual foundations of Russian patriotism and the strategy of patriotic education of the younger generation : a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Novorossiysk, April 23-24, 2021. – Penza: Penza State University, 2021, pp. 64-67.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_152

УДК 34

ЧАСТНАЯ ОХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЙ К ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ PRIVATE SECURITY ACTIVITIES IN RUSSIA: FROM MEDIEVAL TRADITIONS TO DIGITAL SECURITY

СУХОРУКОВ Роман Викторович

Преподаватель ФГАОУ ВО Самарский государственный экономический университет.

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: makarov_roman63@mail.ru

SUKHORUKOV Roman Viktorovich

Lecturer Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: makarov_roman63@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлено краткое историко-правовое исследование становления и развития частной охранной деятельности в России с XII века до настоящего времени. Исследование охватывает все ключевые этапы становления и трансформации частной охранной деятельности, включая период ее зарождения, ликвидации в советский период, возрождения в конце XX века и современного состояния. Автор рассматривает эволюцию частной охранной деятельности через призму правовых, организационных и технологических изменений, выявляя закономерности развития данной отрасли. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на становление частных охранных структур, проблемам правового регулирования и адаптации к меняющимся условиям жизни общества и государства.

Abstract: The article presents a brief historical and legal study of the formation and development of private security activities in Russia from the 12th century to the present. The study covers all the key stages of the formation and transformation of private security activities, including the period of its inception, liquidation during the Soviet period, revival at the end of the 20th century and the current state. The author examines the evolution of private security activities through the prism of legal, organizational and technological changes, identifying patterns of development of this industry. Special attention is paid to the analysis of the factors influencing the formation of private security structures, the problems of legal regulation and adaptation to the changing living conditions of society and the state.

Ключевые слова: частная охранная деятельность, правовое регулирование, безопасность, охранные предприятия, законодательство.

Keywords: private security activities, legal regulation, security, security companies, legislation.

Для цитирования: Сухоруков Р.В. Частная охранная деятельность в России: от средневековых традиций к цифровой безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 152-156. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_152.

For citation: Sukhorukov R.V. Private security activities in Russia: from medieval traditions to digital security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 152-156. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_152.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью частной охранной деятельности в современной системе обеспечения безопасности. Так, в условиях динамично изменяющейся социально-экономической среды и появления новых угроз национальной безопасности особую значимость приобретает изучение исторического опыта развития частных охранных структур и механизмов их правового регулирования. В связи с чем, исследование эволюции частной охранной деятельности позволяет выявить закономерности развития данной сферы, определить ключевые факторы, влияющие на ее становление и трансформацию. Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования целостного представления о роли частных охранных структур в общей системе безопасности государства. Таким образом, понимание исторических корней и закономерностей развития частной охранной деятельности способствует более эффективному использованию потенциала данной деятельности в решении задач обеспечения общественной безопасности и защиты имущественных интересов граждан и организаций.

История частной охранной деятельности в России представляет собой последовательный процесс эволюции, в ходе которого наблюдались существенные изменения в правовых нормах, технических средствах и условиях функционирования рынка частных охранных услуг [1].

На начальном этапе, охватывающем период с XII века до начала 1930-х годов, происходило первоначальное становление профессиональной охраны. Ее развитие было обусловлено потребностями купеческого и торгового сословия в защите имущества и обеспечении безопасности коммерческой деятельности. В этот временной отрезок постепенно формировались базовые способы охраны собственности, а также методы предупреждения и расследования противоправных действий. Однако, данные практики носили фрагментарный характер и не имели системного правового оформления, соответствующего современным представлениям о регулировании частной охранной деятельности. Так, в рассматриваемый исторический период отсутствовали специализированные законодательные акты, которые регулировали бы частную охранную деятельность в современном ее понимании [2]. Защита собственности и обеспечение безопасности купеческого и торгового сословия осуществлялись на основе сложившихся обычаев, норм обычного права и «локальных правил», варьиравшихся в зависимости от региона или конкретного торгового сообщества.

Историческое развитие механизмов частной охраны имущества происходило поэтапно. На стадии феодального устройства общества функции защиты собственности выполняли преимущественно слуги, вооруженные охранники либо наемные стражники. При этом правовое регу-

лирование носило «разрозненный характер» и определялось усмотрением землевладельца или органов городского управления. По мере укрепления централизованного государства в эпоху Московского царства и Российской империи постепенно формировались более упорядоченные правила обеспечения безопасности. В частности, в XVIII–XIX веках появились законодательные нормы, регламентирующие деятельность городских стражников и частных лиц, привлекаемых к охране объектов. Однако, данные правовые положения в основном распространялись на государственную и муниципальную охрану, оставляя вне регулирования сферу частной охранной деятельности.

В рассматриваемый период функционирование частной охраны сталкивалось с рядом существенных затруднений. Прежде всего, отсутствовала единая система организации охранной деятельности: применяемые методы защиты имущества существовали обособленно, не были упорядочены и не опирались на «консолидированную» правовую базу [3]. Кроме того, наблюдались значительные ограничения в ресурсной обеспеченности. Купцы и торговцы в вопросах безопасности преимущественно опирались на неформальные связи и привлечение наемных охранников, при этом уровень их квалификации и надежности существенно различался и не поддавался контролю. Существенным фактором, осложнявшим торгово-купеческую деятельность, выступали постоянные угрозы криминального характера. Распространенность разбоя, краж и иных противоправных действий создавала опасность для сохранности имущества и бесперебойного ведения торговли.

В связи с чем, формирование элементов частной охраны происходило под влиянием ряда значимых факторов. Прежде всего, определяющую роль в этом процессе играло купечество. Поскольку экономическая деятельность купцов напрямую зависела от сохранности товаров и безопасности торговых маршрутов, именно они выступали инициаторами создания первых механизмов защиты имущества и путей сообщения. Их заинтересованность обеспечивала практическую основу для постепенного становления частной охранной деятельности. Существенное воздействие на развитие охранных практик оказывали масштабные исторические события. Периоды военных конфликтов, междоусобных столкновений и социальных потрясений заметно усиливали потребность в защите имущества и личности. Однако, одновременно эти же обстоятельства затрудняли выработку устойчивых и систематизированных норм охраны, поскольку обстановка нестабильности не позволяла формировать долговременные правовые и организационные механизмы.

Кроме того, эволюция методов охраны находилась в прямой зависимости от прогресса в сфере торговли и транспорта. Так, расширение торговых связей и развитие транспортных коммуникаций — как речных, так и сухопутных — порождали новые вызовы в области безопасности. В свою очередь, это требовало постоянной адаптации существующих способов защиты, появления дополнительных форм охраны и совершенствования организационных подходов к обеспечению безопасности перемещаемых товаров и торговых путей.

К началу 1930-х годов в условиях становления советской государственности частная охранная деятельность в стране фактически прекратила существование. Государство взяло на себя исключительное право осуществлять охранные функции, полностью исключив частную инициативу из этой сферы. Подобная трансформация являлась прямым следствием проводимой в тот период политики централизации управления и национализации различных областей экономической деятельности.

Таким образом, первый исторический этап развития частной охранной деятельности характеризовался преимущественно эмпирическим накоплением опыта по защите имущественных интересов купеческого сословия. При этом отсутствовала сколько-нибудь упорядоченная правовая база, регламентирующая данную сферу: регулирование осуществлялось на основе обычая и «локальных правил», а не формализованных законодательных норм. Систематизированный подход к правовому регулированию частной охранной и детективной деятельности появился лишь спустя десятилетия — в 1990-е годы, когда был принят Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», заложивший основы современного правового поля в исследуемой сфере.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в России произошел заметный рост числа частных охранных структур. Этот процесс был обусловлен масштабными социально-экономическими изменениями: переходом к рыночным механизмам хозяйствования, ростом уровня преступности и постепенным снижением общественного доверия к государственным правоохранительным органам. Характерной чертой данного периода стало стихийное формирование новых организационных форм — кооперативов и индивидуальных частных детективных предприятий (ИЧДП). Их деятельность поначалу носила неупорядоченный характер: правовая база оставалась фрагментарной, а регулирование осуществлялось лишь косвенно. К концу 1990 года в стране насчитывалось около 66 подобных организаций, что свидетельствовало о быстром распространении новой формы частной охранной деятельности. Правовой основой для возникновения этих структур послужил Закон СССР «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 года [4]. Хотя в тексте закона прямо не упоминались частные охранные услуги, фактически он разрешил создание кооперативов, которые на практике стали оказывать и такого рода услуги. Нормативная неопределенность приводила к тому, что деятельность частных охранных формирований осуществлялась преимущественно на основе договорных отношений, без четкой регламентации их полномочий и обязанностей.

Таким образом, на начальном этапе становления частного охранного бизнеса в СССР такие предприятия возникали преимущественно в организационно-правовых формах кооперативов и акционерных обществ. Первым подобным учреждением стало кооперативное частное сыскное бюро «Алекс», основанное в Ленинграде 25 мая 1989 года. В спектр его услуг входила, в частности, личная охрана клиентов, что обозначало новые направления развития рынка безопасности. В течение последующего года наблюдалась заметная географическая экспансия подобных структур: к 1 июня 1990 года кооперативы, оказывающие охранные услуги, функционировали уже в нескольких крупных городах страны — Ленинграде, Горьком, Новосибирске, Риге, Петрозаводске, Алма-Ате и Новокузнецке. В свою очередь, это свидетельствовало о быстром распространении новой формы предпринимательской деятельности в сфере безопасности.

Однако, вплоть до 1992 года деятельность частных охранных структур не имела целостной правовой основы и регулировалась фраг-

ментарно. Систематический подход к правовому регулированию данной сферы был сформирован лишь с принятием Закона Российской Федерации № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [5]. Данный нормативный акт заложил правовые основы легального рынка охранных услуг, определив ключевые принципы, требования и границы деятельности частных охранных предприятий.

Вышеописанный период развития частной охранный деятельности осложнялся рядом взаимосвязанных проблем. Прежде всего, отсутствие полноценной правовой базы до 1992 года оставляло деятельность таких организаций в нормативно неопределенном положении. Это порождало многочисленные злоупотребления и затрудняло эффективный контроль за работой охранных предприятий. Одновременно с этим, наблюдался общий рост криминогенной напряженности в обществе. Увеличение числа насильственных преступлений и формирование теневого сектора экономики, с одной стороны, стимулировали спрос на частные охранные услуги, а с другой — повышали риски для самих охранных структур, вынужденных работать в условиях повышенной опасности.

Серьезной проблемой стало и недостаточное качество предоставляемых услуг. Многие кооперативы создавались без должной подготовки персонала и не соблюдали базовые стандарты безопасности. Кроме того, легальные охранные предприятия сталкивались с жесткой конкуренцией со стороны «нелегальных структур». Незаконные предприниматели нередко прибегали к услугам неформальных «спецслужб», что еще больше дестабилизировало рынок частных охранных услуг.

Третий этап развития частной охранный деятельности в России, охватывающий период с 1992 по 1998 год, ознаменовался кардинальными изменениями в правовом регулировании данной сферы. Ключевым событием стало принятие 11 марта 1992 года Закона Российской Федерации № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», который составил полноценную правовую основу частной охранный деятельности. Вышеназванный закон определил суть частной детективной и охранный деятельности как предоставление возмездных услуг физическим и юридическим лицам специализированными предприятиями, получившими лицензию. Вместе с этим, в документе были четко прописаны допустимые виды деятельности, установлены ограничения для частных детективов и охранников, регламентирован порядок лицензирования, а также закреплены механизмы государственного контроля за деятельностью частных охранных предприятий.

Особое значение имело Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 года № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранный деятельности» [6]. Данный документ конкретизировал положения закона, установив важные нормативные рамки: определил перечень объектов, на которые не распространяется частная охранный деятельность (в том числе здания высших органов власти и дипломатические представительства); утвердил списки специальных средств и вооружения, разрешенных для использования в охранный и сыскной деятельности; зафиксировал нормы обеспечения частных охранных организаций оружием и боеприпасами; прописал правила применения специальных средств частными детективами и охранниками. Помимо этого, были утверждены нормативные акты, регулирующие взаимодействие частных охранных структур с правоохранительными органами, а также порядок вынесения заключений о невозможности допуска к охранный деятельности по соображениям общественной безопасности. Таким образом, в течение 1992 года была сформирована целостная система правового регулирования частной охранный деятельности, обеспечившая ее легитимное функционирование в новых экономических условиях.

Четвертый этап развития частной охранный деятельности в России, начавшийся после дефолта 1998 года, ознаменовался существенными трансформациями рынка и правового регулирования исследуемой отрасли. Экономический кризис привел к сокращению числа участников рынка: многие частные охранные предприятия (ЧОПы) и службы безопасности прекратили деятельность, сохранившееся же ядро составили преимущественно экономически устойчивые организации.

Правовая база отрасли продолжала базироваться на положениях Закона Российской Федерации № 2487-1 от 11 марта 1992 года «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Однако, в него последовательно вносились изменения, нацеленные на уточнение и ужесточение регуляторных требований. Одним из ключевых нововведений стало четкое разграничение сыскных и охранных услуг, что позволило более точно определить компетенцию частных детективов и охранников, исключив размытость функциональных обязанностей. Действующие подзаконные акты продолжали играть существенную роль в детализации правового поля.

В последующие годы законодательство неоднократно дорабатывалось с учетом меняющихся условий. Показательным примером стала принятие в 2024 году Федерального закона № 434-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [7], направленного на дальнейшее разграничение сфер частной охранный и детективной деятельности, а также на совершенствование механизмов их правового регулирования. Таким образом, четвертый этап можно охарактеризовать как период консолидации рынка и усиления государственного регулирования. Несмотря на экономические сложности, отрасль сумела адаптироваться к новым реалиям: акцент сместился на повышение качества услуг и внедрение технологических решений, что способствовало ее поступательному развитию в изменившихся условиях.

Пятый этап развития частной охранный деятельности в России, охватывающий период с 2002 по 2008 год, характеризовался существенной трансформацией отрасли. На смену преимущественно «правоохранительной модели» пришел бизнес-ориентированный подход, что обусловило смещение акцентов в управлении и организации работы частных охранных предприятий (ЧОПов). В этот период заметно усилилось внимание к вопросам менеджмента, внедрению современных технологий и повышению уровня профессиональной подготовки персонала. Вместе с тем, развитие отрасли сопровождалось рядом существенных проблем. Изменения в управленческой модели, связанные с приходом на руководящие позиции наемных менеджеров, ориентированных преимущественно на получение прибыли, нередко приводили к снижению качества предоставляемых услуг и ослаблению внимания к этическим нормам профессиональной деятельности. Параллельно сохранялась проблема

недобросовестной конкуренции. Несмотря на общий экономический рост, некоторые компании прибегали к демпингу, искусственно занижая цены на услуги. Это не только нарушало действующие законодательные нормы, но и негативно сказывалось на качестве охраны, поскольку снижение стоимости услуг зачастую достигалось за счет сокращения затрат на подготовку персонала и техническое оснащение.

Еще одним значимым вызовом стала необходимость технологической модернизации. Рынок предъявлял растущие требования к внедрению современных технических решений и повышению квалификации сотрудников, что неизбежно вело к увеличению операционных затрат для ЧОПов. Кроме того, несмотря на действующую систему лицензирования, сохранялись проблемы с государственным контролем за рынком охранных услуг. Часть сегмента продолжала функционировать вне правового поля — под контролем нелегализованных групп. В свою очередь, это создавало существенные риски для безопасности клиентов и подрывало доверие к отрасли в целом. Таким образом, пятый этап развития частной охранной деятельности отличался противоречивой динамикой: с одной стороны, наблюдался прогресс в области управления и технологического оснащения, с другой — сохранялись системные проблемы, требующие дальнейшего совершенствования правового регулирования и механизмов контроля.

Современный этап развития частной охранной деятельности в России, охватывающий период с 2008 года по настоящее время, отличается системной эволюцией отрасли. Его ключевыми чертами стали последовательное совершенствование нормативной базы, активное внедрение современных технологий и расширение перечня оказываемых услуг. В центре внимания оказались процессы цифровизации, усиление механизмов контроля за деятельностью частных охранных предприятий (ЧОПов), а также адаптация к меняющимся угрозам в сфере безопасности.

Законодательная база отрасли претерпела существенные изменения. Так, Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ [8] внес коррективы в правовое регулирование, уточнив базовые понятия, ужесточив требования к лицензированию и усилив надзор за соблюдением норм. Позднее, Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 534-ФЗ [9] было закреплено право сотрудников ЧОПов на официальное применение физической силы в строго определенных законом ситуациях. Дополнительно регулирование детализировалось на подзаконном уровне. Приказы Росгвардии, в частности приказ № 419 от 19 октября 2020 года [10], конкретизировали должностные обязанности частных охранников и правила организации пропускного режима. Постановления Правительства Российской Федерации, такие как № 1142 от 2 сентября 2019 года [11], установили требования к антитеррористической защищенности объектов, определив стандарты безопасности для различных категорий сооружений.

Вместе с тем развитие отрасли сопровождалось рядом устойчивых проблем. Несмотря на действующую систему лицензирования, часть рынка оставалась вне правового поля. Существенным вызовом стала необходимость технологической модернизации. Растущие требования рынка к внедрению инновационных решений и повышению квалификации персонала вели к увеличению операционных издержек для ЧОПов. Предприятиям приходилось инвестировать в обновление материально-технической базы и обучение сотрудников, что не всегда было экономически оправдано в условиях конкуренции.

Определенные сложности возникали в практической деятельности частных охранников. В частности, не всегда четко определялись их полномочия при проверке документов и фиксации персональных данных посетителей. Кроме того, сохранялись риски вовлечения ЧОПов в неправомерную деятельность. Отмечались случаи использования охранных структур для разрешения имущественных конфликтов или содействия в незаконном обороте оружия [12]. Таким образом, современный этап развития частной охранной деятельности демонстрирует явный сдвиг в сторону профессионализации и технологизации отрасли. Однако, остаются нерешенные вопросы, связанные с совершенствованием нормативного регулирования, усилением контроля за исполнением законодательства и минимизацией рисков, обусловленных «теневыми практиками» на рынке частных охранных услуг [13].

Проведенное краткое исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

Анализ исторического развития частной охранной деятельности в России демонстрирует многоэтапный процесс трансформации данной сферы. Начальный период (XII век — начало 1930-х годов) характеризовался стихийным формированием механизмов защиты собственности без системного правового регулирования. В советский период частная инициатива в сфере охраны была полностью устранена, функции перешли к государственным структурам. Возрождение отрасли в конце 1980-х — начале 1990-х годов сопровождалось активным ростом частных охранных структур в условиях становления рыночной экономики.

Качественным прорывом стало принятие в 1992 году базового законодательного акта, заложившего фундамент для легального функционирования частных охранных предприятий. Последующие годы характеризовались последовательным совершенствованием нормативной базы и профессионализацией охранных бизнесов. На современном этапе развития (с 2008 года) частная охранная деятельность демонстрирует комплексную трансформацию, характеризующуюся глубокой интеграцией инновационных технологий и усилением профессиональных стандартов.

Таким образом, частная охранная деятельность в России эволюционировала от стихийных форм защиты собственности до современной, технологически оснащенной и законодательно регламентированной отрасли. Несмотря на определенные проблемы, она стала важным элементом обеспечения безопасности общества и государства, демонстрируя потенциал для дальнейшего развития.

Список литературы:

1. Осипов, Д. Д. К вопросу о проблемах лицензирования частной детективной и охранной деятельности на современном этапе / Д. Д. Осипов // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 4(232). — С. 75-76. — DOI 10.47643/1815-1337_2024_4_75. — EDN FZJJSF.
2. Осипов, Д. Д. К вопросу об источниках правового регулирования частной детективной и охранной деятельности / Д. Д. Осипов // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 12(216). — С. 85-87. — DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_85. — EDN FGMRNU.

3. Чуткова, Ю. Д. Историческая ретроспектива деятельности частных военных и охранных компаний / Ю. Д. Чуткова // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 11 июня 2020 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – С. 466-469. – EDN SAKGQO.
4. Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI «О кооперации в СССР» (в ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // КонсультантПлюс.
5. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-I «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 21.04.2025) // КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства РФ от 14.08.1992 № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранный деятельности» (в ред. от 16.09.2025) // КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 30.11.2024 № 434-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О частной детективной и охранный деятельности в Российской Федерации“» (в ред. от 30.11.2024) // КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 22.12.2008 № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранный и детективной деятельности» (в ред. от 03.07.2016) // КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон от 31.12.2014 № 534-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О частной детективной и охранный деятельности в Российской Федерации“» (в ред. от 30.11.2024) // КонсультантПлюс.
10. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 19.10.2020 №419 «Об утверждении типовых требований к должностной инструкции частного охранника на объекте охраны» (в ред. Приказов Росгвардии от 09.02.2023 №28, от 09.04.2024 №95) // docs.cntd.ru.
11. Постановление Правительства РФ от 02.09.2019 №1142 «О внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
12. Осипов, Д. Д. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранный организации: краткий анализ отдельных признаков субъективной стороны состава преступления / Д. Д. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11(215). – С. 52-55. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_52. – EDN VPGBOZ.
13. Усольцева, В. С. Проблемы правового регулирования частной охранный деятельности на современном этапе развития гражданского оборота / В. С. Усольцева // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых- 2019 : Сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции. В 6-ти томах, Курск, 13–14 ноября 2019 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. Том 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 108-114. – EDN DQLNWN.

References:

1. Osipov, D. D. On the issue of licensing problems of private detective and security activities at the present stage / D. D. Osipov // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 4(232). – Pp. 75-76. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_4_75. – EDN FZJJSF.
2. Osipov, D. D. On the question of the sources of legal regulation of private detective and security activities / D. D. Osipov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 12(216). – Pp. 85-87. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_85. – EDN FGMRNU.
3. Chutkova, Yu. D. Historical retrospective of the activities of private military and security companies / Yu. D. Chutkova // Issues of law enforcement excellence: the interaction of science, rulemaking and practice : a collection of materials from the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Moscow, June 11, 2020. – Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. pp. 466-469. – EDN SAKGQO.
4. The USSR Law of 05/26/1988 No. 8998-XI "On Cooperation in the USSR" (as amended. dated 07.03.1991, as amended. dated 04/15/1998) // ConsultantPlus.
5. The Law of the Russian Federation dated 11.03.1992 No. 2487-I "On Private Detective and Security activities in the Russian Federation" (as amended dated 04/21/2025) // ConsultantPlus.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/14/1992 No. 587 "Issues of private detective (detective) and private security activities" (as amended. dated 09/16/2025) // ConsultantPlus.
7. Federal Law No. 434-FZ of 11/30/2024 "On Amendments to the Law of the Russian Federation on Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" (as amended dated 11/30/2024) // ConsultantPlus.
8. Federal Law No. 272-FZ dated 22.12.2008 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Control in the Field of Private Security and Detective Activities" (as amended by dated 03.07.2016) // ConsultantPlus.
9. Federal Law No. 534-FZ of December 31, 2014 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" (as amended dated 11/30/2024) // ConsultantPlus.
10. Order of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation dated 19.10.2020 No. 419 "On Approval of Standard requirements for the job description of a private security guard at a Security Facility" (as amended. Rosgvardiya Orders No. 28 dated 02/09/2023, No. 95 dated 04/09/2024) // docs.cntd.ru
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.09.2019 No. 1142 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Official Internet portal of Legal Information.
12. Osipov, D. D. Abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization: a brief analysis of individual signs of the subjective side of the crime / D. D. Osipov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 11(215). – Pp. 52-55. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_52. – EDN VPGBOZ.
13. Usoltseva, V. S. Problems of legal regulation of private security activities at the present stage of the development of civil society / V. S. Usoltseva // Generation of the future: The view of young scientists- 2019 : Collection of scientific articles of the 8th International Youth Scientific Conference. In 6 volumes, Kursk, November 13-14, 2019 / The responsible editor is A.A. Gorokhov. Volume 3. Kursk: Southwestern State University, 2019. pp. 108-114. EDN DQLNWN.

ЦИФРОВЫЕ УСЛОВИЯ НОТАРИАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА DIGITAL CONDITIONS FOR NOTARIAL LEGAL PROCESSES

СЫРОВ Ярослав Борисович

преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: us160679@gmail.com

SYROV Yaroslav Borisovich

lecturer at the Department of Civil and Arbitration Procedure at Samara State University of Economics.

443090, Russia, Samara, Sovetskaya Armii str. 141.

E-mail: us160679@gmail.com

Краткая аннотация Цифровизация и внедрение ИИ существенно повышают эффективность, безопасность и доступность нотариальных услуг, открывая новые перспективы для защиты прав граждан и бизнеса. Именно эти перспективы обуславливают актуальность внимательного отношения к развитию цифровых условий осуществления нотариальной деятельности в России. Настоящая статья посвящена комплексному анализу правового регулирования и практики цифровой трансформации нотариата. Автором прослеживается развитие отечественного нотариата от создания Единой информационной системы до текущих процессов внедрения искусственного интеллекта. На основе последних данных исследуется эффективность цифровизации: отмечается, что сроки регистрации прав на недвижимость по нотариальным документам сократились с 30 дней до 4 часов, а число дистанционных сделок с недвижимостью значительно выросло. В части, касающейся искусственного интеллекта, автор оценивает его как инструмент, призванный дополнить работу нотариуса, а не заменить его.

Abstract. Digitalization and the introduction of AI significantly increase the efficiency, security, and accessibility of notary services, opening up new opportunities for protecting the rights of citizens and businesses. These opportunities highlight the importance of paying attention to the development of digital conditions for notary activities in Russia. This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation and practices of digital transformation in the notary profession. The author examines the evolution of the Russian notary system from the creation of the Unified Information System to the current processes of introducing artificial intelligence. Based on the latest data, the effectiveness of digitalization is being studied: it is noted that the registration time for real estate rights based on notarized documents has been reduced from 30 days to 4 hours, and the number of remote real estate transactions has significantly increased. In terms of artificial intelligence, the author evaluates it as a tool that complements the work of a notary rather than replacing it.

Ключевые слова: Юридический процесс, нотариальная деятельность, информационные технологии, единая информационная система, машиночитаемые доверенности, облачное хранилище, блокчейн.

Keywords: Legal proceedings, notary activities, information technologies, unified information system, machine-readable power of attorney, cloud storage, blockchain.

Для цитирования: Сыров Я.Б. Цифровые условия нотариального юридического процесса // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 157-159. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_157.

For citation: Syrov Ya.B. Digital conditions for notarial legal processes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 157-159. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_157.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Неюрисдикционная процедурная деятельность, как позитивная составляющая юридического процесса в целом, находит свое проявление в самых различных видах юридической деятельности. Более того, ей присущи те же сущностные характеристики, свойственные процессуальной деятельности в судебной сфере. И на неюрисдикционный юридический процесс также оказывают влияние изменяющиеся условия функционирования общества и государства. Тенденции развития экономики, постепенное расширение содержания общественных отношений, развитие информатизации и применение искусственного интеллекта обусловили возникновение потребности во внесении изменений в правовое регулирование не только в сфере государственного управления и отправлении правосудия, но и во многие виды деятельности, которые составляют содержание так называемого положительного или неюрисдикционного процесса, в числе которых можно назвать и нотариальную деятельность.

Так, в рамках круглого стола Совета федерации на тему «Развитие законодательства в цифровой сфере: актуальные проблемы и перспективы» [1] активно обсуждались промежуточные результаты информатизации различных сфер деятельности, а также потребность выработки понятийной базы цифровизации, возможность кодифицирования цифрового законодательства.

Примечательно, что участниками круглого стола именно нотариальный процесс представлен как пример довольно успешного внедрения цифровых инструментов [1]. Как отмечает само нотариальное сообщество, по критериям цифровизации российский нотариат стал одним из наиболее передовых правовых институтов [2]. Более того, каждое третье нотариальное действие сегодня основано на цифровых технологиях, при этом нотариат сам разрабатывает и внедряет эти технологии и сервисы, без привлечения бюджетного финансирования [3]. Безусловно, процесс создания цифровых условий функционирования нотариата является предметом для обсуждений и в научной среде, и в практической нотариальной деятельности [См., например: 4] Научное сообщество активно исследует различные границы цифровой трансформации нотариата. Осуществляется поиск баланса между инновациями и защитой прав. Так, некоторые работы подчеркивают необходимость сохранения правовых гарантий при внедрении цифровых технологий [5]. Анализируются и конкретные цифровые процедуры, например, исследуются такие востребованные практикой действия, как обеспечение электронных доказательств и удостоверение медиативных соглашений в цифровой среде. Изучается и зарубежный опыт, российское нотариальное сообщество часто обращается к передовому опыту других стран для адаптации успешных практик.

В России создана комплексная нормативная база для использования цифровых технологий в нотариате. Правовое регулирование охватывает совершение удаленных нотариальных действий, обязательное создание электронных архивов и использование защищенных электронных подписей.

Цифровая трансформация нотариата в России закреплена в федеральном законодательстве и детализирована подзаконными актами.

Ключевым документом является Федеральный закон от 27.12.2019 № 480-ФЗ, который внес масштабные поправки в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате[6].

Так, например, удаленные нотариальные действия регламентируются нормами, которые внесены именно этим нормативным актом. В Основы законодательства РФ о нотариате была введена Статья 44.3, которая разрешает нотариусам совершать ряд действий удаленно, без личной явки гражданина. Для этого заявитель через Единую информационную систему нотариата (ЕИС) направляет заявление и документы в электронной форме, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью. Нотариус, в свою очередь, изготавливает и направляет готовый документ также в электронной форме. Следует отметить, что создание Единой информационной системы нотариата (ЕИС) позволило автоматизировать многие процессы, включая проверку единства нотариального действия в момент его совершения и ведение реестров[7]. Это реестр уведомлений о залоге движимого имущества, сервис поиска наследственных дел, сервис проверки доверенностей, а также проверка нотариальных документов по QR-коду. Это значительно повысило прозрачность и снизило риски мошенничества. Созданы условия и для цифрового архивирования документов: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ установил обязательное правило: прежде чем передать дела в физический архив, нотариус должен создать электронные копии всех документов на бумажном носителе и поместить их на хранение в ЕИС[8]. Эта норма, уточненная Приказом Минюста России от 24 июля 2023 г. № 193, обеспечивает сохранность и доступность информации даже в случае утраты оригиналов. С развитием технологий все большую популярность приобретает электронный формат документов. Так, приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря 2022 г. № 395 детально регулирует процесс хранения, учета и использования электронных документов. Представителями бизнеса перевод документов из бумажного формата в электронный быть может даже более востребован, чем гражданами. В частности, при передаче устава компании или доверенности на заключение кредитного соглашения. В 2023 г. при помощи нотариусов в коммерческих правоотношениях «телепортировали» 4,1 млн документов. [2]

Внедрение цифровых инструментов кардинально меняет нотариальную практику. Безусловно, обеспечивает доступность к нотариальным действиям. И граждане, и бизнес из удаленных регионов получили возможность пользоваться услугами нотариуса без временных и финансовых затрат на поездку. Создание электронных копий документов защищает права граждан, поскольку формирует устойчивый к повреждениям или утрате цифровой архив, что в свою очередь формирует условия цифровой безопасности. И, конечно же, повышает скорость и эффективность взаимодействия. Упрощенный обмен документами в электронной форме ускоряет совершение нотариальных действий.

Правовое регулирование нотариальной деятельности в России и внедряемое время находится в процессе активной трансформации, вызванной необходимостью интеграции цифровых технологий. Этот процесс затрагивает использование передовых технологий таких как блокчейн и работу с новыми цифровыми активами.

Наиболее ярким примером инноваций является использование технологии распределенных реестров (блокчейн). В 2022 году был запущен пилотный проект Федеральной нотариальной палаты (ФНП) совместно с ФНС России, в рамках которого нотариально удостоверенные доверенности начали регистрироваться в блокчейне [9]. С 1 января 2023 года это нововведение стало обязательным. Примечательно, что в нормативных актах России понятие «облачный нотариат» прямо не упоминается. Однако современные технологии, включая облачные хранилища, активно внедряются в нотариальную деятельность в рамках следующих регламентированных процессов. Во-первых, одним из направлений использования облачных технологий стали машиночитаемые доверенности. Реестр таких доверенностей в ФНС требует облачной инфраструктуры для обеспечения доступности и надежности. Они в основном актуальны в корпоративной сфере: такая доверенность нужна для отправки отчетности и взаимодействия от имени фирмы с различными государственными органами. В МЧД полномочия указываются в виде кода, такую доверенность на подписание документов или совершение иных действий можно проверить в информационной системе автоматически. Нотариально удостоверенные доверенности такого вида хранятся в Едином блокчейн-хранилище машиночитаемых доверенностей — распределенном реестре ФНС России. [10]

Законодательство об удаленных нотариальных действиях требует сохранения видеозаписи сессии и цифрового журнала, для чего также используются защищенные облачные хранилища.

Фактически, «облачное хранилище» в нотариате используется как технологическая основа для реализации конкретных, установленных законом процедур: ведения государственных реестров, обеспечения удаленного взаимодействия и безопасного хранения электронных документов и журналов. Цифровизация экономики поставила перед нотариатом новые сложные вопросы, связанные с цифровыми активами, такими как криптовалюта и токены. В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое регулирование оборота таких активов, что создает правовые пробелы для нотариальной практики[11]. Потребность в дальнейшем развитии цифровых условий осуществления нотариальной деятельности демонстрируется активными дискуссиями[12] о порядке наследования криптовалюты и удостоверения сделок с ней. Нотариальное сообщество и научные круги изучают зарубежный опыт (например, Германии, Беларуси, Казахстана) [13] и формируют предложения по законодательным изменениям. Ключевыми проблемами являются установление правовой природы цифровых активов, обеспечение правоприменения и защита прав добросовестных приобретателей.

Что касается ближайших перспектив совершенствования как цифровых условий, так и в общем функционирования нотариата в России, то можно обратить внимание на деятельность Минюста России в этом направлении. Существующая правовая база, основанная на Основы законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 года, во многом устарела[14]¹. В связи с этим Минюстом России совместно с Федеральной нотариальной палатой ведется работа над новым федеральным законом «О нотариате и нотариальной деятельности» [15].

Целью законопроекта является создание единой и эффективной организационной системы нотариата, адаптированной к вызовам

1 См.: Константин Чуйченко: правила деятельности нотариата должно устанавливать государство - Палата Адвокатов Самарской Области // <https://paso.ru/press-centr/novosti-i-sobyitiya/konstantin-chujchenko-pravila-deyatelnosti-notariata-dolzno-ustanavlivat-gosudarstvo.html> (дата обращения: 11.11.2025)

цифровой эпохи. Ожидается, что новый закон закрепит сложившуюся практику использования цифровых инструментов, устранил существующие противоречия и создаст правовой фундамент для дальнейшего внедрения инноваций, таких как искусственный интеллект и smart-контракты. Следует обратить внимание, что и нотариальный юридический процесс не стал исключением в дискуссиях использования искусственного интеллекта аналогично судебному процессу. Думается, что и решение вопроса о внедрении искусственного интеллекта в систему нотариата очень схоже с судебной системой. У нотариуса должна быть возможность использовать ИИ в работе, но при этом важно, чтобы он был на службе и помогал нотариусу, но не заменял его.

Таким образом, правовое регулирование нотариата в России последовательно эволюционирует в сторону цифровизации. От внедрения электронного документооборота и электронной подписи до экспериментов с блокчейном. Безусловно, нотариат демонстрирует готовность использовать современные технологии для повышения качества, доступности и безопасности своих услуг. Однако этот процесс сопровождается необходимостью решения сложных правовых задач, особенно в сфере цифровых активов, что требует дальнейшей активной работы законодателя и нотариального сообщества. Цифровая трансформация российского нотариата - это не набор абстрактных тезисов, а конкретный, законодательно закреплённый процесс.

Список литературы:

1. В Совете Федерации обсудили электронные технологии нотариата в контексте развития законодательства в цифровой сфере // Информация офиц.сайта ФНП URL: <https://notariat.pf.ru/ru-news/v-sovete-federacii-obsudili-elektronnyye-tehnologii-notariata-v-kontekste-razvitiya-zakonodatelstva-v-cifrovoj-sfere-2412> (дата обращения 12.11.2025)
2. Материал офиц.сайта ФНП «10 лет «цифровому нотариату»: преимущества технологий без правовых рисков» URL : <https://notariat.ru/ru-news/10-let-cifrovomu-notariatu-preimushhestva-tehnologii-bez-pravovykh-riskov-2406>
3. Выступление председателя Комиссии Федеральной нотариальной палаты по использованию информационных технологий Олег Головатюка // В Совете Федерации обсудили электронные технологии нотариата в контексте развития законодательства в цифровой сфере // Информация офиц.сайта ФНП URL: <https://notariat.pf.ru/ru-news/v-sovete-federacii-obsudili-elektronnyye-tehnologii-notariata-v-kontekste-razvitiya-zakonodatelstva-v-cifrovoj-sfere-2412> (дата обращения 12.11.2025)
4. Савченко Н.Б. «Электронный нотариат в эпоху цифровизации: правовые гарантии и защита» //URL: <https://7762244.ru/novosti/elektronnyi-notariat>; Российско-немецкая научно-практическая конференция «Информационные технологии, применяемые в нотариальной деятельности, и другие актуальные вопросы развития нотариата», Берлин //материал ФНП URL: <https://22.notariat.ru/ru-news/rossijsko-nemeckaya-konferenciya-it-tehnologii-prioritet-v-razviti-notariata>; XII Международный IT-Форум стал площадкой для интернациональной конференции нотариусов «Интеграция цифрового нотариата в цифровую экономику страны» // URL: <https://tvbrics.com/news/na-mezhdunarodnoy-konferentsii-obsudili-integratsiyu-tsifrovogo-notariata-v-rossijskuyu-ekonomiku/>
5. Скачкова О.С.Цифровые инструменты нотариата в предпринимательской деятельности // Экономические науки. №7, 2025 URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202507_242.pdf (дата обращения: 11.11.2025)
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2019 N 480-ФЗ (последняя редакция)// URL: Доступ тз справочно-правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 11.11.2025).
7. Корсик К.А. К 10-летию создания единой информационной системы нотариата // Нотариальный вестник. №7, 2024. URL: <https://vestnik.notariat.ru/2024/8/9/>; Махнонсов Э. В., Волчинская Е. К. О правовом статусе Единой информационной системы нотариата // Нотариальный вестник. 2013. № 9. С. 22–29.
8. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
9. Пресс-релиз ФНП о начале выдачи блокчейн-доверенностей //URL: <https://notariat.ru/ru-news/s-1-oktyabrya-notariussy-nachali-udostoverjat-blokchejn> (дата обращения: 11.11.2025)
10. ЭОС на конференции РГГУ: о последствиях внедрения машиночитаемых доверенностей и хранении электронных документов в доверенной среде – ЭОС // <https://eos.ru/press-center/s-na-konferencii-rggu-o-posledstviyah-vnedreniya-mashinocitaemykh-doverennostej-i-hranenii-elektronnykh-dokumentov-v-doverennoj-srede/> (дата обращения: 11.11.2025); Горина О.Э. Машиночитаемая доверенность как элемент электронного документооборота //URL : <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.11.2025)
11. Агеева Г.Е. Проблема правовой неопределенности обращения криптовалюты в РФ // Актуальные вопросы права в банковской сфере. Материалы Международного правового банковского форума: науч.издание. Отв.ред.: С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. 2019. С. 14-20.
12. Дискуссия «Цифровой нотариат»: настоящее и будущее — ключевые тезисы //URL: <https://notariat.ru/ru-news> (дата обращения: 11.11.2025)
13. Шайкевич М.Л. Цифровое развитие и унификация права: нотариаты стран СНГ выходят на новый уровень интеграции // URL: <https://mos-not.ru/novosti>(дата обращения: 11.11.2025)
14. Константин Чуйченко: правила деятельности нотариата должно устанавливать государство - Палата Адвокатов Самарской Области // <https://paso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/konstantin-chujchenko-pravila-deyatelnosti-notariata-dolzno-ustanavlivat-gosudarstvo.html> (дата обращения: 11.11.2025)
15. Страница проекта федерального закона "О нотариате и нотариальной деятельности" на сайте Минюста России. // <https://minjust.gov.ru/pages/proekt-federalnogo-zakona-o-notariate-i-notarialnoi-deyatelnosti/>

References:

1. The Federation Council discussed electronic notary technologies in the context of the development of legislation in the digital sphere // Information ofic.FNP website URL: <https://notariat.pf.ru/ru-news/v-sovete-federacii-obsudili-elektronnyye-tehnologii-notariata-v-kontekste-razvitiya-zakonodatelstva-v-cifrovoj-sfere-2412> (accessed 12.11.2025)
2. Official material.FNP website "10 years of the digital notary: advantages of technologies without legal risks" URL : <https://notariat.ru/ru-news/10-let-cifrovomu-notariatu-preimushhestva-tehnologii-bez-pravovykh-riskov-2406>
3. Speech by Oleg Golovatyuk, Chairman of the Commission of the Federal Notary Chamber on the Use of Information Technologies // The Federation Council discussed electronic notary technologies in the context of the development of legislation in the digital sphere // Information ofic.FNP website URL: <https://notariat.pf.ru/ru-news/v-sovete-federacii-obsudili-elektronnyye-tehnologii-notariata-v-kontekste-razvitiya-zakonodatelstva-v-cifrovoj-sfere-2412> (accessed 12.11.2025)
4. Savchenko N.B. "Electronic notary in the era of digitalization: legal guarantees and protection" //URL: <https://7762244.ru/novosti/elektronnyi-notariat> ; Russian-German scientific and practical conference "Information technologies used in notary activities and other relevant issues of notary development", Berlin //FNP material URL: <https://22.notariat.ru/ru-news/rossijsko-nemeckaya-konferenciya-it-tehnologii-prioritet-v-razviti-notariata>; The XII International IT Forum became a platform for the international conference of notaries "Integration of the digital notary into the digital economy of the country" // URL: <https://tvbrics.com/news/na-mezhdunarodnoy-konferentsii-obsudili-integratsiyu-tsifrovogo-notariata-v-rossijskuyu-ekonomiku/>
5. Skachkova O.S.Digital notary tools in entrepreneurial activity // Economic sciences. No. 7, 2025 URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202507_242.pdf (date of request: 11.11.2025)
6. Federal Law "On Amendments to the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 27, 2019 N 480-FZ (latest edition)// URL: Access to the technical documentation of the ConsultantPlus legal reference system (accessed 11.11.2025).
7. Korsik K.A. To the 10th anniversary of the creation of the unified notary information system // Notary Bulletin. No. 7, 2024. URL: <https://vestnik.notariat.ru/2024/8/9/>; Makhnonosov E. V., Volchinskaya E. K. On the legal status of the Unified Information System of the Notary // Notary Bulletin. 2013. No. 9. pp. 22-29.
8. Federal Law No. 339-FZ dated July 14, 2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"
9. FNP press release on the start of issuing blockchain Powers of Attorney //URL: <https://notariat.ru/ru-news/s-1-oktyabrya-notariussy-nachali-udostoverjat-blokchejn> (Yes, that's it.: 11.11.2025)
10. EOS at the RGGU Conference: on the consequences of the introduction of machine-readable powers of attorney and the storage of electronic documents in a trusted environment – EOS // <https://eos.ru/press-center/s-na-konferencii-rggu-o-posledstviyah-vnedreniya-mashinocitaemykh-doverennostej-i-hranenii-elektronnykh-dokumentov-v-doverennoj-srede/> (date of request: 11.11.2025); Gorinova O.E. Machine-readable power of attorney as an element of electronic document management //URL : <https://cyberleninka.ru> (date of request: 11.11.2025)
11. Ageeva G.E. The problem of the legal uncertainty of the circulation of cryptocurrencies in the Russian Federation // Current issues of law in the banking sector. Materials of the International Legal Banking Forum: scientific publication. Editors: S.I. Ashmarina, A.V. Pavlova. 2019. pp. 14-20.
12. Discussion "Digital notary": present and future — key theses //URL: <https://notariat.ru/ru-news> (date of request: 11.11.2025)
13. Shaikevich M.L. Digital development and unification of law: notaries of the CIS countries are reaching a new level of integration // URL: <https://mos-not.ru/novosti> (date of request: 11.11.2025)
14. Konstantin Chuichenko: the rules of the notary's activity should be established by the state - the Chamber of Lawyers of the Samara Region // <https://paso.ru/press-czentr/novosti-i-sobyitiya/konstantin-chujchenko-pravila-deyatelnosti-notariata-dolzno-ustanavlivat-gosudarstvo.html> (date of request: 11.11.2025)
15. The page of the draft federal law "On notaries and notarial activities" on the website of the Ministry of Justice of Russia. // <https://minjust.gov.ru/pages/proekt-federalnogo-zakona-o-notariate-i-notarialnoi-deyatelnosti/>

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_160

УДК 349.6

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА N 498-ФЗ от 27.12.2018 г. SOCIAL AND LEGAL OUTCOMES OF FEDERAL LAW NO.498-FZ OF DECEMBER 27, 2018

СОБОЛЕВСКАЯ Светлана Иосифовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
625049, Россия, г.Тюмень, ул.Амурская д.75
e-mail: sibirian_empire@mail.ru

SOBOLEVSKAYA Svetlana Iosifovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization
of Crime Investigation and Forensic Examinations, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
75 Amurskaya St., Tyumen, 625049, Russia.
e-mail: sibirian_empire@mail.ru

Краткая аннотация. Статья представляет собой критический анализ Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» и его практической реализации, особенно в контексте регулирования численности безнадзорных животных. Автор выявляет фундаментальные недостатки законодательства, обусловленные игнорированием ключевых биологических и этологических принципов, таких как врожденная природа агрессии у животных и законы популяционной динамики. Приводятся статистические данные, демонстрирующие устойчивый рост числа инцидентов, связанных с нападениями безнадзорных животных, что ставит под сомнение эффективность применяемой схемы «отлов-стерилизация-вакцинация-возврат». Особое внимание уделяется значительным санитарно-эпидемиологическим рискам, включая распространение зооантропонозных инфекций, вызванным отсутствием системного ветеринарного контроля за выпущенными животными. Подчеркивается, что текущие меры не только не решают проблему, но и создают новые вызовы для общественной безопасности и здоровья, а также правовые коллизии для ответственных владельцев. В заключение обосновывается необходимость комплексного пересмотра законодательных и практических подходов к управлению популяциями безнадзорных животных на основе междисциплинарных научных данных.

Abstract. This article critically analyzes Federal Law No. 498-FZ «On Responsible Treatment of Animals» and its practical implementation, particularly in the context of stray animal population control. The author identifies fundamental shortcomings of the legislation, stemming from the disregard of key biological and ethological principles, such as the innate nature of animal aggression and the laws of population dynamics. Statistical data are presented, demonstrating a steady increase in incidents involving stray animal attacks, which calls into question the effectiveness of the implemented «catch-neuter-vaccinate-release» (CNVR) scheme. Particular attention is paid to significant public health risks, including the spread of zoonotic infections, caused by the lack of systematic veterinary control over released animals. It is emphasized that current measures not only fail to solve the problem but also create new challenges for public safety and health, as well as legal conflicts for responsible pet owners. The article concludes by substantiating the need for a comprehensive revision of legislative and practical approaches to managing stray animal populations, based on interdisciplinary scientific data.

Ключевые слова: животные, безнадзорные животные, животные без владельца, ответственное отношение, ответственность, бродячие собаки, эволюция.

Keyword: animals, stray animals, animals without owners, responsible attitude, responsibility, roaming dogs, evolution.

Для цитирования: Соболевская С.И. Социальные и юридические результаты действия федерального закона № 498-ФЗ от 27.12.2018 г. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 160-165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_160.

For citation: Sobolevskaya S.I. Social and legal outcomes of federal law no.498-fz of December 27, 2018 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 160-165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_160.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

С момента принятия Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018г. N 498-ФЗ прошло уже почти 7 лет. Думается, пора подвести промежуточные итоги и проанализировать: решил ли данный нормативный правовой акт те проблемы, которые он призван был решить.

Как следует из содержания данного Федерального закона, он был призван регулировать общественные отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными. (ч.1 ст.1 ФЗ-498).

Поскольку, по нашему мнению, в настоящее время наибольший резонанс в обществе находится в сфере так называемых безнадзорных животных и, в частности, бродячих собак, то акцент в рассмотрении результатов действия вышеуказанного закона будет рассмотрен нами именно в этой плоскости.

По данным Российской Кинологической Федерации на 2024 год в России зарегистрировано более 5,5 млн. породистых собак 318 пород [1].

В 2023 году владельцами собак и кошек были 68 млн россиян. Общее количество домашних собак и кошек в России с 2020 года выросло на 11% и составило 74,8 млн. Из этого числа 49,2 млн – это кошки, рост численности по сравнению с 2020 годом составил 13%. Собак стало больше на 7%, их количество – 25,5 млн. Россия сохранила 3-е место в мире по числу кошек и 4-е – по поголовью собак [2].

Количество бродячих собак и кошек в стране посчитать довольно сложно, однако по данным Центра изучения питания и благополучия животных при участии фонда «Ника» сейчас хозяев нет у 3,6 млн собак и кошек. Большую часть бездомных животных составляют кошки - 2,8

млн, собаки - 0,8 млн. [3]. С одной стороны, 0,8 млн. особей бродячих собак для территории такой огромной страны как Россия, казалось бы, не такая большая цифра, однако, это лишь кажущаяся иллюзия.

Совместная жизнь человека и собаки уходит своими корнями в далекое прошлое. Существуют разные предположения о времени приручения собак. Первые труды, которые можно отнести к кинологическим, появились еще в Древней Греции и Древнем Риме [4]. Эволюция собаки, как любого биологического вида, подчиняется биологическим законам природы, а именно: ряду экологических законов, к которым можно отнести Закон минимума Либиха; Закон совокупного действия факторов (Митчерлих-Бауле); Закон толерантности Шелфорда; Закон внутреннего динамического равновесия; Закон Харди-Вайнберга; эволюционному закону необратимости Долло; а также правилам адаптации живых организмов [5].

Очень кратко дадим характеристику каждому из перечисленных биологических законов. Так бродячие собаки, согласно закона Либиха, несмотря на хорошую способность адаптироваться к климатическим условиям места обитания, но стараются все же выбирать места с регулярным доступом к пище, что весьма несложно именно в условиях городских застроек. В сельской же местности они могут использовать альтернативные источники питания, нападая на домашний скот и птицу. Закон толерантности Шелфорда реализуется бродячими собаками через способность выживать при избытке либо недостатке пищи, адаптацию к различным температурным условиям, выживание в городской среде с высоким уровнем шума. Закон внутреннего динамического равновесия проявляется в саморегуляции численности популяции, формировании устойчивых социальных групп (стай), поддержании баланса между рождаемостью и смертностью. Закон Харди-Вайнберга отражается в: генетическом разнообразии популяций, естественном отборе наиболее приспособленных особей, формировании устойчивых признаков в городской среде.

Таким образом, бродячие собаки демонстрируют уникальную способность к адаптации, реализуя основные биологические законы в условиях как городской так и сельской среды. Их поведение и физиологические особенности являются результатом естественного отбора и социальных адаптаций, что позволяет им успешно существовать в антропогенной среде.

Основная предлагаемая Федеральным законом №498 схема борьбы с животными без владельцев: отлов-стерилизация-вакцинация – возврат на прежние места их обитания (далее - ОСВВ).

Однако, как нам думается, данная схема изначально имела серьезные пробелы в ее осуществлению и, по нашему мнению, не может решить заложенные в ФЗ-498 цели. Попытаемся это доказать.

Разработчики и сторонники Федерального закона №498-ФЗ активно доказывают тот факт, что обратно после стерилизации обратно в места вылова выпускаются только не агрессивные животные, которые являются безопасными и, соответственно, не могут напасть на человека.

Данное утверждение по меньшей мере удивляет. Допускаем, что юристы, которые разрабатывали данный закон могли и не знать биологических законов природы, о которых мы упоминали выше, однако в рабочую группу над данным законопроектом в его изначальном варианте и поправками, которые в него вносились после принятия данного Федерального закона с 2018 года, должны были входить специалисты в данной области, которые сразу должны были указать на тот факт, что априори не существует не агрессивных животных. Причем в состав данной рабочей группы должны были входить именно специалисты, а не просто любители животных, так называемые зоозащитники. Хотелось бы отметить, что в рассмотрении вопросов, касающихся безопасности государства, должны участвовать исключительно специалисты. Участие только любителей здесь недопустимо. Это касается как вопросов внешней безопасности государства, так и внутри его.

Агрессия – это чрезвычайно сложное явление. Современные научные исследования рассматривают агрессию как результат комплексного взаимодействия множества факторов: биологических: генетика, гормоны (тестостерон, кортизол), структура мозга (миндалевидное тело, префронтальная кора); психологических: фрустрация, научение, личностные черты, когнитивные процессы; социальных: воспитание, культурные нормы, влияние группы, стрессовые ситуации. Собаки это прежде всего биологические организмы, и психологические и социальные факторы воздействуют на них в меньшей степени, чем на человека. Об этом писал в свое время выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников этологии доктор медицины и философии Конрад Лоренц, который утверждал, что агрессия является врожденным инстинктом [6]. По его словам, агрессия - это естественная защитная реакция организма, проявляющаяся как способ защиты или достижения определенных целей. Это сложный комплекс поведенческих реакций, направленный на устранение угрозы или достижение желаемого результата.

Поэтому любое животное в зависимости от складывающейся ситуации может проявлять разную степень агрессии. Так, защитная агрессия может проявляться при ощущении опасности, причем именно при ощущении, а не реальной опасности для животного. С этим иногда сталкиваются волонтеры, которые стремясь помочь, например, травмированному животному, сами являются объектом его нападения. Яркая выраженная агрессия может проявляться у животных при защите своего пространства (территории, места кормления или отдыха). Этот природный инстинкт у собак используют инструкторы по дрессировке при отработке навыков защитно-караульной службы, развивая и усиливая его путем выработки навыков защиты хозяина, членов его семьи или охраняемой территории. Агрессия может проявляться животным если оно стремится установить лидерство над другими животными или людьми. Это тоже объективный процесс, основанный на биологических законах природы, поскольку в популяции выживает сильнейший, а у особей, находящихся на низших ступенях иерархии больше шансов погибнуть. Также агрессия может проявиться и в стрессовых ситуациях. Примером может служить проявление агрессии при попытке подойти, взять на поводок или на руки потерявшееся домашнее животное, которое в силу сложившейся ситуации, попав в незнакомую среду обитания, испытывая в связи с этим сильнейший стресс, который может быть отягощен внешними триггерными факторами: резкими звуками, неожиданными движениями людей, неприятными для животного запахами (это может быть, например, аромат духов), наличие вокруг незнакомых людей или (и) животных и т.д.

Помимо внешних к немотивированной агрессии, как нам кажется, могут спровоцировать и внутренние триггерные факторы: болевые ощущения в теле, стресс, гормональные изменения, проблемы со здоровьем (болезни) и т.д. В марте 2025 года огромный общественный резонанс вызвало сообщение о том, как в г.Северск Томской области домашняя такса загрызла девочку-младенца, пока та спала в кроватке. Ребенок умер [7]. По словам ветеринара, участвовавшего в качестве специалиста о причинности подобного поведения животного, это могло произойти из-за инстинкта размножения, т.к. если собака не была стерилизована, то она могла напасть на «чужое потомство» [8].

Поэтому говорить о животных, никогда не проявляющих агрессию это в корне не верно, поскольку это против законов самой природы. Иными словами, агрессия - это не всегда признак плохого характера животного. Часто это сигнал о том, что оно испытывает дискомфорт или страх.

И, если при появлении агрессивного поведения у домашних животных (то есть животных, имеющих владельца) бывает достаточно обратиться к ветеринару для исключения медицинских причин проявления агрессии, либо к специалисту по поведению животных для коррекции поведения, то в отношении животного без владельца (бродячих животных) это просто невозможно, в связи с отсутствием владельца, соответственно, по нашему мнению, безнадзорных животных не должно быть на улицах городов и сел.

В связи с этим основным аргументом против предлагаемой вышеуказанным Федеральным законом схемы борьбы с животными без владельцев (бродячими животными), по нашему убеждению, является тот факт, что само наличие бродячих собак на улицах города, не отвечает требованиям безопасности населения. Так, статистика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению случаев агрессивного поведения бродячих животных.

Согласно данным Росстата, количество обращений на укусы, ослонения и оцарапывания животными в России в 2024 году по сравнению с прошлым 2023 годом выросло на 2,1% и составило 360860 случаев, из которых – 109325 случаев в отношении несовершеннолетних. Данные показатели превысили количество обращений в 2020 году на 6,66% [9].

Статистика 2023 года также не утешительна. Количество подобных обращений в России в 2023 году по сравнению с 2022 годом выросло на 6,5% и составило 323453 случая, из которых 110116 случаев – в отношении несовершеннолетних. Данные показатели превысили количество обращений в 2020 году на 4,5%. При этом, по данным Роспотребнадзора по разным годам, количество укусов собаками оценивается как 60% от общего числа укусов. Оценить соотношение нападений хозяйских собак и бесхозных можно по обращениям за антирабической вакциной. Так, например, в 2022 году - более 203 тысяч человек (61% от всех обращений), в 2021 году - более 209 тысяч (62,6% от всех обращений) [10].

По данным Роспотребнадзора, в 2024 году 237 000 человек обратились за медицинской помощью из-за укусов собак (сюда же входят ослонения и оцарапывания) [11].

Случаи агрессии со стороны животных регулярно попадают в средства массовой информации: так, 10 февраля 2025 года в Николаевске-на-Амуре (Хабаровский край) собаки напали на девочку, 9 февраля безнадзорные животные покусали женщину в Иркутске, 24 января стая псов насмерть загрызла женщину под Новосибирском, 23 февраля то же самое произошло с девятилетней девочкой в Ставрополе [11].

Закон, наделяющий регионы правом самостоятельно решать проблему бездомных животных [12], существенно не повлиял на общероссийскую статистику нападений на людей.

Установленный в ст. 18 Закона ранее единый для всех способ контроля численности по методике ОСВВ более не является обязательным к использованию, поскольку в новой редакции ст. 18 включена возможность регионам предусмотреть на своей территории иное, отличное от федерального, регулирование.

Хотя в ряде регионов все же были попытки субъектов ужесточить собственные законы в отношении бродячих собак. Но они закончились признанием их юридически несостоятельными. Например, 13 июня 2024 г. парламент Якутии разрешил усыплять бездомных животных в пунктах временного содержания, если они тяжело больны, переносят опасные болезни, проявляют агрессию, а также если их не забрали из приюта в течение месяца. Но уже 11 октября этого же зоозащитники оспорили местный закон в Верховном суде Якутии. В результате пункт об умерщвлении был признан недействующим. А 7 октября 2024 г. в якутском поселке Чульман собаки напали на девочку, спустя два дня она скончалась, сообщил региональный Минздрав [11].

А тем временем трагические последствия действия ФЗ-498 не просто продолжаются, а продолжают с устрашающей частотой. Огромный общественный резонанс произвел недавний случай нападения стаи бродячих собак и смерти 10-летнего мальчика в Красноярском крае [12]. Из открытых источников информации стало известно, что у собак в данной стае были бирки, то есть это собаки прошедшие программу ОСВВ, регламентированную ФЗ-498 [13]. 28 ноября 2025 года стая бродячих собак напала на 9-летнюю девочку в Татарстане. Ребенок в реанимации. И в этом случае собаки тоже были биркованные, то есть прошедшие программу ОСВВ и выпущенные на территорию обитания как не агрессивные. [14].

Кроме этого, постоянное присутствие животных без владельцев в городской среде может создавать атмосферу страха и дискомфорта. Проведенным исследованием различных социальных групп установлено, что 47% респондентов избегают определенных районов из-за бродячих собак, а 35% родителей ограничивают прогулки детей на улице (возраст опрашиваемых: от 30 до 70 лет).

Есть еще один миф, активно распространяемый в обществе после принятия Федерального закона №498-ФЗ. Формирование стай бродячих животных происходит по вине их нерадивых владельцев, которые выбрасывают их на улицу. И в связи с этим в 2023 году была введена ответственность владельцев животных за несоблюдение требований к содержанию животных - ст. 8.52. КоАП РФ.

Действительно, существует ряд владельцев, которые в силу разных причин выбрасывают своих домашних питомцев на улицу. И здесь тоже все не так однозначно: во-первых, согласно природным законам эволюционной адаптации, а именно закона неотвратимости Долло о невозможности возврата домашних собак к жизни в дикой природе, это просто невозможно!! Эволюция не имеет обратного пути!! Человек, не работающий и ведущий исключительный праздный образ жизни, никогда не превратиться обратно в обезьяну!! Так и домашние животные по разным причинам выпав из привычной среды обитания, обречены скорее на гибель, нежели на выживание и уж тем более не стоит говорить о формировании из таких животных бродячих стай.

Во-вторых, и ситуации у людей могут быть разными. Иногда в силу сложившихся жизненных обстоятельств владельцам домашних приходится делать сложный выбор между их питомцем и членами их семьи. Часть 2 статьи 9 Федерального закона №498-ФЗ говорит о том, что «в случае отказа от права собственности на животное или невозможности его дальнейшего содержания владелец животного обязан передать его новому владельцу или в приют для животных, которые могут обеспечить условия содержания такого животного».

И хорошо, если владельцы данного питомца найдут ему нового владельца, способного создать животному эти необходимые условия. А если они не смогут? Причины этому тоже могут быть разные: ограниченность по времени поиска нового владельца, особенности породного содержания (при условии что питомец является породистым животным) и т.п. Остается лишь устройство данного питомца в питомники. По данным благотворительного фонда «Благополучие животных» «на сегодняшний день в России действуют: 74 пункта временного содержания, 125 муниципальных/государственных приютов, 622 частный приют (без учета г. Москва) и 401 общественная организация (без учета г. Москвы и Московской области). Наибольшее количество объектов расположено в Центральном, Северо-Западном и Приволжском Федеральных округах. Наименьшее число объектов – в Южном и Северо-Кавказском Федеральном округе. В то время, как в некоторых регионах сильно развито волонтерское движение и все деятельность по обращению с животными осуществляется частными приютами (например, Кемеровская область, Иркутская область, Красноярский край и др.), в некоторых регионах в принципе отсутствуют какие-либо приюты или пункты временного содержания (Калмыкия, Ингушетия)» [15].

Однако реалии таковы, что приюты часто переполнены и в этом случае законным путем передать свое животное в достойное для его содержания место просто не предусмотрено. Вопрос к законодателям – что делать законопослушным гражданам в такой ситуации? Подобный вариант событий почему-то даже не рассматривался ни при принятии данного закона, ни при его доработке в течении всех 7 лет. Возможно законодатели априори посчитали, что ответственные владельцы обязаны решить данную ситуацию иначе они не будут считаться ответственными владельцами и соответственно могут быть привлечены к ответственности. А учитывая, что количество собак, нашедших новых владельцев, очень немногочисленно и, согласно рассматриваемому Федеральному закону, они должны пожизненно сдержаться в данных приютах, шанс новым животным попасть на достойное содержание в приют остается эфирным. В таких ситуациях часто помогают волонтеры, которые берут отказных животных к себе на содержание, но количество животных на единицу жилой площади волонтера не безгранично и в подобных ситуациях возможно возникновение конфликтов с соседями, поскольку даже при соблюдении всех норм содержания животных их владелец рискует столкнуться с жалобами из-за субъективного восприятия «неудобств» якобы причиняемых животными нервным соседям. Как показывают результаты исследования (автором проводился опрос участковых уполномоченных сотрудников полиции), последние несколько лет резко увеличилось количество жалоб соседей на владельцев собак, проживающих в их непосредственной близости (на одной лестничной площадке, на соседнем этаже и даже в соседних подъездах). Причины обращений в полицию чрезвычайно разнообразны. От лая до звуков, издаваемых при движении собаками внутри помещения в результате контакта их когтей и лап с половым покрытием.

Другой серьезной проблемой, напрямую связанной с нахождением бродячих собак на улицах населенных пунктов является санитарно-эпидемиологические риски, поскольку бродячие животные являются переносчиками опасных инфекций, включая: бешенство, лептоспироз, токсоплазмоз, гельминтозы.

За 2023 и 2024 годы в 70 регионах зарегистрировали 1054 случая бешенства кошек и собак. Из 1054 случаев: 611 составило бешенство собак, а в 444 случаев - бешенство кошек [16].

По данным Федерального центра охраны здоровья животных (ФГБУ «ВНИИЗЖ» Россельхознадзора), за апрель 2025 года в России зафиксировали 74 случая бешенства среди животных, из них собаки — 22 случая; лисицы — 18 случаев; кошки — 14 случаев. [17].

По данным Всемирной организации здравоохранения, во всем мире ежегодно от бешенства умирает 59 000 человек; однако из-за заниженной информации число зарегистрированных случаев часто отличается от оценочного [18]. В 99% случаев бешенства у людей заражение вирусом происходит через собак. Жертвами бешенства часто становятся дети в возрасте от 5 до 14 лет. Бешенство поражает млекопитающих, включая собак, кошек, домашних и дикий скот. Инфекция передается людям и животным через слюну, обычно при укусах, оцарапывании или прямом контакте со слизистыми оболочками (например, глаза, ротовая полость или открытые раны). На этапе появления клинических симптомов летальность бешенства составляет фактически 100%.

Предлагаемая Федеральным законом №498 схема борьбы с животными без владельцев ОСБВ не предполагает повторного отлова животных, уже прошедших данную программу, возникает закономерный вопрос: а каким образом контролируется санитарно-эпидемиологическая обстановка в среде обитания данных животных и поддерживается их здоровое состояние.

Любой владелец домашних животных знает, что необходимо ежегодно проводить вакцинацию своих питомцев от целой серии инфекционных заболеваний, включая бешенство, лептоспироз и другие заболевания, передающиеся от животного человеку. А дегельминтизацию необходимо проводить ежеквартально, то есть 4 раза в год. Эти требования Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»

№498-ФЗ разве не распространяются на животных без владельца?

С этой же проблемой связан еще один проблемный вопрос, вытекающий из содержания Федерального закона «Об ответственном обращении с животными» №498-ФЗ это вопрос выгула животного. Правила выгула установлены для безопасности людей и животных.

Как уже было сказано правила выгула регулируются Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными», а также отдельными региональными нормами. Штрафы за несоблюдение требований к содержанию животных описаны в статье 8.52 КоАП РФ. Таким образом, при нарушении данных Правил ответственность будет нести владелец животного. Возникает закономерный вопрос: а кто будет нести ответственность за нарушение правил выгула безнадзорными животными? Кто будет убирать продукты жизнедеятельности данного животного? Кто будет нести ответственность, если данное животное выгуливается на детских площадках, во дворах и т.п. Ведь отсутствие регулирования численности бродячих животных приводит к скоплению экскрементов в парках и дворах; увеличению числа крыс и других вредителей; блохи, клещи и гельминты, переносимые бездомными животными, представляют угрозу для домашних питомцев и людей. Ветеринарные службы отмечают рост обращений по поводу заражения токсокарозом и эхинококкозом.

Так, Роспотребнадзор России предупреждает, что токсокароз это паразитарное заболевание, вызываемое гельминтами. Основным источником гельминтоза для человека – щенки и взрослые собаки. Особенно подвержены заражению дети во время игры в песке или с собакой [19].

Эхинококкоз – также опасная паразитарная болезнь, провоцируемая ленточными червями. Поражение человеческого организма происходит при контакте с шерстью любимца или же его слюной. Эхинококкоз характеризуется такими осложнениями, как цирроз печени, кровотечения в легких, недостаточность сердца, перитониты и плевриты.

Учитывая это есть в зоне риска оказываются дети, играющие во дворах и на детских площадках, только по тому что государство решило неагрессивным безнадзорным животным, лишь однократно обработанным по программе, предусмотренной ФЗ-498, проживать там, где им хочется, в том числе и, например, на детских песочницах. Конечно, правила личной гигиены никто не отменял и ответственные родители, придя домой, умывают своих детей и моют им руки. Но ведь маленький ребенок в процессе игры в той же песочнице может неоднократно прикоснуться к лицу, губам своими руками. И риск заражения такими серьезными заболеваниями, указанными выше, при условии проживания на этой территории безнадзорных животных, резко возрастает.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Анализ Федерального закона № 498-ФЗ и применяемой им методики ОСБВ выявляет фундаментальное несоответствие между законодательно установленными подходами к регулированию численности безнадзорных животных и объективными биологическими законами.
2. Игнорирование этологических основ поведения животных заложено в основу рассматриваемого закона № 498-ФЗ, что закономерно не приводит к решению тех задач, которые должен быть решить последний.
3. Наличие безнадзорных животных на улицах городов и сел России способствует циркуляции патогенов (вирусов бешенства, возбудителей лептоспироза, токсоплазмоза, гельминтов), представляющих зооантропонозную угрозу для населения страны.
4. Закон не учитывает в полной мере антропогенное воздействие на формирование популяций животных и их адаптационный потенциал в урбанизированной среде. Бродячие животные, несмотря на их биологическую способность к адаптации, сталкиваются с комплексом стрессовых факторов и экологических ограничений, которые могут провоцировать непредсказуемое поведение, включая агрессию, и влиять на их физиологическое состояние.
5. Присутствие безнадзорных животных в городской среде имеет ярко выраженные социально-экологические последствия, включая снижение уровня безопасности, формирование фобий у населения (особенно у детей), а также увеличение нагрузки на городскую инфраструктуру и санитарные службы.

Таким образом, последствия введенного Федерального закона №498-ФЗ наглядно демонстрируют, что данный нормативный акт нуждается в серьезной переработке, а это в свою очередь требует комплексного подхода, учитывающего не только биологические, но и социальные аспекты взаимодействия человека и животных.

Список литературы.

1. Об РКФ [Электронный ресурс] // РКФ в цифрах. – URL: <https://rkf.org.ru/wp-content/uploads/2024/10/present24.09.2024.pdf> (дата обращения: 10.08.2025)
2. Домашние питомцы в России – 2023[Электронный ресурс] // Зооинформ – URL: <https://zooinform.ru/domashnie-pitomczy-v-rossii-2023/> (дата обращения: 10.08.2025)
3. В России насчитали 3,6 млн бездомных собак и кошек [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7659003> (дата обращения 10.08.2025).
4. Мазовер А.П. Охотничьи собаки. – 2-е изд. – М.: Агропромиздат, 1985. - 239 с.
5. Монографии, изданные в издательстве Российской Академии Естествознания [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=10385> (дата обращения: 28.08.2025).
6. Konrad Lorenz. Das sogenannte böse. dtv Verlagsgesellschaft GmbH & Co. KG, Munich, Germany. 1983. - 353 с.
7. В Томской области домашняя такса насмерть загрызла спящего младенца [Электронный ресурс] // РБК – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67ceede99a7947ef83f2caa1> (дата обращения: 25.08.2025г.)
8. Ветеринар объяснил, почему домашняя такса насмерть загрызла младенца [Электронный ресурс] // Новости – URL: <https://news.ru/regions/veterinar-obyasnil-pochemu-domashnyaya-taksa-nasmert-zagryzla-mladenca> (дата обращения: 25.08.2025г.)
9. Статистика по нападениям животных в регионах России в 2024 году. [Электронный ресурс] // Сообщество авторов – URL: <https://lynx-ia.ru/2025/05/11/statistika-po-napadeniyam-zhivotnyh-v-regionah-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 15.10.2025г.)
10. Статистика по нападениям животных в регионах России 2023 году [Электронный ресурс] // Сообщество авторов – URL: <https://lynx-ia.ru/2024/04/14/statistika-po-napadeniyam-zhivotnyh-v-regionah-rossii-2023-godu/> (дата обращения: 15.10.2025г.)
11. В 2024 году собаки покусали 237 000 человек [Электронный ресурс] // Ведомости – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/25/1094190-v-2024-godu-sobaki-pokusali-237-000-chelovek?from=copy_text (дата обращения: 15.10.2025г.)

12. «Пусть нашей семье объяснят про собак»: мать погибшего от стаи псов школьника из Красноярского края пригласила зоозащитников на похороны [Электронный ресурс] // Комсомольская правда – URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27735/5162532/> (дата обращения: 11.11.2025г.)
13. Минута молчания в Госдуме: смерть ребёнка от бродячих собак в Красноярском крае как итог провальной псевдогуманной зоозащитной политики. [Электронный ресурс] // Максим Парфирьев – URL: <https://dzen.ru/a/aP-OEZiWUi-WaLI> (дата обращения: 11.11.2025г.)
14. Отловили даже щенков: что известно о стае, растерзавшей 9-летнюю девочку в поселке Васильево. [Электронный ресурс] // Комсомольская правда – URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/27749/5178947/> (дата обращения: 02.12.2025г.)
15. Статистика по приютам в регионах России [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Благополучие животных» – URL: <https://blagozoo.ru/kolichestvo-priutov> (дата обращения: 28.08.2025г.)
16. В России за 2 года зарегистрировали более тысячи случаев бешенства кошек и собак. [Электронный ресурс] // Парламентская газета – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-za-2-goda-zaregistirovali-bolee-tysyachi-sluchaev-beshenstva-koshek-i-sobak.html> (дата обращения: 11.11.2025г.)
17. За апрель в России зафиксировали 74 случая бешенства животных [Электронный ресурс] // Ветеринария и жизнь. Информационный портал и газета – URL: <https://vetandlife.ru/epizootic-situation/za-aprel-v-rossii-zafiksirovali-74-sluchaya-beshenstva-zhivotnyh/> (дата обращения: 11.11.2025г.)
18. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] // ВОЗ – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/rabies> (дата обращения: 11.11.2025г.)
19. Профилактика инфекций, передающихся при контакте с бездомными собаками [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тульской области – URL: <https://71.rospotrebnadzor.ru/content/475/127098/> (дата обращения: 11.11.2025г.)

References:

1. About the RKF [Electronic resource] // RKF in numbers. – URL: <https://rkf.org.ru/wp-content/uploads/2024/10/present24.09.2024.pdf> (date of access: 10.08.2025)
2. Pets in Russia – 2023 [Electronic resource] // Zoonform – URL: <https://zoonform.ru/domashnie-pitomczy-v-rossii-2023/> (date of access: 10.08.2025)
3. There are 3.6 million homeless dogs and cats in Russia [Electronic resource] // Kommersant – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7659003> (date of access: 10.08.2025).
4. Mazover A.P. Hunting dogs. – 2nd ed. – Moscow: Agropromizdat, 1985. – 239 p.
5. Monographs published by the publishing house of the Russian Academy of Natural Sciences [Electronic resource] // Scientific electronic library. – URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=10385> (date of access: 28.08.2025).
6. Konrad Lorenz. Das sogenannte böse. dtv Verlagsgesellschaft GbH & Co. KG, Munich, Germany. 1983. - 353 p.
7. In the Tomsk region, a domestic dachshund mauled a sleeping baby to death [Electronic resource] // RBC – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67ceede99a7947ef83f2caa1> (date of access: August 25, 2025)
8. A veterinarian explained why a domestic dachshund mauled a baby to death [Electronic resource] // News - URL: <https://news.ru/regions/veterinar-obyasnil-pochemu-domashnyaya-taksa-nasmert-zagryzla-mladenca> (date of access: August 25, 2025)
9. Statistics on animal attacks in Russian regions in 2024. [Electronic resource] // Community of authors – URL: <https://lynx-ia.ru/2025/05/11/statistika-po-napadeniyam-zhivotnyh-v-regionah-rossii-v-2024-godu/> (date of access: 15.10.2025)
10. Statistics on animal attacks in the regions of Russia in 2023 [Electronic resource] // Community of authors – URL: <https://lynx-ia.ru/2024/04/14/statistika-po-napadeniyam-zhivotnyh-v-regionah-rossii-2023-godu/> (date of access: 15.10.2025)
11. In 2024, dogs bit 237,000 people [Electronic resource] // Vedomosti – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/25/1094190-v-2024-godu-sobaki-pokusali-237-000-chelovek?from=copy_text (accessed: 15.10.2025)
12. "Let Our Family Explain About Dogs": The Mother of a Schoolboy Killed by a Pack of Dogs in Krasnoyarsk Krai Invites Animal Rights Activists to His Funeral [Electronic Resource] // Komsmolskaya Pravda – URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27735/5162532/> (Accessed: 11/11/2025)
13. A Minute of Silence in the State Duma: The Death of a Child from Stray Dogs in Krasnoyarsk Krai as a Result of a Failed, Pseudo-Humane Animal Welfare Policy. [Electronic Resource] // Maksim Parfiryev – URL: <https://dzen.ru/a/aP-OEZiWUi-WaLI> (Accessed: 11/11/2025)
14. They Even Captured the Puppies: What is Known About the Pack that Raped a Nine-Year-Old Girl in the Village of Vasilyevo. [Electronic resource] // Komsmolskaya Pravda – URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/27749/5178947/> (date of access: 02.12.2025)
15. Statistics on shelters in the regions of Russia [Electronic resource] // Animal Welfare Charitable Foundation – URL: <https://blagozoo.ru/kolichestvo-priutov> (date of access: 28.08.2025)
16. In Russia, over a thousand cases of rabies in cats and dogs have been registered in two years. [Electronic resource] // Parliamentary newspaper – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-za-2-goda-zaregistirovali-bolee-tysyachi-sluchaev-beshenstva-koshek-i-sobak.html> (date of access: 11.11.2025)
17. In April, 74 cases of rabies in animals were recorded in Russia [Electronic resource] // Veterinary Science and Life. Information portal and newspaper – URL: <https://vetandlife.ru/epizootic-situation/za-aprel-v-rossii-zafiksirovali-74-sluchaya-beshenstva-zhivotnyh/> (date of access: 11.11.2025)
18. World Health Organization [Electronic resource] // WHO – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/rabies> (date of access: 11.11.2025)
19. Prevention of infections transmitted through contact with stray dogs [Electronic resource] // Office of the Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing in the Tula Region – URL: <https://71.rospotrebnadzor.ru/content/475/127098/> (date of access: (November 11, 2025)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ FEATURES OF CIVIL SOCIETY INTERACTION AND STATES: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

СПОРЫШЕВ Максим Александрович,

студент аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.

347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская 45.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

SPORYSHEV Maxim Alexandrovich,

postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

Научный руководитель:

АНДРЕЕВА Ольга Александровна,

доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права,

Таганрогский институт управления и экономики.

347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская 45.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

Scientific Supervisor:

ANDREEVA Olga Aleksandrovna,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory and History of State and Law,

Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье исследуется природа взаимоотношений гражданского общества и государства – их историческая обусловленность, механизмы взаимодействия и значение для социально-политической стабильности. Автор отмечает, что эти два института представляют собой диалектически связанные элементы единой системы, чье сбалансированное взаимодействие выступает ключевым условием устойчивого развития общества. В работе проведен анализ различных моделей взаимоотношений: от авторитарных режимов, где государство подавляет гражданское общество, до демократических систем, в которых формируется продуктивный диалог и партнерство. Показано, что в недемократических условиях гражданское общество либо маргинализируется, либо вступает в конфронтацию с властью, тогда как в демократиях складывается система взаимного контроля и поддержки. Автор выделяет основные факторы, способствующие гармоничному взаимодействию: укорененность демократических принципов; верховенство права и взаимная подотчетность; легитимность институтов управления; динамичное развитие гражданских институтов. В заключение автор подчеркивает, что становление гражданского общества в России требует глубоких системных преобразований – в экономической, социальной, правовой и культурной сферах – и возможно лишь на основе последовательной демократической модернизации и укрепления правовой базы.

Abstract: this article explores the nature of the relationship between civil society and the state, including its historical background, mechanisms of interaction, and significance for socio-political stability. The author argues that these two institutions are dialectically linked elements of a unified system, and their balanced interaction is crucial for the sustainable development of society. The article analyzes various models of this relationship, ranging from authoritarian regimes where the state suppresses civil society to democratic systems that foster productive dialogue and partnership. It has been shown that in non-democratic conditions, civil society is either marginalized or confronts the government, while in democracies, a system of mutual control and support develops. The author highlights the main factors contributing to harmonious interaction: the rootedness of democratic principles; the rule of law and mutual accountability; the legitimacy of governance institutions; and the dynamic development of civil institutions. In conclusion, the author emphasizes that the formation of a civil society in Russia requires profound systemic transformations in the economic, social, legal, and cultural spheres, and can only be achieved through consistent democratic modernization and strengthening of the legal framework.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, взаимодействие, демократия, социально-политическая стабильность, модернизация, общественные институты.

Key words: civil society, rule of law, cooperation, democracy, socio-political stability, modernization, and public institutions.

Для цитирования: Спорышев М.А. Особенности взаимодействия гражданского общества и государства: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_166.

For citation: Sporyshev M.A. Features of civil society interaction and states: theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 166-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_166.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Взаимосвязь гражданского общества и государства обладает глубинной исторической обусловленностью. Их генезис восходит к тому моменту, когда социум, стремясь найти наиболее эффективные механизмы реализации и защиты коллективных интересов, пришел к осознанию необходимости институционализации публичной власти – то есть к идее создания государства как особой политической организации.

Гражданское общество и государство представляют собой диалектически связанные элементы единой социально-политической системы. Их взаимодействие, включающее как конструктивное противостояние, так и взаимопроникновение и взаимный контроль, выступает ключевым фактором обеспечения общественной стабильности, реализации прогрессивных социальных изменений, достижения устойчивого развития. Государство, интегрируясь в систему общественных отношений, выполняет функции регулятора и катализатора, дополняя институты гражданского общества и создавая условия для их поступательного развития. Исторический опыт подтверждает: эффективная реализация социально значимых функций обеих подсистем возможна лишь при условии их сбалансированного взаимодействия, основанного на четко регламентированных нормах и правилах.

Опыт глобальной эволюции человечества демонстрирует, что «гармоничные связи, слаженность и равновесие между гражданским обществом и государственной властью не возникают сами собой» [6, с. 24]. Когда гражданское общество находится на низком уровне зрелости, власти склонны к доминированию, стремясь подчинить его своей власти. В подобных обстоятельствах общество лишается способности эффективно сопротивляться, и государственный аппарат ассимилирует его структуры, устанавливая абсолютную гегемонию и всеобъемлющую централизацию управления. При этом бюрократия перестает быть помощником и превращается в рычаг власти, монополизируя влияние на жизнь каждого индивида. Это способствует возникновению авторитарных и тоталитарных моделей правления, позволяющих гражданскому обществу существовать лишь в стесненных рамках: оно обречено на пассивное подчинение или вынуждено проявлять враждебное сопротивление, как подтверждают многочисленные исторические прецеденты.

В условиях недемократических систем особую значимость приобретают вооруженные формирования и иные репрессивные институты. Они активно проникают в социальную сферу, служа опорой для власти, лишённой народной легитимности. Не имея поддержки масс, государство возводит обширную сеть военных подразделений, которые часто разрастаются до абсурдных размеров по сравнению с институтами гражданского общества, создавая дисбаланс.

Однако, несмотря на подобные тенденции, государству не удается полностью стереть или заменить гражданское общество. Последнее по своей природе предшествует государству и обладает фундаментальной первичностью. Под влиянием сдвигов оно начинает оживать, набирать силу и динамично эволюционировать, подтверждая свою настойчивую жизнеспособность и неуничтожимость [2].

Наиболее благоприятные условия для продуктивного диалога между гражданским обществом и государственными институтами формируются в демократических государствах. Накопленный опыт передовых западных наций с устоявшимися демократическими традициями и зрелым гражданским сектором показывает, что обе сферы, взаимодействуя динамично, устанавливают четкие границы взаимовлияния, гарантируя обоюдный надзор и поддержку [1, с. 32]. Гражданское общество служит краеугольным камнем устойчивости государства, в то время как последнее выступает катализатором продуктивного функционирования и прогресса самого общества. В подобных развитых системах практически исключены сценарии тотального подчинения общественной жизни государству либо наоборот, полного отчуждения государственных структур от гражданской активности.

При демократических режимах общество получает полномочия осуществлять надзор за работой правительственных учреждений и их силовых подразделений. Армия и прочие военные элементы функционируют строго в рамках конституционных норм, используются исключительно для решения задач, прописанных в законодательстве. Гармоничное равновесие отношений между государством и гражданским обществом складывается естественно, благодаря зрелым механизмам обоюдного сотрудничества, выработанным на протяжении длительной исторической эволюции этих стран.

Факторы, способствующие продуктивному и гармоничному сотрудничеству между государственными органами и гражданским сектором, включают следующее: – распространенность и зрелость демократических принципов, их активное воплощение в каждом аспекте общественного бытия; – подчиненность как общества, так и власти правовым нормам, их абсолютная ответственность и подотчетность перед законом; – законность полномочий органов управления и их ориентация на благо всего населения страны; – совершенствование и динамичное развитие всех компонентов и институтов гражданского общества [3].

При наличии благоприятных институциональных условий взаимодействие государства и гражданского общества приобретает характер продуктивного диалога. Их отношения эволюционируют от потенциальной конфронтации к партнерству: субъекты взаимно адаптируются, ищут оптимальные форматы кооперации и разрабатывают механизмы синергетического взаимодействия. Ключевым элементом этого процесса выступает государственная поддержка гражданских инициатив, нацеленных на активизацию общественной самоорганизации. В современных демократических государствах данная стратегия реализуется через: – создание специализированных государственных органов по взаимодействию с институтами гражданского общества; – формирование прозрачных процедур регистрации общественных объединений; – предоставление материально-финансовой и ресурсной поддержки гражданским инициативам [4, с. 77].

Таким образом, государство не просто допускает существование гражданского общества, а системно способствует его развитию как равноправного партнера.

Взаимодействие между гражданским сектором и государственными структурами, с одной стороны, способствует общественному надзору за действиями власти, а с другой – устанавливает приемлемые рамки вторжения государства в сферу частную жизнь людей. Однако равновесие в связях между этими двумя полюсами, равно как и границы государственного контроля над социальными процессами, подвержены изменениям. Подобные трансформации обусловлены историческим наследием конкретного государства, актуальной обстановкой на данный момент и прочими динамическими явлениями внутри общества. Когда такие сдвиги приводят к росту государственного доминирования и упадку гражданской активности, социум мобилизует свои защитные механизмы, задействуя все свои институты для оказания воздействия на власть как на носителя политического суверенитета.

Наиболее действенным из этих механизмов оказываются крупные политические объединения, которые влияют на органы управления посредством оказания давления через свой электорат (путем участия в выборах и референдумах) и своих представителей в законодательных органах.

Взаимодействие гражданского общества и государства благотворно сказывается на их функционировании и развитии, обеспечивает социально-политическую стабильность в обществе, его прогресс. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, гражданское общество выступает ключевым и эффективным инструментом в системе сдержек и противовесов, направленным на предотвращение доминирования государственными органами. Для реализации этой роли активно задействуются разнообразные элементы такого общества: от участия в избирательных кампаниях до способности влиять на формирование общественного сознания и мобилизовать

противодействие государственным инициативам, идущим вразрез с потребностями и ожиданиями основной массы населения, и многого другого.

Во-вторых, разнообразные формирования и коллективы гражданского общества испытывают потребность в поддержке со стороны государственных структур. В связи с этим, действуя в автономном режиме и не подчиняясь напрямую властям, множество организаций и объединений устанавливают различные формы сотрудничества с государством. Их полномочные представители регулярно принимают активное участие в работе государственных органов.

В-третьих, государство демонстрирует глубокую заинтересованность в налаживании сотрудничества с институтами гражданского общества. Это объясняется главным образом тем, что такое общество представляет собой жизненно важный источник, подтверждающий правомерность и авторитет политической власти. Взаимодействие с разнообразными участниками гражданского сектора дает государству незаменимый доступ к сведениям о текущих тенденциях в обществе, приоритетах, эмоциональном фоне и взглядах на политическое руководство среди различных категорий населения. Помимо этого, в эпохи серьезных вызовов, включая экономические потрясения, военные конфликты, гражданское общество традиционно превращается в ключевого партнера, стоящего на стороне государства. И, наконец, в составе структур гражданского общества присутствуют такие структуры, которые способны оказывать прямую материальную поддержку властям.

В-четвертых, уникальные черты гражданского общества, включая независимость его компонентов, не гарантируют полной предсказуемости их поведения. В этой связи вполне оправданными выступают меры государства по мониторингу и регулированию динамики его развития, воплощаемые в многообразных механизмах. Среди подобных методов надзора можно выделить: интеграцию элементов гражданского сектора в различные уровни государственных институтов; формирование гибридных платформ с участием официальных представителей и активистов общественных движений; разработку правовых рамок и подзаконных актов, определяющих правила работы некоммерческих структур, ассоциаций и объединений, а также другие подходы.

Демократический политический режим по своей природе предполагает симбиотические отношения между государством и гражданским обществом. Именно это взаимодействие выступает краеугольным камнем политической стабильности (через механизмы взаимного контроля и согласования интересов) и экономической устойчивости (посредством партнерства в реализации стратегических инициатив).

Исторический опыт подтверждает: поступательное развитие государства невозможно без двух ключевых условий: зрелого гражданского общества, способного к самоорганизации и критическому диалогу, и эффективного государственного аппарата, обеспечивающего правовую и институциональную основу.

Таким образом, прогресс становится не абстрактной целью, а результатом сбалансированного взаимодействия двух равноправных субъектов политического процесса.

Для современной России становление гражданского общества представляет собой вызов, требующий глубочайших перемен в целом ряде сфер. Этот процесс подразумевает кардинальные преобразования не только в материальных и духовных связях, но и в коллективном и индивидуальном быте, мышлении, а также в механизмах государственного управления и контроля [5]. В текущих условиях такие сдвиги, а с ними и продвижение страны к модели развитого гражданского общества, могут осуществиться исключительно благодаря усилению демократических реформ и модернизации. Без инициативной самоорганизации населения, без пестроты гражданских начинаний невозможно добиться истинной эффективности общественных институтов, их улучшения и эволюции, что, в свою очередь, обеспечивает гармоничную и стабильную жизнь каждого индивида. Весь этот процесс должен базироваться на крепкой правовой платформе, которая гарантирует гармоничное партнерство между социумом и властью.

Правовая база гражданского общества должна представлять собой систему взаимосвязанных блоков законодательства, отражающую федеративный характер государственного устройства России, проблемы взаимоотношений граждан и государства в экономической, социальной, политической и духовной сферах, создавать правовые основы деятельности институтов гражданского общества. Преодоление правового нигилизма во всех звеньях общественного организма, ускорение формирования основных характеристик правового государства, повышение законообеспеченности жизнедеятельности граждан самым благоприятным образом скажутся и на совершенствовании всех структур гражданского общества, а следовательно, и на его защищенности от государственного вмешательства.

Становление и развитие гражданского общества в России может быть обеспечено формированием системы подлинного народовластия как основы демократии, преодолением отчуждения власти от народа, повышением его политической и правовой культуры, обеспечением условий для широкого участия граждан в выборах представительных органов власти. Российским избирателям необходимо осознать, что именно они приглашают правительство на работу, доверяют ему государственное управление в интересах народа и под его эффективным контролем.

Движение России к зрелому гражданскому обществу предполагает не импульсивные действия, а систематическую, многоплановую работу – как на концептуальном, так и на прикладном уровне – во всех областях общественной жизни.

Гражданское общество развивается в тесном взаимодействии с государством. Они дополняют друг друга, постоянно совершенствуют способы и формы сотрудничества между собой. Оптимальные возможности для широкого взаимодействия гражданского общества и государства, сбалансированности их отношений складываются в странах с демократическим политическим режимом. Движение стран по пути прогресса возможно только при наличии развитого гражданского общества и эффективно функционирующего правового государства. Формирование и развитие гражданского общества, обеспечение его тесного взаимодействия с государством является важной проблемой в современной России, условием ее прогрессивного развития.

Список литературы

1. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Монография / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д. ю. н., профессор Авакян С. А. – М.: Юстицинформ, 2022. – 652 с. – ISBN 978-5-7205-1317-7. – Текст: непосредственный.
2. Егорова У.И. Гражданское общество и государство: правовые основы взаимодействия. – Текст: непосредственный // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: взгляд молодых исследователей. Международная научно-практическая конференция. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 14 – 18.
3. Петраш А.В. Влияние институтов правового и социального государства на институты гражданского общества. – Текст: непосредственный // Крымский Академический вестник. – 2020. – № 15. – С. 162 – 166.
4. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография / Ф.М. Раянов. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 319 с. – ISBN 978-5-4396-0950-5. – Текст: непосредственный.
5. Смирнова К.А. Роль гражданского общества в укреплении правового государства: вызовы и перспективы. – Текст: непосредственный // Академическая публицистика. – 2024. – № 1-1. – С. 628 – 630.
6. Чернявский А.Г. Государство. Гражданское общество. Право: монография / А.Г. Чернявский, Л.Ю. Грудцына, Д.А. Пашенцев; под ред. А.Г. Чернявского. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 342 с. – ISBN 978-5-16-012388-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1010527> (дата обращения: 15.11.2025). – Режим доступа: по подписке.

References

1. Civil society as a guarantee of political dialogue and countering extremism: key constitutional and legal issues. Monography / Author's call and editor-in-chief – Doctor of Law, Professor Avakian S. A. – Moscow: Justicinform, 2022. – 652 p. - ISBN 978-5-7205-1317-7. – Text: direct.
2. Egorova U.I. Civil society and the state: legal bases of interaction. – Text: direct // Development of law in the context of interdisciplinary interaction: a view of young researchers. International Scientific and Practical Conference. – Saint Petersburg, 2023. pp. 14-18.
3. Petrash A.V. The influence of the institutions of the legal and social state on the institutions of civil society. – Text: direct // Crimean Academic Bulletin, 2020, No. 15, pp. 162-166.
4. Rayanov F.M. Civil society and the rule of law: problems of understanding and correlation: a monograph / F.M. Rayanov. – Moscow: Yurilitin-form, 2021. – 319 p. – ISBN 978-5-4396-0950-5. – Text: direct.
5. Smirnova K.A. The role of civil society in strengthening the rule of law: challenges and prospects. – Text: direct // Academic journalism. – 2024. – No. 1-1. – pp. 628-630.
6. Chernyavsky A.G. The State. Civil society. Law: a monograph / A.G. Chernyavsky, L.Y. Grudtsyna, D.A. Pashentsev; ed. by A.G. Chernyavsky. – Moscow: INFRA-M, 2022. – 342 p. – ISBN 978-5-16-012388-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1010527> (date of request: 11/15/2025). – Access mode: by subscription.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_170

УДК 340.12

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ П.И. НОВГОРОДЦЕВА КАК ОСНОВА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

P.I. NOVGORODTSEV'S NATURAL LAW THEORY AS THE BASIS OF NATURAL LAW IN RUSSIAN JURISPRUDENCE OF THE EARLY 20TH CENTURY

СВИРИДОВА Лилия Юрьевна,

студентка аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.

347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, Петровская ул., д.45.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru

SVIRIDOVA Liliya Yuryevna,

postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается естественно-правовая теория П.И. Новгородцева как центральный элемент российского правоведения на рубеже XIX – XX веков и фундамент московской школы «возрожденного естественного права». Автор раскрывает оригинальность философско-правового учения Новгородцева, обосновывающего право не как продукт государственной воли или исторической contingентности, а как абсолютную идею, коренящуюся в разумно-нравственной природе человека и существующую в сфере объективного духа. Подчеркивается, что в условиях социальных кризисов и революционных потрясений его концепция приобретает особую актуальность, выступая не только как теория, но и как нравственный императив призванный восстановить связь между законом и совестью.

Abstract: the article examines the natural law theory of P.I. Novgorodtsev as a central element of Russian legal studies at the turn of the 19th and 20th centuries and the foundation of the Moscow school of «revived natural law». The author reveals the originality of Novgorodtsev's philosophical and legal doctrine, which substantiates law not as a product of state will or historical contingency, but as an absolute idea rooted in the rational and moral nature of man and existing in the realm of objective spirit. It is emphasized that in the context of social crises and revolutionary upheavals, his concept becomes particularly relevant, acting not only as a theory but also as a moral imperative aimed at restoring the connection between law and conscience.

Ключевые слова: философия права, естественное право, П.И. Новгородцев, позитивное право, естественно-правовой идеал.

Key words: philosophy of law, natural law, P.I. Novgorodtsev, positive law, natural law ideal.

Для цитирования: Свиридова Л.Ю. Естественно-правовая теория П.И. Новгородцева как основа естественного права в российском правоведении начала XX столетия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 170-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_170.

For citation: Sviridova L. Yu. P.I. Novgorodtsev's natural law theory as the basis of natural law in Russian jurisprudence of the early 20th century // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 170-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_170.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Павел Иванович Новгородцев (1866 – 1924) – выдающаяся фигура в российской юридической мысли, получивший признание как ведущий представитель московской школы «возрожденного естественного права». Его вклад в эволюцию естественно-правовых концепций в отечественном правоведении на рубеже XIX и XX веков оказался по-настоящему значимым, повлияв на формирование современного подхода к праву как к системе универсальных моральных норм. Его идеи не только обогатили теоретическое наследие, но и вошли в основу дискуссий о справедливости и свободе в контексте революционных преобразований того времени.

Согласно наблюдениям П.И. Новгородцева, «интерес к естественно-правовой философии неизбежно усиливается в эпоху глубоких кризисов и социальных переломов, когда застывшие структуры общественной жизни демонстрируют свою несостоятельность, провоцируя в коллективном сознании острое стремление к радикальным, обновленным укладам» [2, с. 2]. Это особенно актуально для контекста российской истории рубежа XIX – XX веков, где правовые доктрины Новгородцева предлагали мост между универсальными этическими принципами и стремлениями к справедливости в условиях революционных потрясений. Его оригинальный вклад заключается в акцентировании не только консервативных аспектов естественного права, но и его трансформации в инструмент для критического осмысления социальных перемен, что отличало московскую школу от западных аналогов и делало его идеи жизненно востребованными.

Возрождая нравственный идеализм в сфере права, П.И. Новгородцев выстраивает фундаментальные принципы человеческого общежития сквозь призму неокантианской философии, где вопросы нравственности неразрывно переплетаются с доктриной естественного права. По убеждению мыслителя, «естественно-правовая концепция обязана гармонично интегрировать индивидуальное моральное измерение в подлинно правовое сооружение социума. Этот подход не просто возобновляет забытые традиции, но и революционизирует их, предлагая мост между субъективной этикой и объективными юридическими нормами, что особенно ярко проявилось в условиях русской интеллектуальной традиции начала XX века, отличая Новгородцева от его западных предшественников и делая его идеи актуальными для дискуссий о справедливости в эпоху политических потрясений» [3, с. 115].

Разрабатывая естественно-правовую концепцию, П.И. Новгородцев тщательно анализирует функцию естественного права в формировании социокультурной эволюции индивида, его мировоззренческие истоки и глубинную суть. В этом процессе он систематически подчеркивает неоспоримую значимость данной доктрины, а также ее фундаментальную объективность, коренящуюся в универсальных этических принципах,

что отличает его подход от формалистических традиций западного права и вписывает в более широкий контекст неокантианской традиции. Однако Новгородцев идет дальше, адаптируя эти идеи под российскую реальность рубежа веков, где естественное право предстает как динамичский инструмент для гармонизации личной нравственности с коллективными правовыми нормами, тем самым предлагая инновационный мост между субъективным моральным опытом и объективными социальными структурами. Этот вклад остается актуальным сегодня, вдохновляя дискуссии о балансе между автономией личности и императивами общественного порядка в эпоху глобальных этических вызовов.

Естественное право определяется мыслителем как основное и безусловное право каждого человека вести наполненную одухотворенную жизнь, созная ее самостоятельно и свободно. Оно представляется Новгородцеву как необходимая и безусловная форма духовного бытия человека.

Новгородцев П.И. раскрывает естественное право как фундаментальную категорию, которая воплощает самую суть духовной жизни индивида, и потому называет его вечным и неотчуждаемым правом – тем самым, что насыщает человеческое существование глубоким смыслом и абсолютным достоинством. Это не просто нормативная конструкция, а идеальное видение грядущего, нравственный компас для судейства над реальностью, существующее вневременно и вне зависимости от эмпирических рамок правообразования. В эпоху революций и социальных потрясений России рубежа веков Новгородцев подчеркивает, что «это вечное право не подвластно конъюнктурным изменениям, а, напротив, призвано трансформировать их, побуждая индивида к внутренней гармонии с универсальными этическими истинами, тем самым предотвращая деградацию общества» [2, с. 3].

По мнению мыслителя, «естественное право проистекает из априорного нравственного разума, унаследовав его внутреннюю формальность и тенденцию к абсолютизации. Оно существует не как набор конкретных норм, а как всеобщий идеал – ориентир для построения справедливого общественного порядка. В этом качестве оно выполняет двойную функцию: с одной стороны, задает высший эталон правовой оценки, с другой – выступает как инструмент критики существующих законов и социальных институтов, не соответствующих моральному долгу. Естественнo-правовой идеал не просто констатирует, что «есть», а утверждает, что «должно быть», тем самым произнося «моральный приговор» действительности. Возвышение этического либерализма в философии права открывает путь к принципиально новому пониманию правотворчества – не как технической фиксации воли власти, а как ответственного синтеза права, морали и свободы личности» [3, с. 111].

Новгородцев видит главную ценность естественнo-правового подхода в способности преодолеть узкоюридический формализм и выйти за пределы самодостаточного замкнутого мира позитивного права. Он утверждает, что право не может быть понято исключительно через призму норм и процедур – для его подлинного осмысления необходимо обратиться к более глубоким основаниям, лежащим в сфере морали, религии, политики и философии. Естественное право, по его убеждению, раскрывает не просто правовые, а метаюридические начала – те фундаментальные принципы, на которых строится человеческое общежитие: личная свобода, достоинство, право на жизнь, автономия личности в социальной сфере. Такой подход превращает естественное право в особую форму философского разума – не описательную науку о том, как устроено общество, а нормативную доктрину о том, каким оно должно быть. Именно в этом качестве оно становится инструментом построения социальных идеалов и осмысления высших целей человеческого существования. Как подчеркивает Новгородцев, «философия естественного права – есть наука о должном, а не о действительном, о ценностях, а не о фактах, о нормах, а не о причинах» [2, с. 4]. Это означает, что ее задача – не объяснять правовые явления через причинно-следственные связи, а выявлять и обосновывать те нравственные императивы, которые должны легитимизировать любую правовую систему. Право, лишенное такого этического измерения, теряет свою истинную сущность и превращается в инструмент произвола.

«В то же время», – как отмечает мыслитель, – «философия права, основанная на естественном праве, не отстраняется от реального мира, а, напротив, обращена к живой, динамично развивающейся действительности. Она не предлагает жестких, раз и навсегда данных норм, а призывает к постоянному переосмыслению моральных и правовых устоев в соответствии с эволюцией человеческого разума и нравственного сознания. Эта философия требует от человека осознанного диалога с обществом и природой, побуждая его искать не просто формальное подчинение нормам, а подлинную гармонию – между личной свободой и общественным порядком, между индивидуальными интересами и всеобщим благом. Именно в этом диалоге, в непрестанном стремлении к справедливости и согласию, проявляется подлинная сила естественного права как живого, развивающегося начала правовой жизни» [2, с. 5].

Философ отмечает, что естественнo-правовой подход при рассмотрении теоретических вопросов права имеет существенное методологическое значение еще и потому, что требования естественного права обладают свойствами, близкими к свойствам явлений природного, естественного порядка.

Подчеркивая непреходящую значимость основополагающего принципа естественного права – признания существования над или параллельно позитивному праву универсальных, трансцендентных ценностей, идей и моральных начал, – мыслитель утверждает, что без такой высшей опоры позитивное право рискует превратиться в юридический формализм, лишённый внутренней легитимности. Если закон не соотносится с высшими духовными и этическими императивами, он теряет не только моральную силу, но и свое подлинное назначение – служить справедливости. По мысли Новгородцева, «естественное право выступает не просто теоретическим дополнением, а необходимым нравственным фундаментом позитивной правовой системы. Оно становится для нее внутренним компасом, задающим направление: в согласии ли законы с человеческим достоинством, с требованиями совести, с идеалом справедливого общества. Именно в этом качестве естественное право реализует свою природу – быть не нормой, а критерием нормы, не предписанием, а гарантом ее морального содержания. Таким образом, подлинное право – это не просто то, что установлено властно, а то, что соответствует духовно-нравственной природе человека, его разуму и свободе. В этом его высшая ценность и вечная актуальность» [3, с. 78].

Философ рассматривает естественное право не как продукт человеческой договоренности или исторической случайности, а как абсо-

лютную идею права, существующую в сфере объективного духа – независимо от признания ее отдельными индивидами или государствами. Подобно тому как законы логики или моральные императивы Канта не зависят от субъективных мнений, естественное право существует как вневременная и всеобщая истина, составляющая неотъемлемую часть мирового этического порядка. Оно не создается, а раскрывается разумом, подобно открытию закона природы. Исходя из этой метафизической основы, Новгородцев выделяет два фундаментальных, взаимосвязанных принципа, корнящихся в самой природе человека и общества:

1. Свобода и самоцельность личности – человек не может быть средством для чужих целей; его достоинство заключается в том, что он – автономный носитель разума и морали. Это положение составляет этическую основу личной свободы, прав и ответственности.

2. Необходимость социальной организации жизни – личность реализуется не в изоляции, а в обществе. Свобода не тождественна вседозволенности; она обретает смысл лишь в рамках справедливого правопорядка, который обеспечивает согласованность индивидуальных воли и устойчивость коллективного бытия.

Эти два начала, по Новгородцеву, не противоречат, а дополняют друг друга: подлинная свобода возможна только в правовом государстве, а государство легитимно только тогда, когда служит свободе и достоинству личности. Таким образом, естественное право становится не абстракцией, а живым началом, направляющим построение справедливого и гуманного общества.

Философ утверждает, что первый ряд принципов, проистекающих из идеи естественного права, выражает основополагающие моральные императивы, без которых невозможно подлинно человеческое общество. К ним относятся: равенство всех перед законом, признание личности как носителя неотчуждаемых прав, неприкосновенность индивидуальной свободы, запрет на посягательство на чужие права и обязанность добросовестно соблюдать заключенные договоры и социальные обязательства. Эти нормы не выводятся из прагматических соображений, а вытекают непосредственно из разумно-нравственной природы человека – они априорны и обязательны по своей сути.

Второй ряд принципов отражает неизбежную потребность в упорядоченном коллективном бытии. Человек – существо социальное, и его свобода реализуется не в вакууме, а в рамках организованного общежития. Поэтому естественное право включает в себя требование прочного и легитимного социального порядка, который обеспечивается властью, призванной охранять общее благо, а не частные интересы. Эта власть должна быть не деспотической, а правовой, подчиненной моральному закону.

Одновременно признается, что личная свобода не может быть абсолютной – она ограничивается необходимостью сохранения стабильности, безопасности и культурной целостности общества. Эти ограничения не являются отрицанием свободы, а ее условием реализации. Без них свобода превращается в анархию, а общество – в поле борьбы заинтересованных волей.

Таким образом, по мысли философа, естественное право не противопоставляет индивида и общество, а синтезирует их в едином этико-правовом порядке, где личная автономия и социальная дисциплина находятся в динамическом равновесии, обусловленном разумом и нравственным долгом.

Усложнение социальных отношений приводит к определению количества норм, трактующих как надо понимать право, в каких пределах надо подчиняться власти, в каких формах должна ограничиваться личная свобода для общего блага.

Таким образом, возникает безусловная необходимость оформления внешнего авторитета, который четко формулировал бы точные и обязательные для всех выводы из основных начал естественного права; создавал нормы в развитие этих выводов; обеспечил бы действие права целой системой формально-юридических санкций. В этом Новгородцев видит объективную необходимость положительного права.

Новгородцев отмечает непреходящую роль естественного права как совокупности важнейших принципов, норм, вытекающих из абсолютной идеи права, имеющих характер вечности, неизменности и безусловной обязательности для всех времен и народов, в предупреждении антигуманных предписаний положительного права, оно выступает как «...протест против абстрактных постановлений закона, оно есть стремление сохранить первоначальную связь между нравственностью и правом» [5].

Естественное право высвечивает нравственные идеалы, к осуществлению которых положительное право должно стремиться, это действующие нормы, лежащие в основе всякого правопорядка, это логический и метафизический фундамент всякого права, источник его существования, норма для его оценки и движущая сила для его качественного развития.

Позитивизм отрицает какие бы то ни было абсолютные начала, а поэтому для него не существует естественного права. Позитивизм полагает справедливость всякого положительного права, каково бы ни было его содержание. Оценка может быть только с точки зрения целесообразности. Любой, даже самый возмутительный по своему содержанию закон, следуя логике позитивизма, есть право, и имеет обязательную силу.

Необходимым результатом таких утверждений позитивистов, по мысли Новгородцева, должно быть признание, что право – это голая сила. Раз отвергнуты абсолютные критерии для оценки права, оно теряет всякую связь с этикой и превращается в голую силу, открывая дорогу проявлениям произвола.

Философ выделяет три уровня познания права, представляя их как восхождение от внешней формы к внутреннему смыслу правовой реальности. Первый из них – формально-позитивный уровень – сосредоточен на анализе действующих правовых норм, установленных государственной властью. Он рассматривает право как систему юридических предписаний, фиксированных в законах, кодексах и иных источниках позитивного права.

Второй уровень познания права – эмпирико-психологический – обращен к живому опыту личности, исследуя право не как внешнюю систему норм, а как внутреннее морально-психологическое переживание. На этом уровне право раскрывается через сознание индивида: как чувство справедливости, как осознание долга, как переживание нарушения или защиты прав.

Третий и высший уровень познания права – этическая теория права – представляет собой переход от описания и переживания к нормативному обоснованию права как всеобщего морального закона. На этом этапе философский разум выходит за пределы позитивных норм и индивидуальных переживаний, стремясь к раскрытию самого источника должностояния: не просто почему мы соблюдаем право, а почему оно обязано быть таким, а не иным.

Новгородцев утверждает, что «подлинное понимание права возможно только тогда, когда оно коренится в абсолютной нравственной идее – не в случайных установлениях, не в социальных привычках, а в разумно-нравственной природе человека. Движение познания от права к этике – это не просто смена ракурса, а восхождение к метафизическому основанию справедливости, где право перестаёт быть инструментом власти или выражением интересов и становится выражением долга, универсального и безусловного» [1].

Именно в этом – высшая цель философии права по Новгородцеву: не фиксировать, не интерпретировать, не оправдывать, а воплощать нравственный идеал в реальность общественной жизни, превращая право в живое выражение свободы, достоинства и справедливости. В этом смысле его учение становится не просто теорией, а призывом к этическому преобразению правового мира.

По мысли Новгородцева, становление естественного права – не абстрактная философская конструкция, а исторически обусловленная реакция на кризис позитивного права, вызванный его отчуждением от живой моральной реальности. На ранних стадиях общественного развития право существовало как неписаная, органическая норма, тесно связанная с нравственным чувством, традицией и коллективным сознанием. Его нормы были подвижны, гибки, способны мгновенно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и глубинным представлениям о справедливости. Однако с переходом к эпохе писаных законов, с усилением государственности и юридической техники, право теряет свою внутреннюю целостность и живую связь с этикой. Оно превращается в систему формализованных предписаний, закреплённых в кодексах и актах, – стабильных, но инертных. Эта стабильность, необходимая для правовой определенности, одновременно становится источником внутреннего противоречия: закон, созданный для справедливости, может сам стать несправедливым.

Философ подчеркивает: даже при высочайшем уровне юридического мастерства, абстрактная формулировка закона неизбежно упрощает конкретную действительность. Она охватывает типовые случаи, но не может учесть всей глубины и уникальности отдельного жизненного обстоятельства. В результате – формальная правомерность может сочетаться с моральной несправедливостью.

Кроме того, позитивное право, будучи рассчитанным на длительное действие, объективно отстаёт от динамики общественных отношений. Общество развивается быстрее, чем меняются законы. Экономические, культурные, нравственные устои трансформируются, а правовая система сохраняет устаревшие формы. Это неизбежно порождает напряжение между действующим правом и живым, подвижным нравственным сознанием, которое продолжает требовать справедливости здесь и сейчас. Именно в этом разрыве историческая миссия естественного права: восстановить связь между законом и совестью, вернуть праву его нравственную целостность, противопоставить формальному праву идеал должного, который не знает застоя и всегда остаётся в движении вместе с разумом и свободой человека. Естественное право, таким образом, – не альтернатива позитивному, а его нравственная совесть, вечный импульс к совершенствованию. Центральным пунктом либерально-правового учения Новгородцева стала нравственная автономия личности, в которой, в сущности, раскрывается абсолютная, моральная основа естественного права. Согласно этому положению, сама моральная личность, как основа идеального общественного построения, оценивает политико-правовую действительность, служит средством и критерием в организации правопорядка и политических институтов.

Философ показал, что включение идеи естественного права в государственную науку потребует неперенных социальных преобразований, признание и утверждение со стороны власти того, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом» [4].

Таким образом, в правовой концепции Новгородцева нашли свое оригинальное разрешение важнейшие вопросы русской философии права конца XIX – начала XX столетия: проблемы свободного творчества права, противоположности государства и личности, общего закона и индивидуальной свободы, идея возрождения естественного права, утвердив значимость естественно-правового подхода как метода в правотворчестве.

Список литературы:

1. Куницын А.С. Павел Иванович Новгородцев как «воодушевленный проповедник возрождения естественного права» и наш современник. – Текст: непосредственный // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 36 – 44.
2. Новгородцев П.И. Лекции по философии права. Избранные произведения / П.И. Новгородцев. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 327 с. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/452625> (дата обращения: 25.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
3. Новгородцев П.И. О задачах современной философии права [Речь, произнес. пред диспутум в Спб. ун-те 22 сент. 1902 г.] / П. Новгородцев. – Санкт-Петербург: тип. Спб. АО «Слово», 1902. – 8 с. – Текст: непосредственный.
4. Фролова Е.А. П.И. Новгородцев как философ теории естественного права. – Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4. – С. 57 – 64.
5. Чернявский А.Г. Антология российской естественно-правовой мысли: в 3 томах. Том 2: Российская естественно-правовая мысль второй половины XIX – начала XX века: монография / А.Г. Чернявский, А.С. Куницын, А.Л. Воронцов. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 239 с. – ISBN 978-5-16-012739-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/989144> (дата обращения: 04.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

References:

1. Kunitsyn A.S. Pavel Ivanovich Novgorodtsev as an "enthusiastic preacher of the revival of natural law" and our contemporary. – Text: direct // The State and law. – 2018. – № 6. – pp. 36-44.
2. Novgorodtsev P.I. Lectures on the philosophy of law. Selected works / P.I. Novgorodtsev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 327 p. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/452625> (date of request: 11/25/2025). – Access mode: by subscription.
3. Novgorodtsev P.I. On the tasks of modern philosophy of law [Speech delivered before the debate at St. Petersburg University on September 22, 1902] / P. Novgorodtsev. – St. Petersburg: tip. Spb. JSC "Slovo", 1902. – 8 p. – Text: direct.
4. Frolova E.A. P.I. Novgorodtsev as a philosopher of the theory of natural law. – Text: direct // Bulletin of the O.E. Kutafina University (MGUA). – 2018. – № 4. – Pp. 57-64.
5. Chernyavsky A.G. Anthology of Russian natural law thought: in 3 volumes. Volume 2: Russian Natural Law Thought of the second half of the 19th – early 20th century: a monograph / A.G. Chernyavsky, A.S. Kunitsyn, A.L. Vorontsov. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 239 p. – ISBN 978-5-16-012739-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/989144> (date of request: 04.12.2025). – Access mode: by subscription.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_174

УДК 34.01

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН О ЕСТЕСТВЕННОМ, БИБЛЕЙСКОМ И ПОЗИТИВНОМ ПРАВЕ PHILIP MELANCHTHON ON NATURAL LAW, BIBLICAL LAW, AND POSITIVE LAW

РЯБЧЕНКО Надежда Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой иностранных языков

Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: rng55@mail.ru

RYABCHENKO Nadezhda Gennadievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Foreign Languages of

the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: rng55@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье анализируются правовые взгляды философа-моралиста Филиппа Меланхтона в эпоху лютеранской Реформации XVI века. Опираясь на теорию Лютера о двух царствах, Меланхтон развивал свои идеи естественного права, основываясь не только на законе, написанном в сердцах всех людей, но и на законе, переписанном в Декалоге, две скрижали которого легли соответственно в основу религиозного и гражданского права.

Abstract. This article analyzes the legal thought of moral philosopher Philip Melancthon in the sixteenth-century Lutheran Reformation. Starting with Luther's two kingdoms theory, Melancthon developed his ideas of natural law based not only on the law written on the hearts of all persons, but also on the law rewritten in the Decalogue, whose two tables provided the founding principles of religious law and civil law respectively.

Ключевые слова: Лютеранская Реформация; Мартин Лютер; Филипп Меланхтон; Божественное право; Естественное право; Позитивное право; Библейское право; Теория двух царств; Декалог; Две таблицы Декалога.

Keywords: Lutheran Reformation; Martin Luther; Philip Melancthon; Divine Law; Natural Law; Positive Law; Biblical Law; Two Kingdoms Theory; Decalogue; Two Tables of Decalogue.

Для цитирования: Рябченко Н.Г. Филипп Меланхтон о естественном, библейском и позитивном праве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_174.

For citation: Ryabchenko N.G. Philip Melancthon on natural law, biblical law, and positive law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_174.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025****Введение.**

История современной политической мысли – это в значительной степени история естественного права, которое обеспечило современному государству его первую рациональную основу. Однако естественное право гораздо старше, оно восходит к античности. Как оно выглядело в XVI веке, прежде чем стало официальной теорией государства?

Несмотря на существование двух противоборствующих конфессиональных лагерей – протестантского естественного права Меланхтона и католического естественного права школы Саламанки, естественное право XVI века можно реконструировать не по конфессиональным признакам, а в соответствии с дисциплинами, характеризующимися конкретными вопросами и методами. Все варианты учений о естественном праве в этот период времени имеют общую философию. И теологи, и философы, и юристы понимают *ius naturae* как совокупность врождённых предписаний, тождественных Декалогу и основополагающим правилам этики, вписанным Богом в сердца людей, хотя и затуманенным, сохраняющим свою силу даже после грехопадения. Различия возникают лишь при определении формальных характеристик этих предписаний: являются ли они врождёнными идеями или их следует понимать, как традиции и нормы, удерживающие порядок? Объектом данного исследования являются зарождающиеся идеи естественного права Филиппа Меланхтона, а также его взгляды на библейское и позитивное право.

Новизна и актуальность исследования.

Большинство работ, посвященных творчеству и деятельности Филиппа Меланхтона, уделяют основное внимание теологическим, философским, гуманистическим, педагогическим аспектам его трудов, однако очень мало источников, где рассматриваются правовые взгляды выдающегося ученого.

Сочинения Меланхтона в совокупности представляют собой систематическое изложение лютеранской философии права, которая недостаточно изучена. Особого внимания заслуживает его вклад в создание теоретической базы для создания законов, принятых в Германии в эпоху Реформации.

Область применения: данное исследование можно использовать при подготовке лекций по философии права периода ранней немецкой Реформации.

Реформация изменила стабильную картину естественного права средневековой церкви. Начало этому положило учение Лютера [9, с.14-15]. Возвращение протестантских учений к естественному праву могло означать не что иное, как развитие средневековых социальных учений. Это происходит через сторонника Лютера Филиппа Меланхтона, который возвращается к томистско-средневековой картине естественного права [3, с.145-146]. Меланхтон стал первым посредником между реформаторской теологией и гуманистической юриспруденцией [5, с.102].

По мнению Вильгельма Дильтея Меланхтон был «моралистом Реформации» и «величайшим дидактическим гением XVI века, который освободил философские науки от казуистики схоластической мысли». Меланхтона также называли «учителем Германии» (*præceptor Germaniae*), так как он помог создать современную немецкую начальную школу и писал с такой живостью, силой и глубиной, что его работы стали обязательными к прочтению во многих кругах общества [1, с.158; 2, с.3].

Меланхтон родился в 1497 году, получил степень бакалавра в Гейдельбергском университете в 1511 году и степень магистра в Тюбингенском университете в 1514 году. В 1518 году он был назначен в Виттенбергский университет первым профессором греческого языка, где присоединился к лютеранству и стал профессором теологии. В 1519 и 1520 годах он написал несколько научных работ в защиту Лютера от его оппонентов, а также ряд коротких популярных богословских брошюр [6, с.239]. В 1521 году Меланхтон опубликовал свои знаменитые «Общие темы теологии» (*Loci communes theologicarum*) – первый систематический трактат по протестантскому богословию, который стал стандартным учебником для учебных заведений на долгие века. Он составил главную декларацию лютеранского богословия – Аугсбургское исповедание (1530) и его Апологию (1531), подготовил ряд лютеранских катехизисов и наставлений, опубликовал более десятка комментариев к библейским книгам и древним христианским символам веры, а также несколько переработанных и расширенных изданий своего сборника «*Loci Communes*». [1, с.159; 10, с.39-42].

Меланхтон много писал о праве, главным образом в контексте теологии, а также естественной и моральной философии. В сферу его интересов входило изучение римского права, а также теологических и философских основ правовых и политических институтов. Он участвовал в разработке нескольких реформационных указов для Германии и Скандинавии и занимался делами, которые поднимали сложные юридические, политические и моральные вопросы. Благодаря своим трудам и активной деятельности Меланхтон оказал огромное влияние на правовые и теологические реформы брака, образования и социального обеспечения в Германии и Скандинавии.

Меланхтон начал разрабатывать свое учение о праве с концепции Лютера о двух царствах и о ее основополагающих теологических доктринах о Законе и Евангелии, полной греховности и оправдании только верой. Лютер утверждал, что Бог предназначил для жизни людей два царства, – земное царство и небесное царство. Земное царство – это сфера творения, естественной и гражданской жизни, где человек действует преимущественно с помощью своего разума и закона. Небесное царство – это сфера искупления, духовной и вечной жизни, где человек руководствуется в своих действиях верой и любовью. Эти два царства охватывают параллельные небесные и земные, духовные и временные формы праведности и справедливости, управления и порядка, истины и знания. Эти два царства взаимодействуют и зависят друг от друга по-разному, не в последнюю очередь через библейское Откровение и через верное исполнение христианского призвания в земном царстве. Но в конечном счёте они остаются различными. Земное царство искажено грехом и управляется Законом. Небесное царство обновляется благодатью и направляется Евангелием. Христианин является гражданином обоих царств одновременно и неизменно находится под особым управлением каждого из них. Как небесный гражданин, христианин остается свободным в своей совести, призванным жить полной жизнью в свете Слова Божьего. Но как земной гражданин, христианин связан законом и призван подчиняться естественному порядку и должностям, которые Бог установил и сохранил для управления этим земным царством [2, с.4].

Основополагающее учение о естественном законе живёт во всём человеческом разуме, который говорит людям, что им следует делать, судить, принимать и отвергать. Но грешные люди сами по себе не обращают внимание на естественный закон, написанный в их сердцах и переписанный в Библии, поэтому Бог призвал других людей и власти в земном царстве разработать его основные требования. Все христиане должны передавать естественный закон Божий словом и делом. Родители должны учить ему своих детей. Проповедники должны проповедовать его своим прихожанам. А органы власти должны разрабатывать и обеспечивать его соблюдение посредством своих позитивных законов и государственной политики. Разработка и обеспечение соблюдения естественного права органом власти посредством позитивного права были особенно важны, поскольку только орган власти обладал принудительной юридической властью в земном царстве [1, с.155].

Меланхтон многократно повторял и поддерживал учение Лютера о естественном праве. Но уже в своих ранних трудах, разработанных в первые годы его обучения в Виттенбергском университете, он более ясно, чем Лютер, изложил содержание этого естественного права. Он утверждал, что, хотя Библия помогала определить и проиллюстрировать естественное право, классические и постбиблейские источники представляли дополнительные сведения о его содержании. В конечном итоге Меланхтон выделил десять принципов естественного права, которые он считал общими для классических и христианских источников: (1) поклоняться Богу и чтить закон Божий; (2) защищать жизнь; (3) давать правдивые показания; (4) вступать в брак и воспитывать детей; (5) заботиться о своих родственниках; (6) не причинять вреда никому ни личности, ни имуществу, ни репутации; (7) подчиняться всем властям; (8) распределять и обмениваться имуществом на справедливых условиях; (9) соблюдать свои договоры и обещания; (10) противостоять несправедливости. [2, с.6].

Меланхтон значительно превзошёл Лютера в философском обосновании естественного права. Опираясь на теорию Лютера о двух царствах, Меланхтон учил, что Бог вложил в каждого человека определённые врождённые элементы знания (*notitiae nobiscum nascentes*). Они включали в себя различные теоретические принципы логики, диалектики, геометрии, арифметики, физики и других наук, а также определенные практические принципы (*principia practica*) этики, политики и права, которые означали, что люди рождены для гражданского общества, что проступки, наносящие вред обществу, должны быть наказаны, что обещания должны быть выполнены. Все эти естественные элементы знания, считал Меланхтон, соответствуют вечной и неизменной норме божественного разума, которую Бог вложил в нас. Они служат отправной точкой для жизни и обучения в земном царстве [1, с.161].

Меланхтон часто отождествлял естественное право с этими практическими принципами, этими естественными элементами знания о

морали, которые лежат в основе жизни и права в земном царстве. Десять принципов естественного права, которые он определил в начале своей карьеры, оставались в силе, но теперь он стремился свести их к более общим добродетелям. Величайшее и лучшее в божественном разуме, создателе человеческого рода, – это мудрость, отличающая достойное от постыдного, а также справедливость, истина, доброта, милосердие и целомудрие.

Человеческий разум, утверждал Меланхтон, не может доказать существование этих принципов естественного права. Они являются фактами и гранями человеческой природы, формами врождённого знания, которые находятся в разуме Бога и вложены в разум людей Богом, когда Он создал их по своему образу. Более того, их невозможно полностью понять, используя только разум. Природа человека испорчена первородным грехом, полагал Меланхтон, вторя учению Лютера о полной греховности. Таким образом, закон природы в значительной степени затемнен, поэтому лучший способ понимания естественного права для христианина — это обратиться к Библии, хотя он полагал, что греческая философия и римское право не утратили своей актуальности и оставались поучительными. Среди наиболее важных библейских текстов, отражающих содержание естественного права, по мнению Меланхтона, были Тора, Заповеди блаженства, моральные кодексы Иисуса и Святого Павла [2, с.8].

Лучшим обобщением библейского нравственного закона, писал Меланхтон, были Десять Заповедей, которые также отстаивал Лютер. Соответственно, лучшим источником знания содержания естественного права был Декалог.

Десять заповедей представляли в понимании Меланхтона несколько иную интерпретацию основных принципов естественного права, чем те десять принципов, которые он перечислил ранее, основываясь на прочтении классических источников. Десять заповедей, подчеркивал он, не единственное верное толкование естественного права. Классические формулировки, особенно греческой философии и римского права, продолжают оставаться действенными. Действительно, совпадение классических и библейских учений свидетельствует об универсальности этих норм естественного права. Но, учитывая их авторство, данное самим Богом на горе Синай, Десять заповедей являются наиболее авторитетным толкованием смысла естественного права [2, с.9].

Учитывая их важность как источника и краткого изложения естественного права, благочестивому христианскому представителю власти следует начать с Десяти заповедей как основы позитивного права. Христианский представитель власти, считал Меланхтон, должен обеспечивать и развивать принципы естественного права, изложенные в Декалоге. Его позитивные законы должны быть организованы и наполнены двумя основными скрижалями Декалога. Первая скрижаль предназначена для поддержки позитивных законов, регулирующих духовную нравственность, отношения между людьми и Богом. Вторая скрижаль предназначена для поддержки позитивных законов, регулирующих гражданскую нравственность, отношения между людьми.

Стремление Меланхтона к установлению христианской религии посредством государственных позитивных законов было заметным отличием от первоначального учения Лютера [1, с.163].

Меланхтон был участником ожесточённых религиозных распри в течение двух десятилетий между католиками и протестантами в Германии и испытывал тревогу из-за раскола немецкого общества.

С помощью своего учения Меланхтон помог заложить теоретическую основу для множества новых законов о религиозных учреждениях, принятых в городах и на территориях лютеранской Германии. Многие из них содержали исчерпывающие сборники ортодоксальных лютеранских исповеданий и доктрин, песнопений и молитв, а также литургий и обрядов. Принцип *cuius regio eius religio* («какой регион, такая и религия»), изложенный в Аугсбургском религиозном мире (1555) и расширенный в Вестфальском мире (1648), в конечном счёте основывался на теории Меланхтона о том, что позитивное право правителя должно использовать Первую таблицу Декалога для установления для своего народа надлежащего христианского учения, литургии и духовной морали. Как хранители Второй таблицы Декалога, утверждал Меланхтон, представители власти призваны управлять многочисленными отношениями, которыми Бог связал людей вместе. Меланхтон перечислил целый ряд позитивных законов, которые, собственно, относятся к каждой из Заповедей Второй Таблицы [2, с.10].

На основе Четвертой Заповеди («Почитай отца твоего и мать твою») представители власти обязаны запрещать и наказывать неповиновение, неуважение или пренебрежение к властям, родителям, учителям, работодателям, хозяевам. На основании Пятой Заповеди («Не убий») они должны наказывать незаконное убийство, насилие, нападение, побои, гнев, ненависть и другие преступления против ближних. На основании Шестой Заповеди («Не прелюбодействуй») они должны запрещать прелюбодеяние, блуд, невоздержание, проституцию, непристойность и другие сексуальные преступления. На основании Седьмой Заповеди («Не укради») они должны запретить воровство, взлом, хищение и другие подобные преступления против чужого имущества, а также расточительство, нецелевое использование или расточительство своего имущества. На основании Восьмой Заповеди («Не лжесвидетельствуй») они должны наказывать все формы лжесвидетельства, нечестности, мошенничества, клеветы и других нарушений репутации или статуса человека в обществе. Наконец, на основании Девятой и Десятой Заповедей («Не пожелай чужого») они должны наказывать все попытки совершить оскорбительные действия против личности, имущества, репутации или отношений другого человека [1, с.166].

Многие из этих аспектов социальных отношений традиционно регулировались каноническим правом церкви и частично были организованы посредством Семи Таинств. Меланхтон использовал Десять Заповедей вместо Семи Таинств для организации различных систем позитивного права. Он обращался к государству, а не к Церкви, за принятием и обеспечением соблюдения этих позитивных законов на основе Десяти Заповедей, а также библейских и внебиблейских источников естественного права и морали. Аргумент Меланхтона, помимо аргументации Лютера, предоставил дополнительное обоснование для резкой передачи юридической власти от церкви к государству после сожжения книг канониче-

ского права. Представитель власти был наместником Бога, призванным обеспечивать соблюдение Божьего закона в земном царстве посредством позитивных законов. Закон Божий был наиболее ясно изложен в Десяти Заповедях, поэтому представитель власти должен был принимать позитивные законы для каждой из этих Заповедей, реформируя *ius commune* в свете новых лютеранских учений [1, с.166-167].

В уголовном праве Меланхтон призывал правителей разрабатывать всеобъемлющие кодексы уголовного права, которые определяли бы и запрещали все виды преступлений против личности, имущества, репутации другого лица, и применять эти законы быстро и сурово. Он описал три основные цели уголовного права и наказания. Во-первых, уголовное право и наказание должны служить цели сдерживания, как специального сдерживания отдельного обвиняемого, так и общего сдерживания более широкого сообщества людей, которые являются свидетелями наказания обвиняемого [2, с.11]. Во-вторых, уголовное право и наказание должны служить цели возмездия. В-третьих, уголовное наказание должно служить цели реабилитации — позволить человеку заново научиться различать добродетель и порок и, таким образом, прийти к лучшему и более полному пониманию Божественного закона, порядка и справедливости [1, с.167].

Традиционным средневековым верованием было то, что, если позитивный закон, провозглашенный политическим деятелем, противоречит естественному праву, особенно Десяти Заповедям, то он не является обязательным для совести и должен быть нарушен. Эта традиция имела совершенно иные последствия в унитарном протестантском государстве, где больше не существовало параллельных церковных и гражданских юрисдикций, которые могли бы оспаривать законодательство друг друга на основании нарушения естественного права. Теперь народу, действуя индивидуально или коллективно через территориальные и имперские сеймы, приходилось противостоять чиновникам, которые выходили за рамки своих должностных полномочий, и нарушать законы, противоречащие предписаниям естественного права [2, с.15]. Меланхтон заложил основание для систематического объяснения природы правового порядка, разрабатывая общую теорию уголовного и гражданского права [1, с.167].

Заключение. Филипп Меланхтон во многом определил содержание и характер лютеранских теорий права, политики и общества. Целое поколение ведущих немецких юристов XVI века находилось под его непосредственным влиянием, будучи учениками и коллегами. Поколения студентов впоследствии изучали его юридические, политические труды, а также работы, посвященные вопросам нравственности, многие из которых были так популярны, что печатались два столетия спустя и использовались в качестве учебников в университетах по всей Германии и далеко за её пределами.

Список литературы

1. Берман, Дж. Гарольд. Вера и закон: примирение права и религии. Пер. с англ. яз. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993) — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 464 с.
2. John Witte, Jr. "The Law Written on the Heart": Natural Law and Equity in Early Lutheran Thought. Published in Wim Dekock, ed., The Legal Teachings of the Protestant and Catholic Reformations (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014), pp. 231-265. URL: https://www.academia.edu/39972103/_The_Law_Written_on_the_Heart_Natural_Law_and_Equity_in_Early_Lutheran_Thought (электронный ресурс, дата обращения 08.10.2025).
3. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1952. S. 132-215.
4. Wolf E. Große Rechtsdenker der deutschen Geistesgeschichte. Tübingen, 1939. S.102
5. Wolf E. Das Problem der Naturrechtslehre. Karlsruhe, 1964. S. 1- 203.
6. Nicole Kuroпка «Melanchthon und die Ethik» URL: https://www.academia.edu/108194406/Melanchthon_und_die_Ethik (электронный ресурс, дата обращения 05.11.2025)
7. Harold J. Berman. Law and Revolution, II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition the Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts · London, England 2003. pp.571
8. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 624 с.
9. Фролова Е. А. Политические и правовые идеи Реформации и Контрреформации. Аграрное и земельное право. 2017. № 5(149) с.14-15
10. Багровников Н.А., Федорова М.В. Эволюция взглядов Филиппа Меланхтона: от гуманистической религиозности к Реформации. //Философия и культура. 2023. №5 с.39-42.

References

1. Berman, Harold J. (Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion). Trans. from English. (Harold J. Berman. Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion. Scholars Press, Atlanta, 1993) — Moscow: Moscow School of Political Studies, 2008. — 464 p.
2. John Witte, Jr. "The Law Written on the Heart": Natural Law and Equity in Early Lutheran Thought. Published in Wim Dekock, ed., The Legal Teachings of the Protestant and Catholic Reformations (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014), pp. 231-265. URL: https://www.academia.edu/39972103/_The_Law_Written_on_the_Heart_Natural_Law_and_Equity_in_Early_Lutheran_Thought (electronic resource, access date 10/08/2025).
3. Wieacker F. History of Private Law in the Modern Era. Göttingen, 1952. pp. 132-215.
4. Wolf E. Great Legal Thinkers in German Intellectual History. Tübingen, 1939. p.102
5. Wolf E. The Problem of Natural Law Theory. Karlsruhe, 1964. pp. 1-203.
6. Nicole Kuroпка "Melanchthon and Ethics" URL: https://www.academia.edu/108194406/Melanchthon_und_die_Ethik (Electronic resource, accessed 05.11.2025)
7. Harold J. Berman. Law and Revolution, II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition, the Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts · London, England 2003. pp. 571
8. Berman, G. J., Western Legal Tradition: The Formation of the Law / Translated from English. - 2nd ed. - Moscow: Moscow State University Publishing House: IN-FRAM-NORMA Publishing Group, 1998. - pp.624
9. Frolova E. A. Political and legal ideas of the Reformation and Counter-Reformation. AGRARIAN AND LAND LAW. 2017. No. 5 (149) pp. 14-15
10. Bagrovnikov N. A., Fedorova M. V. Evolution of the views of Philipp Melanchthon: from humanistic religiosity to the Reformation. // Philosophy and Culture. 2023. No. 5 pp. 39-42.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_178

УДК 340

ПРИНЦИПЫ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА PRINCIPLES OF OBJECTIVE IMPUTATION AND INDIVIDUALIZATION OF PUNISH- MENT AND THEIR INTERPRETATION IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW

ТАРАНИЮК Юлия Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции
АНОО ВО ЦРФ «Российский университет кооперации» Краснодарский кооперативный институт (филиал).
350015, Россия, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.
E-mail: fiororienta@bk.ru

ЕПИФАНОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета.
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., 149.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru

TARANYUK Yulia Viktorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Law ANOO VO CRF "Russian University of Cooperation" Krasnodar Cooperative Institute (branch)
168/1 Mitrofan Sedin St., Krasnodar, 350015, Russia.
E-mail: fiororienta@bk.ru

EPIFANOVA Elena Vladimirovna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theory and History of State and Law
Kuban State University.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: Epifanova_Elen@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлено видение вопроса толкования нормативных правовых актов через призму анализа статей законов начиная от древнерусского права до законов первой половины XX века. Представляется интересным отметить, как через толкование происходило изменение содержания уже имевшихся юридических конструкций.

Abstract: The article presents a vision of the issue of interpreting normative legal acts through the prism of analyzing articles of laws, starting from Old Russian law to the laws of the first half of the 20th century. It is interesting to note how the content of existing legal structures changed through interpretation.

Ключевые слова: толкование, разъяснение, нормативный правовой акт.

Keywords: interpretation, explanation, normative legal act.

Для цитирования: Таранюк Ю.В., Епифанова Е.В. Принципы объективного вменения и индивидуализации наказания и их интерпретация в истории отечественного права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 178-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_178.

For citation: Taranyuk Yu.V., Epifanova E.V. Principles of objective imputation and individualization of punishment and their interpretation in the history of Russian law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 178-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_178.

Статья поступила в редакцию: 16.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Для правильного применения текста нормативного правового акта крайне важно тщательно выяснить его содержание. Иногда это исследование является первым и основным этапом толкования, особенно когда правовая норма применяется в определённых обстоятельствах, например, судом при рассмотрении конкретного дела. Государственные органы, включая органы дознания, следствия и прокуратуры, играют немаловажную роль в процессе толкования правовых норм. Их деятельность по толкованию может включать как выяснение содержания нормы, так и её дальнейшее разъяснение для обеспечения правильности и законности правоприменения. Таким образом, толкование выступает не только инструментом для понимания текста, но и механизмом, обеспечивающим его корректное использование в различных правовых ситуациях¹.

Именно в такой интерпретации издавна толковались и применялись правовые принципы. В одной из наиболее древних отраслей права – уголовном праве – наибольшие споры вызывает применение принципа объективного вменения, позволяющего привлечь к ответственности лиц, так или иначе связанных с виновником совершения преступления и возложить на них ответственность за преступное поведение лица. Однако даже древний законодатель понимал, что назначение одинакового наказания для всех лиц недопустимо, поскольку отличаются и степень вины в совершении преступления, и характеристика личности преступника, и обстоятельства совершения преступного деяния. В этой связи в древнем праве начинает формировать принцип индивидуализации наказания, который, в отличие от принципа объективного вменения, сохраняет свою актуальность до наших дней.

И принцип объективного вменения, и принцип индивидуализации наказания существовали и реально закреплялись в уголовно – правовых актах рабовладельческого, феодального и буржуазного периодов развития как зарубежного, так и российского права.

Так, принцип объективного вменения был закреплён рядом статей Русской Правды – древнейшего источника отечественного права.

¹ Смирнова А. А. Нормативные правовые акты исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 130.

Институт «дикий виры», существовавший в Древней Руси и закрепленный в ст. 4 – 6 Русской Правды пространной редакции¹, является ничем иным, как формой реализации принципа объективного вменения в древнерусском законодательстве: предусматривалась выплата виры (штрафа за убийство) всей общиной, членом которой был убийца: «Если кто убьет княжого мужа в драке, и убийцы не ищут, то виру □ 80 гривен □ платит та община, в округе которой поднят убитый. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен». При этом закон предусматривал такую ответственность общины даже в отсутствии убийцы: «Которая ли вервь начнеть платити дикую виру, колико леть заплатити ту виру, зане же безъ головника имь платити».

Таким образом, общинники, невиновные в совершении преступления, несли за его совершение коллективную ответственность, участвуя в уплате «дикий виры». Так государство проводило в жизнь через наказание принцип устрашения, а в некоторых случаях и возмещения материального ущерба, причиненного пострадавшей стороне.

Также о объективном вменении говорит ст. 65 Русской Правды, предусматривающая ответственность господина за своего холопа, ударившего свободного человека, ст. 117 («Если кто дозволит своему холопу торговать, и холоп тот одолжает, то господин обязан платить за него долги, но не властен от него отступиться») и ст. 119, где имущественную ответственность по долгам холопа, осуществляющего торговую деятельность или приобретшего имение, также нес господин². При этом подчеркнем, что речь шла не о субсидиарной ответственности господина в случае несостоятельности холопа, а именно ответственности за другое лицо.

Принцип объективного вменения проявляется и в закреплении такой меры наказания, как поток и разграбление: в этом случае ответственность вместе с преступниками за убийство в разбое (ст. 7 «Кто же убил во время грабежа без всякой ссоры, то за разбойника община не платит виры, но выдает его князю всего с женою и с детьми: пусть князь самого с семьей сошлет (поточит), а имение его конфискует»), конокрадство (ст. 35) и поджог (ст. 83) несли ни в чем не повинные жены и дети.

В современных научных исследованиях отмечается, что некоторые виды доказательств (испытание железом, водой, «поле» □ судебный поединок) также свидетельствуют об объективном вменении, но применялись они только тогда, когда решить дело иным путем было нельзя³. Считаем необходимым согласиться с этим мнением, поскольку при привлечении лица к уголовной ответственности основываясь на таких способах получения доказательств нельзя испытывать уверенности в наличии у них вины.

Однако, признавая существование объективного вменения, следует отметить, что уже древнерусский законодатель пытался ограничить его применение, в том числе и принципом индивидуализации наказания. Так, ст. 4 Русской Правды пространной редакции устанавливала правило, согласно которому имущественная ответственность убийцы в форме головничества перед семьей убитого не распространялась на членов общины, здесь убийца должен был отвечать сам: «...Будеть ли головник ихъ въ верви, то зань к нимъ прикладываетъ, того же деля имь помогати головнику, любо си дикую виру; но оплати имь во обчи 40 гривень, а головничество самому головнику; а въ 40 гривень ему заплатити ис дружины свою часть...».

Кроме этого, ст. 6 Русской Правды устранила ответственность общины посредством уплаты «дикий виры» в том случае, если убийца не принимал участия в ее платежах: «А же кто не вложиться в дикую виру, тому людье не помогают, но самъ платитъ». Также индивидуализация наказания прослеживалась и в зависимости от обстоятельств правонарушения и степени вины. Это прослеживается на примерах статей 54 и 55 Русской Правды Пространной редакции. Ст. 54 освобождает от обращения в рабство как меры наказания должника, который попал в имущественную зависимость вследствие обстоятельств непреодолимой силы. Она же отдавала вопрос об обращении в рабство должника на усмотрение кредитора в случае, если несостоятельность купца возникла вследствие того, что он пропьет, проиграет или «в безумии жучой товар испортит». А вот ст. 55 уже безапелляционно устанавливала санкцию продажи в рабство лица, взявшего в долг деньги и скрывшего при этом свою несостоятельность.

Таким образом, в Русской Правде уже наблюдается сочетание принципов объективного вменения и индивидуализации наказания. Применение норм данного источника требовало от должностных лиц, назначающих меры ответственности, систематического толкования его норм и учета обстоятельств совершения преступных деяний.

Тенденция к ограничению применения института объективного вменения прослеживается в Псковской судной грамоте, которая напрямую ставит вопрос об ответственности правонарушителя от наличия вины. Так, ст. 3 Псковской судно грамоты запрещает осуждать человека без установления его вины («А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право, по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мститися не на кожо, а судом не отчитися, а правого не погубити, а виноватаго не жаловати; а без неправы человека не погубити, ни на суду, на вечи»), а ст. 98 запрещала привлекать к ответственности истца и пристава, приехавших для ареста правонарушителя или для розыска по делам о воровстве, если их приезд спровоцировал выкидыш у испугавшейся жены обвиняемого («А которой человек с приставом приедет на двор татю имать, и татбы искать, или длъжника имать, а жонка в то время деля вывержет, да пристава учнет головшиной окладати, или исца; ино в том головшины нет») ⁴.

Исходя из анализа этих статей, считаем необходимым сделать вывод о том, что трактовка принципа объективного вменения в Псковской судной грамоте уже стоит в зависимости от принципа индивидуализации наказания и «перекликается» с буквальной интерпретацией ст. 5 современного Уголовного закона, требующей привлекать лицо к ответственности за общественно опасные действия и последствия только при наличии его вины.

1 Пространная редакция Русской Правды. (По Троицкому списку второй половины XV в.) // Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 87 – 89.

2 Русская Правда. Пространная редакция [Электронный ресурс] URL <https://cito-web.yspu.org/link1/metod/met135/node17.html>. (дата обращения: 14.10.2025).

3 Колосова В.И., Маляева Е.О. Изменение и совершенствование норм о преступлении в российском уголовном законодательстве // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Проблемы теории и истории российского государства и права. 1996. С. 11.

4 Псковская судная грамота [Электронный ресурс] URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg>. (дата обращения: 15.10.2025)

Тем не менее, еще сохранялись такие виды доказательств, при помощи которых всегда существовал риск привлечения к ответственности невиновных в совершении преступления (напр., ст. 20 – судебный поединок «А кто на кого имет сачить бою, или грабежу по позовничи, и князь и посадником и сотским обыскати, как послух, где будет обедал, и и где начинавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; также и битого опросить: где есть били и грабели? явили кому? и на тех ему слатся; а на кого сошлются, а тот став скажет, как право пред Богом, што битый являл бой свой и грабежь, а послух на суде став, а послухует в тыеже речи, ино тотъ судит на того волю, на ком сочат: хочет с послухом на поле лезет, или послух у креста положит, чего искал»).

Это же утверждение касается Судебников 1497 и 1550 гг., а также Соборного уложения 1649 года¹. В данных правовых памятниках признаются доказательствами показания, полученные под пыткой. Однако известно, что в ряде случаев не исключена и ложность показаний, даваемых испытуемым, стремившимся любой ценой прекратить свои мучения. Тем не менее, Судебники 1497 и 1550 гг., как и Соборное уложение 1649 г. содержат в себе элементы принципа индивидуализации наказания, но в расплывчатых формулировках: так, ст. 62 Судебника 1497 г. требовала назначать наказание «смотря по человеку, по ране и по рассуждению», ст. 25 Судебника 1550 г.² содержала формулировку назначать наказание «в пене что государь укажет, посмотри по человеку». Подобная формулировка – «что государь укажет» – также часто встречается в Соборном уложении 1649 г.³ (например, ст. 22 гл. II, ст. 3 гл. X и др). Жена и дети преступника, согласно ст. 7 и 8 гл. II Соборного уложения, не отвечали за преступление, совершенное мужем и отцом, если они не знали о нем и не помогали преступнику. В данных случаях источники права оставляли широкий простор для усмотрения правоприменителя, которому фактически предоставлялось право самому ввести в практику норму о наказании, либо предусматривали аутентичное толкование, смыкающееся с правотворчеством – при обращении за определением назначаемой меры наказания к верховной власти.

Нормы, основывающие доказательственную базу на пытке и позволяющие существовать принципу объективного вменения в уголовном праве, находят свое отражение и в российском законодательстве периода абсолютной монархии. Так, Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 года⁴ посвящает «распросу с пристрастием» и пытке целую главу.

Вместе с тем, Артикул воинский 1715 г.⁵ уже чаще обращается к принципу индивидуализации наказания, сохраняя вместе с тем в некоторых случаях и объективное вменение. Так, артикул 96 требует повесить каждого десятого солдата полка или роты, а остальных наказывать шпицрутенами в случае массового бегства с поля боя, но оставляет возможность избежать наказания для лиц, доказавших свою невиновность. Толкование к артикулу 195 предусматривает отмену или смягчение наказания за кражу, совершенную в состоянии голода, жажды, безумного состояния или при хищении в небольших размерах.

Норма материального права, основанная на принципе объективного вменения, содержалась в ст. 512 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: за присвоение и растрату «приходо-расходчиками» денежных средств, выделенных на жалование чиновникам и на канцелярские расходы, ответственности подвергались и те чиновники, которые избирали правонарушителей на должность⁶. Здесь же буквальное толкование нормы отличается от современного, поскольку анализ смысла ст. 512 позволяет сделать вывод о том, что главная причина ответственности вышеуказанных лиц – не причастность к совершению преступного деяния (присвоения или растраты), а их близкие связи с преступниками, виновными в финансовых махинациях, настолько близкие, что позволяли рекомендовать последних на должность, предполагавшую осуществление финансовых обязанностей от имени государства.

Принцип индивидуализации наказания также выражался в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. В частности, мера наказания зависела от социального положения лица, тяжести и обстоятельств совершения преступления, от наличия смягчающих и отягчающих вину обстоятельств и обстоятельств, исключающих ответственность.

В советский период принцип объективного вменения не исчез из отечественных нормативно-правовых актов, закреплявших положения уголовного права. В период становления советской власти борьба с инакомыслием вышла на первый план. К врагам революции применялись жесткие меры, вплоть до смертной казни не только контрреволюционеров, но и сочувствовавшим им, в том числе членам семьи⁷. По мере укрепления советской власти принцип объективного вменения все реже применяется на практике.

УК РСФСР 1922 г. с точки зрения закрепления принципа объективного вменения был лояльнее предшествующего законодательства. И все же в полном объеме объективное вменение не исключалось из уголовного кодекса, так, например, в нем содержались положения, предусматривавшие возможность применения аналогии (ст. 10 УК РСФСР «В случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса») и применения «мер социальной защиты» не только за совершение преступления, но за «связь с преступной средой» (ст. 49 УК РСФСР – «Лица, признанные судом по своей преступной деятель-

1 Судебник 1497 г. [Электронный ресурс] <https://f-ipsu.udsu.ru/files/assets/8.%20%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%95%D0%91%D0%9D%D0%98%D0%9A%201497%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.doc>. Дата обращения: 16.10.2025. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс] <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550>. Дата обращения: 16.10.2025. Соборное уложение 1649 г. <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. Дата обращения: 16.10.2025.

2 Судебник 1550 г. [Электронный ресурс] <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550>. Дата обращения: 16.10.2025.

3 Соборное уложение 1649 г. <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. Дата обращения: 16.10.2025.

4 Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/kip>. Дата обращения: 16.10.2025.

5 Артикул воинский с кратким толкованием 1715 г. <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. Дата обращения: 16.10.2025.

6 ПСЗ. Т. 20 (1945). Ч. 1. Ст. 19283.

7 Декрет СНК РСФСР от 21 февраля 1918 года «Социалистическое отечество в опасности!» // Правда. № 32. 1918. 22 (9) февр.; Объявление ВЧК о расстреле на месте преступления врагов советской власти // Известия ЦИК. № 32(296). 1918. 23 (10) февр.; Соловьев В.Н. Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов», пункты 5–6. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 14.10.2025).

ности или по связи с преступной средой данной местности социально-опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет») к «общественно-опасным элементам», к тому же содержание отдельных норм Особенной части УК РСФСР создавали реальные возможности для применения на практике принципа объективного вменения¹.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. недостатки УК 1922 г. были сохранены. Например, возможность применения аналогии предусматривалась ст. 16 УК РСФСР «Если то или иное общественно - опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления»².

Полагаем, что наличие принципа аналогия и расширительного толкования норм права в российском уголовном законодательстве советского периода создавало почву для реального существования принципа объективного вменения, выражающегося в привлечении к ответственности субъекта при отсутствии вины при одновременной невозможности привлечения к ней по различным причинам самого преступника.

Так, ст. 58-1^а прямо предусматривала наказание для совершеннолетних членов семьи изменника Родины (военнослужащего, совершившего побег за границу), проживавших вместе с ним или находившихся на его иждивении, что говорит о реализации уголовным законодательством принципа объективного вменения³ в форме наложения мер уголовной ответственности на лиц, не являющихся субъектами преступлений. В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления - подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

Что касается принципа индивидуализации наказания, то он также получил свое закрепление и развивался в советских уголовно-правовых нормах. Индивидуализация начала объявляется одним из главных требований советской уголовной политики. Нацеленной на формирование лично, персональной ответственности в уголовном праве⁴.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. (ст. 11) содержали норму о необходимости учета судебными органами степени и характера совершенного деяния и личности преступника, мотивов преступления, а также того, насколько в конкретной обстановке само деяние нарушает общественную безопасность. В ст. 12. регламентировала обстоятельства, которые влияли на меру назначаемого наказания, а ст. 13 устанавливала возрастные ограничения для применения уголовных наказаний. В данном случае законодатель оставлял простор для усмотрения правоприменителя, основанного на его профессиональной оценке обстоятельств дела и того, как следует интерпретировать те или иные жизненные факты и сведения о преступнике. Также учитывалось и душевное состояние лица: ст. 14 освобождала от наказания лиц, совершивших преступление в состоянии душевной болезни или ином болезненном состоянии психики, либо оказавшихся в нем к моменту вынесения приговора⁵.

УК РСФСР 1922 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. практически полностью воспроизводили вышеуказанные положения, но в законодательстве 1924 г. обстоятельствам, отягчающим и смягчающим наказание уже отводились отдельные нормы (ст. 31 и 32 соответственно)⁶.

Таким образом, принцип объективного вменения, пройдя столетия, став более лояльным, получил закрепление в нормативных актах. Вопрос о судебном толковании при применении принципа объективного вменения, как правило не возникал, поскольку законодатель четко очерчивал круг лиц, несущих ответственность за то или иное деяние совместно с преступником. Со временем сузился круг лиц, привлекаемых к ответственности вместе с преступником: от общины к членам семьи, проживавшим вместе с преступником или находившихся на иждивении преступника. Привлечение к уголовной ответственности без установления вины и причинной связи со случайными последствиями противоречило принципу виновности в уголовном праве, поэтому постепенно наблюдался переход от совместной к персональной ответственности лица за совершенное преступление с установлением формы вины. Если с развитием законодательства принцип объективного вменения стал отрицаться и законодателями, и учеными ввиду невозможности возложения наказания на преступника и достижения его основных целей, то принцип индивидуализации наказания, напротив, стал получать все большее закрепление в источниках права. Принципы объективного вменения и индивидуализации наказания сосуществовали в различных правовых источниках. Это требовало от законодателя их систематического толкования, а иногда – обращение к верховной власти за аутентичным толкованием, которое подчас являлось не интерпретацией существующего правового текста, а созданием новой нормы права.

Список литературы:

1. Смирнова А. А. Нормативные правовые акты исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 130.
2. Колосова В.И., Маляева Е.О. Изменение и совершенствование норм о преступлении в российском уголовном законодательстве // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Проблемы теории и истории российского государства и права. 1996. С. 11.
3. Ребане И. Об индивидуализации наказаний судом по советскому уголовному праву. Тарту, 1978. С. 4.

References:

1. Smirnova A. A. Normative legal acts of the executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation: dis. cand. jurid. M., 2019. p. 130.
2. Kolosova V.I., Malyaeva E.O. Modification and improvement of norms on crime in Russian criminal legislation // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Problems of theory and history of the Russian state and law. 1996. p. 11.
3. Rebane I. On the individualization of punishments by the court under Soviet criminal law. Tartu, 1978. p. 4.

1 Уголовный кодекс РСФСР 1922 года/ [Электронный ресурс] URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22. (дата обращения: 15.10.2025).

2 Уголовный кодекс РСФСР 1926 года/[Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374>. (дата обращения: 14.10.2025).

3 Особенная часть УК РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] URL <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm>. (дата обращения: 15.10.2025).

4 Ребане И. Об индивидуализации наказаний судом по советскому уголовному праву. Тарту, 1978. С. 4.

5 Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1&ysclid=mgtcufzq8989888001. Дата обращения: 16.10.2025.

6 Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953 С. 199-207.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ ABOUT SOME HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION THE INSTITUTE OF THE PRESIDENCY IN RUSSIA

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,

к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.

E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,

Ассистент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.

E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

МАШТЫКОВА Алтана Геннадьевна,

магистрант направления «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.

E-mail: mashtykova.altana@mail.ru;

САРАНГАЕВА Галина Александровна,

студентка направления «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.

E-mail: gsarangaeva@list.ru;

OCHIR-GARYAEVA Irina Kalinovna

Candidate of Law, Associate Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 A. S. Pushkin str.,

Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: kalinovna7@yandex.ru ;

MUCHAEVA Darima Gennadiyevna,

Assistant at B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.

11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: darima.muchaeva@bk.ru ;

MASHTYKOVA Altana Gennadiyevna,

Master's student in the field of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.

11 A. S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.

E-mail: mashtykova.altana@mail.ru;

SARANGAEVA Galina Alexandrovna,

student of the field of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.

11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: gsarangaeva@list.ru

Краткая аннотация: Рассматривая вопрос о причинах возникновения института президентской власти в нашей стране, следует отметить, что российское конституционное законодательство в значительной мере отразило те многочисленные и порою весьма противоречивые взгляды и предложения, которые высказывались учеными-юристами, народными депутатами и журналистами на стадии подготовки и обсуждения проектов нормативных правовых актов и вопросов, касающихся общего правового статуса и назначения института президентства.

Abstract: In considering the reasons for the emergence of the institution of presidential power in our country, it should be noted that Russian constitutional legislation has largely reflected the numerous and sometimes highly contradictory views and proposals that were expressed by legal scholars, people's deputies and journalists at the stage of preparing and discussing draft regulatory legal acts and issues concerning the general legal status and purpose of the institution of the presidency.

Ключевые слова: институт президентства, республиканская форма правления, конституционное законодательство, глава государства, высшее должностное лицо, механизм политической власти.

Key words: institute of the presidency, republican form of government, constitutional legislation, head of state, highest official, mechanism of political power.

Для цитирования: Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Маштыкова А.Г., Сарангаева Г.А. О некоторых исторических аспектах становления института президентства в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_182.

For citation: Ochir-Garyeva I.K., Muchaeva D.G., Mashtykova A.G., Sarangaeva G.A. About some historical aspects of the formation the institute of the presidency in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_182.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Анализ института президентской власти в системе органов государственной власти, несомненно, является одним из актуальных направлений в современных государственно-правовых исследованиях.

Своим существованием в современном мире институт главы государства обязан позднефеодальному учреждению — абсолютной монархии. В момент образования буржуазной государственности мышление нового господствующего класса было ограничено историческими рамками конкретной эпохи. Это проявилось, прежде всего, в том, что буржуазия находила многие учреждения и институты феодального государства

привлекательными для себя. Поэтому она заимствовала институт главы государства, который, по существу, являлся чисто феодальным институтом. Вот почему при введении самой прогрессивной на этом историческом отрезке времени формы правления — республики сохранился и институт главы государства.

Становление и развитие этого политического института начинается в конце XVIII в. Сегодня институт президентства стал атрибутом республиканской формы правления и одним из признаков демократического строя. В 1789 г. первым президентом США был избран Джордж Вашингтон. В первой половине XIX в. институт президентства начал стремительно развиваться в странах Латинской Америки. Первыми президентами (главами государств) в Европе стали в 1848 г. Луи Наполеон Бонапарт во Франции и Й. Фурер в Швейцарии. В Азии первым президентом стал в 1911 г. Сунь Ятсен в Китае, в 1923 г. — Мустафа Кемаль (Ататюрк) в Турции. В Африке в 1847 г. первый президент возглавил Либерию¹. В наше время президенты возглавляют многие государства мира.

Рассматривая вопрос о причинах возникновения института президентской власти в нашей стране, следует отметить, что российское конституционное законодательство в значительной мере отразило и как бы суммировало те многочисленные и порою весьма противоречивые взгляды и предложения, которые высказывались учеными-юристами, народными депутатами и журналистами на стадии подготовки и обсуждения проектов нормативных правовых актов и вопросов, касающихся общего правового статуса и назначения института президентства.

Введение поста Президента СССР и появление института президентской власти в нашей стране были обусловлены рядом причин. Если ранее основные вопросы внутренней и внешней политики решались партийными органами, то происходящие в стране перемены привели к необходимости укрепления того звена государственной власти, функции которого ранее подменялись решениями партии. К тому же после разделения властей появилась необходимость согласования деятельности законодательных и исполнительных органов власти, возникла настоятельная потребность в стабилизации обстановки и быстром разрешении чрезвычайных ситуаций, оперативно реагировать на которые гораздо проще одному человеку, чем решать их коллегиально. Председатель Верховного Совета СССР руководил работой Верховного Совета СССР, Съезда народных депутатов СССР при проведении его заседаний и выполнял функции главы государства, однако зачастую он был лишен возможности принимать решения самостоятельно. В некоторых странах функции и задачи, связанные с управлением государством, сосредоточены в руках одного лица, в других — их осуществлением занимаются различные государственные органы. Наиболее эффективно такие функции и задачи выполняет, как правило, глава государства. Во-первых, он является символом конкретного государства, его единства, представляя высшие государственные интересы как внутри страны, так и на мировой арене; во-вторых, представляет народ страны, его интересы и выступает от его имени, стоит выше социальных, партийных, национальных и других интересов и тем более разногласий, координирует общество, «цементирует» общественно-политическую и государственную жизнь; в-третьих, несет персональную ответственность за положение дел в стране, принимает оперативные меры по обеспечению порядка и безопасности, выполнению международных обязательств государства; в-четвертых, стоит во главе исполнительной власти, направляя ее деятельность; в-пятых, объявляется верховным главнокомандующим вооруженных сил страны и тем самым влияет на оборону государства и прохождение гражданами военной службы; в-шестых, осуществляет назначения на высшие должности в органах исполнительной власти; в-седьмых, является высшим защитником интересов «простого человека», решает вопросы гражданства, осуществляет награждение и помилование граждан, рассматривает их жалобы и т. д.²

На практике перечисленные положения могут применяться в их различном сочетании. Так, лицо, являющееся главой государства, может быть либо монархом, либо президентом. Монархии в большинстве случаев прошли путь от установления сильной власти до ее резкого ослабления, когда функции главы государства носили репрезентативный характер. Президент тоже может официально стоять во главе государства, но возможности его реального участия в управлении им зачастую ограничиваются в пользу правительства, либо, наоборот, несмотря на контроль, осуществляемый в отношении президента парламентом, в выполнении своих функций он вполне самостоятелен.

В нашей стране негативные последствия культа личности И. В. Сталина способствовали возникновению вопроса о том, не произойдет ли при введении поста президента в России реставрация режима личной власти?

С учетом изложенного выявляются следующие причины введения поста Президента СССР:

- 1) демократизация процессов руководства страной довольно быстро продемонстрировала то, что увлекающийся дискуссиями парламент и правительство оказались не в состоянии принимать оперативные решения и быстро реагировать на возникающие проблемы;
- 2) в условиях становления системы разделения властей Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР принимали участие в решении практически всех вопросов, касающихся управления страной. Введение института президентства в СССР стало противоречием крайностям отечественного парламентаризма;
- 3) при отсутствии парламентского большинства одной партии либо альянса нескольких партий в парламенте (или в его нижней палате) президент объективно вынужден брать на себя функцию формирования правительства и руководство его работой, поскольку конфликтующие партии могли бы попросту парализовать функционирование высшего органа исполнительной власти;
- 4) в процессе формирования идеологического плюрализма и отказа от политического монизма пост Генерального секретаря ЦК КПСС мало что значил, а руководство КПСС не желало ограничивать свои полномочия, введение же должности Президента СССР рассматривалось значительной частью партийных функционеров как способ сохранения влияния партии в изменившихся общественно-политических и социально-экономических условиях жизни страны;

¹ История буржуазного конституционализма XIX в. - М., 1986. С. 224.

² Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юристъ, 2015.

5) необходимо учесть и объективное стремление самого М. С. Горбачева освободиться от опеки «родной партии», поскольку нацеленный на реформы лидер должен был каждый свой шаг сверять с Политбюро и ЦК КПСС, опасаясь того, что его не только свергнут с партийного олимпа, но и с должности Председателя Верховного Совета СССР, поскольку члены КПСС среди других народных депутатов СССР составляли подавляющее большинство¹.

Таким образом, на наш взгляд, президентство предоставляло возможным партийным лидерам на уровне Союза и союзных республик не только сохранить в своих руках власть, но и бороться с всесилим коммунистической партии.

Изложенные причины введения президентства в нашей стране стали хорошо понятны сегодня, по прошествии ряда лет. Непосредственно же при учреждении поста Президента СССР предпочитали говорить о том, что президентство способствует упорядочению дел в стране, что власть Президента СССР не является авторитарной, и он не заменяет высший представительный орган власти, а наоборот, такой орган контролирует деятельность президента, может отменить его указы либо досрочно освободить его от должности в случае нарушения им Конституции СССР и других законов.

Фактически Президент СССР был изначально сильной политической фигурой, что обеспечивалось как Конституцией СССР, так и личным авторитетом М. С. Горбачева. В дальнейшем появился ряд конституционных новелл, свидетельствовавших о последовательных попытках усилить позиции Президента СССР. Так, например, первоначально его влияние на формирование правительства и руководство им было незначительным. Но уже внесенными 26 декабря 1990 г. в Конституцию СССР изменениями закреплялось положение о том, что Президент СССР возглавляет систему органов государственного управления, правительство подчиняется президенту, а последний формирует Кабинет министров по согласованию с Верховным Советом СССР.

Итак, в рассматриваемый нами период институт президентской власти в стране находился на первоначальном этапе своего развития. Следовательно, полной ясности в вопросе о том, каким требованиям должен соответствовать президент страны, на момент учреждения этого поста не было. Очевидно было лишь одно: Президент нужен России как высшее должностное лицо, которое будет способствовать укреплению самостоятельности государства, представлять и защищать его интересы.

В России вопрос об учреждении поста президента решался тоже достаточно сложно. Первоначально Съезд народных депутатов РСФСР высказался против его введения, тогда по инициативе трети депутатов 17 марта 1991 г. был проведен всероссийский референдум, в соответствии с результатами которого указанный пост был учрежден. Необходимо отметить, что после проведения референдума вопрос о введении поста Президента РСФСР уже не вызывал столь оживленные прения и политическую конфронтацию, какие имели место при обсуждении всех «за» и «против» при утверждении поста Президента СССР. По мнению Л. А. Окунькова, вероятно, большинство депутатов разделяли мнение о приоритете в будущем парламента во взаимоотношениях с президентом, поскольку, во-первых, все полномочия президента определялись самим парламентом; во-вторых, бюджет, все программы президента, его администрация и вся исполнительная власть финансировались парламентом; в-третьих, парламент оставлял за собой право отменять любой указ президента, при этом издавать указы президент должен только на основании Конституции и законов; в-четвертых, парламент оставлял за собой право отрешать Президента РФ от должности². Видимо, поэтому 690 из 898 принявших участие в голосовании народных депутатов высказались за принятие Закона «О Президенте РСФСР». По итогам референдума были приняты следующие законы РСФСР: от 24 апреля 1991 г. «О Президенте РСФСР», «О выборах Президента РСФСР», от 27 июня 1991 г. «О вступлении в должность Президента РСФСР», от 24 мая 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». Таким образом, 12 июня 1991 г. путем всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании на пост первого Президента РСФСР был избран Б. Н. Ельцин, занимавший до этого должность Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

Мы считаем, что введение поста Президента РСФСР стало следствием непростых, но в целом весьма прогрессивных и демократических процессов, которые происходят в российском обществе и его политической системе с начала 90-х гг. Оно отразило объективный процесс трансформации политической власти из системы партийных органов и организаций в систему государственных органов и организаций, включая институт президента и Советы.

Приведенные выше положения, как представляется, являются основным, но не исчерпывающим объяснением произошедших в механизме политической власти страны структурных и функциональных изменений. При этом, на наш взгляд, следует учитывать, что имеется много других объективных и субъективных причин введения института президентской власти в России, которые также нуждаются в отдельном рассмотрении. К ним следует отнести, в частности, стремление заполнить с помощью введения поста Президента РСФСР своеобразный «вакуум» власти, который возник в стране в ходе проведения экономических и политических реформ в результате осуществления в разных сферах жизни советского общества радикальных, но не всегда последовательных и предсказуемых по своим последствиям преобразований. Как верно отметил еще на Съезде народных депутатов РСФСР бывший секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев, возникла такая ситуация, когда «старая система, в которой партия была верховным органом управления, изжила себя и демонтируется. Разворачиваются процессы становления и развития новой парламентской демократической системы. Но эти процессы оказались неподкрепленными в должной степени созданием сильных взаимоуравновешивающих и взаимоконтролирующих структур в государственной системе, роль которых выполняла раньше партия».

Введение поста Президента РСФСР было вызвано также необходимостью координации взаимоотношений между суверенными республиками, президенту следовало выступить своего рода верховным арбитром, решающим проблемы многонационального народа России,

1 Осетров С.А. Организационные основы президентской власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 7. С. 41 - 44.

2 Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации: Конституция и политическая практика. М., 2011.

интегрирующей силой общества. Функционирование президентского института должно быть направлено на усиление исполнительной власти, повышение эффективности управления государством. Учреждение поста Президента РСФСР связывалось в определенной мере и с необходимостью нейтрализовать негативные последствия, вызываемые медлительностью представительных органов в принятии решений, их известной инертностью, неэффективностью коллегиального руководства, особенно когда следовало принимать быстрые решения по вопросам, требующим оперативного вмешательства.

Но, на наш взгляд, нельзя недооценивать и субъективные причины введения института президентской власти в России, к которым следует отнести: преемственность политических элит Советского Союза и Российской Федерации; стремление Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина упрочить свой статус в системе органов государственной власти для проведения назревших общественно-политических и социально-экономических реформ.

Несмотря на необходимость в силу указанных причин введения поста Президента РСФСР, открытым оставался вопрос о том, какую модель президентской власти выбрать. На сегодняшний день в мире существует четыре модели президентской власти:

- 1) президент является главой государства и выполняет лишь представительские функции, осуществляет репрезентативные полномочия (присваивает награды и звания, открывает официальные мероприятия, принимает иностранные делегации и т. д.), при этом государством управляет премьер-министр;
- 2) президент имеет реальную власть, решая все государственные дела;
- 3) президент — глава государства и исполнительной власти, т. е. одновременно и лидер страны, и руководитель государственного аппарата. В данном случае президент должен выполнять координационные функции в отношении государственных органов, принадлежащие другим ветвям власти;
- 4) президент является главой исполнительной власти и высшим должностным лицом. Данная модель ориентирует президента на руководство аппаратом государственного управления, она может иметь различные проявления: президент не является главой правительства, но руководит им вплоть до председательствования на его заседаниях; президент — официально глава правительства, формирующий его состав, кроме премьера, кандидатура которого согласуется с парламентом, и т. д.

Итак, первая модель президентской власти неприемлема для России, поскольку ей нужен не формальный, а реальный руководитель, отстаивающий интересы страны на мировой арене.

Использование второй и третьей моделей власти президента тоже является весьма проблематичным, поскольку сильная авторитарность этой должности может «похоронить» идею президентства. Ввести такую модель можно лишь по мере роста авторитета уже функционирующего президента (как это было во Франции в 1958 г.)¹.

Оптимальным вариантом для России стала четвертая модель президентской власти, закрепленная в нормативных правовых актах РСФСР.

В дискуссиях по вопросу о введении поста Президента России высказывались и доводы о том, что утверждение этого поста с сильной, почти неконтролируемой властью может создать предпосылки для возрастания авторитарных тенденций в стране, воскрешения режима личной власти, узурпации ее одним лицом или его окружением².

Появление института президентства в Российской Федерации положило начало реформе всей вертикали исполнительной власти. Начиная с 1991 г. указанный институт находится в процессе постоянного развития, в настоящее время Президент РФ, являясь главой государства, организует взаимодействие всех ветвей власти, обеспечивая тем самым их согласованное функционирование.

В связи с формированием института президентской власти в законодательство Российской Федерации о выборах был внесен ряд изменений в части определения сроков полномочий Президента РФ, усиления гарантий равного статуса кандидатов на указанную должность, расширения перечня документов, представляемых кандидатами, уточнения порядка их самовыдвижения, был установлен также день голосования на очередных выборах Президента РФ. Сегодня Президент РФ наделен широким кругом полномочий, которые осуществляет самостоятельно, независимо от других органов государственной власти, но в тесном взаимодействии с ними.

Список литературы:

1. Дегтев Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М.: Юрист, 2015.
2. Осетров С.А. Организационные основы президентской власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 7. С. 41 - 44.
3. Окуньков Л.А. Президент Российской Федерации: Конституция и политическая практика. М., 2011.
4. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. Мн.: ИС-ПИ, 2013.

References:

1. Degtev G.V. Formation and development of the institute of the presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations. Moscow: Jurist, 2015.
2. Osetrov S.A. Organizational foundations of presidential power in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2010. N 7. pp. 41-44.
3. Okunkov L.A. President of the Russian Federation: Constitution and Political practice. Moscow, 2011.
4. Parechina S.G. Institute of the Presidency: history and modernity / Under the general editorship of E.V. Matusevich. Moscow: IS-PI, 2013.

1 Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность / Под общ. ред. Е.В. Матусевича. Мн.: ИС-ПИ, 2013.
2 Там же.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_186

УДК 340.15

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ИЗГНАНИЯ В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОМ И ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ PUNISHMENT BY BANISHMENT IN OLD IRISH AND OLD ICELANDIC LAW: COMPARATIVE LEGAL ASPECTS

МУРСАЛИМОВ Константин Александрович

кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, г. Санкт-Петербург.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.

E-mail: constant_mur@mail.ru;

КИСЕЛЁВ Никита Андреевич

курсант Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, г. Санкт-Петербург.

196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Сапёрная ул., 34.

E-mail: kiselev.oysbg@mail.ru;

MURSALIMOV Konstantin Alexandrovich

Candidate of Sciences in History, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law of Saint Petersburg University of The Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg.

196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.

E-mail: constant_mur@mail.ru;

KISELYOV Nikita Andreevich

Cadet of Saint Petersburg University of The Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg.

196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34.

E-mail: kiselev.oysbg@mail.ru

Краткая аннотация: В статье в сравнительно-правовом аспекте анализируются имеющиеся в раннесредневековых источниках сведения об уголовном наказании в виде изгнания и правовом статусе изгоев в древнеирландском и древнеисландском праве.

Abstract: The article analyzes, from a comparative legal perspective, the information available in early medieval sources on the criminal punishment in the form of exile and the legal status of outcasts in Old Irish and Old Icelandic law.

Ключевые слова: Ирландия, Исландия, раннее Средневековье, брегонское право, древнеисландское право, изгнание, изгой.

Keywords: Ireland, Iceland, early Middle Ages, Brehon law, Old Icelandic law, exile, outcasts.

Для цитирования: Мурсалимов К.А., Киселев Н.А. Наказание в виде изгнания в древнеирландском и древнеисландском праве: сравнительно-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_186.

For citation: Mursalimov K.A., Kiselev N.A. Punishment in the form of exile in Old Irish and Old Icelandic law: comparative legal aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_186.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Изучение эволюции правовых систем средневековой Европы было бы неполным без исследования обособленных островных обществ, находившихся на периферии европейского мира – его крайних западных и северных рубежах – Ирландии и Исландии. В этом плане представляется интересным анализ схожих правовых институтов «изгнанничества», присутствовавших в праве обеих стран в период раннего Средневековья в качестве уголовного наказания за тяжкие преступления.

Древнеирландское право представлено многочисленными источниками на древнеирландском языке, относящихся, преимущественно, к периоду VII-X вв., и дошли до нас в поздних средневековых рукописях. Изначально в Ирландии существовала местная правовая система, известная как брегонское право (от древнеирландского слова *brithem*, «судья», «юрист»), которое отличалась от общего права во многих аспектах. Это право действовало на территории всего острова с кельтских времен вплоть до полного вытеснения общим правом после окончательного завоевания Ирландии Англией в XVI-XVII веках. В данной системе права статус человека определял его права, а наказания или компенсации зависели от социального положения потерпевшего [11, 193-195]. Правосудие по брегонскому праву основывалось преимущественно на системе штрафов и компенсаций [11, 198].

В раннесредневековой Ирландии имелась весьма сложная социальная система родственных связей, которая использовалась не только для распределения наследства, но и для назначения денежных штрафов, заменяющих кровную месть. Родственники были обязаны выплачивать и получать эти штрафы так же, как и наследственные доли. Штраф за убийство свободного человека составлял семь кумалов (*cumal*, в переводе «рабыня» — единица стоимости у кельтов), что на практике было эквивалентно двадцати одной дойной корове. Кроме того, существовала цена чести (*lóg n-enech*), которая включала сумму (*éraig*), причитающуюся за преступления, и варьировалась в зависимости от состояния и социального положения потерпевшего. Родственники преступника могли либо выплатить штраф за него, либо отказаться от него, что влекло за собой его изгнание. В древнеирландском правовом трактате VII века о статусе *Críth Gablach* говорится о диапазоне цен чести, которые зависели от соответствующего социального статуса [7, 371].

Как справедливо указывает Ф. Келли, авторы древнеирландских текстов законов, по-видимому, предполагали, что оплата может иску-

пить почти любое преступление. В этом отношении ирландское право контрастирует со многими другими ранними сводами законов, где смертная казнь является обычным наказанием за широкий спектр преступлений. Способность убийцы или другого преступника платить за свое преступление была одной из особенностей ирландского права, которую английские чиновники и наблюдатели находили отвратительной, и было много попыток законодательно запретить это [12, 214]. Несмотря на отсутствие государственной системы обеспечения правопорядка в кельтской Ирландии до прихода англичан, в большинстве случаев гарантией выплаты штрафов, назначенных судьями, была система залогов и поручительств, а также престиж и статус конкретного судьи. Согласно средневековым ирландским правовым трактатам оплата должна быть произведена в течение нескольких дней с момента вынесения решения (или самого правонарушения, если ответчик не оспаривал дело). Так, в случае незаконной охоты возмещение (*aithgein*) должно быть произведено через день, а штраф (*dire*) должен быть выплачен через три дня или, в исключительных случаях, через пять дней [12, 215]. *Cain Adomnain* («Закон Адомнана», 697 г.) предписывает, что в случае преступления против женщины, ребенка или клирика решение выносится на третий день, а штраф выплачивается на пятый день [9, 26].

В целом, ирландское каноническое право уделяло больше внимания смертной казни, чем светские правовые тексты. Так, виновный в преступлении, за которое штраф положен больше, чем цена его чести, не только лишается жизни, но и вовлекает своих родственников в уплату штрафа [12, 215-216]. Родственники жертвы могли держать осужденного преступника (*cimbid*) в оковах вплоть до выплаты им штрафа. Решение о том, следует ли убить или продать в рабство неоплатного убийцу, по-видимому, оставалось за родственниками жертвы. Если жертва серьезного преступления (нанесение увечий, кража, клевета и т.д.) все еще жива, решение о судьбе не платящего виновника, по-видимому, принимал сам потерпевший, и только он имел право убить виновного. Кроме того, обращение в рабство являлось распространенной альтернативой смертной казни, поскольку раб был ценным имуществом, а экономические стимулы для пострадавшей стороны выбрать порабощение вместо казни могли быть значительны [12, 216].

За широкий спектр преступных или антиобщественных действий человек мог быть лишен своих прав и объявлен «вне закона». Например, вор теряет обычное право на получение штрафов за нанесенные ему телесные повреждения, а его дом может быть безнаказанно сожжен. В правовых трактатах встречается отдельная категория *éluidaid* («беглецы»), которые теряли свои права в обществе. К ним относились женщины, которая сбежала от мужа без уважительной причины; мужчина или женщина, которые не смогли позаботиться о престарелых родителях; «человек с окровавленным оружием» (то есть убийца, бежавший от наказания), а также беглец от своей собственной семьи. Любой, даже высокопоставленный человек, который укрывал *éluidaid*, терял тем самым свою цену чести. Правда, человек не считается преступником, пока его преступление не будет публично объявлено на судебном собрании. Объявленный вне закона должен был покинуть свой туат (родоплеменную территорию) в качестве изгнанника (*deorad*), возможно, в надежде быть принятым в качестве слуги или телохранителя в другом месте [12, 222-223].

Ирландские саги содержат некоторые упоминания об изгнании (*indarbe*) преступников за границу. Так, в саге «Плавание Снедгуса и Мак Риагла» описывается изгнание неких «мужей Росс» (*fir Roiss*) из области Аргиллы к югу от Ульстера, за убийство их собственного короля Фиахи, оказавшегося слишком настойчивым в сборе дани с подвластного населения. В качестве воздаяния брат Фиахи король Тир Коналла Донхад (отождествляемый иногда с верховным королем Ирландии Донхадом, сыном Домналла, умершим в 797 г. [5, 100]) взял их в плен и собрал вместе в одном доме, чтобы сжечь. Однако по совету Колума Килле (скорее всего, собирательный образ клириков общины монастыря Ионы) шестьдесят супружеских пар были отправлены на небольших лодках в открытое море, чтобы Бог там свершил над ними суд. При этом с ними поначалу отплыли совпадающие по численности люди, чтобы не дать изгнанникам вернуться обратно [5, 95].

Тем не менее, непосредственно древнеирландские тексты законов не содержат свидетельств формального изгнания на фиксированный срок — ни из туата либо провинции, ни из страны в целом. Однако «Закон Адомнана» предусматривал изгнание того, кто не заплатил предусмотренные этим законом штрафы за преступление против женщин. Король, во владениях которого проживал виновный, должен был заплатить от его имени, а сам преступник подлежал изгнанию до конца действия закона [9, 30], что теоретически означало пожизненное изгнание, поскольку текст «Закона Адомнана» характеризует его как вечный закон (*bithchain*) [9, 15-16].

Весьма специфическим видом наказания являлась так называемое «отправление по течению», редко упоминаемое в древнеирландских юридических текстах, но занимающее видное место в каноническом праве и в более поздних юридических комментариях. По всей видимости, это форма наказания, введенная с принятием христианства и считавшаяся особенно подходящей для борьбы с тяжкими преступлениями, совершенными женщинами, поскольку напрямую казнить женщину путем повешения, ямы или «кровавого убийства» считалось предосудительным [12, 222-223]. Данная процедура описана в «Законе Адомнана»: если женщина совершает убийство, поджог, или с насилием врывается в церковь, ее сажают в лодку с одним веслом и сосудом с кашей и отпускают лодку с берега на волю ветра. Суд над ней остается в руках Бога [9, 30].

Однако в поздних юридических комментариях это наказание предписывалось не только для женщин-убийц, но и для виновных в преступлениях по небрежности (*anfot*) или беспечности (*indeithbire*), а в некоторых случаях и за убийство родственника (*figal*). В случае если лодку с преступником смывало обратно на берег, то осужденный за преступления по халатности или небрежности принимался обратно в свой род как «законный человек» (*duine dligthech*), потому что «Бог вынес ему приговор». С другой стороны, убийца родича, которого ветер смывал обратно на берег, оставался служить у того, кто его обнаружит, попадая в категорию *fuidir cinad o muir* («фуйдир преступления моря») [12, 220]. *Fuidir*, будучи особой категорией зависимых людей, не имели фиксированных повинностей, как клиенты господина, но, с другой стороны, их господин несет за них полную ответственность, выплачивая штрафы за их проступки [7, 372]. Человек, который платил штраф за другого человека, совершившего преступление, становился его хозяином [12, 217].

Если мы обратимся к древнеисландскому праву, то увидим, что основной источник - правовой памятник «Серый гусь» (др.исл. *Grágás*) представляет собой средневековый корпус исландских законов эпохи народоправия XII–XIII вв., то есть относится к периоду более позднему,

чем древнеирландские правовые трактаты. Однако следует учитывать, что в «Сером гусе» зафиксированы нормы изначально устных правовых обычаев, относящихся, в том числе, к эпохе древнескандинавского единства и колонизации Исландии (IX-X вв.). Существовавшие ранее в Исландии в устной форме старые законы (*rétta log sín*), а также определенные законодательные новеллы (*gera nýmceliy*), возникшие, в том числе, под христианским влиянием, были записаны в 1117 или 1118 году, когда группа правоведов во главе с Хавлиди, сыном Мара, была уполномочена на это лёгреттой, законодательным собранием Исландии, на альтингге [1, 463]. Как отмечает Дж. Байок, в отличие от правовых источников других скандинавских стран, в положениях «Серого гуся» нет упоминаний о королевской власти и исключительных правах и прерогативах короны, а также в целом об институтах исполнительной власти как таковой [1, 461].

Система наказаний в *Grágás* была достаточно своеобразной и принципиально отличалась от систем наказаний в других скандинавских странах того времени. В ней отсутствовали такие институты, как тюремное заключение, смертная казнь и телесные наказания. Также в законе нет указаний на государственных исполнителей наказаний, что связано с отсутствием в Исландии централизованной исполнительной власти. Убийства в системе «Серого гуся» рассматривались не только как объекты правового регулирования, но и как легальные действия в рамках частных распрей при условии исполнения определённых правил. Нормы закона в главе об убийствах (исл. *Vígslóð*) чётко ограничивали круг лиц, которые могли быть убиты законно, а также определял юридические последствия подобных действий. [5, 144-164].

Grágás характеризуется системой уголовных наказаний, базирующейся преимущественно на штрафах - (исл. *sektir*), изгнании (исл. *utlegðar*) и возмещении ущерба. В специально выделенном разделе главы «Об убийствах» детально регламентируются условия правомерного убийства в рамках распри, порядок судебного разбирательства и ответственность, при этом отсутствуют телесные наказания и смертная казнь [5, 154-157]. Исполнение наказаний во многом отдано на откуп частным лицам и народным собраниям (альтингам). В отличие от этого, в сопредельных скандинавских государствах существовали более жесткие и карательные системы наказаний, закрепленные в нормативных правовых актах, таких как норвежский «Закон Гулатинга» (*Gulatingsslova*) (XI-XII века) и датское «Зеландское право Эрика» (XIII век). В этих правовых источниках предусмотрены телесные наказания (порка, увечья, обезглавливание), публичные порицания, а также смертная казнь за тяжкие преступления, включая убийства и измену. В структурах этих государств уже присутствовала централизованная исполнительная власть и судебные органы, что обеспечивало государственный контроль над применением наказаний.

Следует заметить, что «Серый гусь» не только не запрещал частную кровную месть (*blóðhefnd*), но и легитимировал ее при соблюдении определенных правил [5, 191]. Так, человек, которому причинили ущерб, мог отомстить за себя только до альтинга, на котором ему полагалось вести тяжбу об ущербе, и то же касалось всех тех людей, которые должны мстить за убийства и которые были сторонами в тяжбе об убийстве. Однако это правило распространялось только до наступления такого же времени следующего дня после убийства. В противном случае, мстящие могли быть объявлены «вне закона» и подвергнуты изгнанию [1, 350].

«Серый гусь» предусматривал две высшие меры наказания — это изгнание человека из общества на срок 3 года (*fjörbaugsmaðr*) и изгнание на всю жизнь (*skóggangr*) [5, 66-68]. В исландских сагах чаще всего употребляется прилагательное *sekr*, которое означает «тот, на которого можно напасть безнаказанно», то есть «объявленный вне закона». Приговор об объявлении вне закона — на три года или пожизненно — обозначался существительным *sekt* [1, 726-727].

Человек, совершивший, к примеру, убийство, мог быть объявлен на тинге вне закона, после чего становился изгоем — он назывался *utlagi* на древнеисландском языке. То есть он именно буквально оказывался «вне закона», он изгонялся из общества. И неслучайно такие люди назывались *vargr*, то есть волк — это слово этимологически родственно русскому «враг». Даже сами маршруты этого изгнания упоминались в законах. Известно, что такому человеку, объявленному вне закона, давалось право дойти до пристани, сесть на корабль и уплыть в Византию. Пока он шел, его никто не мог тронуть: он находился еще под некоей временной защитой закона, который никто не мог преступать [5, 90-92]. Но только если он сходил с этой тропы, ведущей к пристани, то тут же к нему могли подойти родственники убитого и зарезать его на глазах у всех, и им бы ничего не грозило согласно требованию права. Можно было быть изгнанным вне закона на всю жизнь, и это было равносильно смертной казни. С другой стороны, за определенную сумму, выплачиваемую родственникам погибшего, можно было «приобрести» право быть вне закона только на три года. То есть через три года преступник полностью очищался и мог возвращаться. Это не значило, конечно, что родственники убитого ему не мстили. Но одно дело — убить преступника, когда он был вне закона, а другое дело — убить полноценного члена общества, который сам искупил свою вину, очистился в каком-то смысле, и он являлся таким же субъектом права, как и другие члены социума. То есть он обладал, как это сказано в текстах законов, «святостью» [5, 91], в значении некой неприкосновенности под защитой закона, которой он лишился в случае нарушения приговора к изгнанию. К примеру, в «Саге о Ньяле», в отношении Гуннара, нарушившего уговор (*gríð*), согласно которому он должен был на три года покинуть Исландию, было принято решение альтинга, присудившее ему полное объявление вне закона и пожизненное изгнание, а в дальнейшем он был убит [1, 351-352].

Нормы «Серого гуся» предполагали возможность изгнания и для соучастников преступника, если только они не пресекут его преступление. К примеру, если человек вел себя как берсерк, то за это ему полагалось изгнание из страны, а равно и тем мужам, что были с ним, если только они не попытаются связать его, и если им удавалось это, тогда они освобождались от наказания, но если это случалось снова, то тогда они изгонялись из страны [1, 468].

Пример, отождествляющий волка и изгоя, можно найти в мифологическом «Видении Гюльви» из «Младшей Эдды», записанной в XIII в. Снорри Стурлусоном [6, 89-91]. Поскольку миф в традиционном обществе представлял собой идеальную модель мира, в том числе определенных социальных практик, можно заключить, что образ волка Фенрира в какой-то степени отражает правовой статус изгоя («волка-одиночки», *vargr*) в древнескандинавском обществе [4, 24-25].

Следует отметить, что наказание в виде объявления вне закона и изгнания присутствует и в раннесредневековых варварских правдах других германских народов. Так, в параграфе 2 титула LV Салической правды говорится, что «если кто, вырвыши уже погребенное тело, ограбит его, и будет уличен, пусть будет поставлен вне закона [wargus] до того дня, в который он даст удовлетворение родственникам умершего; последние сами и должны за него просить, чтобы ему было позволено жить между людьми. И если, прежде чем он примирится с родственниками покойника, кто-нибудь даст ему хлеба, или окажет гостеприимство, будь то [его] родственники или даже собственная его жена, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов» [6, 433]. В латинском тексте Салической правды для преступника, объявленного вне закона, употреблен имеющий древнегерманское происхождение франкский термин *wargus*, – варг, то есть волк, изгой.

Учитывая все вышеизложенное, вряд ли мы можем согласиться с тезисом М. Бирн о том, что древнеисландский институт изгнания («отпускания в море») сформировался благодаря контактам викингов с ирландцами под влиянием древнеирландского права, в котором, в свою очередь, он появился лишь в постхристианское время из-за воздействия гуманных норм канонического права и оставался уникальным правовым явлением [2, 286-288]. Не представляется обоснованным и мнение переводчика статьи М. Бирн Д.С. Николаева, о том, что «отпускание в море» было вначале лишь нарративным приемом ирландских саг, а в дальнейшем превратилось в практикуемое наказание [2, 289]. На наш взгляд, это входило бы в противоречие с логикой и закономерностями развития правовых систем, и нам неизвестны случаи, когда фольклорные или литературные мотивы могли бы по чьей-то прихоти становиться нормами традиционного обычного права, а не наоборот. Данный вид наказания, скорее, отражал наиболее архаические черты обычного права, унаследованные от родоплеменного общества, в котором изгнание из племени было основной и наиболее тяжелой социальной санкцией, что являлось общим для многих первобытных народов [3, 265].

Таким образом, с нашей точки зрения, наказание в виде изгнания в древнеирландском и древнеисландском праве имело определенные общие черты, обусловленные сохранением пережитков родоплеменного строя, что было характерно и для других западноевропейских народов того времени, например, франков. Различие между двумя рассмотренными правовыми институтами заключается в том, что в Исландии существовала дифференциация данного вида наказания (на срок 3 года и пожизненно) и его более четкая и детальная регламентация в «Сером гусе», что, видимо, было обусловлено частотой применения изгнания, в то время как в Ирландии оно могло применяться лишь в отдельных случаях за совершение некоторых преступлений, а конкретные основания его назначения преступникам не всегда очевидны в текстах древнеирландских правовых трактатов.

То, что объявление вне закона было фактически связано с изгнанием «за море», было обусловлено географическим обособленным положением этих островных сообществ и тесной связью раннесредневековых ирландцев и исландцев с морскими путешествиями (кстати, то же самое можно было бы сказать и про обитателей Меланезии и Полинезии, чьи правовые обычаи исследовал, в частности, Б. Малиновский). И древнеисландская, и древнеирландская правовые системы имели общие черты: широкое использование штрафов и компенсаций, при этом институт объявления вне закона оставался крайней мерой реакции общества и государства на преступление.

Список литературы:

1. Байок Д.Л. Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и исп. И. Свердлова. - М.: Астрель: Corpus, 2012. — 912 с.
2. Бирн М.Э. О наказании отпусканием в море [пер. Д.С. Николаев] // «И был явлен им остров...»: острова Иного мира в древнеирландской традиции. Тексты и исследования. – М.: Издательский дом ЯСК, 2023. – С. 283-292.
3. Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры / Пер. с англ. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 211-284.
4. Ошонков А.С. «Жил до седин, не убит и не изгнан»: практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах VIII–XIII вв. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studia historica juvenum. – 2014. – № 1. – С. 21-25.
5. Плавание Снедгуса и Мак Риагла (предисл., пер. и прим. Т.А. Михайловой, пер. Т.В. Шингуровой) // «И был явлен им остров...»: острова Иного мира в древнеирландской традиции. Тексты и исследования. – М.: Издательский дом ЯСК, 2023. – С. 95-104.
6. Салическая правда [пер. Н.П. Грацианского] // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т.1.: Древний мир и Средние века. – М.: Норма, 2018. – С. 395-438.
7. Самоходская К.И. Críth Gablach: трактат о статусе. Приложение. Críth Gablach (пер. с древнеирл., предисловие, коммент. К.И. Самоходской) // Средние века. № 73(3-4). М.: Наука, 2012. С. 365-408.
8. Snorri Sturluson. Mladшая Edda / ред. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Издательство «Наука», 1970. – 258 с.
9. Cain Adamnain: An Old-Irish Treatise on the Law of Adamnan / ed. and trans. by Kuno Meyer. Oxford: Clarendon Press, 1905. 59 pp.
10. Grágás. Isländernes Lovbog i Fristatens Tid, udg. efter det kongelige Bibliotheks Haandskrift og oversat / ag oversat af Vilhjálmur Finsen. Kjøbenhavn: Odense Universitetsforlag, 1974 (repr.). 536 pp.
11. Higgins N. The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and the Brehon Law // Legal Theory Practice and Education. Athens: Athens Institute for Education and Research, 2011. pp. 193-205.
12. Kelly F. A guide to early Irish law / by Fergus Kelly. Dublin : Dublin Institute for Advanced Studies, 2020 (reprint). 358 pp.

References:

1. Bayok D.L. Iceland of the Viking Age / Translated from English, French and English by I. Sverdllov. - M.: Astrel: Corpus, 2012. — 912 p.
2. Byrne M.E. On the punishment of being released into the sea [translated by D.S. Nikolaev] // "And an island was revealed to them ...": islands of Another world in the ancient Irish tradition. Texts and research. Moscow: YASK Publishing House, 2023. pp. 283-292.
3. Malinovsky B. Crime and custom in the society of savages // Malinovsky B. Selected works: Dynamics of Culture / Translated from English. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. pp. 211-284.
4. Oshonkov A.S. "He lived before the gray hairs, was not killed or exiled": the practice of "outlawing" and the phenomenon of exile in Norwegian and Icelandic societies of the VIII–XIII centuries // Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studia historica juvenum. No. 1, pp. 21-25.
5. The voyage of Snedgus and Mcriagle (preface, translation and note by T.A. Mikhailova, translation by T.V. Shingurova) // "And an island was revealed to them ...": islands of Another world in the ancient Irish tradition. Texts and research. Moscow: YASK Publishing House, 2023. pp. 95-104.
6. Salicheskyy Pravda [translated by N.P. Graziansky] // Anthology on the history of the state and law of foreign countries: in 2 volumes / ed. by N.A. Kraneninnikov. Vol. 1.: Ancient The World and the Middle Ages. Moscow: Norma, 2018. pp. 395-438.
7. Samokhodskaya K.I. Críth Gablach: a treatise on status. Application. Críth Gablach (translated from Ancient English, preface, commentary by K.I. Samokhodskoy) // The Middle Ages. No. 73(3-4). Moscow: Nauka Publ., 2012. pp. 365-408.
8. Snorri Sturluson. The Younger Edda / ed. by O.A. Smirnitckaya, M.I. Steblin-Kamensky. – L.: Nauka Publishing House, 1970. – 258 p.
9. Cain Adamnain: An Old-Irish Treatise on the Law of Adamnan / ed. and trans. by Kuno Meyer. Oxford: Clarendon Press, 1905. 59 pp.
10. Grágás. Isländernes Lovbog i Fristatens Tid, udg. efter det kongelige Bibliotheks Haandskrift og oversat / ag oversat af Vilhjálmur Finsen. Kjøbenhavn: Odense Universitetsforlag, 1974 (repr.). 536 pp.
11. Higgins N. The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and the Brehon Law // Legal Theory Practice and Education. Athens: Athens Institute for Education and Research, 2011. pp. 193-205.
12. Kelly F. A guide to early Irish law / by Fergus Kelly. Dublin : Dublin Institute for Advanced Studies, 2020 (reprint). 358 pp.

РОЖДЕНИЕ ЮРИСТА-АРХИТЕКТОРА: НОВАЯ ПРОФЕССИЯ ДЛЯ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ THE BIRTH OF THE LEGAL ARCHITECT: A NEW PROFESSION FOR THE NEW MILLENNIUM

МАХМАДИЕВ Рустам Зайниддинович,

Аспирант кафедры теории и истории права и государства

АНО ВО «Российский новый университет», экс-ведущий советник Правового департамента Минэкономразвития России, экс-главный государственный инспектор Правового управления Центрального аппарата ФАС России.

Россия, г. Москва, Радио ул., 22.

E-mail: rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

MAKHMADIEV Rustam Zayniddinovich,

Postgraduate student in the Department of Theory and History of Law and State at the Russian New University,

former leading advisor to the Legal Department of the Ministry of Economic Development of Russia,

former Chief State Inspector of the Legal Department of the Central Office of the Federal Antimonopoly Service of Russia.

Radio St., 22

E-mail: rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Краткая аннотация. В статье обосновывается тезис о системной дисфункции юридической профессии, коренящейся в отсутствии методологии практической деятельности в праве при гипертрофированном развитии методологии познания права (гносеологии). Автором вводится и обосновывается антропологическое различие двух типов профессиональной субъектности: юриста-ремесленника, для которого характерно преимущественно интуитивное и шаблонное правоприменение, и юриста-архитектора, который, действуя в частно-правовой сфере и на основе действующего законодательства, проектирует гибридные регуляторные среды, в которых право служит интегрирующим каркасом для этических, репутационных и корпоративных регуляторов, не подменяя их и не вторгаясь в зоны их эффективного автономного действия.

Abstract. This article argues for a systemic dysfunction in the legal profession, rooted in the absence of a methodology for practical legal activity (praxeology) amid the overdevelopment of a methodology for understanding law (gnoseology). The author introduces and substantiates an anthropological distinction between two types of professional subjectivity: the legal artisan, characterized by a predominantly intuitive and formulaic application of law, and the legal architect, who, operating in the private legal sphere and based on existing legislation, designs hybrid regulatory environments in which law serves as an integrating framework for ethical, reputational, and corporate regulators, without replacing them or intruding into their effective, autonomous spheres of action.

Ключевые слова: правовой антропоцентризм, юрист-ремесленник, юрист-архитектор, юрист-методолог, юрист-конструктор, правовой инжиниринг, юридическая антропология, методология, теория права, философия права.

Key words: legal anthropocentrism, lawyer-craftsman, lawyer-architect, lawyer-methodologist, lawyer-designer, legal engineering, legal anthropology, methodology, legal theory, philosophy of law.

Для цитирования: Махмадиев Р.З. Рождение юриста-архитектора: новая профессия для нового тысячелетия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_190.

For citation: Makhmadiyev R.Z. The birth of the legal architect: a new profession for the new millennium // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_190.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Ранее автором был начат дискурс о необходимости кардинального пересмотра существующей концептуальной настройки профессии юриста, что предполагает методологическое преобразование самой профессии юриста и его мышления: от юриста-ремесленника к юристу-архитектору [4, с.85-88]. Названное авторское разделение не является классификационным упражнением, а представляет собой отражение двух различных антропологических типов профессиональной субъектности и юридического мышления, лежащих в основе юридической деятельности: первый (ремесленник), не владея методологическим инструментарием и, действуя интуитивно, ориентирован на техническое механизированное применение норм (зачастую с дефектами интуитивного правотолкования) в рамках заданной догматики, а второй (архитектор), действуя в частно-правовой сфере, ориентирован на системное проектирование правовой среды (в соответствии с действующим законодательством), в которой право выступает не единственным, а интегрирующим регулятором (то есть не подменяет другие регуляторы общественных отношений, если они эффективно работают и без непосредственного вмешательства права).

Появление фигуры юриста-архитектора обусловлено необходимостью устранения критической массы внутренних противоречий в роли современного юриста и методологии юриспруденции, которые могут быть переданы в простом по своей форме, но не по содержанию вопросе: «Кто такой юрист и чем и как он должен заниматься?». Внятного ответа из существующего массива академических знаний извлечь не выйдет.

Вместо того чтобы поставить вопрос о фундаментальной методологической неопределённости профессиональной идентичности (при которой на уровне рынка компетенция юриста часто ограничивается ролью технического оператора и контроллера документооборота и процессов), юридическое сообщество чрезмерно сосредоточилось на перманентных дискуссиях о «цифровых навыках», «новых компетенциях» «soft/hard skills» и необходимости обучения работе с искусственным интеллектом. В этих дебатах, безусловно важных для сохранения иллюзии прогресса, упускается главное: никакое количество освоенных цифровых инструментов и никакая степень владения «клиентоцентричными технологиями» не способны восполнить отсутствие внятной, методологически обоснованной базисной модели самого юридического мышления и деятельности (новые виды, способы правотолкования, юридической аргументации, методология работы в условиях правовой неопределённости, методология правового прогнозирования, методология работы с иными регуляторами общественных отношений – все указанное в доктрине и практике отсутствует). Без методологии юрист остаётся ремесленником-корректором, лишь пересаженным с перьевой ручки на клавиатуру.

Таким образом, следует признать ряд ключевых положений (которые до сих пор ускользают из поля научного внимания), характеризующих системную дисфункцию самой юридической науки и подходов к интерпретации ядра юридической компетенции:

1. В правоведении при наличии развёрнутых учений о познании права (гносеология) до сих пор не выработано системного учения о деятельности в праве (праксеология), а методологический инструментарий ориентирован преимущественно на исследователя, а не на практика [3, с. 201-214]. Главный парадокс современной юриспруденции заключается в отсутствии методологии профессиональной деятельности юриста.

Г. Харт в «Понятии права» точно подметил: такого количества литературы, как литературы по вопросу «Что есть право?» не имеется в других дисциплинах, ведь никто не спрашивает: «Что есть химия?» или «Что есть медицина?» [6, с. 9]. Это подчёркивает гносеологическую направленность юриспруденции: она учит отвечать на вопрос «Что это?», а не на вопрос «Как это сделать?».

2. В массовом правосознании и корпоративных практиках устойчиво воспроизводится профанное понимание юриста как технического корректора текстов или страховщика рисков на завершающем этапе документооборота, что подкрепляется отсутствием в юридической науке альтернативной антропологической модели профессионала и является следствием описываемого методологического вакуума профессии. Отсутствие методологически обоснованного ядра профессиональной компетенции юриста привело к реальному размыванию профессиональной идентичности, при котором юридическая деятельность всё чаще подменяется юридико-технической работой с текстами (вычитка, правка), зачастую доступной лицам и без специального образования и алгоритмизируемым системам искусственного интеллекта.

3. Современная правовая реальность характеризуется множественностью нормативных порядков, регуляторов общественных отношений (и право не является единственным и всегда доминирующим регулятором). Однако юридическим сообществом до сих пор не выработана методология, позволяющая юристу выступать в роли интегратора различных регуляторов общественных отношений (этических, репутационных, etc.), не подменяя их правом и не игнорируя их регулятивный потенциал. Напротив, классическая методология по-прежнему ориентирует юриста либо на правовой экспансионизм (стремление заменить все иные регуляторы правом), либо на их игнорирование, что в обоих случаях ведёт к снижению эффективности правового регулирования в сложных, гибридных общественных отношениях.

4. Существующие образовательные стандарты ориентированы на трансляцию энциклопедического знания позитивных норм (закрепленных преимущественно в законодательном акте), а не на формирование навыков правотолкования [5, с. 3] проектирования и работы в условиях правовой неопределённости, что порождает методологически беспомощного перед нетиповыми задачами специалиста.

5. Многовековое присутствие в концепциях правопонимания дуализма юридического позитивизма (отождествление права с лишь нормативным текстом и аппаратом принуждения при игнорировании его ценностного и регуляторного многообразия) и либертарного юснатурализма (апелляция к абстрактным ценностям без алгоритмов их конкретизации и реализации) не позволяет сформировать непротиворечивый образ содержания профессиональной юридической деятельности.

6. Рыночная модель юридических услуг, основанная на почасовой (абонентской) оплате и реактивном обслуживании, исчерпала свой потенциал, тогда как бизнес испытывает запрос на проектирование локальных правовых систем, обеспечивающих устойчивость развития, конкурентные преимущества и превентивно нивелирующих риски для бизнеса.

Как было упомянуто, юридической доктриной, вобравшей в себя за тысячелетия опыт интерпретации и комментирования позитивного права (иными словами, законов), до сих пор не выработана праксеологическая методология профессии юриста, которая бы дала инструментарий работы с правом как комплексным явлением (а не только законами) и другими регуляторами общественных отношений. Существующие учения, составляющие раздел правовой науки о методологии права, являются комплексом учений гносеологической направленности, имея сосредоточенность на описании приемов процесса познания правовых явлений, а не работу с ними на практике. Фрагментарность методологии права как раздела науки, предоставляющего инструментарий скорее для ученого, нежели практика, в том или ином виде уже была предметом внимания различных ученых [3], хотя и не является до сих пор осознаваемым и признаваемым юридическим сообществом положением. Хотя именно в этой истине кроется корневая причина снижения качества юридической деятельности и правосознания в обществе

История европейской правовой методологии от, условно, Ф. Савиньи, Б. Виндшейда и Г. Кельзена до Г.В. Чичерина, В.М. Сырых, К. Ларенца, К. Канариса и Н. Лумана убедительно демонстрирует, что доминирующей парадигмой в юриспруденции было познание права (гносеология), а не проектирование правовых систем (праксеология). Даже наиболее радикальные критики догматизма как, например, Т. Фивег с его «Толикой юриспруденции» [8] или К. Ларенц [7] с его герменевтикой, оставались в пределах вопроса о том «как право познается и интерпретируется», не выходя к проблеме «как право конструируется и проектируется юристом». Исключения, например, в виде провоцирующих острые дискуссии школы «права и экономики» или «юридического реализма» в США, лишь подтверждают правило: европейская континентальная традиция методологии права оказалась эпистемоцентричной, что и привело к кризису, который, считаем, необходимо преодолевать посредством антропологического поворота к фигуре юриста-созидателя (юриста-архитектора).

Основу его компетенции составляет не столько энциклопедическое знание норм и навыки их догматического толкования, сколько способность к системному проектированию правовых режимов в рамках действующего законодательства, правовому прогнозированию, интеграции правовых инструментов и доктрин в бизнес-архитектуру и технологическую среду, а также к работе с пространством свободной правовой деятельности. Это касается ситуаций, характеризующихся в качестве правовой неопределенности, которую следует использовать как конструктивный ресурс юридического творчества (конечно, не подменяя компетенцию законодателя), а не рассматривать как препятствие движению вперед.

Следует учесть и то, что формирование новой профессии юриста-архитектора позволит решить главный вопрос, исторически расколовший правовую науку на два враждующих лагеря: противостояние легизма (позитивизма), отождествляющего право с текстом закона и государственным принуждением, и юснатурализма, апеллирующего к абстрактным ценностям и моральным императивам вне их процедурной конкретизации.

Действительно, концепция догматического юридического позитивизма, при которой значение права и правоприменения сводится лишь к субсумпции (подведению факта под готовую норму), более не может служить эффективным инструментом в условиях правовой неопределенности, технологических сдвигов и появления гибридных регуляторных режимов (платформы, цифровые экосистемы, смарт-контракты). Равно и либертарные и юснатуралистские концепции, апеллирующие к абстрактным ценностям (справедливость, добросовестность) вне процедур их

конкретизации, не дают практику пригодного инструментария для разрешения реальных конфликтов. Требуется поиск нового пути в праве для преодоления этого методологического разрыва. Таким путем выступает не эклектичное смешение позитивизма и юснатурализма, а смена самой оптики: переход от гносеологического вопроса «что есть право?» к праксеологическому вопросу «как право работает в связке с другими регуляторами?». Новый путь, который предлагается охарактеризовать в качестве пути правового антропоцентризма, ознаменует рождение новой профессии для нового тысячелетия – юриста-архитектора, проектирующего регуляторную среду, в которой право, этика, репутация, рынок, религия, культура и другие регуляторы общественных отношений действуют согласованно и непротиворечиво.

Путь правового антропоцентризма устранил необходимость самой постановки вопроса о выборе между правом и иными социальными регуляторами (этикой, обычаями, корпоративными нормами, репутацией, рыночными практиками), так как в основе этого пути лежит не приоритет одного регулятора над другим, а принцип их функциональной интеграции. В частно-правовой сфере юрист-архитектор проектирует среду, в которой каждый из регуляторов действует в своей зоне, не вступая в конфликт с другими, а право выполняет роль связующего каркаса (хотя право и выступает в качестве доминирующего регулятора, так как его природа и сила имеет особый государственно-властный характер). Вместе с тем в такой среде дилемма «право или мораль» снимается, поскольку её заменяет вопрос «как сконструировать правовую рамку, чтобы этика работала без подмены её правом, а право не подавляло этику или другие регуляторы, если это соответствует законным интересам всех участников общественных отношений».

Nota bene. Функциональная составляющая компетенции юриста-архитектора не будет сведена к приданию правовых форм другим регуляторам, так как это означало бы не интеграцию, а поглощение в виде подмены этики, репутации или корпоративных норм юридическими санкциями, что в свою очередь и ведёт к правовому экспансионизму и тотальному контролю в виде господства юридического позитивизма и нормативизма.

Иными словами, архитектор не делает этику обязательной под угрозой штрафа, что атрофировало бы её значение как самостоятельного регулятора. Юрист-архитектор должен овладеть методами работы с регулируемой средой, которые бы позволили ему сделать таким образом, чтобы нарушение, к примеру, этической нормы (важно: не правовой) становилось видимым, репутационно затратным или экономически невыгодным (без единой правовой санкции). Иными словами, квинтэссенция его компетенции в умении встроить автономные регуляторы в правовой каркас, не разрушая их автономии и не подменяя их правом.

Для претворения концепции юриста-архитектора в жизнь следует разработать методологический аппарат профессии, наполненный антропологическими установками, поскольку их недостаточная интегрированность в практику профессиональной деятельности:

- делает невозможным развитие навыка юриста по работе с иными регуляторами общественных отношений при формировании правовых режимов. Юрист работает с правом и в праве, как бы игнорируя иные регуляторы общественных отношений в процессе юридизации тех или иных сфер общественной жизни. Спекуляции на предмет необходимости внедрения в юридическую практику и науку междисциплинарного подхода предполагают лишь приглашение (условных) медиков, культурологов, экономистов, etc. «обменяться мнениями», т.е. для профформы. Описываемый в настоящей статье подход к экспликации компетенции юриста-архитектора не является очередной прокламацией вульгарной сентенции о необходимости внедрения междисциплинарного подхода. Необходимо вести речь о создании методологии работы юриста-архитектора по приведению в сбалансированное сочетание права с другими регуляторами общественных отношений (этики, морали, деловых стандартов, культурных, экономических тенденций и т.д.) при сохранении последними их автономии тогда, когда это эффективно;

- оставляет без осмысления в инструментальном контексте правовой плюрализм, характерный для современной реальности; устраняет ценностное (аксиологическое) измерение из методологического аппарата (методология заточена под государственное позитивное право, игнорируя обычаи, корпоративные нормы, цифровые протоколы, *soft law*). Выражаясь точнее, безусловно, современная юридическая наука располагает развёрнутыми теоретическими учениями о правовом плюрализме, об аксиологии права, об обычаях, корпоративных нормах, *soft law* и цифровых протоколах как источниках правового регулирования. Однако эти учения по-прежнему носят преимущественно гносеологический характер: они лишь описывают, объясняют, классифицируют [1, с. 87-89]. Они не трансформировались в праксеологический инструментарий, то есть в систему методов, приёмов и алгоритмов, позволяющих юристу-практику системно, рутинно и прогнозируемо работать с этими феноменами как с материалом для конструирования правовых систем, а не только как с объектами теоретического осмысления.

К примеру, на вопрос о возможности использования обычаев в гражданских правоотношениях рядовой юрист без затруднений, сославшись на статью 5 Гражданского кодекса Российской Федерации, может ответить, что вправе использовать их в своей практике. Однако затруднения в ответе появляются на этапе следующего вопроса: «Опишите ваш методологический алгоритм: как вы выявляете обычай, доказываете его, встраиваете в договорную конструкцию, прогнозируете, примет ли его суд?». Вместо алгоритма юрист-ремесленник, как правило, снова воспроизводит общие рассуждения о допустимости обычая в гражданском праве или ссылается на отдельные прецеденты его признания судами. Целостной, воспроизводимой процедуры работы с обычаем (от его идентификации до включения в правовую конструкцию) у него нет.

Ещё более показательной будет являться реакция на вопрос: «Как вы встраиваете в правовую конструкцию ценность (например, добросовестности, справедливости, разумности)?». Здесь ремесленник, как правило, либо апеллирует к общим принципам права, либо вовсе уходит в философские рассуждения, не имеющие выхода к конкретному юридическому решению. Ни алгоритма, ни метода, ни инструментария;

- не позволяет учесть национально-культурный контекст функционирования правовых институтов;
- редуцирует антропологическое измерение к упрощенной психологии (субъектный фактор сводится к упрощенной психологии без учета ритуалов, символов, нарративов, идентичностей, ввиду чего знания о факторах естественной юридизации общества не учитываются в процессе правотворческой деятельности в полной мере);

- оставляет открытым вопрос об антропологической модели самого юриста, т.е. о том, какой тип профессиональной субъектности не-

обходим в условиях XXI века.

Новизна подхода заключается не в наделении иных регуляторов юридической силой (в таком случае они приобретают характер права), а в таком проектировании правовых конструкций, при котором они не вступают в конфликт с другими регуляторами общественных отношений и не подавляют их, стремясь найти взаимное согласование неотъемлемых интересов личностей, из которых и формируется общество и общественные отношения. Юрист-архитектор не всегда переводит этику, мораль, традиции или корпоративные нормы в разряд правовых требований. Он создаёт правовую рамку, внутри которой они могут действовать взаимно, автономно, без подмены и без принуждения. Это требует от юриста выхода за пределы привычной рамки регулирования (создания нормы с тремя элементами – гипотезой, диспозицией, санкцией).

В строительной архитектуре фундаментальные законы физики (гравитация, сопротивление материалов, термодинамика) не воспринимаются как ограничение свободы творчества. Напротив, именно знание этих законов позволяет архитектору проектировать устойчивые и безопасные конструкции, которые не вступают в конфликт с физической реальностью, а существуют внутри неё. Аналогичным образом юрист-архитектор рассматривает законодательство в качестве несущего каркаса, границы которого известны, предсказуемы и именно потому позволяют проектировать внутри них (в частно-правовой, диспозитивной сфере) гибкие регуляторные среды, где право не подавляет иные социальные регуляторы, а служит опорой для их согласованного действия.

Предлагается следующая формула деятельности юриста-архитектора, действующего строго в рамках законодательства и в сфере частно-правовых (диспозитивных) отношений.

На первом этапе юрист-архитектор осуществляет диагностику регуляторной среды (к примеру, работая в бизнесе и, по сути, проектируя правовую систему локального (корпоративного) сообщества), выявляя присутствующие регуляторы общественных отношений (право, этика, мораль, деловые стандарты, репутационные механизмы, etc.), оценивая их фактическую эффективность и определяя границы права в виде зон, где правовая норма формально существует, но де-факто применяется с затруднением (правовая коллизия, отсутствие правоприменительной практики, etc.).

На втором этапе на основании проведённой диагностики он принимает решение:

если иные регуляторы общественных отношений (помимо права) действуют эффективно и не создают конфликтов или рисков прямого нарушения правовых норм, юрист-архитектор допускает их автономное функционирование, не вторгаясь в их зону правовыми средствами (договорными конструкциями и прочим);

если иные регуляторы неэффективны, он проектирует регуляторную среду с измеримыми критериями эффективности действия регуляторов (непротиворечие действующему законодательству, прозрачность, информированность о последствиях, обратимость последствий, репутационная видимость для участников общественных отношений, etc.), которая делает нарушение этических или корпоративных норм репутационно затратным без введения правовых санкций;

если же проектирование такой среды невозможно (никакие регуляторы неэффективны и может помочь лишь правовое регулирование) или среда не сработала, архитектор переходит к правовому регулированию (к созданию договорных конструкций и локальных нормативных актов, а в необходимых случаях – к использованию механизмов государственно-властного принуждения). При этом правовое регулирование не становится основным инструментом, а вводится адресно и пропорционально выявленному дефекту регуляторной среды, исключая избыточную юрисдикцию отношений, которые могут быть урегулированы иными средствами.

Правовой антропоцентризм не есть заимствование западных концепций, но возвращение к исконно российской цивилизационной традиции и национально-культурным интересам, где закон служит инструментом утверждения справедливости и достоинства личности. Именно такой подход способен укрепить доверие граждан к праву и государству.

Таким образом, юрист-архитектор – это специалист по соединению различных регуляторов общественных отношений в единое целое (звено), где они действуют автономно и не поглощают друг друга. Он – антропоцентристский интегратор регуляторов общественных отношений, в которых право выполняет связующую роль, удерживая разные регуляторы в общей сбалансированной системе.

Список литературы:

1. Вакула А.И., Парковская М.И. Обычай в гражданском праве: признаки и классификация // ЮП. 2015. №6 (73). С. 87-89.
2. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права = Предмет, функции, проблемы философии права [Текст] : [монография] / Д. А. Керимов. - 6-е изд. - Москва : Изд-во СГУ, 2011. - 520 с. С. 92-93.
3. Лукич. Р. Методология права / Радомир Лукич; Пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. - Москва : Прогресс, 1981. - 304 с.; 20 см. С. 201-214.
4. Махмадиев Р.З. От юридического сопровождения к правовому проектированию: юристы-ремесленники и юристы-архитекторы (проблемы методологии и правовой антропоцентризм) // Евразийский юридический журнал. 2025. № 12 (211). С. 85-88.
5. Ротань В.Г. Новейшее учение о толковании права : (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография : [16+] / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Чертова ; Севастопольский государственный университет. - Симферополь : [б. и.], 2019. - 782, [8] с.;
6. Харт Г.Л.А. (1907-1992). Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева ; [пер. с англ. Е. В. Афонасина и др.]. - Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. - 300 с.
7. Larenz K., Canaris Cl.-W. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. — Berlin : Springer Verlag, 1999. — 340 S.
8. Viehweg Th. Topik und Jurisprudenz. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Grundlagenforschung. München : Becksche Verlagsbuchhandlung, 1953. 75 S.

References:

1. Vakula A.I., Parkovskaya M.I. Custom in Civil Law: Features and Classification // Juridical Personnel. 2015. No. 6 (73). Pp. 87-89.
2. Kerimov D.A. Methodology of Law. Subject, Functions, Problems of the Philosophy of Law = Subject, Functions, Problems of the Philosophy of Law [Text]: [monograph] / D. A. Kerimov. - 6th ed. - Moscow: Saratov State University Publishing House, 2011. - 520 p. Pp. 92-93.
3. Lukich, R. Methodology of Law / Radomir Lukich; Translated from Serbo-Croatian by V. M. Kulistikova. - Moscow: Progress, 1981. - 304 p.; 20 cm. Pp. 201-214.
4. Makhmadiev R.Z. From legal support to legal design: lawyers-craftsmen and lawyers-architects (problems of methodology and legal anthropocentrism) // Eurasian Law Journal. 2025. No. 12 (211). P. 85-88.
5. Rotan V.G. The latest doctrine on the interpretation of law: (based on materials from civil and other branches of law): monograph: [16+] / V.G. Rotan, O.E. Sonin, Yu.V. Chertkova; Sevastopol State University. - Simferopol: [b.i.], 2019. - 782, [8] p.;
6. Hart G.L.A. (1907-1992). The concept of law / G.L.A. Hart; under the general ed. E. V. Afonagina, S. V. Moiseeva; [translated from English by E. V. Afonagina et al.]. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2007. - 300 p.
7. Larenz K., Canaris Cl.-W. Methods of Legal Studies. - Berlin: Springer Verlag, 1999. - 340 p.
8. View Th. Topic and Jurisprudence. A Beitrag zur wissenschaftlichen Grundlagenforschung. - Munich: Becksche Verlagsbuchhandlung, 1953. - 75 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА INTERACTION OF LEGAL REGIMES THROUGH THE PRISM OF SYMBOLIC INTERACTIONISM

МЕТЕЛЬКОВ Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России».

Московский пр-т, 149, Санкт-Петербург, 196105, Россия.

ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru;

METELKOV Alexander Nikolaevich,

candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Applied Mathematics and Information Technology Security,

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia.

149, Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, 196105, Russia.

ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru

Краткая аннотация: Целью работы является рассмотрение идей символического интеракционизма в качестве одного из подходов интегрального понимания проблемы взаимодействия правовых режимов. В основе коммуникации различных правовых явлений лежат правовые тексты и их значения как символические посредники социального взаимодействия. Содержанием взаимодействия является процесс интерпретации человеком действий различных объектов, включая правовые тексты, которые сами по себе не имеют смысла, но наполняются им людьми. Изучение символического интеракционизма и теоретических пробелов в отдельных элементах этого научного направления позволяет выделить конструктивные идеи данной концепции для использования их в качестве одной из теоретических опор с целью углубления понимания феномена взаимодействия правовых явлений с позиций интегрального подхода.

Abstract: The purpose of this paper is to examine the ideas of symbolic interactionism as one approach to an integrated understanding of the interaction of legal regimes. Communication of various legal phenomena is based on legal texts and their meanings as symbolic mediators of social interaction. The content of interaction is the process of human interpretation of the actions of various objects, including legal texts, which in themselves have no meaning but are imbued with meaning by people. A study of symbolic interactionism and the theoretical gaps in individual elements of this academic field allows us to identify constructive ideas within this concept for use as a theoretical foundation for deepening our understanding of the interaction of legal phenomena from an integrated perspective.

Ключевые слова: взаимодействие, символ, правовой режим, совокупность, правопорядок.

Keywords: interaction, symbol, legal regime, totality, legal order.

Для цитирования: Метельков А.Н. Взаимодействие публично-правовых и частноправовых режимов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 194-197. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_194.

For citation: Metelkov A.N. Interaction of legal regimes through the prism of symbolic interactionism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 194-197. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_194.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В процессе обеспечения правопорядка право «взаимодействует со всеми социальными» [1, с. 181], моральными и религиозными нормами, обычаями. Внутри права как системы также происходят различные взаимодействия между ее различными элементами. В праве отражается принцип неразрывности материи и движения, который проявляется в обретении юридической нормой действительности только в процессе применения. Действие права означает его системное функционирование [2, с. 15]. Во взаимодействии субъектов права, наделенных полномочиями введение правовых режимов, представляет научный интерес исследование того, как самовосприятие одного субъекта права меняется в зависимости от ситуации и восприятия Другого субъекта права, влияя на их выбор набора юридических средств, образующих правовой режим. В правовом режиме как в нормативном образовании реализуется функционально-целевая характеристика права. Несмотря на определённую обособленность правовых режимов в одних и тех же пространственно-временных условиях они взаимодействуют друг на друга. Правовое взаимодействие, по мнению Р. А. Ромашова, является формой межсубъектной коммуникации, в которой происходит превращение правовой информации в правовое поведение. Такое взаимодействие содержит «не только субъективные юридические права и обязанности, но и действия участников по их приобретению, изменению, прекращению, а также деятельность по их осуществлению» [3, с. 25-32]. К признакам правового взаимодействия В.Ю.Панченко причислил отличительные черты «субъектного состава, наличие правовой ситуации как среды и объекта правового взаимодействия, а также структурно-содержательных признаков, отражающих специфику взаимного обмена правовыми деятельностями» [4, с. 40].

Безусловно, что действие права, включая входящие в него правовые режимы, непосредственно или опосредовано «возможно только через субъектов» [5, с. 428]. Право, как писал Н.Н. Алексеев, является продуктом «человеческой головы, родившийся вместе с человеком и вместе с ним обреченный на смерть» [6, с. 55]. Субъект мыслится «как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности» [6, с. 72] и объединяющий в себе активное, деятельное (субъект – личность, осознающая свои правовые интересы, обладающая волей, совершающая правовые акты) начало с общепризнанной и охраняемой правопорядком ценностью.

Углублению понимания взаимодействия правовых режимов через действующих субъектов и используемых ими совокупности правовых средств помогает обращение к теории социального взаимодействия – символического интеракционализма (symbolic interactionism, SI), который является одной из теоретических основ социологии, предлагая глубокое понимание процесса создания и согласования людьми смысла посред-

ством взаимодействий. Этот подход исследует способы, формирующие субъективное понимание реальности и влияющие на социальное поведение через символы, язык и взаимодействия. Социологами теория SI рассматривается в качестве методологической основы для создания теоретических моделей, интерпретирующих общество как результат рутинных межличностных взаимодействий на микроуровне. SI обычно обсуждается как универсальная теоретическая основа для всех социологических областей исследования. Теория SI признает принцип значения как центральный элемент человеческого поведения. Поэтому важным является рассмотрение доминирующих взглядов представителей этого научного направления.

В социологии SI основное внимание уделяется идее о том, что люди действуют, исходя из значений, которые для них имеют те или иные вещи. В рассматриваемом аспекте правовая мысль воплощается в действие посредством словосочетаний в виде правой нормы. Коммуникации в праве пересекаются с предметом, рассматриваемым SI.

Теория SI признает принцип значения как центральный элемент человеческого поведения. Значения возникают в результате социальных взаимодействий, интерпретируются и изменяются по мере взаимодействия индивидов друг с другом. Концепция SI подчеркивает, что реальность конструируется посредством коммуникации и интерпретации, а не определяется объективно. Социологическая концепция SI как укоренившееся в культуре и усвоенное явление иллюстрирует различные значения, которые люди придают объектам, взаимодействиям и людям, а также соответствующее поведение, отражающее этот диапазон интерпретаций.

Индивид и общество взаимозависимы и развиваются посредством общих смыслов. Смысл, язык и мышление являются принципами SI, как одной из парадигм социологических исследований и полезного инструмента для изучения не только общества, но и правового взаимодействия. Следует отметить, что и в систему права Р. Иеринга были включены «результаты мыслительной переработки правового материала, логические конструкции, другие интеллектуальные плоды юридической науки» [7, с.9] наряду с созданными законодателем «правовыми телами», правовыми положениями. SI прежде всего нацелен на осмысление себя и социальных ролей и делает акцент на изучении взаимоотношений, что отличает его от социального конструктивизма, направленного на исследование процесса осмысления мира людьми посредством языка. В отличие от структурного функционализма или теории конфликта SI работает на микроуровне. Он фокусируется не на институтах или системах, а на генезисе создания и поддержания людьми смысла. Это ограничивает его способность объяснять крупномасштабные тенденции, но позволяет анализировать личный опыт субъектов права и динамики малых групп. В социологии SI также проявляется в цифровой жизни. Эмодзи, лайки и репосты — это современные символы, несущие в себе смысл, выходящий за рамки их визуальной простоты.

Концепция интеракционизма в социологии сталкивается с рядом критических возражений, имеющих методологическое значение. Теории социального действия ценны для понимания индивидуального смысла и повседневного взаимодействия, однако критики утверждают, что они игнорируют большие социальные структуры, определяющие жизнь людей. Одним из высказываемых замечаний (так называемое возражение принцессы Богемии Елизаветы) в отношении интеракционизма является проблема объяснения причинно-следственного взаимодействия постулируемых теорией двух различных ментальной и физической субстанций, которые могут оказывать влияние друг на друга. Данной теории инкриминируется субъективный характер научного познания, обусловленный спецификой исследовательского подхода. В основе познавательной практики интеракционистов лежит принцип рассмотрения социальных интеракций с позиции внешнего наблюдателя (*ex tertio*), что влечёт за собой зависимость интерпретации от субъективных установок исследователя, потенциальную релятивность выводов относительно наблюдаемых социальных феноменов, ограниченность возможности верификации полученных данных в силу отсутствия объективных критериев оценки. Теорию SI критикуют также за недостаточный охват исследуемых социальных явлений, что проявляется в акценте на микроуровне социальных взаимодействий, игнорировании макросоциальных структур и институциональных детерминант поведения, отсутствии системного анализа взаимосвязи между индивидуальными актами коммуникации и общественными процессами. Ключевые изъяны интеракционизма сводятся к проблематичности обеспечения научной объективности и ограниченности объяснительного потенциала теории в контексте комплексного исследования социальной реальности.

В теории SI не принимается во внимание влияние конкретных исторических и социально-экономических условий на формирование личности-субъекта права, не учитывается бессознательное и эмоции как факторы, влияющие на поведение индивидов, а также пренебрегаются потребности, мотивы, намерения и стремления. Однако несмотря на критику SI представляет интерес для раскрытия некоторых аспектов теории взаимодействия правовых режимов.

SI остается влиятельным и сохраняет актуальность в современной социологии. Шенк и Холман утверждают, что SI — это динамическая теория. Согласно этой концепции, объекты обладают собственными значениями, а индивиды формулируют свою деятельность в направлении своей самооценки, а также оценки окружающих их людей и объектов. Таким образом, социальные акторы придают объектам смысл [8, с.902].

Символический интеракционизм — теоретико-методологическое направление в рамках американской и западноевропейской социологической науки, фокусирующееся на исследовании символических посредников социального взаимодействия. Известны три основные школы SI — Чикагская (Блумер), Айовская (Кун) и Индианская (Страйкер). Среди недостатков Чикагской школы выделяют неопределённость понятий из-за невозможности эмпирического исследования их природы, а в Айовской школе представляются упрощёнными и механизированными методы исследования. Теория SI развивалась в свете идей теоретиков Дьюи, Кули, Паркса, Мида и других ученых. С позиций теории права, при наличии доктринальных расхождений в интерпретации отдельных аспектов, представители интеракционистского подхода единообразно признают, что генезис соответствующих правовых данных (информации, норм, смыслов) обусловлен феноменом социального взаимодействия субъектов. В начале XX в. в американской социологической школе была сформулирована социолого-психологическая теория «Зеркального Я» (англ. *Looking-glass self*), значимая для понимания функционирования общественной детерминации личности. Смысл концепции заключается в том, что самоидентификация индивида формируется посредством рефлексии представлений о восприятии его иными субъектами социального взаимодействия. В процессе социализации личность

аккумулирует информацию из внешней среды, причём другие индивиды выполняют функцию специфического «зеркала», при помощи которого субъект конструирует собственный образ, постоянно приводя в процессе ряда его итераций к желаемой модели. Эта теория оказала определяющее влияние на становление SI — междисциплинарного научного направления, интегрирующего теоретические подходы социологии, психологии, культурологии и антропологии. В рамках этого направления исследуются символические механизмы социального взаимодействия — способы коммуникации и взаимопонимания, выстроенные с помощью знаков, символов и интерпретаций. Основателем теории является профессор Мичиганского университета Ч.Кули (1864–1929). В своих взглядах Кули стремился преодолеть дуализм «индивид — общество», выявив систему социально-правовых связей, опосредующих взаимодействие между ними. Согласно его подходу, общество выступает первопричиной формирования личности, а индивиды оказывают активное воздействие на социальную среду, участвуя в её конструировании. Концепция «Зеркального Я» и её развитие в рамках SI позволяют раскрыть правовые и социальные аспекты формирования личности как субъекта общественных отношений, демонстрируя взаимосвязь индивидуального самосознания и коллективных представлений.

В границах социально-психологического и правового анализа правовое самосознание личности концептуализируется как системное образование, включающее совокупность юридически значимых идентичностей, нормативно определённых социальных ролей и аксиологических установок, формируемых человеком в отношении самого себя как участника правоотношений. Представления субъекта права о себе строятся посредством внутреннего диалога, который субъект ведёт сам с собой, имея в виду определённые социальные ситуации, юридические факты, и действующих лиц. Теория «зеркального Я» уподобляет этот процесс изучения своей внешности в зеркале, то есть человек наблюдает за собой в зеркале и представляет, как он выглядит в глазах других, предвидит их суждение, что вызывает эмоциональную реакцию[9, с.101-102].

Важную роль в развитии символического интеракционизма сыграл представитель Чикагской социологической школы Джордж Герберт Мид (1863–1931). Будучи интеллектуальным преемником Кули, Мид обогатил концепцию «Зеркального Я». В центре его научного мировоззрения находилось представление о социальной природе «Я» — идее о формировании идентичности индивида под воздействием социальной реальности. Ключевым механизмом социализации Мид считал символическое взаимодействие, в рамках которого коммуникация осуществляется посредством вербальных знаков (языка), невербальных символов (жестов), культурно обусловленных знаков (символов, ритуалов и артефактов). Один из основателей Чикагской школы символического интеракционизма Герберт Блумер утверждает, что неотделимую черту человеческой групповой жизни представляют «язык, деятельность, взаимодействие и познание»[10, с.16]. Теория, синтезированная Блумером, опирается на трех базовых положений: — люди действуют по отношению к вещам (объектам, людям, ситуациям) на основе значений, которые эти вещи имеют для них; — эти значения возникают в результате социального взаимодействия с другими; — значения изменяются посредством интерпретационного процесса, используемого индивидами для взаимодействия со своей средой. В представлении Блумера понятие вещей охватывает физические объекты живой и неживой природы, институты, идеалы, действия.

К взаимодействию правовых режимов можно теоретически применить идею связи, нашедшую отражение в SI и этнометодологии Г. Гарфинкеля. Социальная реальность приобретает ясные очертания в результате интерпретаций и практических действий индивидов в конкретной ситуации. Этнометодология как направление в социологии изучает обыденные нормы, правила поведения, смыслы языка в рамках повседневного социального взаимодействия. Направление коррелирует с культурологией и социальной психологией. Согласно теории символического взаимодействия жизнедеятельность людей происходит в естественной и символической среде. Значения в теории SI признаются социальными творениями, создающимися в ходе и посредством деятельности определения, осуществляемой взаимодействующими людьми[10, с.42]. В основе SI лежит ряд базовых идей, которые «обозначают и выражают природу таких вещей, как человеческие группы или общества, социальное взаимодействие, объекты, человек как актор, человеческое действие и взаимосвязь линий действия»[10, с.43].

Символический интеракционизм родоначальника современных учений о социальном действии М. Вебера, известный как «теория социального действия» постулирует, что общество является продуктом деятельности людей, и при анализе состояния общества следует сосредоточиться на социальном взаимодействии. Вебер рассматривает совершение социального действия как итог его обдумывания и определяет действие, независимо от направленности вовне или внутрь субъективного мира личности как «поведение, с которым действующий индивид или индивиды связывают субъективно полагаемый смысл»[11, с.122].

Ключевым теоретиком SI наряду с Мидом является Ирвинг Гоффман. Идеи Мида о «зеркальном Я» были им развиты в рамках драматургического подхода к анализу межличностного взаимодействия. Социолог анализировал сценическую постановку человеческих микровзаимодействий. В 1982 г. на собрании Американской социологической ассоциации Гоффман представил концепцию «порядка взаимодействия» (interaction order), опубликованную в журнале *American Sociological Review* в 1983 г. в виде эссе под названием «Порядок взаимодействия: Американская социологическая ассоциация, президентское послание 1982 года». В своей работе мыслитель сформулировал лаконичное видение трактовки личного взаимодействия как отдельной и аналитически автономной области исследования в рамках социологии. Гоффман выступал за аналитическое отделение порядка взаимодействия от микроуровневой индивидуальной психологии и от макроуровневых социальных структур. Личное взаимодействие, по его мнению, является самостоятельной областью, порождаемой социальными ситуациями, в которых индивиды присутствуют в непосредственном физическом присутствии других. Гоффман определил как слабую связь между порядком взаимодействия и более крупными социальными структурами. Хотя взаимодействия организуются макроструктурными моделями, они не полностью сводятся к ним, и порядок взаимодействия имеет свои собственные организующие принципы. Порядок взаимодействия строится вокруг систем соглашений, которые обеспечивают основу социального порядка, не обязательно полагаясь на явные социальные контракты или консенсус. Успех этих взаимодействий зависит от общей основы когнитивных предпосылок и самоподдерживающихся ограничений. В рамках теоретико-правового анализа

Гоффман [12, с.5] выделяет две концептуальные модели регулирования социальных взаимодействий: догматическую модель конвенционального регулирования и модель нормативного консенсуса. Суть догматической модели конвенционального регулирования заключается в том, что совокупное действие системы соглашений порождает позитивный эффект. Участники правоотношений несут минимальные издержки, получая при этом существенную инструментальную выгоду. Ключевым тезисом данной модели является положение о том, что любая норма, оптимизирующая координацию действий субъектов, признается приемлемой в случае обеспечения её соблюдения. При этом отмечается отсутствие сущностной ценности отдельных соглашений. Значимость таких соглашений определяется прагматическими критериями эффективности, а не автономным нормативным содержанием. Данный подход коррелирует с классическим определением договоров как инструментальных правил координации, лишённых самостоятельной ценностной нагрузки. В основе модели нормативного консенсуса лежит социологически ориентированный подход, рассматривающий упорядоченное взаимодействие субъектов в качестве результата имплицитного принятия существующих норм как объективно заданных и восприятия этих норм в качестве имманентно справедливых, даже при отсутствии рефлексивного осмысления их содержания. В рассматриваемой модели регулятивный эффект достигается через коллективное признание легитимности правил, а не через рациональный расчёт выгод. Общими предпосылками обеих моделей являются субъективные предположения, что применяемые к другим регулятивные требования распространяются и на них самих, а также ожидание того, что иные участники разделяют аналогичное понимание допустимых границ поведения. Кроме того, субъекты осознают и признают необходимость добровольного ограничения собственной автономии для соблюдения норм.

Критические аспекты данных подходов проявляются в том, что факт соблюдения соглашений не позволяет делать выводов о признании их легитимности или справедливости, внутренней ценностной приверженности конкретным нормам. Выделяется также неоднородность оснований согласия субъектов с действующими соглашениями, которая может базироваться на утилитарных расчётах, привычке, страхе санкций, иных мотивах, не связанных с ценностным принятием норм. Существуют и риски иллюзорного консенсуса, так как внешняя поддержка конвенций не гарантирует устойчивости при попытках их модификации и отсутствии скрытого сопротивления. Выделяется также эффект смешанных мотивов. За фасадом коллективного согласия может скрываться конфликт интересов, концептуальное поведение субъектов, ситуативная адаптация к нормам без их внутреннего принятия. Следовательно, модели интерпретации конвенций как продукта нормативного консенсуса сталкиваются с проблемой разрыва между формальным соблюдением правил и подлинной легитимацией нормативного порядка.

Развитие классических типов правопонимания подготовило почву для их синтеза в рамках современных научных взглядов, включая представления о SI. В основе SI лежит идея социального конструирования реальности. В субъективном представлении реальность формируется совместно членами общества, включая субъектов права. Иначе, правовые нормы обладают правовым содержанием и объективной действительностью потому, что субъекты права определяют их таковыми посредством взаимодействия. Социологическая концепция SI исследует процесс извлечения людьми смысла из своего взаимодействия с объектами, включая правовые тексты, другими людьми (в том числе субъектами права) и своим окружением, выделяя субъективные интерпретации, воздействующие на человеческое поведение. В основе этой теории лежит утверждение, что смыслы появляются в процессе социального взаимодействия и усваиваются в процессе социализации. Главные идеи включают в себя «зеркальное Я», где люди формируют восприятие себя на основе их представлений о том, как их видят другие, и иллюстрирующее как ожидания могут моделировать поведение и результаты. Посредством взаимодействия конструируется социальная реальность, в том числе правовая.

Для понимания взаимодействия правовых режимов плодотворным представляется использование положений концепции символического интеракционизма о взаимосвязи между порядком взаимодействия и социальным порядком, заключающихся в исследовании взаимодействия субъектов права с другими субъектами через правовые тексты. Несмотря на недостатки и пробелы в теории SI содержатся рациональные идеи, которое можно использовать при выстраивании теории взаимодействия правовых режимов с позиций интегрального понимания права. Анализ показывает важность определения SI в социологии и праве не просто как теории, а как инструмента для дешифрования сложной современной правовой коммуникации.

Список литературы:

1. Социология права: курс лекций: в 2-х т./отв. ред. М.Н.Марченко. Москва: Проспект, 2022. 341 с.
2. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. СПб.: Питер, юридич. факультет. СПбГУ, 2003.160 с.
3. Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С 25-32.
4. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография. М.: Проспект, 2016. 293 с.
5. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 642 с.
6. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 251 с.
7. Архипов С. И. Система права: зарождение и развитие теории. Ч.1. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 5–18.
8. Aksan N., Kisac B., Aydin M. (2009) Symbolic interaction theory. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. №1. 902–904
9. Julie M. Jones. (2015). The Looking Glass Lens: Self-concept Changes Due to Social Media Practices//*The Journal of Social Media in Society*. Vol. 4 No. 1. pp.100-125.
10. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод/пер. с англ. А.М.Корбута. Москва: Элементарные формы, 2017. 346 с.
11. Кравченко Е. И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал. 2001. №3. С.122-142.
12. Goffman. E. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1 Pp. 1-17.

References:

1. Sociology of Law: course of lectures: in 2 volumes/ed. by M.N.Marchenko. Moscow: Prospekt, 2022. 341 p.
2. The communicative concept of law: questions of theory. St. Petersburg: Peter, juridich. faculty. St. Petersburg State University, 2003.160 p.
3. Romashov R. A. Theory of constitutional and legal relations // *Legal science: history and modernity*. 2016. No. 9. Pp. 25-32.
4. Panchenko V. Y. Legal interaction as a type of social interaction: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 293 p.
5. Polyakov A.V. General theory of law. A course of lectures. St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2001. 642 p.
6. Alekseev N. N. Fundamentals of the philosophy of law. St. Petersburg: Lan, 1999. 251 p.
7. Arkhipov S. I. The system of law: the origin and development of theory. Part 1. // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2023. No. 4. pp. 5-18.
8. Aksan N., Kisac B., Aydin M. (2009) Symbolic interaction theory. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. №1. 902–904
9. Julie M. Jones. (2015). The Looking Glass Lens: Self-concept Changes Due to Social Media Practices//*The Journal of Social Media in Society*. Vol. 4 No. 1. pp.100-125.
10. Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method/translated from English by A.M.Korbut. Moscow: Elementary Forms, 2017. 346 p.
11. Kravchenko E. I. Theory of social action: from Max Weber to the phenomenologists // *Sociological Journal*. 2001. №3. С.122-142.
12. Goffman. E. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1 Pp. 1-17.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_198

УДК 34+159+37

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА LEGAL EDUCATION OF THE ELDERLY

МАМОНЬКО Михаил Михайлович,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета

Санкт-Петербургского университета ФСИН России.

196602, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Саперная, 34.

E-mail: mamonko.mi@yandex.ru;

MAMONKO Mikhail Mikhailovich,

Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law

of St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia.

196602, Russia, St. Petersburg, Sapernaya str., 34.

E-mail: mamonko.mi@yandex.ru

Краткая аннотация. В рамках статьи рассматриваются вопросы правового воспитания лиц пожилого возраста и старших возрастных групп. Отмечается важность и необходимость правового воспитания как средства повышения правового сознания и правовой культуры граждан. Подвергаются анализу различные точки зрения исследователей, занимающихся данной тематикой.

Abstract. The article discusses the issues of legal education for the elderly and senior age groups. It highlights the importance and necessity of legal education as a means of increasing legal awareness and legal culture among citizens. The article analyzes various perspectives of researchers working on this topic.

Ключевые слова: правовое воспитание, лица пожилого возраста, правовое сознание, правовая культура, формы правового воспитания.

Keywords: legal education, elderly people, legal consciousness, legal culture, forms of legal education.

Для цитирования: Мамонко М.М. Правовое воспитание людей пожилого возраста // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 198-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_198.

For citation: Mamonko M.M. Legal education of the elderly // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 198-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_198.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В наше время важность правовой культуры в условиях становления демократического правового государства возрастает. На современном этапе развития общества первоочередное значение имеет процесс формирования социально активных, ответственных и юридически грамотных граждан, выступающих ядром законопослушного общества. Указанная деятельность в науке именуется как «правовое воспитание». Правовое воспитание – составная часть государственной политики любого государства. Правовое воспитание формирует систему правовых ценностей, которые становятся личными убеждениями человека и ориентиром правомерного поведения в его жизни [4, с 42].

Категория пожилых людей в силу возраста и состояния здоровья являются наиболее незащищенной группой населения: они могут являться жертвами мошеннических действий, не имеют достаточной актуальной осведомленности о своих правах и обязанностях, не имеют достаточной возможности защищать свои права и получать достаточную информацию о правовых способах защиты. Данная социальная группа выступает активным участником правоотношений, но часто оказывается в уязвимой позиции из-за недостатка юридических знаний.

Как итог, на сегодня существуют две основные взаимосвязанные проблемы актуальности правового воспитания исследуемой нами категории граждан: низкий уровень юридических знаний у людей старшего возраста; недоступность юридической помощи для широкой категории нуждающихся граждан. Именно поэтому правовое воспитание и правовая помощь гражданам старшего возраста является важным и значимым направлением деятельности как государственных органов, так и общественных организаций.

По мнению А.М. Дроздовой, создавая механизмы работы с престарелыми, пожилыми людьми, пенсионерами и инвалидами, необходимо учитывать и применять особые благоприятные для них методы, способы и приемы общения и оказания услуг, порой на уровне каждого индивида, с учетом их биологических, моральных, социальных возможностей и потребностей на основе имеющихся региональных, местных базовых культурных и материальных особенностей субъекта РФ, возможностей той или иной структуры. Особое внимание следует уделять, прежде всего, морально-нравственному состоянию людей старшего возраста, у которых с выходом на пенсию меняется социальный статус, реальное положение в обществе, и по этой причине человек ищет объяснение своему новому состоянию, оценивает свой вклад в развитие общества и ищет для себя новые лифты социального развития, а иногда и не находит для себя перспективы, что сказывается на его здоровье и самочувствии [3].

Как отмечает Н.П. Бурлака, целью программы правового обучения пожилых граждан является формирование у них знаний по основам права и практических навыков для принятия рациональных решений в жизненных ситуациях [2, с 55].

Наиболее эффективной формой правового воспитания пожилых людей выступает индивидуальная работа с каждым. Бесплатные юридические консультации в данном контексте сыграют большую роль. Данные мероприятия могут себя реализовать в центрах социального обслуживания, библиотеках, общественных приемных. Ключевой фактор данных мероприятий: консультант должен доводить информацию простым языком, без сложных терминов, доступно и лаконично.

Обученные волонтеры, также могут выступать важным элементом в механизме правового воспитания рассматриваемой категории граждан. В данном случае такая категория граждан как студенты юридических вузов могут помогать с заполнением заявлений, жалоб, разъяснить базовые алгоритмы действий.

Тематические лекции и семинары. Данная форма правового просвещения может себя реализовать в клубах по интересам, советах ветеранов, библиотеках. Тематика выступлений должна быть конкретной, необходимой и жизненной:

- Защита от мошеннических действий (телефонных, финансовых, «социальных»).
- Права в сфере ЖКХ: перерасчет, капремонт, взаимоотношения с УК.
- Основы наследственного права: завещание, дарение, обязательная доля
- Права пациентов и получение бесплатных лекарств.
- Пенсионное обеспечение и социальные льготы.
- Использование государственных порталов (Госуслуги) и онлайн-сервисов.

Организация обучения компьютерной грамотности с правовым уклоном. Данный формат может включать в себя курсы, где учат не только базовым основам работы с компьютерными технологиями, но и возможности находить законодательные акты на сайтах, формировать обращения через Госуслуги, проверять задолженности. Весьма эффективным способом будут выступать простые видеоролики на правовую тематику, где родственники или соцработники могут сделать акцент на наглядность (инфографика, живые примеры). По мнению Л.В. Бертовского, в рамках реализуемых в России тематических программ долголетия необходимо больше внимания уделять вопросам обучения компьютерной грамотности пожилых, а в ходе этого — разъяснению их правового статуса в качестве участников разных сфер общественных отношений, особенно в тех, где для них имеются повышенные риски нарушения их прав и иные неблагоприятные последствия, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [1, с 12].

Как итог, правовое воспитание пожилых людей - это не просто «факультатив», а необходимое условие для безопасности, достойной жизни и социальной адаптации функционирования в современном мире. Это инвестиция в благополучие конкретных людей и в общественное спокойствие в целом. Работа в этой области должна быть системной, учитывающей специфику аудитории и проводимой на стыке юридической, социальной и цифровой грамотности. Наиболее эффективен в данном контексте комплексный подход в основе которого реализуется живое человеческое общение (индивидуальные консультации, группы) с надежными и простыми «шпаргалками» (памятки, видео) и работой через доверенных лиц (соцработники, волонтеры). Цель данной деятельности - не просто проинформировать, а дать практические инструменты для защиты своих прав и снизить правовую изоляцию пожилого человека.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Правовое просвещение пожилых и лиц старшего возраста по вопросам уголовного судопроизводства / Л. В. Бертовский, С. М. Курбатова // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 8-15.
2. Бурлака, Н. П. Особенности методики правового просвещения пожилых людей / Н. П. Бурлака // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Бурятия, Улан-Удэ, 28–29 сентября 2023 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2023. – С. 55-56.
3. Дроздова А. М. ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В МИРЕ И В РОССИИ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-printsipy-i-ih-realizatsiya-v-sfere-zhizni-pozhilyh-lyudey-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 08.12.2025).
4. Мамонько, М. М. К вопросу о понятии "правовое воспитание" / М. М. Мамонько // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 7(211). – С. 42-43.

References:

1. Bertovsky, L. V. Legal education of the elderly and older persons on criminal justice issues / L. V. Bertovsky, S. M. Kurbatova // Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence. - 2020. – No. 3. – pp. 8-15.
2. Burlaka, N. P. Features of the methodology of legal education of the elderly / N. P. Burlaka // Forms and methods of social work in various spheres of life : proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, September 28-29, 2023. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management, 2023, pp. 55-56.
3. Drozdova A.M. LEGAL PRINCIPLES AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE SPHERE OF LIFE OF THE ELDERLY IN THE WORLD AND IN RUSSIA // Law Bulletin of the Dagestan State University. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovyye-printsipy-i-ih-realizatsiya-v-sfere-zhizni-pozhilyh-lyudey-v-mire-i-v-rossii> (date of reference: 12/08/2025).
4. Mamonko, M. M. On the issue of the concept of "legal education" / M. M. Mamonko // Law and the State: theory and practice. – 2022. – № 7(211). – Pp. 42-43.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_200

УДК 349.6

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ ОБ ОХРАНЕ ВОД

HISTORICAL ASPECTS OF THE IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATION ON WATER PROTECTION

ВОЕВОДИН Ярослав Андреевич,
аспирант кафедры «Теория и история государства и права»
Севастопольского государственного университета.
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.
E-mail: voevodin@yandex.ru

VOEVODIN Yaroslav Andreevich,
Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
Sevastopol State University.
33 Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russia.
E-mail: voevodin@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется историческое развитие водоохранного законодательства России в XX веке. Последовательное формирование санитарных, административных, экономических и бассейновых механизмов создало основу для системного совершенствования водоохранной политики. Отмечается, что современная нормативная база требует дальнейшего усиления механизмов реализации, внедрения принципов «устранения вреда в источнике» и «загрязнитель платит», а также учета передового мирового опыта.

Abstract: The article examines the key historical stages in the development of water protection legislation in Russia during the 20th century. It demonstrates that the gradual formation of sanitary, administrative, economic, and basin-based mechanisms laid the foundation for the systematic improvement of water protection policy. It is noted that the current regulatory framework requires stronger implementation mechanisms, the adoption of the principles of «pollution prevention at the source» and «the polluter pays» and the integration of international best practices.

Ключевые слова: охрана вод, водное законодательство, экологическая безопасность, правовое регулирование, бассейновый подход.

Keywords: water protection, water legislation, environmental security, legal regulation, basin approach.

Для цитирования: Воеводин Я.А. Исторические аспекты совершенствования законодательства РФ об охране вод // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 200-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_200.

For citation: Voevodin Ya.A. Historical aspects of the improvement of Russian legislation on water protection // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 200-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_200.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

При значительных водных ресурсах Россия не относится к числу наиболее водообеспеченных регионов мира [22, с. 56]. Зависимость от транзитного стока и межбассейнового перераспределения, усиливаемая техногенным загрязнением и нерациональными моделями природопользования, очерчивает проблему, вокруг которой строится исследование - поиск правовых механизмов, способных обеспечить устойчивость водных систем в современных условиях. Использование историко-правового подхода позволяет выявить логику формирования водоохранных норм и понять, какие из прежних решений сохраняют значение для совершенствования действующего законодательства.

Первые законодательные инициативы по охране водных ресурсов в Советском Союзе появились сразу после Октябрьской революции 1917 года, когда новое правительство столкнулось с необходимостью реформирования управления природными ресурсами в условиях радикальных социальных и экономических изменений [23, с. 35]. Декретом II Всероссийского съезда Советов «О земле» от 26 октября (8 ноября) 1917 г. переведены в ведение государства водные объекты общегосударственного значения, а меньшие реки и озера переданы под надзор местных органов самоуправления. Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. [1] закрепил национализацию водных ресурсов с отменой частной собственности и запретом на частноправовые сделки с ними. В государственную собственность переходили все водные объекты частных лиц и организаций с возложением на граждан обязанности охранять водные богатства от порчи и истощения как общенародное достояние.

Государство начало принимать меры по предотвращению загрязнения и обеспечению санитарной охраны водных ресурсов. Постановлением Высшего совета народного хозяйства от 20 февраля 1919 г. «О центральном Комитете водоохранения» [2, с. 1374-1376] был создан Центральный комитет водоохранения («Центроводохран»), задачей которого являлось предотвращение загрязнения водоемов сточными водами промышленных и бытовых источников. Ряд санитарных мер устанавливал прямой запрет на сброс в реки, озера и иные водные объекты навоза, мусора, трупов животных и неочищенных сточных вод, а также на возведение заграждений, вызывающих загнивание течений и застой воды. Одновременно Постановление СНК РСФСР от 4 мая 1932 г. «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния городов и новостроек» [3], предписывало горсоветам издавать постановления о запрете спуска канализационных и прочих сточных вод в открытые водоемы без предварительной очистки и дезинфекции, усиливая полномочия местного самоуправления по контролю за санитарным состоянием водных объектов, особенно в условиях городской среды.

Параллельно с санитарной охраной вод, происходит регламентация гидротехнического строительства. Так, Постановление СНК 1925 г. «Об урегулировании постройки плотин на речных потоках для вододействующих установок» для защиты прибрежных земель от затопления и водных сооружений от потопления допустило возведение плотин только с разрешения Губземотделов и водного хозяйства.

Значительное внимание уделялось и вопросам рыболовства. Постановлением Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Продовольствия «О Главном Управлении по Рыболовству и Рыбопромышленности» [2] учреждено Главное Управление («Главрыба») для централизованного руководства рыболовством и рыбной промышленностью, включая использование и охрану водных ресурсов, связанных с рыбными промыслами. Постановление предусматривало создание областных управлений (например, Волго-Каспийский, Северные бассейны), которые отвечали за охрану запретных зон, урегулирование лова (определение мест, сроков, типов орудий) и распределение ресурсов в своих районах закрепило переход рыбных угодий в собственность государства.

В 1920–1930-е гг. развитие правового регулирования распространилось на охрану берегов рек и прилегающих лесных массивов, рассматривавшихся в качестве важнейших элементов водного режима. Так, Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г. «Об использовании берегов сплавных рек и озер в интересах сплава леса» [4] возложил на лесозаготовителей обязанность по очистке берегов от остатков древесины и возмещению ущерба землепользователям за загрязнение или порчу земель. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 июля 1936 г. «Об образовании Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при Совете Народных Комиссаров Союза ССР и о выделении водоохранной зоны» [5] был создан специализированный орган, отвечавший за регулирование водного режима рек через сохранение лесных массивов, при этом прямо вводился запрет на рубку леса в прибрежных зонах протяженностью от 4 до 20 км вдоль верхнего, среднего и нижнего течений рек, нарушение которого влекло уголовную ответственность.

Уголовный кодекс 1922 г. в ст. 99 предусматривал ответственность за нарушения законодательства в сфере охраны природных богатств, включая водные ресурсы, и содержал специальные нормы, направленные на борьбу с незаконным рыболовством.

Комплекс мер дополняется экономическими механизмами регулирования: Постановлением ЦИК и СНК от 20 августа 1931 г. «Об установлении в городах и рабочих поселках платы за спуск сточных вод» [6] и Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. «О взимании с предприятий платы за спуск сточных неочищенных вод» [7] ввели порядок взимания платы за сброс неочищенных сточных вод.

Таким образом, в этот период был заложен новый правовой режим охраны вод посредством национализации природных ресурсов, институционализации управления, установления санитарного контроля, юридической ответственности и экономических инструментов. На этой основе выстраивается действенная структура охраны и рационального использования водных богатств в сочетании экономико-правовые стимулов, санитарно-гигиенических предписаний и управленческих механизмов контроля с переходом фрагментарных норм в согласованную систему.

Расширяется диапазон регулирования. Постановлением Совета Министров СССР от 15 сентября 1956 г. № 1286 «О порядке наложения на предприятия штрафа за спуск сточных неочищенных вод и о порядке использования средств, поступающих от взимания этого штрафа» вводится штраф в размере двадцати копеек за каждый кубический метр неочищенных сточных вод, сбрасываемых в водоемы и водостоки; при этом закрепляется целевой порядок использования поступлений исключительно для строительства и реконструкции очистных сооружений. Эти взыскания были призваны побудить водопользователей к внедрению очистных технологий и соблюдению санитарных требований.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 28 февраля 1958 г. № 194 «О дополнительных мерах по ликвидации загрязнения и санитарной охране водных источников» [8] на совнархозы возлагалась обязанность включать в планы проектирование очистных сооружений для сточных вод, обеспечивать лабораторный контроль за их функционированием, а также повышать квалификацию специалистов, закрепляя требования к техническому сопровождению очистных мощностей.

Качественным подъемом в развитии водного законодательства стало Постановление Совета Министров СССР от 22 апреля 1960 г. № 425 «О мерах по упорядочению использования и усиления охраны водных ресурсов СССР», которое установило прямой запрет на ввод в эксплуатацию объектов, не имеющих очистных сооружений, утвержденных органами государственного санитарного надзора, что знаменовало собой переход от постфактум-реагирования к экс-анте предписаниям и означало закрепление приоритета санитарных требований уже на стадии проектирования и строительства промышленных объектов.

Итоговый Закон «Об охране природы РСФСР» [9] от 27 октября 1960 г. закрепил целостную систему правовой охраны природных богатств, включая водные ресурсы, как основу народного хозяйства и общественного благосостояния. В законе провозглашалась обязанность государственной охраны вод, закреплялись меры по предотвращению их истощения, загрязнения и засорения, а также по регулированию водного режима в интересах водоснабжения, энергетики, транспорта, рыболовства, рекреации и науки.

На этой основе Постановление Совета Министров РСФСР от 5 июля 1967 г. № 503 «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии в РСФСР» с целью предупреждения влияния деградации почв на состояние водоемов и разрушения гидротехнической инфраструктуры предписывало проведение широких работ по облесению и внедрению противозерозийных мероприятий с установлением материальной и дисциплинарной ответственности за ненадлежащее выполнение требований по охране почв как необходимого условия сохранения водных ресурсов от заиления и истощения [21, с. 16].

На региональном уровне особое значение имели акты, направленные на охрану наиболее уязвимых бассейнов. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1094 «О мерах по прекращению загрязнения неочищенными сточными водами водоемов Обь-Иртышского бассейна» от 9 сентября 1963 г. был введен комплекс мер, направленных на улучшение состояния очистных сооружений, контроль за их строительством и эксплуатацией с установлением ответственности за нарушения. Вслед за этим Постановление Совета Министров РСФСР № 1646 «О мерах по прекращению загрязнения неочищенными сточными водами рек Волги и Дона» от 31 декабря 1964 г., отметив, что из-за неудовлетворительного выполнения ранее принятых решений в реки Волга и Дон ежегодно сбрасывается около семи млн куб. метров неочищенных сточных вод, предписало строгие меры по прекращению загрязнения и ответственности за невыполнение предписаний. [25, с. 110]

Регулируя межрегиональные водные отношения, Постановление Совета Министров СССР № 177 «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов рек Волги и Урала неочищенными сточными водами» от 13 марта 1972 г. [11] обязало Советы Министров РСФСР и Казахской ССР обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию очистных сооружений в ряде городов, включая Казань, Саранск и Кострому, установив конечной целью полное прекращение сброса неочищенных сточных вод к 1980 году.

Системное закрепление принципов охраны вод было осуществлено на уровне кодификации: Закон РСФСР от 30 июня 1972 г. «Об утверждении Водного кодекса РСФСР» [12] установил, что все водные объекты подлежат охране от загрязнения, засорения и истощения, способных причинить вред здоровью населения или ухудшить условия водоснабжения (ст. 91), при этом был прямо запрещен сброс в водные объекты производственных, бытовых и иных отходов, а сброс сточных вод допускался исключительно при условии соблюдения установленных нормативов (ст. 94).

Комплексный характер регулирования получил закрепление в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» [13], которое возложило на Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР прямую обязанность по охране вод от загрязнения и истощения, а также контроль за работой очистных сооружений и сбросом сточных вод.

Дальнейшая эволюция нормативной базы выразилась в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 января 1988 г. № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» [19], которым в качестве главного направления природоохранной деятельности было провозглашено полное прекращение сброса неочищенных сточных вод во все водные бассейны СССР к 2000 году. Данный акт символизировал переход к стратегическому планированию водоохранной политики и закрепил долгосрочные ориентиры, обязательные для всех уровней государственного управления и субъектов хозяйственной деятельности.

Бассейновый подход и элементы целевого планирования были институционально оформлены через систему схем комплексного использования и охраны вод (СКИОВ). Постановление Совета Министров СССР от 2 июня 1976 г. № 408 [15] закрепляет иерархию этих схем, включая генеральные, бассейновые и территориальные уровни планирования, для определения основных направлений водохозяйственных мероприятий, обеспечивающих удовлетворение перспективных потребностей в воде, предотвращение ее вредного воздействия и охрану экосистем. Указанные положения получили развитие в республиканском законодательстве, в частности в Постановлении Совета Министров РСФСР от 9 июля 1976 г. № 375 «О порядке разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны вод» [16], что свидетельствовало о расширении практики стратегического планирования в сфере водопользования.

Важной составляющей развития института стало усиление административной ответственности и специализированного контроля. Уже в начале 1960-х годов были введены штрафы за нарушение правил охраны и использования водных ресурсов, устанавливаемые как для должностных лиц, так и для граждан, причем их наложение могло осуществляться инспекциями Госводхоза без обращения в административные комиссии.

Если в 1970-е годы основное внимание уделялось бассейновому и стратегическому планированию (СКИОВ, Водный кодекс), то в 1980-е акцент сместился на локальную защиту малых рек и пространственное регулирование. Постановлением Совета Министров СССР от 8 октября 1980 г. № 868 «Об усилении охраны малых рек от загрязнения, засорения и истощения и о рациональном использовании их водных ресурсов» [17] на Советы Министров союзных республик и ведомства возлагалась обязанность разработать и реализовать мероприятия по восстановлению водности и чистоты рек в 1981–1985 годах, прежде всего в районах городов, зон отдыха и заповедников.

В развитие данного решения Постановлением Совета Министров РСФСР от 14 января 1981 г. № 28 «Об усилении охраны малых рек РСФСР от загрязнения, засорения и истощения и о рациональном использовании их водных ресурсов» [18] было утверждено Положение о водоохраных зонах. В преамбуле документа отмечалось, что, несмотря на частичные положительные результаты водоохраных мер, недостаток комплексных работ и контроля приводил к загрязнению сточными водами, распашке прибрежных земель и эрозии. В связи с этим постановление обязывало местные органы власти и отраслевые ведомства разработать и реализовать мероприятия по восстановлению водности и чистоты малых рек в 1981–1985 гг., особенно в зонах городов и массового отдыха населения. На Министерство мелиорации и водного хозяйства возлагалась разработка схем охраны и ведение перечня рек, подлежащих восстановительным мероприятиям, а также организационное руководство работами через специально созданную службу малых рек. Финансирование мероприятий должно было осуществляться в рамках капитальных вложений, а функции заказчиков распределялись между Минводхозом, Минсельхозом и местными органами власти.

Принятое Положение конкретизировало пространственные рамки охраны: для рек длиной 10–200 км устанавливались водоохранные зоны шириной от 100 до 300 метров, а для ручьев протяженностью менее 10 км — прибрежные полосы шириной 15 метров. В пределах этих зон вводились строгие запреты на размещение свалок, складов удобрений и ядохимикатов, строительство, распашку земель, выпас скота и иные виды хозяйственной деятельности, способные привести к деградации водных экосистем. Нарушители подлежали привлечению к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, указанные акты закрепили переход к пространственно ориентированному регулированию, в рамках которого охрана малых рек получила институциональное и нормативное оформление на республиканском уровне, с четким распределением компетенций, механизмами финансирования и системой контроля.

Завершающим этапом в развитии института водоохраных зон стало принятие Постановления Совета Министров РСФСР от 17 марта 1989 г. № 91 «Об утверждении Положения о водоохраных зонах (полосах) рек, озер и водохранилищ в РСФСР» [20], которым был установлен

универсальный режим охраны для всех водных объектов республики. В документе закреплялась дифференциация ширины водоохранных зон в зависимости от протяженности рек: от 15 метров для малых водотоков до 500 метров для крупнейших рек протяженностью свыше 500 км. В пределах водоохранных зон вводились строгие запреты на авиационно-химические работы, применение ядохимикатов, размещение свалок, добычу полезных ископаемых и сплошную вырубку лесов, за исключением санитарных и восстановительных мероприятий. Особый режим устанавливался для прибрежных полос, где запрещались распашка земель, выпас скота и строительство, что отражало переход от отдельных санитарных мер к пространственно закреплённому правовому каркасу охраны рек и водохранилищ.

Таким образом, развитие института водоохранных зон и полос в 1970–1980-е гг. отражало тенденцию к усложнению правовых механизмов охраны водных объектов, в основе которых лежало сочетание территориального регулирования, строгого правового режима и усиленной административной ответственности. Законодательство данного периода демонстрировало переход к комплексной модели правового регулирования, основанной на пространственной фиксации охраняемых территорий и институционализации специализированного контроля, что обеспечивало формирование устойчивой основы для сохранения речных экосистем в условиях нарастающей антропогенной нагрузки.

Переход от внутренней системы водоохранных регулирования к международному взаимодействию был обусловлен объективным трансграничным характером водных процессов. К настоящему времени между Российской Федерацией и соседними странами действуют 10 двусторонних договоров по использованию и охране трансграничных источников пресной воды, заключённых с 1964 г. по 2011 г. [24, с. 80]. Двусторонние соглашения можно рассматривать как начальный пласт формирования договорных механизмов совместного управления водными объектами, что позволяет включить их анализ в общую историко-правовую картину развития водного законодательства.

Одним из первых международных актов стало Соглашение между Правительством СССР и Правительством Финляндской Республики о пограничных водных системах от 24 апреля 1964 г., закрепившее обмен гидрологическими данными, согласование водохозяйственных мероприятий и предотвращение трансграничного загрязнения, что сформировало исходную модель совместного управления общими водными объектами [10]. Дальнейшее развитие договорная практика получила в Соглашении между Правительством СССР и Правительством Монгольской Народной Республики о рациональном использовании и охране вод бассейна реки Селенги от 3 июля 1974 г. [14], предусматривавшем меры по предотвращению деградации водных объектов, координацию очистки сточных вод, взаимное согласование мероприятий, способных повлиять на водный режим, а также нормативное определение загрязнения, что отражало усложнение содержания международных водоохранных обязательств.

Отсутствие в ранних соглашениях комплекса положений, которые в последующем стали обязательными элементами водоохранных регулирования (учёт подземных вод, установление экологического пропуски, определение приоритетов водопользования, механизмы участия общественности), является закономерным для первоначального этапа формирования договорной практики и соответствует уровню правовой конкретизации того времени.

Анализ свидетельствует, что развитие законодательства об охране вод в России в XX веке прошло последовательную эволюцию - от первичного этапа национализации водных ресурсов и реагирования на наиболее острые угрозы к формированию комплексной системы регулирования. Эта система включала институционализированные органы управления, механизмы контроля, экономические стимулы и юридическую ответственность, а также переход от общих обязанностей по охране вод к установлению санитарных стандартов, запрету ввода объектов без очистных сооружений и закреплению административных и уголовных санкций. Сформированная на этой основе нормативная и управленческая база подготовила почву для кодификационных актов 1970-х годов и становления бассейнового и межрегионального подходов, обеспечивших более целостную регламентацию водопользования и охраны водных экосистем.

Развитие водного законодательства РФ может быть представлено как переход от санитарно-запретительной модели к экономико-административной, а затем к бассейново-институциональной модели регулирования, ориентированной на стратегическое планирование, пространственное зонирование и комплексное управление водосборными территориями. Современный этап предполагает дальнейшее совершенствование нормативно-методической и институциональной базы, усиление механизмов реализации правовых предписаний и внедрение принципов «устранения вреда в источнике» и «загрязнитель платит». Эффективность дальнейшего развития законодательства зависит от согласования экономических решений с экологическими задачами, восстановления природного потенциала водных бассейнов и учёта передового международного опыта.

Список литературы

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 25. Ст. 346.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 1374–1376.
3. Собрание узаконений РСФСР. 1932. № 44. Ст. 196.
4. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 70. Ст. 552.
5. Собрание законов СССР. 1936. № 35. Ст. 311.
6. Собрание узаконений. 1931. № 51. Ст. 385.
7. Собрание законов СССР. 1937. № 53. Ст. 222.
8. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 7: 1958 год. М.: Госюриздат, 1960.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.
10. Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 21. Ст. 326.
11. Собрание постановлений Правительства СССР. 1972. № 5. Ст. 30.
12. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 27. Ст. 692.
13. Собрание постановлений Правительства СССР. 1973. № 2. Ст. 6.
14. Собрание постановлений Правительства СССР. 1974. № 1–24.
15. Собрание постановлений Правительства СССР. 1976. № 11. Ст. 53.

16. Собрание постановлений РСФСР. 1976. № 13. Ст. 106.
17. Собрание постановлений СССР. 1980. № 25. Ст. 148.
18. Собрание постановлений РСФСР. 1981. № 6. Ст. 35.
19. Собрание постановлений Правительства СССР. 1988. № 6. Ст. 14.
20. Собрание постановлений РСФСР. 1989. № 8. Ст. 22.
21. Балакай Н. И. Проведение противоэрозионных мероприятий-первоочередная задача охраны сельскохозяйственных земель //Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. – 2011. № 3. С. 16.
22. В.И. Данилов-Данильян. Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России. — М.: ООО «Типография ЛЕВКО», Институт устойчивого развития/Центр экологической политики России, 2009. 88 с.
23. Воеводин, Я. А. Исторические аспекты системного подхода к правовому регулированию охраны вод в России / Я. А. Воеводин // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 35-39. DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_35. EDN UPXMIG.
24. Теймуров, Э. С. Проблемы регулирования рационального использования и охраны пресной воды в двусторонних договорах Российской Федерации / Э. С. Теймуров // Альманах кафедры международного права Ceteris Paribus. – Москва : Издательство Проспект, 2017. С. 78-86. EDN XVDORF.
25. Шмыглева А. В. Экологическая драма рек Обь-Иртышья //Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 108-114.

References:

1. Collection of laws and government orders. 1918. No. 25. Art. 346.
2. Collection of laws and government orders for 1917-1918. Moscow: Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR, 1942. pp. 1374-1376.
3. Collection of laws of the RSFSR. 1932. No. 44. Art. 196.
4. Collection of laws of the RSFSR. 1926. No. 70. Art. 552
5. Collection of laws of the USSR. 1936. No. 35. Art. 311.
6. Collection of laws. 1931. No. 51. Art. 385.
7. Collection of laws of the USSR. 1937. No. 53. Art. 222.
8. Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR. Vol. 7: 1958. Moscow: Gosyurizdat, 1960.
9. Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 586.
10. Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1965. № 21. Art. 326.
11. Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1972. No. 5. Art. 30.
12. Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1972. No. 27. Art. 692.
13. Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1973. No. 2. Art. 6.
14. Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1974. No. 1-24.
15. Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1976. No. 11. Art. 53.
16. Collection of resolutions of the RSFSR. 1976. No. 13. Art. 106.
17. Collection of resolutions of the USSR. 1980. No. 25. Art. 148.
18. Collection of resolutions of the RSFSR. 1981. No. 6. Art. 35.
19. Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1988. No. 6. Art. 14.
20. Collection of resolutions of the RSFSR. 1989. No. 8. Art. 22.
21. Balakai N. I. Carrying out anti-erosion measures is the primary task of protecting agricultural lands //Scientific Journal of the Russian Research Institute of Land Reclamation Problems. - 2011. No. 3. P. 16.
22. V.I. Danilov-Danilyan. Water resources of the world and prospects of the Russian water management complex. Moscow: ООО Типография LEVKO, Institute of Sustainable Development/Center for Environmental Policy of Russia, 2009. 88 p.
23. Voevodin, Ya. A. Historical aspects of a systematic approach to the legal regulation of water protection in Russia / Ya. A. Voevodin // Agrarian and land law. 2025. No. 3. pp. 35-39. DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_35. EDN UPXMIG.
24. Teymurov, E. S. Problems of regulation of rational use and protection of freshwater in bilateral treaties of the Russian Federation / E. S. Teymurov // Almanac of the Department of International Law Ceteris Paribus. Moscow : Prospekt Publishing House, 2017. pp. 78-86. EDN XVDORF.
25. Shmygleva A.V. Ecological drama of the Ob-Irtysh rivers //Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2021. No. 6 (75). pp. 108-114.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.Н. АЛЕКСЕЕВА INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF STATE IN THE HERITAGE OF N.N. ALEKSEEV

ТАРАНОВА Александра Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

АГАРКОВ Александр Федорович

кандидат исторических наук,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: sas1984@yandex.ru

TARANOVA Aleksandra Evgenievna

PhD in Sociology, Associate Professor
Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry of Russia for them I.D. Putilin.
Belgorod. 71, Gorky St. Belgorod 380024 Russian Federation.
E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

AGARKOV Alexandr Fyodorovich

PhD in History Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry of Russia for them I.D. Putilin.
Belgorod. 71, Gorky St. Belgorod 380024 Russian Federation.
E-mail: sas1984@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье осуществлен анализ содержания концепции государства и государственности русского философа и правоведа Н.Н. Алексеева, раскрыт ее антропологический потенциал. Концепция Н.Н. Алексеева реконструируется сквозь призму трансформации юридико-научного знания в условиях перехода юридической науки к постнеклассическому типу научной рациональности, потребовавшей переориентировать цель общей теории права и государства с конструирования «чистых учений» в узко-позитивистском ключе к конструированию антропологической исследовательской программы познания государственно-правовой реальности и включения в нее «человеческого фактора». Обосновывается методологическая значимость учения Н.Н. Алексеева, значительно опередившего свое время, о государстве для выработки новой юридико-научной методологии.

Abstract: the article analyses the content of the concept of state and statehood introduced by Russian philosopher and jurist N.N. Alekseev and discovers its anthropological potential. Alekseev's concept is reconstructed through the lens of legal scientific knowledge transformation under the law science change to postnonclassic type of scientific rationality. Such rationality requires to reorient the goal of common legal theory and state from making "pure doctrines" in narrow positivist view to making anthropological research program of cognition of state-legal reality and inclusion of "human factor" into it. The article explains methodological significance of Alekseev's teaching on state – which definitely was ahead of time – for creating a new legal scientific methodology.

Ключевые слова: юридическая наука, постклассический тип научной рациональности, государство, антропологизация, евразийская концепция государства, общество, человек, общение

Keywords: legal science, postnonclassic type of scientific reality, state, anthropologisation, Eurasian concept of state, society, human, communication

Для цитирования: Таранова А.Е., Агарков А.Ф. Междисциплинарная концепция государства в творческом наследии Н.Н. Алексеева // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_205.

For citation: Taranova A. E.Yu., Agarkov A.F. Interdisciplinary concept of state in the heritage of N.N. Alekseev // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_205.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В условиях перехода юридической науки к постнеклассическому типу научной рациональности осуществляется трансформация ее предметности и методологии в соответствии с тенденциями антропологизации современного юридико-научного знания и его перехода от узкопозитивистских подходов к пониманию государственно-правовой реальности к междисциплинарно-интегративным. В свете включения «человеческого фактора» в предмет общей теории права и государства, относящейся к метауровню юридической науки, а также внеправовых элементов (В.М. Сырых указывает на объективную необходимость вторжения предмета юридической науки в сферу внеправового) возникает необходимость нового обращения к государственно-правовым и философско-правовым теориям, конструирующим государственно-правовую реальность в социально-антропологическом ключе [1; 2].

В этой связи для выработки новой методологии необходимо перепрочтение и переосмысление идейного наследия российской государственно-правовой мысли, представители которой искали в свое время новые пути развития России. В частности, фундаментальный научный потенциал содержится в евразийской концепции государства, междисциплинарно-антропологической по своей сути, что соотносится с новейшими векторами развития методологии юридической науки.

Междисциплинарность евразийских исследований государства проявлялась в признании того, что оно непременно должно быть отражено во всех областях научного знания, а не только в одной юридической науке. Среди представителей евразийской концепции особое место занимает Н.Н. Алексеев – выдающийся историк, философ права и государствовед, активно разрабатывавший социально-политические, право-

вые и государствоведческие проблемы евразийства. Он представил наиболее развернутое и убедительное видение идеи государства, его междисциплинарную концепцию.

Следует признать, что в современной литературе многогранная научная деятельность Н.Н. Алексеева осмысливается преимущественно с позиций правоведения. Что же касается его творчества в области государствоведения, то здесь результаты проведенных исследований весьма скромны. Существуют лишь отдельные статьи, в которых поднимается проблема понимания государства в его творческом наследии. Между тем сегодня требуются широкие междисциплинарные исследования концептуальных разработок Н.Н. Алексеева в этой области. В значительной мере это обусловлено тем, что его оригинальные взгляды на государство намного опередили свое время и сегодня начинают привлекать внимание исследователей, поскольку нацеливают на новые пути познания государства особенно в его евразийском варианте.

Таким образом, находясь в условиях «методологического выбора» современная общая теория права и государства, разрабатывая новые антропологизированные исследовательские программы, вполне может опереться на методологические решения, предлагаемые Н.Н. Алексеевым, в частности раскрытие специфики взаимосвязи русского народа и государства.

Рассматривая эгоцентризм в контексте рассуждений о теории государства, Н.Н. Алексеев в своей работе «Русский народ и государство» писал: «Выводом из изложенного могут быть следующие требования, с которыми мы обращаемся к методологии государствоведения: 1) Наука о государстве должна освободиться от засилья в ней юридизма; общая теория государства должна перестать отождествлять себя с общей теорией государственного права; 2) Формальным условием такого освобождения является преодоление европейского эгоцентризма в теории государства: привлечение в орбиту своих исследований всех возможных типов государств различных культур поможет теории государства увидеть в изучаемых явлениях такие стороны, усмотрение которых закрыто для европейских государствоведов, воспитанных в условиях утраты человеком чувства реальности государства; 3) По существу же своих научных задач теория государства должна остерегаться применения каких-либо искусственных, конструктивных, надуманных, априорных, методологических теорий, к которым так склонно современное учение о государстве».

Концепция государства Н.Н. Алексеева характеризуется интенсивным поиском и выработкой методологических оснований, лежащих в ее основе. Мыслитель утверждает, что познание должно быть предметно ориентируемым и методология должна всегда определяться спецификой изучаемого предмета. Он подчеркивал, что «предметность лежит в самой природе нашего познания и что, в основе своей каждое учение о методе есть уже некоторое учение о самом предмете» [3, с. 5].

Алексеев Н.Н. использует феноменологический подход и рассматривает государственный идеал не как совершенное устройство земного рая, а как поиск и адекватное описание реальных условий обеспечения справедливого правопорядка, в котором будут обоснованы и гарантированы права, свободы и обязанности граждан. Опираясь на феноменологический метод, он утверждал, что государству нельзя дать исчерпывающее определение, поскольку можно описать лишь его структуру. И он делал это обстоятельно и убедительно, привлекая обширный материал из различных социально-гуманитарных наук, из религии и философии. При этом он проанализировал взаимосвязи и взаимовлияния государствоведения с правоведением в понимании ими государства и права, а также их места и роли в развитии человеческого общества.

Одной из наиболее значимых работ Н.Н. Алексеева являются «Очерки по общей теории государства», которая посвящена анализу и осмыслению существовавших в его время теорий о сущности государства. Он подчеркивает, что наиболее важным моментом в определении государства является момент «общения», то есть социальный момент, а не власть и не территория. Он решительно отказывается от определения государства как некоторой целостности, подобной человеческому организму и определяет его как сложное отношение между личностями и между социальными группами. В этой работе он стремится максимально устранить из определения государства субстанциальные отношения, дать анализ феноменальной стороны.

Особое место в междисциплинарной концепции Н.Н. Алексеева занимает проблема реальности государства, которую он решает исходя из двух противоположных теорий – номиналистической и реалистической. В Новое время они соответственно приняли форму персонализма и органицизма. Рассуждая о проблеме реальности государства, Н.Н. Алексеев отмечает, что в «истории политической мысли были выставлены две основные гипотезы о реальности государства. Первая рассматривала государство, как нечто *производное*, как отношение других *самостоятельных и первоначальных* реальностей; вторая видела в государстве нечто *первоначальное и неразложимое*. Согласно первой государство мыслилось как соединение изначально разрозненных и несвязанных элементов; для второй государство было некоторой слитной и непрерывной целостностью» [3, с. 46]. Критикуя эти концепции, Н.Н. Алексеев утверждает, что государство, не может быть ни организмом, ни личностью, а оно может быть только сложным отношением между личностями и между группами. Оно должно постоянно изменяться, приобретая все новые и новые формы, поскольку в противном случае «застынет, оченеет, умрет, если не будет считаться с вечно бурлящим потоком живого бытия» [4, с. 381].

Характеризуя современные ему различия в определении государства, Н.Н. Алексеев писал: «Наиболее распространенное в настоящее время воззрение сводит определение государства к трем моментам: союз людей, власть и территория» [3, с. 36]. При этом исследователи иногда ограничиваются двумя первыми, полагая, что в истории встречаются общества, для которых нет основания в отказе им в названии государств. Часто другие исследователи указывают, что наибольшее значение из этих трех моментов имеет момент властвования. По его мнению, «государство нельзя определить иначе, как «совокупность людей», как «союз», как «объединенное множество и т.д.» [3, с. 36]. Он утверждал, «государство есть человеческий союз, обладающий первенствующей, универсально-действующей властью, осуществляемой в общих интересах» [5, с. 174], государство есть «властное отношение между личностями» [3, с. 167]. В этом определении государства не указывается, что оно явля-

ется правовым союзом. Все это приводит русского юриста к тому, что «можно думать, что между правом и государством нет необходимой органической связи, и что та очевидная связь, которая существует между ними, есть связь историческая, присущая определенной только эпохе» [5, с. 175].

В западноевропейской и отечественной юридической литературе длительное время господствовало представление, что деятельность государства допускается прежде всего в правовых формах, а само государство становится правовой формой. В частности, Г. Кельзен утверждал, что государство по своей сути – это «относительно централизованный правопорядок» [6, с. 146]. Этой же точки зрения придерживались и многие отечественные юристы, находившиеся на позитивистских позициях. Так, например, В.С. Нерсесянц, разработавший концепцию либертарно-юридического правопонимания, писал, что объектами изучения правовой науки являются право и государство и государство интересует юриста лишь как правовое явление. Все остальные аспекты государства изучают другие науки – политология, социология, экономика, наука государственного управления, антропология [7, с. 9].

Однако евразийцы не считали государство лишь правовым институтом и стремились показать, что оно является и духовно-нравственным явлением. Так, например, Н.Н. Алексеев утверждал, что возможны правовые объединения негосударственного характера. Например, родовые организации строятся на правовых началах, не составляя, однако, государства. С другой стороны, государство может осуществлять свою власть и не путем правовой регуляции государственной жизни. Теория монархического абсолютизма является одним из ярких примеров такого взгляда на государство, который считает, что в совершенном государственном устройстве властвование должно иметь не правовой, а нравственный характер» [5, с. 175]. Базируясь на этих положениях, Н.Н. Алексеев приходит к выводу, государство лишь исторически есть правовой союз и лишь в определенный исторический период своего развития оно не может существовать вне связи с правом.

Н.Н. Алексеев, как и другие евразийцы, негативно относился к тому, что государство воспринималось государствоведами и отдельными гражданами лишь через призму правовых норм. Он сожалел об утрате «западными народами чувства реального государства» [8, с. 386]. Выдвигая положение о многомерной реальности государства, Н.Н. Алексеев писал: «Нет другого, более верного способа утратить реальность какого-нибудь явления, как отождествив его с другим, его сопровождающим, и заслонить, таким образом, первое посредством второго. На этом строилась вся естественно-правовая, революционная теория государства: она отождествила правителей и управляемых, господствующих и подчиненных, субъект и объект государственного авторитета. Подобное же совершила и германская юридическая теория, отождествив государство с нормой права и заслонив государство правом» [8, с. 388].

В контексте антропологического подхода к государству человек и государство выступают как взаимосвязанные стороны, обладающие креативными свойствами. Их взаимоотношения выражаются в том, что, во-первых, человек творит государственную реальность, а государство участвует в созидании истинно человеческих цивилизованных форм существования; во-вторых, бытие человека реализуется внутри государственной реальности, а бытие государственной реальности внутри человека; в-третьих, в результате их взаимных усилий создается единая государственно-правовая антропосфера. По мнению Н.Н. Алексеева, «государство, воплощая в себе эту субъективную сторону права, тем самым не может не приобщиться к миру реальных явлений. И реальность эта не может быть ничем иным, как реальностью человеческого общения, особой реальностью социальных явлений» [3, с. 41]. И далее: «Мы выдвигаем поэтому в определении государства в первую очередь момент социальный, – момент «общения», «союзности», «совокупности», а не момент властвования, который иные считают наиболее важным и решающим. Конечно, государство есть «властный» союз, но, именно, «союз», а не что-либо иное». И при том, само властвование в государстве есть отношение социальное, ведь не является же оно «властвованием» над вещами, или властвованием над собственной «волей»; напротив, это есть властвование *над людьми* и *в среде людей*, или же, кто хотел бы расширить определение, это властвование над разумными и духовными существами, способными входить друг с другом в общение» [3, с. 41].

Для обоснования своих положений Н.Н. Алексеев обращается к мнению эмпириков и историков. «Как бы то ни было, – пишет он, – но момент власти не отделим от идеи государства, что едва ли можно без оговорок сказать о третьем признаке понятия о государстве, – о территории. Нельзя отрицать, что с точки зрения эмпирической действительности все современные государства представляют собою союзы территориальные. Повидимому, и история нас убеждает, что образование государственных форм всегда было связано с прикреплением к известной территории, с осёдлостью населения» [3, с. 41]. При этом отмечается, что «признак территориальности указывает нам на *границу* государственного общения и его властной организации» [3, с. 42]. В то же время Н.Н. Алексеев подчеркивает, что «с точки зрения родовой сущности государства признак территории не может рассматриваться в качестве необходимого и конститутивного» [3, с. 43].

В концепции Н.Н. Алексеева представлена одна из возможных моделей идеологического государства – евразийское или «гарантийное» государство. Такое идеологическое государство должно обеспечить существование постоянных целей и задач, руководствоваться православием, защищать «правду», гарантировать физическое существование народа. В основе такого государства лежит единая государственная идея, стабилизирующая общественное мнение и формирующая господствующую общественную идеологию. «Идеократическое государство» является одновременно и «демократическим государством», основывающимся на народной воле, не по западному демократическому избирательному образцу, а в виде организованного и органического народного доверия государственно-идеологической доктрине. Изложенные положения относительно органического государства Н.Н. Алексеев определяет как гарантийное государство, за которым закреплены не релятивно-индифферентные ценностно-целевые задачи, а идеалопологающий императив импульса. Примером релятивистского государства, по мнению Н.Н. Алексеева, является демократическая республика, в котором принятие политических решений определяется волей большинства различного вида, парламентского, партийного и других.

Основная задача идеологического государства заключается в создании и внедрении идеалопологающих конструкций верховной власти в общественно-духовную сферу общества. Такое государство не включает в себя демократических элементов народного представительства и парламентаризма. Органы государственной власти руководствуются в своей деятельности требованиями «высшей правды», отраженной в идее общества. Однако гарантийное государство не сводится к тоталитарной или доктринальной форме. По мнению Н.Н. Алексеева, идеократическое государство обеспечивает проведение «положительных принципов», наличие стабилизационных социально-политических программ, одобряемых обществом [9, с. 43]. Под идеократией понимается такой общественный строй, при котором правящая элита отбирается по признаку преданности общей идее. Общегосударственная идея представляет собой систему убеждений, которую воспроизводит объединенный в единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой. Рекрутирование правящей элиты происходит по принципу преданности и общности мирозерцания, объединяющей государственной идеологии и организации.

Проблема соотношения правового государства и «Государства Правды» Н.Н. Алексеевым реализуется через рассмотрение вопроса о гражданских правах. Он пишет о том, что «у человека... есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее духовное развитие». Здесь он вновь обращается к концепции совершенствования личности через «внутреннее делание», провозглашенное в теории заволжского старчества. Праведное государство, согласно ему, должно создать необходимые условия для духовного развития человеческого духа, достижения «царствия Божьего» и жестко бороться с нарушением этих прав. Сравнивая свое понимание с западным представлением о правах, с Декларацией прав человека и гражданина, он в русле «евразийской» оппозиции «права» и «Правды» трактует западную систему ценностей как чисто внешнее, поверхностное понимание сути проблемы. В западной сфере права, согласно Н.Н. Алексееву, абсолютизируется не цель, а средства ее достижения.

Таким образом, понимание государства в концепции Н.Н. Алексеева представляет собой сложную, многоуровневую структуру, связывающую ее ведущие компоненты в единую теоретическую конструкцию. Определяющая роль в этой концепции отводится таким категориям как люди и их союзы, власть и территория.

Перепрочтение концепции государства Н.Н. Алексеева, опирающейся на мировоззренческие основания русской философии, сконцентрированной представления о цивилизационных основаниях и скрепах российской государственности, является важным этапом на пути выработки новой постнеклассической интегративной антропологически-ориентированной методологии отечественной историко-юридической наукой (сегодня, важным направлением в ее системе становится юридическая антропология, включающая антропологию права и антропологию государства). Концепция Н.Н. Алексеева намного опередила свое время. В период, когда в западной юридической науке происходило конструирование аналитической юриспруденции на принципах юридического неопозитивизма, она включила важный антропологический потенциал, развитие которого стало востребовано в современных методологических условиях, обеспечив актуальность и теоретико-практическую значимость концепции.

Список литературы

1. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, И.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Чернооков, И.Л. Честнов; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2014. – 564 с.
2. Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 496 с.
3. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Московское научное издательство. – 1919 (обл. 1920). – 208 с.
4. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.
5. Назмудинов Б.В. Понятие государства в трудах классиков евразийства // Право. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – № 4. – С. 163-176.
6. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов / Вып. 2. / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М.: АН СССР, 1988. – 65 с.
7. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
8. Алексеев Н.Н. Теория государства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: «Аграф», 1998. – 640 с.
9. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: «Аграф», 2003. – 635 с.

References

1. History and methodology of legal science: textbook for universities / I.Y. Alekseeva, Y.A. Denisov, I.I. Eremina, M.K. Ivina, A.B. Sapelnikov, A.E. Chernookov, I.L. Chestnov; edited by Y.A. Denisova, I.L. Chestnova. – St. Petersburg: IVESEP, 2014. – 564 p.
2. Nikishenkov A.A. History of British Social Anthropology. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. – 496 p.
3. Alekseev N.N. Essays on the general theory of state. Basic premises and hypotheses of state science. – M.: Moscow scientific publishing house, 1919. – 208 p.
4. Alekseev N.N. On the guarantee state // Alekseev N.N. Russian people and state. – M.: Agra, 1998. – 640 p.
5. Nazmutdinov B.V. The concept of the state in the works of the classics of Eurasianism // Law. – M.: National Research University Higher School of Economics, 2012. – № 4. – P. 163-176.
6. Hans Kelsen's pure doctrine of law: collection of translations / Vol. 2. / ed. V.N. Kudryavtsev, N.N. Razumovich. – M.: USSR Academy of Sciences, 1988. – 65 p.
7. Problems of the general theory of law and state: textbook for universities / ed. V.S. Nersisyan. – M., 2004. – 832 p.
8. Alekseev N.N. Theory of the State // Alekseev N.N. Russian people and state. – M.: "Agra", 1998. – 640 p.
9. Alekseev N.N. Russian people and state. – M.: "Agra", 2003. – 635 p.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МОРСКИХ ПЕРЕВОЗКАХ УГЛЕВОДОРОДОВ В АРКТИКЕ ON THE ISSUE OF UNIFYING REGIONAL ENVIRONMENTAL REQUIREMENTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MARITIME TRANSPORTATION OF HYDROCARBONS IN THE ARCTIC

СВЕЦКИЙ Арсений Владимирович,

младший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права,
Институт государства и права Российской академии наук.

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: arseniy1107@gmail.com;

SVETSKY Arseniy Vladimirovich,

Junior researcher, Environmental, Land, and Agrarian Law Sector,

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.

Email: arseniy1107@gmail.com.

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу проблем унификации экологических требований, связанных с применением технологий искусственного интеллекта и автономного судоходства при транспортировке нефти и газа в Арктической зоне. Рассматриваются существующие международные и национальные нормы, особенности регулирования искусственного интеллекта в экологическом мониторинге, а также риски и преимущества использования автономных судов и алгоритмических систем в условиях Северного морского пути. Отдельное внимание уделено экологическим угрозам Арктики, цифровой трансформации экологического контроля, анализу правовых пробелов и необходимости создания единых стандартов. В работу включены данные из современных исследований, включая положения о правовом режиме цифрового экологического мониторинга, особенности обращения с большими данными и международно-правовые механизмы защиты арктической среды. Обосновывается необходимость разработки унифицированных международных требований, учитывающих специфику региона и технологический характер ИИ-решений.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of unification of environmental requirements related to the use of artificial intelligence (AI) technologies and autonomous navigation in the transportation of oil and gas in the Arctic zone. The existing international and national standards, the specifics of AI regulation in environmental monitoring, as well as the risks and benefits of using autonomous vessels and algorithmic systems in the conditions of the Northern Sea Route are considered. Special attention is paid to the environmental threats of the Arctic, the digital transformation of environmental control, the analysis of legal gaps and the need to create common standards. The work includes data from modern research, including provisions on the legal regime of digital environmental monitoring, the specifics of handling big data, and international legal mechanisms for protecting the Arctic environment. The necessity of developing unified international requirements that take into account the specifics of the region and the technological nature of AI solutions is substantiated.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, экологическое регулирование, искусственный интеллект, автономные суда, большие данные, экологический мониторинг, правовой режим, перевозка нефти и газа, цифровые технологии.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, environmental regulation, artificial intelligence, autonomous vessels, big data, environmental monitoring, legal regime, oil and gas transportation, digital technologies.

Для цитирования: Свецкий А.В. К вопросу об унификации региональных экологических требований к использованию искусственного интеллекта в морских перевозках углеводородов в Арктике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 209-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_209.

For citation: Svetsky A.V. On the issue of unification of regional environmental requirements for the use of artificial intelligence in maritime transportation of hydrocarbons in the Arctic // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 209-213. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_209.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025

Арктика является одним из наиболее уязвимых природных комплексов планеты, где любое вмешательство человека может привести к долгосрочным и зачастую необратимым последствиям для окружающей среды. Интенсификация освоения Арктической зоны, развитие Северного морского пути (далее—СМП) и увеличение добычи углеводородов неизбежно сопряжены с ростом экологических рисков, что подтверждается исследованиями Арктического совета, отмечающими комплексное воздействие промышленного освоения на хрупкие экосистемы региона¹[1, с. 892].

Необходимость повышения уровня экологической безопасности морских перевозок нефти и газа в Арктике обусловила активное внедрение цифровых технологий, включая искусственный интеллект и автономные системы навигации. Современные исследования указывают, что традиционные методы наблюдения за экологической обстановкой в Арктике часто оказываются недостаточно эффективными из-за экстремальных климатических условий и значительных пространственных масштабов региона²[1, с. 894]. Эти обстоятельства стимулируют переход к новым, более гибким и точным технологиям мониторинга, основанным на алгоритмах машинного обучения и обработке больших данных. Например, в исследованиях по управлению арктической логистикой показано, что использование цифровых моделей может сократить время прохождения СМП на 12–20%³[3, с. 55].

¹ См.: Касаткин А. В. Особенности правового регулирования применения больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга состояния экосистем Арктики // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, №5. С. 891–900.

² См.: Там же.

³ См.: Федотовских А. В. Цифровые технологии в нефтегазовой отрасли Арктики // Инновационная экономика. 2024.

Вместе с тем правовое регулирование искусственного интеллекта (далее – ИИ) как на международном, так и на национальном уровне законодательства арктических стран, остается фрагментарным, что создаёт значительные пробелы как в области экологического мониторинга, так и в сфере морских перевозок углеводородов. В развитии цифровых технологий российская правовая система демонстрирует высокий уровень адаптивности, однако отсутствие специализированных норм, затрагивающих эксплуатацию ИИ в арктическом судоходстве, требует создания унифицированного международного подхода к регулированию данных технологий.

Арктика занимает уникальное положение в глобальной климатической системе. Низкие температуры, длительный период полярной ночи и особенности океанографических процессов обуславливают крайне медленное восстановление природной среды после техногенных воздействий. Исследования Программы ООН по окружающей среде также подчеркивают, что экологические нарушения в Арктике способны распространяться на большие расстояния вследствие миграции льда и высокой мобильности загрязняющих веществ.

Развитие Северного морского пути, являющегося основным маршрутом транспортировки углеводородов, сопровождается ростом антропогенной нагрузки. Увеличение интенсивности судоходства повышает вероятность разливов нефти, столкновений судов, повреждений ледовых масс, что в условиях Арктики может привести к существенным экологическим последствиям.

Одновременно исследования показывают, что традиционные методы экологического мониторинга в условиях экстремального климата оказываются недостаточными: значительная часть территории труднодоступна, а погодные условия могут препятствовать регулярным наблюдениям. Это особенно актуально при мониторинге аварийных разливов, которые требуют оперативного обнаружения и реагирования.

Современные методы экологического контроля, основанные на применении больших данных и искусственного интеллекта, открывают новые возможности для прогнозирования, анализа и минимизации воздействия человеческой деятельности на арктические экосистемы. Применение ИИ-алгоритмов обеспечивает возможность обработки колоссальных массивов данных: спутниковых изображений, показаний датчиков и подводных роботизированных систем, результатов гидрометеорологических измерений.

Особенно значимыми становятся нейросетевые методы глубокого обучения, которые используются для выявления нефтяных загрязнений на спутниковых снимках, анализа состояния ледников и прогнозирования климатических изменений. Нейросетевые модели позволяют обнаруживать тонкие визуальные и статистические паттерны, недоступные человеческому наблюдателю, что обеспечивает более точное прогнозирование экологических рисков.

Кроме спутников, значительная роль принадлежит сенсорным сетям Интернета вещей (IoT), включающим автономные буи, дроны и подводные аппараты, которые собирают данные о физических и химических параметрах воды¹. Интеграция данных в единую цифровую среду позволяет моделировать состояние экосистем и проводить предиктивную аналитику, как это реализовано в проекте Arctic PASSION, использующем сенсорные сети и алгоритмы ИИ для мониторинга ледников и уровня моря. Однако обработка больших объёмов данных требует надежной цифровой инфраструктуры. Расширение оптических сетей, к примеру, как в проекте на Ямале, стало важным шагом, обеспечивающим условия для внедрения ИИ-решений и повышения качества мониторинга.

Технологии автономной навигации становятся центральным элементом современной морской логистики. Их актуальность для Арктики обусловлена высокой опасностью навигации, сложностью ледовых условий и высоким уровнем риска аварий. Как отмечается в исследованиях, интеллектуальные алгоритмы обработки данных позволяют оптимизировать маршруты судоходства и прогнозировать потенциальные риски, что особенно важно для Северного морского пути. В статье А. Д. Белых и М.А. Питухиной подчеркивается, что внедрение цифровых технологий в арктических регионах осложняется ограничениями телекоммуникационной инфраструктуры и низкой плотностью населения² [2, с. 46].

На данный момент отдельные нормы, содержащие положения, которые регулируют применение ИИ в Арктической зоне, существуют, однако они фрагментарны. Международная морская организация (далее – ИМО) признала необходимость регулирования применения автономных морских судов (*MASS – Maritime Autonomous Surface Ships*) и ведет работу над соответствующим Кодексом. Китайское юридическое издание сообщает, что ИМО ведёт работу над новым международным регуляторным режимом, чтобы адаптировать традиционное морское право к автономным и беспилотным судам³ [10, с. 601].

В ИМО проводится работа по определению сферы охвата регулирования (англ. – *regulatoryscopingexercise*) для MASS, чтобы определить, какие существующие нормы покрывают автономные суда, а где нужны новые правила. ИМО выделяет несколько степеней автономности: от автоматизированных процессов при наличии экипажа до полностью автономных судов без экипажа и без постоянной связи с береговым центром⁴ [11].

В российском мореходстве ведется разработка Кодекса для морских автономных надводных судов (МАНС). В ней участвует Российский морской регистр судоходства. Данный документ может стать обязательным в будущем: на первом этапе планируется, что он будет иметь рекомендательный характер сначала как рекомендательный (примерно с 2025 года), а затем его нормы станут обязательными (планируется к 2028 году)⁵.

¹ См.: URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/statya:internet-veschey-iot-M2M-\(mirovoy-rynok\)](https://www.tadviser.ru/index.php/statya:internet-veschey-iot-M2M-(mirovoy-rynok)) (дата обращения: 30.11.2025)

² См.: Белых А. Д., Питухина М. А. Государственно-частное партнерство и цифровизация Арктики // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2025. №4(86). С. 44–52.

³ См.: Barbara Stępień, Navigating New Waters: IMO's Efforts to Regulate Autonomous Shipping, *Chinese Journal of International Law*, Volume 23, Issue 3, September 2024, P. 599–629.

⁴ См.: Boviatsis. M., Vlachos. G. Sustainable Operation of Unmanned Ships under Current International Maritime Law. *Sustainability* 2022, 14.

⁵ См.: URL: https://seacom.ru/dokumentaciya/novosti/rmrs-uchastvuet-v-razrabotke-mezhdunarodnykh-pravil-dlya-avtonomnykh-sudov/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 29.11.2025)

В ИМО также уже принят временный механизм по испытаниям автономных судов, включающий оценку рисков, коммуникации, квалификацию персонала, инфраструктуру¹.

Кроме регулирования данного вопроса Международной морской организацией существуют и некоторые положения конвенции СОЛАС (*SOLAS, International Convention for the Safety of Life at Sea*), затрагивающие вопросы автоматизации управления. Например, Regulation 19 SOLAS (использование автопилота) требует, чтобы там, где используется автопилот, была возможность немедленного перехода к ручному управлению, чтобы квалифицированный рулевой мог быстро взять штурвал². Эти положения SOLAS могут применяться и к более сложным ИИ-системам, особенно пока не разработаны специальные правила для полностью автономных судов.

ИМО был разработан и принят Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс, англ. – *Polar Code*), который вступил в силу с 1 января 2017 года. Он содержит требования к конструкции судов, навигации в ледовых водах, эксплуатации, вопросам безопасности, спасательным операциям и охране окружающей среды в полярных регионах. Однако Полярный Кодекс прямо не регулирует применение ИИ или автономность: он не предусматривает специальные требования к ИИ-системам или автономным судам. Он был разработан до широкого распространения современных автономных технологий, поэтому его нормы, применимые к судам в полярных условиях, не охватывают все аспекты ИИ.

Существующая международно-правовая модель пока не полностью адаптирована под ИИ и автономные технологии: рамки ответственности, цепочка управления, сертификация и проверка ИИ-систем – все это остается за рамками правового регулирования. Касательно вопроса безопасности применения ИИ не существует четких обязательных механизмов тестирования и сертификации автономных систем в международном праве. Хотя ИМО работает над соответствующим Кодексом, процесс его разработки и ратификации может быть долгим.

На сегодняшний день не урегулирован вопрос о том, кто несет ответственность, если автономный корабль, управляемый ИИ, допустит ошибку? Международные соглашения и документы рекомендательного характера не дают исчерпывающих ответов на него. Как показывает анализ, существующие нормы SOLAS и COLREGs (правила предупреждения столкновений на море) требуют переработки или конкретизации для автономных судов.

Поскольку Арктика охватывает территории разных стран, важно согласование на международном уровне при непосредственном участии прибрежных государств. На настоящий момент далеко не все страны одинаково активно участвуют в разработке норм, регламентирующих использование автономных судов именно в полярной зоне.

В Российской Федерации начали активно развиваться ключевые направления применения ИИ для Арктической зоны РФ. В частности, в журнале «Нефтегаз» указано, что СПБГУ запустил магистерскую программу «ИИ и наука о данных», где есть блок «ИИ для Арктического региона», охватывающий области: транспорт, логистика, мониторинг, обработка спутниковых данных и видеонаблюдение³ [4, с. 22]. Также Государственная комиссия по вопросам развития Арктики выделила значительные средства (около 311 млн руб.) на создание единой технологической платформы безэкипажного управления морскими судами, включая арктические танкеры проекта Р-70 046 и баржи⁴. Кроме того, в Арктике ИИ применяют для спасательных технологий: в чрезвычайных ситуациях, поисково-спасательных операциях, обеспечении безопасности людей на отдаленных станциях.

Развитие автономных судов в арктическом транспорте углеводородов связано с несколькими ключевыми преимуществами. Во-первых, это снижение человеческого фактора. До 80% морских инцидентов происходит по причине ошибок экипажа⁵. Автономные системы навигации снижают вероятность аварий при прохождении сложных ледовых участков⁶ [5, с. 115].

Во-вторых, происходит непрерывный процесс оптимизации маршрутов. ИИ-алгоритмы анализируют спутниковые данные о ледовой обстановке, прогнозируют возможные изменения и предлагают наиболее безопасный маршрут. Это позволяет экономить топливо, что важно как для экономики, так и для экологии.

В-третьих, повышается общая эффективность перевозок. Интеллектуальные решения, применяемые в логистике, повышают оперативность транспортных операций даже в условиях экстремальных температур и нестабильной ледовой динамики.

И наконец, мониторинг состояния судовых систем. Системы машинного обучения способны выявлять аномалии в техническом состоянии судов, что предотвращает аварии, связанные с отказом оборудования. Это сокращает время на проверку состояния судов, а также снижает риски, связанные с надежностью оборудования на судне.

Исследования показывают, что автономные суда могут принести значительные экологические выгоды в арктических операциях. Например, в работах, опубликованных в MDPI, описано, что автономные суда уменьшают потребление топлива за счёт оптимизации маршрутов, что напрямую снижает выбросы CO₂ и других загрязнителей⁷ [6]. Автономные транспортные системы также способствуют снижению количества членов экипажа, что уменьшает объём бытовых отходов, выбросов, сбросов воды и прочих источников загрязнения. Помимо этого, автономные суда менее подвержены человеческим ошибкам, что повышает безопасность навигации в сложных ледовых условиях, сокращает риск аварий и,

¹ См.: URL: https://seanews.ru/2019/06/17/ru-v-imo-obsudili-regulirovanie-avtonomnyh-sudov/?utm_source=chatgpt.com. (дата обращения: 29.11.2025)

² См.: URL: https://globalaigov.org/themes/shipping.html?utm_source=chatgpt.com. (дата обращения: 29.11.2025)

³ См.: Митько А. В. Основные парадигмы развития систем искусственного интеллекта в Арктической зоне Российской Федерации // Региональная информатика. 2022. – С. 22-24.

⁴ См.: URL: <https://arctic.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2025)

⁵ См.: URL: <https://rus-shipping.com/ru/flag/news/?id=16028> (дата обращения: 28.11.2025)

⁶ См.: Munim Z. H. Autonomous Ships for Arctic Logistics // *Ocean Engineering*. 2022.

⁷ См.: Lee S.-W., Jo J., Kim S. Leveraging the 4th Industrial Revolution Technology for Sustainable Development of the Northern Sea Route (NSR)—The Case Study of Autonomous Vessel. Sustainability 2021, 13, 8211.

соответственно, потенциальных экологических катастроф.

Сегодня существуют следующие примеры применения систем ИИ в судоходстве. Прогноз ледовой обстановки и навигация: ИИ-системы могут анализировать спутниковые данные, метеоинформацию и исторические ледовые карты, чтобы прогнозировать ледовую ситуацию и предлагать оптимальные маршруты, избегая опасных зон. Это подтверждается сообщением в «Российской газете»: нейросеть помогает капитанам оценивать ледовую обстановку и избежать вмерзания в лёд¹.

Активная работа ведется в отношении применения ИИ для целей навигационной безопасности: разрабатываются гибридные системы предотвращения столкновений для автономных судов (*англ.* – *ASV – autonomoussurfacevessels*), соответствующие правилам COLREGs (международных правил предотвращения столкновений), с использованием модель-прогнозирующего управления(*англ.* – *model-predictivecontrol*) и планирования траекторий²[8].

Еще одной сферой, которая не осталась без внимания, является мониторинг для обеспечения безопасности. Так, глубокое обучение и ИИ применяются в системах слежения за AIS (*англ.* – *AutomaticIdentification System*), например, для обнаружения намеренного отключения судовых передатчиков AIS, что может свидетельствовать о незаконной деятельности³[9, с. 3].

В работе Е.И.Навасарьян подробно анализируется роль атомных ледоколов как основы устойчивой арктической логистики⁴[7]. Искусственный интеллект применяется в управлении атомными ледоколами уже сейчас. Он способствует оптимизации траекторий, снижению энергопотребления, контролю состояния корпусов, а также повышению безопасности операций ледовой проводки. С точки зрения экологии здесь можно выделить ряд преимуществ. Во-первых, применение таких технологий на атомных ледоколах позволяет сократить количество дизельных судов, а также суммарное количество выбросов углеводородов. Во-вторых, это позволяет обеспечить круглосуточный мониторинг и повышает надежность навигации, а применение ИИ усиливает эти преимущества.

Российская правовая система демонстрирует высокую адаптивность к вызовам цифровизации, однако на данный момент отсутствует специализированное экологическое регулирование ИИ в контексте Арктики. Правовой режим цифрового экологического мониторинга разрабатывается на стыке сфер регулирования международного публичного права, национального экологического законодательства и информационного права. Однако эффективность его применения будет зависеть от решения ряда системных проблем: юрисдикции над данными, защиты цифрового суверенитета и гармонизации международных стандартов.

В Российской Федерации направления цифрового развития Арктики заложены в Стратегии развития Арктической зоны РФ до 2035 года и в Федеральном законе от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ». Однако специализированное законодательство, регламентирующее применение ИИ в экологическом мониторинге, отсутствует, что создает правовые пробелы, требующие скорейшего устранения. Определенное значение имеет Федеральный закон № 123-ФЗ об экспериментальном правовом режиме технологий ИИ⁵, который, однако, применяется только в г. Москве и не адаптирован к специфике Арктики. На практике требуется масштабировать этот опыт и ввести единые требования к сбору, хранению и обработке экологических данных, включая ответственность за некорректную работу алгоритмов.

Кроме того, нормы Федерального закона от 26 июля 2017 г. №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» закрепляют отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ), чтобы она могла устойчиво функционировать при компьютерных атаках, а также права, обязанности и ответственность субъектов КИИ – государственных органов, организаций, юридических лиц. Однако российское законодательство нуждается в расширении положений, касающихся защиты систем конкретно экологического мониторинга, работающих на основе ИИ и Big Data⁶[1, с. 893].

Международное регулирование, содержащее правовое регулирование судоходства и охраны окружающей среды Арктики, включая такие акты как Конвенцию ООН по морскому праву, Парижское соглашение по климату, МАРПОЛ и Полярный кодекс, не содержат специализированных положений, касающихся ИИ или автономного судоходства. Как отмечает А. В. Касаткин, отсутствие унифицированных протоколов обмена экологическими данными приводит к противоречиям между национальными правовыми режимами и затрудняет управление экологической безопасностью региона.

Унификация экологических требований должна включать единые международные стандарты сертификации ИИ, регламентацию ответственности, верификацию данных, а также активное международное сотрудничество в данной области. Касательно стандартизации ИИ необходимо определить минимальные требования к алгоритмам прогнозирования, системам автономной навигации, цифровым платформам мониторинга. Относительно регламентации вопроса ответственности за ошибки и аварийные ситуации, возникшие по причине применения ИИ-технологий, представляется необходимым введение норм о распределении ответственности за решения, принимаемые автономными системами, учитывая их

¹См.: URL: <https://finance.mail.ru/article/rossiya-i-knr-dogovorilis-sotrudnichat-v-oblasti-ii-68578136/> (дата обращения: 01.12.2025).

²См.: Eriksen BH, Bitar G, Breivik M, Lekkas AM. Hybrid Collision Avoidance for ASVs Compliant With COLREGs Rules 8 and 13-17. *Front Robot AI*. 2020.

³См.: Pierre Bernabé, Arnaud Gottlieb, Bruno Legeard, Dusica Marijan, Frank Olaf Sem-Jacobsen, Helge Spieker. Detecting Intentional AIS Shutdown in Open Sea Maritime Surveillance Using Self-Supervised Deep Learning. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems* 2023. P. 1-12.

⁴См.: Навасарьян Е. И., Зубенко С. С. Атомная логистика в Арктике: роль Росатома и Атомфлота в создании устойчивых логистических маршрутов СМП // Современные научные исследования и инновации. 2025. № 2.

⁵Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»

⁶См.: Касаткин А. В. Особенности правового регулирования применения больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга состояния экосистем Арктики // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, №5. С. 891–900.

потенциальное влияние на окружающую среду. Говоря о верификации данных следует отметить, что экологические данные должны подвергаться сертификации, включая требования по защищенности и проверке достоверности.

Создание совместных центров обработки данных, как предлагается в рамках российско-китайского сотрудничества, может обеспечить обмен технологиями и методологической базой для мониторинга Арктики¹.

Проведенный анализ продемонстрировал наличие необходимости разработки международного Кодекса об использовании ИИ в арктическом судоходстве, который мог бы стать дополнением к Полярному кодексу; создать единую цифровую систему мониторинга Арктики, интегрирующую данные спутников, датчиков, автономных судов. Важным шагом стало бы внедрение международной системы сертификации алгоритмов ИИ, используемых в логистике и мониторинге. Следует отметить, что разработка правовых механизмов ответственности, учитывающих специфические риски автономности, будет способствовать правовому регулированию новой технологии ИИ как на международном, так и на национальном уровнях. Возможность создания базы данных об аварийных ситуациях, включая алгоритмические сбои, с открытым доступом для исследователей, также будет являться важным шагом в унификации региональных экологических требований к использованию искусственного интеллекта.

Постепенное внедрение ИИ-систем прогнозирования при планировании маршрутов судов, перевозящих нефть и газ, повысит эффективность и снизит риски. В будущем следует задуматься о повсеместном и обязательном оснащении флота такими системами прогнозирования для снижения потенциальных рисков в процессе перевозки углеводорода и не только. Интенсивное развитие Арктики, увеличение объемов добычи и транспортировки углеводородов, а также растущая нагрузка на Северный морской путь требуют внедрения новых технологических решений и совершенствования правовой основы экологического мониторинга. Искусственный интеллект и автономные суда представляют собой перспективный инструмент повышения безопасности и эффективности арктического судоходства.

Однако для полноценного использования потенциала цифровых технологий требуется формирование унифицированной системы международных экологических требований. Фрагментарность правового регулирования, отсутствие единых стандартов сертификации ИИ и несогласованность международных подходов создают риски для устойчивого развития региона. Унификация экологических требований и создание международных механизмов верификации и контроля способны обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой хрупкой арктической экосистемы.

Список литературы:

1. Касаткин А. В. Особенности правового регулирования применения больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга состояния экосистем Арктики // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, №5. С. 891–900.
2. Бельх А. Д., Питухина М. А. Государственно-частное партнерство и цифровизация Арктики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2025. №4(86). С. 44–52.
3. Федотовских А. В. Цифровые технологии в нефтегазовой отрасли Арктики // Инновационная экономика. 2024.
4. Митко А. В. Основные парадигмы развития систем искусственного интеллекта в Арктической зоне Российской Федерации // Региональная информатика. 2022. – С. 22–24.
5. Munim Z. H. Autonomous Ships for Arctic Logistics // Ocean Engineering. 2022.
6. Lee S.-W., Jo J., Kim S. Leveraging the 4th Industrial Revolution Technology for Sustainable Development of the Northern Sea Route (NSR)—The Case Study of Autonomous Vessel. Sustainability 2021, 13, 8211.
7. Навасарьян Е. И., Зубенко С. С. Атомная логистика в Арктике: роль Росатома и Атомфлота в создании устойчивых логистических маршрутов СМП // Современные научные исследования и инновации. 2025. № 2.
8. Eriksen BH, Bitar G, Breivik M, Lekkas AM. Hybrid Collision Avoidance for ASVs Compliant With COLREGs Rules 8 and 13-17. Front Robot AI. 2020
9. Pierre Bernabé, Arnaud Gottlieb, Bruno Legeard, Dusica Marijan, Frank Olaf Sem-Jacobsen, Helge Spieker. Detecting Intentional AIS Shutdown in Open Sea Maritime Surveillance Using Self-Supervised Deep Learning. IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems 2023. P. 1-12.
10. Barbara Stepien, Navigating New Waters: IMO's Efforts to Regulate Autonomous Shipping, Chinese Journal of International Law, Volume 23, Issue 3, September 2024, P. 599–629.
11. Boviatsis. M., Vlachos. G. Sustainable Operation of Unmanned Ships under Current International Maritime Law. Sustainability 2022, 14.

References:

1. Kasatkin A.V. Features of the legal regulation of the use of big data and artificial intelligence for monitoring the state of Arctic ecosystems // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2025. Vol. 35, No. 5. pp. 891-900.
2. Belykh A.D., Pitukhina M. A. Public-private partnership and digitalization of the Arctic // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2025. No. 4(86). pp. 44-52.
3. Fedotovskikh A.V. Digital technologies in the oil and gas industry of the Arctic // Innovative Economics. 2024.
4. Mitko A.V. The main paradigms of the development of artificial intelligence systems in the Arctic zone of the Russian Federation // Regional informatics. 2022. pp. 22-24.
5. Munim Z. H. Autonomous vessels for Arctic logistics // Oceanic engineering. 2022.
6. Lee S.-W., Joe J., Kim S. The use of technologies of the Fourth Industrial Revolution for the sustainable development of the Northern Sea Route (NSR) on the example of an autonomous vessel. Sustainable development 2021, 13, 8211.
7. Navasaryan E. I., Zubenko S. S. Nuclear logistics in the Arctic: the role of Rosatom and Atomflot in creating sustainable logistics routes of the Northern Sea Route // Modern scientific research and innovation. 2025. № 2.
8. Eriksen B.H., Bitar G., Breivik M., Lekkas A.M. Hybrid collision avoidance system for SUVs Conforming to COLREGs Rules 8 and 13-17. AI. 2020 Front-end Robot
9. Pierre Bernabe, Arnaud Gottlieb, Bruno Leger, Dusika Marian, Frank Olaf Sem-Jacobsen, Helge Spieker. Detection of intentional AIS shutdown when observing marine space in the open sea using deep learning with self-monitoring. IEEE Transactions on Intelligent Transport Systems 2023. pp. 1-12.
10. Barbara Degree, "Sailing in New Waters: IMO's Efforts to Regulate Autonomous Navigation," Chinese Journal of International Law, Volume 23, Issue 3, September 2024, pp. 599-629.
11. Boviatsis M., Vlahos G. Sustainable operation of unmanned vessels in accordance with applicable international maritime law. Sustainable development 2022, 14.

¹ См.: URL: <https://finance.mail.ru/article/rossiya-i-knr-dogovorilis-sotrudnichestvo-v-oblasti-ii-68578136/> (дата обращения: 01.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_214

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИРОДОРЕСУРСНЫХ БЮДЖЕТНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCE BUDGET PAYMENTS

МАРЫН Евгений Владимирович,к.ю.н., доцент кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК).
105064, Российская Федерация, г. Москва, ул. Горьковский переулок, 4.

E-mail: evgenii_marin@mail.ru;

MARYIN Evgeniy V.,PhD, associate professor of the land right and state registration of the real estate
Moscow State University of Geodesy and Cartography.

105064, 4 Gorokhovskiy pereulokst., Moscow, Russian Federation.

E-mail: evgenii_marin@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу понятий экологических и природоресурсных платежей. Предметом исследования выступает система отечественных нормативно-правовых актов, научных источников, публикаций. Используются системный, логический виды анализа, а также метод индукции, дедукции синтеза. Автор отмечает, что фискальная политика в самом общем плане направлена на обеспечение макроэкономической стабильности, а также устойчивого социально-эколого-экономического развития. Фактически «зеленые» цели встроены в целеполагание современной фискальной политики в условиях перехода к «зеленой» экономике, а значит и в функционирование налоговой и бюджетной систем. Основные выводы, рекомендации и предложения могут быть использованы в педагогической деятельности, послужить теоретической основой для дальнейших научных исследований. Практическая значимость состоит в возможности использования проведенного исследования в процессе преподавания соответствующих специальных курсов в высших учебных заведениях, а также в возможности использования данной работы при повышении квалификации и профессиональной переподготовке.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the concepts of environmental and natural resource payments. The subject of the research is the system of domestic regulatory legal acts, scientific sources, and publications. The system, logical types of analysis, as well as the method of induction and deduction of synthesis are used. The author notes that fiscal policy is generally aimed at ensuring macroeconomic stability, as well as sustainable socio-ecological and economic development. In fact, "green" goals are embedded in the goal-setting of modern fiscal policy in the context of the transition to a "green" economy, and hence in the functioning of the tax and budget systems. The main conclusions, recommendations and suggestions can be used in teaching activities and serve as a theoretical basis for further scientific research. The practical significance lies in the possibility of using the conducted research in the process of teaching relevant special courses in higher education institutions, as well as in the possibility of using this work in advanced training and professional retraining.

Ключевые слова: природоресурсные платежи, экологический налог, экономика природопользования, экономический кризис, управление природными ресурсами.

Keywords: natural resource payments, environmental tax, environmental economics, economic crisis, natural resource management.

Для цитирования: Марын Е.В. К вопросу о понятии экологических и природоресурсных бюджетных платежей // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 214-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_214.

For citation: Maryin E.V. On the issue of the concept of environmental and natural resource budget payments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 214-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_214.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2025

Важной частью политики государства выступает финансовая политика, в том числе налогообложение. Публичное управление в данной сфере осуществляется комплексно с использованием широкого спектра инструментов, в том числе специализированных. Правовое регулирование финансовых, налоговых и бюджетных отношений тесно связано с реализацией экологической (природоохранной) функции современного права и государства.

Налог в широком понимании (как обязательный публичный платеж в бюджет государства) выступает основой взаимоотношений государства и населения в самых разных исторических эпохах. Налоги формируют бюджеты государств и возвращаются обществу в виде самых различных благ.

Очевидно, что любое современное государство функционирует на основе доходов бюджетной системы, которые формируются главным образом за счет обязательных публичных платежей, в том числе налогов. Без обязательных публичных платежей за природные ресурсы государства не смогли бы сформироваться исторически.

В древние времена обязательные платежи взимались за земельные угодья, угодья для охоты, рыболовства, бортничества, заготовки леса, иных форм добычи природных ресурсов.

Водные объекты выступали одновременно транспортными путями для перевозки пассажиров, грузов, сплава леса, и также облагались обязательными платежами.

Россия традиционно использовала природные ресурсы в социально-экономической сфере, поскольку выступает самым территориально крупным государством мира. Платежи в бюджет за их использование составляют исторически важную статью доходов России.

Сегодня даже Россия с ее природным потенциалом не может не учитывать исчерпаемость природных ресурсов и уязвимость окружающей среды перед возрастающей антропогенной нагрузкой. Очевидна необходимость охраны окружающей среды, ее восстановления и рационального использования.

нального природопользования, что должно учитываться в налоговой и бюджетной системе [5]. Экологические цели также влияют на введение тех или иных налоговых и неналоговых публичных бюджетных платежей.

В российском законодательстве не сформулировано общего легального определения понятия «бюджетный платеж», «публичный платеж», «обязательный платеж» и даже базового понятия «платеж». Доктринально платежом в самом общем виде выступает погашение обязательства в денежной форме.

Очевидно, что термин «публичный платеж» или «публично-правовой платеж» применим лишь в отношении погашения обязательства в денежной форме из публично-правовых оснований (прежде всего, требование нормативного правового акта).

Концептуально подходы к понятию «бюджетный платеж» можно свести к двум основным позициям: погашение обязательства в денежной форме путем зачисления на единые счета бюджетов бюджетной системы и формирующие их доходную часть (в значении «платеж в бюджет», доходы бюджета), либо кассовое зачисление (кассовое отчисление) как процедура кассового исполнения бюджета (в значении «платеж по исполнению бюджета», расходы бюджета) [7].

Мы используем термин «бюджетный платеж» в значении «платеж в бюджет, то есть денежные средства, зачисляемые в доход бюджетной системы по публично-правовым основаниям. Можно также использовать словосочетание «платеж в бюджетную систему».

Следовательно, мы употребляем термин «публичный бюджетный платеж» как погашение обязательства перед бюджетной системой России в денежной форме из публично-правовых оснований.

Нередко встречающееся понятие «обязательный платеж» не вполне подходит для целей настоящего исследования. Действующее нормативное регулирование не позволяет однозначно определить исчерпывающий перечень публичных доходов, которые можно отнести к обязательным платежам.

Само понятие «обязательные платежи» не имеет однозначного содержания, включает платежи, поступающие в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и во внебюджетные фонды; платежи, регулируемые НК РФ и платежи, регулируемые иными нормативными правовыми актами. В ряду обязательных платежей помимо налогов существуют налоговые сборы, фискальные сборы и паракисальные платежи [2].

Выделяют широкий и узкий подходы к определению обязательных платежей (узкий не охватывает пени и штрафы). Все это осложняет систематизацию и исчерпывающее определение обязательных бюджетных платежей [3].

Кроме того, в зависимости от свободы воли плательщика выделяются платежи, уплачиваемые добровольно и в принудительном порядке. Так, например, исходя из содержания ст. 46 БК РФ, платежи, связанные с возмещением вреда, причиненного окружающей среде, могут быть взысканы по искам или же уплачены в добровольном порядке [6].

Таким образом, термин «обязательный платеж» не четко определен и мало подходит для анализа публичных платежей в бюджетную систему, связанных с природопользованием и охраной окружающей среды.

Исследователи формируют классификации платежей в бюджетную систему Российской Федерации за природопользование и экологические платежи в зависимости от их места в системе фискальных платежей:

1. Налоги.
2. Налоговые сборы.
3. Фискальные сборы.
4. Паракисальные платежи.

По экономическому назначению выделяют:

- 1) компенсационные платежи (например, плата за негативное воздействие на окружающую среду);
- 2) платежи за природопользование (ресурсные платежи) (например, арендная плата за землю) [6].

По эколого-экономическому содержанию выделяются:

- 1) экологические или компенсационные платежи;
- 2) платежи за природопользование или природоресурсные платежи [6].

Важно отличать функции налогообложения от целей введения конкретного налога и даже целей фискальной политики в целом. Для системы налогообложения или налоговой системы присуща система функций, отражающая ее природу и назначение. При этом конкретный налог может реализовывать разные цели в рамках общих функций. Согласимся, что введение конкретного налога может быть обусловлено конкретной целью, от которой и будет зависеть конструкция вводимого налога, порядок исчисления и уплаты, ставка налога [1].

Конституционный Суд Российской Федерации справедливо указал, что законодательное установление налогов определяется сущностью каждого налога и его местом в налоговой системе, произвольное установление налогов недопустимо [8]. При этом выстраивание баланса функций налоговой системы, целей и задач конкретных налогов и фискальной политики в целом обеспечивает эффективное наполнение бюджетной системы финансовыми ресурсами при формировании прочной основы для устойчивого развития страны, включая «зеленые» цели такого развития [4].

Таким образом, ключевые характеристики платежей за природопользование (природоресурсные платежи) и платежей за ухудшение состояния окружающей среды (экологические (природоохранные) или компенсационные платежи) с позиций финансового права видятся в их публичности, т.е. погашения обязательства в денежной форме из публично-правовых оснований и (или) в публично-правовых целях, то есть выплатах нормативно определенными плательщиками в бюджетную систему Российской Федерации по публично-правовым основаниям. Данные платежи предлагается именовать природоресурсными публичными бюджетными платежами и экологическими (природоохранными) или компенсационными публичными бюджетными платежами.

сационными публичными бюджетными платежами.

Список литературы:

1. Avi-Yonah R.S. The Three Goals of Taxation // Tax Law Review. 2006. Vol. 60. Iss. 1. P. 1 - 28.
2. Васильева Н.В. Публичные доходы в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: монография (под ред. Е.Ю. Грачевой). М., 2019. – 304 с.
3. Васильева Н.В. Система обязательных платежей в Российской Федерации: современное состояние и проблемы правовой регламентации // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 9. С. 87-96.
4. Копина А.А. Правовые средства реализации функций налогов на современном этапе // Налоги. 2023. № 3. С. 9 - 14.
5. Прошунин М.М. Плата за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности // Финансовое право. 2017. № 7. С. 33-37.
6. Ситник А. А. «Зеленые» финансы: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 63–80.
7. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцев Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М., 1999.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 31-П "По делу о проверке конституционности положений подпункта 12 пункта 1 и пункта 3 статьи 164, а также пункта 14 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой компании «Gazprom Neft Trading GmbH»// "Собрание законодательства РФ", 13.07.2020, № 28, ст. 4497

References:

1. Avi-Yonah R.S. The Three Goals of Taxation // Tax Law Review. 2006. Vol. 60. Iss. 1. P. 1 - 28.
2. Vasilyeva N.V. Public revenues in the Russian Federation: a financial and legal aspect: a monograph (edited by E.Y. Gracheva). Moscow, 2019. – 304 p.
3. Vasilyeva N.V. The system of mandatory payments in the Russian Federation: the current state and problems of legal regulation // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2018. No. 9. pp. 87-96.
4. Kopina A.A. Legal means of implementing tax functions at the present stage // Taxes. 2023. No. 3. pp. 9-14.
5. Proshunin M.M. Payment for the use of federally owned water bodies // Financial law. 2017. No. 7. pp. 33-37.
6. Sitnik A. A. "Green" finance: concept and system // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 2. pp. 63-80.
7. Raizberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtsev E.B. Modern economic dictionary. 2nd ed., ispr. M., 1999.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 30, 2020 No. 31-P "On the case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Subitems 12 of paragraph 1 and paragraph 3 of Article 164, as well as paragraph 14 of Article 165 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Gazprom Neft Trading GmbH// Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 07/13/2020, No. 28, article 4497

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: СОГЛАСОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ И НАПРАВЛЕНИЙ EDUCATIONAL WORK IN THE PROSECUTOR'S OFFICE: COORDINATING PRINCIPLES AND DIRECTIONS

ЕГОРОВ Максим Анатольевич,

соискатель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. 191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44.

E-mail: a.vasilievavasiliewa@yandex.ru;

EGOROV Maxim Anatolyevich,

Applicant of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 44 Liteyny Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 191014.

E-mail: a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Краткая аннотация: в данной статье рассматриваются актуальные вопросы организации воспитательной работы в органах прокуратуры с позиции анализа существующих принципов и направлений. С учетом анализа норм федерального законодательства, организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации предложен авторский взгляд на содержание организационной составляющей воспитательной работы. В статье предлагаются новые подходы к пониманию основных направлений воспитательной работы. Результаты исследования могут быть полезны для работников органов прокуратуры, преподавателей юридических вузов и всех, кто интересуется вопросами совершенствования системы правоохранительной деятельности.

Abstract: This article discusses the current issues of organizing educational work in the prosecutor's office from the perspective of analyzing the existing principles and areas. Based on the analysis of federal legislation and the organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, the author presents their own perspective on the content of the organizational component of educational work. The article proposes new approaches to understanding the main areas of educational work. The results of this research can be useful for prosecutors, law professors, and anyone interested in improving the law enforcement system.

Ключевые слова: прокуратура, воспитание, кадры, органы прокуратуры, направления воспитательной работы, принципы.

Keywords: prosecutor's office, education, personnel, prosecutor's bodies, areas of educational work, principles.

Для цитирования: Егоров М.А. Воспитательная работа в органах прокуратуры: согласование принципов и направлений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 217-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_217.

For citation: Egorov M.A. Educational work in the prosecutor's office: coordinating principles and directions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 217-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_217.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

В существующих реалиях динамичного развития правоприменительной практики, расширения актуальных направлений прокурорской деятельности, цифровизации органов прокуратуры, все большую роль играет воспитание работников прокуратуры, так как недочеты в воспитательной работе нередко являются причинами ухудшения морально-делового климата в коллективе, пренебрежения к установленным ограничениям и запретам государственной службы, приводя в итоге к существенному снижению качества прокурорского надзора, совершению работниками органов прокуратуры проступков различной тяжести.

Подобные факты негативно отражаются на функционировании и имидже прокуратуры, снижают эффективность ее работы, а значит, и качество реализации соответствующих государственных функций.

В юридической литературе внимание этому вопросу уделяется в основном дискретно, в публикациях, посвященных работе с прокурорскими кадрами в целом, без выделения такой важной составляющей, как организация воспитательной работы.

Цель воспитательной работы в органах прокуратуры - формирование у работников органов прокуратуры высоких морально-нравственных качеств, профессиональной этики и преданности служебному долгу, обеспечение соблюдения законности и правопорядка, укрепление доверия общества к прокуратуре, повышение эффективности работы органов прокуратуры.

Продолжающийся на протяжении последних лет непрерывный процесс совершенствования организации и функционирования публичной власти, систем государственного и местного публичного управления оказывает детерминирующее влияние на состояние органов прокуратуры, приоритеты в их функционировании, применяемые в целях обеспечения точного и единообразного применения законов на всей территории Российской Федерации административно-правовые формы и методы работы, включая вопросы создания новых компетенций.

Данные обстоятельства обуславливают невозможность решения проблем реформирования прокурорской службы, как и преобразование института государственной службы в целом, в отрыве от общих вопросов развития государства и общества.

Подобные изменения требуют концептуального переосмысления целей и задач, стоящих перед органами прокуратуры, базовых основ внутриведомственных служебных отношений, а также поиска новых путей к повышению эффективности профессиональной деятельности прокурорских работников.

Следует согласиться с существующим в научных кругах мнением, что в современных условиях фактором, существенно снижающим эффективность функционирования государственного механизма, реализации его отдельными элементами - государственными органами своих

юрисдикционных полномочий, является отсутствие единой научно-обоснованной модели развития института государственной службы и его отраслевых разновидностей [1, с. 147].

Именно данные обстоятельства выступают препятствием к формированию качественной, отвечающей современным реалиям нормативной базы, дальнейшему поступательному развитию процесса государственного управления.

Исходя из общей теории права, принципы – начала, определяющие сущность и значение чего-либо [2, с. 75-76].

В правоведении при определении понятия принципа права зачастую в соответствии с лингвистическим подходом применяются слова: «основа», «начало», «идея», «положение».

О. А. Кузнецова, рассмотрев различные подходы к определению рассматриваемого понятия, считает наиболее точным использовать слово «положение», уточняя, что одновременно должны даваться характеристики, показывающие, что это не просто положение, а основное, основополагающее, исходное, общее, руководящее, отправное, главенствующее положение. Главным, по мнению О. А. Кузнецовой, должно быть указание на то, что это «основополагающие положения», поскольку они «полагают» основы права, а также его использование [3, с. 15].

Слово «принцип» происходит от латинского *principium* — начало, основа, которое, в свою очередь, производно от слова *principis* — первый, главный, то есть не просто главный, а первый, первооснова, и в словарях русского языка для обозначения принципа среди других компонентов смысла «начало» (первопричина) ставится на первое место. Это показывает, что определяющим компонентом значения данного слова является основоположение в отношении как сущностной значимости, так и исторической (логической): рассматриваемый феномен не просто первый, но одновременно главный и в силу своей значимости сформулированный в языке в виде термина или положения.

Именно поэтому для его обозначения понадобилось заимствование иностранного слова «принцип», поскольку оно объединяет два смысла: и истоки явления (первооснову), и сущностную значимость (главенство) — и в силу своих имманентно присущих качеств является системообразующим феноменом. В этом едином комплексном понятии латинского происхождения реализуются те смыслы, которые в русском языке выражаются отдельными терминами «начало» и «основа».

Таким образом, в лексико-семантическом аспекте принцип — начало и основа некой системы, сформулированное в виде термина либо положения. Являясь комплексным понятием, «принцип» имеет значение категории — как понятие предельной общности по объему заключенного в нем знания, выражающее наиболее существенные отношения действительности, является метаязыковым образованием, к которым относятся дефиниции классов понятий, первичных в рамках научной системы и не производных от иных понятий [4, с. 25].

Принципы права образуют стройную систему, где один принцип выводится из содержания другого. Основополагающим принципом права является принцип верховенства прав и свобод человека, который конкретизируется в таких общих принципах как презумпция невиновности, справедливость (понимаемая как формальное равенство), равноправие, гуманизм.

Общие принципы права, будучи позитивированы и конкретизированы на конституционном уровне (в Конституции РФ или решениях Конституционного Суда Российской Федерации), образуют конституционные принципы права, которые можно подразделить на принципы правового законодательства, принципы функционирования государства и принципы осуществления правосудия. Конституционные принципы конкретизируются в межотраслевых, отраслевых и институционных (действующих в рамках отдельных правовых институтов) принципах права.

Принцип есть «исходное начало», «руководящая идея», «основа», «требование», то, по справедливому замечанию С.А. Мосина, он характеризуется не столько абстрактной всеобщностью, сколько такой всеобщностью, которая напрямую связана с сущностью, основой явлений и процессов и является весьма устойчивой, постоянной [5, с. 16].

Признание принципа по отношению к любым явлениям основой или базисом означает также, что он обладает общезначимостью, т.е. распространяется на все явления или процессы, в основе которых лежит, в нашем случае — «на все нормы права и институты права, иные правовые явления и учреждения» [6, с.10].

При этом он ограничен определенной областью явления, к которому относится, из чего следует, что использование термина «принцип» допустимо не только применительно к отрасли права, но и к отдельным институтам, иным правовым явлениям (например, при характеристике уголовной (уголовно-процессуальной) политики), отдельным структурным элементам отрасли права. Вместе с тем, учитывая, что в юридической науке сложились определенные понятия принципов применительно к отрасли права, для исключения смешения понятий использование термина «принцип» требует уточнения, к какому явлению он относится [7, с.39].

Рассматривая вопрос о системе органов прокуратуры, следует иметь в виду, что под системой понимается множество элементов, взаимосвязанных между собой и представляющих целостное единство. И в этой связи под системой органов прокуратуры необходимо понимать не только совокупность составляющих ее органов, но и их местоположение в структуре и соотношении между собой, их организационные связи и управленческие отношения.

В органах прокуратуры под принципами понимаются основополагающие начала, определяющие сущность и предназначение прокурорской системы [8, с. 29].

Основные принципы организации и деятельности прокуратуры закреплены в ст. 4 Закона о прокуратуре. К ним относятся: законность; единство и централизация органов прокуратуры; независимость; гласность [9].

Принципы организации и деятельности прокуратуры закреплены в ст. 129 Конституции РФ, ст. 4 Закона о прокуратуре и приказах Генерального прокурора РФ.

Названные принципы имеют общий (универсальный) характер. Это означает, что каждый из них находит отражение не только в орга-

низации органов прокуратуры, но и в самой деятельности. Например, принцип единства системы органов прокуратуры не только связан с построением этой системы, но и определяет единые подходы к решению задач, стоящих и перед органами прокуратуры. И наоборот: например, принцип законности деятельности, безусловно, связан с законностью организации этой системы.

Упорядоченность и объединение органов и подразделений прокуратуры в организационное единство происходит посредством распределения функций, полномочий, установления взаимоотношений между элементами структуры. Поэтому функции, полномочия, взаимоотношения представляют собой взаимосвязи элементов структуры, основным содержанием которых является их взаимодействие.

Применительно к рассматриваемой теме, к числу основополагающих принципов воспитательной работы Концепция № 114 относит:

- законность;
- научную обоснованность;
- многообразие форм, методов и средств, используемых для обеспечения эффективности воспитания;
- индивидуальный подход к формированию и развитию необходимых деловых и личных качеств у работников органов и организаций

прокуратуры;

– объективность оценки деятельности работников органов и организаций прокуратуры, требовательность, справедливость, взаимопонимание, товарищеская поддержка и взаимопомощь [10].

В Концепции указывается, что реализация указанных принципов призвана усовершенствовать воспитательный процесс по следующим направлениям: профессиональному, психологическому, историко-патриотическому.

К примеру, психологическое направление включает психологическое сопровождение молодых специалистов, облегчающее протекание процесса их профессиональной адаптации к службе в органах прокуратуры.

По мнению В.Л. Марченко, воспитательная работа включает в себя:

- изучение сущности, основных принципов и направлений организационно-массовой работы среди личного состава;
- изучение всех форм и методов учебы, направленных на повышение профессионального и общеобразовательного уровня сотрудни-

ков;

– изучение ведущих методов и форм работы, которые направлены на успешное выполнение служебных задач, укрепление дисциплины и законности;

– изучение, обобщение и распространение передового опыта;

– изучение и внедрение наиболее эффективных средств, форм и методов проведения культурно-массовой, агитационной и спортивно-оздоровительной работы [11].

Также, Концепция к числу основных причин увольнения работников прокуратуры называет отдельные недостатки в организации работы с кадрами, в том числе с молодыми специалистами, их неподготовленность к работе в условиях высоких нервно-психологических перегрузок и строгой ответственности.

По нашему мнению, представляется возможным расширить обозначенные направления воспитательной работы и предложить дополнить следующим: профессионально-нравственное; государственно-патриотическое; воинское; правовое; экономическое; эстетическое; физическое; экологическое; работа с молодыми специалистами.

Профессионально-нравственное воспитание – формирование и развитие у работников прокуратуры представления о нравственных основах службы, антикоррупционного поведения, знания профессионально-этических требований к поведению на службе и в быту, взаимоотношениям в служебном (трудовом, воинском) коллективе.

Основными составляющими профессионально-нравственного воспитания являются:

создание условий и мотивации роста профессионализма работников;

разъяснение работникам предъявляемых требований со стороны общества к их профессиональному и нравственному облику, социальной значимости службы в органах прокуратуры;

использование в воспитательных целях системы торжественных мероприятий и традиций.

Воинское воспитание – процесс регулярного и целенаправленного воздействия на прокурорских работников в целях подготовки их к вооруженной защите Отечества, защите населения и территорий, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Основными составляющими воинского воспитания являются:

формирование условий и мотивации роста военного мастерства сохранение порядка в повседневной деятельности;

создание условий по обеспечению безопасности военной службы;

использование в воспитательных целях системы воинских традиций и ритуалов;

обобщение примеров практики, использование передового опыта;

реализация государственно-патриотического воспитания (с учетом требований, предусмотренных организационно-распорядительными документами и федеральным законодательством).

Правовое воспитание – развитие у работников стабильных правовых знаний, взглядов и представлений, развитие высокой правовой культуры, навыков и привычек активного правового поведения.

Основными составляющими правового воспитания являются:

- организация правового просвещения;
- повышение теоретической и методической подготовки работников по правовым вопросам (в том числе, профессиональная переподготовка и повышение квалификации, для работников, осуществляющих деятельность по профессиям рабочих - разъяснение законодательства)
- контроль за соблюдением законности и правопорядка, служебной дисциплины и дисциплинарной практики.

Экономическое воспитание – воздействие на работников в целях формирования у них экономических знаний, навыков, умений, необходимых для успешного выполнения должностных обязанностей.

Основными составляющими экономического воспитания являются:

- формирование бережного отношения к государственному имуществу, рационального использования материально-технических и учебно-методических средств;
- использование в воспитательной работе с работниками экономических стимулов;
- пропаганда экономических знаний по хозяйственным вопросам жизнедеятельности органов прокуратуры;
- обучение работников умению предвидеть и оценивать экономические последствия своей деятельности.

Эстетическое воспитание – воздействие на работников органов прокуратуры в целях разностороннего развития эмоционально-чувственной сферы их духовного мира.

Основными составляющими эстетического воспитания являются:

- формирование эстетического отношения к службе в органах прокуратуры, служебному долгу, субъектам и объектам профессиональной деятельности;
- привитие эстетического отношения к установленному форменному обмундированию, внешнему виду в целом;
- вовлечение в художественно-творческую жизнь;
- приобщение к культурным ценностям.

Физическое воспитание – воздействие на работников органов прокуратуры и членов их семей в целях совершенствования их физической культуры, формирования морально-волевых, профессиональных и психологических качеств, необходимых для выполнения задач по предназначению.

Основными составляющими физического воспитания являются:

- организация плановой физической подготовки различных категорий работников органов прокуратуры в соответствии с решаемыми задачами;
- проведение спортивно-массовых мероприятий;
- пропаганда здорового образа жизни;
- популяризация лучших спортивных достижений в профессионально- значимых видах спорта;
- привлечение к сдаче программы физической и культурной подготовки (ГТО), актуализация уже сданных нормативов и ступеней.

Экологическое воспитание – формирование системы практических знаний, умений и ценностных ориентаций в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности государства.

Основными составляющими экологического воспитания являются:

- повышение общей экологической культуры;
- формирование профессиональных навыков по сохранению окружающей среды;
- правовое просвещение в экологической сфере и др.

Предложенные направления воспитательной работы в органах прокуратуры необходимо осуществлять в отношении всех работников, проходящих службу и трудоустроенных в органы прокуратуры.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо уделить особое внимание и воспитательной работе с молодыми специалистами, в том числе, в целях привития и популяризации обозначенных выше направлений.

Осуществление воспитательной работы с молодыми специалистами в первую очередь возложены на руководителей органов прокуратуры и назначенных им наставников. Также к субъектам воспитательной деятельности можно отнести кадровые подразделения, психологическую службу, работников, обеспечивающих собственную безопасность и физическую защиту, научных и педагогических работников.

Полагаем, что к числу особых субъектов воспитательной деятельности можно отнести ветеранов органов и организаций прокуратуры.

Организационно-распорядительными документами Генерального прокурора РФ одним из важнейших направлений воспитательной работы определено противодействие коррупции.

Во всех органах и организациях прокуратуры принимаются меры по антикоррупционному воспитанию как начинающих, так и опытных работников с целью формирования у них высокого уровня правосознания, нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям, негативного отношения к дарению им подарков в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей: проводятся учебные занятия на указанные темы, подготавливаются различного рода информационные материалы.

Так, например, прокурорский работник не вправе совмещать свою основную деятельность с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, не вправе преследовать политические цели, обязан

предоставлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, выполнять обязанности, связанные с предотвращением и урегулированием конфликта интересов.

К примеру, по мнению В.Ю. Шобухина, соблюдение прокурорским работником требований, запретов и ограничений должно осуществляться в комплексе.

Например, занятие не запрещенной законом педагогической деятельностью может быть сопряжено с конфликтом интересов. Стоит обратить внимание, что прокурорским работником должны быть исключены не только коррупционные действия, но и поведение, которое может восприниматься окружающими как коррупционное, хотя таковым не является.

Таким образом, воспитательная работа в органах прокуратуры должна проводиться в отношении каждого прокурорского работника на всем протяжении его службы [12, с. 87].

Воспитательный процесс в целях укомплектования прокуратуры квалифицированными кадрами осуществляется путем использования системы организационных и правовых воспитательных принципов.

В нее входят:

- 1) совершенствование системы отбора кандидатов на службу на основе квалификационных требований к кандидатам;
- 2) применение современных научных методик изучения деловых и личностных качеств кандидатов;
- 3) недопущение необоснованных перемещений, освобождения от занимаемой должности и увольнения из органов прокуратуры;
- 4) формирование качественного резерва кадров для выдвижения на вышестоящие должности по профессиональным, деловым и личностным качествам с учетом установленных критериев отбора кандидатов, исключения протекционизма и подбора кадров по принципу личной преданности;
- 5) временное замещение лицами, состоящими в резерве, рекомендуемой должности с последующим анализом позитивных сторон исполнения и допущенных недочетов;
- 6) прохождение прокурорскими работниками стажировок в вышестоящих прокуратурах, базовых прокуратурах и межрегиональных центрах;
- 7) перемещение прокурорских работников (ротация) для рационального и эффективного использования их профессиональных, деловых и личностных качеств, предупреждения возможности формирования коррупционных связей;
- 8) принятие комплексных мер по сокращению оттока квалифицированных кадров из органов прокуратуры, их закрепления путем формирования позитивной мотивации к труду, в том числе путем совершенствования системы материального и морального стимулирования, улучшения социально-бытовых условий и обеспечения реальной возможности карьерного роста; широкое внедрение новых, доказавших свою эффективность форм и методов комплектования кадров; изучение опыта воспитательной работы в правоохранительных органах, иных государственных структурах в целях установления возможности его использования в органах прокуратуры.

Воспитательная работа в служебных коллективах прокуратур различного уровня должна быть направлена на обеспечение организованности и порядка в работе, предупреждение нарушений закона, служебной дисциплины, конфликтов, улучшение социально-психологического климата в коллективах прокуратур, профилактики и пресечение негативных явлений среди работников прокуратуры.

Для решения задач обеспечения преемственности поколений, воспитания прокурорских кадров в лучших традициях прокуратуры необходимо в полной мере использовать потенциал организаций ветеранов прокуратуры, а также всемерно содействовать самоорганизации ветеранов и пенсионеров органов прокуратуры, становлению создаваемых ими общественных органов, обеспечению условий для их деятельности.

Руководствуясь приказом Генерального прокурора РФ от 07.05.2010 № 195 «О мерах по совершенствованию взаимодействия с общественными организациями ветеранов и пенсионеров прокуратуры», следует совершенствовать тесное взаимодействие с организациями ветеранов; в рамках предоставленных законом полномочий и имеющихся возможностей оказывать им помощь и поддержку; практиковать привлечение ветеранов и пенсионеров прокуратуры к участию в мероприятиях, связанных с воспитанием работников прокуратуры, обменом опытом, повышением деловой квалификации. При формировании методических советов, рабочих групп и комиссий по разработке мер, направленных на повышение эффективности прокурорского надзора и уровня организации работы, надлежит включать в их состав наиболее опытных, высококвалифицированных и неравнодушных ветеранов прокуратуры.

Позитивное значение имеет развитие таких форм привлечения ветеранов к воспитанию молодых работников прокуратуры, как наставничество, выступления в коллективах, участие в заседаниях аттестационных комиссий и иные.

Таким образом, автором в качестве научной новизны исследования к существующим уже направлениям воспитательной работы в органах прокуратуры (профессиональному, психологическому, историко-патриотическому) предложено расширить обозначенные направления воспитательной работы следующим: профессионально – нравственное, воинское, правовое, экономическое, эстетическое, физическое, экологическое, с конкретизацией соответствующих составляющих каждого из названных направлений.

Список литературы:

1. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1 : практическое пособие / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2021. С. 147.

2. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2002. С. 75 - 86.
3. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 15.
4. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 25.
5. Мосин С. А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации. М., 2009. С. 16.
6. Сахалов Р. Р. Основные подходы к пониманию принципов права в российской правовой науке (советский и современный периоды) // История государства и права. 2014. № 15. С. 10—15.
7. Черногор Н. Н. Проблема правовой среды в современной юридической науке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2015. — № 3. — С. 39—45.
8. Организация деятельности прокуратур городов, районов, других территориальных и иных специализированных прокуратур: учеб. пособие. Ч. 1 / [Э.Э. Агаронова и др.]; под общ. ред. Э.Б. Хатова; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2018. — С. 29.
9. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // СЗ Российской Федерации. — 1995. — № 47. — Ст. 4472 (с посл. изм.).
10. Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Марченко В.Л. Разработка программы воспитательной работы с сотрудниками государственной противопожарной службы России // Вестник Санкт-Петербургского института ГПС МЧС России. 2004. № 5.
12. Шобухин, В.Ю. Правовой статус прокуратуры и прокурорских работников Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шобухин Владимир Юрьевич. - Екатеринбург, 2005. — С. 87.

References:

1. The prosecutor's desk book in 2 parts. Part 1 : a practical guide / O. S. Kapinus [et al.] ; under the general editorship of O. S. Kapinus, S. G. Kehlerov. 6th ed., revised and add. Moscow : Yurayt Publishing House, 2021. p. 147.
2. General theory of the State and Law. Academic Course in 3 Volumes. 2nd Edition / Edited by M.N. Marchenko. Vol. 2. Moscow, 2002, pp. 75-86.
3. Kuznetsova, O.A. Principles of Russian Civil Law. Moscow, 2006, p. 15.
4. Vasilyev, A.M. Legal Categories. Methodological Aspects of the Development of the System of Categories in the Theory of Law. Moscow, 1976, p. 25.
5. Mosin, S. A. Presumptions and Principles in the Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, 2009, p. 16.
6. Sakhabov, R. R. Main Approaches to Understanding the Principles of Law in Russian Legal Science (Soviet and Contemporary Periods) // History of State and Law. 2014. No. 15. Pp. 10-15.
7. Chernogor N. N. The Problem of the Legal Environment in Modern Legal Science // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. — 2014.
8. Organization of the activities of the prosecutor's offices of cities, districts, other territorial and other specialized prosecutor's offices: textbook. Part 1 / [E.E. Agaronova et al.]; under the general editorship of E.B. Khatov; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. — Moscow, 2018. — P. 29.
9. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 dated January 17, 1992 // Federal Law of the Russian Federation. — 1995. — No. 47. — Art. 4472 (with the latest amendments).
10. On the Approval and Implementation of the Code of Ethics for Prosecutors of the Russian Federation and the Concept of Educational Work in the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 114 dated March 17, 2010 // SPS ConsultantPlus.
11. Marchenko V.L. Development of the program of educational work with employees of the State Fire Service of Russia // Bulletin of the St. Petersburg Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2004. № 5.
12. Shobukhin, V.Yu. Legal status of the Prosecutor's Office and prosecutors of the Russian Federation.

ТРЕБОВАНИЕ ПРОКУРОРА, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ПУНКТОМ 3 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 37 УПК РФ – ПОЛНОМОЧИЕ ИЛИ АКТ РЕАГИРОВАНИЯ? THE PROSECUTOR'S REQUIREMENT PROVIDED FOR BY PARAGRAPH 3 OF PART 2 OF ARTICLE 37 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION – AUTHORITY OR ACT OF REACTION?

ТЕРЕНТЬЕВА Екатерина Евгеньевна,

аспирант ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева».

620102, Россия, г. Екатеринбург, ул. Серафимы Дерябиной, дом 15 корп. 2.

E-mail: katia.terentyeva2016@yandex.ru;

TERENTYeva Ekaterina Evgenievna,

postgraduate student of the V.F. Yakovlev Ural State Law University.

15 Serafima Deryabina str., building 2, Yekaterinburg, 620102, Russia.

E-mail: katia.terentyeva2016@yandex.ru

Краткая аннотация: на протяжении десяти лет работники прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, выявляя нарушения закона, направляют требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия. При этом, УПК РФ (пункт 3 часть 2 статьи 37 УПК РФ) предусматривает только полномочие «требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений». В статье рассмотрен обозначенный проблемный вопрос правового регулирования применения актов прокурорского реагирования.

Abstract: for ten years, employees of the prosecutor's office, when overseeing the enforcement of laws by bodies of inquiry and preliminary investigation, identifying violations of the law, have been requesting the elimination of violations of federal legislation committed during the reception, registration and resolution of reports of crimes, the conduct of an inquiry or preliminary investigation. At the same time, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (paragraph 3, part 2 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure) provides only for the authority to "require the bodies of inquiry and investigative bodies to eliminate violations." The article considers the identified problematic issue of the legal regulation of the application of acts of prosecutorial response.

Ключевые слова: акты прокурорского реагирования, надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Keywords: acts of prosecutorial response, supervision of the execution of laws by bodies of inquiry and preliminary investigation.

Для цитирования: Терентьева Е.Е. Требование прокурора, предусмотренное пунктом 3 части 2 статьи 37 УПК РФ – полномочие или акт реагирования? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 223-226. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_223.

For citation: Terentyeva E.E. The prosecutor's requirement provided for by paragraph 3 of part 2 of article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation – authority or act of reaction? // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 223-226. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_223.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Значимость соблюдения конституционных прав граждан является бесспорной. Вопросы обеспечения гарантий защиты высшей конституционной ценности приобретают особенное значение в настоящий период развития Российского государства – в условиях достаточно сложной внешнеполитической ситуации, неизбежно влекущей ряд негативных последствий и во внутренней политической, экономической, социальной жизни страны.

Деятельность органов, входящих в систему публичной власти, в том числе органов прокуратуры, должна быть направлена целиком и полностью на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, их защиту¹.

Единственным государственным органом, осуществляющим от имени Российской Федерации надзор за исполнением законов на территории России, является прокуратура Российской Федерации. Презюмируется, что деятельность прокуратуры в целом, осуществление полномочий должностными лицами прокуратуры, применение ими правовых средств должны быть безупречными с точки зрения закона.

Цель любого направления деятельности прокуратуры - надзорного либо ненадзорного, прежде всего - обеспечение законности. Наиболее уязвимой сферой применения закона, в которой систематически и достаточно существенно нарушаются права и свободы человека и гражданина, является уголовное преследование.

Для обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, в целях выявления нарушений, их устранения, принятия мер профилактического характера прокурор должен быть наделен инструментарием, позволяющим выполнять обозначенные задачи.

Следует отметить, что с момента принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»², вопрос достаточности полномочий прокурора и предусмотренных законом правовых средств устранения выявленных нарушений закона, применяемых при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, является постоянным предметом исследования ученых и в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СП Консультант Плюс, дата обращения 13.06.2024.

² Собрание законодательства РФ, 11.06.2007, № 24, ст. 2830.

области прокурорского надзора, и процессуалистов.

С принятием вышеуказанного Федерального закона полномочия прокурора как по осуществлению уголовного преследования, так и надзорные полномочия существенно сокращены. Создание Следственного комитета – сначала при прокуратуре РФ, а затем – в качестве самостоятельного ведомства, по мнению законодателя, должно было способствовать большей самостоятельности следователя.

Однако, практика показала, что процессуальная самостоятельность следователя, процессуальный контроль руководителя следственного органа не позволяют в достаточной мере обеспечивать законность при осуществлении уголовного преследования.

Логичным явилось возвращение прокурору ряда надзорных полномочий, а именно Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» прокурор вновь наделен правом отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, о прекращении производства по уголовному делу. Кроме того, прокурору предоставлено право требовать от органов дознания и предварительного следствия устранения нарушений федерального законодательства.

Предусмотренное законодателем вышеуказанное «право требовать» до настоящего времени является предметом обсуждения ученых в области прокурорского надзора и в области уголовного процесса.

Проблемных вопросов как теоретического, так и практического характера, связанных с требованием прокурора, предусмотренным пунктом 3 части 2 статьи 37 УПК РФ, достаточно, в том числе: отсутствие дефиниции требования, его характеристик, сроков и порядка направления требования, иные вопросы.

Вместе с тем, наиболее принципиальный вопрос – является рассматриваемое требование прокурора актом прокурорского реагирования или только полномочием, предусмотренным УПК РФ.

Верным представляется мнение Г.А. Гаджиева, согласно которому правоприменитель исходит из презумпции добросовестности законодателя, то есть изначально предполагает, что законодатель вложил в сформулированную им норму какой-то разумный смысл и применение этой нормы не должно быть абсурдным. В основе презумпции добросовестности законодателя есть «высокая вероятность того, что, создавая правовую норму, законодатель стремился к тому, чтобы она не противоречила Конституции» [2, с. 9].

Помимо отсутствия дефиниции требования, правового регулирования его свойств и признаков, на сегодняшний день в науке прокурорского надзора в целом не сформировалось единого мнения относительно требования, предусмотренного пунктом 3 части 2 статьи 37 УПК РФ.

Так, среди исследователей рассматриваемого вопроса нет единства в том, что понимать под правом прокурора требовать от органов дознания и предварительного следствия устранения нарушений федерального законодательства.

Исходя из буквального толкования содержания указанной правовой нормы усматривается, что законодатель предоставил прокурору полномочие в установленном законом порядке требовать от органов предварительного следствия устранения нарушений федерального законодательства. Данную точку зрения занимает А.Ю. Винокуров, по мнению которого «во исполнение требований ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации, предписывающей устанавливать полномочия прокурора только федеральным законом, в УПК РФ были внесены коррективы, связанные с наделением прокурора правом требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства» [1, с. 13]. При этом, по мнению ученого, законодатель наделил прокурора соответствующим полномочием «требовать», не имея в виду новый акт прокурорского реагирования, требовать устранения нарушений, допущенных органами предварительного следствия, прокурор может лишь посредством внесения представления.

Иную точку зрения занимает П.А. Пригорща, отмечая, что «требование прокурора в силу императивности его полномочий может являться составной частью средств выявления нарушений закона, а также актов прокурорского реагирования. Однако реализация полномочия прокурора, предусмотренного п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, связана с применением прокурором требования об устранении нарушений закона как самостоятельного акта реагирования, который вносится субъекту, уполномоченному устранить нарушения закона, и содержит распоряжение прокурора об устранении выявленных нарушений и привлечении к ответственности виновных должностных лиц» [5, с. 84].

Для практических работников прокуратуры является бесспорным, что требование – это самостоятельный акт прокурорского реагирования, применяемый при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Так, еще в 2008 году прокурорами, в том числе в научных работах отмечалось, что одной из мер прокурорского реагирования в настоящее время является требование прокурора [3, с. 16].

Результаты настоящего исследования, практика прокурорского надзора, в том числе проведенное анкетирование действующих прокурорских работников, за которыми закреплен надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, свидетельствуют о том, что требование прокурора, которое характеризуется в том числе такими признаками как оперативность, императивность, результативность, является самостоятельным процессуальным надзорным актом прокурорского реагирования.

Более того, поскольку требованию присущи все признаки и свойства актов прокурорского реагирования, именно в силу данного обстоятельства требование является самостоятельным актом прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона.

Анализ судебной практики свидетельствует о признании судами требования, вносимого прокурором в порядке пункта 3 части 2 статьи 37 УПК РФ, самостоятельным актом прокурорского реагирования.

Так, суд кассационной инстанции, признавая незаконными судебные акты нижестоящих судов по делу об административном правона-

рушении, предусмотренном статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то есть за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, отметил следующее.

Учитывая полномочия прокурора, предусмотренные пунктом 3 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и полномочия, предоставленные прокурору пунктом 2 статьи 4, пунктом 3 статьи 22 и статьей 24 Закона «О прокуратуре РФ», прокурор вправе использовать как требование, так и представление¹.

Аналогичные выводы судов изложены и в иных судебных актах, где отмечено, что при выявлении нарушений уголовно-процессуального законодательства прокурор уполномочен наряду с требованиями прокурора об устранении нарушений требований федерального законодательства, использовать полномочия по внесению представлений.²

При этом, требование является особым актом прокурорского реагирования, в связи с чем необходимо ограничивать требование от иных актов прокурорского реагирования, применяемых прокурорами при выявлении нарушений закона, допущенных органами предварительного расследования, поскольку выбор акта прокурорского реагирования зависит от многих обстоятельств, в том числе от того, в области регулирования каких общественных отношений допущено нарушение, от степени и характера нарушения, субъекта, допустившего нарушение закона.

Как показывает практика, предусмотренное пунктом 2 части 3 статьи 37 УПК РФ требование и представление об устранении нарушений закона, предусмотренное статьей 24 Федерального закона «О прокуратуре РФ», имеют схожую структуру, но при этом, имеют существенные различия как по целевой направленности, так и в иных характеристиках.

Так, действительно, распорядительная или иначе – резолютивная часть представления прокурора, вносимого в адрес поднадзорного объекта в порядке статьи 24 Закона «О прокуратуре РФ», содержит выражение полномочия прокурора в виде формулировки «Требую»: рассмотреть представление незамедлительно, принять исчерпывающие меры по устранению нарушений, причин и условий, им способствовавших, сообщить о результатах рассмотрения представления в установленный законом тридцатидневный срок. Также представление, как правило, содержит требование о рассмотрении вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц, допустивших нарушение закона.

Но, оценивая оба акта прокурорского реагирования, отметим, что принципиальное различие состоит в том, что требование и представление имеют различную целевую направленность – цель их внесения.

Так, требование, вносимое в порядке пункта 3 части 2 статьи 37 УПК РФ, является, по сравнению с представлением, более оперативным актом прокурорского реагирования, поскольку предусматривает краткий – пятидневный срок рассмотрения и предоставления результатов рассмотрения прокурору. Кроме того, требование является «точечным» актом реагирования, поскольку может быть внесено в том числе на единственный факт нарушения закона.

Требование, как правило, вносится по одному материалу проверки в порядке статей 140-145 УПК РФ или по одному уголовному делу, находящемуся в производстве органа дознания или предварительного следствия.

Учитывая совокупность вышеуказанных факторов, цель вынесения требования – максимально оперативное устранение нарушений закона по материалу проверки, срок принятия процессуального решения по которому по общему правилу составляет 3 суток (часть 1 статьи 144 УПК РФ), либо по уголовному делу, находящемуся в стадии расследования.

Представление прокурора, во-первых, предусматривает существенно более длительный срок принятия мер и представления соответствующей информации прокурору. Кроме того, учитывая комплексный характер представления, последнее вносится только при наличии совокупности, системы нарушений, в связи с чем на момент внесения представления уголовное дело уже может быть не только направлено в суд, но и рассмотрено по существу, что фактически исключает устранение нарушений.

Так, например, по уголовному делу по обвинению М. и К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, прокурором уже в ходе рассмотрения дела судом внесено представление в адрес руководителя следственного органа в связи с нарушением принципов уголовного судопроизводства, что выразилось в предъявлении необоснованного обвинения в совершении особо тяжкого преступления, не нашедшего подтверждения в ходе предварительного следствия³.

Таким образом, цель вынесения представления – не только устранение нарушений закона, причем нарушений комплексных, системных, но и превентивная, профилактическая цель – выявление причин и условий, способствовавших совершению нарушений, решение вопроса о привлечении к ответственности лиц, допустивших нарушения закона.

Таким образом, требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных органами предварительного расследования, и представление об устранении нарушений закона являются самостоятельными актами прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением закона органами предварительного расследования. Вместе с тем, имеют различную целевую направленность и связанный с этим различный порядок реализации (внесения и рассмотрения).

О признании практикой прокурорского надзора требования, вносимого при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, самостоятельным актом прокурорского реагирования, свидетельствуют приказы Генерального прокурора РФ, которыми утверждены соответствующие формы отчетности.

Так, например, приказом Генерального прокурора России от 27.03.2017 № 199 утверждена форма отчета «Основные показатели рабо-

¹Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2022 № 16-1942/2022 // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 26.08.2023.

²Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 № 16-2313/2022 // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 26.08.2023.

³Уголовное дело № 1-145/2014 / Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга.

ты прокурора. Форма № ПМ (ежемесячная (кроме 6 и 12 месяцев), почтовый, электронный), раздел 2 которого «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства (за исключением данных о надзоре за ОРД)» предусматривает следующие показатели: «Направлено требований об устранении нарушений федерального законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ» и «Удовлетворено требований об устранении нарушений федерального законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ» (строки 4 и 5 соответственно).

Аналогичные графы отчетности предусмотрены приказом Генерального прокурора России от 15.12.2014 № 703 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе» по форме ОПК и инструкции по его составлению».

Обосновывая позицию, что требование является самостоятельным процессуальным надзорным актом прокурорского реагирования, отметим, что и требование и предусмотренные УПК РФ постановления об отмене незаконного процессуального решения дознавателя или следователя, как правило, на практике, чаще всего выносятся по единичному факту нарушения закона.

При этом, существенной разницей является то, что при вынесении требования прокурор устраняет выявленное нарушение опосредованно, то есть требует от органов предварительного расследования устранения нарушения без указания конкретных мер, в то время, как постановление – это «прямой» акт прокурорского реагирования, непосредственно устраняющий выявленное нарушение, поскольку вынесением постановления прокурор устраняет нарушение - отменяет незаконное постановление, указывая об этом в резолютивной части постановления, приводя доводы, аргументацию незаконности отменяемого процессуального решения в мотивировочной части акта прокурорского реагирования.

Кроме того, отмечая отличие требования от постановления, отметим, что постановление прокурора выносится во всех, прямо предусмотренных УПК РФ случаях, тем самым законодательством предусмотрен исчерпывающий перечень постановлений прокурора как актов прокурорского реагирования, во всех же остальных случаях – актом прокурорского реагирования по устранению выявленных нарушений закона будет являться требование.

Рассматривая указанные акты прокурорского реагирования, необходимо также отметить, что учение о правовых средствах прокурора предусматривает такую группу актов реагирования как процессуальные надзорные акты реагирования на правомерные действия должностных лиц органов предварительного расследования [4, с. 198].

Так, например, в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (пункт 5 части 2 статьи 37 УПК РФ).

С учетом изложенного, можно сделать следующие выводы.

Действующее правовое регулирование, а именно Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации фактически предусматривает единственный процессуальный надзорный акт реагирования – постановление, регламентируя основания его вынесения, содержание, порядок вынесения и направления постановления должностному лицу органа дознания либо предварительного следствия, допустившему нарушение закона.

В свою очередь, не каждое нарушение уголовно-процессуального законодательства может быть устранено прокурором путем вынесения соответствующего постановления. Соответственно, во всех случаях, когда нарушение не может быть устранено вынесением процессуального акта – постановления прокурор направляет требование как самостоятельный акт прокурорского реагирования. При этом, направление прокурором требования должно быть предусмотрено законодательством - Федеральным законом «О прокуратуре РФ» и УПК РФ не как полномочие («требовать»), а как процессуальный надзорный акт реагирования, которому присущи все признаки и свойства акта прокурорского реагирования.

Список литературы:

1. Винокуров А.Ю. Требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия // Адвокат. 2008. № 4. С. 13-16.
2. Гаджиев К.А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003, № 1. С. 9-17.
3. Городков Ю. Надзор за законностью регистрации и разрешения сообщений о преступлениях в органах Следственного комитета // «Законность», 2008, № 8. С. 16-18.
4. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — С. 198.
5. Пригорща П.А. К вопросу о понятии и сущности требования как акта прокурорского реагирования современной прокуратуры // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 1. С. 84 - 86.

References:

1. Vinokurov A.Y. The prosecutor's demand for the elimination of violations of federal legislation committed during the inquiry or preliminary investigation // Advocate. 2008. No. 4. pp. 13-16.
2. Gadzhiev K.A. The constitutional principle of judicial independence in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2003, No. 1. pp. 9-17.
3. Gorodkov Yu. Supervision of the legality of registration and resolution of reports of crimes in the bodies of the Investigative Committee / "Legality", 2008, No. 8. pp. 16-18.
4. Prosecutor's supervision in the Russian Federation : a textbook for universities / E. R. Ergashev. — Moscow : Yurait Publishing House, 2023. — p. 198.
5. Prigorshcha P.A. On the question of the concept and essence of the requirement as an act of prosecutorial response of the modern prosecutor's office // Business in Law. Economic and Legal Journal. 2011. No. 1. pp. 84-86.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НДС: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ LEGAL REGULATION OF VAT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ).

127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru;

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics»,
Russian University of transport.

127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia.

E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

Краткая аннотация. Налог на добавленную стоимость (НДС) в современной России – это фундамент финансовой системы государства, обеспечивающий почти четверть доходов федерального бюджета. В статье рассматриваются действующий нормативный порядок исчисления и уплаты НДС, анализируются основные проблемы функционирования этой системы и предлагаются пути совершенствования. Особое внимание уделено грядущим изменениям – в том числе повышению ставки НДС, снижению порога обязательной уплаты – и их потенциальным последствиям для бизнеса и бюджета.

Abstract. Value-added tax (VAT) in modern Russia is the foundation of the state's financial system, accounting for nearly a quarter of federal budget revenue. This article examines the current regulatory procedure for calculating and paying VAT, analyzes the main problems with the system, and suggests ways to improve it. Particular attention is given to upcoming changes—including an increase in the VAT rate and a reduction in the mandatory payment threshold—and their potential impact on businesses and the budget.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, налогообложение, нормативно-правовая база, предпринимательская деятельность, проблемы, решения.

Keywords: Value added tax, taxation, legal framework, business activities, problems, solutions.

Для цитирования: Шатская И.И. Правовое регулирование НДС: проблемы и решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 227-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_227.

For citation: Shatskaya I.I. Legal regulation of VAT: problems and solutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 227-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_227.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025

Введение. НДС – важный инструмент фискальной политики, который помогает государству регулировать потребительский спрос, поддерживать отдельные отрасли и финансировать государственные нужды. Ключевая задача – найти баланс между справедливостью налога и его устойчивостью как источника доходов.

Система НДС сложна, обременяет бизнес и часто используется для уклонения от уплаты. В условиях планируемых изменений, таких как повышение ставки, снижение порога обязательной уплаты и других мер, важно тщательно оценить их влияние на экономику.

Анализ текущей системы НДС в России показал, что в 2024–2025 годах были приняты меры по её развитию: повышение основной ставки до 22%, изменение льгот и постепенное вовлечение малого бизнеса. Эти шаги направлены на увеличение бюджетных доходов в сложной геополитической ситуации и компенсацию потерь от снижения экспортных пошлин. Однако они несут риски: рост цен, уход бизнеса в тень, сокращение числа малых предприятий.

Совершенствование системы НДС – многогранная задача, включающая ужесточение контроля, расширение налоговой базы, облегчение администрирования и поддержку добросовестных налогоплательщиков. Правительство и налоговые органы уже предпринимают шаги в этом направлении: вводят мораторий на штрафы для новичков, сохраняют критически важные льготы (например, для IT-сектора), продолжают цифровую трансформацию налоговой службы. Это помогает достичь целей фискальной политики: стабильное пополнение бюджета, поддержка экономического роста и обеспечение социальной справедливости.

Результаты исследования и их обсуждение. Налог на добавленную стоимость (НДС) является одним из ключевых источников доходов бюджета в Российской Федерации и основным косвенным налогом на потребление. По данным Федеральной налоговой службы (ФНС), в 2024 году поступления внутреннего НДС в бюджет РФ составили 56,3 трлн. руб., что на 9,5 трлн. руб., или на 20,3% больше, чем в 2023 году. Важность этого налога трудно переоценить: внутренний НДС обеспечил около 12% доходов всей бюджетной системы России (24,7% доходов федерального бюджета), а с учётом НДС на импорт – почти 20% доходов бюджетной системы и 39,9% федерального бюджета [3].

Однако, несмотря на успешное функционирование НДС необходимо отметить, что существуют проблемы: от технических сложностей до экономических рисков.

Налог на добавленную стоимость (НДС) представляет собой одну из наиболее сложных и трудоёмких форм налогообложения с точки зрения бухгалтерского учёта и отчётности. Организации обязаны вести раздельный учёт входящих и исходящих потоков НДС, корректно оформлять счета-фактуры, книги покупок и продаж, а также осуществлять строгий контроль за своими контрагентами. Малые предприятия, впервые сталкивающиеся с необходимостью уплаты НДС, зачастую не обладают достаточными компетенциями в области налогового учёта, что может

привести к ошибкам и наложению штрафных санкций.

Отчётность по НДС характеризуется значительным объёмом данных; с введением обязательного электронного декларирования, включающего детальные расшифровки каждой выставленной и полученной счёт-фактуры, объём информации многократно возрос. Любая неточность в отчётности может повлечь за собой требования пояснений и доначисление налогов. Налоговый кодекс Российской Федерации предусматривает серьёзные меры ответственности, включая штрафы в размере 20% от неуплаченной суммы (40% при умышленном нарушении), блокировку банковских счетов в случае непредставления декларации (статьи 119, 122, 75, 76 НК РФ), а также начисление пени за просрочку.

Для малых предприятий административные издержки, связанные с уплатой НДС, являются несоразмерно высокими. В связи с этим большинство малых фирм предпочитают работать на специальных налоговых режимах, исключающих уплату НДС, с целью избежания данной «бюрократической нагрузки».

Среди ключевых направлений совершенствования системы налогообложения и решения указанных проблем можно выделить следующие меры:

Поддержка налогоплательщиков и упрощение процедур. Введение единого налогового счёта, который уже упростил процесс уплаты налогов, представляет собой важный шаг в данном направлении. Дополнительно перспективным является развитие электронных сервисов Федеральной налоговой службы (ФНС), таких как личный кабинет плательщика НДС, который позволяет автоматически сверять вычеты по НДС с данными контрагентов, получать уведомления о возможных разрывах и оперативно их устранять. Важно, чтобы данные сервисы стали массовыми и удобными, что позволит компаниям заранее предотвращать проблемы, осуществляя предупреждающий налоговый контроль вместо применения штрафных санкций постфактум.

Ускорение возмещения НДС для благонадёжных налогоплательщиков. Основной проблемой для таких компаний является длительное замораживание средств на период проведения проверок. Решение данной проблемы может быть найдено в расширении практики автоматического возмещения НДС для компаний, которые регулярно осуществляют платежи и проходят налоговый мониторинг с последующим выборочным контролем. Расширение круга компаний, имеющих право на ускоренное возмещение НДС, является важным шагом навстречу бизнесу.

Образовательные и консультационные меры. Государству необходимо предоставить малому бизнесу, впервые сталкивающемуся с необходимостью уплаты НДС, бесплатные образовательные программы, инструкции, образцы заполнения деклараций и другие материалы.

Переходные льготы. При введении новой налоговой нагрузки власти должны предусматривать переходные периоды с льготными условиями. В частности, правительство Российской Федерации приняло решение не применять штрафные санкции в 2026 году к предпринимателям, впервые начинающим уплачивать НДС, за ненамеренные ошибки.

Упрощение отчётности по НДС. В дальнейшем необходимо рассмотреть возможность введения упрощённой формы отчётности или освобождения от самостоятельного декларирования НДС, предоставив право расчёта налогов налоговым органам на основе данных, полученных из онлайн-касс и банковских систем.

Высокие ставки и сложность контроля сделали НДС объектом различных схем уклонения. Особенно распространены «однодневки» и «скрутки» НДС. С середины 2010-х годов в России внедрены автоматизированные системы контроля. С 2015 года налоговые органы используют АСК НДС-2, система сопоставляет данные по декларациям НДС и выявляет «налоговые разрывы». Это случаи, когда покупатель заявляет вычет, а продавец не начислил налог, что указывает на участие фирмы-однодневки или другие аномалии. АСК НДС-2 значительно повысила эффективность контроля, но схемы уклонения остаются. Недобросовестные налогоплательщики находят новые способы обналаживания и незаконного возмещения НДС.

Например, распространено дробление бизнеса на мелкие фирмы для применения льготных режимов и ухода от НДС. Правительство борется с этим, снижая пороги выручки для освобождения от НДС. Также выявляются случаи фиктивного документооборота для получения вычетов. Налоговые органы ужесточают контроль, запуская проекты «Прослеживаемость товаров», отслеживая путь товаров от импорта до реализации, и развивая АСК НДС-3 с элементами искусственного интеллекта для анализа данных.

Цифровизация и межведомственное взаимодействие ФНС, таможи и правоохранительных органов уже дают результат: доля серых схем снижается. Однако полностью побороть НДС-мошенничество пока не удалось. Решением могут стать цифровизация налогового администрирования, совершенствование информационных технологий для мониторинга НДС и развитие концепции прослеживаемости товаров.

Следующий шаг – повсеместное внедрение электронного документооборота, включая обязательное электронное выставление счетов-фактур между компаниями и онлайн-счета-фактуры на платформе ФНС. Развитие АСК НДС-3 с расширенным функционалом позволит сделать все сделки прозрачными для налоговой службы практически мгновенно, исключая «скрутки» и сокращая камеральные проверки. Повышение прозрачности и автоматизация контроля – главное условие для облегчения других процедур, таких как быстрое возмещение налога.

Злоупотребления правом на вычет и споры по возмещению налога на добавленную стоимость (НДС) представляют собой актуальную проблему в контексте налогообложения. Данная проблема является своеобразной «обратной стороной» всеобщей системы вычетов НДС, которая, несмотря на свою эффективность, подвержена злоупотреблениям. В частности, налоговые органы нередко отказывают добросовестным налогоплательщикам в праве на возмещение НДС, подозревая их в аффилированности с так называемыми «однодневками» – организациями, созданными исключительно для минимизации налоговых обязательств. Высшие судебные инстанции неоднократно подчёркивали, что само по себе сотрудничество с контрагентами, имеющими признаки проблемности, не является достаточным основанием для отказа в вычете НДС, если налогоплательщик не был вовлечён в сговор с такими контрагентами. Однако на практике бизнес часто вынужден обращаться в суд для защиты

своего права на вычет. Это свидетельствует о наличии системных недостатков в механизме возмещения НДС, при которых риски недобросовестности контрагента перекладываются на добросовестного покупателя.

Судебные разбирательства по вопросам вычета НДС требуют значительных временных и ресурсных затрат, что негативно сказывается на оборотных средствах компаний. Процесс камеральной проверки при возмещении НДС может занимать до 2-3 месяцев, в течение которых значительные суммы денежных средств «замораживаются» в виде дебиторской задолженности государства перед бизнесом. Длительное возмещение НДС воспринимается бизнесом как серьёзная проблема, поскольку фактически бюджет использует их деньги в период проведения проверки.

В ответ на эту проблему был внедрён заявительный ускоренный порядок возмещения НДС, однако воспользоваться им могут не все налогоплательщики. Кроме того, наличие значительных сумм возмещения НДС провоцирует контрольные органы на проведение дополнительных выездных проверок, направленных на выявление возможных схем уклонения от налогообложения.

Эксперты отмечают, что одной из ключевых проблем является непредсказуемость толкования налоговых норм. Меняющиеся разъяснения Федеральной налоговой службы (ФНС) и Министерства финансов Российской Федерации относительно права на вычет по различным операциям, таким как маркетинговые услуги, бонусы, премии и другие, приводят к возникновению споров и доначислений.

Таким образом, механизм вычетов и возмещения НДС, хотя и является необходимым элементом налога на добавленную стоимость, остаётся источником напряжения в отношениях между бизнесом и фискальными органами. Для решения данной проблемы требуется комплексный подход, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, повышение эффективности камеральных и выездных проверок, а также обеспечение предсказуемости и прозрачности налогового администрирования.

С 2026 года ставка НДС вырастет с 20% до 22%. Это повышение негативно скажется на экономике: цены на товары и услуги возрастут, что может ускорить инфляцию и снизить потребительский спрос. НДС является регрессивным налогом, поэтому его увеличение особенно тяжело ударит по малообеспеченным слоям населения. В условиях стагнации реальных доходов, наблюдаемой в 2023–2025 годах, такое решение вызывает критику со стороны экономистов. Кроме того, повышение ставки может стимулировать уклонение от налогов: чем выше налог, тем больше выгоды от ухода в «тень».

Сочетание повышения ставки с одновременным снижением порога освобождения от НДС резко увеличит налоговую нагрузку на малый бизнес. Государство смягчило этот удар, введя поэтапное повышение порога до 2028 года и добавив льготы. Например, для новых плательщиков НДС установлена пониженная ставка 5% на три года, чтобы они могли адаптироваться. Однако даже временно сниженная ставка – это дополнительный налог, которого раньше не было.

Для многих предприятий переход на общий режим с НДС приведёт к потере клиентов или разрыву цепочек поставок. В результате бизнес может уйти в «серый» сектор или закрыться. Таким образом, увеличение сбора НДС несёт риски для деловой активности, и здесь необходим баланс между интересами бюджета и поддержкой бизнеса.

Решением проблемы может стать расширение налоговой базы и устранение лазеек. Совершенствование НДС предполагает сокращение необоснованных льгот и исключений, которые размывают налоговую базу и создают возможности для злоупотреблений. Примерами таких изменений стали отмена освобождения для некоторых операций в IT-отрасли и снижение порога выручки для малого бизнеса до 10 млн. руб. к 2028 году. По оценкам Минфина, повышение ставки до 22% принесёт бюджету около 1 трлн. руб. дополнительных доходов ежегодно, а вовлечение малого бизнеса в НДС – около 200 млрд. руб. Эти меры также направлены на выравнивание условий налогообложения: многие крупные компании дробились на мелкие, чтобы воспользоваться УСН и не платить НДС – теперь этот стимул уменьшится.

Однако важно, чтобы расширение базы не приостановило малый бизнес. Здесь возможны компромиссные решения, такие как введение прогрессивных ставок НДС для малого бизнеса. В принятом Госдумой Федеральном законе от 28.11.2025 № 425-ФЗ закреплена норма о пониженной ставке 5% для малых предприятий, которые впервые станут плательщиками НДС в 2026 году. Эта льгота действует только первый год работы с НДС и может рассматриваться как смягчение налогового удара.

Устранение лазеек – необходимый элемент совершенствования налоговой системы. Нет смысла сохранять льготы, которые утратили актуальность или используются не по назначению. Например, льгота по НДС для банковских услуг стала избыточной в условиях тотальной цифровизации платежей. Однако каждое изменение требует анализа последствий. Социально значимые льготы (на продукты, лекарства) должны сохраняться, а льготы, не имеющие чёткого социального эффекта, могут пересматриваться.

Расширяя налоговую базу, государство получает возможность поддерживать более стабильную ставку налога. Чем шире база, тем ниже может быть ставка при том же уровне поступлений. И наоборот, узкая база вынуждает повышать ставку. России важно избегать чрезмерного повышения ставки – 22% уже высокая нагрузка. В будущем, при благоприятной бюджетной ситуации, можно рассмотреть снижение ставки до 20% или ниже, компенсировав это отменой узких льгот и усилением сбора.

Налоговое регулирование НДС отличается высокой динамичностью – частые изменения и сложность законодательства создают дополнительные трудности для налогоплательщиков. С 2017 года введены новые формы счетов-фактур, с 2019 года повышена ставка налога, а с 2023 года появился единый налоговый счет и новая декларация. В 2024 году отменены некоторые льготы.

Постоянные изменения усложняют налоговое планирование, а законодательство содержит множество специальных норм, которые порой трудно понять. Например, правила исчисления НДС с авансов (ставки 20/120 и 10/110 для сумм, полученных вперед); необходимость восстановления НДС при использовании товаров в необлагаемой деятельности; отдельный учет при сочетании облагаемых и необлагаемых

операций; ограничения на вычеты при быстрой продаже основных средств и т.д. Эти нюансы могут привести к ошибкам и создают сложности в применении.

Эксперты и бизнес-сообщество часто высказываются о необходимости упрощения системы НДС, особенно для малого бизнеса. Предлагаются альтернативные подходы, такие как введение режима торгового сбора вместо НДС или расширение перечня операций, освобожденных от налогообложения.

Пути совершенствования системы НДС могут быть систематизированы следующим образом:

Повышение прозрачности и контроля через цифровые решения, автоматизацию и анализ данных, чтобы предотвратить уклонения.

Расширение налоговой базы за счёт справедливого распределения налоговой нагрузки. Это включает ликвидацию лазеек и вовлечение всех, кто должен платить налоги, в систему.

Снижение издержек соблюдения налоговых требований через упрощение процедур, сервисную ориентацию налоговых органов и обучение налогоплательщиков.

Баланс фискальных и экономических интересов. Важно не перегружать бизнес чрезмерными налогами, а сопровождать фискальные меры компенсационной поддержкой, льготами и переходными периодами.

Только комплексное применение этих мер обеспечит рост налоговых поступлений и создаст благоприятные условия для развития экономики.

Заключение. В контексте реформы 2024–2026 гг. можно сказать, что российское правительство встало на путь комплексных изменений. Повышение ставки до 22% и снижение порогов – это шаги навстречу бюджетным потребностям, но они также включают элементы поддержки (позтапность, мораторий на штрафы, сохранение некоторых льгот). Важно, чтобы эти новшества реализовывались грамотно: ФНС должна быть готова эффективно администрировать выросшее число плательщиков НДС, а бизнес – получить разъяснения и помощь для выполнения новых правил.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч.1,2) от 31.07.1998 № 146-ФЗ, от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. по сост. на 10.11.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2025).
2. Шатская И.И. Правовое регулирование цифрового формата взаимодействия государства и налогоплательщиков // В сборнике: Цифровой суверенитет и кибербезопасность. Материалы Четвертого международного транспортно-правового форума. Москва, 2022. С. 155-163.
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 22.12.2025).

References:

1. Tax Code of the Russian Federation (Parts 1, 2) of July 31, 1998 No. 146-FZ, of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on November 10, 2025) [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus" (accessed: December 22, 2025).
2. Shatskaya I.I. Legal regulation of the digital format of interaction between the state and taxpayers // In the collection: Digital sovereignty and cybersecurity. Materials of the Fourth International Transport Law Forum. Moscow, 2022. pp. 155-163.
3. Official website of the Federal Tax Service of Russia [Electronic resource] // URL: <https://www.nalog.ru> (accessed: December 22, 2025).

МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ MECHANISMS FOR EXERCISING PUBLIC OVERSIGHT OVER THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AND ADMINISTRATIVE BODIES

АБДУЛХОЖАЕВ Ислам Шараниевич,

аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации

ФГБОУ «Пятигорский государственный университет».

357501, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

E-mail: islam_2612@mail.ru;

ABDULKHOZHAEV Islam Sharanievich,

PhD Student, Institute for Advanced Professional Training, Pyatigorsk State University.

Kalinin Avenue, 9, Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357501, Russia.

E-mail: islam_2612@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу основных механизмов осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Рассматриваются такие формы контроля, как общественные проверки, общественные расследования, общественный мониторинг, взаимодействие с общественными советами и палатами. Особое внимание уделено нормативно-правовому регулированию и практике применения данных механизмов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main mechanisms for exercising public oversight over the activities of state authorities and local self-government bodies in the Russian Federation. Such forms of oversight as public inspections, public investigations, public monitoring, and interaction with public councils and public chambers are examined. Special attention is paid to the regulatory and legal framework and to the practical implementation of these mechanisms at the federal, regional, and municipal levels.

Ключевые слова: общественный контроль, органы власти и управления, механизмы, общественные проверки, общественные расследования, общественный мониторинг, общественные советы, общественные палаты.

Keywords: public oversight, government and administrative bodies, mechanisms, public inspections, public investigations, public monitoring, public councils, public chambers.

Для цитирования: Абдулхожаев И.Ш. Механизмы осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти и управления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 231-233. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_231.

For citation: Abdulkhozhayev I.Sh. Mechanisms for exercising public oversight over the activities of government and administrative bodies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 231-233. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_231.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Общественный контроль является неотъемлемым элементом современной системы государственного и муниципального управления, обеспечивая подотчетность органов власти и должностных лиц интересам граждан. Посредством различных механизмов общественного контроля гражданское общество получает возможность оценивать законность, эффективность и качество управленческих решений, а также влиять на их принятие [6].

Российское законодательство закрепляет широкий спектр форм и методов осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. К числу наиболее распространенных механизмов можно отнести:

1. Общественные проверки - независимая оценка соблюдения органами власти и их должностными лицами прав и законных интересов граждан, обеспечения открытости и доступности информации. Данный механизм регулируется Федеральным законом "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" и применяется в различных сферах государственного и муниципального управления. Общественные проверки могут проводиться как по инициативе самих граждан, так и на основании решений уполномоченных органов¹.

2. Общественные расследования - независимое изучение фактов нарушений, допущенных органами власти, а также подготовка рекомендаций по их устранению. Порядок проведения общественных расследований установлен Федеральным законом "Об основах общественного контроля" и предусматривает право их участников запрашивать документы и информацию, опрашивать должностных лиц, а также получать экспертные заключения. Данная форма общественного контроля широко применяется, в частности, в сфере ЖКХ, охраны окружающей среды, обеспечения безопасности.

3. Общественный мониторинг - систематическое наблюдение за деятельностью органов власти и управления, оценка соответствия их решений и действий интересам граждан. Он может осуществляться как путем анализа открытых данных, так и посредством использования специальных методик, включая выездные проверки, опросы населения и другие инструменты. Результаты общественного мониторинга оформляются в виде итоговых докладов, которые направляются в органы власти и становятся основанием для принятия мер реагирования [3].

4. Общественные советы - консультативно-совещательные органы, создаваемые при федеральных, региональных и муниципальных органах управления в целях организации взаимодействия власти и гражданского общества. Их деятельность регламентируется соответствующими нормативно-правовыми актами. Общественные советы вправе запрашивать информацию, заслушивать отчеты должностных лиц, проводить общественные экспертизы и участвовать в оценке качества оказания государственных и муниципальных услуг.

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 №212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. - 22.07.2014. - №163. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/

5. Общественные палаты - негосударственные организации, обеспечивающие взаимодействие граждан с органами власти в целях учета их интересов при выработке и реализации управленческих решений. Их полномочия определены Федеральным законом "Об общественной палате Российской Федерации" и законами субъектов РФ. Общественные палаты осуществляют общественный контроль посредством рассмотрения жалоб и обращений граждан, проведения общественных слушаний и экспертиз, а также направления заключений в адрес органов власти.

Помимо перечисленных, законодательство Российской Федерации предусматривает и другие механизмы общественного контроля, такие как общественные инициативы, общественные обсуждения, общественные слушания и др. Их применение обеспечивает вовлечение широких кругов граждан в процесс мониторинга и оценки деятельности государственных и муниципальных органов [2].

Следует отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к расширению нормативно-правового регулирования институтов общественного контроля в Российской Федерации. Так, в 2014 году был принят Федеральный закон "Об основах общественного контроля", закрепивший основные принципы, формы и процедуры данной деятельности. Кроме того, ряд субъектов РФ разработал собственные региональные законы об общественном контроле, детально регламентирующие механизмы взаимодействия власти и гражданского общества [5].

Вместе с тем, реализация механизмов общественного контроля в Российской Федерации сталкивается с рядом проблем. В частности, отмечается недостаточная информированность граждан о своих правах, слабое материально-техническое и организационное обеспечение деятельности общественных структур, а также формальный подход органов власти к учету общественных предложений и рекомендаций.

Так, согласно социологическим опросам, лишь около 20% россиян знают о существовании Общественной палаты РФ и ее региональных аналогов. При этом большинство граждан считает, что органы власти недостаточно прислушиваются к общественному мнению при принятии важных решений. На практике нередки случаи, когда рекомендации, выработанные в рамках общественного контроля, не находят должного отражения в итоговых управленческих решениях [10].

Таким образом, законодательство Российской Федерации предусматривает широкий спектр механизмов осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. К наиболее распространенным из них можно отнести общественные проверки, расследования, мониторинг, взаимодействие с общественными советами и палатами. Данные формы контроля призваны обеспечивать прозрачность, подотчетность и легитимность управленческих решений, а также способствовать учету интересов граждан в процессах государственного и муниципального управления.

В то же время, практика реализации механизмов общественного контроля в Российской Федерации демонстрирует ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и повышения эффективности взаимодействия власти и гражданского общества. Ключевыми направлениями в этом направлении могут стать: повышение уровня правовой грамотности населения, обеспечение открытости и доступности информации о деятельности органов власти, усиление контроля за учетом общественных предложений при принятии управленческих решений [9].

Одним из основных механизмов осуществления общественного контроля в России является деятельность Общественной палаты РФ и региональных общественных палат. Эти институты призваны обеспечивать взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики. Практика показывает, что Общественная палата РФ активно участвует в экспертизе законопроектов, проводит общественные слушания по актуальным вопросам и выпускает ежегодные доклады о состоянии гражданского общества в России.

Другим важным механизмом является институт общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. Эти консультативно-совещательные органы призваны обеспечивать учет общественного мнения при принятии решений органами власти. Например, Общественный совет при Министерстве экономического развития РФ регулярно проводит экспертизу проектов нормативных правовых актов в сфере экономической политики, что позволяет учитывать мнение бизнес-сообщества и экспертов при разработке государственных программ и стратегий развития [6].

Существенную роль в осуществлении общественного контроля играют некоммерческие организации (НКО) и средства массовой информации. НКО, такие как "Трансперенси Интернешнл - Россия", проводят независимые исследования и мониторинг деятельности органов власти, выявляя случаи коррупции и неэффективного управления. СМИ, в свою очередь, выполняют функцию информирования общества о деятельности властных структур и освещения выявленных нарушений.

Однако, несмотря на наличие различных механизмов общественного контроля, в их реализации существует ряд проблем. Одной из ключевых является недостаточная эффективность обратной связи между органами власти и институтами гражданского общества. Зачастую рекомендации общественных советов и экспертных групп не находят должного отражения в принимаемых решениях. Кроме того, наблюдается недостаточная информированность граждан о возможностях участия в общественном контроле и низкий уровень гражданской активности в целом [4].

Для решения этих проблем необходимо принятие комплекса мер. Во-первых, следует усилить законодательную базу, регулирующую механизмы общественного контроля, в частности, ужесточить требования к учету мнения общественных советов при принятии решений органами власти. Во-вторых, важно развивать систему гражданского образования, повышая уровень правовой и политической культуры населения. В-третьих, необходимо расширять использование цифровых технологий для повышения доступности информации о деятельности органов власти и упрощения процедур участия граждан в общественном контроле [3].

Таким образом, механизмы осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти и управления в Российской Федерации представляют собой сложную и многоуровневую систему. Несмотря на наличие определенных проблем, эта система продолжает развиваться, адаптируясь к новым вызовам и потребностям общества. Дальнейшее совершенствование механизмов общественного контроля будет способствовать повышению эффективности государственного управления и укреплению доверия между властью и обществом.

Список литературы:

1. Акционерные общества как объект общественного контроля в Российской Федерации / К. В. Востриков, Я. Залесны, И. С. Павлов [и др.] // *Административное право и практика администрирования*. – 2020. – № 4. – С. 102-111.
2. Григорьева, Н. С. Совершенствование контроля и регламента органов государственной власти как условие эффективности законотворческой деятельности / Н. С. Григорьева // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2021. – № 87. – С. 151-157.
3. Джаримок, Т. Р. Реализация общественного контроля за формированием и деятельностью органов местного самоуправления в Российской Федерации / Т. Р. Джаримок // *Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты* : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кемерово, 15 марта 2024 года. – Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Западно-Сибирский научный центр", 2024. – С. 17-21.
4. Жуков, Д. В. Некоторые проблемы общественного контроля в сфере культуры / Д. В. Жуков // *Высшая школа: научные исследования* : Материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 01 сентября 2023 года. Том 1. – Москва: Инфинити, 2023. – С. 40-47.
5. Иванов, Д. В. Государственно-правовая региональная политика СССР в сфере противодействия преступности в 1962–1991 гг. (на примере Ленинграда и Ленинградской области) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванов Дмитрий Викторович, 2023. – 292 с.
6. Нургазинов, Б. К. Концепция проекта Закона "об общественном контроле в Республике Казахстан" и вопросы повышения форм общественного контроля / Б. К. Нургазинов, Е. С. Абулгазин // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. – 2021. – № 3(66). – С. 17-25.
7. Романов, Н. А. Система исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации / Н. А. Романов, М. В. Демидов // *Право в современном мире : Сборник научных статей по итогам работы V ежегодного международного круглого стола*, Донецк, 29 апреля 2022 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 127-132.
8. Чиклова, П. О. Общественный контроль как важнейшая составляющая гражданского общества и демократического государства // *Наука, образование: предпринимательская деятельность в поведенческой экономике, формы реализации и механизмы обеспечения* : Материалы Национальной научно-практической конференции, Казань, 04 декабря 2020 года / Под редакцией Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. – Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2020. – С. 300-303.

References:

- 1.Vostrikov, K. V., Zalesny, J., Pavlov, I. S., et al. Joint-stock companies as an object of public oversight in the Russian Federation. *NB: Administrative Law and Administrative Practice*, 2020, no. 4, pp. 102–111.
- 2.Grigorieva, N. S. Improving control and regulations of state authorities as a condition for the effectiveness of legislative activity. *Public Administration. Electronic Bulletin*, 2021, no. 87, pp. 151–157.
- 3.Dzharimok, T. R. Implementation of public oversight over the formation and activities of local self-government bodies in the Russian Federation. In: *Fundamental Scientific Research: Theoretical and Practical Aspects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Kemerovo, March 15, 2024. Kemerovo: West Siberian Scientific Center LLC, 2024, pp. 17–21.
- 4.Zhukov, D. V. Certain issues of public oversight in the field of culture. In: *Higher School: Scientific Research. Proceedings of the Interuniversity International Congress*, Moscow, September 1, 2023, Vol. 1. Moscow: Infinity, 2023, pp. 40–47.
- 5.Ivanov, D. V. State and legal regional policy of the USSR in the field of crime prevention (1962–1991): the case of Leningrad and the Leningrad Region. *PhD dissertation (Law)*. 2023, 292 p.
- 6.Nurgazinov, B. K., Abulgazin, E. S. The concept of the draft law "On Public Oversight in the Republic of Kazakhstan" and issues of improving forms of public oversight. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2021, no. 3(66), pp. 17–25.
- 7.Romanov, N. A., Demidov, M. V. The system of executive authorities of a constituent entity of the Russian Federation. In: *Law in the Modern World. Collection of scientific articles based on the V Annual International Round Table*, Donetsk, April 29, 2022. Donetsk: Donetsk National University, 2022, pp. 127–132.
- 8.Chiklova, P. O. Public oversight as a key component of civil society and a democratic state. In: *Science and Education: Entrepreneurial Activity in Behavioral Economics, Forms of Implementation and Support Mechanisms. Proceedings of the National Scientific and Practical Conference*, Kazan, December 4, 2020. Kazan: University of Management "TISBI", 2020, pp. 300–303.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PARAMETERS OF ENVIRONMENTAL VIOLATIONS IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СОСИН Владимир Владимирович,

Младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия).

677000, Российская Федерация, Республики Саха (Якутия), г. Якутск, пр. Ленина, 30.

E-mail: browntown14@mail.ru;

SOSIN Vladimir Vladimirovich,

Junior researcher Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia).

30 Lenin Ave., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russian Federation.

E-mail: browntown14@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлены результаты исследования судебной практики по экологическим правонарушениям в Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ). На основе анализа 1430 судебных решений по административным и уголовным делам за 2020–2022 гг., были выявлены основные тенденции совершаемых правонарушений в сфере охраны окружающей среды в Российской Арктике. Определены наиболее уязвимые компоненты природной среды, проанализирована динамика и структура дел, а также практика назначения наказаний. Результаты свидетельствуют о снижении строгости санкций, как административных, так и уголовных, что противоречит стратегическим приоритетам обеспечения экологической безопасности в Арктике. В работе обосновывается необходимость адаптации природоохранного законодательства и ужесточения мер ответственности, с учётом специфики Арктического региона.

Abstract: The article presents the results of a study of judicial practice on environmental offenses in the Arctic zone of the Russian Federation (AZ RF). Based on the analysis of 1,430 court decisions in administrative and criminal cases for 2020-2022, the main trends in environmental violations in the Russian Arctic have been identified. The most vulnerable components of the natural environment are identified, the dynamics and structure of cases are analyzed, as well as the practice of sentencing. The results indicate a reduction in the severity of sanctions, both administrative and criminal, which contradicts the strategic priorities of ensuring environmental safety in the Arctic. The paper substantiates the need to adapt environmental legislation and tighten liability measures, taking into account the specifics of the Arctic region.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, экологические правонарушения, административная ответственность, уголовная ответственность, судебная практика, экологическая безопасность, правоприменение, охрана окружающей среды.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, environmental offenses, administrative responsibility, criminal liability, judicial practice, environmental safety, law enforcement, environmental protection.

Для цитирования: Сосин В.В. Характеристика экологических правонарушений в Арктической зоне Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 234-238. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_234.

For citation: Sosin V.V. Parameters of environmental violations in the Arctic zone of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 234-238. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_234.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗ РФ) представляет собой уникальную территорию, значимость которой определяется ключевым геополитическим положением, значительными запасами природных ресурсов и важной ролью в обеспечении биологического разнообразия. Активное промышленное освоение данного макрорегиона, включающее разработку месторождений, расширение функциональности Северного морского пути и строительство инфраструктурных объектов, приводит к существенному увеличению негативного воздействия на уникальную окружающую природную среду. Допускаемые при этом нарушения природоохранного законодательства в Арктике создают особую опасность для экологической безопасности, подрывая базовые условия обеспечения жизнедеятельности и благополучия настоящего и будущих поколений.

Бринчук М.М. и Каспроева Ю.А., признавая Арктику в качестве специфического объекта экологической безопасности, отмечают, что отношения по поводу ее природных объектов и ресурсов регулируются одновременно всем объемом норм экологического и природоресурсного законодательства и права [1].

В настоящее время законодательство Российской Федерации об охране окружающей среды не содержит правовых норм, устанавливающих особый порядок регулирования отношений, возникающих по поводу охраны природных систем АЗ РФ. Соответственно, правонарушения¹ в сфере охраны окружающей среды АЗ РФ пресекаются в рамках функционирования общих механизмов охраны окружающей среды, следуя общероссийским тенденциям развития правоохранительной практики.

Лексин В.Н. и Порфирьев Б.Н. считают естественным, но не совсем правильным, что при формулировании проблематики развития российской Арктики как потенциального предмета правового регулирования принято подчеркивать специфичность арктических условий, поскольку арктические проблемы являются следствием общероссийских, у них общий генезис и единая общественно-политическая и социально-экономическая среда крайне медленного выхода из перманентнокризисного состояния 1990-х и последующих годов [2].

Таким образом, в научной дискуссии о правовом регулировании в Арктике правомерно подчёркивать общероссийский генезис и контекст арктических проблем, что делает некорректным их рассмотрение в полной изоляции от общенациональных правовых и социально-экономи-

¹ Согласно определению, установленному Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26. (часть I) – ст. 3851

ческих тенденций. С другой стороны, нельзя игнорировать объективную специфику Арктической зоны, которая обуславливается исключительной уязвимостью её экосистем, особыми климатическими условиями, повышенной сложностью и стоимостью ликвидации экологического ущерба, а также жизнью и традиционной хозяйственной деятельностью коренных малочисленных народов. Эта специфика, даже при действии общего законодательного поля, на практике формирует уникальный профиль экологических рисков и правонарушений, требующий отдельного эмпирического изучения и анализа для выработки адекватных механизмов правового реагирования.

Именно для выявления конкретных характеристик, структуры и тенденций экологических правонарушений в этом уникальном макрорегионе и было предпринято настоящее эмпирическое исследование.

В ходе настоящего исследования на основе данных информационных порталов судебных решений «СудебныеРешения.РФ»¹ и «Судебные и нормативные акты РФ»² было собрано и проанализировано 1430 судебных решений по административным и уголовным делам, связанным с экологическими правонарушениями в арктических регионах, в т.ч. 788 дел об административных правонарушениях и 642 уголовных дела по экологическим преступлениям за 2020 – 2022 годы (Таб. 1).

Таблица 1 – Количество административных и уголовных дел по экологическим правонарушениям в АЗ РФ, ед.

Год	2020	2021	2022
Админ. дел	198	306	284
Уголовных дел	177	251	214

В целях определения наиболее уязвимых и подвергающихся неправомерному антропогенному воздействию компоненты окружающей природной среды, судебные решения были разделены на соответствующие категории по основным компонентам окружающей среды, охраняемым законом (Таб. 2).

Таблица 2 – Классификация экологических правонарушений по компонентам природной среды

Компоненты природной среды	Статьи КоАП РФ	Статьи УК РФ
Животный и растительный мир, ООПТ, редкие и исчезающие виды	8.29, 8.33, 8.34, 8.35, 8.36, 8.37, 8.38, 8.39, 8.48	249, 256, 257, 258, 258.1, 259, 260.1, 262
Лесные ресурсы	8.5.2, 8.25, 8.26, 8.27, 8.28, 8.28.1, 8.28.2, 8.30, 8.30.1, 8.31, 8.32, 8.32.1, 8.32.2, 8.32.3, 8.45.1	260, 261
Водные объекты, морские воды, континентальный шельф, гидрометеорология, судоходство	8.12, 8.12.1, 8.13, 8.14, 8.15, 8.16, 8.17, 8.18, 8.19, 8.20, 8.40, 8.42, 8.45, 8.49	250, 252, 253
Атмосферный воздух, озоновый слой	8.2.1, 8.21, 8.22, 8.23	251
Земля, почва, недра	8.6, 8.7, 8.8, 8.9, 8.10, 8.11	254, 255
Обращение с отходами и иными опасными веществами	8.2, 8.2.2, 8.2.3, 8.3, 8.5.1, 8.5.3, 8.50	247, 248
Иные нарушения охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной деятельности	8.1, 8.4, 8.5, 8.41, 8.41.1, 8.43, 8.44, 8.46, 8.47, 8.51, 8.55	246

В целом, за указанный период наблюдается рост количества рассмотренных в суде экологических правонарушений. Наибольшее количество экологических правонарушений приходится на 2021 год, когда прирост с 2020 года составил порядка 50% по административным правонарушениям и 42% по уголовным преступлениям. В 2022 году количество этих дел сократилось незначительно – на 7% и 15% соответственно.

Распределение количества административных правонарушений в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. по субъектам их совершения представлено на Рис. 1.

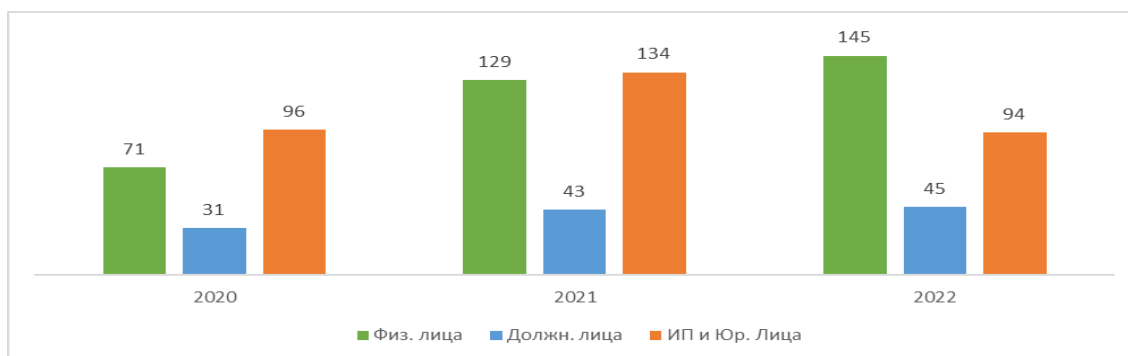

Рисунок 1 – Субъекты совершения административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг., ед.

¹ СудебныеРешения.РФ [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ»: Гл. ред. П. Нетупский (зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ИА № ФС 77-77427). – URL: <https://судебныерешения.рф>

² Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». – URL: <https://sudact.ru/>

Следует отметить тенденцию роста количества административных правонарушений, совершаемых физическими лицами (гражданами), что может быть связано с тем, что большая часть произведенных изменений в санкциях за административные правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования не затронула размеры административных штрафов для граждан, а коснулась исключительно должностных и юридических лиц. Если размеры штрафов для последних выросли многократно, то для граждан они практически остались на прежнем уровне, за исключением правонарушений, посягающих на охрану лесных ресурсов.

Распределение количества проанализированных решений по административным правонарушениям в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. в разрезе субъектов РФ представлено на Рис. 2.

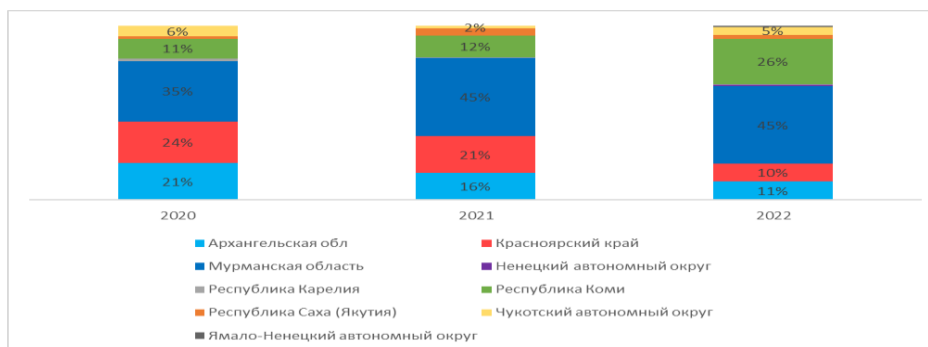

Рисунок 2 – Распределение количества административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. в разрезе субъектов РФ, %

3. Распределение рассмотренных экологических преступлений в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. в разрезе субъектов РФ представлено на Рис.

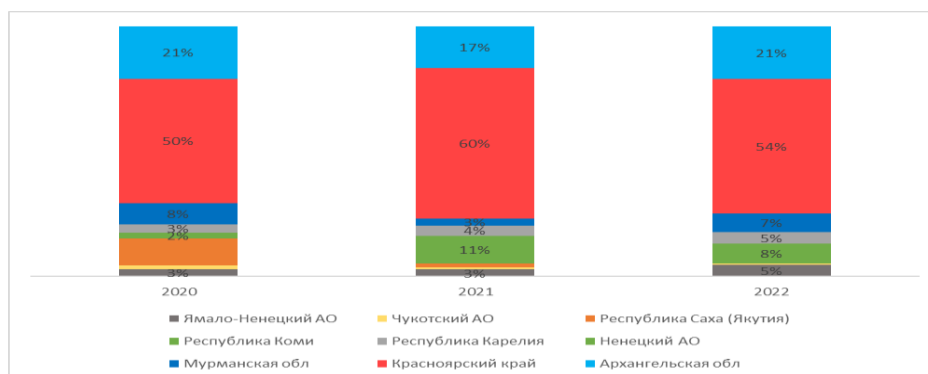

Рисунок 3 – Распределение количества экологических преступлений в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. в разрезе субъектов РФ, %

Соотношение количества административных правонарушений и преступлений в регионах не сопоставимо, учитывая, что законодательством предусмотрено значительное большее число составов административных правонарушений, нежели преступлений. С другой стороны, такая картина в большей степени обусловлена различиями в распространенности групп экологических правонарушений между ними.

В соответствии с указанной выше классификацией было получено распределение административных правонарушений по группам – компонентам природной среды, которое представлено на Рис. 4.

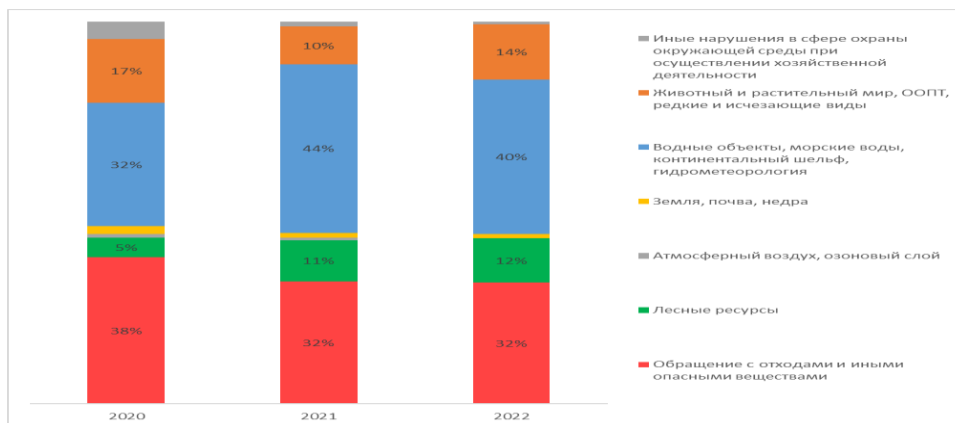

Рисунок 4 – Распределение административных правонарушений за 2020 – 2022 гг. по компонентам природной среды, %

В то же время, количество экологических преступлений практически поровну распределено между группами «Животный и растительный мир, ООПТ, редкие и исчезающие виды» и «Лесные ресурсы». Экологические преступления других групп носят единичный характер и являются исключением из общего правила. Такое положение дел в первую очередь связано с тем, что в соответствии с действующим законодательством, в отдельности, УК РФ, юридические лица не могут выступать субъектами преступлений. В противном случае – мы бы получили абсолютно иную картину. На данный момент законодательство сосредоточено исключительно на уголовном преследовании граждан при совершении ими правонарушений, выходящих за рамки административного законодательства.

Эффективность любой нормы права связана с возможностью ее применения, обеспечивающего реализацию цели, ради которой она создавалась. Об эффективности уголовной ответственности юридических лиц применительно к экологическим правонарушениям можно говорить тогда, когда уголовно-правовые санкции смогут обеспечить реальную защиту окружающей среды и общую профилактику экологической преступности. Несмотря на установление уголовной ответственности юридических лиц (в том числе и за совершение экологических преступлений) более чем в 80 странах мира, в Российской Федерации уголовная ответственность для юридических лиц не предусмотрена [6].

Таким образом, исходя из полученных данных, в качестве наиболее уязвимого или подвергающегося неправомерному антропогенному влиянию компонента природной среды в АЗ РФ с точки зрения количества совершаемых административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования выступают водные объекты. Далее, треть всех дел приходится на правонарушения, связанные с обращением с отходами и иными опасными веществами. Остальная часть правонарушений связана с нарушениями в сфере охраны объектов животного мира и лесных ресурсов практически в равной доле.

Львиная доля всех дел об административных правонарушениях (90%) завершаются назначением административного наказания в виде административного штрафа, остальные – прекращением производства.

В рамках указанных административных дел в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг. в совокупности взыскано более 83 млн. руб. Имеется тенденция к сокращению размеров наложенных административных штрафов за правонарушения (Таб. 3). С 2020 г. средние размеры наложенных штрафов сокращаются на 48-57% ежегодно, а совокупные размеры – на 33-50%. Такая картина в общем согласуется с общероссийскими тенденциями, согласно которым средний размер административных штрафов за экологические правонарушения с 2020 по 2023 г. сократился на 46%, а совокупный размер – на 56%.

Таблица 3 – Динамика изменения размеров административных штрафов за правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования в АЗ РФ за 2020 – 2022 гг.

Год	2020			2021			2022		
	Физ. лица	Должн. лица	ИП и Юр. лица	Физ. лица	Должн. лица	ИП и Юр. лица	Физ. лица	Должн. лица	ИП и Юр. лица
Средний размер штрафа, тыс. руб.	41	40	725	85	168	154	77	25	57
Совокупный размер штрафов, тыс. руб.	2 622	999	37 681	10 255	4 701	12 932	9 951	803	3 342

Касаемо уголовных дел, связанных с экологическими преступлениями, следует отметить невысокий процент обвинительных приговоров – от 62% в 2020 г. до 66% в 2022 г. Реальное лишение свободы назначалось в 10% уголовных дел в 2020 г. и в 6% уголовных дел в 2021-2022 г. Средний срок лишения свободы составляет около 3 лет и 2 месяцев. Абсолютной нормой стало назначение условного лишения свободы – около 90% решений, со средним сроком 1 год и 8 месяцев. Назначение штрафа снизилось от 16% уголовных дел в 2020 г. до 13% в 2022 г. Также довольно высок процент освобождения от уголовной ответственности (34-40%), в основном, в связи с деятельным раскаянием и с назначением судебного штрафа. Средний размер судебного штрафа составляет 200 тыс. рублей.

Таким образом, проанализированная судебная практика демонстрирует, что цена совершения экологического правонарушения как в России, так и в ее Арктической зоне, не растет, а наоборот снижается, вопреки инфляции и политической декларации государства в основных документах стратегического планирования о приоритетном внимании к вопросам обеспечения экологической безопасности в Арктике.

Выводы

В ходе работы собраны достаточно репрезентативные данные о судебных решениях, касающихся административных и уголовных дел в сфере охраны окружающей среды в Российской Арктике, за 2020 – 2022 гг. Анализ этих данных позволил выявить несколько ключевых тенденций:

1. Исходя из полученных данных, наибольшую угрозу экологические правонарушения в АЗ РФ представляют для состояния водных ресурсов, сферы обращения с отходами и иными опасными веществами, объектов животного и растительного мира, а также лесных ресурсов.

2. Оценка привлечения правонарушителей к юридической ответственности выявила проблемы, связанные с разными подходами к наказанию за различные виды правонарушений, учитывая размеры штрафов, сроки и типы наказаний, что позволило обрисовать общую картину правоприменительной практики. В целом, результаты демонстрируют, что цена совершения экологического правонарушения в России, в том числе в ее Арктической зоне, с точки зрения строгости санкций, неуклонно снижается. Меры финансового воздействия, предусмотренные КоАП РФ, не выполняют превентивную функцию, так же, как и меры уголовного наказания, представляются чересчур мягкими. Данный факт сигнализирует о возрастающих рисках ослабления правоохранительной функции государства по пресечению экологических правонарушений.

3. В ходе исследования выявлены проблемы, связанные с оценкой эффективности правоприменения в сфере охраны окружающей среды. В последнее время наметилась слишком большая разница в подходах к установлению размеров административных штрафов для граждан, должностных и юридических лиц, что лежит в основе значительного роста количества правонарушений, совершаемых физическими лицами.

Следующая проблема обусловлена имеющимся разделением процесса рассмотрения экологических правонарушений на различные виды судопроизводства, что усложняет согласованность и последовательность в применении законодательных норм. При рассмотрении экологических правонарушений через призму административных и уголовных дел, сложно выстроить взаимосвязи с возмещением ущерба окружающей среде, осуществляемым в порядке гражданско-правового судопроизводства, что может искажать общую картину эффективности охраны окружающей среды.

Отдельные исследования судебной практики в числе прочего демонстрируют тенденции, когда дело, инициированное по факту нанесенного ущерба природным объектам, рассматривается в судах нескольких инстанций. Результатом такого рассмотрения является уменьшение взыскиваемой суммы более чем в 5 раз [4].

Следует также подчеркнуть, что взыскание компенсации за причиненный ущерб окружающей среде и принуждение к восстановлению нарушенной среды в порядке гражданского производства является довольно сложным, трудозатратным и не всегда успешным процессом. И при росте правонарушений растет и соответствующая нагрузка на органы государственной власти, что в конечном счете может привести к авральному и неэффективному режиму применения природоохранного законодательства. В связи с этим, параллельно с модернизацией законодательства об охране окружающей среды, направленной на повышение экологической и социальной ответственности, необходимо корректировать административно-правовые и уголовно-правовые нормы в целях надлежащего выполнения ими профилактической функции.

Стоит также отметить результаты опубликованного в 2021 г. исследования взаимосвязей личностных проекций жителей Арктического Севера с оценками пределов гуманизации уголовных наказаний в России, которые продемонстрировали наличие в обществе тенденции к восприятию строгости наказания как его справедливости, эффективности. В частности, было выявлено, что респонденты эмоциональной личностной проекции и группы КМН считают уровень строгости уголовных наказаний за совершение экологических преступлений явно недостаточным, предлагая существенное его повышение. Возможность гуманизации уголовных наказаний в настоящее время отвергается всеми респондентами изученной выборки [5].

В целом, современные тенденции судебной практики по экологическим правонарушениям в АЗ РФ указывают на необходимость комплексного подхода к решению проблем охраны окружающей среды. Быстрое реагирование государственного аппарата на экологические вызовы, необходимость повышения контроля за соблюдением экологических норм и выработка эффективных мер законодательного регулирования становятся ключевыми факторами для обеспечения устойчивого развития АЗ РФ.

Согласно полученным результатам, на данном этапе развития правоотношений назревает необходимость адаптации природоохранного законодательства и сосредоточения внимания правоохранительных и надзорных органов к экологическим нарушениям в данном регионе. В связи с чем, предлагается рассмотреть возможность:

- соразмерного ужесточения санкций для граждан за экологические правонарушения по делам об административных правонарушениях в сфере охраны окружающей среды и природопользования;
- рассмотрение возможности выделения административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования, совершаемых на территории АЗ РФ, в квалифицированные составы правонарушений.

Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РС (Я) на НИР «Адаптация механизмов управления устойчивым развитием северных и арктических территорий в условиях изменения климата» (2025 г.), приказ №01-03/2583 от 27.12.2024 г.

Список литературы:

1. Бринчук М.М., Каспрова Ю.А. Арктика как специфический объект экологической безопасности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 2. – С. 235 – 242.
2. Лексин В.Н., Порфилев Б.Н. Состояние и задачи государственного управления социально-экономическим развитием Российской Арктики: правовой аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 2. – С. 114 – 138.
3. Кузнецова Н.И. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 567–576. DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576.
4. Плоцкая О.А., Атабеков К.К., Грудинин Н.С. Правовая основа и судебная защита экологической безопасности при угле- и нефтедобыче (на примере приарктических территорий Республики Коми) // Уголь. – 2024. – № 10. – С. 46 – 50. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-10-46-50
5. Науменко Е.А., Науменко О.Н., Абдуллин А.Г. Личностные проекции жителей Арктического Севера в оценке пределов гуманизации уголовных наказаний // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 81. – С. 201–214. doi: 10.17223/17267081/81/10
6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 26. (часть I) – ст. 3851
7. Судебные Решения.РФ [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Судебные Решения РФ»: Гл. ред. П. Нетупский (зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ИА № ФС 77-77427). – URL: <https://судебныерешения.рф>
8. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». – URL: <https://sudact.ru/>
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002 – № 1 (часть I) – ст. 1
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25 – ст. 2954

References

1. Brinchuk M.M., Kasprova Yu.A. The Arctic as a specific object of environmental safety // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". – 2021. – No. 2. – pp. 235-242
2. Leksins V.N., Porfilyev B.N. The state and tasks of state management of socio-economic development of the Russian Arctic: a legal aspect // Issues of state and municipal management. – 2018. – No. 2. – pp. 114-138.
3. Kuznetsova N.I. And again on the criminal liability of legal entities: two views on the problem (using the example of environmental crimes) // All—Russian Journal of Criminology. – 2023. – Vol. 17, No. 6. – pp. 567-576. DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576.
4. Plotskaya O.A., Atabekov K.K., Grudin N.S. The legal basis and judicial protection of environmental safety in coal and oil production (on the example of the Arctic territories of the Komi Republic) // Coal. – 2024. – No. 10. – pp. 46-50. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-10-46-50
5. Naumenko E.A., Naumenko O.N., Abdullin A.G. Personal projections of residents of the Arctic North in assessing the limits of humanization of criminal penalties // Siberian Psychological Journal. – 2021. – No. 81. – pp. 201-214. doi: 10.17223/17267081/81/10
6. Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 26. (part I) – art. 3851
7. Judicial decisions.RF [Electronic resource] // Information Agency "Judicial Decisions of the Russian Federation": Chief Editor P. Netupsky (registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number IA FS 77-77427). – URL: <https://судебныерешения.рф>
8. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource] // Internet resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". – URL: <https://sudact.ru/>
9. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002 – No. 1 (p I) – art. 1
10. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25 – art. 2954

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ CURRENT ISSUES OF REFORMING THE INSTITUTE OF STATE CIVIL SERVICE

ДИВИН Игорь Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, судья в отставке.

Россия.

E-mail: id0134@mail.ru;

ДИВИНА Лала Эльдаровна,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра организационно-кадровой работы в органах государственной власти

ФГБОУ ВО «МИРЭА- Российский технологический университет», г. Москва,

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 78 стр. 4.

E-mail: lala-104@mail.ru;

DIVIN Igor Mikhailovich,

Doctor of Law, Associate Professor, retired judge.

Russia.

E-mail: id0134@mail.ru;

DIVINA Lala Eldarovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Organizational and Personnel Work in Public Authorities

MIREA- Russian Technological University, Moscow,

119454, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, 78 p. 4.

E-mail: lala-104@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются современные вызовы и проблемы, стоящие перед институтом государственной гражданской службы Российской Федерации. На основе сопоставления правовых норм, институциональной практики и актуальных тенденций государственной политики формулируются предложения по совершенствованию нормативной базы и управленческих подходов. Ставится акцент на необходимость переосмысления целей и механизмов кадровой политики, обеспечивающей устойчивость и эффективность государственного управления в условиях трансформации социально-политических реалий.

Abstract: the article analyzes the current challenges and problems facing the Institute of the State civil service of the Russian Federation. Based on a comparison of legal norms, institutional practices and current trends in public policy, proposals are formulated to improve the regulatory framework and management approaches. The emphasis is placed on the need to rethink the goals and mechanisms of personnel policy, ensuring the sustainability and effectiveness of public administration in the context of the transformation of socio-political realities.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, административная реформа, цифровизация государственной службы, правовое регулирование.

Keywords: state civil service, administrative reform, digitalization of public service, legal regulation.

Для цитирования: Дивин И.М., Дивина Л.Э. Актуальные вопросы реформирования института государственной гражданской службы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 239-242. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_239.

For citation: Divin I.M., Divina L.E. Current issues of reforming the Institute of State Civil service // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 239-242. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_239.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

В современной правовой доктрине государство конституируется как правовая организация публичной власти, осуществляющая нормативно закреплённое регулирование общественных отношений посредством специализированных институтов. Его институциональная сущность проявляется в способности формировать устойчивый правопорядок и обеспечивать юридическое обеспечение функционирования всех социально значимых структур. Центральным инструментом осуществления публичной власти в рамках государственной юрисдикции выступает система государственной власти, характеризующаяся правом издавать общеобязательные нормативные предписания, действующие в пределах всей территории государства. Именно правовая природа государственной власти придаёт легитимность её управленческим функциям, обеспечивая верховенство права как основополагающий принцип государственной организации.

В рамках административно-правового анализа государственная власть предстает как институционально организованная система публичного управления, реализуемая посредством иерархически выстроенного комплекса государственных органов, функционирующих в пределах установленных административно-правовых норм. Центральное место в этой системе занимает механизм государственного управления, представляющий собой совокупность органов исполнительной власти, учреждений и должностных лиц, наделённых в установленном порядке властными полномочиями. С административно-правовой позиции данный механизм выполняет задачи нормотворчества подведомственного характера, оперативного регулирования общественных отношений, а также обеспечивает реализацию управленческих решений в пределах компетенции. Важнейшей чертой административной юрисдикции в указанном контексте выступает исключительное право государства на применение мер административного принуждения, что подтверждает публично-властную природу административной деятельности и указывает на системную зависимость эффективности государственной гражданской службы от правового режима её организации и функционирования [9].

В контексте современного развития публичной власти особое место занимают государственные органы, представляющие собой юридически институционализированные компоненты системы исполнительной власти. Их деятельность осуществляется на основе определённой

компетенции, закреплённой в нормативных правовых актах, и направлена на реализацию публично значимых функций, что придаёт системе государственного управления устойчивость и правовую предсказуемость. С правовой точки зрения, именно через деятельность государственных органов, опосредованную государственной гражданской службой, реализуется механизм административного воздействия на общественные процессы.

Институт государственной гражданской службы Российской Федерации, нормативно закреплённый, прежде всего, в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», выступает правовой формой организации профессиональной деятельности по исполнению публичных управленческих полномочий. Через данный институт обеспечивается не только техническая реализация управленческих решений, но и поддержание нормативной целостности административной системы [1].

Актуальные трансформации в области государственного управления ставят перед административно-правовой наукой задачу критического переосмысления существующих механизмов регулирования гражданской службы. Речь идёт не столько о количественных изменениях кадрового состава, сколько о правовой модернизации института в соответствии с новыми требованиями к качеству управления, профессиональной этике, прозрачности и подотчётности. На первый план выходят вопросы пересмотра правового статуса гражданского служащего, механизмов правовой ответственности, процедур конкурсного отбора, а также норм, регламентирующих прохождение службы, включая положения главы 3 и главы 4 упомянутого федерального закона.

Изменения затрагивают и взаимодействие гражданской службы с иными формами публичной службы, что требует гармонизации правового регулирования в рамках единой системы государственной службы, обозначенной в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 15.08.2001 № 1024-р). В условиях нарастания социокультурной сложности публичной сферы, правовой инструментарий регулирования гражданской службы должен отвечать как требованиям эффективности управления, так и критериям законности и правовой определённости [2].

Современное состояние института государственной гражданской службы в Российской Федерации демонстрирует устойчивую тенденцию к чрезмерной процедурной формализации, что представляет собой одну из ключевых проблем в административно-правовом аспекте его функционирования. Регламентация служебной деятельности, закреплённая в нормах Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», фактически сконцентрирована на детализированном описании обязанностей и процедур, не оставляя достаточного пространства для реализации инициативности и результативно-ориентированных практик. В результате, в служебной практике преобладают рутинные, регламентные действия, что затрудняет стимулирование профессионального роста и снижает мотивационный потенциал кадрового состава.

Сложившаяся модель правового регулирования гражданской службы не предусматривает действенных механизмов, связывающих результаты деятельности служащих с их карьерным продвижением. В нормативных актах отсутствует чёткая и юридически обязывающая система оценки эффективности исполнения должностных обязанностей. Несмотря на положения статьи 48 упомянутого Федерального закона, в которых обозначены формы поощрения гражданских служащих, критерии результативности остаются размытыми, а процедуры оценки — недостаточно формализованными. Как следствие, продвижение по службе часто определяется не объективно измеримыми достижениями, а стажем или принадлежностью к определённым административным группам. Данный феномен свидетельствует о деформации принципа меритократии, заложенного в основе административной службы правового государства.

Кроме того, актуальность приобретает необходимость в пересмотре концептуальных основ кадровой политики в государственном управлении. Действующая модель управления персоналом, основанная преимущественно на административно-бюрократической логике, не соответствует вызовам новой управленческой реальности, требующей перехода к стратегическому управлению человеческими ресурсами. Административно-правовая модернизация должна предусматривать внедрение нормативно закреплённых процедур, обеспечивающих оценку профессионального потенциала служащих, правовое оформление механизмов целевого подбора и развития кадрового резерва. Перспективным представляется правовое закрепление индивидуализированных траекторий служебного роста, подкреплённых объективными юридическими критериями результативности и профессиональной компетентности [11].

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости комплексного реформирования не только нормативной базы, но и организационно-функционального содержания государственной службы. Эффективная трансформация возможна при условии пересмотра устоявшихся подходов к оценке служебной результативности, повышению прозрачности карьерных механизмов, а также интеграции цифровых решений в управление кадровыми процессами. Только в этом случае институт государственной гражданской службы сможет соответствовать задачам современного этапа государственного развития, становясь не просто административной структурой, а полноценным кадровым ресурсом, способным обеспечивать реализацию стратегических целей государства [8].

Одним из приоритетных векторов трансформации института государственной гражданской службы на современном этапе представляется пересмотр её концептуальных оснований через призму административно-правового регулирования. В условиях институциональных изменений и актуализации принципов открытости и подотчётности власти усиливается потребность в отходе от архаичной модели Веберовского типа, основанной преимущественно на иерархичности и формализме. Вместо неё обоснованным представляется переход к модели, в которой государственный служащий рассматривается не только как субъект административного подчинения, но и как деятель, реализующий публичные функции в логике сервиса, ориентированного на интересы граждан.

Такой подход предполагает развитие нормативной базы, регулирующей деятельность гражданских служащих, в том числе с позиций

усиления юридической ответственности за качество предоставляемых ими государственных услуг. В этом контексте особую значимость приобретает реализация положений Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в части, касающейся профессиональных компетенций, оценки эффективности и прозрачности административных процедур. Соответственно, административно-правовая модернизация института службы должна быть направлена не только на изменение организационно-штатных схем, но и на внедрение правовых механизмов, обеспечивающих реализацию принципов служения обществу, предусмотренных в частности ст. 3 указанного закона [7; 10].

Это требует пересмотра подходов к отбору и профессиональной подготовке кадров. Стратегическим шагом здесь может стать формирование сквозных компетенций — не только в области правового регулирования, но и в сфере цифровой грамотности, стратегического планирования, коммуникации. Кроме того, необходима институциональная поддержка горизонтальной мобильности и внедрение механизмов открытой конкуренции, обеспечивающих приток свежих профессиональных ресурсов в систему.

В контексте продолжающейся трансформации государственной гражданской службы особую актуальность приобретают административно-правовые аспекты организации условий труда, включая пространственную структуру служебной среды. Обеспечение таких условий выходит за рамки технических или инфраструктурных решений, становясь предметом нормативного регулирования, непосредственно влияющего на реализацию публично-правового статуса служащих и эффективность исполнения ими административных функций.

Нормативной основой актуализации подходов к организации служебного пространства выступают положения Указа Президента РФ от 14 февраля 2023 г. № 92, установившего новые принципы заключения служебных контрактов, включая детализацию прав и обязанностей сторон, а также механизмы ответственности [3]. Пространственная изоляция, характерная для традиционной кабинетной системы, сужает возможности эффективного исполнения контрактных обязательств, препятствуя реализации принципов открытого взаимодействия, оперативной координации и командной интеграции, закреплённых в административных регламентах.

Существенные изменения в кадровой политике зафиксированы в Указе Президента РФ от 22 января 2024 г. № 61, которым учреждён федеральный кадровый резерв и введены механизмы цифровой оценки и развития управленческого потенциала [5]. Этот документ закладывает обязательные предпосылки для институционализации командной работы и проектного управления в рамках госслужбы, что требует создания гибкой, прозрачной и пространственно открытой рабочей среды. Следовательно, условия труда должны быть приведены в соответствие с требованиями цифровизации и горизонтальной мобильности, предполагаемыми данным указом.

Важным источником трансформации структуры должностей и штатных расписаний выступает Указ Президента РФ от 20 июля 2023 г. № 545, вносящий изменения в Реестр должностей гражданской службы и механизмы денежного содержания [4]. Его положения прямо связаны с необходимостью пересмотра не только функциональной нагрузки служащих, но и условий, в которых они исполняют свои полномочия, включая пространственные, коммуникационные и регламентные параметры служебной деятельности.

Стратегические основания для пересмотра подходов к пространственной организации государственной службы зафиксированы в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, определяющем приоритеты государственной политики на период до 2030 года, включая цифровую трансформацию публичной власти, развитие проектных форм занятости и повышение адаптивности административных институтов [6]. Пространственные форматы, ориентированные на открытую офисную архитектуру и гибкость межструктурного взаимодействия, логично вытекают из задач по формированию адаптивной модели государственного управления.

Эмпирическая база, представленная данными социологических исследований, подтверждает высокую востребованность новых форм пространственной организации труда: порядка 70% государственных гражданских служащих, участвовавших в опросах, выразили предпочтение открытым форматам без индивидуальных кабинетов. Эта тенденция уже получила институциональное оформление в виде пилотных проектов, реализуемых в административных кластерах федерального уровня, в частности, в комплексе «Башня Министерств», ставшем образцом внедрения новой административно-пространственной логики.

Таким образом, необходимость обновления подзаконной нормативной базы — включая положения о структурных подразделениях, внутреннем трудовом распорядке, регламентах внутренней коммуникации — диктуется не только практическими соображениями, но и требованиями действующего президентского регулирования, формирующего современный облик российской гражданской службы в рамках административной реформы.

Современные вызовы обнажили необходимость гибкости и технологической адаптивности государственной службы к условиям, когда выполнение должностных обязанностей возможно независимо от физического местоположения сотрудника. Это требует пересмотра не только технической инфраструктуры, но и нормативно-правового регулирования, включая пересмотр стандартов рабочего времени, оценки эффективности, а также гарантий прав работников при удалённой занятости. Опыт частного сектора, где подобные практики давно институционализированы, может служить ориентиром для разработки обновлённых моделей организации труда в государственной гражданской службе Российской Федерации.

Цифровая трансформация органов публичной власти кардинально меняет контуры функционирования гражданской службы. Автоматизация рутинных процессов, использование аналитических платформ и систем искусственного интеллекта требует от государственных служащих новых компетенций, ранее не охватываемых стандартной системой подготовки. Однако действующие регламенты и должностные инструкции по-прежнему построены по образцу XX века, что создаёт противоречие между задачами и возможностями их реализации.

Реформирование института государственной гражданской службы должно основываться не на фрагментарных правах, а на систем-

ной переоценке его роли и функционального предназначения в условиях модернизации публичного управления. Только при условии глубокого пересмотра ценностных ориентиров, институциональной логики и механизмов рекрутирования можно говорить о построении современной, устойчивой, ориентированной на результат модели гражданской службы. В этом процессе научное осмысление и критический анализ являются необходимым условием для формирования эффективных решений, адекватных времени.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 05.06.2025г.
2. Концепция реформирования системы государственной службы РФ (утв. Президентом РФ от 15 августа 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.06.2025г.
3. Указ Президента РФ от 14.02.2023 № 92 «О некоторых вопросах прохождения федеральной государственной гражданской службы в федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.06.2025г.
4. Указ Президента РФ от 20.07.2023 № 545 «О внесении изменений в Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574, и в Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.06.2025г.
5. Указ Президента РФ от 22 января 2024 г. № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.06.2025г.
6. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.06.2025г.
7. Дивина, Л. Э. Современные подходы к анализу теоретических концепций лидерства / Л. Э. Дивина // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 3(152). – С. 826-829. – DOI 10.34925/EIP.2023.152.3.161. – EDN OGZJSL.
8. Дивин, И. М. Концепция профессионального судебного представительства и проблема качества современного юридического образования / И. М. Дивин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, № 1. – С. 52-66. – DOI 10.26907/2541-7738.2019.1.52-66. – EDN UZZTEA.
9. Каирова А.И., Хасиева А.Г. Понятие, признаки и соотношение политической и государственной власти // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223).
10. Мадьярова С. И. Профессиональные компетенции государственных служащих // Вестник науки. 2022. №10 (55).
11. Усманова, Ю. У. Проблематика современной государственной службы Российской Федерации и мероприятия для ее эффективной трансформации / Ю. У. Усманова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 52 (447).

References:

1. Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" dated 27.07.2004 No. 79-FZ (latest edition) // SPS "ConsultantPlus". Date of application: 06/05/2025.
2. The concept of reforming the civil service system of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on August 15, 2001) // SPS "ConsultantPlus". Date of application: 06/17/2025
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/14/2023 No. 92 "On certain issues of Federal State civil Service in Federal Ministries, Federal Services and Federal Agencies, whose activities are managed by the President of the Russian Federation, Federal services and Federal agencies subordinate to these Federal Ministries" // SPS ConsultantPlus. Date of application: 06/17/2025
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/20/2023 No. 545 "On Amendments to the Register of Positions of the Federal State Civil Service, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2005 No. 1574, and Decree of the President of the Russian Federation dated July 25, 2006 No. 763 "On the salary of Federal State Civil Servants" // SPS "ConsultantPlus". Date of application: 06/17/2025
5. Decree of the President of the Russian Federation dated January 22, 2024 No. 61 "On the Federal Personnel Reserve in the State Civil Service of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". Date of application: 06/17/2025.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036" // SPS "ConsultantPlus". Date of application: 06/17/2025
7. Divina, L. E. Modern approaches to the analysis of theoretical concepts of leadership / L. E. Divina // Economics and entrepreneurship. – 2023. – № 3(152). – Pp. 826-829. – DOI 10.34925/EIP.2023.152.3.161. – EDN OGZJSL.
8. Divin, I. M. The concept of professional judicial representation and the quality problem of modern legal education / I. M. Divin // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2019. – Vol. 161, No. 1. – pp. 52-66. – DOI 10.26907/2541-7738.2019.1.52-66. – EDN UZZTEA.
9. Kairova A.I., Khasieva A.G. The concept, signs and correlation of political and state power // Law and the State: theory and practice. 2023. №7 (223).
10. Magyarova S. I. Professional competencies of civil servants // Bulletin of Science. 2022. №10 (55).
11. Usmanova, Yu. U. The problems of the modern civil service of the Russian Federation and measures for its effective transformation / Yu. U. Usmanova. — Text: direct // Young scientist. — 2022. — № 52 (447).

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ LEGAL MECHANISMS FOR THE DISPLACEMENT OF POPULATIONS AND CULTURAL PROPERTIES UNDER MARTIAL LAW

ПАРАШЕВИНА Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: rudenko_onya@mail.ru;

ХИЛЬКО Иван Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: 79788622879@mail.ru;

PARASHCHEVINA Elena Anatolyevna,

Ph.D. in Law, Associate Professor of Department of State and Legal Disciplines
of Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
295011, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Gogolya Street, b. 9.
E-mail: rudenko_onya@mail.ru;

KHILKO Ivan Yuryevich,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines
of Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
295011, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Gogolya Street, b. 9.
E-mail: 79788622879@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена комплексному анализу правовых механизмов организации эвакуации населения и культурных ценностей в условиях военного положения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации системы гражданской обороны к вызовам современных гибридных конфликтов. Целью является выявление системных пробелов и коллизий в правовом регулировании и разработка предложений по его совершенствованию. На основе сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов авторы исследуют соотношение режимов военного положения и гражданской обороны, анализируют новейшие изменения в законодательстве и выявляют проблемы разграничения полномочий, ресурсного и информационного обеспечения. Научная новизна заключается в формулировании концепции «эвакуации в условиях военного положения» как комплексного межотраслевого института, требующего единого концептуального подхода. В заключении авторы предлагают конкретные меры по систематизации законодательства и повышению эффективности эвакуационных мероприятий.

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of legal mechanisms for organizing the evacuation of populations and cultural property under martial law. The relevance of this study stems from the need to adapt the civil defense system to the challenges of modern hybrid conflicts. The aim is to identify systemic gaps and conflicts in legal regulation and develop proposals for its improvement. Using comparative legal, formal legal, and systemic methods, the authors examine the relationship between martial law and civil defense regimes, analyze recent legislative changes, and identify issues related to the delineation of powers, resource, and information support. The scientific novelty lies in the formulation of the concept of "evacuation under martial law" as a complex, intersectoral institution requiring a unified conceptual approach. In conclusion, the authors propose specific measures to systematize legislation and improve the effectiveness of evacuation measures.

Ключевые слова: военное положение, гражданская оборона, перемещение населения, эвакуация, культурные ценности, административно-правовое регулирование, чрезвычайная ситуация, правовые механизмы.

Keywords: martial law, civil defense, population displacement, evacuation, cultural property, administrative and legal regulation, emergency situations, legal mechanisms.

Для цитирования: Паращевина Е.А., Хилько И.Ю. Правовые механизмы перемещения населения и культурных ценностей в условиях военного положения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_243.

For citation: Parashchevina E.A., Khilko I.Yu. Legal mechanisms for the displacement of populations and cultural properties under martial law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_243.

Статья поступила в редакцию: 09.10.2025

В условиях эскалации современных военных угроз и распространения гибридных форм конфликтов, особую актуальность приобретает эффективность правовых механизмов, обеспечивающих безопасность граждан и сохранность национального культурного достояния. Институт эвакуации, являясь ключевым элементом гражданской обороны, претерпевает значительную трансформацию при введении режима военного положения. Однако правовое регулирование данного процесса в Российской Федерации характеризуется фрагментарностью, а научная доктрина испытывает дефицит комплексных исследований, посвященных именно специфике эвакуации в условиях военного положения.

Проблема исследования заключается в наличии системных противоречий и пробелов между общими нормами о гражданской обороне и особым административно-правовым режимом военного положения, что создает риски несогласованности действий органов власти и снижает эффективность защиты населения и ценностей.

Целью статьи является анализ действующих правовых механизмов эвакуации населения и культурных ценностей в условиях военного положения, выявление ключевых проблем правового регулирования и правоприменения, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и историко-правовой методы.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение эвакуации именно в условиях военного положения. Статья 1 Федерального закона «О гражданской обороне» [1] дает общее определение эвакуации как комплекса мероприятий по организованному перемещению населения из зон опасностей и его размещению в безопасных районах. Это определение, подчеркивает административно-организационный характер деятельности, который реализуется через властные полномочия государственных органов. С юридической точки зрения эвакуация представляет собой административно-правовой институт, содержащий совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере организации перемещения людей и ценностей в условиях чрезвычайных ситуаций. Особенностью этого института является его комплексный характер, поскольку он включает нормы не только административного, но и гражданского, жилищного, транспортного и иных отраслей права.

Однако режим военного положения, регламентированный Федеральным конституционным законом «О военном положении» [2], вводит особый порядок управления, наделяя федеральные органы власти исключительными полномочиями, что не может не отражаться на организации эвакуации.

Эвакуация в условиях военного положения приобретает качественно новые черты:

- императивность, поскольку решение о ее проведении носит безусловный характер;
- централизация управления, поскольку ключевые решения принимаются на федеральном уровне (Президентом Российской Федерации, Начальником гражданской обороны Российской Федерации);
- приоритет оборонных нужд, поскольку маршруты и транспорт могут быть в первую очередь задействованы для военных целей;
- повышенные риски, поскольку перемещение граждан и ценностей происходит в условиях реальных боевых действий.

Эволюция правового регулирования эвакуации демонстрирует попытку адаптации к новым вызовам. Так, Федеральный закон от 30.12.2023 № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданской обороне» [3] уточнил задачи и полномочия в области гражданской обороны, а принятый в 2024 году ГОСТ Р 42.1.01-2024 [4] систематизировал технические требования к эвакуации. Однако данные новеллы не сняли ключевой проблемы – отсутствия единого концептуального подхода к эвакуации именно в рамках режима военного положения.

Мы полагаем, что организованное перемещение людей, материальных и культурных ценностей в безопасные места при введении военного положения необходимо рассматривать как комплекс организационно-правовых мер, направленных на спасение жизни людей и сохранение национального достояния. В условиях современных вызовов и угроз эта деятельность должна регулироваться как нормами административного, так и военного права, в связи с чем требует четкой координации взаимодействие не только между органами государственной власти, местного самоуправления и отдельными организациями, но также и с Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами.

Для более полного понимания правовых механизмов перемещения населения и культурных ценностей в условиях военного положения необходимо учитывать международные нормы, регулирующие защиту гражданского населения и культурного наследия. В частности, Гагская конвенция 1954 года «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [5] и её Протоколы устанавливают обязательства государств по предотвращению разрушения и незаконного вывоза культурных объектов. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним закрепляют принципы гуманитарного права, включая защиту гражданских лиц и имущества. Сравнительный анализ показывает, что в ряде стран (например, Германия, Франция, Япония) перемещение населения и ценностей в условиях угрозы осуществляется в рамках интегрированных систем гражданской защиты, где четко определены роли муниципальных, региональных и национальных органов. Это позволяет обеспечить оперативность и согласованность действий, чего пока не хватает российской практике.

Международное право накладывает на государство обязательства по защите гражданского населения и культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. Гагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 года прямо предписывают государствам принимать меры по эвакуации культурных ценностей из районов, подвергающихся опасности, а также по обеспечению безопасности гражданских лиц. Российское законодательство в целом имплементировало эти нормы и эвакуация культурных ценностей регламентируется как законом «О гражданской обороне», так и специальным законодательством о культурном наследии. Однако на практике возникает коллизия: международные акты делают акцент на запрете использования культурных ценностей и их окружения в целях, которые могут привести к их разрушению, в то время как национальные стандарты (как ГОСТ Р 42.1.01-2024) фокусируются на технологии их перемещения. Это создает правовую неопределенность при планировании маршрутов эвакуации через потенциально опасные районы.

Исследование эвакуации детей, проведенное А.С. Скороходовой, демонстрирует, что данный процесс регламентирован нормами международного гуманитарного права, в частности Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами [6, с. 103]. Автор подчеркивает, что эвакуация должна носить временный характер, осуществляться с согласия родителей или опекунов и сопровождаться мерами по обеспечению возвращения детей в свои семьи. Вместе с тем выявлены проблемные вопросы, такие как противоречие в определении возрастного порога ребенка между Женевскими конвенциями и Конвенцией о правах ребенка, а также недостаточная проработанность практических механизмов реализации существующих норм.

Параллельно с защитой гражданского населения международное право уделяет значительное внимание сохранению культурного наследия. Как отмечают Н.В. Кольцова [7, с. 112], А.Ю. Ястребова и И.О. Анисимов [8, с. 54], в основе правового режима защиты культурных ценностей лежат Гагская конвенция 1954 года и последующие документы, включая Дополнительные протоколы и резолюции СБ ООН. Исследователи констатируют, что современные вооруженные конфликты, особенно на Ближнем Востоке, характеризуются беспрецедентными масшта-

бами умышленного уничтожения и разграбления объектов культурного наследия, что требует выработки новых механизмов защиты. Однако, как справедливо указывают О.Г. Парамузова и Э.И. Бова [8, с. 34], несмотря на обширную нормативную базу, эффективность международно-правового механизма защиты культурных ценностей остается низкой из-за проблем с имплементацией норм, отсутствия четких дефиниций и политической нестабильности.

Важным элементом системы реагирования на кризисные ситуации является информационное обеспечение. А.В. Басов в своем исследовании определяет информационное обеспечение в чрезвычайных ситуациях как нормативно-урегулированную деятельность, направленную на удовлетворение информационных потребностей управления в кризисных условиях [10, с. 304]. Автор выделяет три ключевых компонента такого обеспечения: оповещение о чрезвычайной ситуации; сбор, обработка и доведение до соответствующих субъектов информации о ЧС и возможных путях ее ликвидации; информирование населения о чрезвычайной ситуации. Исследователь подчеркивает, что несвоевременное или некачественное оповещение, как это имело место во время аварии на Чернобыльской АЭС или наводнения в Крымске, приводит к катастрофическим последствиям, включая человеческие жертвы. Несмотря на развитую нормативную базу, включающую как международные акты (Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии), так и национальное законодательство, многие положения реализуются неэффективно или морально устарели.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что как в сфере защиты детей и культурных ценностей, так и в области информационного обеспечения в чрезвычайных ситуациях существует системный разрыв между прогрессивным нормативно-правовым регулированием и практическими трудностями его реализации. Для преодоления этого разрыва необходима комплексная работа по устранению противоречий в нормативных актах, развитию практических механизмов реализации, усилению координации между государствами и международными организациями, а также внедрению современных информационных технологий в системы оповещения и управления кризисными ситуациями. Особую актуальность приобретает создание интегрированной системы защиты, объединяющей правовые, организационные и информационные компоненты для минимизации последствий вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций.

Опыт современных конфликтов в Сирии и Украине показывает, что спланированная эвакуация культурных ценностей зачастую невозможна из-за скоротечности боевых действий. Это свидетельствует о необходимости разработки в национальном законодательстве механизмов экстренной (спасательной) эвакуации ценностей силами музейных работников и волонтеров по упрощенной процедуре, с последующей государственной регистрацией и ответственностью.

Эвакуационные мероприятия классифицируются по различным основаниям, что имеет важное значение для их правового регулирования и практической организации. По масштабу проводимых мероприятий выделяется частичная эвакуация, которая проводится без нарушения графиков работы транспорта и затрагивает нетрудоспособное и не занятое в производстве население, а также материальные и культурные ценности, подлежащие первоочередной эвакуации. Общая эвакуация охватывает все категории населения, кроме нетранспортабельных больных и обслуживающего персонала, а также граждан, подлежащих призыву по мобилизации.

Административно-правовое регулирование различных видов эвакуации имеет свои особенности. Для каждого вида устанавливается особый порядок принятия решений, планирования и реализации мероприятий. Например, решение о проведении общей эвакуации принимается на федеральном уровне, в то время как частичная эвакуация может осуществляться по решению региональных властей. Эти различия отражают принцип дифференциации административно-правового регулирования в зависимости от характера и масштаба чрезвычайной ситуации.

Правовые основы эвакуации культурных ценностей закреплены в Федеральном законе «О гражданской обороне» [1], ГОСТ Р 42.1.01-2024 [4], а также в специальных нормативных актах, регулирующих обращение с культурным наследием. Организацию эвакуации культурных ценностей осуществляют специально уполномоченные органы государственной власти в сфере культуры во взаимодействии с органами гражданской обороны.

Процедура эвакуации культурных ценностей включает несколько стадий. На стадии планирования определяются перечни ценностей, подлежащих первоочередной эвакуации, маршруты их перемещения, места временного хранения и ответственные лица. Стадия подготовки предполагает упаковку и подготовку ценностей к транспортировке с соблюдением специальных требований к условиям их сохранности. Стадия непосредственной эвакуации включает транспортировку ценностей в безопасные районы с обеспечением необходимой охраны и условий перевозки. Завершающая стадия предполагает размещение ценностей в местах временного хранения с обеспечением необходимых условий и охраны.

Примером организованной эвакуации культурных ценностей может служить опыт Великой Отечественной войны, когда были эвакуированы коллекции Эрмитажа, Третьяковской галереи и других музеев. В современных условиях аналогичные мероприятия проводились в Сирии [11], где при поддержке ЮНЕСКО эвакуировались памятники культуры из зон военных действий.

Вышеизложенный анализ позволяет выявить ряд системных проблем:

1. Проблема согласованности нормативной правовой базы. Несмотря на принятие новых нормативных актов, сохраняется определенная фрагментарность регулирования, когда отдельные аспекты эвакуации регламентируются разными актами, не всегда согласованными между собой. Это создает трудности в правоприменительной практике и требует дальнейшей работы по систематизации законодательства.

2. Проблема разграничения полномочий. Несмотря на четкое указание в законе «О гражданской обороне» на то, что решение о проведении общей эвакуации принимается Президентом РФ или Председателем Правительства РФ, на практике в условиях быстро меняющейся обстановки в зоне военных действий такое решение может быть запоздалым. ФКЗ «О военном положении» предоставляет право командованию объединенных группировок войск (сил) вводить и поддерживать особый режим на территории военных действий, но прямых полномочий по организации эвакуации населения не закрепляет. Возникает правовой вакуум, для устранения которого необходимо делегировать полномочия по принятию решений о локальной экстренной эвакуации командованию на местах с одновременным уведомлением федерального центра.

3. Проблема ресурсного обеспечения. Требование к гражданам иметь при себе 50 кг вещей (установленное в ряде подзаконных актов) является архаичным и невыполнимым в условиях экстренного перемещения. Необходима его корректировка в сторону рекомендательного характера и акцент на «тревожном чемоданчике». Кроме того, законодательство не регламентирует порядок компенсации за изъятое для нужд эвакуации имущество (транспорт, топливо, помещения), что создает почву для злоупотреблений и правовых споров. Требуется принятие специального федерального закона, устанавливающего четкий механизм такой компенсации.

4. Проблема информационного обеспечения. Опыт учений и реальных ЧС показывает низкую эффективность централизованных систем оповещения. Законодательству не хватает норм, обязывающих создавать дублирующие каналы информирования (через мессенджеры, социальные сети), а также норм, предусматривающих ответственность за распространение панических слухов и дезинформации в период эвакуации.

Учитывая изложенное, мы считаем, что правовое регулирование эвакуации населения и культурных ценностей в условиях военного положения в Российской Федерации представляет собой сложный, но фрагментарный межотраслевой институт, требующий систематизации. Существует концептуальный разрыв между общим регулированием в рамках гражданской обороны и специфическим режимом военного положения, что порождает проблемы в разграничении полномочий и оперативности принятия решений.

Национальное законодательство в целом соответствует международным стандартам, но требует дальнейшей детализации в части механизмов экстренной эвакуации культурных ценностей и адаптации к реалиям гибридных конфликтов.

В целях совершенствования правового регулирования авторы предлагают:

1. Разработать и принять отдельный федеральный закон «О порядке эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в условиях военного положения и чрезвычайных ситуаций», который интегрировал бы нормы различных отраслей права;

2. Внести изменения в ФЗ «О военном положении», четко прописав полномочия командования войсками в зоне боевых действий по организации локальной эвакуации.

3. Интегрировать в законодательство понятие «цифровой эвакуации» – заблаговременного создания электронных копий уникальных культурных ценностей, что является «последним рубежом» их сохранения.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность защиты ключевых объектов – жизни и здоровья граждан, а также национального культурного достояния в условиях военных конфликтов.

Список литературы:

1. О гражданской обороне : Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>
2. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданской обороне» : Федеральный закон от 30.12.2023 № 584-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>
4. ГОСТ Р 42.1.01-2024 «Гражданская оборона. Эвакуация населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы. Общие требования» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>
5. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>
6. Скороходова, А. С. Эвакуация детей во время вооруженного конфликта / А. С. Скороходова // Актуальные проблемы юридической науки и практики, Гатчина, 31 марта 2017 года. Том 2. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2017. – С. 103-106.
7. Кольцова, Н. В. Проблема сохранения культурного наследия в условиях современных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке / Н. В. Кольцова // Военный академический журнал. – 2019. – № 2(22). – С. 112-120.
8. Ястребова, А. Ю. Международно-правовые основы защиты объектов культуры / А. Ю. Ястребова, И. О. Анисимов // Право и управление. XXI век. – 2023. – Т. 19, № 4(69). – С. 54-62.
9. Парамузова, О. Г. Политико-правовой дискурс относительно эффективности международно-правового механизма защиты культурных ценностей / О. Г. Парамузова, Э. И. Бова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 34-35.
10. Басов, А. В. Информационное обеспечение в чрезвычайных ситуациях: организационно-правовой аспект / А. В. Басов // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12 (115). – С. 305-307.
11. В Сирии пострадали шесть объектов всемирного наследия ЮНЕСКО // Государственное информационное агентство «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/kultura/4774946>

References:

1. On Civil Defense: Federal Law of February 12, 1998 No. 28-FZ (as amended on August 8, 2024) // SPS "ConsultantPlus". - URL: <https://www.consultant.ru>
2. On Martial Law: Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on July 1, 2021) // SPS "ConsultantPlus". - URL: <https://www.consultant.ru>
3. On Amendments to the Federal Law "On Civil Defense": Federal Law of December 30, 2023 No. 584-FZ // SPS "ConsultantPlus". - URL: <https://www.consultant.ru>
4. GOST R 42.1.01-2024 "Civil Defense. Evacuation of the Population, Material and Cultural Values to Safe Areas. General Requirements" // SPS "ConsultantPlus". - URL: <https://www.consultant.ru>
5. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (Concluded in The Hague on 14.05.1954) // SPS "ConsultantPlus". - URL: <https://www.consultant.ru>
6. Skorokhodova, A. S. Evacuation of Children During an Armed Conflict / A. S. Skorokhodova // Current Issues of Legal Science and Practice, Gatchina, March 31, 2017. Volume 2. - Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2017. - pp. 103-106.
7. Koltsova, N. V. The Problem of Preserving Cultural Heritage in the Context of Modern Armed Conflicts in the Middle East / N. V. Koltsova // Military Academic Journal. - 2019. - No. 2 (22). - P. 112-120.
8. Yastrebova, A. Yu. International Legal Foundations for the Protection of Cultural Objects / A. Yu. Yastrebova, I. O. Anisimov // Law and Management. XXI Century. - 2023. - Vol. 19, No. 4 (69). - P. 54-62.
9. Paramuzova, O. G. Political and Legal Discourse Regarding the Effectiveness of the International Legal Mechanism for the Protection of Cultural Property / O. G. Paramuzova, E. I. Bova // Eurasian Law Journal. - 2024. - No. 10 (197). - P. 34-35.
10. Basov, A. V. Information Support in Emergencies: Organizational and Legal Aspects / A. V. Basov // Eurasian Law Journal. - 2017. - No. 12 (115). - P. 305-307.
11. Six UNESCO World Heritage Sites Damaged in Syria // State Information Agency "TASS". - URL: <https://tass.ru/kultura/4774946>

ОСОБЕННОСТИ АЛГОРИТМА ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ FEATURES OF THE ALGORITHM OF TACTICAL ACTIONS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO WARNING MASS RIOTS IN KYRGYZSTAN

КАНЗАМАНОВ Арстанбек Курманбекович,

Адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.

E-mail: kanza_ars_92@mail.ru;

KANZAMANOV Arstanbek Kurmanbekovich,

Adjunct of the 3rd faculty of training scientific and scientific-pedagogical personnel
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.

E-mail: kanza_ars_92@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается специфика тактических действий ОВД Кыргызстана по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, с выделением четырех этапов в условиях протестных акций, переходящих в массовые беспорядки. Их последовательность и взаимообусловленность продуцируют алгоритм технологии организации, готовности к проведению действенных мер государственного принуждения при массовых беспорядках.

Abstract: The article examines the specifics of the Kyrgyz internal affairs agencies tactical actions to warnings and suppression mass riots, with the allocation of four stages in the conditions of protest actions that turn into mass riots. Their sequence and inter conditionality produce an algorithm of technology of organization, readiness for carrying out effective measures of state coercion in mass riots.

Ключевые слова: протестные акции, массовые беспорядки, органы внутренних дел, тактические действия.

Keywords: protest actions, mass riots, internal affairs agencies, tactical actions.

Для цитирования: Канзаманов А.К. Особенности алгоритма тактических действий органов внутренних дел по предупреждению массовых беспорядков в Кыргызстане // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 247-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_247.

For citation: Kanzamanov A.K. Features of the algorithm of tactical actions of internal affairs bodies to warning mass riots in Kyrgyzstan // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 247-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_247.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Национальная стратегия развития Кыргызстана к внутренним угрозам страны относит массовые протестные акции и беспорядки. относит к внутренним угрозам. В этой связи, необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по предупреждению, пресечению протестных действий в системе МВД Кыргызской Республики является значимым приоритетом.¹ Министр внутренних дел Ниязбеков У.О. несет персональную ответственность за свою деятельность перед Кабинетом Министров (ст.1).² По его убеждению, «безопасность киргизского народа, стабильность страны, реализация стратегических задач на высоком уровне», являются честью и ответственностью» сотрудников ОВД.³

Сотрудники системы МВД Кыргызстана, реализовывая задачи по предупреждению и пресечению массовых беспорядков в рамках правового поля,⁴ прилагают все возможные усилия по минимализации незаконных действий протестующими, исключению их угрозы жизни и здоровью. Так, 24 февраля, 9 апреля 2025г. силовыми структурами Кыргызстана пресечены попытки организации массовых беспорядков.⁵

Опасность массовых беспорядков состоит в их стихийности. В течении короткого времени толпа может предпринимать действия направленные, в том числе на причинения вреда здоровью другим гражданам, применение огнестрельного или холодного оружия, осуществление погромов, поджогов и иных противоправных деяний. В этой связи своевременная реакция органов внутренних дел может существенно снизить риск наступления негативных последствий [1].

Как известно, публичные мероприятия в форме протестов, в силу своего общественно-политического характера, зачастую «выливаются» в массовые беспорядки, трудно удерживаемые в рамках закона. Так как организующая и регулирующая роль права имеет первостепенное значение, так как принятие и реализация правильных оперативных решений позволяет своевременно пресекать массовые беспорядки [2, с. 28-37]. В силу специфики деятельности ОВД по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в государстве нормы права должны быть совершенны и механизм реализации этих норм должен обеспечить сотрудникам ОВД четкое выполнение задач как обычное время, так и в особых условиях [3, с. 134]. Соответственно, в целях предупреждения массовых беспорядков, сотрудники ОВД используют специальные

¹ О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы: Указ Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 года № 221 (с изменениями от 12.10.2021 г.)

² Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года № 1360-XII (ред. от 16.12.2024 г. №203)

³ Ниязбеков У. Выступление на коллегиальном заседании МВД по итогам 2024. Пресс служба Академии МВД КР. 29 января 2025г.

⁴ Конституция Кыргызской Республики: Принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021г. Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021г.; Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203); Об основах профилактики правонарушений: Закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года № 60 (В редакции Закона КР от 25 ноября 2022 года № 109)

⁵ В Кыргызстане обезврежена группа, готовившая массовые беспорядки. [upl.uz/incidents/49270-news.html](http://uzincidents/49270-news.html); Госпереворот предотвратили в Кыргызстане: как он мог произойти. 09 апреля 2025/ zakon.kz

тактические действия. К таковым автор относит комплекс организационных действий сил, средств, готовность к противостоянию жестокости действий участников, в целях эффективного решения задач при пресечении и предупреждении массовых беспорядков.

Порядок тактических действий управления силами и средствами ОВД, при массовых беспорядках, заключается в определенном алгоритме (от оценки оперативной осведомленности, до санкционных детерминант). Однако, разграничить рамки каждого этапа в процессе уже назревающих и возникших массовых беспорядках, весьма проблематично. В динамике, в практике, такие протестные мероприятия имеют начало, конец, цели, влекущие, как правило, негативные последствия, в т.ч. санкционные.

Автор рассматривает четыре этапа в условиях протестных акций, переходящих в беспорядки, которые, несмотря на условность, отражают организационный и тактический контекст. Это этапы: 1) оценочно-критический; 2) организационный; 3) контрольный (с анализом выполнения поставленных задач); 4) целедостигающий.

Анализ протестных акций с массовыми беспорядками, позволяет диссертанту выделить первоначальный этап-«наблюдение». Его автор характеризует как оценочно-критический. На данном этапе сотрудники ОВД выявляют в толпе лидеров, наиболее активных участников событий, выясняется содержательная сторона потенциальных противоправных действий (причины, степень организованности, мотивы поведения участников и др.). Организация и руководство массовыми беспорядками не предполагают обязательного непосредственного участия в этом самого организатора или руководителя [4, С. 124-128]. Так от этого этапа зависит дальнейшие правильные действия сотрудников ОВД для предупреждения и пресечения массовых беспорядков. Особенности начала массовых беспорядков характеризуются рядом факторов: условиями, мотивация их возникновения; способностью органов власти, правоохранителей предупреждать и разрешать возникающие проблемы и противоречия; целями, задачами, содержанием требований протестующих; уровнем радикализации силовых структур.

Также на данном этапе нужно уделить внимание призывам к преступной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей «Интернет», так как он значительно может подтолкнуть к увеличению нарушителей общественного порядка [5, с. 13-21].

Как показывает практика, зачастую, силовики применяют специальные средства, физическую силу, что вызывало агрессию, массовое сопротивление участников, приводящих к массовым беспорядкам. Следует отметить, что 2025 год для Кыргызстана является знаковым, «отмечая три юбилея» народных «цветных революций» со свержением власти: март 2005г. («Тюльпановая»); 6-8 апреля 2010г. («Апрельская», известна как «Дынная»); 5 октября 2020г. («Октябрьская революция»).

Поводом революций послужили: недовольство результатами президентских или парламентских выборов, их фальсификацией; авторитаризм; проблемы в экономике; коррупция. К сожалению, такая форма протестных акций с перерастанием в массовые масштабные беспорядки, носила экспрессивно-динамичный характер с оказанием физического сопротивления сотрудникам милиции, блокированием транспортных коммуникаций, зданий исполнительной, законодательной и судебной власти и т.д. Вместе с тем, последствия массовых беспорядков всегда сопровождаются задержанием, арестами, смертями участников, правонарушениями, большая часть которых относится к особо тяжким преступлениям. Следует отметить, что выражение мнения на протестных акциях, митингах – это неотъемлемое конституционное право граждан. Однако, в современной Кыргызской Республике, граждане реализовывают данное право без соблюдения требований законодательства.¹

Принимая это во внимание, следующий этап-организационный, сопряженный с особенностями организации и тактики действий, непосредственной реализацией сотрудниками ОВД задач, функций, руководствуясь Законами об ОВД.² Данными документами (ст.1;) определяется, что «ОВД Кыргызстана-государственный вооруженный правоохранительный орган, осуществляющий исполнительно-распорядительные функции по обеспечению общественного порядка, безопасности личности и общества и борьбе с преступностью». Кроме того, устанавливаются задачи (ст.2), обязанности (ст.8), права (ст.9). В соответствии с Законом, одной из основных задач ОВД является «обеспечение и соблюдение правового режима чрезвычайного или военного положения, в случаях их введения на территории Кыргызской Республики или в отдельных местностях, а также в предупреждение и преодоление кризисных ситуаций» (ст.5).³ Законом об ОВД не отмечается о массовых беспорядках, а используется термин «кризисная ситуация». Такое словосочетание, по мнению автора, законодателем Кыргызстана подчеркивается неординарность событий, острота обстановки, сложившейся в общественно-политической жизни, сопровождающихся негативными последствиями для общества и государства. Понятие «кризис» русские словари толкуют как «резкий, крутой перелом в чем-нибудь» [6].

Законом о прохождении службы, в ред. от 2023г., ч.1 ст.31 отмечается о привлечении сотрудника ОВД (без его согласия, на срок не более 6 месяцев в течение календарного года) к службе в особых условиях. Ч.3 названной статьи, «под особыми условиями несения службы ОВД, понимается служба сотрудников и военнослужащих при введении режима чрезвычайного или военного положения, захвате заложников, массовых беспорядках». Порядок применения физической силы, специальных средств, оружия, вооружения и боевой техники при массовых беспорядках регламентируется главой 7.⁴

Таким образом, кризисная ситуация, в зависимости от факторов чрезвычайности обстановки, предполагает и особые условия. Факто-

¹ О мирных собраниях: Закон Кыргызской Республики от 12 апреля 2012 года.

² Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203); О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в редакции Законов КР от 18 января 2022 года № 4, 16 февраля 2023 года № 31)

³ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203); О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в редакции Законов КР от 18 января 2022 года № 4, 16 февраля 2023 года № 31)

⁴ О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в редакции Законов КР от 18 января 2022 года № 4, 16 февраля 2023 года № 31)

рами чрезвычайности автор выделяет следующее: опасность и масштабность происшествий, событий, явлений, преступлений; реальность внутренних и внешних угроз для личности, общества и государства; тяжесть последствий; внезапность; динамичность развития событий и происшествий, непредсказуемость явлений и противоправных деяний; повышенная напряженность и острота конфликтов; возможность развития происшествий (событий, явлений, противоправных деяний) во времени, в пространстве и по кругу лиц до острого кризисного состояния.

В этой связи, *понимание кризисной ситуации* в Кыргызстане, перенесшего 3 неправых революции, автором рассматривается как: чрезвычайные обстоятельства в социально-политической сфере, затрагивающие общественно-политические, экономические отношения, которые дестабилизируют функционирование различных институтов власти и объектов жизнеобеспечения, представляют угрозу национальной, общественной безопасности, и требуют коллективных мер по ее стабилизации. Обозначенные автором выше названные признаки непосредственно характеризуют массовые беспорядки.

Массовые беспорядки, усложняя работу ОВД, в силу чрезвычайности обстановки, ставят перед сотрудниками разрешение дополнительных задач, увеличение объема выполняемых функций требуют адекватных мер. К таковым законодательством Кыргызстана относят: введение режимов чрезвычайного (ЧП)¹ или военного положения (ВП),² антитеррористической операции (ст.31), задействования систем мер и временных ограничений прав граждан и юридических лиц; предупреждения, предотвращения, пресечения, ликвидации последствий, минимизация ущерба нанесенными противозаконными действиями участниками массовых беспорядков, в целях восстановления общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, защиты конституционного строя и суверенитета государства.³

Система управления МВД Кыргызстана в кризисных ситуациях представляет собой составную часть общей системы управления страной и выступает как управляющий и управляемый объект в иерархической структуре органов государственного управления в мирное и военное время.

Одним из элементов данного этапа, по нашему мнению, является реализация информационно-коммуникативной функции сотрудниками ОВД. Так, к примеру, если протестная акция возникла и направлена против жестких действий правоохранительных органов, политической, социально-экономической направленности, то сотрудник ОВД, обязан доступно разъяснить о том, что все факты противоправных действий представителей правоохранительных органов будут тщательно расследованы и виновные привлечены к ответственности. Объясняются и заверения, что поднимаемые вопросы, решение которых не входит в компетенцию правоохранительных органов, будут доведены до сведения соответствующих государственных структур и должностных лиц для принятия мер при условии, если будет обеспечено законопослушное поведение собравшихся. Одновременно участникам протестных акций предлагается разойтись, без применения силовых методов. Эти разъяснения рассматриваются в качестве юридического факта и обеспечивают отклонение возражений участников протестных акций. Лидерам протестных акций и их участникам заявляется, что силы правопорядка стремятся разрешить ситуацию мирными средствами, что любые попытки насильственных действий будут решительно пресекаться. Как правило, участниками акций выдвигаются определенные требования, сопровождаемые чувствами гнева, агрессии, возбуждения. Нередко констатируется спонтанное перерастание довольно спокойного поведения людей в интенсивное перерастание в акты гражданского неповиновения и насилия.

Стратегию предупреждения массовых беспорядков дополняет тактика переговорного процесса, которая включает в себя уже конкретные методы достижения цели, решения задач. В этой ситуации необходимы продуманные способы, приемы ведения переговоров, адаптированные реалиями сложившейся ситуации. Одним из тактических приемов выступает привлечение протестующих к дискуссии. Так, при возникших майских беспорядках 2024г., Министр внутренних дел У. Ниязбеков неоднократно призывал граждан к проявлению гражданской ответственности, соблюдению законов.⁴ 20 мая 2024г., президент С. Жапаров выступил с обращением к жителям, в связи с беспорядками, произошедшими в Бишкеке 17-18 мая, отметив: «требования нашей патриотически настроенной молодежи прекратить нелегальную миграцию иностранных граждан и принять жесткие меры в отношении тех, кто допускает такую деятельность, безусловно, правильны. Эти вопросы должны расследовать и решать правоохранительные органы в рамках закона».⁵ Вместе с тем, сотрудники ОВД должны иметь в виду, что любая сформировавшаяся масса людей способна быстро трансформироваться в организованную группу, готовую к массовым беспорядкам и стать не управляемой.

Следующую компоненту второго этапа автор связывает с организационными аспектами сотрудников ОВД, в зависимости от реально складывающейся оперативной обстановки, по предотвращению и пресечению преступных действий. Не мало важный является и психологическое состояние сотрудников органов внутренних дел в условиях массовых беспорядков [7]. Так, к примеру, массовые протестные акции обозначились в г. Бишкеке 5.10.2020г., в которых приняли участие 56% населения страны, в связи с фальсификацией парламентских выборов. После начала «разгона» митинга сотрудниками спецподразделений МВД Кыргызстана, в Бишкеке, «протестующие стали забрасывать полицейских камнями, «коктейлями Молотова». В ответ-начались беспорядки, с применением слезоточивого газа, водометов, резиновых пуль. И уже в этот же день, число пострадавших в ходе столкновений превысило 120 человек, а из числа правоохранителей - 190 человек.⁶ Интересно отметить, что до революционных событий, уже летом 2020г., «в государственном аппарате Кыргызстана открыто говорилось о революции, как дела ближайших месяцев».⁷

¹ О чрезвычайном положении: Конституционный закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135 (в ред. от 14 июля 2015 года № 163)

² Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203); О военном положении: Конституционный закон Кыргызской Республики от 30 апреля 2009 года № 149 (в 18 марта 2017 года № 45)

³ О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в редакции Законов КР от 18 января 2022 года № 4, 16 февраля 2023 года № 31)

⁴ МВД сделало обращение к кыргызстанцам в связи с событиями в столице//SPUTNIK Кыргызстан 18.05.2024г. ru.sputnik.kg/20240518/mvd-obrashchenie-...

⁵ Беспорядки в Бишкеке: президент Садыр Жапаров выступил с обращением. Zakon.kz.20 мая 2024г.

⁶ Сыров О. Протесты в Киргизии: политолог объяснил суть беспорядков в Бишкеке. 6.10.2020г.// vm.ru/world/832436-protesty-v-kirgizii-politolog-...

⁷ Мендкович Н. Революция по-быстрому Киргизы сменили власть за десять дней. Почему в республике так легко совершить переворот?/ lenta.ru/articles/2020/12/31/kirgiziada/

Организационные аспекты ОВД, по мнению автора, следует разграничить на меры: по пресечению, предупреждению массового беспорядка; минимизации незаконных действий в ходе массовых беспорядков. К таковым мерам автор относит: оценку опасностей и сложности обстоятельств; готовность к возможному переговорному процессу, в целях решения конфликтной ситуации не силовыми методами. Однако, планирование переговорного процесса — это гипотеза, что следует учитывать (в зависимости от изменения протестной ситуации) в реальности, с возможностью и применения силы, но в рамках закона; обеспечение личным составом, техникой, вооружением, спецсредствами при возможных боевых действиях; организацию взаимодействия с другими государственными правоохранительными органами (государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ), органами прокуратуры).¹

ОВД, концентрируя значительные силы и средства, при выполнении задач при массовых беспорядках, применяют различные, приемы и методы оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности. Организационные аспекты подготовки и проведения специальных мер разрешает руководитель ОВД. Им же формируется оперативный штаб (ОШ), руководителем которого выступает начальник территориального органа безопасности. Дежурная часть ОВД оповещает личный состав, привлекаемый к выполнению задач. Как правило, в составе сил при массовых беспорядках задействуется практически весь личный состав ОВД. При возможном наступлении массовых беспорядков, по нашему мнению, необходимо владеть оперативной информацией, позволяющей оценить возможные угрозы, их параметры, меры по защите населения и др.

Учитывая специфику деятельности ОВД КР, стратегия милиции в условиях массовых протестных акций, массовых беспорядках, носит функционально-силовой аспект. В соответствии с Законом Республики, ²сотрудники ОВД обязаны: обеспечивать защиту и безопасность личности и общества, общественный порядок (п.1); выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления и правонарушения (п.2); осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, в т.ч., с применением технических средств, в целях пресечения и раскрытия преступлений (п.12); оказывать неотложную помощь лицам, пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном состоянии (п.5); проявлять уважительное отношение к участникам мирных собраний (п.20).³

Кроме того, в пределах своей компетенции имеют право (ст.9): применять соответствующие меры принуждения (п.1); пресекать незаконные формы выражения общественных, групповых или личных интересов и протеста (п.18); устанавливать контрольно-пропускные пункты при проведении оперативно-профилактических, розыскных и иных специальных мероприятий (п.19); проводить специальные операции по обнаружению, обезвреживанию и задержанию преступников (п.26) и др.

Необходимым условием эффективного функционирования ОВД в решении всех задач, установленных ст.2 Закона,⁴ выступает планирование служебной деятельности сотрудников. В формате прохождения службы в ОВД, планирование мы рассматриваем как специфическую разновидность управленческой деятельности, состоящей в определении целей и задач, интегрирующих и координирующих деятельность отделов, служб, сотрудников, ОВД, системы МВД в целом. То есть, планирование деятельности ОВД, в т.ч. и при массовых беспорядках, позволяет сотрудникам акцентировать внимание на трех важных аспектах: а) анализе реально-текущего состояния; б) постановке цели; в) разработке мероприятий для перевода из негативного реально-текущего состояния, в целевое. То есть, план доводит до исполнителей задачи, порядок действий личного состава по предотвращению кризисных ситуаций, ликвидации возможных последствий. Следует отметить, что и деструктивно настроенные силы Кыргызстана, также не обходятся без планов по внутривнутриполитической дестабилизации страны. К примеру, на День Независимости 31 августа 2024г. в г. Бишкеке готовился насильственный захват власти посредством организации спортивных игр с участием большой массы молодежи со всех регионов страны. Однако, совместными действиями ГКНБ и МВД КР, планировавшиеся массовые беспорядки по пути следования к г. Бишкеку, 6 июля были предотвращены.⁵ Кроме того, установлена связь с организаторами госпереворота депутата Кербенского городского кенеша от фракции «Ата-Журт Кыргызстан» за призывы к организации массовых беспорядков (ст.278, ч.1 УК КР).⁶

Организационное обеспечение, управление действиями сил и средств ОВД, разработка планов при противодействии массовых беспорядков осуществляется сформированными органами оперативного управления- оперативными штабами (ОШ) во взаимодействии с внутренними войсками МВД КР. Непосредственное управление при массовых беспорядках осуществляет командующий ВВ МВД. Начальники подразделений ОВД областей, г. Бишкек и Ош, в пределах своей компетенции, являются старшими оперативными начальниками, в отношении подразделений и частей ВВ МВД КР, дислоцированных на подведомственной территории и выполняющих задачи по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности (ст.5.1).⁷

Охрану общественного порядка, проведение специальных мероприятий и др. задачи при массовых беспорядках, киргизская милиция реализовывает в рамках специальной операции (п.7 ст.8) Закона «в усиленном режиме».⁸ К примеру, о проведении операций «Тайфун» и «Буря» по восстановлению общественного порядка в Аксы, принято распоряжение председателем правительства К.Бакиевым. 17 марта 2002г. это пер-

¹ Об органах национальной безопасности Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 5 июля 2022 года № 57; О прокуратуре Кыргызской Республики от 10 сентября 2021 года № 114; Конституционный закон Кыргызской Республики (ред. от 29 декабря 2023 года № 215); О Внутренних войсках Министерства внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 3 июня 2019 года № 70 (ред. от 25 ноября 2022 года № 109)

² Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203)

³ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203)

⁴ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203); О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в редакции Законов КР от 18 января 2022 года № 4, 16 февраля 2023 года № 31)

⁵ Пять граждан Кыргызстана были задержаны. При обыске были изъяты 70 единиц винтовок и пистолетов, 255 тысяч патронов, 150 комплектов формы правоохранительных органов Киргизии и компоненты самодельных взрывных устройств и др.// Госпереворот в Киргизии планировался на День Независимости. 6 июля 2024г. РИА НОВОСТИ.

⁶Болотбеков Ч. В Киргизии сорвана попытка захвата власти. Но опасность не миновала//РИТМ ЕВРАЗИИ 17.07.2024г.

⁷ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203)

⁸ Об органах внутренних дел Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 11 января 1994 года №1360-XII (в ред. от 16.12.2024 г. №203)

вый критический акт гражданского неповиновения власти в новейшей истории страны, когда в Аксыйском районе Джалал-Абадской области, местные жители вышли на акцию протеста против передачи Китаю 90 тысяч гектаров территории Кыргызстана. Для подавления протестов в с. Боспиек были направлены силовики, которые применили оружие против мирных демонстрантов. В результате столкновений погибли шесть человек, много людей пострадало. По мнению аналитиков, именно «аксыйские» события послужили катализатором государственного переворота 24 марта 2005 года, в результате которого свергли первого президента А. Акаева.¹ В настоящее время, 17 марта, в Кыргызстане-это день памяти жертв «аксыйских» событий, которые стали в истории независимого страны символом защиты демократии и укрепления государственности. А истинные виновные так и не понесли наказания, историческая справедливость не восстановлена, правовая оценка произошедшим протестам не дана.

К спецмероприятиям автор относит задержание преступников, изъятие оружия, взрывчатых веществ; пресечение массовых беспорядков в населенных пунктах и др. Оперативные подразделения ОВД проводят усиленные рейдовые и специальные мероприятия в формате спецоперации «Правопорядок», направленные на предотвращение преступлений и правонарушений на улицах и в общественных местах. При дежурных частях УВД/ОВД организовывается дежурство усиленных следственно-оперативных групп. Выполнение задач ОВД в условиях спецоперации требует широкого использования различных средств: оружия, спецсредств, техники, средств связи. Такие средства позволяют, прежде всего, защитить личный состав от воздействия огнестрельного и холодного оружия, ударов и т.д. (бронежилеты, защитные каски и шлемы, противоударные щиты и др.) Кроме того, при помощи технических средств, силы ОВД пресекают сопротивление нарушителей закона, обеспечивают защиту жизни, здоровья граждан, охрану общественного порядка в стране (бронемашин, светозвуковые средства, средства разрушения преград, принудительной остановки транспорта и др.).

Глава 7 Закона «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики» регламентирует порядок и основания применения огнестрельного оружия, специальных средств, техники. Принимая это во внимание, каждый сотрудник ОВД, в целях эффективности и успеха в предотвращении и пресечении массовых беспорядков, обязан знать боевые возможности каждой разновидности специальных средств, тактические особенности их применения.²

Важным этапом-заключительным, является степень участия, оценка работы сотрудников ОВД после локализации беспорядков. В МВД КР, совместно с ГКНБ КР, на коллегии рассматриваются материалы служебного расследования, где выясняются причины возникших беспорядков, дается юридическая оценка действий участников беспорядков. Так, к примеру, события 13 и 17 мая 2024г. были рассмотрены на коллегии 27 мая. Руководство ГУВД Бишкека, УВД районов столицы и сотрудники ОВД, в чьи обязанности входило обеспечение правопорядка во время событий (20 человек), привлечены к различным видам дисциплинарной ответственности. Из них 10 сотрудников УВД Свердловского района г. Бишкек, в т.ч. начальник подразделения, освобождены от занимаемых должностей.³

Помимо этого, подготовка сил и средств включает в себя: практические занятия с личным составом, привлекаемым к действиям; командно-штабные тренировки (учения) с руководителями групп боевого построения; морально-психологическую и физическую подготовку личного состава к действиям в экстремальных ситуациях; поддержание в исправном состоянии, специальных средств; поддержание высокой боевой готовности. Так, например, в 2023г. делегация МВД Кыргызстана во главе с заместителем министра внутренних дел милиции О. Урмамбетовым, в Китае, ознакомилась с организацией охраны общественного порядка, методов работы полиции при массовых беспорядках.⁴ А в мае 2024г., на базе Республиканского учебного центра МВД КР, прошла научно-практическая конференция на тему «Предотвращение и подавление массовых беспорядков на спортивных мероприятиях».⁵

Ежегодно в г. Бишкеке МВД Кыргызстана проводит проверки в рамках учебной практики по предотвращению массовых беспорядков, с оценкой профессиональной боевой готовности, морально-психологического состояния и экипировки личного состава. По мнению главы ГУ МВД КР Ж. Джоробекова, «проверка позволяет поддерживать высокий уровень готовности и эффективность работы столичной милиции».⁶

Таким образом, протестные настроения, вырастающие в массовые беспорядки, автор считает результатом неодобрительной оценки социально-политической действительности, в соотношении с ожидаемыми возможностями и реальными достижениями. Выстроенная организационно-правовая структура системы МВД Кыргызстана пристойно выполняют свои функции, обеспечивая безопасность граждан, благополучие страны, о чем свидетельствуют итоги 2024г.: уровень преступности снизился на 17%, раскрываемость преступлений достигла 71%.⁷ К 2025г., как отмечает Министр МВД КР У.Ниязбеков, «благодаря кыргызской милиции, Кыргызстан поднялся с 71-го на 24-е место в мировом рейтинге безо-

¹ За самоуправство он понес политическую ответственность, уйдя в отставку. Кто отдавал приказ милиции стрелять по митингующим, до сегодняшнего дня не выяснен. Суд по событиям в Аксы начался в январе 2012г. Фигурантами проходили бывший секретарь Совета безопасности Болот Джанузак, экс-генпрокурор Чубак Абышкаев, бывший прокурор Джалал-Абадской области Зоотбек Кудайбергенов и бывший начальник управления Службы национальной безопасности (ныне ГКНБ) Таштан Мамбеталиев. Все они получили условные сроки. В конце 2012-го Верховный суд полностью реабилитировал Кудайбергенова и других обвиняемых, прекратив уголовное дело по событиям в Аксы. Эксперты Комитета ООН, изучив материалы об аксыйских событиях, постановили - дело должно быть пересмотрено. Рекомендации международных правозащитников были переданы руководству страны еще в 2017 году. Уже сменилось три президента, но выводы власти, игнорируют/ 20 лет спустя. Уроки трагических событий в Аксы остались невыученными. 17 марта 2022г.

² О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 25 июля 2019 года № 102 (в ред. от 16 февраля 2023 года № 31); Постановление Правительства Кыргызской Республики от 29 апреля 2020 года № 223 «Об утверждении Перечня специальных средств, состоящих на вооружении правоохранительных органов Кыргызской Республики, и Правил применения специальных средств сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими, проходящими службу в уполномоченном государственном органе в сфере исполнения наказаний и внутренних дел Кыргызской Республики» (в редакции Закона КР от 16 февраля 2023 года № 31)

³ Десятки сотрудников милиции наказали и уволили после беспорядков в Бишкеке. NUR KZ. 28 мая 2024/

⁴ Китайский спецназ показал МВД Кыргызстана методы работы при массовых беспорядках// KAKTUSMEDIA 23 июня 2024г. kp.kg

⁵ МВД: В Республиканском учебном центре прошло//.mvd.gov.kg/rus/news/3261

⁶ <https://news.kg/2024/05/12/uchenija-po-razgonu-massovyh-besporjadkov-guobdd-mvd-proverjaet-boegotovnost/>

⁷ Уровень преступности снизился. В МВД Кыргызстана подвели итоги 2024 года. 24KG 19 января 2025г.

пасности».¹

Список литературы:

1. Кузьминых В.П. О понятии «массовых беспорядках» // Закон и право. 2016. №10. С. 108-110.
2. Майдыков А.Ф. Проблемы совершенствования управления органами внутренних дел в особых условиях // Проблемы повышения готовности органов внутренних дел в охране общественного порядка и безопасности в особых условиях: сборник статей. М., 1990.
3. Джакишев А.У. Деятельность милиции Кыргызстана: проблемы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью: дис. д-ра юр. Наук. М., 2007.
4. Багмет А.М. Массовые беспорядки как уголовно-правовое понятие // Власть и управление на Востоке России. 2012. №3 (60). С. 124-128.
5. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминалистический журнал. 2017. Т. 11. №1.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 263.
7. Машекуашева М.Х. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников спецподразделений в условиях массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №3.

References:

1. Kuzminykh V.P. On the concept of "mass riots" // Law and Law. 2016. No. 10. P. 108-110.
2. Maydykov A.F. Problems of improving the management of internal affairs bodies in special conditions // Problems of increasing the readiness of internal affairs bodies to protect public order and security in special conditions: Collection of Articles. Moscow, 1990.
3. Dzhakishev, A.U. Activities of the Kyrgyz Police: Problems of Public Order Protection and Crime Control: Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2007.
4. Bagmet, A.M. Mass Riots as a Criminal Law Concept // Power and Administration in Eastern Russia. 2012. No. 3 (60). P. 124-128.
5. Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Borisov S.V., Spasennikov B.A. Actual Problems of Preventing Economic Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks // All-Russian Journal of Criminalistics. 2017. Vol. 11. No. 1.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow, 1985, p. 263.
7. Masheruasheva M.Kh. Psychological Support for Special Forces Officers in Mass Riots // Gaps in Russian Legislation. 2014. No. 3.

¹ В МВД Кыргызской Республики проходит коллегиальное заседание по итогам 2024 года. 29 января 2025г. //academy-mvd.kg/в-мвд-кыргызской-республики-...

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГА SPECIFICS OF INFORMATION SECURITY IN THE FIELD OF INTERNET-BANKING

НОВИКОВ Фёдор Викторович,

Соискатель Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ).

119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.

E-mail: novikov07111@gmail.com;

NOVIKOV Fyodor Viktorovich,

Applicant of Higher School of State Audit Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.

E-mail: novikov07111@gmail.com

Краткая аннотация. В рамках данной работы рассматриваются ключевые аспекты защиты информации в банковском секторе. Анализ начинается с описания потенциальных угроз и уязвимостей, с которыми сталкиваются финансовые институты. Особый акцент сделан на конкурентных преимуществах, которые получает банк, выстраивая надежную политику кибербезопасности. Исследование также включает обзор нормативных требований и рекомендаций Центробанка РФ, регламентирующих эту сферу. Определены фундаментальные подходы к построению эффективной системы защиты информационного пространства кредитной организации. В числе наиболее уязвимых зон выделены платежные сервисы, процессинговые узлы и платформы дистанционного обслуживания, а также детализируются типичные тактики злоумышленников. Подчеркивается важность целостного подхода к безопасности, который должен охватывать все элементы — от проектирования сетевой инфраструктуры и применения антивирусных решений до внедрения строгих процедур проверки подлинности как для клиентов, так и для сотрудников. В заключение отмечается, что базовый инструментарий для защиты данных в банках во многом совпадает с решениями, применяемыми в других коммерческих структурах.

Abstract. This paper examines key aspects of information security in the banking sector. The analysis begins with a description of the potential threats and vulnerabilities faced by financial institutions. Particular emphasis is placed on the competitive advantages that banks gain by building a robust cybersecurity policy. The study also includes an overview of the regulatory requirements and recommendations of the Central Bank of the Russian Federation governing this area. Fundamental approaches to building an effective information security system for a credit institution are identified. Payment services, processing nodes, and remote service platforms are identified as the most vulnerable areas, and typical attacker tactics are detailed. The importance of a holistic approach to security is emphasized, encompassing all elements—from network infrastructure design and antivirus solutions to the implementation of strict authentication procedures for both clients and employees. The conclusion notes that the basic data protection tools in banks are largely similar to those used in other commercial structures.

Ключевые слова. Правовое регулирование, информационная безопасность, кибербезопасность, банковская организация, кибератаки.

Keywords. Legal regulation, information security, cybersecurity, banking organization, cyberattacks.

Для цитирования: Новиков Ф.В. Специфика информационной безопасности в сфере Интернет-банкинга // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_253.

For citation: Novikov F.V. Specifics of information security in the field of Internet-banking // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_253.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025

Цифровая трансформация, охватившая все сегменты экономики, кардинально изменила и банковский сектор. Глубокие технологические изменения затрагивают не только внутренние операции финансовых институтов, но и принципы их работы с клиентами, где ключевыми становятся сервисы Интернет-банкинга. К этим платформам предъявляется целый ряд строгих критериев, включая бесперебойную работу, высокую скорость, интуитивный интерфейс и, что особенно важно, максимальный уровень защиты.

Киберпреступность стала неотъемлемой и крайне опасной чертой современного цифрового ландшафта. Поскольку основной мотив таких деяний — материальная выгода, главной мишенью злоумышленников закономерно становятся финансовые активы, а именно денежные средства на счетах как частных лиц, так и компаний.

Росту числа кибератак на банки способствует целый комплекс факторов: значительные объемы проводимых платежей, крупные депозиты, обширные базы персональных данных клиентов, а также порой недостаточный уровень защищенности систем и недостаточная бдительность самих пользователей.

Понятие киберпреступности трактуется по-разному. В соответствии с подходом ООН, к ней относят любые противоправные действия, нацеленные на нарушение конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации и систем; правонарушения, использующие компьютерные технологии для извлечения незаконной выгоды или нанесения ущерба; а также преступления, связанные с незаконным контентом [6].

Массовый переход банковских услуг в онлайн-формат порождает совершенно новые категории рисков и вызовов для безопасности. Их своевременное обнаружение и нейтрализация становятся центральной задачей при разработке и внедрении систем дистанционного обслуживания. Осознавая высокую сложность вопросов защиты информации и опираясь на мировую практику стандартизации, Банк России утвердил пакет внутренних стандартов, регулирующих эту область.

Согласно российской регуляторной практике, информационная безопасность трактуется как комплексный процесс, позволяющий организации устанавливать и поддерживать контроль над своими информационными ресурсами для гарантированной поддержки бизнес-процессов [11, с.145]. Эта деятельность нацелена на обеспечение трех ключевых свойств информации — доступности, целостности и конфиденциальности, а также включает работу с персоналом. Доступность означает, что данные и сервисы должны быть предоставлены пользователю в требуемое время. Целостность подразумевает защиту информации от несанкционированного изменения или уничтожения. Конфиденциальность — это предотвращение доступа к данным со стороны неуполномоченных лиц. Что касается человеческого фактора, то здесь критически важным явля-

ется повышение осведомленности сотрудников: они должны четко понимать, для чего внедряются те или иные меры защиты, такие как сложные пароли или антивирусные программы.

Принято анализировать систему информационной безопасности через три взаимосвязанных аспекта: технический, организационный и технологический. Техническая составляющая охватывает все аппаратные и программные средства защиты. Организационная заключается в разработке внутренних нормативов и создании системы контроля за их соблюдением. Технологический аспект фокусируется на таком построении бизнес-процессов, которое позволяет минимизировать потенциальные угрозы.

Любая активность банка неизбежно сопряжена с возникновением рисков, включая риски в области кибербезопасности, которые делятся на внешние и внутренние. Классическим примером внешней угрозы является электронная почта. Несмотря на ее незаменимость для деловой коммуникации, она одновременно служит основным каналом для распространения вредоносного программного обеспечения. При этом не менее серьезную опасность представляют собой угрозы, исходящие изнутри организации.

В контексте противодействия киберпреступности в финансовой сфере Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ряд специальных составов преступлений. К ним, в частности, относятся: хищение денежных средств с банковского счета, включая электронные деньги (пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ), мошеннические действия с применением электронных платежных инструментов (статья 159.3), а также мошенничество в области компьютерной информации (статья 159.6) [1].

Значительную роль играют и нормы, направленные на защиту конфиденциальных данных: статья 183 УК РФ запрещает незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны, а статья 187 регулирует правомерный оборот платежных средств. Особое место в этой системе занимает глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (статьи 272-274.1), которая непосредственно криминализует противоправные действия с компьютерными системами и данными.

Актуальность этих правовых механизмов подтверждается текущей ситуацией. Практически каждый клиент финансовых учреждений регулярно сталкивается с массовыми рассылками мошеннических SMS-сообщений и телефонными звонками, имитирующими экстренные уведомления о подозрительных операциях или попытках оформления кредита. Несмотря на то, что банковский сектор в целом демонстрирует устойчивость, отдельные элементы защитных систем требуют дальнейшего совершенствования. Наибольшую угрозу для кредитных организаций представляют целенаправленные атаки на их платежную инфраструктуру – успешная реализация такой атаки способна нанести учреждению колоссальный финансовый ущерб [7].

Статистические данные иллюстрируют масштаб проблемы. Согласно информации Банка России, в 2022 году общий объем средств, похищенных у клиентов банков мошенниками, достиг 14,2 млрд рублей, что на 4,29% превысило показатели предыдущего года. При этом доля краж, совершенных с использованием методов социальной инженерии, возросла до 50,4% [11].

Компания Qrator Labs, признанный эксперт в области противодействия DDoS-атакам, зафиксировала в 2022 году увеличение количества хакерских атак на российские ИТ-системы на 73%. Из этого объема примерно 13% атак пришлось на платежные системы, а около 10% – на финансовые учреждения и банки [12]. При этом продолжительность таких атак возросла ориентировочно на 1000%. Помимо внешних угроз, серьезную опасность представляют внутренние нарушители информационной безопасности, действия которых могут быть как злонамеренными, так и непреднамеренными.

В рамках реализации полномочий по надзору Банк России установил для кредитных организаций обязательный порядок уведомления о киберинцидентах. Согласно этому регламенту, коммерческие банки должны в режиме реального времени информировать специальное подразделение регулятора — ФинЦЕРТ (Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки) в течение трех часов с момента выявления нарушения информационной безопасности.

Экспертами Банка России сформулированы ключевые направления построения системы кибербезопасности в финансовом секторе. В их числе: совершенствование нормативно-правовой базы через детализацию существующих законодательных положений; комплексная защита информационных инфраструктур и программного обеспечения банков; обеспечение безопасности технологических процессов обработки данных; развитие финтеха и укрепление общественного доверия к финансовой системе; активное использование международного опыта и сотрудничества [15].

Особую актуальность этим мерам придает тот факт, что основная часть банковской информации составляет охраняемую законом тайну. Создание эффективной системы ее защиты требует реализации многоуровневой security-архитектуры. Аналогичные требования возникают в связи с необходимостью обработки массивов персональных данных в соответствии с положениями Федерального закона №152-ФЗ [2].

Решение задач информационной безопасности должно носить комплексный характер, отправной точкой при этом выступает продуманное проектирование сетевой инфраструктуры финансовой организации. Среди специализированных защитных решений первостепенное значение сохраняют антивирусные комплексы, функционал которых позволяет блокировать несанкционированные подключения внешних носителей и установку неавторизованного программного обеспечения. Для защиты Интернет-шлюзов и почтовых сервисов наиболее эффективным признан принцип эшелонированной мультивендорной безопасности, предполагающий размещение разнотипных защитных систем на всех узлах корпоративной сети.

Перспективным направлением усиления защищенности финансового сектора считается внедрение единой системы удаленной идентификации (ЕСИА) [16]. Присвоение единой биометрической системе (ЕБС) начиная с 30 декабря 2021 года статуса государственной информационной системы создало правовые предпосылки для ее интеграции в различные технологические процессы с соблюдением требований к обработке биометрических данных. В настоящее время ЕБС функционирует как элемент общегосударственной инфраструктуры, обеспечивающей согласованное взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в цифровом формате.

Создание централизованной надежной системы верификации граждан способно значительно оптимизировать для банков процедуру идентификации клиентов. Это актуально как для выполнения требований Федерального закона №115-ФЗ о противодействии отмыванию доходов [3], так и для дистанционного продвижения банковских продуктов в регионах без физического присутствия филиалов.

Параллельно с аутентификацией клиентов кредитным организациям необходимо внедрять надежные механизмы проверки подлинности внутренних пользователей. Реализация двухфакторной аутентификации с применением электронных ключей или генераторов одноразовых паролей становится обязательным элементом защиты корпоративных систем. Персонал банка представляет собой особый элемент системы безопасности. Сотрудники могут выступать как источником серьезных инцидентов, так и эффективным барьером против кибератак - этот результат напрямую зависит от качества их подготовки. Каждой организации необходим четкий регламент действий персонала при возникновении угроз информационной инфраструктуре. Регулярное обучение сотрудников основам кибербезопасности формирует понимание современных тактик злоумышленников, правил защиты клиентских данных и алгоритмов действий при попытках несанкционированного доступа.

Целостный подход к организации информационной безопасности позволяет не только предотвращать инциденты, но и приносит финансовым организациям дополнительные преимущества:

- Оптимизация управления операционными рисками, связанными с человеческим фактором
- Создание прозрачной и контролируемой системы защиты информации
- Повышение уровня доверия к кредитной организации
- Обеспечение соответствия требованиям регулятора [9, с.12]

Регуляторные требования Банка России включают следующие документы: Положение №242-П от 16.12.2003 о внутреннем контроле [4], Письмо №76-Т от 24.05.2005 об управлении операционными рисками, Письмо №197-Т от 07.12.2007 о рисках дистанционного обслуживания [5], а также Письмо №104-Т от 10.06.2013 о повышении внимательности к операциям клиентов.

Формирование комитета по кибербезопасности направлено на выработку согласованных с операционными подразделениями мер защиты. Подобная коллаборация гарантирует поддержание необходимого уровня безопасности без избыточного давления на бизнес-процессы. В рабочую группу традиционно входят представители ключевых направлений: IT-департамента, службы безопасности, риск-менеджмента, внутреннего аудита и профильных бизнес-блоков. Руководство деятельностью комитета возлагается на первого руководителя кредитной организации или его заместителя.

Первоочередной задачей является инвентаризация информационных активов банка, позволяющая проанализировать архитектуру и функционал IT-инфраструктуры. Полученные сведения служат основой для формирования прогноза безопасности, разработки моделей потенциальных угроз и профилей нарушителей. Эти аналитические материалы составляют фундамент для создания Политики информационной безопасности (ПИБ) – ключевого нормативного акта, объединяющего правила, процедуры и принципы киберзащиты, утверждаемого высшим руководством. Документ разрабатывается с учетом специфики деятельности банка, его организационного устройства и архитектуры корпоративных систем¹.

ПИБ обеспечивает достижение целевого уровня защищенности, формирующего доверие к бизнесу в условиях существующих угроз. Базовыми принципами при ее разработке выступают:

- "Знай своего клиента" – требование регуляторов о понимании природы операций клиентов;
- "Знай своего сотрудника" – мониторинг поведенческих факторов персонала, способных повлиять на безопасность;
- "Двойной контроль" – необходимость независимого подтверждения критических операций двумя сотрудниками;
- "Ограничение доступа" – предоставление прав только к ресурсам, необходимым для выполнения должностных обязанностей.

Специфика дистанционного банковского обслуживания требует особого отражения в ПИБ:

- Проведение операций через системы ДБО допускается исключительно после успешного прохождения идентификации, аутентификации и авторизации;
- При работе через Интернет обязательна реализация механизмов, блокирующих попытки перехвата сессии с последующей фиксацией таких инцидентов;
- Рекомендуется использование специализированного клиентского ПО для доступа к системам ДБО [17].

Политика информационной безопасности составляет вершину иерархии документов в области защиты данных. Следующий уровень включает регламенты, регулирующие отдельные аспекты безопасности:

- Регламент работы с конфиденциальной информацией;
- Положение об учете информационных активов;
- Правила использования Интернет-ресурсов;
- Политику корпоративной электронной почты;
- Требования к парольной защите;
- Инструкции по применению криптографических средств;
- Правила антивирусной защиты;
- Процедуры реагирования на инциденты;
- Соглашения о мониторинге использования служебных сервисов.

¹ Сдали на взлом: мошенники научились маскироваться под ЦБ. - URL: <https://iz.ru/847082/dmitrii-grinkevich/sdali-na-vzлом-moshennikinauchilis-maskirovatsia-pod-tcb>

Цифровизация банковских услуг, несмотря на очевидные преимущества в виде экономии времени и перехода на безбумажные технологии, порождает серьезные угрозы для всех участников процесса. Клиенты и сами финансовые институты становятся потенциальными жертвами злоумышленников, целью которых является незаконное завладение конфиденциальными данными, проведение мошеннических транзакций, отмывание средств через сомнительные операции и организация сбоев в работе банковских сервисов.

Подобные вызовы требуют от кредитных организаций формирования комплексной системы защиты информации, интегрирующей в себя правовые, организационные и технические компоненты. Критически важным элементом становится применение специализированного программного обеспечения, включая инструменты криптографического шифрования, без которых невозможно безопасное использование онлайн-банкинга через публичные сети. Не менее значимым является создание системы постоянного мониторинга и аудита для обеспечения соответствия деятельности банка требованиям государственных стандартов и нормативов регулятора.

Все процедуры, связанные с кибербезопасностью, должны быть встроены в циклический процесс управления рисками финансовой организации. Особую роль в этой системе играет человеческий фактор – необходимо целенаправленное формирование культуры безопасности среди сотрудников, чтобы каждый работник осознавал свою ответственность за защиту корпоративных активов [17].

Таким образом, поддержание высокого уровня информационной безопасности является не просто приоритетом, а фундаментальным условием существования современного банка. Разработка, внедрение и постоянное совершенствование защитных механизмов становятся критически важными задачами, поскольку без надежной системы безопасности невозможно функционирование каналов дистанционного обслуживания. В противном случае все финансовые потоки и информационные ресурсы учреждения оказываются уязвимыми для кибератак [13].

Актуальность этой проблемы подтверждается на высшем государственном уровне. Как отмечал Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов в июле 2020 года, наблюдается устойчивая тенденция к росту целенаправленных компьютерных атак на информационную инфраструктуру государственных органов, корпораций и финансовых институтов [10].

Несмотря на специфику банковских информационных систем, базовые принципы их защиты остаются универсальными и во многом совпадают с подходами, используемыми в других отраслях. Ключевое отличие заключается в степени ответственности – цена ошибки в финансовом секторе чрезвычайно высока как для самой организации, так и для ее клиентов, что требует максимально взвешенного и продуманного подхода к построению систем безопасности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О персональных данных" // "Российская газета", N 165, 29.07.2006
3. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" // "Российская газета", N 151-152, 09.08.2001
4. Положение Банка России от 16.12.2003 N 242-П (ред. от 15.11.2023) "Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.01.2004 N 5489) // "Вестник Банка России", N 7, 04.02.2004.
5. Письмо Банка России от 07.12.2007 N 197-Т "О рисках при дистанционном банковском обслуживании" // "Вестник Банка России", N 68, 12.12.2007
6. Comprehensive Study on Cybercrime/ United Nation Office on Drugs and Crime (UNDOC), 2013, pp 6-11.
7. Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» (СТО БР ИББС-1.0-2014) // Центральный банк Российской Федерации. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cbr.ru/>.
8. Сычев А.М. Безопасность электронного банкинга / А.М. Сычев, П.В. Ревенков, А.Б. Дудка. - М.: Интеллектуальная литература, 2017.
9. Тропина Т.Л. Криминализация киберпреступлений: достижение консенсуса. - Запорожье: Компьютерная преступность и кибертерроризм. исследование, аналитика, 2017.
10. Генпрокурор РФ потребовал усилить борьбу с киберпреступлениями коду [Электронный ресурс]// Медиагруппа «Звезда». - URL: https://tvrzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20207171247-Q1YKB.html.
11. Годовой отчет Банка России 2022 / Утвержден Советом директоров Банка России 28.03.2023 // Официальный сайт Банка России. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.cbr.ru/2023/C75-102.
12. Интернет – ресурс: <https://habr.com/ru/news/713226/>
13. О банке Альфа-Банк: официальный сайт. - URL: <https://alfabank.ru/about/>
14. Сдали на взлом: мошенники научились маскироваться под ЦБ. - URL: <https://iz.ru/847082/dmitrii-grinkevich/sdali-na-vzлом-moshennikinauchilis-maskirovatsia-pod-tcb>
15. Skorodumov A. Информационная безопасность в банковской сфере: время перемен. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.tbforum.ru/blog/informatsionnaya-bezopasnost-v-bankovskoy-sfere-vremya-peremen>.
16. Удаленная идентификация // Центральный банк Российской Федерации. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cbr.ru/2023>.
17. Электронная торговля как инструмент повышения качества взаимодействия государства, бизнеса и общества. - URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26191475>

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, art. 2954
2. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 24.06.2025) "On Personal Data" // Rossiyskaya Gazeta, No. 165, 29.07.2006
3. Federal Law No. 115-FZ of 08/07/2001 (as amended on 06/24/2025) "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Rossiyskaya Gazeta, No. 151-152, 08/09/2001
4. Regulation of the Bank of Russia dated 12/16/2003 N 242-P (as amended on 11/15/2023) "On the organization of Internal Control in Credit Organizations and Banking Groups" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 01/27/2004 N 5489) // Bulletin of the Bank of Russia, No. 7, 02/04/2004.
5. Letter of the Bank of Russia dated 12/07/2007 N 197-T "On risks in remote banking services" // Bulletin of the Bank of Russia, No. 68, 12/12/2007
6. Comprehensive Study on Cybercrime/ United Nation Office on Drugs and Crime (UNDOC), 2013, pp 6-11.
7. Standard of the Bank of Russia "Ensuring information security of organizations of the banking system of the Russian Federation. General provisions" (STO BR IBBS-1.0-2014) // Central Bank of the Russian Federation. - [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.cbr.ru/>.
8. Sychev A.M. Electronic banking security / A.M. Sychev, P.V. Revenkov, A.B. Dudka. Moscow: Intellectual Literature, 2017.
9. Tropina T.L. Criminalization of cybercrimes: consensus building. - Zaporizhia: Computer crime and cyberterrorism. research, analytics, 2017.
10. The Prosecutor General of the Russian Federation demanded to strengthen the fight against cybercrime code [Electronic resource]// The Zvezda Media Group. - URL: https://tvrzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20207171247-Q1YKB.html.
11. Annual Report of the Bank of Russia 2022 / Approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on 03/28/2023 // Official website of the Bank of Russia. - [Electronic resource]. - Access mode: www.cbr.ru/2023/C75-102
12. Online resource: <https://habr.com/ru/news/713226/>
13. About Alfa-Bank: official website. - URL: <https://alfabank.ru/about/>
14. Hacked: scammers have learned to disguise themselves as the Central Bank. - URL: <https://iz.ru/847082/dmitrii-grinkevich/sdali-na-vzлом-moshennikinauchilis-maskirovatsia-pod-tcb>
15. Skorodumov A. Information security in the banking sector: a time of change. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.tbforum.ru/blog/informatsionnaya-bezopasnost-v-bankovskoy-sfere-vremya-peremen>.
16. Remote identification // Central Bank of the Russian Federation. - [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.cbr.ru/2023>.
17. Electronic commerce as a tool for improving the quality of interaction between the state, business and society. - URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26191475>

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ON THE APPLICATION OF THE NORMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF STATE SECRETS: THEORETICAL ASPECT

СИДОРОВ Сергей Александрович,

доктор полит. наук, доцент кафедры Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).

680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

СЕРГИЕНКО Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Всероссийского государственного университета юстиции.

680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SIDOROV Sergey Alexandrovich,

Doctor of Political Sciences. PhD, Associate Professor of the Department

of the All-Russian State University of Justice (Far Eastern Branch).

31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SERGIENKO Alexander Sergeevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of the All-Russian State University of Justice.

31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье авторы рассматривают некоторые аспекты конструирования и проблемы применения норм, предусматривающих юридическую ответственность за нарушение правовых норм, регламентирующих государственную тайну.

Abstract: in the article, the authors consider some aspects of design and the problems of applying norms providing for legal liability for violation of legal norms governing state secrets.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны, незаконное получение государственной тайны.

Keywords: high treason, espionage, disclosure of state secrets, illegal receipt of state secrets.

Для цитирования: Сидоров С.А., Сергиенко А.С. К вопросу о применении норм уголовно-правовой охраны государственной тайны: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_257.

For citation: Sidorov S.A., Sergienko A.S. On the application of the norms of criminal law protection of state secrets: theoretical aspect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_257.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2025

Одним из наиболее охраняемых объектов в современном государстве является информация. Существует множество способов ее правовой защиты, в числе которых выступает институт тайны. В рамках этого института особой значимостью обладает государственная тайна. Общественная опасность преступлений, посягающих на государственную тайну, очевидна, в связи с чем в настоящее время УК РФ предусматривает пять статей, устанавливающих уголовную ответственность за незаконное обращение с информацией, составляющей государственную тайну (ст. 275, 276, 283, 283.1, 284 УК). Эти деяния нечасто становятся предметом научного анализа, в частности, по уголовному праву за все время существования УК РФ защищено только две кандидатские диссертации на указанную тему¹. Отчасти подобное отношение объясняется тем, что преступления, затрагивающие государственную тайну, давно известны российскому уголовному праву, даже редакция соответствующих норм фактически оставалась неизменной на протяжении десятилетий. Ее охрана является одним из ключевых элементов национальной безопасности, а уголовно-правовая защита играет в этом процессе важную роль. Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ в УК РФ были внесены существенные изменения, усиливающие криминализацию деяний, посягающих на государственную тайну. К сожалению, не все наработки указанного нормативного акта можно признать удачными с позиции юридико-технического конструирования и содержания криминообразующих признаков. В то же время по нашему мнению, ряд уже существующих недостатков не получил внимания законодателя.

1. Юридико-технические дефекты конструирования норм о посягательствах на государственную тайну. Избыточность текста уголовного закона. Серьезной переработке в названном Законе № 190-ФЗ подверглась, в первую очередь, ст. 275 УК РФ, предусматривающая ответственность за государственную измену. К числу положительных новаций в редакции этой нормы следует назвать включение международных организаций в число адресатов получения государственной тайны при государственной измене. До внесения указанных изменений сообщение любым способом государственной тайны международной организации не подпадало под признаки уголовно-наказуемого деяния, что являлось существенным пробелом, позволяющим виновным избежать ответственности.

¹ Бендин, В.В. Защита государственной тайны Российской Федерации уголовно-правовыми средствами: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 34 с.; Дворников А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Тюмень, 2007. – 27с.; Кулев А. Г. Преступления против внешней безопасности государства: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 27с.; Ершов С. А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. – 25 с.; Дворников А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел автореф. дис... канд. юрид. наук. М. 2007г.; Мазуров В.А. Уголовно правовая защита тайны автореф. дис... канд. юрид. наук. М. 2001 г.; Артемов В.В. незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России. автореф. дис... канд. юрид. наук. 2011г.; Хурум М.А. Преступления связанные с получением и (или) разглашением конфиденциальной информации автореф. дис... канд. юрид. наук. М. 2019г.

К сожалению, далеко не все изменения заслуживают подобной оценки. При конструировании диспозиции ст. 275 УК РФ в новой редакции законодатель неоднократно нарушает правило «экономии текста» уголовного закона. Необходимо согласиться с Тихоновой С.С. в том, что усложнение юридического языка излишней детализацией и многословием в рамках одного предложения затрудняет усвоение соответствующего нормативно-правового предписания его адресатом². Между тем, нельзя не отметить, что в новой редакции исследуемая норма стала излишне громоздкой.

Во-первых, к виновным субъектам по ст. 275 УК РФ в случае выдачи государственной тайны теперь отнесены лица, которым тайны была доверена или стала известна «по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Указанное дополнение представляется совершенно излишним, только загромождающим норму и делающим ее неудобочитаемой. Очевидно, что выдать тайну может только лицо, которое получило к ней доступ на законных основаниях. В противном случае совершаются незаконные собирание и последующая передача информации. В научной литературе и на практике толкование данного признака не вызывало никаких споров и затруднений. Зачем законодатель ввел рассматриваемое уточнение – остается неясным.

Во-вторых, непонятна причина перечисления в статье видов помощи (финансовая, материально-техническая, консультационная или иная), которую виновный может оказать иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности РФ. Однако, оно было бы оправданно, если бы законодатель сделал этот перечень закрытым. Вместе с тем в ст. 275 УК РФ употребляется словосочетание «или иной помощи», что автоматически делает любое перечисление абсолютно излишним. По сути, смысл нормы в этом отношении по сравнению с прежней редакцией остался прежним, лишь усложнилось его уяснение правоприменителем и гражданами. Поэтому в целом можно сделать вывод, что новая редакция ст. 275 УК РФ, по нашему мнению, оказалась не вполне удачной. Представляется, что без ущерба для смысла нормативного предписания, диспозицию ст. 275 УК РФ следовало бы сформулировать следующим образом: «шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, совершенные гражданином Российской Федерации».

Логическое несоответствие терминов. Законодательным дефектом представляется и использование в ст. 275 УК РФ термина «шпионаж». Понятие шпионажа раскрывается в ст. 276 УК РФ, причем его конструктивным признаком выступает субъект – иностранный гражданин или лицо без гражданства. Мы полагаем, что подстановка предложенного понятия в ст. 275 УК РФ в силу указания на специальный субъект шпионажа, невозможна. Поскольку за государственную измену может быть привлечен к уголовной ответственности только российский гражданин. Таким образом, употребление в ст. 275 УК РФ термина «шпионаж» как формы государственной измены представляет собой логическое несоответствие, поскольку шпионаж по его легальному определению не может быть совершен гражданином России. Разрешение указанного противоречия видится в том, что определение шпионажа следует разместить в примечании № 2 к ст. 275 УК РФ: «Под шпионажем в ст.ст. 275 и 276 настоящего Кодекса понимается передача, а равно совершенные в целях такой передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям собирание, похищение или хранение сведений, составляющих государственную тайну, а также совершенные по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, передача или собирание иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации»³. Поскольку в предложенном определении не указан субъект, оно применимо в равной степени к ст. 275 и 276 УК РФ.

В приведенном тексте по сравнению с действующей редакцией ст. 276 УК РФ, изменен порядок слов. Данные изменения, в отличие от исключения признаков субъекта, не несут смысловой нагрузки и не влияют на смысл нормы, они призваны улучшить восприятие текста. Преподавательский опыт показывает, что при прочтении статьи от внимания студентов и слушателей ускользают признаки адресата шпионажа: иностранное государство, иностранная либо международная организация или их представители, но, в особенности, совершение шпионажа по заданию иностранной разведки. Поэтому некоторое смещение акцентов в изложенном тексте нормы представляется обоснованным в целях оптимизации работы будущих и настоящих правоприменителей.

Для систематизации положений УК РФ с учетом предложенных изменений следует также скорректировать диспозицию ст. 276 УК РФ, сформулировав ее как простую, а не описательную: «шпионаж, если это деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства, наказывается...»⁴.

2. Проблемы применения норм об ответственности за посягательства на государственную тайну. Наибольшее число вопросов при правоприменении возникает относительно ст. 283 УК РФ. В первую очередь ведутся споры о ее месте в системе уголовного закона. Некоторые ученые полагают, что разглашение государственной тайны необоснованно отнесено законодателем к группе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. В качестве аргумента приводится отсутствие цели изменения конституционного строя или ослабления внешней безопасности России в числе криминообразующих признаков разглашения государственной тайны. В противном случае содеянное подпадает под признаки государственной измены⁵. Объектом преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие сохранность государственной тайны, в связи с чем это деяние должно быть отнесено к преступлениям против поряд-

² Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. – Нижний Новгород, 2008. – С. 110

³ Уголовный Кодекс Рос. Федерации. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – С. 243-244.

⁴ Там же: С. 244.

⁵ См.: Чучаев А.И., Антонова Е.Ю., Голик Ю.В. Уголовное право. – М.: Проспект, 2024. – 680 с.

ка управления или должностным преступлениям (при наличии специального субъекта)⁶. Однако с высказанной позицией согласиться сложно. Необходимо обратить внимание на то, что изначальная посылка в ней ошибочна, поскольку отнесение ст. 283 УК к классификационной группе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства обуславливается не субъективным признаком цели, а объектом посягательства. Не следует забывать, что именно объект преступления является основанием распределения статей по главам. Действительно, можно признать, что объектом разглашения государственной тайны выступают общественные отношения по сохранности этой тайны. Но содержание государственной тайны составляют сведения экономического, военного, научного характера, сведения о разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности, и совершенно очевидно, что их огласка причиняет ущерб безопасности государства. Поэтому во избежание возможных споров о месте ст. 283 УК в системе уголовного закона логичнее было бы рассматривать в качестве объекта анализируемого преступления общественные отношения по обеспечению безопасности государства, связанные с охраной государственной тайны. Еще одной проблемой представляется ограниченный перечень деяний, предусмотренных в диспозиции ст. 283 УК. Напомним, что наказуемым считается исключительно разглашение государственной тайны, то есть, только сообщение ее посторонним лицам. Между тем, сравнительный анализ зарубежного законодательства показывает, что в ряде государств наказывается несанкционированное использование подобных сведений (например, ст. 265 УК Польши⁷, §798 Федерального УК США⁸). Повышенный уровень общественной опасности перечисленных действий не вызывает, по мнению автора, сомнений⁹. В самом деле, лицо может не разглашать саму информацию, а сделать из нее выводы и оперировать уже этими выводами к собственной выгоде. Тем не менее, в УК РФ до сих пор отсутствует положение, специально предусматривающее уголовную ответственность за использование государственной тайны. Более того, за это деяние вообще невозможно применить к лицу уголовное наказание на каком-либо основании. Подобная ситуация тем более необъяснима, что в отношении, например, коммерческой тайны, равно как и банковской и налоговой запрет на использование информации установлен (ч. 2 ст. 183 УК РФ), то есть, фактически, эти три вида тайн защищаются в гораздо большей степени, чем государственная тайна.

В зарубежном законодательстве не допускается подобное несоответствие в охране интересов государства и экономических интересов частных лиц. Учитывая изложенное, представляется логичным дополнить диспозицию ст. 283 УК словом «использование».

Неудачным также представляется указание в законе на последствия разглашения, а именно, то, что сведения должны стать достоянием других лиц. С точки зрения русского языка это явная тавтология, поскольку сам по себе термин разглашение, если понимать его не как процесс, а как результат, уже предполагает доведение информации до адресата. В связи с изложенным следовало бы исключить упомянутый выше признак из диспозиции ст. 283 УК РФ. Наконец, последний спорный вопрос, на который необходимо обратить внимание – признак специального субъекта преступления, каковым выступает лицо, которому сведения были доверены или стали известны по службе или работе.

Таким образом, в настоящее время человек, ознакомившийся с информацией, составляющей государственную тайну не в связи со служебной деятельностью, а, например, от лица, имеющего доступ к тайне и нарушившего режим секретности, не несет обязанности по обеспечению сохранности государственной тайны. Единственное, за что можно привлечь такое лицо – это за незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну по ст. 283.1 УК РФ, но только при условии, что способ получения сведений был незаконным. Добровольное сообщение информации лицом, имеющим доступ к государственной тайне, сведений, ее составляющих, к незаконному получению тайны не относится. То есть, даже в случае разглашения информации при полном понимании того, что она является государственной тайной, постороннее лицо, не имеющее допуска, не может привлекаться к ответственности¹⁰. Основываясь на сравнительно-правовом анализе, можно сделать вывод о том, что подобный подход не соответствует интересам защиты государственной тайны. В законодательстве ряда стран (ч. 1 ст. 357 УК Болгарии¹¹, ст. 265 УК Польши¹², п. a,b §798 Закона Великобритании 1989 года «О государственной тайне»¹³) субъект аналогичного состава преступления общий, и это положение представляется вполне целесообразным заимствовать в отечественное законодательство. Учитывая изложенное, представляется обоснованной следующая формулировка диспозиции ч. 1 ст. 283 УК РФ: «Разглашение или использование сведений, составляющих государственную тайну, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 настоящего Кодекса, наказываются...». В свою очередь, признак специального субъекта можно было бы отнести к квалифицирующим, и закрепить во второй части статьи, а причинение по неосторожности тяжких последствий, в свою очередь, перенести в часть третью. Наиболее серьезным дополнением уголовного закона, внесенным Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 190-ФЗ, явилось включение в УК РФ статьи 283¹, запрещающей незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну при отсутствии признаков государственной измены или шпионажа. Необходимость принятия этой нормы была обусловлена участвовавшими случаями получения преступными группами оперативно-розыскной информации, относящейся к государственной тайне. Необходимость принятия этой нормы была обусловлена участвовавшими случаями получения преступными группами оперативно-розыскной информации, относящейся к государственной тайне. И само по себе закрепление этого уголовно-правового запрета возражений не вызывает. Но законодатель снова оказался недостаточно последователен в реализации своих намерений. Проблема

⁶ Ахмедов М.Н. Уголовное право России: учебное пособие в определениях и схемах по Особенной части. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – С.451.

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Польша / Пер. с польск. Д.А. Барилевич. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2001. – 234 с.

⁸ US Code Title 18 - Crimes and Criminal Procedure [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.law.cornell.edu/> (дата обращения: 11.11.2024).

⁹ См.: Бендин В.В. Защита государственной тайны Российской Федерации уголовно-правовыми средствами. – С. 8.

¹⁰ См.: Гладких В.И. Преступления против государственной власти. Научно-практический комментарий с материалами судебной практики. (Аспирант, Бакалавриат, Магистратура). Монография. – М.: КноРус, 2022. – С. 146.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Республики Болгария / Пер. с болг. Д.В. Милушева, к.ю.н. А.И. Лукашова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2001. – 298с.

¹² Царев Д.В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Нижний Новгород, 2005. – С. 8.

¹³ См.: Official Secrets Act 1989 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/6/section/5> (дата обращения 16.10.2024).

заключается в том, что в диспозиции статьи допущен пробел, позволяющий избежать уголовной ответственности в отдельных случаях получения лицом государственной тайны. В норме отмечено, что получение должно быть совершено незаконным способом. Во-первых, незаконность предполагает, что действия, с помощью которых добыта информация, указаны в качестве противоправных в каком-либо нормативном акте. Между тем, шантаж как таковой не предусмотрен ни в УК РФ, ни в КоАП РФ, более того, этот термин вообще не употребляется в законе, а используется более ограниченное понятие «вымогательство».

Таким образом, к сожалению, шантаж или обман, бесспорно, являются действиями аморальными, но никак не противозаконными. Во-вторых, как быть, если способ получения информации нельзя отнести даже к аморальным? Например, человека, имеющего допуск, просто расспрашивают, а он разглашает сведения в силу хвастовства или в состоянии опьянения, в которое привел себя добровольно. Информация получена законным способом, значит, виновный не подлежит ответственности. Между тем, достаточно было бы применить в диспозиции ту же формулировку, что приведена в названии ст. 283¹ УК РФ: «незаконное получение». Смысл здесь существенно изменяется, речь идет о получении государственной тайны, на которое у лица не имеется законных оснований. Подобная конструкция исключает пробелы и позволяет привлечь к ответственности любое лицо, добывающее государственную тайну. Поэтому представляется необходимым рекомендовать законодателю продублировать текст названия рассматриваемой статьи в ее диспозиции. Формальная конструкция состава преступления позволяет однозначно утверждать о возможности совершения данного деяния только с прямым умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить. Таким образом, исключается уголовная ответственность лица, получившего сведения, составляющие государственную тайну, не по своим желанию и инициативе. (Например, лицо, имеющее допуск к государственной тайне, само разглашает ее постороннему безо всяких расспросов со стороны последнего). Более того, предлагаемая формулировка позволит избежать юридико-технической ошибки в виде избыточности текста уголовного закона. Перечень незаконных способов в ст. 283¹ УК РФ является открытым, в связи с чем нет необходимости в их казуальном перечислении.

Изложенные аргументы позволяют предложить следующую редакцию диспозиции Ч. 1 ст. 283¹ УК РФ: «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 настоящего Кодекса)».

Таким образом, исследование показало, что в настоящее время нормы, посвященные уголовно-правовой охране государственной тайны, обладают рядом недостатков и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Список литературы:

1. Бендин, В.В. Защита государственной тайны Российской Федерации уголовно-правовыми средствами: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 34 с.
2. Дворников, А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Тюмень, 2007. – 26 с.
3. Гладких, В.И. Преступления против государственной власти. Научно-практический комментарий с материалами судебной практики. (Аспирант, Бакалавриат, Магистратура). Монография. – М.: КноРус, 2022. – 329 с.
4. Тихонова, С.С. Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. – Нижний Новгород, 2008. – 244 с.
5. Чучаев, А.И., Антонова, Е.Ю., Голик, Ю.В. Уголовное право. – М.: Проспект, 2024. – 680 с.
6. Ахмедов М.Н. Уголовное право России: учебное пособие в определениях и схемах по Особенной части. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – 617 с.
7. Уголовный кодекс Республики Болгария / Пер. с болг. Д.В. Милушева, к.ю.н. А.И. Лукашова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 298 с.
8. Уголовный кодекс Республики Польша / Пер. с польск. Д.А. Барилевич. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: (утв. 27 окт. 1960 г.; в ред. от 30 июля 1996 г.). – [М., 1993]. – Документ не опубликован. – Доступ из СПС Консультант Плюс.
10. Царев, Д.В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 24 с.
11. OfficialSecretsAct 1989 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/6/section/5> (дата обращения 16.10.2025)
12. US Code Title 18 - Crimes and Criminal Procedure [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/798> (дата обращения 16.10.2025).

References:

1. Bendin, V.V. Protection of the state secrets of the Russian Federation by criminal legal means: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. Rostov-on-Don, 2004– 34 p.
2. Dvornikov, A.A. Criminal law protection of state and official secrets in law enforcement agencies: abstract of the dissertation of the Candidate of Law. – Tyumen, 2007. – 26 p.
3. Gladikh, V.I. Crimes against state power. Scientific and practical commentary with materials of judicial practice. (Postgraduate, Bachelor's degree, Master's degree). Monograph. – M.: KnoRus, 2022. – 329 p.
4. Tikhonova, S.S. Legal technology in criminal law: A course of lectures. Nizhny Novgorod, 2008. 244 p.
5. Chuchayev, A.I., Antonova, E.Yu., Golik, Yu.V. Criminal law. Moscow: Prospekt, 2024, 680 p.
6. Akhmedov M.N. Criminal law of Russia: a textbook in definitions and diagrams for a special part. –Vladimir: Publishing House of the All-Russian State University, 2020. – 617 p.
7. The Criminal Code of the Republic of Bulgaria / Translated from the bolg. D.V. Milusheva, Candidate of Law A.I. Lukashova. – St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2001. – 298 p.
8. The Criminal Code of the Republic of Poland / Translated from Polish by D.A. Barilovich. – St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press", 2001. – 234 p.
9. The Criminal Code of the RSFSR [Electronic resource]: (approved on October 27, 1960; ed. dated July 30, 1996). – [Moscow, 1993]. – The document has not been published. – Access from SPS Consultant Plus.
10. Tsarev, D.V. The general concept and signs of crimes against the foundations of the constitutional order and state security: Abstract of the dissertation. ... Candidate of Law. sciences. – Nizhny Novgorod, 2005. – 24 p.
11. OfficialSecretsAct 1989 [Electronic resource] / URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/6/section/5> (accessed 16.10.2025)
12. US Code Title 18 - Crimes and Criminal Procedure [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/798> (accessed 16.10.2025).

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN THE FIELD OF CULTURE

МУРАДЯН Рузанна Паргеевна,

председатель Балаклавского районного суда г. Севастополя,
доцент кафедры «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность» Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.

E-mail: r.p.muradyan@mail.ru;

МИЛОШЕНКО Надежда Владимировна,

доцент кафедры «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность»

Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».

299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.

E-mail: poshivaylovaav@mail.ru;

ПОШИВАЙЛОВА Анна Викторовна,

заведующий кафедрой «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность»

Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.

E-mail: poshivaylovaav@mail.ru;

MURADYAN Ruzanna P.,

Chairman of the Balaklava District Court of Sevastopol, Associate Professor of the Department of Labor Law,
Judicial and Prosecutor's Activity of the Law Institute

of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University".

33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia.

E-mail: r.p.muradyan@mail.ru;

MILOSHENKO Nadezhda Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Labor Law, Judicial and Prosecutor's Activity of the Law Institute

of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Sevastopol State University, Candidate of Legal Science.

33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia.

E-mail: poshivaylovaav@mail.ru;

POSHIVAILOVA Anna V.,

Head of the Department "Labor Law" of the Law Institute

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University",

Candidate of Law, Associate Professor.

33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia.

E-mail: poshivaylovaav@mail.ru

Краткая аннотация: тема контроля и надзора в сфере культуры представляет собой комплексное и динамичное поле исследований, находящееся в поле юриспруденции. Ее изучение позволяет не только анализировать существующие механизмы государственного управления, но и вырабатывать рекомендации по созданию гибкой и эффективной системы, способной защищать национальные культурные ценности и одновременно стимулировать инновации и творческое разнообразие в современном мире.

Abstract: The topic of control and supervision in the field of culture is a complex and dynamic field of research located in the field of jurisprudence. Its study makes it possible not only to analyze the existing mechanisms of public administration, but also to develop recommendations for creating a flexible and effective system capable of protecting national cultural values and at the same time stimulating innovation and creative diversity in the modern world.

Ключевые слова: организации в сфере культуры; контроль-надзорная деятельность; риск-ориентированный подход; виды государственного контроля; плановые контрольно-надзорные мероприятия; внеплановые контрольно-надзорные мероприятия; профилактические мероприятия.

Key words: cultural organizations; control and supervisory activities; risk-oriented approach; types of state control; scheduled control and supervisory activities; unscheduled control and supervisory activities; preventive measures.

Для цитирования: Мурадян Р.П., Милошенко Н.В., Пошивайлова А.В. Контрольно-надзорная деятельность в сфере культуры // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_261.

For citation: Muradyan R.P., Miloshenko N.V., Poshivailova A.V. Control and supervisory activities in the field of culture // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_261.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Сфера культуры является фундаментом национальной идентичности, духовного развития общества и социальной стабильности. Эффективный контроль и надзор обеспечивает сохранение культурного наследия, качество культурных услуг, легитимность деятельности организаций культуры, а также баланс между свободой творчества и соблюдением общественных интересов и законодательства.

Фактически государственный надзор в сфере культуры в себя включает два вида деятельности: деятельность по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, прогнозированию и анализу состояния исполнения обязательных требований субъектами сферы культуры (государственные органы, органы местного самоуправления, юридические и физические лица) и деятельность, которая направлена на выявление, предупреждение и пресечение нарушений в сфере культуры.

Классификация видов государственного контроля (надзора) за организациями в сфере культуры в научной литературе не проводилась. Поэтому представляется возможным разграничить виды государственного контроля (надзора) по видам органов государственной власти,

которые его проводят: государственный контроль (надзор) Министерством культуры Российской Федерации, Государственной инспекцией труда; Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России); органами государственного пожарного надзора, Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации (далее – ФАС), Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор), Прокуратурой Российской Федерации, Федеральной налоговой службой (далее – ФНС). Приведенная классификация имеет практическое значение поскольку определяет область контроля (надзора), контролирующий орган и специфику процедуры. В частности, ФАС проводит плановые проверки заказчика, контрактных управляющих, контрактные службы, а также комиссии по закупкам и их членов (госзакупки и реклама); Роспотребнадзор контролирует санитарную безопасность и права потребителей; Прокуратура – принятие мер по борьбе с коррупцией, ФНС в рамках федерального государственного контроля (надзора) следит за соблюдением законодательства Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники, в том числе за полнотой учета выручки в организациях и у индивидуальных предпринимателей (например, где функционируют буфеты).

Правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности в выше обозначенной области делится на общее, специальное и смешанное. Так, к общему правовому регулированию относится федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" (далее – Закон о государственном и муниципальном контроле; Закон № 248)¹. В настоящий момент проверки (контрольно-надзорные мероприятия) в рамках большинства видов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации проводятся в соответствии с этим законом. К общему правовому регулированию относится также постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 "Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля" (далее – постановление Правительства № 336)².

Специальное правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности в сфере культуры отличается тем, что не применяется Закон № 248, не применяется постановление Правительства № 336. Это значит, что такие виды контроля и надзора в сфере культуры имеют собственное правовое регулирование. Так ФАС рассматривает дела о нарушении законодательства о рекламе на основании Правил рассмотрения антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе (утверждены постановлением Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. N 1922 "Об утверждении Правил рассмотрения антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе"³, или деятельность прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора регулируется федеральным законом от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации"⁴.

Смешанное правовое регулирование контроля (надзора) в сфере культуры предполагает, что применяются и общие, и специальные правовые нормы. В частности, это сфера охраны культурного наследия. Здесь присутствует и общее правовое регулирование, специальное – это федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации"⁵ и постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. N 1093 "О федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия"⁶.

Изложенное позволяет прийти к умозаключению, что вид правового регулирования необходимо учитывать в контрольно-надзорной деятельности в отношении подконтрольного субъекта, так как, по некоторым видам надзора (контроля) в сфере культуры есть свой специальный нормативный правовой акт (закон и (или) подзаконный нормативный правовой акт), который регулирует исследуемые правовые отношения.

К числу базовых новелл по Закону № 248 следует отнести увеличение самих проверочных мероприятий, это не только проверки, но и иные мероприятия. Всего таких мероприятий девять видов, семь – с взаимодействием между контролирующим и подконтрольным лицами, два – без такого взаимодействия.

Взаимодействие с контролируемым лицом осуществляется при проведении следующих контрольных (надзорных) мероприятий: контрольная закупка; мониторинговая закупка; выборочный контроль; инспекционный визит; рейдовый осмотр; документарная проверка; выездная проверка. Инспектор имеет право провести осмотр, досмотр, опрос получить письменные объяснения, истребовать документы, отобрать пробы (образцы), осуществить инструментальное обследование, провести испытание, экспертизу, эксперимент.

Без взаимодействия с контролируемым лицом проводятся следующие контрольные (надзорные) мероприятия: наблюдение за соблюдением обязательных требований; выездное обследование.

Согласно федеральному закону контрольно-надзорные мероприятия делятся на две группы: плановые и внеплановые.

Научный интерес представляет изначальный подход законодателя к плановым контрольно-надзорным мероприятиям и последующее его изменение. Так, постановлением Правительства РФ № 336 "Об особенностях организации и осуществления государственного контроля

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // URL: Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 31 июля 2020 г. № 0001202007310018.

² Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 10 марта 2022 г. N 0001202203100013.

³ Об утверждении Правил рассмотрения антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе : постановление Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. N 1922 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 30 ноября 2020 г. N 0001202011300029.

⁴ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – 20 февраля. – Ст. 366.

⁵ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Российской газета. – 2002. – 29 июня. – № 116-117.

⁶ О федеральном государственном контроле (надзоре) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия : постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1093 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 2 июля 2021 г. № 0001202107020127.

(надзора), муниципального контроля" с 10 марта по конец 2022 года был введен очень жесткий мораторий - почти полный запрет на плановые контрольные (надзорные) мероприятия, то есть их ограничение. Но уже в декабре 2024 г. изменениями в Закон о государственном и муниципальном контроле было установлено, что плановые контрольные (надзорные) мероприятия проводятся исключительно в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям высокого и чрезвычайно высокого риска (ч. 2 ст. 25), таким образом, мораторий (частичный!) на плановые проверки был продлен до 2030 года.

В отношении внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий постановлением Правительства № 336 "Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля" с 10 марта по конец 2022 года были введены существенные ограничения на внеплановые проверки и контрольно-надзорные мероприятия. Постановлением Правительства РФ от 29.12.2022 № 2516¹ жесткий мораторий на внеплановые проверки был продлен до конца 2023 года, а постановлением от 14.12.2023 N 2140 - до конца 2024 года. В 2025 году мораторий на внеплановые контрольно-надзорные мероприятия был отменен.

Фундаментальной новеллой в контрольно-надзорной деятельности в сфере культуры явилось внедрение риск-ориентированного подхода. Это значит, что частота контрольно-надзорных мероприятий, сам вид контрольно-надзорного мероприятия зависит от группы риска, к которой относится подконтрольный объект. Концепт риск-ориентированного подхода состоит в том, что от риска зависит частота контрольного (надзорного) мероприятия; от риска зависит само контрольное (надзорное) мероприятие; рисками можно управлять (минимизировать); риски можно (не допустить).

Понятия риска причинения вреда и оценки риска причинения вреда закреплены в Законе о государственном и муниципальном контроле. Итак, риск причинения вреда – это вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям, а, оценка риска причинения вреда представляет собой деятельность контрольного (надзорного) органа по определению вероятности возникновения риска и масштаба вреда (ущерба) для охраняемых законом ценностей.

Продемонстрировать применение риск ориентированного подхода в сфере можно на примере Министерства культуры Российской Федерации как контрольно-надзорного органа². В частности, Министерство культуры Российской Федерации контролирует состояние музейного фонда. Используя критерий - тяжесть потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения юридическими лицами и гражданами обязательных требований к обеспечению хранения, изучения, комплектования, учета и использования музейных экспонатов, вышеназванным контролирующим органом были установлены группы тяжести "А", "Б" и "В", а также, сами виды рисков: высокий риск причинения вреда (ущерба); средний риск причинения вреда (ущерба); низкий риск причинения вреда (ущерба). Так же, Министерством культуры Российской Федерации определены индикаторы для определения риска нарушения обязательных требований, которые необходимы для решения вопроса о том, проводить внеплановое контрольное (надзорное) мероприятие в принципе. Если все-таки решение будет о проведении контрольного (надзорного) мероприятия будет принято, то индикатор позволяет установить его оптимальный вид для конкретной проверочной ситуации.

Следует отметить, что перечень индикаторов не является постоянным, риски негативных последствий могут быть вызваны различными новыми действиями (бездействием) разной степени тяжести, поэтому, в соответствующие нормативные правовые акты вносятся корректировки. В частности, в 2024 году был добавлен новый индикатор определения риска в сфере контроля за состоянием музейного фонда, а именно: пять и более фактов ложного срабатывания охранной сигнализации в хранилищах контролируемых лиц в течение календарного месяца. Также, с 1 ноября 2024 года начали действовать 3 индикатора риска нарушения обязательных требований для контроля за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России³. Один из новых индикаторов - это непоступление в орган власти документации, свидетельствующей о проведении владельцем объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии, работ по сохранению такого объекта, по истечении половины срока для выполнения таких работ, определенного в акте технического состояния.

Результатом контрольно-надзорного мероприятия выступает акт. На основании пункта 2 статьи 39 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» допускается судебное обжалование решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц. Но законодателем дополнительно была введена обязательная условная компетенция, то есть обязательный досудебный порядок, согласно которому обращение в суд возможно только после досудебного обжалования, за исключением случаев обжалования в суд решений, действий (бездействия) гражданами, не осуществляющими предпринимательской деятельности. Особенностью названного порядка выступает является его цифровизация. Это выражается в том, что жалоба на действия или бездействие инспектора, либо вынесенный в рамках контрольного мероприятия документ: акт, предписание или решение, в том

¹ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 : постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. N 2516 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 30 декабря 2022 г. N 0001202212300023.

² Министерство культуры Российской Федерации осуществляет Федеральный государственный контроль (надзор) в области охраны культурного наследия; за соблюдением законодательства Российской Федерации об авторском праве и смежных правах в установленной сфере деятельности; за деятельностью аккредитованных государством организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами; за состоянием Музейного фонда Российской Федерации; за учетом, комплектованием, хранением, использованием и обеспечением сохранности относящихся к национальному библиотечному фонду обязательного федерального экземпляра документов и книжных памятников; за сохранностью и учетом культурных ценностей, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации. – О Министерстве культуры Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 590 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 30 декабря 2022 г. N 0001202212300023.

³ Об утверждении индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за состоянием, содержанием, сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23 сентября 2024 г. № 1827 // URL: Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 28 октября 2024 г. № 0001202410280007.

числе жалобу на нарушение моратория на проверки подается через подсистему досудебного обжалования на портале «Госуслуги» [1].

Если во внесудебном порядке оспорить действия контролирующего лица не удастся, то в судебном порядке возбуждается административно-юстиционный спор [2].

Судебная практика по обжалованию предписаний довольно разнообразная, но при наличии доказанности обстоятельств, предписания контролирующих органов отменяются. Так, показательным является дело, рассмотренное Вторым кассационным судом общей юрисдикции¹, в котором Инспекция по охране объектов культурного наследия (региональный орган) требовала проведения работ по сохранению исторического здания. Но Апелляционный суд отменил часть требований к собственникам из-за недостаточного обоснования. Проанализированное дело демонстрирует, что предписания и требования, выданные органами охраны культурного наследия, могут быть оспорены и скорректированы судом при наличии оснований.

Ранее в настоящей статье упоминалось о возможности управления рисками. Среди инструментов такого рода, следует упомянуть профилактику рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. С целью предотвращения нарушения контролируруемыми лицами обязательных требований контрольные органы проводят следующие профилактические мероприятия: информирование; обобщение правоприменительной практики; объявление предостережения; консультирование; профилактический визит; проверочные листы, профилактические визиты. с 28 декабря 2024 года, законодатель разграничил профилактические визиты и установил два их вида: обязательный профилактический визит и профилактический визит по инициативе контролируемого лица. Органы, осуществляющие государственный контроль надзор в сфере культуры, в частности, Министерство культуры Российской Федерации и региональные органы охраны объектов культурного наследия ежегодно утверждают программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (программы профилактики, которые размещаются на официальных сайтах, в частности, Министерства культуры Российской Федерации и региональных органов охраны объектов культурного наследия в сети "Интернет".

Особое внимание следует обратить на профилактический визит по инициативе контролируемого лица. Это очень действенное профилактическое мероприятие по управлению рисками, так как, предписания об устранении выявленных в ходе профилактического визита нарушений обязательных требований контролируемым лицам не могут выдаваться. Особенность профилактического визита по инициативе контролируемого лица в том, что после его проведения отсутствуют какие-либо санкции – штрафы, предписания, привлечение к административной ответственности. Профилактические визиты проводят, чтобы выявить возможные нарушения в деятельности подконтрольного субъекта, предоставить ему возможность устранить причины, из-за которых он может быть отнесен в группу риска, или из-за которых группа риска может быть повышена.

Список литературы:

1. N. Krainova, I. Gaag, A. Poshivailova. Impact of the Digital Transformation of Society on the Determination of Optimal Punishment Models to Counter Crime Krainova, N. // Jurnal Cita Hukum. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 59-70. – DOI 10.15408/jch.v12i1.38591. – EDN TNJOWR.
2. Пошивайлова А. В. Понятие, предмет и формы осуществления административной юстиции в Российской Федерации в трудах отечественных ученых (научная статья) // Правоведение. Известия высшим учебным заведениям. – 2003. – № 6. – С. 20-29.

References:

1. N. Krainova, I. Gaag, A. Poshivailova. Impact of the Digital Transformation of Society on the Determination of Optimal Punishment Models to Counter Crime Krainova, N. // Jurnal Cita Hukum. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 59-70. – DOI 10.15408/jch.v12i1.38591. – EDN TNJOWR.
2. Poshivailova A.V. The concept, subject and forms of administrative justice in the Russian Federation in the works of Russian scientists (scientific article) // Jurisprudence. News to higher educational institutions. - 2003. – No. 6. – pp. 20-29.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 19 декабря 2024 г. по делу № 8Г-33181/2024[88-29372/2024 //URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 14 ноября 2025 г.).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ENSURING THE REALIZATION OF THE RIGHT TO EDUCATION IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

СЕМАГИН Илья Олегович,

аспирант, Института права и национальной безопасности,
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).
119606, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84 стр. 1.

E-mail: isemagin-23@edu.ranepa.ru;

SEMAGIN Ilya Olegovich,

Postgraduate student, Institute of Law and National Security,
Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation (RANEPa).
119606, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, 84 p. 1.

E-mail: isemagin-23@edu.ranepa.ru

Краткая аннотация. Развитие образовательных программ, проведение профилактических и вне образовательных мероприятий, направленных на укрепление единства народа, духовно-нравственного воспитания, общесоциальной взаимоподдержки и социальной стабильности, является одним из первоочередных направлений государства по улучшению жизнедеятельности граждан. Вместе с тем, снижение преступности и перевоспитания осужденных лиц, в частности среди молодого поколения, также является не менее важной темой на государственном уровне, в целях обретения грамотных специалистов в определенных областях деятельности, так и повышения уровня безопасности и профессионализма среди гражданского населения. В данной статье, на этапе цифровизации и технологического развития современного мира, уделено внимание как возможностям, обязанностям осужденных лиц получения образования, так и предложениям по усовершенствованию системы предоставления права на образование и расширение способов по обучению, а также духовно-нравственному воспитанию лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Abstract. The development of educational programs, conducting preventive and non-educational activities aimed at strengthening the unity of the people, spiritual and moral education, general social mutual support and social stability is one of the primary directions of the state to improve the life of citizens. At the same time, the reduction of crime and re-education of convicted persons, particularly among the younger generation, is also an equally important topic at the state level, in order to acquire competent specialists in certain areas of activity, and to increase the level of security and professionalism among the civilian population. In this article, attention is paid to both opportunities, obligations of convicted persons to receive education, and proposals for improving the system of granting the right to education and expanding the ways of education, as well as spiritual and moral education of persons brought to criminal responsibility.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; образование; право на образование; исправительные учреждения; реализация права на образование осужденными; воспитание; законодательство.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; education; right to education; correctional institutions; realization of the right to education by convicts; education; legislation.

Для цитирования: Семагин И.О. Обеспечение реализации права на образование в исправительных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 265-267. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_265.

For citation: Semagin I.O. Ensuring the realization of the right to education in correctional institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 265-267. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_265.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2025

Основной текст:

Одними из основных целей развития государства на ближайшие несколько лет, является усовершенствование образовательных программ, увеличение количества и качества образовательных организаций, и повышения количества высокоспециализированных специалистов среди граждан. Вместе с этим, важным является уделение внимания развитию духовно-нравственным, национальным ценностям среди молодежи, создавая каждым учреждением, организацией в рамках их компетенций¹ научно-образовательных программ и стратегий в соответствии с современными вызовами, задачами и целями государства.

Вместе с тем, остается актуальным вопрос о криминогенности в субъектах Российской Федерации и особенно уровня преступности среди молодежи, что несомненно затрагивает различные правовые нормы, помимо Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации², и действующего порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы³, также влияет на межличностные взаимоотношения в социуме субъектов. В частности, статьей 80 Феде-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 21.02.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 375;
Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // 2022. № 46. Ст. 7977;
Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // 2024. № 20. Ст. 2584.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Приказ Минюста России № 274, Минобрнауки России № 1525 от 06.12.2016 (ред. от 20.12.2018) «Об утверждении Порядка организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2016 № 44725) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.12.2016.

рального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹ предусматривается организация предоставления образования, получения основного общего образования лицам, подозреваемым, обвиняемым, осужденным по решению суда, как для несовершеннолетних, так и совершеннолетних возрастом до тридцати лет. Для лиц, не имеющих основного общего образования и достигших тридцати лет и/или имеющих инвалидность первой или второй группы, вправе по своему желанию получить основное общее или среднее общее образование. И, нельзя не согласиться с высказыванием о том, что, оказывая содействие исправительными учреждениями по обеспечению получения образования и профессиональных навыков осужденными, последние «...в процессе учебной деятельности исправляются, развиваются, изменяются в лучшую сторону»²[4, с. 359].

На государственном уровне предпринимаются меры по снижению преступности и применения иных санкций к обвиняемым лица в совершении противоправных деяний³[5]. Так или иначе, имеется по-прежнему статистика подвергнутых как административному наказанию, так и уголовному среди несовершеннолетних и молодежи⁴[8]. Однако, как было отмечено, несмотря на требования к государственным органам власти по обеспечению соблюдения по получению каждым основного общего образования, в том числе пенитенциарными учреждениями, не в полной мере удается реализовать. Согласно данным, представленным в статистическом сборнике Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁵ [3], например, на 2020 год уровень образования населения в возрасте 25-34 лет (в расчете на 1000 человек, указавших уровень образования) не имеют начального общего образования 5 человек, имеют только начальное общее 13 человек. При данных обстоятельствах, важным является не столько обеспечение надлежащего исполнения уполномоченными органами власти функций по применению негативных санкций к правонарушителю и претерпевания последствий в виде лишения и ограничения свободы и/или определенных прав самим нарушителем, сколько уделение внимания органами власти на перевоспитание, включая патриотическое и обеспечения приобретения общего и профессионального образования в том числе, и исключения рецидива по прошествии действия наложенных санкций. Таким образом, одновременно с обеспечением возможности получения образования, следует предпринимать меры, компетентными органами правоохранительной системы совместно с иными государственными органами в сфере образования, обязывающие каждого осужденного получить основное общее образование, среднее общее образование, а при их наличии иное, среднее профессиональное или высшее, дополнительное образование. В том числе для лиц, которые имеют уровни общего и профессионального образования, предоставлять дополнительные образовательные курсы программы по тем или иным профессиональным специальностям, в целях воспитания, уважения к труду и получения дополнительной трудовой единицы по определенной специализацией на благо государства. Также имеет важную роль внедрения дополнительных императивных норм⁶[1] в отношении к совершеннолетним, которые впредь не получили среднее общее или основное общее образование, поскольку отсутствие данных норм создает вольное распоряжение каждым своего возможного свободного времени, пониженный уровень стремления к использованию права на образование и как правило порождение в последующем повышение уровня безработицы и рецидивов. И, в условиях развития технологий и программ, встроенных в технические устройства, способствующие как быстрому обмену информацией, научно-образовательного направления в том числе, посредством телекоммуникационных средств связи, следует также применять в пенитенциарных учреждениях, с учетом особенностей и возможностей как нормативно-правовых, так и технических характеристик, на повседневной основе обеспечивать образовательными курсами и программами осужденных для дальнейшего применения их знаний и навыков в трудовой деятельности.

В исправительных учреждениях, одним из главных элементов, наряду с несением наказания в виде лишения определенного перечня материальных благ, прав и свобод в силу совершенных противоправных деяний, является образование и воспитание, что в последствии способствует ресоциализации и социальной адаптации осужденных⁷[2]. Тем самым, повышая уровень грамотности и образованности среди населения, следуя стратегии национального развития, имеет значимость и обеспечение безопасности, снижения уровня беспризорности и вовлеченности молодежи в противоправную деятельность, вместе с тем уделения большего внимания правоохранительными органами власти совместно с иными органами власти по просвещению и образованию субъектов, попавших в исправительные учреждения по тем или иным причинам.

Список литературы:

1. Гусев, А. С. Обучение осужденных в школе при исправительном учреждении / А. С. Гусев // V Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : Сборник тезисов выступлений и докладов

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Цит. по: Тюгаева, Н. А. О практике общего образования осужденных к лишению свободы / Н. А. Тюгаева // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01. 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 359-362. – EDN AJDLQL.

³ См., например: «Расширенное заседание коллегии МВД» // Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения 31.05.2025г.); «Верховный суд поддержал инициативу о сокращении арестов» // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2022/09/18/biznes-nezasiditsia.html?ysclid=mb4wmhd2q0125613472> (дата обращения 31.05.2025г.);

⁴ «В прошлом году суды прекратили более 5100 уголовных дел против несовершеннолетних» // Электронный ресурс. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/04/17/v-proshlom-godu-sudy-prekratili-bolee-5100-ugolovnykh-del-protiv-nesovershennoletnikh.html> (дата обращения 31.05.2025г.).

⁵ См., например: «Опубликована статистика состояния судимости за 2024 г.» // Электронный ресурс. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovana-statistika-sostoyaniya-sudimosti-za-2024-g/> (дата обращения 31.05.2025г.).

⁶ См.: Образование в цифрах: 2024 : краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 132 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-7598-3020-7 (в обл.).

⁷ См., например: Гусев, А. С. Обучение осужденных в школе при исправительном учреждении / А. С. Гусев // V Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9-ти томах. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Том 2. Часть 1. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 131-134. – EDN CEAAQK.

⁸ См.: Кушнир, С. И. К вопросу о получении образования лицами, находящимися в местах лишения свободы / С. И. Кушнир // Развитие современного образования в контексте педагогической компетенциологии : материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 27 февраля 2023 года / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 218-221. – EDN ADFDMT.

участников. В 9-ти томах. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Том 2. Часть 1. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 131-134. – EDN CEAAQK.

2. Кушнир, С. И. К вопросу о получении образования лицами, находящимися в местах лишения свободы / С. И. Кушнир // Развитие современного образования в контексте педагогической компетентологии : материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 27 февраля 2023 года / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 218-221. – EDN ADFDMT.

3. Образование в цифрах: 2024 : краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 132 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-7598-3020-7 (в обл.).

4. Тюгаева, Н. А. О практике общего образования осужденных к лишению свободы / Н. А. Тюгаева // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 359-362. – EDN AJDLQL.

5. "Расширенное заседание коллегии МВД" // Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения 31.05.2025г.);

6. «Верховный суд поддержал инициативу о сокращении арестов» // Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2022/09/18/biznes-ne-zasiditsia.html?ysclid=mb4wmhd2q0125613472> (дата обращения 31.05.2025г.).

7. «В прошлом году суды прекратили более 5100 уголовных дел против несовершеннолетних» // Электронный ресурс. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/04/17/v-proshlom-godu-sudy-prekratili-bolee-5100-ugolovnykh-del-protiv-nesovershennoletnikh.html> (дата обращения 31.05.2025г.).

8. «Опубликована статистика состояния судимости за 2024 г.» // Электронный ресурс. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovana-statistika-sostoyaniya-sudimosti-za-2024-g/> (дата обращения 31.05.2025г.).

References:

1. Gusev, A. S. Education of convicts in schools at correctional institutions / A. S. Gusev // V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, correction" (dedicated to the Year of Science and Technology in 2021 in the Russian Federation) : A collection of abstracts and reports of participants. In 9 volumes. Materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Ryazan, November 17-19, 2021. Volume 2. Part 1. – Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2021. – pp. 131-134. – EDN CEAAQK.

2. Kushnir, S. I. On the issue of education for persons in places of deprivation of liberty / S. I. Kushnir // Development of modern education in the context of pedagogical competence : proceedings of the III All-Russian Scientific Conference with International Participation, Cheboksary, February 27, 2023 / I.N. Chuvash State University. Ulyanova". Cheboksary: Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2023. pp. 218-221. EDN ADFDMT.

3. Education in numbers: 2024 : a short statistical collection / T.A. Varlamova, L.M. Gokhberg, O.A. Zorina et al.; National research. University of Higher School of Economics. Moscow : ISIEZ HSE, 2024. 132 p. - 200 copies. ISBN 978-5-7598-3020-7 (in the region).

4. Tyugaeva, N. A. On the practice of general education of persons sentenced to imprisonment / N. A. Tyugaeva // The penal enforcement system of the Russian Federation: issues of execution of criminal penalties, implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society : a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, October 31 – 01, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. pp. 359-362. EDN AJDLQL.

5. "Extended Board meeting of the Ministry of Internal Affairs" // Electronic resource. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (accessed 05/31/2025);

6. "The Supreme Court supported the initiative to reduce arrests" // Electronic resource. URL: <https://rg.ru/2022/09/18/biznes-ne-zasiditsia.html?ysclid=mb4wmhd2q0125613472> (accessed 05/31/2025).

7. "Last year, the courts terminated more than 5,100 criminal cases against minors" // Electronic resource. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/04/17/v-proshlom-godu-sudy-prekratili-bolee-5100-ugolovnykh-del-protiv-nesovershennoletnikh.html> (accessed 05/31/2025).

8. "Statistics on the status of criminal records for 2024 have been published" // Electronic resource. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/opublikovana-statistika-sostoyaniya-sudimosti-za-2024-g/> (accessed 05/31/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_268

АВТОНОМНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ ЭКСТРЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЭВАКУАЦИИ ЛЮДЕЙ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

AUTONOMOUS VEHICLES FOR EMERGENCY MEDICAL EVACUATION OF PEOPLE: LEGAL REGULATION AND PRACTICE

БИРЮК Олег Александрович,

аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ).

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4 стр. 1.

E-mail: oleeg_001@mail.ru;

BIRYUK Oleg Alexandrovich,

postgraduate student of the Russian State Social University (RGSU).

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak St., 4 p. 1.

E-mail: oleeg_001@mail.ru;

Научный руководитель:

ЗЕМЛИН Александр Игоревич,

заведующий кафедрой прав человека ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ),

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4 стр. 1.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru;

SPIN-код: 1741-0737;

Scientific supervisor:

ZEMLIN Alexander Igorevich,

Head of the Department of Human Rights, Russian State Social University,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak St., 4 p. 1.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru;

SPIN code: 1741-0737

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы правового регулирования и практического применения автономных транспортных средств (АТС) в сфере экстренной медицинской эвакуации. Анализируются существующие нормативно-правовые акты, регулирующие использование беспилотных транспортных средств, и выявляются пробелы и противоречия, препятствующие их широкому внедрению в систему здравоохранения. Особое внимание уделяется вопросам ответственности за причинение вреда жизни и здоровью граждан в результате ДТП с участием АТС, а также защите персональных данных пациентов, передаваемых и обрабатываемых в процессе эвакуации. На основе системно-правового анализа отечественного и зарубежного опыта предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования использования АТС в экстренной медицинской помощи.

Abstract: The article discusses the issues of legal regulation and practical application of autonomous vehicles (AVs) in the field of emergency medical evacuation. It analyzes the existing legal acts regulating the use of unmanned vehicles and identifies gaps and contradictions that hinder their widespread implementation in the healthcare system. Special attention is paid to the issues of liability for causing harm to the lives and health of citizens as a result of road accidents involving AVs, as well as the protection of patients' personal data that is transmitted and processed during the evacuation process. Based on the analysis of domestic and foreign experience, the article provides recommendations for improving the legal regulation of the use of AVs in emergency medical care.

Ключевые слова: автономные транспортные средства, беспилотные автомобили, экстренная медицинская помощь, эвакуация, правовое регулирование, ответственность, персональные данные, интеллектуальные транспортные системы.

Keywords: autonomous vehicles, unmanned vehicles, emergency medical care, evacuation, legal regulation, liability, personal data, intelligent vehicles.

Для цитирования: Бирюк О.А. Автономные транспортные средства для экстренной медицинской эвакуации людей: правовое регулирование и практика // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 268-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_268.

For citation: Biryuk O.A. Autonomous vehicles for emergency medical evacuation of people: legal regulation and practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 268-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_268.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

В последние годы автономные транспортные средства (АТС) становятся все более актуальными в различных сферах, включая экстренную медицинскую эвакуацию¹. Эти технологии представляют собой значительный шаг вперед в области здравоохранения, поскольку они способны значительно улучшить скорость и эффективность оказания неотложной помощи. Например, использование беспилотных автомобилей и дронов для транспортировки пациентов или доставки медицинских материалов может существенно сократить время реагирования в критических ситуациях, что, в свою очередь, может спасти жизни.

Одним из основных преимуществ АТС является их способность быстро преодолевать расстояния, особенно в условиях городской инфраструктуры, где плотное движение может задерживать традиционные ambulances. Автономные транспортные средства могут быть запрограммированы для выбора оптимальных маршрутов, что позволяет избежать пробок и сократить время в пути. Это особенно важно в случаях, когда каждая секунда имеет значение, например, при сердечно-сосудистых заболеваниях или травмах.

¹ Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I., Zemlina, O. Problems of Ensuring Security of Transport Infrastructure Facilities. IOP Publishing Ltd., «International Science and Technology Conference «Earth Science» – Chapter 3», 2021, 42002. EDN: APNNDT; Землин А. И., Гоц Е. В., Матвеева М. А., Торшин А. А. Противодействие распространению коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2022. – Т. 14. – № 6. – С. 455–483. EDN: VOMTKE

Кроме того, автономные транспортные средства могут значительно повысить доступность медицинской помощи в отдаленных или труднодоступных районах. В таких местах традиционная система экстренной помощи может сталкиваться с проблемами, связанными с недостатком ресурсов и времени. Внедрение АТС в такие регионы может изменить ситуацию¹, обеспечив более быструю и надежную доставку пациентов в медицинские учреждения.

Однако использование автономных транспортных средств в экстренной медицинской эвакуации также ставит перед нами ряд вызовов, связанных с правовым регулированием и практическими аспектами². В большинстве стран законодательство о дорожном движении не учитывает беспилотные технологии, что создает правовые пробелы³. Необходимо разработать специальные нормы и правила, регулирующие использование АТС для медицинских нужд, чтобы обеспечить их легальность и безопасность.

Вопрос ответственности также остается открытым. В случае аварии или других инцидентов, связанных с использованием АТС, необходимо четко определить, кто несет ответственность — производитель, оператор или медицинское учреждение. Это требует разработки новых правил и стандартов для защиты всех сторон.

Конфиденциальность данных является еще одной важной проблемой. При использовании АТС для транспортировки пациентов необходимо учитывать защиту персональных данных и соблюдение конфиденциальности информации о здоровье. Это особенно актуально в условиях современных технологий, когда данные могут быть уязвимы для утечек или неправомерного доступа.

Кроме того, для успешного внедрения АТС в экстренную медицинскую эвакуацию необходимо разработать стандарты безопасности и сертификации. Это позволит гарантировать надежность и безопасность автономных транспортных средств в экстренных ситуациях. Без четких стандартов риск аварий и других инцидентов может существенно возрасти.

Несмотря на существующие правовые и практические вызовы, ряд стран уже начали тестировать и внедрять АТС для экстренной медицинской эвакуации. В США, например, в некоторых городах проводятся эксперименты с использованием дронов для доставки медикаментов и медицинского оборудования в труднодоступные районы. Исследуются возможности применения беспилотных автомобилей для транспортировки пациентов⁴.

В Европе, особенно в таких странах как Германия и Нидерланды, разрабатываются проекты по использованию автономных транспортных средств в рамках систем экстренной помощи. В Нидерландах успешно протестированы дроны для доставки крови и других жизненно важных материалов, что демонстрирует потенциал таких технологий для улучшения системы здравоохранения⁵.

В Азии, например, в Сингапуре активно ведутся исследования по интеграции АТС в систему здравоохранения, включая экстренную медицинскую эвакуацию. Правительство поддерживает стартапы и инициативы, направленные на развитие беспилотных технологий в медицине⁶.

Таким образом, автономные транспортные средства имеют огромный потенциал для улучшения экстренной медицинской эвакуации. Однако их успешное внедрение зависит от комплексного правового регулирования и практической реализации⁷. Необходимы совместные усилия государственных органов, медицинских учреждений и технологических компаний для разработки эффективных стандартов и норм, которые обеспечат безопасность и эффективность использования АТС в экстренных ситуациях. Только так можно будет максимально использовать преимущества современных технологий для спасения жизней и повышения качества медицинского обслуживания⁸.

Преимущества автономных транспортных средств в экстренной медицинской эвакуации:

1. Скорость реагирования является одним из наиболее критических факторов в экстренной медицинской помощи, и автономные транспортные средства (АТС) могут значительно улучшить этот аспект. В условиях городской инфраструктуры, где плотное движение и пробки могут задерживать традиционные *ambulances*, использование АТС открывает новые возможности для быстрого реагирования на вызовы. Эти транспортные средства могут быть оснащены современными навигационными системами и алгоритмами, которые позволяют им выбирать наиболее оптимальные маршруты, избегая заторов и минимизируя время в пути. В отличие от водителей, которые могут быть подвержены

¹ Авитисов П.В. К вопросу применения маркеров профессиональной адаптации в оценке готовности к работе в чрезвычайной ситуации обучающихся вуза МЧС России / П.В. Авитисов, С.В. Королева // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты - 2018.-№1 (36).- С.88 – 96; Chernogor, N., Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport. E3S Web of Conferences – Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna (EBWFF-2020), 2020, Vol. 203, pp. 05019. EDN: YFNOWY

² Землин А. И., Матвеева М. А., Гоц Е. В., Торшин А. А. Проблемные вопросы правового регулирования использования автомобилей с автоматизированной системой вождения // Мир транспорта. – 2022. – Т. 20. – № 4 (101). – С. 117–122. EDN: QLAYCZ

³ Ma, Si. China to let self-driving cars be tested on highways. [Электронный ресурс]: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/12/WS5ffdc3657a31024ad0baa209c.html>. Доступ 14.11.2025; Землин, А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) / А.И. Землин // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15-29. EDN: UIALYN; Землин, А. И., Пищелко, А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности / А. И. Землин, А.В. Пищелко // Материалы международной научной конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы». (В рамках Международного юридического форума "Право и экономика: национальный опыт и стратегия развития"). Новосибирск, 2019. С. 51-54. EDN: UHADEK

⁴ Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA

⁵ Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS; Землин, А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 151-154. EDN: PRKNMA

⁶ Землин А.И. Правовое обеспечение внедрения и использования беспилотных автомобилей: опять, проблемы и направления их решения / А.И. Землин, М.А. Матвеева // Государство и право. 2023. № 12. С. 121-130. EDN: HCNDCCG

⁷ Землин А.И. Проблемы обеспечения безопасной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств с использованием потенциала публичного и частного права / А.И. Землин // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 2 (105). С. 54-60. EDN: LUMNTS

⁸ Авксентьева М.В. Стандартные операционные процедуры (сопы) как один из элементов управления качеством медицинской помощи / М.В. Авксентьева, П.А. Воробьев, Вялков А.И., Сура М.В. // Проблемы стандартизации в здравоохранении.- 2005.- № 7. - С. 1-6.

стрессу или отвлечениям, автономные транспортные средства способны поддерживать постоянную скорость и следовать заранее заданным маршрутам с высокой точностью. Это особенно важно в ситуациях, когда каждая секунда на счету, например, при сердечно-сосудистых заболеваниях или травмах, требующих немедленной медицинской помощи. АТС могут также быть запрограммированы для взаимодействия с дорожной инфраструктурой, получая информацию о текущем состоянии движения и адаптируя свои маршруты в реальном времени. Кроме того, автономные транспортные средства могут быть использованы для доставки медицинских материалов и оборудования в труднодоступные районы или места, где традиционная система экстренной помощи может столкнуться с трудностями. Это может включать в себя использование дронов для транспортировки крови, медикаментов или других жизненно важных ресурсов в отдаленные регионы, где время доставки критически важно для спасения жизни пациентов. Таким образом, внедрение АТС в экстренную медицинскую эвакуацию может значительно повысить скорость реагирования системы здравоохранения, что в свою очередь может привести к улучшению исходов лечения и повышению общего качества медицинского обслуживания. Быстрое и эффективное транспортирование пациентов и медицинских материалов с использованием автономных технологий представляет собой важный шаг вперед в области экстренной медицины¹.

2. Доступность медицинской помощи в отдаленных или труднодоступных районах является одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается система здравоохранения. В таких регионах традиционные способы транспортировки пациентов и доставки медицинских услуг могут быть ограничены из-за плохих дорог, удаленности населенных пунктов или нехватки квалифицированного медицинского персонала. В этом контексте автономные транспортные средства (АТС) представляют собой инновационное решение, способное значительно улучшить доступ к медицинской помощи. Во-первых, автономные машины могут преодолевать физические преграды, которые затрудняют доступ к медицинским учреждениям. Например, в горных или лесистых районах, где дороги могут быть неасфальтированными или вовсе отсутствовать, АТС могут быть адаптированы для работы в сложных условиях. Они могут использовать технологии, такие как системы полного привода и продвинутые датчики, позволяющие им безопасно перемещаться по труднопроходимым маршрутам, что делает их идеальными для доставки медицинских материалов или транспортировки пациентов в экстренных ситуациях. Во-вторых, автономные транспортные средства могут функционировать круглосуточно и без необходимости в водителе, что позволяет значительно сократить время ожидания медицинской помощи. В отдаленных районах, где доступ к врачам может быть ограничен по времени, АТС могут быть развернуты для выполнения задач по вызову на дому, доставки лекарств или даже проведения предварительной диагностики с использованием телемедицины. Это особенно важно для пожилых людей или людей с ограниченными возможностями, которые могут испытывать трудности при попытке добраться до медицинских учреждений. Кроме того, автономные машины могут стать частью интегрированной системы здравоохранения, соединяя различные уровни медицинской помощи. Например, они могут использоваться для транспортировки пациентов от первичных медицинских пунктов к специализированным учреждениям или для доставки анализов и образцов в лаборатории. Это позволит ускорить процесс диагностики и лечения, что особенно критично в условиях ограниченного доступа к медицинским ресурсам. Таким образом, внедрение автономных транспортных средств в систему здравоохранения может существенно повысить доступность медицинской помощи в отдаленных и труднодоступных районах. Это приведет к улучшению здоровья населения, снижению уровня заболеваемости и смертности, а также к более равномерному распределению медицинских ресурсов по всей территории страны. АТС способны изменить подход к организации медицинской помощи, делая ее более доступной и эффективной для всех слоев населения.

3. Снижение нагрузки на медицинский персонал является одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются современные системы здравоохранения. В условиях постоянного роста числа пациентов и увеличения сложности медицинских случаев, врачи и медсестры часто испытывают значительное давление. В этой ситуации внедрение автономных транспортных средств (АТС) может стать эффективным решением, способствующим оптимизации работы медицинского персонала и повышению качества медицинской помощи. Использование АТС позволяет разгрузить медицинских работников от выполнения рутинных задач, таких как транспортировка пациентов, доставка медикаментов и медицинских материалов. Эти задачи, хотя и важные, могут занимать значительное время и ресурсы, которые могли бы быть направлены на более сложные и критически важные аспекты ухода за пациентами. Например, вместо того чтобы тратить время на перемещение пациентов между отделениями или в лаборатории для проведения анализов, медицинские работники могут сосредоточиться на непосредственном взаимодействии с пациентами, проведении осмотров, диагностике и лечении. Это не только улучшает качество ухода, но и повышает удовлетворенность пациентов, так как они получают больше внимания и заботы от медицинского персонала. Кроме того, АТС могут выполнять задачи по доставке медикаментов и медицинских материалов в различные отделения больницы или клиники, что также способствует снижению нагрузки на медперсонал. Часто врачи и медсестры тратят время на поиск необходимых препаратов или материалов, что может задерживать процесс лечения. Автономные транспортные средства могут обеспечить быструю и надежную доставку всего необходимого, позволяя медицинским работникам сосредоточиться на более важных аспектах своей работы. Более того, использование АТС может быть особенно полезным в условиях экстренной медицины. В ситуациях, когда каждая секунда имеет значение, автономные машины могут быстро доставлять пациентов в больницы или специализированные учреждения без необходимости ожидания традиционного транспорта. Это не только ускоряет процесс оказания помощи, но и позволяет медицинскому персоналу более эффективно управлять своим временем и ресурсами. Таким образом, внедрение автономных транспортных средств в систему здравоохранения представляет собой значительный шаг вперед в оптимизации работы медицинского персонала. Освобождая их от рутинных задач, АТС позволяют сосредоточиться на уходе за пациентами, что в конечном итоге приводит к повышению качества медицинской помощи и улучшению результатов лечения. Это также может способствовать снижению уровня выгорания среди медицинских работников,

¹ Землин, А.И. [и др.] Правовые аспекты использования беспилотных автомобилей в службах экстренной помощи: возможности и ограничения / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.А. Бирюк // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 323-326. EDN: SLHAXB

так как они будут иметь возможность выполнять более значимую и удовлетворяющую работу, что положительно скажется на общем состоянии системы здравоохранения.

4. Безопасность является одним из ключевых аспектов, который необходимо учитывать при внедрении беспилотных технологий в систему здравоохранения, особенно в контексте транспортировки критически больных пациентов. Традиционно транспортировка пациентов сопряжена с рядом рисков, связанных с человеческим фактором, включая ошибки водителей, усталость, невнимательность и стресс. Эти факторы могут привести к авариям, которые в свою очередь могут негативно сказаться на состоянии пациентов и даже угрожать их жизни. Беспилотные технологии, такие как автономные транспортные средства, способны значительно снизить эти риски. Они используют современные системы сенсоров, камеры и алгоритмы искусственного интеллекта для анализа окружающей среды и принятия решений в реальном времени. Это позволяет им реагировать на изменения дорожной обстановки быстрее и точнее, чем человек. Например, автономные машины могут автоматически замедлять скорость при приближении к пешеходным переходам или другим потенциально опасным участкам дороги, что снижает вероятность аварий. Кроме того, беспилотные технологии могут обеспечить более предсказуемое и стабильное поведение на дороге. В отличие от человека, который может испытывать эмоции или отвлекаться, автономные системы работают по заранее заданным алгоритмам и не подвержены таким влияниям. Это особенно важно при транспортировке критически больных пациентов, для которых каждая минута на счету. Устойчивость и надежность беспилотных систем могут обеспечить более безопасный и эффективный процесс транспортировки. Также стоит отметить, что автономные транспортные средства могут быть оснащены дополнительными средствами безопасности, такими как системы экстренного торможения, автоматическое определение препятствий и продвинутое навигационные технологии. Эти функции позволяют минимизировать риск аварий и повысить уровень безопасности не только для пациентов, но и для других участников дорожного движения. В заключение, внедрение беспилотных технологий в транспортировку критически больных пациентов может значительно повысить уровень безопасности. Снижение влияния человеческого фактора, использование современных сенсорных систем и алгоритмов искусственного интеллекта делают автономные транспортные средства более надежными и предсказуемыми. Это позволяет не только уменьшить количество аварий и инцидентов, но и обеспечить более качественный уход за пациентами, что является важным аспектом в системе здравоохранения.

Правовое регулирование автономных транспортных средств в сфере экстренной медицинской эвакуации сталкивается с рядом вызовов:

1. Легальность использования: В большинстве стран законодательство о дорожном движении не учитывает беспилотные технологии. Необходимо разработать специальные нормы, регулирующие использование АТС для медицинских нужд.

2. Ответственность: В случае аварии или других инцидентов, связанных с использованием АТС, возникает вопрос о том, кто несет ответственность — производитель, оператор или медицинское учреждение. Необходимы четкие правила для определения ответственности в различных ситуациях.

3. Конфиденциальность данных: При использовании АТС для транспортировки пациентов необходимо учитывать вопросы защиты персональных данных и соблюдения конфиденциальности информации о здоровье¹.

4. Стандарты безопасности: Необходимо разработать стандарты безопасности и сертификации для автономных транспортных средств, чтобы гарантировать их надежность и безопасность в экстренных ситуациях.

Несмотря на существующие правовые и практические вызовы, ряд стран уже начали тестировать и внедрять АТС для экстренной медицинской эвакуации:

- США: В некоторых городах проводятся эксперименты с использованием дронов для доставки медикаментов и медицинского оборудования в труднодоступные районы. Также исследуются возможности применения беспилотных автомобилей для транспортировки пациентов.

- Европа: В странах, таких как Германия и Нидерланды, разрабатываются проекты по использованию автономных транспортных средств в рамках систем экстренной помощи. Например, в Нидерландах успешно протестированы дроны для доставки крови и других жизненно важных материалов.

- Азия: В Сингапуре активно ведутся исследования по интеграции АТС в систему здравоохранения, включая экстренную медицинскую эвакуацию. Правительство поддерживает стартапы и инициативы, направленные на развитие беспилотных технологий в медицине.

Автономные транспортные средства (АТС) действительно обладают значительным потенциалом для улучшения экстренной медицинской эвакуации, однако их успешное внедрение требует комплексного подхода к правовому регулированию и практической реализации. Во-первых, необходимо разработать четкие и понятные законодательные нормы, которые будут регулировать использование АТС в сфере здравоохранения. Это включает в себя определение правовых рамок для эксплуатации автономных машин, установление стандартов безопасности, а также разработку правил взаимодействия между различными участниками процесса — от медицинских учреждений до государственных органов и технологических компаний.

Во-вторых, совместные усилия всех заинтересованных сторон играют ключевую роль в создании эффективных стандартов и норм. Государственные органы должны работать в тесном сотрудничестве с медицинскими учреждениями и технологическими компаниями, чтобы обеспечить интеграцию автономных транспортных средств в существующие системы экстренной помощи. Это может включать создание пилотных проектов, которые позволят протестировать технологии в реальных условиях и выявить возможные проблемы до их широкомасштабного внедрения.

Кроме того, важно учитывать потребности и ожидания медицинского персонала, который будет взаимодействовать с АТС. Обучение

¹ Авитисов П.В. Проблемные и дискуссионные вопросы по медицинской сортировке и эвакуации пораженного населения: современные представления / П.В. Авитисов, Т.Е. Ткаченко // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 2. – С. 97–100.

врачей и медсестер использованию новых технологий, а также формирование у них доверия к автономным системам — это неотъемлемая часть успешной интеграции¹. Также стоит обратить внимание на необходимость обеспечения безопасности данных, поскольку автономные транспортные средства могут собирать и обрабатывать чувствительную информацию о пациентах.

Только при условии комплексного подхода, включающего правовое регулирование, практическую реализацию и обучение персонала, можно будет максимально использовать преимущества современных технологий для спасения жизней. В конечном итоге, внедрение автономных транспортных средств в систему экстренной медицинской эвакуации может привести к значительному улучшению качества медицинской помощи и сокращению времени реагирования в критических ситуациях. Это позволит не только повысить уровень безопасности для пациентов, но и оптимизировать работу медицинских служб в целом, что является важным шагом к более эффективной системе здравоохранения.

Список литературы:

1. Авитисов П.В. К вопросу применения маркеров профессиональной адаптации в оценке готовности к работе в чрезвычайной ситуации обучающихся вуза МЧС России / П.В. Авитисов, С.В. Королева // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты - 2018.-№1 (36).- С.88 – 96
2. Авитисов П.В. Проблемные и дискуссионные вопросы по медицинской сортировке и эвакуации пораженного населения: современные представления / П.В. Авитисов, Т.Е. Ткаченко // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 2. – С. 97–100.
3. Авитисов П.В. Социальные и политические проблемы формирования в России института парамедиков / П.В. Авитисов, А.И. Лобанов // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 3. – С. 70–76.
4. Авксентьева М.В. Стандартные операционные процедуры (сопы) как один из элементов управления качеством медицинской помощи / М.В. Авксентьева, П.А. Воробьев, Вялков А.И., Сура М.В. // Проблемы стандартизации в здравоохранении. - 2005.- № 7. - С. 1-6.
5. Землин А. И., Гоц Е. В., Матвеева М. А., Торшин А. А. Противодействие распространению коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2022. – Т. 14. – № 6. – С. 455–483. EDN: VOMTKE
6. Землин А. И., Матвеева М. А., Гоц Е. В., Торшин А. А. Проблемные вопросы правового регулирования использования автомобилей с автоматизированной системой вождения // Мир транспорта. – 2022. – Т. 20. – № 4 (101). – С. 117–122. EDN: QLAYCZ
7. Землин А.И. Правовое обеспечение внедрения и использования беспилотных автомобилей: опыт, проблемы и направления их решения / А.И. Землин, М.А. Матвеева // Государство и право. 2023. № 12. С. 121-130. EDN: HCNDCCG
8. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS.
9. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA
10. Землин А.И. Проблемы обеспечения безопасной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств с использованием потенциала публичного и частного права / А.И. Землин // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 2 (105). С. 54-60. EDN: LUMNTS
11. Землин, А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / А.И. Землин // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15-29. EDN: UJALYN.
12. Землин, А. И., Пищелко, А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности / А. И. Землин, А.В. Пищелко // Материалы международной научной конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы». (В рамках Международного юридического форума "Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития"). Новосибирск, 2019. С. 51-54. EDN: UHADEK
13. Землин, А.И. [и др.] Правовые аспекты использования беспилотных автомобилей в службах экстренной помощи: возможности и ограничения / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.А. Бирюк // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 323-326. EDN: SLHAXB
14. Землин, А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 151-154. EDN: PRKNMA
15. Chernogor, N., Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport. E3S Web of Conferences – Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna (EBWFF-2020), 2020, Vol. 203, pp. 05019. EDN: YFNOWY
16. Ma, Si. China to let self-driving cars be tested on highways. [Электронный ресурс]: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/12/WS5ff3657a31024ad0baa209c.html>. Доступ 14.11.2025.
17. Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I., Zemlina, O. Problems of Ensuring Security of Transport Infrastructure Facilities. IOP Publishing Ltd., «International Science and Technology Conference «Earth Science» – Chapter 3», 2021, 42002. EDN: APNNNDT

References:

1. Avitsov P.V. On the issue of using markers of professional adaptation in assessing students' readiness to work in an emergency situation at the University of the Ministry of Emergency Situations of Russia / P.V. Avitsov, S.V. Koroleva // Scientific and educational problems of civil protection - 2018.-№1 (36).- Pp.88-96
2. Avitsov P.V. Problematic and debatable issues on medical triage and evacuation of the affected population: modern concepts / P.V. Avitsov, T.E. Tkachenko // Scientific and educational problems of civil protection. – 2012. – No. 2. – pp. 97-100.
3. Avitsov P.V. Social and political problems of the formation of the Institute of paramedics in Russia / P.V. Avitsov, A.I. Lobanov // Scientific and educational problems of civil protection. - 2012. – No. 3. – pp. 70-76.
4. Avksentieva M.V. Standard operating procedures (SOPs) as one of the elements of quality management of medical care / M.V. Avksentieva, P.A. Vorobyev, Vyalkov A.I., Sura M.V. // Problems of standardization in healthcare. - 2005.- No. 7. - pp. 1-6.
5. Zemlin A. I., Gots E. V., Matveeva M. A., Torshin A. A. Countering the spread of coronavirus infection COVID-19 in megacities using self-driving cars: experience, legal and organizational aspects // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2022. – Vol. 14. – No. 6. – pp. 455-483. EDN: VOMTKE
6. Zemlin A. I., Matveeva M. A., Gots E. V., Torshin A. A. Problematic issues of legal regulation of the use of cars with an automated driving system // The world of transport. – 2022. – Т. 20. – № 4 (101). – Pp. 117-122. EDN: QLAYCZ
7. Zemlin A.I. Legal support for the introduction and use of unmanned vehicles: problems, problems and ways to solve them / A.I. Zemlin, M.A. Matveeva // State and law. 2023. No. 12. pp. 121-130. EDN: HCNDCCG
8. Zemlin A.I. Problematic issues of legal support for the use of highly automated vehicles // Transport law. 2022. No. 4. pp. 13-20. EDN: YNLWLS.
9. Zemlin A.I. Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. pp. 58-69. EDN: BSMKWA
10. Zemlin A.I. Problems of ensuring the safe operation of highly automated vehicles using the potential of public and private law / A.I. Zemlin // The world of transport. 2023. Vol. 21. No. 2 (105). pp. 54-60. EDN: LUMNTS
11. Zemlin, A. I. Some aspects of ensuring transport safety in the context of the spread of infectious diseases (using the example of the COVID-19 coronavirus pandemic) / A.I. Zemlin // Military law. 2020. No. 6 (64). pp. 15-29. EDN: UJALYN.
12. Zemlin, A. I., Pishchelko, A.V. Actual issues of legal provision of transport safety / A. I. Zemlin, A.V. Pishchelko // Materials of the international scientific conference "Combating offenses in the field of economics: legal, procedural and criminalistic problems". (Within the framework of the International Legal Forum "Law and Economics: National Experience and Development Strategies"). Novosibirsk, 2019. pp. 51-54. EDN: UHADEK
13. Zemlin, A.I. [et al.] Legal aspects of the use of unmanned vehicles in emergency services: opportunities and limitations / A.I. Zemlin, D.Y. Levshits, O.A. Biryuk // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 7. pp. 323-326. EDN: SLHAXB
14. Zemlin, A.I. The legal foundations of ensuring anti-terrorist security in special periods / A.I. Zemlin, D.Y. Levshits, O.E. Uрманov // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 3. pp. 151-154. EDN: PRKNMA
15. Chernogor, N., Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport. E3S Web of Conferences – Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna (EBWFF-2020), 2020, Vol. 203, pp. 05019. EDN: YFNOWY
16. Ma, Si. China to let self-driving cars be tested on highways. [Electronic resource]: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/12/WS5ff3657a31024ad0baa209c.html>. Accessed 11/14/2025.
17. Zemlin, A., Kholikov, I., Mamedova, I., Zemlina, O. Problems of Ensuring Security of Transport Infrastructure Facilities. IOP Publishing Ltd., «International Science and Technology Conference «Earth Science» – Chapter 3», 2021, 42002. EDN: APNNNDT

¹ Авитисов П.В. Социальные и политические проблемы формирования в России института парамедиков / П.В. Авитисов, А.И. Лобанов // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 3. – С. 70–76.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИЙ С УЧАСТИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ LEGAL CONSEQUENCES OF ACCIDENTS INVOLVING UNMANNED VEHICLES CARS IN THE SOCIAL SPHERE ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

БИРЮК Олег Александрович,

аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ).

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4 стр. 1.

E-mail: oleeeeg_001@mail.ru;

BIRYUK Oleg Alexandrovich,

postgraduate student of the Russian State Social University (RGSU).

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak St., 4 p. 1.

E-mail: oleeeeg_001@mail.ru;

Научный руководитель:

ЗЕМЛИН Александр Игоревич,

заведующий кафедрой прав человека ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ),

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4 стр. 1.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru;

SPIN-код: 1741-0737;

Scientific supervisor:

ZEMLIN Alexander Igorevich,

Head of the Department of Human Rights, Russian State Social University,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak St., 4 p. 1.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru;

SPIN code: 1741-0737

Краткая аннотация: В статье представлены результаты рассмотрения правовых последствий аварий с участием беспилотных автомобилей. С использованием методов системно-правового анализа и с учетом имеющейся судебной практики в работе обсуждаются вопросы ответственности, возникающие в результате дорожно-транспортных происшествий с автономными транспортными средствами, а также трудности, с которыми сталкиваются пострадавшие при получении компенсаций. Автор акцентирует внимание на необходимости совершенствования правовой базы с учетом прецедентной практики для эффективного разрешения споров, возникающих в следствие дорожно-транспортных происшествий с автономными транспортными средствами. В статье рассматриваются социальные аспекты, влияющие на общественное восприятие беспилотного транспорта, сформулированы некоторые предложения, направленные на оптимизацию правового регулирования в исследуемой сфере.

Abstract: The article presents the results of a review of the legal consequences of accidents involving unmanned vehicles. Using the methods of system-legal analysis and taking into account the available judicial practice, the issues of liability arising from road accidents with autonomous vehicles, as well as the difficulties faced by victims in obtaining compensation, are discussed in the work. The author focuses on the need to improve the legal framework, taking into account case law, in order to effectively resolve disputes arising from road accidents involving autonomous vehicles. The article examines the social aspects that affect the public perception of unmanned vehicles, and makes some proposals aimed at optimizing legal regulation in the field under study.

Ключевые слова: беспилотные автомобили, правовые последствия, судебная практика, ответственность, дорожно-транспортные происшествия, компенсация.

Keywords: self-driving cars, legal consequences, judicial practice, liability, traffic accidents, compensation.

Для цитирования: Бирюк О.А. Правовые последствия аварий с участием беспилотных автомобилей в социальной сфере анализ судебной практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 273-275. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_273.

For citation: Biryuk O.A. Legal consequences of accidents involving unmanned vehicles cars in the social sphere analysis of judicial practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 273-275. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_273.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2025

С развитием технологий и внедрением беспилотных автомобилей в общественный транспорт и частное использование, вопрос правовых последствий аварий с их участием становится все более актуальным. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что беспилотные автомобили представляют собой не только инновационное решение в сфере мобильности, но и новую юридическую реальность, требующую пересмотра существующих норм и правил¹.

Отмечается, что аварии с участием автономных транспортных средств поднимают множество правовых вопросов, касающихся ответственности за причинение вреда, определения виновных сторон и механизма компенсации пострадавшим². В условиях недостаточной правовой базы и отсутствия прецедентной практики, лица, пострадавшие в ДТП с участием беспилотников сталкиваются с трудностями в получении справедливой компенсации. Сложившаяся ситуация создает значительные правовые неопределенности как для пострадавших, так и для производителей и операторов беспилотных автомобилей³.

¹ Землин, А. И., Пищелко, А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности / А. И. Землин, А.В. Пищелко // Материалы международной научной конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы». (В рамках Международного юридического форума "Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития"). Новосибирск, 2019. С. 51-54. EDN: UHADEK; Липунов, В. И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В. И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву : Материалы Третьего Международного транспортного-правового форума, Москва, 10–11 февраля 2021 года. – Москва: Российский университет транспорта. 2021. С. 241-249. EDN: PBDDMP.

² Робот не виноват: беспилотник Uber не мог избежать летального ДТП// URL: <https://hitech.vesti.ru/article/803363/>

³ Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA

Кроме того, социальные аспекты, связанные с восприятием беспилотного транспорта обществом, играют важную роль в формировании правовой политики. Общественное мнение о безопасности и надежности автономных систем может влиять на законодательные инициативы и регулирование данной сферы. Поэтому исследование правовых последствий аварий с участием беспилотных автомобилей не только актуально с точки зрения юридической практики, но и необходимо для формирования безопасной и справедливой правовой среды в условиях стремительного технологического прогресса.

Исследование направлено на анализ существующей судебной практики, выявление проблемных аспектов и разработку рекомендаций по улучшению правового регулирования в области автономного транспорта, что делает его особенно важным в современных условиях.

С развитием технологий и внедрением беспилотных автомобилей в повседневную жизнь, вопросы правовых последствий аварий с их участием становятся всё более актуальными. Аварии с автономными транспортными средствами поднимают множество правовых и социальных вопросов, требующих детального анализа, что вызывает закономерный интерес специалистов¹.

Согласно статистическим данным, значительная доля дорожно-транспортных происшествий происходит по вине человека, что подчеркивает важность человеческого фактора в вопросах безопасности на дорогах. В связи с этим внедрение беспилотных автомобилей представляет собой многообещающее решение, способное существенно снизить уровень аварийности. Автономные транспортные средства, оснащенные современными технологиями, такими как системы искусственного интеллекта и сенсоры, могут минимизировать влияние человеческой ошибки и повысить общую безопасность дорожного движения².

Тем не менее, даже с учетом всех преимуществ, которые могут предоставить беспилотные автомобили, нельзя исключать возможность возникновения инцидентов с их участием. Аварии с автономными транспортными средствами могут произойти по различным причинам, включая технические неисправности, сбои в работе программного обеспечения или непредвиденные ситуации на дороге. Это создает новые вызовы в области правового регулирования, поскольку необходимо определить, кто будет нести ответственность за такие происшествия.

Вопросы ответственности и правовых последствий аварий с участием беспилотных автомобилей становятся ключевыми в контексте социальной сферы. Они затрагивают интересы различных сторон, включая пострадавших в ДТП, владельцев автономных автомобилей и производителей технологий. Для пострадавших важно понимать, как будет осуществляться компенсация ущерба и кто будет признан виновным в случае аварии. Владельцы беспилотных автомобилей могут столкнуться с правовыми трудностями при попытках защитить свои интересы, если их транспортное средство окажется вовлеченным в инцидент. Производители технологий также рискуют столкнуться с юридическими последствиями, если их продукция окажется ненадежной или приведет к авариям.

Вопросы правовой ответственности и последствия аварий с участием беспилотных автомобилей требуют тщательного анализа и разработки новых норм и правил. Это необходимо для создания безопасной правовой среды, которая сможет эффективно защищать интересы всех участников дорожного движения и обеспечить справедливое разрешение конфликтов, возникающих в результате таких инцидентов³.

На сегодняшний день правовая база, регулирующая использование беспилотных автомобилей, находится на стадии формирования. Специалистами основательно отмечается необходимость разработки ясных и имеющих однозначный характер норм и правил для определения ответственности в случае аварий с участием автономных транспортных средств. При этом следует согласиться с утверждением о том, что существующее законодательство часто не учитывает особенности функционирования таких автомобилей, что приводит к правовым пробелам⁴.

Судебная практика по делам о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) с участием беспилотных автомобилей на сегодняшний день остается относительно ограниченной, однако уже можно выделить несколько ключевых аспектов, которые требуют внимания. Первым и, пожалуй, самым важным вопросом является определение ответственности за аварию. В данной ситуации могут возникать споры о том, кто именно должен нести ответственность: владелец автономного автомобиля, разработчик программного обеспечения, управляющего системой автомобиля, или даже третьи лица, такие как производители оборудования или поставщики услуг, связанных с функционированием беспилотного транспорта.

Эта неопределенность в вопросе ответственности может привести к сложным судебным разбирательствам. Например, если беспилотный автомобиль попадает в аварию, пострадавшая сторона может обратиться с иском к владельцу автомобиля, утверждая, что он несет ответственность за действия своего транспортного средства. Однако владелец может защитить свои интересы, указывая на то, что автомобиль управлялся автономной системой и что он не мог контролировать ситуацию в момент происшествия. В этом случае вопрос ответственности может быть перенаправлен к производителю программного обеспечения, который разработал алгоритмы управления, или к производителю самого автомобиля.

Кроме того, судебные разбирательства могут касаться как гражданской, так и уголовной ответственности. В случае гражданских исков пострадавшие стороны могут требовать компенсации ущерба за причиненный вред, что требует оценки степени вины каждого из участников происшествия. Уголовная ответственность может возникнуть в случаях, когда авария привела к серьезным последствиям, таким как травмы или гибель людей. В таких ситуациях необходимо будет определить, была ли допущена неосторожность со стороны каких-либо из участников — владельца автомобиля, разработчика программного обеспечения или других лиц.

¹ Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS

² Кабалдин Ю.Г., Киселев А.В., Шатагин Д.А. и др.; под ред. Ю. Г. Кабалдина. Беспилотное транспортное средство с интеллектуальной системой диагностики и управления для условий Крайнего Севера и Арктики: монография — Нижний Новгород: НГТУ, 2017.

³ Автопилот (беспилотный автомобиль) // URL: [http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Автопилот_\(беспилотный_автомобиль\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Автопилот_(беспилотный_автомобиль))

⁴ Землин, А. И., Торшин, А. А. Характеристика беспилотных автомобилей в контексте обязательств вследствие причинения вреда / А. И. Землин, А. А. Торшин // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1 (37). С. 113-123. EDN: UHYHRG

Таким образом, правовая природа дел о ДТП с участием беспилотных автомобилей создает множество новых вызовов для судебной системы. Необходимость четкого определения ответственности и правовых последствий таких инцидентов требует от юристов и судей глубокого понимания как технологий автономного вождения, так и существующих норм законодательства. Это также подчеркивает важность разработки новых правовых рамок и стандартов, которые смогут эффективно регулировать возникающие вопросы и защищать интересы всех участников дорожного движения.

Хотя случаев с беспилотными автомобилями относительно немного, некоторые из них уже стали предметом судебных разбирательств. Например, в одном из дел рассматривалась ситуация, когда автономный автомобиль совершил наезд на пешехода. Судебное разбирательство выявило сложности в определении степени вины: был ли виноват водитель (в данном случае – владелец автомобиля), производитель программного обеспечения или сам пешеход.

Важность создания прецедентов в судебной практике, которые помогут определить правовые рамки для подобных случаев, очевидна. Создание прецедентов в судебной практике может сыграть ключевую роль в формировании правовых рамок для дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, в которых участвуют беспилотные автомобили. Установление таких прецедентов позволит не только определить, кто именно несет ответственность за действия автономных транспортных средств, но и создать более четкие ориентиры для судей и юристов при рассмотрении подобных дел. Это особенно актуально в условиях быстрого развития технологий автономного вождения, когда традиционные юридические нормы могут оказаться недостаточными для решения новых вызовов.

При этом необходимо учитывать мнения экспертов в области технологий, что позволит обеспечить справедливое разрешение споров. Поскольку вопросы, связанные с беспилотными автомобилями, требуют глубокого понимания как юридических аспектов, так и технических особенностей функционирования автономных систем, мнение специалистов может существенно повлиять на выводы суда. Эксперты способны предоставить необходимые знания о том, как работают алгоритмы управления, как принимаются решения в критических ситуациях и какие факторы могут влиять на безопасность движения. Учет мнения таких специалистов позволит обеспечить более справедливое и обоснованное разрешение споров, а также поможет суду правильно оценить степень вины различных сторон, что особенно важно в контексте возможной уголовной или гражданской ответственности.

Таким образом, создание прецедентов и привлечение экспертов являются ключевыми элементами для формирования устойчивой правовой базы в области ДТП с участием беспилотных автомобилей. Это позволит не только защитить права пострадавших, но и создать условия для дальнейшего развития технологий автономного вождения, обеспечивая при этом безопасность на дорогах.

Правовые последствия аварий с беспилотными автомобилями имеют значительные социальные аспекты. Пострадавшие могут сталкиваться с трудностями при получении компенсаций, особенно если нет четких норм о распределении ответственности. Это может привести к недовольству граждан и снижению доверия к новым технологиям. Соответственно, важным направлением является проведение разъяснительной работы среди населения о том, как работают автономные системы и какие меры принимаются для обеспечения безопасности их использования.

Список литературы:

1. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS
2. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA
3. Землин, А. И., Пищелко, А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности / А. И. Землин, А.В. Пищелко // Материалы международной научной конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы». (В рамках Международного юридического форума "Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития"). Новосибирск, 2019. С. 51-54. EDN: UHADEK
4. Землин, А. И., Торшин, А. А. Характеристика беспилотных автомобилей в контексте обязательств вследствие причинения вреда / А. И. Землин, А. А. Торшин // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1 (37). С. 113-123. EDN: UHYHRG
5. Кабалдин Ю.Г., Киселев А.В., Шатагин Д.А. и др.; под ред. Ю. Г. Кабалдина. Беспилотное транспортное средство с интеллектуальной системой диагностики и управления для условий Крайнего Севера и Арктики: монография — Нижний Новгород: НГТУ, 2017.
6. Липунов, В. И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В. И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву : Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума, Москва, 10–11 февраля 2021 года. — Москва: Российский университет транспорта. 2021. С. 241-249. EDN: PBDDMP.

References:

1. Zemlin A.I. Problematic issues of legal support for the use of highly automated vehicles // Transport law. 2022. No. 4. pp. 13-20. EDN: YNLWLS
2. Zemlin A.I. Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. pp. 58-69. EDN: BSMKWA
3. Zemlin, A. I., Pishchelko, A.V. Actual issues of legal provision of transport safety / A. I. Zemlin, A.V. Pishchelko // Proceedings of the international scientific conference "Combating Economic Offenses: legal, procedural and criminalistic problems". (Within the framework of the International Legal Forum "Law and Economics: National Experience and Development Strategies"). Novosibirsk, 2019. pp. 51-54. EDN: UHADEK
4. Zemlin, A. I., Torshin, A. A. Characteristics of unmanned vehicles in the context of obligations due to harm / A. I. Zemlin, A. A. Torshin // Transport law and safety. 2021. No. 1 (37). pp. 113-123. EDN: UHYHRG
5. Kabal'din Yu.G., Kiselyov A.V., Shatagin D.A. and others; edited by Yu.G. Kabal'din. An unmanned vehicle with an intelligent diagnostics and control system for the conditions of the Far North and the Arctic: monograph — Nizhny Novgorod: NSTU, 2017.
6. Lipunov, V. I. Artificial intelligence and digitalization trends: technogenic breakthrough as a challenge to law / V. I. Lipunov // Artificial intelligence and digitalization trends: technogenic breakthrough as a challenge to law : Proceedings of the Third International Transport and Legal Forum, Moscow, February 10-11, 2021. — Moscow: Russian University of Transport. 2021. pp. 241-249. EDN: PBDDMP.

ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОБИЛЬНЫХ И ВРЕМЕННЫХ ПРИЕМНЫХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

PRACTICE OF THE ACTIVITIES OF MOBILE AND TEMPORARY RECEPTION OFFICES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN EMERGENCY SITUATIONS

БАСОВА Юлия Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства

Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева».

295001, Россия, г. Симферополь, ул. Павленко 5.

E-mail: basovbasova@mail.ru;

BASOVA Yulia Yurievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State,

Crimean Branch of the "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev".

295001, Russia, Simferopol, Pavlenko Street, 5.

E-mail: basovbasova@mail.ru

Краткая аннотация: В условиях чрезвычайных ситуаций традиционная система управления органов прокуратуры сталкивается с необходимостью оперативной адаптации для обеспечения непрерывной деятельности в указанных условиях. Деятельность мобильных и временных приемных органов прокуратуры становится ключевым инструментом для решения этой задачи. В статье анализируется современная практика организации и функционирования таких подразделений. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия мобильных групп с территориальными прокуратурами, органами власти, спасательными и правоохранительными органами. В работе освещаются типичные проблемы правового и организационного характера, а также оценивается эффективность их работы. На основе анализа сформулированы практические рекомендации по оптимизации структуры, материально-технического обеспечения.

Abstract. In emergency situations, the traditional management system of prosecutorial bodies faces the need for rapid adaptation to ensure continuous operation under such conditions. The activities of mobile and temporary offices of the prosecutor's office become a key tool for solving this task. The article analyzes the current practices of organizing and functioning of such units. Particular attention is paid to the interaction of mobile groups with territorial prosecutor's offices, government bodies, emergency, and law enforcement agencies. The study highlights typical legal and organizational challenges and assesses their effectiveness. Based on the analysis, practical recommendations for optimizing the structure and logistical support are formulated.

Ключевые слова: органы прокуратуры, чрезвычайные ситуации, мобильные приемные, временные приемные, защита прав граждан, оперативное реагирование, взаимодействие органов.

Keywords: prosecutor's office, emergency situations, mobile offices, temporary offices, protection of citizens' rights, operational response, interagency cooperation.

Для цитирования: Басова Ю.Ю. Практика деятельности мобильных и временных приемных органов прокуратуры Российской Федерации в условиях чрезвычайных ситуаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 276-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_276.

For citation: Basova Yu. Yu. Practice of the activities of mobile and temporary reception offices of the prosecutor's office of the Russian Federation in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 276-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_276.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Особенности организации деятельности прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, зависят от причин их возникновения, распространения, последствий и задач, которые должны быть выполнены. Следует отметить, что в последнее время руководством Генеральной прокуратуры Российской Федерации был предпринят ряд мер организационного, материально-технического и правового характера по совершенствованию деятельности прокуратуры в условиях чрезвычайных ситуаций, а именно: разработаны новые, современные организационно-распорядительные акты, нормы которых регулируют внешнефункциональную деятельность прокуратуры в условиях чрезвычайных ситуаций, определены направления подготовки прокурорских работников по вопросам организации действия органов прокуратуры при возникновении чрезвычайных ситуаций в рамках дополнительного профессионального образования обучение работников органов и организаций прокуратуры, разработаны методические рекомендации по организации и проведению надзорных мероприятий в сфере защиты прав граждан при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Исследование организационной структуры системы управления прокуратурой в чрезвычайных ситуациях не ограничивается рамками одной лишь теории организации и требует междисциплинарного подхода. Отметим, что в обычных условиях функционирования, система управления органами прокуратуры имеет четырехзвенную структуру: Генеральная прокуратура Российской Федерации; управления Генеральной прокуратуры в федеральных округах; прокуратуры субъектов Российской Федерации; прокуратуры городов (районов) [1, с. 33]. Однако в условиях чрезвычайных ситуаций обычная четырехзвенная структура требует дополнения для оперативного и эффективного решения задач прокурорского надзора. В условиях чрезвычайных ситуаций, когда существующая структура может оказаться «недостаточно гибкой», но одновременно с этим требуется оперативность в принятии управленческих решений, проведения значительного количества надзорных мероприятий, привлечения дополнительных сил и средств, практика внутрифункциональной деятельности прокуратуры демонстрирует появление дополнительных структурных элементов в организации управления. К таким элементам относятся: оперативный штаб; мобильные и временные приемные; межрегиональная прокуратура территории, на которой введено чрезвычайное положение. Каждая из этих форм имеет свои особенности и применяется в зависимости от масштаба, характера и продолжительности чрезвычайной ситуации.

Отметим, что особое место среди указанных элементов занимают мобильные и временные приемные, которые ориентированы на осуществление внешнефункциональной деятельности. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.10.2021 № 575 утверждено Типовое положение о мобильных и временных приемных органах прокуратуры Российской Федерации, устанавливающее организационно-правовые основы их создания, функционирования и взаимодействия с другими структурами. Данное положение определяет порядок формирования таких приемных, их задачи и механизмы работы, обеспечивая единообразный подход к организации прокурорского надзора в условиях пла-

нового мониторинга и чрезвычайных ситуаций.

Анализ Типового положения позволяет выделить две организационные формы их деятельности, различающиеся по целям, территориальному охвату и характеру реагирования, а именно: мобильные и временные приемные. Эти структуры обеспечивают дифференцированный подход к прокурорскому надзору, сочетая системность в регулярной работе и адаптивность в условиях кризиса, что способствует восстановлению нарушенных прав граждан.

– мобильные приемные – предназначены для плановых выездов в отдаленные и труднодоступные населенные пункты с целью обеспечения доступа граждан к правовой помощи. Их ключевая функция – профилактическая, направленная на своевременное выявление и устранение нарушений в условиях отдаленности и труднодоступности. Работа таких приемных осуществляется на основе утвержденных планов выездов и графиков личного приема граждан;

– временные приемные – формируются на определенный срок (обычно до шести месяцев) при наличии сведений о ситуациях, требующих незамедлительного вмешательства органов прокуратуры для выездов в территориальные образования с неблагоприятной обстановкой, сложившейся в результате систематического ущемления прав и свобод граждан, многочисленных или грубых нарушений закона, аварий, распространения заблуждений, стихийных или иных бедствий, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы [2]. Их деятельность носит «экстренный» характер и направлена на оперативное восстановление нарушенных прав граждан в условиях повышенной «социальной напряженности».

Указанное разделение организационных форм обусловлено необходимостью дифференцированного подхода к организации прокурорского надзора. Деятельность обеих форм приемных строится на принципах оперативности, доступности и адресности помощи. Основные задачи, закрепленные в пункте 2 Типового положения, включают:

– оперативное реагирование на обращения либо сведения, размещенные в средствах массовой информации, сети «Интернет» и имеющие общественный резонанс, о систематическом ущемлении прав и свобод граждан, многочисленных или грубых нарушениях закона, требующих вмешательства органов прокуратуры;

– выявление причин и условий, способствующих увеличению числа обращений в органы прокуратуры, и принятие мер по соблюдению требований закона и недопущению нарушения прав граждан;

– проведение личного приема заявителей в труднодоступных и отдаленных населенных пунктах;

– оказание правовой помощи гражданам, в первую очередь относящимся к социально незащищенной категории населения: ветеранам, узникам концлагерей, инвалидам, несовершеннолетним, многодетным семьям и малоимущим.

Важным элементом работы приемных является использование современных информационных технологий. Обращения, полученные в ходе выездных приемов, регистрируются с применением автоматизированного информационного комплекса «Надзор-WEB» и информационной системы обеспечения надзора (ИСОП), что гарантирует их своевременную обработку (п. 7). Обобщенные данные о результатах работы приемных служат основой для анализа надзорной деятельности и разработки мер по устранению системных нарушений (п. 9).

Информирование населения о деятельности приемных осуществляется через размещение сведений на информационных стендах, в средствах массовой информации, на официальных сайтах прокуратур и по справочным телефонам (п. 1.6). Освещение итогов работы, особенно случаев успешного восстановления прав граждан, рассматривается как важный инструмент укрепления общественного доверия (п. 9).

Анализ нормативных основ организации мобильных и временных приемных прокуратуры свидетельствует о значимости и важности их функционирования в условиях чрезвычайных ситуаций. Однако эффективность подобных структур наиболее ярко раскрывается в практической плоскости, особенно при ликвидации последствий масштабных чрезвычайных ситуаций. Ярким примером успешной реализации этой модели стала деятельность мобильной рабочей группы в Иркутской области во время катастрофического наводнения в Тулуне в 2019 году, которая продемонстрировала, как нормативные принципы воплощаются в конкретных мерах прокурорского надзора.

В условиях крупномасштабного наводнения в Тулуне, признанного чрезвычайной ситуацией федерального уровня, прокуратура Иркутской области инициировала создание мобильной рабочей группы, дислоцированной в городе Тулуне, для оказания практической помощи Тулунской межрайонной прокуратуре [3]. Эта мера, реализованная в соответствии со статьей 18 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Типовым положением, была направлена на усиление надзора за исполнением законодательства, соблюдением прав и законных интересов граждан, а также координацию усилий по восстановлению прав пострадавшего населения. Деятельность группы отражала гибкость реагирования, закрепленную в пункте 1.3 Типового положения, позволяя оперативно адаптировать прокурорский надзор к кризисным условиям.

Работа мобильной группы была организована по принципу функционального разделения, что позволило оптимизировать ее работу. В ее состав вошли работники городских, районных прокуратур и аппарата прокуратуры Иркутской области, командированных в Тулун. Ее состав определялся с учетом задач, связанных с надзором за исполнением законодательства при реализации мер по ликвидации последствий наводнения. Группа действовала в тесном взаимодействии с межрайонной прокуратурой, избегая дублирования функций, что обеспечивало системность и эффективность надзорной деятельности. Руководство группой осуществлял назначенный заместителем прокурора области координатор, в задачи которого входило: распределение обязанностей между работниками; сбор и систематизация нормативных правовых актов, регулирующих ликвидацию последствий чрезвычайной ситуации; организация работы мобильной приемной для граждан; анализ состояния законности и определение приоритетных направлений надзора.

В соответствии с Распоряжением прокурора Иркутской области от 14.08.2019 «О создании мобильной рабочей группы» функциональная структура мобильной группы включала три подгруппы, каждая из которых выполняла специализированные задачи, соответствующие целям мобильных и временных приемных, изложенным в п. 2 Типового положения [2]:

– подгруппа приема обращений граждан обеспечивала работу мобильной приемной прокурора Иркутской области, принимая обращения пострадавших граждан. Эта деятельность способствовала оперативному сбору информации о нарушениях прав и предоставлению правовой помощи, особенно социально уязвимым группам, что соответствует задаче оказания адресной поддержки;

– подгруппа проверок по обращениям обеспечивала учет и исполнение поручений по проверке доводов обращений, поступивших как из аппарата прокуратуры области, так и через мобильную приемную. Подгруппа осуществляла подготовку проектов документов прокурорского реагирования, информационные материалы и разделы докладных записок, направляемых межрайонной прокуратурой в областную прокуратуру. Деятельность данной группы обеспечивала своевременное реагирование на жалобы граждан и восстановление их прав;

– подгруппа проверок исполнения законов осуществляла сбор сведений о состоянии законности на пострадавших территориях, проведение проверок по поручению руководителя группы и подготавливала проекты актов прокурорского реагирования. Эта деятельность позволяла выявлять системные нарушения и разрабатывать меры по их устранению, что отражало профилактическую функцию прокурорского надзора.

Деятельность мобильной группы в Тулуне иллюстрирует практическое воплощение принципов, закрепленных в Типовом положении о мобильных и временных приемных органах прокуратуры Российской Федерации: утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.10.2021 № 575. Гибкость реагирования проявлялась в оперативном создании и развертывании группы в условиях крупномасштабного наводнения, а системность – в четкой организации работы подгрупп и их взаимодействии с межрайонной прокуратурой.

Опыт работы мобильной группы в Тулуне продемонстрировал высокую эффективность подобных структур в условиях чрезвычайных ситуаций. Четкое распределение функций, использование специализированных подгрупп позволили оперативно восстанавливать нарушенные права пострадавших граждан.

Вместе с тем, опыт работы мобильной рабочей группы в г. Тулуне «оголил» ряд практических сложностей, связанных с организационными аспектами функционирования данной структуры. К ним относятся ограниченность бюджетных ресурсов, затруднявшая обеспечение необходимым оборудованием мобильной приемной и подгрупп, недостатки кадрового обеспечения, а также сложности координации между межрайонной прокуратурой, мобильной группой и другими органами власти в условиях чрезвычайной ситуации. Указанные сложности не являются исчерпывающими и подчеркивают необходимость совершенствования нормативной базы, регулирующей деятельность мобильных и временных приемных, и организационных механизмов, включая разработку специализированных программ подготовки прокурорских работников к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Проведенный анализ практики деятельности мобильных и временных приёмных органов прокуратуры Российской Федерации в условиях чрезвычайных ситуаций позволяет сделать вывод об их высокой значимости. Данные структуры системы управления обеспечивают оперативное выявление нарушений законодательства, восстановление прав пострадавших граждан, выявление и пресечения нарушений законодательства в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций.

Практика деятельности органов прокуратуры в период пандемии COVID-19, в условиях крупномасштабных чрезвычайных ситуаций в Республике Крым, Республике Хакасия, Республике Дагестан, Ростовской, Оренбургской, Тюменской областях, Краснодарского, Красноярского, Приморского края, техногенного терроризма (удары по объектам критической инфраструктуры беспилотными летательными аппаратами в Курской, Белгородской, Ленинградской, Ростовской областях, террористические атаки на Крымский мост) подтверждает эффективность деятельности мобильных и временных приёмных при условии чёткой организационной структуры, функционального распределения задач и слаженного взаимодействия с территориальными прокуратурами и другими органами власти. В то же время выявленные проблемы указывают на необходимость дальнейшего совершенствования как правовых, так и организационных основ их функционирования.

Особую роль в успешной реализации задач мобильных и временных приемных играет профессиональная подготовка прокурорских работников. Именно на них возлагается ключевая роль в принятии управленческих решений, организации и осуществлении прокурорского надзора, что требует способности действовать исходя из приобретенных компетенций, а также адекватно оценивать и реагировать на сложившуюся оперативную обстановку в условиях неопределённости и высокого риска.

Однако, проведенное социологическое исследование¹, показывает недостаточный уровень управленческих навыков у прокурорских работников по вопросам принятия управленческих решений, организации и осуществления прокурорского надзора в чрезвычайных ситуациях, что может негативно повлиять на эффективности прокурорской деятельности. На данный недостаток указали 81 % опрошенных респондентов. В этой связи целесообразно развитие специализированных программ дополнительного профессионального образования, моделирование ситуаций действий в чрезвычайных ситуациях и внедрение единых стандартов реагирования на чрезвычайные ситуации в прокурорской деятельности.

Список литературы:

1. Стрельников В.В., Организационная структура управления в органах прокуратуры // Академический юридический журнал. 2011. № 4 (46). С. 29–38.
2. Типовое положение о мобильных и временных приемных органах прокуратуры Российской Федерации: утвержденного приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.10.2021 № 575 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397282/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd5f18/ (дата обращения 02.05.2025).
3. Распоряжение прокурора Иркутской области от 14.08.2019 «О создании мобильной рабочей группы» / Прокуратура Иркутской области. 2019. – 4 с.

References:

1. Strel'nikov V.V., Organizatsionnaya struktura upravleniya v organakh prokuratury // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 4 (46). С. 29–38.
2. Tipovoe polozhenie o mobil'ny'x i vremenny'x priemny'x organov prokuratury Rossijskoj Federacii: utverzhdenogo prikazom General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 04.10.2021 № 575 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397282/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd5f18/ (data obrashheniya 02.05.2025).
3. Rasporjazhenie prokurora Irkutskoj oblasti ot 14.08.2019 «O sozdanii mobil'noj rabochej grupy» / Prokuratura Irkutskoj oblasti. 2019. – 4 s.

¹ Опрошено 915 прокурорских работников (заместители прокуроров городов и районов, старшие помощники, помощники прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур) Южного и Северо-Кавказского федеральных округов проходивших повышение квалификации в Крымском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в период с 2020–2024 гг.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ВНЕДРЕНИЯ В ФИНАНСОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ФИНАНСОВЫХ ИННОВАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM-FORMING CATEGORIES OF FINANCIAL LAW IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF FINANCIAL INNOVATIONS IN THE STATE'S FINANCIAL ACTIVITIES, USING THE EXAMPLE OF METAVERSES

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,

Ассистент и аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: zaripovshamilrishatovich@mail.ru;

ZARIPOV Shamil Rishatovich,

Assistant and PhD student at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology.

450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.

E-mail: zaripovshamilrishatovich@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются доктринальные и практические аспекты внедрения такой финансовой инновации в финансовую деятельность и финансовую систему России как метавселенная (частная/государственная). Путем исследования полученных доктринальных данных и зарубежного опыта внедрения частных и государственных метавселенных осуществляется анализ развития финансово-правового регулирования через призму системообразующих категорий финансового права (предмета, функций, метода, принципов финансового права и категории финансы).

Abstract: The article explores the doctrinal and practical aspects of introducing such a financial innovation as the metaverse (private/public) into financial activities and the Russian financial system. By examining the obtained doctrinal data and foreign experience in implementing private and public metaverses, the article analyzes the development of financial and legal regulation through the lens of the system-forming categories of financial law (subject, functions, method, principles of financial law, and the category of finance).

Ключевые слова: системообразующие категории финансового права, финансовые инновации, метавселенные, предмет финансового права, метод финансового права, функции финансового права, принципы финансового права, финансы.

Keywords: system-forming categories of financial law, financial innovations, metaverses, the subject of financial law, the method of financial law, the functions of financial law, the principles of financial law, and finance.

Для цитирования: Зарипов Ш.Р. Трансформация системообразующих категорий финансового права в условиях развития и внедрения в финансовую деятельность государства финансовых инноваций на примере метавселенных // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 279-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_279.

For citation: Zaripov Sh.R. Transformation of the system-forming categories of financial law in the context of the development and implementation of financial innovations in the state's financial activities, using the example of metaverses // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 279-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_279.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025

Как отмечает М.С. Прокошин: «В развитии финансового правоведения значительную роль играет финансово-правовая инноватика» [17, с. 275]. Термин «инновация» (от лат. innovatio) означает организацию деятельности «в направлении изменений» [14, с. 11]. Согласно ст. 2 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» инновация определяется как: «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [26]. Также, согласно законодательному определению, инновационная деятельность это: «деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности» [26]. Стоит отметить, что законодателем при определении инновационной деятельности включается финансовая деятельность, что в свою очередь также соответственно формирует категории финансовая инновационная деятельность и финансовые инновации. В законодательстве также закреплено правовое регулирование цифровых инноваций по направлению финансового рынка [27]. И.А. Гусева и А.С. Пугачева отмечают следующую проблему определения финансовой инновации: «В условиях отсутствия единого мнения исследователей в отношении общего термина «инновация», представляется еще более сложной и неоднозначной задачей сформулировать емкое и всеобъемлющее определение термина «финансовая инновация» [5, с. 9]. Д.И. Филиппов в рамках результата докторской диссертации, определяет категорию финансовые инновации как: «новшества в финансовой сфере в форме новых финансовых операций, инструментов, технологий, бизнес-моделей, институтов, обусловленных развитием научно-технического прогресса и способствующих повышению эффективности функционирования финансового рынка» [29, с. 22]. Финансовые инновации как феномен и ноумен зарождаются финансовыми технологиями, определяющей для неё тенденцию развития [29, с. 52]. Д.И. Филиппов отмечает: «Развитие финансовых технологий оказывает мощное воздействие на развитие финансовых инноваций» [29, с. 52]. То есть финансовые инновации находятся в прямой зависимости от финансовых технологий, которые определяют финансовые инновации. В экономической науке выделяют различные виды финансовых инноваций, перечислим некоторые из них: радикальные финансовые инновации (вызывают важные и фундаментальные изменения в деятельности финансового рынка); технологические финансовые инновации (реализуются за счет внедряемой финансовой

технологии); административные финансовые инновации (реализуют новшества в организации рабочих мест) [29, с. 41-42]. Исходя из проведенного анализа по выявлению глобальной финансовой инновации, по нашему мнению, современной финансовой инновацией, удовлетворяющей имеющиеся в своем определении признаки (новшества, обусловленной развитием научно-технического прогресса, направленного на повышение эффективности функционирования финансового рынка) и имеющей свойства радикальной, технологической и административной финансовой инновацией является – метавселенная (данный термин образован от английского «meta» – трансцендентность и «verse» – мир [12, с. 130]). Н.Н. Ковалева отмечает: «Фактически метавселенная – это новый этап развития мировой экономики» [9, с. 83]. Также, Т.А. Алабина, Х.С. Дзангиева, А.А. Юшковская характеризует метавселенную как новый этап трансформации цифровой экономики: «Очередным этапом трансформации цифровой экономики должен стать этап создания и внедрения единой метавселенной» [1, с. 6]. А.И. Чигрина и Д.А. Панков также характеризуют тенденции метавселенной: «Скорее всего, метавселенная станет следующим этапом цифровой трансформации экономики после «Индустрии 4.0» [31, с. 38]. И.А. Бронников, А.С. Беденкова отмечают: «Особое положение среди инноваций нового поколения отводится метавселенной, с развитием которой связывают кардинальную трансформацию всех отраслей жизнедеятельности, включая государственное управление» [3, с. 224]. Инновационность метавселенной отмечают в Сбер университете: «Метавселенная может революционным образом изменить бизнес, развлечения, удаленную работу и образование» [15, с. 21]. Т.Н. Флигинских отмечает следующую экономическую и финансовую перспективу метавселенной: «Metaverse может стать величайшим примером нового устройства мира экономики и финансов» [30, с. 167]. М. Боул отметил, что метавселенная фактически является преемником государства для мобильного интернета [31, с. 32]. Помимо частных метавселенных, создаются также государственные метавселенные со своими метагородами, суть которых заключается в переносе общественных отношений с участием государства в метавселенные с целью виртуальной симуляцией реальной жизнедеятельности человека с обществом и государством (получать государственные услуги, платить налоги и др.). Как отмечают И.А. Бронников и А.С. Беденкова: «Метавселенные и сопутствующие технологии (искусственный интеллект, блокчейн, виртуальная реальность, интернет вещей) уже появляются в реальных практиках государственного управления» [3, с. 232]. Китай осуществляет разработку собственной регулируемой государственной метавселенной – «Chinaverse», проекты метагородов запущены в Сеуле Южной Кореи – «Metaverse Seoul», в Объединенных Арабских Эмиратах «SharjahVerse». В ноябре 2021 г. правительство Барбадоса подписало контракт на приобретение участка земли для посольства в Decentraland, что делает Барбадос первым в мире государством с посольством в одном из проектов метавселенной [1, с. 7].

Значительный импульс вопросу правового регулирования метавселенных придало выступление Президента России В.В. Путина на конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey 12 ноября 2021 г., где глава государства, заявил о необходимости защиты прав россиян в метавселенных: «Вопросы защиты личных данных и цифровых платежей, противодействие скрытому манипулированию предпочтениями и поступками граждан, поступками человека ... чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара, который будет находиться внутри формирующихся сейчас метавселенных ... Это настоящий вызов для технологических компаний, креативных индустрий, для создателей устройств виртуальной и смешанной реальности. Даже для юристов, которым предстоит разработать нормы регулирования экономических, общественных отношений в принципиально новом мире, это тоже вызов, безусловно» [11]. Правовое регулирование метавселенных актуализирует доктринальное развитие прав человека и гражданина на когнитивную свободу и на свободный доступ в сеть «Интернет» в рамках конституционного права человека и гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4, ст. 29 Конституции РФ) [10]. Поскольку метавселенная, как новый формат жизнедеятельности человека и гражданина, является равнозначным с иной другой формой существования человека для реализации конституционных прав и свобод.

М.А. Рожкова отмечает актуальность, дискуссионность и неоднозначность термина «метавселенная» в отечественной научной доктрине: «В последние годы в научной литературе набирает популярность термин «метавселенные» (metaverse), который, как и многие технологические новшества, пока не обрел однозначной дефиниции» [19]. Ю.А. Тихомиров выделяет метавселенную как одну из измерений пространства [24, с. 89]. Г.В. Сорокина и Ф.Н. Гуров отмечают междисциплинарность термина «метавселенная»: «понятие «Метавселенная» представляет совокупный математический, технический и гуманитарный уровни знания, и уже в этом контексте становится понятно, что не может быть никакого единого определения данного понятия» [23, с. 11]. Однако, о необходимости понятийно-категориальной определенности писал А.С. Пушкин: «Определяйте значение слов – и вы избавите свет от половины его заблуждений» [18, с. 194]. К сожалению, в настоящее время отсутствует закрепление понятия «метавселенная» в нормативно-правовых актах Российской Федерации, что оставляет нам научно-доктринальные и иные источники определяющие метавселенную. Сбер университет отмечает следующее заблуждение, встречаемое в определениях «метавселенной»: «Метавселенную часто путают с виртуальным пространством, создаваемым технологиями VR» [15, с. 21]. А.И. Чигрина и Д.А. Панков также отмечают: «Термин «метавселенная» не следует путать с такими понятиями, как «виртуальный мир», «виртуальное пространство», «виртуальная реальность», «цифровая и виртуальная экономика», «игра», «виртуальный тематический парк», «новый магазин приложений», «новая платформа пользовательского контента» [31, с. 32]. При этом, в анализе 193 публикаций Scopus упоминающих в исследовании метавселенную, Е.В. Шкарупета, В.Б. Колесникова, О.М. Белянцева отмечают корреляцию понятия с виртуальными мирами: «о понятие «метавселенная» в существующих публикациях, в основном, коррелируется с виртуальными мирами и обучающими системами» [33, с. 108]. Ключевыми отличиями метавселенной от виртуальных миров считается ее открытость, общий доступ и постоянство, что последнее раскрывается А.С. Южно следующим образом: «Метавселенная никогда не «приостанавливается» и не «заканчивается», а просто продолжается до бесконечности» [35, с. 9]. При этом А.С. Южно раскрывает метавселенную как «сеть виртуальных миров»: «устойчивую сеть постоянных иммерсивных виртуальных миров» [35, с. 9]. Также М.С. Ситников определяет метавселенную как «виртуальное пространство»: «иммерсивное виртуальное пространство, имеющее собственную соци-

альную и экономическую системы» [22, с. 205]. По нашему мнению, наиболее точное определение метавселенной формулируется Сбер университетом: «Метавселенная - постоянно действующее пространство, объединяющее физическую и цифровую реальность, в которой пользователи могут взаимодействовать друг с другом посредством цифровых аватаров» [15, с. 21]. Стоит отметить, что сущность метавселенной находится в прямой зависимости от разнообразия существующих проектов метавселенных (игрового пространства, образовательного пространства, государственного пространства, метавселенной анонсированной Марком Цукенбергом и т.д.) и используемой в ней технологии (технология распределенного реестра, технологии искусственного интеллекта, квантовых технологий и т.д.). Так, например, отсутствие идеальной метавселенной из-за технологических ограничений указывается Сбер университетом: «Для реализации идеальной метавселенной необходимо множество технологий, и некоторые из них пока недоступны» [15, с. 27]. Сбер университетом выделяют 4 вида технологий для создания метавселенной, в основу которой входят 10 элементов, расположенных по степени важности:

1. Энейблеры: 1) Платежи и монетизация (экономика метавселенной - возможность «производить» и «потреблять» блага» [3, с. 230]); 2) Идентификация (цифровая идентификация, аватары, социальные графы); 3) Безопасность, конфиденциальность, администрирование (управление данными и их безопасность, модерация контента);
2. Инфраструктура и оборудование: 4) Инфраструктура (облачные провайдеры, сети и т.д.); 5) Устройства, операционные системы, аксессуары (смартфоны, десктопы, умная одежда, умные часы);
3. Платформы: 6) 3D-платформы разработки (набор инструментов для разработки 3D-приложений); 7) Доступ и поиск (браузеры, магазины и витрины приложений);
4. Контент и опыт: 8) Виртуальные миры (пространства, в которых пользователи могут взаимодействовать между собой, в том числе юридические лица [32, с. 3406]); 9) Приложения (для конкретного использования метавселенной); 10) Контент (участника, разработчика, пользователя).

Стоит отметить, что экономика метавселенной возглавляет технологическую основу метавселенной. А.И. Овчинникова и П.И. Ширинских ссылаясь на исследования [2, с. 24] отмечают функционирование экономики преимущественно во всех метавселенных: «... на 2018 г. 95,83 % вселенных построены на собственности и имеют экономическую самостоятельность, обладают своей валютной системой...» [16, с. 30]. Представители McKinsey настаивают на возможности достижения экономического эффекта от внедрения метавселенных к 2030 г. в 5 трлн. долл [34, с. 109]. По мнению специалистов крупнейшего международного банка «Citibank», к 2030 г. общий объем рынка метавселенных может исчисляться в пределах от 8 до 13 трлн долл [21, с. 55]. С.В. Федоренко отмечает: «Многие эксперты говорят о том, что в течение ближайших 5-7 лет стоимость метавселенной будет сопоставима с ВВП Японии» [28, с. 57]. К числу наиболее популярных платформ, называемых метавселенными, можно отнести, в частности, «Horizon Worlds», «Decentraland», «The Sandbox», «Otherside», «NFT Worlds», «Somnium Space» [21, с. 54]. М.С. Ситников ссылаясь на статистические данные от зарубежных исследователей указывает следующее: «общая капитализация рынка виртуальной недвижимости во всех прототипах метавселенных за 2022 г. исчисляется более чем 1,4 млрд долл» [21, с. 54]. А.И. Овчинникова и П.И. Ширинских ссылаясь на данные международной медиа-компании «CNBC» определяют объем инвестиций в метавселенные: «Продажи виртуальной недвижимости в метавселенных превысили 500 млн долл. в 2021 г.» [16, с. 30]. По данным А.И. Чигрина и Д.А. Панкова за 2021-2022 года в метавселенной была продана недвижимость на сумму 10,4 млн. долларов [31, с. 34]. Как отмечают А. И. Чигрина, Д. А. Панков: «чтобы купить недвижимость в метавселенной на этой платформе, сначала придется купить конкретный токен» [31, с. 34]. Таким образом, собственность, в частности недвижимость в метавселенной представляет собой цифровой финансовый актив, в частности токен. Платежи в метавселенной осуществляется централизованной или децентрализованной цифровой валютой, преимущественно криптовалютой [31, с. 33]. По этому аспекту А.И. Чигрина и Д.А. Панков отмечают следующее: «Криптовалютные виртуальные миры создали многомиллионный первичный и вторичный рынки для создателей и владельцев активов, устранив контроль над капиталом и открыв свои цифровые границы для свободного рыночного капитализма» [31, с. 31]. Так, метавселенная в рамках финансового аспекта, по мнению Т.Н. Флигинских представляет собой: «систему финансовых отношений в процессе становления нового технологического уклада, роста капитала высокотехнологического сектора путем функционирования экосистем цифрового бизнеса, обеспечивающего стремительный рост доходности и монополизацию экономической и общественной жизни» [30, с. 166]. Функционирование экономики метавселенной способствуют ряд технических решений: 1) использование цифровой валюты (криптовалюта MANA для Decentraland или криптовалюта Ethereum (ETH) или Solana (SOL); 2) децентрализованные финансы (DeFi) (Децентрализованные биржи позволяют пользователям торговать внутриигровыми предметами, а кредитные платформы – брать кредиты под залог своей виртуальной земли); 3) NFT (Участники могут приобретать NFT у других создателей и приносить их в другие виртуальные миры для демонстрации или продажи); 4) децентрализованное управление (Позволяет глобальной сети пользователей метавселенной самостоятельно определять правила своего коллективного виртуального пространства); 5) децентрализованное облако (Высокотехнологичные решения предоставляют мирам метавселенной децентрализованные инфраструктурные решения для хранения данных); 6) самостоятельная идентификация (Данные об интернет-репутации монет с других платформ могут передаваться в метавселенные и использоваться для идентификации или оценки кредитоспособности) [31, с. 31]. Важно отметить, что в основу финансов метавселенной входят цифровые финансы (цифровые финансовые активы и цифровые валюты), что является ключевой особенностью финансовых отношений в метавселенных.

Исходя из вышеуказанных факторов, государства заинтересованы в реализации цифровой финансово-правовой политики по лидерству в финансово-правовом регулировании цифровых финансов (цифровые финансовые активы, цифровая валюта и т.д.). Данный факт подтверждается И.А. Бронниковым и А.С. Беденковым: «Уже в ближайшие годы метавселенные станут ключевым фактором в области создания на-

циональных стратегий Японии, Республики Кореи и Китая ... Правительства рассматриваемых государств осознают важность внедрения передовых технологий в цифровой гонке, а стремление занять лидирующие позиции в данном направлении уже отражено во многих принятых ими стратегических документах» [3, с. 224]. Г.А. Сорокина и Ф.Н. Гуров отмечают: «на сегодняшний день большинство франшиз в сфере метавселенных создаются в США, европейских странах и Китае ... Наша страна здесь вступает в глобальную технологическую конкуренцию» [23, с. 11]. С.П. Федоренко также отмечает борьбу государств за лидерство в юрисдикции метавселенной [28, с. 59]. Далее мы представим общую характеристику и ключевую особенность проводимыми государствами цифровой финансово-правовой политики по обеспечению лидерства в финансово-правовом регулировании.

Цифровое лидерство Кореи подтверждает рейтингом Digital Evolution Scorecard за 2020 год, согласно отчету, Корея отличается высоким уровнем цифровизации государственного сектора, вложениями в развитие инноваций и стремительным развитием экономики [3, с. 239]. Сегодня Корея – первая в мире страна, которая на уровне государства начала разрабатывать официальную стратегию развития метавселенной (Metaverse Seoul), в создаваемой метавселенной граждане могут получать официальные документы, оставлять жалобы и уточнять информацию в области налогообложения [3, с. 239]. Активные разработки ведутся в области цифровых валют, тестирование которых уже завершено Банком Кореи [3, с. 240]. Лидерство в финансово-правовом регулировании метавселенной осуществляется за счет нормативно-правовых актов и актов мягкого права в рамках программных документов: 1) стратегия развития электронного правительства; 2) ежегодный генеральный план развития электронного правительства; 3) стратегия развития умного правительства; 4) генеральный план развития умного правительства; 5) план содействия экономики данных и искусственного интеллекта; 6) генеральный план по развитию блокчейна и т. д. [3, с. 239]. Как отмечает М.С. Ситников: «... первоочередное направление развития финансовой политики Южной Кореи в области метавселенных видится в определении четкой и недвусмысленной природы криптовалюты как легитимного средства платежа» [22, с. 207].

Р.Г. Мальсагова отмечает начало развития метавселенных Китая в 2010 году: «... когда начали регистрироваться первые компании, декларирующие разработку метавселенной как один из видов своей деятельности» [13, с. 95]. В 2022 году администрация Шанхая опубликовала стратегию развития метавселенной с прогнозируемым общим объемом 52 млрд долларов к концу 2025 года [3, с. 237]. Как отмечают И.А. Бронников и А.С. Беденкова: «Стратегия вбирает ряд направлений в области цифровой трансформации государственного управления и предоставления услуг ... Важными разделами стратегии являются укрепление организационного лидерства (развитие сотрудничества, продвижения и координации метавселенной)» [3, с. 237]. Реализация цифровой финансово-правовой политики в рамках стратегии развития метавселенной в Китае проводится за счет бюджетного и внебюджетного финансирования отечественных компаний развивающих метавселенные. Так, бюджетное финансирование метавселенных согласно стратегии развития цифровых технологий города Шанхая до 2025 года составляет \$52 млрд [13, с. 96]. Согласно данным Zhiyan Consulting, с января по апрель 2022 года объем внебюджетного финансирования китайского рынка метавселенной составил 8,12 млрд юаней [3, с. 238]. Концепцию китайской метавселенной отличает главным образом то, что она зависит от централизованного блокчейна, принадлежащего китайскому правительству [3, с. 238]. Разработкой общей концепции, а также развитием законодательства уже занялся новый комитет по метавселенной – Metaverse Industry Committee, о создании которого было объявлено государственной организацией China Mobile Communications Association [3, с. 238]. В Университете Гонконга (Hong Kong University of Science and Technology) уже проводят занятия в виртуальных классах и планируют открыть метаверситет [15, с. 30].

Япония в рамках анализа собственной цифровой финансово-правовой политики, отметив внушающие перспективы метавселенной, рынок которой в ближайшие годы превысит 1 трлн йен, определила две проблемы препятствующих обеспечению лидерства Японии в финансово-правовом регулировании: 1) расплывчатые правила; 2) чрезмерный налоговый гнет [3, с. 242]. Как отмечают И.А. Бронников и А.С. Беденкова: «Всего было выделено около 4 млн нормативных актов, которые нуждаются в изменении ... Особо были отмечены налоговые и нормативные вопросы, например налог на виртуальные валюты, принадлежащие корпорациям» [3, с. 242]. Таким образом, Япония исходя из ценности лидерства в финансово-правовом регулировании метавселенных перестраивает цифровую финансово-правовую политику в целях создания благоприятного финансово-правового климата метавселенным, преимущественно за счет цифровой налоговой политики в отношении цифровой валюты, как основы экономики метавселенной.

Объединенные Арабские Эмираты (далее - ОАЭ) в 2022 г. анонсировали разработку стратегии развития метавселенных в ОАЭ, в рамках проекта метагорода «SharjahVerse», которая предусматривает организацию 40 000 рабочих мест [22, с. 207]. Цифровая финансово-правовая политика ОАЭ М.С. Ситниковым оценивается как благоприятная за счет признания криптовалюты как средства платежа, инвестирования, накопления и обмена, а также за счет деятельности Управления по регулированию виртуальных активов Дубая по осуществлению контроля за оборотом криптовалюты [22, с. 207].

Европейский союз и США, при достаточно эффективной цифровой финансово-правовой политике цифровых активов и цифровой валюты, официально не объявляли о стратегии развития метавселенных. В декабря 2022 г. Европейская комиссия реализовала и профинансировала на 400 000 долларов проект «Global Gateway» [22, с. 208]. В юрисдикции США, Марком Цукенбергом анонсировано создание частной метавселенной, названного Meta (1 марта 2022 года российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации) [25, с. 15]. Возможно, Европейский союз и США реализует либеральную (диспозитивную) модель правового регулирования, в рамках делегирования развития метавселенных на частные компании, осуществляя при этом финансовый контроль цифровых активов и цифровой валюты метавселенных на основе постоянно совершенствующегося цифровой финансово-правовой политики по обеспечению лидерства юрисдикции в финансово-правовом регулировании.

Исходя из проведенного анализа проводимых различными государствами цифровой финансово-правовой политики по обеспечению лидерства в финансово-правовом регулировании метавселенных, для России актуализируется вызов в специализации финансово-правового регулирования в данном направлении. В сентябре 2022 г. с участием представителей бизнес-сообщества на базе Совета Федерации ФС РФ обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных [21, с. 60]. В 2024 году Сенатор Совета Федерации РФ А. Шейкин отмечает следующее: «создание правовых основ для регулирования взаимоотношений в пространстве метавселенных требуют инновационного подхода и гибкости со стороны законодательства» [20]. Как отмечает Сбер университет в России существуют проекты метавселенной, например, НЕЙ-МАРК MetaVerse — виртуальный образовательный центр, где слушатели из разных точек страны посещают лекции, проводят лабораторные работы и развивают цифровые проекты [15, с. 30]. В целях эффективной реализации цифровой финансово-правовой политики по обеспечению лидерства России в финансово-правовом регулировании финансовых инноваций, в частности, Н.Н. Ковалевой предлагается разработать государственную стратегию развития метавселенных [9, с. 84]. Как отмечается автором, предлагаемая государственная стратегия развития метавселенных необходима в следующих целях: «обеспечения экономического прогресса; создания условий для развития отрасли по типу регуляторных песочниц для ИИ и введения льгот, аналогичных льготам для ИТ-компаний; создание системы стандартизации и контроля качества формирования среды, создание Технического комитета под условным названием «Метавселенные в структуре Росстандарта» [9, с. 84]. Кроме того, для решения поставленных вопросов потребуется международное универсальное соглашение для правоотношений, действующих на стыке реального мира и виртуального пространства [9, с. 59]. А.Г. Дейнеко отмечает, что немалую роль в метавселенной имеет развитие криптовалют, а также задается следующим финансово-правовым вопросом: «Может ли предприниматель в метавселенной посетить налоговую инспекцию и заплатить криптовалютой налоги с заработанных средств?» [6, с. 39]. Данную возможность положительно оценивается А.В. Изотовым: «Автором обоснована необходимость внедрения и правового урегулирования онлайн-технологий участия в налоговом процессе...» [7, с. 14]. М.С. Ситников отмечает проблему при проведении налоговой политики в метавселенной с созданием «налоговой гавани» [21, с. 65]. Налоговая гавань метавселенной, которая подразумевает с собой возможность перевода хозяйственной деятельности налогоплательщика России в сферу метавселенной создает вызов для российской юрисдикции по проведению мер по деофшоризации. Одной из таких мер по угрозам офшоризации экономики метавселенной, по нашему мнению, является цифровая финансово-правовая политика метавселенной по финансово-правовому регулированию внедрения цифрового рубля и отечественного распределенного реестра (Мастерчейн - Masterchain) в метавселенную. Высокая степень заинтересованности государства в развитии третьей формы денег дает основания полагать, что для российских метавселенных именно цифровой рубль выступит в качестве их финансовой основы. Реализацию данных положений возможна в рамках акта мягкого финансового права – Стратегии развития метавселенных в Российской Федерации. Помимо акта мягкого финансового права, финансово-правовое регулирование метавселенной как одного из вида финансовой инновации может быть реализовано в нормативно-правовом акте принятым законодательным органом с целью реализации императивного метода финансового права. По нашему мнению, данный проект федерального закона может быть выражен в Федеральном законе «О финансовой политике в Российской Федерации», который отразит предмет правового регулирования финансово-правовой политики с реализацией регулятивно-статической подфункции финансового права с разработкой норм-дефиниций и норм-принципов финансовой политики по обеспечению лидерства и суверенитета России в финансово-правовом регулировании финансовых технологий и финансовых инноваций (консервативно-этико-статическая модель правового регулирования), а также с целью реализации императивного метода финансового права.

Финансово-правовое регулирование финансовых инноваций также осуществляется Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [27], который позволяет тестировать цифровые инновации в рамках экспериментальных правовых режимов (регуляторных песочниц) [4, с. 76]. В поисках оптимальных подходов к финансово-правовому регулированию метавселенных и формированию права такой финансовой инновации следует применять экспериментальные правовые режимы в сфере создания цифровых инноваций (регуляторные песочницы) [4, с. 78]. Е.А. Громова и С.А. Петренко отмечают следующее: «Отмеченная гибкость регуляторных песочниц позволит создать проактивное право, идущее в ногу с цифровизацией» [4, с. 79]. Мы предлагаем предусмотреть дополнительные компенсации и страхование ответственности цифровых аватаров субъектов экспериментального правового режима в рамках метавселенной [4, с. 79].

Таким образом, системообразующие категории финансового права

1) Предмет финансового права: Цифровые аватары как новый субъект финансового права реализует права и обязанности финансового права, а также несут финансово-правовую ответственность в метавселенной;

2) Функции финансового права: В рамках расширения предмета финансового права финансово-правовым регулированием метавселенной, реализуются функции финансового права: 1. Регулятивно-статическая подфункция финансового права в финансово-правовом регулировании финансовых технологий (сквозных технологий и технологии распределенного реестра) как основы функционирования финансовой инновации – метавселенной выраженной подзаконными нормативно-правовыми актами и актами стратегического планирования; 2. Регулятивно-динамическая подфункция финансового права в финансово-правовом регулировании финансовой технологии (искусственного интеллекта) выраженной актами мягкого финансового права - Кодекса этики искусственного интеллекта и предлагаемой Стратегии развития метавселенных в Российской Федерации. 3. Охранительная функция финансового права выражена в обеспечении защиты прав и свобод цифровых аватаров при финансовой деятельности государства в метавселенной (защита цифровых финансов цифровых аватаров российской юрисдикции); 4. Стимулирующая функция финансового права выражена в налоговой политике в отношении субъектов цифрового развития метавселенных (ИТ-компании и инноваторы), а также мер стимулирующих инновационное развитие (бюджетное и внебюджетное финансирование);

3) Метод финансового права: динамика общественных отношений при финансово-правовом регулировании финансовых инноваций, через проактивное и антефактумное финансово-правовое регулирование воздействовало на имплементацию диспозитивных элементов в метод финансового права, а также на способы финансово-правового регулирования: 1. условно-диспозитивный метод выражен в актах мягкого финансового права (Кодекс этики искусственного интеллекта и в перспективе в Стратегии развития метавселенных в Российской Федерации) при финансово-правовом регулировании метавселенных; 2. Дополнительные способы метода финансово-правового регулирования в способе правовых рекомендаций в этических актах финансового права, способа правовых поощрений субъектам института развития, в способе правового согласования защиты трансграничных прав цифровых аватаров и в договорно-правовом способе применяемый при акцепте правил пользования метавселенной; 3. Императивный метод финансового права при финансово-правовом регулировании метавселенных по мнению автора, необходимо реализовать в нормативно-правовом акте законотворчества, строго определяющего права и обязанности субъектов финансового права в рамках проактивного и антефактумного финансово-правового регулирования и воздействия – Законопроектом Федерального закона «О финансовой политике в Российской Федерации» с закреплением целей, задач и инструментов реализации финансовой политики в Российской Федерации по обеспечению финансового лидерства и суверенитета Российской Федерации, регулирую отношения, возникшие между субъектами, осуществляющими формирование финансовой политики в Российской Федерации, и лицами, осуществляющими содействие финансово-экономическому развитию на основе отечественных финансовых технологий (см. Приложение № 1);

4) Принципы финансового права: с созданием нового принципа финансового права - проекция прав и свобод физических и юридических лиц, и государственных служащих на цифрового аватара в рамках финансовой деятельности государства.

5) Финансы (динамика развития по развитию централизованных и децентрализованных денежных фондов): 1) совершенствование финансово-правового регулирования цифровых финансов в метавселенной (цифровых финансовых активов, цифровой валюты влечет к интенсивной децентрализации финансов в Российской Федерации); 2) совершенствование финансово-правового регулирования по интеграции цифрового рубля в метавселенную, что повлечет к развитию централизации финансов в Российской Федерации.

Список литературы:

- Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшкова А.А. Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика Профессия Бизнес. № 1. 2022. С. 5-12.
- Батулин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 2. С. 9–35.
- Бронников И.А., Беденкова А.С. Метавселенные и государства: вместе и порознь // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 224–250.
- Громова Е.А., Петренко С.А. Квантовое право: начало // Journal of Digital Technologies and Law. № 1 (1). 2023. С. 62-88.
- Гусева И.А., Пугачева А.С. Финансовые инновации: сущность и история // Финансовые рынки и банки. №1. 2019. С. 8-14.
- Дейнеко А.Г. Публичное право в киберпространстве (публично-правовое регулирование информационных отношений): монография. - М. : Проспект, 2023.
- Изотов А.В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 283 с.
- Ковалева Н.Н. Публичная власть и искусственный интеллект: правовое регулирование // Публичной власти в условиях современных реалий. 2022. С. 54-59.
- Ковалева Н.Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 81–84.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).
- Конференция по искусственному интеллекту // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67099> (01.11.2025).
- Лескина Э.И. Технологии метавселенной в образовании // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Пятой международной научно-практической конференции, Екатеринбург. 2023. Т. 19. С. 130-137.
- Мальсагова Р.Г. Зарубежный опыт создания и развития метавселенных на примере Китая // Финансовые рынки и банки. № 9. 2023. С. 95-103.
- Маркеев А.И., Свиридов В.А., Тюкавкин Н.М., Юсупов Р.З. Инновационное право: учебник / Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор А.В. Юдин. - Самара: Издательство Самарского университета, 2020. 308 с.
- Метавселенная: модное слово или образовательная технология будущего? // EduTech № 5 [56], 2023. 56 с.
- Овчинников А.И., Ширинских П.И. Метавселенные и право: вызовы новых технологий в условиях дальнейшего развития интернета. Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 10 (2). 2023. С. 27-34.
- Прокошин М.С. Финансовое право: теория и практика : монография / М.С. Прокошин. - Москва : ЮСТИЦИЯ, 2016. 418 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. Т. 11. 600 с.
- Рожкова М.А. Виртуальная реальность и Метавселенная: предмет правового исследования // Virtual reality and Metaverse: subject of legal research [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 12 января. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_prav (дата обращения: 01.08.2025).
- Сенатор Шейкин предложил закрепить в законе юридические понятия метавселенных // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/senator-sheykin-predlozhit-zakrepat-v-zakone-yuridicheskie-ponyatiya-metavselennykh.html> (дата обращения: 11.09.2025).
- Ситников М.С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. 2023. № 4(3). С. 51–71.
- Ситников М.С. Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных // Journal of Digital Technologies and Law. № 2 (1). 2024. С. 200-220.
- Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Метавселенная и проблемы современного образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. № 3. 2022. С. 9-23.
- Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира : монография. - Москва : Проспект, 2023. 152 с.
- Фатхи В.И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права. № 4 (103). 2022. С. 13-18.
- Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).
- Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).
- Федоренко С.П. Метавселенная как фактор трансформации правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. № 1. 2023. С. 56-61.
- Филиппов Д.И. Теория и методология оценки влияния финансовых инноваций на развитие финансового рынка: дис. ... докт. экон. наук. М. 2019. 395 с.
- Флигинских Т.Н. Этапы становления метавселенной // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем: сборник материалов X Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 15 сентября 2022 года) / под науч. ред. О.В. Вагановой, Н.Е. Соловьевой. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 165-168.
- Чигрина А. И., Панков Д.А. Виртуальная недвижимость: новый тренд или глобальная сфера? // Цифровая трансформация. 2024. Т. 30. № 1. С. 28–39.
- Шигин М.Д. Влияние метавселенной на реализацию прав и свобод юридических лиц // Столыпинский вестник. № 4 (6). 2022. С. 3403-3410.
- Шкарулета Е.В., Колесникова В.Б., Белянцева О.М. Метавселенная как пространственный цифровой двойник в Индустрии 5.0 // Экосистемы в цифровой экономике: драйверы устойчивого развития. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 96-116.
- Южно А.С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. 2022. С. 108-126.
- Южно А.С. Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // Мир новой экономики. № 16 (4). 2022. С. 6-19.

References:

- Alabina T.A., Dzangieva H.S., Yushkovskaya A.A. The metaverse as a global economic trend // Economics Profession Business. No. 1. 2022. pp. 5-12.

2. Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V. What makes virtual crimes real // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13, No. 2. pp. 9-35. 24.
3. Bronnikov I.A., Bedenkova A.S. Metaverses and states: together and apart // Ars Administrandi (The Art of Management). 2023. Vol. 15. No. 2. pp. 224-250.
4. Gromova E.A., Petrenko S.A. Quantum law: the beginning // Journal of Digital Technologies and Law. No. 1 (1). 2023. pp. 62-88.
5. Guseva I.A., Pugacheva A.S. Financial innovations: essence and history // Financial markets and banks. No. 1. 2019. pp. 8-14.
6. Deineko A.G. Public law in cyberspace (public law regulation of information relations): monograph. Moscow : Prospekt, 2023. 248 p.
7. Izotov A.V. Tax legal relations in the context of digitalization: current state and development prospects: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2021. 283 p.
8. Kovaleva N.N. Public power and artificial intelligence: legal regulation // Public power in modern realities. 2022. pp. 54-59.
9. Kovaleva N.N. Legal aspects of digital improvement of metaverses // Право. 2022. No. 5 (79). pp. 81-84.
10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: 10/27/2025).
11. Conference on Artificial Intelligence // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67099> (11/01/2025).
12. Leskina E.I. Metaverse technologies in education // Technologies of the XXI century in jurisprudence: Materials of the Fifth International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg. 2023. Vol. 19. pp. 130-137.
13. Malsagova R.G. Foreign experience in creating and developing metaverses using the example of China // Financial markets and banks. № 9. 2023. pp. 95-103.
14. Markeev A.I., Sviridov V.A., Tyukavkin N.M., Yusupov R.Z. Innovative law: textbook / The responsible editor is Doctor of Law, Professor A.V. Yudin. Samara: Samara University Press, 2020. 308 p.
15. The metaverse: a buzzword or an educational technology of the future? // EduTech No. 5 [56], 2023. 56 p.
16. Ovchinnikov A.I., Shirinskikh P.I. Metaverse and law: challenges of new technologies in the context of further development of the Internet. Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 10 (2). 2023. pp. 27-34.
17. Prokoshin M.S. Financial jurisprudence: theory and practice : monograph / M.S. Prokoshin. Moscow : JUSTITIA Publ., 2016. 418 p.
18. Pushkin A.S. The complete works: in 16 volumes. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. Vol. 11. 600 p.
19. Rozhkova M.A. Virtual reality and the Metaverse: the subject of legal research // Virtual reality and Metaverse: subject of legal research [Electronic resource] // <url>. January 12, 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/12/virtualnaya_realnost_i_metavselennaya_predmet_prav (date of appeal: 08/01/2025).
20. Senator Sheikin proposed to consolidate the legal concepts of the metaverse in the law // Parliamentary Newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/social/senator-sheykin-predlozhit-zakrepat-v-zakone-yuridicheskie-ponyatiya-metavselennyykh.html> (date of request: 09/11/2025).
21. Sitnikov M.S. Law and the metaverse: some issues of theory and practice // Digital law. 2023. No. 4(3). pp. 51-71.
22. Sitnikov M.S. Financial and legal development of public relations using digital currencies in the metaverse // Journal of Digital Technologies and Law. № 2 (1). 2024. pp. 200-220.
23. Sorina G.V., Gurov F.N. The metaverse and the problems of modern education // Bulletin of the Moscow University. Episode 20. Pedagogical education. No. 3. 2022. pp. 9-23.
24. Tikhomirov Yu.A. Laws of society and the surrounding world : monograph. - Moscow : Prospekt, 2023. 152 p.
25. Fathi V.I. Metaverses: problems of legal regulation // Philosophy of law. No. 4 (103). 2022. pp. 13-18.
26. Federal Law No. 127-F3 dated 08/23/1996 "On Science and State Scientific and Technical Policy" // Official Internet portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 10/27/2025).
27. Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) "On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of reference: 10/27/2025).
28. Fedorenko S.P. The metaverse as a factor in the transformation of legal regulation // North Caucasian Law Bulletin. No. 1. 2023. pp. 56-61.
29. Filippov D.I. Theory and methodology of assessing the impact of financial innovations on the development of the financial market: dis. ... doct. economics. M. 2019. 395 p.
30. Fliginikh T.N. Stages of the formation of the metaverse // Actual problems of the development of economic, financial and credit systems: a collection of materials from the X International Scientific and Practical Conference (Belgorod, September 15, 2022) / edited by O.V. Vaganova, N.E. Solovyova. Belgorod: Publishing House "BelSU" National Research University "BelSU", 2022. pp. 165-168.
31. Chigrina A. I., Pankov D.A. Virtual real estate: a new trend or a global scam? // Digital transformation. 2024. Vol. 30, No. 1. pp. 28-39.
32. Shigin M.D. The impact of the metaverse on the realization of the rights and freedoms of legal entities // Stolypinsky Bulletin. No. 4 (6). 2022. pp. 3403-3410.
33. Shkarupeta E.V., Kolesnikova V.B., Belyantseva O.M. The metaverse as a spatial digital twin in Industry 5.0 // Ecosystems in the digital economy: drivers of sustainable development. Saint Petersburg : POLYTECH PRESS, 2021. pp. 96-116.
34. Yukhno A.S. Overview of trends in the development of the metaverse market // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 6. 2022. pp. 108-126.
35. Yukhno A.S. The concept, features and prospects of the development of the concept of the metaverse // The world of the new economy. No. 16 (4). 2022. pp. 6-19.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_286

УДК 340.5

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ BUDGETARY LAW IN ISLAMIC COUNTRIES

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,

Ассистент и аспирант Института права Уфимского университета науки и технологий.

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович,

к.ю.н., доцент, доцент Института права Уфимского университета науки и технологий.

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

АЛМАКАЕВА Гузель Ринатовна,

Старший преподаватель Института права Уфимского университета науки и технологий.

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

ШАЙМУХАМЕТОВА Лиана Рафисовна,

старший преподаватель Института права Уфимского университета науки и технологий.

450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

ZARIPOV Shamil Rishatovich,

Assistant and PhD student at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology,

450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich,

Associate Professor, PhD in Law, Associate Professor at the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

ALMAKAEVA Guzel Rinatovna,

Senior Lecturer at the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru;

SHAIMUKHMETOVA Liana Rafisovna,

Senior Lecturer at the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology.

450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32.

E-mail: zaripovshamilrshatovich@mail.ru

Краткая аннотация: В статье раскрывается генезис, становление и развитие бюджетных отношений в исламских странах, а также её сущность через призму системообразующих категорий бюджетного права в исламских странах (предмет, функции, метод, принципы и бюджет в исламских странах). В проведенном исследовании обосновывается, что бюджетные отношения сформировались в Османской империи в 1839 г. Бюджетное право исламских стран – это целостная, динамично развивающаяся система, являющаяся практическим воплощением принципов исламской экономики в государственной финансовой деятельности.

Abstract: This article explores the genesis, formation, and development of budgetary relations in Islamic countries, as well as its essence through the lens of the system-forming categories of budgetary law in Islamic countries (subject, functions, method, principles, and budget in Islamic countries). The study substantiates that budgetary relations emerged in the Ottoman Empire in 1839. Budgetary law in Islamic countries is a holistic, dynamically developing system that is the practical embodiment of the principles of Islamic economics in public finance.

Ключевые слова: системообразующие категории, исламское финансовое право, исламское бюджетное право, бюджет исламских стран, байт-уль-мал, сукук, исламские финансы.

Keywords: systemically important categories, Islamic financial law, Islamic budgetary law, budget of Islamic countries, bayt-ul-mal, sukuk, Islamic finance.

Для цитирования: Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Бюджетное право в исламских странах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 286-291. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_286.

For citation: Zaripov Sh.R., Kuznetsov I.A., Almakayeva G.R., Shaimukhametova L.R. Budgetary law in islamic countries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 286-291. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_286.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Современное понятие «бюджет зародилось именно в Европе, так, считается, что для целей финансового права английское слово «budget» берет своё начало от старофранцузского «bougette» - небольшой мешок с деньгами, термин «bougette», согласно Словарю французского и английского языков Рэндала Котгрейва 1611 г., означал «...сундук, чемодан, ящик, отделение шкафа в котором джентльмены хранят свои деньги», в то же время есть мнение, что сам термин «bougette», сокращённо «bouge» происходит от гальского «bolg», или латинского «bulga», которые обозначали кожаный мешок [9, с. 31]. Проникновение британского и французского влияния в арабский мир сопровождалось импортом западных правовых моделей, которые вытесняли местные традиции и обычаи, особенно в сфере публичного права. Это коснулось и финансовых отношений: в современном законодательстве арабских стран, начиная с эпохи Танзимата, утвердилось заимствованное с Запада понятие «бюджет» как совокупности государственных доходов и расходов, подлежащих утверждению парламентом (при его наличии) и обязательному контролю со стороны специализированных органов. Данный принцип нашел отражение в основных законах многих государств региона, например, в

глава VII «Финансовые вопросы» Основного низама правления Саудовской Аравии от 27 шаабан 1412 г., глава V «Финансовые вопросы» Конституции Бахрейна от 14 февраля 2002 г. с поправками 2012 г., Раздел II «Финансовые вопросы» главы IV Конституции Кувейта от 11 ноября 1962 г., глава VII «Финансы» Конституции Иорданского Хашимитского Королевства от 1 января 1952 г. в редакции 2011г. и др [9, с. 33].

Исследование генезиса бюджетных отношений в арабском мире требует анализа их соотношения с традиционными финансовыми институтами. Правовая основа ранней исламской государственности, заложенная в таких актах, как Устав мединской общины «Сахифат-аль-Мадина» (622 г.), регулировала в первую очередь вопросы налогообложения и распределения средств (вир, выкуп пленных), а не формирования единой государственной казны [3, с. 93]. Налоговая система того периода во многом закрепляла доисламские практики, а обязательства вроде закята лишь постепенно обретали статус религиозного долга. С точки зрения современной теории государства, отсутствие самостоятельной системы налогов и централизованного казны не позволяет говорить о полноценной государственности в её классическом понимании. Однако, по мнению Р.Г. Газизовой Арабский халифат является первой исламской страной, сформировавшей бюджетное право с централизованной системой управления финансами [4]. Поскольку новое государство основывалось на принципах ислама, это привело к тому, что его бюджетная система с самого начала формировалась на религиозно-правовой основе, главными источниками которой выступили Коран и Сунна Пророка Мухаммада. Как следствие, ключевые финансовые институты получили не только административное, но и глубокое идеологическое обоснование. Центральным из таких институтов стала государственная казна — байт-уль-мал («дом имущества»), которая рассматривалась не как простое хранилище, а как сложный управленческий аппарат и, что важнее, как общее имущество всей исламской общины (уммы). Такой подход обусловил особую роль халифа, который, будучи наместником Бога на земле, выступал верховным распорядителем средств от имени общины. Так, переломным моментом стало учреждение при Аббасидах двух независимых казен: общегосударственной («байт ал-мал») и личной халифа («байт мал ал-хасса»). Государственная казна, доходы которой формировались за счёт налогов с провинций, направлялась на содержание аппарата власти и двора, что подробно описано в трудах современников, таких как отчёт Хилала ас-Саби [10]. Личная же казна халифа имела социальные функции, включая финансирование борьбы неверующими и помощь страждущим. Для эффективного управления этой системой была выстроена разветвленная структура байт-уль-мала, включавшая три доходных ведомства (сбор военной добычи и налогов, управление общественным имуществом, сбор закята) и восемь расходных фондов, что позволяло целенаправленно финансировать армию, государственный аппарат, социальные нужды и ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Основу доходов изначально составляли военная добыча и дань, но по мере расширения государства она дополнилась налогами, таможенными сборами и доходами от государственной собственности. Важной особенностью бюджетного процесса было отсутствие ежегодного бюджета, поскольку средства поступали и расходовались по мере необходимости, а основные статьи доходов и расходов были жестко предписаны неизменными нормами шариата, что ограничивало произвол в их распределении. Примечательно, что для покрытия дефицита государственной казны, с которым Халифат периодически сталкивался, использовались нетривиальные для того времени механизмы. В условиях запрета рибы (ссудного процента) выпуск долговых обязательств был невозможен. Вместо этого практиковались займы у купцов [8, с. 108] или использование халифом средств личной казны для пополнения государственной [9, с. 35]. Однако к X веку мощная и сбалансированная система пришла в упадок, причиной чему стало ослабление центральной власти халифов и переход реального управления к военной аристократии. В результате возросла нагрузка на бюджет из-за роста расходов на армию, что, в свою очередь, привело к увеличению налогового гнета и сокращению финансирования общественных нужд. Это вызвало социальную напряженность и народные волнения, окончательно подорвавшие стабильность финансовой системы. Таким образом, несмотря на развитый государственный аппарат и систему учёта, в период Арабского халифата так и не сформировался бюджет в его современном понимании - как единый акт, консолидирующий все доходы и расходы государства, тем не менее, классические принципы бюджетного устройства, сформированные в период расцвета Халифата, пережили его падение и легли в основу современного исламского бюджетного права, продолжая оказывать влияние на финансовые системы многих мусульманских стран.

Формирование современных бюджетных отношений в странах Арабского Востока представляет собой синтез местной правовой традиции и западной рецепции. Несмотря на то, что в период Арабского халифата, а затем и в Османской империи, были заложены фундаментальные принципы финансового управления (разделение казны, ежегодный предварительный и последующий финансовый контроль, идея сбалансированности доходов и расходов, выраженная, например, в трактате одного из великих визирей Сулеймана I Кануни Лютфи-паши «Асаф-наме» [7, с. 98]), но единый бюджет в его современном понимании так и не был создан.

Решающий переход к западной модели произошел в колониальную эпоху, инициированный реформами Танзимата в Османской империи с 1839 года. Вслед за Турцией, где первый бюджет был составлен в 1841 году, реформы были проведены в Тунисе, где Конституция 1861 года стала первым в арабском мире актом, содержащим отдельную бюджетную главу [9, с. 37]. Именно в этот период понятие «бюджета» как единого акта, устанавливающего доходы и расходы государства на год по образцу французского права, было инкорпорировано в правовые системы региона. Таким образом, рецепция западного понятия «бюджет» стала возможной благодаря двум факторам: внешнему влиянию колониальной эпохи и внутренней готовности, обеспеченной многовековым развитием финансовых институтов в арабской правовой культуре, которая создала для этой рецепции необходимый фундамент.

Бюджетное право в исламских странах формируется как комплексный элемент исламского финансового права, что обусловлено фундаментальной ролью шариата, выступающего базисом для всей экономической модели. Поскольку ислам рассматривает право, как первичную основу экономических отношений, а не наоборот, это приводит к тому, что вся финансовая система, включая бюджетную сферу, должна соответствовать его нормам. В результате источники бюджетного права включают не только светское законодательство, но и непосредственно нормы фикха, а также специальные законы о таких институтах, как закят и вафк, и официальные богословско-правовые заключения (фетвы) авторитет-

ных международных организаций, таких как ААОIFI.

Бюджетное право в исламских странах формируется на основе: 1) Шариата - основного источника законодательства в ряде мусульманских стран; 2) норм фикха, регулирующих финансовые отношения; 3) специального законодательства (например, о закяте, вакфах, государственной казне – байт ал-мал); 4) фетв авторитетных исламских институтов (например, ААОIFI, Совета Исламской академии правоповедения при ОИС) [2].

Основные принципы формирования бюджета: 1) Соответствие шариату: все доходы и расходы бюджета должны соответствовать нормам исламского права; 2) Запрет рибы (ростовщичества): запрещено использование процентных займов для финансирования дефицита бюджета; 3) Справедливость и эффективность: налоговая система должна быть построена на принципах справедливости, а средства должны расходоваться на общественные нужды. Ключевым принципом формирования бюджета является строгое соответствие шариату, что влечет за собой запрет на использование процентных займов (рибы) для финансирования дефицита. Как следствие, государство вынуждено искать альтернативные, одобренные исламом методы финансирования, такие как выпуск сукук (исламских облигаций). Налоговая система также строится на этом принципе, поэтому ее основу составляет обязательный религиозный налог закят, а другие налоги и сборы должны быть пересмотрены или отменены, если они противоречат шариату или дублируют его предписания. Это, в свою очередь, направлено на создание справедливой и эффективной фискальной системы.

Государственная казна (байт ал-мал) формируется исключительно из дозволенных источников, что обуславливает ее расходование на социально значимые цели: помощь бедным, здравоохранение, образование и инфраструктуру. При этом государство выступает не пассивным регулятором, а активным участником финансовых отношений, что вытекает из исламской концепции, где ему отводится роль надзорного органа. Для обеспечения соответствия своей деятельности шариату государство использует институт хисбы, осуществляющий контроль за экономической сферой, а также создает специализированные шариатские советы при центральных банках, которые становятся высшей апелляционной инстанцией.

Бюджетные системы исламских стран являются сложным механизмом, находящийся на стыке традиционных финансовых принципов и требований шариата. Экономическая сущность бюджета здесь определяется его ролью основного инструмента перераспределения ВВП, через него проходит более 30% национального продукта, что позволяет государству выполнять свои социальные и экономические функции [1]. Бюджетная политика становится ядром всей экономической политики, поскольку отражает баланс между фискальными потребностями государства и религиозно-этическими нормами, что, в свою очередь, предопределяет специфику формирования доходов и расходов. Например, такие традиционные для исламской финансовой системы источники, как закят, не только наполняют казну, но и выполняют функцию социального выравнивания, что соответствует принципу справедливости, заложенному в шариате.

В бюджетном праве исламских стран выделяются две функции бюджета: 1) распределительную; 2) контрольную. Распределительная функция обеспечивает направление средств на общественные нужды, а контрольная, включая шариатский надзор, гарантирует целевое и прозрачное использование ресурсов. Это особенно важно в условиях, когда доверие к государственным институтам является ключевым фактором финансовой стабильности. Однако эффективность выполнения этих функций напрямую зависит от бюджетного устройства, которое, в свою очередь, определяется государственным устройством страны. Унитарные государства, такие как большинство исламских стран, имеют двухуровневую бюджетную систему, что упрощает управление, но может ограничивать финансовую самостоятельность регионов. В федеративных государствах, например в ОАЭ или Малайзии, трёхуровневая система позволяет более гибко учитывать региональные особенности, но требует сложных механизмов координации.

Бюджетный процесс в исламских странах также отражает их политико-правовую специфику. Так, в странах с сильными традициями авторитаризма или монархическим правлением (например, Саудовская Аравия или ОАЭ) ключевые решения по бюджету часто принимаются на уровне правительства или главы государства, тогда как в странах с развитыми парламентскими институтами (например, Турция) бюджет проходит многоэтапное обсуждение и утверждение в законодательных органах. Это различие влияет на степень прозрачности и общественного контроля, что, в свою очередь, сказывается на эффективности использования средств. Например, принцип единства бюджетной кассы, принятый во многих исламских странах, позволяет централизовать управление финансами, но требует высокого уровня доверия к казначейской системе.

Ключевой проблемой для многих исламских стран остается зависимость бюджетов от нефтяных доходов, что создаёт риски в условиях колебания мировых цен. Это вынуждает правительства искать пути диверсификации доходов и повышения эффективности расходов, особенно в социальной сфере, где давление растёт из-за демографических факторов и общественных ожиданий. Кроме того, необходимость соблюдения исламских финансовых принципов ограничивает использование традиционных долговых инструментов, что стимулирует развитие альтернативных механизмов, таких как сукук (исламские облигации). В итоге бюджетные системы исламских стран демонстрируют устойчивость к внешним вызовам лишь там, где удаётся сочетать религиозные нормы с современными методами управления, обеспечивая прозрачность, подотчётность и ориентацию на общественные интересы.

В современных условиях формирование бюджетных доходов в исламских странах характеризуется дуализмом: с одной стороны, сохраняется роль традиционных налогов, а с другой — растёт зависимость от нефтяных доходов и международной помощи. Это порождает структурные проблемы, такие как резкая дифференциация между нефтедобывающими государствами (Саудовская Аравия, ОАЭ), где наблюдается профицит бюджета, и странами с ограниченными ресурсами (Египет, Иордания), которые сталкиваются с хроническим дефицитом. Например, в 2005 году госдолг Ливана достигал 170% ВВП, тогда как в Алжире он не превышал 14,8% [5, с. 112]. Низкая норма инвестиций (около 20% ВВП) и

сильная зависимость от конъюнктуры цен на нефть усугубляют уязвимость бюджетов, что вынуждает правительства искать пути диверсификации доходов и укрепления несырьевых секторов.

Ключевой особенностью бюджетных расходов является их разделение на текущие и капитальные. Текущие расходы, направленные на функционирование государственного аппарата и поддержку социальной сферы, в большинстве исламских стран составляют значительную часть бюджета, что связано с необходимостью финансирования масштабных социальных программ и субсидий. Например, в Катаре государственное потребление достигает 65% ВВП, а в Саудовской Аравии — 44%. Капитальные же расходы, ориентированные на инновации и инвестиции, часто оказываются недостаточными для обеспечения устойчивого роста, поскольку норма инвестиций в регионе редко превышает 20-25% ВВП, за исключением ОАЭ (30%). Такой дисбаланс приводит к зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков и замедлению диверсификации экономики. Структурные проблемы бюджетных расходов особенно очевидны при анализе финансирования социальной сферы. В нефтедобывающих странах Персидского залива сохраняется высокий уровень социальных гарантий, однако в менее развитых исламских государствах, включая страны СНГ, наблюдается резкое сокращение расходов на здравоохранение и образование. Например, в Таджикистане и Кыргызстане доля здравоохранения в ВВП упала до 0,91% к 2005 году против 4,5% в 1991 году, что привело к росту заболеваемости, снижению продолжительности жизни и увеличению материнской смертности. Эти негативные последствия усугубляются высоким уровнем бедности, достигающим 80% населения в некоторых регионах, а также неэффективной унаследованной от советского периода системой здравоохранения, ориентированной на стационарную помощь в ущерб профилактике. Ответом на эти вызовы становится активное международное сотрудничество. Развитые страны и международные институты, такие как «Группа восьми», Всемирный банк и Исламский банк развития, оказывают поддержку через финансирование образовательных программ, развитие микрофинансирования и содействие реформам в здравоохранении.

Управление бюджетными расходами в исламских странах осуществляется в рамках строгого соблюдения целевого характера финансирования, закреплённого на конституционном уровне (например, в ст. 53 Конституции Ирана). Это предполагает централизацию средств в казначействе и их распределение в соответствии с утвержденными статьями, хотя в исключительных случаях допускаются бюджетные трансферты и чрезвычайные ассигнования через президентские декреты. Для снижения зависимости от нефтяных доходов такие страны, как Кувейт и Оман, создают стабилизационные фонды и внедряют системы портфельного управления рисками. Таким образом, эволюция бюджетных расходов в исламских странах отражает постоянный поиск баланса между социальной ориентированностью, требованием экономической эффективности и необходимостью адаптации к глобальным вызовам.

Особенность государственного кредита и управления государственным долгом в исламских странах исходит из шариатских принципов. В основе исламской финансовой системы лежит запрет на ссудный процент (риба), что обуславливает поиск альтернативных механизмов финансирования. Как следствие, традиционная модель государственного кредита, основанная на процентных займах, заменяется партнёрскими схемами, где банки выступают не как кредиторы, а как инвесторы, разделяющие с предпринимателями риски и прибыль. Это находит практическое выражение в использовании таких инструментов, как мударба — форма доверительного финансирования, при которой владелец капитала (раб уль-маль) и управляющий (мудариб) договариваются о распределении прибыли, а убытки несёт только финансист.

Такой подход распространяется и на сферу государственного долга. Поскольку правительства исламских стран не могут привлекать займы под процент, они активно используют сукук — исламские облигации, удостоверяющие право владения долей в активе, а не долговое обязательство. Это позволяет совместить необходимость бюджетного финансирования с религиозными нормами. В результате с 2000 по 2006 год объём выпуска сукук вырос со 136 млн до 27 млрд долларов, что свидетельствует о растущем спросе на данный инструмент. Однако, несмотря на развитие внутренних рынков капитала, многие исламские страны сохраняют высокий уровень внешней задолженности. Например, в Ливане госдолг достигает 170% ВВП, в Египте - 93,6%, что связано с ограниченностью внутренних ресурсов и объективной потребностью во внешнем финансировании, особенно в условиях сырьевой зависимости и структурных дисбалансов.

Важную роль в управлении государственным долгом и регулировании финансовой системы играют механизмы контроля. В силу религиозной специфики надзор за исламскими банками осуществляется на трёх уровнях: шариатский контроль, обеспечивающий соответствие операций нормам Корана; контроль со стороны центрального банка, наделённый полномочиями проводить ревизии и приостанавливать деятельность банков; и общественный контроль, отражающий принцип коллективной ответственности. Такая многоуровневая система минимизирует риски злоупотреблений и способствует устойчивости финансовых институтов.

На международной арене ключевую роль в поддержке исламских финансов играют специализированные организации, такие как Исламский банк развития (IsDB), который финансирует проекты развития и внешнеторговые операции, а также Совет по исламским финансовым услугам (IFSB), разрабатывающий единые стандарты регулирования. Это способствует интеграции исламских стран в глобальную экономику, однако сохраняются вызовы, связанные с необходимостью согласования национальных законодательств и унификации подходов к управлению долгом. Особенно ярко это проявляется в контексте валютной интеграции стран Персидского залива, где планы по введению единой валюты требуют гармонизации фискальной и монетарной политики, что, в свою очередь, может усилить финансовую стабильность, но потребует отказа от части суверенных полномочий. Таким образом, модель государственного кредита и управления долгом в исламских странах представляет собой компромисс между требованиями религии и современными экономическими реалиями. Она демонстрирует, что даже в условиях запрета на процентное финансирование возможны эффективные механизмы мобилизации ресурсов, хотя их развитие сдерживается структурными проблемами экономики, высоким уровнем долговой нагрузки и необходимостью дальнейшей институциональной гармонизации.

Рассмотрев бюджетные отношения в исламских странах, мы приступаем к раскрытию системообразующих категорий бюджетного пра-

ва в исламских странах, которыми являются предмет, функции, метод, принципы бюджетного права и категории бюджет (в исламских странах).

Предметом бюджетного права является совокупность общественных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования централизованного государственного фонда денежных средств (бюджета) в соответствии с нормами Корана и шариата. Формирование доходов бюджета осуществляется в рамках регулирования отношений по мобилизации средств в бюджет из дозволенных (халаль) источников (закят, харадж, ушр, доходы от государственной собственности, сукук). Распределение и использование бюджетных средств (расходы) осуществляется в рамках регулирования отношений, связанных с направлением средств на общественные нужды, строго определенные шариатом (социальная помощь, здравоохранение, образование, инфраструктура, содержание государственного аппарата). Бюджетный процесс традиционно рассматривается как составление, рассмотрение, утверждение и исполнение бюджета, а также контроль за его исполнением. Государственный кредит и управление долгом рассматриваются в рамках привлечения государством средств на беспроцентной основе (через сукук) и управлению государственным долгом.

Функции бюджетного права исламских стран - это основные направления правового воздействия на бюджетные отношения в исламских странах. Распределительная (перераспределительная) функция направлена на обеспечение перераспределения валового внутреннего продукта для финансирования общегосударственных нужд [6, с. 22]. Направляя средства на социальное выравнивание, поддержку бедных, развитие инфраструктуры и других сфер, предписанных шариатом. Контрольная функция обеспечивает надзор за законностью, целевым и эффективным использованием бюджетных средств. Включает в себя не только государственный финансовый контроль, но и специфический шариатский надзор, который гарантирует соответствие всей бюджетной деятельности религиозно-правовым нормам. Это способствует укреплению доверия к государственным институтам. Регулятивная функция выражена в рамках установления правила поведения для участников бюджетных отношений, определяя их права и обязанности, создавая правовой режим для функционирования всей бюджетной системы. Регулирует поиск и применение альтернативных, одобренных исламом финансовых инструментов (сукук), стимулируя развитие специфических институтов. Стабилизационная функция направлена на поддержание макроэкономической стабильности через бюджетно-налоговые механизмы (создание стабилизационных фондов в нефтедобывающих странах, управление долгом).

Методом бюджетного права исламских стран – это совокупность приемов и способов правового регулирования бюджетных отношений в исламских странах, преимущественно императивным методом правового регулирования, который сочетается с религиозно-этическими предписаниями. Так, властные предписания выражаются в рамках деятельности государства в лице уполномоченных органов (байт-уль-мал, казначейство), которые устанавливают обязательные для всех правила формирования и распределения бюджетных средств. Ключевые статьи доходов и расходов предписаны неизменными нормами шариата (Коран, Сунна), что ограничивает усмотрение законодателя. Прямой запрет на использование определенных финансовых инструментов, например, процентных займов (риба) для финансирования дефицита бюджета. Система финансового контроля в рамках деятельности специализированных советов при центральных банках и финансовых институтах, которые следят за соответствием всех операций нормам ислама.

Принципы бюджетного права исламских стран – это основополагающие идеи и руководящие начала, определяющие сущность и содержание бюджетной деятельности. Далее перечислим и раскроем основные из них. 1) Верховенство шариата (соответствие нормам исламского права) – данный принцип включается в том, что все доходы и расходы бюджета, а также бюджетный процесс в целом должны строго соответствовать Корану, Сунне и нормам фикха. 2) Запрет рыбы (ростовщичества) - запрещено использование ссудного процента для покрытия бюджетного дефицита или в любой иной бюджетной операции. 3) Справедливость и социальная направленность - налоговая система и расходы бюджета должны быть направлены на снижение социального неравенства и поддержку нуждающихся (через закат, финансирование социальных программ). 4) Целевой и прозрачный характер использования средств - средства государственной казны (байт аль-мал) должны расходоваться строго на социально значимые цели, закрепленные в законодательстве. Деятельность должна быть прозрачной и подконтрольной. 5) Эффективность - средства должны расходоваться рационально и эффективно для достижения общественно полезных результатов. 6) Единство бюджетной системы и кассы: Во многих странах действует принцип централизации всех бюджетных средств в единой казне (казначействе) для обеспечения целостности и управляемости.

Бюджет в исламских странах представляет собой не просто финансово-правовой акт, а комплексный социально-религиозный институт, генезис и сущность которого детерминированы фундаментальными принципами шариата. Его становление исторически обусловлено возникновением ранней исламской государственности, где центральную роль играла государственная казна (байт аль-мал), концептуализированная не как пассивное хранилище, но как активный управленческий аппарат и, что принципиально, как общее достояние уммы (исламской общины). Данный подход обусловил первоначальное отсутствие бюджета в его современном, едином и ежегодном понимании, поскольку поступление и распределение средств осуществлялось по мере необходимости, а ключевые статьи доходов и расходов были жестко предписаны нормами Корана и Сунны. Следствием этой религиозно-правовой обусловленности стало то, что финансовая система Халифата, несмотря на развитый аппарат учёта, сформировала не бюджет как единый консолидирующий акт, а классические принципы бюджетного устройства, основанные на идее доверительного управления общими ресурсами. Именно эта исходная религиозно-правовая база создала необходимый фундамент для последующей рецепции западной модели бюджета в эпоху Танзимата и колониализма. Внешнее влияние, выразившееся в импорте европейской правовой модели, привело к инкорпорации в правовые системы региона понятия «бюджета» как единого акта, утверждаемого парламентом. Однако данная рецепция оказалась возможной и относительно успешной именно благодаря внутренней готовности, обеспеченной многовековым развитием автохтонных финансовых институтов, которые, будучи адаптированы, не были полностью вытеснены. В результате сформировался уникальный синтез,

где формальная модель западного бюджета была наполнена особым, исламским содержанием. Таким образом, бюджет в исламских странах является практическим воплощением принципов исламской экономики в публичной финансовой сфере, где его экономическая сущность неразрывно связана с его религиозно-этической природой как механизма обеспечения социальной справедливости и доверительного управления имуществом уммы.

Таким образом, бюджетное право исламских стран формируется как уникальное правовое образование, предметом которой являются отношения, связанные с созданием, распределением и использованием централизованного государственного фонда денежных средств, всецело подчинённые нормам шариата. Эта исходная религиозно-правовая обусловленность предопределяет специфику его метода, который представляет собой жёсткое императивное регулирование, основанное на властных предписаниях. Однако, в отличие от светских моделей, этот метод дополняется системой религиозных запретов и специализированного контроля. Ключевым следствием запрета рыбы (ростовщичество) становится невозможность использования процентных займов для финансирования дефицита, что, в свою очередь, вынуждает государство разрабатывать и внедрять альтернативные инструменты, такие как сукук (исламские облигации), основанные на принципах разделения рисков и прибыли. Такой симбиоз предмета и метода закономерно порождает особую систему принципов. Верховенство шариата выступает основополагающим принципом, который влечёт за собой два других фундаментальных начала: запрет рыбы и принцип социальной справедливости. Поскольку государственная казна (байт аль-мал) рассматривается как общее достояние уммы, её средства должны формироваться только из дозволенных источников (закят, налоги, разрешённые фикхом) и расходоваться строго на общественно значимые цели - поддержку бедных, здравоохранение, образование и инфраструктуру. Это обеспечивает реализацию функций бюджетного права. Распределительная функция обеспечивает перераспределение денежных фондов в соответствии с религиозно-этическими идеалами, направляя ресурсы на социальное выравнивание. А контрольная функция, включающая в себя не только государственный финансовый надзор, но и деятельность шариатских советов и института хисбы, гарантирует, что это перераспределение осуществляется целесообразно, прозрачно и в строгом соответствии с неизменными нормами ислама.

Таким образом, бюджетное право исламских стран – это целостная, динамично развивающаяся система, являющаяся практическим воплощением принципов исламской экономики в государственной финансовой деятельности. Его дальнейшая эволюция будет зависеть от способности адаптировать неизменные религиозные нормы к вызовам глобальной экономики, обеспечивая при этом социальную справедливость и финансовую стабильность.

Список литературы:

1. Беккин Р.И. Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты // М.: Ummah, 2003. - 283 с.
2. Беккин Р.И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 2. С. 134-144.
3. Большаков О.Г. История Халифата. 1. Ислам в Аравии (570-633) // М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. - 312 с.
4. Газизова Р.Г. Формирование и правовое регулирование исламских бюджетных отношений в Арабском халифате // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 1. С. 148-153.
5. Закирова О.М., Буланкина Е. В., Попова Е. А. Финансы (с исламской спецификой): курс лекций // Казань: ТГГПУ, 2007. - 125 с.
6. Зулкарнайн И.У. Межбюджетные отношения с позиций принципов исламской экономики // Проблемы востоковедения. № 1 (63). 2014. С. 20-25.
7. Лютфи-паша и его трактат "Асаф-наме" // Письменные памятники Востока : Ист.-филол. исслед. Ежегодник / АН СССР, Ин-т востоковедения. 1974 / [Редкол.: Г. Ф. Гирс (пред.) и др.]. -М.: Наука, 1981. - 366 с.
8. Мец А. Мусульманский ренессанс // М.: Наука, Восточная литература, 1973. - 473 с.
9. Рыжкова Е.А. Генезис понятия "бюджет" в странах Арабского Востока // Genesis: исторические исследования. № 7. 2019. С. 30-39.
10. Установления и обычаи двора халифов (Русум дао ал-хилафа) / Хилал ас-Саби : Пер. с араб., предисл. и примеч. И. Б. Михайловой. -М.: Наука, 1983. - 141 с.

References:

1. Bekkin R.I. Islamic finance in the modern world: economic and legal aspects // Moscow: Ummah, 2003. - 283 p.
2. Bekkin R.I. Islamic financial law and its role in the regulation of Islamic finance // Scientific notes of Kazan University. Humanitarian sciences series. 2013. Vol. 155, book 3, part 2. pp. 134-144.
3. Bolshakov O.G. History of the Caliphate. 1. Islam in Arabia (570-633) // Moscow: Science. Main editorial office of oriental literature, 1989. - 312 p.
4. Gazizova R.G. Formation and legal regulation of Islamic budgetary relations in the Arab Caliphate // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2013. No. 1. Pp. 148-153.
5. Zakirova O. M., Bulankina E. V., Popova E. A. Finances (with Islamic specifics): course of lectures // Kazan: TGSPU, 2007. - 125 p.
6. Zulkamay I. U. Interbudgetary relations from the standpoint of the principles of Islamic economy // Problems of Oriental Studies. No. 1 (63). 2014. Pp. 20-25.
7. Lutfi Pasha and his treatise "Asaf-name" // Written monuments of the East: Historical and philological research. Yearbook / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. 1974 / [Editorial board: G. F. Girs (chairman) and others]. -M.: Nauka, 1981. - 366 p.
8. Metz A. Muslim Renaissance // Moscow: Nauka, Eastern Literature, 1973. - 473 p.
9. Ryzhkova E.A. Genesis of the Concept of "Budget" in the Countries of the Arab East // Genesis: Historical Research. No. 7. 2019. Pp. 30-39.
10. Regulations and Customs of the Court of the Caliphs (Rusum dao al-khalifa) / Hilal as-Sabi: Trans. from Arabic, foreword and notes by I.B. Mikhailova. - Moscow: Nauka, 1983. - 141 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_292

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОПЫТА КИТАЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ STATE FINANCIAL CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF FREE ECONOMIC ZONES: IMPLEMENTING CHINA'S EXPERIENCE FOR THE RUSSIAN FEDERATION

КРОХИНА Юлия Александровна,доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин
Высшей школы государственного аудита МГУ им. Ломоносова.

119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: onkirill1987@yandex.ru;

KROKHINA Yulia Aleksandrovna,Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines,
Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.

E-mail: onkirill1987@yandex.ru

Краткая аннотация: На современном этапе развития экономических и политических связей усилилась роль территорий со специальными экономическими условиями как драйверов инноваций при одновременной возможности нивелировать незаконные санкции недружественных государств. Территории с особым финансово-правовым статусом получают значительные меры государственной поддержки, что обуславливает контроль за целевым и эффективным использованием бюджетных средств и налоговых льгот. Определяющее значение имеет нормативно-правовая база регламентации процесса осуществления государственного финансового контроля и отношений, возникающих в механизме реализации финансовой деятельности государства на территориях с особыми экономическими режимами. В Китайской Народной Республике выстроена эффективная система государственного финансового контроля за деятельностью свободных экономических зон. Изучение опыта правового регулирования и правореализации государственного финансового контроля на особых экономических территориях в Китайской Народной Республике позволили выделить ключевые решения, релевантные для внедрения в механизм правового регулирования финансового контроля в Российской Федерации.

Abstract: At the current stage of developing economic and political ties, the role of territories with special economic conditions has increased as drivers of innovation while simultaneously providing the opportunity to mitigate illegal sanctions from unfriendly states. Territories with special financial and legal status receive significant government support, which necessitates oversight of the targeted and effective use of budget funds and tax incentives. The legal framework governing the implementation of state financial control and the relationships arising within the mechanism for implementing state financial activities in territories with special economic regimes is crucial. The People's Republic of China has developed an effective system of state financial control over the activities of free economic zones. A study of the experience of legal regulation and implementation of state financial control in special economic zones in the People's Republic of China allowed us to identify key solutions relevant for implementation in the legal framework for financial control in the Russian Federation.

Ключевые слова: свободные экономические зоны, финансовый контроль, инвестиции, бюджетный контроль, налоговые льготы, преференциальные режимы, свободные экономические зоны КНР, государственный аудит КНР, финансовый контроль КНР.

Keywords: free economic zones, financial control, investment, budgetary control, tax incentives, preferential regimes, free economic zones of the People's Republic of China, state audit of the People's Republic of China, financial control of the People's Republic of China.

Для цитирования: Крохина Ю.А. Государственный финансовый контроль за деятельностью свободных экономических зон: имплементация опыта Китая для Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 292-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_292.

For citation: Krokhnina Yu.A. State financial control over the activities of free economic zones: implementing China's experience for the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 292-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_292.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2025

Одной из стран, где уровень эффективности государственного финансового контроля за расходами бюджетных ресурсов очень эффективен, является Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай).

В нынешних реалиях существует политическая неопределенность. увеличивается рост затрат на рабочую силу, в результате чего такие технологические гиганты, как HP, Dell, Microsoft, Amazon и Apple, стремятся перенести большую часть своей производственной сети за пределы Китая. Торговая война между США и КНР значительно ускорила процесс reshoring компаний за пределы Китая. Рост стоимости рабочей силы, внутренняя конкуренция, трудности с репатриацией прибыли и проблемы защиты интеллектуальной собственности – факторы, оказывающие усиленное давление на иностранные высокотехнологичные фирмы, работающие на территории Китая. Подобные условия вынуждают КНР осуществлять политику «интеграционного неопroteкционизма», включающую инструменты регуляторной и экономической политик, направленных на «привязывание» к себе рынков соседних стран одновременно с использованием их возможностей по производству и/или изменению существующих региональных договоренностей по осуществлению производственной деятельности¹. Современная экономическая политика осуществляется правительством Китая на основе «четырех стимулов» – новый шелковый путь, региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, новые свободные зоны и изменения в инвестиционном законодательстве.

Особая роль в остановке оттока высокотехнологичных компаний из-под юрисдикции КНР отводится свободным экономическим зонам (далее – СЭЗ).

В КНР первоначально легализовались преференциальные территории как особые экспортные зоны с целью концентрации в одном

¹ Сипаро К.А. Перспективы развития свободных экономических зон Дальнего Востока и сравнительный анализ развития свободных экономических зон Азии. *Инновационное развитие экономики*. 2023;(1(73)):144–149.

месте национальных предприятий - производителей экспортной продукции¹. Была выбрана модель СЭЗ, основными задачами которых были обозначены: выход к международным транспортным коридорам; создание благоприятных условий деятельности предприятий с иностранным участием, предоставление налоговых льгот и облегченный вывод прибыли².

В Китае не существует общей законодательной базы, регламентирующей в целом правовой статус, порядок создания и функционирования СЭЗ. Для каждой СЭЗ принимаются отдельные законодательные акты, максимально ориентированные на привлечение зарубежных инвесторов. В настоящее время по СЭЗ принято более 30 специальных нормативных актов. Местные власти имеют высокую степень самостоятельности в адаптации нормативных положений к местным условиям. Резиденты СЭЗ самостоятельны при определении сферы деятельности в рамках существующих законов и правил³.

Общая модель системы государственного управления СЭЗ в Китае представляет собой сложную и хорошо структурированную систему, которая состоит из нескольких ключевых работающих и не дублирующихся элементов⁴:

1. Специальная межведомственная комиссия по делам СЭЗ во главе с представителем Госсовета КНР. В состав комиссии входят представители

Министерства финансов, Министерства строительства, Главного таможенного управления, Управления валютного контроля и силовых ведомств. Специальная межведомственная комиссия по делам СЭЗ формирует основные политические установки в отношении создания и поддержки развития СЭЗ и контролирует их выполнение⁵. Специальной межведомственной комиссии подчинены комитеты по управлению СЭЗ на региональном уровне.

Специальная межведомственная комиссия выполняет общие функции государственного регулирования деятельности СЭЗ, формирует основные политические направления и контролирует их выполнение. Её основная организационная функция – координация деятельности различных государственных органов в области управления СЭЗ, а также обеспечение взаимодействия между федеральным и региональным уровнями управления. В регулирующем аспекте комиссия разрабатывает основные направления политики в области СЭЗ и принимает ключевые решения.

2. Комитет по управлению СЭЗ на региональном уровне – это еще один важный элемент системы. Он отвечает за практическую реализацию стратегий и политик, разработанных на национальном уровне. Комитет координирует деятельность СЭЗ на местном уровне, в то время как его регулирующая функция заключается в контроле за соблюдением законодательства и нормативов в рамках СЭЗ. Комитет выполняет организационные – разработка планов развития, рассмотрение и утверждение инвестиционных проектов, их регистрация, регулирование вопросов труда и заработной платы, образования, культуры, здравоохранения – и регулирующие функции – формирование и реализация нормативно-правовых актов, контроль за исполнением государственных программ, поддержка общественного порядка⁶.

Именно ГФК и призван обеспечить контроль за развитием и функционированием исследуемых территорий, обеспечить законность и эффективность использования бюджетных средств государственной собственности. Главы 9 и 10 Закона о бюджете КНР затрагивают осуществление финансового контроля. В соответствии с ним, ВСНП и его ПК осуществляют контроль государственного и местных бюджетов.

Собрание народных представителей любого уровня имеет право проводить расследования в отношении особо важных проблем, касающихся бюджета.

Органы власти всех уровней отчитываются об исполнении бюджета перед собранием народных представителей не менее двух раз в год.

В Китайской Народной Республике иногда органы власти меняют уже утвержденный бюджет, что зачастую приводит к увеличению расходов, долговых обязательств. В Законе о Бюджете в ст. 73 говорится о том, что в случае произвольного изменения бюджета органами власти любых уровней, расследуется административная ответственность руководителя и тех лиц, которые несут непосредственную ответственность.

Система правового регулирования в сфере контроля за финансами государства имеет большое количество законодательных и подзаконных актов, среди которых Конституция КНР, Закон КНР о бюджете, Закон КНР об аудите, а также Приказы Министерства финансов КНР. Важно отметить, что перечень можно дополнить нормативно-правовыми актами местных народных правительств, что зачастую ведет к несогласованности и бессистемности законодательства в той или иной сфере.

К проблемам в сфере правового регулирования можно также отнести закрепление одних и тех же норм права в различных источниках. Нормы, дублирующие друг друга – частое явление в законодательстве КНР.

Финансовый контроль на вышеописанных территориях осуществляет правительство КНР в лице государственных аудиторских учреждений, которые функционируют как органы финансового контроля, являясь элементами исполнительной модели государственного аудита. Дан-

¹ Чжао И., Гнатюк Г.А. Анализ потенциала будущего развития территории опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке. *Финансовые рынки и банки*. 2023;(8):99–104.

² Хуан В., Пань И. Свободные экономические зоны Китая как условие экономического роста и совершенствования государственного регулирования // *Ученые заметки ТОГУ*. 2023;14(4):156–161; Фейзуллаев М.Д. Свободные экономические зоны Китая: функционирование в современных условиях // *Тенденции развития науки и образования*. 2024;(105–5):165–170.

³ Кондратьева А.Д. Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Том 12. № 1А. С. 285–292.

⁴ Kuzubov AA, Shashlo NV, Petruk GV, Korostelev AA. Developing a Supply Chain Subsystem to Manage the Process of Obstacle Elimination for the Innovative Development of Business Entities. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018;7(5):621–631.

⁵ Ильясова М.М. Ключевые вопросы формирования и развития особых экономических зон на примере Китая. *Вестник евразийской науки*. 2021;13(6). С. 23–29.

⁶ Кондратьева А.Д. Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(1–1):285–292.

ная инстанция функционирует на основе Закона «Об аудите» Китайской Народной Республики, Положения о исполнении Закона об аудите Китайской Народной Республики и ряда стандартов аудита и других нормативных актов.

Минфин и Китайский институт сертифицированных профессиональных аудиторов (КИСПА) имеют тесную связь в рамках сотрудничества по вопросам финансового контроля и аудита в Китае. КИСПА был создан с целью улучшения качества аудита, стандартизации процедур аудита и повышения профессионализма в области аудита в Китае. Одной из главных задач КИСПА является подготовка и обучение сертифицированных профессиональных аудиторов, способных проводить качественный аудит согласно международным стандартам. Сотрудничество Минфина и КИСПА направлено на создание эффективной системы финансового контроля в Китае. Минфин, будучи главным органом в области государственного финансового управления, активно использует компетенцию КИСПА в области аудита для обеспечения прозрачности, законности и эффективности финансовой деятельности предприятий и организаций.

Бюро аудита в Китае играет ключевую роль в системе государственного управления и финансового контроля страны. Это государственное учреждение, ответственное за проведение аудита государственных финансов, а также экономической деятельности государственных и частных предприятий.

В соответствии с Законом об аудите в КНР, аудиторы проводят проверку бухгалтерской документации, бухгалтерских книг и отчетов, ценных бумаг. После проведения аудиторами проверки, они обязаны предоставить отчет в аудиторское учреждение. Если имеется состав уголовного преступления в действиях организации, но в отношении организации проводится уголовное расследование.

Основные функции Бюро аудита включают:

- Государственный бюджетный контроль. Бюро аудита проверяет исполнение государственного бюджета на соответствие утвержденным планам и расходам.
- Экономический аудит. Оценка финансовой деятельности предприятий с точки зрения их экономической эффективности, правильного использования ресурсов и соответствия законодательству.
- Профилактика и борьба с коррупцией. В случае выявления нарушений или несоответствий, Бюро аудита может предпринять действия вплоть до передачи материалов в правоохранительные органы.

Бюро аудита работает в тесной кооперации с другими государственными органами, такими как Минфин, для обеспечения комплексного и системного контроля за финансово-хозяйственной деятельностью в стране. Помимо своих основных функций, Бюро аудита также активно участвует в международном сотрудничестве в области аудита и контроля, обмениваясь опытом и знаниями с аналогичными учреждениями других стран.

Ключевую роль в системе контроля и надзора за деятельностью СЭЗ играют государственные аудиторские учреждения. Их основная функция – проверка финансовой и экономической деятельности СЭЗ с целью обеспечения законности,

эффективности и прозрачности. Они выполняют организационную роль в аудите и контроле деятельности СЭЗ, а также регулируют и корректируют работу зон при выявлении нарушений или неэффективности.

Система аудита в Китайской Народной Республике в последние несколько десятилетий претерпела множество изменений. В Китае существует Национальное Управление аудита, которое ответственно за формирование стратегий аудита государственных учреждений и государственных предприятий, а также китайский институт сертифицированных государственных бухгалтеров, который ответственен за проведение экспертиз, а также за публикацию руководящих принципов аудита. Хотя оба этих органа считаются независимыми, в то же время они обязаны получить одобрение от Министерства финансов перед публикацией руководящих принципов, то есть в принципе достаточно трудно говорить о независимости Национального Управления аудита и китайского института сертифицированных бухгалтеров.

Исследования ученых в области аудита в Китайской Народной Республике начались только после создания в 1982 г. Национального Управления аудита. Многие ученые в Китае полагают, что система аудита в Китае должна быть независимой от правительства. Другие считают, что несмотря на свою независимость, нынешняя система аудита наиболее подходит пути развития Китайской Народной Республики.

Стоит также отметить, что некоторые ученые полагают, что Национальное Управление аудита в Китае должно оставаться под властью Государственного совета, но при этом генеральный аудитор должен быть повышен до ранга, эквивалентного вице-премьеру¹.

Несмотря на то, что мнения относительно аудита в Китайской Народной Республике отличаются друг от друга, вносятся разные предложения, одной направленностью всех предложений служит предположение о независимости аудита.

В настоящее время все рекомендации, выпущенные Международной федерацией бухгалтеров, были приняты китайским институтом сертифицированных бухгалтеров. Принятие данных рекомендаций безусловно упростило стандартизацию аудиторских отчетов. Стоит отметить, что китайский институт сертифицированных бухгалтеров добился большого прогресса в вопросе стандартизации аудиторской практики по всей стране. В таком случае крупным международным организациям достаточно легко работать в Китае, а китайским организациям легко перенимать опыт работы международных аудиторских фирм.

С 2017 года, после опубликования «Плана развития искусственного интеллекта следующего поколения» важным шагом в развитии государственного финансового контроля за деятельностью СЭЗ стало применение контролирующими инстанциями Китая искусственного интел-

¹ Шашло Н.В. Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(2):22–30.

лекта ¹.

Как для любого процесса для государственного финансового контроля актуально определение цели и задач реализации. Общей целью ГФК на исследуемых территориях следует считать мониторинг финансовых отношений на предмет соответствия установленным нормам и стандартам, определение возможных причин отклонений и их оперативного устранения в сфере финансовых правоотношений, осуществляемых на ТОЭР.

Цель проведения ГФК на территориях с особыми экономическими режимами реализуется через его задачи, в частности:

- формирование стандартов и нормативов для системы финансовтерриторий;
- выполнение инспекционно-надзорных функций за деятельностью субъектов финансовых отношений на ТОЭР;
- разработка и усовершенствование методов и контрольных процедур, используемых при проверках на ТОЭР;
- мониторинг результатов контрольных процедур в финансовой сфере на вышеуказанных территориях;
- предупреждение нарушений финансовых стандартов деятельности субъектов СЭЗ.

Таким образом, ГФК на С Э З рассматривается как: функция финансов; функция управления финансовой системой в целях эффективного аккумулирования, распределения и использования финансовых ресурсов на ТОЭР; система государственных органов, осуществляющих контроль; деятельность разных контролирующих органов и система надзора; совокупность методических процедур соблюдения законодательства в финансовой сфере на данной территории.

С правовой точки зрения государственный финансовый контроль на территории ОЭР является урегулированной нормами права деятельностью уполномоченных органов по проверке своевременности и полноты финансового планирования, финансовой отчетности, эффективности и целевого использования бюджетных средств.

С экономико-правовой точки зрения можно сделать вывод, что ГФК - система отношений, возникающих в сфере контроля за формированием, распределением, перераспределением, целевым и эффективным использованием финансовых ресурсов СЭЗ, выявлению причин отклонений, устранения и пресечения финансовых правонарушений, повышению эффективности управления финансовыми ресурсами.

Проведенный анализ практики функционирования специальных экономических зон в Китае и модели системы государственного управления позволил выделить ключевые аспекты ГФК в КНР, которые можно использовать в качестве эффективного опыта в России.

В частности:

- первый аспект – необходимость определения четкого поля ответственности должностных лиц, поскольку одной из проблем является размытость поля ответственности, что, в конечном итоге, приводит к снижению эффективности как всей деятельности, так и контроля;
- второй аспект – персональная ответственность за выявленные злоупотребления, нарушения, низкое качество управленческих решений, причем возможность определения персонального перечня ответственных непосредственно аудитором, что позволит наложить санкции за такие нарушения;
- третьим аспектом является необходимость создания условий развития аудиторской деятельности, поскольку в отечественной практике существуют сложности в этом направлении;
- четвертым аспектом можно выделить блок, четко прослеживающийся на примере КНР – влияние обычаев и традиций на все сферы публичного управления. В частности, в КНР это элементы репутации и персонального доверия, роль которых является определяющей при принятии любых управленческих решений. С учетом мировых стандартов эти два элемента являются составляющими коррупционных действий, так как эти субъективные факторы являются неценовыми критериями при отборе партнеров из бизнеса. Но в реалиях КНР эти факторы являются элементом системы сдерживания и противовесов, так как фактически частный партнер, ценя свою репутацию и оказанное ему доверие, обеспечивает должное качество своих действий.

Подводя итог проведенного исследования, отметим, целесообразно предложить использовать в Российской Федерации опыт Китая в части правового обеспечения государственного финансового контроля на преференциальных территориях, в частности:

1. Формирование стратегии развития ГФК на СЭЗ, адаптивной к динамичным условиям и гибкостью управления на СЭЗ.
2. Разработка закона, объединяющего материальные и процессуальные нормы в единый акт – федеральный закон, регламентирующий ГФК на СЭЗ, что будет являться «идеальным» вариантом решения проблем в области ГФК на данных территориях, на базе чего будут сформулированы долгосрочная государственная финансовая политика на данных территориях. Однако в ближайшем будущем, решение данной задачи является труднореализуемым. Данную задачу возможно решить в ближайшей перспективе путем имплементации отдельных глав, отдельных норм в существующие нормативно-правовые акты. В частности, в Бюджетный кодекс, в закон о Счетной палате и стандарты Счетной палаты, в Регламент Федерального казначейства и другие законодательные акты, регламентирующие финансово-контрольную функцию государства и распределение бюджетных средств. Имплементацию необходимо провести так, чтобы прослеживалось согласование с общими правилами работы каждого государственного органа.
3. Создание развитой инфраструктуры СЭЗ.
4. Создание благоприятного инвестиционного климата на СЭЗ.

¹ Ло Хунся. Финансовые органы государства, участвующие в применении ИИ в своей деятельности в России и КНР // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7(235). с. 142-149.

5. Усовершенствование законодательно-правовой базы защиты законных прав и интересов инвесторов СЭЗ.

6. Разработка механизма ГФК на СЭЗ на основе государственно-частного партнерства.

Список литературы:

1. Сипаро К.А. Перспективы развития свободных экономических зон Дальнего Востока и сравнительный анализ развития свободных экономических зон Азии. *Инновационное развитие экономики*. 2023;(1(73)):144–149.
2. Чжао И., Гнатюк Г.А. Анализ потенциала будущего развития территории опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке. *Финансовые рынки и банки*. 2023;(8):99–104.
3. Хуан В., Пань И. Свободные экономические зоны Китая как условие экономического роста и совершенствования государственного регулирования// *Ученые заметки ТОГУ*. 2023;14(4):156–161; Фейзуллаев М.Д. Свободные экономические зоны Китая: функционирование в современных условиях // *Тенденции развития науки и образования*. 2024;(105–5):165–170.
4. Кондратьева А.Д. Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Том 12. № 1А. С. 285–292.
5. Ильясова М.М. Ключевые вопросы формирования и развития особых экономических зон на примере Китая. *Вестник евразийской науки*. 2021;13(6). С. 23–29.
6. Кондратьева А.Д. Функционирование особых экономических зон в мировой экономике на примере Китая // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(1–1):285–292.
7. Ло Хунся. Финансовые органы государства, участвующие в применении ИИ в своей деятельности в России и КНР // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 7(235). с. 142–149.
8. Шашло Н.В. Механизм правового регулирования государственного финансового контроля на преференциальных территориях: опыт Китая. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(2):22–30.
9. Kuzubov AA, Shashlo NV, Petruk GV, Korostelev AA. Developing a Supply Chain Subsystem to Manage the Process of Obstacle Elimination for the Innovative Development of Business Entities. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018;7(5):621–631.

References:

1. Siparo K.A. Prospects for the development of free economic zones of the Far East and a comparative analysis of the development of free economic zones in Asia. *Innovative economic development*. 2023;(1(73)):144–149.
2. Zhao I., Gnatyuk G.A. Analysis of the potential for future development of the territory of advanced socio-economic development in the Far East. *Financial markets and banks*. 2023;(8):99–104.
3. Huang V., Pan I. China's free economic zones as a condition for economic growth and improvement of state regulation// *Academic notes of TOGU*. 2023;14(4):156–161; Feyzullaev M.D. China's free economic zones: functioning in modern conditions // *Trends in the development of science and education*. 2024;(105-5):165–170.
4. Kondratieva A.D. Functioning of special economic zones in the global economy on the example of China // *Economics: yesterday, today, September 2022*. Volume 12. No. 1A. pp. 285–292.
5. Ilyasova M.M. Key issues of formation and development of special economic zones on the example of China. *Bulletin of Eurasian Science*. 2021;13(6). pp. 23–29.
6. Kondratieva A.D. Functioning of special economic zones in the global economy on the example of China // *Economics: yesterday, today, head of Department*. 2022;12(1-1):285–292.
7. Luo Hongxia. Financial authorities of the state involved in the application of AI in their activities in Russia and China // *Law and the state: theory and practice*. 2024. No. 7(235). pp. 142–149.
8. Shashlo N.V. Mechanism of legal regulation of state financial control in preferential territories: the Chinese experience. *Legal order and legal values*. 2024;2(2):22–30.
9. Kuzubov AA, Shashlo NV, Petruk GV, Korostelev AA. Developing a Supply Chain Subsystem to Manage the Process of Obstacle Elimination for the Innovative Development of Business Entities. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018;7(5):621–631.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВОПОЛОГАЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

THE STATE LANGUAGE AS A FUNDAMENTAL ELEMENT IN PRESERVING AND STRENGTHENING SPIRITUAL AND MORAL VALUES: LEGAL ASPECTS

МУХИН Алексей Игоревич,

аспирант Высшей школы государственного аудита
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: 3893958@mail.ru;

MUKHIN Aleksei Igorevich,

PhD student of High School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University (MSU).
1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.
E-mail: 3893958@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена правовым аспектам статуса русского языка как государственного в контексте сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Показана связь языковой политики с целями национальной безопасности и гражданской идентичности. На основе анализа конституционных положений, федерального законодательства и других нормативно-правовых актов рассматриваются механизмы правового обеспечения языкового суверенитета, стандартизации публичной речи, просветительских практик и социокультурной интеграции. Обозначены риски чрезмерных заимствований и цифровой среды, предложены направления совершенствования регулирования и правоприменения. Новизна заключается в комплексной интерпретации «духовно-нравственных ценностей» как юридически значимой категории языковой политики и в формулировании практических мер.

Abstract. The article examines the legal aspects of Russian as the state language in the context of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values. It demonstrates the link between language policy, national security, and civic identity. Based on an analysis of constitutional provisions, federal legislation, and other normative legal acts, the paper explores legal mechanisms for safeguarding language sovereignty, standardizing public discourse, promoting educational outreach, and fostering sociocultural integration. It identifies risks associated with excessive borrowings and the digital environment, and proposes directions for improving regulation and law enforcement practices. The novelty lies in a comprehensive interpretation of «spiritual and moral values» as a legally relevant category of language policy and in the formulation of practical measures.

Ключевые слова: государственный язык; русский язык; духовно-нравственные ценности; национальная идентичность; языковая политика; правовое регулирование; языковой суверенитет; публичная речь.

Keywords: state language; Russian language; spiritual and moral values; national identity; language policy; legal regulation; language sovereignty; public discourse.

Для цитирования: Мухин А.И. Государственный язык как основополагающий элемент сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_297.

For citation: Mukhin A.I. The state language as a fundamental element in preserving and strengthening spiritual and moral values: legal aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_297.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025

Актуальность темы настоящей работы заключается в существующей проблеме размывания национальной идентичности россиян, как носителей памяти многовековых традиций предков, путем внедрения в культуру чуждых идей и смыслов.

Сегодня, в эпоху цифровой трансформации, глобальных экономических и культурных кризисов данный вопрос стал, как никогда, важен. Учитывая интересы обеспечения национальной безопасности и стратегического развития, в текущий период глобализации, необходимо обратить особое внимание на вопросы коммуникации между людьми.

Очевидно, что национальная идентичность и язык непосредственно влияют на формирование публичного и частного самосознания. Именно в общности культурных переживаний и общения на родном языке формируется - единый культурный код. Язык, во многом не только средство общения между индивидами, но и социальная основа, отражающая историю и наследие народа. Для каждого человека он и инструмент самовыражения и понимания себя в обществе. Основопологающим аспектом единства является умение взаимодействовать на родном языке, которое воспитывается человеком с детства и в большей степени - в семье. Умение общаться на одном языке открывает для человека уникальные возможности, включая способность участия в культурной жизни общества и передачи накопленного опыта. Таким образом, язык становится культурным символом, принадлежащим определенной культуре и этносу.

Всеобщее бережное использование и сохранение языкового наследия направленно на устойчивое развитие любого государства, так как оно неразрывно связано с историей, культурой и наукой. Так, относительно недавние конституционные изменения 2020 года закрепили новые категории, в числе которых указаны: многообразие этносов, культуры и языка - данное положение продиктовано стратегическим государственным интересом - гарантировать обществу и гражданам права в языковой отрасли, а также закрепить принципиальный характер вопроса единства по данному направлению.

Русский язык является государствообразующим, что отражено в статье 68 Основного закона, таким образом, вопрос его сохранения является приоритетным. Более того, в статье 6 Конституции РФ [1] зафиксированы основы гражданской идентичности, в статье 26 закреплена гарантия выбора языковой принадлежности, а статьей 19 обеспечивается национальное единство - путем равенства каждого вне зависимости от его пола, расы и религиозной принадлежности. В научной литературе подчеркивается, что конституционно-правовой статус языка задаёт рамки

для всей языковой политики, включая федеративные и многоязычные контексты [2].

Для поддержания языковой независимости, в преамбуле Федерального закона от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [3] особое место уделено вопросу защиты и развития отечественной языковой культуры. Язык представляет из себя механизм коллективного образа мысли и рефлексии. Такое понимание не является новым, ведь на всем протяжении формирования общества язык был, есть и будет неотъемлемой частью социально-культурного взаимодействия. Сохранение единства национальной коммуникации является продолжением вопроса обеспечения языкового суверенитета, так как единство достигается путем долголетнего обретения народной духовности, то есть общего понимания культурности, нравственности, традиционности.

Этимология слова - язык означает «узы», «союз» и традиционно выступает в качестве инструмента общения между всеми людьми, заселяющими ту или иную территорию. Опираясь на признаки любого государства – оно в первую очередь состоит из населения, проживающего на определенной территории. В процессе общения между субъектами складываются определенные традиции, каноны, формируются общественные институты и тем самым создаются общественные ценности и именно язык, в своем фундаментальном понимании, является результатом народного творчества, неразрывно связывающего поколения.

Понимание термина «традиционные ценности» как этические ориентиры, формирующие мировосприятие граждан, передаваемые из поколения в поколение, представляют из себя основу гражданской самобытности и единства нашей страны, что было впервые сформулировано в Указе Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4]. Особое внимание в данном определении обращено на такие фундаментальные понятия как: нравственные ориентиры, мировоззрение, идентичность, гражданское единство. Так, в настоящее время, к сожалению, нет единого правового понимания данных терминов, что может обуславливать появление разрозненности в правотворческой деятельности. В связи с чем, представляется необходимым отметить, что язык является одной из составляющих института традиционных ценностей для сохранения и обеспечения которого, требуется также не забывать о противодействии существенному количеству угроз. В том числе, для решения указанной стратегической задачи были изданы - Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» разъясняющий вопросы государственной политики по обеспечению фундаментальных основ российского общества и Указ Президента от 19.08.2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» [5], в которых отражена необходимость осуществления определённых мероприятий в различных сферах, а также регламентирующие вопросы культурного приобщения и адаптации мигрантов к языку и культуре, принимающего их российского общества. Данные документы стратегической направленности, в первую очередь, ориентированы на поддержание и защиту жизни, достоинства, прав и свобод человека, гражданственности, гуманизма, милосердия и других фундаментальных принципов, зафиксированных в Конституции Российской Федерации.

В кризисные периоды жизни любого народа язык является определяющим элементом сохранения общественного единства, так как именно с его помощью в гражданском правосознании усиливается понимание причастности к коллективному, национальному, иными словами он выступает в качестве компонента сдерживания национальных противоречий, в связи с чем, обеспечение языковой суверенности является фундаментальной и приоритетной задачей для любого государства. В данном аспекте глобализация и миграция могут приводить к культурно языковому смешению, что в свою очередь сильно затрудняет способы решения данной задачи. С другой стороны, развитию и сохранению языковой суверенности, в значительной степени, может помочь осуществление культурно просветительских мероприятий, так как обучение родному языку и культуре содействует пониманию наследия в разных культурных областях.

Мероприятия по сохранению языкового наследия и культурного кода не должны приводить к замыканию и неприятию других культур, необходимым видится нахождение баланса и компромисса между сохранением собственной идентичности и уважением к сторонней. Данные меры позволят способствовать формированию культурной разнообразности и устойчивости в стремительно развивающемся мире. Так, исходя из положений Указа Президента от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6] внедрение инородных идей и ценностей, а также процесс изменения образовательной системы, религиозного воспитания, искажение речи и заимствование слов — все это может привести к пагубным последствиям в виде усиления межнациональной агрессии, подрыву национального единства. В качестве защиты от данной деструктивной угрозы предлагается усилить контроль за соблюдением норм и правил современного русского языка, также важным и актуальным является усиление борьбы с распространением материалов, искажающих лексический смысл и носящих в себе идейно-ценностную экспансию. Еще одним приоритетным направлением деятельности является - недопущение распространения информации деструктивного влияния, содержащей в себе материалы пропаганды насилия, религиозной и расовой нетерпимости.

Указ Президента от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [7] определяет в качестве национальных целей развития - реализацию потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание ответственной личности. Данная проблематика неразрывно связана с просветительской деятельностью, которая, как раз, осуществляется с использованием государственного языка. В данном аспекте необходимо особое внимание обратить на терминологию и определения, использующиеся в образовании, где на сегодняшний день, наблюдается проблема размытия традиционно устоявшейся понятийной базы, путем внедрения в оборот иностранных аналогов и заменителей. В этой связи, необходимым представляется комплексный анализ действий, предложенных для устранения данной угрозы.

Смысл словосочетания «национальная идентичность» неразрывно связан с правильной трактовкой понятий «нация» и «идентичность». Так, термин «идентичность» или «тождественность» определяет личность или целую общественную группу, отличающуюся мировоззрением и каче-

ствами, присущими только данным субъектам. Под понятием «нация» понимается - исторически устойчивая группа индивидуумов, образованная на базе общего языка, культуры, психологического склада и других факторов. Данный термин, в рамках теории права, синонимичен понятию «государство». Национальная идентичность сохраняется путем симбиоза указанных понятий, именно благодаря их комплексному взаимодействию создаются условия для самосохранения государства. В ином случае и при отсутствии системности может наступать кризис социальных, культурных, политических институтов, умоляться государственный суверенитет, и как следствие наступать стагнация или деградация государства и общества.

Защита культурного и языкового многообразия всегда отличали нашу страну, что закреплено в статье 68 Конституции. Тем не менее, в условиях глобальных трансформаций данная сфера нуждается в принятии дополнительных мер поддержки. Многоконфессиональность и этнокультурное разнообразие в России, во многом достигается благодаря русскому языку, именно благодаря ему формируется духовность и идентичность русского народа. Таким образом, для реализации вышеуказанной цели стратегического развития, принято решения о внедрении информационно-образовательной платформы «национального словарного фонда» планирующего начало своего функционирования в следующем году. Данная информационная платформа была создана в целях утверждения официального источника традиционных знаний и правил современного языка. Платформа будет общедоступной и востребованной как у специалистов, так и учащихся.

Воспитательная и просветительская деятельность неразрывно связана со стремлением приобщить подрастающее поколение к чтению с самого раннего возраста и это также неотъемлемая часть наших традиций, в связи с чем, постепенная трансформация городских библиотек в «образовательные и научные центры» благотворно повлияет на данный процесс.

Еще одним из актуальных направлений защиты и поддержки государственного языка является вопрос обилия иностранной лексики в специальной и бытовой сферах. Избыточное использование аналогов в русской речи может привести к существенным проблемам в сохранении национальной идентичности. Так, неоднократно поднимался вопрос русифицирования иностранных аналогов на законодательном уровне, данная инициатива не связана с запретом всей иностранной терминологии, а связана с укреплением роли национального языка. В этой связи, Государственной думой Российской Федерации был принят закон о запрете на излишние заимствования иностранных терминов, но пока что нет четкого перечня запрещенных понятий [8].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо выделить основные направления деятельности по направлению сохранения и защиты языка как фундаментального элемента построения национальной идентичности. Здесь первостепенным является вопрос - просветительской деятельности, а также продолжение внедрения образовательных программ, направленных на изучение языка и формирования культурного наследия. В рамках реализации указанных программ целесообразным является побуждение и поощрение интереса к национальной культуре, в том числе путем проведения народных выставок, форумов, лекций. С законодательной точки зрения необходимым и актуальным является задача принятия нормативно-правовых актов, защищающих права и интересы малочисленных коренных народов, что позволит сохранить исконные традиционные языки и диалекты, кроме этого, важным видится продолжение работы над противодействием широкого внедрения деструктивной иностранной терминологии, особенно при наличии традиционных понятий и смыслов. Более того, для обеспечения скоординированной деятельности по решению имеющихся задач, необходимо учитывать вопросы сохранения и защиты всех национальных культур, а также общенациональной культуры, способствующей гражданам осознавать себя россиянами. Для решения указанной основной задачи и сохранения государственного языкового суверенитета следует выработать принципы по защите прав граждан и культуры каждой народности, приобщения мигрантов к культуре российского общества и поддержки использования русского языка в других странах.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru
2. Мочалов А. Н. Конституционно-правовое регулирование использования языков в многонациональных федерациях: уроки Бельгии и Индии // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 4.
3. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
5. Указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35. Ст. 5322.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
7. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
8. Мохов А. А. Русский язык как объект правовой охраны // Вестник РПА Минюста России. 2025. № 1. С. 41–55.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12 December 1993; as amended by the nationwide vote of 01 July 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru
2. Mochalov, A. N. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya yazykov v mnogonatsional'nykh federatsiyakh: uroki Bel'gii i Indii [Constitutional and Legal Regulation of the Use of Languages in Multinational Federations: Lessons from Belgium and India]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 2020, vol. 11, № 4.
3. Federal Law of 01 June 2005 № 53-FZ «On the State Language of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 23. Art. 2199.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 09 November 2022 № 809 «On Approving the Fundamentals of the State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. Art. 7977.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 19 August 2024 № 702 «On Providing Humanitarian Support to Persons Sharing Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 35. Art. 5322.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 02 July 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (Pt. II). Art. 5351.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 07 May 2024 № 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Further Perspective up to 2036» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 20. Art. 2584.
8. Mokhov, A. A. Russkii yazyk kak ob'ekt pravovoi okhrany [The Russian Language as an Object of Legal Protection]. Vestnik RPA Minyusta Rossii [Bulletin of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation], 2025, № 1, pp. 41–55. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-41-55>

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_300

УДК 349.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ENVIRONMENTAL ASSESSMENT OF RENEWABLE ENERGY FACILITIES

КИСЕЛЕВ Артём Николаевич,

главный юрисконсульт отдела претензионной и судебной работы
Общества с ограниченной ответственностью «Первый ДСК».
123007, Россия, г. Москва, 3-й Хорошёвский пр-д, д. 3
E-mail: art.connel@mail.ru;

KISELEV Artem Nikolaevich,

Chief Legal Counsel, Claims and Litigation Department, First DSK LLC.
3, 3rd Khoroshevsky Drive, Moscow, 123007, Russia.
E-mail: art.connel@mail.ru

Краткая аннотация: автором рассмотрены роль и значение экологической оценки в предупреждении экологического вреда. Исследованы эколого-правовые особенности экологической оценки объектов возобновляемой энергетики. Проанализированы факторы, влияющие на эффективность инструментов экологической оценки. Сформулировано предложение о необходимости поэтапного повышения уровня экологического правосознания и экологической культуры граждан и хозяйствующих субъектов, формирования в общественном сознании уважительного отношения к природе, что окажет положительное влияние на эффективность экологической оценки. Сделан вывод о том, что экологическая оценка является достаточно эффективным правовым инструментом охраны окружающей среды, обеспечивающим баланс публичных и частных интересов при реализации объектов возобновляемой энергетики.

Abstract: the author considers the role and importance of environmental assessment in the prevention of environmental harm. The ecological and legal features of the environmental assessment of renewable energy facilities are investigated. The factors influencing the effectiveness of environmental assessment tools are analyzed. A proposal has been formulated on the need for a phased increase in the level of environmental awareness and environmental culture of citizens and business entities, the formation of a respectful attitude towards nature in the public consciousness, which will have a positive impact on the effectiveness of environmental assessment. It is concluded that environmental assessment is a fairly effective legal instrument for environmental protection, ensuring a balance of public and private interests in the implementation of renewable energy facilities.

Ключевые слова: экологическое право, возобновляемая энергетика, охрана окружающей среды, экологическая оценка, оценка воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза.

Key words: environmental law, renewable energy, environmental protection, environmental assessment, environmental impact assessment, environmental expertise.

Для цитирования: Киселев А.Н. Экологическая оценка объектов возобновляемой энергетики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_300.

For citation: Kiselev A.N. Environmental assessment of renewable energy facilities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_300.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Основные направления государственной политики в области охраны окружающей среды и природопользования определены в Конституции Российской Федерации¹. В частности, предусмотрено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1 статьи 9), владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (часть 2 статьи 36). Кроме того, закреплена обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (статья 58).

Конституционные основы охраны окружающей среды и рационального природопользования находят свое дальнейшее отражение в принципах природоохранного законодательства, в частности, презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, обязанности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений о ее осуществлении и обязанности проведения в соответствии с законодательством Российской Федерации проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды. По мнению Г. А. Волкова, наиболее ясное раскрытие последнего принципа происходит именно через положения Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»² (далее – Закон об охране окружающей среды) и Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»³ (далее – Закон об экологической экспертизе), регулирующих применение таких правовых средств, как оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза⁴.

Экологическая оценка планируемой хозяйственной и иной деятельности является одним из важнейших элементов механизма охраны окружающей среды, обеспечения рационального природопользования и реализации природоохранных принципов и объединяет в себе такие правовые средства, как оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза.

Роль и значение экологической оценки в предупреждении экологического вреда неоднократно подчеркивалась в научной литературе. По мнению С. А. Боголюбова, экологическая оценка по праву является «сердцевинной природоохранного законодательства», основным инстру-

¹ Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

² СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

³ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

⁴ Волков Г.А. Презумпции в экологическом праве // Экологическое право. 2025. № 1. С. 7 - 14.

ментом охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования¹. М.М. Бринчук отмечает, что институт экологической оценки выполняет важнейшую функцию по предупреждению на стадии планирования и осуществления хозяйственной и иной экологически значимой деятельности экологического и экогенного вреда и решению иных задач охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Исследователь утверждает, что предотвращение загрязнения природной среды обходится в четыре-пять раз дешевле, чем ликвидация негативных последствий экологически необоснованных решений².

В этой связи важно обратить внимание на то обстоятельство, что экологическая оценка прежде всего – инструмент превентивного воздействия, направленный на предупреждение загрязнения и минимизацию потенциальных негативных последствий намечаемой хозяйственной и иной деятельности с учетом характера, интенсивности и степени потенциального негативного воздействия на окружающую среду через выбор наиболее оптимального способа ее реализации на стадии ее планирования или отказа от ее осуществления.

В связи с чем предлагаем детально рассмотреть отдельные элементы оценки воздействия на окружающую среду.

В соответствии со статьей 1 Закона об охране окружающей среды оценка воздействия на окружающую среду представляет собой вид деятельности по выявлению, анализу и учету прямых, косвенных и иных последствий воздействия на окружающую среду планируемой хозяйственной и иной деятельности в целях принятия решения о возможности или невозможности ее осуществления. Часть 1 статьи 32 названного Закона предусматривает, что оценка воздействия на окружающую среду проводится в отношении планируемой хозяйственной и иной деятельности, которая может оказать прямое или косвенное воздействие на окружающую среду.

Процесс проведения оценки воздействия на окружающую среду определяется Правилами проведения оценки воздействия на окружающую среду, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2024 «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду»³ и состоит из следующих этапов: проведение предварительной оценки, подготовка технического задания, проведение исследований, подготовка предварительных материалов оценки воздействия на окружающую среду, направление в органы государственной власти и (или) органы местного самоуправления уведомления о проведении общественных обсуждений, проведение общественных обсуждений и подготовка окончательных материалов с их дальнейшим размещением в открытом доступе в сети «Интернет» для ознакомления общественности.

В ходе проведения исследований по оценке воздействия на окружающую среду подлежат определению эколого-ориентированные параметры планируемой хозяйственной и иной деятельности, которые автором предлагается объединить в четыре группы.

Первая группа состоит из характеристик потребляемых природных и энергетических ресурсов в намечаемой хозяйственной и иной деятельности: сведений о потребляемых сырьевых и коммунальных ресурсах, сведений об использовании отходов производства, возобновляемых источников энергии и вторичных энергетических ресурсов.

Ко второй группе следует отнести экологические и природоресурсные характеристики территории, на которой планируется реализация намечаемой хозяйственной и иной деятельности: сведения о земельных участках и их принадлежности к определенной категории земель, анализ состояния территории и акватории в пределах таких участков, включая состояние окружающей среды, физико-географические, природно-климатические, геологические и гидрогеологические, гидрографические, почвенные условия, наличие зон с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности, а также имеющиеся воздействия на окружающую среду и отдельные компоненты природной среды и их характеристики.

Третья группа объединяет признаки прогнозируемых негативных воздействий планируемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и включает в себя выявление прямых, косвенных и иных воздействий планируемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и отдельные компоненты природной среды, воздействий отходов производства и потребления, физических факторов воздействия, воздействий на окружающую среду при возможных аварийных ситуациях, прогноз изменения состояния окружающей среды и анализ прямых, косвенных и иных прогнозируемых воздействий на окружающую среду.

Четвертая группа включает в себя комплекс мероприятий, определяемых в процессе проведения оценки воздействия на окружающую среду и направленных на снижение негативного воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, а именно: определение мероприятий, предотвращающих или уменьшающих негативные воздействия на окружающую среду, оценка их эффективности и возможности реализации, предложения по мероприятиям производственного экологического контроля, мониторинга окружающей среды, результаты исследований последствий реализации планируемой хозяйственной и иной деятельности, эффективности выбранных мер по предотвращению или уменьшению негативного воздействия.

В целом, процесс оценки воздействия на окружающую среду направлен на выявление, анализ, учет и оценку прямых, косвенных и иных последствий воздействия на окружающую среду планируемой хозяйственной и иной деятельности и принятие экологически ориентированного управленческого решения о реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности или невозможности ее осуществления с учетом общественного мнения.

Необходимо обратить внимание и на факторы, влияющие на эффективность оценки воздействия на окружающую среду. Н. В. Кичигин, анализируя причины неэффективности механизма оценки воздействия на окружающую среду, указывает на формализм процедуры, обосновываю-

¹ Боголюбов С. А. Стратегическое значение закона об экологической экспертизе / Экологическая экспертиза в современной России. Итоги и перспективы. Всероссийская конференция. Москва, 14-15 декабря 2005 г. М.: РГГУ, 2006. С. 53-58.

² Бринчук М. М. Рост ВВП и механизмы принятия экологически значимых решений // Обеспечение роста ВВП в контексте экологического права. // Журнал российского права. 2009. № 1.

³ Постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1644 «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» (вместе с «Правилами проведения оценки воздействия на окружающую среду») // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 29.11.2024.

щей заранее выбранные проектные и технологические решения, и ее восприятие бизнесом в качестве чрезмерного административного и финансового барьера, затягивающего инвестиционный процесс¹. Л. Е. Бандорин отмечает, что проведение оценки воздействия на окружающую среду государством на практике никак не контролируется². И поскольку какая-либо ответственность за не проведение оценки воздействия на окружающую среду действующим законодательством не предусмотрена, решение указанных проблем видится в поэтапном повышении уровня экологического правосознания и экологической культуры граждан и хозяйствующих субъектов и формировании в общественном сознании уважительного отношения к природе.

В отличие от оценки воздействия на окружающую среду, целью которой является принятие решения об осуществлении планируемой хозяйственной и иной деятельности и выбор вариантов ее реализации, экологическая экспертиза устанавливает соответствие документов или документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы деятельность экологическим требованиям.

Определение экологической экспертизы содержится в статье 1 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (далее – Закон об экологической экспертизе) и представляет собой установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, требованиям в области охраны окружающей среды в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду.

Перечень объектов государственной экологической экспертизы содержится в статьях 11 (объекты государственной экологической экспертизы федерального уровня) и 12 (объекты государственной экологической экспертизы регионального уровня) Закона об экологической экспертизе.

Автором проанализированы указанные положения Закона об экологической экспертизе и сделан вывод о том, что документы и (или) документация, обосновывающие создание, реконструкцию объектов возобновляемой энергетики, в ряде случаев могут являться объектами государственной экологической экспертизы федерального или регионального уровня, а именно:

- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения и в населенных пунктах в составе особо охраняемых природных территорий (пункт 1 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, относящихся к особо опасным, технически сложным и уникальным объектам, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять в границах особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения (пункт 2 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства и используемых для утилизации твердых коммунальных отходов в качестве возобновляемого источника энергии (вторичных энергетических ресурсов) (пункт 3 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства, относящихся в соответствии с законодательством в области охраны окружающей среды к объектам I категории (пункт 5 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства, предполагаемых к строительству, реконструкции в границах Байкальской природной территории (пункт 7 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства, планируемых к строительству, реконструкции в Арктической зоне Российской Федерации (пункт 8 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе);
- проектная документация объектов возобновляемой энергетики, являющихся объектами капитального строительства, строительство, реконструкцию которых предполагается осуществлять в границах округов санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов, расположенных в границах лечебно-оздоровительных местностей федерального значения, курортов федерального значения, курортных регионов (пункт 10 части 1 статьи 11 Закона об экологической экспертизе) и в иных местностях (подпункт 4.2. статьи 13 Закона об экологической экспертизе);
- проекты федеральных программ, другие документы и (или) документация, имеющие отношение к созданию, эксплуатации, использованию объектов возобновляемой энергетики, являющихся сооружениями, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, во внутренних морских водах и в территориальном море (статья 31 Федерального закона от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации»³, пункт 3 статьи 27 Федерального закона от 17.12.1998 № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»⁴, пункт 3 статьи 34 Федерального закона от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»⁵).

Анализ положений Закона об экологической экспертизе позволяет нам сформулировать универсальные критерии, сочетание которых позволяет отнести документы и (или) документацию, обосновывающие создание, реконструкцию объектов возобновляемой энергетики, к объектам государственной экологической экспертизы:

- расположение на определенной территории (например, в границах особо охраняемых природных территорий федерального значения, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, во внутренних морских водах и в территориальном море);
- отнесение объекта в соответствии с градостроительным законодательством к объектам капитального строительства (здания, строе-

¹ Кичигин Н. В. Правовое регулирование оценки воздействия на окружающую среду в России и за рубежом // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 117-123.

² Бандорин Л. Е. Проблемы применения оценки воздействия на окружающую среду // Экологическое право. 2015. № 5. С. 39 - 42.

³ СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

⁴ СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6273.

⁵ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

ния, сооружения, объекты, строительство которых не завершено) или к сооружениям (вне зависимости от капитальности таких объектов);

– эксплуатационные характеристики объекта (отнесение объекта к объектам I категории, особо опасным, технически сложным и уникальным объектам, использование объекта для утилизации твердых коммунальных отходов в качестве возобновляемого источника энергии).

В составе документов и (или) документации, подлежащих экспертизе, включаются материалы оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, которая подлежит государственной экологической экспертизе. На наш взгляд, данное требование можно рассматривать как закрепление в законодательстве способа реализации принципа обязательности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

К дефектам законодательства об экологической оценке можно отнести разобщенность ее отдельных элементов. Формально, проведение оценки воздействия на окружающую среду проводится в отношении любой планируемой хозяйственной и иной деятельности, которая может оказать прямое или косвенное воздействие на окружающую среду. На практике проведение оценки воздействия на окружающую среду не контролируется в тех случаях, когда не требуется проведение государственной экологической экспертизы. Нельзя не согласиться с мнением М. М. Бринчука о том, что экологическая экспертиза, являясь по сути своей логическим продолжением оценки воздействия на окружающую среду, должна стать заключительным этапом последней¹.

Определяющее значение экологической оценки в предотвращении негативного воздействия на окружающую среду заключается в сохранении естественных экологических систем и природных комплексов. Важно отметить, что проведение оценки воздействия на окружающую среду позволяет на стадии планирования выбрать наиболее оптимальный способ ее реализации или отказаться от ее осуществления. Препятствием для реализации объектов в области возобновляемой энергетики в случае их несоответствия требованиям в области охраны окружающей среды может являться отрицательное заключение государственной экологической экспертизы – завершающего этапа экологической оценки.

Экологическая оценка объектов возобновляемой энергетики имеет свои неочевидные преимущества. Автором определены направления, реализуемые в целях уменьшения и предотвращения негативного воздействия на окружающую среду, которые обосновывают исключительную значимость проведения оценки воздействия на окружающую среду в отношении планируемой деятельности по реализации объектов возобновляемой энергетики.

Так, при выборе территории, на которой планируется реализация намечаемой хозяйственной деятельности, осуществляется прогноз и анализ последствий, в отношении которых требования в области охраны окружающей среды определены нечетко. Например, представляется возможным проанализировать уровни теплового, шумового, вибрационного и ионизирующего воздействий на окружающую среду намечаемых к реализации объектов возобновляемой энергетики.

Кроме того, возможно спрогнозировать негативное воздействие, в отношении которого не осуществляется экологическое нормирование – опустынивание, обезлесение, заболачивание территорий, нарушение функционирования естественных экологических систем и утрата ландшафтного разнообразия – и разработать комплекс мероприятий, направленных на минимизацию таких воздействий на окружающую среду.

Наконец, при несоблюдении требований в области охраны окружающей среды отрицательное заключение государственной экологической экспертизы препятствует реализации такого объекта.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что экологическая оценка является достаточно эффективным правовым инструментом охраны окружающей среды, позволяющим обеспечить баланс публичных и частных интересов при реализации объектов в области возобновляемой энергетики. При этом сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования позволяет на этапе планирования объекта выбрать наиболее оптимальный вариант его реализации с обеспечением минимизации негативного воздействия на окружающую среду, или отказаться от осуществления такой деятельности.

Список литературы:

1. Бандорин Л.Е. Проблемы применения оценки воздействия на окружающую среду // Экологическое право. 2015. № 5. С. 39 - 42.
2. Боголюбов С. А. Стратегическое значение закона об экологической экспертизе / Экологическая экспертиза в современной России. Итоги и перспективы. Всероссийская конференция. Москва, 14-15 декабря 2005 г. М.: РГГУ, 2006. С. 53-58.
3. Бринчук М. М. Рост ВВП и механизмы принятия экологически значимых решений // Обеспечение роста ВВП в контексте экологического права. // Журнал российского права. 2009. № 1.
4. Волков Г.А. Презумпции в экологическом праве // Экологическое право. 2025. № 1. С. 7 - 14.
5. Кичигин Н. В. Правовое регулирование оценки воздействия на окружающую среду в России и за рубежом // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 117-123.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об экологической экспертизе» / Отв. ред. проф. М. М. Бринчук. – М.: Издательство БЕК, 1999. С. XI.

References:

1. Bandorin L.E. Problems of Application of Environmental Impact Assessment // Environmental Law. 2015. No. 5. pp. 39-42.
2. Bogolyubov S.A. Strategic Importance of the Law on Environmental Expertise / Environmental Expertise in Modern Russia. Results and Prospects. All-Russian Conference. Moscow, December 14-15, 2005. Moscow: RSUH, 2006. pp. 53-58.
3. Brinchuk M.M. GDP Growth and Mechanisms for Making Environmentally Significant Decisions // Ensuring GDP Growth in the Context of Environmental Law. // Journal of Russian Law. 2009. No. 1.
4. Volkov G.A. Presumptions in Environmental Law // Environmental Law. 2025. No. 1. Pp. 7-14.
5. Kichigin N.V. Legal regulation of environmental impact assessment in Russia and abroad // Journal of Russian Law. 2016. No. 5. Pp. 117-123.
6. Commentary on the Federal Law "On Environmental Expertise" / Ed. prof. M.M. Brinchuk. - Moscow: BEK Publishing House, 1999. P. XI.

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об экологической экспертизе» / Отв. ред. проф. М. М. Бринчук. – М.: Издательство БЕК, 1999. С. XI.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_304

УДК 351.756

О ПРОБЛЕМАХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE PROBLEMS OF SYSTEMATIZING MIGRATION LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

МУЗЫЧЕНКО Павел Борисович,
кандидат юридических наук, доцент Высшей школы публичного права,
Тихоокеанский государственный университет.
690035, Россия, Хабаровский край г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: Muzichenko59@mail.ru;
MUZYCHENKO Pavel Borisovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Higher School of Public Law, Pacific State University.
690035, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, st. Pacific, 136.
E-mail: Muzichenko59@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы систематизации миграционного законодательства, как одной из мер совершенствования государственной миграционной политики и управления миграционными процессами в Российской Федерации.

Abstract: The article examines the problems of systematization of migration legislation as one of the measures to improve state migration policy and management of migration processes in the Russian Federation.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, управление, миграционные правила, систематизация миграционного законодательства.

Abstract: Migration, migration processes, management, migration rules, systematization of migration legislation.

Для цитирования: Музыченко П.Б. О проблемах систематизации миграционного законодательства Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 304-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_304.

For citation: Muzychenko P.B. On the problems of systematizing migration legislation of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 304-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_304.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Президент Российской Федерации В. В. Путин 15 октября 2025 г. утвердил Концепцию государственной миграционной политики России на 2026 - 2030 годы [1]. «В Концепции указано, что рост числа мигрантов, которые приезжают на работу в Россию, сохранится до 2030 года. Это связано с потребностью в иностранных работниках. Кроме этого, в документе сказано, что появление новых вызовов и угроз национальной безопасности требует совершенствования миграционной политики. В России надо принять меры, которые будут направлены на повышение ответственности работодателей в вопросах, касающихся миграционной политики, отмечается в Концепции» [2].

Ранее, 10 октября 2025 г. на пресс-конференции по итогам государственного визита в Республику Таджикистан, Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «... Что касается миграции. ... мы заинтересованы в том, чтобы это была нужная нам рабочая сила – первое, и второе – чтобы люди и сами там жили в человеческих условиях, существовали, и, чтобы они соблюдали наши законы, правила, я всегда об этом говорю, были законопослушными гражданами...» [3].

Еще 4 декабря 2023 года на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека в режиме видеоконференции, Президент РФ В. В. Путин также говорил, что «... все мигранты, приезжающие в нашу страну, должны уважать российские законы и традиции, но и права приезжих должны соблюдаться. Глава государства обратил внимание на то, что все, что происходит в данной сфере, продиктовано интересами российской экономики, нехваткой рабочих рук. «... Но нужно этих людей готовить, - подчеркнул он. - Нам нужно такие трудовые ресурсы привлекать, которые должны быть подготовлены с языковой точки зрения, этнокультурной, должны знать наши традиции и законы - и уважать их». Мигранты должны «исполнять российские законы» [4].

«То есть миграционная проблема в Российской Федерации стала настолько актуальной, что ею занялись на самом высоком уровне. В ближайшее время следует ожидать самых решительных мер государства, направленных на противодействие массовому притоку мигрантов» [5].

«Миграции принадлежит важнейшая роль в истории человечества, с ней связаны процессы заселения, хозяйственного освоения земель, развития производительных сил, образования и смешения рас, языков и народов. Миграции имеют разнообразный характер, структуру и последствия. Они влияют на межгосударственные отношения и демографическую ситуацию, участвуют в формировании рисунка расселения и состава населения, изменяют рынок труда, его сегментацию и конкуренцию, задавая трудовой потенциал территории и способствуя социально-экономическому развитию страны и разностороннему формированию личности» [6].

Исторически безопасность всех государств формировалась под мощным воздействием внешних факторов. Несомненно, одним из них являлась миграция населения. Регулирование миграционных потоков всегда являлась основной из задач государства, она и сегодня остается важнейшей в обеспечении безопасности. Ситуация с миграцией в мире всегда была сложной, но она практически вышла из-под контроля в конце XX и начале XXI в., особенно на Европейском континенте. В последнее время из-за проведения специальной военной операции на Украине, конфликта на ближнем Востоке количество беженцев и вынужденных переселенцев увеличилоськратно и составляет уже миллионы человек.

Это привело к большому комплексу демографических, политических и экономических проблем, решение которых возможно только путем регулирования объективных миграционных процессов через улучшение их управления и контроля со стороны государства.

Еще в конце XIX в. российский юрист, публицист, преподаватель, редактор, профессор полицейского права в Московском и Юрьевском университетах, автор ряда фундаментальных трудов по юриспруденции, В.Ф. Дерюжинский указывал, что «...предполагая известным значение личной свободы, необходимость ее обеспечения и наилучшие способы к тому, полицейское право рассматривает ее с точки зрения тех ограничений, которые могут быть полагаемы праву личной свободы, в особенности праву передвижения, в целях обеспечения различных интересов государственного и общественного порядка. Существуют многие причины, по которым государство не может относиться безучастно к различным проявлениям права свободного передвижения. Известный контроль над ним представляется необходимым» [7].

В настоящее время все больше ученых Российской Федерации указывают на необходимость совершенствования применяемых государством мер в сфере управления миграцией. Очевидно, что принятие в последние годы значительного количества правовых актов, регулирующих данную сферу правоотношений, не позволило адаптировать миграционные потоки в стране применительно к государственным стратегическим интересам.

Миграционный кризис в Европе, связанный с огромным потоком беженцев и нелегальных мигрантов показал, что многие государства не готовы к правовому регулированию миграционных процессов и адекватным совместным действиям по их управлению. Неслучайно, что в Докладе о мировой миграции, изданном еще в 2020 году Международной организацией по миграции при ООН в пятой главе конкретно указано, что в мире «...становится все труднее услышать сбалансированные точки зрения в публичных дебатах по важным политическим вопросам, таким как международная миграция» [8].

В нашей стране в последние годы произошли коренные изменения в подходах к управлению миграции. В 2016 году упразднена Федеральная миграционная служба и на ее базе в структуре МВД Российской Федерации было создано Главное управление по вопросам миграции. Стоит сказать, что с 1993 года это уже пятое структурное изменение системы управления миграцией в нашей стране.

Главное управление по вопросам миграции в настоящее время осуществляет функции и полномочия по выработке и реализации государственной политики, производит нормативно-правовое регулирование, а также осуществляет правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере миграции.

Приказом МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 (ред. от 22.12.2023 г.) «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации», утверждено Положение о Главном управлении по вопросам миграции МВД Российской Федерации [9].

В 2022 году усилена уголовная ответственность за пересечение государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами, въезд которым в страну не разрешен, за фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет. Ужесточены санкции за организацию незаконной миграции [10].

Введена административная ответственность приглашающей стороны за неисполнение обязанностей по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенных иностранных граждан, за предоставление заведомо ложных сведений о цели их въезда в Российскую Федерацию при оформлении документов на въезд. В декабре 2023 г. внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях о новых правилах депортации иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации [11].

Безусловно, все происходящие реформы в этой сфере – это требование времени на конкретном этапе развития экономических и межгосударственных отношений. Ведь регулирование миграционных потоков в нашей стране в советское время осуществлялось преимущественно административными методами. Сегодня же в основе новой модели регулирования лежат методы квотирования и экономические методы.

Но, по мнению автора, имеются еще ряд проблем тормозящие преобразования в сфере миграции. Одной из таких проблем в этой области, несомненно, является слабая систематизация миграционного законодательства в целом и в частности по паспортно-визовой работе. Из-за этого мигранты, въезжающие в нашу страну, практически ничего не знают о миграционных законах и правилах обеспечивающих паспортно-визовой режим.

Автором просистематизировано федеральное законодательство, нормативно-правовые акты Правительства РФ и министерств и ведомств регулирующие эту сферу миграционных правоотношений. Исследовано более 230 федеральных законов, Указов Президента РФ, Постановлений и Распоряжений Правительства РФ, нормативно-правовых актов, приказов министерств и ведомств.

В список основных миграционно-правовых актов вошли 68 федеральных Закона, 29 Указов Президента РФ, 105 Постановлений Правительства РФ, 6 Распоряжений, 23 Приказа Министерств и ведомств. И это далеко не полный перечень документов регулирующих миграционную сферу правоотношений.

За годы проводимых реформ в России в последние десятилетия издано огромное количество правовых актов, которые регламентируют миграционные отношения. Все они изданы в разные периоды и при различных подходах нашей страны к собственной миграционной политике и поэтому они претерпели множество глобальных изменений. Например, в основополагающий федеральный закон в сфере регулирования миграционных отношений «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [12], принятый в 2002 году, в настоящее время внесены изменения 117 Федеральными законами. А в федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [13], принятого в 1996 году федеральными законами внесено 102 изменения, из них 4 изменения, по Постановлениям Конституционного Суда РФ. А ведь это только два из самых основных, из очень многих правовых актов, регулирующих миграционные правоотношения, в

которые также за последние годы внесено множество дополнений и изменений. И сегодня даже специалистам очень сложно в них ориентироваться и применять именно актуальные нормы права и действующие юридические формулировки понятий и терминов.

Множество ученых, в нашей стране начиная с 90-х годов, указывают на необходимость систематизации принятых в стране миграционных правовых актов. Так доктор юридических наук, профессор А.Н. Жеребцов еще в 2008 году в своей научной статье «Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации» [14] указывал на скорейшее принятие Миграционного кодекса. Такое же мнение в своих научных статьях высказывали ученые Т.В. Казакова [15], А.В. Степанов [16], Н.Н. Телешина [17].

Руководитель Центра публично-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России, доктор юридических наук, профессор Л.В. Андриченко в своих научных статьях также прямо ставит вопрос о принятии Миграционного кодекса. По ее мнению «...именно Кодекс позволил бы обеспечить «стягивание» всего массива законодательного регулирования в рамках единого документа, что весьма эффективно с точки зрения его применения, а также решить многие другие проблемы систематизации миграционного законодательства, способствуя не только упорядочиванию всей нормативной правовой основы, но и коренной переработке его отдельных элементов, обеспечению их согласованности, компактности, в том числе путем расчистки нормативного материала от излишних, устаревших и дублирующих себя норм» [18].

«Кодификация миграционного законодательства Российской Федерации позволит объединить в единый нормативно-правовой акт большой массив миграционно-правовых актов, что позволит упростить правореализационную практику. Анализ существующего миграционного законодательства свидетельствует о его многоплановости и достаточной разрозненности, а порой и противоречивости. На базе имеющегося нормативно-правового материала можно создать единый правовой акт, учитывающий все особенности различных миграционных потоков.

Принятие миграционного кодекса Российской Федерации позволит расширить сферу государственного регулирования миграционных потоков. Разработка кодифицированного акта в сфере миграции не должна преследовать нормативное закрепление целей, задач, программ деятельности государства в рассматриваемой сфере. Кодификация должна стать необходимым условием регулирования важнейших общественных отношений в сфере территориального перемещения населения» [19].

Однако, несмотря на явную необходимость решения этих проблем, путем надлежащей систематизации миграционного законодательства, этот вопрос до настоящего времени не решается и не рассматривается на законодательном уровне. Автор полностью поддерживает мнение всех ученых и также предлагает незамедлительно начать работу по созданию кодифицированного акта в сфере миграции – Миграционного Кодекса.

Его создание обеспечит дальнейшее совершенствование государственной миграционной политики и управления процессами миграции, что, несомненно, позволит стабилизировать миграционную ситуацию в стране и повысить безопасность государства.

Список литературы:

1. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 15.10.25 г. № 738. [Электронный ресурс]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 16.10.2025 г.).
2. Путин утвердил концепцию миграционной политики на четыре года [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.rbc.ru/society/15/10/2025/68eff65c9a794723ec47c649> (дата обращения 16.10.2025 г.).
3. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс]. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/78186 (дата обращения 16.10.2025 г.).
4. Путин рассказал, какие мигранты нужны России. [Электронный ресурс]. - URL: https://rg.ru/2023/12/04/putin-rasskazal-kakie-migranty-nuzhny-rossii.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.10.2025 г.).
5. Путин сегодня. Старт дан. Государственники выступили против массового притока мигрантов в Россию. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.putin-today.ru/archives/136562>. (дата обращения: 29.09.2025 г.).
6. Рязанцева М.В., Синицына М.О. Анализ причин усиления миграционных процессов на территориях опережающего развития Дальнего Востока // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-5. С. 936-940. [Электронный ресурс]. - URL: <https://applied-research.ru/article/view?id>. (дата обращения: 21.09.2025 г.).
7. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/deruj/01.php (дата обращения: 21.09.2025 г.).
8. Доклад о мировой миграции. [Электронный ресурс]. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доклад_о_мировой_миграции (дата обращения: 10.10.2025 г.).
9. Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 (ред. от 22.12.2023 г.). [Электронный ресурс]. - URL: https://мвд.рф/мвд/structure/1/Glavnie_upravlenija/guvm/положение-о-гувм (дата обращения: 12.10.2025 г.).
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc. (дата обращения: 12.10.2025 г.).
11. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 649-ФЗ // Рос. газ. 2023. 29 дек. № 297.
12. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) // Рос. газ. – 2002. – 31 июля (№ 140).
13. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 8.08.2024 г.) // Рос. газ. – 1996. – 22 авг. (№ 159).
14. Жеребцов А.Н. Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 13 – 18.
15. Казакова Т.В. Правовое регулирование миграционных процессов: проблемы и перспективы развития // Юридический мир. 2014. № 5.
16. Степанов А.В. Миграционное право, как новое структурное формирование в системе права Российской Федерации: за и против (анализ точек зрения) // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 32-35.
17. Телешина Н.Н. Понятие и место миграционного права в системе права Российской Федерации // Российская юстиция. М. : Юрист, 2012. № 1.
18. Андриченко Л.В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 5-15.
19. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. О необходимости и значимости кодификации миграционного законодательства Российской Федерации // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Астерион. 2023. С. 142-143.

References:

1. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030: Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025, No. 738. [Electronic resource]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed October 16, 2025).

2. Putin approved the concept of migration policy for four years [Electronic resource]. - URL: <https://www.rbc.ru/society/15/10/2025/68eff65c9a794723ec47c649> (accessed October 16, 2025).
3. Vladimir Putin answered journalists' questions [Electronic resource]. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/78186 (accessed October 16, 2025).
4. Putin explained what kind of migrants Russia needs. [Electronic resource]. - URL: https://rg.ru/2023/12/04/putin-rasskazal-kakie-migranty-nuzhny-rossii.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed October 12, 2025).
5. Putin today. The start has been given. Statists spoke out against the mass influx of migrants into Russia. [Electronic resource]. - URL: <https://www.putin-today.ru/archives/136562>. (accessed September 29, 2025).
6. Ryazantseva M.V., Sinitsyna M.O. Analysis of the Causes of Increased Migration Processes in the Advanced Development Areas of the Far East // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 6-5. pp. 936-940. [Electronic resource]. - URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id>. (Accessed: 21.09.2025).
7. Deryuzhinsky V.F. Police Law. [Electronic resource]. - URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/deryui/01.php (Accessed: 21.09.2025).
8. Report on World Migration. [Electronic resource]. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доклад_о_мировой_миграции (date of access: 10.10.2025).
9. Issues related to the activities of the Main Directorate for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 13, 2019 No. 940 (as amended on December 22, 2023). [Electronic resource]. - URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravleniya/guvvm/рейтинг-о-гувм (date of access: 12.10.2025).
10. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 14, 2022 No. 260-FZ. [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc. (Accessed: 12.10.2025).
11. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 25.12.2023 No. 649-FZ // Ros. Gaz. 2023. December 29. No. 297.
12. On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation: Federal Law of 25 July 2002 No. 115-FZ (as amended on 28.12.2024) // Ros. Gaz. - 2002. - July 31 (No. 140).
13. On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: Federal Law of August 15, 1996 No. 114-FZ (as amended on August 8, 2024 // Rossiyskaya Gazeta. - 1996. - August 22 (No. 159).
14. Zharebtsov A.N. Codification of migration legislation as a legal basis for the formation of the migration policy of the Russian Federation // Russian Justice. 2008. No. 2. pp. 13-18.
15. Kazakova T.V. Legal regulation of migration processes: problems and development prospects // Legal World. 2014. No. 5.
16. Stepanov A.V. Migration law as a new structural formation in the legal system of the Russian Federation: pros and cons (analysis of points of view) // Administrative Law and process. 2014. No. 11. Pp. 32-35.
17. Teleshina N.N. Concept and place of migration law in the legal system of the Russian Federation // Russian justice. Moscow: Jurist, 2012. No. 1.
18. Andrichenko L.V. Problems of systematization of migration legislation // Journal of Russian law. 2014. No. 12. Pp. 5-15.
19. Zharebtsov A.N., Malyshev E.A. On the need and significance of codification of migration legislation of the Russian Federation // Collection of materials of the International scientific and practical conference. St. Petersburg: Asterion. 2023. Pp. 142-143.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_308

УДК 342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПРАВОВЫЕ МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В 1970-1980 ГГ. LEGAL REGULATION OF DEMOGRAPHIC POLICY IN THE KHABAROVSK TERRITORY DURING THE SOVIET PERIOD: LEGAL MEASURES AIMED AT INCREASING NATURAL POPULATION GROWTH IN THE 1970S AND 1980S

ДОНБРОВ Глеб Константинович,

преподаватель колледжа Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: gleb-donbrov@mail.ru;

СМОЛЯРОВ Артём Сергеевич,

студент Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: smolyarov.03@mail.ru;

ИВАНОВА Анастасия Дмитриевна,

студент Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: anastasiy130356@yandex.ru;

DONBROV Gleb Konstantinovich,

College Teacher Far Eastern Institute (branch) The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Gerasimova str., 31.

E-mail: gleb-donbrov@mail.ru;

SMOLYAROV Artem Sergeevich,

Student, Far Eastern Institute (branch) The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Gerasimova str., 31.

E-mail: smolyarov.03@mail.ru;

IVANOVA Anastasia Dmitrievna,

Student Far Eastern Institute (branch) The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

680000, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Gerasimova str., 31.

E-mail: anastasiy130356@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется правовое регулирование демографической политики по повышению естественного прироста населения в 1970-1980-е годы. В рамках исследования выяснены причины политики по повышению естественного прироста населения, исследованы меры правового регулирования СССР, направленные на прирост населения в Хабаровском крае: повышение темпов рождаемости и снижения уровня смертности. Рассмотрена эффективность правовых мер по повышению естественного прироста населения: результаты и допущенные ошибки. В результате исследования выявлены направления совершенствования современного правового регулирования демографической политики России в Хабаровском крае.

Abstract: The article examines the legal regulation of demographic policy to increase natural population growth in the 1970s and 1980s. As part of the study, the reasons for the policy of increasing natural population growth were clarified, and the measures of legal regulation of the USSR aimed at population growth in the Khabarovsk Territory were investigated: increasing the birth rate and reducing the death rate. The effectiveness of legal measures to increase natural population growth is considered: results and mistakes made. As a result of the research, the directions of improving the modern legal regulation of Russia's demographic policy in the Khabarovsk Territory have been identified.

Ключевые слова: демографическая политика, правовое регулирование, Хабаровский край, естественный прирост населения, СССР, социальная политика, рождаемость, смертность, совершенствование законодательства, историко-правовой анализ.

Keywords: demographic policy, legal regulation, Khabarovsk Territory, natural population growth, USSR, social policy, birth rate, mortality, improvement of legislation, historical and legal analysis.

Для цитирования: Донбров Г.К., Смоляров А.С., Иванова А.Д. Правовое регулирование демографической политики в Хабаровском крае в советский период: правовые меры, направленные на повышение естественного прироста населения в 1970-1980 гг. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 308-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_308.

For citation: Donbrov G.K., Smolyarov A.S., Ivanova A.D. Legal regulation of demographic policy in the Khabarovsk territory during the soviet period: legal measures aimed at increasing natural population growth in the 1970s and 1980s // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 308-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_308.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Актуальность темы представленного исследования обусловлена демографическим кризисом в Хабаровском крае Российской Федерации – снижением уровня рождаемости и увеличения темпов миграции населения в западные регионы государства, что актуализирует поиск эффективных правовых механизмов по решению этой проблемы.

Объектом исследования являются меры правового регулирования Советского государства, направленные на повышение естественного прироста населения в Хабаровском крае.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью создания механизмов правового регулирования для преодоления демографического кризиса в России на основе анализа историко-правового опыта демографической политики Советского государства.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены и теоретически обоснованы особенности правового регули-

рования демографической политики Советского государства по повышению естественного прироста населения в Хабаровском крае в 1970-е–1980-е годы, установлены причинно-следственные связи между данными правовыми мерами и динамикой социально-демографических процессов в регионе. Это позволило, выявить позитивные результаты и ошибки правовой политики, разработать и научно аргументировать направления для совершенствования современного правового регулирования демографической политики в Хабаровском крае.

Целью исследования является выработка предложений по совершенствованию правового регулирования демографической политики России в Хабаровском крае с учетом исторического опыта Советского периода.

Задачи исследования:

1. Выявить причины и предпосылки проведения демографической политики Советского государства в 1970–1980-е годы.
2. Исследовать меры правового регулирования СССР, направленные на увеличение естественного прироста населения в Хабаровском крае в указанный период.
3. Проанализировать и дать оценку эффективности указанных правовых мер, выявив их позитивные результаты и ошибки.
4. На основе проведенного социолого-правового анализа сформулировать конкретные предложения и направления для совершенствования современной демографической политики в Хабаровском крае.

Согласно данным Госкомстата России в 1970 году на территории Хабаровского края проживало 1 млн 173,5 тыс. человек, из них 928,9 тыс. человек в городской местности, и лишь 263,8 тыс. в сельской местности [1].

В рассматриваемый исторический период, в 70-е–80-е гг. XX века, происходило снижение темпов миграционного прироста населения и увеличивались темпы обратной миграции в Хабаровском крае.

По данным из Планово-экономического Атласа Дальневосточного экономического района в 1975 г. прибыло в край около 90 тыс. чел., убыло свыше 80 тыс. чел., уже в 1978 г. прибыло 80 тыс. чел., а убыло 70 тыс. человек, в 1980-м году прибыло чуть больше 60 тыс. человек, убыло чуть меньше 60 тыс. человек [2].

Согласно выводам Свицкой В.В., активная демографическая политика Советского государства была вызвана устойчивым снижением рождаемости, наметившееся в 1970-х годах. В этих условиях ставка была сделана на стимулирование естественного прироста для стабилизации численности населения [3, с. 53].

Также и Сидоркина З.И. в своей научной работе отмечает, что в 1960-е–1980-е года на Дальнем Востоке происходило снижение прироста населения, уменьшалось значение организованных форм переселения, возрастал дефицит трудовых ресурсов [4, с. 13–16].

В этой связи внимание государства к естественному приросту населения был вызван объективными причинами такими как: снижение уровня рождаемости и возрастающей потребностью в трудовых кадрах на предприятиях.

В 1970-х и 1980-х гг. были приняты нормативные правовые акты (далее также – НПА), направленные на проведение указанной политики, разделим их на две группы: 1) направленные на повышение рождаемости; 2) направленные на снижение смертности населения.

Одним из первых НПА по повышению рождаемости является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1974 г. № 312-IX «О введении пособий на детей малообеспеченным семьям». Согласно Указу, право на детское пособие получали семьи со средним доходом на человека не выше 50 рублей в месяц [5].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.12.1983 г. для семей, проживающих на Дальнем Востоке, пособие на детей выплачивалось при условии, что средний доход на одного члена семьи не превышал 75 рублей [6].

Размер же пособия составлял 12 рублей в месяц на каждого ребенка до достижения им 8-летнего возраста.

Расширенный пакет льгот, пособий и социальных гарантий был установлен Постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1981 года № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [7]:

1. Предоставлялся для работающих матерей частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста до одного года, а также отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком полутора-двух лет. А многодетным матерям – дополнительный трехдневный отпуск и право на получение ежегодного отпуска в любое удобное время.
2. Осуществлялось строительство и развитие детских учреждений: яслей, детских садов, школ, пионерских лагерей и др.
3. Для женщин создавались условия, позволяющие совмещать работу с воспитанием детей, в том числе за счёт внедрения гибкого графика, неполного рабочего дня и возможности трудиться на дому.
4. Работающим и обучающимся матерям назначалась единовременная выплата в размере 50 рублей за рождение первого ребёнка и 100 рублей – за второго и каждого последующего.
5. Был установлен повышенный размер пособия одиноким матерям в размере 20 рублей.
6. Были установлены меры по улучшению жилищных условий для семей с детьми, для которых был установлен приоритет при получении жилья.
7. В Постановлении подчёркивалась необходимость формировать в обществе отношение к семье как к высшей ценности, а также укреплять статус материнства и значимость семейных отношений.

Ключевым в этих НПА, по нашему мнению, является создание правового механизма поддержки семей с детьми на каждом этапе взросления ребенка, и наконец, строительство социальной инфраструктуры для детей, обеспечение таких семей жильем в приоритетном порядке. В связи с этим молодые люди получали стабильность и уверенность в завтрашнем дне, что вероятно стимулировало рождаемость в регионе.

Вторым направлением по повышению естественного прироста населения, являлось правовое регулирование, связанное со снижением уровня смертности.

22 сентября 1977 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 870 «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» (Далее – Постановление № 870 от 22.09.1977 г.), где был закреплён целый комплекс мер по совершенствованию медицинской помощи населению [8]:

1. Развитие, строительство новых медицинских учреждений: поликлиник, санаториев, родильных домов, аптечных складов.
2. Профилактика заболеваний: повышение качества профилактических осмотров и диспансеризации населения.
3. Создание комплексной программы развития здравоохранения: открывались новые медицинские ВУЗы, готовились высококвалифицированные кадры, выпускников привлекали для работы в отдалённые регионы, а самим медработникам предоставляли дополнительные льготы и поддержку.
4. Оснащение медицинских учреждений современной медицинской техникой, приборами и аппаратурой.
5. И другие меры.

Также в Постановлении Министров РСФСР от 27 сентября 1979 года № 479 (Далее – Постановление № 479 от 27.09.1979 г.) предусматривался комплекс правовых мер по развитию медицинской науки, подготовке высококвалифицированных научных кадров и проведение фундаментальных исследований для решения медицинских проблем Дальнего Востока. [9].

В результате, согласно данным из статистических сборников «Народное хозяйство Хабаровского края», подготовленных ЦСУ РСФСР и Госкомстатом РСФСР, на территории края с 1970 по 1990 г. увеличилось [10] [11]: 1) число коек в больничных учреждениях с 17,9 до 26,3 тыс. 2) число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений с 226 до 299 3) женских консультаций и детских поликлиник с 81 до 241 5) численность врачей с 4,3 до 9,6 тыс. чел. 5) численность среднего медицинского персонала с 13,8 до 23,2 тыс. человек.

Вместе с тем, с 1970 по 1990 г. на 10 тыс. человек населения возросло: больничных коек с 131,1 до 144,2, врачей с 44,9 до 53, среднего медицинского персонала с 101,2 до 127,4.

За 20 лет с 1970 по 1990 г. значительно возросли показатели здравоохранения в Хабаровском крае как в количественном, так и в качественном выражении. Несмотря на постоянный рост населения, обеспеченность граждан медицинскими учреждениями, врачами и услугами только возросло.

Данные статистики свидетельствуют, что развитие здравоохранения происходило в полном соответствии с мерами правового регулирования, закреплённых в Постановлении № 870 от 22.09.1977 г. и в Постановлении № 479 от 27.09.1979 г.

Несмотря на совокупность принятых правовых мер по повышению естественного прироста населения, результаты правовой политики неоднозначны.

С одной стороны, естественный прирост в 1970-1980-х гг. внес решающий вклад в увеличение населения Хабаровского края. Согласно данным из Плано-экономического атласа Дальневосточного экономического района темпы миграционного прироста в указанный период были незначительными, и в среднем в год составляли 5-15 тыс. человек в год, учитывая обратную миграцию. Удельный вес миграционного прироста в общем приросте составлял с 1975 по 1980 г. 38%, а с 1980 по 1985 46% [12, с.111–114].

При этом население с 1970 по 1990 год увеличилось с 1 млн 173,5 тыс. чел. до 1 млн 630,5 тыс. человек, т.е. на 457 тыс. чел. или на 39% [1].

На фоне снижения темпов переселения граждан СССР в Хабаровский край основным источником увеличения населения являлся естественный прирост, который позволил увеличить население на 39% за 20 лет.

По данным В.В. Миндогулова и Г.Ф. Кравцовой в статье «Некоторые особенности в воспроизводстве населения Дальнего Востока», удельный вес первых рождений с 1970 по 1987 г. снизился с 53,9% до 38,8%, уровень вторых рождений увеличился с 32,1 до 39,3%, доля третьих рождений возросла с 9,1% до 14,5% в целом по Дальнему Востоку. В результате, в 1987 году вторые и третьи дети составляли более 61% от всех родившихся. Вместе с тем, Хабаровский край в этот период показал высокий рост четвертых рождений, который увеличился за 18 лет на 18% [13, с. 52–54].

Приведённые данные свидетельствуют, что меры правового регулирования стимулировали рождение третьих и последующих детей в семьях граждан, доля которых на протяжении 18 лет только возрастала. В связи с этим и был вызван высокий уровень естественного прироста населения.

С другой стороны, в 1970-х и в 1980-х гг., при сохранении высоких количественных показателей естественного прироста, не было существенного прироста коэффициента рождаемости, увеличивался коэффициент смертности и в конечном итоге снижался коэффициент естественного прироста населения.

Согласно данным из статистических сборников «Народное хозяйство Хабаровского края» от 1979 и 1989 гг., подготовленных ЦСУ РСФСР и Госкомстатом РСФСР [14]:

Годы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1970	17,2	7,1	10,1
1975	18,1	8,0	10,1
1976	18,6	8,2	10,4

1977	19,2	8,3	10,9
1978	19,0	8,5	10,5
1979	19,6	8,5	11,1
1980	18,9	9,2	9,7
1985	18,7	9,3	9,4
1986	19,3	8,3	11,0
1987	19,5	8,0	11,5
1988	17,8	8,6	9,2
1989	16,5	8,8	7,7

Таблица 1 – рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Хабаровском крае (на 1 000 человек населения)

Исходя из приведенных данных, самый высокий прирост рождаемости пришелся с 1975 по 1987 г., в период, когда были приняты правовые меры, что свидетельствует об их эффективности. В дальнейшем приходится спад рождаемости, что возможно было вызвано начавшимся экономическим и политическим кризисом Советского Союза.

Вместе с этим, в указанный исторический период, несмотря на активное развитие здравоохранения, наблюдалось значительное увеличение смертности среди населения Хабаровского края, на 30,9% с 1970 по 1985 г.

Мы полагаем, что это было вызвано тем, что меры правового регулирования мало касались вопросов популяризации среди населения здорового образа жизни и борьбу с вредными привычками.

Об этом свидетельствуют данные из научной работы Крушановой Л.А., в которой автор указывает, что одной из причин высокой смертности на Дальнем Востоке в 1980-е гг. являлся образ жизни населения: по исследованиям ДВО РАН алкоголизм на Дальнем Востоке превышал в 2 раза аналогичные показатели в РСФСР, наблюдался рост сердечно-сосудистых заболеваний [15, с. 25–26].

Снижение коэффициента смертности населения с 1986 года, в период проведения политики по борьбе с алкоголизмом, явный показатель основной причины роста смертности с 1970 по 1985 год.

Таким образом, правовое регулирование снижения смертности населения должно касаться не только развития здравоохранения, но и популяризации среди населения здорового образа жизни, снижения вредных привычек.

Учитывая достижения и ошибки политики повышения естественного прироста населения в Хабаровском крае можно выделить следующие направления для совершенствования правового регулирования современной демографической политики России в Хабаровском крае:

1. Поддержка семей на каждом этапе: увеличение для работающих матерей оплачиваемого отпуска по беременности и по уходу за ребенком, создание женщинам благоприятных условий для совмещения работы и воспитания детей; повышение и установление новых пособий семьям с детьми, размер пособия должен зависеть от количества детей в семье.
2. Обеспечение семей с детьми доступным жильем: расширение преимуществ таких семей по получению жилой площади.
3. Строительство социальной инфраструктуры для семей с детьми: детских садов, яслей, пионерских лагерей, школ и других детских учреждений.
4. Пропаганда традиционных ценностей: семья должна быть высшей моральной ценностью общества, необходимо повышать престиж материнства и семейных отношений.
5. Развитие здравоохранения: строительство медицинских учреждений; профилактика заболеваний среди населения; развитие медицинской науки и подготовка высококвалифицированных медицинских кадров; оснащение медицинских учреждений современной медицинской техникой.
6. Популяризация среди населения здорового образа жизни.

Список литературы:

1. Население Хабаровского края : статистический справочник / Госкомстат России, Хабаровский краевой комитет государственной статистики. — Хабаровск : [б. и.], 1998. — 155 с. (ДВ 197 Н 311). — Текст : непосредственный.
2. Плано-экономический атлас Дальневосточного экономического района / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, Производственное объединение «Дальаэрогеодезия». — Хабаровск : [б. и.], 1988. — 1 атл. (ДВ 196 П372). — Текст : непосредственный.
3. Сви́дерская, В. В. Демографическая политика на российском Дальнем Востоке в 70-80-е годы XX века: исторический аспект / В. В. Сви́дерская // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2015. — № 1. — С. 31-35. — EDN VOBHYR.
4. Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке/ Тихоокеан. Ин-т географии. Владивосток: Даль-наука, 1997. 128 с.
5. "О введении пособий на детей малообеспеченным семьям": Указ Президиума ВС СССР от 25.09.1974 N 312-IX // Ведомости ВС СССР — 1974. — № 40. — Ст. 663., Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
6. "О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР "О введении пособий на детей малообеспеченным семьям": Указ Президиума ВС СССР от 13.12.1983 N 10430-X // Ведомости ВС СССР — 1983. — № 51. — Ст. 783., Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
7. "О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей": Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.01.1981 № 235 // СП СССР — 1981. — № 13. — Ст. 75., Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
8. "О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения": Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.09.1977 N 870 // Свод законов СССР — 1990. — т. 3 — с. 88., Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
9. "О дальнейшем развитии медицинской науки в районах Сибири и Дальнего Востока": Постановление Совмина РСФСР от 27.09.1979 N 479 // СП РСФСР — 1979. — № 23 — ст. 169., Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Народное хозяйство Хабаровского края в 1976 г. : статистический сборник / Хабаровское управление ЦСУ РСФСР. — Хабаровск, 1977. — 160 с. — ДВ4 Н301. — Текст : непосредственный.
11. Народное хозяйство Хабаровского края в 1989 г. : стат. сб. № 30 / Хабаровское краевое управление Госкомстата РСФСР. — Хабаровск, 1989. — 155 с. — ДВ4 Н301. — Текст : непосредственный.
12. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет/ Л.Л. Рыбаковский — М.: наука, 1990. — С. 138
13. Миндогулов В. В. Некоторые особенности в воспроизводстве населения Дальнего Востока / В. В. Миндогулов, Г. Ф. Кравцова // Демографическое развитие Дальнего Востока и формирование его трудового потенциала : сборник научных трудов. — Владивосток, 1991. — С. 51–57.
14. Народное хозяйство Хабаровского края в 1979 г. : стат. сб. № 126 / Хабаровское управление ЦСУ РСФСР. — Хабаровск, 1980. — 167 с. — ДВ4 Н301. — Текст : непосредственный.

15. Крушанова, Л. А. Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-х гг / Л. А. Крушанова // Россия и АТР. – 2012. – № 2(76). – С. 19-30. – EDN PAAYTB.

References:

1. The population of the Khabarovsk Territory : statistical handbook / Goskomstat of Russia, Khabarovsk Regional Committee of State Statistics. Khabarovsk : [B. I.], 1998. 155 p. (DV 197 N 311). — Text : direct.
2. Planning and Economic Atlas of the Far Eastern Economic Region / Main Directorate of Geodesy and Cartography under the Council of Ministers of the USSR, Dalaerogeodesia Production Association. Khabarovsk : [B. I.], 1988. — 1 atlas (DV 196 P372). — Text : direct.
3. Sviderskaya, V. V. Demographic policy in the Russian Far East in the 70-80-ies of the XX century: a historical aspect / V. V. Sviderskaya // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2015. – No. 1. – PP. 31-35. – EDN VOBHYR.
4. Sidorkina Z.I. Demographic processes and demographic policy in the Russian Far East/ Pacific. Institute of Geography. Vladivostok: Dalnauka Publ., 1997. 128 p.
5. "On the introduction of child allowances for low-income families": Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 09/25/1974 N 312-IX // Vedomosti VS USSR — 1974. — № 40. — St. 663., Available at: URL: <https://www.consultant.ru> (date of application: 09/25/2025).
6. "On amendments to the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the introduction of child allowances for low-income families": Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 12/13/1983 N 10430-X // Vedomosti VS USSR — 1983. — No. 51. — Art. 783., Available at: URL: <https://www.consultant.ru> (date of request: 09/25/2025).
7. "On measures to strengthen state assistance to families with children": Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 01/22/1981 No. 235 // SP USSR — 1981. — No. 13. — Art. 75., Available at: URL: <https://www.consultant.ru> (date of request: 09/25/2025).
8. "On measures on further improvement of public health": Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR dated 09/22/1977 N 870 // The Code of Laws of the USSR — 1990. — vol. 3 — p. 88., Available at: URL: <https://www.consultant.ru> (date of request: 09/25/2025).
9. "On the further development of medical science in the regions of Siberia and the Far East": Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated 09/27/1979 N 479 // JV RSFSR — 1979. — No. 23 — art. 169., Available at: URL: <https://www.consultant.ru> (date of reference: 09/25/2025).
10. The national economy of the Khabarovsk Territory in 1976 : statistical collection / Khabarovsk Office of the Central Control Commission of the RSFSR. Khabarovsk, 1977. 160 p. DV4 N301. Text : direct.
11. The national economy of the Khabarovsk Territory in 1989 : statistical collection No. 30 / Khabarovsk Regional Administration of the State Statistics Committee of the RSFSR. Khabarovsk, 1989. 155 p. DV4 N301. Text : direct.
12. Rybakovsky L.L. The population of the Far East for 150 years/ L.L. Rybakovsky — M.: nauka, 1990. — p. 94
13. Mindogulov V. V. Some features in the reproduction of the population of the Far East / V. V. Mindogulov, G. F. Kravtsova // Demographic development of the Far East and the formation of its labor potential : a collection of scientific papers. Vladivostok, 1991. pp. 51-57.
14. The national economy of the Khabarovsk Territory in 1979 : statistical collection No. 126 / Khabarovsk Directorate of the Central Control Commission of the RSFSR. Khabarovsk, 1980. - 167 p. — DV4 N301. — Text : direct.
15. Krushanova, L. A. Features of demographic processes in the Far East in the 1980s / L. A. Krushanova // Russia and the Asia-Pacific Region. – 2012. – № 2(76). – Pp. 19-30. – EDN PAAYTB.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СУВЕРЕННАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА TRADITIONAL VALUES AS A SOVEREIGN BASIS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SOVEREIGNTY

ДОВГОЛЮК Наталья Владимировна,

доцент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти Северо-Кавказского института - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

357502, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5.

E-mail: fktf32@rambler.ru;

DOVGOLUK Natalya Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Legal Support for the Activities of Public Authorities at the North Caucasus Institute – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences.

5 Dunaevsky St., Pyatigorsk, Stavropol Territory, 357502, Russia.

E-mail: fktf32@rambler.ru

Краткая аннотация: Суверенитет, определяемый как самостоятельность и независимость государства в вопросах внутренней и внешней политики, защищённость государственных институтов и системы права от влияния других государств и негосударственных акторов, в проекции его на отечественную демографическую сферу должен включать в правовое содержание следующие постулаты. В статье анализируются вопросы влияния суверенитета сквозь призму демографической политики. Делается вывод, что современная российская государственность, формируется на основе собственной системы ценностей.

Abstract: Sovereignty, defined as the state's autonomy and independence in matters of domestic and foreign policy, as well as the protection of state institutions and the legal system from the influence of other states and non-state actors, should include the following principles in its legal content when applied to the domestic demographic sphere. The article analyzes the impact of sovereignty through the lens of demographic policy. It concludes that modern Russian statehood is formed based on its own system of values.

Ключевые слова: Суверенитет, демографическая политика, самостоятельность и независимость государств.

Keywords: Sovereignty, demographic policy, and the independence of states.

Для цитирования: Довголюк Н.В. Традиционные ценности как суверенная основа конституционного строя в контексте демографического суверенитета // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 313-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_312.

For citation: Dovgoluk N.V. Traditional values as a sovereign basis of the constitutional system in the context of demographic sovereignty // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 313-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_313.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Суверенитет, определяемый как самостоятельность и независимость государства в вопросах внутренней и внешней политики, защищённость государственных институтов и системы права от влияния других государств и негосударственных акторов, в проекции его на отечественную демографическую сферу должен влиять на формирование современной российской государственности, с приоритетом национальных интересов¹.

Вместе с тем, как отмечается в серьёзном исследовании, проведенном Е.К. Рудаковой важной «проблемой является деформация и подмена базовых понятий и норм международного права по вопросам демографии и репродукции, кардинальным образом трансформировавших смысл и значение ранее принятых в рамках ООН документов»². Концепция международного контроля рождаемости противоречит российской демографической политике. Давление посредством неясности и двусмысленности правовых предписаний уже оформилось как «демографический диктат в адрес национальных программ поддержки рождаемости в России со стороны рекомендательных органов ООН и ряда западных государств»³, и становится все более агрессивным.

Теоретические исследования в этой сфере все чаще позволяют обосновать выбор в пользу приоритета национальной политики, отстаивая приоритет демографического суверенитета. Демографический суверенитет должен предполагать не только суверенное право государства на реализацию, институциональное и правовое оформление демографической политики внутри государства, но также независимость в определении целей в вопросах обеспечения демографической безопасности.

Демографическая безопасность, как состояние защищённости от внутренних и внешних демографических угроз и достижения целей демографического развития. Безопасное замещающее воспроизводство населения, реализация стратегии демографического развития должны иметь концептуально-идеологическое обоснование. Это предполагает актуализацию исследований, направленных на осмысление и верификацию в рамках отечественных научных подходов и школ. При этом важно осознавать, что декларированная нашей страной цель повышения рождаемости и сохранения традиционных ценностей в демографических институтах, зачастую приводит к открытой конфронтации между демографической политикой России, избранной в качестве модели развития и активно пропагандирующими международный контроль рождаемости акторами. Самостоятельность выбора предполагает уход от давления и угрозы десоверенизации.

¹ Виноградова Е.В. К вопросу об иерархии конституционных ценностей. // Право и управление № 5 - 2024. С. 591-593.

² Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... доктора политических наук: 5.5.4. - Нижний Новгород, 2023. - С.18.

³ Рудакова Е.К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. ... доктора политических наук: 5.5.4. - Нижний Новгород, 2023. - С.20.

В рамках системы обеспечения демографической безопасности необходимо создать научную, правовую и институциональную основы для противодействия технологиям убеждающего воздействия, которые обладают глубоким разрушающим воздействием на ценности и структуры общества, связаны с долгосрочными стратегиями по изменению и конструированию ценностной матрицы жизнедеятельности. Главными должны стать технологии противодействия, основанные на «пространстве интеллекта», научной верификации, выявлении и опровержении ложной сути когнитивных смыслов, восполнении неполноты знаний и повышении информированности общества по вопросам репродукции, что создаст препятствие на пути ошибочных представлений и суждений по вопросам репродукции и развития.

Вклад России в гуманизацию международного права и международной политики по вопросам будущего демографического развития населения Земли - это симметричный и научно-обоснованный ответ на призыв международного сообщества к диалогу по вопросам ценностей глобального демографического развития. Россия не уstraняется от конструктивного диалога по вопросам развития мирового населения, прежде всего, от работы на дискуссионных площадках в комитетах и органах ООН. Как действующий член Совета безопасности, Россия может использовать своё положение не только для отстаивания национальной модели демографического развития, но сыграть роль в гуманизации работы ООН и международного права по вопросам демографической безопасности, основываясь на нормах и принципах международного права, достоверных научных подходах, всестороннем уважении прав человека на жизнь и развитие.

Анализ нормативно-правовых документов и документов официальных ведомств России и зарубежных государств в области демографической политики и обеспечения национальной безопасности, позволил выявить ряд несовпадения позиций¹.

Демографическая безопасность и демографический суверенитет, в рамках конституционных положений и представлений российского общества о приоритетах демографического развития предопределяет направления развития российской демографической политики. Она основана на конституционных ценностях сохранения семьи и брака.

Разделяемая нами² неприемлемость концепции ограниченного суверенитета³, предполагает подходы на основе которых государство должно гарантировать обеспечение условий для естественного роста населения, используя рычаги стимулирования рождаемости и противодействия негативным тенденциям депопуляции. Эти подходы разделяются многими отечественными исследователями (Багдасарян В.Э.⁴ Дударев В.Б.⁵, Кузнецова Т.В.⁶).

Анализ современных угроз демографической безопасности, позволяет утверждать, что такое вмешательство необходимо рассматривать как актуальное и своевременное⁷. К таким же выводам приходят такие современные российские ученые как Тиводар С.И.⁸, Ткаченко Н.Н.⁹, Нежинская К.С.¹⁰, Слоботчикова О.Н.¹¹.

Для России это противостояние, отражено в документах, принятых на государственном уровне, в виде актов, определяющих национальную стратегию демографического развития. Для обеспечения демографического роста необходимо решение ряда задач, к числу которых относится правовое регулирование отношений, обеспечивающих приоритет развития государственных мер, направленных на поддержку семьи в интересах несовершеннолетних. Создание правовых гарантий, необходимых для решений от которых зависит будущее страны, обусловлено изменением приоритетов, направленных на противодействие ряду тенденций, ставших популярными в последние годы на уровне общественного дискурса, проявляющиеся в политике, науке, праве.

Проблеме обеспечения демографического суверенитета в последние годы посвящают исследования и отечественные авторы¹² и зарубежные¹³. Интересно, что многие исследователи подчеркивают контекстную предопределенность демографического суверенитета демографической безопасностью.

Демографическая безопасность, неотделима от национальной безопасности. Гарантия обеспечения национальной безопасности, определены в российской Конституции, как конституционно-значимая цель.

Специфика исследования демографической безопасности заключается в узкодисциплинарном подходе, когда в качестве предмета исследования избирается определенный ее аспект¹. Такой подход лишает исследование признака системности. Конституционно-правовой анализ позволяет объединить подходы разных отраслей права, сформировав единый контекст для исследуемого явления.

¹ Виноградова Е.В. Когнитивные технологии трансформации ценностей. Конституционно-правовой аспект. // Правовая политика и правовая жизнь. 2024.3. с.221-227.

² Тонконогов А.В. Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства? 2019. - Закон и право. №2. С. 25., Багдасарян В.Э. Космополитизм как фактор поражения государственного суверенитета России 2014. Проблема суверенности современной России: Материалы всероссийской научно-общественной конференции М.: Наука и политика. С. 27-29.

³ при которой государство де-юре продолжает признаваться независимым, но фактически ограничено в возможности принимать самостоятельные решения,

⁴ Багдасарян В.Э. Космополитизм как фактор поражения государственного суверенитета России 2014. Проблема суверенности современной России: Материалы всероссийской научно-общественной конференции М.: Наука и политика. С. 27-29.

⁵ Дударев В.Б. Статистическое исследование демографической безопасности России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.12 / Дударев Виктор Борисович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики]. - Москва, 2008. - 23 с.

⁶ Кузнецова Т.В. Медико-социальные факторы, определяющие репродуктивное поведение женщин в современных условиях: автореферат дис. ... кандидата медицинских наук: 14.02.03 / Кузнецова Татьяна Владимировна; [Место защиты: Центр. науч.-исслед. ин-т организации и информатизации здравоохранения МЗ РФ]. - Москва, 2011. - 26 с.

⁷ Виноградова Е.В. Государствование как элемент современной российской конституционной модели.// Правовая политика и правовая жизнь. №2. 2024. С. 134-142.

⁸ Тиводар С.И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России // Юрист-Правоведь. 2007. №5(24). С. 38-41..

⁹ Ткаченко Н.Н. Демографическая правовая политика в контексте национальной безопасности России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук:12.00.02 / Ткаченко Наталья Николаевна; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. - Ростов-на-Дону, 2009.

¹⁰ Нежинская К.С. Конституционно-правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в сфере демографической политики: на примере Дальневосточного федерального округа: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Нежинская Ксения Сергеевна; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. - Челябинск, 2015. - 23 с.

¹¹ Слоботчиков О.Н. Демографическая политика государства и ее влияние на военный потенциал Российской Федерации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. - Мононо, 2001. - 212 с.

¹² См., например Тиводар С.И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России // Юрист-Правоведь. 2007. №5(24). С. 38-41., Рыбаковский Л.Л., Хасанов Г.Р. Стратегия демографического развития России, понятие и содержание // Народонаселение. 2015. №2. С. 52-58. и др.

¹³ См., например Malnar D., Malnar A. Demographic security trends in Southeastern Europe // Croatian International Relations Review. 2015. 21(73).

В заключении следует сделать вывод, что комплексный конституционно-правовой подход, обуславливает исследования в различных правовых сферах, обеспечивая терминологическое единство, как один из важнейших показателей системности законодательства страны. Необходимость коррекции и уточнения многих понятий, определяющих направление развития современной России, обеспечивает единые подходы к пониманию суверенитета

Список литературы:

1. Багдасарян В.Э. Космополитизм как фактор поражения государственного суверенитета России 2014. Проблема суверенности современной России: Материалы всероссийской научно-общественной конференции М.: Наука и политика. С. 27-29.
2. Бугрова Т.М. Право как средство демографической политики Российского государства: теоретический аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бугрова Т.М.; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2008. - 26 с., Бугрова Т.М. Право как средство демографической политики Российского государства: теоретический аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бугрова Т.М.; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2008. - 26 с.
3. Виноградова Е.В. Когнитивные технологии трансформации ценностей. Конституционно-правовой аспект. // Правовая политика и правовая жизнь. 2024.3. с.221-227.
4. Виноградова Е.В. Государствоведение как элемент современной российской конституционной модели.// Правовая политика и правовая жизнь. №2. 2024. С. 134-142.
5. Виноградова Е.В. К вопросу об иерархии конституционных ценностей. // Право и управление № 5 - 2024. С. 591-593.
6. Дударев В.Б. Статистическое исследование демографической безопасности России: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.12 / Дударев Виктор Борисович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики]. - Москва, 2008. - 23 с.
7. Кузнецова Т.В. Медико-социальные факторы, определяющие репродуктивное поведение женщин в современных условиях: автореферат дис. ... кандидата медицинских наук: 14.02.03 / Кузнецова Т.В.; [Место защиты: Центр. науч.-исслед. ин-т организации и информатизации здравоохранения МЗ РФ]. - Москва, 2011. - 26 с..
8. Нежинская К.С. Конституционно-правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в сфере демографической политики: на примере Дальневосточного федерального округа: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Нежинская К.С.; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. - Челябинск, 2015. - 23 с.
9. Тонконогов А.В. Ограниченный суверенитет Российской Федерации как псевдогосударства // Закон и право. 2019. №2.
10. Тиводар С.И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России // Юрист-Правовед. 2007. №5(24). С. 38-41.,
11. Ткаченко Н.Н. Демографическая правовая политика в контексте национальной безопасности России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Ткаченко Н.Н.; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. - Ростов-на-Дону, 2009.
12. Слоботчиков О.Н. Демографическая политика государства и ее влияние на военный потенциал Российской Федерации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. - Мононо, 2001. - 212 с.
13. Тиводар С.И. Юридическая легитимация демографического суверенитета России // Юрист-Правовед. 2007. №5(24). С. 38-41.
14. Рыбаковский Л.Л., Хасаев Г.Р. Стратегия демографического развития России, понятие и содержание // Народонаселение. 2015. №2. С. 52-58.
15. Malnar D., Malnar A. Demographic security trends in Southeastern Europe // Croatian International Relations Review. 2015. 21(73).

References:

1. Baghdasaryan V.E. Cosmopolitanism as a factor in the defeat of Russia's state sovereignty 2014. The Problem of Modern Russia's Sovereignty: Proceedings of the All-Russian Scientific and Public Conference, Moscow: Nauka i Politika, pp. 27-29.
2. Bugrova T.M. Law as a means of demographic policy of the Russian state: a theoretical aspect: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.01 / Bugrova T.M.; [Place of defense: Sarat. state Academy. rights]. - Saratov, 2008. 26 p., Bugrova T.M. Law as a means of demographic policy of the Russian state: a theoretical aspect: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.01 / Bugrova T.M.; [Place of protection: Sarat. state Academy. rights]. - Saratov, 2008. - 26 p.
3. Vinogradova E.V. Cognitive technologies of value transformation. Constitutional and legal aspect. // Legal policy and legal life. 2024.3. pp.221-227.
4. Vinogradova E.V. State studies as an element of the modern Russian constitutional model.// Legal policy and legal life. No. 2. 2024. pp. 134-142.
5. Vinogradova E.V. On the hierarchy of constitutional values. // Law and Management No. 5 - 2024. pp. 591-593.
6. Dudarev V.B. Statistical study of demographic security in Russia: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.12 / Dudarev V.B.; [Place of defense: Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics]. - Moscow, 2008. - 23 p.
7. Kuznetsova T.V. Medical and social factors determining the reproductive behavior of women in modern conditions: abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences: 02/14/03 / Kuznetsova T.V.; [Place of defense: Center for Scientific Research. Institute of Organization and Informatization of Healthcare of the Ministry of Health of the Russian Federation]. - Moscow, 2011. - 26 p..
8. Nezhinskaya K.S. Constitutional and legal foundations of the national security of the Russian Federation in the field of demographic policy: on the example of the Far Eastern Federal District: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.02 / Ksenia S.N.; [Place of protection: South-Ur. state University]. - Chelyabinsk, 2015. - 23 p.
9. Tonkonogov A.V. Limited sovereignty of the Russian Federation as a pseudo-state // Law and Law. 2019. No.2.
10. Tivodar S.I. Legal legitimization of Russia's demographic sovereignty // Jurist-Jurist. 2007. No.5(24). pp. 38-41.,
11. Tkachenko N.N. Demographic legal policy in the context of Russia's national security: abstract of the dissertation of the Candidate of Law:12.00.02 / Tkachenko N.N.; [Place of protection: Rostov. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. - Rostov-on-Don, 2009.
12. Slobotnikov O.N. Demographic policy of the state and its impact on the military potential of the Russian Federation: dissertation... Candidate of Political Sciences: 23.00.02. - Monino, 2001. - 212 p.
13. Tivodar S.I. Legal legitimization of Russia's demographic sovereignty // Jurist-Jurist. 2007. No.5(24). pp. 38-41.
14. Rybakovsky L.L., Khasaev G.R. The strategy of demographic development of Russia, the concept and content // Population. 2015. No. 2. pp. 52-58.
15. Malnar D., Malnar A. Demographic security trends in Southeastern Europe // Croatian International Relations Review. 2015. 21(73).

¹ См. например, Бугрова Т.М. Право как средство демографической политики Российского государства: теоретический аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бугрова Татьяна Михайловна; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2008. - 26 с., Бугрова Т.М. Право как средство демографической политики Российского государства: теоретический аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бугрова Татьяна Михайловна; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2008. - 26 с. и др.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СМЕШАННЫХ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ: СРАВНЕНИЕ РОССИИ, ФРАНЦИИ И США

PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL CONTROL IMPLEMENTATION IN MIXED AND SPECIALIZED SYSTEMS: A COMPARISON OF RUSSIA, FRANCE, AND THE UNITED STATES

ЦХОВРЕБОВА Карина Акимовна,
судья Верховного суда Республики Южная Осетия.
Россия, Республика Южная Осетия.
E-mail: super-manyasha@mail.ru;
TSKHOVREBOVA Karina Akimovna,
Judge of the Supreme Court of the Republic of South Ossetia.
Russia, Republic of South Ossetia.
E-mail: super-manyasha@mail.ru

Краткая аннотация. Запрос на функционирование эффективной публичной власти контекстно предопределен современными концепциями правовой государственности, гарантирующей соблюдение принципов гуманизма, верховенства права, разделения властей, взаимной ответственности личности и государства. Институт конституционного контроля в правовом пространстве, с точки зрения исследователей может стать реально-действующим нормативно-закрепленным механизмом, обеспечивающим соответствие закона конституционным положениям. Важно отметить, что поиск оптимальной модели конституционного контроля, предполагает применение метода сравнительного анализа. Он предопределен историческими, духовными и правовыми традициями страны.

Abstract. The request for the functioning of an effective public authority is contextually predetermined by modern concepts of legal statehood, which guarantees compliance with the principles of humanism, the rule of law, the separation of powers, and the mutual responsibility of the individual and the state. From the perspective of researchers, the institution of constitutional control in the legal space can become a real-life, legally established mechanism that ensures compliance with constitutional provisions. It is important to note that the search for an optimal model of constitutional control involves the use of comparative analysis. This method is predetermined by the country's historical, cultural, and legal traditions.

Ключевые слова: Конституционный контроль, конституционный суд, разделение властей, конституционализм.

Keywords: Constitutional control, constitutional court, separation of powers, constitutionalism.

Для цитирования: Цховребова К.А. Проблемы реализации конституционного контроля в смешанных и специализированных системах: сравнение России, Франции и США // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 316-319. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_316.

For citation: Tskhovrebova K.A. Problems of constitutional control implementation in mixed and specialized systems: a comparison of Russia, France, and the United States // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 316-319. [Http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_316](http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_316).

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Формирование теории конституционного контроля происходит при безусловном влиянии практики судебного конституционного контроля. Специалисты, анализирующие национальные черты этого конституционно-правового института отмечают его специфику для каждой страны.

Во Франции возобладали концепция охраны свобод и прав гражданина и человека, гарантированных Конституцией в рамках системы парламентаризма, где орган конституционного контроля является одним из важнейших институциональных механизмов политической системы.

Положения о парламентском контроле в нормах конституций явление не редкое. В Российской Федерации поправками к Конституции 2020 г. (ст. 103.1 Конституции РФ)¹ установлено право членам парламента осуществлять парламентский контроль. Кроме того, было закреплено, что регламентация парламентского контроля устанавливается на уровне федеральных законов и регламентов палат Федерального Собрания, в которых формы парламентского контроля могут быть определены более детально.

Так, в ст. 2 федерального закона «О парламентском контроле»² в качестве целей парламентского контроля установлены обеспечение соблюдения Конституции РФ, исполнение законов; защита прав и свобод, укрепление законности и правопорядка; выявление проблем и недостатков в работе государственных органов; противодействие коррупции и выработка рекомендаций по совершенствованию применения законодательства.

Субъектами парламентского контроля закон определяет палаты Федерального Собрания, комитеты и комиссии палат Федерального Собрания, депутатов и сенаторов. Кроме того, субъектом парламентского контроля является Счетная палата РФ - постоянно действующий орган осуществления государственного финансового аудита.

Статья 5 закона о парламентском контроле предусматривает 18 его форм, в том числе заслушивание ежегодных докладов и отчетов Правительства РФ, Центрального банка, реагирование путем направления парламентских запросов на информацию, содержащуюся в отчетах Уполномоченного по правам человека в РФ и др. Парламентские слушания и проведение открытых заседаний парламентских комитетов также отнесены законом к формам парламентского контроля. Так, палаты Федерального Собрания могут контролировать соблюдение сроков принятия подзаконных нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, установленных федеральными законами. Информацию о ходе разработки и сроках их принятия Правительство РФ ежеквартально направляет в палаты Федерального Собрания РФ.

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №11. Ст. 1416.

² См.: Федеральный закон от 07.05.2013 №77-ФЗ (в ред. 03.08.2018) «О парламентском контроле» // Собрание законодательства РФ. 2013. №19. Ст. 2304

Стоит упомянуть также такую особую форму парламентского контроля как парламентские расследования – деятельность, осуществляемая созданными в установленном порядке комиссиями парламента по расследованию фактов и обстоятельств, несущих негативные последствия для общества и государства и имеющих большой общественный резонанс в целях обеспечения контроля деятельности органов власти в Российской Федерации и их должностных лиц, защиты прав и свобод человека и граждан,; выявления и оказания содействия в устранении причин и условий возникновения фактов и обстоятельств, имеющих негативные последствия для общества и государства и информирования о них общества. В новейшей истории такие расследования проводились в связи с катастрофой атомной подводной лодки «Курск» в августе 2000 г., захватом заложников в школе г. Беслан в сентябре 2004 г. В соответствии с нормами федерального закона №196-ФЗ от 27.12.2005¹ комиссия, проводившая расследование, публикует отчет по итогам работы.

Парламентский контроль осуществляется и в сфере бюджетных правоотношений парламентский контроль. Так, рамках предварительного контроля обсуждается проект бюджета на будущий год, проекты государственных программ, национальные проекты и др. Текущий парламентский контроль осуществляется в отношении исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ, (например, Пенсионного фонда, Фонда социального страхования, Фонда медицинского страхования и др.). Рассмотрение и утверждение отчетов об исполнении федерального бюджета и бюджета государственных внебюджетных фондов происходит на этапе последующего парламентского контроля.

Кроме того, Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 апреля 2004 года № 9-П отмечает, что «парламент РФ принимает федеральный бюджет, определяет в нем суммы государственных доходов и расходов и контролирует его исполнение. Парламентский контроль за исполнением федерального бюджета является неотъемлемой конституционной формой осуществления Федеральным Собранием государственной власти, одним из необходимых его полномочий как представительного и законодательного органа РФ...»².

Анализируя опыт парламентского конституционного контроля в разных странах указывают на специфику модели конституционного контроля.

В этой связи, весьма интересным видится опыт Франции, где дизайн и состояние института парламентского контроля предопределено положением, которое занимает парламент в системе органов государственной власти данной страны. Связано это и с трагическим опытом применения парламентской формы правления во Франции в первой половине XX в.; во-вторых, с личными представлениями генерала Ш. де Голля, являющегося одним из авторов действующей французской Конституции, о должном государственном устройстве. Работавший в парламенте Третьей Республики генерал де Голль был хорошо знаком с недостатками парламентской формы правления, которые отчасти привели к капитуляции Франции во Второй мировой войне. Поэтому при написании новой конституции он стремился с одной стороны, ослабить парламент, а с другой – серьезно усилить президентскую власть, сделав этот пост стержнем всей политической системы страны³. Он ставил во главу угла управляемость государственного механизма, а не демократичность институтов.

В период Третьей и Четвёртой Республик парламент являлся центром политической жизни, теперь же его роль сводится к «приданию силы закона правительственным проектам»⁴. Данный факт даже отражается во французском юридическом лексиконе: только правительство вносит на рассмотрение парламента законопроекты, в то время как парламентарии вносят законодательные предложения.

Надзор за деятельностью правительства парламентом (и Сенатом и Национальным собранием) осуществляется в виде: отправки запросов в министерства, вопросов министрам на пленарных заседаниях, создании контрольных комиссий, проводящих проверку государственных служб и государственных предприятий, следственных комиссий, собирающих информацию и докладывающих её палате⁵. Самым серьёзным инструментом воздействия парламента на правительство является постановка вопроса о доверии – резолюция порицания. При этом если данная резолюция принимается Сенатом (верхней палатой), то правительство не обязано уходить в отставку. Напротив, в случае отказа в доверии правительству со стороны Национального собрания (нижняя палата) – оно должно уйти в отставку.

Как форму контроля можно рассматривать полномочия парламента в части отстранения Президента от должности. Института импичмента во Франции нет. Президент, согласно конституции, не несёт ответственность за совершённые им во время исполнения своих обязанностей деяния, но может быть смещён с поста в случае невыполнения им своих обязанностей. Решение о смещении президента с должности выносится парламентом, действующим в качестве Высокой Палаты правосудия. Председательствует в Высокой Палате правосудия председатель Национального собрания. Решение о смещении Президента считается принятым если за него проголосовало две трети членов парламента.

В системе федеральных органов власти за Конгрессом США признаётся первое место. «Конгресс – орган, олицетворяющий США»⁶. Исторически это связано с положением первых тринадцати колоний, являвшихся до образования США независимыми государствами, добровольно вступающими в Союз. Поэтому Конгресс представляется как некий форму, объединяющий все страны-участницы Союза.

Полномочия в сфере парламентского контроля Конгресс осуществляет посредством комитетов. Постоянные комитеты вправе органи-

1 См.: Федеральный закон от 27 декабря 2005 года № 196-ФЗ "О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации" (в ред. 07.05.2013) // Собрание законодательства РФ. 2006. №1. Ст. 7

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 N 9-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов "О федеральном бюджете на 2002 год", "О федеральном бюджете на 2003 год", "О федеральном бюджете на 2004 год" и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 19. Ч. 2. Ст. 1923; №29 (поправка).

3 Discours prononcé par le général de Gaulle à Bayeux – URL: <https://www.elysee.fr/la-presidence/le-discours-de-bayeux-194> (дата обращения 13.04.2025).

4 Керимов А.Д. Французский парламентаризм: Конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 1999. С. 46.

5 Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur – URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (дата обращения 13.04.2023).

6 Шумилов В.М. Правовая система США. М.: Международные отношения, 2017. С. 67.

зовывать слушания, самостоятельно определять время и место заседаний, проводить расследования, вызывать свидетелей, истребовать документы, приводить к присяге, заслушивать показания и др. При помощи постоянных комитетов контролируется деятельность администрации. Министры обязаны ежегодно отчитываться перед профильными комитетами Конгресса¹.

Специальные и следственные комитеты создаются Палатой представителей на временной основе с целью рассмотрения или изучения какого-либо вопроса. Численный состав, сроки работы, полномочия каждого такого комитета определяются резолюцией.

Палата представителей обладает правом инициировать процедуру импичмента. Она готовит обвинение, принимаемое большинством голосов. После одобрения Палатой дальнейшее разбирательство переходит в Сенат, где рассматривается по правилам уголовного процесса. Для принятия решения по импичменту необходимо 2/3 голосов членов Сената².

Помимо Президента импичменту могут быть подвергнут вице-президент, а также «все гражданские должностные лица Соединённых Штатов»³ за государственную измену, взяточничество либо за другие серьёзные преступления и правонарушения.

Один из первых случаев импичмента в американской истории был зафиксирован в 1797 г., когда сенатор из Теннесси У. Блаунт был лишён мандата по обвинению в сговоре с Великобританией.

За всю историю США против четырёх президентов начинали процедуру импичмента. В 1868 г. обвинения выдвинули против Э. Джонсона по причине неправомерной отставки военного министра. В 1974 г. – против Р. Никсона по делу Уотергейта. В конце 1990-х – против Б. Клинтона по делу о лжесвидетельстве и препятствии правосудию в связи со скандалом с М. Левински. В 2019 г. и 2021 г. – против Д. Трампа по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и воспрепятствовании правосудию и подстрекательстве к мятежу.

Несмотря на монархическую форму правления, в Великобритании ведущую роль в политической жизни страны играет парламент, что сближает Великобританию с классическими парламентскими республиками

Как и во многих других законодательных собраниях парламентский контроль за деятельностью администрации в Великобритании осуществляется посредством комитетов, как постоянных, так и временных или специальных следственных комиссий. Однако процесс контроля осложняется тем, что, как правило, правительство формируется партией, получившей большинство голосов на общенациональных выборах и, следовательно, доминирующей в парламенте. Премьер-министр является лидером большинства, что позволяет правительству активно вмешиваться в деятельность парламента.

Наиболее распространённой формой контроля являются письменные и устные вопросы к членам правительства, которые, тем не менее, вправе отказаться это делать⁴. Также контроль может осуществляться посредством приглашения министров на заседания профильных комитетов и организации дебатов по приоритетным направлениям политики.

Помимо этого, как форму контроля можно рассматривать вынесение парламентом вотума недоверия правительству. Последний раз вотум недоверия был объявлен парламентом правительству в 1979 г.

Практика деятельности специального органа конституционного контроля не является уникальной, аналогичные подходы реализованы в законодательстве многих государств. Можно констатировать, что в этих подходах реализуется специфика конституционного суда, в котором специалисты видят государственную структуру, возникшую на стыке, на пересечении систем законодательной, исполнительной и судебной власти, проявляющую сложную природу своих функций. Именно конституционная практика открыла возможности использования методов судебной деятельности для решения проблем законодательной и исполнительной власти⁵.

Общепризнанным, с точки зрения исследователей проблем конституционного контроля, считается существование основных двух моделей американской и европейской, которыми предлагаются разные варианты его организации. Главное отличие состоит в отсутствии или наличии в судебной системе органов специализированной юрисдикции для осуществления конституционного контроля, функционирующих вне рамок общего правосудия. При этом исследователи отмечают комплексный характер этих моделей во многих странах, многообразие форм конституционного правосудия, как в рамках компетенции судебных органов, так и в части применения ими форм и видов конституционного контроля⁶. На становление и последующее развитие института конституционного контроля в Российской Федерации оказала влияние практика деятельности обеих моделей. Аргументы «за и против», отражены в работах⁷, в которых анализируются конституционно-правовые институты в предметном поле конституционного контроля.

В заключении следует отметить, что классические «модели конституционного контроля - американская (децентрализованная) и европейская (централизованная), при определении его внутригосударственной специфики отличаются большой степенью вариативности»⁸. Это обстоятельство позволяет многим специалистам, исследующим данный конституционный институт, определять принципиальные различия между моделями конституционного контроля и конституционного правосудия, в части применения ими форм и видов конституционного кон

¹ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / 5-е изд., перераб. М.: Юристъ, 2008. 607 с.

² Там же.

³ Шумилов В.М. Правовая система США. М.: Международные отношения, 2017. С. 346.

⁴ Там же.

⁵ См.: Ефимов В.И. Система государственной власти. М., 1994. С. 145.

⁶ См., например: Юдин Ю.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве. (Сравнительно-правовое исследование). М., 2000. С.5.

⁷ См.: Виноградова Е. В. Судебное правотворчество в аспекте отечественного конституционного контроля // Право и государство: теория и практика – 2019 - №10 (178) - С.72-74. Виноградова Е.В. Когнитивные технологии трансформации ценностей. Конституционно-правовой аспект. // Правовая политика и правовая жизнь. 2024.3. с.221-227.

⁸ См.: Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль "ex ante" как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С.7-18.

троля.¹ Наиболее типичными в плане организации публичной власти, считается наличие или отсутствие специализированных судебных органов конституционной юстиции. По мнению ученых действующую в настоящее время в Российской Федерации модель невозможно причислить ни к американской, ни к французской модели конституционного контроля. Тем не менее, Конституционный Суд РФ имеет ряд схожих черт с Конституционным советом Франции и при осуществлении своих полномочий применяет некоторые доктрины, разработанные Верховным судом США².

Список литературы:

1. Виноградова Е. В. Судебное правотворчество в аспекте отечественного конституционного контроля//Право и государство: теория и практика – 2019 - №10 (178) - С.72-74.
2. Виноградова Е. В. Судебное правотворчество в аспекте отечественного конституционного контроля//Право и государство: теория и практика – 2019 - №10 (178) - С.72-74.
3. Виноградова Е.В. Когнитивные технологии трансформации ценностей. Конституционно-правовой аспект. // Правовая политика и правовая жизнь. 2024.3. с.221-227.
4. Ефимов В.И Система государственной власти. М., 1994. С.145.
5. Керимов А.Д. Французский парламентаризм: Конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 1999. С. 46.
6. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. Под общ. ред. проф. Еремяна В.В. М., 2015. С.206.
7. Петрова И.В. Конституционный Суд – орган конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2004. С.27.
8. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран / 5-е изд., перераб. М.: Юрист, 2008. 607 с.
9. Юдин Ю.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве. (Сравнительно- правовое исследование). М., 2000.
10. Шумилов В.М. Правовая система США. М.: Международные отношения, 2017. С. 67.

References.

1. Vinogradova E. V. Judicial Lawmaking in the Aspect of Domestic Constitutional Control//Law and State: Theory and Practice – 2019 - No. 10 (178) - Pp. 72-74.
2. Vinogradova E. V. Judicial Lawmaking in the Aspect of Domestic Constitutional Control//Law and State: Theory and Practice – 2019 - No. 10 (178) - Pp. 72-74.
3. Vinogradova E.V. Cognitive Technologies of Value Transformation. Constitutional and Legal Aspect. // Legal Policy and Legal Life. 2024.3. pp.221-227.
4. Efimov V. And the system of state power. Moscow, 1994. p.145.
5. Kerimov A.D. French parliamentarism: Constitutional and legal research: dis. ...Dr. Jurid. sciences': 12.00.02. M., 1999. P. 46.
6. Klishas A.A. Constitutional Control and Constitutional Justice in Foreign Countries. A Comparative Legal Study. Edited by Prof. V.V. Eremyan. M., 2015. P. 206.
7. Petrova I.V. The Constitutional Court as a Constitutional Control Body in the Russian Federation. Abstract. Diss. Cand. of Law. Moscow, 2004. P.27.
8. Chirkin V.E. Constitutional Law of Foreign Countries / 5th ed., revised. M.: Yurist, 2008. 607 p.
9. Yudin Yu.A., Shulzhenko Yu.L. Constitutional Justice in a Federal State. (Comparative- legal study). M., 2000
10. Shumilov V.M. The Legal System of the USA. M.: International Relations, 2017. P. 67.

¹ См.: Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. Под общ. ред. проф. Еремяна В.В. М., 2015. С.206.

² См.: Петрова И.В. Конституционный Суд – орган конституционного контроля в Российской Федерации. Автореф. дисс....канд.юрид.наук. М., 2004. С.27.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_320

УДК 351.754.1

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ DIRECTIONS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

ХАЛИЛЕВ Руслан Амдиевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского.
295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.
E-mail: basovbasova@mail.ru;

KHALILEV Ruslan Amdievich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Process
of the Crimean Federal University named V.I. Vernadsky.
4 Akademika Vernadskogo Avenue, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia.
E-mail: basovbasova@mail.ru

Краткая аннотация: Автором проанализированы актуальные вопросы, связанные с содержанием отдельных направлений использования технологий ИИ в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией государственного управления, значительным количеством киберпреступлений и задачами, закрепленными в Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года. Рассмотрены три направления: обеспечение безопасности дорожного движения; расследование преступлений; информационно-аналитическая деятельность. Сделан вывод о необходимости дальнейшего правового и организационного обеспечения внедрения ИИ в практику ОВД. Проведен анализ научных подходов к определению содержания указанных направлений применения технологий ИИ.

Abstract. This article analyzes specific avenues for the application of AI technologies within the operational and professional activities of internal affairs bodies. The relevance of this research is driven by the digital transformation of public administration, the significant volume of cybercrime, and the objectives outlined in the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030. Three key areas are examined: ensuring road traffic safety, criminal investigation, and information-analytical activities. The study concludes that further legal and organizational support is necessary to facilitate the practical implementation of AI within internal affairs bodies. Furthermore, an analysis is conducted regarding scholarly approaches to defining the scope and content of these specific areas of AI application.

Ключевые слова: искусственный интеллект, органы внутренних дел, безопасность, служебная деятельность, киберпреступность.

Key words: artificial intelligence, internal affairs bodies, security, professional activity, cybercrime.

Для цитирования: Халилев Р.А. Направления использования технологий искусственного интеллекта в служебной деятельности органов внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 320-323. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_320.

For citation: Khalilev R.A. Directions for the use of artificial intelligence technologies in the official activities of internal affairs agencies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 320-323. [Http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_320](http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_320).

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Современный этап развития государства в целом характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер государственного управления. Искусственный интеллект (далее – ИИ) перестал быть сугубо технологической или научно-футуристической категорией, а также предметом исследования определенной группы научных специальностей (Математика и механика; Компьютерные науки и информатика; Информационные технологии и телекоммуникации; Транспортные системы и т. д.). Важно отметить, что на сегодня технологии ИИ прочно вошли в повседневную жизнь общества [1, с. 114-115]. Вместе с тем сегодня ИИ выступает в качестве одного из основных условий экономического роста, обеспечения национальной безопасности и совершенствования правоохранительной деятельности. Ведущие мировые экономики рассматривают масштабное внедрение технологий искусственного интеллекта как необходимое условие достижения политического, экономического и технологического лидерства. В Российской Федерации также накоплен положительный опыт применения ИИ в различных отраслях, что подтверждает его роль в цифровой трансформации экономики и социальной сферы. По прогнозам ООН, к 2033 году общий объем рынка искусственного интеллекта достигнет 4,8 триллиона долларов, сделав его одной из ключевых движущих сил цифровой трансформации. ИИ открывает новые экономические перспективы, делая технологии, инновации и знания ключевыми элементами национальных стратегий развития [2].

Различные аспекты применения технологий ИИ неоднократно становились предметом научной дискуссии. Значительная часть исследований сосредоточена на теоретическом осмыслении «феномена ИИ» [3; 4], а также практических и этических аспектах применения технологий ИИ в деятельности правоохранительных органов [5; 6; 7; 8]. Вместе с тем, большинство ученых отмечают, что эффективная интеграция технологий ИИ в различные сферы экономики, обеспечения национальной безопасности, обороноспособности, энергетики, государственного управления, правозащитной и правоохранительной деятельности представляет собой одну из важнейших задач XXI столетия. Кроме того, посредством автоматизации «однообразных и рутинных процессов», ИИ способен обеспечить оптимизации административных процедур, повышения прозрачности деятельности органов власти и расширения доступности государственных услуг, обеспечения безопасности [1, с. 165].

На актуальность данной проблематики также указывает неоднократное внимание высшего политического руководства Российской Федерации. Так, выступая на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (AI Journey) в ноябре 2022 года, Президент России

В.В. Путин отметил: «от достижений в сфере ИИ зависит место страны в мире, ее суверенитет, безопасность и возможности для решения задач экономического и социального развития» [9]. В свою очередь, по оценкам заместителя Председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко, озвученным на конференции «Цифровая индустрия промышленной России» в мае 2023 года, российский рынок технологий искусственного интеллекта за три года вырос практически вдвое, а в течении следующих трех лет ожидается, что более половины отечественных предприятий будут использовать ИИ-решения в своей деятельности [10].

Вопросам цифровой трансформации существенное внимание уделяется в работе органов внутренних дел. В Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 годы отмечено: «одной из актуальных задач ведомства является преодоление имеющегося отставания в вопросах применения технологий ИИ в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел» [11].

В то же время, объективным обстоятельством, обуславливающих необходимость внедрения технологий ИИ в правоохранительную деятельность является поиск новых методов противодействия преступности, а также активное использование информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2025 году на территории России было зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации. Хотя данный показатель продемонстрировал снижение на 11,8% по сравнению с предшествующим годом, масштаб явления остается крайне значительным. Преступления данной категории составляют более 38% от общего массива зарегистрированных правонарушений. При этом практически половину всех IT-преступлений (около 350 тыс. случаев) составили кибермошенничества, а 85% всех мошеннических действий в стране так или иначе сопряжены с использованием цифровых технологий [12]. В этих условиях государство в лице уполномоченных правоохранительных органов вынуждено объединять усилия по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с помощью цифровых средств.

Помимо борьбы с киберпреступностью, технологии ИИ активно внедряются и в иные направления служебной деятельности ОВД. Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел остается повышение безопасности дорожного движения. Несмотря на некоторые улучшения показателей, ситуация на дорогах по-прежнему характеризуется высокой степенью аварийности. По итогам 2024 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 132 037 ДТП, в которых погибли 14 403 человека, получили ранения более 160 тыс. человек [13]. В этой связи особую актуальность приобретает внедрение технологий ИИ в практику подразделений Госавтоинспекции. Одним из наиболее перспективных направлений является оптимизация дорожного движения на основе интеллектуального анализа транспортных потоков. ИИ-алгоритмы позволяют в автоматическом режиме обрабатывать данные о скорости и плотности транспортных потоков, количестве автомобилей на различных участках дорожной сети и на основе полученных параметров осуществлять адаптивное управление светофорными объектами.

В Российской Федерации интеллектуальные транспортные системы с применением нейросетей активно функционируют на федеральных трассах (ЦКАД, М-12, М-4), а также на региональных дорогах. Отечественные решения разрабатываются, в частности, на базе Центра компьютерного зрения концерна «Телематика». Технологии ИИ используются для управления дорожным движением, идентификации транспорта на платных дорогах (барьерного и безбарьерного типа), а также весогабаритного контроля [15].

На «ЦКАД» внедрена автоматизированная система управления движением, которая посредством видеоаналитики на основе ИИ и нейросетей автоматически обнаруживает ДТП, выпавший груз, остановку в неположенном месте, пешеходов или животных на проезжей части, заторы. Это позволяет оперативно реагировать на инциденты, направлять экстренные службы и информировать водителей. Особую значимость система приобретает для дорог, проходящих через лесные массивы, где своевременное обнаружение животных и предупреждение водителей способствует предотвращению ДТП. Нейросети обеспечивают автоматическое распознавание номерных знаков, определение марки, модели и класса транспортного средства, что снижает вероятность заторов и аварий. Система «Свободный поток» применяется на ЦКАД, М-12, МСД. Алгоритмы ИИ распознают более 100 марок и 1000 моделей транспортных средств, а также номера 60 государств [15].

Показательным примером реализации подобного подхода является опыт Республики Дагестан. Посредством модернизации светофорного хозяйства с использованием алгоритмов ИИ, установки детекторов транспорта, внедрения систем видеонаблюдения и интеллектуального управления маршрутами общественного транспорта региональным властям удалось организовать мониторинг дорожной обстановки в режиме реального времени, запустить адаптивные режимы работы светофоров с учетом актуальной загруженности улично-дорожной сети. Кроме того, на отдельных улицах г. Махачкалы была внедрена программа «зеленой волны», обеспечивающая непрерывный проезд светофорных перекрестков без промежуточных остановок. Реализация указанных мер позволила повысить пропускную способность дорог в утренние часы пик на 14%, в вечерние – на 12%.

Особого внимания заслуживает применение ИИ для предотвращения наездов на пешеходов, что традиционно относится к числу наиболее распространенных видов ДТП. В апреле 2024 года в г. Мытищи Московской области успешно прошел апробацию экспериментальный «умный пешеходный переход» [14]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что использование технологий ИИ в сфере обеспечения безопасности дорожного движения не ограничивается фиксацией правонарушений, а охватывает также задачи превентивного характера – управление транспортными потоками, снижение аварийности на пешеходных переходах, повышение пропускной способности дорог. Это, в свою очередь, подтверждает многоаспектный характер направлений применения ИИ в деятельности ОВД.

Не менее значимым направлением внедрения технологий ИИ является их использование в процессе расследования преступлений. Современная криминалистика, как справедливо отмечают отечественные эксперты, демонстрирует высокую восприимчивость к технологическим инновациям, способным оказаться полезными для выявления и раскрытия различных видов противоправных деяний. В связи с этим изучение

перспектив применения анализируемых технологий в правоохранительной деятельности представляет значительный научный и практический интерес.

В Российской Федерации для нужд МВД разработана Федеральная информационная система биометрических учетов (далее – ФИС-БУ), которая поэтапно внедряется в деятельность Министерства. Данная система предназначена для поиска лиц, подозреваемых в совершении преступлений, посредством обработки данных с камер видеонаблюдения. В настоящее время проводятся исследования, направленные на расширение функциональных возможностей ФИСБУ – не только для сбора, но и для комплексной обработки получаемой информации [5, с. 161-163]. Указанные технологии позволяют распознавать людей не только по изображению лица, но и по иным биометрическим параметрам: голосу, радужной оболочке глаз, татуировкам, а также другим идентифицирующим признакам.

Активное внедрение достижений информационных технологий в процесс расследования преступлений предоставляет практическим сотрудникам органов внутренних дел колоссальные возможности по использованию систем, функционирующих на основе ИИ, в целях противодействия преступности. Деятельность следователя по расследованию уголовных дел отличается чрезвычайной кропотливостью и многогранностью, будучи направленной в первую очередь на установление всех обстоятельств совершенных общественно опасных деяний и достижение объективной истины. Основным инструментарием в данном виде деятельности выступает разработанный учеными-криминалистами комплекс технических средств, а также тактических и методических приемов расследования. Как обоснованно указывает П.Н. Кобец, современную криминалистику отличает высокая восприимчивость к технологиям, которые могут быть полезны для выявления и раскрытия различных преступных проявлений, в связи с чем изучение перспектив применения технологий ИИ в рассматриваемой сфере представляет большой интерес [5, с. 165].

Показательным примером реализации подобных разработок является отечественная система «Криминалист», предназначенная для анализа данных из баз ФСБ, МВД, ФСИН, ФНС и иных ведомств. Помимо этого, система осуществляет мониторинг социальных сетей, средств массовой информации и других открытых источников, которые могут способствовать расследованию. В результате обработки указанных массивов данных «Криминалист» способен выявлять потенциальных преступников и устанавливать место совершения преступления. Другим эффективным инструментом являются видекамеры, оснащенные технологией распознавания лиц. Они позволяют идентифицировать преступников в городском пространстве – в парках, скверах, на слабо освещенных улицах. Согласно официальным статистическим данным, в Москве около 70% уличных преступлений расследуются с использованием компьютерных технологий распознавания лиц [14].

Наиболее перспективным направлением внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел является их интеграция в существующие информационные системы, такие как интегрированная поисковая система «Следопыт-М», автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон», интегрированный банк данных (ИБД-Р), а также система «Розыск-Магистраль». Указанные сервисы необходимы сотрудникам МВД России для обработки персональной и оперативно значимой информации. Вместе с тем, как справедливо отмечают В.Л. Акапьев и Е.Г. Ковалева, внедрение технологий ИИ в деятельность ОВД сопряжено с рядом проблемных вопросов, требующих самостоятельного научного анализа и практического разрешения [8, с. 22].

Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в информационно-аналитической деятельности ОВД становится необходимым условием повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях общей цифровизации оперативно-служебной деятельности. Одним из ключевых направлений является интеллектуальный анализ больших данных (Big Data). Эти технологии позволяют обрабатывать значительные объемы различной информации, в частности о состоянии преступности, выявлять скрытые закономерности и прогнозировать состояние оперативной обстановки. Технологии машинного обучения внедряются в системы поддержки принятия решений, что позволяет автоматизировать обработку уголовной статистики и объективно оценивать эффективность работы территориальных органов [16, с. 145-148]. ИИ также находит применение во внутренней деятельности территориальных органов внутренних дел. Методы интеллектуального анализа данных используются для мониторинга служебной дисциплины и законности, а также для оценки качества профессиональной подготовки сотрудников и выпускников ведомственных вузов системы МВД России.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, ИИ как стратегический фактор развития ОВД. В современных условиях цифровой трансформации государственного управления технологии ИИ являются не просто как инструмент автоматизации отдельных процессов, а как стратегический фактор повышения эффективности правоохранительной деятельности. Как показал анализ, внедрение ИИ в оперативно-служебную деятельность ОВД соответствует общемировым тенденциям цифровизации, закреплено в национальных стратегических документах. Во-вторых, повышение безопасности дорожного движения. Применение ИИ в деятельности подразделений Госавтоинспекции демонстрирует высокую эффективность по нескольким направлениям. ИИ в данной сфере решает как превентивные, так и оперативные задачи (обнаруживать ДТП, внедрение адаптивного управления светофорными объектами, распознавание номерных знаков и осуществление весогабаритного контроля, «умные пешеходные переходы»). В-третьих, расследование преступлений. Использование ИИ в криминалистической деятельности существенно расширяет возможности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений. В-четвертых, информационно-аналитическая деятельность. Внедрение технологий ИИ в информационно-аналитическую работу ОВД позволяет перейти от традиционных методов сбора и обработки статистических данных к интеллектуальному анализу больших массивов информации.

Наряду с уже имеющимися позитивными результатами, внедрение ИИ в деятельность ОВД сопряжено с рядом проблем, требующих дальнейшего научного анализа и практического разрешения. К их числу относятся: правовая неопределенность статуса результатов, полученных с использованием ИИ; вопросы защиты персональных данных при биометрической идентификации; риск «алгоритмической предвзятости»; необходимость оперативной подготовки и переподготовки кадров, способных эффективно работать с ИИ-системами.

Список литературы:

1. Коноплев В.В. Технологии «искусственного интеллекта» в деятельности органов публичной власти: правовые основы и основные направления применения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9А. С. 114-121.
2. Доклад ООН: внедрение искусственного интеллекта затронет 40 процентов рабочих мест URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1462941> (дата обращения 09.12.2025).
3. Варламова Ю. А., Корнейченко Е. Н. Искусственный интеллект в российских регионах // Russian Journal of Economics and Law. 2024. No. 18(3). P. 641–662. URL: <https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2573#:~:text=%D0%92%202022%20%D0%B3,2> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Коноплев В.В. Содержание государственной политики Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 51-58.
5. Кобец П.Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник ВПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 161-168.
6. Искусственный интеллект на службе полиции: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. – 118 с.
7. Сидорова М.В. Искусственный интеллект в деятельности сотрудников Госавтоинспекции: современный взгляд: Материалы XIX Международной научно-практической конференции «Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования», (24 апреля 2025 г.), Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, Орел. – 2025. С. 317-322.
8. Акапьев В. Л., Ковалева Е. Г. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // ППД. 2025. №2. – С. 18-25.
9. Выступление В.В. Путина на конференции по искусственному интеллекту URL: <https://ria.ru/20221124/putin-1833864074.html> (дата обращения: 10.12.2025).
10. Дмитрий Чернышенко: для 80% цифровых решений разработаны российские аналоги URL: <http://government.ru/news/48614/> (дата обращения: 10.12.2025).
11. Распоряжение МВД России от 25.01.2023 № 1/649 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023 - 2025 годы» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=822992#zpfR> (дата обращения: 10.12.2025).
12. Генпрокуратура: в России сократилось число IT-преступлений URL: <https://habr.com/ru/news/994406/> (дата обращения: 10.12.2025).
13. Государственный доклад о состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации URL: https://gosavtoinspekciya.rf/upload/site1000/folder/original/downloads/prezentaciya_gosdoklad_2025.pdf.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
14. Алгоритмы и камеры: как ИИ помогает бороться с преступностью и ДТП URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66600fbd9a7947e7ea5f2543?from=copy> (дата обращения: 10.12.2025).
15. Как нейросети управляют дорожным движением в России URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/65168cdc9a794764f1ad0469?from=copy> (дата обращения: 10.12.2025).
16. Логинов Е.Л. Использование технологий Big Data для противодействия массовым беспорядкам в условиях недостатка информации и неопределенности развития ситуации // Сб. статей межд. научно-практ. конф. «Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции». – М.: Академия управления МВД России, 2020. – С. 145-151.

References:

1. Konoplev V.V. Teknologii «iskusstvennogo intellekta» v deyatel'nosti organov publichnoy vlasti: pravovy'e osnovy i osnovny'e napravleniya primeneniya // Voprosy' rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 9A. S. 114-121.
2. Doklad OON: vnedrenie iskusstvennogo intellekta zatront 40 procentov rabochix mest URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1462941> (data obrashheniya 09.12.2025).
3. Varlamova Yu. A., Kornejchenko E. N. Iskusstvenny'j intellekt v rossijskix regionax // Russian Journal of Economics and Law. 2024. No. 18(3). R. 641–662. URL: <https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2573#:~:text=%D0%92%202022%20%D0%B3,2> (data obrashheniya: 12.12.2025).
4. Konoplev V.V. Soderzhanie gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti razvitiya iskusstvennogo intellekta // Voprosy' rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 11A. S. 51-58.
5. Kobecz P.N. Vnedrenie texnologij, ispol'zuyushix iskusstvenny'j intellekt, v deyatel'nost' MVD Rossii: opy't i problemy' // Vestnik VIPK MVD Rossii. – 2023. – № 4(68). – S. 161-168.
6. Iskusstvenny'j intellekt na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 118 s.
7. Sidorova M.V. Iskusstvenny'j intellekt v deyatel'nosti sotrudnikov Gosavtoinspekci: sovremenny'j vzglyad: Materialy' XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy', puti sovershenstvovaniya», (24 aprelya 2025 g.), Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk'yanova, Orel. – 2025. S. 317-322.
8. Akap'ev V. L., Kovaleva E. G. Problemy'e voprosy' primeneniya texnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti organov vnutrennix del rossijskoj federacii // PPD. 2025. №2. – S. 18-25.
9. Vy'stuplenie V.V. Putina na konferencii po iskusstvennomu intellektu URL: <https://ria.ru/20221124/putin-1833864074.html> (data obrashheniya: 10.12.2025).
10. Dmitriy Cherny'shenko: dlya 80% cifrov'y'x reshenij razrabotany' rossijskie analogi URL: <http://government.ru/news/48614/> (data obrashheniya: 10.12.2025).
11. Rasporyazhenie MVD Rossii ot 25.01.2023 № 1/649 «Ob utverzhenii Vedomstvennoj programmy' cifrovoy transformacii MVD Rossii na 2023 - 2025 gody' » URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=822992#zpfR> (data obrashheniya: 10.12.2025).
12. Genprokuratura: v Rossii sokratilos' chislo IT-prestuplenij URL: <https://habr.com/ru/news/994406/> (data obrashheniya: 10.12.2025).
13. Gosudarstvenny'j doklad o sostoyanii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii URL: https://gosavtoinspekciya.rf/upload/site1000/folder/original/downloads/prezentaciya_gosdoklad_2025.pdf.pdf (data obrashheniya: 10.12.2025).
14. Algoritmy' i kamery: kak II pomogaet borot'sya s prestupnost'yu i DTP URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/66600fbd9a7947e7ea5f2543?from=copy> (data obrashheniya: 10.12.2025).
15. Kak nejroseti upravlyayut dorozhny'm dvizheniem v Rossii URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/65168cdc9a794764f1ad0469?from=copy> (data obrashheniya: 10.12.2025).
16. Loginov E.L. Ispol'zovanie texnologij Big Data dlya protivodejstviya massovy'm besporядkam v usloviyax nedostatka informacii i neopredelennosti razvitiya situacii // Sb. statej mezhd. nauchno-prakt. konf. «Iskusstvenny'j intellekt (bol'shie dannye) na sluzhbe policii». – M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. – S. 145-151.

**ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НУМЕРАЦИИ СТАТЕЙ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
LEGAL AND TECHNICAL ASPECTS OF NUMBERING ARTICLES
OF REGULATORY ACTS AND LEGAL COMMUNICATION:
THEORETICAL AND HISTORICAL-LEGAL ANALYSIS**

АДЫГЕЗАЛОВА Гюльназ Эльдаровна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия.
E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

СУЩЕНКО Яна Анатольевна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашилевская, д. 43.
E-mail: syschenkouyana@mail.ru

ЯКОВЛЕВ Николай Кириллович,

студент юридического факультета им. А.А. Хмырова,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашилевская, д. 43.
E-mail: kolyakara13@gmail.com

ADYGEZALOVA Gyulnaz Eldarovna

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the FGBOU VO "Kuban State University".
149 Stavropol Street, 350040, Krasnodar, Russia.
E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

SUSHCHENKO Yana Anatol'evna,

Lecturer, Department of Theory and History of State and Law
FGBOU VO "Kuban State University".
43 Rashpilevskaya str., Krasnodar, 350000, Russia.
E-mail: syschenkouyana@mail.ru

YAKOVLEV Nikolai Kirillovich,

student, A.A. Khmyrov Faculty of Law, FGBOU VO "Kuban State University".
43 Rashpilevskaya str., Krasnodar, 350000, Russia.
E-mail: kolyakara13@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу технико-юридических и лингвистических проблем, возникающих при нумерации новых статей в законодательстве. Авторы на примерах российского и зарубежного опыта (Франция, Италия, Германия) демонстрируют, что развитые правовые системы используют системные, визуально и фонетически однозначные модели нумерации, которые обеспечивают правовую определённость. В отличие от них, в российской правовой системе отсутствует единый подход, что особенно ярко проявляется в различиях между нумерацией в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях. Это приводит к серьёзным проблемам в устной правовой коммуникации, порождая риски ошибок не только при толковании и применении норм, но и при использовании новых технологий распознавания речи и перевода её в юридический текст. В качестве решения авторы предлагают закрепить единый стандарт устного произношения и провести ревизию методических документов для принятия обязательного стандарта «индексной» системы нумерации.

Abstract: This article analyzes the technical, legal, and linguistic issues that arise when numbering new articles in legislation. Using examples from Russia and abroad (France, Italy, Germany), the authors demonstrate that developed legal systems employ systematic, visually and phonetically unambiguous numbering models that ensure legal certainty. In contrast, the Russian legal system lacks a unified approach, which is particularly evident in the differences between the numbering in the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. This leads to serious problems in oral legal communication, creating the risk of errors not only in the interpretation and application of norms, but also in the use of new speech recognition technologies and its translation into legal text. As a solution, the authors propose establishing a uniform standard for oral pronunciation and revising methodological documents to adopt a mandatory standard for an «index» numbering system.

Ключевые слова: юридическая техника, законодательная лингвистика, устная правовая коммуникация, сравнительное правоведение, вербализация норм, история права, цифровые технологии

Keywords: legal technique, legislative linguistics, oral legal communication, comparative law, verbalization of norms, history of law, digital technologies

Для цитирования: Адыгезалова Г.Э., Сущенко Я.А., Яковлев Н.К. Юридино-технические аспекты нумерации статей нормативно-правовых актов и правовая коммуникация: теоретический и историко-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 324-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_324.

For citation: Adygezalova G.E., Sushchenko Ya.A., Yakovlev N.K. Legal and technical aspects of numbering articles of regulatory acts and legal communication: theoretical and historical-legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 324-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_324.

**Статья поступила в редакцию: 05.12.2025
Дата публикации статьи: 30.12.2025**

Правовая система любого современного государства находится в состоянии постоянного развития, приспосабливаясь к изменяющимся общественным отношениям. Одним из ключевых инструментов такой адаптации является законотворческая деятельность, в рамках которой происходит не только принятие новых нормативных правовых актов, но и совершенствование уже существующих. Процесс включения новых правовых норм в сложившуюся, логически выстроенную структуру закона представляет собой сложную технико-юридическую задачу. От избранного законодателем способа её решения напрямую зависят ясность, точность и недвусмысленность правового регулирования, а следовательно, и эффективность правоприменительной практики.

Проблема нумерации дополнительных структурных единиц, вводимых в текст закона, традиционно находится под пристальным вниманием специалистов в области юридической техники. В условиях активной правотворческой деятельности особое значение приобретает правильность оформления таких дополнений. Правило сквозной нумерации статей законодательного акта предполагает, что все изменения и дополнения должны вноситься без нарушения ранее установленной нумерации его статей. При этом добавленные статьи продолжают нумерацию и помещаются либо в конец акта, либо между статьями, наиболее близкими по смыслу, с присвоением номера предыдущей статьи с дополнительным верхним индексом.

Такой приём позволяет сохранить как стабильность структуры нормативно-правового акта, так и устойчивость ссылок на его нормы. При введении новых положений нумерация остаётся неизменной, что в свою очередь минимизирует риск возникновения ошибок в правоприменительной практике. Вместе с тем сокращается объем законотворческой работы по подготовке и внесению изменений, в виду того, что новую статью можно добавить в любую структурную часть акта, используя дополнительный индекс, помещаемый над основным номером, без необходимости перенумеровывать последующие статьи.

Статьи с дополнительным верхним индексом появились ещё в законодательстве дореволюционной России. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, представляет интерес правило законодательной техники, применённое при переиздании в 1885 г. в новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [10]. Законодатель сохранил нумерацию статей, установленную в редакции 1866 г., обозначая каждую вновь добавленную норму номером предшествующей статьи с дополнительной надстрочной цифрой, присоединённой к основному номеру статьи, тогда как исключённые статьи были «оставлены на своём месте», но вместо их текста помещались оговорки о признании их утратившими силу. Итак, в уголовном законодательстве уже в конце XIX века используется приём сохранения нумерации при помощи статей с дополнительным верхним индексом.

В советский период данный подход получил дальнейшее развитие. За время действия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в его текст было внесено множество изменений, в том числе введены новые статьи (например, ст. 139^a, 190^a, 190^b, 226^a и др.). Интересно, что эти нормы обозначались посредством буквенных индексов [6], присоединённых к основному номеру статьи. В заменившем его Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. при введении новых норм законодатель использовал уже цифровое обозначение верхних индексов, помещаемых справа от основного номера статьи [16]. Данный способ обозначения сохранялся и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., в частности, при введении в 1962 году ст. 93¹ [9], устанавливающей ответственность за хищение государственного или общественного имущества в особо крупном размере. Советская уголовно-правовая техника позволила сохранить относительную стабильность структуры кодексов при высокой интенсивности вносимых в них изменений.

В современной России статьи с верхними индексами получили ещё более широкое распространение, поскольку количество федеральных законов, вносящих изменения в кодексы, ежегодно увеличивается. Это обуславливает более широкое распространение данного приёма юридической техники, позволяющего избежать перенумерации статей законодательного акта.

Проблема нумерации не является новой для отечественной науки. Однако зачастую анализ ограничивается лишь графическим аспектом – способами написания номеров новых статей, глав или разделов. При этом вне поля зрения исследователей остаётся не менее важный, а в практическом отношении, возможно, и более значимый аспект – устная вербализация (произношение) таких нетипичных номеров. Именно в устной правовой коммуникации – в ходе судебных заседаний, при проведении следственных действий, в процессе преподавания юридических дисциплин – скрытые дефекты юридической техники проявляются наиболее ясно, порождая риски неверного толкования и применения правовых норм.

Обращение к опыту зарубежных правовых систем позволяет выявить ряд апробированных и эффективных моделей решения проблемы включения новых норм в действующие законы. Данные модели, как правило, характеризуются стремлением законодателя к максимальной однозначности как графического отображения, так и фонетического звучания номера статьи.

Правовые системы стран континентальной Европы, имеющие общие корни в римском праве и длительную историю кодификации, выработали функциональные подходы к рассматриваемой проблеме. Одним из наиболее ярких примеров является современная практика французского законодателя. Гражданский кодекс Франции 1804 г. (Кодекс Наполеона), несмотря на свой возраст и многочисленные изменения, сохраняет логику структурирования. Новые статьи, вводимые между уже существующими, получают составной номер с использованием дефиса. Так, после статьи 98 следует статья 98-1, за ней – 98-2 и так далее [2]. Преимущество такого подхода очевидно: дефис визуально и фонетически четко отделяет основной номер от порядкового номера новой нормы. Устное произношение «статья девяносто восемь дефис один» не оставляет пространства для двусмысленности.

Иной, но не менее эффективный подход демонстрирует законодательство Италии, а также историческое законодательство самой Франции. Этот метод основан на использовании латинских числительных, добавляемых к номеру основной статьи: «bis» (дважды, второй), «ter» (трижды, третий), «quater» (четырежды, четвёртый) и так далее. В действующем Уголовном кодексе Италии можно встретить статьи 270-bis, 270-

ter [3]. Однако подлинный масштаб и системность данного подхода раскрываются при анализе Гражданского кодекса Италии. В результате реформы корпоративного права в него была включена целая серия новых статей, которые получили нумерацию от 2409-bis (второй) до 2409-duodecies (двенадцатый) [4]. Следует отметить, что в такой нумерации отсутствует обозначение «prímus», то есть первый, тем самым значение первой статьи получает статья без индекса, что является логически верным. Это наглядно доказывает, что такая система является не просто решением для единичных изменений, а полноценным инструментом для проведения крупномасштабных законодательных реформ.

Кроме того, показателен способ включения новых структурных единиц в действующее Германское гражданское уложение 1896 г. При внесении в него изменений сохраняется сквозная нумерация, главным образом за счет того, что новые параграфы вводятся путём присоединения к их номеру строчной латинской буквы без пробела между цифрой и буквой. Например, в 2001 году после §126 был введён §126a, а позднее вслед за ним §126b [1]. Важно отметить, что хотя подобный вариант обозначения может визуально восприниматься как разновидность или подпункт параграфа 126, в действительности же это самостоятельные правовые нормы того же уровня в системе уложения. Буквенный индекс является более удобным и оптимальным вариантом для устного и письменного цитирования, по сравнению с громоздкими цифровыми обозначениями.

Анализ зарубежной практики позволяет констатировать, что развитые правовые системы при решении задачи внедрения новых норм в законодательство руководствуются принципом правовой определённости. Общими чертами рассмотренных моделей являются:

- 1) Визуальная и фонетическая однозначность: как дефисное написание, так и использование латинских терминов или букв создают уникальный идентификатор для новой статьи, который невозможно спутать с другими структурными элементами.
- 2) Системность и масштабируемость: выбранный подход последовательно применяется в рамках кодифицированного акта и способен применяться как для точечных изменений, так и при крупных реформах.
- 3) Уважение к профессиональной коммуникации: законодатель закладывает в норму такой способ её обозначения, который удобен для устного использования.
- 4) Единство официальной и практической нумерации статей: в зарубежных кодификациях добавочный индекс изначально является неотделимой частью номера статьи и находится с ним на одном уровне, поэтому иное написание или произнесение соответствующей нормы фактически невозможно, что и обеспечивает единообразие официального и практического обозначения статьи.

Современная российская правовая система, в отличие от рассмотренных выше примеров, демонстрирует отсутствие единого подхода к нумерации дополнительных структурных единиц, что порождает системные противоречия, технико-юридические коллизии и, как следствие, риски в правоприменительной деятельности.

Наиболее ярко эта внутренняя несогласованность проявляется при сопоставлении двух ключевых кодексов отечественного права – Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ).

В КоАП РФ реализована модель «глава.статья» (например, ст. 7.27), которая при дополнении новыми нормами преобразуется в «глава.статья.индекс» (ст. 7.27¹). Данная система, именуемая «точечной», требует для корректной вербализации полного проговаривания всех элементов, поскольку любое сокращение ведёт к риску неточной идентификации нормы [7]. Возможные варианты, используемые практикующими юристами: «статья семь точка двадцать семь точка один», «статья семь точка двадцать семь со значком один» или «статья семь точка двадцать семь с индексом один».

Совершенно иная и гораздо более проблемная модель реализована в Уголовном кодексе РФ. В целях сохранения сложившейся структуры Особенной части при её дополнении новыми составами преступлений законодатель пошёл по пути присвоения новым статьям номера уже существующей нормы с добавлением надстрочного цифрового индекса (например, 159¹, 159², 159³ и т.д.) [13].

Как справедливо отмечается в доктрине, «наличие в УК дополнительных, индексированных статей иногда вызывает трудности в произнесении их номеров, особенно среди молодых исследователей» [12]. Это затруднение на практике оборачивается серьёзной лингвистической и правовой проблемой. Предполагаем, что это может быть связано с тем, что исследователи при взаимодействии с уголовно-правовыми нормами используют не официальные источники опубликования, а справочные правовые системы и бумажные кодексы, которые зачастую недостоверно передают информацию. Так, обращаясь к официальному интернет-порталу правовой информации «www.pravo.gov.ru», становится ясно, что статьи имеют обозначение не 159.2, а 159², что является принципиально важным для результатов исследования [15].

Способ нумерации, избранный для УК РФ, создал острую дискуссию в профессиональном сообществе о правилах устного произношения таких номеров. На сегодняшний день можно выделить три основных варианта.

Вариант 1: опущение словесного обозначения разделителя. Этот вариант является самым опасным. В разговорной речи номер статьи 7.30² КоАП РФ может прозвучать как «статья семь тридцать два», что может быть ошибочно воспринято как статья 7.32. Смешение этих норм, описывающих разные составы правонарушений является грубым нарушением.

Вариант 2: часто используемый на практике вид устного обозначения индексных статей со словом «точка», например «статья сто пятьдесят восемь точка один». Такое цитирование является некорректным, так как во всех официальных текстах соответствующая статья графически обозначается как «158¹», то есть с верхним индексом, а не со знаком точки. Несовпадение с применяемой в законодательстве системой нумерации снижает уровень юридической точности профессиональной речи.

Вариант 3: использование термина «прим». Этот вариант распространён, но, как убедительно показано в работах Н.А. Лопашенко,

термин «прим» происходит от латинского «primus» (первый) и его использование оправдано только для статей с индексом «1» [12]. Конструкции типа «статья сто пятьдесят девять прим три» являются лингвистически абсурдными. К тому же такое обозначение приводит к терминологическому противоречию с устойчивым сокращением «прим.» для обозначения примечания к статьям. В этом случае логически правильным будет использовать вариант «статья сто пятьдесят девять с индексом три».

Вариант 4: использование описательных конструкций «со значком» / «с индексом». Данный подход («статья сто пятьдесят девять со значком три») активно обсуждается в современной научной литературе [5] и представляется наиболее корректным с формально-логической точки зрения. Он универсален и точно описывает графическое отображение. Тем не менее выражение «со значком» носит разговорный характер и не отвечает требованиям профессиональных речевых норм и официально-делового стиля. Из двух представленных вариантов наиболее приемлемым представляется использование термина «индекс», как наиболее стилистически нейтрального. Кроме того, обращаясь к нормативно-правовым актам, стоит уделить внимание пункту 53 Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, где закреплено: «В случае если акт дополняется новыми структурными единицами между действующими, то новые структурные единицы должны иметь нумерацию с верхним индексом или указанный индекс может заключаться в скобки» [11].

Подтверждение данной позиции можно найти и в работах известных учёных в области уголовно-правовых наук, так А.И. Парог в своей работе, посвящённой развитию уголовного законодательства России, пишет: «В некоторых статьях появились новые части, номера которых повторяют номера предыдущей части, но с надстрочным индексом» [13]. Аналогичным образом Г.А. Есаков, описывая систему и структуру уголовного закона, указывает, что при добавлении в УК РФ новой статьи она помещается после наиболее смежной по предмету правового регулирования нормы и обозначается номером этой статьи с добавлением верхнего индекса 1, 2 и т.д. [14].

Глубина рассматриваемой проблемы в полной мере подтверждается при анализе иных официальных актов, регулирующих правила законотворчества. В Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов, разработанных аппаратом Государственной Думы, прямо закреплена «точечная» система нумерации. Пункт 12 данных рекомендаций гласит: «Если законодательный акт дополняется новыми структурными единицами, то их необходимо обозначать дополнительно цифрами, помещаемыми над основными цифровыми или буквенными обозначениями» [8]. Эта норма ориентирует законодателя на современную модель, аналогичную той, что используется в КоАП РФ и УК РФ.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, зарубежные правовые системы (на примере Франции, Италии и Германии) демонстрируют приверженность системным, масштабируемым и фонетически однозначным способам нумерации дополнительных статей. Во-вторых, в российском законодательстве отсутствует единый подход к нумерации, что приводит к возникновению рисков правовой неопределённости, особенно при устной вербализации номеров статей УК РФ.

В целях преодоления сложившейся негативной ситуации необходимо принятие комплексных мер, которые позволят успешно внедрять в юридический процесс новые технологии распознавания речи и перевода её в текст (например, при ведении стенограммы судебного заседания). В качестве краткосрочной меры требуется закрепление в официальных методических документах, регулирующих подготовку и оформление законопроектов, единый стандарт произношения номеров статей, имеющих надстрочный индекс. Наиболее предпочтительным видится вариант «статья X с индексом Y», который может быть принят в качестве стандартного для официальной, научной и профессиональной речи. В долгосрочной перспективе необходимо провести ревизию всех действующих методических рекомендаций, устранить существующие противоречия и принять единый, обязательный для всех субъектов права законодательной инициативы документ федерального уровня, который бы однозначно закрепил «индексную» систему нумерации (например, ст. 159¹ УК РФ, ст. 159³ УК РФ, ст. 27.30² КоАП РФ) в качестве единственно допустимой для всех новых и изменяемых актов. Кроме того, для сохранения единообразия считаем целесообразным признать недопустимым и некорректным употребление слова «прим» даже для статей, имеющих индекс «¹». Такая реформа позволит гармонизировать отечественную юридическую технику и устранить один из источников правовой неопределённости, укрепив тем самым режим законности и правопорядка в государстве.

Список литературы:

1. Bürgerliches Gesetzbuch. In der Fassung der Bekanntmachung vom 02.01.2002 (BGBl. I S. 42, ber. S. 2909, 2003 S. 738) zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.07.2025 (BGBl. I S. 163) m.W.v. 23.07.2025. // URL: <https://dejure.org/gesetze/BGB> (дата обращения: 27.11.2025).
2. Code civil. Version consolidée au 22 octobre 2024. // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000006419491/1804-03-14/> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Code pénal de 1810. // URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_3.htm (дата обращения: 17.11.2025).
4. Codice civile. R.D. 16 marzo 1942, n. 262. // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1942-03-16;262> (дата обращения: 17.11.2025).
5. Дворянских И.В. Значок, точка или индекс: о юридической технике нумерации статей УК РФ // Lex criminalis scientiarum. 2024. №1 (1).
6. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов и др. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277>.
8. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов: (разработаны Аппаратом ГД ФС РФ) (редакция 2021 года) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379680/
9. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2016.
10. Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009-2019 гг.): сборник научных трудов / сост. Е. Н. Карабанова, И. А. Стаценко; вступит. ст. О. С. Капинус. М.: Университет прокуратуры РФ, 2019. Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2179827>.

11. Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Приказ Минюста России от 31.08.2023 № 222 (Зарегистрировано в Минюсте России 01.09.2023 N 75075) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456178/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafaddf518/.
12. Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации: состояние законодательства и научной мысли: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2009.
13. Рарог А.И. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. 2025. №1.
14. Российское уголовное право. Общая часть = Russian criminal law. General part: учебник / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2019.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru)). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.
16. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года: с изменениями до 1 марта 1929 г.: 81-140 тысяча. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929.

References:

1. Bürgerliches Gesetzbuch. In der Fassung der Bekanntmachung vom 02.01.2002 (BGBl. I S. 42, ber. S. 2909, 2003 S. 738) zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.07.2025 (BGBl. I S. 163) m.W.v. 07/23/2025. // URL: <https://dejure.org/gesetze/BGB> (access date: 11/27/2025).
2. Code civil. Version consolidée au 22 October 2024. // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000006419491/1804-03-14/> (access date: 11/16/2025).
3. Code penal de 1810. // URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_3.htm (access date: 11/17/2025).
4. Codice civile. R.D. 16 March 1942, n. 262. // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1942-03-16:262> (date of access: 17.11.2025).
5. Dvoryanskov I.V. Icon, Dot, or Index: On the Legal Technique of Numbering Articles of the Criminal Code of the Russian Federation // Lex criminalis scientiarum. 2024. No. 1 (1).
6. History of Soviet Criminal Law / A. A. Gertsenzon, Sh. S. Gringauz, N. D. Durmanov, et al. M.: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1948.
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on July 31, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information ([www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru)). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277>.
8. Methodological recommendations for the legal and technical design of bills: (developed by the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation) (2021 edition) // SPS "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379680/.
9. Yuzhin A.A. Fraud and its types in Russian criminal law: diss. ... Cand. Sciences (Law). Moscow, 2016.
10. Naumov A.V. Selected works. On the reform of the Criminal Code of the Russian Federation (published 2009-2019): collection of scientific papers / compiled by E.N. Karabanova, I.A. Statsenko; introductory article by O.S. Kapinus. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2179827>.
11. On approval of the Methodological guidelines for the legal and technical execution of regulatory legal acts of federal executive bodies: Order of the Ministry of Justice of Russia dated August 31, 2023 No. 222 (Registered in the Ministry of Justice of Russia on September 1, 2023 N 75075) // SPS "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456178/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafaddf518/.
12. General part of the Criminal Code of the Russian Federation: the state of legislation and scientific thought: monograph / edited by N.A. Lopashenko. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2009.
13. Rarog A.I. The State and Prospects of Development of Criminal Legislation in Russia // State and Law. 2025. No. 1.
14. Russian criminal law. General part = Russian criminal law. General part : textbook / edited G. A. Yesakov. M.: Prospekt, 2019.
15. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 31, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information ([www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru)). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>.
16. Criminal Code of the RSFSR, 1926 edition: with amendments up to March 1, 1929: 81-140 thousand. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1929.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ АВТОНОМНЫМИ, БЮДЖЕТНЫМИ, КАЗЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ¹ REGIONAL FEATURES OF LAW IMPLEMENTATION AND GOVERNANCE OF AUTONOMOUS, BUDGET, OFFICIAL DUTY INSTITUTIONS

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук.
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский просп., д. 32.

E-mail: office@corporateadvisor.pro

YAKOVLEV Alexander Yurievich

Doctor of Political Sciences, leading researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

117218, Russia, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32.

E-mail: office@corporateadvisor.pro

Краткая аннотация: в России государство в экономике представлено широким спектром организационно-правовых форм. Важное место в структуре государственной собственности занимают учреждения (автономные, бюджетные и казенные). Каждый тип учреждений обладает рядом уникальных черт. В субъектах федерации присутствует своя правоприменительная и управленческая специфика.

Abstract: The state in Russia is represented in the economy by a wide range of organizational and legal forms. Institutions (autonomous, budget, official duty) occupy an important place in the structure of state ownership. Each type of institution has its unique features. Russian regions have their own law enforcement and governance specifics.

Ключевые слова: государственное учреждение, автономное учреждение, бюджетное учреждение, казенное учреждение, управление учреждением, учреждение субъекта РФ.

Key words: state institution, autonomous institution, budget institution, official duty institution, institution governance, Russian region institution.

Для цитирования: Яковлев А.Ю. Региональные особенности применения права и управления автономными, бюджетными, казенными учреждениями // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 329-331. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_329.

For citation: Yakovlev A.Yu. Regional features of law implementation and governance of autonomous, budget, official duty institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 329-331. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_329.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Российская Федерация является государством с высоко динамичной правовой системой. Изменениям подвержены даже гражданско-правовые акты, устанавливающие основные положения о юридических лицах. Перманентно коррелируется регулирующее воздействие на отдельные виды организаций [3], в особенности, с участием государства [10] и муниципальных образований [12].

С момента принятия действующего основного закона в стране не только существенно расширилась линейка возможных к созданию юридических лиц, но и неоднократно пересматривались базовые постулаты их функционирования. Среди новелл, например, появление странных с точки зрения соотношения наименования и классификации этих организаций: госкорпорации, госкомпания, публично-правовые компании. Несмотря на преимущественно коммерческий характер их деятельности, они законодательством отнесены к некоммерческим организациям. Неоднозначным видится наличие организационно-правовой формы государственной компании, представленной единственной организацией - ГК «Автодор».

Одновременно с появлением различных довольно экзотических организационно-правовых форм, приведенных выше, присутствуют и весьма устойчивые. К таковым можно отнести: хозяйственные общества [15], унитарные предприятия и учреждения.

Стоит отметить, что специфические организационно-правовые формы (как с точки зрения наименований, так и управления [11], контроля [16], возлагаемых задач [15], осуществления финансово-хозяйственной деятельности) возникают преимущественно в публичном секторе экономики.

На 1 октября 2025 г. по данным Федеральной налоговой службы в ЕГРЮЛ фигурирует 50 999 госучреждений. У федерального центра 11 497 учреждений и на субъекты федерации приходится 39 502 учреждений.

Учреждения в России существуют в 3-х типах: автономные, бюджетные и казенные. У каждого типа учреждений имеются свои уникальные черты. В зависимости от ситуации и преследуемых собственником целей, особенности типа учреждения могут либо способствовать их эффективному функционированию, либо, наоборот, тормозить развитие.

Тип учреждения выбирается его учредителем. Выявить причину(ы) выбора типа учреждения в конкретном случае крайне затруднительно. Выяснение того, что именно побудило учредителя остановиться на том или ином типе, требует глубокого погружения в события периода возникновения организации или смены типа.

Тем не менее, возможно привести наиболее часто фигурирующие факторы, влияющие на выбор типа учреждения:

- сложившиеся в регионе историческая практика;

¹ Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИЭ РАН на 2024-2026 гг. «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

- представления должностных лиц относительно целесообразности наделения учреждений большей или меньшей степенью свободы действий;
- уровень доверия к руководителям подведомственных организаций;
- административный ресурс и авторитет руководителя учреждения;
- появление коррупционных кейсов в подведомственных учреждениях;
- наличие положительного опыта функционирования учреждений соответствующего типа в субъекте федерации;
- общероссийские, территориальные и отраслевые тренды;
- готовность региональных властей на эксперименты с типами учреждений;
- финансовое положение в субъекте федерации;
- уровень дотационности региона.

Остановимся несколько подробнее на некоторых из них.

За постсоветский период, в особенности в 90-е гг. XX в. субъекты федерации, получив ощутимую самостоятельность, по-разному стали выстраивать собственные системы управления и функционирования региональной экономики. В 2000-х начался общий процесс унификации. После корректировок основного закона в 2020 г. уровень свобод субъектового звена публичной власти еще снизился. Однако за пройденное время регионы успели выстроить механизмы управления государственной собственностью и сферами общественных отношений. Поэтому, даже после смены губернаторов, положение дел с учреждениями, преимущественно реализующими социальные функции, как правило, не сильно меняется. Работающие алгоритмы редко подвергаются глубокой перенастройке, выбранные когда-то кем-то типы учреждений часто сохраняются.

Субъективные представления должностных лиц об использовании типов учреждений разнятся. В значительной мере они формируются на основе опыта человека, образования, парадигм, в которых ему доводилось работать и приходится это делать в текущее время. В целом руководители органов, где есть подведомственные организации, придерживаются принципа минимизации свободы действий директора учреждения. Среди прочего это проявляется в введении процедур согласования с учредителем при решении множественных задач, что находит отражение в приказах органа власти или уставе организации.

Важное значение имеет уровень доверия к руководителям подведомственных организаций со стороны представителей учредителя. Он должен быть достаточно высоким сразу у целого ряда лиц, ставящих визы на документах и принимающих решения по определению типа учреждения: от кураторов до отраслевого министра, руководства органа по управлению имуществом до сотрудников аппарата регионального правительства, курирующего заместителя и председателя правительства.

Нельзя не сказать о роли личности директора в судьбе организации. Помимо того, что в значительной мере результаты деятельности учреждения зависят от него, он, при наличии авторитета и административного ресурса, вполне способен пролоббировать смену типа или сохранить нужный. В особенности, если на должность директора приходит человек ранее занимавший какую-то значимую позицию в системе государственного управления.

Разбирая государственный сектор экономики сегодня сложно не остановиться на коррупционном аспекте [17]. Особо высоки риски коррупции в наиболее богатом московском регионе [2]. Появление подобного в отдельном учреждении может вести к негативным последствиям для иных организаций региона. Например, вскрытие фактов злоупотреблений в закупках [7; 8] скорее всего вызовет пересмотр содержания положений о закупках в других подведомственных учреждениях. Если событие произошло в автономном учреждении и получило широкий общественный резонанс, то среди вероятных итогов будет смена типа провинившегося учреждения и торможение процессов перехода иных в автономные.

Описанные факторы в разной степени оказывают влияние на формирование региональных правоприменительных особенностей и практики управления государственными учреждениями. В данной связи, в качестве иллюстрации рассмотрим подходы Ленинградской и Калининградской областей. Оба региона пограничные и относятся к СЗФО. По численности населения Ленинградская превосходит Калининградскую область в 2 раза (2 и 1 млн. жителей соответственно), а по площади в 5,5 раз (83,9 и 15,1 тыс. км²). Для более релевантного сравнения выберем сферу образования, а именно подведомственные учреждения уполномоченного регионального органа.

В ведении комитета общего и профессионального образования Ленинградской области находится 61 учреждение (13 - автономных, 46 - бюджетных, 2 - казенных), у министерства образования Калининградской области 25 учреждений (7 - автономных, 16 - бюджетных, 2 - казенных). Количество казенных совпадает. В относительных величинах в обоих субъектах федерации доминируют бюджетные. На них приходится от 2/3 до ¾ всех учреждений, что, с одной стороны, говорит о превалировании консерватизма при выборе типа, с другой, об отсутствии радикализма, заключающегося в отдаче предпочтения казенным.

То, что в сфере образования к бюджетным учреждениям относятся большинство подведомственных организаций, ситуация типичная для страны. Основное различие между субъектами РФ кроется в широте использования автономных учреждений. Казенные же встречаются не часто.

Подводя черту, справедливости ради, необходимо отметить, что схожий с Россией подход в определенных вопросах, затронутых в работе, имеет место в иных странах СНГ, в частности, Беларуси [14]. Отчасти это обусловлено активно происходящей общемировой цифровизацией [4; 13], а также едиными цивилизационными представлениями о праве [5] и управлении у некоторых бывших советских республик.

Несмотря на постоянное введение новых норм, регулирующих деятельность юридических лиц, нередко уменьшающих свободу маневра органам управления организаций, все же у юридических лиц остается немалый потенциал для саморегулирования [1; 9]. Сохранение опций для саморегулирования [6] несомненно можно отнести к позитивным моментам российской правовой системы.

Список литературы:

1. Барков А.В., Петраш И.П. Саморегулирование деятельности как неотъемлемый контекст существования корпоративной юридической конструкции // Юридический мир. - 2024. - № 5. - С. 18-21.
2. Борисова О.В., Иванова Н.А. Противодействие коррупции в государственном управлении: нормативно-правовые акты антикоррупционного законодательства и резонансные преступления в Московской области // Вестник ГГУ. - 2023. - № 6. - С. 328-333.
3. Вечернин Д.С. Эволюция института оценки регулирующего воздействия: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2014. - № 4. - С. 22-28.
4. Демин А.В., Рыбальченко И.В., Узунян А.С. Генезис современных систем управления в период цифровизации // Муниципальная академия. - 2022. - № 2. - С. 16-23.
5. Защита духовно-нравственных ценностей в российской государственно-правовой традиции: Монография / Под ред. Р.В. Шагиевой, Н.Н. Косаренко. - М.: РУСАЙНС, 2025. - 278 с.
6. Зубкова М.Н., Мовсесян В.Э. Саморегулирование как механизм правового регулирования предпринимательских отношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 12-2. - С. 184-186.
7. Матвеева Н.С. Принцип профессионализма государственного заказчика в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. - 2021. - № 9. - С. 29-47.
8. Матвеева Н.С., Псарева Н.Ю. Государственные и муниципальные закупки // Муниципальная академия. - 2022. - № 3. - С. 105-111.
9. Петрик А.С. Правовое саморегулирование как вид правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2021. - № 155. - С. 21-24.
10. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Управление компаниями с государственным участием: вопросы теории и эмпирические измерения: Научный доклад. - М.: ИЭ РАН, 2024. - 52 с.
11. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Особенности развития института корпоративного управления в российской экономике // Общество и экономика. - 2023. - № 3. - С. 5-16.
12. Титов С.Ю., Борисова О.В. Особенности управления муниципальным имуществом и его влияние на развитие муниципального образования // Вестник ГГУ. - 2019. - № 1. - С. 111-122.
13. Толмачев А.А., Рыбальченко И.В., Демин А.В. Управленческий учет как элемент системы управления организацией: стратегическая трансформация в условиях цифровизации // Муниципальная академия. - 2025. - № 4. - С. 125-132.
14. Фролова Н.Д. О роли компаний с государственным участием в экономике Республики Беларусь // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2025. - № 4. - С. 167-182.
15. Фролова Н.Д., Шашкова Н.В. Роль компаний с государственным участием в реализации государственной инновационной политики // Экономика науки. - 2025. - № 1. - С. 50-65.
16. Чеботников И.В., Яковлев А.Ю., Глазунова И.В. Организационно-правовые аспекты управления и финансового контроля за деятельностью государственных бюджетных учреждений города Москвы: Монография. - М.: Издательство МосГУ, 2019. - 168 с.
17. Yakovlev A. Corruption in state economic entities in Russia (legal aspects) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. - 2020. - Vol. 498 - P. 419-424.

References:

1. Barkov A.V., Petrash I.P. Self-regulation of activities as an integral context for the existence of a corporate legal structure // Legal World. - 2024. - № 5. - P. 18-21.
2. Borisova O.V., Ivanova N.A. Anti-corruption in public administration: regulatory legal acts of anti-corruption legislation and high-profile crimes in the Moscow Region // Bulletin of GSU. - 2023. - № 6. - P. 328-333.
3. Vechernin D.S. Evolution of the Institute of Regulatory Impact Assessment: Problems and Prospects // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. - 2014. - № 4. - P. 22-28.
4. Demin A.V., Rybalchenko I.V., Uzunyan A.S. Genesis of modern management systems in the period of digitalization // Municipal Academy. - 2022. - № 2. - P. 16-23.
5. Protection of spiritual and moral values in the Russian state-legal tradition: Monograph / Ed. R.V. Shagieva, N.N. Kosarenko. - M.: RUSAINS, 2025. - 278 p.
6. Zubkova M.N., Movsesyan V.E. Self-regulation as a mechanism of legal regulation of entrepreneurial relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2021. - № 12-2. - P. 184-186.
7. Matveeva N.S. The principle of professionalism of the state customer in the contract system in the field of procurement of goods, works, services // Accounting in budgetary and non-profit organizations. - 2021. - № 9. - P. 29-47.
8. Matveeva N.S., Psareva N.Y. State and municipal procurement // Municipal Academy. - 2022. - № 3. - P. 105-111.
9. Petrik A.S. Legal self-regulation as a type of legal regulation // Issues of Economics and Law. 2021. - № 155. - P. 21-24.
10. Smotritskaya I.I., Frolova N.D. Management of companies with state participation: theoretical issues and empirical measurements: Scientific report. - Moscow: IE RAS, 2024. - 52 p.
11. Smotritskaya I.I., Frolova N.D. Features of the development of the institution of corporate governance in the Russian economy // Society and Economics. - 2023. - № 3. - P. 5-16.
12. Titov S.Y., Borisova O.V. Features of municipal property management and its impact on the development of the municipality // Bulletin of GSU. - 2019. - № 1. - P. 111-122.
13. Tolmachev A.A., Rybalchenko I.V., Demin A.V. Management accounting as an element of an organization's management system: strategic transformation in the context of digitalization // Municipal Academy. - 2025. - № 4. - P. 125-132.
14. Frolova N.D. On the role of companies with state participation in the economy of the Republic of Belarus // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. - 2025. - № 4. - P. 167-182.
15. Frolova N.D., Shashkova N.V. The role of companies with state participation in the implementation of state innovation policy // Economics of Science. - 2025. - № 1. - P. 50-65.
16. Chebotnikov I.V., Yakovlev A.Y., Glazunova I.V. Organizational and legal aspects of management and financial control over the activities of state budgetary institutions of the city of Moscow: Monograph. - M.: Moscow University for the Humanities Publishing House, 2019. - 168 p.
17. Yakovlev A. Corruption in state economic entities in Russia (legal aspects) // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. - 2020. - Vol. 498 - P. 419-424.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_332

УДК 340

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF PUBLIC DANGER IN THE CONTEXT OF GENERAL THEORY OF LAW

ИВЧЕНКО Максим Николаевич

заместитель декана юридического факультета,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права
ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова».
115035, Россия, г. Москва, Космодамианская наб., дом 26/55 стр. 7.
E-mail : 241649@mail.ru

IVCHENKO Maxim Nikolaevich

Deputy Dean of the Faculty of Law,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines, Criminology, and Penal Enforcement Law
Moscow University named after A.S. Griboyedov.
115035, Moscow, Kosmodamianskaya Nab., 26/55, Building 7.
E-mail: 241649@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию общественной опасности как межотраслевой правовой категории. Анализируются методологические проблемы ее определения в различных отраслях права: уголовном, административном и гражданском. Подчеркивается отсутствие единых критериев оценки и консенсуса в научной доктрине относительно ее природы. Особое внимание уделяется актуальности темы в условиях цифровой трансформации и появления новых форм противоправного поведения. В качестве перспективного направления предлагается разработка универсальной шкалы для оценки степени общественной опасности.

Abstract. The article is devoted to the study of public danger as an intersectoral legal category. It analyzes the methodological problems of its definition in various branches of law: criminal, administrative, and civil. The article emphasizes the lack of unified assessment criteria and consensus in the scientific doctrine regarding the nature of public danger. Special attention is paid to the relevance of the topic in the context of digital transformation and the emergence of new forms of illegal behavior. As a promising direction, the article proposes the development of a universal scale for assessing the degree of public danger.

Ключевые слова: общественная опасность, правонарушение, межотраслевой подход, преступление, административное правонарушение, деликт, цифровизация, правовое регулирование, юридическая ответственность.

Keywords: public danger, offense, intersectoral approach, crime, administrative offense, tort, digitalization, legal regulation, legal liability.

Для цитирования: Ивченко М.Н. Межотраслевые аспекты проявления общественной опасности в контексте общей теории права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 332-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_332.

For citation: Ivchenko M.N. Interdisciplinary aspects of public danger in the context of general theory of law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 332-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_332.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

В современной юридической науке категория общественной опасности традиционно ассоциируется с уголовным правом, где она выступает системообразующим признаком преступления. Однако в контексте общей теории права возникает методологическая проблема определения межотраслевой природы данного феномена. Общественная опасность проявляется как комплексный признак, характеризующий различные виды правонарушений, но с существенной отраслевой спецификой [22]. Теоретическое осмысление этого аспекта позволяет выявить системные связи между различными отраслями права и универсальные характеристики противоправного поведения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления классических правовых конструкций в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Развитие новых технологий (искусственный интеллект, большие данные, блокчейн) порождает принципиально новые формы противоправного поведения [23], требующие межотраслевого подхода к оценке их общественной опасности. Как отмечает С.В. Бошно, «современные вызовы правовому регулированию демонстрируют недостаточность узкоотраслевого понимания общественной опасности» [11, с. 45].

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного числа исследований, посвященных общественной опасности в рамках отдельных отраслей права. Однако, по справедливому замечанию А.И. Бойко, комплексный анализ общественной опасности как межотраслевой категории остается фрагментарным и требует системного подхода [10]. Особую значимость приобретает исследование критериев оценки общественной опасности в условиях стирания границ между традиционными видами правонарушений.

В общей теории права сформировались различные подходы к пониманию межотраслевой природы общественной опасности. С.С. Алексеев подчеркивал, что общественная опасность представляет собой «объективное свойство деяния, выражающее его способность причинять вред общественным отношениям, охраняемым правом» [3, с. 156]. Данное определение закладывает методологическую основу для межотраслевого исследования, поскольку указывает на универсальный характер категории.

Дискуссионным остается вопрос о степени общественной опасности как критерии дифференциации правонарушений. Академик В.Н. Кудрявцев отмечал: «Степень общественной опасности позволяет разграничить преступления и проступки, определяя их место в системе правонарушений» [15, с. 78]. Эта позиция получила развитие в работах О.Э. Лейста, который рассматривал общественную опасность как «единный

материальный признак всех правонарушений, проявляющийся в различной степени» [19, с. 112].

Анализ отраслевого законодательства позволяет выявить существенные различия в проявлении общественной опасности.

В уголовном праве, как отмечает Н.Ф. Кузнецова, общественная опасность выступает «качественной характеристикой преступления, определяющей его природу и место в системе уголовно-правовых запретов» [16, с. 45]. Критериями выступают характер и степень опасности, объект посягательства, форма вины.

Согласно позиции ряда ученых, общественная опасность представляет собой значимое социальное качество преступного деяния, выражающееся в причинении ущерба либо формировании реальной угрозы нарушения интересов, находящихся под уголовно-правовой охраной [4].

Согласно научной позиции Ю. Е. Пудовочкина, общественная опасность представляет собой объективный признак преступления, находящийся в системной взаимосвязи с виновностью и уголовной противоправностью. Исследователь акцентирует, что законодатель и правоприменительные органы в процессе квалификации не присваивают деянию свойство общественной опасности, а фиксируют в нормативных и правоприменительных актах реально существующий уровень его социальной вредоносности [21].

В рамках другой уголовно-правовой концепции общественная опасность интерпретируется как социально-правовой феномен, определяемый через систему универсальных общечеловеческих ценностей [5]. Данный подход предполагает последовательную деполитизацию категории, ее освобождение от классовой и властной детерминации. Ключевым элементом концепции выступает иерархическая модель криминализации, где степень общественной опасности коррелирует со значимостью нарушаемых социальных благ. Следует признать, что такой подход создает теоретический фундамент для преодоления традиционного дуализма в понимании целей наказания и согласуется с современными тенденциями гуманизации права в целом. На наш взгляд ценностно-аксиологическая трактовка общественной опасности представляет собой перспективную научную парадигму, позволяющую переосмыслить традиционные доктринальные подходы через призму приоритета защиты основных прав и свобод личности.

В академической среде сформировалось направление, последовательно отвергающее концепцию наличия у административных правонарушений качеств общественной вредности или опасности в качестве материальной характеристики [18]. В административном праве, по мнению Д.Н. Бахраха, общественная опасность проявляется в «способности деяния причинять вред охраняемым общественным отношениям, но в меньшей степени, чем преступления» [8, с. 89]. Это находит отражение в дифференциации административной ответственности.

Представители иной концепции утверждают, что административные правонарушения обладают свойством общественной опасности, что подтверждается самой системой мер государственного принуждения, применяемых в этой сфере [6]. Ключевым аргументом выступает тезис о том, что необходимость установления юридической ответственности, создания специального аппарата противодействия и наделения правоохранительных органов соответствующими полномочиями объективно свидетельствует об общественно опасном характере данных деяний. По их мнению общественная опасность административных правонарушений проявляется в их способности причинять вред охраняемым общественным отношениям, «разрушая» их и нанося тем самым конкретный ущерб обществу. Особую значимость, на наш взгляд, в концепции занимает положение о системообразующей роли общественной опасности, которая не просто формально присутствует в составе правонарушения, но и определяет саму необходимость криминализации деяний в административном законодательстве.

Согласно научной позиции А.Б. Агапова, общественная опасность представляет собой системообразующий признак административного правонарушения, определяющий его юридическую природу и социальную сущность [1]. Ряд ученых придерживается позиции, согласно которой административные правонарушения, обладая признаком общественной опасности, отличаются от преступлений исключительно меньшей степенью ее выраженности [2]. Другие указывают, что «административным правонарушениям присущ признак административной вредности» [14; 25].

В гражданском праве дискуссия о природе общественной опасности так же не утихает. М.И. Брагинский утверждает, что гражданские правонарушения «обладают не общественной опасностью, а общественной вредностью, поскольку их последствия носят главным образом имущественный характер» [12, с. 134].

Современные исследователи предлагают более дифференцированный подход к данной проблеме. Бесспорно, что в условиях цифровой экономики гражданские правонарушения могут приобретать качественно новые характеристики, вызывающие значительные системные последствия для общества». В частности, нарушения в сфере обработки персональных данных или использования искусственного интеллекта в гражданском обороте способны причинять вред, сопоставимый по своей социальной значимости с последствиями некоторых преступлений [24].

Дискуссию о природе общественной опасности в гражданском праве продолжает профессор Е.А. Суханов, который указывает на необходимость разграничения понятий «вред» и «опасность» применительно к гражданско-правовым нарушениям. По его мнению, «общественная опасность предполагает угрозу причинения вреда публичным интересам, тогда как гражданские правонарушения преимущественно направлены на нарушение частных интересов» [6, с. 156].

Современный исследователь Д.В. Афанасьев вводит понятие «трансформационной общественной опасности», подчеркивая, что «в условиях глобализации и цифровизации отдельные виды гражданских правонарушений способны порождать системные риски для экономической безопасности государства» [7, с. 67]. В качестве примеров он приводит нарушения в сфере финансового рынка и корпоративного управления.

Альтернативную позицию занимает О.А. Кузнецова, утверждающая, что «отрицание общественной опасности гражданских правонарушений основано на устаревшей парадигме, не учитывающей современные экономические реалии» [17, с. 234]. Она предлагает выделять категорию «социально значимых гражданских правонарушений», обладающих признаком общественной опасности.

Межотраслевой анализ выявляет серьезные методологические проблемы в определении единых критериев общественной опасности. В научной литературе указывается на «отсутствие единой методики оценки общественной опасности для различных видов правонарушений» [13].

Современные исследования подтверждают сохранение данной проблемы. В юридической литературе отмечается, что в законодательной практике отсутствует единый алгоритм для определения наличия или отсутствия общественной опасности, достаточной для признания деяния преступным. Среди исследователей-правоведов также сохраняется дискуссия о сущности общественной опасности деяния и критериях ее определения [9].

Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте межотраслевого измерения общественной опасности. Отмечается, что усложнение существующих правоотношений и бессистемное развитие отраслевого нормотворчества ставят под сомнение целесообразность использования признака общественной опасности как безусловного основания криминализации [27].

В научной дискуссии присутствует и более радикальная позиция, согласно которой невозможно признавать наличие или отсутствие общественной опасности критерием межотраслевой дифференциации юридической ответственности, поскольку данное свойство присуще всем видам правонарушений [20]. Этот подход ставит под сомнение традиционное представление о степени общественной опасности как основном критерии разграничения преступлений и проступков.

Таким образом, современное состояние научной дискуссии демонстрирует отсутствие консенсуса по фундаментальным вопросам понимания общественной опасности как межотраслевой категории, что требует дальнейших методологических разработок в данной области.

Особую сложность представляет количественное измерение степени общественной опасности. Как справедливо замечает А.С. Шабуров, «разработка универсальной шкалы оценки общественной опасности затруднена в силу различий в природе охраняемых интересов в разных отраслях права» [28].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о комплексном, межотраслевом характере общественной опасности как правовой категории. Несмотря на существенную отраслевую специфику, общественная опасность сохраняет свое значение как универсальный материальный признак правонарушения. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку единых методологических подходов к оценке общественной опасности, учитывающих как общие закономерности, так и отраслевые особенности ее проявления.

Перспективным представляется развитие концепции «шкалы общественной опасности», которая могла бы служить инструментом для систематизации правонарушений и оптимизации межотраслевого взаимодействия в правовом регулировании.

Список литературы:

1. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник. – М.: Эксмо, 2007. – 397 с.
2. Агеев А.А. Понятие и основополагающие признаки категории административного правонарушения // Административное право и процесс. – 2016. – № 10. – С. 37–39.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Проспект, 2009. – 565 с.
4. Антонов А.Г., Агильдин В.В., Витовская Е.С. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 1. – С. 154–161.
5. Антонченко В.В. Общественная опасность и ценностный подход при криминализации деяний // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 1. – С. 110–123.
6. Ахтанова Н.А. Общественная опасность как признак административного правонарушения // NB: Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 6. – С. 30–36.
7. Афанасьев Д.В. Гражданско-правовые нарушения в цифровую эпоху. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2023. – 214 с.
8. Бахрах Д.Н. Административное право России. – М.: Эксмо, 2009. – 602 с.
9. Бекман О.А., Пилюгина Ю.Г. Критерии наличия общественной опасности // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 3 (153). – С. 102. – DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.65
10. Бойко А. И. Общественная опасность преступлений и личностный подход в уголовном праве // в сборнике «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права». М., 2024. – С. 10–13.
11. Бошно С.В. Теория права и государства. – М.: Юстиция, 2021. – 406 с.
12. Брагинский М.И. Гражданское право России; под общей редакцией О. Н. Садикова. – Москва: Юрист, 2001. – 779 с.
13. Захарчук С.Д., Матвеева Е.В. административное правонарушение: общественно опасное или общественно вредное деяние? // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. №3 (38). С. 29–38.
14. Ключиченко А.П. Пьянство и административная ответственность. – Киев, 1975. – 127с.
15. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юридическая литература, 1978. – 191 с.
16. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Издательство МГУ, 1969. – 232 с.
17. Кузнецова О.А. Квалификация гражданских правонарушений и способы защиты гражданских прав // Пермский конгресс ученых-юристов: тезисы докладов международной научно-практической конференции (г. Пермь, Пермский университет, 22 октября 2010 г.). – Пермь, 2010. – С. 256–262.
18. Лазарев Б.М. Административная ответственность. – М., 1976. – 76 с.
19. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – 279 с.
20. Лобанова Л.В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. – 2017. – Т. 16. – № 4 [электронный ресурс]. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/240-logos-et-praxis-2017-tom-16-4/nauchnye-soobshcheniya/1158-lobanova-l-v-mermost-obshchestvennoj-opasnosti-deyaniya-kak-osnova-mezhotraslevoj-i-otraslevoj-differentsiatsii-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 14.11.2025).
21. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 276 с.
22. Сидорова А.В. Концепция правонарушения в российском и южнославянском праве в новейшее время: историко-правовое и сравнительное исследование: дис. ... к.ю.н. – Грозный, 2021. – 194 с.
23. Сидорова А.В., Галушова А.В. Сущность понятия «неприкосновенность частной жизни» // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. I Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Самара, 2016. – С. 265–268.
24. Сидорова А.В., Калугина Н.В. Проблемные моменты защиты персональных данных // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. I Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Самара, 2016. – С. 268–271.
25. Студеникина М.С. Законодательство об административных правонарушениях. – М., 1981. – 64 с.
26. Суханов Е.А. Современные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2021. – 600 с.
27. Урда М.Н., Урда А.О. Общественная опасность деяния в межотраслевом измерении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – № 14(3). – С. 190–199.
28. Шабуров А.С. Теория государства и права. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2019. – 382 с.

References:

1. Agapov A.B. Administrative Responsibility: textbook. – M.: Eksmo, 2007. – 397 p.
2. Ageev A.A. The Concept and Fundamental Features of the Category of Administrative Offense // Administrative Law and Process. – 2016. – No. 10. – P. 37–39.
3. Alekseev S.S. General Theory of Law. – M.: Prospekt, 2009. – 565 p.
4. Antonov A.G., Agil'din V.V., Vitovskaya E.S. On the Nature of Public Danger of Crimes in the Sphere of Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Analogues // All-Russian Criminological Journal. – 2017. – No. 1. – P. 154–161.
5. Antonchenko V.V. Public Danger and the Value-Based Approach in the Criminalization of Acts // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2025. – No. 1. – P. 110–123.
6. Akhtanina N.A. Public Danger as a Feature of an Administrative Offense // NB: Administrative Law and Practice of Administration. – 2019. – No. 6. – P. 30–36.
7. Afanasiev D.V. Civil Law Violations in the Digital Age. – SPb.: Yuridicheskii Tsentr Press, 2023. – 214 p.
8. Bakhrakh D.N. Administrative Law of Russia. – M.: Eksmo, 2009. – 602 p.
9. Bekman O.A., Pilyugina Yu.G. Criteria for the Presence of Public Danger // International Research Journal. – 2025. – No. 3 (153). – P. 102. – DOI: 10.60797/IRJ.2025.153.65
10. Boyko A.I. Public Danger of Crimes and the Personal Approach in Criminal Law // in the collection "Public Danger in Criminal, Penal Law and Criminology: Materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law". M., 2024. – P. 10–13.
11. Boshno S.V. Theory of Law and State. – M.: Yustitsiya, 2021. – 406 p.
12. Braginsky M.I. Civil Law of Russia; under the general editorship of O.N. Sadikov. – Moscow: Yurist', 2001. – 779 p.
13. Zakharchuk S.D., Matveeva E.V. Administrative Offense: A Socially Dangerous or Socially Harmful Act? // Law and Order: History, Theory, Practice. 2023. No. 3 (38). P. 29–38.
14. Klyushnichenko A.P. Drunkenness and Administrative Responsibility. – Kiev, 1975. – 127 p.
15. Kudryavtsev V.N. Law and Behavior. – M.: Yuridicheskaya Literatura, 1978. – 191 p.
16. Kuznetsova N.F. Crime and Criminality. – M.: Moscow State University Publishing House, 1969. – 232 p.
17. Kuznetsova O.A. Qualification of Civil Law Violations and Methods of Protecting Civil Rights // Perm Congress of Legal Scholars: Abstracts of the International Scientific-Practical Conference (Perm, Perm University, October 22, 2010). – Perm, 2010. – P. 256–262.
18. Lazarev B.M. Administrative Responsibility. – M., 1976. – 76 p.
19. Leyst O.E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. – M.: Zertsalo, 2002. – 279 p.
20. Lobanova L.V. The Measure of Public Danger of an Act as the Basis for Inter-Branch and Branch Differentiation of Legal Responsibility // Logos et Praxis. – 2017. – Vol. 16. – No. 4 [electronic resource]. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/240-logos-et-praxis-2017-tom-16-4/nauchnye-soobshcheniya/1158-lobanova-l-v-mernost-obshchestvennoj-opasnosti-deyaniya-kak-osnova-mezhotraslevoj-i-otraslevoj-differentsiatsii-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (accessed: 14.11.2025).
21. Pudovochkin Yu.E. The Doctrine of Crime: Selected Lectures. – M.: YurLitinform, 2010. – 276 p.
22. Sidorova A.V. Concepts of Offense in Russian and South Slavic Law in Modern Times: Historical-Legal and Comparative Research: diss. ... Cand. of Jurid. Sci. – Grozny, 2021. – 194 p.
23. Sidorova A.V., Galustova A.V. The Essence of the Concept of "Inviolability of Private Life" // Russian Science: Current Research and Developments: collection of scientific articles of the I All-Russian Correspondence Scientific-Practical Conference. – Samara, 2016. – P. 265–268.
24. Sidorova A.V., Kalugina N.V. Problematic Aspects of Personal Data Protection // Russian Science: Current Research and Developments: collection of scientific articles of the I All-Russian Correspondence Scientific-Practical Conference. – Samara, 2016. – P. 268–271.
25. Studenikina M.S. Legislation on Administrative Offenses. – M., 1981. – 64 p.
26. Sukhanov E.A. Modern Problems of Civil Law. – M.: Statut, 2021. – 600 p.
27. Urda M.N., Urda A.O. Public Danger of an Act in an Inter-Branch Dimension // News of the South-West State University. Series: History and Law. – 2024. – No. 14(3). – P. 190–199.
28. Shaburov A.S. Theory of State and Law. – Kurgan: Kurgan State University, 2019. – 382 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_336

УДК 340.12

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА П.И. НОВГОРОДЦЕВА И КРИЗИС ПРАВОСОЗНАНИЯ P.I. NOVGORODTSEV'S PHILOSOPHY OF LAW AND THE CRISIS OF LEGAL AWARENESS

СВИРИДОВА Лилия Юрьевна,
студентка аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.
347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская 45.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru
SVIRIDOVA Liliya Yuryevna,
postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.
E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу философско-правового наследия Павла Ивановича Новгородцева, одного из ключевых представителей русской либеральной школы права начала XX века. Автор рассматривает Новгородцева как создателя оригинального подхода к осмыслению правовых явлений, интегрирующего идеи И. Канта и Г. Гегеля в единую систему нравственно-философского идеализма. В статье определяются ключевые положения предложенной им концепции правового порядка. Установлено, что в центре его учения находится защита естественно-правовых свобод и прав человека. Новгородцев, выступавший за возрождение идей естественного права, уделял особое внимание особенностям и механизмам реализации власти государством. В заключении подчеркивается актуальность идей Новгородцева для современных дискуссий о балансе между юридической формальностью и этическим содержанием общественной жизни. Статья опирается на ключевые труды мыслителя и иллюстрирует его вклад в развитие отечественной философско-правовой традиции.

Abstract: this article analyzes the philosophical and legal legacy of Pavel Ivanovich Novgorodtsev, a key figure in the Russian liberal school of law of the early 20th century. The author examines Novgorodtsev as the creator of an original approach to understanding legal phenomena, integrating the ideas of Immanuel Kant and Hegel into a unified system of moral and philosophical idealism. The article identifies the key tenets of his proposed concept of legal order, establishing that the protection of natural liberties and human rights is at the center of his teaching. Novgorodtsev, who advocated the revival of natural law ideas, paid particular attention to the characteristics and mechanisms of the exercise of power by the state. The conclusion emphasizes the relevance of Novgorodtsev's ideas for contemporary discussions about the balance between legal formality and the ethical content of public life. The article draws on the thinker's key works and illustrates his contribution to the development of the Russian philosophical and legal tradition.

Ключевые слова: право, правовой порядок, юридическое наследие, П.И. Новгородцев, идеи.
Key words: law, legal order, legal heritage, P.I. Novgorodtsev, ideas.

Для цитирования: Свиридова Л.Ю. Философия права П.И. Новгородцева и кризис правосознания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 336-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_336.

For citation: Sviridova L.Yu. P.I. Novgorodtsev's philosophy of law and the crisis of legal awareness // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 336-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_336.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

П.И. Новгородцев занимает особое место в истории отечественной правовой мысли как создатель оригинального философско-методологического подхода к осмыслению правовых явлений. Ключевой работой, отражающей глубину его научных изысканий, стали «Лекции по истории философии права» [2] – труд, в котором правоведение предстает не просто как совокупность юридических норм, а как явление, неразрывно связанное с эволюцией философской мысли.

Методологическая особенность концепции Новгородцева заключается в том, что он принципиально переосмыслил традиционный подход к изучению истории и теории государства и права. Вместо узкоюридического анализа он предложил рассматривать эти дисциплины сквозь призму историко-философского дискурса. Такой подход не только обогатил правоведение новыми исследовательскими горизонтами, но и продемонстрировал преемственность отечественной философско-правовой традиции. В этом отношении Новгородцев органично вошел в интеллектуальный контекст своего времени, разделяя многие идеи с выдающимся мыслителем В.С. Соловьевым.

Философская родословная концепции Новгородцева прослеживается в его обращении к наследию великих европейских мыслителей – И. Канта и Г. Гегеля. Их идеи о фундаментальных основаниях права стали предметом глубокого анализа в докторской диссертации ученого, заложив основу для его собственных теоретических воззрений. Новгородцев не просто заимствовал идеи классиков, а творчески переосмыслил их, создав оригинальную систему взглядов, соединяющую кантовскую этическую проблематику с гегелевской диалектикой права.

П.И. Новгородцев сформулировал уникальную задачу для российской философии права своего времени: он стремился выстроить систему нравственного обоснования юридических норм, избегая при этом редукции права до уровня исключительно моральных или религиозных предписаний. Философ разработал собственную позицию, которую можно охарактеризовать как философско-правовой идеализм. Эта позиция стала своеобразным интеллектуальным противовесом доминировавшим на Западе концепциям, основанным на исключительном историзме и социологизме. Ключевой особенностью мировоззрения Новгородцева стал критический анализ российской правовой действительности. Это роднило его с кантовской критической философией и гегелевским имманентным критицизмом, которые он считал методологической основой своего творчества. Мыслитель не довольствовался констатацией исторических фактов, а стремился проникнуть в сущность

правовых явлений. Новгородцев подверг жесткой критике упрощенный исторический подход к праву, указывая на его главный недостаток – поверхностность. Такой подход, по его мнению, «не позволял уловить глубинные закономерности развития юридических институтов, ограничиваясь лишь описанием внешних изменений» [3, с. 56].

В своем труде «О задачах современной философии права» [3] П.И. Новгородцев выступил с фундаментальной критикой представления о социологическом подходе к праву как о единственно легитимном и научном методе исследования. Русский правовед представил развернутую аргументацию в пользу того, что социология права способна выступать лишь в роли одного из исследовательских инструментов – причем не ключевого, а вспомогательного. Его позиция заключалась в отказе от абсолютизации социологического метода, который не способен охватить всю полноту правовой реальности. П.И. Новгородцев четко обозначил стратегическую миссию философии права, сформулировав ее в виде трех взаимосвязанных задач:

- охранять и защищать нравственную основу права – не допускать ее подмены или искажения под влиянием узких теоретических концепций;
- противостоять упрощенным трактовкам права («мелкой практике»), которые сводят его к набору утилитарных правил без учета высших ценностей;
- утверждать «чистое, идеальное значение» права – сохранять и развивать его моральное измерение, которое составляет глубинную сущность правовой системы.

Таким образом, Новгородцев определил принципиальное различие между социологическим и философским подходами к праву: если первый сосредоточен на эмпирических закономерностях, то второй призван оберегать ценностно-нравственный фундамент правовой системы.

П.И. Новгородцев, обладая глубоким пониманием предмета и исторической ретроспективы проблемы, предпринял попытку проникнуть в суть нравственных корней правового государства своего времени. Обращаясь к известным характеристикам государства – «холодному чудовищу» (по Ф. Ницше) и «неизбежному злу» (согласно В. Соловьеву), – Новгородцев принципиально отказался от односторонней, негативной трактовки правовой государственности. Однако мыслитель не закрывал глаза на тревожные симптомы кризиса в правосознании эпохи. Он четко обозначил: правовое государство не является предельным этапом исторического развития и не воплощает высший нравственный идеал. В концепции Новгородцева правовое государство предстает не самостоятельной ценностью, а инструментальным элементом в системе нравственных координат общества – подчиненным средством, встроенным в более широкий моральный контекст. Логическим следствием этого тезиса становится вывод о принципиальной неспособности любой правовой системы полностью отразить и воплотить чистоту нравственных начал. Ключевым фактором, способным скорректировать недостатки правовой государственности, Новгородцев считал общественную солидарность. Он убедительно показал: в периоды социальных кризисов человеческая разобщенность резко усиливается, что неизбежно отражается на эффективности правовых механизмов. Правовые институты, лишенные опоры в виде сплоченного общества, теряют свою действенность. Эта идея приобретает особую значимость в современных реалиях. Сегодня большинство стран сталкивается с системным дефицитом общественного доверия, культуры солидарности и коллективизма. Россия не является исключением из этой тенденции. Новгородцев доказал: сама по себе концепция правового и даже социального государства не является панацеей от социальных недугов – нищеты, отчуждения, дисгармонии в обществе. Механическое применение исключительно юридических инструментов не способно решить глубинные проблемы общественного устройства. Требуется комплексный подход, объединяющий усилия в следующих направлениях: социальная политика, экономические реформы, политические преобразования, развитие культурной сферы.

Таким образом, наследие П.И. Новгородцева предлагает не только глубокий философский анализ правовых явлений, но и практическую программу поиска баланса между формальной законностью и нравственным содержанием общественной жизни.

П.И. Новгородцев настойчиво акцентировал внимание российской общественности на неотъемлемом праве каждого гражданина страны на достойную жизнь в человеческом измерении. Новгородцев предложил три фундаментальных правовых принципа, обеспечивающих такое существование. Во-первых, личные права индивида обязаны превалировать над правом собственности: следует отказаться от концепции абсолютной неотчуждаемости имущества и ввести механизм государственного регулирования приобретенных прав, с обязательной компенсацией владельцам при принудительном отчуждении. Во-вторых, необходимо гармонизировать свободу деятельности профсоюзов с интересами государства, даже если широкое распространение таких объединений может привести к значительным сбоям в общественных и государственных взаимодействиях – однако это обстоятельство не должно становиться препятствием для их независимости. В-третьих, помощь бедным, больным и беспомощным должна перейти от добровольной филантропии к обязательной функции государства, что предполагает ее закрепление в законодательстве и обеспечение правовой защитой.

Идеи П.И. Новгородцева в области права складывались благодаря непрерывным дебатам, обмену мнениями и спорам с ведущими фигурами российской интеллектуальной сцены того времени. Особого внимания заслуживает его полемика с В.С. Соловьевым, который уделял значительное внимание философско-правовым вопросам. Соловьев выдвинул множество глубоких и свежих подходов к взаимосвязи права и морали, хотя его видение идеального справедливого общества, основанного на гармоничном сотрудничестве царя, верховного священнослужителя и пророков, сегодня воспринимается как весьма утопичное. В.С. Соловьев разработал ряд ключевых принципов взаимодействия нравственности и права: – бесконечность нравственных требований в отличие от конечности правовых; – право выступает как нижняя граница или базовый уровень моральности; – право обязано обеспечивать практическое воплощение этого минимального блага, устраняя

определенную часть зла; – для достижения этого право разрешает применение принуждения; – требуются правовые механизмы защиты индивидуальной свободы и общественного благополучия; – недопустимость применения смертной казни или пожизненного заключения; – моральное обоснование существования государства с приоритетом христианского государственного устройства над всеми иными [4, с. 115].

П.И. Новгородцев в основном разделял нравственно-правовую теорию В.С. Соловьева и, подобно ему, извлекал из нее образовательные выводы. Прежде всего, Новгородцев, опираясь на идеи Чичерина и Петражицкого, утверждал о распаде правового сознания в современной ему юридической науке, поскольку юриспруденция потеряла свое высокое моральное влияние. В итоге это послужило одним из факторов, приведших к Первой мировой войне и революциям в России.

В ходе знаменитой дискуссии между В.С. Соловьевым и Л.Н. Толстым по вопросу места права в социальном устройстве П.И. Новгородцев занял позицию, близкую к взглядам Соловьева. Эта полемика началась с детального разбора и критики идей славянофильства. Новгородцев, следуя за Соловьевым, убедительно раскрыл ущербность славянофильского заблуждения относительно того, что право якобы излишне и вредно для «богоизбранных» славянских народов. Один из ключевых фигурантов славянофильства, К. Аксаков, прямо утверждал, что «русское общество представляет собой негосударственный организм, не стремящийся к политическим полномочиям» [1]. Община воспринималась как независимая структура, конкурирующая с государством, а русским людям приписывалась прямая практическая власть, замещающая правовые механизмы, что в итоге породило крайние формы национализма. П.И. Новгородцев решительно отвергал подобный подход, полагая, что подлинно христианским идеалам куда больше соответствует динамичное правовое развитие Запада на протяжении последних трехсот лет, нежели вся активность Христианской Церкви в эпоху Средневековья.

По мысли Павла Ивановича Новгородцева, наилучшим государством следует считать то, которое максимально препятствует распространению подлинного зла в социуме и одновременно предоставляет широчайшие возможности для эволюционного роста и стремления ко всечеловеческому добру. В решении этой задачи неоценимую роль может сыграть позитивный образец правового государства, сформированный за долгие века практического опыта Западной Европы. Яркий пример здесь – позиция Льва Николаевича Толстого, который в данном аспекте поддержал славянофилов. Он категорично утверждал, что право во всех без исключения обстоятельствах аморально и развращает, обосновывая это своей доктриной пассивного сопротивления злу путем отказа от насилия. Отечественные правоведы воздержались от открытых споров с Толстым, и лишь Владимир Сергеевич Соловьев выступил в защиту права, выделяя его этическую ценность и вклад в нравственное развитие общества.

Признавая ценность этического самосовершенствования личности, мыслители справедливо подчеркивали, что до достижения всеобщего духовного обновления человечества необходимо внедрять юридические институты, способные сдерживать проявления зла в обществе. Одним лишь воспитанием не удастся устранить все общественные противоречия, поэтому моральной миссией права выступает усмирение упрямого индивидуализма индивидов, подавление порочных инстинктов, противодействие произволу и криминальным действиям влиятельных фигур, а также гарантия универсального равноправия и личной свободы.

В контексте образовательных вызовов педагогические аспекты занимают центральное место. Все великие мыслители русской юридической теории и философии высоко ценили проблемы становления и самостановления этически зрелой личности, но предлагали разнообразные модели баланса между образовательным и законодательным контролем в социуме. Павел Иванович Новгородцев, подчеркивая приоритет высокочестного поведения, особо акцентировал значимость нравственно-юридического образца. Без такого ориентира правовое мышление лишается руководящих принципов и замыкается в замкнутом цикле чисто формальных затруднений. При этом процесс обучения не ограничивается преподаванием юридических норм в специализированных учреждениях; он обязан включать комплекс институциональных и неформальных влияний на индивидуальность человека. Правовое мышление, равно как и любое сознание, начинает формироваться на самой ранней стадии посредством неорганизованного усвоения знаний. Чем более человеколюбивой оказывается окружающая среда, тем динамичнее и проще протекает развитие адекватного правосознания, и наоборот: если дитя растет в обстановке правовой дезорганизации, то впоследствии из него крайне трудно вырастить нравственного и дисциплинированного члена общества.

Будучи наиболее ярким представителем русской либеральной правовой школы, Новгородцев большое внимание уделял изучению западноевропейских правовых доктрин XVI-XIX веков. В наибольшей степени его интересовала эволюция идеи правового государства, которая имела на западе долгую историю. П.И. Новгородцев справедливо отмечал, что теория правового государства изначально была связана с философско-правовым походом, хотя философия права в лице Сократа, Платона и Аристотеля возникла задолго до появления концепции правового государства. В XIX веке теория правового государства претерпевает существенные изменения, это касается принципов народного суверенитета, разделения властей и личных прав. На первое место выходят проблемы местного самоуправления, референдума, организации всеобщего избирательного права, усиления исполнительной власти при одновременном контроле со стороны избирателей и др. Вместе с тем либеральный подход к праву самого Новгородцева существенно отличался от европейских аналогов. Это касается, прежде всего, нравственных и религиозно-православных критериев либерализации правовой системы в условиях России.

Проблемы преподавания истории и философии права всегда были в центре внимания П.И. Новгородцева. Это вытекает из его нравственно-религиозной концепции, которая предполагает процесс воспитания в качестве своего обязательного момента. Занимаясь на протяжении всей жизни педагогической деятельностью, П.И. Новгородцев считал ее важнейшим средством нравственного и правового развития России.

Список литературы:

1. Анненкова Е.И. Константин Аксаков – фанатик или аналитик славянофильства? – Текст: непосредственный // Христианское чтение. – 2015. – № 4. – С. 244 – 256.
2. Новгородцев П.И. Лекции по философии права. Избранные произведения / П.И. Новгородцев. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 327 с. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/452625> (дата обращения: 25.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
3. Новгородцев П.И. О задачах современной философии права [Речь, произнес. пред диспутом в Спб. ун-те 22 сент. 1902 г.] / П. Новгородцев. – Санкт-Петербург: тип. Спб. АО «Слово», 1902. – 8 с. – Текст: непосредственный.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 468 с. – ISBN 978-5-534-06106-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564474> (дата обращения: 25.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. Халиков А.Н. Философия права: учебник / А.Н. Халиков. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. – 602 с. – <https://doi.org/10.12737/22646>. – ISBN 978-5-369-01967-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2163741> (дата обращения: 25.11.2025). – Режим доступа: по подписке.

Referencers:

1. Annenkova E.I. Is Konstantin Aksakov a fanatic or an analyst of Slavophilism? – Text: direct // Christian reading. 2015. No. 4. pp. 244-256.
2. Novgorodtsev P.I. Lectures on the philosophy of law. Selected works / P.I. Novgorodtsev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 327 p. – ISBN 978-5-534-08067-4. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/452625> (date of request: 11/25/2025). – Access mode: by subscription.
3. Novgorodtsev P.I. On the tasks of modern philosophy of law [Speech delivered before the debate at St. Petersburg University on September 22, 1902] / P. Novgorodtsev. – St. Petersburg: tip. Spb. JSC "Slovo", 1902. – 8 p. – Text: direct.
4. Solovyov V.S. Justification of goodness. Moral philosophy / V.S. Solovyov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 468 p. – ISBN 978-5-534-06106-2. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/564474> (date of request: 11/25/2025). – Access mode: by subscription.
5. Khalikov A.N. Philosophy of law: textbook / A.N. Khalikov. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2025. – 602 p. – <https://doi.org/10.12737/22646>. – ISBN 978-5-369-01967-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2163741> (date of request: 11/25/2025). – Access mode: by subscription.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ДЕБАТОВ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ¹ USING THE DEBATE METHOD AS A MEANS OF FORMING COMMUNICATION SKILLS HIGH SCHOOL STUDENTS IN SOCIAL STUDIES CLASSES

КАПАЕВ Максим Александрович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры права и философии
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430007, Россия, Республика Мордовия, Саранск, Студенческая ул., 11А.
E-mail: kapayev11@mail.ru

KAPAEV Maxim Alexandrovich

associate professor of the department of law and philosophy Mordovian State Pedagogical University,
11A Studencheskaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430007, Russia.
E-mail: kapayev11@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлены результаты опытно-экспериментальной работы по применению метода дебатов для формирования коммуникативных навыков у учащихся старших классов на уроках обществознания. Исследование проводилось на базе Гимназия № 1 Ковылкинского муниципального района среди учащихся 11 класса. Было установлено, что систематическое использование дебатов способствует значительному развитию аргументационной речи (рост на 45%), повышению уверенности в публичных выступлениях (прирост на 38% по результатам анкетирования) и активизации познавательной деятельности (92% учащихся продемонстрировали высокую вовлеченность). На основе полученных данных разработаны методические рекомендации по интеграции дебатов в учебный процесс.

Abstract: The article presents the results of experimental work on the use of the debate method to form the communication skills of high school students in social studies lessons. The study was conducted on the basis of MBOU "Gymnasium No. 5" of Samara city among 10th grade students. It was found that the systematic use of debates contributes to a significant development of argumentative speech (growth by 45%), increased confidence in public speaking (an increase of 38% according to survey results) and activation of cognitive activity (92% of students showed high involvement). Based on the data obtained, methodological recommendations for the integration of debates into the educational process have been developed.

Ключевые слова: метод дебатов, коммуникативные навыки, старшеклассники, обществознание, аргументация, критическое мышление, познавательная активность.

Key words: debate method, communication skills, high school students, social studies, argumentation, critical thinking, cognitive activity.

Для цитирования: Капаяев М.А. Использование метода дебатов как средства формирования коммуникативных навыков у старшеклассников на уроках по обществознанию // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 340-342. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_340.

For citation: Kapayev M.A. Using the debate method as a means of forming communication skills high school students in social studies classes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 340-342. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_340.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Дебаты – это интеллектуальное состязание, представляющее собой обсуждение актуальной проблемы в форме регламентированного спора двух команд или участников, где каждая сторона придерживается заранее определенной позиции и стремится убедить аудиторию в своей правоте [5]. Регламентация предполагает наличие четких временных рамок, определенных ролей (спикеры, модератор, эксперты) и строгой логической структуры выступлений.

В педагогическом контексте дебаты выходят далеко за рамки простого соревнования. Они представляют собой мощный инструмент активного обучения, который кардинально меняет динамику урока, смещая фокус с преподавателя на ученика. Такой подход позволяет развивать целый комплекс метапредметных навыков, в первую очередь – коммуникативных, но также и исследовательских, и социальных, что полностью соответствует требованиям компетентностного подхода в современном образовании [4, с. 23].

Актуальность использования дебатов в старшей школе обусловлена глубокими психофизиологическими особенностями учащихся 15-17 лет. Этот период, известный как поздняя юность, характеризуется не просто активным развитием, а завершением формирования ключевых когнитивных функций. В частности, происходит качественный скачок в развитии абстрактного мышления, что позволяет старшеклассникам оперировать гипотезами, анализировать сложные, многофакторные системы и видеть проблему с разных сторон [1, с. 104].

Параллельно с этим идет бурное развитие самосознания и острое стремление к самоутверждению. Старшеклассники активно ищут свое место в обществе, формируют собственную систему ценностей и мировоззрение, что проявляется в естественном желании отстаивать свою точку зрения, вступать в продуктивные дискуссии и критически оценивать окружающую действительность [3, с. 52]. Именно в этом возрасте потребность в самовыражении и осмысленном диалоге достигает своего пика, и метод дебатов предоставляет для этого идеальную, структурированную и безопасную площадку, превращая потенциальную конфликтность в конструктивный интеллектуальный поиск.

¹ Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И. Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева) по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы»

В отличие от традиционных форм работы, таких как пассивная лекция или фронтальная беседа, дебаты ставят ученика в позицию активного субъекта деятельности. Он перестает быть простым потребителем информации и становится ее исследователем, аналитиком и создателем. Участник дебатов вынужден не просто выслушать, но глубоко анализировать информацию, структурировать ее, подбирать весомые аргументы и продумывать возможные контраргументы оппонентов. Этот процесс неизбежно включает в себя работу в команде, распределение обязанностей и адаптацию своего сообщения к конкретной аудитории.

Таким образом, формируется не только умение говорить убедительно, но и, что не менее важно, умение слушать, слышать, понимать позицию оппонента, находить слабые места в его аргументации и выстраивать на это ответ. Это двустороннее, рефлексивное взаимодействие и является ядром эффективной коммуникации, отличая ее от простого монолога [6, с. 18]. Основная цель опытно-экспериментальной работы, проведенной в Гимназия № 1 Ковылкинского муниципального района, заключалась в определении степени эффективности метода дебатов для формирования коммуникативных навыков у старшеклассников на уроках обществознания. В рамках исследования были поставлены следующие задачи:

1. Диагностика исходного уровня коммуникативных навыков учащихся (аргументация, публичное выступление, умение вести диалог).
2. Разработка и апробация программы внедрения дебатов в учебный процесс по теме «Политическая система общества».
3. Оценка динамики развития коммуникативных компетенций на основе итогового тестирования и анкетирования.
4. Выявление факторов, влияющих на эффективность метода (тема дебатов, уровень подготовки, роль учителя-модератора) [7].

Для достижения поставленных целей использовался комплекс методов:

- Наблюдение по специально разработанной карте, где фиксировались количество и качество аргументов, использование риторических приемов, способность к реагированию на вопросы оппонентов.
- Тестирование в форме письменного эссе на заданную тему до и после эксперимента. Эссе оценивались по критериям: наличие четкой позиции, аргументированность, логическая структура, использование фактов.
- Анкетирование учащихся для самооценки изменений в уровне уверенности при публичных выступлениях и восприятии метода дебатов.
- Статистический анализ полученных данных для сравнения результатов в экспериментальной и контрольной группах [2, с. 94].

Опытно-экспериментальная работа, направленная на проверку гипотезы об эффективности метода дебатов, проводилась в течение учебного квартала (три месяца) на базе 11-х классов. Выбор именно 11-го класса был обусловлен тем, что учащиеся этого возраста обладают уже сформированным запасом знаний по обществознанию, находятся на этапе профессионального самоопределения и демонстрируют высокую потребность в самоутверждении и диалоге, что создает благоприятные условия для применения активных коммуникативных методик.

Для чистоты эксперимента были сформированы две сопоставимые группы по 12 человек, с близким исходным уровнем успеваемости и мотивации.

Экспериментальная группа (12 человек): В рамках изучения раздела «Политическая система общества» учебный процесс был кардинально перестроен. Вместо традиционных уроков ключевые темы осваивались через подготовку и проведение трех дебатовых турниров. Темы были выбраны неслучайно: «Прямые выборы как основа демократии», «Необходимость цензуры в СМИ», «Глобализация: угроза или возможность для национальных культур?». Они носят дискуссионный характер, не имеют однозначного ответа и напрямую затрагивают политические, экономические и культурные аспекты жизни общества, что позволяло учащимся проявить глубокую предметную эрудицию. Учащимся была предоставлена детальная методика подготовки, включающая алгоритм поиска и анализа информации из различных источников (научные статьи, СМИ, статистические данные), работу с понятийным аппаратом и технологию построения аргументационной цепи (тезис – доказательство – пример). Процесс подготовки был командным, что также способствовало развитию навыков сотрудничества.

Контрольная группа (12 человек): Изучение аналогичного раздела «Политическая система общества» проводилось с помощью традиционной, проверенной временем методики: лекции учителя, семинарские занятия с закреплением материала по учебнику, написание индивидуальных рефератов по предложенным темам и участие в свободных классных дискуссиях, которые, однако, не имели строгой регламентации и оценочных критериев.

Оценка эффективности проводилась по трем ключевым критериям, каждый из которых измерялся комплексными методами:

1. Развитие аргументационных навыков. Для объективной оценки было проведено два среза в форме письменного эссе на одну и ту же проблемную тему («Нужна ли России политическая оппозиция?»): до начала эксперимента и после его завершения. Эссе оценивались по разработанной рубрике, включавшей такие параметры, как «Четкость и обоснованность тезиса», «Качество и разнообразие доказательств», «Логическая связность и непротиворечивость», «Рассмотрение альтернативной точки зрения». Результаты показали значительную динамику в экспериментальной группе: средний балл вырос с $3,1 \pm 0,4$ до $4,5 \pm 0,3$ ($p < 0,01$ по t-критерию Стьюдента), что является статистически значимым изменением. В контрольной группе рост был незначительным: с $3,2 \pm 0,5$ до $3,5 \pm 0,4$ ($p > 0,05$).

Качественный анализ эссе выявил, что если в начале эксперимента работы учащихся в основном представляли собой пересказ учебного материала, то в конце они демонстрировали умение синтезировать информацию из разных источников, формулировать собственную позицию и выстраивать убедительную аргументацию. Наибольший прирост в экспериментальной группе наблюдался именно в умении приводить доказательства и строить логические цепочки (+45% по сравнению с исходным уровнем).

2. Уверенность в публичных выступлениях. Этот критерий измерялся посредством анонимного анкетирования до и после эксперимента. Учащимся предлагалось оценить по 5-балльной шкале (где 1 – «полностью не согласен», 5 – «полностью согласен») утверждения вроде: «Я

чувствую себя уверенно, выступая перед классом», «Я могу четко и быстро сформулировать свои мысли в споре», «Я не боюсь критики своей точки зрения». Средний показатель уверенности в экспериментальной группе повысился с 2,4 до 4,1 (+38%). В контрольной группе изменения были статистически незначимы (с 2,5 до 2,8). В открытых вопросах учащиеся экспериментальной группы отмечали, что четкая структура дебатов и предварительная подготовка снижают страх перед «пустым взглядом», так как фокус смещается с личности на силу аргументов.

3. Вовлеченность и активность. Этот параметр оценивался через метод включенного наблюдения. В экспериментальной группе фиксировалось не просто количество поднятых рук, а качество участия: 92% учащихся на протяжении всех трех турниров выступали в роли спикеров, активно задавали вопросы оппонентам и участвовали в совместной подготовке. Наблюдение показало, что учащиеся научились слушать оппонента, делать пометки для последующего контраргумента и работать в команде. В контрольной группе в традиционных дискуссиях активность проявляли в среднем 60% учащихся, при этом их высказывания были часто эмоциональными, но мало структурированными, а дискуссии могли уходить от заявленной темы.

Полученные данные с высокой степенью достоверности подтверждают гипотезу о том, что структурированный и регламентированный спор в формате дебатов является высокоэффективным средством формирования коммуникативных навыков. Ключевым фактором успеха стала именно четкая структура дебатов, которая заставляла учащихся не просто эмоционально высказываться, а рационально обосновывать свою позицию, оперируя фактами и логикой.

Однако в ходе исследования были выявлены и объективные сложности. Преподаватели отметили высокую трудоемкость метода: значительное время уходило не только на организацию турниров, но и на индивидуальную консультационную работу с командами, проверку найденных ими источников на достоверность и, что особенно важно, на модерацию спора, требующую высокой педагогической квалификации и нейтральности.

Кроме того, на начальном этапе некоторые ученики испытывали выраженный психологический барьер и страх публичного выступления, что требовало дополнительной педагогической поддержки, проведения тренингов по публичной речи и создания в классе атмосферы психологической безопасности.

Важным ограничением исследования является малый объем выборки (24 человека) и специфика гимназии с традиционно высоким уровнем учебной мотивации учащихся. Эти факторы могут повлиять на универсальность результатов, поскольку в общеобразовательной школе с менее подготовленным контингентом учащихся эффект от внедрения методики может оказаться иным. Для более широких выводов необходимо проведение масштабных исследований с участием школ разных типов.

Таким образом, можно сделать вывод, что метод дебатов является не просто игровым элементом, а мощной педагогической технологией, отвечающей возрастным потребностям старшеклассников и целям современного образования. Его интеграция в уроки обществознания способствует формированию не только предметных знаний, но и ключевых компетенций для жизни в демократическом обществе: умения аргументированно отстаивать свою позицию, уважать чужое мнение и принимать коллективные решения [8, с. 91].

Для успешного внедрения метода рекомендуется:

- Начинать с упрощенных форматов дебатов (например, «Карл Поппер»).
- Обеспечить учащихся четкими критериями оценки и методическими материалами по подготовке.
- Создавать поддерживающую психологическую атмосферу, где ошибка воспринимается как часть обучения.
- Использовать роль модератора для управления дискуссией и предотвращения конфликтов.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочного влияния дебатов на академическую успеваемость и социальную адаптацию выпускников.

Список литературы:

1. Алексеев, Н. Г. Проблема формирования коммуникативной компетентности в образовании / Н. Г. Алексеев. – Москва : Институт психологии РАН, 2021. – 198 с. – Текст : непосредственный.
2. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – Москва : Педагогика, 2019. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Выготский, Л. С. Психология развития / Л. С. Выготский. – Москва : Смысл, 2020. – 428 с. – Текст : непосредственный.
4. Зимняя, И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный. // Высшее образование сегодня. – 2022. – №8. – С. 20–26.
5. Ковальчук, М. А. Дебаты как форма организации учебной деятельности / М. А. Ковальчук. – Текст : непосредственный. // Народное образование. – 2019. – №5. – С. 215–219.
6. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 3-е издание – Москва : Смысл, 2018. – 365 с. – Текст : непосредственный.
7. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – Москва : Академия, 2020. – 368 с. – Текст : непосредственный.
8. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий / [А. Г. Асмолов и др.]. – 2-е издание – Москва : Просвещение, 2021. – 159 с. – Текст : непосредственный.

References:

1. Alekseev, N. G. The problem of formation of communicative competence in education / N. G. Alekseev. – Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 198 p. – Text : direct.
2. Bepalko, V. P. The components of pedagogical technology / V. P. Bepalko. Moscow : Pedagogika Publ., 2019. 192 p. – Text : direct.
3. Vygotsky, L. S. Psychology of development / L. S. Vygotsky. – Moscow : Smysl, 2020. – 428 p. – Text : direct.
4. Zimnaya, I. A. Competence approach. What is its place in the system of modern approaches to the problems of education? (theoretical and methodological aspect) / I. A. Zimnaya. – Text : direct. // Higher education today. – 2022. – No. 8. – pp. 20-26.
5. Kovalchuk, M. A. Debates as a form of organization of educational activity / M. A. Kovalchuk. – Text : direct. // Public education. – 2019. – No. 5. – pp. 215-219.
6. Leontiev, A. A. Psychology of communication / A. A. Leontiev. – 3rd edition – Moscow : Sense, 2018. – 365 p. – Text : direct.
7. Polat, E. S. New pedagogical and information technologies in the education system / E. S. Polat, M. Y. Bukharkina. Moscow : Akademiya Publ., 2020. 368 p. – Text : direct.
8. Formation of universal educational actions in secondary schools: from action to thought. Task system / [A. G. Asmolov et al.]. – 2nd edition - Moscow : Prosveshchenie, 2021. – 159 p. – Text : direct.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РОЛЬ И МЕСТО В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: ROLE AND PLACE IN THE SYSTEM OF THE REALIZATION OF THE ECOLOGICAL FUNCTION OF THE RUSSIAN STATE

СТЕПАНЕНКО Дмитрий Михайлович,

кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга и менеджмента, Белорусско-Российский университет.
Республика Беларусь, 212000, г. Могилев, проспект Мира, 43.
E-mail: erstesieger@mail.ru;

STEPANENKO Dmitriy Mikhailovich,

Candidate of Economics, Candidate of Laws, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Marketing and Management, Belarusian-Russian University.
43 Mira prospect, Mogilev, 212000, Republic of Belarus.
E-mail: erstesieger@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются полномочия и деятельность Президента Российской Федерации, связанные с его участием в реализации экологической функции государства. Установлена роль Президента России в деле реализации экологических прав граждан, обеспечении экологической безопасности личности, общества и государства. Проведен анализ распорядительной деятельности Президента Российской Федерации в сфере регулирования экологически значимых общественных отношений. Исследованы организационно-кадровые полномочия Президента России, имеющие важное значение для реализации экологической функции Российского государства.

Abstract. In article the powers and activities of the President of the Russian Federation related to his participation in the realization of the ecological function of the state are investigated. The role of the President of Russia in realizing the ecological rights of citizens and ensuring ecological safety for individuals, society, and the state is established. An analysis of the managerial activities of the President of the Russian Federation in the area of the regulation of ecologically significant public relations is conducted. The organizational and personnel powers of the President of Russia, which are of great importance for the realization of the ecological function of the Russian state, are researched.

Ключевые слова: президент, экологическая функция государства, конституция, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, полномочия, референдум, чрезвычайное положение.

Keywords: president, ecological function of the state, constitution, environmental protection, ecological safety, powers, referendum, state of emergency.

Для цитирования: Степаненко Д.М. Президент Российской Федерации: роль и место в системе реализации экологической функции российского государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 343-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_343.

For citation: Stepanenko D.M. The president of the Russian Federation: role and place in the system of the realization of the ecological function of the Russian state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 343-348. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_343.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Эффективная реализация любым современным государством его экологической функции способствует обеспечению достойного существования человека в благоприятной для жизни окружающей среде. В наиболее общем виде экологическая функция государства может быть определена как основное направление деятельности современного государства, обусловленное объективно существующими потребностями общественной жизни, выражающее в концентрированном виде сущность и социальное назначение государства в обществе, имеющее соответствующую законодательную регламентацию и предполагающее целенаправленное воздействие со стороны государства на общественную жизнь с целью качественного совершенствования ее различных сторон за счет обеспечения охраны окружающей среды, соблюдения, охраны и защиты экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц, содействия рациональному и эффективному природопользованию и обеспечения экологической безопасности [1].

Учитывая важность института президентства в государственном механизме современного Российского государства, представляется актуальным и целесообразным исследовать роль и место Президента Российской Федерации в системе реализации экологической функции государства.

В соответствии со статьей 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является главой государства, гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина [2].

Следует обратить внимание на то, что одними из важнейших прав человека являются его экологические права. При этом основополагающие экологические права человека установлены статьей 42 Конституции Российской Федерации, провозглашающей, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [2].

Детализация положений статьи 42 Конституции Российской Федерации в части реализации экологических прав граждан предусматривается статьей 11 Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды». Законодатель устанавливает, что каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной дея-

тельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде. Граждане, в частности, имеют право [3]:

- 1) создавать общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды;
- 2) направлять обращения в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные организации и должностным лицам о получении своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды в местах своего проживания, мерах по ее охране;
- 3) принимать участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, сборе подписей под петициями, референдумах по вопросам охраны окружающей среды и в иных не противоречащих законодательству Российской Федерации акциях;
- 4) выдвигать предложения о проведении общественной экологической экспертизы и участвовать в ее проведении в установленном порядке;
- 5) оказывать содействие органам государственной власти Российской Федерации, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления в решении вопросов охраны окружающей среды;
- 6) обращаться в органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные организации с жалобами, заявлениями и предложениями по вопросам, касающимся охраны окружающей среды, негативного воздействия на окружающую среду, и получать своевременные и обоснованные ответы;
- 7) предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований.

Таким образом, логический анализ вышеприведенных норм Конституции Российской Федерации и Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» позволяет сделать вывод о том, что Президент Российской Федерации является ключевой фигурой, призванной гарантировать на ее территории от имени государства надлежащее соблюдение и всеобъемлющую реализацию экологических прав граждан России.

Статья 80 Конституции Российской Федерации устанавливает, что Президент России в установленном Конституцией порядке принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [2].

Деятельность Президента Российской Федерации по охране ее суверенитета, независимости и государственной целостности объективным образом предполагает принятие главой государства решений, направленных на обеспечение безопасности Российского государства. При этом важной составляющей безопасности государства в целом является его экологическая безопасность.

В частности, статья 1 Федерального Закона Российской Федерации «О безопасности» закрепляет норму о том, что указанный нормативный правовой акт определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению в том числе экологической безопасности [4].

Детализируя положения статьи 80 Конституции Российской Федерации, статья 4 Федерального Закона Российской Федерации «О безопасности» устанавливает, что основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент Российской Федерации [4].

Анализ вышеуказанных положений статьи 1 и статьи 4 Федерального Закона Российской Федерации «О безопасности» в их системной взаимосвязи между собой позволяет утверждать, что Президент России принимает основополагающие решения в деле обеспечения экологической безопасности Российского государства. В свою очередь, поскольку обеспечение экологической безопасности является одной из важнейших составляющих экологической функции государства, приведенные выше нормы Федерального Закона Российской Федерации «О безопасности» уже сами по себе свидетельствуют о важности фигуры Президента России в системе реализации экологической функции в целом.

Спектр потенциально возможных решений, которые могут приниматься Президентом Российской Федерации в рамках его деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства, предопределяется положениями статьи 3 Федерального Закона Российской Федерации «О безопасности». Законодатель в данном случае устанавливает, что деятельность по обеспечению безопасности включает в себя [4]:

- 1) прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;
- 2) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;
- 3) правовое регулирование в области обеспечения безопасности;
- 4) разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;
- 5) применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;
- 6) разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности;
- 7) организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности;
- 8) координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности;

9) финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств;

10) международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности.

Очевидно, что частным случаем всех обозначенных направлений деятельности по обеспечению безопасности Российского государства является принятие соответствующих мер и решений по каждому из данных направлений в контексте обеспечения экологической безопасности страны.

В юридической литературе справедливо указывается на то, что Президент Российской Федерации согласно действующей Конституции не входит ни в одну из ветвей власти, а занимает особое место в государственном механизме России [5; 6; 7; 8; 9].

Положение Конституции Российской Федерации об обеспечении Президентом согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, по своей сути, прямо устанавливает приоритетность президентской власти над властью, олицетворенной в деятельности иных государственных органов. Такого рода приоритетность обусловлена предоставлением действующей Конституцией Президенту Российской Федерации превалирующего объема полномочий по сравнению с субъектами, к которым они применяются, то есть по сравнению с иными государственными органами.

В качестве примера в данном случае может быть приведена норма, установленная статьей 110 Конституции Российской Федерации, согласно которой исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации [2].

В контексте реализации экологической функции государства важное значение имеет роль Президента России в деле обеспечения эффективного взаимодействия между законодательной и исполнительной ветвями власти, между отдельными органами исполнительной власти, а также между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации.

В соответствии со статьей 81 Конституции России Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами России на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [2].

При этом необходимо учитывать, что, будучи избранным гражданами Российской Федерации, Президент России выступает в качестве агрегированного выразителя интересов всего многонационального российского народа, а важной группой общенародных интересов являются экологические интересы. Экологические интересы народа Российской Федерации так или иначе охватывают собой необходимость соблюдения экологических прав и законных интересов граждан России, обеспечения охраны и защиты окружающей природной среды, рационального и эффективного использования находящихся в распоряжении общества природных ресурсов, экологической безопасности российского общества.

В данном контексте нельзя не согласиться с мнением Р. Х. Гиззатуллина о том, что Президент Российской Федерации как глава государства должен руководствоваться экологическими интересами российского народа, представлять их при взаимодействии со всеми ветвями власти, и, с помощью предоставленных ему полномочий, добиваться их соблюдения всеми государственными органами [5].

Норма, установленная статьей 85 Конституции Российской Федерации, предусматривает, что Президент Российской Федерации может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации [2].

Представляется, что обозначенные выше потенциальные разногласия между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации могут касаться в том числе и решений по экологически значимым вопросам общественной жизни. В связи с этим соответствующая роль главы государства как арбитра, призванного разрешать такого рода разногласия на благо общества, способна выступать в качестве важной составляющей участия Президента Российской Федерации в деле реализации экологической функции государства.

Анализируя положения статьи 80 Конституции Российской Федерации, необходимо обратить внимание и на установленную ей норму о том, что Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства [2].

В 2012 году Президентом России были утверждены Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, которые предусматривают, что стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [10].

Вместе с тем, следует отметить, что многие исследователи, рассматривая экологическую функцию государства, справедливо отмечают, что данная его функция не является чисто внутренней, а может включать в себя как внутренние, так и внешние аспекты деятельности государства.

В частности, М. М. Меркулов, определяя экологическую функцию государства как внутреннее и внешнее направления деятельности государства по охране, рациональному использованию, воспроизводству и оздоровлению природных объектов, отдельно выделяет внутреннюю экологическую функцию государства и его внешнюю экологическую функцию. Внутренняя экологическая функция государства характеризуется в данном случае как конституциональное направление деятельности государства по охране, рациональному использованию, воспроизводству

окружающей природной среды, внутри территориальных границ, без осуществления которого продолжительное существование современного государства невозможно. В свою очередь, внешняя экологическая функция государства репрезентирует собой, по мнению М. М. Меркулова, конституциональное направление деятельности по охране, рациональному использованию и воспроизводству окружающей природной среды вне территориальных границ, без осуществления которого продолжительное существование планетарной экосистемы, а, следовательно, и отдельно взятого государства невозможно [11].

Таким образом, участие Президента Российской Федерации в реализации экологической функции Российского государства предполагает принятие им соответствующих решений как в области внутренней политики государства, так и во внешнеполитической сфере.

Более того, как справедливо отмечает Р. Х. Гизатуллин, определяя основные направления внутренней и внешней политики государства, обеспечивая единство государственной власти в Российской Федерации и согласованное функционирование ее органов, участвуя в законодательном процессе и формировании системы и структуры органов исполнительной власти, глава государства во многом предопределяет результативность деятельности ветвей государственной власти в рамках осуществления экологической функции государства [5].

Р. Х. Гизатуллин также обращает внимание на то, что статус Президента Российской Федерации как гаранта действующей Конституции означает, что он, в пределах предоставленных ему полномочий, должен требовать от всех государственных органов неукоснительного соблюдения положений Конституции России. В контексте осуществления экологической функции государства, это, прежде всего, касается соблюдения экологических конституционных положений, предусмотренных статьями 9 (земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории), статьей 42 (каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением) и статьей 58 (каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам) Конституции Российской Федерации [5].

Реализация функций и полномочий Президента Российской Федерации имеет определяющее значение как для функционирования государственного механизма в целом, так и для обеспечения жизнедеятельности экологической сферы российского общества.

Распорядительная деятельность Президента Российской Федерации в сфере регулирования экологически значимых общественных отношений, будучи многообразной по своему содержанию, охватывает собой проведение главой государства совещаний с руководителями и иными должностными лицами органов государственной власти, руководителями, учеными и специалистами иных организаций, действующих в экологической сфере, соответствующих международных переговоров, принятие входящих в компетенцию Президента России кадровых решений.

В рамках анализа положений статьи 83 Конституции Российской Федерации необходимо обратить внимание на следующие организационно-кадровые полномочия Президента России, имеющие важное значение для реализации экологической функции Российского государства [2]:

- 1) назначение Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента Российской Федерации, и освобождение Председателя Правительства Российской Федерации от должности;
- 2) осуществление общего руководства Правительством Российской Федерации;
- 3) утверждение по предложению Председателя Правительства Российской Федерации структуры федеральных органов исполнительной власти, внесение в нее изменений;
- 4) определение в структуре федеральных органов исполнительной власти органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, и органов, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации;
- 5) принятие решения об отставке Правительства Российской Федерации;
- 6) принятие отставки Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации;
- 7) назначение в установленном порядке на должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров.

В частности, применительно к экологической функции государства речь может идти о создании в структуре федеральных органов исполнительной власти специализированного государственного органа, призванного заниматься вопросами экологической политики государства (каковым в настоящий момент является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации), назначении и освобождении от должности руководителя такого государственного органа и его заместителей. Помимо этого, Президентом России могут быть приняты решения об определении заместителя или нескольких заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, ответственных за решение вопросов в экологической сфере, назначении и освобождении от должности соответствующих заместителей Председателя Правительства России.

Использование указанных организационно-кадровых полномочий Президента Российской Федерации является важным фактором реализации на практике мероприятий отечественной экологической политики, решения стоящих перед российским обществом в экологической сфере целей и задач.

В соответствии со статьей 84 Конституции России Президент Российской Федерации назначает референдум в порядке, установленном федеральным конституционным законом. При этом статья 1 Федерального Конституционного Закона Российской Федерации «О референду-

ме Российской Федерации» устанавливает, что референдум Российской Федерации представляет собой всенародное голосование ее граждан, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения [2; 12].

Не вызывает никаких сомнений, что вопросы охраны окружающей природной среды, обеспечения рационального и эффективного природопользования и экологической безопасности являются в современных условиях одними из важнейших вопросов общегосударственного значения. Как следствие этого, есть все основания утверждать, что вытекающее из Конституции России полномочие Президента Российской Федерации назначать референдумы по важнейшим экологически значимым вопросам общественной жизни является одним из системообразующих полномочий главы Российского государства в рамках реализации его экологической функции.

Необходимо обратить внимание и на то, что в силу статьи 84 Конституции России Президент Российской Федерации вносит законопроекты в Государственную Думу, а также подписывает и обнародует федеральные законы [2].

Как инициирование и внесение в Государственную Думу законопроектов по экологически значимым для социума вопросам, так и подписание федеральных законов, касающихся вопросов обеспечения экологических прав граждан, охраны окружающей среды, рационального и эффективного использования природных ресурсов, иных экологически значимых федеральных законов, безусловно, также следует отнести к числу системообразующих полномочий Президента Российской Федерации в экологической сфере.

Еще одним системообразующим полномочием Президента России, обуславливающим его активное участие в реализации экологической функции государства, является введение на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения, обусловленного возникновением чрезвычайных ситуаций экологического характера.

В соответствии со статьей 88 Конституции России Президент Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе. При этом статья 3 Федерального Конституционного Закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» относит чрезвычайные экологические ситуации к числу обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер, и являющихся основанием для введения чрезвычайного положения [2; 13].

На основании положений статьи 90 Конституции России Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения, которые обязательны для исполнения на всей территории России, применительно к осуществлению Российским государством всех присущих ему функций, в том числе и его экологической функции [2].

Указы Президента Российской Федерации как источники правового регулирования общественных отношений в области охраны окружающей среды и обеспечения рационального и эффективного природопользования непосредственно предусмотрены в текстах основополагающих федеральных законов, регулирующих обозначенные области общественных отношений.

В частности, Федеральный Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» предусматривает, что законодательство в области охраны окружающей среды основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации [3].

Земельным кодексом Российской Федерации, Водным кодексом Российской Федерации и Лесным кодексом Российской Федерации установлено, что соответственно земельные, водные и лесные отношения в России могут регулироваться указами Президента Российской Федерации, которые не должны противоречить федеральным законам [14; 15; 16].

В целом, есть все основания утверждать, что роль Президента Российской Федерации в деле реализации экологической функции Российского государства является исключительно важной, что обусловлено особой значимостью должности Президента России в общей системе государственной власти в стране. Компетенция Президента Российской Федерации в экологической сфере, вытекающая из его конституционных полномочий, охватывает собой всю совокупность экологически значимых общественных отношений.

Список литературы:

1. Степаненко, Д. М. Экологическая функция государства: теоретико-правовая характеристика / Д. М. Степаненко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11. – С. 102 – 105.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 15.11.2025.
3. Об охране окружающей среды: Федеральный Закон Российской Федерации, 10.01.2002 г., № 7-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. – Дата доступа: 15.11.2025.
4. О безопасности: Федеральный Закон Российской Федерации, 28.12.2010 г., № 390-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/. – Дата доступа: 15.11.2025.
5. Гиззатуллин, Р. Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации / Р. Х. Гиззатуллин. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 312 с.
6. Чиркин, В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В. Е. Чиркин. – Москва: Зерцало, 1998. – 441 с.
7. Окуньков, Л. А. Президент Российской Федерации: Конституция и политическая практика / Л. А. Окуньков. – Москва: ИНФРА – М; Норма, 1996. – 234 с.
8. Болдырева, Р. С. Разделение властей: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Болдырева Раиса Степановна. – Москва: Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1998. – 164 с. – Библиогр.: с. 148 – 164.
9. Прокошенкова, Е. Е. Разделение властей как принцип механизма осуществления государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Прокошенкова Елена Евгеньевна. – Москва: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2003. – 28 с. – Библиогр.: с. 24 – 25.
10. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утверждены Президентом Российской Федерации 30.04.2012 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/. – Дата доступа: 15.11.2025.

11. Меркулов, М. М. Проблемы экологической функции современного Российского государства: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Меркулов Михаил Михайлович. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2002. – 232 с. – Библиогр.: с. 205 – 225.
12. О референдуме Российской Федерации: Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации, 28.06.2004 г., № 5–ФКЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/. – Дата доступа: 15.11.2025.
13. О чрезвычайном положении: Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации, 30.05.2001 г., № 3–ФКЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/. – Дата доступа: 15.11.2025.
14. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации, 25.10.2001 г., № 136–ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. – Дата доступа: 15.11.2025.
15. Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации, 03.06.2006 г., № 74–ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/. – Дата доступа: 15.11.2025.
16. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации, 04.12.2006 г., № 200–ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2025. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. – Дата доступа: 15.11.2025.

References:

1. Stepanenko, D. M. The Ecological Function of the State: Theoretical and Legal Characteristics. Law and State: the Theory and Practice, 2024, No. 11, pp. 102 – 105.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by Popular Vote on December 12, 1993, with Amendments approved during the All-Russian Vote on July 1, 2020). Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
3. On Environmental Protection: Federal Law of the Russian Federation, January 10, 2002, No. 7–FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
4. On Security: Federal Law of the Russian Federation, December 28, 2010, No. 390–FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
5. Gizzatullin, R. Kh. The Ecological Function of the State: Theory and Practice of Realization. Moscow, 2014, 312 p.
6. Chirkin, V. E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. Moscow, 1998, 441 p.
7. Okunkov, L. A. President of the Russian Federation: Constitution and Political Practice. Moscow, 1996, 234 p.
8. Boldyreva, R. S. Separation of Powers: Theoretical and Legal Aspects. Moscow, 1998, 164 p.
9. Prokoshenkova, E. E. Separation of Powers as a Principle of the Mechanism for Exercising State Power in the Russian Federation. Moscow, 2003, 28 p.
10. Fundamentals of State Policy in the Field of Ecological Development of the Russian Federation for the Period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012). Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
11. Merkulov, M. M. Problems of the Ecological Function of the Modern Russian State: Theoretical and Legal Aspect. Stavropol, 2002, 232 p.
12. On the Referendum of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of the Russian Federation, June 28, 2004, No. 5–FKZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
13. On the State of Emergency: Federal Constitutional Law of the Russian Federation, May 30, 2001, No. 3–FKZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
14. Land Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation, October 25, 2001, No. 136–FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
15. Water Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation, June 3, 2006, No. 74–FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.
16. Forest Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation, December 4, 2006, No. 200–FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2025.

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПО ЗАОЧНОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ TO THE PROBLEM OF IMPLEMENTING A PRACTICE-ORIENTED APPROACH IN PROFESSIONAL TRAINING OF POLICE OFFICERS THROUGH CORRESPONDENCE EDUCATION

КРАСИНСКАЯ Елена Сергеевна,

старший преподаватель кафедры основ российской государственности и цивилистики,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
664074, Российская Федерация. Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
Krasinskaya76@mail.ru

KRASINSKAYA Elena Sergeevna,

senior Lecturer at the Department of Fundamentals of Russian Statehood and Civil Law,
Federal State Public Educational Institution of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation",
664074, Russian Federation. Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov St., 110.
Krasinskaya76@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье проанализирована эффективность профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, по заочной форме обучения, а также проблемы применения практико-ориентированного подхода, возникающие в процессе реализации программ профессионального обучения с использованием цифровой образовательной среды. Кроме того, автором предложен ряд мер по повышению качества и эффективности профессионального обучения посредством комбинирования традиционных и инновационных методов, в том числе с применением технологий виртуальной и дополненной реальности.

Abstract: This article analyzes the effectiveness of professional training for employees who have been first recruited to the internal affairs bodies through correspondence courses, as well as the challenges of applying a practice-oriented approach in the implementation of professional training programs using a digital educational environment. Additionally, the author proposes several measures to improve the quality and effectiveness of professional training by combining traditional and innovative methods, including the use of virtual and augmented reality technologies.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, сотрудник полиции, заочное обучение, практико-ориентированный подход, профессиональное обучение.

Keywords: professional training, police officer, part-time training, practice-oriented approach, professional training.

Для цитирования: Красинская Е.С. К проблеме реализации практико-ориентированного подхода в профессиональном обучении полицейских по заочной форме обучения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_349.

For citation: Krasinskaya E.S. To the problem of implementing a practice-oriented approach in professional training of police officers through correspondence education // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_349.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Не вызывает сомнения, что деятельность органов внутренних дел по противодействию преступности, обеспечению общественной безопасности, защите законных прав и интересов граждан не представляется возможной без качественной профессиональной подготовки сотрудников, осуществляющих эту деятельность и в настоящее время в оценке работы правоохранительных органов, в том числе, на передний план выдвигается проблема профессиональной компетентности сотрудников.[1]

Организация подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, охватывающую весь период профессиональной деятельности сотрудника. Самым первым и самым важным этапом профессиональной подготовки полицейских является профессиональное обучение лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел.

Профессиональная подготовка лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, осуществляется образовательными организациями МВД России посредством реализации программ профессионального обучения, целью которой является приобретение сотрудником, впервые поступившим на службу в органы внутренних дел, профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей а также формирование у него способности на основе законодательства Российской Федерации осуществлять защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка, собственности, обеспечивать общественную безопасность, противодействовать преступности, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также при чрезвычайных обстоятельствах и условиях специальных правовых режимов. Основной задачей профессионального обучения, учитывая его краткосрочный период, является научить правильно оценивать складывающуюся служебную обстановку (ситуацию) в практической деятельности, оперативно реагировать на ее изменение и принимать верное правовое решение. Именно поэтому перед научно-педагогическими кадрами ВУЗов и центров профессиональной подготовки МВД России и стоит задача объединения воедино компетентностного и практико-ориентированного подходов обучения.[2]

Одной из форм реализации программ профессиональной подготовки полицейских является заочная форма, которая предусмотрена для отдельных категорий обучающихся.

Для освоения данной программы используется исключительно электронная информационно-образовательная среда, которая включает в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, призванные обеспечить освоение обучающимися программы без отрыва от служебной деятельности. Освоение программы осуществляется путем самостоятельного изучения теоретического материала, сформированного в учебно-методические комплексы. В завершение обучения в течение трех учебных дней проводится учебно-экзаменационная сессия на базе образовательной организации. При этом профессиональное обучение осуществляется без освобождения от исполнения служебных обязанностей.

Проводимый в рамках внутренней системы оценки качества обучения анализ результатов опроса руководителей комплектующих территориальных подразделений органов внутренних дел о качестве профессиональной подготовки сотрудников показывает, что у сотрудников, прошедших профессиональное обучение по заочной форме, отмечается недостаточный уровень сформированности профессиональных компетенций, возникают сложности при закреплении оружия на ношение в период исполнения служебных обязанностей в ходе сдачи зачетов по знанию материальной части, тактико-технических характеристик табельного боевого ручного стрелкового оружия, специальных средств, мер безопасности при обращении с ними, а также по знанию положений законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок применения и использования оружия. Такой результат имеет ряд предпосылок, ключевыми из которых, на наш взгляд, являются:

Противоречие между формами и методами теоретического и практического обучения.

Заочной форме присуще преимущественно теоретическое обучение, в ходе которого слушатели самостоятельно изучают теоретический материал по дисциплинам программы профессионального обучения, размещенный на цифровой образовательной платформе, с прохождением промежуточной аттестации в форме выполнения тестовых заданий.

Практико-ориентированный подход, напротив, позволяет сфокусировать процесс обучения на применение теоретических знаний в решении реальных служебных задач, параллельно осмысливая свою деятельность, допуская и исправляя ошибки, в условиях непрерывной связи с преподавателем и одновременно тренируя коммуникативные функции взаимодействуя между собой.

При этом получение таких навыков, как владение табельным оружием, правилами и порядком применения физической силы, специальных средств, оказание первой помощи, тактика действий при чрезвычайных обстоятельствах и условиях специальных правовых режимов требует активного контактного взаимодействия обучающегося с преподавателем, специально оборудованных помещений. Такие дисциплины, как огневая, физическая подготовка, деятельность органов внутренних дел в условиях особых правовых режимов требуют личного присутствия, оборудования (тир, оружие, полигоны для отработки практических навыков, спортивный зал, макеты оружия) и контроля инструктора (преподавателя) для отработки правильной техники и предотвращения ошибок. В теории можно разбирать кейсы, но без «эффекта присутствия» и ответственности за последствия принятого решения, навык формируется неполноценно.

Несоответствие результатов промежуточной аттестации обучающихся по учебным дисциплинам фактическому уровню усвоения материала. Выполняя тестовые задания слушатели, в том числе имея возможность воспользоваться какими-либо источниками (лекционный материал, «интернет-подсказки»), успешно проходят промежуточную аттестацию, не понимая, как применить эти знания на практике. Как объективно оценить, умеет ли сотрудник применять правовые нормы в конкретной уличной ситуации, если экзамен проходит в форме теста или письменного ответа? Таким образом, система контроля остаточных знаний по учебным дисциплинам оказывается неэффективной.

И, наконец, *отсутствие межличностного взаимодействия* преподавателя и обучающихся приводит к снижению мотивации. Заочное обучение, в том числе с применением дистанционных технологий, требует от его субъектов высокой самоорганизации, дисциплины, целеустремленности.

Совмещение обучения с исполнением служебных обязанностей приводит к формальному подходу: «лишь бы сдать». Ценность практических знаний подменяется ценностью получения свидетельства о профессиональном обучении.

В ситуации отсутствия физического (очного) контроля со стороны преподавателя очень велик соблазн отложить изучение теоретического материала и выполнение заданий «на потом», что может повлечь за собой накопление задолженностей, постепенную утрату смысла и целеустремленности в завершении обучения. Отсутствие «живого» контакта неизменно оказывает влияние на волевую сферу молодых сотрудников. Кроме того, задача первоначального обучения сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, это не только получение знаний, профессиональных умений и навыков, но и воспитание у них чувства гордости за принадлежность к профессии, верности Присяге, многовековым профессиональным традициям, а также формирование нравственной мотивации к строгому и точному соблюдению требований к служебному поведению, обучение приемам само и взаимопомощи в условиях стрессогенной ситуации, формирование устойчивости к негативно-му информационно-психологическому воздействию, что становится не реальным в условиях заочного обучения.

В рамках изучения проблемы проводилось анкетирование слушателей, проходивших обучение по заочной форме и прибывших для сдачи итоговых экзаменов по огневой и физической подготовке и прохождения итоговой аттестации. Обучающимся было предложено ответить на вопросы о степени удовлетворенности качеством обучения, а также о том, с какими трудностями они сталкивались в процессе обучения.

Обработка и анализ результатов опроса показали, что большинство (78% опрошенных) отметили отсутствие времени для изучения теоретического материала ввиду загруженности на службе, отсутствие возможности получения консультации преподавателя в свободном «живом» диалоге – 55%. При этом систему заочного обучения оценивают удовлетворительно лишь и трудностей в процессе освоения учебной про-

граммы и сдачи промежуточно и итоговой аттестации не испытывали лишь 22% респондентов.

Таким образом, совмещение заочного обучения полицейских с реализацией принципа практико-ориентированного подхода представляет собой сложную методическую проблему.

Сложившиеся условия диктуют потребность в совершенствовании порядка реализации программ профессионального обучения по заочной форме. И ключевое внимание следует уделить не столько нормативному регулированию, сколько организационным аспектам и условиям материально-технического оснащения. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о предоставлении по месту службы слушателям, зачисленным на обучение по программам профессиональной подготовки в режиме заочного обучения, возможности предоставления ежедневно (в соответствии с расписанием занятий) времени для изучения теоретического материала и выполнения тестов промежуточной аттестации.[4]

Проблема организации наставнической деятельности в этой связи также выходит на передний план. Наставник, закрепленный за сотрудником, проходящим заочное обучение, совместно с непосредственным руководителем должны осуществлять постоянный контроль за освоением учебной программы учебного курса (модуля), оказывая помощь в части связывания теории с практикой.

Кроме того, проблема реализации практико-ориентированного подхода может быть частично решена, в том числе, посредством комбинации традиционных и инновационных методов, в том числе с применением технологий виртуальной и дополненной реальности. Цифровая образовательная платформа должна стать не просто сайтом с размещенным на ней теоретическим материалом по учебным дисциплинам. Возможно создание программ-симуляторов, библиотекой видео-разборов.

В целях повышения эффективности обучения слушателей навыкам владения боевыми приемами борьбы, огнестрельного оружия в штатное расписание территориальных органов внутренних дел введены должности специалистов, инструкторов по профессиональной и служебной подготовке. Однако замещение этих должностей сотрудниками должно осуществляться при соответствии кандидатов квалификационным требованиям, среди которых: наличие профессиональных знаний в этой области (звание «кандидата в мастера спорта», «мастера спорта» по соответствующей дисциплине), наличие у них навыков обучения. Должностные обязанности этой категории сотрудников должны включать проведение индивидуальных и групповых занятий с лицами, впервые поступившими на службу, в том числе при прохождении ими профессионального обучения по заочной форме, включающими элементы применения физической силы, приемов борьбы, методики выполнения нормативов по огневой подготовке, проведения тренировочных стрельб из учебного оружия с последующим анализом и детализацией допущенных ошибок для их корректировки и устранения.

Предложенная модель может стать возможной лишь при соблюдении определенных условий всеми субъектами профессионального обучения: образовательными организациями, комплекующими подразделениями территориальных органов внутренних дел и самими сотрудниками, проходящими профессиональное обучение.

Таким образом, проблема реализации практико-ориентированного подхода при заочном обучении полицейских является одной из ключевых в организации профессионального обучения полицейских. Она стоит на стыке нескольких сложных задач: специфики дистанционного формата, высокой ответственности профессии и постоянно меняющихся реалий оперативно-служебной деятельности.

Организация подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, охватывающую весь период профессиональной деятельности сотрудника, включая профессиональное обучение при поступлении на службу и непрерывное повышение квалификации. Несмотря на имеющиеся проблемы, эта система продолжает развиваться, адаптируясь к современным вызовам и угрозам. Дальнейшее совершенствование системы подготовки кадров органов внутренних дел является важным условием эффективного выполнения органами внутренних дел стоящих перед ними задач по обеспечению правопорядка и безопасности в обществе и государстве.

Список литературы:

1. Капустюк О. Ю. О некоторых аспектах профессиональной компетенции сотрудников ОВД / О. Ю. Капустюк, Л. Ю. Нежкина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2013. — № 3. — С. 25—30.
2. Красинская, Е. С. К проблеме реализации практико-ориентированного подхода в профессиональном обучении полицейских в условиях распространения COVID-19 / Е. С. Красинская // Modern Science. — 2022. — № 3-2. — С. 303-308. — EDN JWOGJG.
3. Красинская, Е. С. Вопросы реализации программ профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в условиях распространения COVID-19 / Е. С. Красинская // Полицейская деятельность. — 2020. — № 5. — С. 29-38. — DOI 10.7256/2454-0692.2020.5.34143. — EDN HFOPIE.
4. Красинская Е. С. Отдельные аспекты профессионального становления и морально-психологической готовности сотрудников ОВД к эффективной служебной деятельности [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 3 (13). — С. 204—210.
5. Балежина Е.А., Форостян В.В. Особенности организации дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии коронавируса: проблемы и перспективы // Вестн. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. — 2021. — Т. 5, — вып. 3. С. 281—288.
6. Захаренко Н. А. Дистанционное обучение в высшей школе: накопленный опыт и практика в условиях пандемии // Право и образование. — 2021. — № 1. — С. 22-30.

References:

1. Kapustyuk O. Yu. On Some Aspects of the Professional Competence of Law Enforcement Officers / O. Yu. Kapustyuk, L. Yu. Nezhkina // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2013. — No. 3. — Pp. 25-30.
2. Krasinskaya, E. S. On the Problem of Implementing a Practice-Oriented Approach in the Professional Training of Police Officers in the Context of the Spread of COVID-19 / E. S. Krasinskaya // Modern Science. — 2022. — No. 3-2. — Pp. 303-308. — EDN JWOGJG.
3. Krasinskaya, E. S. Issues of Implementing Professional Training Programs for Internal Affairs Officers in the Context of the Spread of COVID-19 / E. S. Krasinskaya // Police Activities. — 2020. — No. 5. — Pp. 29-38. — DOI 10.7256/2454-0692.2020.5.34143. — EDN HFOPIE.
4. Krasinskaya E. S. Certain Aspects of Professional Formation and Moral and Psychological Readiness of Law Enforcement Officers for Effective Service Activities [Electronic resource] // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — No. 3 (13). — Pp. 204—210.
5. Balezina E.A., Forostyan V.V. Features of the organization of distance learning at a university in the conditions of the coronavirus pandemic: problems and prospects // Vestn. Udm. un-ta. Sociology. Politology. International relations. — 2021. — T. 5, — issue. 3. Pp. 281-288.
6. Zakharenko N. A. Distance Learning in Higher Education: Accumulated Experience and Practice in the Context of the Pandemic // Law and Education. — 2021. — No. 1. — Pp. 22-30.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_352

УДК 347.963

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN CIVIL PROCEEDINGS IN CONTEMPORARY RUSSIA

ЛАЮК Инесса Рамазановна,

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
350040, Россия, г. Краснодар, Ставропольская ул., д. 149.
E-mail: roksi92@mail.ru

LAIUK Inessa Ramazanovna,

Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law Kuban State University,
350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149.
E-mail: roksi92@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируются теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в современной России. Рассмотрены основные правовые нормы, регулирующие статус и полномочия прокурора в гражданских делах. Проведенное исследование позволило выявить существующие проблемы реализации прокурорских полномочий в целях защиты публичных и частных интересов.

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical issues of the prosecutor's participation in civil proceedings in contemporary Russia. The main legal norms regulating the status and powers of the prosecutor in civil cases are considered. The conducted research has identified existing problems in the implementation of prosecutorial authority aimed at protecting public and private interests.

Ключевые слова: прокурор, гражданское судопроизводство, публичный интерес, иск прокурора, правовое регулирование.

Keywords: prosecutor, civil proceedings, public interest, prosecutor's claim, legal regulation.

Для цитирования: Лаяк И.Р. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 352-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_352.

For citation: Laiuk I.R. Theoretical and practical issues of the prosecutor's participation in civil proceedings in contemporary Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 352-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_352.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Созданная указом Петра I 12 января 1722 года, прокуратура на протяжении более трёх столетий сохраняет свою ключевую роль в системе правоохранительных органов Российской Федерации. Такая продолжительная история функционирования обусловлена, прежде всего, уникальным статусом и предназначением органа прокуратуры, объединяющими в себе функции надзора за соблюдением законности, представления государственных интересов и осуществления федерального надзорного контроля. Прокуратура является неотъемлемой частью системы обеспечения верховенства закона и правопорядка, что объясняет её существование и развитие в течение столь длительного исторического периода, свидетельствуя о стабильности и значении института, а также о необходимости наличия независимого и авторитетного органа, способного обеспечивать контроль за законностью и бороться с правонарушениями на всех уровнях государственной власти.

Так, главным фактором учреждения должности генерал-прокурора стала «борьба за власть и одновременно против власти. Идея царя о всеобщем надзоре за исполнением его государственной воли была подкреплена чаяниями его оппозиции защититься от произвола многочисленного чиновничества, да и самого царя» [1].

Правоохранительная деятельность прокуратуры включает предупреждение нарушения права, защиту и восстановление нарушенного права, а также привлечение правонарушителя к установленной законом ответственности.

Одной из форм восстановления прав государства, граждан, которая обеспечивается при непосредственном участии прокуратуры, является участие прокурора в гражданском процессе.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве традиционно рассматривается как важный инструмент охраны публичных интересов, обеспечения законности и защиты социально уязвимых категорий граждан. При этом современная реформа правосудия, направленная на укрепление принципов состязательности и равноправия сторон, вызывает необходимость переосмысления роли прокуратуры в гражданском процессе.

Несмотря на устойчивую нормативную основу, участие прокурора продолжает вызывать теоретические дискуссии и практические трудности, связанные с балансом публичного и частного начала, пределами вмешательства государства в частноправовые споры, а также неоднородностью судебной практики.

В соответствии с положениями статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации участие прокурора в гражданском процессе реализуется в двух установленных законом формах.

Первая форма- подача искового заявления в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособ-

ности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования.

Вторая форма участия прокурора — это предоставление заключений по отдельным категориям гражданских дел, в частности по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий [2].

При этом Федеральным законом от 07.10.2022 N 387-ФЗ перечень дел, по которым прокурор вступает в процесс и дает заключения пополнился следующими категориями: 1) о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств; 2) при рассмотрении судом заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения; 3) в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, а также законодательством, устанавливающим специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в указанных целях [3].

Указанный спектр полномочий по участию прокурора в гражданском процессе достаточно обширен в сравнении с другими странами.

Так, в Китайской Народной Республике деятельность прокурора в рамках гражданского судопроизводства ограничивается исключительно функциями проверки уже вынесенных судебных решений и возможностью их опротестования. Таким образом, прокурор не участвует непосредственно в процессе рассмотрения дела или в постановке судебных решений, а выполняет роль контролирующего органа, осуществляющего надзор за законностью вынесенных судебных актов.

Гражданским процессуальным кодексом Китайской Народной Республики не предусмотрено участие прокурора в самом гражданском деле: Верховная народная прокуратура должна опротестовать в порядке надзора вступившее в законную силу решение или определение, вынесенное народным судом любой ступени, а народная прокуратура более высокой ступени – вступившее в законную силу решение или определение, вынесенное народным судом более низкой ступени.

Правовую основу функционирования прокуратуры Федеративной Республики Германии в системе судебных органов составляет Закон «О судостроительстве», который регулирует структуру, функции и полномочия прокуратуры в рамках судебной системы. Основной задачей прокуратуры Федеративной Республики Германии в судебном процессе является осуществление уголовного преследования. В соответствии с положениями Закона «О правовом единстве», участие прокурора в гражданско-правовых спорах сведено к минимальному уровню, его функции ограничены определёнными категориями дел, при этом прокурор выступает в роли стороны только в узком спектре случаев, что свидетельствует о преимущественно вспомогательной роли прокуратуры в системе гражданского судопроизводства страны.

В США прокуроры участвуют в гражданском и административном судопроизводстве как истцы, ответчики, а также для дачи заключения о конституционности закона, чтобы обеспечивать соблюдение законодательства и защиту публичных интересов, что отражает особенности американской системы правосудия и важную роль прокуратуры в сфере гражданского и административного права.

Например, выступая представителем по делам, когда заявлен иск к налоговым органам или другим федеральным органам, федеральный прокурор на стороне ответчика имеет право возбудить дело в суде, а также участвовать в процессе от имени и в интересах правительственных организаций, таких как министерства или агентства, а также защищать права граждан, нарушенных в результате дискриминационных действий.

Не менее важной функцией прокуратуры США является деятельность по разрешению споров во внесудебном порядке. В рамках этой функции прокуроры обладают полномочиями проводить консультации, разъяснять законодательство по разрешению спора, истребовать необходимые документы и согласовывать позиции сторон. В случаях, когда досудебное урегулирование оказывается невозможным, прокурор приводит в исполнение свои полномочия: заявляет иск от имени стороны, права и интересы которой нарушены или представляет интересы ответчика - публичной инстанции или лиц, если к ним направлены иски и от них было направлено обращение к прокурору о защите их прав и интересов [4].

В современной России существуют теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Двойственность статуса прокурора - теоретическая проблема участия прокурора в гражданском судопроизводстве, так как согласно положениям Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор осуществляет надзорную функцию, которая заключается в проверке исполнения законов, установлении правонарушений, их правовой оценке и требовании к компетентным органам и должностным лицам принять меры к устранению выявленных нарушений. При этом в рамках гражданского процесса полномочия прокурора ограничены и помещены в рамки гражданско-процессуального поля.

Такое сочетание приводит к внутреннему противоречию: надзирающий орган становится участником состязательного процесса, что ослабляет ясность функциональной модели прокуратуры.

Вторая теоретическая проблема участия прокурора в гражданском судопроизводстве- соотношение принципа состязательности и публичных начал. Гражданский процесс основан на равенстве сторон и их процессуальной самостоятельности. Вступление прокурора объективно усиливает публичное начало, зачастую нарушая традиционный баланс. Кроме того, прокурор в гражданском процессе по отношению к стороне оппоненту находится в заведомо преимущественном положении, так как освобождён от уплаты пошлины и судебных расходов, от риска неблагоприятного решения по мотивам процессуальной пассивности. Это ставит его в более выгодное положение по сравнению с участниками спора, что теоретически противоречит принципу процессуального равенства.

Третья проблема - процессуальная самостоятельность прокурора: пределы и ограничения. Прокурор наделён процессуальными правами, однако их реализация существенно ограничена спецификой его статуса. Прокурор не вправе свободно менять предмет и основание заявленного им иска, поскольку речь идёт о защите не собственного интереса, а интересов иных лиц или государства. Право прокурора на отказ ограничено: его отказ не обладает обязательной силой для суда. Это ставит под сомнение его процессуальную самостоятельность и эффективность участия.

Четвертая проблема заключается в определении оснований для участия прокурора в гражданском процессе, поскольку закон оперирует оценочными категориями, такими как «не способен самостоятельно защищать свои права» и «необходимость защиты прав неопределенного круга лиц», что зачастую порождает вопросы интерпретации и применения данных критериев. Указанные категории не конкретизированы, что порождает неоднородность судебной практики и риск расширительного толкования полномочий.

Проблема процессуальной самостоятельности прокурора- пятая проблема реализации полномочий прокурора в гражданском процессе, являющаяся практической.

Прокурор участвует в процессе как самостоятельный субъект, но, например, отказ прокурора от заявленных требований не всегда согласуется с интересами лица, в интересах которого подан иск, что вызывает сложности для суда при оценке процессуального поведения прокурора.

1 Шестая проблема- коллизии с принципом состязательности.

Современная модель гражданского процесса строится на равенстве сторон. Однако участие прокурора как государства может нарушать этот баланс: прокурор имеет более широкие возможности по сбору информации; его участие воспринимается как дополнительный аргумент в пользу одной из сторон; возникает риск подмены активности сторон деятельностью государства. Задача законодателя- обеспечить, чтобы прокурор не становился «третьей стороной» спора, оказывающей влияние на исход дела за пределами публичного интереса.

Седьмая проблема- неоднородность судебной практики.

На практике участие прокурора по аналогичным делам различается в регионах нашей страны. Например, в делах о защите прав потребителей прокуратуры активно участвуют в одних субъектах, но практически не участвуют в других. Причина- отсутствие унифицированных разъяснений относительно критериев участия и оценки публичного интереса.

2 Так, участие прокурора в гражданском судопроизводстве остается важным элементом защиты публичных интересов и обеспечения законности, однако современная практика демонстрирует существенные теоретические и практические проблемы. Среди них- неопределённость критериев вмешательства, противоречия с принципом состязательности, неоднородность судебной практики и недостаточная процессуальная самостоятельность прокурора.

Совершенствование законодательства и формирование единых подходов судебной практики позволят обеспечить баланс частных и публичных интересов и повысить эффективность гражданского судопроизводства.

Список литературы:

1. Смирнов А.Ф. Прокуратура и проблемы управления. Москва: Криминологическая ассоциация, 1997. - 263 с., с.16
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 07.10.2022 N 387-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2022.
4. Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие // под ред. А.Г. Давтян. М.: Проспект, 2008.

References:

1. Smirnov, A.F. Prosecutor's Office and Management Issues. Moscow: Criminological Association. 1997. - 263 pages, p. 16.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (latest revision as of July 31, 2025) // Legislative Collection of the Russian Federation. 2002.
3. Federal Law "On Amendments to Article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" of October 7, 2022, No. 387-FZ // Legislative Collection of the Russian Federation. 2022.
4. Civil Procedure of Foreign Countries: Textbook // edited by A.G. Davtyan. Moscow: Prospect, 2008.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ LEGAL POLICY AND APPLICATION OF LAW: MECHANISMS OF INTERACTION

ТАРАБУКИН Владимир Владимирович,
студент аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.
347900, Россия, г.Таганрог, ул.Петровская 45.
p.kameneva@tmei.ru
TARABUKIN Vladimir Vladimirovich,
postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya St. 45, Taganrog, 347900, Russia.
p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в статье исследуется механизм взаимодействия правовой политики и правоприменения как двух ключевых элементов функционирования современного правового государства. Автор обосновывает, что правовая политика выступает стратегическим инструментом регулирования общественных отношений, задающим долгосрочные цели и системные ориентиры для правотворчества и юридической практики. Особое внимание уделено двустороннему характеру взаимодействия: с одной стороны, правовая политика определяет вектор правоприменительной деятельности, с другой – правоприменение через механизм обратной связи влияет на корректировку и развитие правовой политики. В работе подробно рассмотрены каналы взаимодействия, а также условия эффективности этого процесса. В заключении подчеркивается, что эффективное взаимодействие правовой политики и правоприменения – необходимое условие построения правового государства, где закон не просто регулирует отношения, но и эволюционирует в ответ на потребности общества.

Abstract: the article explores the mechanism of interaction between legal policy and law enforcement as two key elements of the functioning of a modern legal state. The author argues that legal policy serves as a strategic tool for regulating social relations, setting long-term goals and systemic guidelines for lawmaking and legal practice. Special attention is given to the two-way nature of this interaction: on the one hand, legal policy determines the direction of law enforcement, and on the other hand, law enforcement influences the adjustment and development of legal policy through a feedback mechanism. The article provides a detailed analysis of the channels of interaction and the conditions for the effectiveness of this process. In conclusion, it is emphasized that effective interaction between legal policy and law enforcement is a necessary condition for building a legal state where the law not only regulates relations but also evolves in response to the needs of society.

Ключевые слова: правовая политика, применение права, правовое государство, взаимодействие, эффективность.

Key words: legal policy, application of law, rule of law, interaction, and efficiency.

Для цитирования: Тарабукин В.В. Правовая политика и применение права: механизмы взаимодействия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_355.

For citation: Tarabukin V.V. Legal policy and application of law: mechanisms of interaction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_355.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

В современном правовом государстве правовая политика выступает в качестве стратегического инструмента регулирования общественных отношений, направленного на достижение социальных, экономических и политических целей. Она определяет приоритеты в правотворческой деятельности, юридической практике и защите прав граждан. Одной из ключевых форм воплощения правовой политики в повседневную жизнь является применение права [6, с. 12].

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью в системном понимании того, как правовая политика государства воплощается в практической плоскости через механизм правоприменения. В условиях усложнения общественных отношений и динамичного развития законодательства особую значимость приобретает анализ взаимосвязей между стратегическими установками правовой политики и их реализацией посредством правоприменительной деятельности.

Правовая политика представляет собой «научно обоснованную, системную деятельность государственных и общественных институтов по формированию и реализации стратегии правового регулирования» [4, с. 37]. Она не является хаотичным набором мер, это целенаправленная система, опирающаяся на научные данные, социальные нужды и стратегические цели государства. Ключевые признаки правовой политики делают ее фундаментом для всей правовой системы:

- политика ориентирована на долгосрочные цели (обеспечение национальной безопасности, стабильное экономическое развитие, защита прав человека);
- правовая политика является системной, на что указывает согласованность всех правовых средств и методов. Если политика противоречит сама себе (например, стимулирование бизнеса одними нормами и ограничение другими), это приводит к неэффективности. Системность проявляется в интеграции норм гражданского, административного и уголовного права для комплексного решения проблем;
- правовая политика использует юридические механизмы как инструменты для достижения социально значимых результатов;
- правовая политика адаптивна, она способна реагировать на изменения в обществе, такие как технологические инновации (цифровизация экономики) или социальные вызовы (миграция, пандемия). Адаптивность позволяет корректировать политику под влиянием обратной связи, например, через анализ данных о преступности [1, с. 39].

Применение права, в свою очередь, – это «государственно-властная деятельность компетентных субъектов по реализации правовых норм в конкретных жизненных ситуациях посредством вынесения индивидуально-конкретных предписаний (правоприменительных актов)» [3, с. 56]. Оно отличается от правотворчества тем, что не создает новые нормы, а воплощает уже существующие нормы в жизнь.

Взаимодействие двух указанных феноменов носит двусторонний характер: правовая политика задает вектор правоприменительной практики, определяя рамки и приоритеты, в то время как правоприменение влияет на корректировку правовой политики через обратную связь. Это взаимодействие подобно циклу: политика формирует «матрицу» для применения, а практика выявляет ее слабые стороны и предлагает улучшения. Без этого механизма право становится статичным и перестает отвечать современным вызовам.

Взаимодействие правовой политики и применения права – это не односторонний процесс, а комплексный диалог между стратегическим планированием и практической реализацией. Политика указывает направления, а правоприменение предлагает «работающие модели», которые могут подтвердить или опровергнуть эффективность политики.

Двусторонний характер проявляется в том, что политика не просто диктует нормы, но и адаптируется под реальные последствия применения. Обратная связь обеспечивает гибкость: судебные решения могут стать основой для новых законопроектов, как в случае с развитием прецедентной практики в России под влиянием Европейского суда по правам человека.

Такое взаимодействие способствует стабильности правовой системы, предотвращая как застой (когда политика игнорирует практику), так и хаос (когда применение идет вразрез с целями). В условиях современной России, где правовая политика интегрирована с национальными проектами, это взаимодействие играет ключевую роль в достижении устойчивого развития.

Правовая политика выступает первичным фактором, определяющим направления и условия правоприменительной деятельности. Она формирует основу, без которой применение утрачивает смысл. Детерминация происходит «через стратегические ориентиры, институциональные рамки и доктринальное сопровождение, что делает политику «навигатором» для практиков» [2, с. 89].

Политика устанавливает приоритеты, которые правоприменители обязаны учитывать. Выбор методов регулирования – это баланс между стимулированием и запретами. Установление баланса между публичными (безопасность государства) и частными интересами критично: политика может позволять применение судами гибких подходов, например, в делах о защите авторских прав, где публичный интерес (доступ к знаниям) конкурирует с частным (прибыль автора).

Правовая политика конструирует институциональную систему правоприменения: определяет структуру органов, разграничивает их компетенцию и регламентирует процедуры. Так, формирование судебной системы создает условия для специализированного разрешения правовых коллизий. Нормативное закрепление процессуальных алгоритмов и этических стандартов обеспечивает унификацию практики. Это порождает жесткую детерминацию: судебные решения, выходящие за установленные рамки, подлежат отмене вышестоящими инстанциями.

Разъяснения высших судов (постановления Пленума ВС РФ) выполняют функцию «мягкого нормотворчества». Они направляют практику, преодолевая пробелы (толкование неясных норм) и коллизии (выбор приоритетов при конфликте законов).

Следовательно, политика выполняет двойную функцию: задает базовые правила взаимодействия и одновременно обеспечивает их эволюцию. Это вынуждает правоприменительные органы гибко адаптироваться к обновленным стратегическим установкам.

Если политика – это замысел, то применение – его воплощение. Правоприменительная практика служит основным каналом, через который абстрактные цели политики превращаются в реальные результаты, влияя на общество и корректируя саму политику.

Применение адаптирует абстрактные нормы к обстоятельствам дела. Баланс формальной законности (соблюдение буквы закона) и справедливости (духа права) – ключевой аспект данного процесса.

Правоприменительная практика выступает индикатором несовершенства нормативной базы: выявляет пробелы и внутренние противоречия законодательства. Систематический анализ статистических данных позволяет выявить типовые проблемы правовой системы, что, в свою очередь, становится катализатором законодательных реформ.

Применение права не пассивно: это активный механизм, который не только реализует, но и совершенствует политику.

Взаимодействие правовой политики и правоприменения осуществляется через различные каналы, обеспечивая плавную интеграцию политики и практики:

- принятие законов определяет приоритеты, а подзаконные акты детализируют их применение;
 - официальные разъяснения и доктринальные комментарии отечественных ученых влияют на понимание норм, направляя практику в нужное русло;
 - создание специализированных органов (суды по интеллектуальной собственности) и обучение персонала (курсы повышения квалификации) адаптируют правоприменение;
 - цифровизация ускоряет процессы;
 - публичные обсуждения, опросы и медиа указывают на проблемы, способствуя их решению [5, с. 69].
- Указанные каналы делают взаимодействие многогранным и успешным, объединяя стратегию и тактику.

Эффективность взаимодействия правовой политики и правоприменительной практики – не стихийный процесс, а результат соблюдения комплекса системных условий. Рассмотрим их детально:

- ясность формулировок, а именно исключение двусмысленных терминов и оценочных понятий, использование унифицированной юридической лексики, структурирование норм, отсутствие противоречий, минимизируют ошибки правоприменения, обеспечивают предсказуе-

мость решений и снижают число отмененных актов;

- регулярное обучение, повышение квалификации судей, прокуроров, следователей, проведение семинаров по новым законам и судебной практике, обмен опытом между регионами, доступ к базам данных и закрепление этических стандартов повышают качество принимаемых решений, снижают субъективизм, укрепляют доверие к системе;

- процедурная прозрачность (открытые заседания, публикация актов и возможность их обжалования) обеспечивают контроль со стороны общества, предотвращение злоупотреблений, легитимацию решений;

- механизмы обратной связи, а именно мониторинг правоприменения, анализ жалоб и обращений, корректировка направлений политики на основе данных позволяют адаптировать политику к современным вызовам, повышают релевантность норм;

- цифровизация процессов (использование электронных систем, искусственного интеллекта, онлайн-сервисов) упрощают доступ к правосудию, снижают временные и финансовые издержки, позволяют минимизировать коррупционные риски.

Эти факторы образуют экосистему, в рамках которой взаимодействие правовой политики и правоприменения адаптируется к изменениям, обеспечивая баланс законности, справедливости и эффективности.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. В эпоху цифровых трансформаций и глобальных вызовов эффективность взаимодействия правовой политики и применения права становится критическим фактором устойчивости правовой системы. Только через синергию норм, технологий и общественного участия возможно построить правовое государство, в котором закон не только формирует стратегию, но и адаптируется к современным реалиям, обеспечивая справедливость и прогресс.

Список литературы:

1. Малько А.В. Основы правовой политики: учебное пособие для магистрантов / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – 2-е изд. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2025. – 170 с. – ISBN 978-5-369-01376-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2161543> (дата обращения: 13.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
2. Панченко В.Ю. Правовая политика: базовый курс: учебное пособие / Панченко В.Ю., Петров А.А., Деменишин А.В. – М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 54 с. – ISBN 978-5-369-01372-4. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1009318> (дата обращения: 13.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
3. Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. – Москва: Статут, 2021. – 317 с. – ISBN 978-5-8354-0776-7. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/330385> (дата обращения: 13.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
4. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях: монография / под ред. О.Ю. Рыбакова. – Москва: Статут, 2021. – 408 с. – ISBN 978-5-8354-0797-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/366711> (дата обращения: 13.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. Правоприменительная политика в современной России: курс лекций / коллектив авторов; под ред. А.В. Малько. – Москва: КНОРУС, 2024. – 336 с. – ISBN 978-5-406-13598-3. – Текст: непосредственный.
6. Редько А.А. Правозащитная политика и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: учебник для вузов / А.А. Редько, Т.В. Яловенко. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 76 с. – ISBN 978-5-534-13197-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/567144> (дата обращения: 13.11.2025).

References:

1. Malko A.V. Fundamentals of legal policy: a textbook for undergraduates / A.V. Malko, A.Y. Salomatin. – 2nd ed. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2025. 170 p. – ISBN 978-5-369-01376-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2161543> (date of request: 11/13/2025). – Access mode: by subscription.
2. Panchenko V.Yu. Legal policy: basic course: textbook / Panchenko V.Yu., Petrov A.A., Demenishin A.V. – Moscow: IC RIOR, SIC INFRA-M, 2022. – 54 p. – ISBN 978-5-369-01372-4. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1009318> (date of request: 11/13/2025). – Access mode: by subscription.
3. Law and law enforcement in Russia: interdisciplinary research / edited by V.V. Volkov. – Moscow: Statute, 2021. – 317 p. – ISBN 978-5-8354-0776-7. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/330385> (date of request: 11/13/2025). – Access mode: by subscription.
4. Legal policy as a scientific theory in historical and legal research: a monograph / edited by O.Y. Rybakov. – Moscow: Statute, 2021. – 408 p. – ISBN 978-5-8354-0797-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/366711> (date of request: 11/13/2025). – Access mode: by subscription.
5. Law enforcement policy in modern Russia: a course of lectures / collective of authors; edited by A.V. Malko. – Moscow: KNORUS, 2024. – 336 p. – ISBN 978-5-406-13598-3. – Text: direct.
6. Redko A.A. Human rights policy and law enforcement activities in the Russian Federation: a textbook for universities / A.A. Redko, T.V. Yalovenko. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 76 p. – ISBN 978-5-534-13197-0. – Text: electronic // Yurayt educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/567144> (date of request: 11/13/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_358

УДК 340.155.6

РЕАЛИЗАЦИЯ АКТОВ ГОСУДАРСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ) IMPLEMENTATION OF STATE ACTS ON THE FORMATION OF THE COMMAND STAFF OF THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE VYATKA PROVINCE)

КОЗЛОВСКИЙ Станислав Иванович,

к.и.н., доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук
Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
613109, Россия, Кировская обл., Слободской район, д. Зониха, ул. Солнечная, д. 8.
stanislavyan@mail.ru

KOZLOVSKY S.I.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical, Legal and Historical Sciences
Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Academy of Law).
Solnechnaya Street, 8, Zonikha, Slobodskoy district, Kirovskaya region, 613109, Russia.
stanislavyan@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется процесс реализации актов государства, направленных на решение одной из важнейших проблем создания армии в 1918—1920 годах — комплектование командного состава. Используются материалы по Вятской губернии.

Abstract. This article examines the implementation of government regulations aimed at addressing one of the most important issues in the development of the army in 1918–1920—command staffing. Materials from the Vyatka province are used.

Ключевые слова: армия, командный состав, бывшие офицеры, военные специалисты, принцип формирования, Вятская губерния.
Key words: army, command staff, former officers, military specialists, formation principle, Vyatka province.

Для цитирования: Козловский С.И. Реализация актов государства по формированию командного состава Красной Армии в период Гражданской войны (на материалах Вятской губернии) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 358-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_358.

For citation: Kozlovsky S.I. Implementation of state acts on the formation of the command staff of the Red Army during the Civil War (based on materials from the Vyatka province) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 358-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_358.

Статья поступила в редакцию: 01.12.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Одной из наиболее сложных задач, с которой столкнулось советское государство в ходе создания Красной Армии, являлась острая нехватка квалифицированных командиров для управления воинскими подразделениями. Данная проблема приобрела стратегическое значение, в связи с чем органы власти на всех уровнях были вынуждены сосредоточить значительные усилия на её разрешении. Идеологическое обоснование кадровой политики заключалось в утверждении, что лишь командные кадры пролетарского происхождения способны сформировать подлинно социалистическую армию, и эти офицеры будут обладать необходимым авторитетом среди солдат [1, с. 174]. Тем не менее, на первоначальном этапе строительства вооруженных сил таких кадров катастрофически не хватало. Основу комсостава в тот период составляли преимущественно солдаты и унтер-офицеры, вступившие в ряды коммунистической партии или сочувствовавшие ей, которые получили офицерские звания за проявленную доблесть в годы Первой мировой войны. Ещё менее многочисленной была группа революционно настроенных офицеров старой армии, которые могли бы возглавить части РККА.

Как отмечал исследователь С.М. Кляцкин, в период формирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии на добровольческих началах в её ряды вступило такое количество бывших генералов и офицеров, которого теоретически хватило бы для укомплектования командным составом до двадцати дивизий [2, с. 159]. Однако даже этот контингент не мог удовлетворить все потребности в военных специалистах, поскольку они требовались не только для занятия командных должностей в частях и штабах, но и для осуществления инструкторской и педагогической деятельности в сети военно-учебных заведений.

Первоначальным источником пополнения командных кадров для РККА служили красногвардейцы из рабочей среды, а также революционно настроенные солдаты, матросы и унтер-офицеры, вступившие в армию в период добровольческого комплектования. Однако их общий уровень военной подготовки оставлял желать лучшего, что обусловило необходимость создания разветвленной сети ускоренных командных курсов. Выпускники данных курсов в основном были способны возглавить взвод или роту, однако остро ощущалась нехватка кадров, обладающих навыками штабной работы, управления крупными соединениями — батальонами, полками, дивизиями, армиями и фронтами, а также подготовки военных кадров младшего и среднего звена. Это побудило руководство страны принять решение о широкомасштабной мобилизации генералов и офицеров императорской армии.

При реализации данного курса сразу же обозначились две ключевые проблемы. Во-первых, сам по себе контингент офицеров соответствующей квалификации был весьма ограниченным. В своих мемуарах Маршал А.М. Василевский указывал, что к осени 1915 года офицерский состав 9-й армии, в которой он служил, в основном комплектовался выпускниками ускоренных военных училищ и школ прапорщиков. Другим

источником пополнения офицерского корпуса были вчерашние подпрапорщики, фельдфебели и рядовые, отличившиеся в боях и получившие унтер-офицерские чины. К весне 1916 года, по его свидетельству, в полку 9-й армии оставалось лишь 8–10 кадровых командиров [3, с. 20, 22]. Во-вторых, изначально заложенный в основу строительства РККА принцип выборности командного состава стал серьезным препятствием для привлечения военспецов. Бывшие офицеры, добровольно вступавшие в ряды Красной Армии, далеко не всегда встречали понимание и поддержку со стороны рядовых красноармейцев. Объективно это способствовало переходу от выборности к принципу назначения командиров. Как отмечал Н.Е. Какурин, такая трансформация стала «следствием перехода от кустарничества к организованному творчеству вооруженных сил» [4, с. 137].

Важным рубежом стало решение Высшего военного совета 21 марта 1918 года. Выборная система комплектования командного состава отменялась. 27 марта 1918 года Народный комиссариат по военным делам совместно с Высшим военным советом через средства массовой информации объявил о широком привлечении военных специалистов в РККА, с оговоркой, что их деятельность будет осуществляться под строгим контролем военных комиссаров.

Острота проблемы дефицита комсостава многократно возросла в связи с переходом государства от добровольческого принципа к строительству армии на основе всеобщей воинской обязанности. Начало мобилизационных призывов потребовало обеспечения армии тысячами командиров в сжатые сроки. Согласно информации Всероссийского главного штаба, к лету 1918 года потребность РККА в командном составе превышала 55 тысяч человек [2, с. 202].

Первый масштабный призыв военспецов был объявлен 29 июля 1918 года (декрет СНК). Под мобилизацию попадали бывшие офицеры, военные чиновники, врачи и младший медицинский персонал шести призывных возрастов (рожденные в 1892–1897 годах). От призыва освобождались лишь инвалиды и лица, страдавшие тяжелыми заболеваниями. Для уклонявшихся от явки предусматривалась уголовная ответственность с передачей дела революционному трибуналу. Данный призыв не имел всеобщего характера и проводился в ряде губерний, включая Вятскую [5, 111–113]. Дополнительно, с 3 по 15 декабря 1918 года, в Уральском военном округе был объявлен призыв на военную службу бывших обер-офицеров в возрасте до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет (на 1 января 1918 года) [6].

Призванные по мобилизации офицеры обязаны были зарегистрироваться в уездных военных комиссариатах с последующим зачислением в резерв при штабе округа. Предполагалось, что данный резерв позволит оперативно пополнять армейские части квалифицированными кадрами. Период нахождения в резерве ограничивался двумя месяцами, в течение которых бывшие офицеры проходили проверку аттестационной комиссией и либо принимались на службу, либо исключались из списков резерва [7]. Назначения производились окружным военным комиссариатом согласно разнарядкам Всероссийского главного штаба, при этом местные органы власти не имели права самостоятельно использовать данный резерв [8].

В соответствии с приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) № 1008 от 17 июня 1919 года, явке в военкоматы подлежали даже разжалованные в рядовые бывшие офицеры [9, с. 4]. Далее, 2 июля 1919 года, Совет рабочей и крестьянской обороны принял постановление «Об изъятии бывших офицеров из всех без исключения учреждений на территории РСФСР», в соответствии с которым все офицеры старой армии, занятые в гражданских учреждениях, подлежали призыву на военную службу. Для реализации этого решения при РВСР создавалась специальная комиссия по учету бывших офицеров [10], а в губерниях формировались её отделы [11, с. 4].

Значительное число военных специалистов использовалось в системе Наркомата по военным делам. Так в Слободском уезде в октябре 1918 года в структурах волостных военкоматов числилось 52 человека из числа бывших офицеров [12], которые преимущественно были военными руководителями. Также немалое их число служило в окружных органах управления. На уровне военного округа таких служащих было еще больше. Например, в окружном артиллерийском управлении каждый четвертый, а в военно-инженерном управлении каждый третий сотрудник были бывшими офицерами [13].

Согласно положению об уездных комиссиях по борьбе с дезертирством 1919 года, в их штатном расписании предусматривалось наличие при председателе трех лиц для поручений, осуществления командировок, участия в допросах, проверке документов, проведении облав и т.д. На эти должности предписывалось назначать призванных бывших офицеров и чиновников, состоящих в резерве [14]. Имеются свидетельства о работе бывших офицеров даже в органах ВЧК. Например, в Советском уезде Вятской губернии председателем уездной чрезвычайной комиссии являлся бывший офицер Крупин [15].

Успешность мобилизационных мероприятий военных специалистов в большой мере зависела от качества учета бывших офицеров уездными и волостными военкоматами. На территории губернии данная работа часто оставляла желать лучшего. Ярким примером являются результаты инспектирования Яранского уездного военкомата в первых числах декабря 1918 года: учет офицеров «ведётся небрежно и находится в хаотическом беспорядке». В реестре находились уже мобилизованные и умершие офицеры [16].

Распоряжения центра о замене выборности командиров на принцип назначения [17] и указания относительно привлечения бывших офицеров на службу зачастую встречали сопротивление со стороны рядовых красноармейцев и некоторой части работников органов управления в Вятской губернии. Так, в Глазовском уезде в начале октября 1918 года командиров в своем подразделении выбрал один из эскадронов 5-го кавалерийского полка [18]. Выбранных лиц следовало отстранять от должностей и переводить в другие воинские части [19]. В подразделениях 3-й армии Восточного фронта [20] споры о новом порядке замещения командных должностей даже в апреле 1919 года, причем были случаи обсуждения приказов о назначении командиров и в боевой обстановке [21].

Другая сторона проблемы проявлялась в муссировании вопроса о допустимости службы в армии бывших офицеров. Например, Вят-

ский уездный комитет РКП(б) 13 августа 1918 года решил, что целесообразно офицеров «изолировать» и в армию не пускать [22].

Маршал А.М. Василевский в своих воспоминаниях указывал, что его, несмотря на преданность советской власти, продолжительное время оставляли на инструкторской работе в системе Всевобуча в соседней с Вятской Костромской губернии и не направляли в действующую армию из-за недоверия, вызванного его происхождением из семьи священника и наличием чина штабс-капитана в царской армии. Был он призван в армию лишь в апреле 1919 года [3, с. 36, 38].

Исследователь А.Г. Кавтарадзе в своей фундаментальной работе подчеркивал, что часть коммунистов, в том числе занимавших руководящие посты, не разделяла ленинскую установку о возможности привлечения бывших офицеров в РККА и в принципе исключала какое-либо сотрудничество с ними [23, с. 4].

В условиях усугубляющегося дефицита комсостава и под давлением центральных властей местные органы активизировали работу по привлечению военных специалистов. При Вятском губернском военкомате была создана аттестационная комиссия для отбора лиц командного состава [24]. Однако далеко не все бывшие офицеры соглашались идти в армию по мобилизации. В Котельничском уезде в декабре 1918 года из 69 офицеров, подлежащих мобилизации, в военкомат явились 7 [25]. В Слободском уезде из 65 бывших офицеров, зарегистрированных к середине 1918 года, явились 50 [26]. Значительное их число уклонялось от призыва, устраиваясь на различные предприятия. Например, на Ижевском заводе в Вятской губернии в качестве рабочих трудилось около 400 бывших офицеров [2, с. 233].

В ответ принимались строгие меры: например, приказ коменданта Слободского (№ 25) обязывал местных жителей под угрозой штрафа или тюрьмы за три дня заявить о проживающих у них бывших офицерах [27]. Одновременно, согласно приказу окружного военкомата № 421, самих офицеров, уклонявшихся от призыва, ожидал суд [28].

Одновременно с этим советское руководство применяло и меры материального стимулирования. Для привлечения бывших офицеров на службу с ними заключались контракты, гарантировавшие установленное денежное содержание. Ярким примером служит 1-й Уральский полк, где проходили службу 36 кадровых офицеров царской армии. Согласно условиям их договоров, они обязывались служить в течение шести месяцев и ежемесячно получали жалование в 600 рублей, что было сопоставимо с окладом Вятского губвоенкома [29, с. 155]. Всем бывшим офицерам и военным чиновникам, призванным по мобилизации, бесплатно выдавались предметы вещевого довольствия и походного снаряжения в объеме, установленном приказом Народного комиссариата по военным делам № 615 от 1918 года для командиров [30]. Сам метод мотивации бывших офицеров с целью использования их знаний и опыта не был новым. Ещё Фридрих Энгельс предлагал привлекать бывших офицеров в армию путем продвижения по службе, что, по его мнению, должно было «...внушить им не меньшее уважение к революции, чем гильотина и военный суд» [31, с. 518-519].

Оценка эффективности службы бывших царских офицеров в Красной армии неоднозначна. С одной стороны, многие военспецы демонстрировали высокий профессионализм. Например, во второй учебной команде Вятского караульного батальона, где все командиры были из числа бывших офицеров, была отмечена высокая политическая сознательность бойцов, полное отсутствие антисоветской агитации и даже таких нарушений, как азартные игры [32].

С другой стороны, имелись и серьезные проблемы. Как сообщала Вятская губЧК 20 января 1920 года в частях под Сарапулом царили беспорядок и низкая дисциплина, что связывалось с большим количеством бывших офицеров в командовании [33]. Ещё более тревожными были случаи прямой измены. Согласно докладу комиссара 3-й бригады Шубина, её полки, укомплектованные в Вятской губернии, показали плохую устойчивость в боях с белыми, во многом из-за предательства командиров. Несмотря на предварительные аресты и отстранения, 51 командир перешёл к противнику. Изменники не только дезертировали сами, но и уводили за собой целые подразделения, причём как с передовой, так и из тыла [34].

Ярким примером ненадёжности стал массовый побег 9 офицеров, включая командира бригады, из 10-й артиллерийской бригады в Слободском уезде [35]. Проверка же её запасного батальона выявила «неблагонадежные» настроения, которые объяснялись тем, что он почти полностью состоял из бывших унтер-офицеров [36].

Проверка запасного батальона этой артбригады комиссией окружного военкомата выявила наличие «не вполне надёжных» настроений, что объяснялось тем, что «состав в этой батарее почти исключительно унтер-офицерский». В резолюции съезда коммунистов-красноармейцев третьей армии Восточного фронта от 6 февраля 1919 года отмечалась «условная и ограниченная полезность» офицеров старой армии в РККА. Указывалось, что использовать «чуждое нам офицерство» нужно в технической штабной работе, в деятельности по формированию подразделений и созданию военно-организационного аппарата. Допускать к руководству в бою следовало ограниченно, так как «практика показала неспособность активно руководить боевыми операциями», офицеры активно переходили к противнику, нередко увлекая за собой и свои части, «проявляли большую безучастность», «разлагали Красную армию пороками старой армии», «использовали свое положение для контрреволюционной агитации среди крестьянских малосознательных частей» [37].

С целью обеспечить надежность бывших офицеров Л.Д. Троцкий приказал оставлять на должностях лишь тех, чьи семьи находились на советской территории. Каждый офицер должен был дать подписку о том, что за его предательство будет арестована его семья [38].

Этот приказ применялся на практике: так, когда в августе 1919 года мобилизованный в Вятском уезде офицер Матанцев перешёл к белым, его семью арестовали, а имущество конфисковали [39].

Однако в Вятской губернии исполнение приказа тормозилось из-за медлительности местных властей. Уже упомянутый военком Шубин, фиксируя многочисленные случаи измены, требовал от губернских властей наконец выполнить распоряжение Троцкого о конфискации иму-

щества и взятия семей офицеров в заложники [40].

В телеграмме Ленину от 23 августа 1918 года Троцкий писал: «Сейчас создаются условия, когда мы в офицерстве произведём суровый отбор: с одной стороны, концентрационные лагеря, а с другой стороны борьба на Восточном фронте» [41, с. 28].

Недоверие к военным специалистам имело под собой веские причины, поскольку часть офицеров своими действиями его оправдывала. Яркой иллюстрацией служат отчёты Вятской ЧК: в Нолинске арест генерала Грачёва и его сообщников положил конец распространению панических настроений [42], а в Уржуме бывший офицер Градобоев оказался в центре контрреволюционного заговора [43]. Ещё одним тревожным сигналом стал массовый арест 18 бывших офицеров в Слободском [44]. Огромное количество подобных происшествий, по некоторым данным, заставляли сомневаться в правильности курса на привлечение «военспецов» самого Ленина [41, с. 28].

Отношения между военспецами и рядовыми красноармейцами также не были однозначными и складывались по-разному. Ярким примером злоупотребления властью является случай командира Мясоедова из Вятского караульного батальона, который издевался над подчинёнными [45]. Имелись и другие, менее резкие, но всё же негативные примеры, такие как халатное отношение к обязанностям командиров рот 9-го стрелкового полка — бывших офицеров Чистякова, Залепухина и Волнцеви́ча, о котором сообщала ЧК [46].

Вызывало неоднозначную реакцию красноармейцев и то, что многие бывшие офицеры, несмотря на официальный запрет, продолжали носить ордена и знаки отличия царской армии [47]. Однако имеются и противоположные сведения из того же источника: в караульной роте Советского уезда, как сообщала ЧК, бывшие офицеры и рядовые бойцы поддерживали прекрасные отношения, а весь личный состав проявлял лояльность к советской власти [48].

Член РВСР С.И. Гусев в феврале 1919 года писал о военспецах: «Военный комиссариат сделал решительно всё, что от него зависело, чтобы поставить их работу в наиболее благоприятные условия и потребовал от них только одного — чтобы они добросовестно работали. И подавляющее большинство работало добросовестно. ... Я перевидел несколько сот офицеров, как кадровых, так и военного времени, как опытных и знающих, так и малоопытных и малознающих, как талантливых, так и не блестящих талантами, как усердных, так и с «ленцой», но все работали, каждый по своим способностям. А многие работали не покладая рук, недосыпали, недоедали, многие вместе с своими частями переносили невзгоды боевой жизни, героически сражались и героически умирали...» [49, с. 38]. Важно подчеркнуть, что протесты против бывших офицеров в войсковых частях иногда были вызваны сугубо практическими, а не политическими причинами. Яркой иллюстрацией служит инцидент в одной из частей на территории Вятского уезда, где недовольство рядовых бойцов было направлено не против «классового происхождения» командиров, а против значительной разницы в денежном довольствии, что вылилось в требования красноармейцев уравнивать их оклады с офицерскими [50]. В резолюции уже упомянутого съезда коммунистов-красноармейцев третьей армии Восточного фронта от 6 февраля 1919 года отмечалось, что принятая в армии «чрезвычайно повышенная» оплата командного состава «должна быть признана ошибочной, создающей обстановку неравенства, штабных привилегий старых армий» [37]. Часто красноармейцы видели в действиях бывших офицеров, пытавшихся навести порядок в разложившихся частях, возвращение к старым армейским порядкам — палочной дисциплине и произволу. Именно так были восприняты в феврале 1919 года действия командира и заведующего губернским конским запасом (оба — из бывших офицеров) [51].

Следует отметить, что определённая часть военных специалистов вступала в ряды РКП(б). Так, по состоянию на 1 апреля 1919 года в Яранском уездном военкомате из 12 работавших там бывших офицеров четверо были членами партии, а ещё четверо — сочувствующими, при общем количестве коммунистов 9 человек из 93 сотрудников учреждения [52].

В командном составе 9-го отдельного стрелкового полка также насчитывались коммунисты, включая командиров батальонов А.С. Бойцова и В. Горячина, командиров рот В.М. Чистякова и А.Г. Волнцеви́ча [53]. О растущем числе бывших офицеров, вступающих в партию большевиков, в сентябре 1918 года сообщал и информационный отдел Слободского уездного военкомата [54].

Однако истинные мотивы их вступления в РКП(б) оставались неоднозначными. Например, некоторые офицеры-коммунисты из того же полка практически не участвовали в партийных собраниях, а командир 2-го батальона В. Горякин был впоследствии исключен из партии за грубое отношение к товарищам [53].

Несмотря на всё недоверие, квалификация бывших офицеров оставалась ключевым ресурсом для Красной Армии. Причём само это недоверие существовало и по отношению к «красным» командирам, но исходило из разных причин: военспецы боялись из-за возможного предательства, а новых командиров — из-за их непрофессионализма. Не имея достаточного опыта и получив лишь сжатое обучение, они зачастую не могли эффективно руководить. Следствием были грубые тактические ошибки, вплоть до уничтожения собственной пехоты кавалерией во время наступления [55]. Несмотря на все трудности, работа по формированию командного состава продолжалась. К началу 1919 года в губернии было мобилизовано 8240 унтер-офицеров и 829 офицеров [56, с. 22]. В частности, в Вятском уезде только за период с 12 по 19 декабря 1918 года было зачислено 36 человек в чинах от прапорщика до штабс-капитана [57]. 29 апреля 1919 года Совет обороны утвердил постановление о призыве всех бывших офицеров, включая возвращавшихся из германского и австрийского плена. От мобилизации освобождались лишь полностью негодные по здоровью. В Вятской губернии такая мобилизация проходила уже в мае (например, в Слободском уезде) [58].

Анализ работы местных, особенно военных, органов по подбору командного состава показывает системную пассивность и низкую эффективность. Уже в декабре 1918 года Вятский губвоенкомат был вынужден неоднократно напоминать уездным комиссариатам о необходимости исполнять распоряжения в срок [59]. Однако многие указания надолго задерживались в канцеляриях уездов, что срывало решение неотложных задач.

Эта проблема была многоуровневой. Уездные комиссариаты, в свою очередь, сталкивались с саботажем и бездействием со стороны

волостных военкоматов. В Орловском уезде, например, власти Камешницкой [60], Лесниковской [61] и других [62] волостей игнорировали приказы и не предоставляли обязательные отчёты. Аналогичная картина наблюдалась в Котельничском [63] и других уездах, причём ситуация не улучшилась даже к 1920 году. Волостные комиссариаты часто оправдывались задержкой получения документов из уездов, и эти заявления иногда подтверждались [64].

При этом слабым звеном мог выступать и сам губернский комиссариат. Пример — создание информационных отделов военкоматов в 1918 году. Орловский уездный военкомат был вынужден получать все инструкции по их работе напрямую из Москвы, поскольку Вятский губвоенкомат не давал никаких разъяснений [65]. Подобные системные сбои, судя по приказам центрального руководства, были характерны не только для Вятской губернии [66].

В результате, несмотря на все предпринятые меры, острая нехватка командных кадров сохранялась на протяжении всего периода Гражданской войны. Это доказывает тот факт, что к её окончанию 76 % командного состава РККА по-прежнему составляли бывшие царские офицеры [41, с. 28]. Как впоследствии резюмировал В.И. Ленин, без их принудительного привлечения создание боеспособной армии было бы невозможно [67, с. 126].

Список литературы:

1. Ленин В. И. Соч. Т. 28. Издание 4-е. М.: Госполитиздат. 1950.
2. Кляцкин С.М. Начальный период строительства армии советского государства (октябрь 1917 – январь 1918) // История СССР. 1962. № 2.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 1. 6-е изд. М.: Политиздат. 1988.
4. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. Изд-е 2-е. М.: Политиздат. 1990.
5. Декреты советской власти. Т. 3. М.: Госполитиздат. 1959.
6. Призыв был объявлен приказом окрвоенкомата № 421 от 29 ноября 1918 г. во исполнение приказа РВСР № 275. См. Государственный архив Кировской области (далее - ГАКО). Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 33.
7. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 124, 125.
8. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 33.
9. Известия народного комиссариата по военным делам, 1919. 8 июля. № 145.
10. Председателем комиссии был назначен Александр Владимирович Эйдук.
11. Известия народного комиссариата по военным делам. 1919. 9 июля. № 146.
12. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 79. Л. 22, 45.
13. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 27. Л. 238.
14. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 9 е. Л. 1-3.
15. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 9 д. Л. 25.
16. ГАКО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 6. Л. 291.
17. Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. См. Декреты советской власти. Т. 2. С. 153.
18. Список выбранных лиц был объявлен приказом Глазовского военкомата № 227 от 7 октября 1918 года.
19. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 52.
20. 3-я армия Восточного фронта частично формировалась на территории Вятской губернии.
21. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 113. Л. 10.
22. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее - ГАСПИ КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
23. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917 — 1920 /Отв. Ред. В.И. Петров. М.: Наука, 1988.
24. В её состав вошли: губерние военные комиссары П.Я. Симонов, С.И. Малыгин, командир 19-го Уральского полка Шевняков, заведующий агитационным отделом Вятгубвоенкомата И.В. Попов, а также помощник военного руководителя губвоенкомата А.И. Северихин (бывший штабс-капитан).
25. ГАКО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 6. Л. 291.
26. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.
27. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 79. Л. 34.
28. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 33.
29. Встреча с маршалом Блюхером // Москва, 1963. № 6.
30. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 125 об.
31. Энгельс Ф. Возможности войны Священного союза против Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание соч. Изд-е 2-е. Т. 7. М.: Госполитиздат. 1956.
32. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 26. Л. 49.
33. ГАКО. Ф. Р-1585. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.
34. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 131. Л. 36.
35. ГАКО. Ф. 878. Оп. 1. Д. 27. Л. 122.
36. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 61.
37. Известия Вятского губкома РКП(б). 1919. 7 февраля.
38. Телеграмма председателя РВСР № 3128/239 от 20 декабря 1918 г. См. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 96. Л. 41.
39. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 9а. Л. 123.
40. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 131. Л. 36.
41. Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.). — М.: Политиздат, 1991.
42. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.
43. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 9а. Л. 20.
44. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.
45. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 26. Л. 48.
46. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 27. Л. 238.
47. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 9.
48. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 26. Л. 59.
49. Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. М.: Госиздательство. 1925.
50. ГАКО. Ф. Р-1794. Оп. 1. Д. 9а. Л. 42.
51. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 27. Л. 281.
52. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 27. Л. 237.
53. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 27. Л. 238.
54. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 3. Д. 1. Л. 42.
55. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 2. Л. 139, 140.
56. Лахман А. И. Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918 — 1929 гг.). Киров: Волго-Вятское кн. изд. 1981.
57. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 36. Л. 207-208 об.
58. ГАКО. Ф. Р-1831. Оп. 3. Д. 1. Л. 184.
59. ГАКО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 6. Л. 320.
60. ГАКО. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 6. Л. 374.
61. ГАКО. Ф. Р-1857. Оп. 3. Д. 3. Л. 23.
62. ГАКО. Ф. Р-1857. Оп. 3. Д. 3. Л. 26, 31, 34.
63. ГАКО. Ф. Р-2687. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.
64. ГАКО. Ф. Р-1857. Оп. 3. Д. 3. Л. 26.
65. ГАКО. Ф. Р-1857. Оп. 2. Д. 1а. Л. 137, 194.
66. Приказ РВСР № 67 от 12 октября 1918 г.

67. Ленин В.И. Соч. Т. 30. Издание 4-е. М.: Госполитиздат. 1950.

References:

1. Lenin, V. I., Works, Vol. 28, 4th edition. Moscow: Gospolitizdat, 1950.
2. Klyatskin, S. M., The Initial Period of Building the Army of the Soviet State (October 1917 – January 1918) // History of the USSR. 1962, No. 2.
3. Vasilevsky, A. M., The Work of My Life, Vol. 1, 6th edition. Moscow: Politizdat, 1988.
4. Kakurin, N. E., How the Revolution Fought, Vol. 1, 2nd edition. Moscow: Politizdat, 1990.
5. Decrees of Soviet Power, Vol. 3, Moscow: Gospolitizdat, 1959.
6. The conscription was announced by order of the Okrug Military Commissariat No. 421 of November 29, 1918, in pursuance of order of the Revolutionary Military Council of the Soviet Union No. 275. See State Archives of Kirov Oblast (hereinafter referred to as GAKO). F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 33.
7. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 124, 125.
8. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 33.
9. Izvestiya of the People's Commissariat for Military Affairs, 1919. July 8. No. 145.
10. Aleksandr Vladimirovich Eiduk was appointed chairman of the commission.
11. News of the People's Commissariat for Military Affairs. 1919. July 9. No. 146.
12. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 79. L. 22, 45.
13. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 27. L. 238.
14. GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 9 e. L. 1-3.
15. GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 9 d. L. 25.
16. GAKO. F. R-2687. Op. 1. D. 6. L. 291.
17. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of April 22, 1918. See Decrees of Soviet Power. Vol. 2. P. 153.
18. The list of selected persons was announced by order of the Glazov Military Commissariat No. 227 of October 7, 1918.
19. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 52.
20. The 3rd Army of the Eastern Front was partially formed on the territory of the Vyatka Governorate.
21. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 113. L. 10.
22. State Archive of the Socio-Political History of the Kirov Region (hereinafter referred to as GASPI KO). F. 1. Op. 1. D. 13. L. 7.
23. Kavtaradze A.G. Military Specialists in the Service of the Republic of Soviets 1917–1920 / Ed. V.I. Petrov. Moscow: Nauka, 1988.
24. Its members included: provincial military commissars P. Ya. Simonov and S. I. Malygin, commander of the 19th Ural Regiment Shevnyakov, head of the propaganda department of the Vyatka gubmilitary enlistment office I. V. Popov, and assistant to the military leader of the gubmilitary enlistment office A. I. Severikhin (former staff captain).
25. GAKO. F. R-2687. Op. 1. D. 6. L. 291.
26. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 79. L. 22.
27. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 79. L. 34.
28. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 33.
29. Meeting with Marshal Blucher // Moscow, 1963. No. 6.
30. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 125 rev.
31. Engels, F. Possibility of War of the Holy Alliance against France // K. Marx and F. Engels. Collected Works. 2nd ed. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. 1956.
32. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 26. L. 49.
33. GAKO. F. R-1585. Op. 1. D. 5. L. 19.
34. GASPI KO. F. 1. Op. 1. D. 131. L. 36.
35. GAKO. F. 878. Op. 1. D. 27. L. 122.
36. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 61.
37. News of the Vyatka Provincial Committee of the RCP(b). 1919. February 7.
38. Telegram of the Chairman of the RVSR No. 3128/239 dated December 20, 1918. See GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 96. L. 41.
39. GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 9a. L. 123.
40. GASPI KO. F. 1. Op. 1. D. 131. L. 36.
41. Revolutionary Military Council of the Republic (6 September 1918 – 28 August 1923). – Moscow: Politizdat, 1991.
42. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 26. L. 28.
43. GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 9a. L. 20.
44. GAKO. F. R-1831. Op. 3. D. 1. L. 21.
45. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 26. L. 48.
46. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 27. L. 238.
47. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 9.
48. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 26. L. 59.
49. Gusev S.I. The Civil War and the Red Army. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 1925.
50. GAKO. F. R-1794. Op. 1. D. 9a. L. 42.
51. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 27. L. 281.
52. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 27. L. 237.
53. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 27. L. 238.
54. GAKO. F. R-1831. Op. 3. D. 1. L. 42.
55. GAKO. F. R-878. Op. 1. D. 2. L. 139, 140.
56. Lakhman A. I. In the Name of the Revolution. Workers of the Vyatka Province during the Civil War and Foreign Military Intervention (1918–1929). Kirov: Volga-Vyatka Book Publ., 1981.
57. GAKO. F. R-1831. Op. 1. D. 36. L. 207-208 rev.
58. GAKO. F. R-1831. Op. 3. D. 1. L. 184.
59. GAKO. F. R-2687. Op. 1. D. 6. L. 320.
60. GAKO. F. R-1857. Op. 1. D. 6. L. 374.
61. GAKO. F. R-1857. Op. 3. D. 3. L. 23.
62. GAKO. F. R-1857. Op. 3. D. 3. L. 26, 31, 34.
63. GAKO. F. R-2687. Op. 1. D. 4. L. 59.
64. GAKO. F. R-1857. Op. 3. D. 3. L. 26.
65. GAKO. F. R-1857. Op. 2. D. 1a. L. 137, 194.
66. Order of the Revolutionary Military Council of the Soviet Union No. 67 of October 12, 1918
67. Lenin, V.I. Works. Vol. 30. 4th edition. Moscow: Gospolitizdat. 1950.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_364

УДК 316.42

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕССЕНДЖЕРОВ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE USE OF MESSENGERS IN ORGANIZATIONAL COMMUNICATIONS OF GOVERNMENT AGENCIES

ЛАЩЕНОВ Михаил Сергеевич

Кандидат социологических наук, доцент
Доцент кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления МВД России.
Ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, г. Москва, 125171, Россия.
e-mail: laschenov.m@yandex.ru

LASCHENOV Mikhail Sergeevich

Candidate of Sociological Sciences, associate professor
Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Public Administration
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow, 125171, Russia.
e-mail: laschenov.m@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье оценивается роль современных электронных средств мгновенного обмена сообщениями (мессенджеров) в управленческой практике органов внутренних дел Российской Федерации. Анализируется степень их влияния в вопросах обеспечения организационной коммуникации, перечень успешно решаемых с их помощью задач и управленческих функций, а также предполагаемые риски использования и перспективы дальнейшей интеграции в систему внутренних коммуникаций органов внутренних дел Российской Федерации.

Актуальность социологического исследования обусловлена наличием сложившегося противоречия в управленческой практике органов внутренних дел Российской Федерации, вызванного тем, что использование мессенджеров с одной стороны выступает эффективным способом организационной коммуникации, обеспечивая высокий уровень ее эффективности по сравнению с традиционными способами, с другой стороны, предъявляет обоснованные требования к соблюдению мер безопасности и обеспечению режима конфиденциальности, учитывая значительную долю мессенджеров не сертифицированных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Сбор первичных данных обеспечен применением опросных методов: анкетирования слушателей Академии управления МВД России в количестве 130 человек, проведенное в феврале-апреле 2025 года; неформализованного интервью 12 руководителей территориальных отделов внутренних дел на районном уровне, проведенное в феврале 2025 года.

По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о безусловной необходимости использования мессенджеров в управленческой практике органов внутренних дел, их правовой легализации и интегрировании в систему внутренней и внешней коммуникации органов внутренних дел Российской Федерации. Электронные чаты – достаточно эффективный инструмент организаторской деятельности руководителя, однако в процессе их использования обнаруживаются аспекты, требующие более детального исследования и регулирования. Методологической основой для прогностических выводов дальнейшего использования мессенджеров в органах внутренних дел выступили теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и предложенная им же концепция «колониализации жизненного мира».

Abstract. The article assesses the role of modern electronic instant messaging tools (messengers) in the management practices of the internal affairs agencies of the Russian Federation. The degree of their influence in matters of ensuring organizational communication, the list of tasks and management functions successfully solved with their help, the expected risks of use and prospects for further integration into the internal communications system of the internal affairs agencies of the Russian Federation are analyzed.

The relevance of the sociological study is due to the existence of an established contradiction in the management practice of the internal affairs bodies of the Russian Federation, caused by the fact that the use of instant messengers, on the one hand, is an effective way of organizational communication, ensuring a high level of its effectiveness compared to traditional methods, on the other hand, it makes reasonable demands on compliance with security measures and ensuring confidentiality, given the significant proportion of messengers not certified by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Primary data collection was achieved through the use of survey methods: a questionnaire survey of 130 students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, conducted in February–April 2025; and an informal interview with 12 heads of territorial internal affairs departments at the district level, conducted in February 2025.

The author concludes that there is an absolute need to use instant messengers in the management practices of internal affairs agencies, their legal legalization, and integration into the internal and external communication system of the internal affairs agencies of the Russian Federation. The methodological basis for predictive conclusions regarding the use of instant messengers in government bodies was J. Habermas's theory of communicative action and his concept of «colonization of the lifeworld».

Ключевые слова: мессенджеры, эффективные способы обмена информацией, организационная коммуникация, управленческая деятельность, организаторская деятельность руководителя, органы внутренних дел, правоохранительная сфера.

Keywords: Messengers, effective methods of information exchange, organizational communication, management activities, organizational activity of the leader, internal affairs agencies, law enforcement.

Для цитирования: Лашенов М.С. Социологический анализ использования мессенджеров в организационной коммуникации органов внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_364.

For citation: Laschenov M.S. A sociological analysis of the use of messengers in organizational communications of government agencies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_364.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Введение/Introduction В современный период сложно представить эффективную организацию без хорошо выстроенной системы внутренних коммуникаций. Хорошо налаженные коммуникационные каналы обеспечивают оперативность доведения информации, координацию деятельности подчиненных сотрудников, своевременный контроль, групповое принятие решений, создание положительного климата в служебном коллективе и многое другое. Особенно важной, коммуникация представляется для деятельности формальных организаций, характерными признаками которых являются: централизованное управление, большое количество сотрудников, обладание многоуровневой вертикальной и сложной горизонтальной структурой, наличие строгого подчинения и четко регламентированных правил и процедур, функциональное распределение ролей и обязанностей, внешняя ориентированность системы и т.п. К числу подобных организаций относятся и государственные органы, в том числе силовые ведомства, эффективность деятельности которых во многом зависит от форм и способов оперативного обмена информацией.

В организационных коммуникациях органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) наряду с традиционными средствами (телефон, радиосвязь), используются в том числе и передовые информационные технологии для оперативной, аналитической и управленческой деятельности. Основными направлениями развития выступает формирование электронных баз данных, использование защищенных каналов связи (IP-телефония), видеоконференцсвязь, мобильные приложения и интернет-мессенджеры [2]. При этом, следует отметить, что не все из представленных средств коммуникации позволяют эффективно обеспечивать ежедневную деятельность сотрудников ОВД и не все они получили правовую легализацию. Например, использование интернет-мессенджеров не интегрировано в систему внутренней коммуникации органов внутренних дел Российской Федерации, но объем их включенности, например в управленческой деятельности, достаточно высокий.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей использования электронных интернет-мессенджеров (средств мгновенного обмена сообщениями) в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В связи с заявленной целью, основными задачами исследования выступают:

- оценка потенциальной способности мессенджеров в обеспечении эффективной организационной коммуникации;
- выявление организационных барьеров использования разрешенных отечественных мессенджеров;
- прогнозирование дальнейшего развития системы организационных коммуникаций в органах внутренних дел Российской Федерации с учетом появления инновационных способов мгновенного обмена сообщениями.

В ходе проведенного исследования использован метод сбора первичных данных – неформализованное интервью (N=12), включенное наблюдение и анкетирование (N=130). В числе опрошенных - категория руководителей различных структурных подразделений районного уровня. Период проведения февраль - апрель 2025 года.

Рабочей гипотезой исследования стало предположение о том, что в практиках организационных коммуникаций использование интернет-мессенджеров инициируется, как правило, руководителями, поскольку обеспечивает им более успешную внутреннюю коммуникацию, оперативность доведения информации, контроль за исполнением поручений и т.д. В качестве обратной связи мессенджеры дают возможность сотрудникам организации задавать вопросы и получать ответы в режиме реального времени, что способствует более открытому диалогу.

Оценка потенциальной способности мессенджеров в обеспечении эффективной организационной коммуникации. Существующие формализованные методы организационной коммуникации, к числу которых в системе органов внутренних дел относятся приказы, отчеты, аналитические справки и служебные записки, различные формы совещания и инструктажи, электронные формы программ и сервисов (интегрированная система обработки данных (ИСОД), сервис электронной почты (СЭП), сервис видеоконференцсвязи (СВКС-м), сервис обеспечения ежедневной деятельности и прочие ресурсы) объективно не способны в полной мере обеспечить качество организационной коммуникации, основная задача которой в условиях современного общественного развития состоит в обеспечении ежедневной информированности и оперативности государственных служащих. Более продуктивно с этой задачей, на протяжении ряда лет, справлялись современные мобильные приложения для обмена мгновенными сообщениями, которые позволяли общаться с помощью текста, голосовых и видео сообщений (WhatsApp, Telegram, Zoom, Viber, VK, Signal, Discord и др.) [4].

Оценка востребованности анализируемой формы коммуникации для управленческой практики (организаторской деятельности руководителя) позволяет утверждать о дальнейшем ее развитии и совершенствовании, а также спрогнозировать возможные ограничения (проблемы), требующие научного анализа и последующего регулирования.

По результатам проведенного исследования все 100% опрошенных заявили о наличии в подразделении интернет-чатов для решения служебных вопросов. При этом, включение сотрудника в чат в качестве участника является обязательным и поддерживается прямым указанием руководителя, подтвердили 92% опрошенных. Примерно такой же процент опрошенных (88%) указали, что администратор чата выступает руководителем подразделения либо его заместитель. На вопрос о преобладающей направленности публикуемых сообщений, 87% опрошенных ответили, что публикуемые в чате сообщения, преимущественно вертикальные нисходящие (то есть направлены от лица руководства в адрес сотрудников) и лишь 7% заявили, что количество нисходящих и восходящих сообщений примерно поровну. Проведенный анкетный опрос фиксирует организационно-административную направленность используемой формы коммуникации с достаточно малым процентом реализации возможностей для обратной связи.

Ярким показателем заинтересованности руководства в организации служебных чатов является наличие требований о запрете размещения информации, не относящейся к решению служебных задач (новостного и развлекательного контента, поздравление коллег, ограничение по комментариям и т.д.). В 25 (19,2%) случаях опрошенные указали на требование руководителя о создании отдельного чата для выполнения

неслужебных функций. В целом проведенное исследование подтвердило организационную потребность руководителей в создании и использовании электронных чатов.

Проблематика использования мессенджеров в управленческой деятельности ОВД. В то же время создание и использование интернет чатов выявляет ряд проблемных вопросов. Во первых имеются ограничения на использование иностранных мессенджеров (несертифицированных в России), многие из которых, предназначенные для неформального и публичного общения, уже довольно плотно освоились в российском обществе и его информационном пространстве (WhatsApp, Telegram, Viber, Discord, Snapchat, Zoom, VK, Signal). При этом, нормативное регулирование предусматривает штрафы за использование иностранных мессенджеров в государственных и муниципальных учреждениях, банках, в компаниях с 50% государственного участия, не кредитных финансовых организациях и т.д.¹ Введенные ограничения обязывают руководителей организации перестроить свои системы коммуникации, переводя их на разрешенные отечественные аналоги мессенджеров (например, Мах/Макс²). Подобная ситуация не гарантирует скорейшего переориентирования иных субъектов информационного обмена (частных лиц, негосударственных учреждений и организаций), а соответственно внесет сложности организации внесистемного взаимодействия на начальных этапах. Правительство Российской Федерации безусловно способствует решению подобных проблем. С 1 сентября 2025 года мессенджер Мах стал обязательным для предустановки на все смартфоны и планшеты, продаваемые в России. Это решение было закреплено Федеральным законом № 156-ФЗ от 24.06.2025 и Распоряжением Правительства РФ № 1880-р от 12.07.2025.

Во вторых, использование отечественных мессенджеров в настоящий момент регулируется, как правило, локальными нормативными актами, которые устанавливают правила и порядок применения мессенджера для внутреннего и внешнего электронного взаимодействия (правила ведения переписки, создания чатов, передачи файлов и т.п.). С учетом востребованности формы мгновенного обмена сообщениями в управленческой деятельности органов внутренних дел, сложившаяся ситуация предполагает необходимость выработки типовых рекомендаций использования мессенджера в органах государственной и муниципальной власти, поскольку отсутствие последних не обеспечивает единообразного толкования возможных организационных ситуаций.

Так, современное понимание вкладываемое в процесс коммуникации синонимично понятию диалога, контакта, общения, связи, разговора и т.д. («политический диалог», «налаживание контакта», «эффективное общение», «связь с общественностью»). Организационная или деловая коммуникация - это процесс обмена информацией в сфере официальных отношений с целью достижения определенных результатов. Обязательным признаком деловых коммуникаций является наличие *отношений* (общественных, групповых, организационных), подразумевающих наличие системы связей и взаимовлияний между людьми и отражающих их субъективное восприятие и оценку действительности [1]. Категория «официальные отношения», характеризуемая соблюдением форматов и правил, позволяет разграничить организационную коммуникацию от бытовой (повседневной), для которой характерен неформальный, личностный характер. Таким образом, критерием отнесения к деловой коммуникации является ее целевая направленность на решение организационных вопросов, подчиненность формальным правилам и строгая зависимость от рабочих процессов. Все остальное - это бытовая коммуникация: светские чаты, болтовня, сплетни, спонтанное общение и т.п. Отсюда следует, что любое вербальное обращение руководителя к подчиненному по служебному поводу является официальным по форме актом коммуникации (актом деловой коммуникации). Однако, возникает ряд вопросов, в том числе относительно юридической силы подобных обращений, осуществленных посредством интернет-мессенджера. Например, в случаях привлечения к дисциплинарной ответственности за неисполненное указание, переданное посредством электронного мессенджера. Полагаем, что локальное регулирование подобных вопросов, основанное на принципах самоорганизации, может породить конфликтность ситуации, что требует более строгой их корреляции с актами более высокой юридической силы.

Отдельного внимания заслуживает функция голосовых сообщений. Возможность их использования в рамках деловой переписки во многом определяется приемлемыми границами делового этикета и взаимного уважения к комфорту и времени сотрудников, осуществляющих взаимодействие. Например, далеко не все способны четко описывать ситуацию и формулировать задачи и вопросы в устной форме. В голосовых сообщениях часто используется много лишних слов, их получение порой затруднено внешними условиями нахождения получателя (шум, посторонние лица и т.д.). Значительные неудобства для сотрудников организации проявляются при обращении к ним вне пределов рабочего/служебного времени (ночных часов, выходных дней, отпусков и т.п.). Подобные вопросы требуют более детального исследования и последующего регулирования.

Перспективы развития системы организационных коммуникаций органов внутренних дел Российской Федерации. Для решения третьей задачи - задачи прогнозирования развития системы организационных коммуникаций в органах внутренних дел Российской Федерации предлагаем обратиться к теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса [5]. Следуя его рассуждениям, человек исполняя в процессе своей жизнедеятельности различные социальные роли вынуждено пользуется всеми достижениями современного жизненного мира, включая использование интернет-мессенджеров. «Жизненный мир» в концепции Ю.Хабермаса понимается как фоновое знание, которое люди используют для взаимопонимания и координации действий. Это все то чем богата наша повседневная жизнь, наполненная достижениями культуры и цивилизации. Интернет-мессенджеры не являются в этом отношении исключением. Это современное достижение и знание «жизненного мира», которое

¹ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 41-ФЗ от 01.06.2025 «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2025/04/04/fz41-dok.html> (дата доступа: 25.09.2025).

² Федеральный закон № 156-ФЗ от 24.06.2025 «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240021> (дата доступа: 25.09.2025).

полно вошло в число наиболее востребованных средств современной коммуникации и активно используется человечеством. В теории коммуникативного действия Ю.Хабермас [6] противопоставляет существующему жизненному миру «систему», также выступающую объектом социальной реальности. Если «жизненный мир» определяется механизмами социальной интеграции и культурного воспроизводства через смыслы, разделяемые участниками коммуникаций, то «система» выступает стабилизирующим механизмом по отношению к «жизненному миру», ограничивая, упорядочивая и регулируя его, как некий инструмент рационализации отношений. Тем самым автор теории выявляет ключевую проблематику взаимовлияния через «колониализацию» жизненного мира властной системой бюрократических действий (государством). Таким образом, причины колонизации автор усматривает в рационализации «фоновых знаний», их использовании для целей системы посредством господства и подчинения.

Возможно это не единственная концепция способная объяснить модель взаимоотношений «системы» (государства) и «жизненного мира» (общественной сферы), но наглядно демонстрирующая интересы системы по отношению к достижениям «жизненного мира», развивающегося намного быстрее и динамичнее [3]. В тоже время, теория позволяет спрогнозировать и предложить варианты дальнейшего развития новых способов коммуникации в организационной практике, а вернее их инструментального присвоения для достижения целей «системы» (государства). Интернет-мессенджеры становятся сегодня привычным и удобным средством организационного общения и не воспользоваться ими крайне иррационально. Рационализация по Ю. Хабермасу – эта структурная трансформация «жизненного мира», ведущая к тому, что общественные сферы все больше ощущают давление государства и подчиняются стандартам целерационального действия.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что повседневные человеческие практики использования новых «мгновенных способов коммуникации» определяют свою полезность в вопросах организационного поведения, поскольку предлагают более совершенные формы выстраивания организационных коммуникаций системы государственных органов. Их рационализация вполне прогнозируемый вариант развития системы организационных коммуникаций в органах внутренних дел Российской Федерации.

Социологический анализ использования мессенджеров в государственных органах и в органах внутренних дел в частности, показывает, что они служат инструментом для оперативной коммуникации, позволяют повысить эффективность реализации управленческих функций, упростить документооборот и т.д. В то же время они представляют риски, связанные с безопасностью и конфиденциальностью. Использование мессенджеров в государственных органах требует строгого соблюдения мер безопасности и регламентов, тщательно продуманной политики, учитывающей все риски, так как неправильное их использование может привести к утечке информации, нарушению служебной этики, социальной напряженности в коллективе. Учет возможных последствий необходим и требует более глубоких исследований.

Список литературы

1. Андреев Н.А., Коробов В.Б. Коммуникация в правоохранительной сфере: сущность и классификация / Москва, Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3(31). С. 64-67.
2. Анисимов А.П. К вопросу о стратегическом прогнозировании в информационно-аналитической работе органов внутренних дел // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы [Электронный ресурс]: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Электронные текстовые данные (2,6 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2019.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования /пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999.
4. Намруева Э.В., Лашёнов М.С. Связи с общественностью в современном государственном управлении России // Э. В. Намруева, М.С. Лашёнов – Москва, 2025. – 105 с.
5. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. THESIS, 1993, Вып.2. С. 123-136.
6. Шарков Ф. И. Социология коммуникаций в структуре междисциплинарного научного направления «коммуникология» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 128-134

References

1. Andreev N. A., Korobov V. B. Communication in law enforcement: nature and classification / Moscow, Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3(31). P. 64-67.
2. Anisimov A.P. On the issue of strategic forecasting in the information and analytical work of internal affairs agencies // Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: status, trends, prospects [Electronic resource]: Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference. – Electronic text data (2.6 MB). – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.
3. Bell, D. The Coming Post-Industrial Society: An Experience of Social Forecasting /translated from English; edited by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia, 1999.
4. Namrueva E.V., Lashchenov M.S. Public relations in modern public administration of Russia // E.V. Namrueva, M.S. Lashchenov - Moscow, 2025. - 105 p.
5. Habermas Jürgen. Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus. In: J.Habermas. Theorie der Kommunikativen Handelns. 2. Bde. 3, durchges. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985, Bd. 2., S.504–522.
6. Sharkov F. I. Sociology of communications in the structure of the interdisciplinary scientific direction «communicology» // Sociological studies. 2016. No. 12. P. 128-134.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 1936-1937 ГГ. В БАШКИРСКОЙ АССР: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ CONSTITUTIONAL REFORM OF 1936-1937 IN THE BASHKIR ASSR: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION

КУТУШЕВ Газиз Загирович,

доцент кафедры истории и теории государства и права

Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат исторических наук.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.

E-mail: gazizkutushev@rambler.ru

САБЕККИЯ Раушана Бейсеновна,

профессор кафедры всеобщей истории и философских дисциплин

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, доктор философских наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

E-mail: r.b.sabekkiya@struust.ru

KUTUSHEV Gaziz Zagirovich,

Associate Professor of the Department of History and Theory of State and Law

at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences.

450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muximov St., 2.

E-mail: gazizkutushev@rambler.ru

SABEKIYA Raushana Beisenovna,

Professor of the Department of General History and Philosophical Disciplines

at the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 49 Lenina Ave.

E-mail: r.b.sabekkiya@struust.ru

Краткая аннотация: Данная статья посвящена изучению советской «сталинской» конституционной реформы 1936-1937 гг. на примере Башкирской АССР. Рассматриваются исторические и правовые аспекты разработки и принятия Конституции СССР 1936 г., Конституции РСФСР 1937 г. и Конституции Башкирской АССР 1937 г. Анализируется реорганизация высших органов управления автономной республики в соответствии с новым конституционным законодательством и итоги избирательных кампаний в Верховные Советы СССР, РСФСР и Башкирской АССР 1937-1938 гг.

Abstract. This article examines the Soviet "Stalinist" constitutional reform of 1936-1937 using the example of the Bashkir ASSR. It examines the historical and legal aspects of the development and adoption of the 1936 USSR Constitution, the 1937 RSFSR Constitution, and the 1937 Constitution of the Bashkir ASSR. It analyzes the reorganization of the supreme governing bodies of the autonomous republic in accordance with the new constitutional legislation and the results of the election campaigns to the Supreme Soviets of the USSR, RSFSR, and Bashkir ASSR in 1937-1938.

Ключевые слова: Башкирская АССР, Конституция 1937 года, конституционная реформа, Башкирский обком, Совет народных комиссаров Башкирской АССР, Верховный Совет Башкирской АССР, органы управления, советское право.

Key words: Bashkir ASSR, Constitution of 1937, constitutional reform, Bashkir regional committee, Council of People's Commissars of the Bashkir ASSR, Supreme Council of the Bashkir ASSR, governing bodies, soviet law.

Для цитирования: Кутушев Г.З., Сабеккиа Р.Б. Конституционная реформа 1936-1937 гг. в Башкирской АССР: исторические и правовые аспекты реализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 368-370. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_368.

For citation: Kutushev G.Z., Sabekkiya R.B. Constitutional reform of 1936-1937 in the Bashkir ASSR: historical and legal aspects of implementation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 368-370. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_368.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Конституционная реформа, проведенная в 1936-1937 гг. на территории СССР утвердила результаты масштабных реформ экономического, социально-политического и национально-культурного характера, реализованных советским руководством во главе с И.В. Сталиным в период с 1924 по 1936 гг. Основным законом СССР 1936 г. стал законодательным образцом для разработки аналогичных Конституций РСФСР и автономных республик 1937 г. Обращение к историческим и правовым аспектам реализации конституционных преобразований данного периода на примере Башкирской АССР позволит изучить фундаментальные основы советского конституционного законодательства с учетом национальной специфики и особенностей построения федеративного социалистического государства. Данный вопрос весьма актуален в свете современных реалий развития конституционного права Российской Федерации и тех эволюционных изменений, которые произошли в данной правовой отрасли, начиная с 1993 г. и по сегодняшний день.

Новая Конституция СССР 1936 г., известная также как «сталинская» или «Конституция победившего социализма» была принята на Чрезвычайном VIII съезде Советов, который прошел в Москве с 25 ноября по 5 декабря 1936 г. На съезде присутствовали 2016 делегатов с правом решающего голоса, представлявшие 63 национальности Советского Союза. Следует отметить, что еще 11 июня 1936 г. предварительный проект Основного закона страны был одобрен Президиумом ЦИК СССР и опубликован в официальной печати для всенародного обсуждения [10].

В период подготовки к съезду во всех регионах РСФСР состоялись выборы делегатов. Руководством ЦИК Башкирской АССР были предварительно составлены списки избирательных округов по выборам в состав будущих Верховных Советов СССР, РСФСР и Башкирской АССР, определены количество избирателей и делегатов, порядок выборов делегатов на Всесоюзный съезд Советов. Всего на территории Башкирской АССР были образованы 11 избирательных округов по выборам в Верховный Совет СССР, 15 избирательных округов по выборам в Верховный Совет РСФСР и 29 избирательных округов по выборам в Верховный Совет автономной республики [8, с. 3, 10].

Президиум ЦИК Башкирской АССР в своем постановлении от 20 июня 1936 г. предложил всем районным, городским, поселковым и

сельским Советам реализовать «...широчайшее обсуждение народными массами проекта новой сталинской Конституции для решительного расширения и укрепления советской демократии» [8, с. 87].

Спустя два месяца в середине августа 1936 г. руководство республиканского ЦИК и Башкирского обкома ВКП (б) предложило Советам всех уровней активизировать меры в данном направлении, организовав всенародное обсуждение конституционного проекта на родных языках всех национальностей автономной республики, заслушивая информацию о проделанной работе не реже двух раз в месяц на заседаниях президиумов районных исполнительных комитетов и городских советов [8, с. 93-94].

Пленум Башкирского обкома ВКП (б), состоявшийся 1-2 октября 1936 г. также призвал местные партийные организации к обсуждению трудящимися проекта Конституции СССР в связи с предстоящим VIII съездом Советов [8, с. 67].

Как уже было отмечено, Чрезвычайный VIII Съезд Советов СССР утвердил 5 декабря 1936 г. Основной закон СССР. В работе съезда принимала участие и делегация от Башкирской АССР в составе 29 человек [5, с. 357]. Глава VII новой Конституции СССР содержала положения, определявшие порядок формирования высших органов государственной власти автономных советских республик. В статьях 89 и 90 отмечалось, что высшим органом государственной власти любой из автономных республик является Верховный совет АССР, избираемый гражданами сроком на четыре года на основании местной республиканской Конституции. Статья 91 гласила, что только Верховный Совет АССР считается единственным законодательным органом автономии. Статья 93 указывала, что Верховный Совет АССР избирает Президиум Верховного совета автономной республики, а также образует республиканский Совет народных комиссаров. В статье 92 говорилось о том, что Конституции автономных республик учитывают местные особенности, и в то же время построены в полном соответствии с общесоюзным Основным законом [8, с. 70-71].

21 января 1937 г. в ходе Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов была утверждена новая Конституция РСФСР, в содержательном отношении составленная по образцу общесоюзной.

Вскоре началась реорганизация системы высших и местных органов власти Башкирской АССР, с целью приведения их в соответствие с Основными законами РСФСР и СССР. К примеру, 13 марта 1937 г. на основании 69 статьи Конституции РСФСР в структуре республиканского правительства образуется Народный комиссариат внутренних дел Башкирской АССР во главе с наркомом Г.А. Лупекиным [9, с. 70].

В апреле 1937 г. Президиум Всероссийского ЦИК инструктивное письмо, где отмечал, что на основании 135 статьи Конституции СССР отменяется лишение избирательных прав по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности [9, с. 74-75]. Тем самым, из советского избирательного права исчезает категория «лишенцев», не имевших активных и пассивных избирательных прав в силу указанных выше критериев по прежней Конституции СССР 1924 г.

Второй этап конституционной реформы в 1937 г. на территории Башкирской АССР составили мероприятия по разработке и принятию Конституции автономной республики. Еще 25 июля 1936 г. была образована Конституционная комиссия Башкирской АССР для выработки Конституции Башкирской АССР по образцу Основного закона СССР и РСФСР. Председателем комиссии был назначен первый секретарь Башкирского обкома ВКП (б) Я.Б. Быков, всего в состав вошли 19 человек, представлявшие руководство республиканского областного комитета партии, ЦИК и СНК Башкирской АССР [8, с. 88].

В ноябре 1936 г. в Уфе открылся Чрезвычайный X Всебашкирский Съезд Советов с участием 424 делегатов с решающим и 119 делегатов с совещательным голосом. Собравшиеся делегаты одобрили проект новой Конституции СССР и приняли решение отложить рассмотрение проекта Основного закона Башкирской АССР до утверждения Конституций СССР и РСФСР [5, с. 364].

5 февраля 1937 г. Президиум ЦИК Башкирской АССР, заслушав доклад Я.Б. Быкина, одобрил предложенный им первоначальный проект будущей Конституции республики и постановил представить его на рассмотрение Президиума Всероссийского ЦИК [9, с. 11].

Доработанный вариант Конституции Башкирской АССР 24 мая 1937 г. по аналогии с общесоюзным образцом был опубликован в газете «Красная Башкирия» для ознакомления и всенародного обсуждения гражданами республики. В течение следующего месяца в местных советских и партийных органах была проведена работа по обсуждению текста документа и отдельных его положений [9, с. 3, 13-33].

С целью рассмотрения и утверждения первой советской Конституции Башкирской АССР в Уфе с 20 по 23 июня 1937 г. был проведен возобновленный Чрезвычайный X Всебашкирский съезд Советов. С основным докладом о проекте Конституции на съезде выступил З.Г. Булашев – председатель правительства Башкирской АССР. В состоявшихся прениях по поводу содержания документа приняли участие около 40 делегатов. 23 июня после процедуры голосования X Всебашкирский съезд Советов единогласно утвердил Конституцию республики, состоявшую из 11 глав и 114 статей. 5 июля 1937 г. итоговый текст Основного закона был опубликован в газете «Красная Башкирия». 2 июля 1940 г. Конституция Башкирской АССР утверждается на 3-й сессии Верховного Совета РСФСР [2, с. 25].

В тексте новой Конституции 1937 г. Башкирская АССР была обозначена социалистическим государством рабочих и крестьян. Закреплялись широкие права и свободы граждан, отменялись все прежние ограничения в правах отдельных категорий населения, выборы в Советы и народные суды стали всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании, декларировалась независимость судей, неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки [1, с. 277-278].

Конституция Башкирской АССР 1937 г. установила государственные символы автономии – герб и флаг на основе аналогичных символов РСФСР, но с добавлением надписей «Башкирская АССР» на башкирском и русском языках. В статьях 14 и 15 указывалось, что в состав республики входят в административном отношении 62 района, 13 рабочих поселков и 3 города республиканского подчинения (Уфа, Стерлитамак и Белорецк). Территория Башкирской АССР не подлежала изменению без ее согласия. В целом, именно тогда были утверждены в основных чертах современные границы республики, сформированные в результате национально-государственных и территориальных преобразований

1917-1934 гг. Административное деление территории республики производилось высшими органами власти Башкирской АССР, а затем должно было утверждаться РСФСР. Имелось свое гражданство, при этом граждане Башкирской АССР согласно статье 17 являлись одновременно гражданами РСФСР и СССР [7, с. 23-24].

Летом 1937 г. в Башкирской АССР были проведены массовые общественные мероприятия, приуроченные к принятию республиканской Конституции: Всебашкирский слет велосипедистов и физкультурный парад в Уфе, республиканские походы «Ворошиловских всадников», агитационные демонстрации и собрания на уровне трудовых коллективов колхозов и предприятий [9, с. 197, 200].

Стал набирать обороты процесс реорганизации республиканских органов власти на основании новых конституционных принципов. 19 июля 1937 г. Президиум ЦИК Башкирской АССР постановил дать указание местным горсоветам и районным исполнительным комитетам о перестройке аппаратов управления в соответствии с новой Конституцией [9, с. 78].

С 12 октября 1937 г. началась избирательная кампания по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Президиум ЦИК Башкирской АССР принял решение о публикации на национальных языках народов республики многотысячными тиражами Конституции Башкирской АССР, Положения о выборах в Верховный Совет СССР, а также программной статьи М.И. Калинина, посвященной данному событию [9, с. 83-84].

По результатам прошедших в декабре 1937 г. выборов в обе палаты Верховного Совета СССР от Башкирской АССР был избран 21 депутат. В Совет Союза от избирательных округов республики прошли Э.Т. Кренкель (Уфимский городской округ), М.В. Вакилев (Уфимский сельский округ), С.З. Гинзбург (Белорецкий округ), А.Т. Заликин (Стерлитамакский округ), Е.Д. Чвялев (Белебеевский округ), Р.А. Гадельшин (Бирский округ), А.А. Медведев (Туймазинский округ), А.А. Ахмадуллин (Янаульский округ), И.М. Ситников (Мелеузовский округ), Ф.В. Шагимарданов (Дуванский округ). В состав Совета Национальностей были избраны Т.А. Крюков (Уфимский городской округ), Ш.Т. Тимиргалина (Уфимский первый сельский округ), И.Ф. Ахметов (Уфимский второй сельский округ), Е.И. Исакова (Белорецкий округ), Ф.Ф. Бакалдин (Стерлитамакский округ), А.Н. Поскребышев (Белебеевский округ), М.К. Кашапов (Бирский округ), Х.Х. Утяшев (Туймазинский округ), Р.Ф. Муслимова (Янаульский округ), Р.К. Ибрагимов (Мелеузовский округ), С.Р. Алибаев (Дуванский округ). Кроме того, депутатом в Совет Национальностей от РСФСР по Уфимскому округу оказался избран П.С. Горшенин [4].

В июне 1938 г. состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик. По их итогам в Верховный Совет РСФСР от Башкирской АССР было избрано 20 депутатов. В состав же Верховного Совета Башкирской АССР по результатам выборов прошло 150 депутатов, в том числе 110 коммунистов, в национальном отношении 73 русских, 35 башкир, 26 татар и 16 – представители других национальностей [3].

25-28 июля 1938 г. в Уфе была проведена 1-я сессия Верховного Совета Башкирской АССР первого созыва, на которой избирается Президиум Верховного Совета в составе 19 человек. Председателем Президиума был назначен Р.К. Ибрагимов. Формируется новый состав правительства – Совет народных комиссаров Башкирской АССР, председателем которого стал Ф.В. Шагимарданов. Кроме того, 1-я сессия Верховного Совета Башкирской АССР внесла ряд изменений в действующую Конституцию республики, скорректировав названия ряда комиссариатов и ведомств [6, с. 18-23].

Таким образом, конституционная реформа 1936-1937 гг. логически завершила первый крупный этап политического и национально-государственного строительства в СССР на общесоюзном, республиканском и региональном уровнях, зафиксировав те фундаментальные изменения, которые произошли в культурно-политической и социально-экономической системе советского общества в 1917-1937 гг. Новая Конституция СССР 1937 г., а также принятые на ее основе Конституции РСФСР и Башкирской АССР 1937 г. отражали эволюцию государственного механизма Советского Союза в направлении формирования федеративного государства социалистического типа с представительными формами советской власти, развитой системой органов государственного управления и продекларированными общедемократическими правами и свободами граждан.

Список литературы:

1. Еникеев З.И., Еникеев А.З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007. 432 с.
2. Мазитов Ф.Ф. Принятие Конституции Башкирской АССР 1937 года и ее основные положения // Казанская наука. 2015. № 7. С.25-27.
3. Красная Башкирия. Орган Башкирского областного комитета ВКП (б). 29 июня 1937 г., 27 июля 1937 г.
4. На страже Октября. Орган Политотдела Управления РК Милиции НКВД БАССР. 30 декабря 1937 г. № 14 (65).
5. Очерки по истории Башкирской АССР. Советский период. Том 2. Уфа: Башкиргоиздат, 1966. 643 с.
6. Первая сессия Верховного Совета Башкирской АССР: Стенограф. отчет. М., 1938.
7. Сборник законов Башкирской АССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Башкирской АССР / Сост. Р.А. Гибадатов, Е.Н. Кучеров. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. 391 с.
8. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. XVI том. 1936 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; Сост. А.Б. Юнусова; Археогр. Ю.М. Абсаямов. Уфа, 2008. 512 с.
9. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. XVII том. 1937 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; Сост. А.Б. Юнусова; Археогр. Ю.М. Абсаямов. Уфа, 2008. 512 с.
10. Упоров И.В. 85 лет «Сталинской» Конституции 1936 года: политико-правовая характеристика // Дневник науки. 2021. № 12 (60).

References:

1. Enikeev Z.I., Enikeev A.Z. Istoriya gosudarstva i prava Bashkortostana. Ufa: Kitap. 2007. 432 s.
2. Mazitov F.F. Prinyatiye Konstitutsii Bashkirskoy ASSR 1937 goda i yeye osnovnyye polozheniya // Kazanskaya nauka. 2015. № 7. S. 25-27.
3. Krasnaya Bashkiriya. Organ Bashkirskogo oblastnogo komiteta VKP (b). 29 iyunya 1937 g. 27 iyulya 1937 g.
4. Na strazhe Otkryabrya. Organ Politotdela Upravleniya RK Militsii NKVD BASSR. 30 dekabrya 1937 g. № 14 (65).
5. Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR. Sovetskiy period. Tom 2. Ufa: Bashkngoizdat. 1966. 643 s.
6. Pervaya sessiya Verkhovnogo Soveta Bash-kirskoy ASSR: Stenograf. otchet. M., 1938.
7. Sbornik zakonov Bashkirskoy ASSR. ukazov i postanovleniy Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Bashkirskoy ASSR / Sost. R.A. Gibadotov. E.N. Kucherov. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatelstvo. 1976. 391 s.
8. Svod zakonov i normativnykh pravovykh aktov Bashkortostana. XVI tom. 1936 god / Sekretariat Gosudarstvennogo Sobraniya – Kurultaya Respubliki Bashkortostan; Sost. A. B. Yunusova; Arkheogr. Yu. M. Absalyamov. Ufa. 2008. 512 s.
9. Svod zakonov i normativnykh pravovykh aktov Bashkortostana. XVII tom. 1937 god / Sekretariat Gosudarstvennogo Sobraniya – Kurultaya Respubliki Bashkortostan; Sost. A. B. Yunusova; Arkheogr. Yu. M. Absalyamov. Ufa. 2008. 512 s.
10. Uporov I.V. 85 let «Stalinskoy» Konstitutsii 1936 goda: politiko-pravovaya kharakteristika // Dnevnik nauki. 2021. № 12 (60).

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КАК ПОРЯДОК И СИСТЕМА LEGAL REGIME AS AN ORDER AND SYSTEM

МЕТЕЛЬКОВ Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и безопасности информационных технологий, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России».

Московский пр-т, 149, Санкт-Петербург, 196105, Россия.

ORCID: ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru;

METELKOV Alexander Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics and Information Technology Security, Associate Professor
St. Petersburg State Pedagogical University of the Ministry of Emergency Situations of Russia".

149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.

ORCID: ORCID: 0000-0002-6113-8981;

E-mail: metelkov5178@mail.ru

Краткая аннотация: Категория «правовой режим» получила широкое освещение в доктрине права и распространение в законодательстве. В юридической литературе в это словосочетание вкладывают различные смысловые оттенки, связывая это правовое явление с совокупностью, комплексом и системой юридических средств и порядком правового регулирования. В статье обосновывается наличие в правовом режиме признаков системы.

Abstract: The category of "right-wing regime" has received wide coverage in the doctrine of law and spread in legislation. In the legal literature, various semantic shades are put into this phrase, linking this legal phenomenon with the totality, complex and system of legal means and the order of legal regulation. The article substantiates the presence of system features in the legal regime.

Ключевые слова: правовой режим, система, комплекс, совокупность, порядок, правовое регулирование, цель.

Key words: legal regime, system, complex, set, order, legal regulation, goal.

Для цитирования: Метельков А.Н. Правовой режим как порядок и система // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 371-374. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_371.

For citation: Metelkov A.N. Legal regime as an order and system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 371-374. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_371.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Правовой режим как объект исследования означает расширенный модуль в наборе правовых инструментов, в основе которого лежит способ правового регулирования, соединяющий «в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств» [1, с.243; 2, с.19], в «особую целостную систему регулятивного воздействия...» [1, с.191]. Такая конструкция охватывается понятием «система». Утверждение теоретиков права можно дополнить направленностью этого комплекса на достижение социально значимых целей. В правовую систему, как верно отметил Н.Луман, «все больше проникают целевые ориентации» [3, с.52]. Это утверждение означает, что субъект права, представляя ту или иную юридическую позицию и разделяя определённую правильную или ошибочную интерпретацию законов, мыслит «также о последствиях» [3, с.52]. Сочетание целерационального и коммуникационного действия (эти понятия в раздельности соответствуют их пониманию Ю. Хабермасом в его труде «Техника и наука как «идеология»») характеризует наше представление о правовом режиме.

Правовой режим часто представляется в виде некой системы. В этом подходе интересна позиция, согласно которой правовой режим рассматривается в виде *качественно* целостной специфической системы «средств, приемов, методов правового регулирования...» [4, с.29]. Несмотря на присущее любой системе свойство целостности, авторы такой точки зрения выводят его за рамки определения системы, акцентируя на этом признаке особое внимание.

Правовой режим можно рассматривать как сложную адаптивную систему и совокупность взаимодействующих юридических средств, способных эволюционировать и приспосабливаться к изменяющейся внешней среде. В качестве внешней среды нами рассматривается окружающая правовая материя, в том числе другие правовые режимы, институты и отрасли права, система права и правовая система. Представляется перспективным анализ элементного состава данной системы не изолированно в рамках отдельного режима, а с учетом окружающей его среды. В окружении этой среды функционируют конкретные правовые режимы, в которых можно выделить статический и динамический аспекты. В статическом аспекте инструментальная сущность правового режима проявляется в способе упорядочения социальных отношений посредством установления законодателем определённой системы юридических средств. Динамический аспект отражается в процессе реализации правового режима, достижение заявленной цели которого является итогом правореализации.

Понятие системы неделимо «связано с понятием целого» [5, с.35]. Систему представим в виде определённой целостности, собранной из взаимозависимых частей и направленной на достижение социально полезной цели. Можно предположить, что и правовой режим как одна из разноразмерных подсистем в системе права связан с понятием целого. *Правовой* режим как целостная система подразумевает существование группы социальных отношений между элементами этой системы, установление порядка ее функционирования в виде совокупности взаимосвязанных правовых норм, активных в ограниченных пространственно-временных рамках в отношении конкретных групп субъектов (объектов) по установленному алгоритму в направлении достижения желаемой цели.

Системная рефлексия предполагает, что нормы права в их системной организации в правовом режиме, взаимодействуют и соединяются исходя из конкретных обстоятельств непредвиденным и непредусмотренным способом. Правовая модель предполагает, что все взаимодействия внутри правового режима как сложной адаптивной системы начинают формировать новые закономерности, предоставляющие обратную связь системе и влияющие на взаимодействие юридических норм.

Законодатель использует термин «правовой режим» в значении совокупности правил, вводимых в условиях обстановки, требующей непреклонного воздействия на социальные отношения и защиты интересов субъектов права. В основе формирования различных видов правовых режимов лежат нормативные правовые акты неодинаковой юридической силы и различного уровня законодательной иерархии. Несмотря на широкое использование в правовой доктрине и законодательстве рассматриваемой категории, единого ее понимания ещё не выработано.

В доктрине права нет устоявшихся взглядов по отношению к уровню законодательства, на котором устанавливается правовой режим. В результате анализа юридической литературы нами выделено несколько подходов к корреляции правового режима с каким-либо уровнем законодательства. Одни авторы не связывают юридические средства с конкретным уровнем, другие ассоциируют его со всем законодательством, третьи – с федеральным уровнем законодательства, четвертые – только с федеральными законами. В частности, правовой режим определяется как выраженный в комплексе правовых средств «порядок регулирования» [4, с.29], проявляющийся в определённом сочетании юридических средств особый порядок правового регулирования, не связывая установление такого режима с каким-либо из законодательных уровней в системе права. Одни ученые считают, что правовой режим устанавливается «законодательством» [6, с.38], другие – «в законодательном порядке» [7, с.84], третьи – «в законах и подзаконных актах» [8, с.377]. Э. Ф. Шамсумова выделяет установление правового режима в узком «законодательном порядке» [9, с.56], не уточняя уровень законодательного регулирования.

Разнообразие научных представлений расширяет возможности конструирования правовых моделей таких режимов с использованием правовых способов и средств не только на законодательном, но и на подзаконном уровнях. Нам представляется предпочтительной точка зрения, разделяющая установление режимных норм в законах и подзаконных актах. Такой подход открывает путь к конкретизации действий правовых норм на более динамичном и гибком подзаконном уровне, не выходя за рамки закона и при этом не выхолащивавшая правовую суть закона.

Многозначная интерпретация понятия «правовой режим», вызванная недостаточной проработанностью общетеоретической основы, оказывает отрицательное воздействие на правоприменительную практику. В научных трудах при отображении содержания правового режима нередко используются синонимичные термины «система» и «порядок», а также «сочетание», «совокупность» и «комплекс». Анализ соотношения приведенных терминов с использованием искусственного интеллекта показывает, что они рассматриваются алгоритмом как синонимы. В действительности каждое из слов-понятий имеет свои особенности. В представлении философов порядок — это категория, обозначающая положение в пространстве и времени компонентов «какого-либо множества или системы» [10]. Порядок в системе означает существование сильных межэлементных связей, а также наличие закономерностей, которым они следуют.

Комплекс определяется как целостная совокупность взаимосвязанных систем, элементов. Система, комплекс и элемент – относительные понятия. Теоретически *каждый* элемент возможно рассматривать в качестве отдельной системы, если в нем можно выделить составляющие его компоненты, а всякий комплекс – в качестве системы, если охватываемые им *входящие в его состав* системы можно трактовать как элементы. В системе в отличие от комплекса существуют межэлементные связи, она обладает новыми объединяющими свойствами, не характерными отдельным ее частям. Наличие таких свойств показывает зависимость характеристик системы от особенностей составляющих её элементов, но такая зависимость не определяется ими полностью. Следовательно, из данных рассуждений вытекает вывод о нелепости сведения системы к совокупности элементов. Разъединение системы на части и исследование любой из них в отдельности не позволяет познать все ее свойства. В частности, отдельная норма права «ограничение использования сетей связи» может ничего не сказать о содержании правового режима и его целевом предназначении.

Среди подходов к пониманию правового режима заслуживает критического отношение мнение Э.К. Утяшова, который приводит такое умозаключение: «Правовой режим - система права» [11, с.44]. Нами подобное мнение не разделяется, так как система права и правовой режим разные по объему и содержанию понятия, поэтому они не могут быть тождественными. Правовые режимы при определённых условиях можно рассматривать только как компоненты системы права, оригинальные подсистемы структурных элементов этой системы (например, конкретных отраслей права). В одной системе права теоретически может существовать, а в законодательстве существует множество правовых режимов, образующих вторичные подсистемы (в случае отраслевых режимов) и подсистемы (в случае межотраслевых режимов, например, режим законности).

В контексте порядок правового режима можно рассматривать и как составляющую характеристику системы. Представляется конструктивным высказывание профессора Ройса, что система науки – это тип порядка, отличительными характеристиками которого является существующий между его членами тип отношений – симметричный или асимметричный, транзитивный или нетранзитивный, и отношения этих отношений, посредством которых члены упорядочиваются, а отношения трансформируются [12]. Исходя из этого утверждения можно говорить о возможности определения правового режима через схожие по смыслу понятия: совокупность, комплекс, система, порядок. Каждое из этих понятий имеет собственный смысл. Однако в строгом отношении они имеют различия.

Системой можно назвать определенную целенаправленную сущность, представляющую собой ограниченное единое целое взаимодействующих элементарных частей, позволяющее различать внутренние и внешние элементы, их связи, а также идентифицировать входные и выходные данные, относящиеся к данной сущности и исходящие из неё. Первостепенное внимание в системе уделяется отношениям между

частями для понимания организации, функционирования и результатов деятельности сущности.

В литературе попытки общетеоретического осознания понятия правовых режимов предпринимались в начале 1980-х годов. Основы современного понимания заложены С.С. Алексеевым, который определяет правовой режим как порядок регулирования. Этот порядок правовым был представлен в виде комплекса «правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных связываний» [13, с.334], которые формируют уникальную направленность регулирования. Думается, что этот комплекс можно дополнить ограничениями [14, с.76].

Среди значений слова «режим» называют неперенной для достижения цели системой установленных «правил, мероприятий» [15, с. 697], «правил, требований, норм, принципов» [2, с. 16] определенного вида деятельности. В научной литературе отражено мнение, что правовой режим — это «система мер» [16, с.21], используемая для достижения поставленных целей, и «система средств, приемов, методов правового регулирования» [4, с.29].

И. С. Розанов в дефиниции административно-правового режима выделяет два аспекта: «совокупность правил деятельности ... граждан и юридических лиц; ... порядок реализации ими своих прав» [7, с.84] в некоторых обстоятельствах. В.Ю. Панченко и И.В. Пикулева, раскрывая дефиницию «правовой режим» в его реалистическом понимании как совокупности правовых и организационно-технических мер, одновременно используют понятия «система» и «комплекс» как тождественные. Правовой режим — это и зафиксированная в формальных источниках права «система правовых средств-установлений» [17, с.18], и нормативно установленные «комплексы правовых средств» [17, с.18] с их реальным действием. В.Б. Исаков в определении этого термина акцентирует внимание на его социальном укладе, устанавливаемом правовыми нормами и обеспеченном совокупностью юридических средств [18, с. 258]. Л.А. Морозова раскрывает понятие правового режима через результат регулирующего воздействия на социальные отношения «систем (определенного набора) юридических средств» [19, с. 123], присущих конкретной отрасли права. Г.С. Беляева, указывая на системный характер правового режима, отмечает его в качестве системного образования, состоящего «из под-систем» [20, с.14]. В предложенной модели правовой конструкции правового режима выделяется сочетание не только юридических средств, но и «способов правового регулирования» [21, с.281]. В.Б. Рушайло под правовым режимом понимает основанную на единых правовых принципах и установленную законодательством систему правового воздействия, использующую «специфические юридические формы и методы воздействия» [22, с.34] на социальные отношения.

В формулировках правового режима нередко наряду с категорией «система» встречаются родственные ей термины «совокупность» и «комплекс». *Правовой режим*, включая его отраслевые разновидности, характеризуется как представляющее собой объединение правовых средств в виде их «упорядоченной совокупности (системы)» [20, с.13], совокупности «юридических и организационных средств» [23, с.456], единичного комплекса [24, с.12] и комплексов правовых средств [25, с.20], а также комплекс способов правового регулирования [26, с.133], «комплексное юридическое средство» [27, с.129], «множество правовых и не правовых средств» [27, с.130]. С позицией о включении в содержание любого вида правового режима неправовых мер трудно согласиться.

В общетеоретических и отраслевых определениях правового режима в сочетании с категорией «порядок» применяются следующие разносторонние характеристики: особый (Д.Н. Бахрах, А.В. Малько, Н.И. Матузов), оптимальный (М.М. Султыгов), специфический (Ю.А. Тихомиров), установленный (А.А. Мохов). С понятием режим Э.Ф. Шамсумова связывает не сам порядок, а процесс — его «установление» [11, с.18].

Изучение доктринальных суждений выявило взгляды ученых-юристов на толкование правовых систем. Преобладающее мнение состоит в том, что оно раскрывает это понятие как порядок «регулирования, выраженный различными правовыми способами...» [1, с. 264]. Сочетание взаимодействующих разрешений, запретов и позитивных обязанностей создает уникальную нормативную направленность, которая не полностью отражает ментальную сторону поведения юридических лиц, например, продвижению или противодействию их интересов с использованием возможностей правовой системы. Другая точка зрения основана на определении правовой системы как «социально-го режима некоторого объекта» [21, с.258-259], который определяется нормами закона и подкрепляется рядом средств правовой защиты. Введение определения категории «социальный» усложняет интерпретацию этого термина. В третьем подходе рассматриваемый режим понимается как результат регулирующего воздействия системы юридических средств на социальные отношения, присущие отрасли права. Логическим результатом любого вида деятельности является завершение процесса. Если рассматривать достижение конечной цели как результат, то с момента установления законодателем определенного правового режима и введения его субъектом права, процесс достижения цели и различные состояния такой правовой микросистемы в ограниченных временных параметрах, возможные сочетания юридических средств в рамках этого процесса выпадают из содержания.

В структуре правового режима кроме комбинаций юридических средств выделяют принципы права, цели и способы правового регулирования, гарантии реализации требований режима и ответственность за их нарушение, субъекты и объекты права, а также способы их взаимной связи.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать вывод о правовом режиме как целостном правовом явлении, обладающем основными признаками системы. Правовой режим как систему идентифицируют следующие признаки: целостность; структура; цель; устойчивые взаимосвязи юридических средств, составляющих режим; взаимодействие с внешней правовой средой. Правовой режим предлагаем мыслить в виде социальной системы, то есть упорядоченного множества взаимосвязанных в пространстве и времени юридических средств, образующих целостное единство для достижения установленной законодателем социально полезной цели. Элементы правового режима как системы в определенной степени взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Организационная структура правового режима обуславливает способ его функциони-

рования в виде закрепления характера связи и отношений между её элементами. Соединение системы правовых средств с порядком регулирования придает функциональность и интеллектуальную динамику правому режиму как одной из подсистем системы права. Сущность интеллектуальной динамики состоит в том, что в конкретных установленных законодателем пространственно-временных параметрах субъект права своей волей может определенным образом влиять на изменение этих параметров, воздействовать на социальные отношения в рамках определённого режима. Правовые режимы как подсистемы системы права создаются и действуют для достижения конкретной цели, определяющей направление развития общественных отношений.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
2. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы. Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. – № 1. – С. 16–29.
3. Луман Н. Введение в системную теорию / Под ред. Д.Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. – М.: Изд-во «Логос», 2007. – 360 с.
4. Бабаев В.К., Баранов В.М., Гойман В.И. Словарь категорий и понятий общей теории права. – Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1992. – 97 с.
5. Блауберг И.В. Философско-методологические проблемы системного исследования: автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.08. – М. 1983. – 40 с.
6. Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2001. – 157 с.
7. Розанов И.С. Административно правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их значение и структура // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 84–91.
8. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное. – М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006. – 696 с.
9. Шамсумова Э.Ф. Категория «правовой режим» в юриспруденции: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид. института МВД России, 2003. – 164 с.
10. Суханова Е. Энтропия: от порядка к хаосу. 08.06.2018. Эссе. <https://stol.guru/pulse/essays/entropy-2018-06-08> (дата обращения 30.10.2025)
11. Утяшов Э.К. Правовой режим в современной юридической доктрине: от правовой химеры к узкому пониманию // Право и политика. – 2022. – № 12. – С. 41–54.
12. Lewis C. I. Types of Order and the System Σ. The Philosophical Review, vol. 25, no. 3, 1916. Pp. 407–19.
13. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – 752 с.
14. Семенова Г.С. Понятие и содержание частноправового режима // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – №4. – 74–79 с.
15. Словарь русского языка : в 4-х т. / Л. П. Алексеевой [и др.] ; под ред. Е. А. Иванникова. – М.: Рус. яз., 1983. – Т. 3. – 750 с.
16. Пучков В.А., Авдоткина Ю.С., Авдоткин В.П. Административно-правовые режимы управления природным и техногенным рисками. – М.: ФБГУ ВНИИ ГОЧС, 2011. – 328 с.
17. Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15–20.
18. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. – С. 258–259.
19. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – М., 1985. – 143 с.
20. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Курск, 2013. – 44 с.
21. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – №1. – С. 281–293.
22. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в сфере обеспечения общественной безопасности: монография. – М.: Компания Спутник+, 2003. – 153 с.
23. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. - 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
24. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации: Монография. – М.: Академия управления МВД России, 2008. – 144 с.
25. Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. – Казань, 2024. – 43 с.
26. Новикова Ю.С. Правовое состояние и правовой режим: вопросы разграничения понятий / / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – №13. – С. 131–135.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of Law. 2nd ed. – Moscow: BEK Publishing House, 1995. – 320 p.
2. Matuzov N.I., Malko A.V. Legal Regimes. Theoretical and Practical Issues // Jurisprudence. 1996. – No. 1. – pp. 16–29.
3. Luhmann N. Introduction to Systems Theory / Ed. by D. Becker; translated from German by K. Timofeev. – Moscow: Logos Publishing House, 2007. – 360 p.
4. Babaev V.K., Baranov V.M., Goyman V.I. Dictionary of Categories and Concepts of the General Theory of Law. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1992. – 97 p.
5. Blauberger I.V. Philosophical and Methodological Problems of Systems Research: Abstract of a Doctor of Philosophy Dissertation: 09.00.08. – M., 1983. – 40 p.
6. Rodionov O.S. The Mechanism for Establishing Legal Regimes by Russian Legislation: Cand. of Law Dissertation: 12.00.01. – Saratov, 2001. – 157 p.
7. Rozanov I.S. Administrative and Legal Regimes under the Legislation of the Russian Federation, Their Meaning and Structure // State and Law. – 1996. – № 9. – P. 84–91.
8. Tikhomirov Yu. A. Administrative Law and Process: Complete Course. Second Edition, Supplemented and Revised. – M.: Tikhomirov Publishing House M. Yu., 2006. – 696 p.
9. Shamsumova E.F. The Category of "Legal Regime" in Jurisprudence: Monograph. – Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – 164 p.
10. Sukhanova E. Entropy: From Order to Chaos. 06/08/2018. Essay. <https://stol.guru/pulse/essays/entropy-2018-06-08> (accessed 10/30/2025)
11. Utyashov E.K. Legal Regime in Modern Legal Doctrine: From Legal Chimera to a Narrow Understanding // Law and Politics. – 2022. – No. 12. – pp. 41–54.
12. Lewis C. I. Types of Order and the System Σ. The Philosophical Review, vol. 25, no. 3, 1916. Pp. 407–19.
13. Alekseev, S.S. Ascent to law. Searches and solutions. – M.: Publishing house NORMA, 2001. – 752 p.
14. Semenova G.S. The concept and content of the private law regime // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4. – 74–79 s.
15. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / L. P. Alekterova [et al.]; ed. E. A. Ivannikova. – M.: Rus. lang., 1983. – T. 3. – 750 p.
16. Puchkov V.A., Avdotina Yu.S., Avdotin V.P. Administrative and legal regimes for managing natural and man-made risks. – Moscow: FBGU VNIИ ГОЧС, 2011. – 328 p.
17. Panchenko V.Yu., Pikuleva I.V. Realistic understanding of legal regimes: on the formulation of the problem // Actual problems of Russian law. – 2015. – No. 7. – Pp. 15–20.
18. Isakov V.B. Mechanism of legal regulation and legal regimes // Problems of the theory of state and law / edited by S.S. Alekseev. Moscow, 1987. – Pp. 258–259.
19. Morozova L.A. Constitutional regulation in the USSR. – Moscow, 1985. – 143 p.
20. Belyaeva G.S. Legal regime: general theoretical study: author's abstract. dis. ... Doctor of Law: 12.00.01. – Kursk, 2013. – 44 p.
21. Belyaeva G.S. Legal Regime: Concept and Features // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2021. – Vol. 25. – No. 1. – Pp. 281–293.
22. Rushailo V.B. Special Administrative-Legal Regimes in the Sphere of Public Safety: Monograph. – Moscow: Sputnik+ Company, 2003. – 153 p.
23. Bakhrakh D.N., Rossiysky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook for Universities. – 2nd ed., amended and supplemented. – Moscow: Norma, 2005. – 800 p.
24. Melekhin AV Special legal regimes of the Russian Federation: Monograph. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. - 144 p.
25. Gromova EA Stimulating legal regimes of entrepreneurial activity in the field of digital innovation and technology: author's abstract. diss. ... Doctor of Law: 5.1.3. - Kazan, 2024. - 43 p.
26. Novikova Yu.S. Legal status and legal regime: issues of delimitation of concepts / / Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. - 2006. - No. 13. - P. 131–135.

НАРОДНЫЙ ТРИБУНАТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕГО РИМА THE PEOPLE'S TRIBUNE IN THE POLITICAL SYSTEM OF ANCIENT ROME

БОНДАРЕНКО Юлия Викторовна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.

E-mail: jy.lia@mail.ru

СУЛЕЙМАНОВА Фания Мурзабаевна,

доцент кафедры дошкольного и начального образования Стерлитамакского филиала

Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

E-mail: f.m.suleymanova@struust.ru

BONDARENKO Yulia Viktorovna,

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.

450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.

E-mail: jy.lia@mail.ru

SULEIMANOVA Fania Murzabaeвна,

Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education

of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, g. Sterlitamak, pr. Lenina, 49.

E-mail: f.m.suleymanova@struust.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и развитием института трибуната и его роли в общественно-политической жизни Рима республиканского периода. Отмечается, что прерогатива трибуна посредством интерцессии осуществлять контроль и сдерживание в отношении прочих элементов государственного механизма Рима позволила ему занять особое положение в системе «системе сдержек и противовесов», являя собой один из важнейших и неординарных по своему значению политических институтов Рима.

Abstract: The article examines the issues related to the emergence and development of the tribunate and its role in the socio-political life of Rome during the Republican period. It is noted that the tribune's prerogative to exercise control and restraint over other elements of the Roman state mechanism through intercession allowed him to occupy a special position in the "checks and balances" system, making him one of the most important and unique political institutions in Rome.

Ключевые слова: Римская республика, народный трибун, интерцессия, магистратура, плебеи.

Keywords: The Roman Republic, the People's Tribune, the Intercession, the Magistracy, and the Plebeians.

Для цитирования: Бондаренко Ю.В., Сулейманова Ф.М. Народный трибунал в политической системе Древнего Рима // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 375-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_375.

For citation: Bondarenko Yu.V., Suleimanova F.M. The people's tribune in the political system of Ancient Rome // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 375-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_375.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации статьи: 30.12.2025

Обращение к вопросу возникновения, последующего развития и оценки роли института трибуната в общественно-политической жизни Рима возможно исключительно в контексте общей канвы истории противостояния двух противоборствующих сословий Рима – патрициев и плебеев. Стремление патрицианской знати сохранить свое привилегированное положение, определяемое монопольным правом на землю и доступом к власти, в противовес нарастающей роли плебса в жизни Рима и их требованием получить равные с патрициями права, породило борьбу, пронизывающую всю социально-политическую историю Рима. Появление трибуната стало важной составляющей этой борьбы.

В 510 г. до н.э. последний римский царь Тарквиний Гордый был изгнан восставшими римлянами, и на смену монархии пришла аристократическая республика. Торжество патрициев, одержавших победу, еще более усилило притязания на политическое и экономическое господство. В то время как многие плебеи разорялись из-за постоянных войн, губительно сказывающихся на состоянии торговли и ремесла, неурожаев и усиления налогового бремени со стороны государства. Непомерная тяжесть долгов и притеснений со стороны кредиторов приводили к массовому обнищанию плебеев, ставшее для многих из них причиной обращения в рабство. Весть о смерти изгнанного царя Тарквиния в 495 г. до н.э., о чем рассказывает Ливий, ободрила и патрициев, и плебеев, «но патриции в радости стали вести себя опрометчиво: до сих пор все усердно угождали плебейм, а теперь власть имущие начинают чинить им обиды» (Liv. II. 21) [1, с. 80].

Главным орудием плебеев в борьбе с патрициями стала сецессия (от лат. *secessio* – уход, удаление) плебеев, отказавшихся воевать за Рим в 494 г. до н.э. когда началась война с латинскими общинами, и удалившихся на Священную гору. Учитывая, что уже к началу V в. до н.э. плебеи составляли основную часть римского войска, требования восставших, опиравшихся на большинство, состоящих на военной службе, были услышаны. Патриции вынуждены были пойти на уступки.

В результате сецессии плебеи одержали победу, добившись ликвидации долговых обязательств с последующим освобождением всех кабальных должников. Но не менее важным завоеванием плебеев стало учреждение в 494 г. до н.э. трибуната в лице двух выборных представителей (*tribuni plebis*) от плебеев для защиты своих интересов. В последующем число избиравшихся трибунов возросло до пяти, а в 457 году до

н.э. было увеличено до десяти.

Народные трибуны получили право налагать вето на решения магистратов, созывать плебеев на собрания и защищать плебеев от несправедливости. Трибун мог не только воспрепятствовать конкретному решению магистрата, но и дальнейшему отправлению его полномочий. В своей работе «История Рима» Теодор Момзен отмечал, что по своей власти народные трибуны стояли наравне с консулами [2, с. 226].

Получив негативные по своему характеру полномочия, суть которых состояла именно в противостоянии возможным злоупотреблениям власти магистрата, трибун не вошел в саму систему римской магистратуры, заняв обособленное положение. Рассуждая о характере власти трибуна Плутарх писал: «Быть может, это вообще не должность? Действительно, у трибунов нет ликторов, они не произносят суд с курульного кресла, не вступают в должность в начале года, как все другие, и не слагают с себя обязанностей; когда избирается диктатор, хотя власть всех магистратов передается диктатору, трибуны по-прежнему остаются, так что они, видимо, не обычные магистраты, и звание их совсем другого рода <...> Точно также, думают они, и трибуны служат препятствием должностным лицам, и это не должность, а как раз нечто ей противоположное: власть и сила трибунов в том, чтобы препятствовать злоупотреблениям властью и силой магистратов» [3, с. 318]. Сосредоточение столь значимых прерогатив в руках трибуна могло сделать его самого угрозой демократии. Однако трибунов было десять, и каждый из них мог обратить свою власть против другого, тем самым нейтрализуя его действия. следуя общему юридическому принципу, что между двумя равноправными лицами запрещающему принадлежит первенство над повелевающим.

В свою очередь сами трибуны были защищены священным законом (*lex sacrata*), объявлявшим их неприкосновенным лицом, а любой посягающий на них или препятствующий их действиям считался вне закона и мог быть предан смерти. Исполнение решений трибуна в этот период в большей степени обеспечивалось поддержкой плебса, активно прибегавшего к насилию и самосуду в отношении патрицианской верхушки в случае неподчинения требованиям своих полномочных представителей или нарушения священных прав трибуна.

Положение трибунов было упрочено в 449 г. до н.э. с принятием законов *Valeriae Horatiae*, направленных на разрешение очередного конфликта между патрициями и плебеями. Власть трибунов, изначально основанная не на законе (*legitima*), а на религиозном освящении, получила признание как власть полномочного магистрата с правом неприкосновенности. И самое важное – решения плебейских собраний (*plebiscita*) получали силу закона (*leges*), обязательного и для патрициев. Принимая во внимание право трибунов созывать собрания плебса и вносить свои предложения правомочия трибунов существенно возросли. В руки трибунов перешла законодательная инициатива, которая в купе с правом вето поставила законодательный процесс под контроль трибуна, служившего интересам народа. Так, в 367 г. до н.э. по предложению трибунов Секстия и Лициния был принят ряд законов, в том числе закон, ограничивший размер землевладения патрициев и закон, устанавливающий обязательность выбора одного из консулов из числа плебеев. В 326 г. до н.э. по инициативе трибуна Петелия был принят закон, отменивший долговую кабалу для римских граждан. Отныне искивые притязания кредиторов могли быть обращены только на имущество должника, но не на его личность. Таким образом, *leges tribuniciae* отразили важнейшие завоевания плебеев в политической борьбе.

Одним из древнейших прав трибунов было право помощи (*ius auxilii*), и эта помощь должна была быть доступной. Это накладывало на трибуна обязательство постоянно находиться в городе. Двери их дома должны были быть открыты круглосуточно для всех для всех, искавших их защиты. Согласно свидетельствам Цицерона, Саллюстия и Ливия плебейские трибуны в IV в. до н.э. успешно справлялись с функцией защиты должников, препятствуя их осуждению. В различных древнеримских источниках приводятся примеры того, что римский обычай позволял обращаться за защитой к народному трибуну и рабу, если ему грозила казнь. Тому пример случай, описанный Сенекой Старшим. Раб, отказавшийся исполнять распоряжение своего больного господина дать ему яд и тем самым избавить от мучений, опасаясь расправы со стороны господина, грозившего ему распятием, обратился за защитой к народному трибуну. Предвидя отказ трибуна защищать его как раба, он апеллировал к тому, что власть трибуна поставлена римским народом самим над собой.

Столь смелое обращение к трибуну не было уникальным с своим роде и вероятно имело под собой в качестве основания значительно более древнюю практику обращения рабов за защитой в случае необоснованно жестокого обращения с ними их господами. По древним религиозным представлениям, еще жившим при республике, напрасное пролитие крови раба считалось нечестивым актом. Рабы традиционно посвящались своими господами, а позднее и городскими магистратами, для служения богам, а также назначались членами религиозных товариществ, к которым принадлежали. Принимая во внимание традиционную роль, которую рабы играли в отправлении культа римских богов вполне объяснимой становится сложившаяся в известной мере практика обращения рабов к «защите богов».

В своей монографии «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» известная советская ученая Е.М. Штаерман в подтверждении тезиса о том, что трибуны могли достаточно решительно и авторитарно вмешиваться в вопросы, касающиеся защиты раба и действовать, приводит в качестве иллюстрации эпизод, связанный с событиями предвыборной борьбы за должности магистратов в Риме между римскими гражданами Милоном, выставившим свою кандидатуру в консулы и Клодием, метившим в преторы. В конце 52 г., между ними и отрядами их рабов произошло столкновение, завершившееся убийством Колодия. Когда замешанный в деле об убийстве Клодия раб Галата, принадлежащий его политическому оппоненту Милону, был пойман и доставлен для разбирательства в дом триумвира по уголовным делам, по решению трибуна его освободили и возвратили Милону [4, с. 169].

Вероятно, причиной вмешательства трибуна в дело раба в данном конкретном случае было намерение защитить интересы его господина, принимая во внимание стремление самого Милона оправдаться случайной толпой и избавить его тем самым от суда. Тем более, что «согрешить ради господина для раба – добродетель» гласила римская пословица. Но вне контекста оценки истинных мотивов трибуна этот эпизод подтверждает, что он обладал уже достаточно широкими полномочиями.

В период кризиса республики и нарастания социальных противоречий в римском обществе II-I вв. до н.э. народный трибунал находился в эпицентре событий. С именами народных трибунов Тиберия Гракха (162–133 до н.э.) и его младшего брата Гая Гракха (153–121 гг. до н.э.) связан важнейший этап в борьбе за демократические права и аграрные реформы. При Гаем Гракхе роль сената существенно ослабла, в то время как власть народного трибуна была значительно расширена. Гай Гракх отнесил не только вносил законопроекты в народном собрании, но и активно выступал в сенате, был членом аграрной комиссии, руководил важнейшими общественными постройками: «Народ восхищался, – и писал Плутарх, – видя его, окруженного толпой подрядчиков, ремесленников, послов, магистратов, воинов и ученых, когда он приветливо разговаривал с каждым, при всей своей обходительности никогда не теряя собственного достоинства» [5, с. 119]. Должность народного трибуна превратилась при Гаем в важнейшую государственную магистратуру Римской республики.

В период установления диктатуры Суллы полномочия народного трибуна утратили большую часть своих prerogatives, включая исконное право созывать народные собрания и право самостоятельной законодательной инициативы. Однако уже в период консулата Красса и Помпея Великого права трибунов были восстановлены в полном объеме.

Трибунал продолжил существовать в период империи. Но в отличие от Суллы, пытавшегося отстранить трибуна от активной политической борьбы, новые правители эпохи принципата поставили власть трибуна себе на службу. Так, Октавиан Август совместил в своих руках титул принцепса и должность трибуна. Власть трибуна растворилась во власти императора и утратила свое прежнее значение, став по выражению Плиния, «пустой тенью и названием без почёта», также как вскоре исчезли и народные собрания, с деятельностью которых неразрывно была связана роль трибунов в политической системе Рима.

Список литературы:

1. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. М.: Изд-во «Наука», 1989. 576 с.
2. Моммзен Т. История Рима. СПб.: «НАУКА», «ЮВЕНТА», 1997. 197 с.
3. Плутарх. Моралии: Сочинения. М.: ЗЛО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1999. 1120 с.
4. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1964. 263 с.
5. История Древнего Рима: Учеб. для вузов по спец. «История» / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк., 2002. 383 с.

References:

1. Titus Livy. The history of Rome from the founding of the city. Volume I. M.: Nauka Publishing House, 1989. 576 p.
2. Mommsen T. The History of Rome. St. Petersburg: NAUKA, JUVENTUS, 1997. 197 p.
3. Plutarch. Morals: Essays. M.: EVIL Publishing house EKSMO-Press, Kharkov: Folio Publishing House, 1999. 1120 p.
4. Shtaerman E.M. The heyday of slave-owning relations in the Roman Republic. Moscow: Nauka, 1964. 263 p.
5. The history of Ancient Rome: Textbook for universities on spec. "History" / Edited by V.I. Kuzishchin. Moscow: Higher School, 2002. 383 p.

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ DESTRUCTIVE INFLUENCE OF EXTREMIST ACTIVITIES ON CULTURAL HERITAGE OBJECTS: CHALLENGES AND WAYS OF COUNTERACTION

АЛИКБЕРОВ Кирилл Динарович,

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, аспирант центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34.

E-mail: alikberov_kd@mail.ru;

ALIKBEROV Kirill Dinarovich,

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, postgraduate student at the Center for Criminal and Criminal Procedure Law.

117218, Moscow, Bolshaya Cheremushkinskaya St., Bldg. 34.

E-mail: alikberov_kd@mail.ru

Краткая аннотация: автором рассмотрены некоторые аспекты экстремистской деятельности, создающей угрозу сохранению объектов культурного наследия. Центральное внимание уделяется анализу экстремистской деятельности, исследуется вопрос, связанный с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия на почве ненависти к русской истории и культуре. Перечисляются проявления экстремизма в отношении объектов культурного наследия. Сформулирован оптимальный метод правового регулирования по недопущению и своевременному реагированию правоохранительных органов на проявление экстремистской деятельности, результатом которой выступает уничтожение или повреждение объектов культурного наследия народов России. Предлагается поправка в отечественное законодательство с целью совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия уничтожению, а равно, повреждению объектов культурного наследия в процессе осуществления экстремистской деятельности.

Abstract: the author examines several aspects of extremist activity that pose a threat to the preservation of cultural heritage sites. The focus is on analyzing extremist activity and examining the destruction or damage of cultural heritage sites motivated by hatred toward Russian history and culture. Manifestations of extremism against cultural heritage sites are listed. An optimal legal regulation method is formulated to prevent and promptly respond to extremist activity by law enforcement agencies resulting in the destruction or damage of cultural heritage sites of the peoples of Russia. An amendment to domestic legislation is proposed to improve criminal law mechanisms to combat the destruction of, and damage to, cultural heritage sites during extremist activity.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, охрана культурного наследия, уголовное право, уголовно-правовое регулирование, противодействие экстремизму, сравнительное правоведение.

Key words: extremist activity, protection of cultural heritage, criminal law, criminal law regulation, counteracting extremism, comparative law.

Для цитирования: Аликберов К.Д. Деструктивное влияние экстремистской деятельности на объекты культурного наследия: вызовы и пути противодействия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_378.

For citation: Alikberov K.D. Destructive influence of extremist activities on cultural heritage objects: challenges and ways of counteraction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 378-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_378.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Экстремистская деятельность представляет собой конкретные действия, предпринимаемые отдельными лицами или группами, в том числе целыми организациями, которые пропагандируют или придерживаются определенных крайних убеждений, отличающихся от принятых в обществе. Как правило, такое поведение считается выходящим за рамки общепринятых или приемлемых норм общества, часто включающих насилие, ненависть, открытую вражду, нетерпимость или шовинизм. Такая деятельность может выражаться как не насильственным характером, в виде пропаганды, формирующей общественное мнение, так и обладать насильственным характером вплоть до подрывной деятельности с причинением значимого вреда жизни, здоровью и имуществу [1].

В процессе осуществления экстремистской деятельности с целью устрашения могут уничтожаться и/или повреждаться, в том числе общественно опасным способом, памятники истории и культуры, а также иные объекты, олицетворяющие связь с политической, исторической, культурной или иной преемственностью государства, общества или отдельно взятой личности.

В Конституции Российской Федерации закреплены основные права и свободы человека и гражданина. Основным законом нашего государства охраняются: свобода слова, выражение мнений, создание объединений и прочее. При этом запрещается создавать и организовывать общественные объединения, которые направлены на насильственное изменение фундаментальных основ конституционного строя и нарушение целостности российского государства, в том числе подрыв безопасности, создание вооруженных формирований, а также разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни [2].

Согласно разделу II Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 к основным источникам возникновения экстремизма относятся: противоправные посягательства на культурно-историческое наследие

¹ Шетогобов П.А. К вопросу о понятии экстремистской деятельности // Вестник СГЮА. 2024. № 2 (157). С. 162-167.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

Российской Федерации, пересмотр взглядов на роль и место России в ней, фальсификация мировой истории. В связи с необходимостью пресечения экстремистской деятельности и защиты культурного наследия от преступных посягательств в указанной Стратегии 2024 г. разработаны цели, задачи, а также направления государственной политики. Согласно подпункту 7 пункта 36 раздела III Стратегии 2024 г. государственная политика России способствует формированию в обществе атмосферы уважения к российским и мировым культурным ценностям, сохранению исторического наследия и национальной самобытности, дальнейшему развитию традиций взаимодействия народов России. В указанном нормативном правовом акте отражены ожидаемые результаты. В соответствии с подпунктом 19 пункта 62 Стратегии 2024 г. должно оставаться в неизменном виде историческое наследие и национальная самобытность, а также поддерживаться дальнейшее развитие традиций и сплочённость народов России [1].

В Стратегии противодействия экстремизму 2024 г. уделено особое внимание сохранению культурного наследия народов России, так как объекты культурного наследия – это не только предметы материального мира, связанные с историей и культурой государства, имеющие стоимостную оценку, но и уязвимый, по своей сути, уникальный ресурс, который нужно беречь и защищать от преступных посягательств.

Зайцев О.А. и Шагапсов З.Л. отмечают, что для эффективной борьбы с идеологией экстремизма принципиальное значение приобретает учет современных вызовов и угроз стабильному развитию российского государства. Абсолютно все процессы, происходящие как внутри страны, так и на международной арене способны в том или иной промежуток времени существенно повлиять на процесс укоренения в сознании российского населения экстремистских идей и взглядов [2]. С указанным выводом можно только согласиться, а также дополнить тем, что в сегодняшних реалиях 2026 года нужен грамотный и полностью продуманный подход, состоящий из активной роли государства и общества во всех сферах жизнедеятельности (экономической, социальной, политической и духовной). Для формирования у подрастающего поколения верных и глубоко осмысленных взглядов на российские ценности и ориентиры государству и обществу необходимо уделять большее внимание сфере образования. Следует укреплять правовое государство путём повышения уровня законности и прозрачности в деятельности органов власти. Повышать реальную социальную справедливость на всей территории государства. Постоянно укреплять межэтнические отношения среди групп, живущих на территории России, а также за её пределами в мире.

Стоит отметить, что помимо усиления профилактических мер в отношении причин и условий возникновения экстремизма следует уделить отдельное внимание эффективным правореализационным механизмам в борьбе с уже проявившимися формами экстремистской деятельности.

В странах Содружества Независимых Государств (СНГ), с учётом международных особенностей, Семькиной О.И. предлагается комплексный подход в совместной разработке законодательства, направленного на повышение уровня координации в борьбе с радикализмом и экстремистской деятельностью. Обращается внимание на необходимость подготовки максимально возможной типологии преступлений в указанной сфере. Автором обосновывается реальная необходимость в совместной работе стран СНГ в сфере противодействия новым вызовам и угрозам со стороны радикальных движений [3]. С указанными выводами можно только согласиться, так как перечисление возможных угроз экстремистской направленности необходимо для формирования единого правоприменительного подхода разными странами в борьбе с одной и той же угрозой. Активное сотрудничество различных стран способствует сокращению международной преступности и укреплению дипломатических отношений.

С момента выхода Прибалтийских республик из состава СССР и признания их независимости эти страны встали на путь «памятника-пада» [4]. В процессе прибалтийской «декоммунизации» демонтировано более 120 памятников и историко-культурных объектов, связанных с историей русского народа. Современникам обиднее всего за снос монументального объекта «Памятник Победы» в Риге, посвящённого воинам-освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков. 20 сентября 2024 году на 57-й сессии Совета ООН по правам человека (СПЧ), проходившей в Женеве, российской делегацией было заявлено о запредельном уровне дискриминации русских в странах Прибалтики. Русскоязычное население дискриминируют путём ограничения русского языка в образовательных учреждениях, средствах массовой информации, периодических печатных изданиях, а также при общении в обществе. Сторонники декоммунизации насильственным образом переписывают историю своего государства, своего прошлого. Указанные действия продолжаются длительный период времени и приводят к конфликтным ситуациям, особенно в периоды празднования памятных дат, связанных с подвигами русских солдат в годы Великой Отечественной войны. В таких действиях прослеживается нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина языковой принадлежности.

Согласно сведениям из открытых источников сети Интернет, Артем Демидов глава Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и исполняющий обязанности заместителя председателя правительства Курской области сообщил, что 6 августа 2024 г., был повреждён Свято-Николаевский Белогорский монастырь. 14 марта 2024 г. нанесён ракетный удар по памятнику архитектуры XIX века - Суджанскому краеведческому музею. 13 ноября 2024 г. на территории Курской области был сильно повреждён объект культурного наследия «Церковь Дмитриевская», включённый в региональный перечень культурного наследия Курской области. Как сообщается Министром по охране объектов культурного наследия Курской области порядка 18 историко-культурных объектов получили повреждения различной степени. Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Курской области возбуждено ряд уголовных дел. 13 мая 2025 г. Президент Вла-

¹ Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123456/ (дата обращения: 03.12.2025).

² Зайцев О.А., Шагапсов З.Л. Противодействие экстремизму как приоритетное направление уголовной политики российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 72-77.

³ Семькина О.И. Уголовно-правовые меры противодействия радикализму в государствах - участниках СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19 № 5. С. 32-44.

⁴ Мегем М.Е., Филев М.В., Давиденко А.А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 4 (33). С. 26-36.

димир Путин поручил зафиксировать все повреждения объектов культурного наследия после атак Вооружённых сил Украины [1]. 1 сентября 2025 г. была создана «Белая книга», включающая порядка 80 объектов культурного наследия, повреждённых преступными посягательствами.

Эти события и многие другие, известные за последнее время, наглядно показывают нам необходимость в фиксировании и огласке, вплоть до уровня мировой арены, противоправных действий злоумышленников. Казалось бы, указанные военные действия не связаны с экстремизмом, однако с этим нельзя согласиться, так как в качестве движущей силы преступников выступает не формальный состав вандализма или хулиганства, а внутренняя агрессия, ненависть ко всему русскому: народу, языку, культуре, истории, происхождению и отношению к религии. Чётко в таких злодеяниях прослеживается возбуждение национальной, расовой, а также религиозной розни. Имеет место воспрепятствование законной деятельности общественных и религиозных организаций на территории российского государства, попытки переписать историю и оправдать фактический терроризм.

Россия – это многовековая многонациональная держава с богатыми традициями, историей и культурой. Культурное наследие и память о подвигах в нашей стране передаются из поколения в поколение, с обязанностью проявлять должную заботу по сохранению исторического и культурного наследия. Поэтому конституционный долг каждого гражданина Российской Федерации заботиться о ценностях нашего народа, невзирая на их воплощение и проявление в материальном мире. При этом государство обязано создавать все необходимые условия для поддержания соответствующего правового регулирования и снижения угроз сохранению культурного наследия народов России.

В качестве примера противоположной правовой семьи, со своей уникальной правовой системой и подходом к противодействию экстремистской деятельности, допустимо привести Соединенные Штаты Америки. Внутренняя политика США сформирована противостоять экстремистской деятельности и обеспечивать соответствующий уровень охраны культурного наследия США. Культурное наследие США представляет собой насыщенную совокупность достопримечательностей, культурных и исторических мест, архитектурных сооружений, памятников истории, начиная с коренных народов до иммигрантов. Отдельно стоит выделить из всего многообразия объекты ЮНЕСКО [2].

6 января 2021 года крайне настроенные лица из праворадикальных организаций «Гордые парни» (неофашистская мужская организация, пропагандирующая политическое насилие) и «Хранители клятвы» (крайне правая американская ополченческая группировка из бывших и действующих силовиков) совершили противоправные действия. Сторонники этих объединений ворвались в здание американского Капитолия и причинили значительный ущерб интерьеру Капитолия. Сумма причинённого вреда составила более двух с половиной миллионов долларов США [3].

Первая поправка конституции США фактически защищает высказывание экстремистских взглядов [4]. Преступлениями считаются исключительно конкретные действия, подпадающие под соответствующие определения в уголовном законодательстве. При этом уникальным является то, что термин «экстремизм» не является широко распространённым в юридической практике. В англо-американской правовой системе большую роль играет судебный прецедент, именно по этой причине нет отдельного нормативного правового акта, регулирующего размер наказания, тяжести содеянного и последствий. Подобные преступления в некоторых штатах, особенно в южных, зачастую сопровождаются порчей объектов культурного наследия и квалифицируются как «преступления на почве ненависти» или «хулиганство».

Существующий на данный момент времени недостаток в области противодействия экстремистской деятельности можно объяснить отсутствием достаточного финансирования, слабой сплочённостью силовых структур федерального и местного уровня, а также плохим тактико-стратегическим планированием со стороны руководящего состава. В качестве результата с такими уязвимостями выступает реальная угроза интенсивного и экстенсивного развития насильственного экстремизма. Происходит утрата, порча особо охраняемых объектов, имеющих нематериальную ценность для страны и истории. Очевидно, что следует действовать слаженно, располагать большим запасом ресурсов, иметь централизованное руководство и максимально эффективную координацию силовых структур всех уровней. Тем не менее, устранив все проблемные аспекты, оказывающие негативное влияние, добиться максимальной эффективности по противодействию экстремистской деятельности не получится. В эпоху стремительного технологического прогресса важным остаётся борьба с проявлением экстремистской деятельности в сети Интернет. Требуется продуманная концепция и отлаженный механизм поиска и пресечения распространения экстремистских идей по всему интернету. Следует пересмотреть меры уголовно-правового воздействия в отношении злоумышленников, по вине которых произошло причинение вреда или уничтожение объектов культурного наследия США. Ввиду множества противостоящих политических и социальных сил в обществе, а также большой численности штатов и объединений, активно борющихся за свою свободу, ужесточить уголовное законодательство и сформировать судебный прецедент всех 50 штатов крайне затруднительно.

Усматривается необходимость в расширении критериев, связанных с экстремистской деятельностью на территории Российской Федерации. Следует начать переносить научные разработки теоретиков в конкретный раздел нормативного правового акта, а в США пересмотреть сложившуюся судебную практику и поменять отношение в обществе к насильственному экстремизму. Исторически сложилось, что Россия и США – могущественные мировые державы, со специфическими российско-американскими отношениями. Сравнивая отдельные внутринациональные вопросы безопасности и сохранения культурного наследия, не стоит учитывать политическую напряжённость между странами, так как уделяется

¹ Егорьева В.А. Путин поручил зафиксировать повреждения культурных объектов после атак ВСУ // Российская газета. Власть. 2025. 13 мая. (144). URL: <https://rg.ru/2025/05/13/putin-poruchil-zafiksirovat-povrezhdeniia-kulturnyh-obektov-posle-atak-vsui.html> (дата обращения: 17.12.2025).

² Цветнов В.А. Система охраны историко-культурного наследия в США управленческий и экономический аспекты // Вестник КазГУКИ. 2017. № 1. С. 37-42.

³ Когалов Ю.А. Ущерб Капитолия от штурма 6 января оценили в 1,5 млн долларов [Электронный ресурс]: // URL: <https://rg.ru/2021/06/04/ushcherb-kapitolia-ot-shturma-6-janvaria-ocenili-v-15-mln-dollarov.html> (дата обращения: 30.11.2025).

⁴ Билль о правах // Бэррес Р.Т. Документы Американской Революции. Декларация независимости. Конституция Соединенных Штатов. Билль о правах: Перевод с английского / Пер.: Бжилянская И.А., Рыбин П.В. - М., Тверь: Альба, Рос. экон. журн., 2014. С. 81-84.

разбор именно индивидуальному противодействию экстремистской деятельности и насильственному экстремизму в результате которых нарушается охрана объектов культурного наследия. Сопернический ритм на мировой арене должен уйти на второй план, когда имеет место подрыв внутренней целостности отдельно взятого государства. Вопрос внутренней безопасности и сохранение культурного наследия должны сплотить страны посредством обмена опытом и совместной борьбы в сети Интернет.

Анализ экстремистской деятельности, результатом которой выступает уничтожение и/или повреждение объектов культурного наследия на почве ненависти, показал острую необходимость в эффективном механизме уголовно-правового характера. Целью совершенствования законодательства выступает снижение угроз и своевременное устранение очагов проявления крайней степени нетерпимости, переходящей в насилие и уничтожение (повреждение) особо значимых и охраняемых странами объектов. Сопоставив некоторые особенности противодействия экстремистской деятельности и насильственному экстремизму нам удалось проследить общую заинтересованность государств в решении внутренних проблем. В исследовании удалось выявить общую слабую сторону, связанную с интернет-пространством. При этом имеются перспективы для сотрудничества столь разных стран в борьбе с преступностью.

Сегодня научному сообществу недостаточно выявлять только проблемы в правовом регулировании. Необходимо предлагать на всеобщее обсуждение конкретные идеи по совершенствованию действующего российского законодательства. В качестве одного из подобных предложений, связанного с сокращением угроз экстремистского характера и последствий в виде повреждения, а равно, уничтожения объектов культурного наследия, предлагается установить соответствующую квалификацию преступного деяния. Дополнить статью 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» следующим: «1) экстремистская деятельность (экстремизм): совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении объектов культурного наследия народов России»; раскрыть в той же статье понятие субъекта экстремистской деятельности (кто такие, с точки зрения действующего закона, экстремисты).

Указанные новеллы положительным образом скажутся на противодействии экстремистской деятельности и уголовно-правовой охране культурного наследия народов России, пострадавших в результате ненависти и вражды тех лиц, которые не согласны и хотят уничтожить, искоренить и стереть российскую многовековую историю и культуру.

Список литературы:

1. Володина Н.В. Особенности современного «Американского» экстремизма // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 219-227.
2. Зайцев О.А., Шхагалсоев З.Л. Противодействие экстремизму как приоритетное направление уголовной политики российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 72-77.
3. Мегем М.Е., Филев М.В., Давиденко А.А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 4 (33). С. 26-36.
4. Тенгизова Ж.А. Причины и условия распространения экстремизма в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 43-44.
5. Семькина О.И. Уголовно-правовые меры противодействия радикализму в государствах - участниках СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19 № 5. С. 32-44.
6. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора юрид. наук: специальность 12.00.08 [Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. – Москва, 2011. – 37 с.
7. Цветнов В.А. Система охраны историко-культурного наследия в США управленческий и экономический аспекты // Вестник КазГУКИ. 2017. № 1. С. 37-42.
8. Шетогубов П.А. К вопросу о понятии экстремистской деятельности // Вестник СГЮА. 2024. № 2 (157). С. 162-167.
9. Jerome P. Bjelopera. The Federal Bureau of Investigation and Terrorism Investigations // Congressional research service. 2013. № 7. С. 5-13.

References:

1. Volodina N.V. Features of Modern "American" Extremism // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2013. No. 2. Pp. 219-227.
2. Zaitsev O. A., Shkhagapsoev Z. L. Counteracting Extremism as a Priority Direction of the Criminal Policy of the Russian State // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. pp. 72-77.
3. Megem M. E., Filev M. V., Davidenko A. A. Demolish, Recode, Integrate, and Marginalize: Key Strategies of the Baltic States in Relation to Soviet Monuments // Science. Society. Defense. 2022. No. 4 (33). pp. 26-36.
4. Tengizova J.A. Causes and conditions for the spread of extremism among young people // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. Pp. 43-44.
5. Semykina O.I. Criminal-legal measures to counter radicalism in the CIS member states // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19, No. 5. Pp. 32-44.
6. Fridinsky S.N. Counteracting extremist activity (extremism) in Russia: (socio-legal and criminological research): author's abstract. dis. for the candidate's degree of Doctor of Law: specialty 12.00.08 [Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin]. – Moscow, 2011. – 37 p.
7. Tsvetnov V.A. The system of protection of historical and cultural heritage in the USA: managerial and economic aspects // Bulletin of KazGUki. 2017. No. 1. P. 37-42.
8. Shetogubov P.A. On the issue On the concept of extremist activity // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. No. 2 (157). P. 162-167.
9. Jerome P. Bjelopera. The Federal Bureau of Investigation and Terrorism Investigations // Congressional research service. 2013. No. 7. P. 5-13.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_382

УДК 339.186

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

MECHANISMS OF LEGAL STIMULATION OF THE PARTICIPATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN PUBLIC PROCUREMENT: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND PROSPECTS FOR REFORM

ФОМИН Илья Алексеевич,

студент Института частного права

МГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 9 стр. 1.

E-mail: ifomin073@gmail.com;

FOMIN Ilya Alekseevich,

student of the Institute of Private Law Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA).

440026, Russia, Moscow, Sadovo-Kudrinskaya str., 9, building 1.

E-mail: ifomin073@gmail.com

Краткая аннотация. Целью исследования является анализ нормативно-правовой базы для совершенствования механизмов вовлечения субъектов малого и среднего предпринимательства в систему государственных закупок. В статье анализируются административные, финансовые и институциональные барьеры на пути осуществления государственных закупок субъектами малого и среднего предпринимательства. Автором делается вывод о том, что комплексная реализация указанных в статье мер позволит не только устранить существующие барьеры, но и превратить систему государственных закупок в эффективный канал взаимодействия государства и бизнеса.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the regulatory framework for improving the mechanisms for involving small and medium-sized enterprises in the public procurement system. The article analyzes the administrative, financial, and institutional barriers that hinder the participation of small and medium-sized enterprises in public procurement. The author concludes that the comprehensive implementation of the measures outlined in the article will not only eliminate existing barriers, but also transform the public procurement system into an effective channel for cooperation between the government and businesses.

Ключевые слова: государственные закупки, малый и средний бизнес, контрактная система, электронные площадки, финансовая поддержка.

Key words: public procurement, small and medium-sized businesses, the contract system, electronic platforms, and financial support.

29.11

Для цитирования: Фомин И.А. Механизмы правового стимулирования участия субъектов малого и среднего предпринимательства в государственных закупках: проблемы реализации и перспективы реформирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 382-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_382.

For citation: Fomin I.A. Mechanisms of legal stimulation of the participation of small and medium-sized enterprises in public procurement: problems of implementation and prospects for reform // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 382-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_382.

Статья поступила в редакцию: 29.11.2025

Государственные закупки в современной России представляют собой один из ключевых инструментов реализации государственной экономической и социальной политики. Через систему государственных закупок происходит не только обеспечение государственных и муниципальных нужд, но и формирование значительной части совокупного спроса в экономике. По данным Министерства финансов Российской Федерации, объем государственных и корпоративных закупок достигает порядка тридцати процентов совокупных бюджетных расходов, что свидетельствует о масштабном влиянии данной сферы на национальную экономику и структуру внутреннего рынка [1].

Государственные закупки, регулируемые федеральными законами № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] и № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [3], выполняют не только фискальную функцию, но и служат инструментом развития конкурентной среды, поддержки отечественных производителей и стимулирования предпринимательской активности.

Особое значение в этой системе занимает малый и средний бизнес (далее - МСП), который является фундаментом рыночной экономики и обеспечивает значительную долю занятости, гибкость рынков и инновационное развитие. Вовлечение субъектов МСП в систему государственных закупок рассматривается как стратегическая мера, направленная на формирование устойчивой конкурентной среды, расширение поставщиков и развитие региональных экономик. Как отмечает К. А. Туманянц, «особый порядок доступа малого бизнеса к государственным и муниципальным закупкам выступает инструментом стимулирования малого предпринимательства и фактором роста его институциональной устойчивости» [4, с. 2107].

Таким образом, государственные закупки выполняют функцию своеобразного катализатора предпринимательской активности, создавая для малого бизнеса дополнительные каналы реализации продукции и услуг, а также обеспечивая стабильность заказов и платежей. Следовательно, механизм закупок выступает в качестве важнейшего рычага правового стимулирования, создающего предпосылки для развития предпринимательской активности.

Однако, несмотря на очевидную социально-экономическую значимость участия МСП в закупках, реальная практика показывает нали-

чие серьезных препятствий, ограничивающих их полноценное включение в контрактную систему. Как справедливо замечает М. Г. Умнова не смотря на многочисленные реформы и совершенствование законодательства, «система государственных закупок остаётся недостаточно открытой для субъектов малого и среднего предпринимательства» [5]. Доля закупок у субъектов МСП по итогам последних лет стабильно удерживается в пределах двадцати — двадцати пяти процентов, что формально соответствует установленным законом квотам, но фактически отражает лишь количественный аспект участия, не обеспечивая равноправного доступа к крупным контрактам и долгосрочным государственным проектам.

В этой связи существенное значение приобретает судебная практика, в которой раскрываются реальные механизмы реализации правовых норм и проблемы толкования законодательства о закупках. Так, в Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 28 июня 2017 года разъяснено, что обеспечение равного доступа участников и предотвращение злоупотреблений заказчиков являются ключевыми принципами контрактной системы. Верховный Суд подчеркнул, что нарушение этих принципов, в том числе через формальное соблюдение процедур при фактическом ограничении конкуренции, противоречит целям законодательства о закупках.

По мнению автора, причины подобного положения во многом кроются в существующих административных, финансовых и институциональных барьерах. Прежде всего, к числу существенных препятствий относятся сложность процедур участия, высокие требования к документальному сопровождению и опытной квалификации поставщиков. Высокая сложность процедур и их постоянные изменения создают эффект входного порога, преодолеть который могут лишь компании, обладающие собственным юридическим и бухгалтерским сопровождением. Малые предприятия зачастую не располагают ресурсами для подготовки конкурсной документации, получения электронной подписи, обеспечения заявок и контрактов, что снижает их конкурентоспособность по сравнению с крупными участниками.

Отдельной проблемой судебная практика признает явление искусственного дробления закупок. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А32-30063/2024 от 28 марта 2025 года [6] подтвердило, что разделение единого объекта закупки на несколько мелких контрактов с целью обхода конкурентных процедур нарушает принципы равного доступа участников и прямо противоречит требованиям №44-ФЗ. Аналогичная позиция отражена в деле № А12-21672/2024, где суд указал, что дробление закупок создает преимущество для отдельных поставщиков, лишая других субъектов возможности участия. Вместе с тем в деле № А12-10122/2024 суд пришел к выводу, что факт разделения закупок сам по себе не образует нарушения, если отсутствует единая хозяйственная цель.

Таким образом, судебная практика вырабатывает гибкий подход, ориентированный на фактические обстоятельства дела. Кроме того, нестабильность нормативной базы и частая корректировка процедур формируют у предпринимателей ощущение неопределённости, что дополнительно снижает мотивацию к участию. Важным фактором остаются и финансовые ограничения. Даже при наличии формальных льгот, участие в закупках требует значительных издержек, связанных с обеспечением заявок и исполнением контрактов. По данным исследования А. А. Хисамудинова, около шестидесяти процентов представителей малого и среднего бизнеса считают именно финансовое обеспечение ключевой причиной отказа от участия в тендерах [7, с. 1184]. Механизмы банковских гарантий, залогов и аккредитации остаются сложными и затратными, особенно для начинающих предпринимателей, не имеющих кредитной истории или залогового обеспечения.

Немаловажную роль играет и информационная асимметрия. Несмотря на развитие Единой информационной системы (ЕИС) и внедрение электронных площадок, многие представители малого бизнеса, особенно в регионах, сталкиваются с недостатком информации о предстоящих закупках, сроках подачи заявок и условиях участия. В. Р. Байрашев подчёркивает, что «некоторые электронные площадки активно навязывают услуги своих платных систем электронного документооборота или требуют наличия электронных подписей, выданных определенным удостоверяющим центром (либо наличия специальных платных расширений к ним)» [8, с. 82-87]. Таким образом, даже при наличии открытых электронных платформ субъекты МСП испытывают определенные трудности в толковании правовых норм и в определении собственной правоспособности для участия в закупках. В результате формируется замкнутый круг: потенциальные поставщики не обладают информацией о доступных возможностях, а заказчики не получают достаточного числа конкурентных предложений.

Контрактная система, построенная на принципах максимальной прозрачности и защиты бюджетных средств, часто оказывается чрезмерно зарегулированной и бюрократизированной. Это приводит к тому, что многие правовые механизмы, изначально направленные на обеспечение честности и эффективности закупок, на практике становятся дополнительными барьерами для МСП. Следует согласиться с мнением О. А. Фроловой в том, что «процесс проведения закупок обуславливается высокой частотой возникновения рисков, их множеством и необратимыми последствиями» [9]. Эта проблема отражена и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 года № 2 [10], где подчеркивается необходимость пресечения злоупотреблений заказчиков и формального подхода к проведению закупок, что должно обеспечивать реальное равенство участников.

Нормативно-правовое регулирование участия субъектов МСП в государственных закупках строится на сочетании двух ключевых законодательных актов — Федерального закона № 44-ФЗ и Федерального закона № 223-ФЗ. Оба закона предусматривают специальные меры поддержки малых и средних предприятий, включая установление квот на участие, упрощённые процедуры подачи заявок и льготные условия обеспечения контрактов. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 1352 [11], заказчики обязаны обеспечивать закупки у субъектов МСП в объёме не менее двадцати пяти процентов совокупного годового объёма. Однако формальное соблюдение квот не всегда сопровождается качественным изменением практики: как отмечает К. А. Туманянц, «правовые механизмы участия малого бизнеса реализуются преимущественно через количественные показатели, тогда как качественные аспекты — прозрачность, равноправие и предсказуемость процедур — остаются недостаточно урегулированными» [12, с. 1177].

Законодательством также предусмотрены иные меры поддержки, включая возможность участия только для субъектов малого бизнеса

в отдельных закупках, установление пониженных требований к обеспечению заявок, а также сокращённые сроки оплаты контрактов. Эти механизмы направлены на стимулирование участия и снижение административной нагрузки. Тем не менее, их эффективность напрямую зависит от практики правоприменения.

При этом практика контроля и правоприменения демонстрирует, что существующие правовые стимулы можно сделать эффективнее без масштабных реформ — достаточно устранить пробелы исполнения. Согласно данным Корпорации МСП, в 2024 году более 300 государственных компаний нарушили требования по квоте закупок у МСП и по размещению отчётности, а 51 заказчик вовсе не выполнил обязательную квоту [13]. Однако положительная практика также имеется.

По данным ФАС России и Корпорации МСП, в 2025 году предпринимателям удалось получить около 600 млн. рублей просроченных оплат по госконтрактам благодаря досудебным мерам реагирования и совместной системе «Сервис 360». Даже в рамках действующего законодательства, возможно обеспечить защиту прав МСП при эффективной институциональной поддержке [14]. Современные тенденции развития закупочной системы свидетельствуют о постепенном переходе от чисто правового регулирования к формированию комплексных институциональных стимулов. Важную роль играют цифровизация процедур, развитие системы гарантий, расширение инструментов финансовой поддержки и образовательных программ. Электронные формы проведения торгов позволяют снизить транзакционные издержки, а также повысить прозрачность и доступность участия. По оценке экспертов Центра развития ГЧП, внедрение электронных площадок сократило среднюю длительность закупочного цикла на 15–20 %, что делает участие более привлекательным и технологичным.

Финансовая поддержка реализуется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», предусматривающего программы льготного кредитования, субсидирования процентных ставок и гарантийные механизмы. В 2024 году объём предоставленных гарантий по обеспечению заявок субъектов МСП превысил 75 млрд. рублей, что свидетельствует о возрастающей роли государства как финансового партнёра в закупочной сфере.

Не менее важным направлением является формирование образовательной и консультационной инфраструктуры. Создаются центры поддержки предпринимательства, проводятся обучающие семинары, разрабатываются типовые шаблоны документации и электронные помощники для участников закупок. Ряд авторов подчёркивают, что «развитие институционального регулирования в части снижения нормативных, процедурных, инструментальных ограничений с целью расширения доступа МСП на рынок государственных и корпоративных закупок, является общим трендом как для РФ, так и для зарубежных стран» [15, с. 12].

Однако, несмотря на значимость участия малого и среднего бизнеса в системе государственных закупок, действующий механизм правового регулирования и правоприменения по-прежнему характеризуется наличием многочисленных барьеров — как институциональных, так и организационно-финансовых. Наличие формальных квот и льгот не гарантирует фактического расширения участия МСП, поскольку на практике сохраняются сложности процедур, высокая административная нагрузка и недостаточная информированность потенциальных поставщиков. Всё это указывает на необходимость перехода от декларативной поддержки к созданию устойчивых условий для реального вовлечения предпринимателей в закупочную деятельность государства и внедрения практических инструментов, направленных на устранение структурных и процедурных ограничений.

Одним из ключевых направлений является упрощение процедур участия в закупках. Целесообразно внедрить единый электронный реестр типовых закупочных документов и автоматизированные шаблоны заявок, адаптированные под специфику МСП. Это позволит сократить временные и финансовые издержки на подготовку конкурсной документации, минимизировать риск ошибок и уменьшить зависимость от внешнего юридического сопровождения.

Не менее важным представляется снижение финансовой нагрузки на участников. Для этого необходимо расширить систему гарантийной поддержки: увеличить объём государственных гарантийных фондов, ввести механизм компенсации части затрат на обеспечение заявок и контрактов, а также развить инструменты микрокредитования с пониженной процентной ставкой для участия в тендерах. Эффективной мерой может стать создание специализированных «корзин доверия» в банках, где МСП, имеющие положительную историю исполнения контрактов, смогут получать банковские гарантии без дополнительного залогового обеспечения.

Следующим направлением является повышение информационной доступности. Важно обеспечить автоматическую рассылку уведомлений о закупках, соответствующих профилю деятельности предпринимателя, а также интегрировать Единую информационную систему (ЕИС) с региональными порталами поддержки бизнеса. Создание интерактивных «карточек закупок» с пошаговыми инструкциями позволит участникам без специализированных знаний понимать алгоритм подачи заявки и исполнения контракта.

Таким образом, комплексная реализация указанных мер позволит не только устранить существующие барьеры, но и превратить систему государственных закупок в эффективный канал взаимодействия государства и бизнеса. В перспективе это обеспечит формирование более устойчивой конкурентной среды, укрепление региональных экономик и повышение инвестиционной активности малого и среднего предпринимательства, что в конечном итоге будет способствовать росту национальной экономики и повышению её устойчивости.

Список литературы:

1. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год». [Электронный ресурс] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxng9mprow972c.pdf?ysc> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 08.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (часть 1). Ст. 4571.

4. Туманянц К. А., Синицына Е. Д., Интыкбаева С. Ж. Влияние государственных закупок на развитие малого предпринимательства в России // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23, № 35. – С. 2107 – 2122.
5. Умнова М. Г., Козлова П. Д. Развитие участия малых и средних предприятий в государственных закупках в России // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 3205-3221.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.03.2025 № Ф08-1403/2025 по делу № А32-30063/2024 «О признании недействительными (ничтожными) муниципальных контрактов и применении последствий их недействительности». [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=211655#9PIZ40VdMXBdbDZF> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Хисамутдинов А. А. Государственные закупки и поддержка малого и среднего бизнеса в РФ: анализ явления госзакупок на развитие МСП // Вестник академии знаний. – 2025. – № 2 (67). – С. 1183–1185.
8. Байрашев В. Р. Правовые и экономические барьеры участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках по 44-ФЗ и 223-ФЗ. // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. – 2018. – № 52 [апрель/июнь]. – С. 82-87.
9. Фролова О. А. Актуальные вопросы организации процесса закупок товаров, работ и услуг бюджетными организациями в условиях современной экономической ситуации, нацеленной на обеспечение экономической безопасности страны / О. А. Фролова, В. А. Макарычев, И. Д. Яшина // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 51. – [Электронный ресурс] URL: <https://esj.today/PDF/61FAVN123.pdf> (дата доступа 19.11.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (дата доступа 19.11.2025).
11. Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 25.05.2025) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7438.
12. Туманянц К. А., Синицына Е. Д., Фишер О. В. Количественная оценка результативности влияния государственных субсидий на развитие малого предпринимательства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 10. – № 10. – С. 1173–1187.
13. Более 300 региональных госкомпаний нарушили требования по квоте на закупки у МСП. [Электронный ресурс] URL: <https://corpmpr.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/bolee-300-regionalnykh-goskompaniy-narusili-trebovaniya-po-kvote-na-zakupki-u-msp/> (дата обращения: 10.11.2025).
14. Корпорация МСП и ФАС России с начала года помогли МСП-поставщикам получить почти 600 млн. рублей просроченной оплаты. [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/02/korporatsiya-msp-i-fas-rossii-s-nachala-goda-pomogli-msp-postavschikam-poluchit-pochti-600-mln-rublei-prosrochennoi-oplati?utm_source (дата обращения: 19.11.2025).
15. Сигатова Н. А., Данилова И. В., Савельева И. П. Институциональный механизм поддержки малого и среднего предпринимательства в корпоративных закупках РФ // Вестник ЮрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 7–17.

References:

1. Report on the results of the expert-analytical event "Monitoring the development of the public and corporate procurement system in the Russian Federation in 2020". [Electronic resource] URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf?ysc> (date of application: 10/20/2025).
2. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the Contract System for Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs" (as amended on 07/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14, article 1652.
3. Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" (as amended on 08.08.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (part 1). Art. 4571.
4. Tumanjants K. A., Sinitsyna E. D., Intybaeva S. Zh. The impact of public procurement on the development of small business in Russia // Finance and Credit. – 2017. – Vol. 23, No. 35. – pp. 2107-2122.
5. Umnova M. G., Kozlova P. D. Development of the participation of small and medium-sized enterprises in public procurement in Russia // Economics, entrepreneurship and Law. – 2022. – Vol. 12. – No. 2. – pp. 3205-3221.
6. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 03/28/2025 No. F08-1403/2025 in case No. A32-30063/2024 "On the invalidation (nullity) of municipal contracts and the application of the consequences of their invalidity." [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=211655#9PIZ40VdMXBdbDZF> (accessed: 10/20/2025).
7. Khisamutdinov A. A. Public procurement and support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation: an analysis of the phenomenon of public procurement for the development of SMEs // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2025. – № 2 (67). – Pp. 1183-1185.
8. Bayrashev V. R. Legal and economic barriers to the participation of small and medium-sized businesses in procurement under 44-FZ and 223-FZ. // Goszakaz. Management. Placement. Provision. - 2018. – No. 52 [April/June]. – pp. 82-87.
9. Frolova O. A., Makarychev V. A., Yashina I. D. Actual issues of the organization of the procurement process of goods, works and services by budget organizations in the conditions of the modern economic situation aimed at ensuring the economic security of the country. // Bulletin of Eurasian Science. – 2023. – Vol. 15. – No. 51. – [Electronic resource] URL: <https://esj.today/PDF/61FAVN123.pdf> (accessed 19.11.2025).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/04/2021 No. 2 "On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by courts" // [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (accessed on 11/19/2025).
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 11, 2014 No. 1352 "On the specifics of the participation of small and medium-sized businesses in the procurement of goods, works, and services by certain types of legal entities" (as amended on 05/25/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 51. St. 7438.
12. Tumanjants K. A., Sinitsyna E. D., Fischer O. V. Quantitative assessment of the impact of government subsidies on the development of small business in Russia // Financial Analytics: problems and solutions. – 2017. – Vol. 10. – No. 10. – pp. 1173-1187.
13. More than 300 regional state-owned companies violated the quota requirements for purchases from SMEs. [Electronic resource] URL: <https://corpmpr.ru/about/press/news/novosti-korporatsii/bolee-300-regionalnykh-goskompaniy-narusili-trebovaniya-po-kvote-na-zakupki-u-msp/> / (date of request: 10.11.2025).
14. Since the beginning of the year, the SME Corporation and the FAS of Russia have helped SME suppliers receive almost 600 million rubles in overdue payments. [Electronic resource] URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/02/korporatsiya-msp-i-fas-rossii-s-nachala-goda-pomogli-msp-postavschikam-poluchit-pochti-600-mln-rublei-prosrochennoi-oplati?utm_source (date of request: 11/19/2025).
15. Sigatova N. A., Danilova I. V., Savelyeva I. P. Institutional mechanism for supporting small and medium-sized businesses in corporate procurement in the Russian Federation // Bulletin of SUSU. The series "Economics and Management". – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – pp. 7-17.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_386

УДК 341.98

ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ АРБИТРАЖНОГО СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КОЛЛИЗИОННЫЕ АСПЕКТЫ THE LIMITS OF THE POWERS OF THE ARBITRATION COURT IN CONSIDERING CASES COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT: PROCEDURAL AND COLLEGIAL ASPECTS

ТКАЧЕНКО Алексей Александрович,

студент ОЮФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева».

117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: russia19931@yandex.ru;**TKACHENKO Alexey Alexandrovich,**

student of the Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution

"Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev".

117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: russia19931@yandex.ru;

Краткая аннотация: Исследуется роль российского и иностранного права, в разрешении банкротных споров и исполнении решений иностранных судебных органов в Российской Федерации. Делается вывод о необходимости использования судом разных процессуальных средств для установления содержания иностранного позитивного права и его применения в России. Суд, установив наличие в деле противоречивых сведений о содержании иностранного права, вправе отдать предпочтение сведениям, представленным одной из сторон. Применительно к публичным интересам как основанию признания и приведения решений иностранных судов к исполнению требуется конкретизация этой категории при разрешении судами требований о признании решений судов недружественных государств.

Abstract: The article examines the role of Russian and foreign law in the resolution of bankruptcy disputes and the enforcement of decisions of foreign judicial authorities in the Russian Federation. The conclusion is drawn about the need for the court to use various procedural means to establish the content of foreign positive law and its application in Russia. The court, having established the existence of contradictory information about the content of foreign law in the case, has the right to give preference to the information provided by one of the parties. With regard to public interests as the basis for recognizing and enforcing decisions of foreign courts, this category needs to be specified when courts resolve claims for recognition of decisions of courts of unfriendly States.

Ключевые слова: арбитражный суд, иностранный элемент, банкротство, коллизионный элемент, публичный интерес.

Keywords: arbitration court, foreign element, bankruptcy, conflict of laws element, public interest.

Для цитирования: Ткаченко А.А. Пределы полномочий арбитражного суда при рассмотрении дел, осложненных иностранным элементом: процессуальные и коллизионные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 386-389. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_386.

For citation: Tkachenko A.A. The limits of the powers of the arbitration court in considering cases complicated by a foreign element: procedural and collegial aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 386-389. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_386.

Статья поступила в редакцию: 01.12.2025

В процессе разрешения гражданских дел, где стороной выступают иностранные граждане, неизбежно возникает необходимость определения правовой системы, регулирующей рассматриваемый спор. Если применяемая коллизионная норма допускает различные методы выявления содержания зарубежного законодательства, то судебные органы могут использовать их для решения вопроса. Однако возникают сложности, когда информация об иностранном праве представлена неоднозначно.

В настоящее время большая важность придается вопросу о применении имеющихся ресурсов для выяснения сути иностранного законодательства, в том числе и консультаций с компетентными специалистами. В случае разногласий в сведениях об иностранном праве при судебном разбирательстве, суд уполномочен опираться на самые достоверные источники, избегая использования иных способов толкования. Так, суд может отдать предпочтение заключению одного из участников процесса, принимая во внимание ясность его изложения, авторитет автора, его профессиональную направленность, специализацию юриста, подготовившего экспертизу, наличие подтверждающих нормативных документов и примеров их реализации, а также другие существенные обстоятельства.

Следует учитывать, что даже наличие нескольких вариантов для выяснения содержания иностранного законодательства и обязательство сторон предоставлять сведения по этому вопросу не всегда обеспечивает успешное определение сути указанного права. По этой причине закон предусматривает определенные последствия, если содержание иностранного права, несмотря на предпринятые меры, в разумные сроки не установлено: в таком случае применяется российское право (п. 3 ст. 1191 ГК РФ, ч. 3 ст. 14 АПК РФ).

Анализ норм, позволяет заключить, что суд не может применять их произвольно. Применение российского права в случае неустановления содержания иностранного права возможно при неуклонном соблюдении двух условий: 1) суд предпринимал должные меры к установлению содержания применимого права; 2) содержание применимого права не было установлено в разумные сроки.

Как указывал М. Г. Розенберг, применение в законе термина «разумные сроки» означает, что в отношении данной категории споров установлено исключение из правила о сроках рассмотрения дел и принятия решения судом первой инстанции (ст. 152 АПК РФ и ст. 154 ГПК РФ[1]).

Тщательное выявление смысла иностранного права требует от суда использования различных подходов, помимо простого запроса

информации у участников процесса или опоры на единственный метод определения его содержания. Суд должен систематически применять несколько способов для установления этого содержания. В настоящее время этот вывод следует из п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», в котором говорится, что возложение данной обязанности на стороны не означает освобождения суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права.

В случае, если стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом, заключили соглашение, в котором определили, что арбитражный суд в Российской Федерации обладает компетенцией по рассмотрению возникшего или могущего возникнуть спора, связанного с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, арбитражный суд в Российской Федерации будет обладать исключительной компетенцией по рассмотрению данного спора при условии, что такое соглашение не изменяет исключительную компетенцию иностранного суда (часть 1 статьи 249). АПК РФ не регламентирует, случаи, когда стороны заключают соглашения, в которых определяют, что исключительной компетенцией по рассмотрению возникшего или могущего возникнуть спора обладает иностранный суд.

Важно отметить, что пророгационные или дерогационные соглашения, определяющие подсудность дела иностранному суду или включающие юрисдикцию российских арбитров, не могут изменить исключительную компетенцию арбитражных судов России это отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 23 "О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом". По сути части 1 статьи 249 АПК РФ арбитражный суд признает заключенным и исполнимым пророгационное соглашение, согласно которому споры из правоотношений сторон должны рассматриваться в суде страны той стороны, которая в будущем выступит истцом (или ответчиком).

Закон (ст. 1191 ГК РФ, ст. 14 АПК РФ) прямо называет три способа установления содержания иностранного права: 1) обращение за содействием и разъяснением в Министерство юстиции РФ и иные компетентные органы или организации; 2) привлечение экспертов; 3) содействие лиц, участвующих в деле. Несмотря на наличие прямого указания о возможности назначения экспертизы по вопросам установления содержания иностранного права, в литературе уже обращалось внимание на отрицательное отношение судов к ней[2].

На текущий момент это связано с геополитической обстановкой, суда выносят решения, касающиеся контрагентов из «недружественных стран», установленный распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р («Недружественные государства») чаще в пользу отечественной стороны.

В июле 2020 года ООО «Новосибирскхлебпродукт» («Общество») и немецкая Thywissen GmbH («Компания») заключили два договора на поставку льняного семени со сроком поставки в конце 2020 года («Договор поставки»). Договор поставки регулировался английским правом и содержал арбитражную оговорку о передаче всех споров и претензий в Федерацию ассоциации торговли масличными культурами, семенами и жирами («FOSFA») в Лондоне[3].

Общество не смогло исполнить обязательство по поставке вследствие засухи в Новосибирской области в 2020 году. Сторонам не удалось договориться о переносе поставок. Компания инициировала арбитраж FOSFA, требуя взыскать с Общества 600 000 долларов США в качестве разницы между договорной ценой и расходами, которые Компания понесла бы на замещающие поставки.

Из-за допущенных процессуальных нарушений состав арбитража формировался дважды. На втором круге Общество не представило своего кандидата, поэтому FOSFA, следуя своему регламенту, назначила второго арбитра, выбрав гражданку Украины. В конце 2021 года был сформирован второй состав арбитража, в который вошли граждане Украины, Великобритании и Дании.

16 ноября 2022 года состав арбитража удовлетворил требования Компании в полном объеме («Решение»). Общество не исполнило решение добровольно, поэтому Компания обратилась за признанием и приведением Решения в исполнение на территории Российской Федерации.

Суды первой и кассационной инстанций удовлетворили заявление Компании[4]. Не согласившись с этим, общество обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд России. Верховный Суд Российской Федерации отменил решения нижестоящих судов среди прочего со ссылкой на нарушение публичного порядка. Верховный Суд России направил заявление компании на повторное рассмотрение и дал указания нижестоящим судам учесть следующие обстоятельства:

1) в ходе арбитража FOSFA Компания не доказала заключение замещающих сделок и несение убытков, а также факт принятия мер по их минимизации. 2) несоразмерность гражданско-правовой ответственности: арбитраж FOSFA отклонил довод Общества о форс-мажоре. 3) последствия для Новосибирской области: публичная значимость общества и последствия его финансовой нестабильности для региона. 4) отсутствие объективности и беспристрастности состава арбитража, сформированного из представителей недружественных стран (Украина, Великобритания, Дания), презюмируется, пока не доказано обратное. 5) Обществу не направили Решение, а также не разъяснили порядок его обжалования. 6) Невозможность реализовать право на получение юридической помощи: санкции препятствуют Обществу оплачивать услуги представителей.

На мой взгляд, это решение подтверждает позицию Верховного суда России по поддержке отечественного бизнеса, пострадавшего от санкций. Отличительной чертой здесь выступает введение сомнений в нейтралитете и справедливости судей из государств, находящихся в категории «недружественных». Такой подход Верховного Суда Российской Федерации порождает ряд неточностей.

Когда именно российские суды будут оценивать непредвзятость арбитражной коллегии? Большинство правил организации арбитража требуют, чтобы судьи были объективными и беспристрастными как при назначении, так и в процессе рассмотрения дела. В рассматриваемом

случае арбитражная группа была создана ещё в 2021 году, до принятия президентских указов № 79 и № 95. Из определения неясно, подавало ли компания запрос на исключение обновлённого состава арбитров после публикации этих актов.

Важно понимать, какие доказательства объективности и беспристрастности Верховный Суд Российской Федерации счел бы подходящими. Так, например, будет ли достаточно показать, что судья не делал антироссийских высказываний и/или ранее принимал назначения от российских сторон.

В данном деле Верховный Суд России оценивал объективность и беспристрастность тройки арбитров, каждый из которых являлся гражданином недружественной страны. При этом открытым остается вопрос о действии презумпции, если гражданином недружественной страны будет только один арбитр из трех.

Не до конца понятно, изменилась бы позиция Верховного Суда Российской Федерации, если бы арбитра из недружественной страны назначила бы российская сторона, а не Фосфа.

Верховному Суду России следует дать более конкретные основания, по которым суда общей юрисдикции будут исполнять решения иностранных судов, входящих в перечень «недружественных».

Процедура банкротства иностранных лиц в РФ — тренд последних трех лет. Ранее правопорядок полностью исключал такую возможность. Причем этот тренд задали не судьи высшей инстанции, а рядовые судьи регионов. По закону, арбитражные суды Российской Федерации не могут осуществлять процедуру банкротства иностранных компаний, хотя на практике в настоящее время имеются прецеденты.

Кипрская компания Вествок Проджектс ЛТД. передала в уставный капитал дочерней фирмы ЭйЭмЭн Коммершиал Проперти Эдвайзерс ЛТД. здания торговых центров в Подмоскowie. С правом собственности на помещения последней перешли все права и обязанности по договорам аренды в ТЦ. Но Вествок Проджектс ЛТД. не перевела обеспечительные платежи по этим соглашениям. Поэтому организация просудила долг в 6 млн руб. и обратилась в суд с заявлением о банкротстве иностранной фирмы (дело № А40-248405/2022) Арбитражный суд города Москвы отклонил требование кредитора и прекратил производство по делу. Он руководствовался тем, что должник зарегистрирован на Кипре и не считается юрлицом по российскому праву. Поэтому спор нельзя рассмотреть в отечественном арбитражном суде. Более того, организация больше не работает в России. Она подала заявление о прекращении аккредитации филиала в РФ, где у него нет какого-либо имущества и открытых счетов в банках. Суд также обратил внимание, что кредитор — это дочерняя компания должника, то есть они входят в одну экономическую группу, а отношения между ними носят внутрихолдинговый характер. Компании сами выбрали модель ведения бизнеса с регистрацией на территории другой страны, а потому они не могут ссылаться на «затруднительный» для них порядок банкротства в иностранной юрисдикции. Первую инстанцию поддержали апелляция и кассация. Тогда ЭйЭмЭн Коммершиал Проперти Эдвайзерс ЛТД подала жалобу в Верховный суд. Изначально в передаче отказали, но потом глава экономколлегии Ирина Подносова отменила это определение и направила дело на рассмотрение. Еще экономколлегия указала, что для возбуждения дела о трансграничном банкротстве суд должен руководствоваться правилами закона «О банкротстве» и определять процедуру исходя из финансового положения должника. Такое производство должно распространяться на все его имущество независимо от страны местонахождения и на всех кредиторов, включая иностранных. В итоге ВС отменил акты трех инстанций, а дело вернул в Арбитражный суд города Москвы для рассмотрения по существу.

Основным критерием для введения процедуры банкротства иностранного должника стала «тесная связь». Её Верховный суд Российской Федерации раскрыл по следующим критериям: 1) компания вела постоянную деятельность в стране; 2) бизнес был ориентирован на местных лиц; 3) в стране находится центр основных интересов контролирующих компанию лиц; 4) орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится в России; 5) у контролирующего должника лица есть российское гражданство, разрешение на временное проживание, ВНЖ либо корпоративные отношения с местными юрлицами; 6) российский суд привлёк к субсидиарной ответственности контролирующих компанию лиц; 7) в стране есть имущественные активы организации, в том числе право аренды на земельные участки; 8) значительная часть кредиторов — из России, плюс те, чья деятельность с ней тесно связана; 9) многие сделки исполнялись в России; 10) основные доказательства по делу находятся на территории страны.

Если её нет, то есть иные признаки «связанности» компании с Россией, тогда Верховный суд допустил возможность введения в отношении компании вторичного (локального) производства о банкротстве. Для этого в стране у должника должно быть постоянное представительство или имущество. По мнению Верховного суда, цель локального производства трансграничного банкротства — обеспечить защиту интересов российских кредиторов в отсутствие у них эффективного доступа к правосудию в иностранных юрисдикциях. Этот вывод продолжает сложившуюся практику ВС по защите российских санкционных лиц и перенесению споров с такими лицами в российскую юрисдикцию по ст. 248.1 АПК РФ. Безусловно инициация несостоятельности зарубежных должников по российскому праву служит интересам российских кредиторов, которые имеют больше шансов удовлетворить свои законные требования в отечественной юрисдикции нежели в иностранной. В то же время Определение ВС РФ не лишено и спорных позиций, например, не до конца понятно, как именно на практике российский арбитражный управляющий иностранного должника будет осуществлять действия в рамках основной процедуры банкротства в отношении имущества должника, расположенного вне территории РФ.

Банкротство лица из иностранного государства, в отличие от исполнительного производства, будет крайне сложно признать за рубежом. Кредиторы в России смогут рассчитывать исключительно на те средства, которые им предоставят здесь.

Получить активы должников за границей будет затруднительно, поскольку процедура банкротства иностранца распространяется лишь на имущество, находящееся на территории Российской Федерации. После завершения процесса все непогашенные требования кредиторов бу-

дуг автоматически считаться выполненными (пункт 9 статьи 142 Закона о банкротстве). Предполагаемый международный договор о трансграничных банкротствах государств-участниц Содружества Независимых Государств, если он будет заключен, скорее всего, предоставит решения только в рамках этого союза. Более оптимистично кажутся мне возможности по признанию судебных решений для принудительного исполнения. Так, Арбитражный суд Владивостока продолжает поиски зарубежных активов банкиров Беджамова и Пугачева, и в Соединенных Штатах Америки до настоящего времени сохраняется тенденция к взаимному признанию юридических решений. Это отображено в деле №01-0027/2024 и №01-0029/2025 соответственно.

Реальные примеры демонстрируют, что даже граждане и организации из России, попавшие под санкции, нередко получают полный доступ к международным судам и арбитражам: они могут оплачивать юридические услуги, уплачивать необходимые платежи и прочее. Так, например, это касалось Полины Гагариной, банка «ФК Открытие», ВЭБ.РФ и других компаний. Банк «Траст» в Великобритании столкнулся со сложностями, связанными с крупными суммами на своих счетах, однако английский суд вынес решение в его пользу. Это указывает на то, что российские лица, включая тех, кто находится под санкциями, всё ещё имеют шансы добиться исполнения решений российских судов за рубежом, особенно в странах, настроенных лояльно или нейтрально.

Таким образом, встаёт вопрос о практической пользе признания банкротом иностранного должника, если его возможность получать средства ограничена лишь активами, находящимися в России, а таковых у него попросту может и не оказаться. Следует обратить внимание, что судебная практика отсеивает случаи, когда организация явно не обладает никаким имуществом в России, и суды прекращают дела о банкротстве в этих случаях (например, дело «Энергопроект Високоградня А.О.» № А53-13261/2024, дело TRANS TIMBER AGENCY LTD № А05-3744/2024). Причем как в российской, так и в иностранной литературе и практике подчеркивается, что простое обладание минимальным активом не является предприятием; предприятие – это не только активы, но и длящаяся во времени экономическая деятельность с привлечением трудовых ресурсов, сочетание факторов производства и направленность экономической деятельности на достижение экономического результата.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Анализ судебной практики показывает формирование новой тенденции в отношении дел с участием контрагентов из «недружественных» стран. Верховный Суд РФ демонстрирует явную тенденцию к защите интересов российских компаний, что проявляется в: 1) Критическом подходе к решениям иностранных арбитражей; 2) Формировании презумпции необъективности арбитров из недружественных государств; 3) Акценте на публичном порядке РФ

В сфере трансграничного банкротства сформировалась новая практика, основанная на критерии «тесной связи» должника с Россией. Верховный Суд РФ определил конкретные признаки такой связи, позволяющие инициировать процедуру банкротства иностранного лица в российской юрисдикции.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку конкретных критериев оценки беспристрастности иностранных арбитров и механизмов эффективного признания решений российских судов за рубежом.

Список литературы:

1. Розенберг М. Г. Некоторые актуальные вопросы применения иностранного гражданского права российскими судами // Хозяйство и право. 2003. № 2. С. 125.
2. Грибанов А.В. Установление содержания иностранного права при разрешении споров в государственных судах и в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С. 21.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС24-2799 от 26.07.2024 по делу № А45-19015/2023.
4. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 30.08.2023 по делу № А45-19015/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.12.2023 по делу № А45-19015/2023.

References:

1. See: Rosenberg M. G. Some topical issues of the application of foreign civil law by Russian courts // Economy and law. 2003. No. 2. p. 125.
2. See: Gribanov A.V. Establishing the content of foreign law in dispute resolution in state courts and in international commercial arbitration // Bulletin of International Commercial Arbitration. 2012. № 1. P. 21.
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES24-2799 dated 07.26.2024 in case No. A45-19015/2023.
4. Ruling of the Arbitration Court of the Novosibirsk Region dated 08/30/2023 in case no. A45-19015/2023; Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 12/14/2023 in case no. A45-19015/2023.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_390

УДК 347.9

АСИММЕТРИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ И ОГОРОДНИЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ ASYMMETRY OF EVIDENCE IN THE SPHERE OF ACTIVITIES OF HORTICULTURAL NON-PROFIT PARTNERSHIPS AND VEGETARIAN NON-PROFIT PARTNERSHIPS

КРЫЛОВА Марина Васильевна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
старший преподаватель кафедры земельного права и экологических экспертиз юридического института
Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.

E-mail: Krylova_9880@mail.ru;

KRYLOVA Marina Vasilievna,

post-graduate student of the Department of Civil Law and Procedure,
senior lecturer of the Department of Land Law and Environmental Expertise of the Law Institute
of the Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, Mira Ave., 90.

E-mail: Krylova_9880@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию феномена асимметрии доказывания в рамках гражданско-правовых споров, возникающих в связи с деятельностью садоводческих некоммерческих товариществ и огороднических некоммерческих товариществ (СНТ/ОНТ). Рассматриваются правовые последствия проявления асимметричности в отношениях между гражданами и органами власти, влияние этого явления на эффективность правосудия и перспективы развития российского законодательства. Автор выделяет факторы, создающие неравномерность в доступе к судебным доказательствам, и рассматриваются пути преодоления сложившейся ситуации посредством реформирования процессуального законодательства.

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of asymmetry of evidence in the framework of civil disputes arising in connection with the activities of horticultural non-profit partnerships and gardening non-profit partnerships (SNT/ONT). The article examines the legal consequences of asymmetry in relations between citizens and government bodies, the impact of this phenomenon on the effectiveness of justice, and the prospects for the development of Russian legislation. The author identifies factors that create uneven access to judicial evidence and examines ways to overcome this situation through reforming procedural legislation.

Ключевые слова: Асимметрия доказывания, садоводческие некоммерческие товарищества, огороднические некоммерческие товарищества, правление, правосудие, доказательства, гражданские процессы, судебная реформа, справедливость, равенство сторон, члены товарищества, межотраслевое сближение.

Keywords: Asymmetry of evidence, gardening non-profit partnerships, vegetable gardening non-profit partnerships, board, justice, evidence, civil proceedings, judicial reform, fairness, equality of parties, partnership members, inter-sectoral convergence.

Для цитирования: Крылова М.В. Асимметрия доказывания в сфере деятельности садоводческих некоммерческих товариществ и огороднических некоммерческих товариществ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 390-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_390.

For citation: Krylova M.V. Asymmetry of evidence in the sphere of activities of horticultural non-profit partnerships and vegetarian non-profit partnerships // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 390-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_390.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

В рамках судебных процессов нередко наблюдается асимметрия в распределении доказательственной нагрузки. Это подразумевает, что участники разбирательства возлагают на себя неодинаковые обязательства по представлению фактов, подтверждающих их позицию или опровергающих обвинения. Таким образом, одна из сторон вынуждена предоставлять более весомые или обширные доказательства по сравнению с оппонентом.

Настоящая работа направлена на анализ процесса сбора и верификации доказательственной базы в контексте правовых взаимоотношений, присущих садоводческим и огородническим некоммерческим товариществам (СНТ и ОНТ). Особое внимание будет уделено специфике, сопряженным вызовам и вариативности методов, применяемых для подтверждения прав и обязательств участников указанных объединений. Выявленные особенности обусловлены уникальным правовым режимом СНТ и ОНТ, а также зачастую неравным положением субъектов, вовлеченных в правовые споры в рамках данных структур.

Научная новизна и прогнозируемые результаты исследования заключаются в идентификации существующих законодательных пробелов и процессуальных затруднениях, с которыми сталкиваются субъекты садоводческих и огороднических некоммерческих объединений при установлении фактов и обстоятельств в рамках, как внутриорганизационных отношений, так и при взаимодействии с органами местного самоуправления. Предполагается выявить коллизии и несоответствия в правовом регулировании, способствующие возникновению судебных споров. Путем углубленного анализа судебной практики будут определены типовые проблемы, возникающие в делах, связанных с компетенцией руководящих органов товариществ и разрешением имущественных споров. Сравнительный анализ позволит нам верифицировать подходы членов СНТ и ОНТ к формированию и представлению доказательственной базы, принимая во внимание специфику целей и задач каждого вида объединений.

Практическая значимость исследования определяется формированием глубокого понимания как теоретических, так и прикладных вопросов, связанных с процессом доказывания в рамках садоводческих и огороднических объединений. Полученные результаты послужат фунда-

ментом для выработки рекомендаций по оптимизации действующего законодательства и усилению механизмов защиты прав и законных интересов членов СНТ и ОНТ. В спорах СНТ/ОНТ часто возникает ситуация, когда члены товарищества обязаны доказать факт нарушения устава или иных внутренних документов садоводческого или огороднического некоммерческого товариществ. Например, если правление СНТ/ОНТ обвиняется членом товарищества в нарушении порядка принятия решений, именно он обязан привести убедительные доказательства неправомерности действий правления. Это создает определенную асимметрию, поскольку правила внутреннего контроля могут быть недостаточно четкими или труднодоступными для членов товариществ (гр.дело № 2-5785/2020 от 12.10.2020г. Октябрьский районный суд г. Красноярск).

Асимметрия доказывания – термин, используемый преимущественно в правовой практике и обозначающий ситуацию, при которой одна сторона процесса имеет больше возможностей и ресурсов для представления доказательств своей правоты, чем другая сторона. Чаще всего этот феномен проявляется в спорах между гражданами и государственными органами, юридическими лицами и некоммерческими организациями. В рамках гражданских процессов понятие асимметрия доказывания особенно актуально при рассмотрении споров, касающихся права собственности на землю и недвижимость, включая садоводческие некоммерческие товарищества.

Например, владелец земельного участка может столкнуться с ситуацией, когда доказательства принадлежности земли оказываются утраченными либо труднодоступными вследствие бюрократических препятствий. В результате возникает ситуация, когда гражданин вынужден доказывать свою позицию против значительно оснащенной ресурсами организации или органа власти (гр. дело № 2-15/2025 от 29.01.2025г. Емельяновский районный суд Красноярского края; гр.дело № 2-35/2018 от 16.04.2018г. Емельяновского районного суда Красноярского края; гр.дело № 2-2535/2019 от 25.09.2019г. Октябрьского районного суда г. Красноярск). Аспекты вышеуказанного феномена можно наблюдать при рассмотрении, возникающих земельных споров, в статье М.В. Крыловой [1]. Различные категории земельных споров обусловлены специфическими нормами Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Федерального закона № 217-ФЗ от 29.07.2017 года «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Доказывание в суде – это совместная работа суда и участников процесса по установлению истины, основанная на представленных доказательствах (ст. 55 ГПК РФ). Объяснения сторон, как один из видов доказательств, отличаются субъективностью, поскольку исходят от лиц, прямо заинтересованных в исходе дела. Эта заинтересованность может приводить к предвзятости и искажению информации, предоставляемой сторонами [2].

Доказательства – это основа, на которой суд строит свои выводы по делу. Они представляют собой информацию о событиях, полученную в рамках закона. Суд анализирует эти сведения, чтобы определить, обоснованы ли требования и возражения сторон, и выносит справедливое решение. Целью судебного органа также является уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела и установление правоотношений сторон.

Критериями доказывания являются «относимость и допустимость», а также «достоверность и достаточность». Исходя из положений ст. 55 ГПК России, ч. 1 ст. 178 ГПК Беларуси доказательствами, прежде всего, являются сведения или информация о фактах. Эти сведения должны быть получены в предусмотренном законом порядке, связаны с обстоятельствами, составляющими предмет доказывания, а кроме того, получены из установленных законом источников [3]. В настоящее время соотношение аспектов доказывания характеризуется наличием как общих фундаментальных принципов, так и существенных различий, обусловленных спецификой различных видов судопроизводства (гражданского, арбитражного, административного и уголовного). Независимо от вида процесса, аспекты доказывания соотносятся через общие базовые положения (универсальные), а именно:

- цель доказывания: установление объективной истины по делу (или степени вероятности факта) на основе представленных доказательств для вынесения законного и обоснованного судебного акта;
- предмет доказывания: определенный круг юридически значимых фактов и обстоятельств, от которых зависит исход дела;
- относимость и допустимость доказательств: все доказательства должны иметь отношение к рассматриваемому делу (относимость) и быть получены строго в порядке, предусмотренном законом (допустимость). Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы;
- оценка доказательств по внутреннему убеждению: суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем и объективном исследовании имеющихся материалов, а не по заранее установленной силе.

Различия в соотношении аспектов доказывания проявляются в ключевых процессуальных моментах (специфические (дифференцированные) аспекты доказывания), представим их в виде таблицы:

Аспект	Гражданский и Арбитражный процесс (ГПК РФ, АПК РФ)	Административное судопроизводство (КАС РФ)
Бремя доказывания	Лежит на сторонах (принцип состязательности ст. 123 Конституции РФ, ст.12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ) Каждая сторона доказывает свои утверждения	Перераспределено: ОМСУ обязаны доказывать законность своих действий/решений, граждане – факт нарушения своих прав (статья 14 КАС РФ)
Роль суда	Пассивная (оценочная). Суд только создает условия, но сам не собирает доказательства (за редкими исключениями).	Активная. Суд вправе по собственной инициативе истребовать доказательства для полного установления обстоятельств.
Стандарт доказывания	Высокая степень вероятности (перевес доказательств).	Высокая степень вероятности, но с учетом презумпции законности актов ОМСУ.
Средства доказывания	Закрытый, но широкий перечень (письменные, вещественные, показания, заключения экспертов и т.д.).	Схож с ГПК/АПК, но с акцентом на официальную документацию органов власти.

В настоящее время наблюдается тенденция к межотраслевому сближению некоторых аспектов, в частности:

- унификация «иных документов» - все кодексы признают доказательства, представленные в цифровой или электронной форме, что отражает цифровизацию общества;
- взаимопроникновение доказательств – материалы уголовного дела могут использоваться как «иные документы» в гражданском или арбитражном процессе, хотя доказательственная сила будет зависеть от оценки суда;
- разграничение стандартов – конституционный Суд РФ подтверждает наличие разного стандарта доказывания в уголовных и гражданских делах, подчеркивая их фундаментальное различие.

Таким образом, аспекты доказывания соотносятся как единое целое в рамках базовых принципов, но дифференцируются в зависимости от публичного или частного характера спора и степени защиты прав участников процесса [4].

Кроме того, уместно было бы рассмотреть аспект злоупотребления процессуальным правом при изучении проблемы асимметрии доказывания в рамках садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ) и огороднических некоммерческих товариществ (ОНТ). Этот подход позволяет рассмотреть проблему глубже и выявить механизмы защиты прав участников процесса. Данной проблеме посвящены труды таких авторов как Т.М. Точиловой [5], Я.М. Гофурова [6], М.А. Боловлева [7], М.В. Какуриной [8] и др.

М.И. Поляк в статье о злоупотреблении правами в гражданском и арбитражном процессе исследует как внешне правомерные действия участников процесса (затягивание заседаний, срыв, препятствование принятию решения) используются не для защиты своих интересов, а для создания препятствий другим, рассматривая их через призму статьи 10 ГК РФ, и анализируя последствия в виде судебных штрафов и отказа в защите права, что является недобросовестным использованием процессуальных возможностей [9]. По мнению Е.С. Матвеевой злоупотребление правом есть результат искаженного представления о действии состязательного начала в юридическом процессе [10]. Аналогично, А. В. Юдин, видный российский правовед, в своей диссертации приходит к выводу, что попытки объяснить или оправдать злоупотребление правом, ссылаясь на законодательные принципы, не имеют под собой реальной правовой основы. По его мнению, такое поведение является следствием намеренно ошибочного толкования норм [11].

О.В. Третьякова [12] представила одну из наиболее исчерпывающих и в то же время лаконичных классификаций злоупотреблений процессуальными правами, обобщив существующую судебную практику в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Согласно ее подходу, целесообразно выделять следующие группы злоупотреблений:

- злоупотребление процессом как таковым - данный вид злоупотребления может проявляться в ситуациях, когда возможность инициирования дела или сам факт его ведения используются недобросовестно, например, при подаче заведомо необоснованного искового заявления или при использовании процесса для затягивания иных судебных разбирательств.
- злоупотребление конкретными процессуальными правами - к этой категории относятся такие действия, как подача необоснованного заявления об отводе, уклонение от получения судебных извещений, невыполнение указаний суда, а также ситуации искусственного изменения подсудности и аналогичные им.

Гражданское дело № 2-69/2023, рассмотренное Емельяновским районным судом Красноярского края 30.03.2023 года, касалось действий ТСН «Отдых», которые суд квалифицировал как злоупотребление правом (ч.1 ст.10 ГК РФ). Тема злоупотребление правом актуальна, охватывает злоупотребление как материальными (ГК РФ, ст. 10), так и процессуальными правами (ГПК РФ, АПК РФ), где действия направлены не на защиту прав, а на вред, затягивание, срыв процесса, что влечет отказ в защите права или другие санкции.

Асимметрия доказательственных возможностей в товариществах (СНТ/ОНТ) проявляется в следующих формах:

- неравномерное распределение информации - правление имеет полный доступ к документации, касающейся всех аспектов деятельности товарищества (финансовые операции, протоколы собраний, решения правления), в то время как члены товарищества часто сталкиваются с ограничениями в своевременном получении такой информации.
- финансовые барьеры для реализации правосудия - высокие судебные издержки могут создавать непосильное бремя для отдельных членов СНТ/ОНТ, ограничивая их возможности по защите своих законных интересов.
- административное давление со стороны органов управления - правление СНТ/ОНТ может использовать административные рычаги, такие как ограничение доступа к общим ресурсам или создание препятствий для проведения собраний, для оказания давления на членов товарищества.
- нарушение принципа единоначалия - наличие "двоевластия" является прямым нарушением положений Федерального закона № 217-ФЗ от 29.07.2017 года «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд...».

Следовательно, злоупотребление правом, выражающееся в систематическом воспрепятствовании получению членами товарищества необходимых документов или в создании искусственных препятствий в рамках судебного разбирательства, является фактором, усугубляющим проблему неравномерного распределения доказательственных обязанностей и затрудняющим справедливое разрешение споров.

Анализируя ситуацию, можно сделать вывод, что асимметрию доказательств в рамках деятельности СНТ и ОНТ важно учитывать именно потому, что злоупотребление правом часто способствует созданию условий, позволяющих одной стороне подавлять интересы другой стороны, нарушая баланс справедливости. Законодательство должно обеспечивать адекватные инструменты защиты слабых сторон процесса, включая упрощение порядка предоставления доказательств, обеспечение прозрачности действий руководства и усиление ответственности за неправомерные действия.

Для минимизации негативных последствий необходимо развивать практику обязательного раскрытия документов, введение обязательных требований к порядку информирования членов товарищества, установление четких сроков рассмотрения жалоб и претензий, а также совершенствование судебной практики в части оценки добросовестности участников судебного разбирательства.

Практическое значение понятия «асимметрия доказывания» становится важным фактором при оценке справедливости судебных решений. Так, Конституционный суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на необходимость защиты слабых сторон процесса, обеспечивая баланс в распределении бремени доказывания. Например, решения Конституционного суда № 1-П от 28 февраля 2017 г., № 14-П от 25 марта 2014 г. подчеркивают важность равенства участников судебного разбирательства и недопустимости чрезмерной нагрузки одной стороны по представлению доказательств. Рассмотрение проблемы асимметрии доказывания также связано с обсуждением реформирования гражданского процессуального кодекса. Законодательные инициативы направлены на повышение прозрачности процедуры сбора и оценки доказательств, снижение административных барьеров и представление равноправия сторонами процесса. Сказанное является актуальной темой в современной судебной практике и требует комплексного подхода к решению. Это важно не только для отдельных граждан, но и для укрепления доверия к судебной системе в целом.

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что доктринальное и нормативное осмысление института злоупотребления процессуальными правами еще не достигло своей зрелости. Вследствие этого, до завершения данного процесса, судебная практика в этой сфере будет характеризоваться субъективизмом, и решение о наличии злоупотребления будет оставаться на усмотрение суда. Для преодоления данной ситуации необходимо обогатить арбитражное, гражданское и административное процессуальное законодательство четкими дефинициями и типологиями злоупотреблений. Кроме того, следует разработать критерии для определения степени тяжести правонарушений, которые будут коррелировать с размером штрафных санкций. Реализация подобных мер позволит, с одной стороны, повысить эффективность российско-го правосудия, а с другой - снизить нагрузку на судебный аппарат.

На основании вышеизложенного предлагается создать комплексную модель, направленную на минимизацию асимметрии доказывания в сфере деятельности СНТ/ОНТ. Эта модель сочетает организационно-правовые меры и цифровые технологии, переводя непрозрачный «ручной» документооборот в автоматизированную и публичную систему назовем ее – «Цифровая прозрачность СНТ/ОНТ». Цель модели - обеспечить равный и своевременный доступ всех членов товарищества к полной и достоверной информации о его деятельности, чтобы любой спор мог быть разрешен на основе легко проверяемых фактов и документов.

Основу модели составляет переход на унифицированную цифровую платформу управления СНТ/ОНТ, например, специализированные сервисы или решения на базе 1С: Документооборот [13];

- использование квалифицированной электронной подписи (КЭП) председателем, бухгалтером и членами ревизионной комиссии для придания юридической значимости всем документам в системе, применение утвержденных шаблонов документов для исключения ошибок и разночтений;

- информация не скрывается, а открывается по умолчанию (ключевое изменение парадигмы);

- каждый член товарищества через веб-портал или мобильное приложение имеет круглосуточный доступ ко всей неконфиденциальной документации, в том числе к финансовым отчетам и обоснованию взносов;

- создание публичного электронного реестра всех входящих и исходящих запросов/жалоб от членов товарищества с отслеживанием статуса рассмотрения;

- ревизионная комиссия получает расширенный доступ ко всем первичным данным в системе и использует автоматизированные инструменты проверки для выявления расхождений;

- система генерирует стандартные финансовые отчеты, которые автоматически становятся доступны всем членам товарищества, снижая трудозатраты бухгалтера и повышая прозрачность;

- в системе фиксируются все действия должностных лиц (кто создал документ, кто утвердил, когда и т.д.), что упрощает установление ответственного лица в случае нарушений;

- обязательная выгрузка ключевых документов и отчетов в государственные информационные системы для внешнего контроля;

- наличие всей документации в едином цифровом виде значительно упрощает процесс ее предоставления в суд по запросу, минимизируя возможность сокрытия или фальсификации данных.

Система "Цифровая прозрачность" призвана устранить информационное неравенство при доказывании для членов СНТ/ОНТ. Это означает, что в случае судебных споров им не придется самостоятельно доказывать отсутствие у них нужной информации или проходить через судебные процедуры для получения документов. Все необходимые доказательства будут находиться в открытом доступе в их личных кабинетах. Такой подход сделает управление товариществом более ответственным, а судебную защиту прав членов – более оперативной и результативной.

Что касается отказов органов местного самоуправления (ОМСУ), то для их оспаривания, особенно при решении вопросов о праве собственности на земельные участки и их предоставлении, создание аналогичной модели является не просто желательным, а необходимым. Эта модель, получившая название "Государственная цифровая платформа земельных отношений", должна быть законодательно закреплена и частично реализована через существующие государственные информационные системы. Ее главная цель – сократить информационную асимметрию и повысить эффективность доказывания путем обеспечения полной прозрачности всех процедур, автоматизации принятия решений и формирования единого, юридически значимого источника данных.

Фундаментом этой платформы станет обязательное использование ОМСУ единой государственной системы для всех земельных во-

просов. Все заявления от граждан и СНТ/ОНТ будут приниматься исключительно через портал Госуслуг или МФЦ. Это гарантирует точную фиксацию даты подачи, исключает возможность потери документов и обеспечивает полную прозрачность всего процесса рассмотрения обращений.

- система автоматически обменивается данными с ключевыми государственными реестрами:

1.ЕГРН (Единый государственный реестр недвижимости)

2.ГКН (Государственный кадастр недвижимости)

3.ГИСОГД (Государственная информационная система обеспечения градостроительной деятельности)

4.ФИАС (Федеральная информационная адресная система);

- каждое действие сотрудника ОМСУ (получение заявления, запрос сведений, подготовка ответа) фиксируется в системе с указанием времени и ответственного лица;

- в случае отказа система автоматически генерирует и публикует юридически мотивированный отказ, ссылаясь на конкретные нормы закона и фактические данные, которые послужили причиной отказа (например, пересечение границ ЗУ с зоной общего пользования);

- публикация актуальной информации обо всех земельных участках, находящихся в муниципальной собственности или государственная собственность на которые не разграничена, включая их статус, ограничения и возможность предоставления;

- создание публичной интерактивной кадастровой карты, где гражданин может в режиме онлайн проверить наличие ограничений на своем участке или запрашиваемом участке;

- данные, зафиксированные в ГИС и ЕГРН, автоматически признаются достоверными доказательствами в суде;

- в случае подачи административного иска (КАС РФ), система позволяет гражданину одним кликом прикрепить всю историю взаимодействия с ОМСУ, включая его заявление, все запросы и оспариваемый отказ, что снижает бремя доказывания для гражданина;

- цифровая модель предоставляет суду мгновенный доступ ко всем официальным данным, позволяя суду проявить активную роль и быстро истребовать необходимые доказательства, если ОМСУ пытается уклониться от их предоставления.

Применение данной модели приводит к значительному сокращению асимметрии доказывания. Гражданам больше не придется затрачивать значительное время на сбор документации или подтверждать своевременность подачи заявлений. Все юридически значимые факты и действия будут зафиксированы в цифровой системе, что обеспечит прозрачность, оперативность и объективность процедуры предоставления услуг и обжалования решений.

Анализ проблемы асимметрии доказывания в деятельности СНТ и ОНТ позволяет сделать вывод о том, что использование специальных моделей минимизации способствует существенному снижению неопределенности и повышению эффективности защиты прав и законных интересов участников товариществ. Реализация предложенных мер направлена на создание прозрачной и справедливой среды, где каждая сторона имеет равные процессуальные возможности для доказывания своей позиции.

Список литературы:

1. Крылова, М. В. Правовые аспекты земельных споров в садоводческих некоммерческих товариществах и огороднических некоммерческих товариществах: анализ и пути решения // Материалы Международной научной конференции Современная научная парадигма: теория и практика. Санкт – Петербург. 10.11.2025.. С. 50-56. DOI 10.37539/251011.67.58.003.
- 2.Дзумаев Ан-М. Дин-М. Выводы в пользу одной стороны при уклонении другой от представления доказательств в гражданском процессе // Проблемы гражданского и арбитражного процесса.2020.С. 122-127.
- 3.Курылев, С.В. Избранные труды Промышленно-торговое право // С.В. Курылев и развитие науки гражданского процессуального права. Минск. 2012. С. 15.
- 4.Крылова, М.В. Частноправовые и публично-правовые начала в регулировании деятельности СНТ и ОНТ / М.В. Крылова // Журнал Бизнес. Образование. Право. 2025. № 3(72). С. 268-274.
- 5.Точилова, Т.М. Влияние фикций в гражданском процессе на законность и обоснованность судебного решения // Мировой судья. 2011. №3. С. 10-12.
- 6.Гафуров, Я.М. Понятие и сущность правосудия в контексте стандартизации отдельных видов государственной деятельности // Адвокат. 2015. №10. С. 53-67.
- 7.Боловлев, М.А. Злоупотребления процессуальными правами в Российской судебной практике / М.А. Боловлев // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2017. №2(51). С. 141-144.
- 8.Какурина, М.В. Злоупотребление процессуальным правом и судебное усмотрение / М.В. Какурина // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №1(40). С. 176-182.
- 9.Поляк, М.И. Злоупотребление правами в рамках гражданского и арбитражного процесса // СПС «Консультант Плюс».
- 10.Матвеева, Е.С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала / Е.С. Матвеева // Актуальные проблемы российского права. 2022. №2(135). С. 20-31
- 11.Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. Наук / А.В. Юдин. СПб. 2009. 537с.
- 12.Третьякова, Т.О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе / Т.О. Третьякова // БГЖ. 2018. №2(23). С. 418-420.
- 13.Крылова, М.В. Формы и порядок организации поддержки деятельности садоводческих некоммерческих товариществ и огороднических некоммерческих товариществ / М.В. Крылова // Журнал Бизнес. Образование. Право. 2025. №4(73). С. 268-274.

References:

1. Krylova, M. V. Legal aspects of land disputes in horticultural non-profit partnerships and vegetable gardening non-profit partnerships: analysis and solutions // Proceedings of the International Scientific Conference "Modern Scientific Paradigm: Theory and Practice". St. Petersburg. November 10, 2025. Pp. 50-56. DOI 10.37539/251011.67.58.003.
2. Dzumatov, An-M. Din-M. Conclusions in favor of one party when the other party refuses to present evidence in civil proceedings // Problems of civil and arbitration proceedings. 2020. Pp. 122-127.
3. Kurylev, S. V. Selected works. Industrial and commercial law // S. V. Kurylev and the development of the science of civil procedural law. Minsk. 2012. P. 15.
4. Krylova, M.V. Private and public law principles in regulating the activities of SNT and ONT / M.V. Krylova // Journal Business. Education. Law. 2025. No. 3 (72). P. 268-274.
5. Tochilova, T.M. The influence of fictions in civil proceedings on the legality and validity of a court decision // Magistrate. 2011. No. 3. P. 10-12.
6. Gafurov, Ya.M. The concept and essence of justice in the context of standardization of certain types of state activity // Advocate. 2015. No. 10. P. 53-67.
7. Bolovlev, M.A. Abuse of procedural rights in Russian judicial practice / M.A. Bolovlev // Bulletin of Omsk State University. Series: Law. 2017. No. 2 (51). Pp. 141-144.
8. Kakurina, M.V. Abuse of procedural rights and judicial discretion / M.V. Kakurina // VSU Bulletin. Series: Law. 2020. No. 1 (40). Pp. 176-182.
9. Polyak, M.I. Abuse of rights in civil and arbitration proceedings // SPS "Consultant Plus".
10. Matveeva, E.S. Causes and conditions of abuse of rights in the legal process of Russia in light of the costs of implementing the adversarial principle / E.S. Matveeva // Actual problems of Russian law. 2022. No. 2 (135). Pp. 20-31
11. Yudin, A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: dis. ... Doctor of Law / A.V. Yudin. St. Petersburg. 2009. 537 p.
12. Tretyakova, T.O. Problems of Abuse of Procedural Law in Civil and Arbitration Proceedings / T.O. Tretyakova // BGZh. 2018. No. 2 (23). Pp. 418-420.
13. Krylova, M.V. Forms and Procedure for Organizing Support for the Activities of Gardening Non-Commercial Partnerships and Vegetable Gardening Non-Commercial Partnerships / M.V. Krylova // Journal Business. Education. Law. 2025. No. 4 (73). Pp. 268-274.

БАНКРОТСТВО КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ BANKRUPTCY OF CREDIT INSTITUTIONS: SPECIAL LEGAL REGIME AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НОСОВ Георгий Владимирович,

студент юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.

107061, Россия, г. Москва, ул. Большая Черкизовская, д.8.

E-mail: Georgiy.nosov.2004@mail.ru;

NOSOV Georgiy Vladimirovich,

student of the Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation.

107061, Moscow, Bolshaya Cherkizovskaya str., 8.

E-mail: Georgiy.nosov.2004@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится комплексный анализ специального правового режима несостоятельности (банкротства) кредитных организаций в Российской Федерации. Подчеркивается системообразующая роль банков, в связи с этим, их банкротство рассматривается как событие, влекущее серьезные системные риски для финансовой стабильности. Автор исследует ключевые особенности данной процедуры, установленные нормами ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», включая доминирующую роль Банка России и АСВ на досудебной стадии, обязательный отзыв лицензии как предпосылку для возбуждения дела и применение исключительно конкурсного производства в суде. На основе изучения судебной практики и выявленных правоприменительных проблем сформулированы конкретные предложения по совершенствованию механизма, направленные на повышение эффективности, прозрачности и оперативности всей процедуры.

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of the special legal regime for the insolvency (bankruptcy) of credit institutions in the Russian Federation. It emphasizes the systemically key role of banks, and consequently, their bankruptcy is considered an event that poses serious systemic risks to financial stability. The author examines the key features of this procedure, established by the norms of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)," including the dominant role of the Central Bank of Russia and the Deposit Insurance Agency (DIA) at the pre-trial stage, the mandatory revocation of the banking license as a prerequisite for initiating a case, and the exclusive application of liquidation proceedings in court. Based on the study of judicial practice and identified enforcement problems, the article formulates specific proposals for improving the mechanism, aimed at increasing the efficiency, transparency, and timeliness of the entire procedure.

Ключевые слова: банкротство кредитных организаций, несостоятельность, Центральный Банк России, АСВ, специальный правовой режим, системные риски, конкурсное производство, санация, субсидиарная ответственность.

Keywords: bankruptcy of credit institutions, insolvency, Central Bank of Russia, Deposit Insurance Agency (DIA), special legal regime, systemic risks, liquidation proceedings, bank rehabilitation, subsidiary liability.

Для цитирования: Носов Г.В. Банкротство кредитных организаций: специальный правовой режим и проблемы правоприменительной практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_395.

For citation: Nosov G.V. Bankruptcy of credit institutions: special legal regime and problems of law enforcement practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_395.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Кредитные организации играют системообразующую роль в финансовой системе государства, выступая ключевыми посредниками в процессе перераспределения капитала, обеспечения расчетов и аккумулирования сбережений. Их устойчивое функционирование является необходимым условием для экономического роста и финансовой стабильности государства. В связи с этим несостоятельность (банкротство) кредитной организации представляет собой не просто частный случай банкротства юридического лица, а серьезное системное событие, влекущее масштабные негативные последствия.

Последствия банкротства в особенности крупных кредитных организаций носят многогранный и разрушительный характер. Прежде всего, под удар ставятся интересы миллионов граждан-вкладчиков, которые рискуют потерять свои сбережения, что подрывает базовое доверие населения к финансовой системе в целом. Для кредиторов, включая как юридические, так и физические лица, это означает прямые финансовые потери и нарушение хозяйственных связей. Банкротство кредитных организаций дестабилизирует денежно-кредитную систему, провоцирует кризис ликвидности, усиливает системные риски и может стать катализатором цепной реакции несостоятельности других участников рынка, создавая эффект «домино».

Особую актуальность проблема приобретает в современных условиях, характеризующихся действием санкционного давления и общей экономической нестабильностью, что отмечается в исследовании А.Ю. Дмитриховской [5, с.193]. В такой обстановке совершенствование правовых механизмов определяется как перспективная задача, ориентированная на предупреждение банкротства банков и минимизацию его последствий.

Как справедливо отмечают М.А. Назина и А.А. Белецкая [7, с.233], а также Е.В. Савельева [9, с.195], на сегодняшний день к ключевым особенностям процедуры банкротства кредитных организаций следует отнести: обязательность этапа досудебных мер по предупреждению банкротства, исключительность роли Банка России в инициировании процедуры банкротства и контроль за ней, обязательность участия Агентства по страхованию вкладов (АСВ), а также применение в суде только одной процедуры – конкурсного производства.

Правовое регулирование данного процесса осуществляется в рамках специального параграфа 4.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», который «устанавливает особый порядок, существенно отличающийся от общих процедур банкротства, и включает: особые основания и признаки для признания кредитной организации банкротом, специфические меры по предупреждению банкротства, применяемые на досудебной стадии, исключительную процедуру» [1] – конкурсное производство, при этом следует, что наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление и мировое соглашение к кредитным организациям не применимы. Особый порядок подачи заявления о признании банкротом, неразрывно связанный с отзывом лицензии, и специальный субъектный состав участников процедуры, в котором ключевую

роль играют Банк России и Агентство по страхованию вкладов (АСВ) также закреплены нормами указанного закона.

Определение понятия «кредитной организации как юридического лица, имеющего исключительное право на осуществление банковских операций на основании лицензии Банка России» [2] закреплено ст.1 ФЗ «О банках и банковской деятельности». Закон также закрепляет полномочия Банка России по осуществлению надзора, в том числе по отзыву лицензии за нарушение банковского законодательства, что, согласно ст. 189.64 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», является обязательной предпосылкой для возбуждения дела о банкротстве, а также устанавливает правовые последствия отзыва лицензии.

Банк России, выступая мегарегулятором финансового рынка, наделен широкими нормотворческими полномочиями в данной сфере. Он издает обязательные для исполнения кредитными организациями нормативные акты, в том числе акты, определяющие порядок и критерии оценки финансового состояния банков, положения о мерах по предупреждению несостоятельности, инструкции и указания, регламентирующие деятельность временной администрации.

Как подчеркивается в работах Д.С. Рязановой [8, с.199] и А.В. Кожевникова [6, с.5], двойственная роль Банка России заключается в том, что он одновременно является и органом надзора, инициатором процедур банкротства, и субъектом, уполномоченным проводить меры по их предупреждению.

Правовые основы банкротства кредитных организаций также дополняются нормами Гражданского кодекса РФ, закрепляющего общие положения о юридических лицах, их ликвидации и несостоятельности, Арбитражного процессуального кодекса РФ, который определяет процедурные особенности рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном суде, а также нормами Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025), который устанавливает механизм защиты прав вкладчиков через участие АСВ в процедурах банкротства в качестве конкурсного управляющего для банков, привлекавших средства населения.

Специфика правового положения кредитных организаций и осуществляемых ими процедур определяет особенности их банкротства. В отличие от обычных юридических лиц, «основанием для признания кредитной организации банкротом является ее неспособность удовлетворить требования кредиторов в течение 14 дней с момента наступления даты исполнения обязательств» [1], что изложено в ст. 189.8 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Этот срок существенно короче трехмесячного, применяемого к другим юридическим лицам. Как отмечает А.А. Айвазян, такая оперативность обусловлена необходимостью минимизации системных рисков и сохранения стабильности банковской системы [3, с.126].

Процедура банкротства кредитных организаций существенно отличается от несостоятельности иных юридических лиц, так как они обладают публично-правовым статусом, что влияет на все этапы процесса несостоятельности – от возбуждения дела до конкурсного производства и ликвидации. В совокупности эти нормы создают особый правовой режим, призванный сбалансировать права кредиторов, защитить вкладчиков и обеспечить стабильность финансовой системы.

На досудебной стадии в отношении кредитных организаций применяется развернутый комплекс мер, направленных на восстановление их финансовой устойчивости. К ним относятся меры по финансовому оздоровлению (санация), которые могут инициироваться Банком России, самим банком или его учредителями. В качестве крайней меры Банк России может назначить временную администрацию, чьи полномочия, по замечанию В.А. Денисовой, носят двойственный характер: от исполнения функций органов банка до выполнения публично-правовых задач [4, с.107]. Еще одной мерой является реорганизация в форме слияния или присоединения, которая, однако, используется нечасто из-за сложности процедуры.

После отзыва лицензии процедура банкротства приобретает уникальные черты. Во-первых, заявление о банкротстве может быть подано в суд только после отзыва лицензии, что подчеркивает, что банкротство является завершающей стадией ликвидации банка. Во-вторых, Банк России не только обладает правом, но и обязан подать такое заявление в течение 5 дней. В-третьих, в отличие от общих процедур, арбитражный суд применяет только конкурсное производство, так как все восстановительные меры исчерпываются на досудебной стадии.

Конкурсное производство в отношении кредитной организации также имеет существенные отличия. Ключевую роль играет специальный субъект – конкурсный управляющий. Для банков, привлекавших вклады физических лиц, эту функцию выполняет Агентство по страхованию вкладов (АСВ), наделенное широкими полномочиями. Для защиты прав вкладчиков закон устанавливает особый порядок формирования реестра требований, который вносится управляющим автоматически, и специальную очередность, отдающую приоритет физическим лицам. Кроме того, общий срок конкурсного производства сокращен до одного года, что отражает стремление к оперативности.

Судебная практика по банкротству кредитных организаций демонстрирует четкий курс на обеспечение финансовой стабильности и максимальную защиту интересов кредиторов, особенно вкладчиков. Сформированные правовые позиции раскрываются через рассмотрение конкретных громких дел. Прежде всего, суды всесторонне поддерживают меры досудебного оздоровления системно значимых банков, проводимые Банком России. Ярким примером служит санация Промсвязьбанка (дело № А40-27909/2018), в ходе которой суды признали законным механизм конвертации требований старых владельцев и их вытеснения из капитала с помощью Фонда консолидации банковского сектора. Аналогичный подход был применен и в деле «ФК Открытие» (№ А40-170390/2019), где действия мегарегулятора получили приоритет над интересами прежних акционеров ради сохранения стабильности финансовой системы.

На стадии конкурсного производства доминирует активная роль Агентства по страхованию вкладов (АСВ), которое последовательно оспаривает сделки по выводу активов. Однако, в деле банка «Югра» (№ А40-145500/2017) суд не удовлетворил требования АСВ о признании недействительными сделок по продаже кредитного портфеля, совершенных накануне отзыва лицензии. Суды в таких случаях анализируют не формальные признаки, а экономическую суть операций, что видно и в деле Военно-Промышленного Банка (№ А40-200773/2016), где договоры репо были переключены в займы.

Важнейшим инструментом пополнения конкурсной массы стало привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Флагманским здесь является дело «Татфондбанка» (№ А65-5821/2017), по которому с его бенефициаров были взысканы десятки миллиардов рублей. Суды принимают во внимание косвенные доказательства контроля, понимая, что прямые улики часто отсутствуют.

Что касается практических аспектов ликвидации, то суды поддерживают использование АСВ специализированных механизмов, например, подтвердив законность реализации активов банка «Московский Объединенный Банк» (№ А40-33531/20-177-63) через электронную площадку самого Агентства. Таким образом, анализ реальных дел позволяет сделать вывод о сложившейся жесткой и предсказуемой для регулятора практике, направленной на очищение банковского сектора и минимизацию потерь для кредиторов через поддержку санации, бескомпромиссную борьбу с выводом активов и субсидиарную ответственность конечных выгодоприобретателей.

Несмотря на детальную проработку принятых норм, правоприменительная практика выявляет системные проблемы, снижающие эффективность процесса. Одной из ключевых проблем является запаздывающий характер досудебных мер. Меры оздоровления часто применяются, когда банк уже находится в глубоком кризисе. Для решения этой проблемы предлагается внедрить систему упреждающего надзора, основанную на технологиях обработки больших массивов информации, законодательно закрепить обязанность руководства банка своевременно обращаться за помощью к регулятору и рассмотреть стимулирование санации через налоговые льготы.

Другой серьезной проблемой является низкая скорость и неэффективность реализации активов, что затягивает производство. Выходом видится создание специализированной электронной торговой площадки, активное использование механизма передачи активов «здоровым» банкам и упрощение процедуры продажи активов единым лотом.

Для повышения общей эффективности процедуры необходимо усилить роль АСВ. Это можно достичь за счет закрепления обязательного совместного участия АСВ и Фонда консолидации банковского сектора (ФКБС) в мерах по предупреждению банкротства, расширения аналитических полномочий АСВ на ранних стадиях и усиления его роли в оспаривании сделок и привлечении контролирующих лиц к ответственности.

Также остается актуальной проблема недостаточной прозрачности процедуры для кредиторов. Ее решением может стать создание единого информационного портала по банкротству, цифровизация взаимодействия с кредиторами и пилотное внедрение технологии блокчейн для ведения реестра требований.

В рамках совершенствования законодательства предлагается ввести ускоренную процедуру банкротства для малых кредитных организаций, более четко определить механизм привлечения к субсидиарной ответственности, упростить доступ кредиторов к информации и создать механизм досудебного урегулирования споров.

Следует сделать вывод, что банкротство кредитных организаций представляет собой специальный правовой режим, обусловленный их публичной значимостью. Его правовая основа формируется комплексным взаимодействием норм о банкротстве, банковского законодательства и актов Банка России. Ключевые особенности включают доминирующую роль Банка России на досудебной стадии, обязательный отзыв лицензии и специальный статус АСВ.

Перспективы развития законодательства видятся в цифровой трансформации, дифференциации процедур, усилении профилактического надзора и совершенствовании института ответственности.

Для практической реализации этих перспектив Банку России необходимо активнее внедрять системы анализа данных, способные заблаговременно выявлять риски в деятельности кредитных организаций.

АСВ целесообразно разработать стандарты эффективной реализации активов и обеспечить максимальную информационную открытость. Арбитражным судам следует учитывать специфику банковских активов и способствовать ускорению процедуры.

Таким образом, комплексная реализация предложенных мер позволит повысить эффективность, прозрачность и скорость процедуры банкротства кредитных организаций, что укрепит стабильность финансовой системы и уровень защиты прав кредиторов.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025, ред. от 31.07.2025)
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025, ред. от 31.07.2025)
3. Айвазян А.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции. Симферополь, 2024. С.125-129.
4. Денисова В.А. Особенности банкротства кредитных организаций // Трибуна ученого. 2023. №3. С.103-110.
5. Дмитриевская А.Ю. Перспективы развития и совершенствования законодательства, регулирующего банкротство кредитных организаций в современной России // Вестник науки. 2023. № 11 (68). Т.2. С. 188–193.
6. Кожевников А.В. Предупреждение банкротства кредитных организаций // Актуальные проблемы правоведения. 2024. № 1 (81). С. 4–8.
7. Назина М.А., Белецкая А.А. Особенности процедуры несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Юридические науки. 2023. № 12–3(87). С.232–234.
8. Рязанова Д.С. Сущность, признаки и особенности процедуры несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Академическая публицистика. 2025. № 6. С.196–204.
9. Савельева Е.В. Особенности производства по делу о банкротстве кредитной организации и правовое положение конкурсного управляющего // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Юридические науки. 2024. № 10–5(97). С.195–198.

References:

1. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2025, ed. dated 07/31/2025)
2. Federal Law "On Banks and Banking Activities" dated 02.12.1990 No. 395-1 (as amended and supplemented, intro. effective from 01.10.2025, ed. dated 07/31/2025)
3. Ayvazyan A.A. Legal regulation of insolvency (bankruptcy) of credit organizations // Practical philosophy: state and prospects: collection of materials of the VII scientific conference. Simferopol, 2024. pp.125-129.
4. Denisova V.A. Features of bankruptcy of credit organizations // Tribune of the Scientist. 2023. No. 3. pp.103-110.
5. Dmitriyevskaya A.Y. Prospects for the development and improvement of legislation regulating the bankruptcy of credit institutions in modern Russia // Bulletin of Science. 2023. No. 11 (68). Vol. 2. pp. 188-193.
6. Kozhevnikov A.V. Prevention of bankruptcy of credit institutions // Actual problems of jurisprudence. 2024. No. 1 (81). pp. 4-8.
7. Nazina M.A., Beletskaya A.A. Features of the insolvency (bankruptcy) procedure of credit organizations // Legal Sciences. 2023. No. 12-3(87). pp.232-234.
8. Ryzanova D.S. The essence, signs and features of the insolvency (bankruptcy) procedure of credit institutions // Academic Journalism. 2025. No. 6. pp.196-204.
9. Savelyeva E.V. Features of bankruptcy proceedings of a credit institution and the legal status of the bankruptcy trustee // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Legal sciences. 2024. No. 10-5(97). pp.195-198.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТИПОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ О ЗАКУПКЕ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ПО ЗАКОНУ № 223-ФЗ ЗАКАЗЧИКАМИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

THE PRACTICE OF APPLYING THE STANDARD PROVISION ON THE PURCHASE OF GOODS, WORKS, AND SERVICES UNDER LAW NO. 223-FZ BY CUSTOMERS OF THE SAMARA REGION

КОЛЕСНИКОВА Ирина Александровна,

Главный консультант управления правового, кадрового и финансового обеспечения комитета по организации торгов Самарской области, г. Самара.
443000, Россия, г. Самара.

E-mail: KolesnikovaIA@samregion.ru;

KOLESNIKOVA Irina Alexandrovna,

Chief Consultant of the Department of Legal, Personnel and Financial support of the Committee for the Organization of auctions of the Samara region, Samara.
443000, Russia, Samara.

E-mail: KolesnikovaIA@samregion.ru

Краткая аннотация: В данной статье проведен анализ применения норм типового положения о закупке в целях формирования превентивной стратегии, направленной на минимизацию рисков нарушения законодательства о закупках заказчиками.

Abstract: This article analyzes the application of the rules of the model procurement regulation in order to form a preventive strategy aimed at minimizing the risks of violations of procurement legislation by customers.

Ключевые слова: закупки, жалобы ФАС, положение о закупке, типовое положение о закупке, принципы закупочной деятельности.

Keywords: procurement, FAS complaints, procurement regulations, model procurement regulations, principles of procurement activities.

Для цитирования: Колесникова И.А. Практика применения типового положения о закупке товаров, работ, услуг по Закону № 223-ФЗ заказчиками Самарской области // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 398-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_398.

For citation: Kolesnikova I.A. The practice of applying the standard provision on the purchase of goods, works, and services under Law No. 223-FZ by customers of the Samara region // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 398-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_398.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2025

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью углубленного анализа практики применения типового положения о закупках товаров, работ и услуг в рамках Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц (далее – Закон № 223-ФЗ) в условиях региональной специфики Самарской области.

Закон № 223-ФЗ устанавливает общие принципы закупки товаров, работ, услуг организаций, указанных в статье 1 данного закона, в том числе закупочной деятельности государственных и муниципальных заказчиков, для которых возможно утверждение типовых положений о закупке. Практика регионального нормотворчества в сфере корпоративных закупок сложилась в Самарской области с 2014 года, более подробно об этом можно ознакомиться в моей ранее опубликованной статье [4].

Вечканова Т.В. в своей статье «Закупки по ФЗ-223 и ФЗ-44» [2] исследует различия и сходства осуществления закупок по этим двум законам. Однако, за последние несколько лет можно наблюдать нарастающую тенденция к схожести правового регулирования порядка проведения закупок корпоративных и государственных заказчиков, особенно это касается бюджетных и автономных учреждений, которые в силу положений статьи 15 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) осуществляют закупки по двум вышеуказанным законам.

Региональные особенности Самарской области оказывают влияние на внедрение типовых форм в закупочную деятельность заказчиков и требуют их адаптации к специфике региона. Это определяет необходимость системного анализа практики применения типового положения, учета практики контрольных органов, выявления возможных несоответствий или проблемных аспектов, мешающих реализации установленных требований.

Проведение такого анализа позволяет не только повысить эффективность правового регулирования закупочной деятельности в регионе, но и способствует своевременному внесению изменений в типовое положение в целях недопущения возникновения неблагоприятных последствий для заказчиков, что соответствует риск-ориентированному подходу к управлению в сфере закупок, а также укреплению доверия участников рынка.

Исследование практики применения типового положения о закупке товаров, работ, услуг по Закону № 223-ФЗ заказчиками Самарской области актуально и своевременно, поскольку позволяет определить направления дальнейшего усовершенствования правового механизма, содействующих укреплению правовой основы закупочной деятельности и повышению эффективности использования средств.

Особое значение приобретает анализ практики контрольных органов, таких как Управление Федеральной антимонопольной службы Самарской области (далее – УФАС Самарской области), в выявлении нарушений и реализации мер по их устранению, что в дальнейшем формирует обоснованный опыт и положительные практики. Исследование проводилось на основе данных, размещенных в базе данных решений и правовых актов на сайте ФАС России: <https://br.fas.gov.ru>.

Целями настоящего исследования являются всесторонняя оценка эффективности практики применения типового положения о закупке товаров, работ, услуг в рамках Закона № 223-ФЗ в условиях Самарской области, а также выявление и анализ проблемных аспектов, возникающих при реализации данного нормативного инструмента.

Аналитическая часть исследования будет представлена обзором практических кейсов, иллюстрирующих реальное положение дел и сложности, возникающие при реализации законодательства о закупках в соответствии с типовым положением о закупке.

Определение понятия «типовое положение о закупке» согласно Закону № 223-ФЗ

В Законе № 223-ФЗ нет прямого определения понятия «типовое положение о закупке», оно определяется через понятие «положение о закупке».

Согласно части 2 статьи 2 вышеуказанного закона положение о закупке является документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок определения и обоснования начальной (максимальной) цены договора, цены договора, заключаемого с единственным поставщиком (исполнителем, подрядчиком), включая порядок определения формулы цены, устанавливающей правила расчета сумм, подлежащих уплате заказчиком поставщику (исполнителю, подрядчику) в ходе исполнения договора (далее – формула цены), определения и обоснования цены единицы товара, работы, услуги, определения максимального значения цены договора, порядок подготовки и осуществления закупок способами, указанными в частях 3.1 и 3.2 статьи 3 Закона № 223-ФЗ, порядок и условия их применения, порядок заключения и исполнения договоров, а также иные связанные с обеспечением закупки положения.

В соответствии с частью 2.1 статьи 2 Закона № 223-ФЗ федеральный орган исполнительной власти, исполнительный орган субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления, осуществляющие функции и полномочия учредителей, собственников имущества соответствующих учреждений, либо иной уполномоченный высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, местной администрацией орган вправе утвердить типовое положение о закупке, а также определить круг учреждений, предприятий, для которых применение такого типового положения о закупке будет являться обязательным при утверждении ими положения о закупке или внесении в него изменений.

Типовое положение о закупке размещается в единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС) в разделе «Типовые положения о закупках (223-ФЗ)»: <https://zakupki.gov.ru/epz/typalclause/search/results.html>. Одновременно с размещением типового положения о закупке в ЕИС отражаются перечень организаций, на которых оно распространяется (с ИНН), способы закупок и протоколы закупок. В частности, типовое положение о закупке товаров, работ, услуг бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области размещено в ЕИС 24.10.2018, № 1180000661 [6].

Обращаю внимание, что согласно частям 2.3, 2.4 статьи 2 Закона № 223-ФЗ типовое положение о закупке должно содержать не подлежащие изменению при разработке и утверждении соответствующими бюджетными учреждениями, автономными учреждениями, унитарными предприятиями положения о закупке следующие сведения:

- 1) порядок подготовки и (или) осуществления закупки;
- 2) способы закупок и условия их применения;
- 3) срок заключения по результатам конкурентной закупки договора, установленный в соответствии с настоящим Федеральным законом;
- 4) особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках.

Часть 2.2 статьи 2 Закона № 223-ФЗ предусматривает, что в типовом положении о закупке определяется дата, до наступления которой соответствующие бюджетные учреждения, автономные учреждения, унитарные предприятия обязаны внести изменения в свои положения о закупке либо утвердить новые положения о закупке в соответствии с типовым положением.

Законом № 223-ФЗ установлен пятнадцатидневный срок для:

внесения изменений в положения заказчиков, на которые распространяется типовое положение, при внесении изменений в последнее; размещения в ЕИС типового положения или изменений в него после утверждения в установленном порядке.

Правовое регулирование в Самарской области

В соответствии с постановлением Правительства Самарской области от 21.12.2005 № 165 «О принятии Положения о комитете по организации торгов Самарской области» комитет по организации торгов Самарской области (далее – Комитет) является органом, уполномоченным на утверждение типового положения о закупке товаров, работ, услуг бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области, а также на определение бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области, для которых применение типового положения о закупке является обязательным при утверждении ими положения о закупке или внесении в него изменений.

В качестве нормативной основы закупочной деятельности по Закону № 223-ФЗ для заказчиков Самарской области выступает приказ Главного управления организации торгов Самарской области (переименован в комитет по организации торгов Самарской области) от 10.10.2018 № 172 «Об утверждении типового положения о закупке товаров, работ, услуг бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области и перечня бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области, для которых применение типового положения о закупке является обязательным при утверждении ими положения о закупке или внесении в него изменений».

Возможность принятия типового положения о закупке как инструмента стандартизации закупок обеспечивает повышение прозрачности и понятности требований для всех участников закупочной процедуры [5].

Важно отметить, что в процессе нормативного регулирования особо акцентируется необходимость соблюдения требований федерального законодательства, особенно в части обеспечения конкурентных условий, недопущения коррупционных рисков и повышения эффективности использования средств заказчиков, соблюдения условий применения национального режима в закупках.

Реализация принципов Закона № 223-ФЗ при применении типового положения заказчиками Самарской области

Принципы закупочной деятельности отражены в части 1 статьи 3 Закона № 223-ФЗ и раскрываются в типовом положении о закупке.

1. Принцип информационной открытости закупки, предусматривающий размещение полной информации о закупке в ЕИС, дополняется требованиями раздела 2.2 типового положения о закупке об использовании региональной подсистемы «Закупки отдельными видами юридических лиц (223-ФЗ) «ГИС «Госзаказ». Закон № 223-ФЗ предусматривает обязанность заказчика размещать информацию о закупках, о заключении, об исполнении договоров в ЕИС, за исключением отдельных установленных законодательством случаев, в том числе направленных на обеспечение конфиденциальности информации об отдельных закупках, включая случаи, связанные с санкционным давлением.

Кейс № 1:

В качестве примера в данном случае можно привести рассмотрение жалобы на закупку (извещение в ЕИС № 32414377084) в форме открытого конкурса, проведенную заказчиком Самарской области, применяющим не типовое положение о закупках, а перечень требований к положению о закупке товаров, работ, услуг хозяйственных обществ, более 50 процентов акций (долей) в уставных капиталах которых находятся в собственности Самарской области, утвержденный постановлением Правительства Самарской области от 15.04.2021 № 222, к подготовке которого Комитет также имеет непосредственное отношение. Заявитель жалобы указывал, что заказчиком неправомерно проводился конкурс не в электронной форме. Комиссия Самарского УФАС в решении от 29.01.2025 по делу № 063/07/3-25/2025¹ указала, что данный способ закупки соответствует пункту 1.1 ст. 8 Положения о закупке заказчика, условия его проведения не противоречат требованиям Положения о закупке, разработанному на разработано на основании постановления Правительства Самарской области от 15.04.2021 № 222, и действующему законодательству. Жалоба была признана необоснованной, выбранный способ закупки не ограничивает конкуренцию.

2. Принцип равноправия, справедливости, отсутствия дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки реализуется в установлении в пункте 3.1.1 конкурентных (проводимых только в электронной форме) и неконкурентных способов закупки, закрытом перечне оснований закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) в соответствии с приложением к типовому положению, недопустимости предъявления к участникам закупки, к закупаемым товарам, работам, услугам, а также к условиям исполнения договора требований, которые не указаны в документации о закупке в соответствии с пунктом 3.8.3 типового положения, установления порядка предоставления национального режима при осуществлении закупок и т.д.

Кейс № 2:

При проведении аукциона в электронной форме для СМСП (извещение в ЕИС № 32514571076) поступила жалоба, что в обход конкурентных процедур заказчиком неправомерно заключен договор с единственным поставщиком. При рассмотрении жалобы комиссией Самарского УФАС было установлено, что конкурентная закупка была признана несостоявшейся, на основании п. 4.2.7.6 Положения о закупке, п. 24 Перечня оснований закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) был заключен договор, нарушения не выявлены, решением от 24.04.2025 по делу № 063/07/3-298/2025 жалоба признана необоснованной².

3. Принцип целевого и экономически эффективного расходования денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг (с учетом при необходимости стоимости жизненного цикла закупаемой продукции) и реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика заключается в применении порядка определения и обоснования НМЦ договора, цены договора, заключаемого с единственным поставщиком (исполнителем, подрядчиком) в соответствии с разделом 2.4 типового положения, применение при осуществлении закупки антидемпинговых мер согласно разделу 3.15 типового положения.

Кейс № 3:

Комиссия Самарского УФАС рассматривала жалобу на закупку в форме аукциона в электронной форме для СМСП (извещение в ЕИС № 32514717952), предметом жалобы стал неверный расчет НМЦ договора, составление документации с нарушением требований Закона № 223-ФЗ в части отсутствия обязательных требований к составу заявки, условий поставки и т.д. При рассмотрении жалобы было установлено, что порядок расчета НМЦ определяется п. 2.4.10 Положения о закупках, заявитель жалобы, подавая заявку на участие в закупке, соглашался на условия, запросы дачи разъяснений не направлял, соответственно был согласен с условиями закупки. Решением от 06.05.2025 по делу № 063/07/3-326/2025 жалоба была признана необоснованной³.

4. Принцип отсутствия ограничений допуска к участию в закупке отражен в закрытом перечне оснований для отказа в допуске к участию в процедурах закупок в соответствии с пунктом 3.9.7 типового положения.

Кейс № 4:

Участник закупки пожаловался на неправомерное отклонение заявки при проведении конкурса в электронной форме для СМСП (извещение в ЕИС № 32515190417). Признавая жалобу необоснованной комиссия Самарского УФАС в решении от 25.09.2025 по делу № 063/07/3-961/2025 указала, что заявка отклонена на основании пп. 1 п. 3.9.7 Положения о закупке в связи с отсутствием в ее составе учредительного доку-

¹ <https://br.fas.gov.ru/cases/1680f962-8186-4907-ac7e-5f50d9fee399/>

² <https://br.fas.gov.ru/cases/916ddd84-6d7f-4233-a8a0-6584070e504b/>

³ <https://br.fas.gov.ru/cases/0262a2d1-b76d-48c4-a323-fdc354b15030/>

мента участника (юридического лица), представление которого предусмотрено пунктом 1 части 19.1 статьи 3.4 Закона № 223-ФЗ, подпункта 1 пункта 2 конкурсной документации¹.

Вышеизложенное характеризуется как важный механизм обеспечения правовых, экономических и процедурных стандартов, направленных на формирование прозрачной и конкурентоориентированной системы закупок отдельными видами юридических лиц.

Конечно, многое зависит от непосредственной деятельности заказчика при проведении закупочных процедур, при которых могут проявиться искажения или умышленное уклонение от требований типового положения, что приводит к реагированию со стороны контрольных органов. Использование типового положения о закупках должно способствовать исключению неконкурентных практик, вовлечению новых участников закупок и созданию равных условий для всех субъектов.

Практика УФАС Самарской области по закупкам по Закону № 223-ФЗ с национальным режимом

Практика контрольных органов Самарской области по соблюдению требований Закона № 223-ФЗ в рамках использования типового положения о закупках и применения положений законодательства о национальном режиме представляет собой важный аспект обеспечения функционирования системы закупок отдельными видами юридических лиц с соблюдением принципов информационной открытости, отсутствием необоснованного ограничения конкуренции, эффективного расходования денежных средств.

В соответствии со статьями 3.1-4 Закона № 223-ФЗ при осуществлении закупок предоставляется национальный режим, обеспечивающий происходящему из иностранного государства или группы иностранных государств товару, работе, услуге, соответственно выполняемой, оказываемой иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом, равные условия с товаром российского происхождения, работой, услугой, соответственно выполняемой, оказываемой российским гражданином или российским юридическим лицом (далее – российское лицо), за исключением случаев принятия Правительством Российской Федерации мер, предусмотренных пунктом 1 части 2 данной статьи. В соответствии с указанной нормой было принято постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», которое распространяется на порядок проведения закупок как по Закону № 44-ФЗ, так и по Закону № 223-ФЗ.

С точки зрения теории, национальный режим при осуществлении закупок – это система правил, в т. ч. запретов и ограничений, преимуществ, установленных в закупках продукции в целях создания наиболее благоприятных условий для поставщиков отечественной продукции по отношению к иностранным товарам, иностранным исполнителям и подрядчикам [3].

Как отмечает кандидат юридических наук, доцент Алексей Владимирович Азархин национальный режим, который предусмотрен действующим законодательством является важной и нужной составляющей закона. Поддержка отечественного производителя, необходимость закупки товаров российского производства, безусловно, необходимо для нашей страны, особенно в данный момент, когда ситуация политически и экономически нестабильна [1].

К настоящему времени у региональных заказчиков, использующих типовое положение о закупке, и антимонопольной службы Самарской области сложилась определенная практика применения национального режима, которую можно проиллюстрировать кейсами, представленными в таблице № 1.

Таблица № 1

№ п/п	Реквизиты решения УФАС по СО	Номер извещения и предмет закупки	Предмет жалобы	Решение	Комментарии
1	решение от 25.03.2025 по делу № 063/07/3-218/2025, жалоба № 3792-эп/25, https://br.fas.gov.ru/cases/4de22274-38ef-47fc-a680-e543574cfd99/	32514568923, поставка комплекта учебно-лабораторного оборудования "Монтаж телекоммуникационных сетей" - 4.0	неправомерный допуск заявки участника, не представившего реестровую запись из РРПП по ППР № 1875	жалоба необоснованная	допуск участников к процедуре подачи ценовых предложений осуществляется на основании согласия заявителя на поставку товара. После проведения торговых процедур заказчик самостоятельно проверяет документы, предоставленные участниками закупки в составе заявки, а также проверяет данные из РРПП по учетным данным поставщика. В составе заявки был указан реестровый номер

¹ <https://br.fas.gov.ru/cases/d9c7a2b4-ba4f-4459-99fa-917d71e3e55e/>

2	решение от 25.08.2025 по делу № 063/07/3-814/2025, жалоба № 12234-эп/25, https://br.fas.gov.ru/cases/063ac423-856d-445f-b948-3752c5a98bd8/	32515098472, Поставка интерактивных дисплеев для оснащения лаборатории информационных технологий	неправомерно определен победитель закупки, т.к. не учтен первый уровень радиоэлектронной продукции по ППР 719 (ППР 1875)	жалоба обоснованная	предмет закупки входит в Приложение № 2 к ППР 1875 (ограничения). Победителем в составе заявки указан номер из РРПП 2 уровня, заявитель указывал в составе своей заявки номер из РРПП 1 уровня. Таким образом, нарушены требования п. "г" п. 4 ППР 1875, поскольку заявителем жалобы был предложен товар с 1 уровнем. Предписание + решение вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 3 ст. 7.30.4 КоАП РФ)
3	решение от 25.09.2025 по делу № 063/07/3-948/2025, жалоба № 13700-эп/25, https://br.fas.gov.ru/cases/82356764-0528-4d8b-a067-662fc9273198/	32515133269, поставка средств индивидуальной защиты	неправомерное отклонение заявки, в РРПП отсутствуют записи на предмет закупки, в протоколе рассмотрения заявок не указано конкретное основание к отказу в допуске	жалоба частично обоснованная	предмет закупки входит в Приложение № 1 к ППР 1875 (запрет). Заявителем в составе заявки указан номер из РРПП на товар, не относящийся к предмету закупки, что явилось правомерным основанием для отклонения заявки по п. 3.9.7 Положения о закупке - недостоверные сведения. Однако заказчик в протоколе указывает иное основание для отклонения - несоответствие требованиям извещения. Предписание не выдавать, поскольку выявленное нарушение не повлияло на результаты закупки. Решение вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 3 ст. 7.30.4 КоАП РФ)

Источник: данные автора, полученные из базы решений и правовых актов на сайте ФАС России: <https://br.fas.gov.ru>

Выводы

Основные выводы, сформулированные по результатам анализа практики применения заказчиками Самарской области типового положения о закупке товаров, работ, услуг в рамках Закона № 223-ФЗ:

1. исследование подтвердило, что внедрение типового положения о закупках способствует унификации закупочных процедур и реализации принципов закупочной деятельности;
2. практика, сформированная антимонопольным органом, имеет весомое значение для формирования положительного опыта применения типового положения;
3. важным направлением является своевременная разработка и внедрение изменений в типовое положение, направленных на оптимизацию закупочной деятельности заказчиков.

Список литературы

- 1) Азархин А.В. Проблемы правового регулирования подтверждения страны происхождения при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 6-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pravovogo-regulirovaniya-podverzheniya-strany-proishozhdeniya-tovara-pri-provedenii-zakupok-dlya-gosudarstvennyh-i-viewer>
- 2) Вечканова Т.В. Закупки по ФЗ-223 и ФЗ-44 //Международный научный журнал «Вестник науки» № 2 (23). Т.2. С. 60-66. <https://cyberleninka.ru/article/n/zakupki-po-fz-223-i-fz-44/viewer>
- 3) Добрецов Г.Б., Вдовина А.Н., Лукиных В.Ф. Некоторые вопросы национального режима закупки: различия в закона № 44-ФЗ и № 223-ФЗ // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Выпуск 3. С. 382-390. URL: <https://vestnik-ku.ru/images/2024/3/2024-3-13.pdf>
- 4) Колесникова И.А. Практика регулирования закупочной деятельности хозяйственных обществ, учредителем (участников) которых является Самарская область //Сборник докладов IX Всероссийской практической конференции-семинара «Корпоративные закупки-2021: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ», М., 2021. С. 132-135. <https://roszakupki.ru/publications/detail.php?ID=7475>
- 5) Назар М. М., Тамьяров А. В., Магомедов И. А., Лобачева Н. А.. Организация, контроль и экспертиза закупочной деятельности в контексте региональной специфики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. С. 37-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-kontrol-i-ekspertiza-zakupochnoy-deyatelnosti-v-kontekste-regionalnoy-spetsifiki>
- 6) Типовое положение о закупке товаров, работ, услуг бюджетных учреждений Самарской области, автономных учреждений Самарской области, государственных унитарных предприятий Самарской области. <https://zakupki.gov.ru/epz/typclause/card/common-info.html?typalClauseInfId=121025>

References

- 1) Azarkhin A.V. Problems of legal regulation of the confirmation of the country of origin in procurement for state and municipal needs // Law and the state: theory and practice. 2022. No. 10 (214). pp. 6-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pravovogo-regulirovaniya-podverzheniya-strany-proishozhdeniya-tovara-pri-provedenii-zakupok-dlya-gosudarstvennyh-i-viewer>
- 2) Vechkanova T.V. Procurement under FZ-223 and FZ-44 //International Scientific journal "Bulletin of Science" No. 2 (23). Vol. 2. pp. 60-66. <https://cyberleninka.ru/article/n/zakupki-po-fz-223-i-fz-44/viewer>
- 3) Dobretsov G.B., Vdovina A.N., Lukinykh V.F. Some issues of the national procurement regime: differences in Law No. 44-FZ and No. 223-FZ // Corporate Governance and innovative development of the Economy of the North: Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment Syktvykar State University. 2024. Vol. 4. Issue 3. pp. 382-390. URL: <https://vestnik-ku.ru/images/2024/3/2024-3-13.pdf>
- 4) Kolesnikova I.A. The practice of regulating the procurement activities of business companies, the founder (participants) of which is the Samara region //Collection of reports of the IX All-Russian Practical Conference-seminar "Corporate Procurement-2021: the practice of applying Federal Law No. 223-FZ", Moscow, 2021, pp. 132-135. <https://roszakupki.ru/publications/detail.php?ID=7475>
- 5) Nazar M. M., Tamyarov A.V., Magomedov I. A., Lobacheva N. A. Organization, control and expertise of procurement activities in the context of regional specifics // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. pp. 37-46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-kontrol-i-ekspertiza-zakupochnoy-deyatelnosti-v-kontekste-regionalnoy-spetsifiki>
- 6) The standard Provision on the purchase of goods, works, and services of budgetary institutions of the Samara Region, autonomous institutions of the Samara Region, and state unitary enterprises of the Samara Region. <https://zakupki.gov.ru/epz/typclause/card/common-info.html?typalClauseInfId=121025>

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ FUNCTIONAL CLASSIFICATION OF NOTARY ACTIVITIES IN CORPORATE RELATIONS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

АЛЕКСЕЕВА Светлана Александровна,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
нотариус города Москвы, член комиссии по международным связям МГНП.
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская улица, 9, стр. 1,
E-mail: asanotary@mail.ru;

ALEKSEEVA Svetlana Aleksandrovna,

Postgraduate of the Department of business and corporate law of Moscow State Law University after O.E. Kutafin (MSLA),
Notary of Moscow city, Member of a Commission on International Relations of Moscow City Notary Chamber.
23242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9, Building 1.
E-mail: asanotary@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится исследование функциональной роли нотариата в корпоративных правоотношениях. На основе анализа действующего законодательства, доктринальных позиций и правоприменительной практики автор предлагает классификацию нотариальных действий, систематизирующую их по целевому назначению в динамике корпоративной жизни. Рассматриваются четыре ключевые группы: действия по легитимации корпоративной воли, действия, опосредующие изменение состава участников и структуры контроля, действия, сопровождающие инвестиции и сложные договорные конструкции, а также вспомогательные и обеспечительные действия. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам правовой природы отдельных корпоративных процедур и перспективам развития нотариального сопровождения в данной сфере.

Abstract: The article explores the functional role of notaries in corporate legal relations. Based on an analysis of current legislation, doctrinal positions, and law enforcement practices, the author proposes a classification of notarial actions that systematizes them according to their purpose in the dynamics of corporate life. Four key groups are considered: actions aimed at legitimizing corporate will, actions that mediate changes in the composition of participants and control structures, actions that accompany investments and complex contractual structures, and auxiliary and security actions. Special attention is paid to the controversial issues of the legal nature of certain corporate procedures and the prospects for the development of notary support in this area.

Ключевые слова: нотариат, нотариальные действия, корпоративные отношения, легитимация воли, корпоративный договор, удостоверение сделок, медиативное соглашение, список участников общества с ограниченной ответственностью.

Keywords: notary, notary actions, corporate relations, legitimation of will, corporate contract, certification of transactions, mediation agreement, list of members of a limited liability company.

Для цитирования: Алексеева С.А. Функциональная классификация нотариальных действий в корпоративных отношениях: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_403.

For citation: Alekseeva S.A. Functional classification of notary activities in corporate relations: theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_403.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Современный корпоративный оборот характеризуется возрастающей сложностью и динамизмом, что предъявляет повышенные требования к юридическому оформлению процессов управления, изменения состава участников и привлечения инвестиций. В частноправовой науке справедливо сделан вывод, что современное корпоративное право и предпринимательское законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников корпораций, обеспечение баланса их интересов, на защиту частных притязаний лиц и организаций с учетом публичных потребностей в сфере корпоративных отношений¹.

Следует признать, что российский нотариат, обладая уникальным статусом публично-правового института, обеспечивающего доказательственную силу и законность юридических действий, играет всё более значимую роль в обеспечении стабильности и предсказуемости корпоративных отношений. Целью настоящей статьи является систематизация нотариальных функций в корпоративной сфере через призму их целевого назначения.

1. Действия по формированию и легитимации корпоративной воли. Данный блок объединяет действия, направленные на придание юридической силы решениям органов управления хозяйственных обществ, что обеспечивает их легитимность и минимизирует риски оспаривания.

Ключевым элементом здесь является удостоверение решений органов юридического лица (общего собрания, совета директоров). Эта процедура служит гарантией соблюдения установленной процедуры, предотвращает фальсификацию протоколов и создаёт бесспорное доказательство факта принятия решения и состава участвовавших лиц. Аналогичную функцию выполняет удостоверение решений единственного участника (акционера).

Особый интерес представляет практика нотариального сопровождения совместных заседаний при реорганизации. Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования их статуса, такие заседания, состоящие из участников реорганизуемых обществ, обладают признаками гражданско-правового сообщества. Участие нотариуса позволяет проверить правоспособность юридических лиц, компетенцию органов, наличие кворума и соответствие процедуры, снижая риски возникновения споров и мошеннических действий.

Как обоснованно установлено в доктрине профессором А.Н. Левушкиным, в рамках корпоративных правоотношений защита законных прав и интересов участников корпорации осуществляется с использованием тех же механизмов, что и для любого другого субъективного гражд-

¹ Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 - 36; Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18; Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6 - 11.

данского права, но с учетом специфики корпоративных управленческих правоотношений¹.

Дискуссионным в доктрине остается вопрос о дублировании полномочий общего собрания и совета директоров.² Представляется обоснованным предложение о дополнении законодательства нормой, разрешающей передачу неисключительных полномочий собрания совету директоров, что исключило бы взаимное блокирование. Нотариальное удостоверение решений совета директоров является допустимым и целесообразным, чему способствует утверждение соответствующих форм свидетельств и развитие законодательства (например, ФЗ № 287-ФЗ от 2024 г.).³

2. Действия, связанные с изменением состава участников и структуры контроля. Эта группа охватывает нотариальные процедуры, опосредующие динамику корпоративного членства и переход прав участия. Их общая функция — обеспечение стабильности оборота корпоративных прав и защита интересов всех субъектов корпоративных отношений.

К основным действиям относятся:

- Удостоверение сделок по отчуждению доли в уставном капитале (купли-продажи, мены, дарения), которое обязательно для обществ с ограниченной ответственностью и обеспечивает законность перехода прав.
- Удостоверение залога доли в уставном капитале, устанавливающего обременение корпоративных прав.
- Удостоверение выхода участника из общества, придающее юридическую силу односторонней сделке по прекращению членства.
- Удостоверение требования о выкупе доли, гарантирующее защиту прав миноритарных участников при наступлении определенных корпоративных событий.

Правовая природа некоторых из этих действий остается дискуссионной.⁴ Например, заявление о выходе из общества с ограниченной ответственностью, не будучи сделкой в классическом смысле, нотариально удостоверяется по правилам о сделках, что создает правовую неопределенность. Господствующей в науке является позиция, квалифицирующая выход как одностороннюю сделку, порождающую необратимые правовые последствия.⁵ Отмена такого заявления после его подачи обществу невозможна, что подтверждается судебной практикой, основанной на принципе нерушимости обязательств (ст. 310 ГК РФ).⁶

Особое значение имеет нотариальное удостоверение сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, обязательное с 2008 года. Оно обеспечивает соблюдение как законных ограничений (преимущественное право покупки), так и установленных уставом корпоративных ограничений. При этом свидетельствование подлинности подписи на отказе от преимущественного права не равнозначно удостоверению фактов, изложенных в документе. Залог доли создает специфическую ситуацию, когда залогодержатель может осуществлять корпоративные права участника, не неся связанных с членством обязанностей, что формирует фигуру «квазиучастника». ⁷ Это создаёт дисбаланс в корпоративных отношениях, который в настоящее время сглаживается лишь общими принципами добросовестности и разумности.

3. Действия, сопровождающие инвестиции и сложные корпоративные договоры.

Современные инвестиционные механизмы требуют сложного правового структурирования, где нотариус выступает гарантом определенности и законности. К данной группе относятся:

- Удостоверение соглашений о предоставлении опциона (безотзывной оферты).
- Удостоверение договора конвертируемого займа — ключевого инструмента венчурного финансирования.
- Удостоверение договора инвестиционного товарищества.
- Удостоверение соглашения об управлении хозяйственным партнерством.
- Удостоверение корпоративного договора (в настоящее время — добровольное).

Опционные конструкции («call» и «put») и договор конвертируемого займа позволяют гибко регулировать будущие корпоративные события, откладывая реализацию прав. Участники гражданского оборота активно используют опционную модель в отношении разных предметов.⁸ Российское законодательство, закрепив эти институты, сделало их нотариальное удостоверение обязательным, что обеспечивает правовую безопасность сложных инвестиционных схем.

Хозяйственное партнерство, обладая максимальной диспозитивностью в регулировании, тем не менее, остаётся непопулярной формой, отчасти из-за опасений предпринимателей самостоятельно создавать сложные регуляторные модели.⁹ Соглашение об управлении партнерством, выполняющее роль основного регулятора, по своей природе схоже с корпоративным договором, что подтверждается рядом научных позиций.

Относительно корпоративного договора в доктрине ведутся споры о необходимости введения обязательной нотариальной формы. Учитывая его функциональное сходство с опционом и конвертируемым займом (которые требуют нотариального удостоверения),¹ а также его

¹ См. подробнее: Левушкин А. Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6 - 11.

² Научно - практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах [Текст] / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин и др. под ред. И. С. Шиткиной; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. Т. 2. — М.: Статут, 2021. — С. 36.

³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 2024. — 08 авг. — № 0001202408080119.

⁴ Шевченко Е. Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики [Текст] / Е. Е. Шевченко. — М.: Берлин: Infotropic media, 2012. — С. 132.

⁵ Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства [Текст] // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 12. С. 74.

⁶ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.05.2016 № 19АП-1548/2016// СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс] // Банк решений Арбитражного суда. - URL: <https://ras.arbitr.ru/>.

⁷ Василевская Л. Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия [Текст] // Гражданское право. - 2018. - № 1. — С. 4.

⁸ Левушкин А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры [Текст] // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 2. — С. 23.

⁹ Бандурина Н. В., Проциков Л. Д. Правовая характеристика хозяйственного партнерства как формы ведения инновационной предпринимательской деятельности [Текст] // Вестник РПА. - 2022. - № 4. - С. 59.

способность существенно влиять на судьбу корпорации, такая мера видится обоснованной для придания ему дополнительной доказательственной силы и гарантий стабильности.

4. Вспомогательные и обеспечительные действия.

Данная группа включает технические и обеспечительные процедуры, повышающие эффективность корпоративного управления и разрешения споров.

- Представление документов на государственную регистрацию. Нотариус выступает официальным каналом электронного взаимодействия с регистрирующим органом, что ускоряет и упрощает процедуры изменения сведений в Едином государственном реестре юридических лиц для хозяйственных обществ.
- Удостоверение медиативных соглашений. Нотариальная форма придаёт результатам внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов силу исполнительного документа, что является ключевым стимулом для использования медиации. Международный опыт (Директива ЕС 2008/52/ЕС², Сингапурская конвенция 2019 г.³) демонстрирует растущую роль медиации в коммерческих спорах. В российском контексте нотариус, обладающий необходимым образованием и статусом, потенциально мог бы совмещать функции медиатора и лица, удостоверяющего итоговое соглашение, что придавало бы процедуре максимальную целостность и гарантии.
- Ведение реестра списков участников ООО. Данное полномочие нотариуса, введённое в 2017 году, решает проблему доступа к актуальной информации о составе участников, особенно в случае бездействия исполнительного органа. Для повышения эффективности этого инструмента целесообразно расширить перечень вносимых сведений, включив данные о залоге долей, корпоративных договорах и опционах, информация о которых отсутствует в Едином государственном реестре юридических лиц.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что система нотариальных действий образует многогранный и функционально ориентированный механизм сопровождения корпоративных отношений. Нотариат выполняет не просто техническую роль, а выступает активным гарантом легитимности корпоративных решений, стабильности оборота долей участия, правовой безопасности сложных инвестиционных конструкций и эффективного внесудебного разрешения споров.

Дальнейшее развитие законодательства видится в устранении выявленных пробелов и противоречий (например, в регулировании совместных заседаний или содержании реестра списков участников), а также в возможном расширении сферы обязательного нотариального удостоверения на такие важные инструменты, как корпоративный договор. Это будет способствовать снижению корпоративных рисков, повышению прозрачности отношений и, как следствие, укреплению доверия к корпоративным структурам в гражданском обороте.

Список литературы:

1. Васильевская Л. Ю. Залог прав участников юридических лиц: проблемы и противоречия [Текст] // Гражданское право. - 2018. - № 1. - С. 3 - 6.
2. Бандурина Н. В., Протиков Л. Д. Правовая характеристика хозяйственного партнерства как формы ведения инновационной предпринимательской деятельности [Текст] // Вестник РПА. - 2022. - № 4. - С. 54 - 60.
3. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства [Текст] // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 12. - С. 71 - 77.
4. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 - 36; Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.
5. Левушкин А. Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6 - 11.
6. Левушкин А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры [Текст] // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 2. - С. 19 - 25.
7. Научно - практический комментарий к Федеральному закону "Об обществах с ограниченной ответственностью": в 2 томах [Текст] / В. А. Вайпан, А. В. Габов, Е. П. Губин и др. под ред. И. С. Шиткиной; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. Т. 2. - М.: Статут, 2021. - 484 с.
8. Шевченко Е. Е. Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики [Текст] / Е. Е. Шевченко. - М.: Берлин: Infotropic media, 2012. - 302 с.
9. Янковский Р. М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования [Текст] // Закон. - 2017. - № 11. - С. 184 - 192.

References:

1. Vasilevskaya L. Yu. Pledge of the Rights of Legal Entities Participants: Problems and Contradictions [Text] // Civil Law. - 2018. - No. 1. - P. 3-6.
2. Bandurina N. V., Protsikov L. D. Legal Characteristics of Economic Partnership as a Form of Innovative Entrepreneurial Activity [Text] // Bulletin of the Russian Bar Association. - 2022. - No. 4. - P. 54 - 60.
3. Krashenninnikov E. A., Baigusheva Yu. V. The Right of Membership [Text] // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2013. - No. 12. - P. 71 - 77.
4. Levushkin, A. N. Special Contractual Structures: Framework, Option, and Subscription Contracts [Text] // Actual Problems of Russian Law. - 2018. - No. 2. - P. 19 - 25.
5. Scientific and Practical Commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies": in 2 volumes [Text] / V. A. Vaipan, A. V. Gabov, E. P. Gubin, et al. ed. by I. S. Shitkina; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. Vol. 2. - Moscow: Statut, 2021. - 484 p.
6. Shevchenko E. E. Conclusion of Civil Law Contracts: Problems of Theory and Judicial and Arbitration Practice [Text] / E. E. Shevchenko. - Moscow: Berlin: Infotropic media, 2012. - 302 p.
7. Yankovsky, R. M. Convertible Loan: Contractual Model and Regulatory Issues [Text] // Zakon. - 2017. - No. 11. - Pp. 184-192.

¹ Янковский Р. М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования [Текст] // Закон. - 2017. - № 11. - С. 189.

² Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС от 21.05.2008 «О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации («Сингапурская конвенция о медиации») (принята в г. Нью-Йорк 20 декабря 2018 г., открыта для подписания в Сингапуре 7 августа 2019 г.) // Н.И. Гайдаенко Шер. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – с. 159.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_406

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНСТИТУТА КОНТРОЛЯ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ INVESTIGATION OF THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTE OF CONTROL IN BANKING

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой,
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева.
660037, Россия, г. Красноярск, пр. Красноярский рабочий, 31.
E-mail: baganfox@gmail.com;

SAFRONOV Vyacheslav Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department,
Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev.
31 Krasnoyarsk Worker Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660037.
E-mail: baganfox@gmail.com

Краткая аннотация: В данной работе рассматриваются общетеоретические подходы к определению банковского контроля, включая рассмотрение определений из экономических словарей и финансово-кредитных справочников. Основное внимание уделяется выявлению сущности и целей банковского контроля, который представлен как комплекс мероприятий по проверке финансовой деятельности коммерческих банков и кредитных организаций.

Abstract: This paper examines general theoretical approaches to the definition of banking control, including definitions from economic dictionaries and financial and credit reference books. The main focus is on identifying the essence and objectives of banking control, which is presented as a set of measures to verify the financial activities of commercial banks and credit institutions.

Ключевые слова: банковский контроль, финансовый контроль, проверка, кредитные организации, нормы, стандарты, отклонения.

Keywords: banking control, financial control, verification, credit organizations, norms, standards, deviations.

Для цитирования: Сафронов В.В. Исследование правовой природы института контроля в банковской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 406-409. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_406.

For citation: Safronov V.V. Investigation of the legal nature of the institute of control in banking // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 406-409. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_406.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

В целях всестороннего изучения института контроля в банковской сфере необходимо рассмотреть общетеоретические подходы исследуемой дефиниции.

В Большом Экономическом Словаре для этого понятия есть следующее пояснение: «Контроль — это система наблюдений и проверки соответствия процесса функционирования управляемого объекта принятым управленческим решениям, выявление результатов управленческих воздействий на управляемый объект».¹

В финансово-кредитном энциклопедическом словаре указывается следующее определение: «Контроль – это составная часть управления экономическими объектами и процессами, заключающаяся в наблюдении за объектом с целью проверки соответствия наблюдаемого состояния объекта желаемому и необходимому состоянию, предусмотренному законами, положениями, инструкциями и другими нормативными актами, а также программами, планами, договорами, соглашениями».²

Таким образом, наиболее развернутое определение контроля дано в последнем случае и прежде всего, подчеркивается принадлежность контроля к управленческим категориям, цель контроля при этом увязана с определением соответствия наблюдаемого состояния объекта желаемому и необходимому, однако, суть контроля сведена лишь к наблюдению. В других приведенных определениях в контроль уже включается не только наблюдение, но и проверка, более того, что очень важно, во втором определении в него включено и выявление результатов управленческих воздействий на управляемый объект.

В специальной литературе по менеджменту в понятии контроля подчеркивается направленность его воздействия на деятельность для достижения определенных целей. Так, в учебнике «Современный бизнес» (перевод с английского) дается следующее определение:

«Контроль - наблюдение за достижением организацией своих целей и корректировка отклонений от них».³ В данном определении, во-первых, подчеркнута направленность контроля на достижение организацией своих целей; во-вторых, включен такой элемент, как корректировка отклонений от них, т.е. подчеркнут факт воздействия на управляемый объект, однако, термин «корректировка» не позволяет определить характер воздействия. Представляется более точно для характеристики элемента контроля подходит термин «действия по результатам проверки». Причем в содержании этого термина включается как разработка и осуществление мер по устранению недостатков и проблем, так и оценка их эффективности для дальнейшей корректировки этих мер.

Подводя итог анализа приведенной дискуссии, следует отметить, что для понимания сущности контроля, важно:

-определить его как вид управленческой деятельности;

¹ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. - Москва, 2010. 58 с.

² Пастушенко Д.С. Контроль в сфере банковского кредитования: финансово-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. - Саратов, 2009. 15 с.

³ Абчук, В. А. Энциклопедия современного бизнеса: [настольная книга делового человека] / А. В. Абчук. – Санкт-Петербург : Вектор, 2005. – 601 с.

-представить его в совокупности таких составляющих как:

а) наблюдение (сбор и обработка информации о фактическом состоянии контролируемого объекта);

б) проверку (сравнение полученных данных со стандартными законами, положениями, инструкциями и т. д., выявление отклонений и анализ причин);

в) действия по результатам проверки, разработка и осуществление мер по устранению выявленных отклонений или потенциальных проблем, оценка эффективности этих мер;

-увязать конечную цель контроля с целью функционирования контролируемого объекта, определяющего и цель его менеджмента.

Поэтому под контролем следует понимать вид управленческой деятельности, включающей наблюдение, проверку, действие по ее результатам с целью достижения поставленных целей.

Однако, определение общей цели контроля не исключает постановку более конкретных его целей, как самостоятельного элемента менеджмента.

Положение о принадлежности контроля к управленческой деятельности имеет принципиальное значение для понимания его соотношения с экономическими категориями.

В 50-60-е годы XX века в советской экономической литературе проходила широкая дискуссия относительно определения контроля за банковской деятельностью с учетом функции управления финансами. Финансовый контроль – это один из видов управленческой деятельности, который представляет собой систему наблюдения и проверки финансовой деятельности управляемого объекта с целью оценки обоснованности и эффективности принятых решений, выявления отклонений от утвержденных нормативов и принятия мер по их устранению. В современных научных работах финансовый контроль характеризуют как особую функцию финансов. Банковский контроль – вид финансового контроля, относимый к сфере организации контроля в банках.¹

Под банковским (финансовым) контролем подразумевается процедура либо совокупность процедур, направленных на оценку соответствия деятельности той или иной организации в области управления денежными средствами нормам, установленным в законодательных правовых актах, утвержденных на различных уровнях. Органы контроля должны обладать независимостью (организационной, функциональной, материальной и др.) от юридических или физических лиц, чью деятельность они проверяют. Независимость должна быть формально закреплена в законодательстве, регулирующем их деятельность. Контроль в любой сфере деятельности позволяет всем системам правильно и четко функционировать.

Финансовый контроль в банках — это совокупность действий и операций по проверке финансовых и связанных с ними вопросов деятельности коммерческого банка либо другой кредитной организации. Банковская деятельность является одной из наиболее важных, регулируемых государством сфер деятельности, поскольку, в процессе работы коммерческого банка затрагиваются имущественные интересы широкого круга юридических и физических лиц. Стабильность банковской системы имеет основополагающее значение для экономики страны, именно поэтому кредитные организации подвержены регулированию со стороны государственных органов в большей степени, чем какие-либо другие хозяйствующие субъекты. Возрастающие риски в банковской деятельности должны минимизироваться путем создания глобальной системы внутреннего контроля в каждом банке, наличия необходимых нормативных актов, позволяющих адекватно и гибко настраивать указанные системы на специфику того или иного банка.²

Банковский контроль представляет собой вид финансового контроля.

Банковский контроль как вид финансового контроля имеет общие черты, характерные для финансового контроля, но также имеет специфические, что обусловлено принадлежностью к банку, к его деятельности, что означает и обусловленность всей системы банковского контроля спецификой функционирования банка как особого «денежно-кредитного института, регулирующего платежный оборот в наличной и безналичной формах».

Специфика банка и его деятельности обуславливает следующие особенности направления контроля.

Во-первых, банк является социально значимым объектом общества. В нем сосредотачиваются значительные денежные средства, принадлежащие физическим и юридическим лицам. Следовательно, обеспечение сохранности этих средств, доверия к банку, является важнейшей задачей контроля.

Во-вторых, банк является экономически целесообразным и значимым субъектом общества, выполняющим эмиссионную, регулирующую и посредническую функции. В этой связи обеспечение эффективного функционирования каждого банка, его финансовой устойчивости, также относится к важнейшим задачам управления и контроля.

В-третьих, банк относится к числу наиболее рискованных субъектов общества, на деятельности которого отражается весь воспроизводственный процесс, а следовательно, и риски, возникающие на любой из его стадий. Данная особенность банковской деятельности предполагает нацеленность банковского контроля на своевременное выявление, достоверную оценку и обеспечение защиты, как условие долговременного и стабильного функционирования банка.

В-четвертых, банк представляет собой один из субъектов общества со своими правами и обязанностями.

Поэтому соблюдение предписанных законом обязанностей перед обществом, клиентами, акционерами также является задачей кон-

¹ Чернявский В.С. Государственный финансовый контроль: проблемы эффективности / В.С. Чернявский // Право и политика. 2018. № 6. – 36 с.

² Чернявский В.С. Государственный финансовый контроль: проблемы эффективности / В.С. Чернявский // Право и политика. 2018. № 6. – 17 с.

троля в банковской деятельности.

В-пятых, банк, как организационная структура, есть система, включающая два уровня:

- верхний, представленный в России Банком России;

- нижний, представленный кредитными организациями, в том числе и коммерческими банками;

Внутри этой системы существуют отношения, характеризующиеся:

- подчиненностью нижнего уровня верхнему, по соблюдению основополагающих правил и норм функционирования, определенных законодательством и нормативными требованиями Банка России;

- правовой и экономической самостоятельностью деятельности каждого элемента нижнего уровня кредитных организаций.¹

В этой связи контрольная среда внутри банковской системы определяется, во-первых, сферой внутриведомственного контроля, осуществляемого Банком России в целях обеспечения долговременного и эффективного функционирования банковской системы; во - вторых, внутриведомственного контроля на уровне самих кредитных организаций, в целях, обеспечения эффективности осуществляемых ими операций и защиту от потерь.

Таким образом, банковский контроль можно представить как систему взаимосвязанных мер на различных уровнях, направленную на выявление, недопущение, устранение отклонений от установленных норм и стандартов функционирования всей банковской системы и отдельных ее структурных элементов. К числу контрольных процедур, в соответствие с ранее определенной сущностью контроля, следует относить: наблюдение (сбор и обработку информации); проверку и действия по ее результатам.

Согласно федеральному закону «О центральном банке», Банк России является органом банковского регулирования и надзора» для поддержания стабильности банковской системы и защиты интересов вкладчиков и кредиторов. Это значит, что банковское регулирование и надзор осуществляет Банк России, однако он не вмешивается в оперативную деятельность кредитных организаций, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами». Банк России устанавливает правила организации внутреннего контроля, обязательные для кредитных организаций.

Кредитная организация обязана организовывать внутренний контроль, обеспечивающий надлежащий уровень надежности, соответствующей характеру и масштабам проводимых операций.

Внутренний контроль – деятельность, осуществляемая кредитной организацией и направленная на достижение определенных целей.

Система внутреннего контроля банка выполняет защитную функцию – функцию минимизации внешних и внутренних рисков и призвана обеспечить такой порядок проведения банковских операций, который способствует достижению поставленных ориентиров и целей при соблюдении требований законодательства, нормативных актов Банка России, а также внутренних процедур, стандартов и правил, установленных в банке.

Современные масштабы деятельности кредитных организаций вызывают необходимость создания сложных систем внутреннего контроля, но такие системы создаются не сразу, а постепенно, вместе с ростом и развитием самого банка.

Правильно налаженный процесс функционирования внутреннего контроля должен способствовать соответствию деятельности кредитной организации целям и планам ее развития; достоверности, полноте, своевременности финансовой и управленческой информации, соблюдению действующего законодательства и эффективному развитию.

Основными нормативными документами, законодательно устанавливающими правила организации внутреннего контроля, являются Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности» № 395-1-ФЗ и Положение ЦБ РФ № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах».²

Кредитная организация обязана организовывать внутренний контроль, обеспечивающий надлежащий уровень надежности, соответствующей характеру и масштабам проводимых операций.

На сегодняшний день система контроля за деятельностью коммерческого банка в общем виде осуществляется на трех уровнях.

Первый уровень – контроль, проводимый ежедневно в каждом операционном или региональном подразделении, включает проверку операций и их надежный учет, предварительный контроль распоряжений по расходам и контроль их исполнения, регулярную сверку сальдо счетов и регулярное составление отчетов, сохранение носителей и проводок.

Второй уровень – контроль, чаще всего осуществляющийся внутренним аудитором или ревизором, задачей которого является проверка эффективности организации внутреннего контроля, безопасности и контроль исполнения сотрудниками и менеджерами банка своих должностных обязанностей. В этом плане роль аудитора заключается в проверке надежности функционирования банковских структур и осуществляется переход от непосредственного контроля к контролю проверок. Первый и второй уровни контроля составляют так называемую систему внутреннего контроля.

Третий уровень – контроль, осуществляющийся внешними аудиторами и инспекторами Банка России.

Таким образом, регулирование банковской деятельности осуществляется посредством Центрального банка как надзорного органа, обеспечивающего стабильность банковской системы в целом, так и с помощью внутренних структурных подразделений банка – назовем это контролем со стороны менеджмента банка.¹

¹ Братко А.Г. Банковское право (вопросы теории и практики)/А.Г. Братко - Москва: 2017. – 578 с.

² Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 15.02.2010, с изм. от 08.05.2010) // Справочно-правовая система «Консультант плюс», 2019.

Значимость ЦБ РФ в сфере банковского контроля показана в документе Базельского комитета по банковскому надзору «Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы» (Базель II). Согласно Базелю II, надзор подразумевает не только процесс наблюдения за деятельностью организаций с целью предотвращения потерь, но и введение ответственности руководства кредитных организаций за разработку и внедрение внутренних процедур оценки собственного капитала и определение его уровня, соизмеримого с характером и объемом операций банка.

Базельский комитет по вопросам банковского надзора внутренний контроль банка (а это можно распространить и на весь банковский контроль, включая контроль ЦБ РФ) определил, как «...не просто процедура или политика, которая выполняется в определенный момент, а постоянно осуществляемый процесс на всех уровнях банка». Идеальной моделью организации контроля за банковской деятельностью, в соответствии с рассматриваемым документом, является тесное взаимодействие надзорных органов и кредитных организаций.²

Таким образом, банковский контроль — это вид финансового контроля, который представляет собой совокупность действий и операций по проверке финансовых и связанных с ними вопросов деятельности коммерческого банка либо другой кредитной организации. Поэтому, банковский контроль - это совокупность процессов проверки, которые осуществляются специальными должностными лицами, в компетенцию которых входит наблюдение за деятельностью кредитных организаций, направленную на выявление, недопущение, устранение отклонений от установленных норм и стандартов функционирования всей банковской системы и отдельных ее структурных элементов.

Список литературы:

1. Пастушенко Д.С. Контроль в сфере банковского кредитования: финансово-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. - Саратов, 2009. 15 с.
2. Абчук, В. А. Энциклопедия современного бизнеса: [настольная книга делового человека] / А. В. Абчук. — Санкт–Петербург : Вектор, 2005. — 601 с.
3. Чернявский В.С. Государственный финансовый контроль: проблемы эффективности / В.С. Чернявский // Право и политика. 2018. № 6. — 36 с.
4. Братко А.Г. Банковское право (вопросы теории и практики)/А.Г. Братко - Москва: 2017. — 578 с.
5. Гейвандов Я.А. Центральный банк РФ: юридический статус, организация, функции, полномочия / Гейвандов Я.А. - Москва: Изд-во МНИМП, 2017. — 97 с.

References:

1. Pastushenko D.S. Control in the field of bank lending: financial and legal aspects: Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences': 12.00.14. - Saratov, 2009. 15 p.
2. Abchuk, V. A. Encyclopedia of modern business: [business man's desk book] / A.V. Abchuk. Saint Petersburg : Vector Publ., 2005. 601 p.
3. Chernyavsky V.S. State financial control: problems of effectiveness / V.S. Chernyavsky // Law and Politics. 2018. No. 6. — 36 p.
4. Bratko A.G. Banking law (issues of theory and practice)/A.G. Bratko, Moscow: 2017, 578 p.
5. Geyvandov Ya.A. The Central Bank of the Russian Federation: legal status, organization, functions, powers / Geyvandov Ya.A. - Moscow: MNIMP Publishing House, 2017. - 97 p.

⁷ Гейвандов Я.А. Центральный банк РФ: юридический статус, организация, функции, полномочия / Гейвандов Я.А. - Москва: Изд-во МНИМП, 2017. — 97 с.

⁸ Гейвандов Я.А. Центральный банк РФ: юридический статус, организация, функции, полномочия / Гейвандов Я.А. - Москва: Изд-во МНИМП, 2017. — 41 с.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_410

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) ПРИ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СЕВЕРНОГО ЗАВОЗА CONTRADICTIONS IN THE DISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN DIFFERENT LEVELS OF POWER OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE LEGAL REGULATION OF NORTHERN DELIVERY

БАТТАХОВ Петр Петрович,кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: battakhov@mail.ru;

BATTAKHOV Petr Petrovich,candidate of of jurisprudence, senior researcher
of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.

E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются противоречия в распределении полномочий между различными уровнями власти Республики Саха (Якутия) по Северному завозу. Сформирована система разграничения полномочий, в сфере северного завоза распределяются не только на федеральном уровне, но и посредством регионального подзаконного нормотворчества (распоряжения и постановления Правительства Республики Саха (Якутия), указы и распоряжения Главы Республики Саха (Якутия). Определен базовый круг уполномоченных органов исполнительной власти. Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р закреплён закрытый перечень из шести министерств и госкомитетов, осуществляющих ключевые полномочия: от общего планирования и координации (МЧС) до формирования объемов завоза ТЭР, медикаментов, товаров первой необходимости (соответствующие министерства) и ценового регулирования (Госкомцен). Выявлена системная проблема правового регулирования, например, дублирование норм: наблюдается избыточное регулирование, когда идентичные полномочия одного органа (например, по координации) закрепляются разными актами (Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) и Указом Главы Республики Саха (Якутия)).

Abstract. The article examines the contradictions in the distribution of powers between different levels of government of the Republic of Sakha (Yakutia) for the Northern Delivery. A system of delimitation of powers has been formed, in the field of northern delivery they are distributed not only at the federal level, but also through regional by-law rule-making (orders and decrees of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), decrees and orders of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia)). The basic circle of authorized executive bodies has been determined. By order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 11.06.2024 No. 655-r, a closed list of six ministries and state committees exercising key powers is fixed: from general planning and coordination (EMERCOM) to the formation of volumes of delivery of fuel and energy resources, medicines, essential goods (relevant ministries) and price regulation (Goskomtsen). A systemic problem of legal regulation has been identified, for example, duplication of norms: there is excessive regulation when identical powers of one body (for example, coordination) are enshrined in different acts (by Order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) and Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia)).

Ключевые слова: Указ, орган власти, организация, государство, регион, министерство, закон.**Keywords:** Decree, authority, organization, state, region, ministry, law.

Для цитирования: Баттахов П.П. Противоречия в распределении полномочий между различными уровнями власти Республики Саха (Якутия) при правовом регулировании северного завоза // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 410-416. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_410.

For citation: Battakhov P.P. Contradictions in the distribution of powers between different levels of power of the Republic of Sakha (Yakutia) in the legal regulation of northern delivery // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 410-416. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_410.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025

В настоящее время распределение полномочий в сфере северного завоза между органами государственной власти происходит не только на федеральном уровне, но и на уровне региональных подзаконных актов:

- Распоряжений (и Постановлений) Правительства Республики Саха (Якутия)
- Указов (и Распоряжений) Главы Республики Саха (Якутия).

Так, в Распоряжении Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р «О распределении полномочий органов государственной власти Республики Саха (Якутия) в сфере осуществления северного завоза» (далее – Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р)¹, определен перечень исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) реализующих на региональном уровне полномочия в сфере северного завоза в соответствии с нормами нового Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе»^[1]. Всего в указанный перечень вошли шесть органов государственной власти Республики Саха (Якутия): Министерство по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия); Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия); Министерство здравоохранения Республики Саха (Якутия); Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия); Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия); Государственный комитет по ценовой политике Республики Саха (Якутия).

В соответствии с п. 1. ч. 1 Министерством по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения

¹ Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р «О распределении полномочий органов государственной власти Республики Саха (Якутия) в сфере осуществления северного завоза» // Документ опубликован не был, начало действия документа - 11.06.2024.

Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- участие в проведении единой государственной политики в сфере осуществления северного завоза на территории Республики Саха (Якутия);
- планирование, организация и координация северного завоза в рамках единой государственной политики в сфере осуществления северного завоза, реализуемой федеральным координатором северного завоза;
- планирование и организация северного завоза горюче-смазочных материалов;
- определение порядка создания стратегического запаса грузов в случае принятия Главой Республики Саха (Якутия) решения о создании стратегического запаса грузов;
- обеспечение своевременного размещения информации о мероприятиях в сфере осуществления северного завоза, проводимых органами государственной власти Республики Саха (Якутия), в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза, полноты и достоверности такой информации;
- подготовка предложений о включении территорий с ограниченными сроками завоза грузов, расположенных в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в перечень территорий северного завоза или об исключении указанных территорий с ограниченными сроками завоза грузов из такого перечня;

В соответствии с п. 2. ч.1 Министерством жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- формирование объемов завоза топливно-энергетических ресурсов для выработки тепловой и электрической энергии с учетом остатков и нормативов их потребления, и участие в организации северного завоза;
- участие в создании стратегического запаса грузов в случае принятия Главой Республики Саха (Якутия) решения о создании стратегического запаса грузов;
- участие в обеспечении своевременного размещения информации о мероприятиях в сфере осуществления северного завоза, проводимых органами государственной власти Республики Саха (Якутия), в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза, полноты и достоверности такой информации;

В соответствии с п. 3 ч.1 Министерством здравоохранения Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- формирование объемов завоза лекарственных средств, медицинских изделий и специализированных продуктов лечебного питания;
- участие в планировании и организации северного завоза лекарственных средств, медицинских изделий и специализированных продуктов лечебного питания;
- участие в создании стратегического запаса грузов в случае принятия Главой Республики Саха (Якутия) решения о создании стратегического запаса грузов;
- участие в обеспечении своевременного размещения информации о мероприятиях в сфере осуществления северного завоза, проводимых органами государственной власти Республики Саха (Якутия), в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза, полноты и достоверности такой информации;

В соответствии с п. 4 ч. 1 Министерством по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- формирование объемов завоза социально значимых продовольственных товаров и непродовольственных товаров народного потребления первой необходимости;
- участие в планировании и организации северного завоза социально значимых продовольственных товаров и непродовольственных товаров народного потребления первой необходимости;
- участие в создании стратегического запаса грузов в случае принятия Главой Республики Саха (Якутия) решения о создании стратегического запаса грузов;
- участие в обеспечении своевременного размещения информации о мероприятиях в сфере осуществления северного завоза, проводимых органами государственной власти Республики Саха (Якутия), в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза, полноты и достоверности такой информации;

В соответствии с п. 5 ч. 1 Министерством транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- подготовка предложений о включении объектов транспортно-логистической инфраструктуры, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), в перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза;

В соответствии с п. 6 ч.1 Государственным комитетом по ценовой политике Республики Саха (Якутия) осуществляется:

- разработка и внесение на утверждение Правительства Республики Саха (Якутия) методик расчета снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории в случае принятия Правительством Республики Саха (Якутия) решения об установлении таких надбавок, цен, тарифов;

- расчет и внесение на утверждение Правительства Республики Саха (Якутия) решений об установлении снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории, за исключением случаев, если регулирование таких надбавок, цен, тарифов осуществляется федеральными органами государственной власти, в случае принятия Правительством Республики Саха (Якутия) решения об установлении таких надбавок, цен, тарифов;
- региональный государственный контроль за применением установленных снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, установленных предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, установленных тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории в случае принятия Правительством Республики Саха (Якутия) решения об установлении таких надбавок, цен, тарифов;
- разработка и внесение на утверждение Правительства Республики Саха (Якутия) положения о региональном государственном контроле в случае принятия Правительством Республики Саха (Якутия) решения об установлении снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории.

В соответствии с нормой ч. 2 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р указанным органам государственной власти Республики Саха (Якутия) было предписано внести соответствующие изменения в свои положения¹.

В этой связи нельзя не отметить существующее сегодня избыточное (двойное) регулирование в указанной области.

Так, полномочия Министерства по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия) по планированию, организации и координации северного завоза в рамках единой государственной политики в сфере осуществления северного завоза, реализуемой федеральным координатором северного завоза, устанавливаются не только в соответствии п. 1 ч. 1 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р, но и в соответствии с Указом Главы Республики Саха (Якутия) от 30.11.2023 № 127 «Об определении исполнительного органа государственной власти Республики Саха (Якутия), уполномоченного осуществлять функции планирования, организации и координации северного завоза» (далее – Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 30.11.2023 № 127). На основании Указа Главы Республики Саха (Якутия) от 30.11.2023 № 127 в п. 1.1., 2.2. и 3.4. Положения «О Министерстве по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия)»² были внесены изменения³, включившие функции планирования, организации и координации северного завоза в перечень полномочий указанного органа государственной власти.

Исходя из правового анализа положений Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р, а также фактических полномочий, возлагаемых на исполнительные органы государственной власти Республики Саха (Якутия), реализующих на региональном уровне полномочия в сфере северного завоза в соответствии с нормами нового Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» следует, что фактически возлагаемые полномочия несколько шире тех полномочий, которые закреплены в Распоряжении Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р. Покажем это на примере Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия).

Так, в соответствии с п. 5 ч. 1 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р Министерством транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия) осуществляется подготовка предложений о включении объектов транспортно-логистической инфраструктуры, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), в перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза.

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.04.2025 № 341-р «Об организации завоза грузов в Республике Саха (Якутия) в навигацию 2025 года»⁴ в том числе на Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия), возлагаются обязанности и полномочия по обеспечению координации хода отгрузки и доставки грузов до пунктов назначения в период навигации 2025 года.

¹ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 13.02.2019 № 23 «Об утверждении положений о Министерстве по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия) и его коллегии» // Якутские ведомости, № 5, 15.02.2019; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 10.11.2021 № 455 «Об утверждении Положений о Министерстве здравоохранения Республики Саха (Якутия) и его коллегии» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.11.2021; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18.06.2021 № 205 «Об утверждении Положений о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия) и его коллегии» (вместе с «Перечнем должностных лиц Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия), уполномоченных на осуществление регионального государственного контроля (надзора) на территории Республики Саха (Якутия)») // Якутские ведомости, № 23, 24.06.2021; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 22.11.2007 № 468 «Об утверждении Положения о Государственном комитете по ценовой политике Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости, № 97, 08.12.2007; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 25.12.2013 № 475 «Об утверждении Положения о Министерстве жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) и Положения о его Коллегии» // Якутские ведомости, № 2, 15.01.2014.

² Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 12.11.2021 № 468 «Об утверждении положений о Министерстве по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия) и его коллегии» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.11.2021.

³ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 232 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 12 ноября 2021 г. № 468 «Об утверждении Положений о Министерстве по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия) и его коллегии» // Якутские ведомости, № 23, 14.06.2024.

⁴ Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.04.2025 № 341-р «Об организации завоза грузов в Республике Саха (Якутия) в навигацию 2025 года» // Документ опубликован не был.

Таким образом, по нашему мнению, полномочия Министерства транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия) в сфере северного завоза должны быть расширены.

Также следует обратить внимание на то, что в Распоряжении Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р, определен закрытый перечень исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) реализующих на региональном уровне полномочия в сфере северного завоза в соответствии с нормами нового Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе». Всего в указанный перечень, как мы отмечали выше, вошли шесть органов государственной власти Республики Саха (Якутия). Однако, в указанном перечне отсутствует, например, Министерство строительства Республики Саха (Якутия) и Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия). Однако, как следует из нормы ч. 2 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 23.04.2025 № 341-р на указанные государственные органы также возлагаются обязанности и предоставляется компетенция по обеспечению координации хода отгрузки и доставки грузов до пунктов назначения в период навигации 2025 года.

Таким образом, по нашему мнению, в Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р следует внести изменения, расширив перечень исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) с учетом указанных министерств.

В части реализации положений Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» о формировании системы полномочий органов государственной власти Республики Саха (Якутия) в сфере северного завоза следует также указать Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 28.03.2025 № 237-р «О наделении полномочиями»¹ (далее – Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 28.03.2025 № 237-р).

В соответствии с ч. 1 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 28.03.2025 № 237-р Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) наделено полномочиями по подтверждению обоснованности (сведений) необходимости предоставления субсидий юридическим лицам на осуществление северного завоза.

В соответствии с ч. 2 Распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) от 28.03.2025 № 237-р Министерство финансов Республики Саха (Якутия) наделено полномочиями по предоставлению сводного заключения о необходимости предоставления субсидий юридическим лицам на осуществление северного завоза.

01 июля 2025 года Правительством Республики Саха (Якутия) в указанный документ были внесены изменения по уточнению предоставления субсидий на осуществление северного завоза в части затрат, связанных с закупом и доставкой топливно-энергетических ресурсов².

Выше нами было отмечено, что в соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия) от 24.12.2020 2304-3 № 519-VI к полномочиям Главы Республики Саха (Якутия) в сфере особого режима завоза товаров (продукции) в населенные пункты Республики Саха (Якутия) относятся осуществление общего руководства деятельностью Правительства Республики Саха (Якутия) в сфере особого режима завоза товаров (продукции) в населенные пункты Республики Саха (Якутия), а также принятие указов и распоряжений Главы Республики Саха (Якутия) в сфере особого режима завоза товаров (продукции) в населенные пункты Республики Саха (Якутия).

В 2024 году, в целях содействия эффективному осуществлению конституционных полномочий Главы Республики Саха (Якутия), был принят Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 02.02.2024 № 196 «Об утверждении Положения о специальном представителе Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике»³. В соответствии с которым было утверждено Положение о специальном представителе Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике[2].

Согласно ч. 1.1 Специальный представитель Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике в своей деятельности содействует эффективному осуществлению конституционных полномочий Главы Республики Саха (Якутия) в представлении Республики Саха (Якутия) в ее отношениях с Государственной комиссией по вопросам развития Арктики, специальным представителем Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, уполномоченными федеральными органами государственной власти, в том числе с Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Министерством иностранных дел Российской Федерации, профильными Комитетами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Советом по вопросам развития Дальнего Востока, Арктики и Антарктики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, федеральными организациями, учреждениями, институтами гражданского общества, а также при осуществлении внешнеэкономических связей и реализации имиджевой политики.

В число основных задач Специального представителя Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике входит, в том числе, в сфере социального развития: ускоренное развитие социальной инфраструктуры населенных пунктов для развития минерально-сырьевых центров, реализация экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике, организация и обеспечение северного завоза, обеспечение круглогодичных, межрегиональных и местных (региональных) авиаперевозок по субсидируемым маршрутам. (пп. (б) п. 2 ч. 2.1.

Однако, выполняя, по своей сущности, важную функцию организации и обеспечения северного завоза, Специальный представитель Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике согласно ч. 1.7. не является государственным служащим. Должность специального представителя

¹ Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 28.03.2025 № 237-р «О наделении полномочиями» // Документ опубликован не был.

² Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 01.07.2025 № 508-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 28 марта 2025 г. № 237-р «О наделении полномочиями» // Документ опубликован не был.

³ Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 02.02.2024 № 196 «Об утверждении Положения о специальном представителе Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике» // Якутские ведомости, № 5, 09.02.2024.

Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике не является государственной должностью Республики Саха (Якутия) и должностью государственной гражданской службы Республики Саха (Якутия).

Вместе с тем, следует сказать, что Специальный представитель Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике назначается на должность на срок полномочий Главы Республики Саха (Якутия) (ч. 1.5), а также, согласно ч. 1.4, Специальный представитель Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике подчиняется Постоянному представителю Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации.

Таким образом, ввиду чрезвычайной важности выполняемых Специальным представителем Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике функций и задач, в том числе в сфере северного завоза, полагаем необходимым внести изменения в ч. 1.7 Указа Главы Республики Саха (Якутия) от 02.02.2024 № 196 «Об утверждении Положения о специальном представителе Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике» сформулировав норму следующим образом:

«1.7. Должность специального представителя Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике является государственной должностью Республики Саха (Якутия) и должностью государственной гражданской службы Республики Саха (Якутия).».

Что касается противоречий и дополнений к текущему правовому регулированию северного завоза на муниципальном уровне, то, по нашему мнению, полномочия по взаимодействию органов муниципальной власти с органами государственности власти Республики Саха (Якутия) и участниками деятельности в сфере северного завоза также должны быть включены в перечень полномочий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе».

Также, полагаем, что сюда необходимо включить полномочия по взаимодействию органов муниципальной власти Республики Саха (Якутия) с государственными органами власти Российской Федерации по вопросам северного завоза, ввиду того, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации (ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»).

Важно отметить изменения, которые коснулись вопросов компетенций (в том числе перераспределения компетенций) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований Российской Федерации в сфере северного завоза в связи с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»^[3] (далее – Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ)¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 90 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ исполнительные органы субъектов Российской Федерации определяют поставщиков (исполнителей) товаров, услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения, проживающего на территориях северного завоза, для заказчиков субъектов Российской Федерации и муниципальных заказчиков муниципальных образований, находящихся на территориях этих субъектов Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в случае утверждения перечня таких товаров и услуг законом субъекта Российской Федерации².

При этом, в соответствии с ч. 4 ст. 90 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ органам местного самоуправления муниципальных образований предоставлено право самостоятельно осуществлять закупки иных товаров и услуг для обеспечения муниципальных нужд, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения, проживающего на территориях северного завоза, но не включенных в перечень, указанный в ч. 2 ст. 90, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Исходя из этого, полагаем, что ст. 6 Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» должна быть приведена в соответствии с положениями ст. 90 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Отдельной проблемой является отсутствие в Федеральном законе от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» механизма наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Как мы отмечали ранее российским законодательством предусмотрена возможность влиять на объем компетенций органов местного самоуправления (в т.ч. в сфере северного завоза) с использованием двух дополнительных механизмов:

- механизма распределения полномочий между органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления (ч. 1.2. ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; ст. 33 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»; чч. 3, 4 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»);
- механизма наделения органа местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ст. 34 Федерального

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1200.

² В соответствии с ч. 3 ст. 90 в указанный перечень могут быть включены социально значимые продовольственные товары, непродовольственные товары народного потребления первой необходимости, лекарственные средства, медицинские изделия, специализированные продукты лечебного питания, топливно-энергетические ресурсы, горюче-смазочные материалы, продукция производственно-технического назначения и услуги, связанные с их поставками. Включение в указанный перечень иных товаров и услуг законом не допускается.

закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»).

И если механизм перераспределения полномочий между органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления предусмотрены нормой ст. 7 Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе», то механизм наделения органа местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Федеральным законом от 04.08.2023 № 411-ФЗ почему-то не предусматривается.

Вместе с тем, практика применения указанного механизма наделения отдельными государственными полномочиями уже успешно использовалась в Республике Саха (Якутия) ранее.

Достаточно вспомнить, например, Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)»¹ (далее – Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III)[4].

Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III устанавливает правовой механизм наделения органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями в сфере государственного регулирования цен (тарифов), определяет понятийный аппарат, предмет и пределы передаваемых полномочий, порядок их осуществления и прекращения, а также систему финансового обеспечения, государственного контроля и ответственности участников.

В соответствии с текстом закона органы местного самоуправления Республики Саха (Якутия) наделены отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов) на неограниченный срок (ч. 1 ст. 3); перечень таких муниципальных образований является закрытым и зафиксирован в Приложении к Закону (ч. 3 ст. 2); дальнейшее делегирование полномочий от органов местного самоуправления к иным лицам законом не допускается (ч. 4 ст. 2); за переданными государственными полномочиями осуществляется контроль со стороны исполнительного органа Республики Саха (Якутия) по государственному регулированию цен (тарифов) (п. 2 ч. 2 ст. 4.1).

До принятия Закона Республики Саха (Якутия) от 30.06.2021 2378-З № 667-VI «О прекращении осуществления органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) переданных им отдельных государственных полномочий по государственному регулированию цен (тарифов) и о внесении изменений в Закон Республики Саха (Якутия) «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)» ч. 2 ст. 2 Закона Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III предусматривала право органов местного самоуправления регулировать цены на торговые надбавки (оптовые, розничные) на потребительские товары (в том числе северного завоза), однако, в связи с принятием Закона Республики Саха (Якутия) от 30.06.2021 2378-З № 667-VI, норма ч.2 исключена из текста Закона Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III, поэтому, в настоящее время Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III более не регулирует вопросы компетенции органов муниципальной власти в части регулирования цен (тарифов), связанные с северным завозом.

Таким образом, сегодня органы муниципальной власти на территории Республики Саха (Якутия) более не обладают полномочиями в указанной сфере.

Вместе с тем, наделение органов местного самоуправления Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями, предусмотренными, например, нормой ст. 15 Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ «О северном завозе» в части внесения предложений о создании новых объектов транспортно-логистической инфраструктуры для включения в опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза на территории Республики Саха (Якутия) могло бы значительным образом улучшить положение отдельных муниципальных образований (в т.ч. отдаленных территорий).

Проведенный анализ регионального нормотворчества Республики Саха (Якутия) в сфере реализации Федерального закона от 04.08.2023 № 411-ФЗ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сформирована система разграничения полномочий. Полномочия в сфере северного завоза распределяются не только на федеральном уровне, но и посредством регионального подзаконного нормотворчества (распоряжения и постановления Правительства Республики Саха (Якутия), указы и распоряжения Главы Республики Саха (Якутия).

2. Определен базовый круг уполномоченных органов исполнительной власти. Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р закреплён закрытый перечень из шести министерств и госкомитетов, осуществляющих ключевые полномочия: от общего планирования и координации (МЧС) до формирования объемов завоза ТЭР, медикаментов, товаров первой необходимости (соответствующие министерства) и ценового регулирования (Госкомцен).

3. Выявлены системные проблемы правового регулирования:

- Дублирование норм: Наблюдается избыточное регулирование, когда идентичные полномочия одного органа (например, по координации) закрепляются разными актами (Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) и Указом Главы Республики Саха (Якутия)).

- Несоответствие формального и фактического объема полномочий: Фактические обязанности органов (на примере Минтранса) шире,

¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)» // Якутские ведомости, № 36, 30.07.2005.

чем закреплено в базовом акте (№ 655-р), что свидетельствует о пробеле.

- Неполнота перечня уполномоченных органов: В базовый перечень не включены министерства (строительства, промышленности), которые в оперативных актах (на примере распоряжения о навигации-2025) наделяются соответствующими функциями.

- Проблема статуса специального представителя: Специальный представитель Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике, на которого возложены важные задачи по организации северного завоза, не обладает статусом государственного гражданского служащего, что может ограничивать его полномочия и ответственность.

4. Обозначены пробелы и коллизии в федеральном законодательстве:

- В ст. 6 ФЗ № 411-ФЗ не в полной мере учтены полномочия органов местного самоуправления (МСУ) по взаимодействию с участниками северного завоза, что требует корректировки с учетом их включения в единую систему публичной власти (ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ).

- Существует несоответствие между ФЗ № 411-ФЗ и ФЗ № 33-ФЗ в части закупочных полномочий субъектов РФ и МСУ на территориях северного завоза (ст. 90 ФЗ № 33-ФЗ), требующее гармонизации.

- В ФЗ № 411-ФЗ отсутствует механизм наделения МСУ отдельными государственными полномочиями в данной сфере, в то время как региональная практика (Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005) демонстрирует его эффективность. Данный пробел ограничивает гибкость в управлении.

Таким образом, действующая система распределения полномочий в РС(Я) характеризуется как наличием детальной регламентации, так и внутренними противоречиями, дублированием и пробелами, требующими устранения путем корректировки региональных актов и гармонизации федерального законодательства.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 11.06.2024 № 655-р «О распределении полномочий органов государственной власти Республики Саха (Якутия) в сфере осуществления северного завоза» // Документ опубликован не был, начало действия документа - 11.06.2024.
2. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 02.02.2024 № 196 «Об утверждении Положения о специальном представителе Главы Республики Саха (Якутия) по Арктике» // Якутские ведомости, № 5, 09.02.2024.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1200.
4. Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2005 246-З № 499-III «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) отдельными государственными полномочиями по государственному регулированию цен (тарифов)» // Якутские ведомости, № 36, 30.07.2005.

References:

1. Order of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 11.06.2024 No. 655-r "On the distribution of powers of state authorities of the Republic of Sakha (Yakutia) in the field of northern delivery" //The document was not published, the beginning of the document is 11.06.2024.
2. Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 02.02.2024 No. 196 "On approval of the Regulation on the special representative of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) in the Arctic" //Yakutsk Vedomosti, No. 5, 09.02.2024.
3. Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" //Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.03.2025, No. 12, Art. 1200.
4. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 15.06.2005 246-Z No. 499-III "On endowing local governments of municipal districts and urban districts of the Republic of Sakha (Yakutia) with separate state powers for state regulation of prices (tariffs)" //Yakutsk Vedomosti, No. 36, 30.07.2005.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРАВА DIGITAL PLATFORMS AND THE MODERN REALITIES OF DIGITAL MARKETS: CHALLENGES FOR LAW

САЯПИН Сергей Петрович,
кандидат юридических наук, младший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: spsayapin@yandex.ru;
SAYAPIN Sergey Petrovich,
Candidate of Law, Junior Researcher
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: spsayapin@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вызовы, которые процесс цифровизации, активно трансформирующий социально-экономические отношения, создает для современной правовой системы. Анализ сосредоточен на цифровых платформах как ключевых объектах регулирования, чья многосторонняя архитектура, сетевая природа и способность к экспоненциальному масштабированию нивелируют традиционные правовые инструменты регулирования и порождают коллизии в сфере юрисдикции, применимого права и ответственности. Автор рассматривает эволюцию регуляторных подходов, противопоставляя исторически сдержанную модель США, основанную на стандарте ущерба для конкуренции, и проактивный превентивный режим Европейского союза, основанный на DMA. Отмечается фрагментированный и ситуативный характер регулирования цифровых платформ в Российской Федерации. В заключение выделяются общие тенденции регулирования цифровых платформ, такие как переход к регулированию ex ante, центральная роль защиты данных и принципа интероперабельности, а также принцип «регулирование саморегулирования платформ». Делается вывод об оптимальности гибридной модели, сочетающей превентивные правила ex ante для системообразующих платформ с гибким инструментарием ex post для иных участников рынка.

Abstract. The article examines the challenges that the process of digitalization, which is actively transforming socio-economic relations, poses for the modern legal system. The analysis focuses on digital platforms as key regulatory objects, whose multi-sided architecture, network nature, and capacity for exponential scaling neutralize traditional legal regulatory instruments and create conflicts in the spheres of jurisdiction, applicable law, and liability. The author examines the evolution of regulatory approaches, contrasting the historically restrained U.S. model, based on the standard of harm to competition, and the proactive preventive regime of the European Union, grounded in the DMA. The fragmented and situational nature of digital platform regulation in the Russian Federation is noted. In conclusion, general trends in digital platform regulation are highlighted, such as the shift towards ex ante regulation, the central role of data protection and the interoperability principle, as well as the principle of "regulating platform self-regulation." The conclusion is drawn about the optimality of a hybrid model that combines preventive ex ante rules for systemically important platforms with a flexible ex post toolkit for other market participants.

Ключевые слова: цифровая платформа, платформа, цифровой рынок, антимонопольное регулирование, DMA, DSA, оператор платформы, регуляторный режим, законодательство, право, правила цифровых платформ.

Keywords: digital platform, platform, digital market, antitrust regulation, DMA, DSA, platform operator, regulatory regime, legislation, law, rules for digital platforms.

Для цитирования: Саяпин С.П. Цифровые платформы и современные реалии цифровых рынков: вызовы для права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 417-419. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_417.

For citation: Sayapin S.P. Digital platforms and the modern realities of digital markets: challenges for law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 417-419. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_417.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

Процесс цифровизации, активно преобразующий социально-экономические отношения, выступает ключевым вызовом для современного права. Право, будучи консервативным по своей природе институтом, сталкивается с необходимостью адаптации к динамичным реалиям, порождаемым электронно-цифровыми технологиями. В центре находятся цифровые платформы – сложные, многосторонние системы, переопределяющие традиционные понятия рынка, конкуренции, договорных отношений. Их транснациональный характер, сетевая структура и способность к стремительному масштабированию создают правовые коллизии, связанные с определением юрисдикции, применимого права и субъекта ответственности. Цифровизация права в данном контексте означает не только использование информационных технологий в праве, но и фундаментальный пересмотр классических правовых конструкций для эффективного регулирования новых цифровых реалий, где одним из центральных объектов выступает цифровая платформа как организатор и регулятор цифрового взаимодействия.

Феномен цифровых платформ утвердился в качестве центрального элемента современной цифровой экономики, осуществив фундаментальную трансформацию традиционных рыночных механизмов и породив новые модели создания, распределения и присвоения стоимости. По своей сути цифровые платформы представляют собой технологически опосредованные инфраструктуры, организующие прямое взаимодействие между двумя или более взаимозависимыми группами пользователей, формируя таким образом рынки многосторонние. Ключевым аспектом их стремительного развития являются прямые и перекрестные сетевые эффекты, при которых ценность цифровой платформы для каждого участника возрастает экспоненциально с увеличением общего числа пользователей, что детерминирует тенденцию к высокой концентрации и возникновению рыночных структур олигопольного или даже монопольного типа.

Основой и стратегическим активом цифровых платформ являются данные, агрегируемые в процессе функционирования платформы; сбор, анализ и монетизация данных порождают качественно новые конкурентные преимущества и барьеры для входа на рынок. Экономическая

модель платформ основана на трансформации линейных цепочек создания стоимости, устранении традиционных посредников и последующем занятии платформой роли нового, инфраструктурного посредника, что влечет перераспределение экономической власти в пользу владельца платформенной инфраструктуры.

Воздействие цифровых платформ на рынок проявляется в стирании устоявшихся отраслевых границ, поскольку цифровые платформы воздействуют на смежные и ранее не связанные между собой сегменты рынка, от розничной торговли и медиа до финансовых услуг и логистики.

В юридической доктрине отсутствует сколько-нибудь универсальное, легальное определение цифровой платформы, что само по себе является показателем сложности регулируемого объекта. В общем виде цифровую платформу можно определить как основанную на информационных технологиях архитектуру, которая организует взаимодействие между различными группами лиц-пользователями платформы (например, продавцами и покупателями, поставщиками и потребителями услуг, рекламодателями и аудиторией), снижая транзакционные издержки и формируя сетевые эффекты (при этом следует отметить, что сетевые эффекты не формируются если цифровая платформа является не публичной, а закрытой, т.е. организует взаимодействие только лишь строго определенного круга лиц).

Основными признаками цифровой платформы являются:

- 1) многосторонность (наличие двух или более взаимозависимых групп пользователей (двусторонние и многосторонние рынки);
- 2) использование электронно-цифровой инфраструктуры в сети «Интернет» для обеспечения взаимодействия лиц;
- 3) роль организатора правил взаимодействия;
- 4) зависимость ценности цифровой платформы от количества ее пользователей (сетевой эффект).

С правовой точки зрения, цифровая платформа часто сочетает в себе черты хозяйствующего субъекта (владелец платформы), оператора платформы (лица, осуществляющего непосредственное, фактическое управление платформой), владельца сопутствующей инфраструктуры (владельца, например, пунктов выдачи товаров) и регулятора, устанавливающего правила осуществления деятельности пользователей цифровой платформы (правила цифровой платформы).

Мировой опыт демонстрирует два основных подхода к правовому регулированию цифровых платформ, весьма условно обозначаемых как «американский» и «европейский».

В США традиционно доминировал подход, основанный на доктрине потребительского благосостояния и критерии «ущерба для конкуренции» (англ. – *consumer welfare standard*). Антимонопольные органы США долгое время проявляли сдержанность в отношении жесткой регламентации цифровых платформ, в большей степени фокусируясь лишь на очевидных случаях антиконкурентного поведения, которые часто приводили к необоснованному росту цен для потребителей товаров и услуг. Однако растущая рыночная концентрация, практики поглощения потенциальных конкурентов (англ. – «*killer acquisitions*»), фактическое доминирование в одной сфере для усиления позиций в другой (англ. – *leveraging*), а также использование в больших масштабах персональных данных привели к пересмотру указанного подхода. В настоящее время наблюдается ужесточение позиции американского регулятора: инициируются масштабные антимонопольные иски к крупнейшим цифровым платформам, обсуждаются законодательные инициативы, направленные на ограничение их рыночной власти.

В Европейском союзе сегодня сформировался более активный и превентивный регуляторный режим в отношении цифровых платформ. Здесь действует Регламент о цифровых рынках (англ. – *Digital Markets Act*, сокр. – *DMA*), представляющий собой переход от регулирования «*ex post*» к проактивному регулированию «*ex ante*» [1].

DMA вводит понятие «лица, контролирующего доступ» (англ. – *gatekeeper*) и налагает на них перечень прав и обязанностей. К перечню относится, например, обязанность обеспечить интероперабельность, ограничение на использование персональных данных, полученных от пользователей цифровой платформы и др. Параллельно Регламент о цифровых услугах (англ. – *Digital Services Act*, сокр. – *DSA*) устанавливает правила ответственности и прозрачности для всех цифровых платформ, усиливая контроль за контентом. Таким образом, Европейский союз делает ставку на проактивное «*ex ante*» регулирование.

Российский подход в регулировании цифровых платформ находится на стадии формирования, но уже сейчас можно констатировать, что он характеризуется, главным образом, сочетанием антимонопольных инструментов и отраслевого законодательства. ФАС России применяет к некоторым видам цифровых платформ классические нормы о злоупотреблении доминирующим положением. В 2022 году в антимонопольный закон были внесены изменения (пятый антимонопольный пакет), установлены специальные нормы регулирующие деятельность цифровых платформ, включая закрепление в законе о защите конкуренции понятия «цифровая платформа». Помимо антимонопольного регулирования, в российском законодательстве действует значительный массив отраслевых норм, при этом во многих отраслевых законах цифровые платформы именуются по-разному (маркетплейс, агрегатор и др. и понимаются платформы в них по-разному). Вместе с тем, подхода аналогичного *DMA* в Российском праве пока что не выработано (возможно, что не будет выработано и в дальнейшем). Регулирование, по большому счету, фрагментировано, а многие инициативы носят ситуативный характер [2].

На сегодняшний день можно выделить несколько общемировых тенденций в регулировании цифровых платформ:

1. В Европе акцент сместился в сторону установления превентивных *ex ante* правил регулирования для организаций, обладающих значительной рыночной властью. Во многом это признание того, что рассмотрение антимонопольного спора всегда весьма сильно растянуто во времени;
2. Регулирование, основанное на защите персональных данных. Ключевым объектом контроля становятся персональные данные как основной актив и источник рыночной власти цифровых платформ. Ограничение возможностей по сбору, обороту и анализу пользовательских

данных, а также требования к обеспечению их надежного хранения становятся центральными элементами регуляторного режима;

3. Интероперабельность как новый принцип. Требование обеспечения совместимости передачи данных между различными цифровыми платформами в рамках одного цифрового рынка набирает силу как инструмент снижения т.н. «эффекта блокировки» (англ. – lock-in effect) и стимулирования развития конкуренции на цифровых рынках;

4. Конвергенция целей и задач регулирования. Задачи антимонопольного регулирования тесно сочетаются с защитой персональных данных, экономикой и информационной безопасностью государства и др. Регулирование цифровых платформ приобретает комплексный характер;

5. Определенную долю системы любого регуляторного режима занимает принцип саморегулирования цифровых платформ. Но, как мы отметили выше, к саморегулированию платформ как принципу нужно относиться весьма осторожно.

Саморегулирование платформ это установление цифровыми платформами собственных регулятивных правил взаимодействия в рамках своей электронно-цифровой и, в том числе, иной инфраструктуры. Саморегулирование обладает определенными преимуществами, однако главный недостаток саморегулирования становится все более очевидным – фактическая возможность установления платформой для своих пользователей кабальных правил осуществления деятельности.

Ответ государства может заключаться в активном «регулировании саморегулирования». Государству необходимо устанавливать строгие требования к содержанию правил цифровых платформ (например, к механизму обжалования решения оператора цифровой платформы), возможно даже превращая саморегулирование из альтернативы государственному контролю в один из его инструментов.

Дилемма между регулированием «ex ante» (предварительным) и «ex post» (последующим) является одной из основных в сегодняшних дискуссиях о будущем цифрового права и механизмах регулирования цифровых платформ. Ex post регулирование, характерное для классического антимонопольного права, предполагает действие регулятора после выявления нарушения.

Ex ante регулирование, ярким примером которого является DMA в Европейском союзе, устанавливает для доминирующих цифровых платформ определенный перечень прав и обязанностей, исходя из презумпции их значительного влияния на цифровые рынки [3]. Это позволяет предотвратить ущерб до момента его причинения, снижает регуляторные издержки за счет строгости правил, но критикуется за возможную избыточность и потенциальное негативное влияние на развитие инноваций [4].

Сегодня оптимальной представляется гибридная модель[5]: применение превентивных ex ante правил регулирования к определенному кругу крупных цифровых платформ, являющимися ключевыми на цифровых рынках, в сочетании с сохранением более гибкого инструментария ex post для иных участников рынка.

Безусловно, следует учитывать и необходимость наличия на цифровом рынке сразу нескольких, в определенной степени альтернативных платформ, что подразумевает отсутствие тесной связи пользователей и поставщиков товаров и услуг с одной конкретной цифровой площадкой (платформой). А также возможность и право беспрепятственной миграции поставщиков товаров и услуг от одной цифровой платформы к другой (без потери данных, что особенно актуально в стремительно меняющихся внешних условиях ведения бизнеса). Важно понимать, что оператор цифровой платформы, владея информацией (данными) может контролировать любой физический рынок [6].

Список литературы:

1. Akman P. Regulating competition in digital platform markets: a critical assessment of the framework and approach of the EU Digital Markets Act // European Law Review. - 2022. - Vol. 47, No. 1. P. 85-114.
2. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 11 (228). С. 9-33.
3. Larouche P., De Streel A. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // Journal of European Competition Law & Practice. - 2021. - Vol. 12, No. 7. P. 542-560.
4. Cabral L., Haucap J., Parker G., Petropoulos G., Valletti T., Van Alstyne M. The EU Digital Markets Act // Publications Office of the European Union. - Luxembourg, 2021.
5. Баттахов П. П. Цифровой рубль и правовые режимы конфиденциальной информации / П. П. Баттахов, Ю. С. Овчинникова // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2024. – № 4(36). – С. 7-13.
6. Саяпин С.П. О трансформации правового регулирования цифровых платформ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 325-327.

References:

1. Akman P. Regulating competition in digital platform markets: a critical assessment of the framework and approach of the EU Digital Markets Act // European Law Review. - 2022. - Vol. 47, No. 1. P. 85-114.
2. Gabov A.V., Sayapin S.P. Platform relations as a subject of legal regulation // Lex Russica (Russian Law). 2025. Vol. 78. No. 11 (228). P. 9-33.
3. Larouche P., De Streel A. The European Digital Markets Act: A Revolution Grounded on Traditions // Journal of European Competition Law & Practice. - 2021. - Vol. 12, No. 7. P. 542-560.
4. Cabral L., Haucap J., Parker G., Petropoulos G., Valletti T., Van Alstyne M. The EU Digital Markets Act // Publications Office of the European Union. - Luxembourg, 2021.
5. Battakhov P.P. Digital ruble and legal regimes of confidential information/P.P. Battakhov, Yu. S. Ovchinnikov//Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: History. Political science. Right. – 2024. – № 4(36). - S. 7-13.
6. Sayapin S.P. On the transformation of legal regulation of digital platforms // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 325-327.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_420

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО РАСШИРЕНИЮ ПОЛНОМОЧИЙ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ И ОРГАНОВ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО АСПЕКТАМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕВЕРНОМУ ЗАВОЗУ:
НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (Я)
PROPOSALS FOR LEGISLATION TO EXPAND THE POWERS OF STATE
AUTHORITIES OF CONSTITUENT ENTITIES AND MUNICIPAL AUTHORITIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ASPECTS OF LEGAL REGULATION
OF NORTHERN IMPORT: ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (I)**

БАТТАХОВ Петр Петрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

BATTAKHOV Petr Petrovich,

candidate of of jurisprudence, senior researcher
of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проведен анализ федерального и регионального законодательства об организации продовольственного снабжения труднодоступных населённых пунктов по Северному завозу. Это позволило сформулировать перечень предложений для внесения в законодательство, в том числе по расширению полномочий органов субъектов Российской Федерации и органов муниципальных образований. Отдельно исследован вопрос об установлении ответственности в рамках осуществления полномочий в сфере северного завоза и связанных с этим функций государственными и муниципальными органами власти. Предложено в целях устранения возможности срыва северного завоза, необходимо, в том числе, представление полномочий на принятие оперативных мер, а также разработка соответствующего Положения – правового документа субъекта Российской Федерации, в котором зафиксирован порядок принятия им указанных оперативных действий и порядок взаимодействия с федеральными органами государственной власти, а также с Федеральным координатором северного завоза.

Abstract: The article analyzed federal and regional legislation on the organization of food supply to hard-to-reach settlements in the Northern Delivery. This made it possible to formulate a list of proposals for introducing into the legislation, including expanding the powers of the bodies of the constituent entities of the Russian Federation and bodies of municipalities. Separately, the issue of establishing responsibility within the framework of the exercise of powers in the field of northern delivery and related functions by state and municipal authorities was investigated. In order to eliminate the possibility of disrupting the northern delivery, it is necessary, among other things, to submit powers to take operational measures, as well as to develop the appropriate Regulation - a legal document of a constituent entity of the Russian Federation, which fixes the procedure for taking these operational actions and the procedure for interaction with federal government bodies, as well as with the Federal coordinator of the northern delivery.

Ключевые слова: Северный завоз, государство, органы муниципальной власти, территория, груз, ответственность.

Keywords: Northern delivery, state, municipal authorities, territory, cargo, responsibility.

Для цитирования: Баттахов П.П. Предложения в законодательство по расширению полномочий органов государственной власти субъектов и органов муниципальных властей Российской Федерации по аспектам правового регулирования северному завозу: на примере Республики Саха (я) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 420-423. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_420.

For citation: Battakhov P.P. Proposals for legislation to expand the powers of state authorities of constituent entities and municipal authorities of the Russian Federation on aspects of legal regulation of northern import: on the example of the Republic of Sakha (i) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 420-423. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_420.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025

Анализ федерального законодательства в сфере социально-экономического развития Российской Федерации показывает, что вопросы «северного завоза» как особого режима завоза грузов в труднодоступные населенные пункты находятся в зоне особого внимания государства. В настоящее время централизованные поставки товаров первой необходимости также требуют пристального рассмотрения.

Вместе с тем неоднородность природно-климатических условий и разный уровень социально-экономического развития регионов страны, дифференциация их бюджетной обеспеченности, различная удаленность от транспортных магистралей и энергетических сетей, промышленных центров формируют уникальные практики организации «северного завоза», характерные только для этих регионов[1].

С 1 апреля 2024 года вступил в силу Федеральный закон «О северном завозе». Он определяет понятийный аппарат и распределение полномочий, связанные с доставкой жизненно необходимых товаров на Крайний Север, вводит институт планирования, категорирование грузов и государственную информационную систему мониторинга, а также уточняет меры государственной поддержки и перечень территорий северного завоза.

Целью Федерального закона является создание правовых и организационных основ для осуществления завоза грузов на территорию с ограниченными сроками завоза грузов, расположенную в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, а также государственного регулирования цен на отдельные виды товаров, торговых надбавок к ценам на них и тарифов на отдельные услуги.

Федеральный закон регулирует отношения, связанные с осуществлением завоза грузов на территорию с ограниченными сроками завоза грузов[2], расположенные в границах муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, а также отношения, связанные с установлением цен на отдельные виды товаров, торговых надбавок к ценам на них и тарифов на отдельные услуги.

Основной перечень полномочий органов государственной власти субъекта в сфере северного завоза устанавливается в ст. 5 Федерального закона № 411 «О северном завозе» (однако не ограничивается указанным списком)[3]. Одним из первых в указанном перечне закреплено полномочие об участии субъекта Российской Федерации в проведении единой государственной политики в сфере осуществления северного завоза на территории субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, как видно из текста закона в ст. 5 не закрепляется отдельного полномочия связанного с правом субъекта Российской Федерации направлять рекомендации об изменении отдельных положений государственной политики в сфере северного завоза. Однако с использованием указанного полномочия было бы возможно внести рекомендации к изменению порядка финансирования северного завоза, в том числе порядка изыскания средств из федерального бюджета. Указанную норму п. 10 можно было бы сформулировать следующим образом:

«10) подготовка предложений о внесении изменений в отдельные положения государственной политики в сфере северного завоза и связанных с этим функций и полномочий федеральных органов государственности власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации;».

Обращает на себя внимание установление в п. 8 ст. 5 отдельного полномочия регионального государственного контроля за применением установленных снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам, установление в п. 9 ст. 5 нормы о необходимости утверждения положения о региональном государственном контроле и, в том же время, полное отсутствие в законе какой бы то ни было общей нормы о контроле северного завоза субъектом Российской Федерации с учетом установленных в ст. 5 полномочий субъекта.

Отсюда возникает необходимость в формулировании и закреплении на законодательном уровне соответствующей нормы: либо в отдельном пункте ст. 5, либо путем внесения изменений в п. 8 ст. 5. Текст предложенной нормы должен начинаться с указания на осуществление общего контроля северного завоза на территории субъекта Российской Федерации. Вторая часть предложенной нормы должна следовать тексту действующей нормы п. 8 ст. 5. В общем виде она должна быть сформулирована следующим образом:

«8) осуществление регионального государственного контроля северного завоза и связанных с этим функций на территории субъекта Российской Федерации, в том числе осуществление регионального государственного контроля за применением установленных снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, установленных предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, установленных тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории (далее - региональный государственный контроль) в случае принятия высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации решения об установлении таких надбавок, цен, тарифов;».

Как ни странно, но в числе установленных в ст. 5 полномочий субъекта Российской Федерации отсутствует полномочие о принятии оперативных мер по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в арктические районы субъекта Российской Федерации в рамках северного завоза. Однако ранее, в 2021 году, уже были прецеденты, связанные с проблемами с осуществлением северного завоза (угрозой его срыва).

На наш взгляд в целях устранения возможности срыва северного завоза, необходимо, в том числе, представление полномочий на принятие оперативных мер, а также разработка соответствующего Положения – правового документа субъекта Российской Федерации, в котором зафиксирован порядок принятия им указанных оперативных действий и порядок взаимодействия с федеральными органами государственной власти, а также с Федеральным координатором северного завоза.

Соответствующую норму п. 11 ст. 5 предлагается сформулировать следующим образом:

«11) принятие оперативных мер по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в рамках северного завоза в соответствии с утвержденным положением о порядке принятия оперативных мер (с указанием их перечня) по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в рамках северного завоза;».

Полномочие на прямое взаимодействие государственных органов субъекта Российской Федерации с Федеральным координатором северного завоза было бы возможно вынести в отдельную норму п. 12 ст. 5:

«12) осуществление прямого взаимодействия по вопросам северного завоза с Федеральным координатором северного завоза в соответствии с утвержденным субъектом Российской Федерации положением о порядке такого взаимодействия;».

Органы муниципальной власти

Основной перечень полномочий органов местного самоуправления в сфере Северного завоза устанавливается в ст. 6 (однако не ограничивается указанным списком).

Нами предлагается расширить норму ч. 1 абз. 1 ст. 6 за счет раскрытия фразы «участия в планировании северного завоза». Сформулировать норму следующим образом:

«1. участие в планировании северного завоза, в том числе подготовка и направление предложений для формирования плана северного завоза высшему исполнительному органу субъекта Российской Федерации ежегодно до 1 октября текущего года;».

Напомним, что порядок формирования и корректировки плана северного завоза осуществляется в соответствии с Приказом Минвостокразвития России от 12.03.2024 № 25 «Об утверждении порядка формирования и корректировки плана северного завоза и формы плана северного завоза»¹. Где в п. 3 зафиксировано, что высшие исполнительные органы субъектов Российской Федерации обеспечивают направление федеральному координатору северного завоза предложений для формирования плана северного завоза ежегодно до 1 ноября текущего года. Таким образом, следует предоставить высшему исполнительному органу субъекта Российской Федерации срок в 1 (один) календарный месяц для аккумулирования и анализа полученной информации, полученной от органов местного самоуправления.

Как было отмечено выше в целях своевременной доставки грузов в рамках реализации плана северного завоза чрезвычайную важность приобретает транспортная доступность и логистика. В этой связи мы полагаем возможным расширить полномочия органов местного самоуправления в части формулирования обоснованных предложений о строительстве объектов транспортно-логистической инфраструктуры на территории конкретных муниципальных образований Республики Саха (Якутия), а также предоставления полномочий органам местного самоуправления в части привлечения дополнительного транспорта (дополнительных видов транспорта), а также перевозчиков.

Указанные проектируемые нормы п. 5 и п. 6. абз. 1 ст. 6 Федерального закона № 411-ФЗ «О северном завозе» предлагается сформулировать следующим образом:

«5) осуществлять подготовку предложений о включении объектов транспортно-логистической инфраструктуры, расположенных на территории муниципального образования Российской Федерации, в перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза;».

«6) в рамках своевременной реализации плана северного завоза на территории муниципального образования Российской Федерации определять порядок использования дополнительного транспорта (дополнительных видов транспорта), в том числе порядок заключения договоров с перевозчиками, реализующих соответствующие функции на территории муниципального образования Российской Федерации;».

В рамках реализации п. 11 главы 5 «Состав информации, размещаемой в федеральной системе» Постановления Правительства РФ от 19.03.2024 № 331 «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза»² полномочия органов местного самоуправления в этой части следует расширить.

С учетом действующего п. 2 ст. 6 Федерального закона № 411 «О северном завозе» предлагается внести изменения в указанную норму, изложив ее в следующей редакции:

«2) в установленные сроки размещать в федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза сведения (информацию) о мерах муниципальной поддержки северного завоза, предоставленной в соответствии со статьями 18-20 Федерального закона «О северном завозе», а также иные сведения (информацию) в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации о северном завозе;».

В условиях сильной отдаленности некоторых муниципальных образований, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), а также учитывая значительный рост цен на многие категории товаров (в том числе товары первой необходимости), актуальным представляется учет доходов населения (среднедушевой доход) проживающих на территории этих муниципальных образований. С этой целью мы полагаем возможным расширить полномочия органов местного самоуправления в части подготовки предложений об установлении снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, установленных предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, установленных тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории.

Предлагается сформулировать норму п. 7 следующим образом:

«7) осуществлять подготовку предложений об установлении снабженческо-сбытовых и торговых надбавок к ценам на продукцию (товары), реализуемую на территориях северного завоза, установленных предельных значений розничных и оптовых цен на грузы первой категории и продукцию (товары), изготавливаемую с их применением, установленных тарифов на перевозку и хранение грузов первой категории, погрузочно-разгрузочные работы и приемо-складские операции в отношении грузов первой категории в случае принятия высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации решения об установлении таких надбавок, цен, тарифов;».

Немаловажным является наделение органов муниципального образования полномочиями по контролю за осуществлением Северного завоза на территории каждого конкретного муниципального образования Республики Саха (Якутия).

В этой связи думается, что данную норму можно сформулировать наиболее общим образом и рассмотреть возможность ее включения в перечень полномочий ст. 6 Федерального закона № 411 «О северном завозе»:

«8) осуществлять контроль северного завоза на территории муниципального образования и связанных с этим функций, в том числе на этапе планирования северного завоза;».

Вместе с тем, осуществление контроля органами муниципального образования необходимо производить на основании Положения о муниципальном контроле северного завоза. Отсюда возникает необходимость разработки указанного нормативного правового акта и предостав-

¹ Приказ Минвостокразвития России от 12.03.2024 № 25 «Об утверждении порядка формирования и корректировки плана северного завоза и формы плана северного завоза» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.03.2024 № 77547) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19.03.2024.

² Постановление Правительства РФ от 19.03.2024 № 331 (ред. от 24.04.2025) «Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе мониторинга северного завоза» // Собрание законодательства РФ, 25.03.2024, № 13, ст. 1802.

ления органам муниципального образования соответствующих полномочий по его разработке (изм. в ст. 6).

«9) утверждение положения о муниципальном контроле северного завоза;».

В числе установленных в ст. 6 полномочий органов муниципального образования Российской Федерации отсутствует полномочие о принятии экстраординарных оперативных мер по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в арктические районы субъекта Российской Федерации в рамках Северного завоза. Выше мы уже рассматривали указанную проблему в отношении полномочий субъекта Российской Федерации.

Думается, что на муниципальном уровне также необходимо принятие соответствующего положения. Указанные нормы проектируемых п. 10 и п. 11 можно было бы сформулировать следующим образом:

«10) принятие оперативных мер по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в рамках северного завоза в соответствии с полномочиями органов муниципального образования;».

«11) утверждение положения о порядке принятия оперативных мер (с указанием их перечня) по обеспечению своевременного завоза товаров (продукции) в рамках северного завоза в соответствии с полномочиями органов муниципального образования».

Ответственность государственных органов и органов муниципального образования

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об установлении ответственности в рамках осуществления полномочий в сфере северного завоза и связанных с этим функций государственными и муниципальными органами власти. По нашему мнению, в Федеральный закон № 411 «О северном завозе» необходимо включение соответствующих норм ввиду того, что в указанном нормативном правовом акте данные нормы в настоящее время отсутствуют вовсе.

По нашему мнению, в Федеральный закон № 411 «О северном завозе» следует включить главу «Ответственность государственных органов и органов муниципального образования». Если идти по пути установления единой, наиболее общей нормы об ответственности, то её можно сформулировать следующим образом:

«Статья 22.1 Ответственность государственных органов и органов муниципального образования.

Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, Федеральный координатор северного завоза, Единый морской оператор северного завоза несут юридическую ответственность за неисполнение или частичное неисполнение возложенных на них обязанностей в рамках установленных полномочий и функций в сфере осуществления северного завоза в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации».

Таким образом, проведенный анализ федерального и регионального законодательства об организации продовольственного снабжения арктических населенных пунктов в Республике Саха (Якутия) (северный завоз) позволил прийти к выводу о том, что действующий (нормативно установленный) перечень полномочий федеральных государственных органов, органов государственной власти Республики Саха (Якутия) и органов местного самоуправления в сфере северного завоза не в полной мере отвечает современным вызовам, требует более взвешенного подхода и в определенных случаях – пересмотра. Указанные выводы позволили сформулировать ряд законодательных предложений, в том числе по расширению полномочий органов субъекта Российской Федерации и органов муниципального образования.

Список литературы:

1. Зворыкина Ю. В. Новая модель управления Северным морским путем для повышения эффективности северного завоза // Транспорт и логистика в Арктике. Регулярное судоходство по СМП - залог ускоренного развития Дальнего Востока: Альманах / Под редакцией С.В. Новикова. Том Выпуск 3. – Москва: Рекламно-издательский центр "Техносфера", 2017. – С. 19-23.
2. Баттахов П. П. Некоторые аспекты правового регулирования Северного морского пути // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11(227). – С. 279-282.
3. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. N 411-ФЗ "О северном завозе"//Собрание законодательства Российской Федерации, 7 августа 2023 г. N 32 (часть I) ст. 6143.

References:

1. Zvorykina Yu. V. New model of Northern Sea Route management to increase the efficiency of northern delivery//Transport and logistics in the Arctic. Regular shipping on the NSR is a guarantee of accelerated development of the Far East: Almanac/Edited by S.V. Novikov. Volume Issue 3. - Moscow: Technosphere Advertising and Publishing Center, 2017. - S. 19-23.
2. Battakhov P.P. Some aspects of the legal regulation of the Northern Sea Route//Law and State: Theory and Practice. – 2023. – № 11(227). - S. 279-282.
3. Federal Law of August 4, 2023 N 411-FZ "On Northern Delivery"//Collection of Legislation of the Russian Federation, August 7, 2023 N 32 (part I) Art. 6143.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_424

УДК 347.191

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕДОМИЦИЛЯЦИИ CONCEPT AND LEGAL NATURE OF REDOMICILIATION

МОЛОСТОВ Николай Викторович,

аспирант Института государства и права Российской академии наук.

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: nmolostov@gmail.com;

MOLOSTOV Nikolai V.,

post-graduate at Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russia.

E-mail: nmolostov@gmail.com

Краткая аннотация. В рамках настоящей статьи автор обосновывает, что редомициляция направлена как на решение частных задач и удовлетворение частных интересов субъектов, которые принимают решение воспользоваться данным инструментом, так и на решение социально-экономических задач, стоящих перед государством и обществом, в частности, таких задач как обеспечение вложения капитала на территории государства, избежание его вывода за рубеж, возможности осуществление бизнеса с учетом санкционного режима. Автор характеризует редомициляцию как межотраслевое явление, по своей правовой природе частноправовое, но требующее использования значительного числа публично-правовых средств. В статье делается вывод, что в зависимости от аспекта, в котором рассматривается данное явление, редомициляцию можно признать правовым средством, правовым институтом и правовой формой.

Abstract. In this article, the author argues that redomiciliation is aimed both at solving the private problems and satisfying the private interests of the persons who decide to use this instrument, and at solving the socio-economic problems facing the state and society, in particular, tasks such as ensuring capital investment within the state, preventing its withdrawal abroad, and enabling business operations in the light of sanctions. The author characterizes redomiciliation as a cross-sectoral phenomenon, which is private in its legal nature but requires the use of a significant number of public law instruments. The article concludes that, depending on the aspect under consideration, redomiciliation can be recognized as a legal instrument, a legal institution, and a legal form.

Ключевые слова: редомициляция, корпоративное право, инвестиционное право, международное частное право, специальные административные районы, международные компании, международные фонды.

Key words: redomiciliation, corporate law, investment law, private international law, special administrative regions, international companies, international funds.

Для цитирования: Молостов Н.В. Понятие и правовая природа редомициляции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 424-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_424.

For citation: Molostov N.V. Concept and legal nature of redomiciliation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 424-427. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_424.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025

В современном мире бизнес нередко трансграничен, а субъекты предпринимательской деятельности при определенных условиях (например, при установлении в той или иной юрисдикции привлекательного налогового или иного льготного режима, введении санкций против государства ведения бизнеса и т.д.) могут испытывать потребность в изменении своего личного закона в силу феномена «охоты за национальностью». Данное явление создало предпосылки для формирования института редомициляции, который получил правовое оформление в нашей стране не так давно. В настоящее время в отечественной практике наблюдаются определенные проблемы использования редомициляции, обусловленные, в частности, сложностью выплаты дивидендов, проведением «прямой» редомициляции, связанные с оборотом акций/долей компаний, применением корпоративного законодательства к международным компаниям. Необходимость их решения предопределяет потребность в анализе правовой природы редомициляции, поиске оптимальных направлений совершенствования правового регулирования данного института.

Редомициляция представляет собой перерегистрацию субъекта предпринимательской деятельности в другой стране с сохранением его организационно-правовой формы, структуры собственности, активов и обязательств. В настоящее время правовое регулирование редомициляции осуществляется во многих юрисдикциях. В Российской Федерации правовые нормы о данном институте содержатся преимущественно в Федеральном законе от 03.08.2018 N 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹, Федеральном законе от 03.08.2018 N 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»².

Несмотря на то, что определенная правовая основа редомициляции в российском законодательстве уже создана, представляется необходимым определить, что представляет собой редомициляция с точки зрения права: правовое средство, правовой режим, правовую форму или правовой институт.

По мнению Б.И. Пугинского, правовые средства представляют собой юридические способы решения субъектами задач, достижения своих целей (интересов) или комплекс юридически значимых действий, совершающихся субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества [15, с. 87]. Если брать данное определение (определение Б.И. Пугинского в рамках инструментальной теории права рассматривает понятие «правовые средства» как широкую универсальную категорию) за основу, то редомициляцию можно признать правовым средством. Подтверждением такого подхода может служить определение, предложенное Р.О. Халфиной, которая понимает правовые средства как особые юридические инструменты, призванные обеспечивать

¹ Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. N 32 (часть I). Ст. 5083.

² Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. N 32 (часть I). Ст. 5084.

решение определенных социально-экономических задач [20, с. 30]. Безусловно, **редомициляция направлена как на решение частных задач и удовлетворение частных интересов субъектов, которые принимают решение воспользоваться данным инструментом, так и на решение социально-экономических задач, стоящих перед государством и обществом, в частности, таких задач как обеспечение вложения капитала на территории государства, избежание его вывода за рубеж, возможности осуществления бизнеса с учетом санкционного режима. Несмотря на то, что редомициляция предполагает использование совокупности как частноправовых, так и публично-правовых средств, по своей правовой природе она является частноправовым явлением.**

Упорядоченная совокупность (система) правовых средств в научной литературе определяется как правовой режим, который характеризуется тем, что правовые средства сочетаются строго определенным образом, тесно взаимосвязаны и действуют комплексно, создавая определенную атмосферу (степень благоприятности) [4]. Редомициляция, безусловно, связана с категорией правового режима, но, по нашему мнению, не является таким режимом. Так, в отечественном праве редомициляция предполагает перерегистрацию компаний в специальных административных районах (САР), где таким компаниям предоставляется набор правовых льгот при определенных условиях, в частности, при вложении инвестиций. Так как именно САР является правовым режимом, **процесс редомициляции, то есть фактически переезда, нельзя отнести к правовому режиму, это, скорее, право на использование определенного правового режима.** Отметим, что реализация редомициляции в рамках специального правового режима встречается не только в отечественной правоприменительной практике. Например, в Казахстане законодательно предусмотрено, что редомициляция осуществляется в рамках специальных административных районов, где может применяться право иностранного государства или отличный от национального правовой режим¹.

Представляется, что в настоящее время редомициляция может быть признана правовым институтом. С.С. Алексеев определил институт права как законодательно обособленный комплекс юридических норм, обеспечивающий цельное регулирование данной разновидности отношений или ее сторон [1, с. 139], что в целом характеризует редомициляцию. Главная функция правового института состоит в обеспечении цельного, относительно законченного регулирования в пределах участка общественных отношений [23, с. 66], и отечественное законодательство, содержащее нормы о редомициляции, в целом решает данную задачу. Отметим, что в позитивистской юриспруденции под категорию правовых средств подпадает также правовой институт [13, с. 493], что не создает противоречий при квалификации редомициляции как правового средства и правового института одновременно.

Представляется, что редомициляция может быть также рассмотрена как правовая форма отношений по изменению личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности. О.А. Красавчиков определяет правовую форму как основанную на нормах закона меру возможного или должного поведения [12, с. 18, 19], а в рамках редомициляции проявляется такое поведение в соответствии с установленными нормами права. Подчеркнем, что Р.О. Халфина понимает под правовой формой нормы и институты, которые придают юридическое регулирование определенным экономическим отношениям [19, с. 48-49], то есть, если мы признаем редомициляцию правовым институтом, это одновременно делает ее и правовой формой, так как это разные аспекты, характеризующие одно и то же правовое явление.

Таким образом, редомициляция является правовым средством, правовым институтом и правовой формой в зависимости от того, в каком аспекте ее рассматривать. При этом редомициляцию нельзя признать правовым режимом.

Представляется необходимым определить место правового регулирования редомициляции в отраслевом аспекте, а именно определить, является ли редомициляция институтом международного частного, корпоративного, инвестиционного, налогового права или иной отрасли науки. Рассмотрение любого из таких вариантов имеет право на существование.

Так, внедрение редомициляции в российский и зарубежный правопорядок обусловлено необходимостью налоговой оптимизации, при которой юридическое лицо меняет юрисдикцию без потери права на имущество, оставаясь в правовых и экономических отношениях с существующими контрагентами. Таким образом, редомициляция является дополнительным инструментом перевода активов вместе с хозяйственным обществом в неизменном виде в офшорные зоны с сохранением действующих контрактов и деловой репутации, создавая условия для перехода компаний в те государства, в которых налоговая нагрузка на них будет ниже, что, безусловно, делает редомициляцию схожей с функционированием офшоров, в связи с чем данное явление должно быть рассмотрено с точки зрения **налогового права** [14; 7; 10].

Так, успех редомициляции на Кипре, Британских Виргинских Островах (БВО) и в штате Делавэр обусловлен тем, что предлагается оптимальный налоговый режим с низкими налогами для компаний, который способен конкурировать в налоговой сфере в сравнении с иностранными государствами. Интересно, что компании Кипра и Делавэра могут не вести предпринимательскую деятельность, а лишь держать активы без осуществления активной экономической деятельности. При этом данное правило не применимо на Британских Виргинских Островах с 2019 года в связи с проведением политики деофшоризации США и странами Европы. Россия в данном вопросе проводит нейтральную политику, стремясь с одной стороны к деофшоризации, а с другой создавая особые экономические зоны, в которых действует льготное налогообложение, как, например, в штате Делавэр в США.

С точки зрения теории **международного частного права** [2; 5; 16] процесс редомициляции объясняется как изменение личного закона юридического лица, что возможно при условии, что оба правопорядка признают редомициляцию. Арбитражный суд Амурской области дает дру-

¹ Конституционный закон Республики Казахстан от 07.12.2015 N 438-VЗ РК «О международном финансовом центре «Астана». Следует отметить, что Акт МФЦА «Астана» «О компаниях» (AIFC Companies Regulation) в ч. 3 ст. 151 предусматривает необходимость соответствия устава редомицилированной компании этому Акту. Отличительная особенность данного требования заключается в том, что организационные формы, в которых может быть зарегистрирована компания в МФЦА «Астана», отличаются от общего казахского корпоративного законодательства, а также во многом вдохновлены английским правом.

гое толкование редомициляции как процесса, посредством которого юридический адрес (место нахождения) компании переносится из страны ее регистрации в другую страну при условии, что законодательство обеих стран разрешает такой перенос¹. Однако такое понятие редомициляции указывает на смену юридического адреса, но не личного закона, что не в полной мере отображает сущность данного правового института. В научной литературе отмечается, что на примере международных компаний видно, что, как правило, субъекты предпринимательской деятельности стремятся к сохранению применения иностранного права в своих уставах [3], что предопределяет значимость коллизионных норм в правовом регулировании редомициляции. Так, Закон о международных компаниях предоставляет субъектам, воспользовавшимся институтом редомициляции, временно (до 1 января 2029 г.) одновременно иметь два личных закона юридического лица [17]. В научной литературе отмечается, что коллизионное регулирование корпоративных прав существенным образом отличается от принципов определения вещного статута (подп. 7 п. 2 ст. 1202 ГК РФ, п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года N 24) [8].

Возможность получения редомицилирующимися компаниями публичного статуса, особенности их организационно-правовой формы, особенности положений устава в части третейских оговорок и применения иностранного права к отношениям, регулируемым уставом обществ, регулируется **корпоративным правом**. Вопросы корпоративного права занимают важнейшее место при анализе редомициляции, так как редомициляция схожа с другим институтом корпоративного права – реорганизацией [6]. При этом, как отмечается в научной литературе, правовая природа редомициляции отлична от иных институтов, в том числе цессии, внесения вкладов в уставный капитал, создания филиалов и дочерних обществ, погашения акций юридического лица у его владельцев и последующей новой эмиссии акций в пользу зарубежных субъектов [2].

Процедура редомициляции позволяет достичь экономических и правовых результатов за счет привлечения иностранного капитала и возврата собственного. В отличие от многих зарубежных стран, которые стремятся с помощью редомициляции привлечь иностранный капитал, в отечественной практике стоит задача сохранить национальный капитал в стране, избежать вывода денежных средств за пределы отечественной экономики, в том числе в связи с санкциями. Инвестиционное законодательство в целом направлено на перераспределение национального дохода, поиск баланса частных и публичных интересов, создание системы стимулов и ограничений для поддержания благоприятного инвестиционного климата и при этом защиту национальной безопасности. Представляется, что институт редомициляции может оказаться востребованным на системной основе, когда некоторые территории привлекают инвестиции за счет предоставления значительных льгот, что как мера государственной поддержки имеет мировое признание (хотя в научной литературе высказана позиция, что редомициляция никак не влияет на защиту прав предпринимателей и инвестиционный климат в стране [9], с чем сложно согласиться).

Норма российского законодательства, согласно которой редомицилирующиеся компании должны инвестировать на территории России не менее 50 млн руб. в течение года с момента регистрации компании, относит институт редомициляции к сфере инвестиционного права [17], с точки зрения рынка ценных бумаг важно обратить внимание на их конвертацию при редомициляции. Отметим, что в зарубежных странах, как правило, смена юрисдикции не требует инвестиций в экономику принимающей страны (в отличие от российского правопорядка), ограничивая компании только тратами на регистрацию юридического лица, оплату консультантов и т.д. Представляется, что установление определенной суммы в отношении инвестиций не является существенным ограничением субъектов предпринимательской деятельности, несмотря на критику со стороны ряда ученых [11]. Стоит отметить, что федеральный закон о международных компаниях и международных фондах предусматривает возможность реализации требования об осуществлении инвестиций в виде внесения вклада в уставный капитал (или имущество) дочернего российского общества, то есть в конечном итоге речь идет именно об инвестировании в собственный бизнес.

Таким образом, можно сделать вывод, что редомициляция является межотраслевым явлением, по своей правовой природе частноправовым, но требующим использования значительного числа публично-правовых средств.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 396 с.
2. Андреев Р.В. Регулирование редомицилирования (обзор основных правопорядков) // СПС КонсультантПлюс.
3. Арнаутков Д.Р. Особенности права, применимого к редомицилированным международным компаниям // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. N 7. С. 102 - 131.
4. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2013. 45 с.
5. Блинова Ю.В. Адаптация юридического лица в странах ЕС // Международное публичное и частное право. 2018. N 3. С. 9-12.
6. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014. 880 с.
7. Дидикин А.Б., Юдкин А.В. Российские «офшоры»: новые правила ведения бизнеса: экспертный комментарий. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 36 с.
8. Домшенко (Червец) Е.И. Судьба залога акций (долей) редомицилируемой корпорации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 2. С. 142 - 157.
9. Ищенко И.Д. Сравнительно-правовой анализ редомициляции в России и за рубежом: насколько эффективна российская модель? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 9. С. 94 - 135.
10. Кондукторов А.С. Правовое регулирование редомициляции в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 9. С. 43 - 56.
11. Кондукторов А.С. Редомициляция иностранных организаций в Российскую Федерацию: оценка совокупного финансового результата // Lexrussia. 2021. N 3 (172). С. 71 - 81.
12. Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: Сб. научных трудов СЮИ. Вып. 39. Свердловск, 1975. С. 5-22.
13. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2020. 525 с.
14. Морозова О.С., Берман А.И. Новое регулирование специальных административных районов // Закон. 2022. N 11. С. 93 - 98.
15. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. 224 с.
16. Синицын С.А. Международное частное право: некоторые тенденции развития, традиционные и новеллизационные институты // Журнал российского права. 2024. N 1. С. 35 - 52.

¹ Решение Арбитражного суда Амурской области от 24.05.2019 по делу N А04-1784/2019.

17. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.
18. Тория Р.А. Основные направления финансово-правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2023. N 4. С. 2 - 9.
19. Халфина Р.О. Государство. Право. Экономика. М., 1970. 351 с.
20. Халфина Р.О. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М., 1963. 267 с.
21. Чистякова Ю.В. Правовое регулирование редомициляции: современные тенденции и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 11. С. 84 - 95.
22. Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебный курс в 2 т. Т. 1. М., 2017. 976 с.
23. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. N 6. С. 61-67.

References:

1. Alekseev S.S. Problems of Legal Theory: Lecture Course in 2 Volumes. Vol. 1. Fundamental Issues of General Theory of Socialist Law. Sverdlovsk, 1972. 396 pp.
2. Andreev R.V. Regulation of redomiciliation (overview of the main legal systems) // SPS ConsultantPlus.
3. Arnautov D.R. Features of the law applicable to redomiciled international companies // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 7. Pp. 102–131.
4. Belyaeva G.S. Legal regime: general theoretical study: Abstract of dissertation ... Doctor of Law. Kursk, 2013. 45 pp.
5. Blinova Yu. V. Adaptation of Legal Entities in EU Countries // International Public and Private Law. 2018. No. 3. Pp. 9–12.
6. Gabov A. V. Theory and Practice of Reorganization (Legal Aspect). Moscow, 2014. 880 pp.
7. Didikin A.B., Yudkin A.V. Russian "Offshores": New Rules of Doing Business: Expert Commentary. Ekaterinburg: Publishing Solutions, 2018. 36 pp.
8. Domshenko (Chervets) E.I. The fate of pledged shares (stakes) of a redomiciled corporation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 2. Pp. 142–157.
9. Ischenko I.D. Comparative legal analysis of redomiciliation in Russia and abroad: how effective is the Russian model? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 9. Pp. 94–135.
10. Konduktorov A.S. Legal regulation of redomiciliation in the Russian Federation // Current issues of Russian law. 2021. No. 9. Pp. 43–56.
11. Konduktorov A.S. Redomiciliation of Foreign Organizations into the Russian Federation: Assessment of the Aggregate Financial Result // Lex Russica. 2021. No. 3 (172). Pp. 71–81.
12. Krasavchikov O.A. Civil legal relations – the legal form of social relations // Civil legal relations and their structural features: Collection of scientific works of the SYU. Issue 39. Sverdlovsk, 1975. Pp. 5-22.
13. Matuzov N.I., Malko A. V. Theory of State and Law. Moscow, 2020. 525 pp.
14. Morozova O.S., Berman A.I. New regulation of special administrative districts // Law. 2022. No. 11. Pp. 93–98.
15. Puginsky B.I. Civil law remedies in economic relations. Moscow: Legal Literature, 1984.
16. Sinitsyn S.A. Private international law: some trends in development, traditional and novel institutions // Journal of Russian Law. 2024. No. 1. Pp. 35–52.
17. Contemporary Corporate Law: Current Issues in Theory and Practice: Monograph / O.A. Belyaeva, S.A. Burlakov, M.M. Vildanova et al.; ed. by O.V. Gutnikov. Moscow: IZiSP, Statut, 2021. 528 pp.
18. Toria R.A. Main directions of financial and legal regulation of investment activity in the Russian Federation // Business Security. 2023. No. 4. Pp. 2–9.
19. Khalfina R.O. State. Law. Economy. Moscow, 1970. 351 pp.
20. Khalfina R.O. Legal Regulation of the Supply of Products in the National Economy. Moscow, 1963. 267 pp.
21. Chistyakova Yu. V. Legal regulation of redomiciliation: current trends and foreign experience // Current issues in Russian law. 2024. No. 11. Pp. 84–95.
22. Shitkina I.S. Corporate Law: A Two-Volume Course. Vol. 1. Moscow, 2017. 976 pp.
23. Yakushev V.S. On the Concept of a Legal Institution // Jurisprudence. 1970. No. 6. Pp. 61-67.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНАМИ ПОД СТРОИТЕЛЬСТВО FORMATION OF LAND PLOTS FROM STATE AND MUNICIPAL LANDS FOR ACQUISITION BY CITIZENS FOR CONSTRUCTION

КОНДРАТЕНКО Зарина Камилевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права России и зарубежных стран,
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, площадь имени В.И. Ленина, 1.

E-mail: mati07@rambler.ru;

KONDRATENKO Zarina Kamilevna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Private Law of Russia and Foreign Countries, Mari State University.

424000, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 1.

E-mail: mati07@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием земельных участков из государственных и муниципальных земель для последующего приобретения их гражданами под строительство. Автор анализирует изменения земельного законодательства, нормативные документы, определяющие категорию земель и разрешенное использование земельного участка. Автор приходит к выводу о наличии практических проблем, возникающих при формировании земельного участка, связанных с законодательными ограничениями прав на землю.

Abstract: This article examines issues related to the formation of land plots from state and municipal lands for subsequent acquisition by citizens for construction. The author analyzes changes in land legislation, regulatory documents defining land categories, and permitted land use. The author concludes that practical problems arise during land plot formation related to legislative restrictions on land rights.

Ключевые слова: земельный участок, категория земель, вид разрешенного использования, зоны с особыми условиями использования территории.

Keywords: land plot, land category, type of permitted use, zones with special conditions for land use.

Для цитирования: Кондратенко З.К. Формирование земельных участков из государственных и муниципальных земель для приобретения гражданами под строительство // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 428-431. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_428.

For citation: Kondratenko Z.K. Formation of land plots from state and municipal lands for acquisition by citizens for construction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 428-431. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_428.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

В настоящее время актуальным является вопрос о приобретении земельных участков гражданами для жизни, бизнеса и для инвестиций. Граждане на приобретаемых земельных участках планируют строительство жилых домов для себя, ведение садоводства и огородничества, разведение домашних животных, либо просто начать вести индивидуальный бизнес: организовать фермерское хозяйство, либо построить глэмпинг и сдавать домики в аренду для отдыха. Еще один вариант: хотят приобрести земельный участок, а потом его продать на вторичном рынке и заработать на разнице в цене. Проект по приобретению земельного участка зависит от бюджета гражданина и от того, какие цели он преследует в данной сфере.

Исследование темы необходимо начать с анализа изменений земельного законодательства, которые произошли в 2025 году. Если рассматривать порядок формирования земельного участка, то данный процесс начинается с выделения конкретных границ участка из состава государственных или муниципальных земель. Свободные земли можно найти на Публичной кадастровой карте, далее гражданин самостоятельно или с помощью кадастрового инженера готовит схему расположения участка на кадастровом плане территории. Здесь необходимо отметить, что с 2025 года действуют обновленные требования к формату таких схем. Далее подается заявление в местную администрацию об утверждении схемы расположения земельного участка. Решение должно быть принято в срок до 30 рабочих дней (согласно нормам, актуальным на 2025 год). После утверждения схемы кадастровый инженер проводит межевание, и участок ставится на государственный кадастровый учет с присвоением номера.

Граждане могут приобрести сформированный участок через аукцион или без торгов в особых случаях. Через торги (аукцион) - это основной способ покупки или аренды земли. С 1 марта 2025 года введены новые правила проведения аукционов, направленные на ускорение процесса. Договор купли-продажи заключается с победителем в течение 15 рабочих дней после подведения итогов.

Приобретение земельного участка без торгов доступно для определенных категорий граждан (льготники, собственники зданий на участке). Для многодетных семей в ряде регионов в 2025 году предусмотрена возможность получения денежной выплаты взамен земельного участка. Важно также упомянуть то, что с 1 января 2025 года прекратил действие упрощенный порядок выкупа участков для огородничества. С 1 марта 2025 года любые сделки с участками невозможны, если их границы не внесены в ЕГРН.

Более того, вступил в силу закон, обязывающий владельцев начать освоение участка (ИЖС, садоводство) в течение 3 лет. При неиспользовании земли по назначению или ее захламлении участок могут изъять через суд.

Таким образом, с законодательной точки зрения существует несколько способов приобретения гражданами земельного участка у публично-правового образования:

Во-первых, это формирование земельного участка «с нуля», когда земельный участок оформляется в аренду у публично-правового образования (как правило, у муниципалитета), а затем выкупается. Здесь стоит отметить, что одним из важных плюсов является достаточно низ-

кая стоимость таких участков.

Во-вторых, это приобретение земельного участка посредством участия в торгах. Однако, такой участок сформирован без участия самого гражданина и поэтому необходимо внимательно изучать конкурсную документацию.

В-третьих, можно оформить земельный участок бесплатно, если гражданин подпадает под льготную категорию, которым земельные участки предоставляются бесплатно, либо по определенным государственным или муниципальным программам.

Приобретение земельных участков гражданами для строительства осуществляется в соответствии с законодательными и иными правовыми актами: Земельный кодекс Российской Федерации¹, Градостроительный кодекс Российской Федерации², Приказ Росреестра от 10.11.2020 N П/0412 "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков"³, Постановление Правительства РФ от 09.04.2022 N 629 (ред. от 02.11.2024) "Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 - 2024 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы"⁴, Правила землепользования и застройки выбранной территории, а также в соответствии с документами на земельный участок: выписка из ЕГРН по участку, градостроительный план земельного участка, выписка из кадастрового плана территорий и другие.

Региональное законодательство также определяет нормативную основу формирования земельных участков, например, Закон Республики Марий Эл от 27 февраля 2015 года N 3-З «О регулировании земельных отношений в Республике Марий Эл»⁵, Закон Республики Марий Эл от 4 декабря 2003 года N 48-З «О регулировании отношений в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения в Республике Марий Эл»⁶, Постановление Правительства Республики Марий Эл от 2 июля 2015 года N 361 «Об утверждении Порядка определения цены продажи земельных участков, находящихся в собственности Республики Марий Эл, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, при заключении договоров купли-продажи таких земельных участков без проведения торгов»⁷.

Остановимся на особенностях, которые необходимо учитывать при выборе земельного участка. Его использование зависит от двух характеристик: категория земель и разрешенное использование. По сути правовой режим того или иного земельного участка складывается из сочетания данных ключевых характеристик.

Согласно статье 7 ЗК РФ все земли в Российской Федерации подразделяются на 7 категорий. Каждая из них определяет то, как можно использовать земельный участок. Система классификации земель по категориям основана на их целевом назначении. Поэтому не каждый участок подходит гражданам для строительства дома или ведения коммерческой деятельности. Так, например, есть земли сельскохозяйственного назначения, они находятся за пределами населенных пунктов и предназначены для сельхозпроизводства, однако, некоторые из таких земельных участков могут подходить для постройки дома. Земли населенных пунктов находятся в черте городов и поселков и они большей частью подходят для строительства и коммерции. Земли промышленности, энергетики, транспорта и другого специального назначения можно использовать для размещения складов, производств и других коммерческих объектов. Другие категории земель: особо охраняемые территории, лесной фонд, водный фонд, земли запаса имеют особое назначение, интересны для туризма, и многие из них нельзя оформить в собственность.

Вид разрешенного использования земельного участка определяет возможности и ограничения при использовании земли, включая назначение объектов, которые можно возвести. Согласно п. 2 ст. 7 ЗК РФ в отношении земельного участка в соответствии с федеральным законом могут быть установлены один или несколько основных, условно разрешенных или вспомогательных видов разрешенного использования. Любой основной или вспомогательный вид разрешенного использования из предусмотренных градостроительным зонированием территорий выбирается правообладателем земельного участка в соответствии с ЗК РФ и законодательством о градостроительной деятельности. Правообладателем земельного участка по правилам, предусмотренным федеральным законом, может быть получено право на условно разрешенный вид разрешенного использования.

Перечень видов разрешенного использования установлен классификатором⁸. Если рассматривать классификацию видов разрешенного использования, то можно выделить: основной ВРИ (определяет основное назначение участка (ИЖС, ЛПХ); устанавливается из списка, предусмотренного правилами землепользования и застройки правообладателем или местной администрацией; требует регистрации в ЕГРН); условно разрешенный ВРИ (позволяет расширить использование участка; требует согласования через публичные слушания; необходима регистрация в ЕГРН); вспомогательный ВРИ (дополняет основной (например, на гараж или баню); не требует регистрации в ЕГРН). Отметим, что смена основного ВРИ не требует согласования. И часто выгодно купить участок для садоводства и поменять ВРИ на более приемлемый.

Согласно Приказу Росреестра от 10 ноября 2020 года N П/0412 ВРИ «для индивидуального жилищного строительства» включает в себя размещение жилого дома (отдельно стоящего здания количеством надземных этажей не более чем три, высотой не более двадцати метров,

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. - N 211-212. - 30.10.2001.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025) // Российская газета. N 290. 30.12.2004.

³ Приказ Росреестра от 10.11.2020 N П/0412 (ред. от 24.12.2024) "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 N 61482) // Электронный ресурс: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2020 г.)

⁴ Постановление Правительства РФ от 09.04.2022 N 629 (ред. от 02.11.2024) "Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 - 2024 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы" // Собрание законодательства РФ. - 18.04.2022. - N 16. - ст. 2671.

⁵ Закон Республики Марий Эл от 27.02.2015 N 3-З "О регулировании земельных отношений в Республике Марий Эл" (принят Госсобранием РМЭ 26.02.2015) // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл mar-el.ru, 27.02.2015

⁶ Закон Республики Марий Эл от 4 декабря 2003 года N 48-З «О регулировании отношений в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения в Республике Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл от 26 января 2004 г. - № 1. - ст. 3.

⁷ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 2 июля 2015 года N 361 «Об утверждении Порядка определения цены продажи земельных участков, находящихся в собственности Республики Марий Эл, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, при заключении договоров купли-продажи таких земельных участков без проведения торгов» // Электронный ресурс: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200201507020003> (дата обращения: 17.12.2025 г.)

⁸ Приказ Росреестра от 10.11.2020 N П/0412 (ред. от 24.12.2024) "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 N 61482) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.12.2020.

которое состоит из комнат и помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании, не предназначенного для раздела на самостоятельные объекты недвижимости); выращивание сельскохозяйственных культур; размещение гаражей для собственных нужд и хозяйственных построек.

ВРИ «Для ведения личного подсобного хозяйства (приусадебный земельный участок)» включает в себя размещение жилого дома, указанного в описании вида разрешенного использования с кодом 2.1; производство сельскохозяйственной продукции; размещение гаража и иных вспомогательных сооружений; содержание сельскохозяйственных животных.

К основным региональным документам, регулирующим правовой режим земельного участка, относятся:

- генеральный план, который устанавливает функциональные зоны территории (жилые, промышленные, сельскохозяйственные);
- правила землепользования и застройки – это нормативный документ каждого муниципального образования, который включает в себя

вводную часть, карту зонирования и градостроительные регламенты. То есть для каждой территории устанавливаются свои правила землепользования и застройки. Вводная часть регламентирует порядок применения и внесения изменений в указанные правила. С помощью карты градостроительного зонирования определяется к какой территориальной зоне относится конкретный земельный участок. Градостроительные регламенты определяют для каждой территориальной зоны ее характеристики: ВРИ, параметры участка, площадь застройки, ограничения и другую информацию.

То есть при поиске земельного участка в первую очередь необходимо изучить карту градостроительного зонирования, по ней определить территориальную зону земельного участка (Ж-1, СХ-1 и т.д.), а далее необходимо проанализировать градостроительный регламент и доступные виды использования и ограничения. Так, например, если мы ищем участки для строительства дома, то нам нужно открыть градостроительный регламент и графическую часть ПЗЗ – ищем, в каких территориальных зонах присутствуют основные ВРИ, пригодные для строительства дома (ИЖС, ЛПХ на приусадебном участке, ведение садоводства), далее сопоставляем границы пригодной территориальной зоны с публичной кадастровой картой. Важно то, что градостроительный регламент устанавливается для земель населенных пунктов и земель промышленности.

Правила землепользования и застройки, а также генплан публикуются на сайте администрации муниципального образования и на портале «Федеральная государственная информационная система территориального планирования» (ФГИС ТП) <https://fgisp.economy.gov.ru/>. Также в работе можно использовать такие цифровые сервисы как: Портал пространственных данных «Национальная система пространственных данных» (Вход через портал Госсулуг) https://nspd.gov.ru/#top_section; Публичная кадастровая карта <https://nspd.gov.ru/map>; Портал Госуслуг; Электронная подпись; Яндекс браузер; Сервис Google «Федеральная система Планета Земля Pro (оценка рельефа)»; Приложение KadasterRu.

Территориальные зоны - это отдельные земельные территории муниципальных образований, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты.

Согласно ст. 35 ГрК РФ в результате градостроительного зонирования могут определяться жилые, общественно-деловые, производственные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур, зоны сельскохозяйственного использования, зоны рекреационного назначения, зоны особо охраняемых территорий, зоны специального назначения, зоны размещения военных объектов и иные виды территориальных зон.

Для строительства жилого дома могут использоваться жилые территориальные зоны (Ж-1, Ж-2). В их состав могут включаться: зоны застройки индивидуальными жилыми домами; зоны застройки индивидуальными жилыми домами и домами блокированной застройки; зоны застройки среднеэтажными многоквартирными домами; зоны застройки многоэтажными многоквартирными домами; зоны жилой застройки иных видов.

Сельскохозяйственные территориальные зоны (СХ-1) предусматриваются для ведения сельского хозяйства, а именно, зоны сельскохозяйственных угодий - пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими); зоны, занятые объектами сельскохозяйственного назначения и предназначенные для ведения сельского хозяйства, садоводства и огородничества, ЛПХ, развития объектов сельскохозяйственного назначения.

Производственные территориальные зоны предназначены для размещения промышленных объектов.

Границы территориальных зон могут устанавливаться по линиям магистралей, улиц, границам земельных участков, границам населенных пунктов в пределах муниципальных образований, естественным границам природных объектов или иным границам.

Для каждой зоны устанавливаются: доступные виды разрешенного использования (основные, вспомогательные, условно разрешенные), параметры участка (минимальная и максимальная площадь для каждого вида разрешенного использования), параметры строительства (высота, отступы, площадь застройки), ограничения (зоны с особыми условиями использования территорий (ст. 105 ЗК РФ). Использование участка должно соответствовать категории, территориальной и функциональной зоне из генплана.

Согласно ст. 56 ЗК РФ права на землю могут быть ограничены по основаниям, установленным ЗК РФ, федеральными законами. В частности, на землю могут быть установлены такие ограничения прав:

- 1) наличие на территории участка зон с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ) на которых действуют особый правовой режим и вытекающие из этого ограничения;
- 2) особые условия охраны окружающей среды;
- 3) иные ограничения, в том числе наличие планов развития территории, в которых выбранный участок попадает в перечень земель, зарезервированных в пользу муниципалитета (56.1 ЗК РФ).

С практической точки зрения существует проблема учета при формировании участка зон с особыми условиями использования территории (ЗОУИТ). Во-первых, установление таких зон может накладывать определенные ограничения в использовании земельного участка, в том числе и строительство на нем. Во-вторых, целями установления ЗОУИТ являются защита здоровья граждан, охрана окружающей среды, обес-

печение обороны и безопасности государства и др. В-третьих, к ЗОУИТ могут относиться водоохранные зоны, охранные зоны ЛЭП, приаэродромные территории и другие. ЗОУИТ регулируются статьями 104-105 Земельного кодекса РФ. Проверять наличие зон можно по правилам землепользования и застройки, публичной кадастровой карте или выписке из кадастрового плана территорий.

Следует отметить, что ЗОУИТ необходимо обозначить на схеме земельного участка на этапе его формирования, в противном случае будет отказано в согласовании схемы. А также если не видеть ЗОУИТ, то при использовании участка данная зона может серьезно ограничить возможности его использования, в том числе в связи с возведением жилого дома.

Существуют ЗОУИТы, которые не перечислены в Земельном кодексе РФ, однако строительство на этих участках тоже должно проходить в соответствии с особыми требованиями. Это территории миграции животных, а также зоны оползней и схода лавин, мелиорируемые земли, исторические поселения и т.д. Узаконить объект недвижимости на таких участках будет крайне сложно или невозможно.

Чтобы проверить ЗОУИТ необходимо на портале пространственных данных <https://nspd.gov.ru> в разделе «Публичная кадастровая карта» включить соответствующие слои карты, далее посмотреть выписку из кадастрового плана территории (просмотр доступен в программе Арго7 чертеж), затем проверить выписку из ЕГРН, ПЗЗ и другие документы, и важным этапом будет являться осмотр земельного участка (если это возможно) и общение с представителями администрации муниципального образования.

Еще один вопрос, на который необходимо обратить внимание при выборе земельного участка, это его обременения. Обременения всегда накладываются в интересах третьих лиц и документально регистрируются в ЕГРН. Виды обременения: сервитут, ипотека, аренда, рента, доверительное управление и арест.

Так, например, сервитут - это право ограниченного использования чужим земельным участком. Он может устанавливаться: в интересах определенного лица (частный сервитут), в интересах неопределенного широкого круга лиц, для общественно значимых целей (публичный сервитут). Сервитут может быть постоянным (бессрочным) и срочным (на определенный срок).

Также рекомендуется обратить внимание при формировании земельного участка на:

1. Расположение земельного участка на карте градостроительного зонирования и публичной кадастровой карте выбранной территории. Так, земельный участок не должен пересекать 2 территориальные зоны (при этом кадастровые кварталы пересекать он может); закрывать подъездные пути; входить в зоны с особыми условиями использования территории, которые прямо препятствуют его использованию.

2. Территориальные особенности: овраги, большие перепады высот, торфяные грунты, болота, свалки, соседи, ручьи на территории земельного участка, большое количество деревьев, наличие подъездных путей, инфраструктуры и т.д.

3. Планы развития территории. Анализируем утвержденный проект ПЗЗ, проект генплана. Убеждаемся, что территориальная зона, где найден участок, не поменяется и данный участок не попадает под ограничения в виде строительства дорог, парков и т.д.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. - N 211-212. - 30.10.2001.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025) // Российская газета. - N 290. - 30.12.2004.
3. Приказ Росреестра от 10.11.2020 N П/0412 (ред. от 24.12.2024) "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 N 61482) // Электронный ресурс: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2020 г.)
4. Постановление Правительства РФ от 09.04.2022 N 629 (ред. от 02.11.2024) "Об особенностях регулирования земельных отношений в Российской Федерации в 2022 - 2024 годах, а также о случаях установления льготной арендной платы по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, и размере такой платы" // Собрание законодательства РФ. - 18.04.2022. - N 16. - ст. 2671.
5. Закон Республики Марий Эл от 27.02.2015 N 3-З "О регулировании земельных отношений в Республике Марий Эл" (принят Госсобранием РМЭ 26.02.2015) // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл mar-el.mariy.ru, 27.02.2015
6. Закон Республики Марий Эл от 4 декабря 2003 года N 48-З "О регулировании отношений в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения в Республике Марий Эл" // Собрание законодательства Республики Марий Эл от 26 января 2004 г. - № 1. - ст. 3.
7. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 2 июля 2015 года N 361 "Об утверждении Порядка определения цены продажи земельных участков, находящихся в собственности Республики Марий Эл, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, при заключении договоров купли-продажи таких земельных участков без проведения торгов" // Электронный ресурс: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200201507020003> (дата обращения: 17.12.2025 г.)
8. Приказ Росреестра от 10.11.2020 N П/0412 (ред. от 24.12.2024) "Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков" (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 N 61482) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.12.2020.

References:

1. The Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 N 136-FZ (as amended on 31.07.2025 with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025) // Rossiyskaya Gazeta. - N 211-212. - 30.10.2001.
2. Urban Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 31.07.2025 with amendments and additions, intro. effective from 12/14/2025) // Rossiyskaya Gazeta. - N 290. - 30.12.2004.
3. Rosreestr Order No. N/0412 dated 11/10/2020 (as amended on 12/24/2024) "On approval of the Classifier of types of permitted use of land plots" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12/15/2020 No. 61482) // Electronic resource: <http://pravo.gov.ru> (date of request: 12/16/2020)
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 629 dated 04/09/2022 (as amended on 11/02/2024) "On the specifics of regulating land relations in the Russian Federation in 2022-2024, as well as on cases of establishing preferential rents under lease agreements for Federally owned land and the amount of such payment" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 04/18/2022. - N 16. - art. 2671.
5. The Law of the Republic of Mari El dated 02.27.2015 N 3-Z "On the regulation of land relations in the Republic of Mari El" (adopted by the State Assembly of the Republic of Mari El on 02.26.2015) // The official Internet portal of the Republic of Mari El mar-el.mariy.ru, 02.27.2015
6. The Law of the Republic of Mari El dated December 4, 2003 No. 48-Z "On the regulation of relations in the sphere of agricultural land turnover in the Republic of Mari El" // Collection of Legislation of the Republic of Mari El dated January 26, 2004 - No. 1. - art. 3.
7. Resolution of the Government of the Republic of Mari El dated July 2, 2015 No. 361 "On approval of the Procedure for Determining the Sale Price of land Plots Owned by the Republic of Mari El and Land Plots for which State Ownership is not Delimited when concluding contracts for the sale of such land plots without bidding" // Electronic resource: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200201507020003> (date of request: 12/17/2025)
8. Rosreestr Order No. N/0412 dated 11/10/2020 (as amended on 12/24/2024) "On approval of the Classifier of types of permitted use of land plots" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12/15/2020 No. 61482) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 12/16/2020.

СИСТЕМА ДОГОВОРОВ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ДОСТУПА К ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВАМ (ШЕРИНГА): ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ THE SYSTEM OF DISTRIBUTED ACCESS TO VEHICLES (SHARING) CONTRACTS: PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

КУРГАНОВ Вадим Викторович,

Аспирант кафедры «Гражданского и предпринимательского права»
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,
Адвокат «Адвокатская палата Ульяновской области».
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42.
E-mail: advokat731010@mail.ru;

KURGANOV Vadim Viktorovich,

Postgraduate student of the Department of Civil and Business Law
Ulyanovsk State University, Lawyer "Ulyanovsk Region Law Chamber".
42 Lva Tolstogo str., Ulyanovsk, 432017, Russia.
E-mail: advokat731010@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы гражданско-правовой квалификации шеринговых правоотношений (каршеринг, райдшеринг, код-шеринг) в условиях отсутствия специального законодательного регулирования в Российской Федерации. Автор аргументирует неэффективность подведения данных отношений под классические договорные конструкции (аренда, прокат, возмездное оказание услуг). В качестве решения предлагается применение концепции договора распределенного доступа как родовой конструкции, раскрывается его содержание и ключевые признаки. Центральное место в исследовании занимает обоснование двухуровневой структуры совместного использования транспортных ресурсов, включающей безвозмездный, организационный, рамочный договор и возмездный договор предоставления доступа к конкретному ресурсу. На примере моделей B2C и B2B анализируются специфические черты организационного договора, выявляются правовые риски для потребителей (одностороннее изменение условий, применение санкций) и проблемы квалификации (рамочный или предварительный договор). Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию гражданского законодательства: закрепление в ГК РФ общих положений об организационном договоре и разработка специализированных норм для защиты прав потребителей в B2C-сегменте.

Abstract. The article examines the current problems of civil law qualification of transport sharing (car sharing, ride sharing, code sharing) in the absence of its special legislative regulation in the Russian Federation. The author argues that it is ineffective to apply classical contractual structures (lease, rental, and paid services) to these relations. As a solution, the author proposes the use of the concept of a distributed access contract as a generic structure, and reveals its content and key features. The study focuses on the justification of a two-tiered structure of transport sharing, which includes a non-binding organizational (framework) agreement and a binding agreement to provide access to a specific resource. The study analyzes the specific features of the organizational agreement using the B2C and B2B models, identifies legal risks for consumers (unilateral changes to the terms and application of sanctions), and addresses the challenges of qualification.

Ключевые слова: райдшеринг, код-шеринг, каршеринг, организационный договор, рамочный договор.

Keywords: ride-sharing, code-sharing, car-sharing, organizational agreement, framework agreement.

Для цитирования: Курганов В.В. Система договоров распределенного доступа к транспортным средствам (шеринга): проблемы правовой квалификации и правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 432–435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_432.

For citation: Kurganov V.V. The system of distributed access to vehicles (sharing) contracts: problems of legal qualification and law enforcement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 432–435. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_432.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2025

Цифровое преобразование общественных отношений и рост ценности эффективного использования активов стимулируют развитие моделей совместного потребления, в частности, в транспортной сфере [1, С. 25–40.]. Такие виды шеринга, как каршеринг, райдшеринг и код-шеринг, прочно вошли в повседневную жизнь, однако их стремительное распространение выявило существенное отставание правового регулирования. Отсутствие в российском гражданском законодательстве специальных норм, адекватно отражающих специфику данных отношений, порождает правовую неопределенность, противоречивую судебную практику и повышает риски для всех участников оборота.

Сложившаяся квалификационная проблема проявляется в попытках подвести шеринговые правоотношения под классические договорные конструкции: аренду транспортного средства без экипажа, прокат или возмездное оказание услуг. Подобные подходы, как демонстрирует анализ договорной практики, являются неполными и не охватывают всей специфики возникающих правоотношений, что свидетельствует о необходимости выработки новой квалификационной модели. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, «попытки втиснуть новые динамичные экономические отношения в прокрустово ложе традиционных договорных типов ведут к искусственности конструкций и не позволяют адекватно урегулировать возникающие на практике противоречия» [2, С. 15].

Целью настоящего исследования является преодоление сложившейся терминологической и правовой неопределенности путем применения к сфере совместного использования транспортных ресурсов концепции договора распределенного доступа (шеринга) как родовой конструкции. В рамках данной статьи ставится задача продемонстрировать его ценность для выявления универсальной структуры совместного использования транспортных ресурсов, которая включает взаимосвязанные, но в то же время самостоятельные договоры, провести разграничение от смежных институтов и обосновать его самостоятельный характер.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании двухуровневой конструкции шеринговых правоотношений на основе концепции договора распределенного доступа, а также в выявлении организационного договора в качестве самостоятельного рамочного соглашения, требующего специализированного правового регулирования.

Рассмотрим двухуровневую структуру совместного использования транспортных ресурсов как теоретическую модель. Современная цивилистическая наука все чаще обращается к поиску родовых конструкций, способных описать новые, нетипичные формы правового взаимодействия [3, С. 45–68.]. Анализ сущностных признаков различных моделей шеринга позволяет выделить в их основе общую правовую модель - договор распределенного доступа. Его ключевые характеристики, значимые для дальнейшего анализа, заключаются в следующем. Во-первых, имеет организационно-рамочный характер. Данный договор не направлен на разовое удовлетворение потребности, а создает правовые и технологические предпосылки для совершения в будущем множества конкретных сделок по предоставлению доступа, устанавливая общие принципы взаимодействия. Во-вторых, множественность пользователей на стороне потребителя. Модель изначально рассчитана на структурное участие двух и более потребителей, которые используют ресурс на основе последовательной или параллельной ротации. В-третьих, специфический объект, а именно право доступа к идентифицированному транспортному ресурсу. В отличие от аренды, где объектом является индивидуально-определенная вещь, здесь предоставляется строго ограниченное правомочие на ее использование в заранее согласованные временные промежутки (слоты). В-четвертых, наличие особых обязанностей пользователя, выходящих за рамки классических договоров: соблюдение правил ротации доступа, фиксация состояния ресурса до и после его использования и его компенсация.

Именно эта концепция позволяет выявить и проанализировать сложную, двухуровневую природу правоотношений, возникающих в сфере совместного использования транспортных ресурсов. Применение концепции договора распределенного доступа позволяет утверждать, что отношения по предоставлению доступа к транспортным ресурсам не является единой, монолитной сделкой. Это комплекс взаимосвязанных, но самостоятельных правоотношений, структурированных на двух уровнях.

Первый уровень представляет собой безвозмездный, организационный, рамочный договор – договор на организацию договорных правоотношений. На данном уровне заключается соглашение, которое носит сугубо организационный характер. Его целью является создание предпосылок для заключения в будущем договоров аренды транспортных средств, регистрация пользователя в системе провайдера, его идентификация, акцепт общих правил системы и создание технико-правовой возможности для совершения последующих сделок. Этот договор является консенсуальным, безвозмездным и рамочным (ст. 429.1 ГК РФ) [4, Ст. 3301]. Он определяет лишь общие условия будущих соглашений о предоставлении доступа, не обязывая пользователя немедленно заключить последующий возмездный договор на использование идентифицированного транспортного ресурса.

Второй уровень представляет возмездный договор предоставления доступа к конкретному транспортному ресурсу. В рамках правил, установленных организационным договором, каждый раз при резервировании и использовании конкретного идентифицированного транспортного ресурса заключается отдельный возмездный договор.

Анализ пользовательских соглашений и договоров, ведущих российских каршеринговых компаний («Яндекс.Драйв», «Делимобиль», «BelkaCar») наглядно демонстрирует работу двух самостоятельных договорных уровней. Организационный договор (договор на организацию каршеринга) воплощается в виде пользовательского соглашения, акцептуемого в момент регистрации в приложении. Смещение фокуса исследования на организационный договор позволяет выявить его системообразующую роль. Рассматриваемый договор обладает всеми родовыми признаками организационных, рамочных договоров. Его основной функцией является не разовое исполнение, а создание стабильных правовых рамок для долгосрочного взаимодействия неопределенного круга пользователей с провайдером.

Применительно к совместному использованию транспортных ресурсов договор об организации приобретает следующие специфические черты. Выделим несколько аспектов. Во-первых, сравнительная характеристика организационных договоров в каршеринге и код-шеринге. Несмотря на общую правовую природу, организационный договор проявляется по-разному в зависимости от модели шеринга, что демонстрирует его гибкость и универсальность. В каршеринге (модель B2C) организационный договор существует в виде публичной оферты (пользовательского соглашения). Его ключевые особенности: Субъектный состав: профессиональный провайдер и неопределенный круг физических лиц-потребителей. Цель: легитимация пользователя в системе и установление унифицированных правил для массового, краткосрочного использования ресурсов. Содержание: акцент на правилах безопасности, обязанности фиксировать состояние автомобиля (фото- и видеофиксация), тарификации и порядке разрешения споров с потребителями. Условия носят стандартизированный характер и почти не подлежат индивидуальному согласованию.

В код-шеринге (модель B2B) организационный договор представляет собой сложное рамочное соглашение между коммерческими организациями (авиакомпаниями). Его отличия: Субъектный состав: профессиональные участники рынка (авиаперевозчики), обладающие сравнительно равной переговорной силой. Цель: организация длительного и технологически сложного процесса совместной эксплуатации транспортной вместимости, интеграция бизнес-процессов. Содержание: детальная регламентация квот мест, алгоритмов ротации непроданных мест, правил взаимодействия глобальных систем бронирования, ответственности перед пассажирами. Условия часто являются результатом переговоров и могут быть индивидуальными. Проведенное сравнение показывает, что организационный договор преобразуется в зависимости от целевой аудитории и сложности кооперации, сохраняя при этом свою системообразующую функцию.

Рассмотрим правовые риски для потребителей в B2C-моделях (каршеринг). В сегменте B2C организационный договор заключается в форме договора присоединения (ст. 428 ГК РФ), что порождает классические для потребительского рынка риски навязывания чрезмерно обремен-

нительных или несправедливых условий. Ключевые риски сосредоточены вокруг трех аспектов: одностороннего изменения условий, злоупотребления правом на отказ в обслуживании и применения санкций.

Во-первых, проблема одностороннего изменения условий договора. Провайдеры в каршеринге часто оставляют за собой право в одностороннем порядке изменять условия пользовательского соглашения. Хотя уведомление пользователя, как правило, предусмотрено, сама возможность таких изменений, особенно в части тарифов, размера ответственности или правил бронирования ставит потребителя в уязвимое положение. Правомерность подобных условий требует оценки на соответствие нормам ГК РФ. 1) Необходимо проверить, не нарушает ли это прямой запрет на односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий (ст. 310 ГК РФ), если иное прямо не предусмотрено законом или договором. 2) Поскольку договор заключается путем присоединения, условие об одностороннем изменении может быть оспорено потребителем как необоснованно ограничивающее его права или исключающее ответственность провайдера (п. 2 ст. 428 ГК РФ). Суд может признать такое условие недействительным, если оно является кабальным и ставит потребителя в крайне невыгодное положение.

Во-вторых, злоупотребление правом на отказ в заключении основного договора. Организационный договор, будучи рамочным, не обязывает пользователя совершать бронирования. Однако провайдер, руководствуясь его условиями, может заблокировать аккаунт пользователя или отказать в бронировании без объяснения причин. Хотя это право вытекает из дискреционного характера рамочного соглашения, его произвольное применение может быть расценено как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Например, блокировка аккаунта с внесенными средствами без существенного нарушения со стороны потребителя может быть оспорена в суде как недобросовестное действие.

В-третьих, проблема применения и соразмерности санкций. Наиболее острой на практике является проблема применения санкций за нарушение правил, установленных организационным договором. 1) Блокировка аккаунта. Блокировка за систематические отмены бронирований, нарушение правил парковки или иные нарушения представляет собой меру оперативного воздействия. Однако ее применение к потребителю ставит вопрос о соразмерности. Блокировка, влекущая утрату внесенных средств или невозможность использования сервиса, по своей сути может рассматриваться как расторжение договора в одностороннем порядке. Ее правомерность требует четкой регламентации в самом договоре и оценки на предмет соразмерности допущенному нарушению. При отсутствии ясных критериев и процедуры такая санкция может быть признана неправомерной. 2) Взимание штрафов (неустоек). Штрафные санкции за нарушение организационных правил (например, за отмену бронирования менее чем за определенное время до начала аренды) должны соответствовать общим требованиям к неустойке (ст. 330 ГК РФ). Условие о таком штрафе, содержащееся в договоре присоединения, может быть оспорено потребителем как несправедливое, если размер штрафа явно несоразмерен последствиям нарушения (ст. 333 ГК РФ). В частности, требует оценки практика взимания значительных штрафов за незначительные нарушения.

Фундаментальной теоретической проблемой является квалификация договора об организации шеринга: предварительный или рамочный договор? Фундаментальной теоретической проблемой является определение правовой природы организационного договора [5, С. 789–791]. На практике он обладает признаками как предварительного договора (ст. 429 ГК РФ), так и рамочного (ст. 429.1 ГК РФ), однако их смешение порождает правовую неопределенность. Аргументы в пользу предварительного договора: Организационный договор создает обязанность сторон в будущем заключить основной договор предоставления доступа. Каждое бронирование автомобиля в каршеринге можно рассматривать как исполнение обязанности по заключению основного договора, возникшей из предварительного. Аргументы в пользу рамочного договора: Договор устанавливает общие условия обязательств, конкретизируемые последующими соглашениями (бронированиями). Он не порождает безусловной обязанности пользователя заключить основной договор, а лишь предоставляет такую возможность. Регистрация в каршеринге не обязывает пользователя арендовать автомобиль, что характерно именно для рамочной конструкции.

Правовые последствия выбора квалификации являются принципиальными. Если это предварительный договор, то в случае отказа провайдера предоставить доступ к свободному автомобилю пользователь теоретически может требовать принудительного заключения основного договора через суд (п. 5 ст. 429 ГК РФ). Это ставит провайдера в крайне невыгодное положение, делая бизнес-модель непредсказуемой. Если это рамочный договор, то его условия применяются только к тем конкретным сделкам, которые были заключены в его рамках (бронированиям). Невозможность принудить к заключению отдельного договора предоставления доступа является естественным свойством рамочной конструкции. Обосновывая системообразующую функцию рамочных договоров, М.А. Рожкова указывает: «Рамочный договор ценен не сам по себе, а как юридический факт, порождающий систему взаимосвязанных, но самостоятельных обязательств, конкретизирующих общие рамки сотрудничества в каждой отдельной сделке» [6, С. 34]. По нашему мнению, организационный договор в шеринге целесообразно квалифицировать именно как рамочный (ст. 429.1 ГК РФ). Это соответствует его правовому смыслу, а именно организации системы, а не гарантированию заключения каждой конкретной сделки.

Выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости целенаправленного правового регулирования организационной составляющей шеринга [7, С. 88–102]. Наиболее перспективным представляется следующие пути:

1) Закрепление в Гражданском кодексе РФ общих положений об организационном договоре в сфере распределенного доступа. Целесообразно ввести в Главу 27 или 29 ГК РФ новую статью, определяющую понятие, основные признаки и виды такого договора. Это создаст единый понятийный аппарат и базовый правовой режим.

2) Специализированное регулирование для разных моделей. Для B2C-сегмента (каршеринг, райдшеринг) в Законе РФ «О защите прав потребителей» или в специальном законе следует установить императивные требования к содержанию пользовательского соглашения, ограничивающие возможность одностороннего изменения ключевых условий и гарантирующие прозрачность санкций.

Исследование сложившейся судебной практики позволяет выявить системные проблемы правоприменения, связанные с квалификацией организационного договора. Анализ судебных актов показывает, что суды зачастую не проводят четкого разграничения между организационным договором предоставления доступа, что приводит к некорректной квалификации правоотношений в целом.

Например, анализируя правовую позицию Засвияжского районного суда г. Ульяновска, выраженную в рамках гражданского дела № 2-2603/2018 по иску Кутеминского А.М. к АО «Каршеринг», следует отметить, что суд квалифицировал правоотношения сторон как сложный договорной институт, объединяющий элементы аренды транспортного средства без экипажа и оказания услуг по его бронированию [8]. В основу правовой оценки был положен принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), а также нормы о договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ). Суд констатировал, что соглашение сторон по своей юридической природе является договором присоединения, поскольку его условия были разработаны каршеринговой компанией в виде стандартизированной формы и могли быть приняты потребителем исключительно путем акцепта оферты в целом, без возможности изменения отдельных положений договора. Однако правовая природа организационного договора как самостоятельного соглашения не получила в данном решении должной оценки, что свидетельствует о недостаточной теоретической проработке данного вопроса в правоприменительной практике.

Цифровая природа организационного договора порождает специфические проблемы процессуального характера, связанные с доказыванием обстоятельств нарушения. Особую сложность представляет установление факта нарушения правил пользования сервисом, поскольку все взаимодействия сторон осуществляются через цифровые платформы без личного контакта и традиционного документального оформления. К наиболее значимым проблемам доказывания следует отнести: установление аутентичности и допустимости электронных доказательств (логов бронирования, данных электронных систем, результатов фотофиксации); определение момента нарушения организационных обязанностей и установление причинно-следственной связи; справедливое распределение бремени доказывания в условиях значительной информационной асимметрии, когда вся информация о функционировании системы сосредоточена у провайдера.

Анализ зарубежного опыта, в частности правового регулирования платформенных правоотношений в странах Европейского союза (Директива о справедливых условиях ведения бизнеса в сфере онлайн-посредничества), показывает тенденцию к специализированному регулированию отношений, возникающих с участием цифровых платформ [9, с. 74–92]. Учет данных тенденций может быть полезен при разработке российской модели регулирования организационных договоров, позволяя избежать уже выявленных проблем и использовать апробированные правовые решения.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

- 1) Организационный договор представляет собой самостоятельный, комплексный гражданско-правовой институт, обладающий уникальными квалифицирующими признаками, что обуславливает необходимость его специального правового регулирования, выходящего за рамки применения по аналогии норм о смежных договорах.
- 2) Предложенная двухуровневая структура шеринговых транспортных правоотношений (организационный договор + договор предоставления доступа) не только подтверждается теоретическим анализом, но и находит свое прямое отражение в договорной практике ведущих операторов рынка, что свидетельствует о ее адекватности и практической значимости.
- 3) Современное состояние правового регулирования не соответствует реальным потребностям цифровых правоотношений, что порождает системные правовые риски для всех участников отношений, приводит к противоречивой судебной практике и препятствует дальнейшему развитию данных правовых моделей.
- 4) Наиболее перспективным и системным направлением совершенствования законодательства является закрепление базовых положений об организационном договоре в Гражданском кодексе РФ с последующей разработкой дифференцированных норм для различных моделей шеринга (B2C и B2B).

Список литературы:

1. Телицин А.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 25–40.
2. Суханов Е.А. Современное развитие гражданского права: от классических институтов к цифровым // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 15.
3. Бевзенко Р.С. К вопросу о систематизации гражданско-правовых договоров // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 45–68.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2023. С. 789–791.
6. Рожкова М.А. Рамочный договор и предварительный договор: проблемы разграничения // Хозяйство и право. 2019. № 11. С. 34.
7. Селивановский А.С. Правовое регулирование шеринга: проблемы и перспективы // Закон. 2022. № 7. С. 88–102.
8. Решение Засвияжского районного суда города Ульяновска от 13.08.2018 по делу № 2-2603/2018 // СПС «Консультант Плюс»
9. Директива Европейского парламента и Совета (ЕС) 2019/2161 от 27 ноября 2019 г. «О справедливых условиях ведения бизнеса в сфере онлайн-посредничества» // OJ L 328, 18.12.2019. с. 74–92.

References:

1. Telitsin A.V. Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. pp. 25–40.
2. Sukhanov E.A. Modern development of civil law: from classical institutions to digital ones // Bulletin of Civil Law. 2020. No. 2. p. 15.
3. Bevezhenko R.S. On the issue of systematization of civil law contracts // Bulletin of Civil Law. 2020. No. 4. pp. 45–68.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 02/24/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part one (article-by-article) / edited by P.V. Krashennnikov. Moscow: Statute, 2023. pp. 789–791.
6. Rozhkova M.A. Framework agreement and preliminary agreement: problems of differentiation // Economy and law. 2019. No. 11. p. 34.
7. Selivanovskiy A.S. Legal regulation of sharing: problems and prospects // Law. 2022. No. 7. pp. 88–102.
8. Decision of the Zsaviyazhsky District Court of Ulyanovsk dated 08/13/2018 in case No. 2-2603/2018 // SPS Consultant Plus
9. Directive 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 "On fair business conditions in the field of online mediation" // OJ L 328, 12/18/2019. pp. 74–92.

НОРМЫ ПУБЛИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК РЕГУЛЯТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ PUBLIC LAW AS REGULATORS OF MODERN MARKET RELATIONS

ГОГИН Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор департамента частного права

ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».

445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

E-mail: civil@tlttsu.ru;

ФЕДОРОВА Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, руководитель департамента частного права

ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».

445020, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, д. 57.

E-mail: civil@tlttsu.ru;

GOGIN Aleksandr Aleksandrovich,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Private Law,

State Educational Institution of Higher Education "Togliatti State University,"

57 Ushakova St., Togliatti, 445020, Russia.

E-mail: civil@tlttsu.ru;

FEDOROVA Anna Nikolaevna,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law,

State Educational Institution of Higher Education "Togliatti State University,"

57 Ushakova St., Togliatti, 445020, Russia.

E-mail: civil@tlttsu.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье предметом исследования выступает ряд вопросов, характеризующих активное и целенаправленное воздействие норм публичного законодательства на современные рыночные отношения. Указанные положения представляют собой систему властных мер, включающих в себя дозволения, разрешения и запреты. Руководствуясь соответствующими правилами, уполномоченные государственные структуры могут официально вмешиваться в экономические процессы. Основное предназначение такого поведения — это обеспечение законности и правопорядка во всех хозяйственных сферах, в интересах российского общества и государства.

Abstract: This article examines a number of issues characterizing the active and targeted impact of public law norms on modern market relations. These provisions constitute a system of authoritative measures, including permissions, permits, and prohibitions. Guided by the relevant rules, authorized government agencies may officially intervene in economic processes. The primary purpose of such behavior is to ensure law and order in all economic spheres, in the interests of Russian society and the state.

Ключевые слова: государство, власть, закон, рынок, экономика, директива, ответственность, интерес, результат.

Keywords: state, authority, law, market, economy, directive, responsibility, interest, result.

Для цитирования: Гогин А.А., Федорова А.Н. Нормы публичного законодательства как регуляторы современных рыночных отношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 436-441. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_436.

For citation: Gogin A.A., Fedorova A.N. Public law as regulators of modern market relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 436-441. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_436.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2025

Введение

Содержание данной работы — это обсуждение норм публичного законодательства, которые широко присутствуют в отечественных рыночных отношениях. По своей сути, они представляют собой специальный юридический инструментарий. Посредством его применения, в значительной степени, регулируется деятельность субъектов предпринимательства и иных лиц в различных областях рынка. Для иллюстрации текущего состояния дел, из огромного нормативного массива, отобрано лишь нескольких ведущих актов.

Помимо обращения к положениям Конституции РФ и ГК РФ, авторами публикации существенное внимание уделено оценке требований, изложенных в ФЗ РФ от 4 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) (далее Закон № 99-ФЗ); ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) (далее Закон № 29-ФЗ); ФЗ РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 14 октября 2024 г.) «О защите конкуренции» (далее Закон № 135-ФЗ).

Указанный выбор далеко не случаен. Эти акты имеют двойственную природу. С одной стороны, они регламентируют весьма разноплановый спектр поведения субъектов предпринимательства. С другой стороны, подавляющее большинство условий поименованных директив носит сугубо публичный характер. При необходимости, руководствуясь закрепленными в них правилами, уполномоченные властные структуры могут активно вмешиваться в экономические процессы. Главное предназначение такого подхода:

а) превенция развития негативных явлений, способных причинить вред правам и интересам граждан и организаций, всему обществу и государству;

б) в случае совершения правонарушений - привлечение виновных лиц к ответственности на основании положений российского отраслевого законодательства.

Методологической базой проведенного исследования выступают отдельные элементы фундаментальных направлений материалистической диалектики. Это закон перехода количественных изменений в качественные; закон единства и борьбы противоположностей; закон отри-

цания. Кроме того, авторы обращались к аксиологическому методу познания, а также использовали классические приемы анализа и синтеза.

Как утверждал Д.А. Керимов, - «методология является всеобщим научным руководством к действию, составляющим базис всей системы знаний, познавательный стержень любой отрасли науки»¹.

Задачи исследования: оценка влияния норм публичного законодательства на состояние дел в области защиты прав, благ и законных интересов граждан и организаций в различных областях рыночных отношений.

В процессе изыскания, помимо рассмотрения законодательных условий, конструктивную роль сыграло изучение авторами работ по соответствующим направлениям, которые подготовлены отечественными учеными-правоведами.

Основная часть

В настоящее время подавляющее большинство вопросов сугубо экономического характера, решаются субъектами рынка путем заключения договоров на базе принципов, сформулированных в п. 1 ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства».

Здесь фундаментальным базисом выступают такие обязательные аспекты цивилизованных, социальных взаимосвязей, как: равенство сторон и неприкосновенность собственности; свобода договора и недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; беспрепятственное осуществление гражданских прав и обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебная защита.

«Принципы права это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права», - подчеркивал М.И. Байтин².

Вместе с тем, рыночная экономика, вне зависимости от направлений деятельности предпринимателей, нуждается в умелом обращении и качественной нормативно-правовой регламентации «поскольку свобода не анархия, не охлократия, не безбрежная вольница, как в начале казалось многим в России, а воля народа, строго и в определенных пределах ограниченная законом, принятым демократическим путем», - констатировал В.В. Лунеев³.

В свою очередь, С.Н. Шишкин убежден, что «тезисы о саморегулируемом рынке являются несостоятельными и не имеют под собой реальной основы. Этот вывод подкрепляется огромным массивом нормативных правовых актов, касающихся государственного регулирования экономики и предпринимательской деятельности»⁴.

Авторы предлагаемой публикации поддерживают названные суждения. Подтверждений подобного рода мнений является тот факт, что действительно существует значительное число правил, дозволений, ограничений и запретов, регламентирующих интересы, запросы и поведение субъектов рынка. При этом не имеют значения их правовые и организационные формы, а также вид собственности.

На наш взгляд, для уяснения определенных деталей указанного государственного подхода, следует обратиться к позиции Конституционного Суда РФ. В своих решениях, руководствуясь условиями п. 3 ст. 55 Основного закона страны, он неоднократно освещал вопросы частной собственности, поскольку эта сфера наиболее широко подвержена негативным проявлениям.

Для иллюстрации сошлемся на содержание Постановления Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой.

В п. 2 комментируемого вердикта декларируется, что «право частной собственности не является абсолютным, его ограничения могут вводиться федеральным законом, если это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов физических лиц»⁵.

Выводы, сформулированные высшей судебной инстанцией по названным проблемам, имеют непосредственную проекцию не только на все направления предпринимательства, но и затрагивают иные многогранные, частные сферы российского социума.

По нашему мнению, другим бесспорным показателем, присутствия государства в рыночных отношениях, явилось закрепление в п. 1 ст. 426 ГК РФ такого феномена, как: **Публичный договор** (курсив авторский). На момент принятия ГК РФ, означенная категория представляла собой существенную новацию, ибо подобного рода положения отсутствовали в советском гражданском праве. Рассмотрим содержание указанной статьи более детально.

В силу властно установленных требований, публичным признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую, или иную приносящую доход деятельность, в некоторых областях народного хозяйства. При этом, вне зависимости от воли предпринимателя, закон директивно устанавливает его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг. По правилам публичного договора соответствующий субъект рынка, как одна из сторон сделки, обязан отвечать запросам каждого обратившегося к нему лица.

Во всех вышеуказанных ситуациях субъект, осуществляющий такую деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другими лицами в отношении заключения публичного договора. Исключение могут представлять только случаи, прямо предусмотренные законом или отдельными нормативно-правовыми актами.

В современной редакции статьи, приводится перечень некоторых видов деятельности, подпадающей под определение «публичный договор». Это розничная торговля и перевозка транспортом общего пользования; услуги связи и энергоснабжения; медицинское, гостиничное

¹ Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 95..

² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правоупоминание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. С. 123.

³ Лунеев В.В. Рыночная экономика и экономическая преступность в России. В сб. Экономическая преступность. М.: Юристъ, 2002. С. 12.

⁴ Шишкин С.Н. Государственное регулирование экономики: предпринимательско-правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 244.

⁵ rg. ru > documents /2020/ 03/ 18/ ks – zemlya. html

обслуживание и т.п.

Непосредственные ссылки на особенности подобных соглашений, также изложены в п. 3 ст. 626 «Договор проката» и в п. 2 ст. 730 «Договор бытового подряда».

Кроме ГК РФ, указание на то, что то или иное соглашение имеет публичный характер, может быть изложено в других нормативно-правовых актах. Например, в п. 7 ФЗ РФ от 27 июля 2010 г. (ред. от 8 августа 2024 г.) «О теплоснабжении» подчеркивается, что «договор теплоснабжения является публичным для единой теплоснабжающей организации».

Существенный показатель перечня видов публичных договоров, представленных в ГК РФ, это его открытость. Возможно, что по причинам интенсивного развития и усложнения современных рыночных контактов, он может быть дополнен очередными нововведениями.

При оценке смысла, содержания и сугубо юридических критериев публичного договора, большинство отечественных специалистов придерживается сходных взглядов. Вместе с тем, многие исследователи стремятся обосновать собственное видение предмета, отличающееся определенными нюансами.

Например, Н.И. Ломбаев и Ф.В. Падерин пишут, что «в строгом смысле слова публичный договор является специфическим правовым режимом, обеспечивающим регулирование общественных отношений с участием, прежде всего, потребителей, а не договором, как таковым»¹.

А.В. Каньшин высказывает идею о том, что публичный договор представляет собой правовой институт государственного регулирования экономики².

По нашему мнению, такое утверждение является спорным. Правовым институтом следует считать гл. 27 ГК РФ «Понятие и условия договора», которая включает в себя ст. 420-453. Нет реальной необходимости дробить содержание главы на отдельные части и пытаться придать им статус правового института лишь потому, что публичный договор имеет индивидуальные особенности и яркие отличительные черты.

Е.Ю. Малютина формулирует практически аналогичную позицию с предыдущим автором. Однако она выделяет главный признак рассматриваемого соглашения: «регулирование публичных договоров отходит от принципа «свободы договора» будучи одним из примеров функционирования публично-правовых начал в гражданском праве»³.

С нашей точки зрения, публичный договор вполне обоснованно следует воспринимать как особое исключение из закрепленного в п. 1 ст. 1 ГК РФ принципа свободы договора. В процессе подготовки и принятия ГК РФ для такого изъятия у российского законодателя имелись весьма серьезные причины. Прежде всего, это связано с концепцией, сформулированной в п. 1 ст. 7 Конституции РФ, где подчеркивается, что наша страна представляет собой социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Анализ содержания ст. 426 ГК РФ с социальных позиций позволяет констатировать, что зафиксированные в ней требования, в известной степени, представляют собой элементы фактического развития вышеуказанной конституционной сентенции.

Н.В. Путило в своей работе излагает обширный перечень юридических критериев, которым призвано отвечать современное социальное государство. По мнению исследователя, необходимо конституционное отражение должных гарантий реализации социальных прав. В их число призваны входить нормы, формирующие общие требования к экономическому устройству государства, налогообложению и перераспределению определенных ресурсов⁴.

В обсуждаемом аспекте заслуживает внимания одна из публикаций Е.В. Богданова, который среди нескольких острых проблем гражданского права, поднимает вопрос о необходимости закрепления в отечественном законодательстве положений о социальном назначении предпринимательской деятельности⁵.

Отметим, что подобный прецедент уже давно имеет место. Так, в ст. 13 Конституции Республики Беларусь, принятой в 1994 г., декларируется, что государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества. Оно обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности *в социальных целях* (курсив авторский).

Ю.Н. Беляева пишет, что ранее в правовой науке не рассматривалась функция такого общественно значимого явления, как «индексация». Под указанным феноменом понимаются процедуры изменения заработной платы, пенсий и иных платежей с учетом роста уровня инфляции, а также других негативных обстоятельств, влияющих на жизнь российского общества.

Автором сформулированы объективные признаки данного явления и высказана мысль, что по сферам общественно жизни индексация относится к социальным и экономическим функциям, поскольку направлена на удовлетворение социальных потребностей населения и отражает сущность социального государства¹.

Завершая обсуждение вопросов, сложившихся вокруг смысла и предназначения ст. 426 ГК РФ, отметим, что публичный договор не является соглашением в общепринятом понимании равных субъектов современного рынка.

В значительной степени, это автономная правовая система, директивно установленная в конкретных сферах экономики. Она представляет собой механизм защиты более слабой стороны, в интересах подавляющего большинства российского населения.

«Система (от греч. - целое, составленное из частей соединение) - совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с

¹ Ломбаев Н.И., Падерин Ф.В. Публичный договор: общие положения // Законность и правопорядок в современном обществе, 2016. № 30. С. 16-20.

² Каньшин А.В. Публичный договор как правовой институт государственного регулирования экономики // Вестник экономической теории, 2017. № 9. С. 28-36.

³ Малютина Е.Ю. Публичный договор как институт гражданского права // Вопросы науки и образования, 2018. № 3 (15). С.135-137.

⁴ Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы Журнал российского права, 2016. № 10. С. 15-25.

⁵ Богданов Е.В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // Lex Russica, 2021. Том 74. № 5. С. 5-18.

другом, которая образует определенную целостность, единство»².

Следующий сегмент данной публикации представляет собой анализ некоторых правил, изложенных в ранее обозначенных документах: Закон № 99-ФЗ; Закон № 29-ФЗ; Закон № 135-ФЗ. Указанные акты имеют двойственную природу, которая выражается в следующих аспектах:

а) они носят жесткий, директивный характер, поскольку содержат в себе минимум деталей, свойственных договорным отношениям, что исключает равенство сторон;

б) главное предназначение названных законов - это регулирование деятельности субъектов рынка в определенных областях народного хозяйства;

в) как правило, за нарушение властных требований предприниматели могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности. Однако с целью возмещения причиненного вреда, в судебном порядке, по искам потерпевших, к виновным лицам возможно применение мер гражданско-правовой ответственности.

«В сложных политических, социальных и иных условиях властные, а порой крайне безоговорочные установления в различных сферах экономики играют несомненную позитивную роль. «Это обусловлено тем, что в конечном итоге они не самоцель, а направлены на защиту, как публичных интересов государства, так и законных интересов российских граждан»³.

Кроме того, анализ положений вышеназванных законов, позволяет утверждать, что в них также присутствуют достаточно существенные требования сугубо социальной направленности, закрепленные в интересах всего отечественного социума.

Например, в п. 1 ст. 2 ФЗ РФ от 4 мая 1999 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности», прямо указывается, что цели лицензирования имеют несколько фундаментальных направлений. В первую очередь, это предотвращение ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан; окружающей среде; объектам культурного наследия народов РФ; обороне и безопасности государства.

Л.В. Стандзоль рассматривая меры административной ответственности за нарушение вышеуказанного закона, полагает, что лицензионные отношения имеют особое значение по причине их повышенной общественной опасности, как реальной, так и потенциальной для общества, государства и граждан⁴.

В общем плане лицензирование содержит в себе два базовых аспекта, определяющих смысл и содержание означенных разрешений:

а) это предотвращение каких-либо негативных последствий в конкретных сферах народного хозяйства;

б) в случае нарушения субъектами рынка правил, запретов и ограничений, установленных в директивном порядке: привлечение виновных лиц к ответственности, на основании норм административного, гражданского или уголовного законодательства.

Если обратиться к тексту ФЗ от 2 января 2000 г. «О качестве и безопасности пищевых продуктов», то особое внимание вызывает содержание ст. 2.1 «Принципы здорового питания». Здесь отражены правила и положения, где ведущим условием выступает «обеспечение **приоритетности** защиты жизни и здоровья потребителей пищевых продуктов по отношению к экономическим интересам индивидуальных предпринимателей и юридических лиц» (курсив авторский). Безусловно, что в указанной области социальных взаимосвязей существует огромное количество проблем.

М.В. Федоров в своей работе положительно оценивает вышеназванный акт. Вместе с тем, он обращает внимание на то обстоятельство, что в административном законодательстве нет прямых норм, устанавливающих ответственность за производство некачественной пищевой продукции, особенно фальсифицированной. Это создает серьезные затруднения в деле реального обеспечения безопасности российских граждан⁵.

Как известно, конкуренция есть обязательный атрибут рыночной экономики, где в среде предпринимателей неизбежно возникают острые противоречия, споры и жесткое противостояние. Кроме того, в погоне за прибылью многие субъекты предпринимательской деятельности способны идти на конфликт с законом.

«Прагматизм — это главная черта, отражающая поведение участников рынка. Для большинства из них любая материальная или нематериальная ценность, фигурирующая в процессе коммерческих и иных отношений, заслуживает внимания только в том случае, если обладание ею способствует достижению каких-либо целей особенно экономического характера»⁶.

Однако когда устремления определенных представителей предпринимательства вступают в конфликт с социальными интересами общества и государства, уполномоченные властные структуры обязаны эффективно реагировать на любые негативные вызовы. Поэтому наиболее строгие критерии, изложены в ФЗ РФ от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции». Обзор его содержания документа показывает, что жесткие правила, касающиеся поведения самых различных субъектов рынка, превалируют в его положениях. Так, в акте присутствуют восемнадцать статей, текст которых начинается безальтернативным термином - запрет.

Помимо предпринимателей, непосредственные запреты на определенные действия касаются исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

В свою очередь, красной нитью через весь закон проходит указание, касающихся федеральных антимонопольных органов - государственный контроль. Данное властное установление полно и всесторонне отражено в ст. 22 «Функции антимонопольных органов».

¹ Беляева Ю.Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права, 2016. № 1. С. 99-106.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983. 841 с.

³ Гогин А.А., Федорова А.Н. Критерии баланса публичных и законных частных интересов: правовой, исторический и современный анализ // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2020. № 3 (96). Т. 1. С. 5-17.

⁴ Стандзоль Л.В. Особенности административной ответственности за нарушение законодательства о лицензировании // Вестник Московского университета МВД России, 2019. № 1. С. 208-213.

⁵ Федоров М.В. Административная ответственность за изготовление некачественных продуктов питания // Аграрное и земельное право, 2017. № 1 (145). С. 128-131.

⁶ Гогин А.А., Джалилов Э.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2018. № 4.). Т. 2. С. 135-144.

А.Ю. Соколов в весьма обстоятельной работе отдает должное активному воздействию информационных технологий (ИТ) на современную жизнь. Однако он выделяет одно из существенных препятствий, которое имеется в сфере отечественных антимонопольных отношений.

Это отсутствие актов, закрепляющих новые понятия, определения и методы оценки деятельности компаний на цифровых рынках. По мнению ученого, существует необходимость разработки изменений в части совершенствования антимонопольного законодательства, в соответствии с требованиями цифровой экономики¹.

Характерно, что многие изыскатели обращают внимание на публичные аспекты, которые отражены не в ГК РФ, а в других законах, которые активно влияют на рыночные отношения. Прежде всего, к их числу относятся нормы процессуального права.

Е.В. Михайлова отмечает, что в гражданском и арбитражном производствах защищаются не только частные, но и публичные интересы. Поэтому использование понятия «цивилистический процесс» является неосновательным. Автор предлагает расширить участие прокурора и представителей иных органов государственной власти в ходе судебного рассмотрения гражданских и арбитражных дел².

С таким утверждением можно согласиться. Кроме сугубо частных интересов, в гражданском и арбитражном процессах должным образом защищаются законность и правопорядок. Именно они призваны быть основным фундаментом современной социальной жизни.

Если суммировать все вышеизложенные доводы, то вполне естественно возникает мнение, что в Конституции РФ, в ГК РФ и иных сопутствующих ему законах, хотя и не столь явно, но просматривается наличие некоторых элементов патернализма.

В истории мировой цивилизации указанный феномен (от лат. *paternus* - отцовский, отеческий) сложился уже давно. Под названным явлением понимается система общественных взаимоотношений, при которых государство за счет своих материальных, финансовых и других ресурсов обеспечивает определенные потребности населения страны. В обмен на это граждане предоставляют властным структурам возможность воздействовать на их поведение, как в публичном, так и в частном плане.

В настоящее время отечественными исследователями такого вида реалии воспринимается весьма спорно. Одни специалисты делают акцент на присущих патернализму негативных чертах.

Действительно, к подобным нюансам следует отнести широкое вмешательство власти в частную жизнь граждан; недостаточное развитие общественно значимых формирований (политических партий и общественных движений); существенную инертность социума; бюрократизм и другие отрицательные факторы.

Вместе с тем, нельзя категорически отрицать присутствие позитивных начал в соответствующей политике государства. Это может выражаться в качественной и преимущественной поддержке отечественного предпринимательства; опеке над представителями малообеспеченных и незащищенных групп российского населения; активной защите и сохранении исторических и национальных традиций народов нашей страны и др. Поэтому часть ученых подвергает анализу те положительные особенности, которые реально сопутствуют данному явлению. Например, по мнению Е.С. Нестеренко и Л.Д. Реута, патернализм не следует воспринимать в качестве пережитка прошлого. При всех его недостатках, это основа государственного и социального строя современного типа общества³.

На наш взгляд, для глубокой и непредвзятой оценки названного феномена, его места и роли в жизни российских граждан, требуется взвешенный и объективный подход, а также качественные и многогранные изыскания.

Между тем, на повестке дня уже сложились весьма неоднозначные проблемы. Они обусловлены, хотя и постепенным, но целенаправленным внедрением в деятельность органов публичной власти современных технологий, связанных с искусственным интеллектом (ИИ).

Более активное и пристальное внимание к столь кардинальным и поистине глобальным факторам уделяют представители различных кампаний, холдингов и других крупных субъектов отечественного рынка. Внимание одних специалистов сосредоточено на позитивных сторонах данного феномена, поскольку он знаменует начало так называемой «четвертой промышленной революции».

Вместе с тем, значительное число исследователей в данной области социальных отношений полагают, что по самым разнообразным причинам здесь могут складываться весьма неожиданные негативные факторы. Для примера сошлемся только на одну статью, ибо ее содержание, в известной степени, соответствует нашим воззрениям.

Так, В.В. Достов анализирует возможные негативные последствия незаконного применения систем искусственного интеллекта, как для рядовых граждан, так и для юридических лиц, которые являются основными субъектами рынка. В частности, по мнению автора, это может выражаться в подмене биологических данных (голос, фото и видеоизображение конкретных индивидов, использование нейросетевых программ криминальными структурами и пр.⁴.

В свою очередь, А.А. Сычев видит опасность применения названных технологий в том, что при определенных условиях, они способны причинить существенный вред общественным отношениям. Данную проблему исследователь рассматривает цифровое доверие в двух аспектах:

- как уверенность человека в надежности цифровых систем;
- как доверие к людям, опосредованных современными информационными технологиями.

Это доверие подрывается ограниченностью, непрозрачностью, предвзятостью алгоритмов искусственного интеллекта, наличием тех-

¹Соколов А.Ю. Правовая политика России в сфере антимонопольного регулирования // Правовая политика и правовая жизнь, 2022. № 1 (87). С. 12-22.

²Михайлова Е.В. О некоторых вопросах защиты публичных интересов в «цивилистическом процессе» // Перспективы развития гражданского производства. Сборник статей по итогам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., проф. И.М. Зайцева. Изд-во: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 244-248.

³Нестеренко Е.С., Реут Л.Д. Патернализм: необходимость или «политический рудимент»? // Теоретическая экономика, 2021. № 9. С. 104-110.

⁴Достов В.В. Современные угрозы незаконного применения систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. № 2 (19). С. 44-49.

нических сбоев и злоупотреблений¹.

Именно указанные и иные подобные обстоятельства, уже безотлагательно требуют весьма четкого нормативно-правового сопровождения, как в публичной деятельности, так и во всех сферах рыночных отношений. Представляется, что для наиболее качественной регламентации потребуются не отдельные законы, а кодифицированный акт. Для его разработки следует привлекать не только юристов, но и представителей других общественных наук: экономистов и политологов; социологов и психологов. Только подобный набор специалистов поможет избежать различного рода пробелов, коллизий, спорных положений и других противоречий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд определенных выводов:

- нормы публичного законодательства самым активным образом воздействуют на поведение отечественных субъектов рыночных отношений во всех сферах российской экономики;
- соответствующие положения это не стихийный набор, исходящих от государства директивных требований, а целенаправленная система различных мер, включающих в себя дозволения, разрешения и запреты;
- единый посыл, который объединяет смысл, содержание, цели и задачи всех рассмотренных актов состоит в обеспечении законности и правопорядка в экономике в интересах подавляющего большинства членов российского общества;
- вместе с тем, весьма важно, чтобы публичное воздействие на рыночные отношения не перешло те пределы, когда администрирование способно превратиться в средство подавления частных интересов и станет тормозом развития прогрессивных начинаний.

Список литературы:

1. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правосознание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.
3. Лунеев В.В. Рыночная экономика и экономическая преступность в России. В сб. Экономическая преступность. М.: Юрист, 2002. 269 с.
4. Шишкин С.Н. Государственное регулирование экономики: предпринимательско-правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2010. – 256 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой» // rg.ru/ks-zemlya.html
6. Ломбаев Н.И., Падерин Ф.В. Публичный договор: общие положения // Законность и правопорядок в современном обществе, 2016. № 30. С. 16-20.
7. Каньшин А.В. Публичный договор как правовой институт государственного регулирования экономики // Вестник экономической теории, 2017. № 9. С. 28-36.
8. Малютин Е.Ю. Публичный договор как институт гражданского права // Вопросы науки и образования, 2018. № 3 (15). С. 135-137.
9. Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы // Журнал российского права, 2016. № 10. С. 15-25.
10. Богданов Е.В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // Lex Russica, 2021. Том 74. № 5. С. 5-18.
11. Беляева Ю.Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права, 2016. № 1. С. 99-106.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1983. 841 с.
13. Гогин А.А., Федорова А.Н. Критерии баланса публичных и законных частных интересов: правовой, исторический и современный анализ // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2020. № 3 (96). Т. 1. С. 5-17.
14. Стандзоль Л.В. Особенности административной ответственности за нарушение законодательства о лицензировании // Вестник Московского университета МВД России, 2019. № 1. С.208-213.
15. Федоров М.В. Административная ответственность за изготовление некачественных продуктов питания // Аграрное и земельное право, 2017. № 1 (145). С. 128-131.
16. Гогин А.А., Джалилов Э.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2018. № 4 (91). Т. 2. С. 135-144.
17. Соколов А.Ю. Правовая политика России в сфере антимонопольного регулирования // Правовая политика и правовая жизнь, 2022. № 1(87). С. 12-22.
18. Михайлова Е.В. О некоторых вопросах защиты публичных интересов в «цивилистическом процессе» // Перспективы развития гражданского производства. Сборник статей по итогам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., проф. И.М. Зайцева. Изд-во: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. 432 с.
19. Нестеренко Е.С., Реут Л.Д. Патернализм: необходимость или «политический рудимент»? // Теоретическая экономика, 2021. № 9. С. 104-110.
20. Достов В.В. Современные угрозы незаконного применения систем искусственного интеллекта // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. № 2 (19). С. 44-49.
21. Сычев А.А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики, 2023. № 3 (9). С. 64-78.

References:

1. Kerimov, D.A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of Legal Philosophy. 5th ed. Moscow: Saratov State University Publishing House, 2009. 521 p.
2. Baitin, M.I. The Essence of Law (Modern Normative Understanding of Law on the Verge of Two Centuries). Saratov: Saratov State Archives of Law, 2001. 416 p.
3. Luneev, V.V. Market Economy and Economic Crime in Russia. In the collection Economic Crime. Moscow: Yurist, 2002. 269 p.
4. Shishkin, S.N. State Regulation of the Economy: Entrepreneurial and Legal Aspect. Moscow: Wolters Kluwer, 2010. 256 p.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 5, 2020 No. 11-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Subparagraphs 4 and 5 of Paragraph 1 and Paragraph 5 of Article 57 of the Land Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I.S. Butrimova" // rg.ru/ks-zemlya.html
6. Lombaev N.I., Paderin F.V. Public Contract: General Provisions // Legality and Law and Order in Modern Society, 2016. No. 30. pp. 16-20.
7. Kanshin A.V. Public Contract as a Legal Institution of State Regulation of the Economy // Bulletin of Economic Theory, 2017. No. 9. pp. 28-36.
8. Malyutina E.Yu. Public contract as an institution of civil law // Issues of science and education, 2018. No. 3 (15). Pp. 135-137.
9. Putilo N.V. Legal criteria of the welfare state: new approaches // Journal of Russian law, 2016. No. 10. Pp. 15-25.
10. Bogdanov E.V. Socialization of civil law in Russia as the basis for its modernization // Lex Russica, 2021. Vol. 74. No. 5. Pp. 5-18.
11. Belyaeva Yu.N. On the social functions of the state // Journal of Russian law, 2016. No. 1. Pp. 99-106.
12. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House, 1983. 841 p.
13. Gogin A. A., Fedorova A. N. Criteria for Balancing Public and Legitimate Private Interests: Legal, Historical, and Modern Analysis // Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev, 2020. No. 3 (96). Vol. 1. Pp. 5-17.
14. Standzol L. V. Features of Administrative Liability for Violation of Licensing Legislation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. No. 1. Pp. 208-213.
15. Fedorov M. V. Administrative Liability for the Manufacture of Low-Quality Food Products // Agrarian and Land Law, 2017. No. 1 (145). P. 128-131.
16. Gogin A.A., Dzhaliyev E.A. Administrative liability for offenses in the field of intellectual property // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev, 2018. No. 4 (91). Vol. 2. P. 135-144.
17. Sokolov A.Yu. Legal policy of Russia in the field of antimonopoly regulation // Legal policy and legal life, 2022. No. 1 (87). P. 12-22.
18. Mikhailova E.V. On some issues of protecting public interests in the "civilistic process" // Prospects for the development of civil proceedings. Collection of articles based on the results of the III International scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Doctor of Law, prof. I.M. Zaitseva. Publisher: Saratov State Law Academy, 2019. 432 p.
19. Nesterenko E.S., Reut L.D. Paternalism: Necessity or "Political Rudiment"? // Theoretical Economics, 2021. No. 9. pp. 104-110.
20. Dostov V.V. Modern Threats of Illegal Use of Artificial Intelligence Systems // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. No. 2 (19). pp. 44-49.
21. Sychev A.A. The Value of Trust in the Era of Artificial Intelligence and New Ethics: Problems and Challenges // Social Norms and Practices, 2023. No. 3 (9). pp. 64-78.

¹ Сычев А.А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и

ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «РИСК» И ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ LEGAL CATEGORY “RISK” AND ITS CLASSIFICATION IN THE ACTIVITIES OF AGRICULTURAL COOPERATIVES

ДУПЛИНСКАЯ Елена Васильевна,

заместитель начальника отдела по развитию топливно-энергетического комплекса
ОГКП «Корпорация развития коммунального комплекса Ульяновской области», г. Ульяновск.
432071, Россия, г. Ульяновск, ул. Урицкого, 35Б.

E-mail: nata-9797911@mail.ru;

DUPLINSKAYA Elena Vasil'evna,

deputy head of the department for development of the fuel and energy complex,
OGKP "Corporation for the development of the communal complex of the Ulyanovsk region", Ulyanovsk.
35B Uritskogo str., Ulyanovsk, 432071, Russia.

E-mail: nata-9797911@mail.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье сформулировано авторское определение правового риска с учётом всех признаков, присущих данной правовой категории. Данное определение адаптировано к определению правового риска, возникающего в деятельности сельскохозяйственных кооперативов, с учётом всех специфических черт, которые присущи им. Разработана авторская отраслевая классификация рисков, возникающих в деятельности сельскохозяйственных кооперативов, которая включает 5 групп.

Abstract: in this article formulates the author's definition of civil legal risk, taking into account all the features are inherent in this legal category. This definition is adapted to the definition of legal risk arising in the activities of agricultural cooperatives, taking into account all the specific features that are inherent in them. The author's industry classification of risks arising in the activities of agricultural cooperatives has been developed, which includes 5 groups.

Ключевые слова: гражданско-правовой риск, классификация рисков, управление рисками, сельскохозяйственный потребительский кооператив.

Keywords: civil risk, risk classification, risk management, agricultural consumer cooperative.

Для цитирования: Дуплинская Е.В. Правовая категория «риск» и его классификация в деятельности сельскохозяйственных кооперативов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 442-445. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_442.

For citation: Duplinskaya E.V. Legal category "risk" and its classification in the activities of agricultural cooperatives // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 442-445. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_442.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Вопросам по исследованию категории «риск» в науке гражданского права отведено значительное место. В юридической литературе сформулированы различные определения риска через рассмотрение тех или иных свойств и характеристик данной категории. А.Г. Мартиросян определяет «гражданско-правовой риск как обозначенную законом категорию, объясняющую участникам возможные имущественно-невыгодные последствия» [8]. В.И. Авдийский формулирует риск как «потенциальную возможность возникновения управляемого события в условиях неопределённости среды осуществления экономической деятельности, которая поддаётся количественной и качественной оценке» [5]. Н.И. Жунина предприняла попытку учесть признаки, относящиеся к категории правового риска, и сформулировала его определение: «как вероятность наступления случайного события в условиях альтернативности выбора того или иного варианта действия, неопределённости его возможных последствий – как отрицательных, так и положительных, материального или нематериального характера, являющаяся осознаваемой, но не зависящей в полной мере от воли субъекта гражданско-правовых отношений» [7, с. 788-793].

Кроме того, термин правовой риск закреплён в письме Банка России от 29.06.2011 № 96-Т и определяется как риск понесения убытков в результате различного применения норм законодательства судебными органами либо в результате невозможности исполнения контрактов вследствие нарушения законодательства или нормативных актов [4].

При этом, если в предыдущих определениях выделены особенности правового риска в целом, то Е.О. Паулова формулирует определение гражданско-правового риска: «санкционированная нормами гражданского права потенциальная возможность (вероятность) благоприятного либо неблагоприятного для участников гражданских отношений отклонения от желаемого правового результата в случае наступления случайных событий и (или) действий» [7, с. 12]. В данном определении риска впервые упоминается главная составляющая правового риска, отличающая его от других видов риска, – это отклонение от определённого желаемого правового результата. Однако, в указанном определении не уделяется должного внимания последствиям, которые наступают в результате отклонения от желаемого правового результата. Хотя, с нашей точки зрения, наступающие последствия имеют важное значение при определении признаков правового риска, поскольку именно они определяют нанесённый организации ущерб.

В связи с этим, не стоит путать недостижение правовой цели и сами последствия, которые могут возникнуть при наступлении правовых рисков. Например, М.Ю. Осипов определяет риск в праве как «вероятность наступления для субъектов права определённых неблагоприятных правовых (не экономических, не социальных, не культурных) последствий». Эти неблагоприятные последствия могут выражаться в привлечении субъекта права к юридической ответственности, возложении на него дополнительной обязанности, отказе в защите нарушенного права. [9, с. 269]. Представляется, что в основе правового риска должна лежать вероятность недостижения правовой цели, а наступление неблагоприят-

ных последствий является следствием её недостижения. То есть в данном определении ошибочно сделан вывод о том, что в результате правовых рисков могут наступать только неблагоприятные правовые последствия. Очевидно, что в основе правового риска лежит недостижение именно правовой цели, а вот негативные последствия могут носить различный (не только правовой) характер.

Д.А. Горячина в своей работе выделяет юридическую и экономическую стороны риска. По мнению автора, «экономическая сущность риска состоит в наступлении для стороны обязанности в виде принятия на себя убытков, порождённых рисковыми обстоятельствами». Юридическая же сторона риска заключается «в возможности выбора правовых средств, которые бы позволили предвидеть существующую вероятность наступления негативных имущественных последствий, минимизировать их и соотнести с желаемым имущественным интересом» [6, с. 13]. По нашему мнению, сильная сторона определения, предложенного автором, заключается в том, что правовой риск неразрывно связан с экономическими потерями, но в то же время минусом определения является тот факт, что правовой риск не ограничивается только ими. Представляется, что правовой риск затрагивает также и сферу неимущественных отношений. Кроме того, возможность выбора правовых средств, предложенных автором как юридическая сторона риска, с нашей точки зрения, должна быть отнесена к одной из составляющих категории риска, которая связана с механизмом его управления.

Отметим, что на законодательном уровне отсутствует понятие правового риска. При этом в юридической литературе предлагается множество его трактовок, что, в свою очередь, порождает отсутствие единого понимания категории правового риска, а также всех его признаков. Таким образом, актуальным становится вопрос об определении категории правового риска.

Исходя из проведённого анализа определений, можно выделить следующие признаки, которые присущи правовому риску:

1. В его основе лежит недостижение определённой правовой цели, которую ставят перед собой субъекты права. Именно правовая цель является отличительной чертой, которая разграничивает правовой риск от иных видов.
2. Он является вероятностной категорией. Потенциальная возможность свидетельствует о том, что неблагоприятные или благоприятные последствия могут наступить, а могут и не наступить.
3. Наступление определённых последствий для субъекта в результате произошедших событий или действий самого субъекта. Стоит отметить, что в юридической литературе уделено недостаточно внимания характеру последствий, которые могут наступить для субъектов гражданских отношений. Представляется, что само по себе недостижение правовой цели может повлечь и серьёзные экономические последствия.
4. Управляемость, поскольку с целью осуществления контроля за действиями субъектов по предотвращению рисков и недопущению последствий или минимизации степени их влияния необходимо выстроить определённый механизм управления.

На основании рассмотренных признаков, присущих категории правового риска, нами предложено следующее авторское определение: это вероятное, управляемое недостижение субъектами гражданских правоотношений правовой цели или отклонение от её изначально заявленных параметров в результате чего наступают последствия правового, экономического и иного характера. Данное определение позволит интегрировать все отличительные признаки, присущие правовому риску. При этом предпринята попытка разграничить основную сущность правового риска как недостижение правовой цели (или отклонение от неё) и тех, последствий, которые наступают в результате её недостижения. Установлено, что последствия носят не только правовой характер, но, в частности, тесно связаны, и с экономической составляющей деятельности организации и финансовыми последствиями. Кроме того, в определении важное место отведено механизму управления для достижения той или иной правовой цели. Одновременно с этим управление рисками осуществляет функцию предотвращения возможных негативных последствий или снижения степени их влияния.

Отдельное место занимают правовые риски, возникающие в деятельности сельскохозяйственных кооперативов, так как они связаны с определённой спецификой данной организационно-правовой формы. По своей правовой природе сельскохозяйственные кооперативы относятся к корпоративным юридическим лицам, отличительной правовой целью создания которых является участие членов в деятельности организации и управления ей в целях достижения законодательно-определённых целей юридического лица. Данный вывод логично следует из законодательно-установленных определений корпоративных юридических лиц, которые в отличие от унитарных обладают правом участия (членства) в организациях и формируют их высший орган.

Кроме того, к отличительным чертам можно отнести такие принципы кооперации как построение управления деятельностью кооператива на демократических началах (один член кооператива – один голос), в отличие, например, от управления в обществах с ограниченной ответственностью, – «каждый участник общества при принятии решений общим собранием участников общества имеет число голосов, пропорциональное его доле в уставном капитале общества» [3] или в акционерных обществах, где голосование при принятии решений общим собранием акционеров осуществляется по принципу «одна голосующая акция общества – один голос» [2].

Ещё один отличительный признак деятельности кооперативов: сельскохозяйственные товаропроизводители объединяют свои усилия в целях достижения общих целей по взаимопомощи и обеспечению экономической выгоды для членов кооператива, участвующих в его производственной и иной хозяйственной деятельности. При этом в отличие от других организационных правовых форм, объединяющиеся в кооператив лица обязаны участвовать в его деятельности (обязательность личного трудового участия – для сельскохозяйственных производственных кооперативов; обязательность участия в хозяйственной деятельности – для сельскохозяйственного потребительского кооператива). Кроме того, сельскохозяйственный кооператив обладает особенностями, связанными с формированием имущественной базы, – наличие неделимого фонда. При этом распределение прибыли в кооперативах имеет специфические особенности, которые заключаются в том, что распределение прибыли и

убытков кооператива между его членами осуществляется с учётом их личного трудового участия или участия в хозяйственной деятельности кооператива [1].

Более того, именно сельскохозяйственные кооперативы отличаются особым рисковым характером своей деятельности, связанной с особенностями сельскохозяйственного производства (влияние погодных условий, неурожай, особенности плодородия почв, эпидемии и т.д.). Такие риски в дальнейшем могут трансформироваться в правовые риски, связанные, например, с невыполнением договорных обязательств.

Таким образом, с учётом выделенных особенностей деятельности сельскохозяйственных кооперативов, представляется целесообразным предложенное авторское определение правового риска адаптировать под специфические особенности сельскохозяйственных кооперативов. Применительно к их деятельности понятие правового риска можно сформулировать как вероятное, управляемое недостижение, обусловленное наличием конфликта интересов, объединяющимися в кооператив лицами (членами кооператива) правовой цели, основанной на принципах кооперации (оказание взаимопомощи, демократическое управление, распределение прибыли), или отклонение от неё, в результате чего наступают последствия правового характера, недостижение экономической и финансовой устойчивости членов кооператива, а также нарушение кооперативной природы в целом.

Стоит отметить, что важное место в науке гражданского права занимает классификация правовых рисков, которая необходима для правильного избрания правовых инструментов, с помощью которых осуществляется воздействие на тот или иной риск с целью достижения определённого правового результата. При этом на законодательном уровне классификация правовых рисков отсутствует. Исходя из того, что правовой риск основан на достижении правовой цели, риски можно классифицировать по не достижению той или иной правовой цели.

В юридической литературе указано, что общая цель охватывает весь правовой результат деятельности субъекта, а специфическая – выражает промежуточный результат, являясь составной частью общей цели. Специфическая цель и её достижение сами по себе становятся средством достижения общей цели. Таким образом, специфические цели, направленные на достижение общей цели, образуют древо целей, или систему целей, для которых общая цель становится системообразующей. Так, выделение коммерческих и некоммерческих организаций производится по общей цели, поставленной субъектами при учреждении организации. Вместе с тем достижение общей цели коммерческой организации – извлечение прибыли – возможно только лишь посредством постановки ряда специфических целей, таких как: приобретение в собственность нежилого помещения для размещения магазина, организация закупки товаров (распадается на ряд специфических целей третьего уровня – приобретение в собственность определённого товара, инвентаря и оборудования для торгового зала, наем продавцов и др.). Указанные правовые цели могут дробиться в зависимости от своего характера на множество подуровней, при этом «конкретизация должна быть доведена до такого уровня, чтобы данная специфическая цель могла выступать в качестве непосредственной цели деятельности» [11, с. 9-10].

При этом наиболее правильной, с нашей точки зрения, является позиция о том, что в зависимости от вида юридических лиц они преследуют правовые цели в виде оформления коллективных интересов или объединения капиталов [12, с. 8]. Например, правовой целью, сельскохозяйственных кооперативов выступает объединение лиц для реализации интересов членов кооператива. При этом для осуществления основной (общей) правовой цели юридического лица преследует достижение специфических правовых целей, например, приобретение в собственность помещений, зданий, оборудования, передача в собственность товаров, оказание услуг и др.

Таким образом, в зависимости от достижения правовых целей риски можно классифицировать на: риски, вызывающие недостижение правовых целей создания юридических лиц; риски, вызывающие недостижение правовых целей осуществления деятельности юридических лиц.

При этом каждый из указанных видов правовых рисков можно классифицировать на более мелкие подвиды. Например, среди недостижения правовых целей создания можно выделить правовые риски, вызывающие недостижение правовой цели создания всех юридических лиц, риски, вызывающие недостижение правовых целей создания коммерческих или некоммерческих организаций, риски, вызывающие недостижение правовых целей создания корпоративных организаций и риски, вызывающие недостижение правовой цели создания конкретного юридического лица.

Риски, вызывающие недостижение правовых целей деятельности юридических лиц, можно разделить на: риски недостижения правовых целей договора, которые, в свою очередь, можно классифицировать на более мелкие подвиды рисков недостижения правовой цели конкретного вида договора; риски невозможности реализации законного интереса субъекта; риски наступления ответственности, в том числе применение санкций; риски, вызывающие недостижение правовых целей управления в организации.

Особенность данной классификации правовых рисков состоит в том, что установлена взаимосвязь правового риска и достижения правовых целей создания и деятельности организаций, что позволяет выстроить системный подход в структуре правовых рисков в зависимости от преследуемых субъектом правовых целей и подобрать наиболее эффективные инструменты предотвращения правовых рисков.

На основе предложенной классификации и с учётом уникальных черт, присущих деятельности сельскохозяйственных кооперативов, предлагается следующая целевая классификация рисков для кооперативов.

Первая группа рисков – связана с правовой природой кооперативов, к ней относятся: риск утраты кооперативной идентичности и, как следствие, его преобразование, риск несоответствия деятельности уставным целям, закреплённым в Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации»; риски нарушения принципов кооперации.

Вторая группа рисков – связана с органами управления кооперативами.

К данной группе относятся: риски, связанные с нарушением демократического характера управления (концентрация влияния «экономически-крупных» членов кооператива), риск конфликта интересов между органами управления.

Третья группа рисков – связана с членством в кооперативе, к которой можно отнести: риск пассивности членов (незаинтересованность участия в хозяйственной и производственной деятельности кооператива), риск конфликта интересов между «крупными» и «мелкими» членами кооператива, риск конфликта интересов между членами кооператива и наёмными работниками.

Четвёртая группа, связанная с имущественной базой кооператива и порождающая экономические последствия для кооператива и его членов.

К данной группе относятся: риски несправедливого распределения доходов, риск выхода «ключевых» членов и изъятия значительной части паевого фонда, риски, связанные с неделимостью паевого фонда и выходом из кооператива, риски, связанные с оборотом имущества, находящегося в собственности кооператива.

Пятая группа рисков, которая опосредованно приводит к возникновению правовых рисков и связана с особенностями сельскохозяйственного производства. В данную группу включаются: аграрные риски (неурожай, климатические условия, эпидемии, оборот земель сельскохозяйственного назначения и др.), которые приводят к неисполнению договорных обязательств; риски, связанные с государственной поддержкой кооперативов (невыполнение условий соглашений, приводящее к наложению санкций на кооператив, установление специфических обязанностей, связанных с запретами, налагаемыми на кооператив, участвующий в государственных программах).

Таким образом, в ходе проведённого исследования сформулировано авторское определение правового риска, возникающего в деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Кроме того, на основании классификации правовых рисков в зависимости от достижения правовых целей и с учётом особых черт, присущих сельскохозяйственным кооперативам, разработана целевая классификация правовых рисков применительно к их деятельности, в которой выделено пять групп рисков, связанных с правовой природой кооперативов, с органами управления, с членством в кооперативе, с имущественной базой и опосредованная группа рисков.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (в ред. ФЗ РФ от 31.07.2025 № 277-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 50. – Ст. 4870. – 11 декабря; Собрание законодательства РФ. – 2025. - № 31. – Ст. 4631. – 04 августа.
2. Федеральный закон РФ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. ФЗ РФ от 31.07.2025 № 312-ФЗ) // Российская газета. – 1995. - № 248. – 29 декабря; Собрание законодательства РФ. – 2025. - № 31. – Ст. 4666. – 04 августа.
3. Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. ФЗ РФ от 31.07.2025 № 312-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 7. – Ст. 785. – 16 февраля; Собрание законодательства РФ. – 2025. - № 31. – Ст. 4666. – 04 августа.
4. Письмо Центрального банка Российской Федерации от 29.06.2011 № 96-Т «О методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала» – «Вестник Банка России», № 37, 07.07.2011.
5. Авдийский, В.И. Управление рисками в деятельности хозяйствующих субъектов // В.И. Авдийский/ Экономика. Право. – 2013. - № 4. – С. 63-76.
6. Горячкина, Д.А. Управление рисками в российском гражданском праве: автореф. ...дис. канд. юрид. наук: 12.00.03/Д.А. Горячкина. – Москва, 2013. – 29 с.
7. Жунина, Н.И. Основные подходы к определению категории «риск» в гражданском праве//Н.И. Жунина/Право и политика. – 2012. - № 4 (148). – С. 788-793.
8. Мартиросян, А.Г. Способы распределения риска в гражданском праве Российской Федерации / (Современное право. – 2012. - № 4) // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. - [М., 2014].
9. Осипов, М.Ю. Понятие и классификация рисков в праве // М.Ю. Осипов/ Юридическая техника. 2019. № 13. С. 269-274.
10. Паулова, Е.О. Договор как гражданско-правовое средство управления рисками в транспортных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / Е.О. Паулова. – Ульяновск, 2022. – 208 с.
11. Экимов, А.И. Категория «цель» в советском праве: автореферат дис. канд. юрид. наук / А.И. Экимов – Л., 1970. – 16 с.
12. Юридические лица: типы, виды, организационно-правовые формы учебное пособие / под ред. Т.Л. Калачевой. – Хабаровск: ТОГУ, 2018. – 96 с.

References:

1. Federal Law No. 193-FZ dated 08.12.1995 "On Agricultural Cooperation" (as amended Federal Law of the Russian Federation dated 07/31/2025 No. 277-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. - No. 50. – Art. 4870. – December 11; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. - No. 31. – Article 4631. – August 04.
2. Federal Law of the Russian Federation dated December 26, 1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies" (as amended Federal Law of the Russian Federation dated 07/31/2025 No. 312-FZ) // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. - No. 248. – December 29; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. - No. 31. – Article 4666. – August 04.
3. Federal Law of the Russian Federation dated 08.02.1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" (as amended Federal Law of the Russian Federation dated 07/31/2025 No. 312-FZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. - No. 7. – Art. 785. – February 16; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. - No. 31. – Article 4666. – August 04.
4. Letter of the Central Bank of the Russian Federation dated 06/29/2011 No. 96-T "On Methodological recommendations for the Organization of Internal Capital Adequacy Assessment Procedures by Credit Institutions" - Bulletin of the Bank of Russia, No. 37, 07.07.2011.
5. Avdiyskiy V.I. Risk management in the activities of economic entities // V.I. Avdiyskiy/ Economy. Taxes. Pravo, 2013, No. 4, pp. 63-76.
6. Goryachkina, D.A. Risk management in Russian civil law: abstract. ...dissertation of the candidate. jurid. sciences: 12.00.03/D.A. Goryachkina. – Moscow, 2013. – 29 p.
7. Zhunina, N.I. Basic approaches to the definition of the category "risk" in civil law//N.I. Zhunina/Law and politics. – 2012. - № 4 (148). – Pp. 788-793.
8. Martirosyan, A.G. Methods of risk distribution in the civil law of the Russian Federation / (Modern law. – 2012. - № 4) // Consultant Plus. Versiyaprof [Electronic resource]. - Electron. dan. - [Moscow, 2014].
9. Osipov, M.Y. The concept and classification of risks in law // M.Y. Osipov/ Legal technology. 2019. No. 13. pp. 269-274.
10. Paulova, E.O. Contract as a civil law means of risk management in transport obligations: dis. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.3 / E.O. Paulova. – Ulyanovsk, 2022. – 208 p.
11. Ekimov, A.I. The category of "purpose" in Soviet law: abstract of the dissertation. kand. jurid. Sciences / A.I. Ekimov – L., 1970. – 16 p.
12. Legal entities: types, types, organizational and legal forms textbook / edited by T.L. Kalacheva. – Khabarovsk: TOGU, 2018. 96 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_446

УДК 349: 347

БИОХАКИНГ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ОПАСНЫЙ ФАКТОР НОРМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВНУТРИУТРОБНЫХ ДЕТЕЙ BIOHACKING AS A MODERN DANGEROUS FACTOR IN THE NORMAL DEVELOPMENT OF INTRAUTERINE CHILDREN

БЕШЛЕЙ Никита Русланович

помощник судьи Арбитражного суда Свердловской области,
аспирант кафедры гражданского права и процесса института права Челябинского государственного университета.
SPIN-код: 4035-2577,

ORCID: 0009-0004-3769-5317,
ResearcherID: KRP-4462-2024.

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Вениамина Яковлева, строение 1.

E-mail: beshley.nikita@mail.ru;

BESHLEY Nikita Ruslanovich

Assistant judge of the Arbitration Court of the Sverdlovsk region,
postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

SPIN-код: 4035-2577,
ORCID: 0009-0004-3769-5317,

ResearcherID: KRP-4462-2024.

620000, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Veniamin Yakovlev lane, building 1.

E-mail: beshley.nikita@mail.ru

Краткая аннотация: в данной научной работе рассмотрено явление биохакинга, активно набирающее обороты в современной действительности. С опорой на труды учёных-исследователей, кто с практической точки зрения занимается изучением сущности биологического хакинга, рассмотрены определения данного термина, а также компиляторным путём представлено авторское определение указанного выше понятия. Также с практической точки зрения рассмотрены примеры такого проявления в реальной жизни и возможные последствия. В заключение автором предложены законодательные изменения, при принятии которых человек отдалит возможность вторжения в его тайное и личное – генетические структуры – чьё изменение может отразиться на внутриутробных детях.

Abstract: this scientific paper examines the phenomenon of biohacking, which is actively gaining momentum in modern reality. Based on the works of research scientists who, from a practical point of view, study the essence of biological hacking, the definitions of this term are considered, as well as the author's definition of the above concept is presented in a compiler way. Also, from a practical point of view, examples of such a manifestation in real life and possible consequences are considered. In conclusion, the author proposes legislative changes, when adopting which a person will postpone the possibility of intrusion into his secret and personal genetic structures, whose change may affect intrauterine children.

Ключевые слова: внутриутробные дети, биологический хакинг, имплантация, генно-модифицированный организм, генная терапия, биологическая безопасность.

Keywords: intrauterine children, biological hacking, implantation, genetically modified organism, gene therapy, biological safety.

Для цитирования: Бешлей Н.Р. Биохакинг как современный опасный фактор нормального развития внутриутробных детей // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_446.

For citation: Beshley N.R. Biohacking as a modern dangerous factor in the normal development of intrauterine children // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 446-449. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_446.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024

Любой человека, кто хоть каким-то образом взаимодействует с окружающим его миром в плане обмена информацией, да или просто отстранённо наблюдает за быстрым течением времени, без труда может заметить усложнение самого общества посредством развития его отдельных частей или же становления чего-то нового, ранее неизвестного человечеству в целом.

Данный факт отражает основные тенденции существующего и научно-зреющего мира в рамках постоянного стремления человечества к интеллектуальному, а также физическому развитию для достижения больших высот в разных сферах жизнедеятельности всего общества.

В связи с чем «человеческая неугомонность» (в самых лучших пониманиях данного словосочетания) даёт всему миру поразмыслить над научными открытиями, о которых пару десятков лет назад люди могли говорить, обсуждая какой-нибудь фантастический фильм, просмотренный на неделе в кинотеатре.

В качестве такого научного отголоска в данной работе вполне обоснованно будет рассмотрено явление биохакинга, ворвавшееся в эпицентр заинтересованности учёных-исследователей ещё в начале XXI века [1, с. 42] и набирающее обороты своего лабораторного развития.

При этом для более полного восприятия информации стоит разобраться с понятийной составляющей представленного явления.

Обратившись к просторам Интернета, можно обнаружить «понятийную скудность» данного термина, что объясняется малой изученностью представленной темы.

Так, Совиярви О. [2, с. 7] считает, что под биохакингом следует понимать оптимизационные начала работы организма, состояния здоровья, а также самочувствия, включающие в себя биологическое изучение организма с последующим его исправлением в нужную для биохакера сторону.

Шон Д. Паттинсон [3, с. 183] понятие биохакинга связывает с кибернетикой, указывая на возможные изменения человеческого организма посредством внедрения в него устройств, изменяющих целостность, а также свойства частей человеческого организма.

Безусловно, определения, предложенные каждым из авторов, заслуживают своего внимания, при этом их прочтение и осмысление оставляет в голове читателя множество вопросов, поскольку они лишены сущностной полноты.

Для того, чтобы в полной мере разобраться с понятийной составляющей стоит разложить иноязычное слово на два его образующих элемента: «биологический» и «хакинг» – в целях определения их смыслового транслирования, что поможет отразить черты, присущие данному единому термину.

Прилагательное «биологический» является производным от слова биология (в пер. с греч. «*bio*» – жизнь, «*logos*» – слово, учение), [4, с. 67] обозначающее совокупность наук о строениях, распространениях, развитиях, а также функциях живых организмов, их природных сообществах, связях друг с другом и с неживой природой.

Если же говорить про слово «хакинг», то любой читатель, знающий английский, без труда определит его как взлом, безусловно, это так, даже, если обратиться к глоссарию терминов информационной безопасности, можно обнаружить характерные для этого слова черты, проявляющиеся в понятии «хакер» [5, с. 130]: использование определённого рода знаний и умений в целях получения не санкционированного доступа к защищаемым ресурсам.

Смущает только одно «но» – несанкционированный доступ к защищаемым ресурсам, что в принципе не характерно для стандартного биохакинга в области научных исследований, проводимых на людях, ведь неполучение добровольного согласия при применении разработок в области биомедицинских технологий, если таковые не запрещены на законодательном уровне, фактически нарушает базовые принципы человеческой безопасности, а также вторгается в ту интимную часть человеческого существа, которая по большому счёту должна быть закрыта от окружающего мира для недопущения намеренного внедрения биологического сбоя.

Проанализировав представленные выше понятия, компиляторным путём можем прийти к выводу, что биологический хакинг представляет собой деятельность, направленную на намеренное изменение внешних или же внутренних особенностей человеческого организма путём применения инвазивных процедур или наружного имплантирования.

Если же раскрывать виды биохакинга, то абсолютной каждый без труда сможет назвать пару из них, поскольку неоднократно встречался в повседневной жизни.

В частности, можно выделить следующие виды биохакинга:

1. инвазивный биохакинг (редактирование способностей и возможностей человеческого организма путём внутреннего внедрения редактирующих элементов), к которому может относиться употребление кофеина в целях стимуляции центральной нервной системы, блокируя рецепторы аденозина; употребление ноотропов в целях улучшения когнитивных функций, оказывающих мнемотропное (улучшение памяти человека), адаптогенное (повышение устойчивости организма к раздражающим факторам), седативное, а также иные действия на организм человека; редактирование генома человека и др.;

2. неинвазивный биохакинг (симбиотическое установление на теле человека внешних элементов, позволяющих улучшить работу некоторых частей тела или же предоставить возможность по их функциональному использованию), к которому можно отнести использование слуховых аппаратов для улучшения остроты слуха; ношение очков для улучшения остроты зрения и др.

Безусловно, часть из представленных выше средств ни коем образом не вредит человеческому организму, а, напротив, предоставляет последнему возможность полного функционального проявления при наличии каких-либо физических недостатков.

Но, как же быть с теми, кто проводит эксперименты над своим собственным телом, используя геном, как обычную игрушку, не задумываясь или не желая осознавать о дальнейших возможных неблагоприятных последствиях, которые могут отразиться как на самом организме, так и на организмах будущих поколений?

Биохакинг вне стандартного медицинского или исследовательского контекста может быть невероятно рискованным, и, если он проводится в обход клинических исследовательских структур, он, как правило, не способен генерировать обобщенные знания об эффективности новых методов лечения.

Так биологические инновации начинают внедряться за пределами классических исследовательских лабораторий в так называемых «биохакерских пространствах» – DIYbio labs [6], в частности, Biohackspace в Лондоне [7], Genspace в Нью-Йорке [8], Biotown в Оттаве [9], La Paillette в Париже [10]. Данные пространства являются открытыми площадками, предоставляющими необходимые ресурсы, а также инструменты лицам, заинтересованным в развитии биотехнологий.

Начало движения «точильщиков» (биохакаеры, исследующие различные варианты человеческой модификации, не одобряемой учёными-медиками, посредством внедрения технологий в свой организм) берёт своё начало с конца XX века, ярким тому примером опыт Кевина Уорвика, [11] которому в руку был вживлён RFID-чип (чип радиочастотной идентификации), позволяющий управлять роботизированной рукой при помощи сигналов своего мозга. Успешное проведение эксперимента отмечается непосредственной способностью исследуемого посредством мозговой активности управлять чужеродным элементом, сам же Уорвик отмечал, что после внедрения указанного чипа стал чувствовать себя гораздо сильнее. Однако при всей успешности эксперимента учёными было принято решение о необходимости его завершения, дабы избежать последующего сращения импланта с тканями организма.

Другим примером может служить опыт Нила Харбиссона [12], являющегося соавтором разработки для людей с ахроматопсией носимого устройства, которое включает веб-камеру, подсоединённую к антенне, пятикилограммовый компьютер и пару наушников, для преобразования цветов в 360 звуков. В последующем устройство было усовершенствовано до удобных для ношения человеку размеров, уменьшив объём изобретённого устройства, а также установив чип непосредственно под кожу, антенну – в череп, что позволяет Нилу воспринимать цвета через костную проводимость (передаче звука через кости черепа), а также позволяет распознавать даже те части электромагнитного спектра, которые

невидимы для остальных, такие как инфракрасный и ультрафиолетовый, что говорит о наличии у него сверхчеловеческого зрения.

Команда же под руководством Диего Гецци экспериментирует с нейронными интерфейсами, имплантируемыми в кровеносный сосуд пациента с возможностью безвредного последующего разрушения непосредственно в организме человека через несколько недель или даже месяцев. [13] Так были представлены доказательства возможного использования биоразлагаемых материалов посредством имплантирования интерфейсов на основе полимеров в мозг мышей с помощью инвазивной хирургии (трепанации черепа), а также посредством процедур доставки, подобных стенту, для воздействия на нервную ткань изнутри кровеносного сосуда, позволяющих контролировать мозговую активность в течение нескольких недель.

Безусловно, представленные выше научные исследования в большей степени направлены на поиск «жизненных инструментов» людям, кто по каким-либо причинам лишён возможности нормального существования наравне с другими членами общества, но как быть с теми, кто занимается кустарной геной инженерией?

А ведь примеров тому много, в особенности в зарубежных странах.

Чего стоит опыт известного биохакера Джосая Зайнера, [14] прославившегося введением на конференции по биотехнологии (2017) системы редактирования CRISPR/Cas9, нацеленной на ген миостатина. Последнего не смутила негативная реакция учёных-исследователей относительно эпатажной выходки биохакера, поскольку в последующим им была запущена оклэндская компания – The Odin, занимающаяся онлайн-продажей материалов для геной инженерии любителям.

Сотрудники сенатора штата Калифорнии того времени – Линг Линг Чанг – были обеспокоены новостными статьями, раскрывающими возможности использования CRISPR не по назначению, в частности, интервью изобретательницы инструмента CRISPR – Дженнифер Дудна, в журнале Foreign Policy, в котором она описала технологию как стремительно развивающуюся без координации или достаточного регулирования.

Обеспокоенным остался и вице-президент по связям с правительством Калифорнийской ассоциации наук о жизни – Оливер Рокрой, задумавшись над вопросом: «Существует ли сценарий распространения инфекции, возникшей впоследствии утилизации гражданами генетически модифицированных организмов через трубопровод, при которой ситуация выходит из из-под контроля?»

При этом, стоит отдать должное законодателям штата Калифорнии, последними с учётом мнения Калифорнийской ассоциации наук о жизни в кратчайшие сроки был разработан законопроект, который касается наборов для геной терапии, одобренный губернатором штата Калифорнии. [15] Примечательно, что принятым законодательным актом введён запрет на продажу набора для геной терапии при отсутствии размещения продавцом уведомления на веб-сайте на видном месте, которое демонстрируется потребителю перед входом в электронную торговую точку, и на этикетке на упаковке, содержащей набор для геной терапии, на самом видном и легко читаемом месте, о том, что набор не предназначен для самостоятельного применения.

Однако представленное выше фактически никоим образом не предохраняет человечество от «домашних игр с геномом», а также от возможных неблагоприятных последствий, поскольку человека, который решил приобрести набор для геной терапии, не остановит от реализации задуманного никакая надпись на коробке, даже обозначенная прописными буквами и увеличенного размера шрифта. Данные доводы подтверждаются представленной аналитикой рынка биохакинга [16], согласно которой мировой рынок биохакинга оценивается в 16,2 млрд \$ в 2024 году и, как ожидается, достигнет 38,9 млрд \$ к 2031 году.

При этом «начинающему исследователю», прежде чем задуматься над покупкой набора для геной терапии, а тем более его использования, стоит изучить комментарии ведущих учёных-генетиков относительно данного вопроса, большая часть которых категорически против таких исследований, поскольку велика вероятность случайного высвобождения опасных для здоровья патогенов.

Велика и опасность смешения половых клеток здорового организма человека с половыми клетками генно-модифицированного организма своего партнёра.

Но как такое может произойти?

Ответ прост.

Практически каждый человек обладает возможностью намеренного путешествия в страны с процветающим биохакингом, где за обусловленную сумму у последнего возникает шанс попробовать себя в роли учёного-исследователя посредством введения препарата, заранее купленного в наборе для геной терапии на одном из сайтов, в свой организм, который после всех проведённых манипуляций перестаёт быть обычным. И вот уже он – генетически-изменённый гражданин, возвращается в свои родные просторы, непроизвольно изменяя клетки зарождающихся от него человеческих организмов.

Примером страны благоприятной для генетического туризма может являться Великобритания. Так Закон об оплодотворении и эмбриологии человека (1990) [17] предоставляет возможность медицинским учреждениям оказывать услуги, связанные с обеспечением создания эмбрионов *in vitro*; с непосредственным приобретением, хранением, тестированием и иными манипуляциями как в отношении гамет, так и в отношении эмбрионов; с проведением различного рода экспериментов, в частности, смешение спермы с яйцеклеткой хомяка либо же иного животного, который указан в Инструкции, для проверки фертильности или же нормальности спермы, однако при последующем их уничтожении и др.

Представленный выше пример законодательного дозволения генетических экспериментов косвенно подтверждает о непосредственном развитии и биохакинга в том числе, поскольку те из исследований, которые проводятся учёными в большей степени направлены на внедрение в развивающийся организм недостающих генов или же сверхразвитие имеющихся. Более того, в открытых источниках отсутствует какой-либо законодательный акт, который регулировал бы деятельность в области биохакинга, как, к примеру, в штате Калифорнии.

Безусловно, новые версии генов будут внедряться в младенцев без достаточного лабораторного тестирования, что может послужить

основой для появления на свет ужасных младенцев-мутантов, на которых будут отмечены болезненные мутации в развитии.

Как мы уже определились, биохакинг связан с внесением в организм человека кардинальных изменений, при этом, если биохакер захочет запатентовать какой-нибудь способ модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, он будет лишён такой возможности в силу действующего п. 4 ст. 1349 ГК РФ.

Не секрет, что клетки зародышевой линии человека включают сперматозоиды, яйцеклетки или клетки эмбриона, то есть всё то, из чего состоит и чем является развивающийся внутри, а также появляющийся наружу человек.

При этом какие-либо запреты, связанные с модификацией ДНК, внесённой в соматические клетки того же эмбриона или же появившегося на свет малыша, фактически отсутствуют, что является безусловным упущением со стороны законодателя, учитывая «обороты развития», набираемые учёными-медиками, а также необходимость учёта непосредственных интересов исследуемого.

С учётом представленных выше данных, можно безошибочно утверждать, что современная реальность давно встала на путь непрерывного развития, который тормозится различными странами, имеющими в своём «законодательном арсенале» нормативные правовые акты, позволяющими блокировать необдуманные и опережающие время забеги учёных-исследователей, желающих работать с нечто ценным и опасным – с человеческими клетками. При этом, чтобы вовремя дать запрещающий сигнал, проявив достаточную осмотрительность, законодатель должен здраво и своевременно отреагировать на возможное появление новых правовых отношений путём принятия соответствующих законодательных изменений.

В связи с чем, хочется предложить следующие рекомендательные изменения:

1. Закрепить в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 №323-ФЗ [18] нормы, запрещающие генетический туризм, с целью недопущения появления детей с новыми изменёнными версиями генов;

2. Изменить п. 4 ст. 1349 ГК РФ (редакция от 22.07.2024), добавив пп. 5 следующего содержания: «Не могут быть объектами патентных прав: 5) способы модификации ДНК, внесённые в соматические клетки внутриутробного организма человека, а также в организм ребёнка».

Список литературы:

1. Цаценко, Л. В., Гурьянова, П. К. Биохакинг – база образов / Л. В. Цаценко, П. К. Гурьянова // г. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. Трубилина И.Т. – 2022. – 104 с.
2. Савиарви, О. Биохакинг: руководство по раскрытию потенциала организма / О. Савиарви, А. Теэму, Я. Халметоя. – М.: Альпина Паблишер. – 2020. – 552 с.
3. Shaun D Pattinson Law at the Frontiers of Biomedicine: Creating, Enhancing and Extending Human Life / D Pattinson Shaun. New York: Hart Publishing. – 2023. – 2023 с.
4. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. – 2-е изд., испр. [репринт. изд. 1989 г.] – Москва: Большая рос. энцикл., 1995. – 863 с.
5. Парошин, А. А. Информационная безопасность: стандартизированные термины и понятия / А. А. Парошин. – Владивосток: издательство Дальневосточного государственного университета. – 2010. – 216 с.
6. An Institution for the Do-It-Yourself Biologist / DIYbio // URL: <https://diybio.org/> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Biohackspace / London Biohackspace // URL: <https://biohackspace.org/> (дата обращения: 27.09.2024).
8. New York's Community Biolab – Learn. Create. Grow. / Genspace // URL: <https://www.genspace.org/> (дата обращения: 01.10.2024).
9. Biotown / Idialab // URL: <https://idialab.org/biotown/> (дата обращения: 15.10.2024).
10. LAPAILLA / Foursquare // URL: <https://ru.foursquare.com/lapaila6776087> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Connor, Steven (1998) 'Professor has World's First Silicon Chip Implant', 26 August, The Independent.
12. Neil Harbisson / Youtube // URL: www.youtube.com/watch?v=7DxVWhFLi6E (дата обращения: 13.11.2024).
13. Fanelli, Adele, Ferlauto, Laura, Zollinger, Elodie Genevieve, et al (2021) «Transient Neurovascular Interface for Minimally Invasive Neural Recording and Stimulation» Advanced Materials Technologies: doi.org/10.1002/admt.202100176.
14. A Biohacker Regrets Publicly Injecting Himself With CRISPR / The Atlantic// URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/02/biohacking-stunts-crispr/553511/> (дата обращения: 13.11.2024).
15. An act to add Chapter 37 (commencing with Section 22949.50) to Division 8 of the Business and Professions Code, relating to gene therapy kits. [Approved by Governor July 30, 2019. Filed with Secretary of State July 30, 2019.] / California Legislative information // URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=20190200SB180 (дата обращения: 13.11.2024).
16. Biohacking Market Size and Trends / Coherent Market Insights // URL: <https://www.coherentmarketinsights.com/market-insight/biohacking-market-4533> (дата обращения: 13.11.2024).
17. Human Fertilization and Embryology Act (1990). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/contents> (дата обращения: 13.11.2024).
18. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

References:

1. Tsatsenko, L. V., Guryanova, P. K. Biohacking – the base of images / L. V. Tsatsenko, P. K. Guryanova // Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after Trubina I.T. – 2022. – 104 p.
2. Soviaryvi, O. Biohacking: a guide to unlocking the potential of the body / O. Soviaryvi, A. Teemu, Ya. Halmetoja. – Moscow: Alpina Publisher. – 2020. – 552 p.
3. Shaun D Pattinson Law at the Frontiers of Biomedicine: Creating, Enhancing and Extending Human Life / D Pattinson Shaun. New York: Hart Publishing. – 2023. – 2023 p.
4. Biological encyclopedic dictionary / ch. ed. M. S. Gilyarov. – 2nd ed., ispr. [reprint. ed. 1989] – Moscow: Bolshaya ros. encikl., 1995. – 863 p.
5. Paroshin, A. A. Information security: standardized terms and concepts / A. A. Paroshin. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University, 2010. 216 p.
6. An Institution for the Do-It-Yourself Biologist / DIYbio // URL: <https://diybio.org/> (accessed: 25.09.2024).
7. Biohackspace / London Biohackspace // URL: <https://biohackspace.org/> (accessed: 27.09.2024).
8. New York's Community Biolab – Learn. Create. Grow. / Genspace // URL: <https://www.genspace.org/> (accessed: 01.10.2024).
9. Biotown / Idialab // URL: <https://idialab.org/biotown/> (accessed: 15.10.2024).
10. LAPAILLA / Foursquare // URL: <https://ru.foursquare.com/lapaila6776087> (accessed: 25.10.2024).
11. Connor, Steven (1998) 'Professor has World's First Silicon Chip Implant', 26 August, The Independent.
12. Neil Harbisson / Youtube // URL: www.youtube.com/watch?v=7DxVWhFLi6E (accessed: 13.11.2024).
13. Fanelli, Adele, Ferlauto, Laura, Zollinger, Elodie Genevieve, et al (2021) «Transient Neurovascular Interface for Minimally Invasive Neural Recording and Stimulation» Advanced Materials Technologies: doi.org/10.1002/admt.202100176.
14. A Biohacker Regrets Publicly Injecting Himself With CRISPR / The Atlantic// URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/02/biohacking-stunts-crispr/553511/> (дата обращения: 13.11.2024).
15. An act to add Chapter 37 (commencing with Section 22949.50) to Division 8 of the Business and Professions Code, relating to gene therapy kits. [Approved by Governor July 30, 2019. Filed with Secretary of State July 30, 2019.] / California Legislative information // URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=20190200SB180 (accessed: 13.11.2024).
16. Biohacking Market Size and Trends / Coherent Market Insights // URL: <https://www.coherentmarketinsights.com/market-insight/biohacking-market-4533> (accessed: 13.11.2024).
17. Human Fertilization and Embryology Act (1990). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/contents> (accessed: 13.11.2024).
18. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011. Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. St. 6724.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_450

УДК 347.1

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF PUNISHING MINORS

КАРПЕЦ Дмитрий Владимирович

студент аспирантуры Байкальского государственного университета.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 корп. 3.

E-mail: karpets.dima@mail.ru;

KARPETS Dmitry Vladimirovich

postgraduate student at Baikal State University.

11 Lenin St., building 3, Irkutsk, 664003, Russia.

E-mail: karpets.dima@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты индивидуального правового регулирования; выделены моменты, вызывающие неоднозначную реакцию в научном сообществе. Приведены различные позиции относительно видов индивидуального правового регулирования и их классификаций, выбрано наиболее оптимальное по мнению автора. Изучен вопрос о корректности термина «индивидуальное правовое регулирование». Сделан вывод о наличии существенных противоречий в вопросе определения роли индивидуально-правового регулирования.

Abstract. The article examines various aspects of individual legal regulation, highlighting points that cause an ambiguous reaction in the scientific community. Various positions are given regarding the types of individual legal regulation and their classifications, and the most optimal one, in the author's opinion, is selected. The issue of the correctness of the term "individual legal regulation" is studied. A conclusion is made about the existence of significant contradictions in the issue of determining the role of individual legal regulation.

Ключевые слова: правовое регулирование, виды правового регулирования, нормативное правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, поднормативность, субъект правового регулирования, индивидуальные правовые акты, классификация индивидуального регулирования, средство регулирования, автономное регулирование.

Key words: legal regulation, types of legal regulation, normative legal regulation, individual legal regulation, sub-normativity, subject of legal regulation, individual acts, classification of types of individual regulation, means of regulation, autonomous regulation.

Для цитирования: Карпец Д.В. Индивидуальное правовое регулирование как вид правового регулирования: спорные вопросы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 450-452. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_450.

For citation: Karpets D.V. Individual legal regulation as a type of legal regulation: controversial issues // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 450-452. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_450.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2024

Одним из пониманий правового регулирования является его представление как осуществляемого государством целенаправленного правового воздействия на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов [15, с.167]. Согласно нему, правовое регулирование рассматривается только как нормативное. Однако по мере развития российской правовой системы отдельные авторы оправданно отмечали наличие общественных отношений (особенно – составляющих предмет гражданского права), правовое регулирование которых осуществляется не только нормативными средствами. Это позволило выделить в отдельный вид правового регулирования индивидуальное правовое регулирование, разграничив его с нормативным правовым регулированием.

Н.А. Пьянов указывал, что основой индивидуального правового регулирования является его направленность на регулирование конкретных общественных отношений посредством применения индивидуальных правовых средств, таких как гражданский договор, в то время как нормативное правовое регулирование осуществляется посредством правовых норм, которые, как известно, рассчитаны на неоднократное применение и адресованы неопределенному кругу лиц [13, с. 148]. Таким образом, субъекты индивидуального правового регулирования могут действовать самостоятельно в рамках закона, например, определять условия гражданско-правового договора.

Ограниченность индивидуального регулирования нормативными рамками позволило ряду исследователей еще советского периода, в частности таким как С.С. Алексеев [1, с.61], В.М. Горшенев [4, с.124], Т.И. Илларионова [6, с.6], называть индивидуальное регулирование поднормативным, указывая на то, что оно дополняет нормативное регулирование, закрывая пробелы в законодательстве, осуществляется на его основе и в его развитие. На данный момент поднормативность признается одной из основополагающих характеристик индивидуального правового регулирования [10, с.62]. На основании этого рядом исследователей делается вывод о невозможности выделения индивидуального правового регулирования из нормативного, указывается на его вспомогательную роль как временное решение для тех общественных отношений в правовой системе, которые по тем или иным причинам не урегулированы или недостаточно урегулированы нормами права. Однако несмотря на теснейшую взаимосвязь нормативного и индивидуального правового регулирования, ряд особенностей, присущих последнему из них, таких как «индивидуальный характер регулирования, широкий круг субъектов, создание индивидуальных актов» все же позволяет принять факт того, что индивидуальное регулирование является самостоятельным видом правового регулирования [11, с.45].

Также возникают споры относительно видов индивидуального правового регулирования. Среди исследователей нет консенсусного деления на виды; с той или иной точки зрения каждая из них может быть неполной или чрезмерной, основанной на неверных признаках. Тем не менее каждая классификация позволяет рассмотреть индивидуальное правовое регулирование с разных сторон.

Вопрос классификации индивидуального правового регулирования на виды поднимался еще в советский период. В трудах С.С. Алек-

сеева указывается на необходимость отграничения властно-государственного индивидуального регулирования, которое осуществляется посредством индивидуальных правовых актов, от саморегулирования, осуществляемого посредством договоров и односторонних сделок [2, с.158]. В.М. Горшенев предлагал схожее по сути разграничение вариантов правоприменительного регулирования, которое осуществляется посредством актов применения права, и автономное, содержательно полностью идентичное саморегулированию С.С. Алексеева. Другая классификация индивидуального правового регулирования представляет собой его деление на автономное, осуществляемое посредством договоров, и индивидуальное, через правоприменительную деятельность [17, с. 22]. В.Б. Исаков, в свою очередь, предлагал разделение индивидуального правового регулирования на субординационное и координационное, то есть регулирование в форме применения права и выработку сторонами договора, соответственно [7, с. 263].

Можно видеть, что основным критерием разграничения индивидуального правового регулирования на виды советские исследователи видели средство регулирования. В одном случае это – индивидуальный правовой акт, в другом – договоры и односторонние сделки.

В современной российской юридической науке имеется классификация индивидуального правового регулирования, предложенная Т.В. Кашаниной, согласно которой индивидуальное правовое регулирование делится на автономное, координационное и субординационное [8, с. 126]. Ключевым отличием от классификации В.Б. Исакова тут является выделение автономного регулирования, которое исходит из осуществления права или совершения односторонней сделки, то есть из воли только одного лица. Таким образом, в основу классификации в качестве критерия положен способ взаимосвязи между субъектами правоотношений [16, с. 353].

Итак, вопрос определения видов индивидуального правового регулирования рассматривался еще с советского периода. Несмотря на видимое развитие классификаций, по которым определялись виды индивидуального правового регулирования, ни одна из них не стала общепринятой, выделение же автономного регулирования в концепции Т.В. Кашаниной в том значении, которое она ему придает, не имеет абсолютной поддержки научного сообщества.

Так, оригинальную позицию занимает В.В. Ершов. С точки зрения ученого, как нормативное, так и индивидуальное правовое регулирование не являются корректными терминами, они теоретически неполноценные [5, с. 7]. Для подтверждения своих суждений В.В. Ершов подвергает критике приведенные И.А. Минникосом формы индивидуального правового регулирования [12, с.153], указывая на их теоретическую спорность, равно как оспаривает возможность наименования индивидуального правового регулирования поднормативным, отмечая то, что соответствующий термин неточен и ограничивает все нормами права, выработанными органами государственной власти, и полагая, что отождествление индивидуального регулирования и индивидуального правового регулирования невозможно, поскольку термин «индивидуальное регулирование» сам по себе означает отделение этого вида регулирования общественных отношений от правового. Взамен он предлагает разграничивать правовое и индивидуальное регулирование. Термин «индивидуальное правовое регулирование» он видит теоретически дискуссионным в связи со смешением в нем правового регулирования с индивидуальным, которые он видит парными, но при этом самостоятельными видами регулирования общественных отношений.

Изложенное свидетельствует, что индивидуальное правовое регулирование как вид правового регулирования не имеет всеобщего признания среди научного сообщества и при рассмотрении этого вопроса с других сторон может открыться целый ряд других, не менее сложных вопросов, которые вызовут новые дискуссии о роли и сущности индивидуального правового регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в российской юридической науке вопрос о роли индивидуального правового регулирования общественных отношений в значительной мере является дискуссионным. В зависимости от позиции исследователя приводятся аргументы в пользу выделения индивидуального регулирования как самостоятельного вида правового регулирования наравне с нормативным или указывается на некорректность самого термина «индивидуальное правовое регулирование»; отсутствует единообразие в части критериев деления индивидуального регулирования на виды. Как итог, можно констатировать наличие существенных противоречий в понимании сущности индивидуального правового регулирования и его роли в сфере цивилистики, разрешение которых нуждается в детальном научном исследовании и серьезном осмыслении.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С.С. Алексеев // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. статей. – Москва, 2001. – С. 54–68.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – Москва: Проспект, 2009. – 576 с.
3. Виниченко Ю.В. Об индивидуальном правовом регулировании гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 2–8.
4. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – Москва: Юрид. литература, 1972. – 256 с.
5. Ершов В.В. Индивидуальное правовое регулирование? Саморегулирование? / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 10 (90). – С. 5–14.
6. Илларионова Т.И. Поднормативное регулирование имущественных отношений в гражданском праве / Т.И. Илларионова // Проблемы обязательственного права: межвузовский сборник научных статей. – Свердловск: Издательство Свердловского государственного университета, 1989. – С. 4–15.
7. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования / В.Б. Исаков // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. – Москва, 1987. – С. 262–266.
8. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т.В. Кашанина // Государство и право. – 1992. – № 1. – С. 122–130.
9. Красноярский С.Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе: (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Г. Красноярский. – Москва, 1990. – 313 с.
10. Миннико И.А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие, правотворческая деятельность, правовые акты / И.А. Миннико. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2009. – 72 с.
11. Миннико И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Миннико. – Екатеринбург, 2009. – 313 с.
12. Миннико И.А. Автономное регулирование как вид индивидуального правового регулирования / И.А. Миннико // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 1 (75). – С. 151–155.

13. Пьянов Н.А. Государственное регулирование общественных отношений: вопросы теории: монография / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 221 с.
14. Решетов Ю.С. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование / Ю.С. Решетов // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 17–22.
15. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
16. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – Москва: ЮристЪ, 2003. – 393 с.
17. Шабуров А.С. О соотношении автономного и индивидуального правового регулирования / А.С. Шабуров // Сборник аспирантских работ: материалы ежегод. аспирант. конф. – Свердловск, 1974. Вып. 17. – С. 40–45.

References:

1. Alekseev S.S. Unilateral Transactions in the Mechanism of Civil-Law Regulation / S.S. Alekseev // Anthology of Ural Civilistics. 1925–1989: collected articles. Moscow, 2001, pp. 54–68.
2. Alekseev S.S. General Theory of Law: textbook / S.S. Alekseev. Moscow: Prospect, 2009, 576 p.
3. Vinichenko Yu.V. On Individual Legal Regulation of Civil Circulation / Yu.V. Vinichenko // Civil Law. 2023, no. 1, pp. 2–8.
4. Gorshenev V.M. Methods and Organizational Forms of Legal Regulation in a Socialist Society / V.M. Gorshenev. Moscow: Jurid. Literature, 1972. – 256 p.
5. Ershov V.V. Individual Legal Regulation? Self-Regulation? / V.V. Ershov // Russian Justice. – 2013. – No. 10 (90). – Pp. 5–14.
6. Illarionova T.I. Sub-normative regulation of property relations in civil law / T.I. Illarionova // Problems of the Law of Obligations: Interuniversity Collection of Scientific Articles. – Sverdlovsk: Publishing House of Sverdlovsk State University, 1989. – Pp. 4–15.
7. Isakov V.B. Mechanism of Legal Regulation / V.B. Isakov // Problems of the Theory of State and Law / edited by S.S. Alekseev. – Moscow. 1987. – P. 262–266.
8. Kashanina T.V. Individual Regulation in the Legal Sphere / T.V. Kashanina // State and Law. – 1992. – No. 1. – P. 122–130.
9. Krasnoyarsky S.G. Individual Legal Regulation in Soviet Society: (Theoretical and Practical Issues): Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation / S.G. Krasnoyarsky. – Moscow, 1990. – 313 p.
10. Minnikes I.A. Individual Legal Regulation: Concept, Law-Making Activity, Legal Acts / I.A. Minnikes. – Irkutsk: Baikal State University, 2009. – 72 p.
11. Minnikes I.A. Individual legal regulation (theoretical and legal analysis): author's abstract of dis. ... Doctor of Law / I.A. Minnikes. – Ekaterinburg, 2009. – 313 p.
12. Minnikes I.A. Autonomous regulation as a type of individual legal regulation / I.A. Minnikes // Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. – 2011. – No. 1 (75). – P. 151–155.
13. P'yanov N.A. State regulation of public relations: theoretical issues: monograph / N.A. P'yanov. – Irkutsk: Publishing house of Irkutsk state University, 2009. – 221 p.
14. Reshetov Yu.S. Normative and individual legal regulation / Yu.S. Reshetov // Bulletin of Perm University. Series: Legal Sciences. - 2013. - No. 2 (20). - P. 17-22.
15. Fatkullin F.N. Problems of the Theory of State and Law: Lecture Course / F.N. Fatkullin. - Kazan: Kazan University Publishing House, 1987. - 336 p.
16. Cherdantsev A.F. Theory of State and Law / A.F. Cherdantsev. - Moscow: YuristЪ, 2003. - 393 p.
17. Shaburov A.S. On the Relationship between Autonomous and Individual Legal Regulation / A.S. Shaburov // Collection of Postgraduate Works: Proc. of the Annual Postgraduate Conf. - Sverdlovsk, 1974. Issue. 17. – P. 40–45.

ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ DIGITAL ASSET TURNOVER IN THE CONTEXT OF ENSURING RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY

КИМ Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного института (филиала)
ФГОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: ellion@mail.ru;

KIM Elena Vitalievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Institute (branch)
FGOU VO "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)".
680020, Russia, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Gerasimova str., 31.
E-mail: ellion@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется правовое регулирование оборота цифровых активов в России как фактора обеспечения экономической безопасности, исследуется генезис и современное состояние законодательства о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, выявляются системные противоречия и пробелы. На основе методологии системного подхода и сравнительно-правового анализа формулируются конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства и практики его применения. Делается вывод о необходимости перехода от фрагментарного запретительно-ограничительного регулирования к построению сбалансированной, целостной правовой модели, интегрирующей цифровые активы в национальную экономическую систему под эффективным государственным контролем.

Abstract: This article analyzes the legal regulation of digital asset circulation in Russia as a factor in ensuring economic security. It examines the genesis and current state of legislation on digital financial assets and digital currency, identifying systemic contradictions and gaps. Based on a systems approach and comparative legal analysis, specific proposals for improving Russian legislation and its application are formulated. It concludes that a transition from fragmented, prohibitive and restrictive regulation is necessary to build a balanced, holistic legal model that integrates digital assets into the national economic system under effective state control.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, криптоактивы, экономическая безопасность, финансовый суверенитет, правовое регулирование, ПОД/ФТ, риски, денежно-кредитная политика, цифровой рубль.

Keywords: Digital financial assets, digital currency, cryptoassets, economic security, financial sovereignty, legal regulation, AML/CFT, risks, monetary policy, digital ruble.

Для цитирования: Ким Е.В. Оборот цифровых активов в контексте обеспечения экономической безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_453.

For citation: Kim E.V. Digital asset turnover in the context of ensuring Russia's economic security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_453.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2024

Дата публикации: 30.12.2025

Возникновение и стремительное распространение цифровых активов на основе технологий распределенного реестра (блокчейн) поставило перед государствами мира дилемму: либо попытаться запретить технологически опосредованные инновации, либо интегрировать их в правовое поле, минимизируя риски и извлекая потенциальные выгоды. Для Российской Федерации, экономика которой функционирует в условиях беспрецедентного внешнего давления и необходимости структурной перестройки, выбор стратегии регулирования оборота цифровых активов приобрел судьбоносное значение в контексте обеспечения долгосрочной экономической безопасности.

Экономическая безопасность, понимаемая как состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее реализацию стратегических национальных приоритетов [1, с. 15], сегодня напрямую коррелирует с цифровым суверенитетом. Оборот цифровых активов, игнорирующий национальные границы и традиционные финансовые институты, способен подорвать основы финансовой стабильности, создать альтернативные каналы утечки капитала и отмывания преступных доходов. Вместе с тем, корректно выстроенное регулирование может открыть доступ к новым источникам инвестиций, стимулировать технологическое развитие и снизить транзакционные издержки.

Правовое регулирование оборота в России цифровых активов характеризуется этапностью и изначальной неопределенностью. Первоначальная позиция регуляторов, выраженная в «Информационном письме» Банка России от 27.01.2014, носила предостерегающий характер, а позднее переросла в открытое неприятие криптовалют как «денежных суррогатов», несущих значительные риски [2]. Поворотным моментом стал «майский пакет» указов Президента РФ (№ 1666 от 07.05.2018), поставивший задачу по разработке комплексного законодательства. Результатом многолетней дискуссии стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) [3].

Закон № 259-ФЗ ввел в российский правовой оборот две ключевые дефиниции:

1. Цифровой финансовый актив (ЦФА) – имущество в электронной форме, созданное с использованием средств криптогра-

фии, выпуск, учет и обращение которого возможны только в распределенном реестре при условии, что владельцем такого имущества признается лицо, имеющее исключительные права на него. По сути, ЦФА – это цифровая форма удостоверения имущественных прав (токенизация активов), эмиссия и оборот которой возможны только через оператора информационной системы, внесенного в реестр Банка России.

2. Цифровая валюта – совокупность электронных данных, представленных в информационной системе, которые не являются денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым владельцем таких данных. При этом оборот цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ запрещен. Граждане и юридические лица могут приобретать и хранить ее, но использовать для расчетов – нет. Обязанность по уплате налогов с доходов от операций с цифровой валютой сохраняется.

Данный дуалистический подход отражает компромисс между стремлением создать регулируемый рынок цифровых прав (ЦФА) и минимизировать риски, связанные с частными криптовалютами (цифровая валюта). Последующие законодательные изменения, включая Федеральный закон от 14.07.2022 № 319-ФЗ, направлены на интеграцию положений о ЦФА в финансовое законодательство, установление требований к операторам обмена и распространение на них норм о противодействии легализации доходов (ПОД/ФТ).

Таким образом, к 2024 году в России сформировалась правовая база, носящая фрагментарный и в значительной степени ограничительный характер. Регулирование сфокусировано на создании контролируемой «песочницы» для ЦФА при фактическом запрете на использование наиболее распространенного актива – криптовалюты – во внутреннем платежном обороте. Параллельно ведется работа над проектом цифрового рубля – цифровой валюты центрального банка (CBDC), которая должна стать третьей формой российского рубля наряду с наличной и безналичной [4]. Его внедрение рассматривается как инструмент укрепления денежного суверенитета и повышения эффективности платежной системы.

Несмотря на наличие регулирования, оборот цифровых активов продолжает генерировать существенные риски для экономической безопасности России. Можно выделить несколько ключевых групп угроз.

1) Угрозы финансовой стабильности и монетарному суверенитету. Частные криптовалюты, в силу их децентрализованности и глобальной ликвидности, формируют квазиденежную систему, альтернативную национальной. В условиях экономической нестабильности это провоцирует «криптоизацию» – перевод сбережений населения и капиталов бизнеса в активы, неподконтрольные Банку России. Данный процесс ослабляет банковскую систему, снижает эффективность инструментов денежно-кредитной политики (ключевая ставка, нормативы резервирования) и способствует бегству капитала [5, с. 90]. Высокая волатильность курсов криптоактивов также несет риски для финансовой устойчивости организаций, вкладывающих в них средства, что может создавать системные угрозы.

2) Фискальные угрозы. Анонимность (псевдонимность) операций с цифровой валютой и использование иностранных криптобирж создают широкие возможности для уклонения от налогообложения. Хотя Налоговый кодекс РФ был дополнен положениями о налогообложении доходов от операций с цифровой валютой (ст. 214.8), механизмы администрирования и контроля остаются несовершенными.

3) Угрозы в сфере ПОД/ФТ. Это наиболее актуальный и признанный регуляторами риск. Технологии блокчейна могут использоваться для отмывания преступных доходов, финансирования терроризма, обхода международных санкций и незаконного вывода средств за рубеж [6, с. 33]. Закон № 259-ФЗ распространил требования Федерального закона № 115-ФЗ на операторов обмена ЦФА. Однако значительная часть оборота, особенно с использованием децентрализованных финансовых протоколов (DeFi), анонимных монет (privacy coins) и зарубежных платформ, остается вне зоны действия российского законодательства. Быстрое развитие технологий (смешиватели, кросс-чейн мосты) опережает возможности традиционных систем контроля.

4) Технологические и киберугрозы. Уязвимости в коде смарт-контрактов, хакерские атаки на криптобиржи и кошельки, мошеннические схемы (скам-проекты) наносят прямой ущерб гражданам и юридическим лицам. Кроме того, сохраняется критическая зависимость от иностранной технологической инфраструктуры: майнингового оборудования, программного обеспечения, разработчиков протоколов. Это создает риски технологического шантажа и угрозу целостности национальной финансовой инфраструктуры в случае целенаправленных кибератак.

Анализ показывает, что действующее правовое регулирование не в полной мере адекватно вызовам, стоящим перед экономической безопасностью.

Проблемой является неразвитость гражданско-правового режима ЦФА. Не урегулированы вопросы обращения взыскания на ЦФА, их наследования, особенности залога, ответственность оператора платформы при технических сбоях или хакерских атаках. Для привлечения институциональных инвесторов и развития рынка требуется детальная регламентация, возможно, в рамках новой главы Гражданского кодекса РФ. Необходима глубокая и детальная проработка гражданско-правового статуса цифровых активов, создание безопасной и легальной инфраструктуры для их оборота под строгим надзором, что позволит легализовать и поставить под контроль существующий рынок. Во-вторых, ключевым приоритетом должно стать опережающее развитие национальной цифровой финансовой инфраструктуры во главе с цифровым рублем, что позволит не просто защититься от угроз, но и активно формировать будущее цифровой экономики в интересах укрепления экономической безопасности и технологического суверенитета России.

Список литературы:

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 14.05.2024 № 362). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Заявление Банка России «Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)» от 11.01.2018. – URL: <https://www.cbr.ru/press/pr/?id=122> (дата обращения: 20.10.2024).

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
4. Концепция внедрения цифрового рубля (Доклад для общественных консультаций). – М.: Банк России, 2023. – 56 с.
5. Петров А.С., Смирнова К.А. Кriptoактивы и устойчивость финансовой системы: глобальные тренды и российские реалии // Вопросы экономики. – 2023. – № 5. – С. 88–105.
6. Ковалев М.М. Цифровые активы как инструмент легализации преступных доходов: новые вызовы для права // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 30–41.
7. Головин А.Ю., Захаров А.В. Цифровая валюта центрального банка: правовая природа и перспективы внедрения в России // Закон. – 2024. – № 1. – С. 18–29.
8. Отчет ФАТФ по стандартам регулирования виртуальных активов и поставщиков услуг виртуальных активов (обновление 2023 г.) – аналитический обзор // Финансовый контроль. – 2023. – № 4. – С. 45–58.

References:

1. Strategy for Economic Security of the Russian Federation through 2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated May 14, 2024, No. 362). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of access: October 20, 2024).
2. Statement of the Bank of Russia "On the Use of Private "Virtual Currencies" (Cryptocurrencies)" dated January 11, 2018. – URL: <https://www.cbr.ru/press/pr/?id=122> (date of access: October 20, 2024).
3. Federal Law dated July 31, 2020, No. 259-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
4. Concept for the Implementation of the Digital Ruble (Report for Public Consultations). – Moscow: Bank of Russia, 2023. – 56 p.
5. Petrov A.S., Smirnova K.A. Cryptoassets and the Stability of the Financial System: Global Trends and Russian Realities // Voprosy ekonomiki. – 2023. – No. 5. – Pp. 88–105.
6. Kovalev M.M. Digital Assets as a Tool for Laundering Criminal Proceeds: New Challenges for the Law // State and Law. – 2022. – No. 11. – Pp. 30–41.
7. Golovin A.Yu., Zakharov A.V. Digital Currency of the Central Bank: Legal Nature and Prospects for Implementation in Russia // Zakon. – 2024. – No. 1. – P. 18–29.
8. FATF Report on Standards Governing Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers (2023 Update) – Analytical Review // Financial Control. – 2023. – No. 4. – P. 45–58.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_456

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF MEDICAL CARE

АРХИПКИНА Анастасия Сергеевна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры конституционного и административного прав
Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования
«Байкальской государственной университет».

664003, Россия, Иркутская область, Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: nsakharova@yandex.ru;

ШЕВЧУК Елена Павловна,

старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала
«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».

664074, Россия, Иркутская область, Иркутск, ул. Ивана-Франко, 23а

E-mail: elena-shevchuk-1978@mail.ru;

ARKHIPKINA Anastasiia Sergeevna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
at the Federal State Educational Institution of Higher Education Baikal State University.

664003, Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, 11 Lenin St.

E-mail: nsakharova@yandex.ru;

SHEVCHUK Elena Pavlovna,

Senior Lecturer, Department of Civil Law, East Siberian Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice.

23a Ivana-Franko Street, Irkutsk, Irkutsk Oblast, Russia, 664074.

Email: elena-shevchuk-1978@mail.ru

Краткая аннотация: автором анализируется в чем заключается особенность применения гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к коммерческой деятельности в сфере медицины, отмечается бесспорное применение этого закона и правил гражданского законодательства о возмездных услугах, а в случае нарушения обязательства или причинения вреда жизни и здоровью пациента закон предусматривает безвиновную ответственность за эти нарушения. К таким услугам в сфере медицины относятся услуги высокотехнологические, дорогостоящие методы исследования, услуги в сфере пластической и эстетической медицины, высокие технологии, которые применяются в сфере диагностики, профилактике, лечении и реабилитации. Делается вывод, что законодательство о защите прав потребителей должно применяться к любым правоотношениям и в медицинской сфере и их следует признавать возмездными для самой медицинской организации. Субъектами в правоотношениях на которые распространяется законодательство о защите прав потребителей являются медицинские организации независимо от ее формы и потребители, которые получают услугу на основе возмездного договора для самой организации.

Abstract: The author analyzes the peculiarities of the application of civil legislation and legislation on the protection of consumer rights to commercial activities in the field of medicine, notes the indisputable application of this law and the rules of civil legislation on paid services, and in the event of a violation of an obligation or harm to the life and health of a patient, the law provides for innocent liability for these violations of the law on the protection of consumer rights and civil legislation. Such services in the field of medicine include high-tech services, expensive research methods, services in the field of plastic and aesthetic medicine, high technologies that are used in the field of diagnosis, prevention, treatment and rehabilitation. It is concluded that legislation on the protection of consumer rights should apply to any legal relations in the medical field and they should be recognized as compensatory for the medical organization itself. The subjects in legal relations that are subject to consumer protection legislation are medical organizations, regardless of their form, and consumers who receive services on the basis of a reimbursable contract for the organization itself.

Ключевые слова: медицинская организация, законодательство о защите прав потребителей, диагностика, лечение, реабилитация, медицинские услуги, помощь, стандарты медицинской помощи.

Key words: medical organization, consumer protection legislation, diagnostics, treatment, rehabilitation, medical services, assistance, standards of medical care.

Для цитирования: Архипкина А.С., Шевчук Е.П. К вопросу о правовом регулировании медицинской помощи // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 456-458. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_456.

For citation: Arkhipkina A.S., Shevchuk E.P. On the issue of legal regulation of medical care // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 456-458. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_456.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2025

Анализ практики применения закона о защите прав потребителей [1] показывает, что его нормы должны применяться к любым отношениям в сфере медицинской деятельности [2], однако своим определением коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 отказала в выплате штрафа за нарушения прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке медицинской организацией [3]. Суд посчитал, что закон должен применяться для отношений в медицинской сфере на основе возмездного договора [12, с. 35], которые возникают между пациентом и медицинской организацией по правилам главы 39 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) [4]. Но практика пошла по такому пути, что когда осуществляется медицинская помощь на основе программы обязательного медицинского страхования (далее - ОМС) закон о защите прав потребителей не применяется. Более того, несмотря на наличие или отсутствие договора между медицинской организацией и пациентом сами услуги не оказываются никогда на безвозмездной основе, а тот договор который заключается с медицинской организацией (договор в пользу третьего лица - пациента), не позволяет считать отношения с медицинской организацией безвозмездными. В таких отношениях сама страховая компания и медицинская организация заключают договор, а пациент в них является участником и при наступлении страхового случая (возникновение заболевания или травмы), медицинская помощь для него оказывается на безвозмездной основе. Но медицинская организация получает возмещение ни от пациента, а из фонда обязательного страхования (далее ФФОМС).

В чем заключается особенность применения гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей к коммерческой деятельности в сфере медицины. Во-первых, в бесспорном применении этого закона, но суды чаще всего при решении споров из оказанной медицинской помощи по программе ОМС исходят из применения общих норм гражданского законодательства [5]. Во-вторых, применяются правила гражданского законодательства о возмездных услугах (Гл. 39 ГК РФ) [6], а в случае нарушения обязательства или причинения вреда жизни и здоровью пациента закон предусматривает безвиновную ответственность за эти нарушения по правилам ст. 29 закона о защите прав потребителей и гражданского законодательства (ст. 401, ст. 1095). К таким услугам в сфере медицины относятся услуги высокотехнологические, дорогостоящие методы исследования, услуги в сфере пластической и эстетической медицины, высокие технологии, которые применяются в сфере диагностики, профилактике, лечении и реабилитации. В-третьих, применяются положения о сроках исполнения обязательства, санкций за их нарушения и штрафы при нарушении требований потребителей, которые не удовлетворены в добровольном порядке (ст. 13), но могут применяться только к стороне договора [8], а также возможность взыскание компенсации за страдания даже без негативных последствий для здоровья на основании только законодательства о защите прав потребителей (ст. 14).

Более того закон оставляет потенциальную возможность применять более высокий уровень ответственности, чем предусмотрено законом, если это указано в тексте договора (ст. 1084 ГК РФ). Следует помнить о том, что заранее заключенное соглашение об ограничении или исключении ответственности является ничтожным по правилам п. 4 ст. 401 ГК РФ при наличии умысла у правонарушителя. Кроме того, для отдельного договора, который заключается с медицинской организацией должен предполагать подробную регламентацию предмета договора, но не может указывать на овеществленный результат, что противоречит характеру и правовой природе медицинской услуги, формальный подход к определению результата медицинской услуги [13, с. 7] тоже не допустим, поскольку это свойственно для подрядных отношений – указать следует действия, которые медицинская организация должна исполнить.

Те медицинские манипуляции, которые оказываются по программе ОМС для пациента формально на безвозмездной основе тем не менее медицинская организация получает возмещение из тех фондов которые формируются косвенно из доходов граждан – всего работающего населения Российской Федерации. Все это дает право понимать медицинскую услугу [11, с. 37] как часть того комплекса действия (манипуляций), которые выполняются в рамках медицинской помощи и всегда носят возмездный характер, поэтому и те строгие меры ответственности, которые предусматривает законодательство о защите прав потребителей следует применять. Продолжает отставаться критерием для разграничения понятий в сфере медицины тип отношений – для медицинских услуг характерен возмездный тип отношений с применением норм ГК РФ и законодательства о защите прав потребителей, а для медицинской помощи безвозмездный, имеющий социальную направленность по программе ОМС.

Во всех случаях медицинская услуга или помощь имеет экономическую ценность, в медицинской практике существуют порядки, стандарты и иные документы в определении качества и услуги, и медицинской помощи, ведь закон таких различий не проводит (ст. 37 №323-ФЗ). Для экономической оценки и были разработаны стандарты оказания медицинской помощи и порядки, определяющие организацию такой помощи, которые должны соответствовать клиническим рекомендациям, определяемым через категории достоверности и ранее это подтверждалось практикой применения в судах [9] В настоящее время клинические рекомендации могут применяться по усмотрению врача и в интересах пациента, но изменение тактики ведения пациента должна подтверждаться медицинской документацией, если это предусмотрено порядком применения клинических рекомендаций, который еще находится на стадии разработки. По-прежнему, категории достоверности клинических рекомендаций никак не влияют на обязательность применения стандартов оказания медицинской помощи, но применяются они в настоящее время в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, утвержденными Министерством здравоохранения РФ. Было упразднено понятие «протокол лечения» с целью устранения смешения их с клиническими рекомендациями. Также Министерством здравоохранения РФ утверждены новые критерии оценки качества медицинской помощи:

- убрали разбивку критериев по условиям оказания медицинской помощи независимо от амбулаторного или стационарного ведения пациента;

- нет требования по срокам выполнения манипуляций, но непонятно как это соответствует ст. 2 Закона №323, где говорится критериях качества медицинской помощи, о правильности выбора тактики медицинского воздействия, своевременности и степени запланированного результата. Последний определяется в соответствии со стандартом и делается заключение о том, что достигнут результат т.е. все назначения, обследования и тактика лечения соответствуют стандарту по данному заболеванию;

- оценка качества носит формальный характер т.е. по сути оценивается - проведено ли вмешательство или нет без описания алгоритма действий, которое предписано клиническими рекомендациями [7].

Стандартизация медицинской деятельности продолжает оставаться актуальной и сами документы являются единственным инструментом оценки качества оказания медицинской помощи, а также в выявлении условий наступления гражданско-правовой ответственности медицинской организации за ненадлежащее выполнение действий по оказанию медицинской помощи. Таким образом, пока закон № 323 предлагает три критерия оценки качества в ст. 2 (правильность и своевременность тактики ведения пациента, степень достижения результата), которые должны соотноситься со стандартами. Использование индивидуального подхода возможно только при наличии протокола, легитимизирующего отступление врача от рекомендуемой тактики ведения пациента, созданного по результатам консилиума врачей, если это предусмотрено порядком применения клинических рекомендаций.

Стоит отметить, что любое медицинское вмешательство осуществляется с целью обеспечения выполнения действий со стороны медицинской организации лечебной диагностических, профилактических, реабилитационных манипуляций для поддержания здоровья пациента

независимо от того по какому договору - отдельно взятому с медицинской организацией и пациентом, либо по договору в пользу третьего лица по ОМС с медицинской организации независимо от ее организационно-правовой формы [10, с. 104]. На наш, взгляд следует применять единое правовое регулирование, поскольку сами действия медицинской клиники носят комплексный характер и выделить какие из них были оказаны по договорам возмездным, а какие по ОМС затруднительно, тем более выявить причинно-следственную связь, которая образуется между этими манипуляциями в рамках разных договорных конструкций, и последствиями для здоровья пациента. Следует помнить о том, что момент исполнения договора является обращение пациента за медицинской помощью при наступлении страхового случая, а сам момент заключения договора имеет место быть еще до этого момента - он заключается между медицинской организации и страховой компанией в пользу этого гражданина в силу закона. Отдельные же договоры, которыми связаны медицинская организация и пациент имеют консенсуальную природу, заключаются в пользу контрагентов, носят возмездный характер, а сами действия по ее оказанию имеют денежный эквивалент.

Таким образом, ко всем видам медицинской деятельности следует применять общий режим правового регулирования. Законодательство о защите прав потребителей должно применяться ко всем отношениям в сфере медицины и их следует признавать возмездными для самой медицинской организации. Субъектами в правоотношениях на которые распространяется законодательство о защите прав потребителей являются медицинские организации независимо от их формы и потребители, которые получает услугу на основе возмездного договора из разных источников финансирования. Применение стандартного подхода к регулированию отношений в сфере медицины сохраняет свою актуальность и является, пожалуй, единственным инструментом в оценке качества медицинской деятельности.

Список литературы:

1. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-1 // Российская газета. - 1992. - 7 апреля
2. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. - 2012. - 11 июля; Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 7 мая 2018 г. по делу № 2-64/2018 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
3. Определение СК Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
4. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. - 1996. - 6, 7, 8 февраля.
5. Определение СК Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 // Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система.
6. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. - 1996. - 6, 7, 8 февраля.
7. Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.04.2025 № 203н // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 29 мая 2025 г. N 0001202505290045
8. Определение Седьмого КСОЮ от 31 июля 2025 г. по делу № 8Г-9900/2025 // https://vk.com/wall-159078357_147280
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 16-КГ23-23-К4 <https://legalacts.ru/turbopages.org/legalacts.ru/s/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-16-kg23-23-k4/>
10. Вильгоненко И.М., Степанова Л.П. Соотношение понятий "медицинская помощь" и "медицинская услуга" и их правовая природа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2018. - Т. 26. - №2. - С. 104 – 107
11. Мазина Н. Е. Особенности медицинской услуги как объекта гражданских прав // Символ науки. - 2024. - 11-2-3. - С. 112-115.
12. Шевчук С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг / С. С. Шевчук // Журнал рос. права. - 2001. - №2. - С.35-40.
13. Шиманская С. В. Особенности гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Шиманская. - М., 2013. - 22 с.
14. Тихомиров А. В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг: монография / А. В. Тихомиров. - М.: Статут, 2001. - 256с.

References:

1. On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 // Russian newspaper. - 1992. - April 7
2. On the consideration by courts of civil cases in disputes about the protection of consumer rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012 No. 17 // Rossiyskaya Gazeta. - 2012. - July 11; Okiyabrsky City Court of the Republic of Bashkortostan dated May 7, 2018 in case No. 2-64/2018 // Garant [Electronic resource]: reference and legal system.
3. Determination of the Investigative Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 15, 2019 No. 44-KG19-7 // Garant [Electronic resource]: reference and legal system.
4. Part two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 No. 14-FZ // Russian newspaper. - 1996. - February 6, 7, 8.
5. Determination of the Investigative Committee of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 15, 2019 No. 44-KG19-7 // Garant [Electronic resource]: reference and legal system.
6. Part two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 No. 14-FZ // Russian newspaper. - 1996. - February 6, 7, 8.
7. On approval of criteria for assessing the quality of medical care: order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 14, 2025 No. 203n // official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) May 29, 2025 N 0001202505290045
8. Determination of the Seventh CCJ of July 31, 2025 in case No. 8G-9900/2025 // https://vk.com/wall-159078357_147280
9. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/21/2023 No. 16-KG23-23-K4 <https://legalacts.ru/turbopages.org/legalacts.ru/s/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-16-kg23-23-k4/>
10. Vilgonenko I.M., Stepanova L.P. RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS "MEDICAL CARE" AND "MEDICAL SERVICE" AND THEIR LEGAL NATURE // Legal Bulletin of the Dagestan State University. - 2018. - T. 26. - No. 2. - P. 104 – 107
11. Mazina N. E. FEATURES OF MEDICAL SERVICES AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS // Symbol of Science. - 2024. - 11-2-3. - pp. 112-115.
12. Shevchuk S.S. Legal regulation of the provision of medical services / S. S. Shevchuk // Journal of Ros. rights. - 2001. - No. 2. - P.35-40.
13. Shimanskaya S.V. Features of civil liability in the implementation of medical activities: abstract. dis. ...cand. legal Sciences / S. V. Shimanskaya. - M., 2013. - 22 p.
14. Tikhomirov A.V. Organizational principles of public regulation of the medical services market: monograph / A.V. Tikhomirov. - M.: Statute, 2001. - 256c.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛЖНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ В ОРГАНАХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ENSURING PROPER ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS SERVING IN THE BODIES AND ORGANIZATIONS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

ФИНОГЕНОВА Ольга Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

E-mail: mrs.finogenova@yandex.ru;

FINOGENOVA Olga Yuryevna,

Candidate of Legal Sciences, associate Professor of the Department of Labor Law, Saratov State Law Academy.

410056, Russia, Saratov, Volskaya St., 1.

E-mail: mrs.finogenova@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье осуществляется анализ особенностей регулирования труда молодых специалистов в органах прокуратуры Российской Федерации, в частности, в аспекте их адаптации к службе. Исследуются методы формирования должного уровня дисциплины труда в Прокуратуре РФ, особо подчеркивается важность проведения воспитательной работы, анализируется потенциал введения в отношении молодых специалистов процедур наставничества.

Abstract: The article analyzes the features of the work of young specialists in the bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, especially in terms of ensuring their proper performance of their official duties and compliance with the provisions of the Code of Ethics for Prosecutors. The article explores the methods of fostering a proper level of work discipline in the Prosecutor's Office of the Russian Federation, emphasizes the importance of conducting educational work, and analyzes the potential of introducing mentoring procedures for young specialists.

Ключевые слова: воспитание, дисциплинарная ответственность, дисциплина труда, наставничество, прокурорский работник, психология труда, этика.

Keywords: education, disciplinary responsibility, labor discipline, mentoring, prosecutor, labor psychology, and ethics.

Для цитирования: Финогенова О.Ю. Обеспечение должной адаптации молодых специалистов, проходящих службу в органах и организациях Прокуратуры Российской Федерации: психолого-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 459-461. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_459.

For citation: Finogenova O.Yu. Ensuring proper adaptation of young specialists serving in the bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation: psychological and legal aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 459-461. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_459.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Занятости молодежи в практическом и теоретическом аспекте на современном этапе уделяется достаточно серьезное внимание. Ст. 6 Федерального закона N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» среди основных направлений в сфере обеспечения должного уровня занятости населения артикулирует необходимость содействия гражданам в поиске подходящей работы, в профессиональном развитии, мобильности трудовых ресурсов, п. 5 ст. 28 указанного Закона среди дополнительных мер государственной поддержки постулирует необходимость организации прохождения дополнительного профессионального образования, прохождения профессионального обучения молодежью[1].

Ряд программных документов, в частности Долгосрочная программа занятости молодежи на период до 2030 года, определяют основные задачи в сфере трудоустройства молодых людей, а также в направлении формирования должного уровня их трудовой адаптации[2]. В рамках данного направления деятельности предусмотрен целый комплекс мероприятий, таких как: совершенствование деятельности центров содействия трудоустройству выпускников, профессиональное обучение отдельных категорий молодых лиц, карьерное сопровождение молодежи, совершенствование механизмов прохождения производственной практики, стажировок, развитие института наставничества и другие. Важным аспектом обеспечения должного уровня занятости молодежи выступает формирование сбалансированной системы гарантий, предоставляемых молодым гражданам в процессе их трудовой деятельности. Заключая трудовой договор, молодой гражданин приобретает правовой статус не только работника, но и молодого специалиста, что определяет целесообразность, а в некоторых случаях и необходимость предоставления ему сбалансированного комплекса мер поддержки.

Молодые специалисты выступают особой категорией работников, которым могут быть предоставлены дополнительные гарантии в социально-трудовом контексте. Федеральным законом N 489 – ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» к основным характеристикам данной категории работников отнесены следующие: во-первых, возрастной ценз — по общему правилу до 35 лет включительно; во-вторых, аспект завершения обучения (по основным профессиональным образовательным программам, программам профессионального обучения); в-третьих, устройство на работу в соответствии с полученной квалификацией – впервые [3].

Организационно-распорядительные акты органов прокуратуры Российской Федерации артикулируют дополнительные гарантии для молодых специалистов. Данные гарантии связаны с различными аспектами осуществления молодыми специалистами своих трудовых обязанно-

стей: процесс освоение навыков и умений (введение процедур наставничества), особые гарантии при установлении испытания при приеме на службу в органы прокуратуры, при привлечении к дисциплинарной ответственности и другие.

Трудовая дисциплина в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации выступает необходимым фундаментом должного функционирования единой централизованной системы. Обеспечение должного уровня дисциплины труда осуществляется благодаря реализации широкого комплекса мероприятий, таких как: создание справедливых и безопасных условий труда, грамотная работа по подбору кадров, проведение мероприятий в рамках воспитательной работы, проведение аттестации прокурорских работников, введение процедур наставничества в отношении молодых специалистов, применение комплекса мер поощрений, привлечение прокурорских работников к дисциплинарной ответственности и других.

Прокурорские работники в соответствии с Законом «О прокуратуре в Российской Федерации» в силу особого трудового статуса, специфики трудовой деятельности выступают субъектами специальной дисциплинарной ответственности [4]. Понятие дисциплинарного проступка артикулировано в ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4]. Под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурорским работником своих служебных обязанностей, а также совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника. Приказ Генпрокуратуры России N114 (п. 6.13.2. Концепции воспитательной работы) вводит более широкое понимание дисциплинарного проступка, определяя, что прокурорские работники несут дисциплинарную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей, совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, а также за совершение коррупционных правонарушений [5]. Специфическим в данном определении видится не только расширительное толкование дисциплинарного проступка, но и следующий нюанс: в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» привлечение к дисциплинарной ответственности выступает правом, а не обязанностью работодателя, при этом п. 6.13.2. Концепции воспитательной работы Приказа Генпрокуратуры России N 114 вводит следующее формулирование: «прокурорские работники несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, за совершение коррупционных правонарушений». Представляется, что подобное изложение недопустимо по причине нарушения положений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения.

Формулируя особенности привлечения молодых специалистов к дисциплинарной ответственности, следует отметить, что Приказ Генпрокуратуры России N114 артикулирует следующее: привлечение молодых специалистов к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей должно осуществляться в исключительных случаях [5]. При привлечении к дисциплинарной ответственности молодых специалистов должны быть приняты во внимание следующие аспекты, относящиеся непосредственно к сущности и специфике совершения дисциплинарного проступка, а также характеризующие личность самого работника: обстоятельства совершения дисциплинарного проступка, соразмерность применяемого взыскания совершенному проступку, его справедливость и целесообразность, личность молодого работника, в том числе его субъективное отношение к исполнению возложенных на него должностных обязанностей, предшествующее поведение, в определенных случаях успешность прохождения предшествующей аттестации. Важным при принятии решения о привлечении молодых специалистов к дисциплинарной ответственности выступает также оценка таких обстоятельств, как: условия, которые были созданы для того, чтобы молодым специалистом был соблюден должный уровень трудовой дисциплины, эффективность работы наставника.

Важным инструментом формирования должного уровня трудовой дисциплины выступает введение процедур наставничества в отношении молодых специалистов. Работа по наставничеству — динамичный процесс, который предполагает необходимость равной активной вовлеченности двух субъектов: молодого специалиста и его наставника. В определенном смысле можно утверждать, что в отношении по наставничеству включены три участника — наставник, наставляемый и прокурор субъекта, приравненный к нему военный или иной специализированный прокурор, от качества управленческих решений которого зависит, в том числе, насколько наставник будет эффективно выполнять возложенные на него обязанности. Наставничество выступает базисом эффективного, динамичного становления молодого специалиста. Трудовой кодекс РФ в ст. 351.8 определяет основные аспекты отношений в сфере наставничества, Приказ Генпрокуратуры N774 формулирует порядок осуществления наставничества в органах прокуратуры Российской Федерации [6]. В соответствии с п 4.1 Приложения 6 Приказа Генпрокуратуры N 774 процедуры наставничества вводятся в отношении двух категорий работников: работников, впервые назначенных на должности прокурорских работников, а также иных категорий прокурорских работников, которым в силу особенностей выполнения трудовой функции требуется дополнительная поддержка для освоения новых навыков и умений. Таким образом, в аспекте правовой регламентации отношений по наставничеству организационно-распорядительные документы органов прокуратуры РФ не делают акцент на возрасте работников, устанавливая данную гарантию, в том числе, для других категорий работников при наличии необходимости во введении указанных процедур. Следует отметить, что наставничество рассматривается как деятельность, направленная не только на более эффективную и динамичную оптимизацию процесса развития профессиональных навыков, но и на бережную социально-трудовую адаптацию. П. 4.3 Прил. 6 Приказа N 774 устанавливает возможность замены наставника не только в случае привлечения его к дисциплинарной ответственности, его увольнении или перевода в другую прокуратуру района, но и по причине наличия психологической несовместимости работника прокуратуры и его наставника [6].

Представляется, что на повышение качества оказания наставником поддержки наставляемому влияют не только его личные качества, высокий уровень его правосознания, но и условия, в которых он осуществляет свою деятельность. К важным факторам, влияющим на качество выполнения наставником своих обязанностей, относятся условия оплаты труда, условия рабочего времени и времени отдыха. Трудовым кодексом Российской Федерации установлено, что наставничество осуществляется в процессе исполнения работником своей основной деятельности, то есть это деятельность, которая не выходит за рамки установленного для работника режима рабочего времени, что, очевидно, определяет ряд

сложностей, прежде всего, связанных с повышенной нагрузкой и ненормированным режимом рабочего времени [7].

Аттестация выступает важной процедурой, позволяющей определить соответствие прокурорских работников занимаемой ими должности. Для молодого специалиста аттестация, особенно первичная, выступает важным этапом профессионального развития, так как данная процедура помимо определения соответствия призвана, в том числе, повышать уровень ответственности прокурорских работников за результаты своей служебной деятельности и способствовать повышению квалификации кадров. В соответствии с Приказом N774 наставник в процессе наставничества обязан сформировать план предаттестационной подготовки наставляемого с учетом уровня его профессиональной подготовки, систематически представлять прокурору района или руководителю структурного подразделения отчеты об эффективности исполнения наставляемым разработанного плана мероприятий в рамках утвержденного плана [6]. В контексте проведения аттестации на наставника возлагается целый комплекс обязанностей: обязанность по формированию предложений для включения в аттестационный лист, по непосредственному участию в заседаниях аттестационной комиссии, по формированию после проведения первичной аттестации проекта плана индивидуального обучения. Следует отметить, что в контексте формирования у молодого прокурорского работника должного уровня трудовой дисциплины наставник обладает правом формулирования предложений по применению в отношении него как мер поощрения, так и иных воспитательных мер воздействия.

В рамках анализа дополнительных гарантий, предоставляемых молодым специалистам, следует упомянуть ст. 40.3 Федерального закона «О прокуратуре в Российской Федерации», которая устанавливает, что в отношении лиц, впервые принимаемых на службу в органы прокуратуры в течение одного года со дня окончания образовательной организации, не может быть установлено испытание [4]. Также следует отметить важность воспитательной работы, которая реализуется преимущественно по профессиональному, историко-патриотическому психологическому направлениям. Психологическое направление воспитательной работы имеет особое значение, так как молодые специалисты, впервые поступившие на службу в органы прокуратуры, сталкиваются с разнообразными сложностями. Адаптация молодых специалистов имеет своей целью не стремительное устранение эмоционального отклика на фрустрирующие ситуации, а формирование навыков бережного и продуктивного совладания со сложностями на основе знания своих копинг-стратегий и репертуара собственных стресс-реакций. Адаптация выступает динамичным процессом, сопряженным с творчеством, так как работник формирует новые способы взаимодействия с миром. Выделяют две основные копинг-стратегии, то есть способы совладания со стрессовыми ситуациями: проблемно-ориентированная и эмоционально-ориентированная. В первом случае акцент делается на изменении условий и обстоятельств, способствующих манифестации стресса, и предполагается планирование, совершение активных действий, поиск необходимой информации для решения проблемной ситуации. Во втором случае объектом коррекции выступают эмоции, которые возникают в ответ на стрессовую ситуацию: предпринимается деятельность по поиску эмоциональной поддержки, осуществляется переоценка ситуации, горевание, выражение эмоций. Также представляется важным выделить такую копинг-стратегию, как смысл-ориентированный копинг, который предполагает рассмотрение сложной ситуации сквозь призму определения персональных смыслов и тех ценностей, которые подвергаются угрозе в связи с ее наступлением. Важным для молодых специалистов выступает наличие возможности компилировать различные копинг-стратегии для наилучшего совладания со стрессом. Для наиболее успешной адаптации молодых специалистов в прокуратуре осуществляется оказание психологической поддержки, сопровождение молодых специалистов, формирование благоприятного микроклимата в коллективе органов и организаций прокуратуры, обеспечение развития доброжелательного взаимодействия между коллегами.

Учитывая вышеизложенное, следует постулировать, что обеспечение динамичной и бережной адаптации молодых специалистов, проходящих службу в органах прокуратуры, предполагает реализацию комплекса мероприятий воспитательного, организационного, социально-психологического характера, а также определяет целесообразность совершенствования артикуляции в организационно-распорядительных документах прокуратуры отдельных аспектов труда прокурорских работников.

Список литературы:

1. Федеральный закон N 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями на 8 августа 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. N 51. 2023. Ст.9138.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Долгосрочной программе содействия занятости молодежи на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. N 51. 2021. Ст.8941.
3. Федеральный закон N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изменениями на 23 июля 2025 года) / Собрание законодательства Российской Федерации. N 1 (ч.1). 2021. Ст.28.
4. Федеральный закон N 2202-1 «О прокуратуре в Российской Федерации» (с изменениями на 3 февраля 2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации/ N 47. 1995. Ст.4472; 2025.
5. Приказ Генеральной прокуратуры России от 17 марта 2010 г. N 114 «Об утверждении и введении в действие кодекса этики прокурорского работника и концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (с изменениями на от 21.07.2023) // Законность. N 6. 2021.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 22.12.2021 N 774 "О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации"(ред. от 30.07.2025) // Законность. N 2. 2022.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.

References:

1. Federal Law No. 565-FZ "On Employment in the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 51. 2023. Art. 9138.
2. Order of the Government of the Russian Federation "On the Long-Term Program for Promoting Youth Employment until 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. N 51. 2021. St.8941.
3. Federal Law N 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" (as amended on July 23, 2025) / Collection of Legislation of the Russian Federation. N 1 (part I). 2021. St.28.
4. Federal Law N 2202-1 "On the Prosecutor's Office in the Russian Federation" (as amended on February 3, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation/ N 47. 1995. Art. 4472; 2025.
5. Order of the General Prosecutor's Office of Russia dated March 17, 2010, No. 114 "On the Approval and Implementation of the Code of Ethics for Prosecutors and the Concept of Educational Work in the Prosecutor's Office System of the Russian Federation.
6. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 12/22/2021 N 774 "On the system of personnel training and additional professional education for employees of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended on 07/30/2025) // Legality. N 2. 2022.
7. Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 197-FZ (as amended on 09/29/2025) // Collection legislation of the Russian Federation. 2002. N 1 (p. 1). Art. 3.

К ВОПРОСУ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ ON THE ISSUE OF THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT AND THE LEGAL NATURE OF THE PAID SERVICE AGREEMENT MEDICAL SERVICES IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,

ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.

E-mail: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,

NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm.

6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russia.

E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье раскрыты понятие, предмет, правовая природа договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия. Отмечено, что при нечетком определении предмета договора суд может признать договор возмездного оказания медицинских услуг как незаключенный, ввиду отсутствия соглашения относительно существенного условия. Установлено, что по своей правовой природе договор возмездного оказания медицинских услуг является взаимным, возмездным, потребительским, публичным договором и договором присоединения. Выявлено, что правовой режим присоединения для договора является ограничением принципа свободы договора, причем по отношению к потребителю. Обращено внимание, что договор на оказание медицинских услуг относится к договорам фидуциарного, т.е. доверительного характера. Обосновано, что спецификой договора возмездного оказания медицинских услуг является возможность ненаступления положительного прогнозируемого результата медицинской услуги, либо возможность отрицательного результата - по причинам, не зависящим от сторон. Это придает договору на оказание медицинских услуг характер так называемой рискованной или алеаторной сделки.

Abstract. article reveals the concept, subject, and legal nature of the contract for the provision of paid medical services in the field of plastic surgery. It is noted that with an unclear definition of the subject of the contract, the court may recognize the service agreement as not concluded, due to the lack of agreement on the essential condition. It has been established that, by its legal nature, a contract for the provision of medical services is a mutual, reimbursable, consumer, public agreement and an affiliation agreement. It is revealed that the legal regime of accession for the contract is a limitation of the principle of freedom of contract, and in relation to the consumer. It is noted that the contract for the provision of medical services refers to fiduciary contracts, i.e. of a confidential nature. It is proved that the specifics of the contract for the provision of medical services is the possibility of non-occurrence of a positive predicted result of medical services or the possibility of a negative result - for reasons beyond the control of the parties. This gives the contract for the provision of medical services the character of a so-called risky, or aleatory transaction.

Ключевые слова: договор возмездного оказания медицинских услуг, медицинская услуга по профилю пластическая хирургия, медицинская организация, пациент, пластическая хирургия, предмет договора.

Keywords: contract, contract for the provision of medical services, service, medical service, medical organization, patient, subject of the contract.

Для цитирования: Ястремский И.А. К вопросу теоретического осмысления понятия и правовой природы договора возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 462-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_462.

For citation: Yastremsky I.A. On the issue of theoretical understanding of the concept and the legal nature of the paid service agreement medical services in the field of plastic surgery // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 462-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_462.

Статья поступила в редакцию: 04.04.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Число пациентов, которым проводятся пластические операции, связанные с их внешностью, стремительно растет. В пятерку самых популярных процедур вошли увеличение груди, липосакция, пластика век, ринопластика и абдоминопластика. Помимо стационарных процедур, многие консультации, обследования и некоторые виды лечения проводятся в частных клиниках, что обеспечивает больший комфорт для пациентов. Для проведения медицинских вмешательств заключаются соответствующие договоры.

Для договора на оказание медицинских услуг по профилю пластическая хирургия, исходя из п. 1 ст. 432, п. 1 ст. 779 ГК РФ, предметом является совершение клиникой действий или осуществление ею медицинской деятельности. Эта деятельность включает в том числе оказание медицинских услуг.

Медицинская услуга включает в себя стационарное лечение, амбулаторное лечение, уход на дому и медикаментозное лечение. Поскольку состояние здоровья может ухудшиться в результате несчастных случаев, внезапных заболеваний и последствий старения, медицинские услуги нужны не только для поддержания текущего уровня здоровья, но также, возможно, для восстановления здоровья после болезни или травмы. Медицинские услуги охватывают полный спектр профилактических, лечебных и реабилитационных услуг.

Медицинская услуга в силу своей специфики ориентирована на здоровье человека и имеет потенциальный риск¹.

Медицинские услуги, предоставляемые компетентными и внимательными пластическими хирургами, являются основой привлечения

¹Макарова А.Н. Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» в современном российском законодательстве // Научно-практический рецензируемый журнал "Практика педиатра". № 2, 2022. 11 июня 2022 г.

пациентов в клинику и их готовности рекомендовать клинику другим. Предоставление качественных медицинских услуг может быть успешным только в том случае, если оно сопровождается прочными принципами медицинской этики и надлежащим знанием законов о здравоохранении, относящихся к системе оказания медицинских услуг.

В договоре необходимо указать наименование услуг, согласно определенному стандарту медицинской помощи (с указанием названия стандарта, его даты и номера), либо указать наименование услуг, например, по проведению верхней блефаропластики, или, например, контурной пластики носа (первичная ринопластика, риносептопластика), а также предусмотреть их уровень (степень) сложности.

Наличие четкого перечня услуг в договоре подтверждает информирование пациента о сути медицинского вмешательства¹.

Это требует подробного описания услуг (указания конкретных действий исполнителя). В противном случае предмет договора не будет согласован, поэтому он не будет считаться заключенным.

По мнению автора, для закрепления предмета, в договоре надлежит предусмотреть четкое наименование услуг, их объем и требования к качеству.

Объем конкретных услуг может измеряться количеством действий, совершаемых клиникой². Объем услуг может включать количество объектов действий медицинской клиники (например, указание частей тела, органов, подвергаемых медицинским манипуляциям) или продолжительность оказания услуг.

При этом результат услуг не входит в предмет договора, так как он не гарантируется, либо результат может не соответствовать ожиданиям пациента, так как зависит от клинической ситуации и особенностей организма пациента.

Хотя пластические операции задуманы как плановые процедуры, они имеют долгосрочные последствия на функционирование организма и здоровье пациента, поэтому требования и ожидания пациента очень важны. В идеальных условиях врачи оказывают научно обоснованную помощь в соответствии с предпочтениями пациентов, тем самым повышая удовлетворенность и эффективность использования ресурсов. Однако пациенты могут быть более или менее удовлетворены различными схемами обращения за медицинской помощью и иметь ограничения в оценке технического качества, поэтому они больше внимания уделяют функциональным аспектам, таким как заботливое отношение и оснащение.

Очевидно, это относится и к пластической хирургии, где пациенты, как правило, возлагают большие надежды на пациентоориентированность частной клиники. Следовательно, необходимы конкретные меры для обеспечения того, чтобы лечение было основано на фактических данных и ориентировано на пациента, чтобы избежать чрезмерного акцента на удовлетворенности пациентов.

Хороший специалист должен уметь оценивать влияние лечения или хирургического вмешательства на различные аспекты исхода лечения пациента клинически значимым, научно обоснованным и практичным способом.

Одним из важных аспектов является техническое качество, когда пациент оценивает результат с собственной точки зрения. Что касается услуг пластической хирургии, то пациент будет судить о результатах операции по изменению своей внешности.

В то же время в области пластической хирургии хирургическое вмешательство, так называемый "идеальный результат" с точки зрения хирурга, не всегда является синонимом оценки пациента. Эффект с медицинской точки зрения может иметь место и при отсутствии удовлетворенности пациента результатом операции.

При нечетком определении предмета договора суд может признать договор оказания услуг как незаключенный, ввиду отсутствия соглашения относительно существенного условия.

При заключении договора клиника получает согласие пациента на проведение операции. Пациент может дать конкретное и свободное согласие только в том случае, если он может получить и понять содержание информации о проводимом медицинском вмешательстве. Одобрение медицинского вмешательства используется как форма гарантии или ответственности за действие и последствия, вытекающие из действий врачей при оказании медицинской помощи соответствующему пациенту.

В этой связи, врач должен предоставить достаточную и понятную информацию о типе, содержании медицинского вмешательства, его возможных рисках, а также об альтернативных вариантах лечения.

В России пациентам законом предоставляется защита в отношении качества услуг. Они имеют право на получение услуг, которые должны соответствовать утвержденным стандартам и условиям договоров. Если услуга не соответствует данным требованиям, заказчики имеют право на безвозмездное устранение недостатков услуг.

Договор относится к взаимным договорам, т.е. с взаимными правами и обязанностями сторон друг к другу. Оплата услуги является имущественным эквивалентом ее потребительской ценности³.

Рассматриваемый договор относится к потребительским договорам, поскольку потребитель заказывает медицинские услуги для личных нужд.

Это также публичный договор, поэтому клиника, при наличии у нее возможности оказать требуемую услугу, не вправе отказать пациенту в ее предоставлении. В противном случае потребитель вправе через суд принудить клинику заключить с ним договор по п. 4 ст. 445 ГК РФ.

Публичность договора связан с принципом свободы договора. Однако свобода договора ограничена тем, что, во-первых, оказывать

¹Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.

²Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о возмездном оказании услуг. М., 2017. С. 34.

³Тихомиров А.В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта. М.: ЮрИнфоЗдрав, 2012. С. 65.

медицинские услуги может только медицинская организация, имеющая лицензию на осуществление соответствующего вида деятельности. Посредством лицензирования государство гарантирует, что все специалисты медицинских клиник имеют соответствующее образование и подготовку, а также что они соблюдают принятые профессиональные стандарты при обслуживании своих пациентов.

Таким образом, лицензирование означает, что соответствующая клиника пригодна к оказанию медицинских услуг по соответствующему профилю.

Во-вторых, клиника не имеет права отказать в заключении договора при наличии возможности оказать пациенту требуемые услуги. Елина Н.К. справедливо отмечает, что анализируемый договор должен нормативно относиться к режиму «ограниченной публичности»¹. Клиника не обязана оказывать медицинскую услугу, если конкретно она не оказывается клиникой, либо пациент по медицинским показаниям не нуждается в этой услуге или она небезопасна для него.

Этот режим связан с необходимостью наличия лицензии и обязанностью врача осуществить наименее травматичный и рискованный способ медицинского вмешательства.

Исследуемый договор относится к договорам присоединения, по которому исполнитель определяет условия сделки, а потребитель лишь присоединяется к ним. При заключении договора слабой стороне могут быть навязаны несправедливые условия договора, т.е. которые явно обременительны для пациента.

Если исполнитель категорически отказывается изменять спорные условия договора и переговоры сторон не увенчались успехом, заказчик может обратиться для разрешения вопроса в суд. Нормативными основаниями для слабой стороны могут быть ч. 3 ст. 428 ГК РФ, ст. 10 ГК РФ или ст. 169 ГК РФ.

Рассматриваемый договор имеет свои особенности, обусловленные особыми доверительными отношениями между его сторонами (так называемая фидуциарная сделка), поскольку объектом воздействия исполнителя является здоровье, имеющее наивысшую ценность для человека. Сторонами договора являются клиника, имеющая профессионально подготовленных лиц, обладающих специальными знаниями и умениями, и пациент, который не обладает такими знаниями, следовательно, имеет право выбрать медицинскую организацию и своего врача и доверять ему или выбрать другую медицинскую организацию или врача в случае утраты доверия. Правовой режим доверительности основывается на личном исполнении договора клиникой в лице ее работников (ст. 780 ГК РФ).

Следует учесть, что одним из важных признаков медицинской деятельности является признак рискованности, поскольку медицинская деятельность предполагает определенную возможность наступления нежелательных для пациента последствий. Результат медицинского вмешательства зависит от особенностей человеческого организма.

Принимая во внимание явно выраженное существование риска во всех хирургических процедурах, которые по этой причине могут привести к неожиданным последствиям, хирург отвечает в первую очередь за сам процесс осуществления операции, что и отражает качество оказания услуги. Соответственно, учитывая рисковый характер медицинского вмешательства, критерии оценки качества услуг клиники не могут обуславливаться несоответствием ожиданий пациента фактическому результату. Это придает договору характер рискованной или алеаторной сделки.

Итак, по своей правовой природе договор возмездного оказания медицинских услуг является взаимным, возмездным, потребительским, публичным договором и договором присоединения, являясь также договором доверительного и рискованного характера.

Список литературы:

1. Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о возмездном оказании услуг. М., 2017.
2. Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
3. Кириллова Е.А. Условия договора возмездного оказания медицинских услуг: новеллы законодательства // Юрист. 2022. № 12.
4. Макарова А.Н. Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» в современном российском законодательстве // Научно-практический рецензируемый журнал "Практика педиатра". № 2, 2022. 11 июня 2022 г.
5. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.
6. Тихомиров А.В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта. М.: ЮрИнфоЗдрав, 2012.
7. Трemasкина А.А., Чиранова И.П. Качество медицинской услуги: подходы к определению // StudNet. 2022. № 5. Том 5.

References:

1. Grishaev S.P. Commentary on legislation on the provision of paid services. Moscow, 2017.
2. Elina N.K. Legal problems of medical services. Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Volgograd, 2006.
3. Kirillova E.A. The terms of the contract for the provision of paid medical services: novelties of legislation // Lawyer. 2022. № 12.
4. Makarova A.N. The correlation of the concepts of "medical service" and "medical care" in modern Russian legislation // Scientific and practical peer-reviewed journal "Practice of pediatrician". No. 2, 2022. June 11, 2022.
5. Starchikov M.Y. Civil law regulation of relations in the field of health protection: problematic issues and judicial practice: a scientific and practical guide // SPS ConsultantPlus. 2022.
6. Tikhomirov A.V. Theory of medical services and medical tort. Moscow: Yurinfozdrav, 2012.
7. Tremaskina A.A., Chiranova I.P. Quality of medical services: approaches to definition // StudNet. 2022. № 5. Volume 5.

¹Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 8, 15.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: СИСТЕМНЫЕ БАРЬЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ OCCUPATIONAL DISEASES IN THE MIRROR OF LAW ENFORCEMENT: SYSTEMIC BARRIERS TO THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL GUARANTEES

ШУХОВ Федор Гелиевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
организации, экономики, управления ветеринарного дела ФГБОУ ВО СПбГУВМ,
196084, Россия, г. Санкт-Петербург, Черниговская ул., 5.
E-mail: fedor.ru@bk.ru

SHUKHOV Fedor Gelievich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization, Economics, and Veterinary Management, FSBEI HE SPbSUVM,
196084, Russia, St. Petersburg, Chernigov St., 5.
E-mail: fedor.ru@bk.ru

Краткая аннотация: Статья анализирует системные препятствия в реализации права работников на возмещение вреда при профессиональных заболеваниях на примере судебных дел о бруцеллёзе. На основе анализа апелляционных определений 2022 и 2023 годов выявлены ключевые проблемы: противоречивые экспертизы, использование процедурных нарушений для отказа в выплатах, противодействие страховщиков и работодателей, а также кризис института расследования. Делается вывод, что данные судебные споры являются следствием фундаментальных недостатков в профилактике и охране труда. Оценка условий труда — это ключевой инструмент минимизации правовых рисков для работодателя, и предлагает меры для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Abstract: This article analyzes systemic barriers to the realization of workers' rights to compensation for harm caused by occupational diseases, using brucellosis court cases as an example. Based on an analysis of appellate rulings from 2022 and 2023, key issues are identified: conflicting expert assessments, the use of procedural violations to deny payments, resistance from insurers and employers, and a crisis in the institution of investigation. It is concluded that these legal disputes are the result of fundamental shortcomings in occupational health and safety. Assessing working conditions is a key tool for minimizing legal risks for employers and suggests measures to improve legislation and law enforcement practices.

Ключевые слова: профессиональные заболевания, бруцеллёз, социальное страхование, возмещение вреда, охрана труда, оценка условий труда, судебная практика, экспертиза, расследование профзаболеваний, правоприменение.

Key words: occupational diseases, brucellosis, social insurance, compensation for damage, labor protection, assessment of working conditions, judicial practice, examination, investigation of occupational diseases, law enforcement.

Для цитирования: Шухов Ф.Г. Профессиональные заболевания в зеркале правоприменения: системные барьеры реализации социальных гарантий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 465–468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_465.

For citation: Shukhov F.G. Occupational diseases in the mirror of law enforcement: systemic barriers to the implementation of social guarantees // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 465–468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_465.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституционное право работника на безопасный труд и его ключевая гарантия — система обязательного социального страхования — на практике часто блокируется разрывом между законом и реальностью. Наглядным примером служат дела о признании профессионального характера заболеваний, таких как бруцеллёз. Анализ апелляционных определений Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики (2022) и Пензенского областного суда (2023) выявляет системные проблемы, выходящие за рамки частных споров.

В первом деле страховщик оспорил причинно-следственную связь, что привело к «экспертной войне» и частичному удовлетворению иска. Во втором — работодатель попытался сфальсифицировать документы, чтобы возложить вину на работника. Эти кейсы демонстрируют, как процедура получения законных выплат превращается для пострадавшего в судебную лотерею из-за противоречивых экспертиз, использования процедурных нарушений для отказа, сложностей доказывания латентных заболеваний, противодействия обязанных лиц, кризиса института расследования и неопределённости в оценке морального вреда.

Цель статьи — через процессуальный анализ выявить эти системные барьеры. Ключевые задачи: сместить фокус с последствий на причины, показав, что судебные споры являются индикатором фундаментальных сбоев: пренебрежения профилактикой, некачественной оценки условий труда и несоблюдения норм безопасности, а также обратить внимание законодателей на существующие пробелы в сфере трудового права. Исследование доказывает прямую связь между нарушениями работодателя, создавшими опасные условия, и последующими тяжбами о возмещении вреда.

Таким образом, качественная оценка условий труда — это не просто формальность, а ключевой элемент управления рисками, определяющий исход будущих споров. Статья выполняет предупредительную функцию: инвестиции в безопасную среду и её объективное документирование — наиболее эффективный способ минимизации правовых и финансовых рисков для работодателя. Игнорирование этих обязанностей превращает гарантированное право работника в изнурительную судебную процедуру. Итогом работы станет не только констатация проблем, но и формирование векторов для совершенствования законодательства и практики, направленных на обеспечение реальной, а не декларативной, социальной защиты.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики в апелляционном порядке рассмотрела гражданское дело по исковому заявлению работника Э. к Государственному учреждению – Региональному отделению Фонда социального стра-

хования Российской Федерации по Карачаево-Черкесской Республике (далее – ФСС) [1]. Предметом судебного разбирательства послужил отказ страховщика в назначении страховых выплат в связи с установленным у истца профессиональным заболеванием – резидуальным бруцеллёзом.

Истец, ссылаясь на положения Федерального закона от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», просил суд признать за ним право на обеспечение по государственному социальному страхованию и обязать ответчика назначить единовременные и ежемесячные страховые выплаты с 27 декабря 2012 года – даты первичного установления степени утраты профессиональной трудоспособности в размере 80%, с последующей индексацией. В обоснование своих требований Э. указывал, что заболевание было получено им в результате длительной профессиональной деятельности в должности дояра отделения № 1 совхоза «Учкекенский» Малокарачаевского района в периоды с 1 августа 1979 года по 20 января 1983 года и с 20 мая 1987 года по 9 января 2000 года. По мнению истца, инфицирование произошло вследствие контакта с неблагополучным по бруцеллёзу поголовьем крупного рогатого скота. Данный факт, по утверждению заявителя, подтверждался совокупностью доказательств, включая акт о случае профессионального заболевания от 2 февраля 2012 года, медицинское заключение, санитарно-гигиеническую характеристику условий труда и карты эпизоотолого-эпидемиологического обследования очага зоонозного заболевания.

Региональное отделение ФСС, выступая в качестве ответчика, иск не признало, оспаривая наличие причинно-следственной связи между трудовой деятельностью истца и диагностированным у него заболеванием. Позиция страховщика основывалась на утверждениях о существенных нарушениях, допущенных в ходе процедуры расследования профессионального заболевания, в том числе в части нелегитимности состава врачебной комиссии, установившей заключительный диагноз. Кроме того, ответчик апеллировал к заключениям судебно-медицинских экспертиз, проведённых в 2019 году по другому гражданскому делу с участием истца, которые отрицали профессиональный характер заболевания. В связи с этим ФСС ходатайствовал об отказе в удовлетворении заявленных требований либо о назначении по настоящему делу повторной судебной экспертизы.

Проверив материалы дела в пределах доводов апелляционной жалобы и представления, оценив представленные доказательства по правилам статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судебная коллегия пришла к следующим правовым выводам [2]. Суд установил, что факт профессионального заболевания истца подтверждён надлежащим образом оформленными документами, предусмотренными действующим законодательством. В частности, комиссией с участием специалистов Управления Роспотребнадзора по Карачаево-Черкесской Республике в установленном порядке был составлен и выдан истцу акт о случае профессионального заболевания, который впоследствии не был оспорен или отменён в судебном порядке. Нарушения, допущенные при первоначальном оформлении санитарно-гигиенической характеристики условий труда, были устранены путём составления нового документа от 20 июля 2018 года, что соответствует разъяснениям Роспотребнадзора.

Существенное значение для разрешения спора имело заключение судебно-медицинской экспертизы № 2022/28 от 28 января 2022 года, проведённой по определению суда первой инстанции экспертами ФБУН «СЗНЦ гигиены и общественного здоровья». Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда нижестоящей инстанции о том, что данному заключению, подготовленному коллегией экспертов, включающей врачей-инфекционистов и эпидемиологов, на основе наиболее полного комплекта медицинских документов, следует отдать предпочтение перед ранее данными заключениями. При этом судебная коллегия отметила, что указанные ранее экспертизы проводились в рамках иного гражданского дела, оставленного без рассмотрения, и, по мнению суда, на менее полной документальной базе, что могло повлиять на объективность выводов. Требование ответчика о назначении повторной экспертизы было отклонено как необоснованное.

Важным аспектом в мотивировочной части определения является правовая позиция суда о том, что возможные недостатки в процедурных вопросах оформления документов при установлении профессионального заболевания не могут являться безусловным основанием для лишения работника гарантированного Конституцией Российской Федерации права на социальное обеспечение, поскольку сам застрахованный не является специалистом в области медицины или права и не должен нести риски, связанные с организационными нарушениями со стороны уполномоченных органов.

Вместе с тем, судебная коллегия не согласилась с решением суда первой инстанции в полном объёме, указав, что представленная судебная экспертиза установила причинно-следственную связь заболевания с профессиональной деятельностью истца только в отношении периода его работы с 1979 по 1983 год. В связи с отсутствием аналогичных доказательств в отношении второго периода трудовой деятельности (с 1987 по 2000 год) требования истца в этой части не подлежали удовлетворению.

На основании изложенного, апелляционным определением от 13 июля 2022 года по делу № 33-870/2022 решение Черкесского городского суда от 18 апреля 2022 года было изменено. За истцом Э. было признано право на получение страхового обеспечения в связи с профессиональным заболеванием «резидуальный бруцеллёз» только за период работы с 1 августа 1979 года по 20 января 1983 года. Государственное учреждение – Региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации по Карачаево-Черкесской Республике было обязано назначить истцу соответствующие страховые выплаты. В удовлетворении исковых требований в части, касающейся периода работы с 20 мая 1987 года по 9 января 2000 года, было отказано. Апелляционная жалоба ответчика и представление прокурора остались без удовлетворения.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, детально проанализировав представленные доказательства и дав оценку доводам сторон, занял правовую позицию, направленную на защиту социальных прав работника при условии неопровержимого доказательства связи заболевания с конкретным периодом его трудовой деятельности.

Судебная коллегия по гражданским делам Пензенского областного суда, действуя в качестве апелляционной инстанции, рассмотрела гражданское дело по иску бывшего работника Б.А. к обществу с ограниченной ответственностью «РАО Наровчатское» о взыскании компенсации морального вреда и материального ущерба, причинённых профессиональным заболеванием [3]. Основанием для апелляционного разбирательства послужила жалоба истца на решение Наровчатского районного суда Пензенской области от 6 мая 2022 года, которым в удовлетворении исковых требований было отказано в полном объёме.

В рамках судебного процесса истец Б.А. заявлял требования о взыскании с работодателя компенсации морального вреда в сумме 400 000 рублей, связанного с повреждением здоровья вследствие профессионального заболевания – бруцеллёза, а также расходов на оплату услуг представителя. В обоснование своей позиции заявитель указывал, что в период трудовой деятельности с 7 февраля 2017 года по 14 января 2022 года в должности зоотехника в ООО «РАО Наровчатское» он осуществлял профессиональные обязанности, связанные с уходом за крупным рогатым скотом, в условиях, когда в хозяйстве был выявлен эпизоотический очаг указанного заболевания. По мнению истца, именно контакт с инфицированными животными, принадлежавшими ответчику, явился причиной заражения, что подтверждается данными медицинских обследований, заключением врачебной комиссии и эпидемиологическим расследованием, проведённым уполномоченными органами.

Возражая против исковых требований, ответчик – ООО «РАО Наровчатское» – отрицал факт причинения вреда по его вине, утверждая, что им были соблюдены все предусмотренные законодательством санитарно-эпидемиологические и ветеринарные правила, а возникновение заболевания у истца обусловлено исключительно несоблюдением последним мер личной безопасности и требований охраны труда при осуществлении трудовой функции. В подтверждение своей позиции работодателем был представлен в материалы дела Акт о случае профессионального заболевания от 28 февраля 2023 года, в котором вина в возникновении заболевания была полностью возложена на самого работника Б.А. с указанием на нарушение им правил производственной санитарии, включая неприменение средств индивидуальной защиты.

В ходе апелляционного разбирательства судебная коллегия осуществила всестороннюю проверку представленных доказательств, руководствуясь требованиями статей 327.1 и 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. В результате проведённой оценки суд пришёл к однозначному выводу о наличии у Б.А. профессионального заболевания, связанного с исполнением трудовых обязанностей у ответчика. Данный вывод основан на комплексном анализе материалов дела, включая медицинское заключение Центра профессиональной патологии ГБУЗ «Пензенская областная клиническая больница им. Н.Н. Бурденко» от 24 января 2023 года № 50031, которым была установлена причинно-следственная связь заболевания бруцеллёзом с профессиональной деятельностью истца. Существенное значение имело также заключение федерального казённого учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Пензенской области» от 21 апреля 2023 года, определившее степень утраты профессиональной трудоспособности Б.А. в размере 30% вследствие диагностированного заболевания.

При рассмотрении вопроса о виновности ответчика в причинении вреда суд апелляционной инстанции исходил из закреплённого в пункте 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации презумпции вины причинителя вреда [4]. Судебная коллегия констатировала, что ООО «РАО Наровчатское» не представило надлежащих и бесспорных доказательств, опровергающих его вину. Более того, из акта санитарно-эпидемиологического расследования, проведённого Управлением Роспотребнадзора по Пензенской области, следует, что ответчиком были допущены нарушения пункта 9 Ветеринарных правил, выразившиеся в несоблюдении периодичности и неэффективных методах обследования крупного рогатого скота на бруцеллёз, что объективно способствовало возникновению и распространению инфекции среди животных и, как следствие, создало угрозу для здоровья работников.

Особое внимание суд уделил оценке доказательственного значения представленного ответчиком Акта о случае профессионального заболевания от 28 февраля 2023 года. Судебная коллегия указала, что данный документ не может быть признан допустимым и достоверным доказательством, подтверждающим вину работника, ввиду существенных нарушений, допущенных при его составлении. В ходе судебного заседания было установлено, что комиссия по расследованию случая профессионального заболевания фактически не проводила своего заседания, работник Б.А. и представитель центра профпатологии на него не приглашались, а акт был подготовлен в отсутствие надлежащей процедуры. Кроме того, документ содержал внутренние противоречия и не учитывал такие значимые обстоятельства, как факт заболевания другими сотрудниками ответчика, что свидетельствует о его необъективности. Показания свидетелей – работников ООО «РАО Наровчатское», на которые ссылался ответчик, были признаны судом предположительными и неконкретными, не содержащими указания на точные даты и обстоятельства событий, в связи с чем им не была дана положительная оценка.

Определяя размер компенсации морального вреда, подлежащей взысканию в пользу истца, суд руководствовался положениями статей 151, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статьёй 237 Трудового кодекса Российской Федерации, принимая во внимание принципы разумности и справедливости [4, 5]. При вынесении решения судебная коллегия учла характер причинённых Б.А. физических и нравственных страданий, длительность лечения, установленную степень утраты профессиональной трудоспособности (30%), а также подтверждённые нарушения со стороны работодателя, создавшие условия для возникновения профессионального заболевания. В связи с этим первоначально заявленная истцом сумма компенсации была снижена до 300 000 рублей.

На основании совокупности исследованных доказательств и руководствуясь нормами материального и процессуального права, судебная коллегия по гражданским делам Пензенского областного суда апелляционным определением от 23 мая 2023 года по делу № 33-17/2023 отменила решение Наровчатского районного суда Пензенской области от 6 мая 2022 года. По результатам рассмотрения дела было принято новое решение, которым требования Б.А. о взыскании компенсации морального вреда были удовлетворены частично. С ответчика – ООО «РАО Наровчатское» – в пользу истца Б.А. была взыскана компенсация морального вреда в размере 300 000 рублей, расходы на оплату услуг пред-

ставителя в сумме 5 000 рублей, а также государственная пошлина в доход местного бюджета в размере 300 рублей. В части требований о взыскании материального ущерба производство по делу было прекращено в связи с принятием судом отказа истца от данного требования.

Принятое апелляционное определение наглядно демонстрирует последовательную правоприменительную практику судов в части защиты прав работников, пострадавших от профессиональных заболеваний, и подчёркивает обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий труда, а также доказыванию отсутствия своей вины при возникновении спора о возмещении вреда, причинённого здоровью работника.

По результатам анализа вышеперечисленных судебных решений можно выделить основные системные проблемы в сфере защиты прав работников с профессиональными заболеваниями:

1. Противоречивость и ненадёжность экспертных заключений. Ключевая проблема заключается в отсутствии единых стандартов и объективных критериев при проведении судебно-медицинских экспертиз для установления связи заболевания с профессией. Наличие диаметрально противоположных заключений по одному и тому же случаю создаёт правовую неопределённость, вынуждает суды делать субъективный выбор между ними на основе формальных признаков (полнота материалов, состав комиссии), что затягивает процессы и подрывает доверие к институту экспертизы.
2. Использование процедурных нарушений как инструмента отказа в выплатах. ФСС и работодатели систематически используют формальные недочёты в оформлении документов о профзаболевании (ошибки в санитарно-гигиенических характеристиках, нарушения в процедуре составления актов) как основание для полного отказа в страховом обеспечении или возмещении вреда. Это приводит к несправедливому переложению рисков бюрократических ошибок с компетентных органов на работника, который не обладает специальными познаниями, создавая тем самым непреодолимый барьер для реализации его социальных прав.
3. Сложность доказывания длительного и прерывистого воздействия вредного фактора. Судебная практика выявляет проблему установления конкретных временных рамок, за которые наступает ответственность. При латентно развивающихся заболеваниях, таких как бруцеллёз, суды могут признавать профзаболевание лишь за отдельные, формально подтверждённые экспертизой периоды работы, игнорируя совокупный вред от всего стажа. В результате работник лишается части законных выплат, даже если заболевание является итогом многолетней работы в опасных условиях у одного страхователя.
4. Системное противодействие выплатам со стороны экономически сильных участников отношений. Стратегия ФСС и работодателей часто сводится к тотальному оспариванию любых, даже малозначительных, оснований для назначения выплат в надежде на отказ. Это превращает стандартную процедуру получения положенного обеспечения в сложный, многоэтапный и затратный судебный процесс, что свидетельствует о неэффективности досудебных механизмов защиты и нарушает принцип доступности правосудия для социально уязвимых категорий граждан.
5. Кризис института расследования профзаболеваний на местах. Анализ дел демонстрирует глубокие проблемы в работе контролирующих органов: от составления актов расследования с грубейшими процессуальными нарушениями (без реального заседания комиссии и участия работника) до возможной ангажированности в пользу работодателя. Такая практика создаёт условия для сокрытия реального масштаба профзаболеваемости, систематического перекалывания ответственности на пострадавших и сводит на нет профилактическую функцию расследования.
6. Правовая неопределённость в оценке размера компенсации морального вреда. Отсутствие законодательно закреплённых методик или хотя бы ориентировочных критериев для оценки нематериального вреда, причинённого тяжёлым и неизлечимым профессиональным заболеванием, приводит к чрезмерно широкому судебному усмотрению. Использование оценочных категорий «разумности» и «справедливости» без чётких ориентиров зачастую ведёт к необоснованному снижению заявленных сумм, несоразмерному физическим и нравственным страданиям потерпевшего.

По итогу, выявленные проблемы формируют системный барьер, блокирующий реализацию законодательных гарантий для работников с профессиональными заболеваниями. Несовершенство экспертной и административной практики, активное процессуальное противодействие со стороны обязанных лиц и слабость контрольных механизмов де-факто переводят право на обеспечение из режима социальной гарантии в категорию судебной прецедентной льготы, достижимой лишь через изнурительную и не гарантированную успехом судебную тяжбу.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики по делу № 33-870/2022 от 13 июля 2022 года
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ
3. Апелляционное определение Пензенского областного суда по делу № 33-17/2023 от 23 мая 2023 года
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ

References:

1. Appeal ruling of the Supreme Court of the Karachay-Cherkess Republic in case No. 33-870/2022 dated July 13, 2022
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ
3. Appeal ruling of the Penza Regional Court in case No. 33-17/2023 dated May 23, 2023
4. The Civil Code of the Russian Federation (Part two) dated January 26, 1996 N 14-FZ
5. The Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 197-FZ

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN JUDICIAL PRACTICE IN RESOLVING DISPUTES ARISING FROM CIVIL LAW CONTRACTS

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета»
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40
E-mail: juliachesn@yandex.ru

КОЖЕВНИКОВА Екатерина Николаевна

студентка ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета»
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40
E-mail: e.rinnakzvn@gmail.com

ХРИСТИНИНА Ольга Олеговна

студентка ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета»
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40
E-mail: olahristinina1413@gmail.com

CHESNOKOVA Yulia V.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University "Penza State University"
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40
E-mail: juliachesn@yandex.ru

KOZHEVNIKOVA Ekaterina Nikolaevna

Master's student Penza State University "Penza State University"
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40
E-mail: e.rinnakzvn@gmail.com

KHRISTININA Olga Olegovna

Master's student Penza State University "Penza State University"
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40
E-mail: olahristinina1413@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена вопросам применения судами принципа добросовестности при разрешении споров, возникающих из гражданско-правовых договоров. Актуальность темы не вызывает сомнения, поскольку принцип добросовестности при заключении и исполнении гражданско-правовых сделок является неотъемлемым звеном гражданского оборота в России. Он выполняет функцию восполнения пробелов в законодательстве и договоре, а также служит критерием для оценки поведения участников гражданского оборота, требует от сторон действовать честно, учитывая права и интересы контрагентов, а также избегать злоупотребления правами. Содержание данного принципа авторы раскрывают через комплекс нормативных положений, судебную практику и правовую доктрину. Сделан вывод, что в российском гражданском законодательстве сохраняются существенные пробелы в регулировании принципа добросовестности, однако на практике успешно используется данный принцип для защиты баланса интересов и противодействия злоупотреблениям правом.

Abstract. The article is devoted to the application of the principle of good faith by courts in resolving disputes arising from civil law contracts. The relevance of the topic is beyond doubt, since the principle of good faith in concluding and executing civil law transactions is an integral part of civil turnover in Russia. It performs the function of filling in gaps in legislation and the contract, and also serves as a criterion for evaluating the behavior of participants in civil turnover, requires the parties to act honestly, taking into account the rights and interests of counterparties, as well as to avoid abuse of rights. The authors reveal the content of this principle through a set of regulations, judicial practice and legal doctrine. It is concluded that significant gaps remain in the regulation of the principle of good faith in Russian civil legislation, but in practice this principle is successfully used to protect the balance of interests and counter abuse of law.

Ключевые слова: принцип добросовестности, судебная практика, злоупотребление правом, недобросовестное поведение, бремя доказывания, правовые последствия.

Key words: the principle of good faith, judicial practice, abuse of law, unfair behavior, burden of proof, legal consequences.

Для цитирования: Чеснокова Ю.В., Кожевникова Е.Н., Христинина О.О. Применение принципа добросовестности в судебной практике при разрешении споров, возникающих из гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 469-472. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_469.

For citation: Chesnokova Yu.V., Kozhevnikova E.N., Khristinina O.O. Application of the principle of good faith in judicial practice in resolving disputes arising from civil law contracts // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 469-472. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_469.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Кардинальное реформирование гражданского законодательства, завершившееся с принятием ряда положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), возвело принципы добросовестности, разумности и справедливости в ранг основных начал гражданского права (п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ) [1]. Из декларативной нормы добросовестность трансформировалась в действующий инструмент, оказывающий непосредственное влияние на правовое регулирование договорных отношений, поэтому актуальность темы применения принципа добросовестности в судебной практике при разрешении споров из гражданско-правовых договоров не вызывает сомнений в условиях современной российской

правовой системы.

Договор является центральным институтом, опосредующим товарно-денежный оборот. Однако, как бы детально ни был прописан договор, он не может предусмотреть все возможные жизненные ситуации. Пробелы в регулировании, злоупотребление правом одной из сторон, недобросовестное поведение в процессе переговоров, исполнения или расторжения договора – все это создает почву для многочисленных судебных споров. Именно в этих ситуациях на первый план выходит принцип добросовестности, который выполняет функцию восполнения пробелов в законодательстве и договоре, а также служит критерием для оценки поведения участников гражданского оборота.

Возросшая роль данного принципа подтверждается и позицией высших судебных инстанций. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо указано, что добросовестность участников гражданских правоотношений и беспрепятственная реализация ими прав предполагаются, пока не доказано иное [2]. Суды обязаны оценивать действия сторон на предмет соответствия требованиям добросовестности, что делает этот принцип не абстрактной категорией, а практическим ориентиром для правосудия.

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции в гражданском законодательстве, содержание данного принципа раскрывается через комплекс нормативных положений, судебную практику и правовую доктрину.

По мнению М. В. Вронской и А. Д. Павловой «понятие «добросовестность» находится на стыке двух областей и выступает не только, как юридическая категория, но и как нравственная, следовательно – сугубо субъективная» [3, с. 20].

Ранее в исследовании Ю. В. Чесноковой было указано, что «добросовестность - это первостепенный принцип гражданского права, он служит тонкой гранью между такими понятиями как свобода договора и уважение прав сторон. Данный принцип содержит в себе нормы, которые контролируют субъекты гражданских правоотношений» [4, с. 351].

Сущность принципа добросовестности проявляется в его многогранности и включает несколько взаимосвязанных аспектов. В узком смысле добросовестность понимается как субъективное состояние лица, которое не знало и не должно было знать о наличии каких-либо препятствующих обстоятельств. Данная трактовка находит отражение в институте добросовестного приобретателя, регламентированном статьей 302 ГК РФ. В широком смысле добросовестность представляет собой объективный стандарт поведения, требующий от участников гражданского оборота соблюдения критериев честности, справедливости и разумности.

Особого внимания заслуживает соотношение принципа добросовестности с запретом злоупотребления правом, установленным статьей 10 ГК РФ. Анализ правовой природы данных категорий позволяет сделать вывод об их взаимосвязи. Принцип добросовестности выступает как позитивное предписание, определяющее модель должного поведения, в то время как запрет злоупотребления правом формирует негативный регулятор, ограничивающий недопустимые формы реализации субъективных гражданских прав. Недобросовестное поведение следует квалифицировать как нарушение принципа добросовестности, тогда как злоупотребление правом представляет собой частное проявление такого нарушения.

Так, правовед В. М. Сайфутдинова пишет, что «разница между недобросовестностью и злоупотреблением правом заключается в присутствии сознательности и намеренности причинить вред при злоупотреблении и в неосмотрительности при недобросовестном поведении» [5, с. 69]. Автор также указывает «о безразличии как субъективном элементе при недобросовестности. Злоупотребляя своими правами, субъект имеет прямой умысел, то есть это конкретная вина нарушителя» [5, с. 69]. В заключение В. М. Сайфутдинова делает вывод о фактическом отождествлении законом рассматриваемых понятий.

Функциональное назначение принципа добросовестности в механизме гражданско-правового регулирования отличается многоаспектностью:

-во-первых, он выполняет восполнительную функцию, позволяя устранять пробелы в законодательном регулировании и договорных условиях;

-во-вторых, реализует ограничительную функцию, устанавливая границы осуществления гражданских прав.

А. В. Коновалов обращает внимание на то, что «добросовестность можно охарактеризовать как стремление участника гражданского оборота максимально исключать возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их содержанием, объемом и назначением» [6, с. 6]. При этом автор отмечает, что «близость категории добросовестности к морально-нравственным нормам не означает идентичности понятий. Хотя добросовестность в смысле гражданско-правового принципа и имеет, подобно моральным нормам, этическую составляющую, она при этом снабжена, в отличие от последних, вполне конкретным прагматичным содержанием, чрезвычайно важным для устойчивости гражданского оборота» [6, с. 6].

-в-третьих, принцип добросовестности служит важным инструментом судебного толкования норм права и условий гражданско-правовых сделок.

По мнению С. С. Егорова, «если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п.2 ст.10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или не наступившим (п. 3. ст.157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п.5 ст.166 ГК РФ)» [7, с. 398].

Наиболее сложной и противоречивой сферой применения критерия добросовестности выступает стадия исполнения обязательства. Именно здесь классический принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) сталкивается со сложными формами уклонения от своих обязанностей, когда формальное соблюдение норм права используется для достижения противоположных целей — неисполнения или ненадлежащего исполнения. Переход к анализу судебной практики в этой области позволяет выявить конкретное содержание данного принципа и подтвердить, что добросовестность является работающим инструментом правового регулирования.

Верховный Суд РФ в определении № 41-КГ23-65-К4 от 16.01.2024 существенно уточнил критерии оценки добросовестности приобретателя при истребовании имущества. В рамках дела о банкротстве Платоновой А.С. ее финансовый управляющий требовал истребовать нежилые помещения у конечного приобретателя Иванова А.М. через цепочку перепродаж. Нижестоящие суды удовлетворили иск, ссылаясь на несоответствие цены продажи (80 тыс. руб.) кадастровой стоимости (600 тыс. руб.) как доказательство недобросовестности.

Верховный Суд отменил эти решения, сформулировав ключевые правовые позиции:

1. Добросовестность приобретателя, полагавшегося на данные ЕГРН, предполагается;
2. Несоответствие цены кадастровой стоимости не является безусловным доказательством недобросовестности;
3. Поскольку имущество было первоначально отчуждено самим собственником, виндикация по ст. 302 ГК РФ невозможна;
4. Недобросовестность предыдущего продавца не доказывает недобросовестность последующего приобретателя [8].

Следует отметить, что данное определение имеет важное правовое значение, поскольку оно ужесточило требования к доказыванию недобросовестности приобретателя, обязав суды исследовать всю совокупность обстоятельств, а не ограничиваться формальными признаками, а также укрепило принцип защиты добросовестного приобретателя и стабильности гражданского оборота, не позволяя истребовать имущество у конечного покупателя, который действовал разумно и осмотрительно.

Принцип добросовестности приобретает особую значимость в сфере государственных закупок, где формальные требования зачастую превалируют над оценкой фактических обстоятельств. Яркой иллюстрацией конфликта между формальным подходом и требованием добросовестности служит дело № Ф03-4756/2017, рассмотренное Арбитражным судом Дальневосточного округа [9].

В данном деле суд применил принцип добросовестности, защитив поставщика от соразмерной ответственности. Общество представило банковскую гарантию с формальными нарушениями (отсутствие условия о беспорном списании, 15-дневный срок рассмотрения требований), что послужило основанием для включения в реестр недобросовестных поставщиков (РНП). Однако суд установил, что нарушения были допущены банком-гарантом, а поставщик действовал добросовестно: своевременно получил и направил гарантию, а после отказа немедленно предпринял меры к устранению недостатков. Суд подчеркнул, что для применения столь строгой меры как включение в РНП необходим умысел поставщика на нарушение обязательств, а не технические ошибки контрагентов. Таким образом, формальные нарушения в документе, возникшие не по вине поставщика и не свидетельствующие о его недобросовестности, не могут служить основанием для применения крайней меры ответственности, что соответствует принципу соразмерности и защиты добросовестных участников гражданского оборота (ст. 1, 10 ГК РФ).

Несмотря на провозглашение презумпции добросовестности в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства, практическая реализация данного принципа неизбежно сталкивается с проблемой доказывания. Вопрос о том, какая из сторон обязана представлять доказательства недобросовестности и каким критериям должны соответствовать такие доказательства, становится ключевым при разрешении конкретных судебных споров. Это закономерно приводит к необходимости детального анализа распределения бремени доказывания в контексте принципа добросовестности.

В российском гражданском праве действует презумпция добросовестности участников правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ). [1] Это означает, что добросовестность предполагается, пока не доказано обратное. Следовательно, бремя доказывания недобросовестности лежит на той стороне, которая заявляет о нарушении принципа добросовестности. Однако в некоторых случаях происходит смещение бремени доказывания. Например, в корпоративных спорах при наличии конфликта интересов руководитель обязан доказать, что действовал добросовестно и в интересах общества. Аналогично, при виндикационном иске приобретатель должен доказать свою добросовестность, то есть что он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества. Для установления недобросовестности необходимо доказать нарушение стандарта поведения, наличие умысла или грубой неосторожности, а также причинно-следственную связь между действиями и наступившими последствиями. В случае если сторона не сможет доказать недобросовестность контрагента, сохраняется презумпция добросовестности и не применяются последствия злоупотребления правом.

Раскрывая данный аспект, А. В. Шухарева указывает на то, что нормы законодательства также содержат такой критерий как «осведомленность об определенных обстоятельствах как признак недобросовестности». [10, с. 33] В соответствии с Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11] в ряде случаев необходимым условием признания сделки должника недействительной является недобросовестность контрагента должника. «В данном случае осведомленность о признаках оспоримости такой сделки либо о неудовлетворительном финансовом состоянии должника является обязательным критерием в дополнение к умыслу контрагента на обход положений законодательства о банкротстве или осведомленности о признаках оспоримости такой сделки либо о неудовлетворительном финансовом состоянии должника» [12].

Подводя итог исследованию, считаем, что в российском гражданском законодательстве сохраняются существенные пробелы в регулировании принципа добросовестности, однако на практике успешно используется данный принцип для защиты баланса интересов и противодействия злоупотреблениям правом.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. Август 2015. № 8.
3. Вронская М. В., Павлова А. Д. Критерии добросовестности единоличного исполнительного органа: постановка проблемы // Юридические исследования. 2022. № 12. С. 19-27.
4. Чеснокова Ю. В. Реализация принципа добросовестности в кредитном договоре // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 351-354.
5. Сайфутдинова В. М. Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав // Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 65-70.
6. Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4-14.
7. Егоров С. С. Способы реализации принципа добросовестности участников гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 397-399.
8. Определение Верховного Суда РФ от 16.01.2024 № 41-КГ23-65-К4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 4.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.01.2018 № Ф03-4756/2017 [Электронный ресурс] URL: // https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-05-20-05-19/obzor-sudebnoy-praktiki-rassmotreniya-del-svyazannykh-s-vklyucheniem-khozyaystvuyushchikh-subektov-v1/?clear_cache=Y (дата обращения: 05.12.2025).
10. Шухарева А. В. Недобросовестность и осведомленность как обстоятельства доказывания при признании сделок недействительными // Юридические исследования. 2018. № 12. С. 30-35.
11. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
12. Михеенкова М. А., Незнамов А. В. Применение судами концепции добросовестности на примере оспаривания сделок в рамках банкротства // Вестник арбитражного суда Московского округа. 2016. № 1. С. 63-72.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. August 2015. No. 8.
3. Vronskaya M. V., Pavlova A. D. Criteria of integrity of the sole executive body: problem statement // Legal research. 2022. No. 12. pp. 19-27.
4. Chesnokova Yu. V. Implementation of the principle of good faith in a loan agreement // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 351-354.
5. Sayfutdinova V. M. Good faith and the limits of the exercise of intellectual rights // Copyright and related rights. 2020. No. 4. pp. 65-70.
6. Kononov A. V. The principle of good faith in the new edition of the Civil Code of the Russian Federation and in judicial practice // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. pp. 4-14.
7. Egorov S. S. Ways to implement the principle of good faith of participants in civil law relations // Law and the state: theory and practice. 2025. No. 3. pp. 397-399.
8. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.01.2024 No. 41-KG23-65-K4 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. No. 4.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 24.01.2018 No. F03-4756/2017 [Electronic resource] URL: // https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-05-20-05-19/obzor-sudebnoy-praktiki-rassmotreniya-del-svyazannykh-s-vklyucheniem-khozyaystvuyushchikh-subektov-v1/?clear_cache=Y (date of application: 05.12.2025).
10. Shukhareva A. V. Dishonesty and awareness as circumstances of proof in the recognition of transactions as invalid // Legal research. 2018. No. 12. pp. 30-35.
11. Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.
12. Mikheenkova M. A., Neznamov A. V. Application by courts of the concept of good faith on the example of challenging transactions in bankruptcy // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2016. No. 1. pp. 63-72.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ DIGITAL INEQUALITY AND DISTANCE EDUCATION

ИВАНЦОВА Галина Анатольевна,

заведующая кафедрой теоретико-правовых дисциплин

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.

E-mail: ivancgalina@gmail.com

СУЛЕЙМАНОВА Фания Мурзабаевна,

доцент кафедры дошкольного и начального образования

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

E-mail: f.m.suleymanova@struust.ru

IVANTSOVA Galina Anatolievna,

Head of the Department of Theoretical and Legal Disciplines of the Sterlitamak Branch

of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.

E-mail: ivancgalina@gmail.com

SULEIMANOVA Fania Murzabaevna,

Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education

of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, g. Sterlitamak, pr. Lenina, 49.

E-mail: f.m.suleymanova@struust.ru

Краткая аннотация. В современных информационных обществах явление цифрового неравенства среди населения стало серьезной проблемой, влияющей не только на уровень дистанционного образования, но и социально-экономическое развитие страны. В статье выделены факторы, связанных с цифровым неравенством и влияющих на дистанционное образование. Показаны многоуровневые инициативы, направленные на сокращение цифрового неравенства.

Abstract. In modern information societies, the phenomenon of digital inequality among the population has become a serious problem, affecting not only the level of distance education but also the country's socioeconomic development. This article highlights the factors associated with digital inequality and influencing distance education. Multi-level initiatives aimed at reducing the digital divide are presented.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое неравенство, Интернет, дистанционное образование.

Keywords: digitalization, digital divide, Internet, distance education.

Для цитирования: Иванцова Г.А., Сулейманова Ф.М. Цифровое неравенство и дистанционное образование // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 473-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_473.

For citation: Ivantsova G.A., Suleimanova F.M. Digital inequality and distance education // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 473-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_473.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цифровое неравенство – разрыв между группами населения в доступе к цифровым технологиям и интернету – представляет собой критический фактор, определяющий доступность дистанционного образования во всем мире. Пандемия COVID-19 только обнажила эту тенденцию – миллионы учащихся по всему миру и в России были ограничены в возможности учиться из-за цифрового барьера: каждый третий ребенок в странах с низким уровнем развития не смог подключиться к онлайн-урокам [1]. Проблемы «цифрового неравенства» и дистанционного образования и в 2025 существенно влияют на доступность и качество онлайн-обучения и приводит к социальному расслоению.

Цифровое неравенство является многоуровневой проблемой: оно связано не только с нехваткой устройств и интернета в отдаленных и сельских регионах (например, разница в проникновении широкополосного интернета между городом и деревней может достигать 50–60%), но и с дефицитом цифровых навыков, что усугубляет разрыв между социальными группами. Как отмечает профессор Гарвардского университета Фернандо Реймерс, государственное школьное образование является более уравнивающей силой, чем онлайн-обучение [2].

Среди факторов, связанных с цифровым неравенством и влияющих на дистанционное образование, можно выделить следующие:

- доступ к интернету – в регионах с низкой интернет-проникновенностью многие учащиеся не могут посещать онлайн-занятия или скачивать учебные материалы;
- качество техники – отсутствие компьютеров, смартфонов или других устройств ограничивает возможность использования современных образовательных платформ;
- навыки работы с технологиями – недостаток цифровой грамотности снижает качество и эффективность дистанционного обучения;
- инфраструктура и поддержка – слабая техническая и методическая поддержка ухудшает опыт учащихся и преподавателей.

Даже при наличии техники и интернета, отсутствие эффективных образовательных платформ, навыков использования ИКТ и качественного цифрового контента порождает неравенство в результатах обучения, снижает мотивацию к саморазвитию и ограничивает возможности профессионального роста. Недостаток цифровой грамотности, особенно среди жителей сельских территорий, пожилых людей и уязвимых групп. В среднем по стране базовые навыки есть у 60% граждан, но в сельской местности – менее 40%, а в мегаполисах – до 85% [3]. Ограниченный

доступ к онлайн-образованию, электронной коммерции и телемедицине снижает конкурентоспособность бизнеса, усиливает социальное неравенство и ограничивает доступ к госуслугам. Дигитальный разрыв влияет на миграцию молодежи, усиливает напряженность и снижает инвестиционную привлекательность регионов. Цифровая изоляция осложняет участие граждан в общественной и политической жизни, что затормаживает преобразования [4]. Таким образом, цифровое неравенство и дистанционное образование сегодня – это не только вопрос инфраструктуры, но и ключ к социальной, образовательной и профессиональной справедливости, который требует системных государственных решений.

К международным инициативам или программам, направленным на борьбу с цифровым неравенством в образовании относятся:

One Laptop Per Child (OLPC) – проект, направленный на обеспечение школьников в развивающихся странах недорогими ноутбуками для доступа к образовательным ресурсам.

Google for Education – программа предоставляет бесплатные или льготные образовательные инструменты, обучение и оборудование для школ с низким уровнем цифровой оснащённости.

Microsoft Airband Initiative – повышает доступ к интернету в отдалённых районах США и мира, сочетая беспроводные технологии с образовательной поддержкой.

Примеры государственных программ – Индия: Платформа SWAYAM – открытые курсы для студентов из всех жанров знаний и уровней, включая онлайн-доступ с мобильных устройств; Российская Федерация: Проект "Цифровая образовательная среда", направленный на интеграцию современных технологий и повышение цифровой грамотности школьников и учителей.

В Республике Башкортостан также реализуются различные меры и программы для повышения доступности дистанционного образования и сокращения цифрового разрыва – проекты по подключению образовательных учреждений в отдалённых и сельских районах к высокоскоростному интернету, в том числе при участии региональных властей и операторов связи, обучающие курсы и вебинары для повышения навыков работы с дистанционными образовательными платформами и инструментами [5]. Башкирия участвует в национальных инициативах, таких как «Цифровая образовательная среда», что обеспечивает доступ к федеральным цифровым платформам и ресурсам. В целом, исходя из результатов исследований А.А. Куриловой, можно заключить, что меры, принятые на национальном уровне и в отдельных регионах в отношении доступности цифровых технологий, способствовали сокращению цифрового неравенства [6].

Для преодоления цифрового неравенства эксперты называют развитие инфраструктурных проектов (в том числе с помощью спутниковых технологий), программы повышения цифровой грамотности, распределение ресурсов при поддержке государства и частного бизнеса, а также адаптацию цифровых сервисов для малых скоростей и региональных особенностей [7].

Таким образом, ключевые проблемы цифрового неравенства – это результат сочетания инфраструктурных, образовательных и экономико-социальных различий между различными регионами и социальными слоями страны.

Список литературы:

1. Цифровая стратегия на 2022–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: https://digitalstrategy.undp.org/documents/Digital-Strategy-2022-2025-Full-Documents_RU_Interactive.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
2. Школа в пандемию: переход в онлайн усилил неравенство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/528248426.html> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Цифровое неравенство в России выравнивается [Электронный ресурс]. URL: https://www.tltsu.ru/news/cifrovoe_neravenstvo_v_rossii_vyravnivaetsia (дата обращения: 22.09.2025).
4. Шомполов А.Д. Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 22.09.2025).
5. Республиканский конкурс «Лучшая цифровая школа» [Электронный ресурс]. URL: <https://irorb.ru/luchshaya-cifrovaya-shkola/> (дата обращения: 22.09.2025).
6. Курилова А.А. Анализ конвергенции цифрового неравенства среди населения регионов России [Электронный ресурс]. URL: <https://balticregion.kantiana.ru/jour/15840/83826/> (дата обращения: 22.09.2025).
7. Цифровое неравенство: как обеспечить равный доступ к качественному образованию и технологиям [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/16/tsifrovoe-neravenstvo-kak-obespechit-ravnii-dostup-k-kachestvennomu-obrazovaniyu-i-tehnologiyam (дата обращения: 22.09.2025).

References:

1. Digital strategy for 2022-2025 [Electronic resource]. URL: https://digitalstrategy.undp.org/documents/Digital-Strategy-2022-2025-Full-Documents_RU_Interactive.pdf (date of access: 09/22/2025).
2. School in a pandemic: the transition to online has increased inequality [Electronic resource]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/528248426.html> (date of publication: 09/22/2025).
3. Digital inequality in Russia is leveling off [Electronic resource]. URL: https://www.tltsu.ru/news/cifrovoe_neravenstvo_v_rossii_vyravnivaetsia (date of application: 09/22/2025).
4. Shompolov A.D. Digital inequality in the regions of Russia: causes and consequences [Electronic resource]. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (date of access: 09/22/2025).
5. Republican contest "The best digital school" [Electronic resource]. URL: <https://irorb.ru/luchshaya-cifrovaya-shkola/> (date of access: 09/22/2025).
6. Kurilova A.A. Analysis of the convergence of digital inequality among the population of the regions of Russia [Electronic resource]. URL: <https://balticregion.kantiana.ru/jour/15840/83826/> (date of access: 09/22/2025).
7. Digital inequality: how to ensure equal access to quality education and technology [Electronic resource]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/16/tsifrovoe-neravenstvo-kak-obespechit-ravnii-dostup-k-kachestvennomu-obrazovaniyu-i-tehnologiyam (date of request: 09/22/2025).

ПОНУЖДЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В НАТУРЕ ENFORCEMENT OF A CORPORATE CONTRACT IN KIND

ТЕРЕНТЬЕВ Алексей Викторович

ст. преп. кафедры гражданского и земельного права имени П.Д. Сахарова ФГБОУ ВО СПбГАУ.
196601, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, дом 2, литера А.

AlekseiPechora@yandex.ru

TERENTYEV Alexey Viktorovich

SeniorRev. Department of Civil and Land Law named after P.D. Sakharov

St. Petersburg State University, 196601, Russia, Pushkin, Peterburgskoe shosse, house 2, letter A.

AlekseiPechora@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье проводится анализ одного из спорных способов защиты прав и законных интересов сторон корпоративного договора — принуждения к его исполнению в натуре. Автор рассматриваются особенности и ограничения, связанные с предъявлением в суд иска о принудительном исполнении обязательств, вытекающих из корпоративного договора, в натуре. Основное внимание уделяется изучению критериев допустимости предъявления и удовлетворения данного иска, включая запреты, установленные законодательством, положения корпоративного договора и специфику обязательств, вытекающих из него. Также анализируются судебная практика и доктринальные подходы к данному вопросу.

Abstract: the article analyzes one of the controversial ways to protect the rights and legitimate interests of the parties to a corporate agreement — coercion to its execution in kind. The author examines the features and limitations associated with suing a court for the compulsory fulfillment of obligations arising from a corporate agreement in kind. The main focus is on studying the criteria for the admissibility of filing and satisfaction of this claim, including prohibitions established by law, the provisions of the corporate agreement and the specifics of the obligations arising from it. Judicial practice and doctrinal approaches to this issue are also analyzed.

Ключевые слова: корпоративные отношения, корпоративный договор, сторона корпоративного договора, исполнение корпоративного договора, понуждение к исполнению обязательства в натуре.

Keywords: corporate relations, corporate agreement, party to a corporate agreement, performance of a corporate agreement, coercion to fulfill obligations in kind.

Для цитирования: Терентьев А.В. Понуждение к исполнению корпоративного договора в натуре // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_475.

For citation: Terentyev A.V. Enforcement of a corporate contract in kind // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_475.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В настоящее время участники хозяйственных обществ в силу дозволения п. 1 ст. 67.2 ГК РФ наделены правом заключать между собой договор об осуществлении своих корпоративных прав — корпоративный договор. Схожий по правовой природе договор (квазикорпоративный договор) могут заключить участники хозяйственного общества и кредиторы общества, а также иные лица (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ).

Корпоративная практика показывает, что в настоящее время институт корпоративного договора все больше расширяет свою сферу применения. Участники хозяйственных обществ все чаще заключают подобные договоры. В связи с чем особую актуальность принимает анализ практики защиты сторон такого договора в случае неисполнения его условий другой стороной.

В пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[1] справедливо было отмечено, что «именно обеспечение исполнимости корпоративного договора позволит институту обрести действительную, а не номинальную эффективность и востребованность на рынке. Только в условиях разумной уверенности субъектов корпоративной деятельности в исполнимости заключаемого ими корпоративного договора, добровольной или принудительной, инструмент будет служить тем целям, которые предопределили его имплементацию в российском правовом порядке».

В научной среде в настоящее время идет дискуссия о способах защиты сторон корпоративного договора. Один из самых спорных способов защиты стороны корпоративного договора — это понуждение другой стороны к его исполнению в натуре.

Цель настоящего исследования не заключается в определении правовой природы корпоративного договора. Однако для понимания дальнейшего изложения важно тезисно отметить следующее. Во-первых, к отношениям, осуществление которых регулируется корпоративным договором, в силу прямого указания подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ применяются общие положения об обязательствах. Во-вторых, корпоративный договор — это «организационный договор, целью которого является определение правил осуществления совместных действий участников»[2 С. 30].

Возможность понуждать должника, впавшего в просрочку, к исполнению обязательства в натуре установлена п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Законодатель допускает такое понуждение в случае, если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства. Данное правило вступило в законную силу 1 июня 2015 г.

В целом в юридической науке положительно встретили подобные нововведения законодателя. В частности, было отмечено: «...решение законодателя установить доступность иска о присуждении к исполнению обязательства в натуре в качестве общего правила и допустить исключения, когда это вытекает из закона, договора и существа обязательства, является абсолютно правильным и в общем и целом соответствует доминирующему в цивилистической традиции континентально-европейских стран подходу»[3 С. 67].

Однако возможность применить указанный способ защиты при рассмотрении споров, вытекающих из корпоративных договоров, судебной практикой и юридической наукой были восприняты неоднозначно. В литературе и материалах судебной практики можно обнаружить скептическое отношение к вопросу о возможности понуждения стороны корпоративного договора к исполнению его условий в натуре. Как правило, это связывают с затруднительностью исполнения подобного решения[4], либо с «недопустимостью возлагаемого решения суда»[5].

Безусловно, не каждое обязательство может быть принудительно (при помощи судебной власти) исполнено в натуре. ГК РФ указывает, что понуждение к исполнению обязательства в натуре может быть недопустимо в силу указаний закона (например, запрет требовать исполнения в отсутствие своего исполнения, п. 3 ст. 328 ГК РФ), либо когда стороны об этом договорились заранее, специально указав это в договоре, либо это вытекает из существа обязательства.

Относительно последнего ограничения возможности требовать принудительного исполнения обязательств в натуре в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[6] разъяснено, что такое принуждение недопустимо в случаях, если «принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина». В качестве примера приводится запрет принуждения музыканта к исполнению музыкального произведения.

В доктрине отмечается: «ключевой тест на соответствие иска об исполнении в натуре неденежного обязательства существу такого обязательства, как представляется, состоит в следующем. Такой иск в отступление от общего правила может быть отклонен, если (а) должник по неденежному обязательству без значительных затруднений может быть заменен кредитором, и при этом (б) принудительное исполнение будет невозможно или затруднительно обеспечить без участия ответчика»[3 С. 64].

Исходя из обозначенных критериев для удовлетворения иска об исполнении обязательства в натуре и существа обязательств, которые могут быть предметом корпоративного договора, считаем возможным выделить следующие обязательства, вытекающие из заключенного корпоративного договора, к исполнению которых возможно понудить в натуре.

1. Нарушение обязательства голосовать определенным образом.

В случае если сторона корпоративного договора, обязавшаяся голосовать определенным образом, в нарушении взятых на себя обязательств голосует иначе, чем было договорено, то, по нашему мнению, другая сторона вправе требовать признания решения, принятого на основании такого голосования, недействительным и, в случае успешности такого оспаривания, требовать в судебном порядке изменения выраженного участником корпорации волеизъявления, нарушившего обязательства голосовать определенным образом. Тем самым суд своим решением будет уполномочен изменить волю участника в соответствии с условиями корпоративного договора.

Возможность введения в действующее законодательство института конститутивного (волезамещающего) решения суда как способа защиты прав участников корпоративных отношений рассматривалась в законопроектах Минэкономразвития № 02/04/11-21/00122141[7] и № 02/04/11-21/00122129[8].

Однако в настоящее время предложенные инициаторами поправок идеи не восприняты законодателем, что, по нашему мнению, существенно снижает правовую защищенность сторон корпоративного договора при отступлении другой стороны от обязанности голосовать определенным образом.

2. Нарушение обязательства по приобретению или отчуждению доли (акции) в уставном капитале корпорации по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств.

В случае если сторона корпоративного договора, обязавшаяся приобрести или продать долю (акции) на определенных договором условиях, отказывается от исполнения своих обязательств, то представляется правильным наделить контрагента возможностью обратиться в суд с иском о понуждении исполнить это обязательство. Т.е. запись о переходе прав на долю (акцию) в ЕГРЮЛ (реестре акционеров) будет осуществляться на основании судебного решения. При этом предполагается, что с целью защиты прав ответчика (стороны корпоративного договора, не исполнившей взятые на себя обязательства) истец при предъявлении такого иска должен внести на депозитный счет арбитражного суда денежные средства в размере стоимости доли (акций).

В настоящее время можно констатировать, что указанный способ защиты был подтвержден судебной практикой.

Верховный Суд, отказывая в передаче кассационной жалобы на рассмотрение судебной коллегии, указал, что «суды, с учетом приведенных положений соглашения, признали правомерными требования истца об обязании выкупить долю по цене, рассчитанной по формуле, согласованной в договоре»[9]. Ранее подобная позиция была высказана Арбитражным судом Ставропольского края[10], который обязал ООО выкупить у ОАО обыкновенных именных акций ЗАО по цене, в порядке и на условиях, предусмотренных соглашением акционеров. Более того, в этом деле судом с целью обеспечения исполнения решения суда был применен институт астрента. Суд решил на случай неисполнения судебного акта взыскать с ответчика судебную неустойку за каждую неделю неисполнения решения.

3. Нарушение обязательства воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

В случае если стороне корпоративного договора стало известно, что другая сторона этого договора, обязавшаяся воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств, в нарушении взятого на себя обязательства собирается продать (отчуждать) свою долю в нарушении взятых на себя обязательств, такая сторона вправе обратиться с иском в суд о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Т.е. с иском о понуждении не совершать действия до наступления определенных обстоятельств. Представляется правильным, что резолютивная часть решения суда в случае удовлетворения такого требования должна содержать указание на

обстоятельства, до которых действует запрет на отчуждение доли (акций). Сведения о таком судебном акте должны быть доведены до регистрирующего органа, который, в свою очередь, должен внести соответствующую запись в ЕГРЮЛ, но, в силу непубличности корпоративного договора, без указания обстоятельств, до которых действуют ограничения.

При этом важно отметить, что в ситуации 3 следует учитывать, что требование о принудительном исполнении обязательства в натуре допустимо до тех пор, пока неисполненное обязательство сохраняет свою объективную исполнимость. Т. е. в указанной ситуации понуждение возможно только в случае, когда доля (акция) не отчуждены 3-му лицу.

В случае если доля (акция) уже отчуждена 3-му лицу, то в таком случае представляется правильным применять иные способы защиты стороны корпоративного договора: признания сделки недействительной и применения последствий её недействительности; требование о переносе прав покупателя на истца. В таком случае понуждение к исполнению в натуре недопустимо.

Например, в случае если продажа (отчуждение) доли (акции) уже совершена, то сторона, право которой нарушено, вправе требовать признания сделки, по которой произошла продажа (отчуждение) доли (акции), недействительной, внесения соответствующих изменений в ЕГРЮЛ и только как следствия признаний сделки недействительной требовать пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения в дальнейшем (при доказанности возможности повторного нарушения). Примером удачного оспаривания сделки по отчуждению доли в нарушении запретов корпоративного договора является дело, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа[11].

В рамках рассмотрения указанного дела было установлено, что кредитор общества и участники общества заключили квазикорпоративный договор (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ), одним из условий которого было установление запрета на отчуждение участниками общества своих долей, в том числе путем их выхода из общества. Однако один из участников общества в нарушении взятых на себя договорённости, воспользовавшись дозволением устава, вышел из общества.

Не согласившись с такими действиями, кредитор общества (сторона квазикорпоративного договора) обратился с иском в суд с требованием о признании сделки по выходу ответчика из состава участников общества недействительной, а также с требованием о недействительности решения ФНС о государственной регистрации изменений в сведениях в ЕГРЮЛ в связи с выходом ответчика из состава участников общества и переходом его доли в уставном капитале к обществу и недействительности регистрационной записи в ЕГРЮЛ в отношении общества о выходе ответчика из состава его участников и переходе его доли в уставном капитале к обществу.

Суд, признав действия ответчика недобросовестными, требования истца удовлетворил. Стороны были восстановлены в первоначальном положении.

Список литературы:

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.07.2023.
2. Терентьев, А. В. Недобросовестность стороны корпоративного договора: правовые последствия / А. В. Терентьев // Право и его роль в современном государстве: Материалы научно-практической конференции, приуроченной к Дню юриста, Санкт-Петербург - Пушкин, 03 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2024. – С. 29-31. – EDN ERKVYY.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
4. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 205 - 206.
5. Гутенева А.В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 102 - 109.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета, № 70, 04.04.2016.
7. Проект Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.07.2023.
8. Проект Федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 29.07.2023.
9. Определение Верховного Суда РФ от 19.09.2018 № 305-ЭС17-12471 по делу № А40-42442/2016 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.
10. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19 января 2015 г. по делу № А63-9751/2014 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2019 № Ф07-16409/2018 по делу № А05-5167/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.

References:

1. Explanatory Note to the draft Federal Law (revised text) "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // The text of the document is given in accordance with the publication on the website <https://regulation.gov.ru/> as of 07/29/2023.
2. Terentyev, A.V. Dishonesty of a party to a corporate agreement: legal consequences / A.V. Terentyev // Law and its role in the modern state: Materials of a scientific and practical conference dedicated to Lawyer's Day, St. Petersburg - Pushkin, December 03, 2024. – Saint Petersburg: Saint Petersburg State Agrarian University, 2024. – pp. 29-31. – EDN ERKVYY.
3. Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / Ed. by A.G. Karapetov, Moscow: M-Logos, 2017, 1120 p.
4. Gribkova T.V. Joint-stock agreements as a means of legal regulation of corporate relations: Dis. ... kand. jurid. M., 2011. pp. 205-206.
5. Guteneva A.V. Trade and corporate contracts: problems of correlation and trends of application in business practice // Actual problems of Russian law. 2024. No. 1. pp. 102-109.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.03.2016 No. 7 "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations" // Rossiyskaya Gazeta, No. 70, 04.04.2016.
7. Draft Federal Law (revised text) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // The text of the document is given in accordance with the publication on the website <https://regulation.gov.ru/> as of 07/29/2023.
8. The draft Federal Law (revised text) "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // The text of the document is given in accordance with the publication on the website <https://regulation.gov.ru/> as of 07/29/2023.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/19/2018 No. 305-ES17-12471 in case No. A40-42442/2016 // The document has not been published. SPS ConsultantPlus.
10. The decision of the Arbitration Court of the Stavropol Territory dated January 19, 2015 in case no. A63-9751/2014 // The document was not published. SPS Garant.
11. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 08.02.2019 No. F07-16409/2018 in case No. A05-5167/2018 // The document was not published. SPS ConsultantPlus.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_478

УДК 347.4

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДМЕНЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ ЛИЦЕНЗИОННЫМИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT AS A TOOL FOR REPLACING PROPRIETARY RIGHTS WITH LICENSED ONES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

ЛАТЫНИН Артем Олегович,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: LAO-workmail@yandex.ru;

LATYNIN Artem Olegovich,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines,
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
9 Gogol str., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: LAO-workmail@yandex.ru;

Краткая аннотация: настоящее исследование анализирует использование принципа свободы договора для подмены вещных прав лицензионными в цифровой среде. Демонстрируется как лицензионные соглашения систематически трансформируют полноценную покупку цифрового продукта в ограниченное обязательственное право пользования. Это достигается путем наложения частных, нестандартных ограничений принудительно исполняемых через технологические средства, которые имитируют публичный вещный контроль. Данная практика обходит императивную доктрину исчерпания права и подрывает принцип стандартизации вещных прав. В заключение обосновывается необходимость законодательного вмешательства для введения императивного права на перепродажу цифровых экземпляров и функционального толкования понятия "распространения" в ГК РФ.

Abstract: this study analyzes the use of the principle of freedom of contract to substitute proprietary rights for licensed rights in a digital environment. It demonstrates how license agreements systematically transform a full-fledged purchase of a digital product into a limited binding right of use. This is achieved by imposing private, non-standard restrictions enforced through technological means that mimic public property control. This practice bypasses the imperative doctrine of exhaustion of law and undermines the principle of standardization of property rights. In conclusion, the need for legislative intervention to introduce a mandatory right to resell digital copies and a functional interpretation of the concept of "distribution" in the Civil Code of the Russian Federation is substantiated.

Ключевые слова: свобода договора, вещные права, лицензионные права, пользовательское соглашение, исчерпание права, закрытый перечень, цифровой оборот, технические средства управления авторскими правами.

Keywords: freedom of contract, proprietary rights, licensing rights, user agreement, exhaustion of rights, closed list, digital turnover, technical means of copyright management.

Для цитирования: Латынин А.О. Принцип свободы договора как инструмент подмены вещных прав лицензионными в цифровой среде // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_478.

For citation: Latynin A.O. The principle of freedom of contract as a tool for replacing proprietary rights with licensed ones in the digital environment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_478.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Традиционное гражданское право исторически строится на фундаментальном разделении имущественных прав на вещные — «абсолютные», подлежащие защите «против всех», и обязательственные — «относительные», действующие только между сторонами договора [1, с. 45]. Вещные права, квинтэссенцией которых является право собственности, обеспечивают стабильность гражданского оборота и предсказуемость отношений. В противоположность этому, обязательственные права, включая лицензионные соглашения, характеризуются гибкостью и частной автономией, ограниченной лишь императивными нормами [2, с. 589].

С массовым распространением цифровых товаров, таких как к примеру: программного обеспечения, медиаконтента, электронных книг, традиционная модель покупки уступила место лицензионной: вместо приобретения права собственности пользователь получает лишь ограниченное право пользования через пользовательские соглашения. Правообладатели, ссылаясь на свободу договора, закрепленную в статье 421 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), сохраняют контроль над продуктом после его передачи, формируя квази-вещные права — защищенные технически, но лишённые гарантий собственности (например, права на перепродажу по доктрине исчерпания). Это ведёт к юридической подмене статуса пользователя и требует правового переосмысления.

Принцип «закрытого перечня» вещных прав является краеугольным камнем континентальной правовой системы. Его ключевая функция — публично-правовая. Ограниченное количество стандартизированных вещных прав необходимо для уменьшения информационных издержек в обороте. [3, с. 41] Если бы стороны могли произвольно создавать любые новые виды вещных прав и обременений, третьи лица, вступающие в отношения с собственником или владельцем вещи, не смогли бы заранее узнать, какие ограничения наложены на этот объект. Поэтому вещные права должны быть стандартизированы и внесены в реестр, чтобы «противопоставляться третьим лицам».

Принцип свободы договора, закрепленный в гражданском законодательстве, напротив, воплощает частную автономию и позволяет сторонам заключать как предусмотренные, так и не предусмотренные законом договоры. В идеале свобода договора должна служить гибкости оборота, но всегда ограничена императивными нормами и публичным порядком. [4, с. 1116] В контексте цифрового права возникает конфликт: как обеспечить частную автономию правообладателя, не допуская при этом обхода императивных норм, которые призваны регулировать моно-

польный характер исключительных прав.

Противоречие между публичностью и частной автономией становится очевидным, когда свобода договора, применяемая через пользовательское соглашение, позволяет навязывать нестандартные ограничения. Эти обязательственные по своей природе ограничения, благодаря технологическому контролю, начинают действовать фактически против всех. Таким образом, частная автономия, выраженная в пользовательском соглашении, используется для создания системы, которая систематически подрывает публичный порядок, выраженный в принципах «закрытого перечня» и свободной торговли.

Историческая и экономическая необходимость принципа «закрытого перечня» заключается в обеспечении эффективности оборота. Т. Мерилл и другие исследователи подчеркивали, что стандартизация прав уменьшает транзакционные и информационные издержки для всех участников рынка. [5, с. 35] Когда речь идет о движимом имуществе, вещественность и владение несут огромное информационное значение: владение вещью сообщает совокупность информации об обладателе и о презюмируемом объеме его власти. Это позволяет третьим лицам добросовестно полагаться на фактическое положение вещей.

В традиционном праве именно публичность вещных прав через владение или реестр является механизмом защиты третьих лиц от "прутьев", извлеченных из "пучка" полного права собственности. В цифровой среде этот механизм защиты отсутствует.

Программное обеспечение и цифровой контент обладают двойственной природой. С одной стороны, они являются охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, регулируемым правом интеллектуальной собственности. С другой стороны, они существуют в виде материальных носителей или цифровых копий, которые экономически функционируют как "вещь". [6, с. 38]

Французский социолог и философ Б. Латур называет подобный объект "квазиобъектом", который представляет собой смесь материальной доступности и социального дозволения. Подобно кирпичу, которому "физика и культура придают форму", цифровой продукт — это совокупность представлений об объеме ресурсов и прав, передаваемых вместе с ним. [7, с. 25]

Именно здесь пользовательское соглашение занимает центральное место. В случае приобретения физической вещи (например, стиральной машины на распродаже) отсутствуют записи в реестре, но само владение сообщает о правах. Однако в случае цифрового квазиобъекта владение (наличие файла) не несет юридически значимой информации об объеме прав. Содержание прав определяется исключительно "социальным дозволением" — детальными условиями пользовательского соглашения.

Это отсутствие информационной функции владения в цифровой среде означает, что саморегулирующийся механизм снижения информационных издержек, требуемый принципом «закрытого перечня», не работает. Правообладатель, пользуясь этим вакуумом, устанавливает максимальный контроль, который выходит далеко за пределы стандартной собственности, но при этом скрыт от публичного взора.

Квалификация сделки как продажи или лицензирования имеет решающее значение для применения доктрины «исчерпания права». Российское законодательство, в частности ст. 1272 ГК РФ, регулирует "Распространение оригинала или экземпляров опубликованного произведения". Традиционно, если правообладатель распространил экземпляр путем отчуждения права собственности на материальный носитель, его исключительное право на дальнейшее распространение этого экземпляра исчерпывается. [8]

Правообладатели цифрового контента утверждают, что передача или загрузка цифрового продукта не составляет «распространения» в смысле отчуждения экземпляра, а является лишь оказанием услуги — предоставлением неисключительной лицензии, ограниченной по времени или объёму. Эта формулировка позволяет избежать применения доктрины исчерпания исключительного права (ст. 1272 ГК РФ), поскольку формально не происходит перехода права собственности.

Лицензионные пользовательские соглашения, как правило, являются договорами присоединения, заключаемыми в условиях выраженного дисбаланса переговорных позиций. Пользователь либо принимает заранее заданные условия, либо отказывается от использования продукта вовсе.

Хотя пользователь уплачивает сумму, сопоставимую с полной покупной ценой физического носителя, он получает не право собственности, а лишь ограниченное обязательственное право пользования — без возможности перепродажи, сублицензирования или модификации. Такие ограничения, недопустимые в отношении вещных прав, в цифровой среде становятся нормой, поскольку технически обеспечены средствами управления правами и лицензионными ключами.

В результате происходит юридическая деградация потребителя: его статус понижается от собственника до временного лицензиата, несмотря на экономическую эквивалентность «покупки». Это позволяет правообладателю сохранять контроль над «квазиобъектом» — цифровым экземпляром, — что на практике имитирует вещное право, хотя юридически основано лишь на обязательстве.

Таким образом, диспозитивная природа договора используется для обхода императивных ограничений монополии, заложенных в институте исчерпания. В то время как в материальном мире обременения вещных прав носят публичный и контролируемый характер, в цифровой сфере частный субъект через технологию и договорную форму фактически замещает государственный механизм регулирования, подрывая баланс интересов, который гражданское право традиционно охраняет.

Ключевую роль в этом механизме играет лицензионный ключ. Лицензионный ключ — это последовательность символов, с помощью которой пользователь сети интернет может активировать и затем использовать программное обеспечение [9, с. 4]. Эти ключи могут создаваться только Правообладателем. Фактически, ключ — это не просто средство доступа, а техническая обвязка, которая позволяет правообладателю:

1. Контролировать соблюдение условий пользовательского соглашения;
2. Удаленно аннулировать право использования;

3. Ограничивать передачу или перепродажу, поскольку без нового ключа, выдаваемого правообладателем, новый пользователь не сможет активировать программу.

В классическом гражданском праве публичность вещных прав обеспечивается через открытость (например, владение) или государственную регистрацию обременений (залог, сервитут), защищая тем самым добросовестных приобретателей и стабильность оборота.

В цифровой среде же функции публичного реестра берут на себя частные технологии — средства управления правами и лицензионные ключи, полностью контролируемые правообладателем. Это позволяет обязательственным условиям пользовательских соглашений приобретать вещный эффект: третьи лица фактически не могут использовать продукт без согласия монополиста, даже если приобрели его добросовестно.

Таким образом, частный субъект исполняет публично-правовые функции — регистрацию и принуждение к соблюдению обременений — минуя государственные механизмы. Это ведёт к созданию «частной системы права», где свободу договора используют для обхода императивных норм и защиты публичных интересов, что подрывает принципы добросовестного гражданского оборота.

Экономическая цель такого контроля — устранение вторичного рынка: отсутствие возможности перепродажи заставляет каждого нового пользователя приобретать новую лицензию, что максимизирует доходы монополиста. Кроме того, запрет на модификацию блокирует появление независимых сервисов, совместимых продуктов и конкурентных решений, укрепляя монополию на сопровождение и обновление программного обеспечения.

Доктрина истощения исключительного права является одним из важнейших законодательно установленных ограничений юридической монополии на использование охраняемого результата интеллектуальной деятельности. Ее основная функция — легальная форма обхода искусственных барьеров для свободной торговли, которые могут возводиться обладателями абсолютных исключительных прав [10, с. 138].

Истощение права — это ограничение исключительного права, позволяющее свободно распространять уже введенные в оборот оригиналы или экземпляры произведений. Оно уравнивает монополию правообладателя и принцип свободного перемещения товаров. В РФ доктрина истощения закреплена в ст. 1272 ГК РФ.

В цифровой среде правообладатели часто обходят её, оформляя передачу контента как неисключительную лицензию, а не отчуждение экземпляра, утверждая, что право собственности не переходит. Это позволяет им утверждать, будто истощение не наступило.

Такой подход ставит частный интерес (свободу договора) выше публичного (принцип истощения), нарушая баланс, заложенный гражданским правом, особенно в отсутствие чёткого регулирования статуса цифровых экземпляров.

Судебная практика Российской Федерации по делам, связанным с договорами об оказании услуг в цифровой среде — в частности, по предоставлению онлайн-курсов или доступа к цифровым платформам, — свидетельствует о существовании двойственного подхода. Несмотря на активное применение законодательства о защите прав потребителей, суды неоднозначно оценивают те договорные условия, согласно которым предоставление доступа к цифровому продукту считается полным и окончательным исполнением обязательства. Такая правовая квалификация нередко вступает в противоречие с потребительскими гарантиями, порождая коллизию между диспозитивной природой гражданского регулирования и императивными нормами защиты прав потребителей.

Для подтверждения вышесказанного предлагается проанализировать судебное решение Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону от 28.03.2024 по делу № 2-1025/2024 в котором иллюстрируется приоритет пользовательского соглашения и «услуги как доступ». Согласно фактуре дела, в данном случае, суд посчитал, что, когда потребитель обратился с требованием о расторжении договора возмездного оказания услуг и возврате средств в последний день действия курса (12 месяцев), суд отказал в удовлетворении требований. Суд исходил из буквального толкования договора: поскольку ответчик (ООО «Скилбокс») обязался предоставить доступ к платформе, а услуги считались оказанными «с момента предоставления заказчику доступа к платформе», и истец пользовался этим доступом в течение 365 дней, услуги были оказаны полностью. Довод истца о том, что он изучил лишь 8% материала, был отклонен, поскольку оплата производилась за доступ (право использования), а не за объем изученного материала [11]. В данном случае договорное условие, приравнивающее доступ к оказанной услуге, успешно преодолело попытку применить нормы о возврате средств за не оказанные услуги.

В другом деле, суд, напротив, применил императивные нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» (право на отказ в любое время при условии возмещения фактически понесенных расходов) и ограничил пользовательское соглашение и защитил права потребителя. Так, в решении Дорогомиловского районного суда города Москвы от 20.02.2024 по делу № 2-616/2024, суд счел, что условия оферты, устанавливающие особый порядок возврата средств, явно и существенно ущемляют права потребителя, и поэтому не подлежат применению. Более того, суд указал, что предоставление доступа к платформе и материалам в сети Интернет само по себе не является надлежащим оказанием образовательных услуг, и ответчик (АНО «ЦРП+») не смог доказать фактические расходы, связанные с исполнением договора [12].

Эти примеры показывают, что суды, хотя и признают принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, часто сталкиваются с необходимостью балансировать его с императивными нормами, особенно в сфере защиты прав потребителей. В некоторых случаях, в деле с ООО «Скилбокс» буквального толкование пользовательского соглашения побеждает, что соответствует юридической подмене вещных прав лицензионными; в других случаях, а именно в деле с АНО «ЦРП+», суд ограничивает эту свободу, признавая условия пользовательского соглашения недействительными как ущемляющие права потребителя.

Завершая проведенное исследование, необходимо отметить, что принцип свободы договора в цифровой среде используется не для обеспечения гибкости частного оборота, а для систематического преодоления установленных законом ограничений монополии интеллектуальной

собственности, которые традиционно защищают публичный интерес и стабильность вещного оборота. Правообладатели создают обязательственные отношения (лицензия), которые технологически наделяются силой абсолютного вещного права, но без присущих вещному праву публичных гарантий. Это приводит к установлению обязательственно-правовой диктатуры в сфере цифрового оборота, где интересы монополиста ставятся выше интересов потребителя и свободного рынка.

Необходимо законодательное вмешательство для восстановления баланса, а именно:

1. Императивное право на перепродажу. Введение законодательного права на перепродажу цифровых экземпляров программного обеспечения и контента, если они были приобретены на постоянной основе и их цена соответствует стоимости полной продажи. Такое право должно быть императивным, и условия пользовательского соглашения, его ограничивающие, должны признаваться ничтожными. Обязательным условием при этом должна быть технологически обеспечиваемая деактивация копии у первого пользователя.
2. Регулирование договоров присоединения. Следует установить четкие критерии недействительности (ничтожности) условий пользовательского соглашения, которые существенно ограничивают права, обычно присущие собственнику (право распоряжения, право модификации в личных целях), если цена приобретения соответствует стоимости полной продажи.
3. Уточнение ст. 1272 ГК РФ. Необходимо дать четкое определение понятия «экземпляра» и «распространения» для цифрового контента. Следует привязать исчерпание права не к факту отчуждения материального носителя, а к первой правомерной передаче исключительного права на пользование, оформленной на постоянной основе, даже если формально оно называется неисключительной лицензией. Это позволит обеспечить выполнение императивных норм интеллектуальной собственности, направленных на свободную торговлю.
4. Расширение круга случаев свободного использования. В соответствии с социальными и гуманитарными потребностями общества, необходимо законодательно закрепить права конечного пользователя, позволяющие осуществлять декомпиляцию и модификацию в целях обеспечения интероперабельности, безопасности, а также ремонта и адаптации продукта для собственных нужд.

Список литературы:

1. Гражданское право : учебное пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, Л.И. Филушченко ; под общ. ред. Е.Г. Шабловой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 228 с. : ил. – 30 экз. – ISBN 978-5-7996-3678-4. – Текст : непосредственный;
2. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2020. — 1040 с;
3. Ахметьянова, З.А. О вещном праве и реформе российского законодательства / З. А. Ахметьянова // Власть Закона. — 2021. — № 2 (46). — С. 38 - 47. — EDN EPKKDL;
4. Латынин, А.О. Свобода договора как метакатегория частноправового регулирования в условиях цифровой трансформации / А.О. Латынин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2025. — Т. 35, № 6. — С. 1115-1122. — DOI 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1115-1122. — EDN GCGBCZ;
5. Фэйрфилд Д.А.Т. «Вещное» право виртуальных «вещей» / пер. с англ. А. М. Доева // Цифровое право. — 2023. — № 4 (3). — С. 16–39. — DOI: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>;
6. Плотникова Т.В., Харин В.В. Цифровые права как объекты гражданских правоотношений // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-pravootnosheniy-1> (дата обращения: 05.11.2025);
7. Фэйрфилд Д.А.Т. «Вещное» право виртуальных «вещей» / пер. с англ. А. М. Доева // Цифровое право. — 2023. — № 4 (3). — С. 16 – 39. — DOI: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>;
8. Еременко В. И. Очередные изменения в законодательстве России по интеллектуальной собственности // ИС. Промышленная собственность. — 2025. — № 2. — С. 4 – 12; № 3. — С. 12 – 17;
9. Балашов А.А. Развитие искусственного интеллекта: угрозы и возможности для экономической безопасности России // МНИЖ. 2023. № 10 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-iskusstvennogo-intellekta-ugrozy-i-vozmozhnosti-dlya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 05.11.2025);
10. Гавриков М.Д. Принцип национального исчерпания исключительного права в России // Образование и право. 2024. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-natsionalnogo-iskherpaniya-isklyuchitelnogo-prava-v-rossii> (дата обращения: 05.11.2025);
11. Решение Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 28.03.2024 № 2-1025/2024 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025);
12. Решение Дорогомилловского районного суда города Москвы от 20.02.2024 по делу № 2-616/2024 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 05.11.2025).

References:

1. Civil law : a textbook / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak, L.I. Filyushchenko ; under the general editorship of E.G. Shablova ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2023. — 228 p. : ill. — 30 copies. — ISBN 978-5-7996-3678-4. — Text : direct;
2. Civil law : textbook : in 3 volumes vol. 1 / edited by A. P. Sergeev. — 2nd ed., revised and add. — Moscow : Prospekt, 2020. — 1040 p;
3. Akhmetyanova, Z.A. On property law and the reform of Russian legislation / Z. A. Akhmetyanova // The Rule of Law. — 2021. — № 2 (46). — Pp. 38-47. — EDN EPKKDL;
4. Latynin, A.O. Freedom of contract as a meta-category of private law regulation in the context of digital transformation / A.O. Latynin // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. — 2025. — Vol. 35, No. 6. — pp. 1115-1122. — DOI 10.35634/2412-9593-2025-35-6-1115-1122. — EDN GCGBCZ;
5. Fairfield D.A.T. The "real" law of virtual "things" / translated from English by A.M. Doeva // Digital law. — 2023. — № 4 (3). — Pp. 16-39. — DOI: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>;
6. Plotnikova T.V., Kharin V.V. Digital rights as objects of civil law relations // Agrarian and land law. 2024. No. 9 (237). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-kak-obekty-grazhdanskih-pravootnosheniy-1> (date of request: 05.11.2025);
7. Fairfield D.A.T. The "real" law of virtual "things" / translated from English by A.M. Doeva // Digital law. — 2023. — № 4 (3). — Pp. 16 – 39. — DOI: <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>;
8. Eremenko V. I. The next changes in the legislation of Russia on intellectual property // IP. Industrial property. — 2025. — No. 2. — p. 4-12; No. 3. — p. 12-17;
9. Balashov A.A. The development of artificial intelligence: threats and opportunities for Russia's economic security. 2023. No. 10 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-iskusstvennogo-intellekta-ugrozy-i-vozmozhnosti-dlya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (date of request: 05.11.2025);
10. Gavrikov M.D. The principle of national exhaustion of exclusive rights in Russia // Education and law. 2024. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-natsionalnogo-iskherpaniya-isklyuchitelnogo-prava-v-rossii> (date of request: 05.11.2025);
11. Decision of the Proletarian District Court of Rostov-on-Don dated 03/28/2024 no. 2-1025/2024 // ConsultantPlus: legal reference system. — URL: <https://cloud.consultant.ru> (date of request: 05.11.2025);
12. The decision of the Dorogomilovsky District Court of Moscow dated 02/20/2024 in case No. 2-616/2024 // ConsultantPlus: legal reference system. — URL: <https://cloud.consultant.ru> (date of request: 05.11.2025).

ПРАВОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ КАК ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОДУКТА И РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРОЦЕССА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ LEGAL DIFFERENTIATION OF ADVERTISING AS AN INFORMATION PRODUCT AND ADVERTISING ACTIVITIES AS A PROCESS: CURRENT REGULATION TRENDS

КАМЕНСКИЙ Максим Андреевич

к.ю.н., Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации
ул. Большая Якиманка 50, г. Москва 119049, Россия.
E-mail : login8@mail.ru

KAMENSKY Maxim Andreevich

candidate of law, Permanent Mission of the Republic of Mari El to the President of the Russian Federation.
50 Bolshaya Yakimanka Street, Moscow 119049.
E-mail : login8@mail.ru

Краткая аннотация. Исследование базируется на комплексном анализе правовой природы рекламы и рекламной деятельности как взаимосвязанных, но самостоятельных категорий. Обосновывается методологическая значимость их разграничения на информационный продукт и динамический процесс. Исследуются современные вызовы правоприменения, связанные со стиранием границ рекламного контента в цифровой среде, такие как нативная и таргетированная реклама. На примере регулирования в РФ и зарубежных странах раскрывается тенденция смещения правового воздействия с контроля конечного продукта на регулирование процедур его создания и распространения. Сформулированы выводы о необходимости развития процессуальных аспектов регулирования для обеспечения эффективности и добросовестности на трансграничном рекламном рынке.

Abstract. The study is based on a comprehensive analysis of the legal nature of advertising and advertising activities as interrelated but independent categories. The study substantiates the methodological significance of distinguishing between an information product and a dynamic process. The study explores the current challenges of law enforcement related to the blurring of the boundaries of advertising content in the digital environment, such as native and targeted advertising. The study examines the trend of shifting legal influence from controlling the final product to regulating the procedures for its creation and distribution, using examples from Russia and other countries. The paper concludes that it is necessary to develop procedural aspects of regulation to ensure efficiency and integrity in the cross-border advertising market.

Ключевые слова: реклама, рекламная деятельность, цифровая среда, нативная реклама, информационный продукт, блогер, юридическая ответственность, потребительский рынок.

Keywords: advertising, advertising activities, digital environment, native advertising, information product, blogger, legal responsibility, consumer market.

Для цитирования: Каменский М.А. Правовое разграничение рекламы как информационного продукта и рекламной деятельности как процесса: современные тенденции регулирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 482-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_482.

For citation: Kamensky M.A. Legal differentiation of advertising as an information product and advertising activities as a process: current regulation trends // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 482-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_482.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Рекламная деятельность выполняет системообразующую функцию в современном обществе, выступая ключевым элементом рыночной инфраструктуры и каналом социальной коммуникации. Вместе с тем, данная сфера характеризуется наличием комплекса проблем структурного и правоприменительного характера, решение которых имеет стратегическое значение для обеспечения устойчивого экономического роста, укрепления национальной безопасности и сохранения общественной стабильности. Особую актуальность эти вызовы приобретают в контексте федеративного устройства Российской Федерации. Региональная специфика потребительских рынков, социально-экономическое неравенство субъектов и необходимость обеспечения единого правового пространства требуют выработки сбалансированной модели регулирования [8]. Эффективное взаимодействие федерального центра и регионов в данной области является необходимым условием для гармоничного развития внутреннего рынка, противодействия экономическим угрозам и защиты интересов потребителей на всей территории страны.

Современный рекламный рынок представляет собой сложный комплекс отношений, в котором переплетаются интересы рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламораспространителей и потребителей. Эффективное правовое регулирование данного рынка невозможно без четкого доктринального понимания и законодательного закрепления его базовых категорий. Ключевыми из них являются «реклама» и «рекламная деятельность». Несмотря на их кажущуюся синонимичность в обывденном сознании, в правовом поле эти понятия несут различную смысловую нагрузку и влекут разные правовые последствия. Реклама выступает как объект правоотношения – конечный информационный продукт, в то время как рекламная деятельность характеризует динамический процесс – совокупность действий по созданию, размещению и распространению этого продукта.

В российской правовой доктрине доминирует подход, рассматривающий рекламу в качестве специального вида информации. Ле-

гальное определение, закреплено в ст.3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38 – ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе), гласит: «реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [12]. Как мы видим, законодатель, определяя рекламу через родовый признак информации, акцентирует внимание на ее объективной форме и конечной цели – воздействии на сознание потребителя для продвижения объекта на рынке. В этом контексте реклама представляет собой статичный объект, результат интеллектуальной деятельности, который может быть идентифицирован и подвергнут правовой оценке на предмет соответствия требованиям закона (достоверности, этичности, добросовестности).

Однако предложенная трактовка не получила единодушной поддержки в академической среде и стала предметом научной дискуссии.

Согласно устоявшемуся в научной литературе подходу, разработанному У. Уэллсом, Дж. Бернетом и С. Мориарти, реклама представляет собой «оплаченную, неличную коммуникацию, осуществляемую идентифицированным спонсором и используемую средствами массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [11].

Ряд ученых рассматривают рекламу как форму позитивной оценки, распространяющейся на товары, услуги, организации и даже политические системы. Сторонники этого подхода полагают, что оценочный компонент, являясь психологической основой рекламной коммуникации, присутствует в ней в неразрывном единстве [6]. Представленный подход обладает несомненной теоретической значимостью, поскольку раскрывает глубинный психологический механизм рекламы. Однако данная позиция видится ограниченной, так как сводит многогранную природу рекламы преимущественно к оценочной функции, оставляя без внимания ее коммуникативные, экономические и социальные функции. Концентрация исключительно на оценочном компоненте не позволяет в полной мере объяснить рекламу как комплексный инструмент маркетинга, интегрирующий стратегическое планирование, креативные технологии и медийные каналы для достижения конкретных рыночных целей.

Согласно другой научной позиции, реклама представляет собой форму коммуникации в сфере маркетинга, отличительной чертой которой является использование комплексного инструментария, объединяющего визуальные, вербальные, звуковые и прочие средства воздействия [10]. На наш взгляд, данная научная позиция, акцентирующая коммуникативную и инструментальную природу рекламы, обладает значительной методологической ценностью, поскольку позволяет рассматривать рекламу как технологию целенаправленного воздействия. Данный подход не отрицает наличия оценочного компонента, однако выводит анализ из сугубо психологической плоскости в сферу маркетинговых стратегий и медийных практик. Указание на комплексный (синтетический) характер инструментария позволяет системно исследовать механизмы конструирования рекламного сообщения, что является методически продуктивным для изучения его эффективности. Таким образом, эта позиция расширяет понимание рекламы, дополняя тезис о ее оценочности анализом ее функционального инструментария.

Важной характеристикой рекламы как информационного продукта является ее целевое назначение – продвижение товара, работы, услуги или иного объекта. Именно эта коммерческая или иная целенаправленность отличают рекламу от иных видов массовой информации, таких как новости или редакционным материала.

А. Г. Кобзева, В. С. Никулина и Н. Г. Силкина определяют основную цель рекламы как привлечение внимания к продукту, услуге или бренду для стимулирования продаж, увеличения узнаваемости и укрепления позиций на рынке [3]. Они подчеркивают, что в современных условиях, особенно в формате таргетированной рекламы, эта цель достигается за счет точного позиционирования сообщения перед конкретной аудиторией с учетом ее интересов, характеристик и поведения. Таким образом, реклама выступает не просто инструментом информирования, а стратегическим механизмом, направленным на повышение эффективности маркетинговой деятельности, оптимизацию затрат и достижение бизнес-результатов.

Можно встретить мнение о том, что реклама, будучи информацией, обладает свойством целенаправленного воздействия на волю адресата, формируя у него мотивацию к совершению определенных действий, что сближает ее, в ряде случаев, с офертой. Так, например, Локтева А.С. и Бакирова Е.Ю. указывают на то, что реклама и публичная оферта имеют схожие черты, поскольку обе адресованы неопределенному кругу лиц [5]. Сложность на практике заключается в тонкой грани между ними, что приводит к частым судебным спорам, когда гражданине воспринимают рекламную информацию как оферту. Авторы отмечают, что простой отсылки к тому, что «реклама не является публичной офертой», недостаточно для предотвращения споров, и предлагают рекламодателям более явно акцентировать внимание на том, что их предложения носят исключительно информационно-пригласительный характер. В то же время в отдельных случаях, например, в розничной купле-продаже, законодатель прямо признает рекламу офертой, что создает дополнительные правовые риски для продавцов. В итоге авторы подчеркивают необходимость развития правовой грамотности населения для снижения количества конфликтов, возникающих из-за смешения этих понятий.

Зарубежное законодательство также исходит из понимания рекламы как информации. Так, Директива Европейского парламента и Совета 2006/114/ЕС о вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе определяет рекламу как «любое предложение, сделанное в целях продвижения товара или услуги, независимо от способа его распространения» [2]. Американская судебная практика (*FTC v Colgate-Palmolive Co* [19]) традиционно рассматривает рекламу как форму коммерческой коммуникации, что также подчеркивает ее информационную природу, хотя и с акцентом на коммуникативную функцию.

Если реклама - это продукт, то рекламная деятельность – это процесс его «производства» и «доставки» потребителю. Следует

отметить, что Закон о рекламе не дает прямого легального определения рекламной деятельности, однако анализ его норм позволяет выделить ее структуру через круг субъектов и выполняемые ими функции. Согласно ст.3 Закона о рекламе к субъектам рекламных отношений относятся:

рекламодатели – лицо, определяющие объект рекламирования и содержание рекламы;

рекламопроизводитель – лицо, осуществляющие полное или частичное приведение информации к готовой для распространения форме;

рекламораспространитель – лицо, осуществляющие распространение рекламы любым способом, в любой форме и с использованием любых средств.

Таким образом, рекламная деятельность представляет собой совокупность последовательных или параллельных действий (процесс) по созданию информационного продукта (рекламы) и доведению его до неопределенного круга лиц. Данный процесс носит комплексный, предпринимательский характер и регулируется не только специальным законодательством о рекламе, но и нормами гражданского, налогового, административного права.

По мнению Антонова Л.В. и Костинского В.С. реклама не может быть однозначно отнесена к какому-либо одному классическому виду предпринимательской деятельности. Ее уникальность и специфика как раз и заключаются в этом синтезе производства, торговли и услуг, что делает ее комплексным и многогранным явлением в современной экономике [1].

Бесспорно, что правовое значение имеет не только конечный продукт (реклама), но и сама деятельность по его созданию и распространению, которая может быть подвергнута лицензированию, контролю и должна осуществляться с соблюдением общих требований предпринимательской деятельности. Например, ненадлежащее поведение рекламопроизводителя на стадии создания рекламы (например, использование чужих объектов авторского права) порождает гражданско – правовую ответственность независимо от того, была ли затем распространена эта реклама.

В законодательстве Европейского Союза не существует единого кодифицированного акта, исключительно посвященного рекламе. Вместо этого сформирован комплексный правовой подход, который рассматривает рекламу как форму коммерческой коммуникации, подлежащую регулированию в контекстах защиты потребителей, обеспечения добросовестной конкуренции и защиты общественных интересов. Подход ЕС можно охарактеризовать как функциональный и ориентированный на защиту прав потребителей. Бесспорно, что правовое регулирование в данной сфере базируется на фундаментальных правах человека [9, 18]. Реклама воспринимается в ЕС не просто как информация, а как мощный инструмент воздействия на рынок и потребителя, который нуждается в установлении четких «правил игры» для предотвращения введения в заблуждение, недобросовестности и ущемления прав уязвимых групп. Следует отметить, что в праве ЕС доминирует широкое понятие «коммерческая практика», которое охватывает и рекламу. Согласно Директиве 2005/29/ЕС о недобросовестных коммерческих практиках, реклама рассматривается как одна из форм «действий, связанных с продвижением, продажей или поставкой продукта» [15]. Ключевой критерий — это целенаправленное влияние на потребительское решение. Что же касается понятия «рекламная деятельность» то оно раскрывается через совокупность правил, применяемых к различным участникам рынка (рекламодателям, агентствам, медиа) и каналам распространения (аудиовизуальные медиа, цифровая среда). Такая деятельность регулируется не одним законом, а системой директив.

Теоретическое разграничение рекламы как продукта и рекламной деятельности как процесса имеет важные практические последствия для правового регулирования:

1. Разграничение ответственности. Закон о рекламе устанавливает солидарную ответственность рекламодателя, рекламопроизводителя и рекламораспространителя за нарушение законодательства о рекламе (ст.3). Однако основание для привлечения к ответственности различна. Ответственность рекламодателя и рекламопроизводителя связана с содержанием информационного продукта (ненадлежащая, недостоверная реклама). В то же время, ответственность рекламораспространителя часто связана с процессом распространения – например, нарушением правил о прерывание рекламной телепрограммы (ст. 14), несоблюдением требований к наружной рекламе (ст.19) и т. д. Таким образом, контролирующие органы (ФАС России) оценивают и конечный продукт, и процесс его оборота.

2. Проблема идентификации рекламы в цифровой среде. В условиях диджитализация традиционное понимание рекламы как информации, адресованной неопределенному кругу лиц, сталкивается с определенными вызовами. Такие явления, как нативная реклама, таргетированная реклама в социальных сетях, партнерский маркетинг, стирают границы между рекламой, редакционным контентом и личной рекомендацией.

Нативная реклама, интегрированная в пользовательский интерфейс и не выделяемая явно как рекламное сообщение, представляет сложность для идентификации именно как информационного продукта, подпадающего под действие Закона о рекламе. В связи с этим следует согласиться с высказыванием о том, что требуется развитие доктрины и правоприменительной практики в части расширительного толкования признаков рекламы, с акцентом на ее коммерческую целенаправленность, а не только на внешнюю форму [7]. Проблема решается через усиление процессуальных требований к деятельности – обязанность маркировать такую информацию словом «реклама» (ст.18.1 Закона о рекламе), что является регулированием не продукта как такового, а действий по его распространению.

Зарубежный опыт демонстрирует аналогичные подходы. Федеральная торговая комиссия США (FTC) в своих руководствах (FTC's Endorsement Guides) прямо требует от блогеров и лиц, формирующих общественное мнение, раскрывать материальную связь с рекламодателем, регулируя, таким образом, процесс коммуникации, а не ее содержание [13]. В Великобритании Комитет по рекламной практике (CAP) в

своих кодексах также уделяет особое внимание прозрачности процесса и идентифицируемости рекламы, особенно в цифровой среде [16].

3. Вопросы юрисдикции и применимого права. Глобальный характер интернета приводит к ситуациям, когда рекламная деятельность (размещение заказа, создание контента, таргетирование) осуществляется на территории нескольких государств, а конечный информационный продукт (рекламное объявление) показывается потребителю в третьей стране [4]. В этом случае возникает вопрос: регулируются ли такая деятельность законом страны происхождения рекламодателя/производителя или законом страны потребителя (реципиента)?

Современные тенденции в международном частном праве, в том числе в регламенте ЕС «Рим I», демонстрируют ориентацию на применение права страны, где потребитель имеет свое обычно место жительства, если деятельность предпринимателя направлена на эту страну [17]. Это еще раз подчеркивает, что правовое регулирование все чаще фокусируется на процессе деятельности, направленной на определенную юрисдикцию, а не только на статичном продукте.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих важное теоретическое и практическое значение:

во-первых, методологической основой эффективного правового регулирования рекламного рынка выступает четкое теоретическое законодательное разграничение понятий «реклама», понимаемой как информационный продукт, и «рекламная деятельность», трактуемой как процесс ее создания и распространения;

во-вторых, правовое воздействие на эти категории осуществляется дифференцированно: если в отношении рекламы как продукта регулирование сосредоточено преимущественно на ее содержании (требования достоверности и этичности), то в отношении рекламной деятельности оно касается порядка ее осуществления, включая лицензирование, технические регламенты и процессуальные требования к размещению;

в-третьих, цифровая трансформация рекламы, сопровождающаяся появлением новых форм, таких как нативная и таргетированная реклама, актуализирует процессуальный аспект регулирования. Это выражается в необходимости установления четких правил поведения для всех субъектов рекламной деятельности, особенно в части идентификации рекламного характера распространяемой информации;

в-четвертых, международная практика демонстрирует конвергенцию подходов, при которой регулирование все в большей степени смещается от исключительного контроля за конечным продуктом к комплексному регулированию всего процесса его создания и распространения. Это тенденция приобретает особую значимость в условиях трансграничного характера современного рекламного бизнеса.

В этой связи дальнейшее развитие законодательства о рекламе должно быть направлено на более детальную регламентацию процессуальных аспектов деятельности в цифровой среде при одновременном сохранении и развитии гарантий, обеспечивающих качество и добросовестность рекламы как информационного продукта.

Список литературы:

1. Антонов Л.В., Костинский В.С. Реклама как специфичный вид деятельности предпринимательских структур // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 1-2. – С. 29-33.
2. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2006/114/ЕС от 12 декабря 2006 г. о вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.11.2025).
3. Кобзева А. Г., Никулина В. С., Силкина Н. Г. Таргетированная реклама в маркетинговой деятельности // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5 [электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/63ECVN523.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Короткова Е. А. Правовая природа отношений рекламного характера в сети интернет в рамках нормативного правового и договорного регулирования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 341-344.
5. Локтева А.С., Бакирова Е.Ю. Сравнительно-правовой анализ рекламы и публичной оферты // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2023. – С. 78-82.
6. Патрахина Т. Н., Шамсутдинова К. И. Научная дефиниция «реклама»: теория вопроса // Вестник магистратуры. – 2016. – № 1-2 (52). – С. 116-117.
7. Прохорова Е.Н. Преимущества и недостатки нативной рекламы как журналистского контента // Международный научный журнал «Слово в науке». Спецвыпуск. – 2022. – С. 58-66.
8. Сидорова А.В. Перспективы развития российского федерализма // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2018. – № 2 (38). – С. 237-240.
9. Сидорова А.В., Галустова А.В. Сущность понятия «неприкосновенность частной жизни» // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. I Всероссийской заочной науч.-практ. конф., посвященной 85-летию Самарского государственного экономического университета. – Самара, 2016. – С. 265-268.
10. Скарнев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2015. – 390 с.
11. Уэллс У., Бернет Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. – СПб.: Питер, 1999. – 736 с.
12. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Российская газета от 15 марта 2006 г. № 51.
13. Careful Connections: Building Security in the Internet of Things. Federal Trade Commission, 2015 [электронный ресурс]. URL: <https://mitchjackson.com/wp-content/uploads/2016/01/ftc-endorsement-guide.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
14. Data Protection Impact Assessment (DPIA). European Data Protection Board [электронный ресурс]. URL: https://www.edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/topic/data-protection-impact-assessment-dpia_en (дата обращения: 20.11.2025).
15. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive') (Text with EEA relevance) [электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2005/29/oj> (дата обращения: 20.11.2025).
16. Non-broadcast Code. ASA | CAP [электронный ресурс]. URL: <https://www.asa.org.uk/codes-and-rulings/advertising-codes/non-broadcast-code.html> (дата обращения: 20.11.2025).
17. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). EUR-Lex [электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng> (дата обращения: 20.11.2025).
18. Schwartz P. M. Global Data Privacy: The EU Way // New York University Law Review. 2019. Vol. 94. No. 4. P. 771–818.
19. United States Supreme Court. 380 U.S. 374. Federal Trade Commission v. Colgate-Palmolive Company. Legal Information Institute, Cornell Law School [электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/380/374> (дата обращения: 20.11.2025).

References:

1. Antonov, L.V., and Kostinsky, V.S. Advertising as a Specific Type of Activity for Business Structures // Socio-Economic Phenomena and Processes. – 2011. – No. 1-2. – Pp. 29-33.
2. Directive 2006/114/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on misleading and comparative advertising // SPS ConsultantPlus (accessed: 18.11.2025).

3. Kobzeva A. G., Nikulina V. S., Silkina N. G. Targeted Advertising in Marketing Activities // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 5 [electronic resource]. URL: <https://esj.today/PDF/63ECVN523.pdf> (accessed: 20.11.2025).
4. Korotkova E. A. The Legal Nature of Advertising Relations on the Internet within the Framework of Normative Legal and Contractual Regulation // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 1. – Pp. 341-344.
5. Lokteva A.S., Bakirova E.Yu. Comparative legal analysis of advertising and public offer // Actual issues of legal sciences in modern conditions: collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference. – St. Petersburg, 2023. – Pp. 78-82.
6. Patrakhina T. N., Shamsutdinova K. I. Scientific definition of «advertising»: the theory of the issue // Bulletin of the magistracy. – 2016. – No. 1-2 (52). – Pp. 116-117.
7. Prokhorova E.N. Advantages and Disadvantages of Native Advertising as Journalistic Content // International Scientific Journal «Word in Science». Special Issue. – 2022. – Pp. 58-66.
8. Sidorova A.V. Prospects for the Development of Russian Federalism // Bulletin of Young Scientists of Samara State University of Economics. – 2018. – No. 2 (38). – Pp. 237-240.
5. Lokteva A.S., Bakirova E.Yu. Comparative legal analysis of advertising and public offer // Actual issues of legal sciences in modern conditions: collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference. – St. Petersburg, 2023. – Pp. 78-82.
6. Patrakhina T. N., Shamsutdinova K. I. Scientific definition of «advertising»: the theory of the issue // Bulletin of the magistracy. – 2016. – No. 1-2 (52). – Pp. 116-117.
7. Prokhorova E.N. Advantages and Disadvantages of Native Advertising as Journalistic Content // International Scientific Journal "Word in Science". Special Issue. – 2022. – Pp. 58-66.
8. Sidorova A.V. Prospects for the Development of Russian Federalism // Bulletin of Young Scientists of Samara State University of Economics. – 2018. – No. 2 (38). – Pp. 237-240.
13. Careful Connections: Building Security in the Internet of Things. Federal Trade Commission, 2015 [electronic resource]. URL: <https://mitchjackson.com/wp-content/uploads/2016/01/ftc-endorsement-guide.pdf> (accessed: 20.11.2025).
14. Data Protection Impact Assessment (DPIA). European Data Protection Board [electronic resource]. URL: https://www.edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/topic/data-protection-impact-assessment-dpia_en (accessed: 20.11.2025).
15. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive') (Text with EEA relevance) [electronic resource]. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2005/29/oj> (accessed: 20.11.2025).
16. Non-broadcast Code. ASA | CAP [electronic resource]. URL: <https://www.asa.org.uk/codes-and-rulings/advertising-codes/non-broadcast-code.html> (accessed: 20.11.2025).
17. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). EUR-Lex [electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng> (accessed: 20.11.2025).
18. Schwartz P. M. Global Data Privacy: The EU Way // New York University Law Review. 2019. Vol. 94. No. 4. P. 771–818.
19. United States Supreme Court. 380 U.S. 374. Federal Trade Commission v. Colgate-Palmolive Company. Legal Information Institute, Cornell Law School [electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/380/374> (accessed: 20.11.2025).

СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ LIABILITY INSURANCE FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES ACCORDING TO THE PROFILE OF PLASTIC SURGERY

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,

ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.

191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.

E-mail: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,

NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm.

6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russia.

E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследованы понятие, сущность страхования профессиональной медицинской ответственности. Рассмотрен зарубежный опыт регулирования страхования ответственности субъектов медицинской деятельности. Выявлены проблемы страхования профессиональной ответственности в России. Сделано предложение сформировать в России целостную систему страхования ответственности субъектов медицинской деятельности.

Abstract. The article examines the concept and essence of professional medical liability insurance. The foreign experience of regulating liability insurance of subjects of medical activity is considered. The problems of professional liability insurance in Russia have been identified. A proposal has been made to form an integrated system of liability insurance for medical entities in Russia.

Ключевые слова: страхование, ответственность, страхование профессиональной ответственности, возмещение, пластический хирург, клиника пластической хирургии, медицинская деятельность, пациент.

Keywords: insurance, liability, professional liability insurance, compensation, doctor, medical organization, medical activity, patient.

Для цитирования: Ястремский И.А. Страхование ответственности при оказании медицинских услуг по профилю пластическая хирургия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 487-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_487.

For citation: Yastremsky I.A. Liability insurance for the provision of medical services according to the profile of plastic surgery // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 487-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_487.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Страхование имеет множество форм, но, как правило, оно служит для обеспечения безопасности тех, кто его приобретает, в целях обеспечить предсказуемость в неопределенных ситуациях. Оно позволяет компенсировать убытки, понесенные в результате непредсказуемых или нежелательных событий. Страхование - это один из механизмов, используемых для защиты частных лиц и организаций от риска убытков, путем распределения бремени убытков между большим количеством лиц.

Страхование профессиональной медицинской ответственности используется для защиты клиники пластической хирургии (далее - клиника, медицинская организация) или ее врача от финансовых рисков, связанных с причинением пациентам вреда в результате ненадлежащего оказания медпомощи.

Эта страховка приобретается на основании договора, называемого полисом, в обмен на страховую премию. В соответствии с этим соглашением страховая компания соглашается взять на себя финансовую ответственность за защиту и выплату претензий к владельцу полиса (врачу) в пределах установленного предела покрытия (лимита ответственности), на определенный период времени (период действия полиса).

Страхование профессиональной ответственности - это договор, который включает в себя ответственность, вытекающую исключительно из профессиональной деятельности. Данная ответственность основывается на ущербе, который может быть причинен третьим лицам в случае, если лицо не выполняет обязательство по "особой заботе", налагаемое профессией, которую оно выполняет, или если лицо действует неполноценно и неправильно в рамках своей профессиональной компетенции.

Когда врач или клиника приобретают коммерческое страхование профессиональной ответственности, они "передают риск" страховой компании. То есть, выплачивая страховую премию, они перекладывают ответственность за любой предъявленный к ним иск и возлагают на страховую компанию, а не на себя, риск в отношении денежных средств, выплаченных для защиты или урегулирования претензий.

В полисе обычно указывается определенное исключенное покрытие. Это исключенное покрытие описывает или перечисляет действия, не охватываемые страховым полисом, например, преднамеренные проступки - действия, выходящие за рамки реальной медицинской практики. Страхование профессиональной медицинской ответственности обеспечивает защиту от третьих лиц, что означает, что оно возмещает ущерб лицу (обычно пострадавшему или его семье), которое не является одной из двух сторон договора страхования.

Это возмещение называется страховым возмещением. Кроме того, большинство страховых полисов предусматривают покрытие врачом расходов, понесенных при защите иска, независимо от того, будет ли когда-либо выплачено возмещение. Размер страховых взносов определяется с учетом множества факторов, включая специальность врача, особенности его практики, историю прошлых страховых случаев и географическое положение. Страховщики, как правило, рассматривают "рейтинг опыта" врача на основе опыта рассмотрения страховых случаев, который может быть более высоким.

Количество так называемых врачебных дел в российских судах в последние годы также заметно выросло. Это актуализирует пробле-

му риска наступления профессиональной ответственности. Свой отпечаток на проблему безопасности медицинских услуг накладывает и существующая в России система обязательного медицинского страхования (далее - ОМС), в рамках которой оказывается основной объем медицинских услуг. Автор согласен с мнением, что действующая модель ОМС не обеспечивает потребности граждан в получении доступной и качественной медицинской помощи¹.

Граждане со средним и высоким уровнем дохода предпочитают обращаться за платными медицинскими услугами, а не за гарантированной по ОМС медицинской помощью. Вызывает ряд вопросов и замечаний система контроля качества медицинских услуг, предоставляемых в рамках ОМС.

Объектом страхования выступает ответственность медработников перед пациентами, здоровью которых может быть нанесен вред из-за ошибочных манипуляций, решений, неверного диагностирования и лечения².

Законодательством многих зарубежных стран предусмотрено обязательное или вмененное страхование гражданской ответственности лиц, оказывающих медицинские услуги (США, Австрия, Франция, Эстония и проч.). Ее можно рассматривать в качестве надежной финансовой гарантии как для медицинской организации, так и для пациентов.

В России в течение уже более 10 лет обсуждаются перспективы введения обязательного страхования профессиональной ответственности субъектов медицинской деятельности, но нормативно данный вопрос должным образом не урегулирован.

Страхование профессиональной ответственности преследует две основные цели. Соответствующему субъекту (например, медицинской организации) предоставляется финансовая, а иногда и юридическая защита от имущественных претензий, связанных с дефектами выполняемых работ или оказываемых услуг. Пациентам гарантируется своевременное возмещение вреда, независимо от финансового состояния клиники.

Страхование профессиональной ответственности может быть добровольным и обязательным. В ряде зарубежных стран страхование профессиональной ответственности субъекта медицинской деятельности (Medical mal practice insurance) является необходимой предпосылкой для осуществления медицинской практики наравне с медицинской лицензией (Австрия, большинство штатов США, Эстония, ОАЭ).

Например, в Австрии любой врач, состоящий в штате медицинской организации или осуществляющий частную медицинскую практику, обязан иметь полис страхования профессиональной ответственности с покрытием не менее 2 млн евро в расчете на один страховой случай и годовым страховым покрытием до 10 млн евро. Страховые выплаты перечисляются для возмещения пациенту утраченного дохода, расходов на лечение, компенсации морального вреда³.

Согласно Закону Эстонии "Об обязательном страховании ответственности поставщиков медицинских услуг" 2022 г. все частнопрактикующие врачи и медицинские организации, имеющие лицензию на медицинскую деятельность, обязаны заключить договор страхования для покрытия рисков ответственности, связанной с оказанием медицинских услуг. Страховая сумма должна составлять не менее 100 тыс. евро в расчете на одного выгодоприобретателя и 300 тыс. евро в расчете на один страховой случай, страховая сумма на период страхования (один год) должна быть не менее 3 млн евро. В части требований о компенсации морального вреда страховая сумма определена в размере 30 тыс. евро на одного выгодоприобретателя и 100 тыс. евро в расчете на один страховой случай (§ 11). Страховое покрытие распространяется на все виды причиненного пациенту (его близким) вреда, включая утраченный заработок, расходы на лечение и реабилитацию, компенсацию морального вреда и т.д.

В Японии врачи частной практики приобретают полисы страхования ответственности, реализуемые через национальную медицинскую ассоциацию или медицинские ассоциации префектур. Стандартный полис страхования ответственности частнопрактикующего врача предусматривает покрытие в пределах 100 млн японских иен с франшизой 1 млн иен. Агентство по финансовым услугам Японии осуществляет надзор за тарифами в сфере страхования профессиональной ответственности.

В Германии, где законом также не установлена обязанность по страхованию профессиональной ответственности, врачи приобретают соответствующие страховые полисы. Наличие "за спиной" крупной страховой компании позволяет врачам воспользоваться помощью опытных юристов в случае спора с пациентом, вести длительные и дорогостоящие судебные процессы по искам из медицинской небрежности.

На фоне увеличения присуждаемых пациентам компенсаций в немецкой литературе все чаще звучат предложения о переходе к обязательному страхованию ответственности⁴.

Страховые случаи включают такие травмы и осложнения, которые обусловлены ненадлежащими виновными действиями (бездействием) медработников или медицинской организации, находятся в причинной связи с указанными действиями (бездействием). Таким образом, для получения страховой выплаты потерпевшему часто приходится доказывать в суде, уже в споре со страховщиком, наличие всех необходимых условий ответственности субъекта медицинской деятельности.

В случае очевидных или грубых врачебных ошибок, когда судебная перспектива очевидна (взыскание компенсации), страховщик предпринимает меры к добровольному урегулированию спора с потерпевшим. Выплата производится лишь тогда, когда заявленный потерпевшим к возмещению вред соответствует описанию страхового случая - в договоре или правилах страхования ответственности, не исключен из

¹ Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024.
² Гзогян С.А., Саргсян Н.М., Суслиякова О.Н. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8. (34).

³ Hanschitz K., Andessner S. The Professional Negligence Law Review: Austria, 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-professional-negligence-law-review/austria>.

⁴ Stauch M.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review. 2011. Vol. 86. Iss. 3. P. 1160.

страхового покрытия.

Страхование ответственности может осуществляться в различных формах - путем заключения договора с коммерческой страховой компанией, либо посредством участия в обществах взаимного страхования (некоммерческий вариант). В Великобритании в рамках Национальной системы здравоохранения (National Healthcare System, NHS) реализуется государственная программа страхования ответственности медицинских организаций и врачей и даже создан специальный орган по разрешению споров, связанных с выплатой возмещения пострадавшему пациенту (NHS Resolution).

В соответствии с положениями законодательства России об охране здоровья граждан медицинские работники вправе страховать риск своей профессиональной ответственности. Иными словами, данное страхование в настоящее время является добровольным. Соответствующий страховой продукт предлагается на рынке финансовых услуг, но спрос на него небольшой по объективным причинам: в соответствии со ст. 1068 ГК РФ субъектом возмещения вреда признается работодатель, а не врач или другой медицинский работник, большая часть медицинских организаций - бюджетные учреждения здравоохранения, по обязательствам которых субсидиарно отвечает собственник (Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование), т.е. риск их неплатежеспособности фактически отсутствует.

В отличие от западных стран, в России страхование профессиональной ответственности не получило своего развития. Этому препятствует, в том числе, отказ от учета страховыми компаниями интересов медработников¹.

Ненадлежащее распределение риска вследствие небольшого количества страхователей приводит к тому, что многие страховые компании стараются "заузить" реальное страховое покрытие - при помощи разного рода исключений, дополнительных оснований для отказа в страховой выплате. Правила страхования часто содержат условие об обязательном взаимодействии страхователя и страховщика в случае урегулирования претензии пациента (оговорки о "кооперации"), несоблюдение которого может повлечь отказ в страховой выплате.

Автор считает, что в России необходимо сформировать целостную систему страхования ответственности субъектов медицинской деятельности, в том числе врачей, которая позволит защитить интересы медицинских организаций, врачей и пациентов. Внедрение данной модели страхования позволит обеспечить пациенту своевременное и полное возмещение причиненного вреда, предупредить финансовую несостоятельность медицинских организаций, стимулировать внесудебное урегулирование медицинских споров. Также это даст возможность вести мониторинг неблагоприятных исходов медицинского вмешательства, повысить уровень прозрачности, доверия к медицинским организациям.

Развитие страхования профессиональной ответственности субъектов медицинской деятельности может идти в направлении создания некоммерческих организаций - обществ взаимного страхования или дочерних страховых компаний, что позволит обеспечить субъектам медицинской деятельности страховое покрытие с минимальными издержками.

Также целесообразно создать профессиональные объединения (саморегулируемые организации) врачей, которые могут страховать случаи причинения вреда пациентам. Бюджет этих организаций, формируемый из членских взносов врачей, будет основой для осуществления страхования. Это даст возможность отделить страхование профессиональной ответственности врачей от страхования гражданской ответственности медицинской организации.

Список литературы

1. Гзогян С.А., Саргсян Н.М., Сусяккова О.Н. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8. (34).
2. Завражский А.В. Комплексное страхование рисков профессиональной медицинской ответственности // Проблемы анализа риска. 2020. № 17(3).
3. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024.
4. Hanschitz K., Andessner S. The Professional Negligence Law Review: Austria, 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-professional-negligence-law-review/austria>.
5. Stauch M.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review. 2011. Vol. 86. Iss. 3.

References

1. Gzogyan S.A., Sargsyan N.M., Suslyakova O.N. Insurance of professional liability of medical workers. // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2018. № 8. (34).
2. Zavrazhskiy A.V. Comprehensive insurance of professional medical liability risks // Problems of risk analysis. 2020. № 17(3).
3. Kratenko M.V. Harm caused by medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal study). Moscow: NORM, INFRA-M, 2024.
4. Hanschitz K., Andessner S. The Professional Negligence Law Review: Austria, 14 July 2022. URL: <https://thelawreviews.co.uk/title/the-professional-negligence-law-review/austria>.
5. Stauch M.S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // Chicago-Kent Law Review. 2011. Vol. 86. Iss. 3.

¹ Завражский А.В. Комплексное страхование рисков профессиональной медицинской ответственности // Проблемы анализа риска. 2020. № 17(3). С. 82-89.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_490

УДК 347.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЛДИНГОВ В РОССИИ LEGAL REGULATION OF HOLDING COMPANIES IN RUSSIA

ДУДЧЕНКО Анна Владимировна,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

ЧАБРИКОВ Данила Викторович,

Студент направления подготовки Юриспруденция
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар
350015, Россия, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1
E-mail: danila.chabrikov@bk.ru

РАДЧЕНКО София Витальевна,

Студент направления подготовки Экономика и управление на предприятии (организации)
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

ГЕЦ Анастасия Алексеевна,

Студент направления подготовки Экономика и управление на предприятии (организации)
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

DUDCHENKO A. V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of Economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

CHABRIKOV D. V.,

Student's field of study is Law Krasnodar Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation, Krasnodar
350015, Russia, Krasnodar, Mitrofan Sedin st., 168/1
E-mail: danila.chabrikov@bk.ru

RADCHENKO S. V.,

Student of the Department of Economics and Management at an Enterprise (Organization)
Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya Street, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

GETS A. A.,

Student of the Department of Economics and Management at the Enterprise (Organization)
of the Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar Branch
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya Street, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

Краткая аннотация. Посвящена анализу правового режима холдингов в Российской Федерации. Рассматривается эволюция законодательного закрепления данного понятия, начиная с ранних попыток его закрепления и заканчивая современным состоянием правового регулирования. Авторами было изучено соотношение корпоративного и антимонопольного законодательства в определении холдинговых отношений. В статье раскрывается дуалистическая природа правового режима холдинга, которая складывается из законодательно установленных ограничений, связанных с конкуренцией, и договорных корпоративных механизмов построения группы лиц. Уделяется внимание ключевым проблемам, таким как отсутствие единого закона о холдингах, порождающее правовые пробелы, и вопросу об ответственности материнской компании по долгам дочерних обществ. Авторы приходят к выводу о том, что действующий правовой режим холдингов носит фрагментарный характер и формируется на стыке различных отраслей права, что создает как риски, так и возможности для участников корпоративных групп.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal regime of holdings in the Russian Federation. The evolution of the legislative consolidation of this concept is considered, starting with the early attempts to consolidate it and ending with the current state of legal regulation. The authors studied the relationship between corporate and antimonopoly legislation in the definition of holding relations. The article reveals the dualistic nature of the holding's legal regime, which consists of legally established restrictions related to competition and contractual corporate mechanisms for building a group of individuals. Attention is paid to key issues such as the lack of a unified law on holdings, which creates legal gaps, and the issue of the parent company's liability for the debts of subsidiaries. The authors conclude that the current legal regime of holdings is fragmented and is formed at the junction of various branches of law, which creates both risks and opportunities for participants in corporate groups.

Ключевые слова: холдинг, корпоративное право, группа лиц, дочернее общество, основное общество, антимонопольное регулирование, корпоративное управление, договор о создании холдинга, ответственность в холдинге, правовое регулирование.

Keywords: holding company, corporate law, group of persons, subsidiary, parent company, antimonopoly regulation, corporate governance, agreement on the establishment of a holding company, responsibility in the holding company, legal regulation.

Для цитирования: Дудченко А.В., Чабриков Д.В., Радченко С.В., Гец А.А. Правовое регулирование холдингов в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 490-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_490.

For citation: Dudchenko A.V., Chabrikov D.V., Radchenko S.V., Getz A.A. Legal regulation of holdings in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 490-493. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_490.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Понятие «холдинг» прочно вошло в лексикон российского корпоративного права и деловой практики, однако его правовая сущность продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий. В отличие от многих зарубежных стран [10, с. 10], где институт холдинга урегулирован комплексно, у нас отсутствует единый правовой акт, который бы определял его статус, порядок создания и функционирования. Исторически попытка законодательного закрепления холдинга была предпринята в проекте Федерального закона «О холдингах», который так и не был принят, оставив правовое поле разрозненным. В результате правовой режим холдингов складывается хаотично из положений различных отраслей законодательства, прежде всего корпоративного и антимонопольного, что создает уникальную, хотя и не лишенную противоречий, правовую конструкцию.

В антимонопольной сфере холдинг рассматривается не как договорное или корпоративное объединение, а как единый хозяйствующий субъект – «группа лиц». Данный подход, закрепленный в Законе «О защите конкуренции», порождает для холдингов ряд специфических рисков и обязанностей, вытекающих не из взаимоотношений «материнской» и «дочерней» компании, а из их совокупного влияния на рынок. К ним относятся, прежде всего, обязанность получения предварительного согласия антимонопольного органа на сделки по экономической концентрации, если совокупные активы или обороты группы превышают установленные лимиты, а также запрет на согласованные действия участников группы, которые могут трактоваться как антиконкурентные.

Отсутствие прямого законодательного регулирования рассматриваемого нами понятия, которое тянется не один десяток лет, составляет собой правовой пробел, ряд авторов уже вели и ведут свои исследования в данной проблематике, представляя свои научные труды, в частности: А. Д. Курбатов, Э. Э. Бекирова и другие.

Центральным элементом в попытке понимания холдинга в российском праве является конструкция «основное и дочернее хозяйственное общество», закрепленная в статье 67.3 ГК РФ [1] и ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах» [3]. Выделяется два ключевых критерия признания общества дочерним: преобладающее участие основного общества в уставном капитале либо возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, в силу заключенного между ними договора или иных обстоятельств. Именно эта возможность оказывает определяющее влияние на принятие решений и составляет сущность холдинговых отношений.

Существенный вклад в формирование правового режима холдингов вносит и налоговое право. Используя конструкции «взаимозависимых лиц» и «налоговой группы», оно устанавливает жесткие правила для внутренних сделок холдинга, в первую очередь в области трансфертного ценообразования. Это делается для предотвращения ухода от налогов через нерыночное ценообразование внутри группы. Следовательно, холдинговая структура оказывается в поле зрения не только корпоративных юристов и антимонопольных служб, но и налоговых органов, которые контролируют и регулируют внутренние операции по рыночным стандартам [2].

Однако корпоративное законодательство в свою очередь оперирует именно парной связкой «основное-дочернее», тогда как холдинг как экономическое явление представляет собой, как правило, разветвленную сеть взаимосвязей, часто включающую не только вертикальные, но и горизонтальные интеграции [7]. Горизонтальные интеграции в холдинге представляют собой ситуацию, когда две или более компании, уже являющиеся дочерними по отношению к одной головной («материнской») компании, начинают тесно сотрудничать между собой, создавая новые совместные предприятия или координируя свою деятельность без прямого указания сверху [14, с. 5].

Как справедливо отмечалось в научной литературе, под холдингом зачастую понимали любые конгломератные объединения, где отношения управления выстраивались не только на основе права собственности, но и через сложную систему договорных связей. Одни авторы, вслед за И. С. Шиткиной, акцентировали внимание на холдинге, как о предпринимательском объединении, основанном на отношениях экономической зависимости и контроля, где головная организация в силу тех или иных обстоятельств оказывает определяющее влияние на дочерние общества [11, с. 110]. Иная позиция, представленная, в частности, В. С. Белых, настаивал на том, что холдинг представляет собой именно совокупность юридических лиц, но не объединение, поскольку последнее понятие в гражданском законодательстве имеет строго определенное значение, связанное с некоммерческими организациями [6].

Как уже было отмечено выше, знаковым событием в истории попыток системного регулирования холдингов имел место быть проект Федерального закона «О холдингах», который, пройдя сложный законодательный путь, был в конечном итоге отклонен 27 июня 2001 года Советом Федерации. Ключевой претензией к проекту стало отсутствие четко определенной экономической и юридической цели создания подобных образований, а также наличие противоречий с действующим гражданским законодательством. Неудача с принятием специального акта предопределила дальнейший путь разрозненного, фрагментарного регулирования, при котором отдельные аспекты деятельности холдинговых структур получают отражение в нормах различных отраслей права.

Отсутствие единого законодательного акта, целостно определяющего правовой статус холдингов, порождает устойчивые правовые и управленческие проблемы. Внутри самой холдинговой структуры отсутствие четких правил усугубляет классический корпоративный конфликт. Речь идет о противоречии между стратегией головной организации, направленной на максимизацию всей группы, и интересами миноритарных акционеров отдельных дочерних обществ. Последние могут страдать от решений, принятых под влиянием основного общества, на невыгодных условиях их компании. Правовая неопределенность в данном случае создает почву для многочисленных судебных разбирательств, где судам приходится оценивать разумность и добросовестность управления в контексте холдинговых отношений.

Что не позволяет участникам оборота в полной мере извлекать преимущества из данной формы интеграции, одновременно создавая риски нарушения разрозненных предписаний, установленных для отдельных проявлений холдинговых отношений [12, с. 23-25]. В этих условиях значительную роль приобретает локальное нормотворчество самих участников группы, направленное на выстраивание внутренних корпоратив-

ных процедур и регламентацию взаимоотношений. Однако такая самоорганизация не может компенсировать потребность в общеобязательных правовых гарантиях, обеспечивающих баланс интересов всех участников отношений, включая независимых кредиторов и само государство. В этой связи перспективным направлением развития законодательства видится возобновление работы над комплексным нормативным актом, который бы закрепил правовое положение холдинга, что стало бы основой для его устойчивого и предсказуемого развития в национальной экономике.

Важнейшую роль в формировании правового режима холдингов играет антимонопольное законодательство, а именно понятие «группа лиц», данное в Законе «О защите конкуренции» [4]. Это понятие значительно шире корпоративной конструкции основного и дочернего общества, поскольку включает в себя лиц, которые в силу формального участия или фактических обстоятельств могут оказывать влияние на деятельность других юридических и физических лиц. Антимонопольное законодательство, вводя понятие группы лиц, преследует цель контроля над экономической концентрацией и недопущения злоупотреблений на рынке. Для корпоративного права же ключевым является вопрос управления и контроля внутри группы. Этот двойственный подход приводит к тому, что одна и та же холдинговая структура одновременно существует в нескольких правовых плоскостях: с точки зрения корпоративного права она представляет собой совокупность взаимосвязанных основными и дочерними обществами юридических лиц, а с точки зрения антимонопольного регулирования – единую группу лиц, что накладывает на нее соответствующие обязанности по предоставлению информации и соблюдению специальных правил.

На практике холдинговые отношения часто выстраиваются не только на основе преобладающего участия в уставном капитале, но и посредством заключения специальных договоров, таких как договор о создании холдинга, договор о совместной деятельности, акционерные соглашения. Эти договоры позволяют детализировать взаимоотношения между участниками группы, установить порядок управления, распределения прибыли, реализации проектов. Особенно это актуально для так называемых «договорных холдингов», где отсутствует четко выраженное преобладающее участие одной компании в другой, но имеет место согласованность действий. Следует отметить, что правовая природа подобных договоров остается дискуссионной, а их положения не должны противоречить императивным нормам корпоративного законодательства, что создает определенные риски для их участников [8, с. 233-235].

Наиболее действенным инструментом для формирования договорных холдингов стали акционерные соглашения. Через них участники различных обществ, входящих в группу, договариваются о согласовании своих действий при голосовании, о распределении должностей в органах управления и иных вопросах, фактически имитируя отношения контроля. Хотя по закону такие соглашения обязательны лишь для сторон и не связывают сами общества, они в действительности позволяют выстраивать сложные сети управления, обходя формальные ограничения корпоративного права [9, с. 55-57].

Одним из наиболее сложных и практически значимых аспектов правового режима холдингов является вопрос ответственности. Законодатель устанавливает два случая солидарной ответственности основного общества по обязательствам дочернего. Во-первых, это ответственность по сделкам, заключенным во исполнение обязательных для дочернего общества указаний основного. Во-вторых, в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества на основное общество может быть возложена субсидиарная ответственность, если такая несостоятельность была вызвана исполнением указаний основного общества. Доказывание этих обстоятельств на практике представляют собой чрезвычайную сложность, однако тенденция последних лет, особенно в судебной практике по делам о банкротстве, демонстрирует усиление подхода, направленного на тщательное исследование реальных отношений контроля внутри группы.

Примером может служить дело № А29-8292/2016, рассмотренное Вторым арбитражным апелляционным судом. В рамках банкротства ООО «ФСК», входящего в группу компаний, мажоритарный кредитор ООО «ИСК», аффилированный с должником, проголосовал за выбор саморегулируемой организации управляющих. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение первой инстанции, признал такие решения собрания кредиторов недействительными, сославшись на правовую позицию Верховного Суда РФ о недопустимости учета голосов аффилированных лиц при выборе арбитражного управляющего. Данный прецедент подтверждает тенденцию к ограничению возможностей контролирующих лиц воздействовать на процедуру банкротства в ущерб интересам независимых кредиторов [5].

В свете обозначенных проблем вырисовываются несколько потенциальных векторов для формирования более сбалансированного и эффективного правового режима холдингов. Первый и наиболее кардинальный путь – это возобновление работы над специализированным законом, но уже на новой концептуальной основе с учетом анализа и исправления прошлых ошибок. Такой акт должен быть не просто законом «о холдингах», а законом «о группах хозяйственных обществ», который бы комплексно урегулировал права и обязанности всех участников интегрированных структур, включая защиту миноритариев и кредиторов, установил прозрачные правила корпоративного управления и ответственности, гармонизировав подходы корпоративного, антимонопольного и банкротного права. Альтернативный, эволюционный путь предполагает отказ от идеи правового акта в пользу целенаправленного совершенствования уже существующих институтов. Это могло бы выразиться во внесении точечных, но системных изменений в Гражданский кодекс РФ, например, путем введения базовых понятий «группа лиц» и «контроль» [13, с. 65-67]. непосредственно в корпоративное законодательство, а также в дальнейшей детализации процедур и критериев привлечения к ответственности контролирующих лиц в законодательстве о банкротстве. Какой бы путь ни был избран, ключевой задачей является не столько законодательное закрепление термина «холдинг», сколько создание непротиворечивой системы гарантий и ответственности, которая бы легитимировала холдинги как признанную форму ведения бизнеса, обеспечивая предсказуемость для всех.

Подводя итог, можно констатировать, что правовой режим холдингов в Российской Федерации представляет собой сложный гибрид законодательных предписаний и договорной свободы. Он формируется на пересечении корпоративного, антимонопольного, а в последнее время и банкротного права. Отсутствие единого закона, с одной стороны, создает правовые неопределенности и риски, связанные с возможностью

признания тех или иных договорных конструкций недействительными или привлечения к ответственности вопреки ожиданиям участников. С другой стороны, эта гибкость позволяет бизнесу выстраивать эффективные с экономической точки зрения структуры управления, адаптируя их под конкретные задачи. Дальнейшее развитие правового регулирования, вероятно, будет идти не по пути принятия отдельного закона, а через совершенствование судебной практики.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Российская газета. № 148-149. 06.08.1998.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. № 248. 29.12.1995.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. № 162. 27.07.2006.
5. Постановление от 29 апреля 2021 г. по делу № А29-8292/2016 // Второй арбитражный апелляционный суд г. Киров. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nzwKOHOjDXQx/> (Дата обращения: 02.10.2025).
6. Бекирова Э. Э. Правовой статус холдингов в российской Федерации: перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-holdingov-v-rossiyskoy-federatsii-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 27.09.2025).
7. Горлова Е.А., Шаталина А.К., Позднеева Л.В. Цифровое государственное управление // Эпоха науки. 2022. № 32. С. 110-112.
8. Гурьянов А. В. Правовое регулирование отношений корпоративного контроля и управления в холдингах: монография / Москва: Юстицинформ, 2025. - 368 с.
9. Елифанова Т. В. Договорное право: учебное пособие / Т. В. Елифанова, Е. В. Филатова. - Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2023. - 152 с.
10. История государства и права зарубежных стран: Учебник для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция / В. Л. Рассказов, Л. П. Рассказов, А. В. Дашин [и др.]. - Краснодар: КубГАУ, 2023. - 214 с.
11. Курбатов А. Д. Правовое положение холдингов в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и гуманитарных наук. 2019. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-holdingov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 27.09.2025).
12. Козлова М. Ю. Договорное право: учебное пособие / М. Ю. Козлова, Д. В. Кожемякин, О. А. Сергачева; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. - 50 с.
13. Кирилловой О. Ю. Антимонопольное и тарифное регулирование в системе государственного контроля Российской Федерации: учебник / Москва: ИНФРА-М, 2024. – 293 с.
14. Karpunina E.K., Agabekyan R.L., Petrov I.V., Gorlova E.A., Sobolevskaya T.G. Brics countries as new growth poles of the global digital economy//International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. 2021. С. 1-11.

References:

1. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, No. 230-FZ, dated 18.12.2006 (as amended on 23.05.2018) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1).
2. Part One of the Tax Code of the Russian Federation, No. 146-FZ, dated 31.07.1998 (as amended on 29.11.2024, as amended on 21.01.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 148-149, 06.08.1998.
3. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Joint-Stock Companies" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 248. 29.12.1995.
4. Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ (as amended on 24.06.2025) "On the Protection of Competition" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 162. 27.07.2006.
5. Resolution of April 29, 2021 in case No. А29-8292/2016 // Second Arbitration Court of Appeal of Kirov. Access mode: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nzwKOHOjDXQx/> (Accessed: 02.10.2025).
6. Bekirova E. E. Legal status of holdings in the Russian Federation: development prospects // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2015. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-holdingov-v-rossiyskoy-federatsii-perspektivy-razvitiya> (accessed: 27.09.2025).
7. Gorlova E. A., Shatalina A. K., Pozdneeva L. V. Digital public administration // The era of science. 2022. No. 32. pp. 110-112.
8. Guryanov A. V. Legal regulation of corporate control relations and management in holdings: monograph / Moscow: Yustitsinform, 2025. - 368 p.
9. Epifanova TV Contract law: textbook / TV Epifanova, EV Filatova. - Rostov-on-Don: Publishing and printing complex of Rostov state economic university (RINH), 2023. - 152 p.
10. History of the state and law of foreign countries: Textbook for students in the field of training 40.03.01 Jurisprudence / VL Rasskazov, LP Rasskazov, AV Dashin [et al.]. - Krasnodar: KubSAU, 2023. - 214 p.
11. Kurbatov AD Legal status of holdings in the Russian Federation // International journal of humanitarian and humanities sciences. 2019. No. 5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-holdingov-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 27.09.2025).
12. Kozlova, M. Yu. Contract Law: A Textbook / M. Yu. Kozlova, D. V. Kozhemyakin, O. A. Sergacheva; Volgograd Institute of Management – Branch of RANEP. – Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management – Branch of RANEP, 2024. - 50 p.
13. Kirillova, O. Yu. Antimonopoly and Tariff Regulation in the System of State Control of the Russian Federation: A Textbook / Moscow: INFRA-M, 2024. - 293 p.
14. Karpunina, E.K., Agabekyan, R.L., Petrov, I.V., Gorlova E.A., Sobolevskaya T.G. Brics countries as new growth poles of the global digital economy//International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. 2021. pp. 1-11.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_494

УДК 347.1

ПОЗИТИВНАЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В.А. РЫБАКОВА POSITIVE CIVIL LIABILITY THROUGH THE PRISM OF PROFESSOR V.A. RYBAKOV'S WORKS

БУРБИНА Юлия Владимировна,доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России, к.ю.н.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная 1.
kristinka_96@inbox.ru**МЫСЯГИНА София Андреевна,**студентка Института Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная 1.
kristinka_96@inbox.ru**BURBINA Yulia Vladimirovna,**Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Faculty
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law.
390000, Ryazan, Sennaya Street 1.
kristinka_96@inbox.ru**MYSYAGINA Sofia Andreevna,**student of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Ryazan, Sennaya Street 1.
kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: данная статья посвящена исследованию ключевых научных изысканий профессора В. А. Рыбакова, внесшего значительный вклад в разработку теории функций гражданского права и позитивной юридической ответственности.

Abstract: This article focuses on the key scientific research conducted by Professor Vyacheslav Aleksandrovich Rybakov, who has made significant contributions to the development of the theory of civil law functions and positive legal responsibility.

Ключевые слова: В.А. Рыбаков, юридическая ответственность, право собственности, функции гражданского права, воспитательная функция, правосознание, правопослушное поведение.

Keywords: V.A. Rybakov, legal responsibility, property rights, functions of civil law, educational function, legal awareness, law-abiding behavior.

Для цитирования: Бурбина Ю.В., Мысягина С.А. Позитивная гражданско-правовая ответственность через призму трудов профессора В.А. Рыбакова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 494-496. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_494.

For citation: Burbina Yu.V., Mysyagina S.A. Positive civil liability through the prism of professor V.A. Rybakov's works // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 494-496. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_494.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Позитивная юридическая ответственность, является инструментом обеспечения правопорядка, укрепления правового государства. Это обстоятельство гарантирует данному институту постоянную актуальность и научный интерес. Гражданско-правовая ответственность, понимание значения обязательства, долга, осознание смысла и значения своих поступков – основа позитивной ответственности. Она нацелена обеспечивать укрепление уважительного отношения к закону, основываясь не столько на наказании за совершенное правонарушение, сколько на активном содействии в соблюдении норм права. Цель данного исследования провести анализ накопленной научной базы в рамках института позитивной ответственности для определения тенденций и стимулов развития гражданско-правовых отношений.

Весомый вклад в изучения обозначенной темы внес профессор Рыбаков В.А., являющегося автором около 250 научных работ по гражданскому праву, затрагивающих вопросы формирования гражданско-правовой активности и теории функции гражданского права. По его мнению, содержание данной функции раскрывается в способах воздействия правового регулирования на сознание и поступки людей, и, в конечном счете, на общественные отношения, и должно основываться на позитивной ответственности. Ученый предлагал свой подход к изучению методологических и воспитательных аспектов функций гражданского права. Отметим, что понятие функции права достаточно полно разработано и существует множество мнений правоведов. В соответствии с позицией профессора Рыбакова В.А., гражданско-правовые функции – это обусловленное товарно-денежной формой и задачами государства воздействие гражданско-правовых норм на имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, а также корпоративные отношения в определенных направлениях [4,32]. Приведем иные точки зрения к определению. По мнению С.С. Алексеева, под функцией права понимается направление правового воздействия, отражающее роль права в упорядочении общественных отношений [1,191]. В.Г. Смирнов считал, что сущность функции права находит свое отражение в социальном назначении, отражаясь в совокупности задач, предмета и метода [9,39]. Предложим следующее определение, гражданско-правовой функции – это направленное воздействие на общественные отношения, обусловленные его сущностью, задачами и принципами, регулирующее имущественные и личные неимущественные отношения между участниками гражданского оборота с целью обеспечения стабильности гражданского общества и защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Рыбаков В.А. считал, что одной из ключевых проблем науки гражданского права в настоящее время является изучение характера и

особенностей содержания функций гражданско-правового регулирования, заключающееся в специфике предмета и метода отрасли права, а именно регулировании имущественных и личных неимущественных отношений, основывающихся на равенстве, диспозитивности и инициативе сторон. Изучение данного вопроса позволяет наиболее детально раскрыть значимость гражданского права, а также оптимизировать правовое регулирование складывающихся общественных отношений. Именно реализация социальной функции предполагает создание особых способов воздействия на социальную сферу, обеспечивая предоставление конституционных гарантий.

Профессор Рыбаков В.А. подробно исследовал воспитательную функцию гражданско-правового регулирования, выделяя содержательную структуру, характеризующую ее сущность, признаки и отличительные свойства. Содержание данной функции выражается в воздействии на сознание и поведение людей, и в итоге - на общественные отношения. Суть воспитательной силы состоит в том, что субъектам права предоставляется возможность свободы распоряжения тем или иным субъективным правом, следовательно, стимулом правомерного поведения граждан должен быть не страх и принуждение, а осознанное стремление к правопослушному поведению, то есть, к позитивной ответственности, ввиду большей ее выгоды для субъекта. Воздействие осуществляется посредством информационного, социально-психологического, экономического и политического методов, позитивно влияющего на сознание и поведение людей с целью улучшения общественных отношений.

Воспитательная деятельность начинается с основных принципов гражданского права. Их воплощение способствует формированию высокого уровня правовой убежденности и уважительного отношения к праву. Отметим ключевую роль такого принципа, как добросовестность, который предполагает, что участники правоотношений при установлении и защите гражданских прав и обязанностей, должны действовать честно, сознательно и ответственно. Этот принцип предполагает: правомерность поведения, соблюдение интересов участников правоотношения, отсутствие цели нанесения вреда участникам правоотношений.

Опираясь на исследования В.Ф. Яковлева, В.А. Рыбаков отмечал, что эффективность реализации воспитательной функции обусловлена такими характерными чертами метода гражданского права, как правонаделение, диспозитивность, правовая инициатива и юридическое равенство сторон [10,91]. Позитивная юридическая ответственность предполагает дополнительную обязанность субъекта гражданских правоотношений отдавать отчет о своих действиях за надлежащее выполнение основных обязанностей по закону или договору [4,109]. Данный вид ответственности, выполняя организующую и воспитательно-мобилизующую роль социально-активного поведения граждан. Для позитивной ответственности характерны такие признаки, как добровольное и инициативное выполнение обязанностей, самодисциплина, высокая правовая сознательность, договор должен вести к выполнению обязанностей и стремлению к реализации.

Профессор Рыбакова В.А., проводил параллель юридической и моральной ответственности, считая их неразрывными понятиями, ведь именно нормы морали играют ключевую роль во многих случаях, и сформированное нравственное чувство ответственности является предпосылкой успешного выполнения гражданско-правовых обязательств, подчеркивая, что основной целью государства является не привлечение граждан к ответственности, а в том, чтобы возложенные обязанности выполнялись осознанно и добровольно [4,110]. Остановимся на важности взаимосвязи перспективной и ретроспективной ответственности. Юридическая ответственность - это не только наказание за прошлое, но и стимул к правильному поведению в будущем. Она способствует формированию высокого уровня правовой культуры и уважения к закону, поскольку каждый гражданин видит, что за каждым правонарушением следует наказание, а это в свою очередь укрепляет веру в справедливость и верховенство закона.

Одну из ключевых ролей в формировании позитивной юридической ответственности играет пропаганда. На наш взгляд, она проявляется во введении в школах специальных курсов, занятий и уроков "О важном", направленных на формирование позитивной юридической ответственности, выработку основ правовой культуры и ответственного поведения у подрастающего поколения. Такие курсы должны не ограничиваться простым перечислением прав и обязанностей, их цель формирование осознанного отношения к праву как к ценности, инструменту защиты своих прав и интересов, а также инструменту поддержания порядка и справедливости в обществе. Информационное содержание правового воспитания включает в себя не только знание нормативно-правовых актов и мер, предусмотренных за их нарушение, но и понимание позитивных аспектов юридической ответственности. Данный процесс способствует формированию правосознания, стимулированию правомерного поведения и способствует гражданской самореализации личности.

Выделим условия укрепления позитивной юридической ответственности:

- усовершенствование институтов гражданского общества, подразумевающих проведение мероприятий, способствующих профилактическому воздействию на правонарушителей (внедрение программ ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, помощь в их трудоустройстве, получении образования, восстановлении социальных связей, также проведение духовно-нравственных бесед и лекций, способствующих формированию моральных ценностей и нравственных ориентиров);
- развитие правовой культуры и правосознания граждан путем повышения уровня правовой грамотности граждан и формирования уважительного отношения к закону (создание онлайн-платформ, содержащих бесплатные правовые курсы, тесты и консультации, также использование социальных сетей и мессенджеров по запросу потребителя, подразумевающих не навязывание услуги, а предоставление ценной информации);
- вовлечение граждан в законодательный процесс в целях появления возможности у граждан участвовать в обсуждении и принятии законов (создание консультативных органов, включающих представителей различных общественных групп и экспертов, предполагающих участие в разработке законопроектов, также использование онлайн-платформ в целях вовлечения граждан в законодательный процесс: форумы для обсуждения законопроектов, внедрение электронного голосования, онлайн-опросов для учета общественного мнения).

- четкость и доступность информации о своих правах и обязанностях, а также последствиях неисполнения, включая разъяснительную работу и проведение юридических консультаций (опубликование на официальных сайтах министерств и ведомств тесты законов с их разъяснением, организация публичных семинаров и лекции, выпуск брошюр и листовок с объяснением);

- поддержание престижа правоохранительных органов, повышение заработной платы, социальных гарантий сотрудников, в свою очередь, позволяющее стимулировать приток законопослушных граждан с высокой правовой культурой в ряды сотрудников.

Следовательно, в настоящее время ключевой целью позитивной юридической ответственности является формирование в обществе высокого уровня правовой культуры, где каждый гражданин не только воздерживается от совершения правонарушений из-за страха наказания, а осознанно и добровольно выполняет возложенные на него юридические обязанности, считая данный вариант поведения единственным верным, уверенно вступает в гражданско-правовые отношения, стремится к выполнению обязательств и несет ответственность за их неисполнение.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что научные работы профессора В.А. Рыбакова сохраняют свою актуальность и сегодня. Позиция профессора о воспитательной роли гражданского права, ее значимости в формировании высокого уровня правосознания граждан и стимулирования правопослушного поведения получила последующее развитие в трудах его учеников. Бесспорным достижением является разработка различных содержательных аспектов (информационного, оценочного, регулятивного) правовоспитательной работы, которые разрабатывались в неразрывности с гражданско-правовой активностью граждан [5,20]. Привитие общей и юридической культуры способствует полноценной реализации прав и обязанностей, это цель к которой стремятся государство и гражданское общество. Осознанная и ответственная позиция не только обеспечивает соблюдение правопорядка, но и заслуживает всесторонней поддержки и положительной оценки со стороны общества и государства, как вклад в общее благополучие и устойчивое развитие правовой системы.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Велби: Проспект, 2008
2. Галустян Н.В. Позитивная юридическая ответственность государства перед личностью в современных условиях развития правового государства и гражданского общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. - 2022. - Т. 8 (74). №3. - С. 427-434.
3. Рузанова В.Д. Вклад профессора Рыбакова В.А. в теорию функций гражданского права // Юридическая наука. 2017. №2. - С. 78-80.
4. Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): моног. - М.: Статут, 2015.
5. Рыбаков, В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики: моногр. – Уфа : Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1993.
6. Рыбаков В.А. О механизме реализации воспитательной функции и гражданско-правового регулирования // Гражданское право. - 2009. - №2. - С. 8-13.
7. Рыбаков В.А. О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. - 2009. - №1. - С. 17-20.
8. Рыбаков В.А. Культура правового сознания личности // Современное право. - 2016. - №10. - С. 21-27.
9. Гражданское право: Том 2: учебник / под редакцией профессора А.П. Сергеева, профессора Ю.К. Толстого. - Издание 3-е, переработанное и дополненное. - Проспект, 2000. – С. 39.
10. Яковлев, В.Ф. О функциях гражданского права // Избранные труды. – М.: Статут, 2012. – Т. 2: Гражданское право: история и современность. – Кн. 1.

References:

1. Alexeyev, S.S. General Theory of Rights : study. 2nd ed. perab. and DOP. - M. Velby: Prospect, 2008
2. Galustyan N.V. Positive legal responsibility of the state to the individual in the modern conditions of development of the legal state and civil society // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. - 2022. - T. 8 (74). №3. - P. 427-434.
3. Ruzanova V.D. Contribution of Professor Rybakov V.A. to the Theory of the Functions of Civil Law // Legal Science. 2017. №2. - P. 78-80.
4. Rybakov V.A. Theory of the Functions of Civil Law (Methodological and Educational Aspects): Monograph. - M.: Statut, 2015.
5. Rybakov, V.A. Problems of Formation of Civil-Law Activity. Questions of Theory and Practice : monograph. – Ufa : Publishing House of the Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.
6. Rybakov, V.A. On the Mechanism of Implementing the Educational Function and Civil Law Regulation // Civil Law. - 2009. - No. 2. - P. 8-13.
7. Rybakov, V.A. On the Functions of Civil Law Regulation // Civil Law. - 2009. - No. 1. - P. 17-20.
8. Rybakov V.A. The Culture of Legal Consciousness of an Individual // Modern Law. - 2016. - No. 10. - P. 21-27.
9. Civil Law: Volume 2: Textbook / Edited by Professor A.P. Sergeev and Professor Yu.K. Tolstoy. - 3rd Edition, Revised and Expanded. - Prospekt, 2000. - P. 39.
10. Yakovlev, V.F. On the Functions of Civil Law // Selected Works. – Moscow: Statut, 2012. – Vol. 2: Civil Law: History and Modernity. – Book 1.

РОЛЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА THE ROLE OF THE PENAL ENFORCEMENT INSPECTORATE IN RESOLVING FAMILY CONFLICTS OF CONVICTS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

АВДЕЕВ Сергей Станиславович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: avdeev.1978@mail.ru

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru

AVDEEV Sergey Stanislavovich,

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.

E-mail: avdeev.1978@mail.ru

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Краткая аннотация: В работе исследуется деятельность уголовно-исполнительных инспекций в профилактике и разрешении семейных конфликтов среди осуждённых, отбывающих наказания без изоляции от общества (условное осуждение, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы). Анализируются правовые основания, институциональные механизмы, практические сложности региональных уголовно-исполнительных инспекций. Рассматривается объективная необходимость внедрения пробационных подходов, а также межведомственного взаимодействия и восстановительных практик.

Abstract: This paper examines the work of penal inspectorates in preventing and resolving family conflicts among convicts serving sentences without social isolation (probation, mandatory and corrective labor, and restricted freedom). It analyzes the legal basis, institutional mechanisms, and practical challenges of regional penal inspectorates. It examines the objective need to implement probationary approaches, as well as interagency cooperation and restorative practices.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительная инспекция, осуждённые, уголовные наказания, рецидив, ресоциализация, комиссии по делам несовершеннолетних, уголовно-исполнительная система, Министерство юстиции, пробационные практики, семейная среда.

Key words: Criminal-executive inspection, convicted persons, criminal penalties, recidivism, resocialization, juvenile affairs commissions, criminal-executive system, Ministry of Justice, probation practices, family environment.

Для цитирования: Авдеев С.С., Ивлиев П.В. Роль уголовно-исполнительной инспекции в разрешении семейных конфликтов осуждённых без изоляции от общества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 497-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_497.

For citation: Avdeev S.S., Ivliev P.V. The role of the penal enforcement inspectorate in resolving family conflicts of convicts without isolation from society // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 497-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_497.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Более 70% всех назначаемых в России уголовных наказаний относится к категории не связанных с лишением свободы¹. Это означает, что десятки тысяч осуждённых ежегодно сохраняют социальные связи, продолжая жить в своих семьях. УИИ становятся центральным звеном контроля и профилактики, однако роль инспекций давно выходит за рамки надзора: значительная часть их работы связана с семейными конфликтами, которые прямо влияют на рецидив, нарушения условий наказания и успешность ресоциализации.

Актуальность темы обусловлена тем, что в последние годы именно домашние конфликты стали одной из ключевых причин нарушений порядка отбывания наказания, включая уклонение, невыполнение обязанностей, употребление алкоголя, агрессивное поведение². Семья — главный ресурс и одновременно главный риск для осуждённого. Поэтому УИИ неизбежно работают не только с правонарушителем, но и с его ближайшим социальным окружением.

Цель исследования. Выявить основные вызовы и ограничения деятельности уголовно-исполнительных инспекций в разрешении семейных конфликтов осуждённых без изоляции от общества, а также определить основные направления развития деятельности уголовно-исполнительных инспекций в изучаемой тематике.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный и перспективный методы. Посредством описательного метода анализируются проблемы и ограничения, связанные с разрешением семейных конфликтов осуждённых без изоляции от общества, а посредством перспективного метода рассматриваются актуальные направления совершенствования в исследуемой тематике.

¹ Судебный департамент при ВС РФ. Статистические отчёты по форме № 10 за 2022–2024 гг.

² ФСИН России. Годовой отчёт за 2023–2024 гг.

Правовые основания для участия УИИ в разрешении внутрисемейных конфликтов содержатся в ряде нормативно-правовых актов. В первую очередь УИК РФ в 12 главе содержит обязанности условно осужденных, а также лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества (ст.188-190 УИК РФ)[1]. Также ФЗ № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений», в ст. 4и 6 устанавливает, что уголовно-исполнительные инспекции участвуют в индивидуальной профилактике, в т. ч. в отношении лиц, склонных к домашним конфликтам[2]. Также в стратегии развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., где подчеркнута необходимость внедрения пробационных практик, включая семейное консультирование¹.

Таким образом, хотя прямой нормы «о посредничестве» УИИ нет, законом инспекциям поручена профилактика повторной преступности, а семейные конфликты являются её двигателем. На сегодняшний день в нашем государстве сформировались объективные предпосылки создания такой системы обеспечения взаимодействия общества и государства, которая должна соответствовать реалиям современной действительности[3].

Официальная статистика ФСИН фиксирует, что во-первых, до 38% нарушений порядка отбывания наказаний без изоляции от общества связано с употреблением алкоголя, что, в свою очередь, чаще всего сопряжено с внутрисемейными спорами, во-вторых, около 25% уклонений от обязательных работ связано с конфликтами в семье (выход из дома, переезд, разрыв отношений) и в-третьих, более 40% повторных преступлений совершается в условиях семейной дезорганизации, безработицы и конфликтов².

На основе этого можно смело говорить о том, что семейные проблемные ситуации являются основной причиной кризисного поведения у осуждённых.

Некоторыми методами профилактической работы инспекторов являются профилактические беседы, выезды по месту жительства, контроль выполнения обязанностей «не менять место жительства», «являться на регистрацию», «не посещать запрещённые места», а также рисков в частности оценка рисков-потребностей.

В 2023–2024 годах УФСИН в 32 регионах внедрило пилотные мероприятия по работе с конфликтными семьями совместно с центрами социальной поддержки³.

Необходимо отметить, что в ситуациях домашнего насилия или угрозы его совершения УИИ инициируют, составление актов межведомственного реагирования, постановку семьи или осуждённого на профилактический учёт, направление в комиссии по делам несовершеннолетних.

Также надо сказать, что социальные службы привлекаются для сотрудничества в целях, предоставления психологической помощи, содействия в трудоустройстве, решения бытовых вопросов (долги, отсутствие жилья, конфликт с бывшими супругами).

Необходимо рассмотреть основные проблемы и барьеры в деятельности уголовно-исполнительных инспекций в рассматриваемой тематике.

Первой такой проблемой будет являться высокая нагрузка на инспекторов. Средняя нагрузка — 40–60 подучётных лиц на одного инспектора, а в ряде районов — до 150⁴. Это делает профилактику семейных конфликтов преимущественно формальной.

Второй проблемой можно назвать недостаток психологов в штате. Речь идет о том, что в некоторых подразделениях УИИ отсутствуют штатные психологи, а сотрудничество с НКО и социальными службами эпизодическое.

Третьей проблемой является низкая мотивация осуждённых участвовать в программах примирения. Восстановительные практики юридически не обязательны, поэтому участие в них ограничено.

Четвертой проблемой является ограниченное межведомственное взаимодействие. Статья 6 ФЗ-182 предписывает межведомственную работу, но на практике она зависит от инициативы конкретных инспекторов.

Необходимо определить основные направления развития и реформирования деятельности уголовно-исполнительной инспекции в разрешении семейных конфликтов осужденных без изоляции от общества.

Первым таким направлением будет безусловно являться развитие полноценной федеральной пробационной службы. Деятельность единой федеральной пробационной службы рассматривается как ключевое направление совершенствования исполнения наказаний без изоляции от общества. В Проекте Концепции пробации Минюста России 2023 года прямо подчеркивается, что именно работа с семьёй осуждённого является «одним из центральных элементов пробационного сопровождения», поскольку семейная среда определяет устойчивость поведения, уровень конфликтности и вероятность повторного правонарушения⁵.

В действующей системе УИИ значительная часть задач, связанных с предотвращением семейных кризисов, выполняется инспекторами в рамках индивидуальной профилактики, однако эти функции остаются ограниченными из-за отсутствия в штате специалистов по работе с семьёй и психологов. Министерство юстиции в Концепции отмечает, что разрозненность полномочий между УИИ, социальными службами и ведомственными психологическими центрами приводит к тому, что влияние на внутрисемейные отношения носит бессистемный характер и зависит от личной инициативы сотрудников. Именно поэтому объединение УИИ, психологов, социальных работников и специалистов по социальной реабилитации в единую пробационную структуру рассматривается как необходимое условие повышения эффективности.

¹ Минюст РФ. Стратегия развития УИС до 2030 года.

² Росстат. Сборник «Правосудие в России» (2023).

³ Приказ Минюста № 229 от 23.10.2020.

⁴ Колпаков А. В. Организационные проблемы УИИ // Российская юстиция. – 2023.

⁵ UNODC. Handbook on Probation and Parole. – 2018.

Предполагается, что такая служба будет работать по принципу междисциплинарного сопровождения: инспектор осуществляет контроль правового поведения, психолог проводит диагностику семейных рисков, социальный работник помогает устранить социально-бытовые факторы напряжённости, а специалисты по примирительным практикам — содействуют снижению конфликтности. Такой подход отражён и в международных стандартах: согласно правилам *European Probation Rules* (Совет Европы, 2020), деятельность пробационных органов должна включать «работу с социальным окружением лица, в первую очередь с его семьёй»¹.

Минюст в Концепции 2023 года указывает, что деятельность единой пробационной службы позволит не только централизовать функции по контролю и социальной поддержке, но и повысить качество взаимодействия с органами занятости, образования, социальной защиты и НКО, что особенно важно для урегулирования семейных конфликтов. В документе подчёркнуто, что такая модель позволит «создать условия для комплексного сопровождения семьи осуждённого, направленного на снижение конфликтности и повышение социальной стабильности».

Таким образом, деятельность федеральной пробационной службы рассматривается не как структурная реформа ради оптимизации, а как инструмент, который позволит системно работать с основным источником девиантного поведения осуждённых — напряжёнными внутрисемейными отношениями. При объединении функций контроля, психологической помощи и социальной поддержки в рамках единой службы ожидается существенный рост эффективности профилактики, что неоднократно подчёркивается в аналитических документах Минюста и экспертных заключениях².

Вторым направлением можно выделить внедрение обязательных программ семейной медиации. К международным стандартам (*European Probation Rules*, 2020) относится работа с «социальным окружением правонарушителя»³. Введение медиации в качестве рекомендованного или обязательного элемента повысит успех профилактики⁴.

Третьим направлением можно назвать активное развитие сетей НКО и социальных партнеров. Развитие партнёрства между уголовно-исполнительными инспекциями и некоммерческими организациями является одним из центральных направлений современной политики ресоциализации осуждённых. В ряде регионов России уже реализуются устойчивые модели взаимодействия с НКО, направленные на сопровождение лиц, состоящих на учёте УИИ, а также на профилактику семейного неблагополучия и бытовых конфликтов.

Характерным примером является практика Республики Татарстан. В 2023 году было заключено соглашение между УФСИН России по Республике Татарстан и АНО «Центр системных решений “Шаг навстречу”». В официальном сообщении отмечается, что НКО осуществляет «комплекс мероприятий по социальной адаптации граждан, отбывших наказание, а также лиц, находящихся под пробационным контролем»⁵. В документе подчеркивается, что участие некоммерческого сектора позволяет оказывать персонализированную помощь в решении социальных и семейных проблем, включая трудности во взаимодействии с родственниками и вопросы бытовой адаптации.

Сходные практики реализуются в Пермском крае, где центры социальной помощи, в том числе учреждение «Семья», работают с семьями осуждённых. Согласно аналитическому обзору «Социальная поддержка бывших осуждённых в России», подготовленному в 2019 году на основе данных ФСИН, МВД и органов социальной защиты, взаимодействие государственных служб и НКО существенно расширяет доступ осуждённых к социальным услугам, включая психологическое консультирование, семейную поддержку и помощь в трудоустройстве⁶. В отчёте подчёркивается, что именно НКО способны обеспечивать «длительное сопровождение в период после освобождения», включая работу с семьёй, что недоступно инспекторам УИИ из-за высокой нагрузки.

Кроме того, необходимость участия некоммерческих организаций в ресоциализации осуждённых системно отмечается в стратегических документах федерального уровня. В отчёте Центра стратегических разработок «Реформирование уголовно-исполнительной системы в России» подчёркивается, что современная система УИИ «не располагает достаточными ресурсами для социально-психологической работы», что делает сотрудничество с НКО критически важным⁷. В документе также указано, что НКО обеспечивают более гибкие и адресные форматы работы, включая помощь в преодолении семейных конфликтов, сопровождение при трудоустройстве, консультирование по бытовым вопросам и участие в социальных программах.

Общественная палата РФ в докладе 2023 года также официально фиксирует высокую значимость участия НКО в работе с осуждёнными: «Некоммерческие организации играют всё более заметную роль в профилактике рецидива, оказывая поддержку в сфере медиации, социального консультирования и разрешения семейных конфликтов». Кроме того, в документе подчёркивается, что НКО могут обеспечивать работу с семьями, которые не охвачены государственными структурами социальной защиты.

Таким образом, развитие сетей НКО и социальных партнёров позволяет УИИ существенно расширять спектр предоставляемой помощи без увеличения нагрузки на собственный штат. Опыт Татарстана, Пермского края и Москвы подтверждает, что включение НКО в сопровождение осуждённых способствует решению социальных и семейных проблем, а также повышает результативность профилактической работы инспекций.

¹ Council of Europe. *European Probation Rules*. Strasbourg, 2020. Раздел 13.

² Аналитический центр при Правительстве РФ. Доклад

³ Council of Europe. *European Probation Rules*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020. 68 p.

⁴ Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2018)8 of the Committee of Ministers to member States concerning restorative justice in criminal matters. Strasbourg, 2018. 40 p.

⁵ ОПРТ Республики Татарстан. Соглашение УФСИН России по Республике Татарстан и АНО «Центр системных решений “Шаг навстречу”» // Официальный портал общественных организаций РТ. 2023. URL: <https://opr.tatarstan.ru/index.htm/news/2210314.htm>

⁶ Социальная поддержка бывших осуждённых в России: аналитический обзор. — СПб.: Центр исследования проблем правоприменения, 2019. — 36 с. URL: https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/memo_reentry_2019_web.pdf

⁷ Центр стратегических разработок. Реформа уголовно-исполнительной системы в России: аналитический доклад. — М.: ЦСР, 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/971/9716d5282c6ffa825929fd671448b0ce.pdf>

Четвертым направлением является массовое внедрение цифровых инструментов в оценки рисков. Использование модельных оценок риска (аналогов ORAS, LS/CMI), адаптированных Минюстом в пилотных регионах, позволяет выявлять семьи группы риска ещё до появления конфликта.

Также важным аспектом практического контроля является взаимодействие с родственниками осуждённых[4].

Заключение. УИИ играют ключевую роль в разрешении семейных конфликтов осуждённых без изоляции от общества, поскольку именно через семью проходят основные риски рецидива, нарушения порядка отбывания наказания и социальной дезадаптации. Реальная практика показывает, что:

- большинство нарушений связано с внутрисемейным стрессом;
- инспекторы вынуждены выполнять функции медиаторов, социальных работников и психологов;
- успешное разрешение конфликтов напрямую повышает эффективность наказаний и снижает рецидив.

Надо сказать, что необходима системная реформа. Переход к пробационной модели, расширение межведомственного взаимодействия, внедрение семейной медиации и снижение нагрузки на сотрудников УИИ. Только в этом случае наказания без изоляции смогут действительно выполнять свою исправительную функцию.

Список литературы:

1. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ.
2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».
3. Ивлиев П.В. Роль общественных организаций в исправлении осуждённых // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 464-466.
4. Ивлиев П.В., Шиманская С.В. Контроль за осуждёнными в УИС: вызовы и направления развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 463-466.

References:

1. "Criminal Executive Code of the Russian Federation" of 08.01.1997 N 1-FZ.
2. Federal Law of June 23, 2016 N 182-FZ "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation".
3. Ivliev P.V. "The Role of Public Organizations in the Rehabilitation of Convicts" // Law and State: Theory and Practice No. 9 (237), 2024, pp. 464-466.
4. Ivliev P.V., Shimanskaya S.V. "Monitoring of Convicts in the Penal System: Challenges and Directions for Development" // Law and State: Theory and Practice No. 3, 2025, pp. 463-466.

АПЕЛЛЯЦИЯ, КАК ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАЩИТИТЬ СВОИ ПРАВА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА APPEAL AS THE LAST OPPORTUNITY TO DEFEND YOUR RIGHTS AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

ГОРШКОВА Ксения Николаевна,

аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410002, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Комсомольская д.34/38.

E-mail: enhva.tchenel@yandex.ru;

GORSHKOVA Ksenia Nikolaevna,

Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy.

410002, Russia, Saratov region, Saratov, Komsomolskaya str., 34/38.

E-mail: enhva.tchenel@yandex.ru

Краткая аннотация: Ведение. Апелляция – один из важнейших правозащитных механизмов отечественного судопроизводства, именно она выступает грантом защиты прав участников на досудебных стадиях уголовного процесса. Проблемы, возникающие при обжаловании промежуточных судебных решений негативно отражаются на реализации права на обжалование. Цель. Главной целью данного исследования является поиск и разработка способов решения теоретических и практических проблем возникающих при обжаловании промежуточных судебных решений. Методологическая основа: Для достижения поставленных целей настоящего исследования была использована комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания: диалектический метод, метод анализа и синтеза составных частей, отдельных признаков понятий, логический метод, социологический и формально-логический методы, сравнительно-правовой анализ. Результаты. Автором высказаны предложения о законодательном изменении понятий «промежуточное судебное решение» и «итоговое судебное решение», а также представлена авторская концепция классификации промежуточных судебных решений. Выводы. Апелляционное обжалование промежуточных судебных решений – последняя возможность для участников уголовного дела защитить свои законные права. Предлагаем авторскую классификацию промежуточных судебных решений, главный критерий которой – это возможность обжаловать судебное решение до вынесения приговора. Главным критерием, которой будет именно практика, а именно возможность повлиять на итоговое судебное решение суда первой инстанции до вынесения приговора.

1. Решения, которые возможно обжаловать до вынесения судебного решения (п. 3 ст. 389.2 УПК РФ);

2. Решения, которые возможно обжаловать только совместно с приговором (п. 2 ст. 389.2 УПК РФ).

Abstract: Introduction. The appeal is one of the most important human rights mechanisms of domestic legal proceedings, it is she who acts as a grant to protect the rights of participants in the pre-trial stages of the criminal process. The problems that arise during the appeal of interim court decisions negatively affect the exercise of the right to appeal. Goal. The main purpose of this research is to find and develop ways to solve theoretical and practical problems that arise when appealing interim court decisions. Methodological basis: To achieve the goals of this study, a set of general scientific and private scientific methods of cognition was used: the dialectical method, the method of analysis and synthesis of components, individual features of concepts, the logical method, sociological and formal logical methods, comparative legal analysis. Results. The author makes proposals for legislative changes to the concepts of "interim judgment" and "final judgment", and also presents the author's concept of classification of interim judgments. Conclusions. The appeal of interim court decisions is the last opportunity for participants in a criminal case to defend their legal rights. We propose an author's classification of interim judgments, the main criterion of which is the possibility to appeal the court decision before sentencing. The main criterion will be the practice, namely the ability to influence the final judicial decision of the court of first instance before sentencing.

1. Decisions that can be appealed before a court decision is rendered (Clause 3 of Article 389.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation);

2. Decisions that can be appealed only in conjunction with the verdict (clause 2 of Article 389.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Ключевые слова. Промежуточные судебные решения, классификация промежуточных судебных решений, итоговое судебное решение, суд, апелляция, жалоба.

Keywords. Interim judgments, classification of interim judgments, final judgment, court, appeal, complaint.

Для цитирования: Горшкова К.Н. Апелляция, как последняя возможность защитить свои права на досудебных стадиях уголовного процесса // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 501-505. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_501.

For citation: Gorshkova K.N. Appeal as the last opportunity to defend your rights at the pre-trial stages of the criminal process // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 501-505. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_501.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2025

В уголовном процессе России существует проблема обжалования промежуточных судебных решений в апелляционной инстанции.

Проблемы, связанные с обжалованием промежуточных судебных актов, можно классифицировать на две категории: теоретические и практические. К числу наиболее значимых теоретических аспектов следует отнести необходимости точного определения понятия «промежуточные судебные акты» и отсутствие унифицированной системы их классификации.

Неопределенность в базовых понятиях накладывает отпечаток и на практическую деятельность, приводя к нарушениям норм уголовно-процессуального права [2, с. 6].

Отечественные ученые не имеют единого мнения насчет определения «промежуточные судебные решения». Так, Ершова Н.С. полагает, что «промежуточные судебные решения – это все решения, за исключением итоговых, вынесенные на досудебных и судебных стадиях процесса, которыми уголовное дело не разрешается по существу и которые направлены на решение задач уголовного процесса» [4, с. 204].

Иную позицию занимал Фоницкий И.Я. в его эпоху промежуточное судебное решение, известное как частное определение суда, представляло собой постановление, направленное на рассмотрение конкретного предварительного вопроса [8, с. 1]. Такое решение могло быть

вынесено как единолично судьей, так и коллегиальным судебным органом.

Обратимся к п. 53.3 ст. 5 УПК РФ: «промежуточное судебное решение – это все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения». Необходимо сравнить данное определение с тем, какое определение дает законодатель итоговому судебному решению в п. 53.2 ст. 5 УПК РФ: «приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу».

Приведенные выше формулировки представляются нам некорректными, поскольку они не принимают во внимание существование апелляционной инстанции в рамках уголовного процесса. Хотя в отдельных случаях апелляционное производство может и не быть инициировано, статистика судебных дел свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев граждане активно реализуют своё право на обжалование судебных решений.

Так, за 2023 год в апелляционную инстанцию было обжаловано 353 860 приговоров судов первой инстанции, за аналогичный период прошлого года (далее АППГ) – 356 926 приговоров¹. Только Верховным Судом в качестве кассационной инстанции за 2023 год рассмотрено 30 694 жалоб², АППГ – 41 894 жалобы и представления³.

Исходя из этого, возникает вопрос, а можно ли считать итоговым решение, которое в большинстве случаев будет обжаловано в вышестоящую инстанцию? И можно ли называть итоговым решением приговор, по который в апелляционной инстанции был отменен или изменен?

Базируясь на нашем анализе, предлагаем внести изменения в понятия «итоговое судебное решение» и «предварительное судебное решение». Под итоговым судебным решением стоит понимать приговор, который вступил в законную силу после истечения установленного законом срока для обжалования и не был изменен вышестоящим судом. Если же приговор был обжалован, но изменения не были внесены, его также можно считать окончательным.

Предварительное судебное решение включает в себя судебные акты, принятые на досудебных стадиях уголовного процесса, а также приговоры судов первой, апелляционной и кассационной инстанции, которые были обжалованы. Если в результате рассмотрения жалобы суд принял новое решение или внес изменения в ранее принятое, такое решение также можно считать предварительным.

Необходимо заменить данными определениями в п. 53.2 и п. 53.3 ст. 5 УПК РФ уже существующие. Только после этого дополнения два понятия «промежуточное судебное решение» и «итоговое судебное решение» будут логически взаимосвязаны, и не будут противоречить друг другу, а также будут учитывать современные тенденции развития уголовного процесса.

Дискуссионный характер носит также проблема классификации промежуточных судебных актов, которая имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, требуется определить порядок обжалования таких актов, поскольку для различных категорий судебных решений предусмотрены различные процедуры обжалования.

Категоризация промежуточных судебных актов оказывает значительное влияние на весь процесс уголовного судопроизводства.

По мнению некоторых исследователей, «промежуточные судебные постановления являются ключевой процессуальной основой, регламентирующей права и обязанности участников уголовного судопроизводства. Эти акты обеспечивают своевременное и объективное рассмотрение уголовных дел, предотвращая необоснованные процессуальные задержки. К данной категории относятся судебные акты, направленные на обеспечение надлежащего хода судебного разбирательства. Они могут быть адресованы лицам, не являющимся на судебные

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации//URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата ознакомления 03.03.2025).

² О Б З О Р статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел// URL: <https://www.vsrif.ru/documents/statistics/33400/> (дата ознакомления 04.03.2025).

³ О Б З О Р статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел// URL: <https://www.vsrif.ru/documents/statistics/32115/> (дата ознакомления 04.03.2025).

заседания без уважительных причин, а также тем, кто нарушает порядок в зале суда» [3, с. 302].

Схожую точку зрения высказывает Чревтокин А.С., который подчеркивает: «в процессе рассмотрения уголовного дела создается множество промежуточных судебных актов. Эти акты, которые называют промежуточными, служат фундаментом для судопроизводства, а итоговые судебные решения принимаются на их основе» [6, с. 200].

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует чёткая градация промежуточных судебных решений. Некоторые исследователи предлагают классифицировать их по критериям, связанным с процедурой обжалования.

Классификация промежуточных судебных решений может быть представлена следующим образом:

- постановления, которые могут быть обжалованы только после вступления в законную силу итогового судебного акта по делу;
- постановления, которые затрагивают основные конституционные права участников уголовного процесса;
- постановления, которые не подлежат обжалованию при установлении факта недееспособности обвиняемого [1, с. 101].

А. С. Чревтокин предлагает два подхода к классификации промежуточных судебных решений в уголовном процессе.

Первый подход основан на этапах уголовного судопроизводства, на которых принимаются такие решения. В соответствии с этим критерием можно выделить три типа решений:

- решения, принимаемые на досудебных стадиях уголовного дела;
- промежуточные судебные решения, которые выносятся в ходе судебного разбирательства;
- решения, принимаемые в процессе исполнения окончательного судебного решения.

Второй подход фокусируется на частоте использования промежуточных судебных решений на различных этапах уголовного процесса.

В соответствии с этим критерием можно выделить следующие категории:

- решения, которые применяются на всех этапах процесса. К ним относятся ходатайства об отводе и признании лица участником процесса;
- решения, которые используются на нескольких этапах. В эту категорию входят решения о мерах пресечения, допустимости отдельных доказательств и приостановлении производства по уголовному делу;
- решения, характерные только для одного этапа. К ним относятся судебные решения о проверке законности проведения обыска, назначении судебного заседания и снятии судимости;
- решения, которые принимаются в рамках одной из форм судопроизводства внутри определённого этапа. Например, решение о роспуске коллегии присяжных заседателей [7, с. 15].

В наш век развития института обжалования в апелляционной, кассационной стадии и надзоре, когда границы между понятиями промежуточное судебное решение и итоговое судебное решение стираются, назрела необходимость изменения классификации промежуточных судебных решений.

Мы предлагаем следующую классификацию промежуточных судебных решений, за главный критерий которой предлагаем взять возможность обжаловать судебное решение до вынесения приговора. Она будет учитывать именно практический критерий, а именно возможность повлиять на итоговое судебное решение суда первой инстанции до вынесения приговора.

1. Решения, которые возможно обжаловать до вынесения судебного решения п.3 ст.389.2 УПК РФ;
2. Решения, которые возможно обжаловать только совместно с приговором п.2 ст.389.2 УПК РФ.

Наличие официальной классификации позволит избежать множества серьезных проблем связанных с выбором и способом обжалования промежуточных судебных решений, что позволит прийти к единой правоприменительной практике.

Особое внимание необходимо уделить практическим проблемам, с которыми сталкиваются, лица при попытке обжаловании промежуточных судебных решений.

Так по ч.3 ст. 389.2. УПК РФ «До вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат постановления мирового судьи, другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления».

Данное положение существенно отличает апелляционную стадию от кассационной, в которой промежуточное судебное решение возможно обжаловать только совместно с итоговым актом. Так апелляционная стадия является последней инстанцией в которую может обратиться, лицо чьи права были нарушены на досудебных стадиях до вынесения итогового судебного решения.

В своём Постановлении Пленума Верховный Суд РФ говорит, что необходимо «обратить внимание судов на то, что промежуточные решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела, подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу»¹.

Так апелляционная жалоба на промежуточное судебное решение, вынесенное в рамках ст.125 УПК РФ, должно быть, подана до вынесения итогового судебного решения. В законе отсутствуют точные сроки, ограничивающие данное право.

При этом законодатель дает возможность обжаловать промежуточное судебное решение также совместно с итоговым решением, в законом установленные сроки. Так при обжаловании промежуточного судебного решения совместно с приговором жалобу необходимо подать в течение 15 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а осужденным, содержащимся под стражей, - в тот же срок со дня вручения ему копий приговора, определения, постановления.

Существует не точность в ПП ВС РФ № 26, так в п.9 сказано, что «по общему правилу, в указанные сроки могут быть поданы апелля-

ционные жалоба, представление и на промежуточные судебные решения, подлежащие самостоятельному обжалованию».

Необходимо внести изменения в ч. 1 ст.389.4 УПК РФ и дополнить её словами «промежуточные судебные решения». Так как формулировка статьи неточная и может привести к нарушениям прав участникам уголовного процесса, которым может быть необоснованно отказано в защите прав.

Чётко установленные процессуальные сроки, это залог надежной защиты прав участников уголовного судопроизводства от злоупотребления со стороны суда и прокурора.

Процедура апелляционного обжалования промежуточных судебных решений не отличается от апелляционной процедуры по итоговому судебному решению и регулируется ст. 389.13 УПК РФ. Ряд правоведов полагают, что процедура обжалования промежуточных судебных решений должна отличаться от обжалования итоговых судебных решений.

Так говорит Матейчук В.И., что «процедура пересмотра промежуточных судебных решений в суде второй инстанции должна отличаться. Она должна быть регламентирована законодателем с учетом изъятий, предусмотренных соответствующими статьями УПК для рассмотрения судебных актов различных категорий. К таким изъятиям можно отнести отсутствие последнего слова, непредставление доказательств, а представление материалов и обоснование своих позиций, наличие либо отсутствие возможности произнесения реплик. В идеале данная процедура должна быть унифицирована для апелляционного рассмотрения всех промежуточных решений» [5, с. 70].

Мы считаем, что упрощение процедуры обжалования промежуточных судебных актов может привести к тому, что апелляция превратится в «судебный конвейер» не разрешающая по существу жалобы, а также приведет к увеличению количества отказанных в удовлетворении жалоб. Многоступенчатая процедура дает гарантию, что доводы сторон будут услышаны и истолкованы правильно - это барьер позволяющий отделить важные сведения от второстепенных.

Излишний формализм и несоблюдение полной процедуры нередко приводят грубым ошибкам, которые потом приходится обжаловать в вышестоящие инстанции.

Нередко судьи, рассматривая поступающие жалобы, допускают грубые ошибки:

1. Суд отказал в приеме жалобы, но при этом приступил к оценке доводов (фактически он ее рассматривал)ⁱⁱ.
2. По закону, жалоба подлежит возвращению, если она не содержит необходимых сведений, что препятствует ее рассмотрению. То обстоятельство, что суд ранее высказывал позицию о законности обжалуемого постановления, к таким основаниям не относитсяⁱⁱⁱ.
3. Если в жалобе заявитель говорит, что отсутствует надлежащий повод и основание для возбуждения уголовного дела, ему нельзя отказывать в принятии жалобы, мотивируя отсутствием предмета для обжалования.^{iv}
4. Суд, отказывая в принятии жалобы, не учел, что заявитель выражал несогласие с бездействием руководителя следственного органа, связанным с непроведением процессуальной проверки в порядке ст. 144 - 145 УПК РФ по его заявлению^v.
5. Суд первой инстанции в нарушение положений ч.3 ст. 125 УПК РФ рассмотрел жалобы в отсутствие заявителя, настаивающего на проведении заседания с его участием^{vi}.
6. Отсутствие возможности своевременно обжаловать постановление суда в связи с тем, что копия процессуального документа в установленный законом срок не вручена адвокату^{vii}.

Из приведенного практического материала вытекают выводы о том, что большинство нарушений права на обжалование связано именно с недостаточной квалификацией судей, их спешкой и невнимательностью при рассмотрении поступающих жалоб.

Упрощение процедуры обжалования приведёт к тому, что апелляция перестанет выполнять свои функции «судебного фильтра» и процессуальные ошибки будут тянуться в плоть до кассации. Подобный подход не рационален и помимо нарушения прав граждан, он будет накладывать излишнее финансовое бремя на государство. Это вызовет новые вопросы, а так ли необходим уголовному процессу дорогостоящий и плохо работающий инструмент, возможно ли отказаться от него?!

Только усложнение процедуры обжалования в апелляционной инстанции, внимание к деталям и четкая регламентация позволит снизить количество судебных ошибок, а соответственно изменит в лучшую сторону реализацию права на обжалование на досудебных стадиях уголовного процесса.

Список литературы:

- 1.Ахметшин И.А. Проблемные вопросы апелляционного пересмотра промежуточных судебных решений в уголовном судопроизводстве//Вестник Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акумулы.2021. №1. С.99-106.
- 2.Беляев М.В. Судебные решения в Российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательства и практики- дис. Канд. юрид. наук- 2019. Москва. - 472 с.
- 3.Давыдов В.А., Дорошков В.В., Зеленин С.Р., Кондратов П.Е., Степалин В.П., Хомицкая Т.П., Червоткин А.С., Шалумов М.С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в двух частях, часть вторая; под ред. д.ю.н., проф. В.М. Лебедева; 8-е изд., перераб. и доп.). - М.: «Издательство Юрайт», 2019. -302 с
- 4.Ершова Н.С. Итоговые и промежуточные уголовно-процессуальные решения / Актуальные проблемы российского права.2012. №3. С.198-205.
- 5.Матейчук В.И. Апелляционное обжалование промежуточных решений в уголовном судопроизводстве как гарантия соблюдения конституционных прав// Социум и власть. 2015. №1. С.67-73.
- 6.Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве: монография. - М.: «Проспект», 2017. - 376 с.
- 7.Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе- Автореферат диссер. канд. юрид.наук.2014. Москва. – 204 с.
- 8.Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. URL: <http://civil.consultant.ru/reint/books/292/2.html>. (дата обращения 23.06.2025).

References:

1. Akhmetshin I.A. Problematic issues of appellate review of interim judgments in criminal proceedings//Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla.2021. No. 1. pp.99-106.
- 2.Belyaev M.V. Judicial decisions in the Russian criminal process: theoretical foundations, legislation and practice - dis. Candidate of Law. Sciences- 2019. Moscow. - 472 p.
- 3.Davydov V.A., Doroshkov V.V., Zelenin S.R., Kondratov P.E., Stepalin V.P., Khomitskaya T.P., Chervotkin A.S., Shalunov M.S. The practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in two parts, part two; edited by Doctor of Law, professor V.M. Lebedeva; 8th ed., revised. and add.). - M.: "Yurayt Publishing House", 2019. -302 p.
- 4.Yershova N.S. Final and intermediate criminal procedural decisions / Actual problems of Russian law.2012. No. 3. pp.198-205.
5. Mateychuk V.I. Appeal of interim decisions in criminal proceedings as a guarantee of respect for constitutional rights// Society and power. 2015. No. 1. pp.67-73.
- 6.Chervotokin A.S. Interim judicial decisions in criminal proceedings: a monograph. Moscow: Prospect, 2017. 376 p.
7. Chervotokin A.S. Interim court decisions and the procedure for their review in the Russian criminal process - Abstract disser. Candidate of Sciences. Law.sciences.2014. Moscow. - 204 p –
- 8.Foynitsky I.Ya. The course of criminal justice / I. Ya. Foynitsky. URL: <http://civil.consultant.ru/rerint/books/292/2.html>. (accessed 23.06.2025).

ⁱ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 27.06.2023) "О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции" / Консультант Плюс//2 URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/?ysclid=maw4v1z91e874369703 (дата обращения 15.04.2025).

ⁱⁱ Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 декабря 2020 г. по делу № 10-189716/2020// Консультант Плюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1410066#sVVrgwUwdVExaOps> (дата обращения 13.09.2025).

ⁱⁱⁱ Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 июня 2016 г. № 10-9335/2016// Гарант URL: <https://base.garant.ru/142963116/> (дата обращения 13.09.2025).

^{iv} Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.10.2015 по делу N 210-4645/2015/ Консультант Плюс URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=943397#VizsgwU4AT6mIC4p> (дата обращения: 13.09.2025).

^v Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 18 января 2021 г. № 22К-34/2021 // Сайт Ульяновского областного суда/ URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=91880> (дата обращения 13.09.2025).

^{vi} Апелляционное постановление № 10-6771/2025 от 25 марта 2025 г. по делу № 3/12-0184/2024/ Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/F7c3V8nHAGdZ/> (дата обращения 14.09.2025).

^{vii} Апелляционное постановление № 10-6553/2025 от 24 марта 2025 г. по делу № 3/12-0637/2024 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZWklPvqqfBWc/> (дата обращения 14.09.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_506

УДК 343.34

КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

CRITERIA FOR DIFFERENTIATION OF CRIMINAL OFFENCES AND ADMINISTRATIVE OFFENCES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: DOCTRINAL AND LEGISLATIVE ASPECTS

ТАРХАНОВ Ильдар Абдулхакович,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
научный руководитель юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: itarhanov@mail.ru

ГОЛУБЕВ Станислав Игоревич,

доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: S.Golubev16@rambler.ru

ЙУЛДОШЕВА Алина Козимжон кизи,

магистрант кафедры уголовного права юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: alinayuldosheva@mail.ru

TARKHANOV Ildar Abdulkhakovich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University,
Academic Director of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University.
18, Kremlevskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008.
E-mail: itarhanov@mail.ru

GOLUBEV Stanislav Igorevich,

Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University.
18, Kremlevskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008.
E-mail: S.Golubev16@rambler.ru

YULDOSHEVA Alina Kozimzhon kizi,

Master's student of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University.
18, Kremlevskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008.
E-mail: alinayuldosheva@mail.ru

Краткая аннотация: Актуальность исследования обусловлена возрастающей антропогенной нагрузкой на окружающую среду и необходимостью точной квалификации экологических деликтов. Цель работы — комплексный анализ критериев разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в сфере экологии. На основе сравнительно-правового анализа дефиниций ст. 14 УК РФ и ст. 2.1 КоАП РФ исследуется классический критерий общественной опасности. Рассматриваются доктринальные позиции, признающие общественную опасность ключевым разграничительным признаком, а также альтернативный подход, акцентирующий роль степени общественной опасности. Выявляются недостатки последнего подхода, в частности его несоответствие формальным составам преступлений и отсутствие законодательно закрепленных критериев тяжести последствий. Анализируется возможность использования в качестве критерия объекта посягательства, учитывая дискуссию о тождественности охраняемых правом отношений.

Abstract: The relevance of this research is determined by the increasing anthropogenic burden on the environment and the need for precise classification of environmental offenses. The objective of this paper is to comprehensively analyze the criteria for distinguishing between criminal offenses and administrative offenses in the environmental sphere. Based on a comparative legal analysis of the definitions of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 2.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the classical criterion of social danger is examined. Doctrinally, positions recognizing social danger as a key distinguishing feature are considered, as well as an alternative approach emphasizing the role of the degree of social danger. The shortcomings of this latter approach are identified, in particular its inconsistency with the formal elements of crimes and the lack of legislatively established criteria for the severity of consequences. The possibility of using the object of the offense as a criterion is analyzed, taking into account the debate about the identity of legally protected relations.

Ключевые слова: экологические преступления, административные правонарушения, охрана окружающей среды, общественная опасность, критерии общественной опасности, объект преступления, квалификация деяний.

Keywords: environmental crimes, administrative offenses, environmental protection, public danger, criteria of public danger, object of crime, qualification of acts.

Для цитирования: Тарханов И.А., Голубев С.И., Юлдошева А.К. кизи. Критерии дифференциации уголовных преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды: доктринальные и законодательные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 506-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_506.

For citation: Tarkhanov I.A., Golubev S.I., Yuldosheva A.K. kizi. Criteria for differentiation of criminal offences and administrative offences in the field of environmental protection: doctrinal and legislative aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 506-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_506.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Растущее потребительское отношение к окружающей среде со стороны человека, расширение производственных процессов, оказывающих негативное воздействие как на отдельные компоненты природы, так и на благосостояние общества в целом, становятся причиной увеличения преступлений, направленных против охраны экологической безопасности, в связи с чем возникает вопрос об анализе и создании структурированной системы, позволяющей определить критерии общественной опасности данных деяний, отграничивающих их от правонарушений административного характера.

Ч. 1 ст. 14 УК РФ¹ определяя сущность преступления, закрепляет, что таковым является виновное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. Само понятие общественной опасности все еще остается дискуссионным [1, с. 23], однако неизменным остается то, что именно с ней (опасностью) и связывают преступление, это является его признаком, который служит основанием для криминализации [2, с. 125].

А. А. Пионтковский, говоря об общественной опасности преступного деяния, отмечал, что она наносит непосредственный вред общественным отношениям или же подразумевает возможность его нанесения [3, с. 157]. В. В. Мальцев отмечает, что «общественная опасность является существенным социальным свойством, выражающимся в направленности общественно опасного деяния на причинение значимого для уголовного законодательства вреда охраняемым им общественным отношениям» [4, с. 185]. Ю. И. Ляпунов пишет о том, что посредством общественной опасности происходит измерение качественных и количественных показателей вредности и антисоциальности преступления [5, с. 38].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в п. 1 отмечает следующее: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)»².

В особом мнении судьи К. В. Арановского в составе Постановления Конституционного Суда РФ говорится о субъективности общественной опасности и что «она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий. Уголовный закон выражает меру опасности по итогам законодательной процедуры в обобщенной условной оценке, которую деяние получает в представлениях и решениях субъектов законодательной деятельности, когда они нормативным образом квалифицируют его и тем самым называют границы, чтобы суд со своей стороны мог в этих пределах квалифицировать опасность отдельных преступлений по отдельным уголовным делам»³.

Если говорить об административных правонарушениях, то ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ закрепляет следующее определение: «Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»⁴. Из него видно, что, во-первых, отсутствует такой признак как общественная опасность, а, во-вторых, Кодекс предусматривает возможность привлечения к ответственности юридических лиц (что на данный момент невозможно по уголовному законодательству Российской Федерации, однако вопрос является дискуссионным уже на протяжении многих лет, и существуют как сторонники данного закрепления [6, с. 166; 7, с. 16], так и явные противники [8, с. 62]), и это то, что должно служить непосредственным основанием дифференциации уголовных деяний и административных правонарушений, в том числе в случаях нарушения норм, направленных на защиту окружающей среды.

Данную позицию поддерживает В. Н. Кудрявцев, отмечающий, что «всякое правонарушение причиняет ущерб, наносит вред обществу. Но качество общественной опасности как характеристики особенно тяжкого вреда присуще лишь преступлению, отличая его от иных правонарушений» [9, с. 144].

Но несмотря на представленное выше законодательное закрепление, науке уголовного права известна позиция, которую поддерживает ряд авторов, отмечающих, что основанием для различия преступления от правонарушения в сфере охраны окружающей среды является количественный показатель [10, с. 48]. Ее приверженцы утверждают, что само понятие как «общественная опасность» не является основанием для дифференциации уголовных деяний от административных, что между данными способами защиты охраняемых законом прав нет сильно различия [10, с. 48], все зависит исключительно от степени общественной опасности совершенного [11, с. 478; 12, с. 343].

Так А. И. Коробеев говорит о том, что различие между тем, что является уголовно наказуемым и тем, что таковым не является крайне сложно выявить, в связи с чем общественная опасность должна рассматриваться как «общее свойство всех правонарушений» [13, с. 38]. А. В. Староверов отмечает значимость непосредственно наступивших общественно опасных последствий, служащих тем самым препятствием, которое мешает перерасти административному правонарушению в уголовное деяние, они «являются тем необходимым «добавлением», без которого содеянное не достигнет достаточной для криминализации общественной опасности» [14, с. 162]. Аналогичной позиции придерживается И. В. Попов, утверждающий о возможности разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений, направленных против охра-

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2015. – № 295 (6866).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134843/ (дата обращения: 10. 11. 2025)

⁴ Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации № 1 от 7 января 2002 г. Ст. 1

ны экологической безопасности, посредством степени воздействия на окружающую среду, которую можно оценить, опираясь на негативность наступивших последствий [15, с. 41].

Таким образом, сторонники данной позиции, обосновывая свои взгляды, утверждают о наличии признака общественной опасности, как и в уголовных преступлениях, так и в административных правонарушениях, для них он является общим, единственное отличие лишь в размере причиненного вреда.

Подобная концепция, на наш взгляд, является вполне логичной, однако в проекции на экологические преступления проявляются некоторые недостатки, основным из которых является необходимость закрепления в уголовном законодательстве РФ исключительно материальных составов, направленных на охрану окружающей среды, что в настоящий момент таковым не является (например, ст. 253 УК РФ – Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации; ст. 258.1 УК РФ – Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации; ст. 260.1 УК РФ – Умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации).

Недостаток указанной позиции выражается также в установлении «расплывчатых» общественно опасных последствий в случае совершения деяния, уголовная ответственность за который закреплена в Главе 26 УК РФ (например, ч. 1 ст. 251 УК РФ, устанавливающая ответственность за загрязнение атмосферы, которая возможна в случае «если эти деяния повлекли загрязнение воздуха или иное изменение природных свойств воздуха»¹). В связи с чем нет точного понимания какой объем вреда должен быть нанесен экологической безопасности с целью определения возможности применения данной нормы.

По данной проблеме некоторые ученые высказываются о применении такого понятия как «существенность», что в случае наступления непосредственно существенного вреда возможно применение уголовно-правовых норм [16, с. 64]. Однако отсутствует и определение данного признака, что в случаях с экологическими преступлениями следует понимать под таковыми последствиями. Исключением является лишь ч. 1 ст. 247 УК РФ, к которой Постановление Пленума Верховного суда № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» дает следующее определение существенности: «существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица, а существенный вред окружающей среде – в ее загрязнении, отравлении или заражении, изменении радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья или жизни человека, и т. п.»². Однако это не дает разъяснения по иным составам, закрепленным в Главе 26 УК РФ.

Существует также позиция, согласно которой основанием для разграничения преступлений от административных правонарушений, направленных против охраны окружающей среды, является объект совершенного деяния, поскольку он является основным критерием в отделении преступного от непроступного, однако авторы дополнительно отмечают невозможность отграничивать уголовные экологические деяния от административных по всем составам, закрепленным законодательством, поскольку в некоторых случаях данный объект будет совпадать [10, с. 52 – 53] (например, в случае со ст. 261 УК РФ – Уничтожение или повреждение лесных насаждений и ст. 8.32 КоАП РФ – Нарушение правил пожарной безопасности в лесах).

В свою очередь Н. И. Кузнецова, ставя под сомнение данное утверждение, говорит о едином объекте как уголовного, так и административного посягательства на охрану окружающей среды, который выражается в форме общественных отношений, направленных на обеспечение экологической безопасности [17, с. 33].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному можно прийти к следующим выводам:

1. Законодательное закрепление общественной опасности как одного из основных признаков преступления не является абсолютным критерием, отграничивающим преступления в области охраны окружающей среды от административных правонарушений.
2. На данный момент в уголовно-правовой науке сложилась устойчивая позиция, согласно которой сама общественная опасность не является как таковым основанием для дифференциации уголовных правонарушений и административно-правовых ввиду всеобъемлемости данного признака, в противовес ставится ее количественный показатель, т.е. непосредственно степень общественной опасности, уровень причиненного вреда обществу. Однако сама концепция, обладая логичностью на наш взгляд имеет и ряд недостатков, которые проявляются в способе конструирования норм Главы 26 УК РФ, выражающиеся в наличии формальных составов, а также в отсутствии критериев существенно-сти и иных последствий вреда, что приводит к невозможности детально определить рассматриваемую степень общественной опасности.
3. Позиция, согласно которой возможным разграничительным критерием выступает разность объекта преступления и административного правонарушения, направленного против экологической безопасности, на наш взгляд является не совсем жизнеспособна, поскольку, как в случае с уголовным законодательством, так и в случае с административным, объектом посягательства выступают общественные отношения в области обеспечения экологической безопасности.

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954

² Постановление N 21 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 25 декабря 2012 г.

Список литературы:

1. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.Г. Понятовская. - Екатеринбург, 1997. - 34 с.
2. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. №4. - С. 124 – 140.
3. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А.А. Пионтковский. - М.: Госюриздат, 1961. - 666 с.
4. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве: монография. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 646 с.
5. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского права. М.: ВЮЗШ, 1989. - 119 с.
6. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. - 339 с.
7. Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против, Владивосток, 1999. - 76 с.
8. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. 2015. №7. - С. 57 – 63.
9. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. - 1038с.
10. Безверхов А. Г. Соотношение преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей природной среды // Реализация и защита экологических прав граждан: сборник материалов Всероссийской конференции по вопросам реализации и защиты экологических прав граждан / под ред. А.Г. Безверхова, А.В. Юдина. - Самара: Изд-во «Вектор», 2018. - С. 37 – 56.
11. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004. - 832с.
12. Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2002. - 592с.
13. Коробеев А. И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний (основания установления, характер и реализация в деятельности органов внутренних дел): учебное пособие / А. И. Коробеев. - Хабаровск, 1986. - 80 с.
14. Староверов А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективным признакам составов // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. - С. 160 – 162.
15. Попов И. В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды и административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования // Российский следователь. 2014. № 1. - С. 41 – 45.
16. Яковлева О. А. Вопросы отграничения преступного загрязнения атмосферы от правонарушений и иных составов преступлений // Legal Concept. - 2017. - Т. 16. - № 2. - С. 61 – 65.
17. Кознецова Н. И. Некоторые проблемы отграничения экологических преступлений от административных правонарушений в области охраны окружающей среды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. №1. - С. 32 – 35.

References:

1. Ponyatovskaya T.G. Conceptual Foundations of Criminal Law: History and Modernity: Abstract of Doctor of Law Dissertation / T.G. Ponyatovskaya. - Yekaterinburg, 1997. - 34 p.
2. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. Social Danger of Crime: Concept and Verification Criteria // Law Enforcement. 2020. No. 4. - Pp. 124-140.
3. Piontkovsky A.A. The Doctrine of Crime under Soviet Criminal Law. Course of Soviet Criminal Law: General Part / A.A. Piontkovsky. - Moscow: Gosyurizdat, 1961. - 666 p.
4. Maltsev V.V. Socially dangerous behavior in criminal law: monograph. Moscow: YurLitinform, 2014. - 646 p.
5. Lyapunov Yu.I. Social danger of an act as a universal category of Soviet law. Moscow: VYuZSh, 1989. - 119 p.
6. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal-legal influence: criminal law, criminal statute, criminal-legal policy. St. Petersburg, 2004. - 339 p.
7. Mikheev R.I., Korchagin A.G., Shevchenko A.S. Criminal liability of legal entities: pros and cons, Vladivostok, 1999. - 76 p.
8. Naumov A.V. Criminal liability of legal entities // Lex Russica. 2015. No. 7. - P. 57 – 63.
9. Course of Russian Criminal Law. General Part / edited by V. N. Kudryavtsev, A. V. Naumov. Moscow, 2002. - 1038 p.
10. Bezverkhov A. G. Correlation between Crimes and Administrative Offenses in the Field of Environmental Protection // Implementation and Protection of Citizens' Environmental Rights: Collection of Materials from the All-Russian Conference on the Implementation and Protection of Citizens' Environmental Rights / edited by A. G. Bezverkhov, A. V. Yudin. - Samara: Vector Publishing House, 2018. - P. 37 – 56.
11. Problems of the General Theory of Law and State / edited by V. S. Nersesyants. Moscow, 2004. - 832 p.
12. Syrykh V. M. Theory of State and Law. M., 2002. - 592 p.
13. Korobeev A. I. Criminal Punishability of Socially Dangerous Acts (Grounds for Establishment, Nature, and Implementation in the Activities of Internal Affairs Bodies): A Study Guide / A. I. Korobeev. - Khabarovsk, 1986. - 80 p.
14. Staroverov A. V. Distinction between Crimes and Administrative Offenses Based on Objective Features of Their Composition // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 3. - pp. 160-162.
15. Popov I. V. Problems of Distinction between Crimes against the Natural Environment and Administrative Offenses in the Field of Environmental Protection and Nature Management // Russian Investigator. 2014. No. 1. - Pp. 41–45.
16. Yakovleva, O. A., "Distinction between Criminal Air Pollution and Offenses and Other Crimes," Legal Concept. - 2017. - Vol. 16. - No. 2. - Pp. 61–65.
17. Kuznetsova, N. I., "Some Issues of Distinction between Environmental Crimes and Administrative Offenses in the Field of Environmental Protection," Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. - Pp. 32–35.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_510

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ PECULIARITIES OF ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH JUVENILE OFFENDERS IN INVESTIGATIVE PRACTICE

ЗИННУРОВ Азамат Загирович,

Главный консультант отдела контроля исполнения поручений Контрольного управления Главы РБ.

450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа.

E-mail: specznaniya.ufa@mail.ru;

ZINNUROV Azamat Zagirovich,

Chief Consultant of the Department for the Control of execution

of orders of the Control Department of the Head of the Republic of Bashkortostan.

450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa.

E-mail: specznaniya.ufa@mail.ru

Краткая аннотация. Понятие психологического контакта, условия его установления при производстве вербальных следственных действий продолжают обсуждаться учеными, которые высказывают разные взгляды на эти категории. Кто-то считает психологический контакт обязательным условием получения правдивых показаний, другие полагают, что это тактический прием, третьи рассматривают его как благоприятную атмосферу, способствующую даче достоверных показаний. Иными словами, рассмотрение проблем установления психологического контакта, особенно с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства, является весьма актуальным еще и потому, что только в атмосфере взаимопонимания возможно реализовать воспитательную функцию, которая необходима при работе с несовершеннолетними правонарушителями. Для этого следователь должен не только быть компетентным в профессиональной области, но и знать специфику их речи, возрастные особенности подростков и учитывать их как в процессе установления контакта, так и при производстве следственных действий с их участием.

Abstract. The concept of psychological contact and the conditions for its establishment during the production of verbal investigative actions continue to be discussed by scientists who express different views on these categories. Some consider psychological contact to be a prerequisite for obtaining truthful testimony, others believe that this is a tactical device, while others consider it as a favorable atmosphere conducive to giving reliable testimony. In other words, consideration of the problems of establishing psychological contact, especially with underage participants in criminal proceedings, is also very relevant because only in an atmosphere of mutual understanding is it possible to realize the educational function that is necessary when working with juvenile offenders. To do this, the investigator must not only be competent in the professional field, but also know the specifics of their speech, the age characteristics of adolescents and take them into account both in the process of establishing contact and in carrying out investigative actions with their participation.

Ключевые слова: Несовершеннолетний правонарушитель, психологический контакт, возрастные особенности.

Keywords: Juvenile delinquent, psychological contact, age characteristics.

Для цитирования: Зиннуров А.З. Особенности установления психологического контакта с несовершеннолетними правонарушителями в следственной практике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_510.

For citation: Zinnurov A.Z. Peculiarities of establishing psychological contact with juvenile offenders in investigative practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_510.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

В научной литературе, посвященной тактике производства вербальных следственных действий, ученые акцентируют внимание на эффективности и целесообразности установления психологического контакта с допрашиваемыми для получения правдивых показаний и перечисляют способы, которые могут способствовать этому. Мы также считаем, что психологический контакт между следователем и допрашиваемым участником уголовного судопроизводства играет важную роль и не столько для получения правдивых показаний, сколько как критерий установления доверительных отношений и проявления принципа всесторонности исследования обстоятельств совершенного преступления, так как узнать причины, мотивацию и другие составляющие субъективной стороны преступления невозможно, проводя следственные действия исключительно формально, без психологического взаимодействия. Особую значимость установление психологического контакта имеет при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних, так как следователь должен не только расследовать совершенное преступление, но и в процессе общения оказывать на несовершеннолетнего воспитательное воздействие.

Особенности психического и социального развития подростков требуют от следователя не только юридической грамотности, но и владения базовыми психологическими навыками: установление раппорта, активное слушание, отражение эмоций, нормализация переживаний, использование простых, конкретных вопросов и понятных метафор. Важно не подменять профессиональную позицию попытками «подружиться», но и не оставаться холодно-формальным: нужна ровная, уважительная, предсказуемая манера общения.

Мнения ученых о полезности и необходимости установления психологического контакта с участниками уголовного судопроизводства совпадают и не вызывают споров. Однако понимание сути психологического контакта и цели его установления ученые видят по-разному.

Например, А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева, Н.А. Якубович рассматривали психологический контакт, как своеобразный тактический прием, являющийся предпосылкой для получения правдивых показаний [1]. В.Л. Васильев характеризовал психологический контакт как стадию, в ходе которой «определяются такие общие параметры беседы, как ее темп, ритм, уровень напряженности, основные состояния собеседников и главные аргументы, которыми они будут убеждать друг друга в своей правоте» [2, с. 357].

Л.Л. Каневский рассматривал психологический контакт как «состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [3, с. 112-113]. Такой же позиции придерживался и В.Г. Лукашевич, который полагал, что «психологический контакт – это образное выражение, обозначающее взаимопонимание, доверие и желание двух лиц общаться друг с другом. Это форма взаимоотношения лиц, обменивающихся информацией в какой-либо деятельности» [4, с. 40]. А.Б. Соловьев психологический контакт определял как «способ установления коммуникативных связей, эмоциональное доверие к следователю» [5, с. 42].

Под психологическим контактом, Г.А. Вартанян, понимает своеобразную оболочку, выступающую предпосылкой для взаимодействия и взаимовлияния следователя и допрашиваемого и являющуюся необходимым условием для их успешного общения. Исходя из этого, психологический контакт определяется внутренней и внешней составляющими. Внутренняя составляющая проявляется в готовности к общению каждой из сторон, а внешняя определяется конкретными действиями и способами установления психологического контакта [6, с. 16].

Проанализировав мнения ученых относительно понятия психологического контакта, мы пришли к выводу, что одни понимают его как тактический прием, другие как стадию следственного действия, третьи как состояние или способ установления коммуникативных связей и т.д. Мы придерживаемся мнения тех ученых, которые считают психологический контакт определенным условием, благоприятной атмосферой, в которой происходит взаимодействие общающихся людей.

В этой связи полагаем, что наиболее верным и отражающим суть психологического контакта, устанавливаемого с участниками уголовного судопроизводства, предложила И.А. Макаренко. Она отметила, что «под психологическим контактом следует понимать наличие особой психологической атмосферы, заключающейся в готовности следователя и несовершеннолетнего обвиняемого к общению» [7, с. 293].

Л.Л. Каневский считал, что установление психологического контакта, его поддержание зависят не только от высоких моральных качеств, профессионального мастерства следователя, но и от ряда психических особенностей, характеризующих его умственную и эмоционально-волевую сферу, а именно – коммуникативных, перцептивных, речевых, дидактических, организаторских способностей. Следователь должен обладать способностью положительного эмоционально-волевого влияния на несовершеннолетнего и следственным воображением [3, с. 112-116].

С. Г. Еремеев и А. Ф. Караваев называют установление психологического контакта исходным условием проведения допроса [8]. А. А. Шаевич отмечает, что установление психологического контакта вне зависимости от обстоятельств производства допроса является неотъемлемой его частью, поскольку обеспечивает эффективность проведения любого допроса [9, с. 222–231].

Проанализировав вышеуказанные и иные точки зрения, мы посчитали более ёмкой и содержательной совокупность условий установления психологического контакта следователя с несовершеннолетним правонарушителем, представленную И.А. Макаренко, Она считает, что установление психологического контакта и его поддержание во время следственных действий зависит: 1) от качества организационных мероприятий, проведенных при подготовке к вербальным следственным действиям и непосредственно во время их производства; 2) от профессиональных и нравственно-психологических качеств следователя; 3) от личностных качеств несовершеннолетнего и глубины его социальной запущенности; 4) от готовности несовершеннолетнего к общению со следователем [7, с. 294].

Мы не будем останавливаться на каждом из перечисленных условий, остановимся лишь на психологических особенностях современных несовершеннолетних, которые отличаются от психологических особенностей несовершеннолетних, рожденных до эпохи интернета, и которые следователю необходимо знать.

Согласно ст.ст. 425, 426 УПК РФ, допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого имеет ряд процессуальных особенностей: он не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день; в допросе должен участвовать защитник; при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно участие педагога или психолога. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого.

При соблюдении вышеуказанных процессуальных требований эффективность допроса во многом будет определяться уровнем доверия между следователем и подростком: как быстро удастся снизить тревогу, нормализовать эмоциональный фон и объяснить понятными словами, что сейчас будет происходить и зачем это нужно.

Базовые психологические особенности, свойственные подростковому периоду, остались неизменны.

Повышенная внушаемость. Подросток легче поддается влиянию авторитетной взрослой фигуры, тонко реагирует на интонации, намёки и порядок вопросов. Это требует особой этичности, отказа от наводящих формулировок и давления.

Неустойчивость эмоциональной сферы. Перепады настроения, импульсивность, раздражительность — обычное явление. Отсюда — необходимость коротких фраз, пауз для регуляции, возможности сделать перерыв, предложить воды, изменить темп беседы.

Ориентация на сверстников. Для подростка крайне значимы оценка группы и социальный статус. Вопросы, затрагивающие репутацию среди друзей, стоит задавать деликатно, без обесценивания, признавая реальность его социальных правил.

Когнитивные особенности. Склонность к конкретному мышлению, трудности с абстракциями и юридическими конструкциями, чувствительность к несправедливости. Этим объясняется потребность «переводить» юридические термины на житейский язык, закрепляя понимание контрольными вопросами «своими словами».

Однако современные подростки имеют отличные от прежних несовершеннолетних психологические особенности. Поколение подростков, рожденных с 1997 по 2012 годы, называют **зумеры**. Для несовершеннолетних этого периода понятнее клиповые форматы, критичность к

авторитетам. Лучше работают, когда диалог строится на равных, намерения понятны и объяснения краткие – «почему я это спрашиваю».

Поколение подростков, рожденных с 2013 года, называют поколением **альфа**. Для этих подростков характерен ранний цифровой опыт, короткое внимание, визуально-игровое мышление. Подходит более пошаговая структура: «сейчас сделаем А, потом Б, потом перерыв». Сленг и мемы — инструмент связи, но ими нельзя заменять профессиональный язык и поэтому необходимо, с одной стороны, строить диалог с несовершеннолетним, используя традиционную классическую речь, с другой — знать применяемые современными подростками фразы и при необходимости демонстрировать эти знания.

Для современных подростков характерна **цифровая социализация**. Подростки (Gen Z и Alpha) формируют идентичность в онлайн, опираются на визуальные форматы, эмодзи, короткие клипы, мемы. Они ожидают быстрого темпа, ясности инструкции и нулевой толерантности к неискренности.

Для обеих групп самым важным на сегодняшний день является искренность, уважение границ, предсказуемость действий и способность взрослого адаптировать коммуникацию. В этой связи для сотрудников правоохранительных органов очень важно понимать подростковый сленг, потому что без понимания современного сленга, как инструмента контакта, коммуникация не состоится.

Язык подростков — часть их идентичности. Следовательно, владеющий базовыми терминами, получает шанс быстро снизить напряжение, показать намерение понять и уважить их мир. При этом чрезмерное использование сленга звучит неаутентично и может вызвать «кринж». Использовать сленг нужно точно — как «ключ к двери», а не как основной язык. Не растворяться в подростковой культуре и не играть в своего. Приведем некоторые выражения, используемые современными подростками при общении и знание которых безусловно будет способствовать установлению с ними психологического контакта.

Кринж — неловко, стыдно.
 Зашвар — позор, «жёсткий фейл».
 Рофл — шутка/угар.
 Флексить — показывать себя, хвастаться.
 Чекать — проверять.
 Имба — «нечестно сильная» штука, слишком круто.
 Хайп — ажиотаж, волна внимания.
 Скилл — навык.
 Душила — зануда, «мелочно докапывается».
 Краш — объект симпатии.
 Чилл(ить) — отдыхать, расслабляться.
 Лол/Ору — очень смешно.
 AFK — «не у девайса», офлайн.
 Топчик — очень хорошо, лучшее.
 Шеймить — стыдить, публично пристыжать.
 Триггер — раздражитель, «заводит».
 Буллить — травить, издеваться.
 Скам — обман, «развод».

Примерами употребления этих выражений могут быть следующие: «Если где-то мои вопросы покажутся тебе кринжовыми — скажи, переформулирую попроще»; «Давай чекнем твой маршрут по времени — по шагам, без догадок»; «Если тебе ок, коротко опиши, что тебя больше всего триггерит в этой теме».

Кроме знания подросткового сленга, следователю рекомендуется узнать о несовершеннолетнем допрашиваемом максимально возможную информацию: какие у него увлечения, ближайшее окружение, значимые взрослые. Устанавливать психологический контакт можно со следующей фразой: «Я — (ФИО), моя задача — разобраться, что произошло. Я не буду использовать непонятные слова и не буду торопить. Если что-то непонятно — сразу говори. Мы идём по шагам: короткие вопросы, перерывы по запросу. Твоя задача — говорить то, как ты это помнишь. Если что-то не помнишь — так и говори, это нормально».

При этом тон следователя должен быть спокойным, обращаться к подростку лучше по имени, предупредив его, что в ситуации, в которой он сейчас находится, почти все волнуются — это ок. Можно поинтересоваться увлечениями подростка: игры, спорт, музыка — только нейтральные темы, без фамильярности. Доброжелательность и понимание можно выразить через следующие фразы: «Если нужен перерыв — скажи»; «Я буду иногда уточнять — это не потому, что не верю, а чтобы ничего не перепутать». Если подросток говорит, что не помнит какие то детали, то вряд ли заикленность на забытых деталях будет способствовать воспоминанию, лучше отложить этот эпизод и вернуться к нему позже.

Важно на протяжении всего общения поддерживать психологический контакт словами: «Спасибо, это важно»; «Ты ясно объяснил, мне это помогает». Понимание нужно поддерживать и акцентировать на этом внимание. Например: «На этом этапе всё ок? Продолжаем?».

Так же как современные взрослые понимают не все слова из подросткового сленга, так же и подросток не понимает многие юридические термины. Поэтому перевод следователем юридического на бытовой язык, проверка усвоения будет способствовать поддержанию взаимопо-

нимания: «Смотри, показания — это просто твой рассказ, как ты вспоминаешь события. Мы записываем, чтобы ничего не потерять и не перепутать. Если заметишь ошибку — поправим».

Следователь должен сохранять дистанцию и уважение, в том числе при несогласии: «Я слышу твою версию. Сейчас задам несколько точечных вопросов — это нужно для проверки деталей, а не для того, чтобы тебя подловить»; «Мне важно услышать твою версию полностью. Если что-то не хочется говорить — скажи, мы найдём способ обсудить аккуратно».

Установление психологического контакта с несовершеннолетними правонарушителями — это сочетание правовой грамотности и психологической гибкости. Современные подростки из поколений Z и Alpha требуют адаптированного подхода: простого и честного языка, структурированного темпа, учёта цифровой культуры, а иногда — деликатного использования молодёжного сленга как моста к доверию.

Корректно выстроенный контакт снижает сопротивление, позволяет точнее восстановить события и повышает достоверность сведений без нарушения законности и этики. Для следователя умение говорить на понятном подростку языке, не теряя профессиональной дистанции, — не дополнительная опция, а необходимое условие результативности. Предсказуемость, уважение, прозрачность намерений и чёткая структура допроса — четыре опоры, на которых держится эффективная коммуникация с несовершеннолетними в следственной практике.

Список литературы:

1. Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйман А.А., Якубович Н.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1978. — С. 155; Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса. — М.: Юрид. лит., 1970. — С. 76.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. Учебник для вузов. — М.: Юрид.лит., 1991. — С. 357.
3. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. — Красноярск, 1991. — С. 112 - 113.
4. Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. — Киев: КВШ МВД СССР, 1988. — С. 40.
5. Соловьев А.Б. Допрос свидетеля, потерпевшего. — М., 1974. — С. 42.
6. Вартанян Г. А. Психологический контакт: терминологические проблемы использования феномена в научном обиходе и практической деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 12–18.
7. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дисс. ... докт. юрид. наук. — Саратов, 2006.
8. Еремеев С. Г. Юридическая психология: учеб. пособие. — М. : ДГСК МВД России. — 2011. — 208 с.
9. Шавевич А. А. К вопросу о понятиях «психологический контакт» и «установление психологического контакта» в структуре тактико-криминалистических средств допроса. — Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. — С. 222–231.

References:

1. Selivanov N.A., Tanasevich V.G., Eisman A.A., Yakubovich N.A. Soviet criminalistics. Theoretical problems. Moscow: Yurid lit., 1978.— p. 155; Vasiliev A.N., Karneeva L.M. Tactics of interrogation. Moscow: Yurid lit., 1970., p. 76.
2. Vasiliev V.L. Legal psychology. Textbook for universities. — M.: Jurid.lit., 1991. — p. 357.
3. Kanevsky L.L. Criminalistic problems of investigation and prevention of juvenile crimes. Krasnoyarsk, 1991. pp. 112-113.
4. Lukashovich V.G. Tactics of communication of the investigator with participants of separate investigative actions. — Kiev: KVSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. — p. 40.
5. Solovyov A.B. Interrogation of a witness, victim. — M., 1974. — P. 42.
6. Vartanyan G. A. Psychological contact: terminological problems of using the phenomenon in scientific usage and practical activities of the investigator // Bulletin of Omsk University. The series "Psychology". 2020. No. 2. pp. 12-18.
7. Makarenko I.A. Criminalistic doctrine of the personality of a minor accused: dissertation. ... doct. jurid. sciences'. — Saratov, 2006.
8. Eremeev S. G. Legal psychology: textbook. the manual. — M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2011. — 208 p.
9. Shaevich A. A. On the issue of the concepts of "psychological contact" and "establishing psychological contact" in the structure of tactical and criminalistic interrogation tools. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. — pp. 222-231.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_514

УДК 343

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВАНИЕ СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО ПРАВИЛАМ СТАТЬИ 64 УК РФ

EXCEPTIONAL CIRCUMSTANCES AS THE BASIS FOR MITIGATING PUNISHMENT ACCORDING TO THE RULES OF ARTICLE 64 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

УМАНЕЦ Вера Сергеевна,старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

ул. Вольская, 1, г. Саратов, Саратовская область, 410056, Россия.

E-mail: vs_umanec8@mail.ru;

UMANETS Vera Sergeevna,Senior Lecturer at the Department of Criminal and criminal executive law
FSBEI in "Saratov State Law Academy".

st. Volskaya, 1, Saratov, Saratov Region, 410056, Russia.

E-mail: vs_umanec8@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с назначением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Утверждается, что правовой основой такого смягчения являются исключительные обстоятельства, которые носят оценочный характер. Анализируются позиции ученых, законодательство и судебная практика по установлению и признанию исключительного характера отдельных смягчающих обстоятельств. При изучении поставленных вопросов рассмотрен ряд практических проблем, и их влияние на формирование правоприменительной практики в части смягчения наказания по правилам статьи 64 УК РФ. Дается авторское определение исключительных обстоятельств как правового основания указанного вида смягчения наказания. Формулируются предложения нормативно-правового характера в целях правильного применения статьи 64 УК РФ. и ее влияния на уголовную ответственность в целом.

Abstract: The article discusses issues related to the appointment of milder punishment than provided for this crime. It is argued that the legal basis of such a softening is exceptional circumstances that are evaluative. The positions of scientists, legislation and judicial practice to establish and recognize the exceptional nature of individual mitigating circumstances are analyzed. When studying the issues posed, a number of practical problems are considered, and their influence on the formation of law enforcement practice in terms of mitigating punishment according to the rules of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's definition of exceptional circumstances as a legal basis for the specified type of mitigation of punishment is given. Supply of a regulatory legal nature is formulated in order to correctly apply Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. and its impact on criminal liability in general.

Ключевые слова: более мягкое наказания, основание назначения наказания, исключительные обстоятельства, индивидуализация наказания, уголовная ответственность.

Keywords: milder punishment, the basis for the sentences, exceptional circumstances, individualization of punishment, criminal liability.

Для цитирования: Уманец В.С. Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания по правилам статьи 64 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_514.

For citation: Umanets V.S. Exceptional circumstances as the basis for mitigating punishment according to the rules of article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_514.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025

Проблема выработки критериев для смягчения наказания по правилам ст. 64 УК РФ до сих пор остается нерешенной, поскольку законодатель не устанавливает круг исключительных обстоятельств, что по справедливому мнению ряда ученых, сделать невозможно.

Так, одни ученые считают внесение формальных критериев в уголовный закон не решит указанной проблемы, поскольку признание отдельных смягчающих обстоятельств исключительными трудно [1]. Того же мнения придерживаются и другие ученые, по словам которых, сложно установить круг исключительных обстоятельств [2]. Практика также показывает, что одни и те же смягчающие обстоятельства в одних случаях могут быть признаны исключительными, а в других – нет. К таковым можно отнести, например, деятельное раскаяние. Данные позиции ученых определяют неоднозначность исключительных обстоятельств и требуют мотивационного подхода к их установлению.

Возможность избрания виновному справедливой меры наказания определяется рамками уголовного законодательства, в пределах которого наказание должно индивидуализироваться. Именно индивидуализация уголовного наказания и уголовной ответственности в целом выступает единственно возможным критерием признания исключительными одного и несколько смягчающих обстоятельств. Полагаем особенность такого признания может быть обусловлена спецификой влияния конкретного смягчающего обстоятельства на совершение преступления. К примеру, тяжелые условия жизни семьи, длительная психотравмирующая ситуация. Такие обстоятельства могут особенно влиять на поведение личности, т.е. определять ее преступную направленность, наряду с другими криминальными факторами.

В доктрине уголовного права существует несколько точек зрения относительно понимания исключительного характера обстоятельств. Соглашаясь с мнением ученых, их наличие выходит за пределы обычных ситуаций [3], оценить которые сложная задача суда. Ряд ученых признавал исключительные обстоятельства значимыми [4] или особыми [5]. Полагаем, что особая значимость (исключительность) обстоятельств выражается в существенном снижении степени общественной опасности преступления и придании делу специфических особенностей, позволяющих относить содеянное к нетипичным деяниям.

Как мы видим, современные взгляды ученых на рассматриваемую проблему остаются дискуссионными и актуальными, поскольку требование Верховного суда РФ к соблюдению индивидуального подхода при назначении наказания и в целом к привлечению к уголовной ответственности не исключает судейского усмотрения, а, следовательно, требует конкретизации исключительных обстоятельств для объективного применения ст. 64 УК РФ.

Говоря о понимании исключительных обстоятельств суду следует определить их феноминальность, о чем свидетельствует сам «признак исключительности» [6]. Именно, необходимость учета закрепленных в уголовно-правовой норме юридически значимых признаков преступления и личностных характеристик виновного, позволяет назначить справедливое наказание. Их влияние значительно определяет меньшую степень общественной опасности преступления и самого преступника. Следует отметить, что перечень исключительных обстоятельств носит не типичный, а казуальный характер, поскольку «общественная опасность совершенного преступления может быть значительно снижена в сравнении с санкционированной общественной опасностью соответствующего преступления» [6]. Современные взгляды ученых близки к вышеуказанным высказываниям, но выдвигают свои точки зрения, уточняя, что в нормах уголовного закона закреплены формализованные критерии смягчения наказания [7]. К исключительным обстоятельствам следует отнести фактические обстоятельства, установленные по конкретному делу, которые существенно уменьшают общественную опасность преступления и личности виновного [8].

Круг исключительных обстоятельств в ст. 61 УК РФ не ограничен рамками закона [9]. Признание смягчающих обстоятельств исключительными зависит от внутреннего убеждения суда.

На протяжении многих лет суды редко применяют статью 64 УК РФ. Исключительность рассматриваемой нормы остается прежней. Судебная практика способствует правильному уяснению значимости тех или иных смягчающих обстоятельств в целях признания их исключительными.

Примером служит приговор с учетом ст. 64 УК РФ в отношении М., которому назначено пять с половиной лет лишения свободы и два года ограничения свободы за квалифицированное убийство, в котором исключительными обстоятельствами были признаны: отсутствие у подсудимого судимости, аморальное поведение потерпевших, наличие на иждивении трех малолетних детей, положительная характеристика с места жительства [10].

Говорить об исключительности каждого из обстоятельств может только суд. Условием исключительности выступает минимальная степень общественной опасности преступления и личности виновного, что отражается в приговоре суда. Главным в этом вопросе является изучение личности виновного, мотивов и целей его антисоциального поведения для нахождения оптимальных средств, влияющих на исправление осужденного.

Так, в отношении подсудимой ФИО, обвиняемой в краже денежных средств с банковской карты АО «Альфа-банк» на сумму шесть тысяч сто сорок шесть рублей (ст. 158 ч.3 п. «г» УК РФ), назначен штраф в размере пятнадцати тысяч рублей в доход государства на основании совокупности исключительных обстоятельств [11].

Другой пример. В отношении обвиняемого, совершившего несколько преступлений по ч. 1 ст. 222.1 и ч. 1 ст. 223 УК РФ, наказание тоже было смягчено на основании ст. 64 УК РФ, признав исключительными обстоятельствами: полное признание вины, раскаяние в содеянном, уход за престарелой матерью, что он является опекуном сестры-инвалида [12].

Существующая практика в большинстве случаев признает основанием назначения более мягкого наказания совокупность исключительных обстоятельств, играющих правовую роль в вопросах особого смягчения наказания. Считаем, что совокупность исключительных обстоятельств в отличие от одного, демонстрирует более полное понимание о весомости основания назначения более мягкого наказания, служащего мотивом принятого решения судом. При этом значимость одного исключительного обстоятельства нельзя не оценивать при вынесении приговора с назначением наказания.

Таким образом, понятие исключительных обстоятельств требует уточнения с позиции количественной и качественной частей их составляющих. На наш взгляд, исключительными обстоятельствами должны признаваться одно или несколько значимых обстоятельств, характеризующих преступление и личность виновного, включая его локриминальное, криминальное и посткриминальное поведение. А качественная сторона исключительных обстоятельств зависит от значимости их влияния на процесс преступной деятельности, который в каждом конкретном случае индивидуален, также, как и сам виновный, требует указания в обвинительном приговоре мотивов применения ст. 64 УК РФ при назначении более мягкого наказания. Признание смягчающих обстоятельств исключительными зависит от установленной взаимосвязи всех фактических обстоятельств совершенного преступления, влияния каждого из них на поведение личности виновного в конкретной сложившейся ситуации. Такое установление многообразия характеристик преступления и виновного будет способствовать правильному применению статьи 64 УК РФ.

В этих же целях предлагаем также дополнить абзац 3 пункт 1 действующего Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации требованием указать в приговоре какие смягчающие обстоятельства признаются исключительными, а также мотивы назначения более мягкого наказания, полагая, что данное нормативно-правовое положение внесет единообразие в правоприменительную деятельность по вопросам исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению справедливого наказания.

Список литературы:

1. Плешаков А.М. Применение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом. М., 1982. С. 17.
2. Питецкий В.В. Назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено законом // Вопросы уголовной ответственности и наказания: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1986. С. 157.
3. Орлов В.С. Назначение наказания ниже низшего предела, указанного в законе // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 225.

4. Пашкевич П.Ф. Индивидуализация и мотивировка избираемого судом наказания: Научный комментарий судебной практики за 1967 г. М., 1968. С. 107.
5. Чечель Г.И. Назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено законом // Социалистическая законность. 1974. № 1. С. 67.
6. Звечаровский И.Э. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2012. С. 54-69.
7. Мишкин В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / / Василий Борисович Мишкин - Омск, 2013, С. 8.
8. Митфахов А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Айдар Масхутович Митфахов - Нижний Новгород 2012. С.10-11.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами уголовного наказания» от 22.12.2015 года № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. С. 3.
10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2012 г. по делу N 23-О12-12 // Система ГАРАНТ. 2016.
11. Приговор № 1-387/2024 1-58/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 1-387/2024 Новотроицкий городской суд (Оренбургская область) / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y1krj3eP1id/> (дата обращения: 15.09.2025г.).
12. Приговор № 1-104/2024 1-3/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 1-104/2024 Октябрьский районный суд (Челябинская область) / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/izNk4zEsNl1r/> (дата обращения: 15.09.2025г.).

References:

1. Pleshakov A.M. The application of milder punishment is provided for by law. M., 1982. S. 17.
2. Pititsky V.V. The sentence of a milder punishment is provided for by law // Criminal liability and punishment: Interuniversity collection of scientific papers. Krasnoyarsk, 1986. S. 157.
3. Orlov V.S. The sentence of the lower limit specified in the law // Application of punishment under Soviet criminal law. M., 1958. S. 225.
4. Pashkevich P.F. Individualization and motivation of punishment elected by the court: scientific commentary of judicial practice for 1967 M., 1968. P. 107.
5. Chechel G.I. The sentence of a milder punishment is provided for by law // Socialist legality. 1974. No. 1. S. 67.
6. Zvelycharovsky I.E. The assignment of milder punishment is provided for this crime. -M.: Unity-Dana, Law and Law, 2012. S. 54-69.
7. Mishkin V.B. Mitigation of punishment in criminal law: an abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences / / Vasily Borisovich Mishkin - Omsk, 2013, p. 8.
8. Mitfakhov A.M. Individualization of punishment in its appointment, taking into account exceptional circumstances in Russian criminal law: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences // Aidar Maskhutovich Mitfakhov - Nizhny Novgorod 2012. P.10-11.
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the practice of imposing criminal punishment by courts" dated December 22, 2015 No. 58 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8. S. 3.
10. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 18, 2012 in the case No. 23-О12-12 // Garant system. 2016.
11. Sentence No. 1-387/2024 1-58/2025 dated January 29, 2025 in case No. 1-387/2024 Novotroitsky City Court (Orenburg Region)/URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y1krj3eP1id/> (date of circulation: 15.09.2025).
12. Sentence No. 1-104/2024 1-3/2025 dated January 29, 2025 in case No. 1-104/2024 Oktyabrsky District Court (Chelyabinsk Region)/URL: <https://sudact.ru/regular/doc/izNk4zEsNl1r/> (date of circulation: 15.09.2025).

«ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ УМОЛЧАНИЕ» КАК ПРИЗНАК ИНКВИЗИЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА «PROCEDURAL SILENCE» AS A HALLMARK OF INQUISITORIAL PROCEEDINGS

КИРДИНА Наталия Анатольевна,

доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410018, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Усть-Курдюмская, д. 7 «Г».
E-mail: nataliyakirdina@yandex.ru;

ПЕТРОВА Галина Борисовна,

доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410017, Россия, Саратовская область, г. Саратов, пр-д Телевизионный 2-й, д.12.
E-mail: petrova.gala2010@yandex.ru;

KIRDINA Natalia Anatolyevna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Saratov State Law Academy.
410018, Russia, Saratov Region, Saratov, Ust-Kurdyumskaya Street, 7 "G".
E-mail: nataliyakirdina@yandex.ru;

PETROVA Galina Borisovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Saratov State Law Academy.
410017, Russia, Saratov Region, Saratov, 2nd Televizionny Avenue, 12.
E-mail: petrova.gala2010@yandex.ru

Краткая аннотация: Актуальность статьи обусловлена распространением в современном уголовном судопроизводстве практики подмены непосредственного исследования доказательств их формальным перечислением и кратким пересказом содержания, что разрушает фундаментальные основы состязательности и открытости, придавая им фиктивный характер. Предметом исследования выступает противоречивая судебная практика применения ст. 240 УПК РФ, в рамках которой анализируется феномен «процессуального умолчания» как современный признак инквизиционного подхода, ведущий к снижению доверия к правосудию и утрате легитимности судебных актов.

Abstract: The relevance of the article is due to the widespread practice in modern criminal proceedings of replacing the direct examination of evidence with their formal enumeration and brief retelling of the content, which destroys the fundamental foundations of competitiveness and openness, giving them a fictitious character. The subject of the study is the contradictory judicial practice of applying Article 240 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which analyzes the phenomenon of "procedural silence" as a modern sign of the inquisitorial approach, leading to a decrease in confidence in justice and the loss of legitimacy of judicial acts.

Ключевые слова: непосредственность и устность исследования доказательств, общие условия судебного разбирательства, принцип состязательности, справедливость судебного разбирательства.

Keywords: immediacy and verballity of the examination of evidence, general conditions of the trial, the principle of adversarial proceedings, the fairness of the trial.

Для цитирования: Кирдина Н.А., Петрова Г.Б. «Процессуальное умолчание» как признак инквизиционного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 517-519. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_517.

For citation: Kirdina N.A., Petrova G.B. «Procedural silence» as a hallmark of inquisitorial proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 517-519. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_517.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Почему истинная состязательность и подлинная открытость в деятельности суда невозможны без непосредственного исследования судом всех доказательств именно путем устной речи участвующих в судебном заседании лиц?

Устность является способом выражения непосредственности судебного разбирательства и вместе с тем обеспечивает прозрачность деятельности суда. Известно, что отсутствие устности и гласности – маркеры инквизиционного процесса.

В соответствии с теоретико-правовой позицией Конституционного Суда РФ, право на всестороннее разрешение дела независимым и беспристрастным судом в процедурах, обеспечивающих непосредственность исследования доказательств, и на основе общеправовых принципов справедливости, равенства, презумпции невиновности входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, выступает одной из его процессуальных гарантий, что создает условия для справедливого отправления правосудия и легитимности судебных решений [1].

В процессе судебного разбирательства действует специфичный механизм познания – доказывание обстоятельств уголовного дела. Требования ч. 1 ст. 240 УПК РФ, закрепляющей непосредственность как общее условие судебного разбирательства, состоят в том, что суд первой инстанции при рассмотрении уголовного дела обязан непосредственно (лично и с участием сторон) исследовать все доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, специалистов, и при необходимости допросить их, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы следственных действий и иные документы, произвести другие судебные действия по проверке доказательств (ч. 1 ст. 240 УПК РФ). Таким образом, судья при участии сторон в рамках данного требования должен непосредственно лично воспринять все предоставленные сторонами и собранные по собственной инициативе доказательства.

В литературе правило непосредственности справедливо рассматривают в качестве средства познания судебных доказательств [2, с.

5]. Судьи получают сведения о всех юридически значимых обстоятельствах, закрепленных в ст. 73 УПК РФ, путем личного восприятия их в судебном заседании и только на основе своего восприятия делают выводы по уголовному делу [3, с. 431]. Реализация общего условия непосредственности позволяет избежать искажений предоставленной сторонами доказательственной информации на пути ее восприятия судом и формирования внутреннего судейского убеждения, необходимого для разрешения дела по существу и принятия итогового решения.

Поэтому непосредственность исследования доказательств в сочетании с устностью являются обязательными условиями установления юридически значимых обстоятельств в полном и точном соответствии с реальной действительностью. Приговор суда как итоговое решение может быть основан только на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в процессе судебного разбирательства (ч. 3 ст. 240 УПК РФ).

Определенные отступления от общего правила об устном и непосредственном исследовании доказательств предусматривает только особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный разделом X и ст. 226.9 УПК РФ, специфика применения которого обвиняемому разъяснена заранее и который применяется при отсутствии процессуального спора с обвиняемым и исключительно по его инициативе. Задача судьи при постановлении приговора в особом порядке убедиться, что выводы органов уголовного преследования об объеме, содержании и формулировке обвинения, с которым согласился подсудимый, обоснованы и подтверждаются собранными по делу доказательствами [4].

Требование непосредственности исследования доказательств не предполагает замену личного их восприятия на слух изучением и оглашением письменных материалов уголовного дела, в которых подлежащие исследованию доказательства были зафиксированы при проведении предварительного расследования [3]. Суд может прибегнуть к их оглашению только в строго установленных законом случаях, например, когда невозможно исследовать доказательство в первоисточнике. Так, в случае неявки свидетелей, потерпевшего, при рассмотрении дела в отсутствие подсудимого суд может использовать их показания, данные на предварительном расследовании, только в том случае, если они были оглашены и исследованы по правилам, предусмотренным ст. 276 и 281 УПК РФ.

С непосредственностью тесно связано требование устности (ст. 240 УПК РФ). Вся информация в судебном заседании воспринимается на слух. Устность означает, что все судебное разбирательство представляет собой акт говорения, в судебном следствии содержание каждого доказательства озвучивается участвующими в деле лицами. Устность – основной инструмент в состязании равноправных сторон. Благодаря требованию устности все участвующие в судебном разбирательстве лица воспринимают непосредственно все проводимые судом действия и принимаемые процессуальные решения. Посредством судебного разбирательства сторонам предоставляется возможность принять непосредственное участие в исследовании доказательств, выразить свое мнение и обратить внимание суда на отдельные моменты, связанные с установлением юридически значимых обстоятельств. «Живое» убеждение в наличии определенных обстоятельств способствует формированию внутреннего мнения судей и влияет на принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения.

В литературе указывают на противоречивость современной судебной практики относительно понимания сущности процедуры исследования доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции [2, с. 6]. Так, Ю.Л. Бурносова отмечает, что «понимание исследования доказательств иногда сводится к оглашению доказательств, что не позволяет выяснить точность изложенных описаний, признаки обнаруженных возможных вещественных доказательств, способы и порядок их обнаружения, фиксации и изъятия» [2, с. 6]. Автор приводит результаты обобщения практики судов апелляционной и надзорной инстанций за 2020 г. и выявляет, «что в 7% случаев приговоры судов первой инстанции были отменены или изменены в связи с выявленными нарушениями правила непосредственного исследования доказательств» [2, с. 6].

Действительно, отдельные судьи (не будем считать это массовым явлением, но примеры такие есть в правоприменительной практике) полагают, что достаточно оглашать письменные материалы дела «описью», по заголовкам, не раскрывая содержание самих доказательств. Так, из решения суда апелляционной инстанции следует, что «государственный обвинитель представлял суду письменные доказательства путем перечисления названия соответствующих документов, со ссылками на тома уголовного дела, не раскрывая при этом содержание данных доказательств, не указывая какое доказательственное значение несет в себе то или иное письменное доказательство, какой именно факт подтверждает либо опровергает как того требует ст. 240 УПК РФ, определяющая принцип непосредственного исследования доказательств, который не может быть сведен только лишь к перечислению названий доказательств, что означало бы искажения самой сути их исследования с участием сторон в судебном заседании» [5]. Поэтому суд апелляционной инстанции правомерно отменил решение суда первой инстанции в связи с допущенными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, которые повлияли на исход дела, исказили саму суть правосудия и смысл судебного приговора как акта правосудия.

Способствует правильному формированию судебной практики в части обязательного соблюдения требования ст. 240 УПК РФ и практика кассационных судов общей юрисдикции. Так, определением об отмене приговора суда первой инстанции Пятый кассационный суд общей юрисдикции установил, что «из прослушанной аудиозаписи судебного разбирательства следует, что в судебном заседании, состоявшемся ДД.ММ.ГГГГ, государственный обвинитель заявил об исследовании письменных материалов уголовного дела, указанных в обвинительном заключении, без ссылок на конкретные письменные доказательства, тома и листы дела, в которых они содержатся, а защитник - об исследовании характеризующих материалов. После этого, председательствующий судья сообщил участникам процесса, что письменные доказательства считаются оглашенными и, выяснив, что вопросов по письменным доказательствам не имеется, перешел к допросу подсудимого. Фактически письменные материалы не оглашались, отражение в протоколе судебного заседания обратного не соответствует действительности» [6].

Существует, однако, и иная, вызывающая недоумение, практика. Так, отменяя приговор суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что ряд доказательств, в том числе заключения экспертов, протоколы выемок, осмотра документов, обысков, осмотра места проис-

шествия, проверки показаний на месте свидетеля и т.д., положенных судом первой инстанции в основу приговора, в судебном заседании фактически не исследовались, вышеуказанные доказательства лишь перечислены со ссылками на листы дела. Обжалуя апелляционное определение, заместитель прокурора в своем кассационном представлении указал, что письменные доказательства, положенные в основу приговора, исследовались судом первой инстанции (оглашался номер тома, листы дела и краткая суть документа). Кассационный суд, согласившись с доводами представления, процитировал из аудиопотокола судебного заседания выдержки, содержащие существо исследования представляемых стороной обвинения доказательств, и указывая временной интервал их исследования на аудиозаписи, например: «листы дела 41 - 48 - протокол осмотра предметов и документов от 23 сентября 2022 года, согласно которым следователем по особо важным делам ГСУ СК России в присутствии двух понятых, с участием Якушева А.О., представителя адвокатской палаты, специалиста старшего эксперта УФСБ осмотрена электронная почта адвоката Якушева А.О., указан адрес в его компьютере с использованием в сети «Интернет», в жилом помещении по месту расположения адвокатского бюро «Якушев и партнеры» (1 час 3 мин. 38 сек. – 1 час 4 мин. 5 сек.)» или: «на листах дела с 54 по 220 содержится протокол осмотра предметов документов от 7 июля 2023 года, согласно которым следователем ГСУ СК России произведен осмотр оптического диска, изъятый 23 сентября 2022 года в ходе осмотра в адвокатском бюро «Якушев и партнеры» в городе Воронеж; в том числе, обнаружены письма от пользователя «Антон Якушев» пользователю «Наиль Губаев», ряд иных писем, содержащих сведения, имеющих значение для настоящего уголовного дела (1 час 4 мин. 15 сек. - 1 час 5 мин. 48 сек.)» [7].

Юриспруденция – сложная наука, в которой возможны споры и заблуждения, порождаемые правовой неопределенностью. Но тезис о том, что «любое доказательство есть единство источника сведений (выступает формой) и самих сведений (являются содержанием) об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела» – прописная истина, с которой студентам начинают преподавать уголовно-процессуальное право, из которой следует, что допускаемое ч. 1 ст. 285 УПК РФ частичное оглашение отдельных видов доказательств вовсе не тождественно краткой передаче их сути. Вот вопрос для дискуссии: что будет более ярким симптомом профессионального кризиса: не постичь эту истину либо постичь и нарушить?

Независимо от причины, подобные допущенные судами первой инстанции нарушения требования устности и непосредственности напрямую затрагивают основополагающие принципы уголовного судопроизводства: законности при производстве по уголовному делу, независимости судей, состязательности сторон, при несоблюдении которых судебное разбирательство по делу не может быть признано справедливым, а постановленный с такими нарушениями приговор нельзя считать правосудным.

«Прилюдность» судебного разбирательства и публичная доступность содержания процессуальных актов (так называемая «транспарентность») становятся абсолютно бессмысленны, когда скрывается содержание доказательств, когда неясно, как оно понято государственным обвинителем и понято ли вообще, как выстроены логические связи при оценке конкретных доказательств и их совокупности. При таком подходе не только судебное следствие, но и прения сторон становятся формальными. А потому открытость судебного разбирательства уже ничего не гарантирует. Более того, учитывая законодательное освобождение суда от обязанности оглашать описательно-мотивировочную часть приговора, гласность становится не просто лишней, но и столь же опасной, как неоправданная закрытость судебного заседания, поскольку подрывает доверие людей к правосудию.

Выводы:

Устность – средство реализации непосредственности исследования доказательств, которая обеспечивает реальные условия не только для осуществления обвиняемым права на защиту, но и потерпевшим – на активное участие в доказывании с целью отстаивания своих законных интересов. Иными словами, «судоговорение», вкуче с прочими процедурами фундаментального значения, приводит принцип состязательности уголовного судопроизводства в действие, гарантируя тем самым вынесение законного, обоснованного и справедливого (а значит, общепонятного!) судебного решения. Образно говоря, устность – один из несущих столбов, на которых выстраивается правосудный приговор и которыми сдерживается откат к инквизиции.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 N 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Бурносоев Ю.Л. Теоретические основы и практика применения правила непосредственности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2022.
3. Уголовный процесс : учебник для вузов / под редакцией Н. С. Мановой. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 673 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19887-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561553> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение от 14.12.2021 г. по делу № 22-6913/2021 // <https://судебные.решения.рф/64545483>.
6. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2022 г. № 77-1004/2022 // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 г. № 77-632/2025 // https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=14154118&case_uid=4c3047b7-c11b-4e90-9c53-27e876ac921d&delo_id=2450001&new=2450001

References:

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/19/2023 N 33-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 82 and 240 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and a number of other articles in connection with the complaint of citizen V.G. Skotnikov" // Access from References.
2. Burnosov Yu.L. Theoretical foundations and practice of applying the rule of immediacy in the consideration of criminal cases in the court of first instance: abstract of the dissertation. ...kand. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2022.
3. Criminal procedure: a textbook for universities / edited by N. S. Manova. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 673 p. (Higher education). — ISBN 978-5-534-19887-4. — Text : electronic // Educational platform Yurait [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561553> (date of appeal: 04/09/2025).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/29/2016 N 55 "On the court verdict" // Access from References. the legal system "ConsultantPlus".
5. The appeal ruling of 12/14/2021 in case no. 22-6913/2021 // <https://судебные.решения.рф/64545483>.
6. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/08/2022 no. 77-1004/2022 // Access from the Help. the legal system "ConsultantPlus".
7. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 04/03/2025 no. 77-632/2025 // https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=14154118&case_uid=4c3047b7-c11b-4e90-9c53-27e876ac921d&delo_id=2450001&new=2450001

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_520

УДК 343.1

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАДЕРЖАНИИ GUARANTEES OF INDIVIDUALS' RIGHTS DURING CRIMINAL PROCEDURAL DETENTION

ФРАНЦИФОРОВ Юрий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии.
410004, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 52А.
E-mail: franciforov@mail.ru;

ЦАРЕВ Юрий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии
410004, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 52А.
E-mail: mr.carev@bk.ru;

FRANCIFOROV Yuri Viktorovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Procedure Department at the Saratov State Law Academy.
52A Chernyshevsky str., Saratov, Saratov region, 410004, Russia.
E-mail: franciforov@mail.ru;

TSAREV Yuri Nikolaevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy
410004, Russia, Saratov Oblast, Saratov, 52A Chernyshevsky St.
E-mail: mr.carev@bk.ru

Краткая аннотация: в статье исследуются особенности уголовно-процессуального задержания личности; целью которого является, соблюдение интересов общества и государства, при условии вынесения следователем (дознавателем) законного и обоснованного процессуального решения.

Abstract: This article examines the specifics of criminal procedural detention of an individual; the purpose of which is to protect the interests of society and the state, provided that the investigator (inquiry officer) makes a lawful and justified procedural decision.

Ключевые слова: законные права и интересы личности, меры уголовно-процессуального принуждения, задержание, подозреваемый.

Keywords: legal rights and interests of the individual, measures of criminal procedural coercion, detention, suspect.

Для цитирования: Францифоров Ю.В., Царев Ю.Н. Гарантии прав личности при уголовно-процессуальном задержании // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 520-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_520.

For citation: Franciforov Yu.V., Tsarev Yu.N. Guarantees of individuals' rights during criminal procedural detention // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 520-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_520.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025

Процедура задержания включает в себя такие этапы, без которых данная мера процессуального принуждения была бы не возможна, а потому не достигла бы своей цели. Такими этапами являются: захват лица с помощью физической силы или совершения иного принуждения, личный обыск, доставления его в соответствующий правоохранительный орган, разъяснение его прав, составление протокола, в том числе, с участием защитника, если он участвует в деле. Лицо, следует именовать подозреваемым, только после подписания протокола задержания.

Вместе с тем, существует вероятность того, что может быть задержано лицо за преступление, которое оно не совершало. Примером этого является ситуация, при которой очевидцы дали сведения об автомобиле, совершившего наезд, повлекший смерть пешехода. Задержан и доставлен в ОВД гражданин, владелец автомобиля. В дальнейшем было установлено, что автомобилем, в момент наезда на пешехода, управлял его сын. Поскольку отсутствовали основания для задержания данного гражданина, то он был освобожден из-под стражи. Прежде чем задерживать лицо, следовало бы проверить его алиби (местонахождение в момент совершения ДТП). В данном случае задержание было заведомо незаконным.

Задержание является заведомо незаконным, если отсутствовали данные о том, что лицо было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, либо о том, что потерпевшие или очевидцы указали на него как на совершившее преступление, либо о том, что на этом лице, его одежде, при нем или в его жилище были обнаружены явные следы преступления [1, с. 32].

Поспешность в принятии решения должностным лицом, при избрании меры процессуального принуждения ведет к нарушению прав и законных интересов личности, при которых ограничивается ее основополагающее право на неприкосновенность.

Решения, принимаемые должностными лицами, обладающими полномочиями в сфере уголовного судопроизводства, должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что содержание вопроса о задержании лица, вызван требованием рассмотрения допустимости применения данной меры процессуального принуждения.

При этом, существует необходимость исследования мнений учёных процессуалистов по вопросам касающихся средств обеспечения

прав лица при осуществлении задержания. Следует обратить внимание на то, что не было единства мнений ученых до введения в главу 12 УПК возможности задержания лица до возбуждения уголовного дела. О существовании такого задержания говорил В.Т. Томин: «...по крайней мере в 3 из 10 случаев реальное задержание осуществляется до возбуждения уголовного дела, но этот факт потом маскируется вольным обращением с датой на постановлении о возбуждении уголовного дела» [2, с. 115 - 116]. С этой позицией был согласен и Ю.П. Астахов [3, с. 27]. Однако, Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев, считали, «...что является излишним задержание лица до возбуждения уголовного дела, поскольку не исследованы обстоятельства преступления, позволяющие подозревать лицо в его совершении» [4, с. 171]. Следует заметить, что в настоящее время, эта позиция поддерживается стороной защиты. Однако, вопрос о задержании должен решаться не в пользу стороны обвинения, а лишь в зависимости от каждого конкретного случая.

Необходимость задержания лица, обусловлена целевым его назначением. А именно, задержание подозреваемого связано как с недопущением совершения им противоправных действий, так и с возможностью получения следователем доказательств по уголовному делу. В этом случае, следует рассмотреть процедуру задержания как меру принуждения и как следственное действие.

Легитимность сведений, получаемых при задержании лица зависит от его назначения, а именно отнесения его к мерам принуждения, или к следственным действиям. В свое время, И.М. Гуткин писал, что: «Необходимо признать задержание следственным действием, но само по себе задержание подозреваемого, непосредственно не устанавливает доказательств» [5, с. 139]. В.Н. Григорьев отвергал суждения о необходимости отнесения задержания подозреваемого лица к следственному действию и вместе с тем к средствам получения доказательств [6, с. 9].

Независимо от того, к какому процессуальному институту, следует отнести задержание, его предназначением является возможность получения данных о виновности или невиновности задержанного лица.

Сведения полученные при задержании лица, необходимо закрепить в установленной УПК процессуальной форме.

Исключительное внимание при обеспечении прав задержанного следует отвести протоколу задержания, который является носителем фактических данных, имеющих значение для дела (относящихся к предмету доказывания) и отвечающих требованиям допустимости и достоверности, являясь источником доказательств в уголовном деле.

Таким образом, в ходе производства задержания составляется протокол, который должен соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, защищающего лицо, от незаконного и необоснованного ограничения прав, обеспечивая его законные интересы.

Если источником доказательств является протокол следственных действий, то протокол задержания законодатель не относит к их числу, хотя информативная часть протокола имеет доказательственное значение: «место и время задержания, сведения очевидцев, а также объяснение задержанного» [7, с. 71].

Задержанное лицо, обладая статусом подозреваемого, вправе иметь защитника, с момента фактического задержания, что отражается в протоколе задержания и обеспечивается следователем (дознавателем) при производстве следственных и иных процессуальных действий.

Момент фактического задержания - момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п.15 ст.5 УПК РФ).

Процедура лишения возможности свободного передвижения гражданина, связана с возникновением таких уголовно-процессуальных отношений, которые позволяют сделать вывод о появлении повода к возбуждению уголовного дела и наделении лица статусом подозреваемого.

Однако, лицо должно обладать процессуальными правами с момента его захвата, а не с момента подписания протокола о задержании.

По мнению Конституционного Суда, права подозреваемого возникают у лица «независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, - удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [8].

Из этого, можно сделать такой вывод. Несмотря на то, что процедура задержания существенно ограничивает возможность свободного передвижения, однако основная его цель связана не с физическим ограничением его прав и моральными страданиями, а с получением сведений о виновности или невиновности лица, в ходе проверочных действий следователя, до возбуждения уголовного дела.

«Применение задержания к подозреваемому, обусловлено защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, поскольку, лишь эффективная организация уголовного преследования может противостоять преступности» [9, с. 135].

Важным условием обеспечения прав задержанного, служит процедура уведомления родственников и прокурора. Законодатель не допускает возможность отказа следователя, от уведомления родственников, о задержании лица, по причине неразглашения тайны следствия, рассматривая его в качестве обеспечения прав задержанного.

Средством защиты прав задержанного, является возможность дачи показаний в ходе допроса, осуществляемого в присутствии защитника.

Правом на юридическую помощь профессионального защитника обладает лицо, которому государственные органы и должностные лица, обладающие полномочия в сфере уголовного судопроизводства, ограничивают свободу передвижения и личную неприкосновенность.

В ходе анализа процедуры задержания лица, можно выделить ряд важных моментов, характеризующих законность и обоснованность

действий сотрудников правоохранительных органов. Задержание лица, состоит из таких действий следователя (дознателя), как захват лица, его препровождение к месту содержания, разъяснение прав и составление протокола, который является документальным основанием для водворения лица в место его временного содержания, что делает невозможным использование протокола для фиксации фактических обстоятельств задержания и обеспечения прав лица.

По мнению И.М. Гуткина «конкретное изложение в протоколе задержания оснований связано не с доказательственным значением протокола, а с необходимостью обоснования решения о заключения под стражу лица, подозреваемого в преступлении» [10, с. 30].

В протоколе задержания должны быть сформулированы не только обязательные основания, обусловленные необходимостью избрания данной меры уголовно-процессуального принуждения, но и конкретные мотивы задержания.

При отсутствии в ст. 5 УПК РФ понятия «мотивы задержания», ученые процессуалисты связывают его содержание «с предположениями о ненадлежащем поведении лица (возможностью уклонения от следствия и суда, совершение нового преступления, воспрепятствование производству по уголовному делу» [11, с. 12].

Вместе с тем, наличие данных, регламентированных ч. 1 ст. 91 УПК РФ, не требуют указывать мотив задержания. Эту идею высказывал и В.М. Корнуков, утверждая, что «наличие оснований для задержания не влечет автоматического применения данной меры процессуального принуждения» [12, с. 47].

Таким образом, предписания указанные в ч.1 ст. 91 УПК РФ - это не основания для задержания лица, а основания подозревать лицо в совершении преступления. Этих сведений в рамках требований ч.1 ст. 91 УПК РФ достаточно, чтобы задержать лицо, но не достаточно, чтобы задержание лица было осуществлено обязательно. Обязанность должностного лица должна быть связана и с мотивами задержания, которые перечислены в ч.1 ст. 97 УПК РФ, как основания для применения мер пресечения: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать участникам уголовного судопроизводства, воспрепятствовать производству по уголовному.

Понимание следователем оснований и мотивов задержания, требует от него исполнения обязанности по удержанию лица на срок до 48 часов, способствующий установлению: существует ли потребность изоляции задержанного от общества или имеется необходимость освобождения его из под стражи.

Таким образом расширительное понимание существа оснований задержания, отраженных в протоколе, без указания на мотивы задержания, не гарантирует соблюдения законности и обоснованности применения данной меры уголовно-процессуального принуждения, поскольку создает дополнительное препятствие, как для дальнейшего расследования, так и для обеспечения прав задержанного лица.

Список литературы:

1. Борбат А.В., Борков В.Н., Булатов Б.Б. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты незаконного задержания (ч. 1 ст. 301 УК РФ). Российский следователь, 2023, № 2. С.32-36.
2. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. - 240 с.
3. Астахов Ю.П. Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации на примере Красноярского края // Вестник МВД России. 2003. № 4. С. 25-29.
4. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 251 с.
5. Советский уголовный процесс.-М.:ВШ МВД СССР, 1968. – 552 с.
6. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989. -121 с.
7. Ковтун Н. Задержание подозреваемого: новые грани старых проблем // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 70 -73.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. – 2000. - № 27. – Ст. 2882.
9. Францифоров Ю.В., Овчинникова Н.О. Правовая регламентация задержания подозреваемого// Журнал «Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №1. С.134-138.
10. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. Учебное пособие. М., 1980. – 89 с.
11. Ретюнских И.А. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Екатеринбург, 2002. – 112 с.
12. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. – 137 с.

References:

1. Borbat A.V., Borkov V.N., Bulatov B.B. Criminal-legal and criminal-procedural aspects of illegal detention (Part 1 of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation). Russian investigator, 2023, № 2. Pp. 32-36.
2. Tomin, V.T. Sharp Angles of Criminal Proceedings. Moscow, 1991. 240 p.
3. Astakhov Yu.P. Problems of application of the new criminal procedure legislation of the Russian Federation on the example of Krasnoyarsk Krai // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 4. pp. 25-29.
4. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Essay on the development of the science of Soviet criminal procedure. Voronezh: Publishing house of Voronezh University, 1980. - 251 p.
5. Soviet Criminal Procedure. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1968. – 552 p.
6. Grigoriev V. N. Detention of a Suspect by Internal Affairs Agencies. Tashkent, 1989. – 121 p.
7. Kovtun N. Detention of a Suspect: New Facets of Old Problems // Russian Justice. 2002. No. 10. pp. 70-73.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2000 No. 11-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part One of Article 47 and Part Two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2000. - No. 27. - Art. 2882.
9. Franciforov Yu.V., Ovchinnikova N.O. Legal regulation of the detention of a suspect// Journal "Judicial power and criminal procedure. 2016. No. 1. P.134-138.
10. Gutkin I.M. Current Issues of Criminal Procedure Detention. Study Guide. Moscow, 1980. – 89 p.
11. Retyunskikh I.A. Detention of a Person Suspected of Committing a Crime. Yekaterinburg, 2002. – 112 p.
12. Kornukov V.M. Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings. Saratov, 1978. – 137 p.

СУТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ИХ ПРЕВЫШЕНИИ (ст. 286 УК РФ) THE ESSENCE AND MEANING OF OFFICIAL POWERS IF THEY ARE EXCEEDED (ARTICLE 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

НОВИКОВ Альберт Сергеевич,

Адвокат, аспирант Юридической школы Дальневосточного федерального университета г. Владивосток.
690000, Россия, г. Владивосток ул. Светланская 167 оф. 40 «Ц».

E-mail: a_lbert@mail.ru;

NOVIKOV Albert Sergeyevich,

Advocate, PhD student at the Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

167 Svetlanskaya St., Office 40 "C", Vladivostok, 690000.

E-mail: a_lbert@mail.ru

Краткая аннотация. И сегодня отсутствует единообразное понимание того, что подразумевают под собой должностные полномочия. В настоящей статье исследуются теоретические подходы, формулирующие определение сути должностных полномочий, а так же судебная практика, позволяющая сделать выводы о представлении правоприменителя о смысловом наполнении должностных полномочий. Вместе с этим предпринимаются попытки в определении смысла понятия «превышения» в рассматриваемом составе преступления.

Abstract. And today there is no uniform understanding of what official powers mean. This article examines theoretical approaches that formulate the definition of the essence of official powers, as well as judicial practice, which makes it possible to draw conclusions about the idea of the law enforcement officer about the semantic content of official powers. At the same time, attempts are being made to determine the meaning of the concept of "excess" in the corpus delicti under consideration.

Ключевые слова: должностные преступления, должностные полномочия, превышение должностных полномочий, объективная сторона преступления.

Key words: malfeasance, malfeasance, abuse of power, objective side of crime.

Для цитирования: Новиков А.С. Суть и значение должностных полномочий при их превышении (ст. 286 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 523-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_523.

For citation: Novikov A.S. The essence and meaning of official powers if they are exceeded (article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 523-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_523.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Понятие должностных полномочий, отраженное в диспозиции статьи 286 УК РФ, подлежит однозначному обсуждению и уточнению. Подобная необходимость связана с тем, что значение и понимание категории «превышение» должно вытекать из ясного представления о том, что представляют собой полномочия по должности. В юридической литературе на данный счет имеются разночтения.

Авторы одного из подходов утверждают, что превышая полномочия, должностное лицо совершает действия, не соответствующие его компетенции [1]. Мы же не можем согласиться с этим в полной мере, так как с точки зрения словарного толкования, компетенция представляет собой «область вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен» либо под ней понимается «круг полномочий какого-либо учреждения, лица или круг дел, вопросов, подлежащих чьему-либо ведению» [2].

Приведенный смысл отражает общеупотребительное значение, однако значение специальное следует почерпнуть из специализированного словаря, который определяет компетенцию как «совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица» [3].

Стоит заметить, что представленные примеры словарных объяснений, однозначного, а тем более строгого юридического толкования не дают. И более того, юридический словарь, отражает суть компетенции не на много конкретнее.

Между тем, общеупотребительное понимание компетенции, на наш взгляд, так же содержит представление о том, что она предполагает в себе авторитет или значимость занимаемого положения должностного лица. Мы не исключаем, что субъект преступления, пользуясь своим влиянием, может совершить противоправное деяние, которое будет рассматриваться правоприменителем с точки зрения должностного преступления. На этот счет существуют позиции ученых об использовании должностным лицом не только полномочий, но и авторитета [4, с. 106], а так же о его отсутствии при выходе за пределы [5, с. 62].

Между тем, близким по своей сути к авторитету должностного лица является понятие покровительства, которое может предполагаться и использоваться при совершении преступления. Верховный суд РФ делает попытку объяснить значение покровительства через приведение примеров в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», указывая, что оно «может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам» [6].

На наш взгляд, данные примеры деяний, при их отдельном рассмотрении и при большей конкретике, вполне могут быть квалифицированы как превышение должностных полномочий. В то же время, они так же способны сопровождать превышение должностных полномочий. В этой связи, следует сделать вывод о том, что авторитет, влияние и покровительство могут сопутствовать превышению должностных полномочий,

но они все-таки не должны стать его составляющей с юридической точки зрения. Поэтому, мы полагаем, что при выявлении в деянии лица таких составляющих – их надлежит рассматривать с позиции смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Вместе с этим, представляется, что для строго юридического установления совпадений либо отличий между деянием и составом преступления необходимы более четкие критерии определения полномочий, поэтому рассмотренный подход о компетенции как о сути полномочий видится нам в своем изложении неоднозначным.

Попытка конкретизировать полномочия сделана специалистами, считающими, что должностное лицо превышает предоставленные ему права и полномочия [7]. Данная точка зрения вызывает вопросы по отношению к представлению ученых об отдельном характере прав и полномочий, потому как понятие полномочия в силу своей широты предполагает наличие прав и обязанностей в своем составе. Об этом свидетельствуют, в том числе, приведенные нами примеры словарных толкований.

Между тем, эта точка зрения имеет свои основания. По всей видимости, она опирается на уголовные кодексы советского периода, в статьях которых (ст. 106 в УК РСФСР 1922 г., ст. 110 в УК РСФСР 1926 г., ст. 171 УК РСФСР 1960 г.) превышение власти было сформулировано как «совершение действий явно выходящих за пределы прав и полномочий» [8]. Несмотря на это, данная позиция не дает объяснений по поводу указанных противоречий и поэтому видится необоснованной, вследствие чего ее нельзя признать достаточно удачной.

Следующий подход ученых раскрывает полномочия через права и обязанности должностного лица [9]. В связи с чем, он представляется наиболее справедливым по причине содержания в «полномочиях» прав и обязанностей, обоснованного отсутствия неопределенной категории в виде компетенции и своей достаточной ясности.

Однако, в таком случае следует признать необходимость в однозначной оценке сущности самого превышения, где необходимым будет вопрос о том, что же в таком случае превышает должностное лицо: права или обязанности, и каким образом надлежит определять границы полномочий?

Мы полагаем, что права и обязанности, закрепленные в нормативно-правовых актах, являются рамками, выход за пределы которых образует объективную сторону деяния. Следовательно, эти самые рамки можно признать пределами должностных полномочий. Однако вопрос о превышении прав или о превышении обязанностей видится совершенно необыкновенным даже с юридической точки зрения.

Как нам видится, функции должностного лица не могут быть отражены каким-либо иным способом, нежели через закрепление его прав и обязанностей в инструкции, законе, приказе и т.п. Данная точка зрения находит отражение в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [10], утвердившем, что «к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов власти». Таким образом, иной способ вменения должностных полномочий, кроме определения прав и обязанностей вряд ли возможен. Соотношение же прав и обязанностей может быть не всегда равным и возможно наделение лица только правом или большим количеством обязанностей, чем прав.

В этой связи, еще ряд вопросов представляется совершенно закономерным. В чем выражено недозволение и что является запретом на действия, которые совершать с точки зрения уголовного закона невозможно? А так же, как определить то, что делать воспрещается, если сформулированный запрет отсутствует?

Предполагаемым ответом на это, по-видимому, будет ссылка на невозможность превышения конкретного права (прав) либо обязанности (обязанностей) как таковой. Но, как представляется, сделать то, что не закреплено в виде права или обязанности – значит совершить что-то совсем другое сверх этих вмененных прав либо обязанностей. На наш взгляд, то, что должностному лицу делать не разрешено, лежит за чертой каждого конкретного закрепленного за ним права и, таким же образом, обязанности.

В этой связи, по нашему мнению, границей на совершение действий отличных от тех, что закреплены в правах и обязанностях, должны быть рамки, очерчивающие эти права и обязанности. А запретом – все то, что непосредственно находится за этими рамками. Вследствие этого, все находящееся за их пределами, должностному лицу делать запрещено. А в случае попадания в область его деятельности таких действий – они должны быть квалифицированы как отражающие объективную сторону превышения полномочий.

Таким образом, исходя из изложенного, мы полагаем возможным сделать вывод и утверждать о некоторой ясности для нас пределов должностных полномочий, где ими, на наш взгляд, являются границы вмененных прав и обязанностей, то есть полномочий. Между тем, любые запредельные (в прямом смысле) возможности должностного лица во всяком случае должны становятся незаконными, так как находятся в сфере правомочий иных лиц (либо возможно не вменены никому).

Следует признать, что в силу публичного характера осуществляемой деятельности, функционирование должностных лиц строится по принципу «запрещено все, что не разрешено». И поэтому, «разрешено» – это все то, что лежит в границах прав и обязанностей, а «запрещено» – это то, что находится за их гранью.

Резюмируя вышесказанное, необходимо заключить, что превышая полномочия, должностное лицо выходит за границы конкретных прав и обязанностей (в некоторой или различной совокупности / сочетании либо за границу только права либо только обязанности), где полномочиями являются определенные должностному лицу права и обязанности на основании нормативно-правового акта (приказа, распоряжения, инструкции). А пределами, которые превышает должностное лицо, выступают рамки прав и обязанностей по должности. Запрет же на совершение действий, недозволенных должностному лицу, реализуется через установление его конкретных прав и обязанностей, утверждающих разрешенное поведение – то, что делать необходимо и можно.

Между тем, в практической плоскости освещенный аспект отражается следующим образом. Верховный суд РФ в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» указывает, что «судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре, и указывать, превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт)». А так же в п. 19 приводит конкретные случаи превышения полномочий, к примеру «действия, которые относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу)» [11].

Однако, объяснений о том, что собой представляет само превышение Верховный суд РФ не дает. Попытка отразить это через приведение частных примеров видится однозначно неоправданной, так как суть превышения в данном случае судом никак не объясняется. Представляется, что, как минимум, для ясности восприятия категории «превышения» правоприменителем, а, как максимум, для правильной квалификации, должны быть сформулированы четкие критерии, позволяющие «примерять» их к совершенным деяниям. Между тем, конкретные примеры не отвечают таким требованиям, так как они являются отражением частных случаев превышения должностных полномочий и не позволяют шире с теоретической точки зрения для практической пользы взглянуть на понятие «превышение», что, следовательно, ограничивает его понимание.

Вместе с этим, верное, на наш взгляд, объяснение для нижестоящих судов понятия «полномочия», содержащее права и обязанности должностного лица, исключая тем самым представление в его составе об авторитете и значимости занимаемого положения должностного лица, призвано способствовать правильной квалификации преступлений.

Можно заключить, что означенной логике придерживаются и нижестоящие суды, исключая какое-либо обсуждение самого «превышения», и в основном правильно указывая, что полномочия определяют права и обязанности должностного лица.

Так, апелляционным определением Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 04.12.2018 по делу N 22-308/2018, был отменен приговор суда, а дело было направлено на новое рассмотрение в связи с тем, что «суд первой инстанции не привел в приговоре ссылки на нормативно-правовые акты, которыми установлены права и обязанности подсудимого, как должностного лица органа внутренних дел, а именно должностные инструкции, ведомственные приказы и распоряжения, законы, регламентирующие порядок их деятельности, круг их прав и обязанностей и какие именно из них нарушены, в чем выразились нарушения» [12].

Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 по делу N 77-399/2023 было отменено апелляционное определение с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение. Здесь судебная коллегия указала, что «признавая подсудимого виновным в превышении должностных полномочий, суд, тем не менее, не указал в приговоре конкретные нормы прав и обязанностей, превышение которых вменяется подсудимому, а лишь сослался на федеральные законы, постановления Правительства, кодексы и иные законодательные акты, в которых не указано, какие должностные инструкции нарушены осужденным, превышение которых является преступлением» [13]. Данный пример примечателен, на наш взгляд, в том числе, иллюстрацией понимания кассационной инстанцией превышения – как превышения должностных инструкций.

Кассационным определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.05.2023 по делу N 77-2438/2023 было отменено апелляционное определение с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение, по причине неотражения в судебных актах того, «в чем именно заключается превышение должностных полномочий подсудимого, и превышение каких именно из возложенных на него прав и обязанностей главы и руководителя исполнительного комитета муниципального образования «Семиозерское сельское поселение Высокогорского муниципального района», предусмотренных нормативными правовыми актами (со ссылкой на конкретные нормы (статью, часть, пункт) ему вменяется» [14].

В кассационном определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2023 по делу N 77-2322/2023, указано, что «суд достоверно установил, что подсудимый не имел права требовать у потерпевших передачи ему денежных средств из премиальных выплат, чем превысил свои должностные полномочия» [15].

Между тем, как представляется, суды, определяя полномочия, порой не настаивают на правах и обязанностях в составе полномочий, а указывают на компетенцию должностного лица. Например, в кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2023 по делу N 77-737/2023 о том, что подсудимый «обладал полномочиями как глава муниципального образования и глава администрации муниципального образования с имеющими и установленными местными нормативными актами полномочиями, однако совершило действия, которые не входили в его компетенцию, поскольку действия в отношении имущества были им совершены без соответствующего нормативного акта» [16]. Однако, мы полагаем, что в подобных случаях нередки упоминания компетенции как синонима полномочиям и однозначно утверждать о заблуждении судебной инстанции относительно смысла полномочий не приходится.

Так же встречаются в судебной практике разграничение полномочий и обязанностей. Так, в кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 по делу N 77-375/2024 сделан вывод о том, что «судом правильно установлены служебные полномочия подсудимого, на основании исследованного должностного регламента и иных документов, подтверждающих его должностные обязанности и полномочия» [17].

По всей видимости, отраженный вывод суда, исключая права из полномочий, соотносится или основан на позиции ВС РФ, изложенной в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», где насилие в отношении представителя власти становится преступлением, только в случае исполнения им должностных обязанностей и в пределах предоставленных полномочий [18].

Между тем, следуя данной логике, напрашивается вывод о том, что насилие при осуществлении представителем власти прав – невозможно. И причиной тому указание в ст. 318 УК РФ о необходимости исполнения представителем власти только должностных обязанностей. Однако, таким образом, происходит своего рода раздвоение составляющей понятия с его обозначением и остается неясным, что кассационной инстанцией понимается под полномочиями, когда обязанности исключены из их состава.

Резюмируя же вышеизложенное, следует заключить, что суть категории «превышения» в вопросе критериев его пределов остается неразъясненной с законодательной и практической точек зрения. А между тем, положительным в судебной практике является в основном правильно сформулированное понятие (понимание) полномочий в виде прав и обязанностей, что отражает один из теоретических подходов на этот счет.

Список литературы:

1. Смелова, С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий. Вологда, 2012. С. 56.; Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2010. С. 129.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. Изд., перераб. М.: Контракт, 2013. 672 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4. 278 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с. // СПС «КонсультантПлюс».
2. [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения 22.10.2025).
3. <https://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-202-3.htm#zag-2928> (дата обращения 22.10.2025).
4. Тарасова, Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 106.
5. Берестов, В.П. Превышение полномочий должностными лицами в вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях (уголовно-правовая и криминологическая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 62.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Лимарь А.С., Михайлова И.А. Особенности квалификации превышения должностных полномочий / Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 2. С. 40.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 1264 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундукова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс»; Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Снежко, А.С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 57.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 824 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Гааг, И.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий / Вестник Кемеровского государственного университета, 2014 № 3 (59) Т. 1 С. 259.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 04.12.2018 по делу N 22-308/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 по делу N 77-399/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.05.2023 по делу N 77-2438/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.05.2023 по делу N 77-2322/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2023 по делу N 77-737/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 по делу N 77-375/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Smelova, S.V. Criminal liability for abuse of office. Vologda, 2012. S. 56.; Lyubavina M.A. Qualification of crimes provided for by Articles 285, 286, 292 and 293 of the Criminal Code of the Russian Federation: textbook. St. Petersburg, 2010. S. 129.; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) /ed. A.I. Chuchayev. Adjust, add, revise. M.: Contract, 2013. 672 p. //SPS "ConsultantPlus"; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Special part. Sections X - XII: in 4 tons. (item) /resp. ed. V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2017. VOL. 4. 278 p. //SPS "ConsultantPlus"; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes (article-by-article) /ed. A.V. Brilliantova. 2nd ed. M.: Prospect, 2015. VOL. 2. 704 p. //SPS "ConsultantPlus."
2. [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts[]=42) (date of circulation 22.10.2025).
3. <https://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-202-3.htm#zag-2928> (date of circulation 22.10.2025).
4. Tarasova, E.V. Qualification of crimes committed by officials through the use of their official position: dis... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 1999. S. 106.
5. Berestov, V.P. Abuse of authority by officials in the armed forces, other troops and military units (criminal law and criminological characteristics): dis... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2003. S. 62.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" //SPS "ConsultantPlus."
7. Limar A.S., Mikhailova I.A. Features of qualification of abuse of office/Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. № 2. S. 40.; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) /ed. A.A. Chekalina, V.T. Tomina, V.V. Sverchkova. 4th ed., Revised. and add. M.: Yurayt-Izdat, 2007. 1264 p. //SPS "ConsultantPlus"; Criminal law of Russia. Special part: textbook/ed. F.R. Sundurova, M.V. Talan. M.: Statute, 2012. 943 p. //SPS "ConsultantPlus."
8. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 (ed. 25.08.1924) "On the Enactment of the Criminal Code of R.S.F.S.R." (together with the "Criminal Code of R.S.F.S.R. //SPS" ConsultantPlus "; Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 (ed. 27.04.1959) "On the enactment of the Criminal Code of R.R. S.F.S.R. edition of 1926" (together with the " Criminal Code of R.S.F.S.R. ") //SPS" ConsultantPlus "; Criminal Code of the RSFSR (approved. Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960) //SPS "ConsultantPlus."
9. Snezhko, A.S. Abuse of office: legislative and law enforcement aspects (based on materials from the judicial practice of the Krasnodar Territory): dis... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2004. S. 57.; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) /rev. ed. A.I. Rarog. 7th ed., Revised. and add. M.: Prospect, 2011. 824 p. //SPS "ConsultantPlus"; Hague, I.A. Problems of qualification of crimes related to abuse and abuse of office/Bulletin of Kemerovo State University, 2014 No. 3 (59) T. 1 S. 259.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (ed. 11.06.2020) "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" //SPS" ConsultantPlus."
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (ed. 11.06.2020) "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" //SPS" ConsultantPlus."
12. Appeal ruling of the Supreme Court of the Karachay-Cherkess Republic of 04.12.2018 in case No. 22-308/2018//SPS "ConsultantPlus."
13. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 07.02.2023 in case No. 77-399/2023//SPS "ConsultantPlus."
14. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 31.05.2023 in case No. 77-2438/2023//SPS "ConsultantPlus."
15. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 18.05.2023 in case No. 77-2322/2023//SPS "ConsultantPlus."
16. Cassation ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 18.04.2023 in case No. 77-737/2023//SPS "ConsultantPlus."
17. Cassation ruling of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction of 06.02.2024 in case No. 77-375/2024//SPS "ConsultantPlus."
18. Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2023 No. 14 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation" //SPS" ConsultantPlus."

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ YOUTH CRIME LIKE A MODERN THREAT STATE AND PUBLIC SECURITY

ГРИНЬКО Сергей Дмитриевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Мелитопольского государственного университета.

273312, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Ленина, 20.

E-mail: grinko-skags@yandex.ru;

GRINKO Sergei Dmitrievich,

PhD in Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law disciplines Melitopol State University.

273312, Zaporozhye region, Melitopol, Lenin St., 20.

E-mail: grinko-skags@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье анализируются состояние молодежной преступности, ее причины и тенденции. Рассматриваются особенности молодежной преступности в республиках Северного Кавказа. Отмечается важность не только предупредительных мер преступности, в том числе экстремистской и террористической направленности, но и решение проблемы трудовой занятости молодежи на государственном уровне.

Abstract. The article analyzes state of youth crime, its causes and tendencies. Peculiarities are considered youth crime in the republics of the North Caucasus. The importance not only preventive measures crime, including extremist and terrorist focus, but also problem solving youth employment at the state level.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, терроризм, воспитание, предупреждение, профилактика.

Keywords: crime, extremism, terrorism, upbringing, warning, prevention.

Для цитирования: Гринько С.Д. Молодежная преступность как современная угроза государственной и общественной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 527-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_527.

For citation: Grinko S.D. Youth crime like a modern threat state and public security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 527-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_527.

Статья поступила в редакцию: 07.09.2025

Анализ состояния преступности и судимости несовершеннолетних в Российской Федерации дает основания констатировать, что негативные изменения произошли как в структуре судимости, так и по некоторым особо тяжким преступлениям. По оценкам специалистов, на долю несовершеннолетних приходится каждое седьмое преступление, причем треть из них совершается подростками в возрасте 14-15 лет. Уровень судимости несовершеннолетних оказался самым высоким за последние десятилетия. Особенно возрос удельный вес несовершеннолетних, осужденных за такие преступления, как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, разбой, грабеж, а также за преступления, связанные с наркотиками [1].

Молодежь – это не только будущее, но и «живое настоящее», и важно понять, насколько сегодня молодое поколение определяет содержание и характер будущего, несет в себе «дух нового времени». Проблема криминогенного влияния на молодежь, слабо изученная в масштабе всей страны, не может не беспокоить общественность. Результаты исследований чаще всего отражают специфику региональных проявлений, что не позволяет выработать целостную картину криминогенного воздействия на молодежь, гипотезы относительно формирования правового сознания и поведения тех, кто будет определять будущее России.

За последнее время положение в экономике изменилось, и, к сожалению, в худшую сторону. Для большинства «новая» социально-экономическая формация обернулась снижением жизненного уровня, стала фактором напряженности и неуверенности в завтрашнем дне. Еще несколько лет назад слово «безработица» воспринималось как нечто невозможное в нашей стране, а сегодня это уже реальность, невозможность приобрести самое необходимое. Ежедневное ожидание нового подорожания, рост цен и катастрофически снижающийся уровень жизни населения, в том числе и молодежи. Нельзя сказать, что государство и специалисты полностью отвергают социальные и экономические корни преступности как таковой и преступности молодежи в частности. Однако связь между невозможностью найти работу и ростом количества правонарушений среди молодежи отчетливо выявляется сегодня.

Девиантное поведение наблюдается у подростков чаще, чем в других возрастных группах. Причины – социальная незрелость и физиологические особенности формирующегося организма. Проявляются они в стремлении испытать новые ощущения, любопытстве, недостаточной способности прогнозировать последствия того или иного действия, в повышенном желании независимости. Подросток не всегда соответствует требованиям, которые общество предъявляет к нему, к выполнению им определенных социальных функций. Сам же он, в свою очередь, считает, что не получает от общества того, на что вправе рассчитывать.

В этих условиях профилактика преступности предполагает глубокий анализ всех ее составных частей, тенденций и процессов и, конечно, причин. Профилактика правонарушений несовершеннолетних и молодежи приобретает особую социально-политическую значимость, утерянную за последние десятилетия [2, с. 86-87].

МВД России каждый год отчитывается о снижении подростковой преступности: за 10 лет число несовершеннолетних правонарушителей уменьшилось втрое. Но, как утверждают эксперты, на самом деле прогрессирует совсем другой тренд: все больше детей идут на преступле-

ния до 14 лет, причем среди таких подростков все больше ребят из благополучных семей. Самое же обескураживающее – возможности призвать малолетних нарушителей к ответу фактически нет. Курс на «дружественное к ребенку правосудие» приводит к замалчиванию преступлений, а система профилактики и перевоспитания детей так и не была создана [3, с. 12].

Изучению таких антиобщественных явлений, тесно связанных с преступностью несовершеннолетних, как наркомания, алкоголизм, бродяжничество, проституция, уделяется мало внимания.

В аналитической записке МВД России отмечается, что несовершеннолетние все чаще выполняют активные криминальные роли в групповых преступлениях, избирают насильственные способы совершения преступлений, оказывают физическое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. Растет дерзость, циничность совершаемых ими преступлений. Основными видами преступлений, совершаемых несовершеннолетними, за последние пять лет являются: убийство – 0,5 %, кража автомобиля – 6,3 %, разбой – 1,8 %, грабеж – 9 %, кража – 63,2 %, умышленное причинение вреда средней тяжести – 2,7 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1,2 % [3, с. 14].

Согласно отчетам правоохранительных органов, деятельность бандитских групп в республиках Северного Кавказа фактически полностью пресечена. В то же время на территории Республики Дагестан действуют «спящие ячейки» из числа сторонников международных террористических организаций, не зафиксированных правоохранительными органами. Благодаря информационному экстремизму, количество молодых людей, прямо или косвенно сочувствующих так называемым «лесным братьям», намного больше, чем членов террористических сообществ. Региональные исследования показывают, что 30 % молодых людей республик Северного Кавказа поддерживают идеологию радикального течения ислама. Такая ситуация связана с тем, что на территории данных субъектов Российской Федерации действуют террористические организации, активно способствующие радикальной социализации молодежи.

Активными членами и нередко лидерами террористических организаций, функционирующих в республиках Северного Кавказа, являются родственники нейтрализованных террористов. Определенный вклад в террористическую ситуацию вносят женские террористические организации. Вовлечение женщин молодежного возраста в сообщества экстремистского толка является особенностью преступности террористической и экстремистской направленности в республиках Северного Кавказа. Молодая девушка жертвует собой вместо того, чтобы создать семью, стать матерью, воспитывать детей. С 2010 г. при совершении преступлений погибли 43 представительницы террористических сообществ, многие из которых стали исполнителями резонансных террористических актов как на территории Республики Дагестан, так и за ее пределами.

Обстановка в республиках Северного Кавказа становится более стабильной. За последние два года террористические акты сведены к нулю. Снижению количества террористических актов способствовало участие представителей террористических сообществ в боевых действиях на стороне террористов в Сирийской Арабской Республике. Тенденция минимизации террористических актов связана и с расколом среди террористических сообществ, так как большинство террористических сообществ, действовавших на территории Республики Дагестан, вошли в состав международной террористической организации «Исламское государство» [4, с. 28-29].

Участие лиц молодежного возраста в боевых действиях на стороне террористов в иностранных государствах является особенностью преступности среди молодежи в республиках Северного Кавказа. Когда начались боевые действия в Сирии, исходя из ложного понимания религиозных канонів, молодые люди, нередко со своими семьями, отправились воевать на стороне террористов.

Проведенное исследование позволило выделить следующие категории таких молодых людей: 1) верующие, что конец света начнется с войны в Сирии, и считающие, что они сразу попадут в рай, если погибнут в этой священной войне; 2) желающие создать сильное независимое исламское государство; 3) обиженные на социальное расслоение, социальную несправедливость. По мнению 85 % опрошенных молодых людей, основной причиной молодежного терроризма являются социальная несправедливость и коррупция в высших эшелонах власти, которые привели к социальному расслоению, безработице, отсутствию средств у молодежи для создания нормальных условий жизни; 4) правомерно или неправомерно преследуемые правоохранительными органами; 5) желающие заработать во время военных действий.

Как известно, молодые люди, которые не смогли по объективным причинам реализовать себя правомерным путем, ищут способы осуществления жизненных целей радикальным путем. Если мы не сможем восстановить социальную справедливость в республиках Северного Кавказа, то протестный потенциал молодежи будет только увеличиваться.

Республика Дагестан еще не успела привыкнуть к благоприятной обстановке, как вновь появилась угроза превращения ее в плацдарм для создания террористической опасности. Новая террористическая волна в республиках Северного Кавказа станет результатом активного возвращения граждан, участвовавших в боевых действиях на стороне террористов в Сирии. По данным региональных исследований, некоторые террористы вернулись в республики Северного Кавказа и заняли ключевые позиции в террористических сообществах. Опытные боевики способны легко наладить новые каналы получения вооружения и финансирования. Противостоять данному явлению может только жесткий контроль на государственной границе. Ни один террорист не должен иметь возможность проникнуть в российское государство, в том числе и по патриотическим убеждениям. В этом аспекте важны честность, неподкупность и патриотизм сотрудников Пограничной службы ФСБ России и ФТС России.

Ни одна из программ по возвращению лиц из зон боевых действий, в том числе и женщин с детьми, не оправдана. Как известно, с детьми возвращаются и их матери, которые осознанно, разделяя экстремистские взгляды своих мужей и других родственников, поехали в другую страну строить исламское государство. Экстремистские взгляды среди женщин молодежного возраста, по разным обстоятельствам вовлеченных в террористические сообщества, очень устойчивы и не подлежат ресоциализации.

Целевые исследования, проведенные на региональном уровне, показали, что невозможно ресоциализировать и лиц юного возраста, воспитанных по экстремистским методам, с радикальными взглядами и убеждениями. Социологические опросы среди лиц с радикальным настроением

подтвердили, что ценности светского государства для них чужды, они с ненавистью относятся к органам власти и правовым нормам [5, с. 84]. По их мнению, работать на государство они не должны, а государство им обязано создавать благоприятные условия жизни. Поэтому, до организации мероприятий по возвращению женщин и детей из зон боевых действий Сирии и Ирака необходимо определить направления их защиты от лидеров террористических сообществ в республиках Северного Кавказа, а также защиты мирных жителей от будущих террористических актов.

Возвращению детей из семей, находящихся в террористических лагерях, в зоне боевых действий Сирии и Ирака, уделяется приоритетное внимание в Республике Дагестан, их социальной реабилитации. В настоящее время в Дагестан возвращено 53 несовершеннолетних, среди которых 19 - школьного возраста, 34 - дошкольного. Изучение благоустроенности детей, возвращенных из зон боевых действий, показало, что к каждому школьнику прикреплен педагог-психолог, каждый ребенок обеспечен местом в дошкольном учреждении. Таким образом, у детей родителей, участвовавших в боевых действиях на стороне террористов в зарубежных странах, столько привилегий, каких не удостоены дети законопослушных родителей.

В исправительных учреждениях Российской Федерации за преступления экстремистской и террористической направленности отбывают наказание более 300 лиц молодежного возраста. За последние два года освобождено 146 осужденных, которые продолжают работу по заражению своими идеями других молодых людей. За счет таких лиц создаются «спящие ячейки». Преимущественно «спящие ячейки» создаются осужденными по ст. 208, 205.4, 205.5 УК РФ.

Несмотря на усиленную работу правоохранительных органов, ФСИН России, в республиках Северного Кавказа в местах лишения свободы имеет место распространение радикальной идеологии. Сотрудники УФСИН России по Республике Дагестан проводят мероприятия по выявлению лиц, придерживающихся нетрадиционного ислама, и ставят их на профилактический учет. Кроме того, вся литература, поступающая в исправительные учреждения и СИЗО УФСИН России по Республике Дагестан, сверяется со списком, рекомендованным Министерством юстиции Республики Дагестан. В УФСИН России по Республике Дагестан введена должность помощника по работе с верующими, который способствует традиционной религиозной социализации осужденных молодежного возраста.

В последние годы представители террористических организаций пытаются проводить идеологическую обработку более благополучной прослойки молодежи. Радикальные идеологи направляют свои усилия на вовлечение студенческой молодежи в террористические ячейки. Являясь активными пользователями сети Интернет, студенты стали наиболее уязвимой категорией молодежи. В социальных сетях постоянно обновляются группы или отдельные аккаунты, несущие угрозу подрастающему поколению. В настоящее время всплеск экстремистских настроений наиболее ярко и активно выражается в мессенджере Telegram, где «прцветают» такие группы, как «Имарат Кавказ» и «Мусульмане на пути джихада» [6, с. 179].

Нередко представители студенческой молодежи создают их и публично поддерживают взгляды террористических организаций, которые призывают к осуществлению экстремистской или террористической деятельности. В связи с этим, в рамках противодействия вовлечению студенческой молодежи в террористическую деятельность, Министерством по делам молодежи совместно с другими ведомствами проводятся мероприятия просветительской, патриотической и добровольческой направленности [4, с. 32-33].

Преступное поведение молодежи оказывает самое отрицательное влияние на общество, его институты, особенно на семью, на нравственную атмосферу в целом. Преступность несовершеннолетних является показателем нравственного здоровья общества, его духовности, отношения к общечеловеческим ценностям. Асоциальные действия несовершеннолетних разрушающе воздействуют на подрастающее поколение: те из них, кто ворует, употребляет наркотики, пьянствует или занимается проституцией, не смогут обеспечить надлежащее воспитание детей. Существует теснейшая связь преступности несовершеннолетних с рецидивной преступностью [2, с. 89].

Наравне с нравственно-воспитательными мерами предупреждения молодежной преступности, в том числе и террористической направленности, важное значение имеет возрождение системы промышленного производства и сельского хозяйства, решение проблемы трудовой занятости молодежи на государственном уровне.

Эффективность профилактики молодежной преступности, а также исправления и воспитания осужденных несовершеннолетних требуют совершенствования. Предупредительные меры борьбы с молодежной преступностью на протяжении последних лет не претерпели существенных изменений и строятся в отрыве от сегодняшних реалий.

Список литературы:

1. Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности / под ред. А. И. Долговой. – М., 2019. – 434 с.
2. Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Глушкова Е. М. Современные вызовы – преступность несовершеннолетних выходит из-под контроля? // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. – М., 2020. – С. 86-96.
3. Детский беспредел // Огонек. – 2019. – № 27. – С. 12-16.
4. Зиядова Д. З. Особенности преступности среди молодежи в республиках Северного Кавказа // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. – М., 2020. – С. 27-33.
5. Зиядова Д. З., Магомедова М. Р. Некоторые меры предупреждения прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности лицами молодежного возраста // Социально-политические науки. – 2018. – № 6. – С. 84-87.
6. Гаджималикова З. Х. Способы вовлечения в террористическую деятельность // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 179-182.

References

1. Combating organized crime and ensuring national security / under ed. A. I. Dolgovoi. – M., 2019. – 434 p.
2. Zatselin M. N., Zatselin A. M., Glushkova E. M. Modern challenges - juvenile delinquency getting out of control? // Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them. – M., 2020. – P. 86-96.
3. Children's mayhem // Light. – 2019. – № 27. – P. 12-16.
4. Ziadova D. Z. Features of crime among young people in the republics of the North Caucasus // Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them. – M., 2020. – P. 27-33.
5. Ziadova D. Z., Magomedova M. R. Some precautions training in order to carrying out terrorist activities youth // Socio-political sciences. – 2018. – № 6. – P. 84-87.
6. Gadzhimalikova Z. Kh. Ways to get involved into terrorist activities // Public service and personnel. – 2019. – № 3. – P. 179-182.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК INVESTIGATIVE ACTIONS: LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT AND QUALITATIVE CHARACTERISTICS

СИТДИКОВА Гузель Зуфвровна,

доцент кафедры уголовного права и процесса Института права УУНИТ.
450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.
E-mail: g40773@yandex.ru;

SITDIKOVA Guzel Zufvrovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of the UUNIT.
131 Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia.
E-mail: g40773@yandex.ru

Краткая аннотация: Изучение следственных действий через призму их различных качественных характеристик, таких как правовая форма, организационно-управленческие характеристики, особенности процессуального алгоритма, а также анализ содержания и тенденций повышения эффективности правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства, позволили сформулировать понятие «следственные действия», которое отражает их ключевые особенности.

Abstract: The study of investigative actions through the prism of their various qualitative characteristics, such as legal form, organizational and managerial characteristics, features of the legal algorithm, content as a type of procedural action, and analysis of trends in the effectiveness of law enforcement practice in the field of criminal proceedings, has allowed us to formulate the concept of "investigative actions," which reflects their key features.

Ключевые слова: правовая форма, следователь, доказательственное значение, уголовное судопроизводство.

Keywords: legal form, investigator-manager, evidential significance, criminal proceedings.

Для цитирования: Ситдикова Г.З. Следственные действия: правовой анализ понятия и качественных характеристик // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_530.

For citation: Sitdikova G.Z. Investigative actions: legal analysis of the concept and qualitative characteristics // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_530.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2025

Ключевая роль следственных действий в уголовном судопроизводстве обусловила актуальность их научного исследования. Однозначность правовой регламентации напрямую влияет на эффективность расследования и соблюдение прав личности. Целесообразность, эффективность и своевременность следственного действия зависит от уровня организационно-управленческих компетенций должностного лица, уполномоченного в соответствии с законом, его организовать, провести, обеспечить соответствие результатов принципам уголовного процесса, в том числе, принципу законности.

По данным Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан за 2025 год, наблюдается значительная динамика увеличения количества обращений по вопросам предварительного следствия на 35,1 % (с 756 до 1021). Незначительно увеличилось количество жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ (с 72 до 77, или +6,9%), как и при рассмотрении таких жалоб на действия (бездействие) и решения следователя, руководителя (заместителя) следственного органа на предварительном следствии +22,2% (с 27 до 33). При этом, позитивная тенденция определяется в том, что удовлетворенных жалоб в порядке ст.124 УПК РФ на действия (бездействие) и решения следователя, руководителя (заместителя) следственного органа - не имеется¹. Это свидетельствует о высоком качестве соблюдения закона органами предварительного расследования в отдельном взятом регионе РФ.

Вместе с тем, наличие сложных для разрешения вопросов в правоприменительной практике связано не только с очевидными трудностями расследования преступления, но и с отсутствием четкого правового регулирования отдельных компонентов уголовно-процессуальных правоотношений.

Как отмечает Л.В. Головкин, «эффективность уголовного процесса напрямую зависит от чёткости регламентации следственных действий»².

Следственные действия, с точки зрения ведущей роли субъекта, его осуществляющего, - это обусловленные правовой формой определённая последовательность действий суда, должностных лиц, уполномоченных на производство процессуальных действий, и поведение участников судопроизводства, которые регламентированы нормами процессуального права и порождают правовые последствия.

Приоритетная роль субъекта-руководителя следственного действия, обладающего функциями представителя власти, заключается в том, что:

- уполномоченное должностное лицо (дознатель, следователь, орган дознания с поручительными полномочиями, суд), принимает решение о производстве конкретного следственного действия, осуществляет руководство его производством и последовательностью,
- поведение и решения субъекта-руководителя должны соответствовать процессуальным требованиям и тактическому алгоритму,
- допущенные субъектом-руководителем следственного действия нарушения закона, вызвавшие существенные ограничения прав участни-

¹ Анализ работы по рассмотрению обращений и приему граждан в первом полугодии 2025 года // <https://surb.sledcom.ru/references/ltogi-raboty-s-obrashcheniyami-grazhdan/item/2010819/> (дата обращения 10.10.2025).

² Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С.215

ков или нанесли вред интересам правосудия, могут повлечь применение мер дисциплинарной, уголовной и процессуальной ответственности.

Привлечение должностных лиц за процессуальные нарушения в уголовном судопроизводстве к административной ответственности не предусмотрено. К дисциплинарной ответственности привлекает руководитель органа дознания, руководитель следственного органа или квалификационная коллегия судей в отношении судьи. Такие виды ответственности, как дисциплинарная, уголовная, влекут персональные последствия для должностного лица.

Правовое регулирование следственных действий основано на положениях Конституции РФ (например, ст.ст. 46, 47, 123) и регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее по тексту – УПК РФ).

УПК РФ, как кодифицированный нормативный акт определяет структурные элементы следственного действия, основы которого составляют базовые положения процессуального права, начиная от назначения уголовного судопроизводства, его принципов, базовых понятий и правовых институтов.

Следственное действие, являясь разновидностью процессуальных действий, представляют собой предусмотренный уголовно-процессуальным законом определенный алгоритм действий, осуществляемых уполномоченными должностными лицами и выполняемых участниками процесса в рамках досудебного производства с целью достижения конкретных правовых результатов, необходимых для достижения цели процесса и исполнения назначения судопроизводства.

Содержание следственных действий заключается в последовательности целенаправленных действий по заданному УПК РФ алгоритму и правилам (правовая форма), в соответствии с рекомендациями криминалистической тактики и методики расследования, которые реализуются в волевом поведении должностного лица, выполняющего роль субъекта-руководителя.

Бездействие со стороны должностных лиц, осуществляющих следственное действие, не предусмотрено правовыми нормами, так как не достигается цель данного действия. Необоснованное бездействие может быть в виде невыполнения требуемых законом предписаний, например, неразъяснение в полном объеме прав несовершеннолетнего участника судопроизводства, невызов законного представителя, психолога, но это нарушение процессуального права. Законом допустимо бездействие со стороны участников судопроизводства, например, отказ от дачи показаний, отказ от заявления ходатайства.

В сфере уголовного судопроизводства, сравнивая процессуальные действия и процессуальные решения, можно обобщить, что процессуальные действия включают в себя все юридически значимые действия, в том числе следственные действия, лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, его решения и принимаемые обеспечительные меры, выполняемые в рамках уголовного дела. И процессуальные решения, и процессуальные действия ведут к правовым последствиям. Тем не менее, процессуальное решение является единовременным правовым актом, который влечет правовые последствия, который обязателен для участников судопроизводства, предопределяет дальнейшее расследование или разбирательство. Процессуальный акт в досудебном производстве единоличный акт, в судебном производстве - единоличный и коллегиальный.

С точки зрения процессуальной формы, следственное действие – это юридически значимый способ зафиксировать в протоколе (постановлении, судебном приказе, определении, заключении) определенное решение, факт, обстоятельства или событие, происходящее в процессе. Следственное действие всегда дуальное действие, в котором обязательный субъект-руководитель – это дознаватель, следователь, с другой стороны – участник или участники уголовного судопроизводства.

Следственное действие проводится в течение некоторого времени, состоит из ряда взаимосвязанных действий, которые предусмотрены в УПК РФ. Цели следственного действия зависят от его вида, от способа обнаружения и собирания доказательств, использования полученных сведений в раскрытии преступления, удостоверения юридического факта, значимого для правосудия, обеспечения реализации процессуальных права участниками уголовного судопроизводства.

Следственные действия формируют доказательственную базу по уголовному делу, поскольку их главная задача – собирание, проверка и оценка доказательств в досудебных стадиях, в уголовном процессе, обнаружение, изъятие и фиксация следов преступления в криминалистике. Собирание доказательств проводится одновременно для решения нескольких задач, стоящих перед органами предварительного расследования: для подтверждения или опровержения сведений из заявления, сообщения о преступлении, для установления предмета доказывания, для обоснования формулируемого обвинения или предъявленного обвинения, для подтверждения алиби подозреваемого, обвиняемого.

Обязательные признаки следственных действий заключаются в том, что их производство возможно в рамках возбужденного уголовного дела, за исключением, отдельных следственных действий, разрешенных на этапе проверки заявления (сообщения) о преступлении. Они имеют познавательную и удостоверительную направленность, а в ходе их производства устанавливаются обстоятельства, составляющие предмет доказывания. Следственные действия имеют принудительный характер, обеспеченный процессуальными мерами воздействия, и допустимое законом ограничение конституционных прав их участников, в предусмотренных федеральным законодательством случаях.

Следственные действия с точки зрения коммуникации участников в уголовном судопроизводстве, представляют собой форму взаимодействия суда, органов следствия или дознания с участниками процесса, переходящую в юридически значимые акты, которые направлены на инициирование судопроизводства, реализацию его досудебной и судебной частей или его прекращение, в целом.

Следственные действия являются разновидностью процессуальных действий. Процессуальные действия имеют разные цели. Одни направлены на собирание, проверку и оценку доказательств, другие на реализацию прав, предусмотренных для участников уголовного процесса, есть и процессуальные действия обеспечительного характера.

С. А. Шейфер пришел к выводу, что многие авторы, исходя из субъекта деятельности, считали, что все, что делает следователь во испол-

нение требований уголовно-процессуального закона есть следственные действия. Это – широкая трактовка данного термина, ставящая знак равенства между следственными и процессуальными действиями. Другие исследователи полагали, что термин «следственный» надо трактовать не через субъекта, а через содержание деятельности. В ряде случаев (осмотр, допрос, следственный эксперимент и др.) деятельность следователя носит ясно выраженный исследовательский характер. Поэтому многие ученые (И.Е. Быховский, Г.А. Абдумажидов, А.Н. Гусаков и др.) трактуют следственные действия как инструмент доказывания, способ получения доказательств. Таким образом к следственным относили лишь часть процессуальных действий, носящих познавательный характер. Такой подход С. А. Шейфер считал узкой трактовкой следственных действий, и лаконично сформулировал, что «следственное действие в познавательном аспекте, выступает как способ собирания (формирования) доказательств и представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации, т.е. к получению соответствующего вида доказательств»¹.

Позднее В. А. Семенов определил следственные действия как предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия дознавателя, следователя, прокурора и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленные на установление и доказывание имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением².

А. Ю. Федюкина пишет, что следственные действия – это действия, осуществляемые компетентными должностными лицами органов предварительного расследования в предусмотренных законом случаях, в особой процессуальной форме, которые обеспечены мерами процессуального принуждения и направлены на обнаружение, закрепление и изъятие доказательств по уголовному делу, а также их последующую проверку и оценку³.

Р. С. Яновский предлагает следующее определение. Под следственными действиями следует понимать совершаемые по уголовному делу в ходе предварительного расследования, при производстве по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, по поручению либо в ходе проверки сообщения о преступлении уполномоченным должностным лицом законодательно регламентированные процессуальные действия, обеспеченные государственным принуждением и направленные на собирание, проверку и использование доказательств по уголовному делу либо решение вопроса о возбуждении уголовного дела⁴.

Согласно определению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, следственные действия — это регламентированные уголовно-процессуальным законом операции, направленные на собирание, проверку и фиксацию доказательств⁵.

Понятие «следственные действия» один из правовых институтов, который подвергается детальному анализу во многих научных работах.

На основе обобщения рассмотренных признаков, сформулируем понятие «следственное действие», которое подразумевает регламентированную уголовно-процессуальным законом совокупность действий (бездействие может быть только исключением), осуществляемых следователем, дознавателем для собирания (обнаружения, фиксации и изъятия), проверки и оценки доказательств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, а также установления иных фактов и обстоятельств, значимых для раскрытия, расследования преступления и рассмотрения уголовного дела в суде.

Все эти особенности в совокупности определяют специфику следственных действий как важнейшего инструмента уголовного судопроизводства, обеспечивающего достижение целей уголовного преследования и назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Анализ работы по рассмотрению обращений и приему граждан в первом полугодии 2025 года // <https://surb.sledcom.ru/references/ltogi-raboty-s-obrashheniyami-grazhdan/item/2010819/> (дата обращения 10.10.2025).
2. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 1328 с.
3. Семенов В. А. Концептуальные основы следственных действий в досудебном производстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 60 с.
4. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 783 с.
5. Федюкина А. Ю. Следственные действия в современном уголовном процессе России. М., 2022. 136 с.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара. 2004. 208 с.
7. Яновский Р.С. Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2013. 27 с.

References:

1. Analysis of the work on consideration of appeals and reception of citizens in the first half of 2025 // <https://surb.sledcom.ru/references/ltogi-raboty-s-obrashheniyami-grazhdan/item/2010819/> (accessed 10.10.2025).
2. Golovko L.V. The course of criminal procedure. 3rd ed., ispr. and add. M.: Statute, 2021. 1328 p.
3. Semenov V. A. Conceptual foundations of investigative actions in pre-trial proceedings: abstract of the dissertation. ... doct. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2006. 60 p.
4. Smirnov A.V. Criminal procedure: textbook. / A.V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy ; under the general editorship of Doctor of Law, Professor A.V. Smirnov. 8th ed., revised and additional M., 2020. 783 p.
5. Fedyukina A. Y. Investigative actions in the modern criminal process of Russia. Moscow, 2022. 136 p.
6. Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural procedure and evidentiary value. Samara. 2004. 208 p.
7. Yanovskiy R. S. Actual problems of investigative actions in the Russian criminal process: author's review. diss. ... Candidate of Law. M., 2013. 27 p.

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара. 2004. С. 25.

² Семенов В. А. Концептуальные основы следственных действий в досудебном производстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2006. С. 10.

³ Федюкина А. Ю. Следственные действия в современном уголовном процессе России. М., 2022. С. 11.

⁴ Яновский Р. С. Актуальные проблемы производства следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2013. С. 11

⁵ Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С.142.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА FEATURES OF THE PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN CONSID- ERING AND RESOLVING ISSUES RELATED TO THE EXECUTION OF A SENTENCE

КАРАЕВА Анжела Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики, Оренбургский государственный университет.
460005, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, 13
E-mail: angela77735@mail.ru;

KARAYEVA Anzhela Anatolyevna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure and criminalistics, Orenburg State University.
460005, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Ave., 13
E-mail: angela77735@mail.ru

Краткая аннотация: законодатель предусмотрел возможность участия прокурора в судебном заседании при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Несмотря на детальную регламентацию деятельности прокурора в УПК РФ и других нормативно-правовых актах, регулирующих его деятельность, не совсем понятна функция и роль прокурора в стадии исполнения приговора. Каково функциональное содержание его участия и с какой целью законодатель предоставляет ему возможность высказывать мнения по поступившим в суд ходатайствам, связанным с исполнением приговора? В данной статье автор анализирует особенности участия прокурора в стадии исполнения приговора, его функцию и роль, как самостоятельного участника уголовного процесса.

Abstract. The legislator has provided for the prosecutor's participation in court hearings during the consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence. Despite the detailed regulation of the prosecutor's activities in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other legal acts governing their activities, the prosecutor's function and role during the execution of a sentence are not entirely clear. What is the functional content of their participation, and why does the legislator grant them the opportunity to express opinions on motions submitted to the court related to the execution of a sentence? In this article, the author analyzes the specifics of the prosecutor's participation during the execution of a sentence, their function, and their role as an independent participant in criminal proceedings.

Ключевые слова: прокурор, осужденный, исполнение приговора, суд, прокурорский надзор, прокурорский контроль, судебное заседание.

Key words: prosecutor, convicted person, execution of sentence, court, prosecutorial supervision, prosecutorial control, court hearing.

Для цитирования: Караева А.А. Особенности процессуальной деятельности прокурора при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 533-536. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_533.

For citation: Karayeva A.A. Features of the procedural activities of the prosecutor in considering and resolving issues related to the execution of a sentence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 533-536. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_533.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Вопрос о правовой природе стадии исполнения приговора в уголовном судопроизводстве остается одной из наиболее дискуссионных тем в науке уголовно-процессуального права. Существуют две принципиально противоположные позиции ученых по данному вопросу. Первая трактует исполнение приговора как самостоятельную, завершающую стадию уголовного процесса, обладающую собственными целями, задачами, временными рамками, особым процессуальным порядком и кругом участников. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что исполнение приговора – это не просто механическое воплощение судебного решения, а сложный правовой процесс, требующий контроля, надзора со стороны государства для обеспечения законности и справедливости. Ученые, придерживающиеся данной позиции акцентируют внимание на специфических правоотношениях, возникающих на стадии исполнения приговора, которые существенно отличаются от правоотношений, характерных для стадий возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства. Эти отличия обусловлены сменой субъектов, изменением предмета правового регулирования (переход от установления вины к реализации наказания) и специфическими целями (исправление осужденных, обеспечение безопасности общества).

Вторая позиция категорически отрицает самостоятельность стадии исполнения приговора. Ее сторонники считают, что с момента вынесения приговора уголовно-процессуальная деятельность завершается, а все дальнейшие действия регулируются уголовно-исполнительным законодательством, выходящим за рамки уголовного процесса. Они аргументируют свою позицию тем, что уголовный процесс призван установить истину по делу и вынести справедливое решение, а исполнение приговора – это уже задача исполнительной власти, реализуемая вне рамок уголовного судопроизводства. Однако, такая позиция игнорирует существующие механизмы судебного контроля за исполнением приговора, возможность пересмотра приговора в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, а также необходимость разрешения различных процессуальных вопросов, возникающих в ходе исполнения (например, вопросы о замене вида наказания, условно-досрочном освобождении, помиловании).

Наша позиция заключается в том, что исполнение приговора является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, хотя и имеет ряд особенностей, отличающих ее от предшествующих стадий. Невозможно ограничиться лишь вынесением приговора, необходимо обеспечить его надлежащее исполнение, что требует специального правового регулирования и участия различных субъектов.

Неопределенность правового статуса ряда участников процесса на стадии исполнения приговора является одной из основных проблем. В частности, роль прокурора в этой стадии нуждается в уточнении. С одной стороны, прокурор должен контролировать законность исполнения приговора, надзирать за соблюдением прав осужденных и обжаловать нарушения. С другой стороны, его участие не должно дублировать функции органов уголовно-исполнительной системы.

Роль прокурора в российском уголовном судопроизводстве, согласно п. 31 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и Федеральному закону № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 5 мая 2025 г.) определяется его статусом как представителя государства. Генеральный прокурор РФ, подчиненные ему прокуроры, их заместители и другие должностные лица органов прокуратуры, наделенные соответствующими полномочиями, играют ключевую роль на всех этапах уголовного процесса от досудебного расследования до вынесения судебного решения [2].

Основными функциями прокурора является надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) и государственное обвинение (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Надзорная функция подразумевает проверку законности и обоснованности действий следователей, дознавателей, а также принятых ими процессуальных решений и не ограничивается только реагированием на уже допущенные нарушения, а носит еще превентивный характер на предотвращение подобных нарушений в будущем.

Функция прокурора в суде заключается в поддержании обвинения от имени государства, обеспечивая его законность и обоснованность. Прокурор представляет доказательства вины подсудимого, участвует в их исследовании, обеспечивает защиту прав и законных интересов потерпевших, а также иных участников процесса. Эффективность работы прокурора влияет на законность, обоснованность и справедливость приговора. Несмотря на детальную регламентацию деятельности прокурора в УПК РФ и других нормативно-правовых актах, регулирующих его деятельность, существуют определенные пробелы в законодательстве, требующие доработки.

В ч. 6 ст. 399 УПК РФ законодатель указал на возможность присутствия прокурора в судебном заседании при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, сформулировав это как «в судебном заседании вправе участвовать прокурор». Часть 7 статьи 399 УПК РФ устанавливает, что в ходе судебного заседания должно быть заслушано мнение прокурора по вопросам, относящимся к исполнению приговора [1]. Возникает ряд вопросов: какую роль исполняет прокурор на стадии исполнения приговора? Кто принимает решение о его участии – суд или сам прокурор? Формулировка «вправе» не подразумевает обязательного присутствия прокурора при рассмотрении и решении вопросов, касающихся исполнения приговора. Каково функциональное содержание его участия и с какой целью законодатель предоставляет ему возможность высказывать мнения по поступившим в суд ходатайствам, связанным с исполнением приговора?

Традиционно выделяют две основные функции прокурора в судебном заседании: поддержание государственного обвинения и осуществление правообеспечительной функции [6, С. 37]. Первая функция, несомненно, доминирует, фокусируясь на доказательстве вины подсудимого и применение к нему соответствующего наказания, предусмотренного законом.

Вторая, правообеспечительная функция, направлена на обеспечение законности и справедливости судебного процесса в целом, защиту прав и интересов всех участников процесса. Однако эта функция часто остается в тени доминирующей функции обвинения. Мнение О.В. Воронина о роли прокурора на стадии исполнения приговора как «незаинтересованного наблюдателя» требует более детального анализа. Ученый утверждает, что прокурор, рассматривая и разрешая вопросы, касающиеся исполнения приговора в суде, не преследует ни материальные, ни процессуальные интересы. На практике он выступает как незаинтересованный наблюдатель, наделенный полномочиями участвовать в судебном процессе, высказывать свое мнение и вносить представления по решениям суда [5, С. 44].

Действительно, прокурор, рассматривая вопросы, связанные с исполнением приговора, не преследует собственных материальных или процессуальных интересов в том смысле, в котором он их преследует на стадии судебного разбирательства. Однако, трактовка его роли исключительно, как «наблюдателя» является упрощенной и не отражает всей сложности его функций. Прокурор – не пассивный наблюдатель, а активный участник процесса, наделенный существенными полномочиями, такими как внесение представлений, инициирование пересмотра судебных решений, если они противоречат закону или нарушают права осужденного.

Функция прокурора на этапе исполнения приговора – вопрос, вызывающий неоднозначные интерпретации. Статья 397 УПК РФ перечисляет широкий круг вопросов, рассматриваемых судом в этой стадии уголовного процесса, начиная от изменения вида наказания и заканчивая вопросами условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом и т.д. Эта стадия, действительно, является самостоятельной и завершающей, но роль прокурора в ней не так очевидна, как на предшествующих стадиях.

Традиционно, прокурор воспринимается как представитель обвинения, чья задача – доказывания вины подсудимого. Одна на этапе исполнения приговора обвинение уже вынесено и вступил законную силу обвинительный приговор. Прокурор здесь не предъявляет новых обвинений, его участие обусловлено, прежде всего, обеспечением надзора за законностью и обоснованностью решений, принимаемых судом касательно исполнения приговора. Это не означает, что прокурор выступает в роли «надзирателя» за деятельностью суда, его надзорные полномочия ограничиваются рамками законности и не распространяются на оценку судом фактических обстоятельств дела. Суд, в данном случае, является независимым органом, принимающим самостоятельные решения. Прокурор на данном этапе выступает скорее, как участник, призванный обеспечить соблюдение интересов государства, предъявляя свои замечания и возражения по вопросам, касающимся исполнения приговора, лишь в случае, если он считает, что принимаемые решения противоречат закону. Например, участвуя в судебном заседании, прокурор может выступить против условно-досрочного освобождения осужденного, если это противоречит закону и интересам общества. Он может предоставить суду доводы, подтверждающие, что цель наказания не достигнута, осужденный не исправился и нуждается в дальнейшем отбывании наказания.

Как показывает практика, взаимодействие прокурора с органами, исполняющими наказания, достаточно конструктивное и их мнения зачастую совпадают в вопросах, касающихся соблюдения осужденными порядка исправительного учреждения, наличия оснований для замены того или иного вида наказания, а также освобождения от наказания. Как правило, мнение прокурора согласуется с позицией органа или учреждения, ответственного за исполнение наказания, что находит отражение в документах, представленных в суд. На этапе подготовки судебных материалов предусмотрено предварительное согласование вопросов, связанных с отбыванием наказания осужденным, на различных комиссиях, где также участвуют прокуроры, осуществляющие надзор за деятельностью этих органов [4, С. 10]. Однако бывают ситуации, когда мнение прокурора и администрации органа, исполняющего наказания расходятся, например, в части применения поощрения и наказания к осужденным. В данном случае, прокурор представляет в суд свои доказательства, в подтверждение своей позиции.

На стадии исполнения приговора, роль прокурора выходит за рамки простого участия в судебном заседании при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Прокурор осуществляет надзор за исполнением приговора, например, за соблюдением условий содержания осужденных, соблюдение их прав и законных интересов в период отбывания наказания в исправительном учреждении, контроль за деятельностью органов, исполняющих наказание. Результаты таких проверок могут стать основанием для обращения прокурора в суд с соответствующим представлением и заявлением. Однако, необходимо отметить, что существуют определенные проблемы в указанной деятельности. Одна из них – недостаточное количество прокуроров, специализирующихся по вопросам исполнения приговоров, что может привести к недостаточному контролю за законностью исполнения приговоров и снижению качества надзора. Необходимо обеспечивать и повышать профессиональную подготовку прокурорских работников, специализирующихся в данной области.

Следующая проблема – координация деятельности органов, исполняющих наказание и прокуратуры. Для улучшения ситуации необходимо совершенствовать взаимодействие между этими органами, разрабатывать более эффективные механизмы надзора, например, внедрение современных информационных технологий – систем электронного документооборота и баз данных и др.

Только комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, усиление надзора и повышение профессионализма, позволит обеспечить более эффективное исполнение приговоров и соблюдение прав всех участников уголовного процесса.

Некоторые исследователи отмечают, что прокурор имеет ассоциативную роль в процессе разрешения дел, связанных с исполнением приговора. В этой роли он выступает как независимый помощник суда, призванный содействовать вынесению законного и обоснованного судебного решения. По нашему мнению, ассоциативная роль прокурора, как «независимого помощника суда», отражает его важную функцию по обеспечению законности и справедливости исполнения приговора. Однако, эта роль тесно связана с его надзорными функциями. Прокурор, будучи представителем государственной власти, призван обеспечить, чтобы исполнение приговора происходило в строгом соответствии с законом, без нарушений прав осужденного. Он не просто помогает суду, а как мы уже сказали ранее, контролирует соблюдение законности со стороны всех участвующих в процессе органов и должностных лиц, включая пенитенциарные учреждения, органы исполнения наказания и т.д. Это включает в себя не только мониторинг условий содержания осужденных, но и проверку законности применения мер взыскания, соответствие режима содержания приговору суда, обладая профессиональной квалификацией, должен самостоятельно обеспечивать законность своих решений. Однако, нельзя забывать о добросовестности, учитывая огромный объем работы и возможную загруженность судей, участие прокурора за исполнением приговора является важнейшим фактором, обеспечивающим соблюдение законности ч. 7 ст. 399 УПК РФ, хотя и не описывает подробно функций прокурора на стадии исполнения приговора, не исключает его активного участия и внесения представлений, что позволяет прокурора своевременно и эффективно реагировать на возможные нарушения и способствовать защите прав и законных интересов осужденных. При этом, прокурор должен действовать беспристрастно и руководствоваться исключительно законом.

Таким образом, функция прокурора в уголовном процессе на этапе исполнения приговора вызывает определенные вопросы. В частности, функция государственного обвинения в данной стадии не может быть осуществлена, поскольку обвинение как таковое отсутствует, и, более того, на этом этапе может рассматриваться вопрос о снятии судимости. Также нет оснований для утверждения о наличии надзорной функции, так как судебное заседание не подлежит надзору. Кроме того, прокурор не может обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан, поскольку в случае возможных нарушений в ходе судебного заседания суд реагирует на них самостоятельно [4, С. 11].

Анализ роли прокурора на стадии исполнения приговора, определенной в п. 18 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 376 от 30 июня 2021 года «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [3], показывает необходимость более детальной регламентации его полномочий и ответственности. Приказ указывает на обязательное участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговоров в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях, а также в следственных изоляторах. Это включает широкий спектр вопросов, от условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания на более мягкий вид до освобождения по медицинским показаниям, изменения типа исправительного учреждения. Однако, приказ не полностью определяет объем полномочий прокурора. Например, неясно, какой характер должно носить участие прокурора: пассивное (просто присутствие и фиксация своей позиции в протоколе) или активное (право инициации дополнительных расследований, представлений доказательств, заявления отводов и т.д.). Кроме того, не определены конкретные критерии оценки прокурором возможности применения той или иной меры, связанной с изменением или прекращением отбывания наказания. Это создает пробелы в законодательстве и может приводить к неоднозначной практике.

Необходимо также учитывать значительные различия в объеме работы прокуроров в разных регионах. В регионах с высокой нагрузкой прокурор может физически не успевать тщательно изучать все материалы дел, связанных с исполнением приговоров, что может отрицательно

сказаться на качестве надзора. Поэтому необходимо рассмотреть возможность оптимизации работы прокурорских на этом этапе.

Мнение прокурора в обязательном порядке должно найти отражение в протоколе судебного заседания. Таким образом, считаем необходимым закрепить в п. 6 ст. 399 УПК РФ положение – «в судебном заседании участвует прокурор». Однако, такого рода формулировка слишком общая и требует более четкого определения прав и обязанностей прокурора. Необходимо разработать специальные инструкции или пояснения к УПК РФ, которые бы более детально регулировали деятельность прокурора на стадии исполнения приговора, учитывая конкретные виды наказаний, категорий осужденных. Только такой подход позволит обеспечить надлежащий надзор за исполнением приговора и способствовать достижению целей уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- 1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 1 сентября июля 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 17 (часть I). Ст. 2119.
- 2 Федеральный закон № 2202-1 от 17 января 1992 года «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
- 3 Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 376 от 30.06.2021 года «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (в ред. от 03.07.2024 г.) // <https://base.garant.ru/403733640/> (Дата обращения: 22.09.2025 г.)
- 4 Белоносов В.О. Функция прокурора в судебном разбирательстве в стадии исполнения приговора // Вестник СЮИ. 2015. № 4 (18). С. 9-11.
- 5 Воронин О.В. Участие прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник РУДН. Юридические науки. 2011. № 11. С. 42-48.
- 6 Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 323 с.

References:

- 1 The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: official. text: as of September 1, July 2025 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. No. 17 (Part I). Article 2119.
- 2 Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 8. Article 366.
- 3 Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 376 dated 30.06.2021 "On the Participation of Prosecutors in the Judicial Stages of criminal Proceedings" (as amended dated 07/03/2024) // <https://base.garant.ru/403733640/> (Date of appeal: 09/22/2025)
- 4 Belonosov V.O. The function of the prosecutor in court proceedings at the stage of execution of the sentence // Bulletin of the SUI. 2015. No. 4 (18). pp. 9-11.
- 5 Voronin O.V. Participation of the prosecutor in the execution of the sentence // Bulletin of the RUDN University. Legal sciences. 2011. No. 11. pp. 42-48.
- 6 Tushev A.A. Prosecutor in the criminal process of the Russian Federation. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2005. 323 p.

КОНФЛИКТ ПРИНЦИПОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВС РФ № 39

CONFLICT OF PRINCIPLES: THE RETURN OF A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR AS A VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIALITY AND THE LIMITS OF JUDICIAL REVIEW FOLLOWING RUSSIAN SUPREME COURT PLENUM RESOLUTION NO. 39

ЗАКИДАЛЬСКИЙ Дмитрий Евгеньевич,
аспирант Сыктывкарского государственного университета им. П. Сорокина.
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55.
E-mail: zakidalsky@gmail.com;
ZAKIDALSKY Dmitry E.,
Postgraduate Student at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.
55 Oktyabrsky Avenue, Syktyvkar, 167001, Russia.
E-mail: zakidalsky@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу противоречий на основе правоприменительной практики института возвращения уголовного дела прокурору после принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 (далее – Постановление Пленума № 39) [1]. Объект исследования – эволюция института возврата дела прокурору, в процессе происходит смещение акцентов в сторону обвинительного уклона. Цель исследования — обосновать необходимость ограничить полномочия прокурора по предъявлению более тяжкого обвинения после возврата уголовного дела судом и разработать конкретные предложения по устранению конфликта принципов, возникающего между Пленумом № 39 и статьями 15, 252 УПК РФ. Научная новизна результатов исследования заключается в обосновании восстановления обвинительной функции в судебной стадии из-за того, что Постановление Пленума № 39 разрешает предъявлять более тяжкое обвинение после устранения недостатков на стадии предварительного расследования. По результатам исследования обоснован вывод о необходимости включить дополнительные разъяснения в действующее Постановление Пленума № 39 для сохранения конституционных гарантий.

Abstract: The article is devoted to the analysis of fundamental contradictions that have arisen in the practice of the institute of returning a criminal case to the prosecutor following the adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, No. 39 (hereinafter — Plenum Resolution No. 39). The object of the study is the evolution of the institute of returning a case to the prosecutor, which has led to a shift in focus towards an accusatory bias. The purpose of the study is to substantiate the necessity of legislatively restricting the prosecutor's authority to present a more serious charge after the return of a criminal case by the court, and to develop specific proposals for eliminating the systemic conflict between Plenum Resolution No. 39 and Articles 15 and 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF). The scientific novelty of the research results lies in substantiating that Plenum Resolution No. 39, by permitting the presentation of a more serious charge after the elimination of defects, solidifies the restoration of the accusatory function at the judicial stage. A conclusion is drawn regarding the necessity of additional explanations to preserve constitutional guarantees.

Ключевые слова: возвращение судом уголовного дела прокурору, пределы обвинения, Постановление Пленума ВС РФ № 39, статья 252 УПК РФ.

Keywords: return of criminal case to the prosecutor by the court, limits of accusation (or limits of the charge), Russian Supreme Court Plenum Resolution No. 39, Article 252 of the CPC RF.

Для цитирования: Закидальский Д.Е. Конфликт принципов: возвращение уголовного дела прокурору как нарушение принципа состязательности и пределов судебного разбирательства после Постановления Пленума ВС РФ № 39 // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 537-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_537.

For citation: Zakidalsky D.E. Conflict of principles: the return of a criminal case to the prosecutor as a violation of the principle of adversariality and the limits of judicial review following Russian Supreme Court Plenum Resolution No. 39 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 537-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_537.

Статья поступила в редакцию: 01.12.2025

Переходный период современного уголовного процесса характеризовался отказом от института дополнительного расследования, который в свою очередь вступал в противоречие с принципом состязательности. Вместе с тем, институт возвращения уголовного дела прокурору (статья 237 УПК РФ) [2] прошел сложный путь развития, где происходили перемены между задачами судебного контроля и необходимостью устранения ошибок следствия. Концепцией судебной реформы РСФСР [3] была заложена идея о возможности возврата исключительно при выявлении формальных процессуальных нарушений. Затем под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ круг оснований для возврата расширился, преобразовывая институт возвращения уголовного дела прокурору в механизм обеспечения процессуальных прав [4, с. 315].

Институт возвращения уголовного дела прокурору демонстрирует постепенное развитие, которое можно разделить на несколько этапов. На начальном этапе (УПК РСФСР) институт представлял механизм восполнения пробелов предварительного следствия. С принятием УПК РФ и, в особенности, после ряда решений Конституционного Суда РФ, задача института состояла в устранении существенных нарушений, носящих формальный характер [5, с. 290]. При этом отмечалось, что наличие оценочных категорий, как «существенность» в отличие обвинения, «неустранимость» нарушений приводило к субъективной оценке со стороны правоприменителя [6, с. 55].

В последующем внесенные изменения привели к такому состоянию института, которое, по мнению ряда исследователей, можно характеризовать как предоставление органам предварительного расследования «второго шанса», позволяя возвращать уголовное дело по мотиву

усмотрения более тяжкой квалификации преступления.

Новое Постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2024 года № 39 внесло унификацию в судебную практику, поскольку внесены положения о разрешении наиболее часто встречаемых в судебной практике процессуальных нарушений. При этом исследователи указывают на смещение роли суда в сторону обвинительного уклона. Такой сдвиг находит свое подтверждение в анализе положений Постановления Пленума № 39.

Пункт 18 Постановления Пленума № 39 устанавливает: прокурор вправе провести дополнительное следствие или дознание с целью устранения выявленных препятствий. Данным пунктом прямо допускается предъявление более тяжкого обвинения. При этом важно отметить, что такая возможность допускается даже в случаях, когда дело было возвращено судом первой инстанции по иным основаниям.

Мы полагаем, что, разрешая прокурору предъявлять более тяжкое обвинение после возврата дела, высшая судебная инстанция закрепляет позицию, согласно которой суд, возвращая дело по формальным основаниям, по сути позволяет усилить обвинения в ходе устранения неполноты предварительного расследования. Такое положение противоречит нейтральному статусу суда как независимого арбитра, что нарушает принцип состязательности, что нарушает принцип состязательности.

По своей сути пункт 18 Постановления Пленума № 39, который предусматривает возможность проведения дополнительных следственных действий и составление нового обвинительного заключения с предъявлением более тяжкого обвинения, фактически закрепляет обвинительную функцию суда. Такая позиция вступает в прямое противоречие с фундаментальным институтом пределов судебного разбирательства – ключевого гаранта права обвиняемого на защиту: статья 252 УПК РФ гласит, что судебное разбирательство проводится только по предъявленному обвинению.

Разрешая предъявление более тяжкого обвинения после возврата дела, Пленум ВС РФ фактически создает процессуальный обходной путь для запрета на ухудшение положения подсудимого, который действует в судебном разбирательстве [7, с. 486].

Этот обходной путь нарушает правовую определенность и право обвиняемого на эффективную защиту, поскольку он вынужден противостоять новому, более строгому обвинению, инициированному судебным актом.

Кроме того, возможность усиления обвинения после возврата дела входит в противоречие с институтом запрета поворота к худшему (*non reformatio in peius*), нарушая гарантию стабильности правового положения обвиняемого. Суть этого принципа состоит в недопустимости ухудшения положения лица, если на это не указала сторона обвинения. В таком случае, само судебное решение о возврате дела, принятое по инициативе суда, предоставляет возможность для дальнейшего ухудшения положения обвиняемого, допуская возобновление предварительного расследования и проведения дополнительных процессуальных действий, а также «предъявление лицу нового обвинения в совершении более тяжкого преступления и в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям». Как справедливо отмечает Н. Будылиным, институт запрета поворота к худшему призван исключить возможность того, что суд даже косвенно приведет своими действиями к ухудшению положения обвиняемого [8, с. 147]. В результате, установленный законом запрет на изменение обвинения в сторону его усиления в ходе судебного разбирательства легко обходится путем возврата уголовного дела в стадию предварительного расследования.

Проведенный анализ правоприменительной практики, сложившейся после начала действия Постановления Пленума № 39, показывает тенденцию превращения исследуемого института в процессуальный механизм, который становится фактором для усиления обвинительного уклона.

Приведем следующие примеры судебных решений 2025 года, подтверждающие такой тезис о наличии коллизии.

Практика Магаданского областного суда [10] (уголовное дело по обвинению О. в халатности по ч. 1 ст. 293 УК РФ) наглядно демонстрирует, что суд применяет институт возврата дела прокурору для устранения недостатков предварительного следствия. В рассматриваемом случае апелляционная инстанция возвращает уголовное дело для дополнительного расследования по причине того, что «имущественный ущерб должным образом не установлен». В ходе рассмотрения уголовного дела проведена судебно-экономическая экспертиза, установившая заниженный объем вменяемого обвиняемому ущерба. При этом суд апелляционной инстанции указывает на то, что «установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований для увеличения фактического объема обвинения, предъявленного О. как в части количества испорченного мяса говядины, так и размера причиненного в связи с этим ущерба». Таким образом, возвращение уголовного дела происходит в условиях, когда в суде возникает необходимость увеличения фактического объема обвинения (в данном случае, увеличение размера ущерба), что влечет ухудшение положения подсудимого.

Поскольку установление новых фактических обстоятельств (большой размер ущерба) прямо нарушало бы гарантии, установленные частью 2 статьи 252 УПК РФ, суд, руководствуясь пунктом 6 части 1 статьи 237 УПК РФ и пунктом 13 Постановления Пленума № 39, принял решение о возврате дела.

Таким образом, институт возвращения уголовного дела по данному основанию, хотя и служит формальной цели соблюдения права на защиту, объективно используется для восполнения неполноты предварительного расследования. Стороне обвинения дается возможность ужесточить квалификацию предъявленного ранее обвинения, что противоречит конституционно наделенному нейтральному статусу суда.

Другой типичный пример противоречий связан с возвратом дела по формальным основаниям (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), однако, который непосредственно создает возможность для ужесточения квалификации.

Апелляционное постановление Ленинградского областного суда [11] демонстрирует отмену приговора, постановленного в особом порядке, и возврат дела по обвинению лица по ч. 5 ст. 171.1 УК РФ в связи с неверным установлением крупного размера незаконного оборота немаркированной табачной продукцией. Крупный размер на общую сумму 185 115 рублей 00 копеек был определен экспертным заключением, тогда как в заключении специалиста рыночная стоимость товаров составила 222 659 рубля 53 копейки. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что определение стоимости табачных изделий в экспертном заключении, исходя из минимальной рыночной стоимости табачных изделий из одной цены за единицу товара, а не каждой в отдельности пачки, как это было сделано в заключении специалиста, является существенным нарушением

права на защиту, поскольку «стоимость немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке акцизными марками, являющаяся предметом доказывания, не установлена».

Вместе с тем, суд, возвращая дело по мотиву нарушения права на защиту вследствие «неопределенности в обвинении», инициирует для стороны обвинения процессуальный механизм для усиления квалификации. Если в процессе устранения установленных судом недостатков обвинения будут выявлены основания для применения более тяжкого квалифицирующего признака (например, особо крупный размер), такой возврат уголовного дела приведет к результату, который был бы недопустим в рамках судебного разбирательства в силу ограничительных принципов и гарантий.

Следовательно, даже при возврате дела по основаниям, направленным на защиту прав подсудимого, п. 18 Постановления Пленума № 39 превращает этот институт в потенциальный инструмент репрессии, что подрывает доверие судебной власти в целом, нивелируя гарантии, установленные статьей 252 УПК РФ.

Анализ правоприменительной практики выявил следующую тенденцию: новые положения в Постановлении Пленума ВС РФ № 39, предоставляющие право на предъявление более тяжкого обвинения после устранения выявленных судом недостатков, вступают в системное противоречие с принципом состязательности, в обход гарантий, закрепленных в статье 252 УПК РФ и определяющих пределы судебного разбирательства. Судебное постановление о возвращении уголовного дела, вынесенное для исправления формальных недостатков, де-факто становится процессуальным основанием для существенного усиления уголовного преследования. Таким образом, суд объективно способствует реализации обвинительной функции.

С целью устранения выявленных противоречий и обеспечения правовой определенности полагаем возможным предложить внести следующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39, дополнив пункт 18 Постановления Пленума № 39 следующим абзацем:

«После возвращения уголовного дела судом по основаниям, предусмотренным пунктом 1 части 1 статьи 237 УПК РФ, предъявление обвинения в совершении более тяжкого преступления не допускается. В этом случае следователь, руководитель следственного органа либо дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания в соответствии с указанием прокурора вправе провести следственные или иные процессуальные действия исключительно с целью устранения указанных судом нарушений».

Данное изменение направлено на непосредственное ограничение права стороны обвинения на усиление обвинения, когда дело возвращается по основанию, не связанному с квалификацией (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. 1). ст. 4921.
3. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
4. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Очередной шаг Конституционного Суда Российской Федерации в развитии института возвращения уголовного дела прокурору // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 4 (87). С. 310–317.
5. Штекеров К. И. Возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ: Эволюция и современное состояние института // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 289–293.
6. Шевченко А.А., Татьяна А.В. Основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору (анализ положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 1. С. 53–57.
7. Куряхова Т.В. Практика применения п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ о возвращении уголовного дела прокурору для усиления обвинения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2. С. 485–489.
8. Бudylin Н.В. Запрет на поворот к худшему в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 5.1.4 / Бudylin Николай Владимирович. – Ульяновск, 2023. – 340 с.
9. Апелляционное постановление Магаданского областного суда от 28.05.2025 по делу № 22-176/2025. - Текст : электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m6SwlDx7pBYT> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 30.05.2025 по делу № 22-1189/2025. - Текст : электронный // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nSmclbn9P3HO/> (дата обращения: 20.11.2025).

References:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/17/2024 No. 39 "On the practice of Courts applying the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the Grounds and procedure for returning a criminal case to a prosecutor" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. No. 2.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). article 4921.
3. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR dated October 24, 1991 No. 1801-1 "On the concept of judicial reform in the RSFSR" // Vedomosti of the Council of People's Commissars of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991 No. 44. Article 1435.
4. Kalnitskiy V. V., Kuryakhova T. V. The next step of the Constitutional Court of the Russian Federation in the development of the institution of returning a criminal case to the prosecutor // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (87). pp. 310-317.
5. Shtekero K. I. The return of the criminal case to the prosecutor in accordance with art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Evolution and current state of the institute // Changes in Russian legislation. 2016. No. 8. pp. 289-293.
6. Shevchenko A.A., Tatyana A.V. Grounds and procedure for returning a criminal case to the prosecutor (analysis of the provisions of Resolution No. 39 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/17/2024) // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2025. No. 1. pp. 53-57.
7. Kuryakhova T.V. The practice of applying paragraph 6 of Part 1 of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the return of a criminal case to the prosecutor to strengthen the prosecution // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. pp. 485-489.
8. Budylin N.V. Prohibition of a turn for the worse in the criminal proceedings of the Russian Federation: dissertation of the Candidate of Law: 5.1.4 / Budylin Nikolay Vladimirovich. – Ulyanovsk, 2023. – 340 p.
9. The appeal resolution of the Magadan Regional Court dated 05/28/2025 in case No. 22-176/2025. - Text : electronic // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m6SwlDx7pBYT> (date of request: 11/20/2025).
10. Appeal resolution of the Leningrad Regional Court of 30.05.2025 in case No. 22-1189/2025. - Text : electronic // SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nSmclbn9P3HO/> (date of access: 11/20/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_540

УДК 0043

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИПНОЗА PROBLEMATIC ISSUES IN THE QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING HYPNOSIS

КУДРЯВЦЕВА Надежда Алексеевна,

к.ю.н., доцент кафедры Юриспруденция Дальневосточного филиала
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»,
судья Камчатского краевого суда в почетной отставке.
683003, Российская Федерация, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Вилуйская, д.25.
E-mail: Kudna1@yandex.ru;

KUDRYAVTSEVA Nadezhda Alekseevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Far Eastern Branch
of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
judge of the Kamchatka Regional Court in honorable retirement.
683003, Kamchatka Territory, Petropavlovsk-Kamchatsky, Vilyuyskaya str., 25, Russian Federation.
E-mail: Kudna1@yandex.ru;

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования гипноза в преступной деятельности, вопросам квалификации подобных деяний. В условиях стремительного развития технологий и углубления знаний о человеческой психике, гипноз может быть применен как инструмент манипуляции сознанием, что открывает перед преступниками новые возможности для совершения противоправных действий, в связи с чем, изучение этого аспекта преступной деятельности представляется достаточно актуальным.

Abstract: The article is devoted to the study of the possibilities of using hypnosis in criminal activities, and the issues of qualifying such acts. In the context of the rapid development of technology and the deepening of knowledge about the human psyche, hypnosis can be used as a tool for manipulating consciousness, which opens up new opportunities for criminals to commit illegal acts. Therefore, the study of this aspect of criminal activity is quite relevant.

Ключевые слова: гипноз, беспомощное состояние, способ совершения преступления, психическое насилие, причинение вреда здоровью, хищение.

Keywords: hypnosis, helpless state, method of committing a crime, mental violence, harm to health, and theft.

Для цитирования: Кудрявцева Н.А. Проблемные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением гипноза // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 540-543. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_540.

For citation: Kudryavtseva N.A. Problematic issues in the qualification of crimes committed using hypnosis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 540-543. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_540.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Гипноз, будучи уникальным психофизиологическим состоянием, вызывает значительный интерес как среди учёных, так и среди широкой общественности. Его возможности в изменении восприятия и поведения человека находят применение в самых разных сферах, от медицины до искусства. Однако, как отмечал Л.П. Гримарк, несмотря на положительные свойства гипноза при его использовании в медицинских целях, возможно его использование и в деструктивных, криминальных целях, когда он выступает способом или средством совершения преступления [4].

На сегодняшний день вопрос использования гипноза в преступной деятельности остаётся недостаточно изученным, что обусловлено сложностью доказывания его применения и ограниченностью доступных данных. Фундаментальными трудами по данной теме являются работы Л.П. Гримарка, Л.В. Седых, С.М. Балашова [4, 10, 1].

Отдельные вопросы исследуемой темы рассматривались в работах Бархатовой Е.Н., Китаева Н.Н., Кулева В.К., Зиминной М.Ю., Бетерякова А.Р., Хабалева В.Д., Шарапова Р.Д. и некоторых других авторов [3, 5, 6, 12, 13].

Выделяют четыре возможных направления использования гипноза в криминальных целях:

1. Причинение вреда здоровью загипнотизированного лица. Как правило, это может выражаться в изнасиловании жертвы или совершении с ней иных сексуальных преступлений, воздействия на жертву с целью того, чтобы человек сам себе нанес телесные повреждения либо внушение необходимости покончить собой.

В 1928 г. в Ленинграде рассматривалось громкое уголовное дело в отношении врача Удальцова. Потерпевшая настаивала на том, что была введена в состояние гипноза и в таком состоянии изнасилована Удальцовым. Сам Удальцов не отрицал факта вступления в половой акт с потерпевшей, однако указывал, что гипнозом не пользовался и половое сношение носило добровольный характер. По делу проводилась комиссия судебно-психиатрическая потерпевшей, которая пришла к выводу, что потерпевшая не была подвержена глубокому гипнозу. В результате Удальцов был осужден за должностное преступление [6].

В 1990 г. осужден психотерапевт Поздняков за изнасилование двух несовершеннолетних пациенток, которых он сам же вводил в состояние гипноза. В данном случае факт применения гипноза к потерпевшим был доказан [12].

2. Причинение имущественного вреда. Первое преступление против собственности, совершенное с применением гипноза, было

зафиксировано в Германии в 1934 г. Ф. Вальтер с помощью гипноза склонил потерпевшую к проституции, затем вымогал у нее деньги, пытался убить ее и ее мужа. Раскрыть преступление удалось так же путем гипноза. Доктор психологии Л. Маеир сумел восстановить под гипнозом память потерпевшей, в результате чего Ф. Вальтер дал признательные показания и был осужден [12].

3. Использование гипнотехник для совершения противоправных деяний в состоянии гипноза или постгипнотическом состоянии.

4. Использование гипноза в деятельности деструктивных сект. Этот вопрос требует отдельного самостоятельного исследования. Отметим только, что одной из первых в России «гипнологических» экспертиз являлась именно экспертиза в отношении Д. Шульца, который обвинялся по ст. 58–10 и ст. 123 УК РСФСР в том, что в начале 20-х г.г. организовал общину «Единый Храм», которая фактически являлась тоталитарной сектой. Экспертом по этому делу выступал известный психиатр профессор Е.К. Краснушкин, который пришел к выводу о том, что Шульц обладал навыками гипноза [5].

Для квалификации действий лиц, использующих гипноз в указанных выше криминальных целях, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть два вопроса.

Первый касается обсуждения проблемы, является ли состояние гипноза беспомощным состоянием.

В 1895 году Р. Крафт-Эбинг исследуя состояние гипноза, указывал, что состояние человека в глубокой степени гипноза необходимо рассматривать с юридической точки зрения как беспомощное. Подобную точку зрения в настоящее время разделяет Седых Л.В., Шарапов Р.Д. [10, 13].

В современном российском уголовном праве понятие беспомощного состояния раскрывается в п. 7 Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «Об убийстве», в соответствии с которым под беспомощным состоянием понимается неспособность потерпевшего в силу психических или физических особенностей оказать активное сопротивление виновному, когда последний осознает это обстоятельство [9].

Гипноз имеет три стадии: легкий гипноз, средняя стадия и глубокий гипноз. И если пребывание человека в первых двух стадиях сохраняет за ним определенную возможность совершать осознанные действия, то при глубоком гипнозе человек теряет контроль над своим сознанием. Следовательно, по нашему мнению, именно нахождение потерпевшего в глубокой стадии гипноза должно рассматриваться как беспомощное состояние.

При этом виновный сам погружает потерпевшего в такое состояние, следовательно, не может не осознавать его беспомощность. К такому же выводу приходит Балашов С.М.[1]

В то же время Седых Л.Д. полагает, что даже осознание лица, погруженного в гипноз факта совершения над ним преступления, не влияет на признание его находящимся в беспомощном состоянии [10].

В любом случае по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием гипноза, необходимо проводить тщательные судебно-психиатрические экспертизы для установления обстоятельства нахождения лица на момент совершения преступления в состоянии гипноза. Такие методики известны отечественной криминалистике.

Однако, необходимо учитывать, что виновный, используя такое беспомощное состояние потерпевшего, введенного в состояние гипноза, используя это состояние для совершения преступления, сам же его в это состояние и ввел. Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 за 2018 г. указал, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии не может быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если виновный привел потерпевшего в это состояние своими преступными действиями [7].

То есть состояние глубокого гипноза должно рассматриваться как беспомощное состояние потерпевшего, но учитывая, что виновный своими действиями приводит его в это состояние, то при квалификации убийства потерпевшего, находящегося в состоянии гипноза такие действия по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицированы быть не могут, а при отсутствии иных квалифицирующих признаков, исходя из существующих рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, будут рассматриваться как простое убийство и квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В то же время в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в п. 5 указано, что беспомощным следует признавать состояние в силу своего физического или психического состояния (в том числе иных бессознательных состояний, к которым можно отнести и состояние гипноза) не могла понимать характер и значение совершаемых с ней действий или оказать сопротивление виновному, если виновный осознает указанное обстоятельство. При этом не имеет значения, было ли лицо приведено виновным в такое состояние или находилось в беспомощном состоянии независимо от его действий (п. 6) [8].

Таким образом, изнасилование потерпевшей, которая приведена виновным в состояние гипноза, если она сама добровольно дала согласие на проведение сеанса гипноза, должно рассматриваться как беспомощное состояние. Если же потерпевший вводится в состояние гипноза без её согласия, то гипноз должен рассматриваться как психическое насилие [1].

Как вывод можно указать, что нахождение потерпевшего в состоянии гипноза должно рассматриваться как беспомощное состояние, поскольку виновный, используя такое состояние, может манипулировать сознанием и поведением потерпевшего, совершая преступные действия. При этом необходимо различать две ситуации: когда лицо дает согласие на проведение с ним сеанса гипноза и когда вводится в состояние гипнотического сна без его согласия, поскольку в некоторых случаях это может оказывать влияние на квалификацию.

Второй момент, который касается совершения преступлений с использованием гипноза – это возможность рассматривать гипноз как

вид психического насилия.

По мнению Бархатовой Е.Н., Седых Л.А. [3, 10] гипноз следует относить к виду психического насилия. Следовательно, при указанном подходе при совершении преступлений против собственности, действия виновного могут быть квалифицированы по тем статьям, объективная сторона которых включает насилие. В частности, не могут быть квалифицированы действия виновного, который введя потерпевшего в состояние гипноза, заставляет его назвать ПИН-код карты, для последующего хищения с указанной карты денежных средств или перевести денежные средства на определенный счет. Указанные действия совершаются под воздействием психического насилия, лицо не вводится в заблуждение или подвергается обману, что исключает возможность квалификации таких действий как мошенничества. Кроме того, при мошенничестве имущество должно передаваться потерпевшим виновному добровольно, а в состоянии гипноза воля потерпевшего подавлена. Как указывал З.Фрейд, при гипнозе у гипнотизируемого лица гасится интерес ко всем проявлениям внешнего мира, за исключением лица, который гипнотизирует и с которым «гипнотизируемый остается на связи» [14].

В последнее время участились случаи «телефонного мошенничества», при этом потерпевшие указывают, что, разговаривая по телефону «находились как будто в трансе», «были зомбированы», «не осознавали, что делали». Приводить конкретные примеры бессмысленно, поскольку их миллионы по всей стране. Такие лица до самого конца держат жертву в напряжении, представляются сотрудниками банка, сотрудниками правоохранительных органов и т.д. Если сравнить их методы, то очень часто они напоминают способы «шокового» гипноза. При этом потерпевшие отдают таким «мошенникам» (будем их так называть, поскольку такие преступления чаще всего квалифицируются именно как мошенничество) огромные суммы денег, а иногда и все свои сбережения. В настоящее время в прессе все часто обсуждается указанная проблема, и, по нашему мнению, она требует глубокого изучения не только юристами, но и лицами, имеющими специальное образование в области психологии и психиатрии. Так, например, в июне 2025 г. в Екатеринбурге прошла большая конференция по психиатрии и одной из тем являлась судебно-психиатрическая экспертиза по делам о телефонном мошенничестве. Следует отметить, что специалисты в области судебной психиатрии, чаще всего полагают, что «телефонного гипноза» не существует, например, такое мнение высказывает руководитель Свердловского областного центра судебной психиатрии, кандидат медицинских наук А. Ружников [17].

Вместе с тем, все чаще эксперты говорят о нейролингвистическом программировании, в частности, на указанный метод ссылается доцент кафедры психиатрии, психотерапии и психосоматической патологии ФНМО мединститута РУДН Игорь Салынец [18].

Конечно, нельзя говорить, что все случаи, которые встречаются в практике, когда потерпевшие упоминают о «загипнотизированном» состоянии действительно являются результатом применения гипноза, однако данный феномен нельзя объяснить и обычным мошенничеством.

Но в практике встречаются и случаи применения гипноза для совершения хищений. Например, в Благовещенске неизвестный мужчина передавал кассирам банка банкноту в сто долларов, однако по неизвестным причинам кассир выдавала ему сумму, эквивалентную тысяче долларов. И только вечером девушки вспоминали, что «брали сотню, а отсчитывали как тысячу» [19].

Полагаем, что требуется комплексный научный подход к исследованию указанного феномена.

И последний вопрос, который хотелось бы обсудить, это вопрос квалификации действий лица, который совершает по указанию гипнотизера общественно-опасное деяние. Мы полагаем, что в указанном случае именно гипнотизер является посредственным причинителем вреда, а лицо, которое в состоянии гипноза совершает такие общественно-опасные действия, должно освободиться от уголовной ответственности. Конечно, такая ситуация возможна если будет доказано, что воля лица, находящегося в состоянии гипноза была полностью подавлена и он не мог руководить своими действиями.

Приведем пример, Пушкинским районным судом г. Санкт-Петербурга по ст. 213 УК РФ осужден Алексей Грибанов, аспирант политехнического университета. Как следует из материалов уголовного дела Грибанов облил бензином и поджог две колонны фасада здания Историко-литературного музея г. Пушкина. В ходе допросов Грибанов сообщал, что ему поступали звонки от неустановленных лиц, которые требовали от него поджечь какое-либо общественное здание, лучше военкомат. После чего он должен был прокричать нацистский лозунг. Грибанов утверждал, что стал жертвой гипноза, однако суд признал Грибанова виновным [20].

Конечно, необходимо очень аккуратно относиться к подобным утверждениям, устанавливать все обстоятельства дела, в том числе, не является ли подобная позиция способом уйти от ответственности. Например, житель Курска в 2023 году совершил четыре разбойных нападения в целях хищения денежных средств из филиала банка и микрофинансовых организаций. Как он указывал в ходе следствия, ему поступали звонки с указанием действий, которые он должен был совершить. Все похищенные денежные средства он перевел на указанный им по телефону счет. В ходе следствия и в суде обвиняемый настаивал на том, что совершил преступление под гипнозом. Ленинским районным судом г. Курска в отношении указанного лица вынесен обвинительный приговор с назначением наказания в виде семи лет лишения свободы [21].

Подобные примеры достаточно часто в последнее время встречаются в практике. Все это требует осмысления сложившейся ситуации. Необходимо провести обзор указанных уголовных дел, проанализировать причины и обстоятельства совершаемых преступлений. Нельзя в сложившейся ситуации закрывать глаза на факт возможного психического воздействия на граждан. Требуется комплексный научный подход к изучению сложившейся ситуации.

Закрывать глаза на сложившуюся ситуацию достаточно опасно. Как известно, еще в 1950 году ЦРУ США заявило о запуске программы «Синяя птица», направленной на исследование возможностей гипноза. Возможно, что подобные программы имеются и в иных странах.

Список литературы:

1. Балашов, С.М. Состояние гипноза как состояние беспомощности // Вопросы безопасности. 2015. № 2. С. 64-87. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.2.15453 - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15453 (дата обращения: 23.09.2025).
2. Балашов, С.М. Уголовно-правовая оценка состояния жертв криминального гипноза // Правовая культура. 2015 №3 (22) С. 124-130. – EDN ULSUVJ.
3. Бархатова Е.Н. Гипноз как способ совершения преступлений // Российский следователь. 2012 № 10 С. 22-23.
4. Гримарк, Л.П. Гипноз и преступность. - М: Республика, 1997. - 304 С. – URL: <https://djuv.online/file/UqNv3cdHKeG13> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Китаев, Н.Н. Существует ли криминальный гипноз? // Liveinternet.ru. - URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3508005/post116998034/> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Кулев, В. К., Зими́на, М. Ю., Батерьякова, А. Р. Гипноз как средство, способствующее совершению преступлений: дискуссионные вопросы // НиКа. 2010. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-sredstvo-sposobstvuyushee-soversheniyu-prestupleniy-diskussionnye-voprosy> (дата обращения: 23.09.2025).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) // Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г. - URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/27317/> (дата обращения: 22.09.2025).
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации - URL: <https://www.vsr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).
9. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации - URL: <https://www.vsr.ru/> (дата обращения: 27.10.2025).
10. Седых, Л.В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения // специальность 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Седых Лидия Васильевна. – Саратов, 2012. – 234 с. - URL: <https://www.dissercat.com/content/prestupleniya-sovershaemye-s-primeneniem-gipnoza-osobennosti-kvalifikatsii-i-preduprezhdeniy>
11. Седых, Л.В. Преступления с применением гипноза // Статьи по предмету Уголовное право. - URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1768> (дата обращения: 22.09.2025).
12. Хабалев, В. Д. Исторические аспекты криминального гипноза / В. Д. Хабалев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 11. – С. 84-87. – EDN MUQPAV.
13. Шарапов, Р. Д. Криминальная гипносугестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты / Р. Д. Шарапов // Государство и право. – 2004. – № 11. – С. 44-51. – EDN OQDJHF.
14. Фрейд З. Гипноз (1891) // Проект «Весь Фрейд». - URL: <https://freudproject.ru/?p=861> (дата обращения: 23.08.2025).
15. Кашпировского проверили и привлекли к ответственности / РИА Новости, 07.06.2008. - URL: <https://ria.ru/20061219/57237902.html> (дата обращения: 15.09.2025).
16. Анатолий Кашпировский попал под суд за сеансы без лицензии Минздрава / Право. ру- URL: <https://pravo.ru/news/view/119994/> (дата обращения: 15.09.2025).
17. Психиатр о жертвах мошенников: «Телефонный гипноз – термин для обывателей» / Свердловская область: ФедералПресс. – URL: <https://fedpress.ru/interview/3387681> (дата обращения: 22.09.2025).
18. Психотерапевт объяснил, как мошенники гипнотизируют / Агентство чрезвычайных новостей Челябинск. – URL: https://vk.com/wall-57604288_803108 (дата обращения: 22.09.2025).
19. Существует ли криминальный гипноз? / Liveinternet.ru. - URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3508005/post116998034/> (дата обращения: 22.09.2025).
20. Поджог под гипнозом? Аспирант Политехнического университета обвинён в «хулиганстве по мотивам политической вражды» / Санкт-Петербургские ведомости. - URL: <https://spbvedomosti.ru/news/incident/podzhog-pod-gipnozom-aspirant-politehnicheskogo-universiteta-obvinen-v-khuliganstve-po-motivam-pol/> (дата обращения: 22.09.2025).
21. Под «гипнозом» совершил четыре разбойных нападения / Свежие новости Курска и Курской области. - URL: <https://dddkursk.ru/number/1557/criminal/007595/> (дата обращения: 22.09.2025).

References:

1. Balashov, S.M. The state of hypnosis as a state of helplessness // Security Issues. 2015. No. 2. Pp. 64-87. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.2.15453 - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15453 (accessed: 23.09.2025).
2. Balashov, S.M. Criminal and Legal Assessment of the Condition of Victims of Criminal Hypnosis // Legal Culture. 2015 No. 3 (22), pp. 124-130. – EDN ULSUVJ.
3. Barkhatova E.N. Hypnosis as a Means of Committing Crimes // Russian Investigator. 2012 No. 10, pp. 22-23.
4. Grimark, L.P. Hypnosis and Crime. Moscow: Respublika, 1997. 304 p. URL: <https://djuv.online/file/UqNv3cdHKeG13> (accessed: 10.09.2025).
5. Kitaev, N.N. Is there such a thing as criminal hypnosis? // Liveinternet.ru. - URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3508005/post116998034/> (accessed on 20.09.2025).
6. Kulev, V. K., Zimina, M. Yu., and Batoryakova, A. R. Hypnosis as a Means of Facilitating Crime: Discussion Issues // NiKa. 2010. no. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-sredstvo-sposobstvuyushee-soversheniyu-prestupleniy-diskussionnye-voprosy> (date of reference: 09/23/2025).
7. Review of judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2018) // Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14, 2018 - URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/27317/> (date of appeal: 09/22/2025).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014 No. 16 "On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual" // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation - URL: <https://www.vsr.ru/> (date of access: 09/22/2025).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999 No. 1 "On judicial practice in cases of murder (art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation - URL: <https://www.vsr.ru/> (date of application: 10/27/2025).
10. Sedykh, L.V. Crimes committed with the use of hypnosis: features of qualification and prevention // specialty 12.00.08 – "Criminal law and criminology; penal enforcement law" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Sedykh Lidiya Vasilyevna. – Saratov, 2012. – 234 p. - URL: <https://www.dissercat.com/content/prestupleniya-sovershaemye-s-primeneniem-gipnoza-osobennosti-kvalifikatsii-i-preduprezhdeniy>
11. Sedykh, L.V. Crimes Committed with the Use of Hypnosis // Articles on the Subject of Criminal Law. - URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=1768> (accessed on 22.09.2025).
12. Khabalev, V. D. Historical Aspects of Criminal Hypnosis / V. D. Khabalev // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. – 2010. – No. 11. – Pp. 84-87. – EDN MUQPAV.
13. Sharapov, R. D. Criminal Hypnosuggestion: Criminological and Criminal Law Aspects / R. D. Sharapov // State and Law. – 2004. – No. 11. – Pp. 44-51. – EDN OQDJHF.
14. Freud, Z. Hypnosis (1891) // The Complete Freud Project. – URL: <https://freudproject.ru/?p=861> (accessed on 23.08.2025).
15. Kashiropvsky was tested and held accountable / RIA Novosti, 07.06.2008. - URL: <https://ria.ru/20061219/57237902.html> (accessed on 15.09.2025).
16. Anatoly Kashpirovsky was put on trial for conducting sessions without a license from the Ministry of Health / Law. ru- URL: <https://pravo.ru/news/view/119994/> (accessed: 15.09.2025).
17. A psychiatrist on the victims of scammers: "Telephone hypnosis is a term for ordinary people" / Sverdlovsk Region: FederalPress. – URL: <https://fedpress.ru/interview/3387681> (accessed: 22.09.2025).
18. A psychotherapist explains how scammers hypnotize people / Chelyabinsk Emergency News Agency. – URL: https://vk.com/wall-57604288_803108 (accessed: 22.09.2025).
19. Is there such a thing as criminal hypnosis? / Liveinternet.ru. - URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3508005/post116998034/> (accessed: 22.09.2025).
20. Arson under hypnosis? A graduate student at the Polytechnic University is accused of "hooliganism motivated by political enmity" / Saint Petersburg Vedomosti. - URL: <https://spbvedomosti.ru/news/incident/podzhog-pod-gipnozom-aspirant-politehnicheskogo-universiteta-obvinen-v-khuliganstve-po-motivam-pol/> (accessed on 22.09.2025).
21. Under "hypnosis," he committed four robberies / Latest news from Kursk and the Kursk region. - URL: <https://dddkursk.ru/number/1557/criminal/007595/> (accessed on 22.09.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_544

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS

ГЛУШКОВ Максим Рудольфович

старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», полковник юстиции,
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96,
glushkov.mr@mail.ru

GLUSHKOV Maxim Rudolfovich

Senior Lecturer at the Department of Information Technology and Organization of Cybercrime Investigation
at the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice,
190000, St. Petersburg, Moika emb., 96.
glushkov.mr@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены сложившиеся в отечественной науке подходы к определению уголовно-процессуальных отношений. Отмечены их недостатки, связанные с некорректным употреблением отдельных терминов. Предложено исходить из того, что уголовно-процессуальными отношениями являются общественные отношения, по поводу которых существуют нормы уголовно-процессуального права.

Abstract. The article examines the approaches developed in Russian science to the definition of criminal procedural relations. Their disadvantages related to the incorrect use of certain terms are noted. It is proposed to proceed from the fact that criminal procedural relations are public relations, about which there are norms of criminal procedural law.

Ключевые слова: правоотношения, уголовно-процессуальные отношения, норма права, тип правовопонимания, правовое регулирование.

Keywords: legal relations, criminal procedural relations, rule of law, type of legal understanding, legal regulation.

Для цитирования: Глушков М.Р. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных отношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 544-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_544.

For citation: Glushkov M.R. On the issue of the concept of criminal procedural relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 544-546. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_544.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

По поводу правоотношений (частным случаем которых являются уголовно-процессуальные отношения) в отечественной науке преобладает мнение о том, что ими являются общественные отношения, урегулированные нормами права.

Так, ряд учебных курсов и учебников по теории государства и права определяют правоотношение как урегулированное правом отношение между людьми [1, с. 451]. В одном учебном пособии приводится такая точка зрения: «Правоотношения – это общественные отношения, урегулированные нормами права, участники которых имеют соответствующие субъективные права и юридические обязанности» [2, с. 346; 3, с. 241]. В другом находим, что «Правовое отношение – общественное отношение, урегулированное нормой права» [4, с. 106]. В третьем читаем – «Правоотношение – это урегулированная правовыми нормами и возникающая на их основе общественная связь, участники которой связаны между собой субъективными правами и юридическими обязанностями, обеспеченными государством» [5, с. 280].

Это мнение, как уже отмечалось, преобладает, но сказать, что оно господствует безраздельно – нельзя. Здесь надо отметить, что целый ряд проблем теории правоотношений еще не полностью отвечает как потребностям современной юридической мысли, так и практике право творчества и реализации права. К таким проблемам, носящим дискуссионный характер, относятся прежде всего фундаментальные вопросы о понятии и строении правоотношения [6, с. 4-5].

Дело в том, что и сама концепция правового регулирования является не только одним из наиболее важных, но и одним из самых сложных и спорных разделов в теории права. Понятие правоотношения кардинальным образом зависит от типа правовопонимания – сторонники естественно-правовой теории понимают его иначе, чем последователи социологической, а те, в свою очередь, иначе, нежели представители юридического нормативизма. Но даже в рамках одного типа правовопонимания можно встретить различные трактовки правоотношения, его сущности и строения [7, с. 224].

Сложности в понимании правоотношений (в том числе – для изучающих право), как представляется, сопряжены, помимо прочего, с некорректным употреблением ключевого слова дефиниции, а именно – «урегулированные».

Термин «правовое регулирование» превратился в устойчивое сочетание, хотя регулирование, если понимать его буквально (и учитывать главное значение этого термина, а не смысловые оттенки, которых немало у каждого слова), то есть как «изменяющее воздействие» (оказываемое с определенной целью, как, например, плотина регулирует уровень воды, сотрудник ГИБДД регулирует уличное движение, пульт дистанционного управления регулирует громкость и т.д.) это понятие, едва ли применимое к праву.

О регуливающей способности последнего, вероятно, можно говорить, учитывая, что люди так или иначе соотносят свои действия с правовыми предписаниями и запретами и в этом смысле действительно управляются ими. Но можно ли вести речь о регулировании, когда вступающие в правоотношение субъекты не подозревают о существовании адресованной им нормы права (что бывает весьма часто)?

Так или иначе, «у-регулировать» это глагол совершенного вида, а данная категория определяет завершённые действия (а также одно

кратное действие либо начало и конец действия), которые привели к какому-либо результату или достигли своего предела и отвечает на вопросы «Что сделать?», «Что сделает?», «Что сделали?» [8, с. 117].

Ставить вопрос о какой-либо завершенности применительно к регулированию общественных отношений, как и о наличии здесь какого-то результата, как представляется, не вполне оправданно. Результат, если опять-таки понимать его буквально, есть то, что получено в завершение какой-либо работы, деятельности, итог [9]. То есть он всегда предполагает определенное *развитие* событий, некоторую *предшествующую* деятельность, чего в случае «регулирования» правоотношений правовыми нормами, очевидно, места не имеет.

Поэтому более корректной представляется формулировка, не предполагающая завершенности: «Правоотношение – особый вид общественного отношения, *регулируемый* (выделено мной – М.Г.) принципом и (или) нормой права, в рамках которого его участники, связанные между собой субъективными юридическими правами и субъективными юридическими обязанностями, совершают волевые действия по поводу конкретного блага, ценности, обеспеченные принудительной силой государства» [10, с. 153].

Тем не менее, даже в таком виде понятие правоотношения сложно назвать однозначным и ясным. Об этом свидетельствуют следующие утверждения авторов, специализирующихся на теории государства и права.

«Правоотношения регулируются принципами и (или) нормами права» [10, с. 151] – в то время как общепризнано (и этими авторами тоже), что нормами регулируются не правовые, а как раз «обычные» общественные отношения, и правовые таковыми становятся именно вследствие регулирования (при всей условности этого термина, рассмотренной выше).

«Через правоотношение осуществляется регулирование фактического общественного отношения» [7, с. 226] – в то время как правоотношение есть *результат* воздействия правовой нормы на фактическое отношение и потому не может быть средством воздействия на него.

«Правоотношение – это всегда общественное отношение (иначе говоря, общественно значимое), возникающее на основе юридических норм» [1, с. 451] – в то время как общественное отношение возникает, очевидно, на ином основании, а в правоотношение *превращается* под воздействием юридической нормы.

По рассмотрении уже этих точек зрения (а есть и другие, столь же неоднозначные) вопрос о том, что и чем именно регулируется в правоотношении тривиальным уже не выглядит.

С учетом изложенного оправданным, по-видимому, будет определять правоотношение, употребляя вместо «регулировать» более подходящий глагол. Как это делают, например, следующие авторы.

Профессор Венгеров А.Б. – «Таким образом, правовые отношения представляют собой обязательную форму индивидуально-волевых общественных отношений, *подверженных регулированию* (выделено мной – М.Г.) нормами права» [11, с. 150].

Академик Нерсисянц В.С. – «Правовое отношение – это *требуемая* (выделено мной – М.Г.) реализуемой нормой права форма взаимоотношений субъектов права в процессе приобретения и использования ими конкретно-определенного субъективного права либо создания или исполнения конкретно-определенной юридической обязанности» [12, с. 508].

Отдавая должное авторитету упомянутых авторов, отметим вместе с тем, некоторую уязвимость формулировок. Для «требуемой нормы права» она состоит в том, что эта норма часто (в случае диспозитивного регулирования) содержит дозволение, ничего не требуя – как, например, ч. 2 ст. 189 УПК РФ, устанавливающая, что следователь свободен в выборе тактики допроса.

«Подверженные» означает «предрасположенные» [9] или «склонные», что указывает на некоторую вероятность воздействия (в смысле – необязательность), которое, к тому же, обычно воспринимается как нежелательное (подвержен болезням, порокам, дурному влиянию).

От указанных выше недостатков, как представляется, свободен такой вариант – правоотношения это общественные отношения, *по поводу которых существуют* (имеются, предусмотрены) нормы права.

Таким образом, **уголовно-процессуальные правоотношения** можно определить как общественные отношения, по поводу которых существуют нормы уголовно-процессуального права, предусматривающие для их участников субъективные права и юридические обязанности, обеспеченные государственным принуждением.

Относительно ключевого для этой дефиниции понятия *нормы права* можно говорить о практически полном единодушии юристов. Они солидарны в том, что норма права – это установленное (или признанное [1, с. 314], санкционированное [13, с. 298]) государством общее [14, с. 169] (общеобязательное [1, с. 314]) правило поведения, регулирующее (рассчитанное [14, с. 169], направленное [5, с. 205] на регулирование) общественные отношения и обеспеченное государственным принуждением.

Список литературы:

1. Теория государства и права: учебник / К.Р. Мурсалимов, А.Г. Хабибуллин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 623 с.;
2. Теория государства и права: учебник для вузов / Л.П. Рассказов. – 8-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2024. – 448 с.;
3. Теория государства и права: учебник для среднего профессионального образования / А.В. Малько, В.В. Ныrkov, К.В. Шундинов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 432 с.;
4. Теория государства и права: учебное пособие / Т.А. Клепичкая. – 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2024. – 126 с.;
5. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 552 с.;
6. Протасов В.Н. Правоотношение как система: монография – М.: Юридическая литература, 1991. – 143 с.;
7. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова; под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксмытного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 351 с.;
8. Русский язык. Теория. 5-9 кл.: учебник для общеобразовательных учреждений / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. – М.: Дрофа, 2012. – 319 с.;
9. Толковый словарь Ожегова онлайн – [Электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26899> (дата обращения 01.09.2024);
10. Власова Т.В., Дуэль В.М. Теория государства и права: учебник. – М.: РГУП, 2023. – 288 с.;
11. Теория государства и права: учебное пособие для колледжей / А.Б. Венгеров. – 7-е изд. стер. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. – 238 с.;

12. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 560 с.;
13. Теория государства и права: учебное пособие / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М; Ростов-н/Д: Южный федер. ун-т, 2024. – 526 с.;
14. Теория государства и права: учебное пособие / А.В. Попова. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 365 с.

References:

1. Theory of the State and law: textbook / K.R. Mursalimov, A.G. Khabibulin. – 5th ed., revised. and additional – M.: INFRA-M., 2025. – 623 p.;
2. Theory of the state and law: a textbook for universities / L.P. Rasskazov, 8th ed. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2024. – 448 p.;
3. Theory of the state and law: a textbook for secondary vocational education / A.V. Malko, V.V. Nyrkov, K.V. Shundikov. – M.: Norm: INFRA-M, 2024. – 432 p.;
4. Theory of the state and law: a textbook / T.A. Klepitskaya. – 3rd ed. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2024. – 126 p.;
5. Theory of the State and law: textbook / ed. by V.D. Perevalov, 5th ed., revised. and add. – M.: Norm: INFRA-M, 2024. – 552 p.;
6. Protasov V.N. Legal relations as a system: a monograph – M.: Legal literature, 1991. – 143 p.;
7. Actual problems of the theory of state and law: textbook. a manual for university students studying in the field of Law / under the scientific editorship of A.I. Klimenko, M.M. Rassolov; under the general editorship of V.P. Malakhov, V.V. Oxamytny. – 4th ed., reprint. and additional – M.: UNITY-DANA, 2022. – 351 p.;
8. Russian language. Theory. 5-9 cl.: textbook for general education institutions / V.V. Babaytseva, L.D. Chesnokova. – M.: Bustard, 2012. – 319 p.;
9. Ozhegov explanatory dictionary online – [Electronic resource] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26899> (accessed 09/01/2024);
10. Vlasova T.V., Duel V.M. Theory of state and law: textbook. Moscow: RGUP, 2023. – 288 p.;
11. Theory of state and law: a textbook for colleges / A.B. Vengerov. – 7th ed. ster. – M.: Publishing and trading Corporation "Dashkov and Co.", 2023. – 238 p.;
12. General theory of law and the State: textbook / V.S. Nersesyan. – M.: Norm: INFRA-M, 2024. – 560 p.;
13. Theory of the state and law: a textbook / V.Ya. Lyubashits, A.Yu. Mordovtsev, A.Yu. Mamychyev. – 3rd ed. – M.: RIOR: INFRA-M; Rostov-n/A: Yuzhny feder. Univ., 2024. – 526 p.;
14. Theory of the state and law: a textbook / A.V. Popova. – M.: INFRA-M, 2024. – 365 p.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОНОЗИГОТНЫХ БЛИЗНЕЦОВ МЕТОДАМИ ДНК-АНАЛИЗА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ IDENTIFICATION OF MONOZYGOTIC TWINS USING DNA ANALYSIS IN FORENSIC AND MEDICAL RESEARCH

БЕЗРУКОВА Олеся Владимировна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры Уголовное право Пензенский государственный университет.

440034, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

BEZRUKOVA Olesia Vladimirovna,

Penza State University.

440034, Penza, Krasnaya Street, 40.

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается идентификация монозиготных близнецов методами ДНК-анализа. Обозначено, что такого рода идентификация имеет важное значение для криминалистики, поскольку позволяет: установить идентичность двух биологических образцов (один с места преступления, другой от подозреваемого); сузить круг поиска (если подозреваемый неизвестен или недо-ступен, ДНК помогает определить, к какой группе населения может относиться преступник); установить факты принадлежности одному и тому же неизвестному лицу биологических следов, изъятых по нескольким преступлениям.

Abstract. The article discusses the identification of monozygotic twins using DNA analysis. It is noted that this type of identification is important for forensic science, as it allows for the following: establishing the identity of two biological samples (one from the crime scene and the other from the sus-pect); narrowing down the search (if the suspect is unknown or unavailable, DNA can help determine the population group the perpetrator may belong to); and establishing the fact that biological traces collected from multiple crimes belong to the same unknown individual.

Ключевые слова: метод ДНК-анализа, монозиготные (однойяцевые) близнецы, криминалистика, исследование.

Keywords: DNA analysis method, monozygotic (identical) twins, criminology, research.

Для цитирования: Безрукова О.В. Идентификация монозиготных близнецов методами ДНК-анализа в криминалистической и су-дебно-медицинских исследованиях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 547-549. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_547.

For citation: Bezrukova O.V. Identification of monozygotic twins using DNA analysis in forensic and medical research // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 547-549. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_547.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Монозиготные (однойяцевые) близнецы - это потомство, развивающееся из одной оплодотворенной яйцеклетки (зиготы), которая раз-делилась на ранней стадии развития. Они являются генетическими копиями друг друга, так как имеют практически идентичный набор генов.

Данное уникальное явление представляет собой серьезную проблему для судебной медицины и криминалистики, поскольку стандарт-ные методы ДНК-анализа, основанные на сравнении аутосомных коротких tandemных повторов (STR), оказываются неэффективными.

Учёные из Исландского университета, Вебер-Леманна и др. активно проводили исследования, посвящённые идентификации монози-готных близнецов методами ДНК-анализа.

На базе Исландского университета проведено полное секвенирование ДНК более чем для 380 пар близнецов и сравнили их. Обнару-жено, что лишь у 38 пар геномы были действительно полностью идентичны, у подавляющего большинства выявили небольшие различия, воз-никшие в ходе случайных мутаций.

Исследование Вебер-Леманна продемонстрировало, что идентифицировать соматические различия между близнецами возможно с помощью сверхглубокого секвенирования).

Учёные отмечают, что **без точного знания генетической идентичности близнецов** сложно определить, какие из выявленных разли-чий обусловлены случайными факторами развития, а какие - минимальными генетическими вариациями. Например, на число отличных друг от друга мутаций сильное влияние оказывает момент разделения близнецов в утробе: чем раньше оно происходит, тем больше разных мутаций они успевают накопить.

Стандартные криминалистические базы данных, такие как американская система CODIS, используют профили из 13-20 локусов STR, которые у монозиготных близнецов будут полностью совпадать. Следовательно, если на месте преступления оставлены биологические следы, ДНК-профиль будет указывать на обоих братьев с одинаковой вероятностью, что не позволяет идентифицировать конкретного виновника [1, С. 343-349].

Стандартные методы генетической идентификации личности, основанные на анализе полиморфных участков ДНК, оказываются несо-стоятельными, когда следы, обнаруженные на месте преступления, могут принадлежать любому из двух генетических «клонов».

Хотя монозиготные близнецы имеют общее генетическое происхождение, в некоторых случаях между ними могут возникать тонкие различия. Эти исключения дают потенциальные возможности для их идентификации.

1. Постзиготические мутации: После разделения зиготы в ДНК каждого эмбриона могут происходить независимые спонтанные мута-

ции. Эти точечные изменения не влияют на стандартные STR-локусы, но могут быть обнаружены при более глубоком секвенировании всего генома.

2. Эпигенетические различия: На экспрессию генов влияют не только сами гены, но и так называемые эпигенетические модификации, такие как метилирование ДНК. На эти модификации воздействуют факторы окружающей среды, и они могут различаться у монозиготных близнецов, особенно с возрастом. Анализ паттернов метилирования может стать мощным инструментом для их различения.

3. Различия в инактивации X-хромосомы: У женщин одна из двух X-хромосом в каждой клетке инактивируется случайным образом. У монозиготных близнецов женского пола этот процесс может сложиться по-разному. Если они являются носительницами X-сцепленного заболевания, например, мышечной дистрофии Дюшенна, одна сестра может проявлять симптомы болезни, а другая - нет, именно из-за различий в инактивации X-хромосомы.

Ключевая проблема заключается в ограниченности стандартного криминалистического ДНК-анализа. В большинстве стран мира, включая Российскую Федерацию, для идентификации личности и составления ДНК-профиля используется анализ аутосомных коротких tandem-повторов (STR – Short Tandem Repeats).

Суть метода STR-анализа: исследуются участки ДНК, где определенная последовательность нуклеотидов (например, AGAT) повторяется несколько раз. Количество этих повторов (аллель) сильно варьируется у разных людей. Стандартный набор для криминалистики (в системе CODIS - 20 локусов, в РФ - до 16-20 и более) обеспечивает чрезвычайно высокую дискриминационную силу. Вероятность случайного совпадения полного ДНК-профиля у двух неродственных лиц стремится к нулю.

Проблема применительно к монозиготным близнецам: поскольку монозиготные близнецы происходят из одной зиготы, их аутосомные STR-локусы идентичны. Следовательно, ДНК-профиль, полученный из биологического образца с места преступления (крови, слюны, волоса), будет на 100% совпадать с профилем обоих братьев. Эксперт-криминалист не может дать заключение о том, который из близнецов оставил след, а может лишь констатировать, что след оставлен одним из них. Это создает «слепую зону» в доказывании и может привести к невозможности привлечения истинного виновного к ответственности или, наоборот, к оправданию обоих при недостатке иных улик.

Эпигенетика изучает наследуемые изменения в экспрессии генов, не связанные с изменением самой последовательности ДНК. Наиболее изученный механизм - метилирование ДНК (присоединение метильной группы к цитозину).

Причина различий: на паттерны метилирования активно влияют факторы окружающей среды (диета, стресс, курение, физическая активность, инфекции). Поскольку жизненный опыт монозиготных близнецов со временем расходится, их эпигеномы становятся все более индивидуальными.

Потенциал для идентификации: анализ метилирования тысяч участков генома позволяет с высокой вероятностью отличить одного монозиготного близнеца от другого, особенно если они взрослые и живут раздельно.

Различия в митохондриальной ДНК (мтДНК): мтДНК наследуется исключительно от матери и присутствует в клетках в множестве копий. Теоретически мтДНК у монозиготных близнецов должна быть идентичной. Однако в редких случаях из-за гетероплазмы (наличия в организме разных популяций мтДНК) может наблюдаться разница в соотношении этих вариантов, что также может быть использовано как дополнительный маркер.

Для решения проблемы идентификации монозиготных близнецов предлагается использовать комплекс методов, выходящих за рамки стандартного криминалистического протокола.

1. Полногеномное секвенирование (ПГС, WGS – Whole Genome Sequencing). Это самый полный и точный метод, позволяющий прочитать всю последовательность ДНК индивида.

Процесс: с помощью технологий секвенирования нового поколения (NGS) определяется порядок нуклеотидов во всем геноме обоих близнецов.

Анализ: полученные последовательности тщательно сравниваются биоинформатическими методами для выявления даже единичных постзиготических SNP, микроделений или вариаций числа копий генов (CNV), уникальных для одного из братьев.

Недостатки: высокая стоимость, сложность анализа больших данных, необходимость наличия эталонного образца ДНК от обоих близнецов для сравнения и трудоемкость.

2. Анализ редких мутаций и вариаций числа копий (CNV). Если проведение полного ПГС невозможно, то можно использовать подходы, направленные на поиск уже известных или наиболее вероятных типов вариаций:

- секвенирование экзона (кодирующих участков генома) как более дешевая альтернатива ПГС;
- целенаправленный поиск делеций/дупликаций в участках, известных своей нестабильностью.

3. Эпигенетический анализ (анализ метилирования ДНК).

Этот метод считается одним из самых перспективных для судебной медицины.

Технологии: для анализа используются методы, такие как бисульфитное секвенирование или микроматрицы для анализа метилирования (например, Illumina EPIC array).

Преимущества: паттерны метилирования стабильны и воспроизводимы в разных тканях организма. Различия носят системный характер и хорошо детектируются.

Применение: создаются статистические модели, которые по профилю метилирования биологического образца с места преступления с

высокой вероятностью указывают на одного из близнецов.

4. Анализ микроРНК и транскриптома.

Менее разработанное, но потенциально значимое направление. Профили экспрессии генов (транскриптомы) и спектры микроРНК также сильно зависят от внешних факторов и могут различаться у близнецов.

В практике судебно-медицинской экспертизы работа с делами, где подозреваемыми являются монозиготные близнецы, требует комплексного подхода, выходящего за рамки стандартного ДНК-анализа.

Криминалисты тщательно собирают любые биологические материалы с места преступления - кровь, слюну, волосы с луковицами, пот и «ДНК прикосновения» (клетки кожи, оставленные на оружии, ручке двери и т.д.). Однако, даже обнаружив полное совпадение ДНК-профиля изъятого образца с профилем подозреваемых, эксперт не может утверждать, который из братьев оставил след. В таких ситуациях на первый план выходят традиционные криминалистические методики. Несмотря на огромное генетическое сходство, детальный рисунок папиллярных линий на пальцах у монозиготных близнецов различен, что делает дактилоскопию одним из самых надежных методов их различения. Также делается анализ отпечатков стоп и ушных раковин. Используется портретная и видео-техническая экспертиза, которая позволяет выявить малозаметные черты внешности, мимики и походки [3, с. 466].

Современная наука предлагает новые методы, которые могут решить проблему идентификации монозиготных близнецов на генетическом уровне. Секвенирование нового поколения (NGS) - технология, позволяющая проводить полногеномное секвенирование, выявляя редкие однонуклеотидные замены (SNP), которые могли возникнуть у одного из близнецов после разделения зиготы. Хотя этот метод дорог и трудоемок, он обладает высокой различающей силой. Анализ вариаций числа копий генов (CNV): CNV представляют собой крупные делеции или дупликации участков ДНК. Они также могут возникать спонтанно у одного из близнецов и служить уникальным маркером для идентификации. Эпигенетический анализ: Как упоминалось выше, сравнение глобальных паттернов метилирования ДНК является чрезвычайно перспективным подходом, поскольку эти модификации чувствительны к воздействию окружающей среды и со временем накапливают различия даже у генетически идентичных индивидов.

Вывод: идентификация монозиготных близнецов остается одной из самых сложных задач в судебной медицине. Стандартные методы ДНК-анализа, основанные на STR-профилировании, в этом случае неэффективны, что требует привлечения дополнительных криминалистических методик, таких как дактилоскопия и портретная экспертиза. Однако развитие молекулярно-генетических технологий, в частности полногеномного секвенирования и эпигенетического анализа, открывает новые пути для решения этой проблемы. В будущем именно эти высокоточные методы, позволяющие обнаруживать соматические мутации и эпигенетические различия, станут ключом к надежной дифференциации монозиготных близнецов в судебно-криминалистической практике [2, с. 42].

Список литературы:

1. Перепечина И.О. Идентификация монозиготных близнецов методами ДНК-анализа в криминалистических и судебно-медицинских исследованиях // Актуальные проблемы отечественной криминалистики: современные тенденции: сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Москва: Издательство Московского университета, 2023. - С. 343-349
2. Фоминых Т.А., Уланов В.С., Захарова А.Н., Киселев В.В. Настоящее и будущее судебно-медицинской генетики // Тихоокеанский медицинский журнал. - 2023. - № 4. - С. 42-46.
3. Чемерис А.В., Аминев Ф.Г. и др. ДНК-криминалистика: [монография]. - Москва: Наука, 2022. - С. 466.

References:

1. Perepechina I.O. Identification of Monozygotic Twins by DNA Analysis Methods in Forensic and Medical Research // Actual Problems of Russian Criminalistics: Modern Trends: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. - Moscow: Moscow University Publishing House, 2023. - Pp. 343-349
2. Fominykh T.A., Ulanov V.S., Zakharova A.N., Kiselev V.V. The Present and Future of Forensic Genetics // Pacific Medical Journal. - 2023. - No. 4. - Pp. 42-46.
3. Chemeris A.V., Aminev F.G., et al. DNA Forensics: [monograph]. - Moscow: Nauka, 2022. - C. 466.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_550

УДК 343.827

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
REGULATION OF DISCIPLINARY LIABILITY OF PERSONS SENTENCED
TO IMPRISONMENT UNDER THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES:
A COMPARATIVE LEGAL STUDY**

СУГАТОВ Максим Сергеевич,

адъюнкт факультета научно-педагогических кадров,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания.
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: sugatov.2015@mail.ru;

SUGATOV Maksim Sergeevich,

Adjunct, Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.
1 Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: sugatov.2015@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в странах Содружества Независимых Государств. Исследование основано на изучении национального законодательства, что позволило определить общие закономерности, сформировавшиеся под влиянием советской правовой традиции, и выявить особенности к определению содержания, оснований и порядка применения мер взыскания. Обобщены современные тенденции развития института дисциплинарной ответственности осужденных в постсоветском правовом пространстве.

Abstract. This article presents a comparative legal analysis of the regulation of disciplinary liability of persons sentenced to imprisonment in the CIS countries. The study is based on a review of national legislation, which allowed us to identify general patterns influenced by the Soviet legal tradition and to identify specific aspects of determining the content, grounds, and procedures for applying punitive measures. This article summarizes current trends in the development of disciplinary liability for convicts in the post-Soviet legal space.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность осужденных, правовое регулирование, СНГ, лишение свободы, сравнительно-правовой анализ.

Keywords: disciplinary liability for convicts, legal regulation, CIS, imprisonment, comparative legal analysis.

Для цитирования: Сугатов М.С. Регулирование дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы по законодательству стран СНГ: сравнительно-правовое исследование // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 550-552. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_550.

For citation: Sugatov M.S. Regulation of disciplinary liability of persons sentenced to imprisonment under the legislation of the CIS countries: a comparative legal study // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 550-552. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_550.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Эффективность правового регулирования дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы во многом определяет уровень законности в местах лишения свободы и состояние правопорядка. При этом вопросы, связанные с содержанием, основанием и порядком применения мер взыскания, сохраняют устойчивый научный интерес и продолжают рассматриваться в числе приоритетных направлений исследований в области уголовно-исполнительного права [2, с. 65; 5, с. 6–7].

Одним из значимых векторов углубления теоретического осмысления и практического совершенствования данного института является изучение зарубежного опыта, позволяющего выявить различные модели регулирования дисциплинарной ответственности, их правовые механизмы и гарантии защиты прав осужденных. В науке уголовно-исполнительного права проводились исследования, посвященные анализу отдельных аспектов дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в государствах так называемого дальнего зарубежья — Китае [1], Франции [3], Испании [4] и других странах, правовые системы которых развиваются в рамках общепризнанных мировых правовых традиций и демонстрируют высокий уровень нормативной регламентации и гарантий прав личности. Вместе с тем особый научный интерес представляет обращение к опыту государств, объединенных не только схожими современными тенденциями, но и общим историко-правовым наследием. В этом контексте целесообразно рассмотреть законодательство стран Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), чьи уголовно-исполнительные системы характеризуются институциональной преемственностью и опираются на общую правовую традицию, восходящую к советской уголовно-исполнительной модели.

Так, в Беларуси, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Азербайджане нормы, регулирующие дисциплинарную ответственность, включены в главы Уголовно-исполнительных кодексов (далее — УИК), посвященные воспитательному воздействию на осужденных к лишению свободы, что концептуально близко российской модели. В то же время в Армении, Казахстане, Молдове и Узбекистане соответствующие положения оформлены в самостоятельные главы, что свидетельствует о стремлении к более четкому выделению института дисциплинарной ответственности в системе уголовно-исполнительного регулирования.

Общей чертой, сближающей законодательство России с нормативными актами ряда государств СНГ (Беларусь, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан), является отсутствие в текстах кодексов прямого определения или исчерпывающего перечня нарушений установленного

порядка отбывания наказания. Однако в этих юрисдикциях, как и в России, достаточно подробно регламентированы меры взыскания, условия содержания нарушителей в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и одиночных камерах, а также компетенция должностных лиц в вопросах привлечения к ответственности.

В тоже время в Уголовно-исполнительные кодексы некоторых стран постсоветского пространства, помимо вышеуказанных норм, определяется, что является нарушением установленного порядка отбывания наказания (статья 130 УИК Казахстана, статья 119 УИК Киргизии, статья 245 УИК Молдовы).

Далее отметим, что характерной чертой правового регулирования дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в странах СНГ является отсутствие детального регламентирования процедуры реализации дисциплинарной ответственности. УИК практически всех стран определяет лишь в общих чертах в рамках одной статьи порядок применения мер взыскания, но не детализирует стадии дисциплинарного производства и порядок их протекания. В законодательстве большинства стран закрепляется, что при применении мер взыскания к осужденному к лишению свободы учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность и предыдущее поведение осужденного. Налагаемое взыскание должно соответствовать тяжести и характеру нарушения.

Однако, в ряде стран добавлены дополнительные критерии. Так, в Узбекистане необходимо учитывать такой фактор как наличие психического расстройства у осужденного к лишению свободы, которое могло повлиять на его поведение и совершение нарушения или деяния, послужившего поводом для принятия дисциплинарных мер (статья 106 УИК Узбекистана). В Беларуси и Туркменистане – степень вины осужденного (Статья 113 УИК Беларуси, статья 90 УИК Туркменистана). В Молдове применение мер взыскания основывается на критериях, которые отражают степень ответственности нарушителя (Статья 246.1 УИК Молдовы).

Интерес представляют положения некоторых стран о наложении одного взыскания за несколько нарушений, совершенных одновременно. В Азербайджане и Узбекистане прямо закрепляется возможность наложения одного взыскания за совокупность проступков (статьи 109 и 106 УИК), а в Беларуси (статья 113) – при совершении нескольких нарушений в течение 24 часов.

Отдельного внимания заслуживает подход к реализации дисциплинарной ответственности. В большинстве стран СНГ закреплён принцип единоначалия – решение о применении взыскания принимает начальник учреждения либо его заместитель (Беларусь, Кыргызстан, Армения, Молдова, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан). В ряде случаев (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан) предусмотрено обязательное мотивирование решения, что служит дополнительной гарантией прав осужденного. В некоторых странах (Беларусь, Казахстан, Туркменистан) отдельные меры могут применяться и другими должностными лицами (заместителями начальников учреждений, начальниками отрядов). В Беларуси этим правом наделены также вышестоящие должностные лица [6, с. 136].

Далее отметим, что в законодательстве таких стран СНГ, как Беларусь, Азербайджан, Молдова отдельно регламентируется право обжалования осужденным к лишению свободы решения о наложении взыскания (статья 248.1 УИК Молдовы, статья 113 УИК Беларуси, статья 109.2-1 УИК Азербайджана). Кроме того, ряд стран закрепили возможность приостановления исполнения взыскания по медицинским показаниям (статья 113 УИК Беларуси, статья 120 УИК Кыргызстана).

Далее перейдем к отличительным особенностям правового регулирования дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы, которые присущи конкретным странам СНГ. Так, например, в Беларуси в случае, если в отношении осужденного, нарушившего установленный порядок отбывания наказания, задачи воспитательного воздействия могут быть достигнуты без применения меры взыскания, осужденному может быть вынесено устное предупреждение о недопустимости нарушения установленного порядка отбывания наказания (статья 113 УИК Беларуси). Тем самым законодатель вводит гибкий механизм воздействия, позволяющий избежать формализации дисциплинарного процесса при незначительных нарушениях. Это положение представляется актуальным с точки зрения соблюдения принципа соразмерности мер воздействия.

В противоположность этому, УИК Республики Узбекистан (ст. 105) прямо относит предупреждение к числу официальных дисциплинарных взысканий, включив его в перечень наряду с выговором и другими мерами. Такая редакционная и содержательная трактовка свидетельствует о различии подходов к понятию и функциям предупреждения как меры воздействия в разных странах СНГ.

Особо следует выделить УИК Республики Узбекистан, в котором закреплён перечень обстоятельств, исключающих возможность привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности. В частности, в соответствии со статьей 105, исключаются из круга оснований для дисциплинарного взыскания: невыполнение норм труда при отсутствии отказа от выполнения обязанностей, а также действия, ставшие прямым следствием психического расстройства. Такой подход демонстрирует стремление законодателя к индивидуализации правовой оценки поведения осужденного и недопущению формального подхода к привлечению к ответственности.

В законодательстве Республики Молдова (ст. 245–246 УИК) дисциплинарная ответственность четко разграничена с другими видами юридической ответственности. Закон прямо указывает на ее самостоятельный характер и возможность совмещения с уголовной, административной и гражданской ответственностью. При этом отдельно закрепляются задачи применения к осужденным мер дисциплинарного взыскания.

Примечателен и опыт Республики Казахстан, где, согласно статье 131 УИК, копия постановления о наложении дисциплинарного взыскания в обязательном порядке направляется прокурору не позднее следующего рабочего дня. Такое нормативное требование реализует важную гарантию прокурорского надзора и правовой защиты осужденных, позволяя оперативно реагировать на возможные случаи необоснованного или несоразмерного применения взысканий.

Таким образом, анализ регулирования дисциплинарной ответственности лиц, осужденных к лишению свободы стран СНГ, позволяет

выявить как общие черты, так и существенные различия с отечественной системой. Общими тенденциями являются схожая структура нормативных положений, единоличный характер реализации дисциплинарной ответственности и отсутствие детального регламентирования дисциплинарного производства. В то же время в отдельных странах предусмотрены специфические подходы, касающиеся перечня нарушений, учета индивидуальных особенностей осужденных при наложении взысканий, сроков их исполнения и обжалования.

Кроме того, анализ законодательства стран СНГ показывает, что в ряде государств разработаны дополнительные механизмы, направленные на обеспечение справедливости и обоснованности дисциплинарных взысканий. В частности, нормы об обязательной мотивированности решений (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан), возможности их обжалования (Беларусь, Азербайджан, Молдова) и приостановления исполнения взыскания (Беларусь, Кыргызстан) способствуют защите прав осужденных.

Также важно отметить наличие в отдельных странах специальных положений, регулирующих учет индивидуальных особенностей осужденных при применении взысканий. Эти аспекты могут быть полезны при совершенствовании российского уголовно-исполнительного законодательства.

Список литературы:

1. Бальчиндоржиева, О. Б. Раздел 6 «поощрения и взыскания осужденных» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации / О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова, А. П. Скиба // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 4(55). – С. 14-16.
2. Головастова, Ю. А., Гордолопов А. Н. Перспективы развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: быть или не быть – вот в чем вопрос // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 64–71.
3. Давыдова, И. А. Дисциплинарная ответственность осужденных: направления совершенствования российского уголовно-исполнительного законодательства на основе зарубежного опыта / И. А. Давыдова // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 523-534.
4. Сиряков, А. Н. Дисциплинарные проступки осужденных по законодательству Испании / А. Н. Сиряков // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – № 2(65). – С. 170-179. – DOI 10.18822/byusu202202170-179. – EDN NXJOFJ.
5. Скиба, А. П. Недостатки уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства как коррупциогенный фактор при назначении и исполнении наказания (часть 1) // Правда и закон. 2025. № 1(31). С. 3–10.
6. Сугатов, М. С. Коллегиальное и единоначальное применение мер взыскания к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы: анализ зарубежного опыта / М. С. Сугатов // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 2(58). – С. 134-140.

References:

1. Balchindorzhieva O. B. Section 6 "Encouragement and punishment of convicts" of the Law on Prisons of the People's Republic of China: author's translation and brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation / O. B. Balchindorzhieva, A. N. Mykhanova, A. P. Skiba // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2023. – № 4(55). – Pp. 14-16.
2. Golovastova, Yu. A., Gordopolov, A. N. Prospects for the development of the institute of disciplinary responsibility of persons sentenced to imprisonment: to be or not to be – that's the question // Criminal Justice. 2023. No. 22. pp. 64-71.
3. Davydova, I. A. Disciplinary responsibility of convicts: directions for improving Russian penal enforcement legislation based on foreign experience / I. A. Davydova // Penal enforcement law. - 2023. - Vol. 18, No. 4. – pp. 523-534.
4. Siryakov, A. N. Disciplinary offenses of convicts under Spanish law / A. N. Siryakov // Bulletin of Ugra State University. – 2022. – № 2(65). – Pp. 170-179. – DOI 10.18822/byusu202202170-179. – EDN NXJOFJ.
5. Skiba, A. P. Shortcomings of criminal, penal enforcement and criminal procedure legislation as a corruption-causing factor in the appointment and execution of punishment (part 1) // Pravda i zakon. 2025. No. 1(31). pp. 3-10.
6. Sugatov, M. S. Collegial and unanimous application of penalties to convicts serving sentences of deprivation of liberty: an analysis of foreign experience / M. S. Sugatov // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2024. – № 2(58). – Pp. 134-140.